

**Эволюция российского и зарубежного
государства и права. К 80-летию кафедры
истории государства и права Уральского
государственного юридического
университета (1936-2016)**

Сборник научных трудов

Том III

Уральский государственный юридический университет
Кафедра истории государства и права

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. К 80-ЛЕТИЮ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1936-2016)**

Сборник научных трудов

Том III

Екатеринбург
2016

УДК 340, 342, 93/94
ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)
Т 63

Редколлегия:

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права Уральского гос. юрид. ун-та

А.С. Смыкалин (ответственный редактор)

кандидат юридических наук, доцент *Н.Н. Зипунникова*

кандидат исторических наук, доцент *Р.А. Насибуллин*

(ответственный секретарь, составление, техническое редактирование)

кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Суровень*

(оригинал-макет, техническое редактирование)

Т 63 **Эволюция** российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах-поздравлениях коллег / Под ред. профес. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – 1198 с.

ISBN 978-5-7845-0510-1

В настоящий сборник вошли научные статьи – поздравления к 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета по проблемам истории российского государства и права, учений о российском государстве и праве в IX – начале XXI вв. 93 ведущих и известных учёных, представителей 52 вузов и 6 академических учреждений из 25 городов России (Барнаул, Великий Новгород, Вологда, Екатеринбург, Елец, Иркутск, Калининград, Курск, Магнитогорск, Москва, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Орёл, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Сургут, Тольятти, Уфа, Челябинск, Ярославль), 2 зарубежных вузов (Университет штата Пенсильвания (США), Казахский гуманитарно-юридический университет (Астана, Республика Казахстан)), среди них 1 академик РАН (В.В. Алексеев), 2 член-корреспондента РАН (М.И. Клеандров, В.Ф. Яковлев), 2 лауреата государственной премии РФ (В.В. Лунеев, Т.Е. Новицкая), 3 заслуженных деятеля науки РФ (М.И. Клеандров, В.В. Лунеев, Р.С. Мулукаев), 2 судьи Конституционного суда РФ (Г.А. Жилин, М.И. Клеандров), 39 докторов юридических наук, 22 доктора исторических наук, 18 кандидатов юридических наук, 12 кандидатов исторических наук, 1 кандидат политических наук и 1 доктор права из США.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических и исторических вузов, научных работников академических учреждений и всех интересующихся проблемами истории российского государства и права, учений о российском государстве и праве.

Статьи печатаются в редакции авторов.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редколлегии.

Сборник опубликован благодаря финансовой помощи

ООО “УГМК-Холдинг”

ISBN 978-5-7845-0510-1

© Авторы статей, 2016

© Уральский государственный юридический университет, 2016

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В IX–XVII ВВ. В ТРУДАХ–ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

Тимонин А.Н.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАННЕГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Статья посвящена исследованию раннегосударственной эволюции Новгородской земли. Изучив современную научную и учебную литературу, автор критически рассмотрел аргументы сторонников и противников аристократического происхождения и развития раннего государства в Приильменье. В статье предпринята попытка выявить основные особенности процесса эволюции политического режима данного государства.

Ключевые слова: раннее государство, политический режим раннего государства, Новгородская земля, особенности ранней политической эволюции Новгородской земли.

Общеизвестны важнейшие особенности государственного строя Новгорода – смешанная форма правления, давние республиканские традиции. Они всегда составляли такой же неременный атрибут новгородской гордости, как собор Святой Софии, Новгородский детинец или же Витославлицы. Конечно же, все это не могло появиться на пустом месте. В этом нас убеждают и многочисленные конфликты с князьями на протяжении X–XIII вв., и их частая смена на новгородском столе, что свидетельствует о давней потребности Новгорода в князьях бессильных и безвластных. Справедливость такого предположения можно проиллюстрировать примерами из летописных источников. В рассказе о вокняжении Владимира в Новгороде, помещенном под 970 г., летописец сообщает: «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревехъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяща князя себе: “Аще не поидете к намъ, то налеземъ князя себе”. И рече к нимъ Святославъ: “А бы пошелъ кто к вамъ”. И отприся Ярополкъ и Олегъ».¹ Как видим, отказ Ярополка и Олега, пренебрежительный ответ Святослава, просидевшего какое-то время на новгородском столе и хорошо знавшего новгородские порядки, свидетельствуют о нежелании Святослава княжить в Новгороде. Итак, новгородцы действительно испытывают нужду в князьях, но новгородские порядки не вполне устраивают князей. Подобная неприязнь к Новгороду будет понятна в том случае, если учесть отмеченное выше предположение о потребности новгородской знати в князьях особых – с ограниченными прерогативами власти. Такой вывод подкрепляется и данными сравнительного анализа.

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Башкирского государственного университета (Уфа).

¹ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1996. С. 33.

Так, в Славянском Поморье, которое в синхронно-стадиальном отношении, по этническому родству и другим признакам наиболее подходящий объект для такого анализа, положение князя в политико-правовой сфере и социальной иерархии было весьма своеобразным: «...Чрезвычайная слабость центральной, княжеской власти, решительное преобладание знати над князем».¹ Причины столь своеобразного статуса поморских князей ему виделись в том, что «...Славянское Поморье развивалось, прежде всего, как союз городских общин, сложившихся на основе международной торговли, ремесла и ростовщичества. Вследствие этого родовая аристократия, не порывая с земледелием, стала здесь одновременно и аристократией богатства...».² Хотя связи приильменских славян со славянами балтийскими – большая и самостоятельная тема, она пока ещё мало разработана в науке. Степень разработки этой темы несколько ограничивает возможности сравнительного метода. Однако в том, что в качестве объекта сравнительного анализа неслучайно избрано именно Поморье, нас убеждает хотя бы такая деталь – специальный помост, стоявший посреди вечевой площади Щецина, главного, – по мнению З.М. Черниловского, – города Поморья, с которого говорили речи старейшины и глашатаи, назывался, как и в Новгороде, «степенью».³

Новгород – важнейший политический и торговый центр был выстроен на перекрёстке торговых путей. В этом своём качестве он, по словам Б.А. Рыбакова, был важен для всей Северной Европы. Б.А. Рыбаков не только подчёркивал торговое значение главного города Новгородской земли, но и подводил читателя к мысли, что она развивалась сходным образом со Славянским Поморьем. «В силу особенностей Новгородской земли, – отмечал он, – боярство было прочно связано с внешней пушной торговлей, и это придавало ему большую экономическую силу и корпоративную сплоченность».⁴ Иную характеристику новгородскому боярству давал В.Л. Янин: «Боярство в Новгороде это сословие, объединяющее землевладельцев из числа местной родовой аристократии».⁵ Характеризуя новгородское боярство лишь в качестве землевладельцев, указанный автор, как представляется, несколько преуменьшает зависимость этого сословия (особо значительную на ранних этапах) от внешней торговли. Впрочем, согласно наблюдениям самого В.Л. Янина, «до конца XI в. ни князь, ни бояре в Новгородской земле не были вотчинниками, т.е. не располагали домениальной собственностью...».⁶ Подобный вывод лишней раз свидетельствует в пользу точки зрения Б.А. Рыбакова.

Судя по данным сравнительного анализа и свидетельствам более позднего времени, в Новгородской земле особенно велика была зависимость правящего слоя от товарного обмена, особо значительна его ориентация на торговлю. Ранее счита-

---

¹ Черниловский З.М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. – М., 1959. С. 78.

² Черниловский З.М. Происхождение раннефеодального государства и права у западно-славянских народов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1963. С. 15.

³ Черниловский З.М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. С. 69.

⁴ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. С. 538.

⁵ Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. – 1970. № 1. С. 48.

⁶ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. – М., 1981. С. 273.

лось, что именно внешняя торговля сыграла определяющую роль и в социальной дифференциации общества, и в появлении республиканской тенденции. Хотя развитие социальной стратификации здесь, действительно, во многом стимулировалось благодаря контактам (прежде всего торговым) с представителями стран Востока и Северной Европы. Однако административно-организаторская прослойка первоначально формировалась по мере реализации потребности в организации управления, происходившей в первичных центрах этнополитической интеграции. Таковыми здесь были Ладога, Изборск, «Рюриково Городище» и поселение, получившее название Новые Дубовики. Именно в эти центры организации и управления сельской округой стекалась родоплеменная знать, сюда же поступал избыточный продукт, который и стал использоваться для товарообмена. Сама же интеграция славяно-финского населения стала насущной потребностью в условиях постоянной угрозы набегов «варягов-находников». Для княжеского господства здесь не было прочной экономической и социальной базы. Но означало ли это, что в «доваряжской» Новгородчине отсутствовали местные князья, как таковые, а сама княжеская власть здесь была «вторичным» и «чужеродным» явлением.¹

Ранние исторические памятники донесли до нас имя князя Бравлина – одного из новгородских князей. На это обратил внимание В.Г. Васильевский, изучая «Житие св. Стефана Сурожского» (умер в конце VIII в.). В житии говорится: «Прииде рать велика роусскаа изъ Новаграда князь Бравлинъ силенъ зело. Пленн отъ Корсоуны и до Корча. Съ многою силою прииде къ Соурожу... И по 10 дньий вниде Бравлинъ, силою изломивъ желъзная врата и вниде въ градъ...».² О достоверности этого известия можно долго спорить, но она была признана авторитетными авторами.³ Констатацией возможности сурожского похода князя Бравлина в конце VIII или в первой трети IX века исследователи обычно и ограничиваются.⁴ Несмотря на различия в датировках надо признать, что данные жития свидетельствуют не в пользу тезиса о «вторичности» княжеской власти, выдвинутого В.Л. Яниным и М.Х. Алешковским. В этом же нас убеждает и летописный перечень восточнославянских княжений. Описав возникновение княжения у полян, летописец сообщал: «А в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде...».⁵ Если безоговорочно присоединиться к тезису В.Л. Янина и М.Х. Алешковского о «вторичности» и «чужеродности» княжеской власти в Новгороде, то факты, свидетельствующие о существовании «доваряжских» князей, становятся труднообъяснимыми.

Существовала ли в Приильменьи непосредственная преемственность между племенным верховным вождем и правителем-князем раннего государства сказать трудно. Возможно, собственный князь-правитель у ильменских словен всё-таки су-

---

¹ См.: Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. № 2. С. 36.

² Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст // Труды: в 4-х тт. – Пг., 1915. Т. 3. С. 95, CCLXXXVI.

³ См. напр.: Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953. С. 445; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. – Л., 1945. С. 199.

⁴ См.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X вв. – М., 1980. С. 25-30.

⁵ Повесть Временных лет. С. 10.

ществовал, и возглавлял он, скорее всего не государство, а более раннюю политическую структуру – *вождество*. Но даже в рамках таких структур, как недавно показала Л.П. Грот, существовали собственные правящие роды. Мало того, эти роды, по всей вероятности, уже в догосударственную эпоху тесно контактировали между собой и обменивались близкими родственниками. В результате многие королевские и княжеские династии средневековой Европы стали полиэтничными уже в период раннего средневековья.¹ Как бы то ни было, по неизвестным для нас причинам собственные князья на момент призвания варягов у словен отсутствовали. Точную дату ликвидации последнего словенского князя назвать затруднительно, но можно ориентировочно считать, что это событие произошло незадолго до начала правления Гостомысла (середина IX в.). На это указывает, в частности, его титулатура – в источниках он титулуется уже не «князем», а «старейшиной».

Первая попытка образования государства у словен, кривичей, мери, чуди и веси была связана с их интеграцией в некую новую этнополитическую общность, для которой до сих пор трудно подыскать какой-либо адекватный термин. Её политико-правовой статус остаётся неясным и оживленно дискутируется в соответствующей литературе. Данное объединение носило кратковременный характер и вскоре его субъекты стали варяжскими данниками. Столь унижительное положение побудило зависимое от варягов население восстать против своих угнетателей и изгнать их за пределы своей территории. Хотя исход этой борьбы оказался успешным, но среди победителей началась междоусобная борьба. В Лаврентьевской летописи эта борьба предстает как борьба «родов» («вста род на род»)², а в Новгородской первой летописи – как борьба «градов» («и всташа град на град»)³. С не меньшим разнообразием эта борьба интерпретировалась в отечественной исторической литературе. Видным петербургским историком И.Я. Фрояновым она была первоначально охарактеризована как борьба «княжеских династий», а в соответствующей статье – как «борьба городских общин» (новгородской, киевской, ладожской), рассмотренная в контексте событий и процессов, происходящих в XII–XIII вв.⁴ Иначе подошёл к решению данного вопроса В.Т. Пашуто, который интерпретировал данную борьбу в качестве борьбы «нобилей» – аристократических родов.⁵

Небезынтересно, что летописные тексты говорят об особом раннегородском развитии именно Новгородской земли. Новгородский летописец специально подчеркивал временной приоритет появления здесь градов, когда писал: «...и грады почаша бывати по местом, преже Новгородская волость и потом Киевская...».⁶ Факт столь раннего применения территориально-политического термина «новгородцы» довольно точно передаёт особенности раннеполитического развития Нов-

¹ См. подр.: Грот Л.П. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. – М., 2013. С. 182–183, 362.

² Повесть Временных лет. С. 13.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. – М.–Л., 1950. С. 106.

⁴ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. – СПб., 1992. С. 74, прим. 142; *Он же*. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Начала Русской истории: Избр. / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. – М., 2001. С. 796, 797, 804, 805.

⁵ Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. – М., 1965. С. 86.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 103, 431, 511.

городской земли. В отличие от других земель Руси, она с самого начала возникла как объединение разноэтничных городских общин. Союз этот не подпадает под признаки понятия «город-государство», которое предполагает объединение сравнительно небольшой территории вокруг одного городского центра. Новгородская же земля с самого начала выступает как объединение не с одним, а с тремя центрами. Это видно, например, из хорошо известного предания о «призвании варягов», когда летописные славяне и финны пригласили трёх братьев-варягов, которые «сядутся» в трёх местах: в Новгороде (Ладоге), на Белоозере, в Изборске. Если исключить из этого перечня Ладогу, то только два из них – города (Новгород и Изборск).¹ Обращают на себя внимание и территориальные размеры Новгородской земли. Будучи фактором весьма подвижным, «...с X по XIII в. новгородская государственная территория ... значительно расширилась». ² В период же наивысшего могущества Новгорода ему подчинялся почти весь европейский Север нынешней Российской Федерации.

Вследствие специфики заселения Приильменя его населению уже в догосударственную эпоху было трудно сохранить родовую структуру, так как наряду со славянами здесь жили и другие этнические группы – меря, весь и т.д. Неоднородным было и славянское население края, включавшее не только восточных, но и западных славян. Этническая пестрота, раннее смешение населения не могли не отразиться и на интегративных процессах, возглавленных местной аристократией. Косвенным свидетельством в пользу того, что главными субъектами социальных конфликтов, разгоревшихся накануне призвания варягов, были именно аристократы, являются данные Никоновской летописи. Здесь говорится следующее: «Да кто бы въ насъ князь былъ и владель нами; поищемъ и уставимъ таковаго или отъ насъ, или отъ Казарь, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ». ³ Как видно, конфликтующие стороны стремились найти себе князя не только в своей собственной среде, но и далеко за её пределами. В конечном итоге князь и его братья были найдены в иноземной среде. Это лишний раз свидетельствует не только об отсутствии собственных князей среди ильменских словен, но и о слабости демократического уклада в Приильменье. Если бы такой был действительно силен, то кто помешал здешним славянам и финнам избрать в качестве правителя собственного простолюдина. Именно так было у поляков и у чехов, избравших правителями соответственно Пяста и Пржемысла ⁴, происходивших из простонародья. Далеко не все норманисты, выводившие Рюрика из датского королевского рода Скьёлдунгов, далеко не все сторонники славянской теории, возводящие его проис-

---

¹ *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (Период зарождения древнерусской народности) // *Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики.* – Л., 1986. С. 15.

² *Куза А.В.* Новгородская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* – М., 1975. С. 200.

³ Патриаршая, или Никоновская, летопись // *Полное собрание русских летописей.* – М., 1965. Т. IX. С. 8-9.

⁴ См. подр.: *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л.М. Поповой; отв. ред. тома В.Д. Королюк. – М., 1961. С. 29-30; *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. – М., 1962. С. 43.

хождение к княжескому роду ободритов, были склонны завышать уровень демократизации Новгородской земли середины IX века.

Призывая князя, происходившего из одного из самых знатных правящих родов Северной Европы, новгородцы рассчитывали увидеть на своей земле сильного правителя, способного правомерно использовать власть. Её применение, как они надеялись, должно было осуществиться в договорных рамках. Летописцы, сообщая о поисках новгородцами князя-устроителя, не забывали и о тех требованиях, которые предъявлялись ими к претенденту на новгородский стол. Они, по всей видимости, отразились в формулировке, повторяющейся словно рефрен в летописных текстах: «Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судиль по праву»¹; «Князя поищемъ, иже бы владелъ нами и рядиль ны по праву»²; «Поищемъ собе князя, иже бы володилъ нами и радиль ны, и судиль въ правдоу»³. Смысловое содержание приведенной формулировки складывается из двух основных частей – княжеской власти (силы) и «правды» (права).

В последнее время славянскую версию происхождения Рюрика и его братьев довольно активно продвигает Л.П. Грот. Отвергая теорию общественного договора, она настаивает: Рюрик мог претендовать на верховную власть в Новгороде по праву иному – праву наследования. Соглашаясь с исследовательницей в том, что теория общественного договора до сих пор не нашла фактического подтверждения, со своей стороны следует привести пример из гораздо более поздней эпохи. Пример с Анной Иоанновной – племянницей Петра I показывает, что и в более поздние времена, те или иные наследственные права на высшую государственную власть вовсе не исключали договорных условий. Такими же условиями могло быть обставлено и вокняжение Рюрика в Новгороде. Кстати в одной из своих статей Л.П. Грот заняла весьма близкую нам позицию: «Договоры с князьями и королями (чему имеется множество примеров) – это не то же самое, что возникновение княжеской / королевской власти по договору (чему аналогов нет, с тех пор как теория общественного договора признана утопией)».⁴ Итак, договор – договору рознь! В нашем случае речь идет вовсе не об общественном договоре, который предполагает договор всех со всеми, а об элитарном договоре. К такому же выводу, по сути дела, склоняются и Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, предложившие собственную реконструкцию данного договора. С их точки зрения, «ряд... с предводителем одного из отрядов норманнов» был заключен «верхушкой северной конфедерации» и преследовал цель «защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной знати».⁵ Значение элитарного договора гораздо скромнее – он не обладал учредительным характером.

---

¹ Повесть Временных лет. С. 13.

² Новгородская первая летопись... С. 106.

³ Новгородская четвертая летопись. Вып. I // Полное собрание русских летописей. – Пг., 1915. Т. IV. С. 11.

⁴ Грот Л.П. Договор с князем или князь по договору? // URL: <http://pereformat.ru/grot/> (дата обращения: 29.07.2015).

⁵ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1990 г. – М., 1991. С. 225.

Утвердившись в Новгороде, Рюрик узурпирует верховную власть. Угроза полного распада и анархии была преодолена в ходе установления нового, военно-авторитарного режима. В тогдашней Новгородчине, как и в других средневековых странах, правитель рассматривался в качестве высшего связующего единства, гаранта внутреннего мира и посредника между враждующими группировками. Данный режим не мог не быть авторитарным. Восстановление внутреннего мира и государственного единства Новгородчины было обеспечено путём концентрации власти в руках князя-узурпатора. При этом общинно-государственные институты ослабли, а их место начали занимать органы новой княжеской администрации.

Столь резкие перемены в государственном строе вызвали ответную реакцию со стороны тех новгородцев, кому были дороги прежние вечевые устои. На это указывают и восстание новгородцев во главе с Вадимом Храбрым, и бегство «многих мужей новгородских» в Киев, последовавшее вскоре за его подавлением. Характеризуя отношение восставших к новому режиму, составитель Никоновской летописи сообщает о том, что «того же лета (в 864 г. – *А.Т.*) оскорбишася Новгородци, глаголюще: “Яко быти нам рабомъ, и многа зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его”».¹ Эта фраза может быть истолкована в том смысле, что в ней речь идёт о резком изменении политико-правового положения новгородцев. Оно воспринималось новгородцами как всеобщее бесправие по отношению к Рюрику, возникшее вопреки стародавним политико-правовым традициям и возможным договоренностям с призванным князем.

Следовательно, Никоновская летопись содержит не только прямые сведения о насильственном, несправедном («незаконном») захвате верховной власти Рюриком, но и косвенные свидетельства о том, что он стремился именно к единоличной власти. Поскольку бегство новгородцев в Киев помещено в этой летописи под 867 г., а убийство Рюриком Вадима Храброго – под 864 г., то мы можем утверждать, что Рюрик обладал неограниченной властью в Новгороде по меньшей мере четыре года.

Неограниченная власть правителя, «поголовное рабство» – это явления, пришедшие «восточной деспотии». В свое время именно к такому выводу пришел Ф. Энгельс, обосновывая возможность существования общества без частной собственности на землю, но с государственной властью. В «Анти-Дюринге» эта мысль выражена им следующим образом: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России».² В другой своей работе – «Франкский период», касаясь процесса возникновения государственности у азиатских арийцев и русских, который происходил у них в эпоху, когда «ещё не образовалась частная собственность на землю», он подчёркивает, что у данных народов «государственная власть появляется в форме деспотизма».³ Не отвергая в принципе идею о возникновении и развитии Древнерусского государства в условиях отсутствия частной собственности на землю, следует все же заметить, что ни культ монарха, ни многочисленного административно-бюрократического аппара-

---

¹ Патриаршая, или Никоновская, летопись. Т. IX. С. 9.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд-е 2-е. – М., 1961. Т. 20. С. 186.

³ Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М., 1961. Т. 19. С. 497.

та на Руси IX–X вв. не существовало. Поэтому в данном случае следует говорить не о древнерусском варианте «восточной деспотии», а об иной политической форме.

После Рюриковой узурпации в Новгороде появляется правитель с неограниченной (на первых порах) властью, опорой которой служат военная дружина и, вероятно, наёмное войско, а также элементы новой княжеской администрации. Поэтому возникают основания для отождествления установленного варягами режима с тираническим политическим режимом. Раннюю тиранию нельзя считать сугубо новгородским явлением. Подобные режимы возникали в разных регионах и в разные эпохи. К выводу о широчайшей распространенности тирании пришёл Ю.М. Кобищанов. Анализируя проблемы, связанные с функционированием ранних государств и их глав, существовавших у самых разных народов, он формулирует собственную позицию. Суть её сводится к тому, что «чётко различаются два типа правителя раннего государства: военачальник, иногда силой захвативший власть и тиранически правящий, опираясь на военную силу, и царь-фетиш, окружённый религиозным ритуалом, связанный по рукам и ногам различными табу, полностью отстранённый от командования войсками и всех текущих политических дел». К какому же из двух типов правителей Ю.М. Кобищанов относит древнерусских князей? Ответ на этот вопрос мы можем получить из его высказывания о том, что «...царя-фетиша избирали в первую очередь жрецы-вельможи при довольно пассивной роли вооруженного народа, руководимого собственной знатью (скажем, киевское и новгородское вече), совместно с дружинниками, имевшими своих лидеров». Казалось бы, что позиция Ю.М. Кобищанова предельно ясна – древнерусские князья могут быть охарактеризованы только в качестве «священных царей». Но для «ранних Рюриковичей» автор делает исключение – он выделяет их в особый тип «дружинных князей».¹ Подобные колебания далеко не случайны. Они косвенным образом подтверждают мысль о том, что институт княжеской власти в Древней Руси претерпел определенную, судя по всему, дискретную эволюцию.

Представляется, что в Приильменьи подобная эволюция происходила в рамках особого варианта перехода от общественного самоуправления к государству и праву. Ранее данная проблема решалась нами с иных теоретико-методологических позиций, которые предопределили вывод о том, что особая «...расстановка классовых сил обусловила своеобразный путь возникновения Новгородского государства, в котором происходил переход к аристократической республике. Засилье “аристократии богатства” в Новгородской земле привело к установлению феодально-аристократического политического режима».² С учётом новых историко-теоретических изысканий в данной области прежняя наша точка зрения должна быть пересмотрена в плане отказа и от классово-феодальной основы процесса государствообразования в Приильменьи, и от тезиса о непрерывном политическом господстве здесь местной аристократии. Это, в свою очередь, влечёт отказ от прежнего мнения о формальном характере автократии Рюрика в пользу автократии реальной,

---

¹ Кобищанов Ю.М. Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. – М., 1995. С. 265, 266, 241.

² Тимонин А.Н. Возникновение Древнерусского государства: Вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986. С. 113.

несовместимой с прежней точкой зрения о вечности и неизменности аристократического политического режима в Новгородской земле.

Налицо нестабильность формы политического режима в Приильменьи. Она стала возможной в результате перегруппировки социально-политических сил в Новгородской земле IX столетия. Такие «зигзаги» эволюции государственного строя в Новгороде объясняет то, что этот центр государствообразования на Руси, где государственность уже возникла, но окончательно ещё не утвердилась, переживал завершающую стадию периода, переходного к той цивилизации, которая нам известна, как древнерусская.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст // Труды: в 4-х тт. – Пг., 1915. Т. 3.
2. *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л.М. Поповой; отв. ред. тома В.Д. Корольюк. – М., 1961.
3. *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. – М., 1962.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. – М.–Л., 1950.
5. Новгородская четвертая летопись. Вып. I // Полное собрание русских летописей. – Пг., 1915. Т. IV.
6. Патриаршая, или Никоновская, летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1965. Т. IX.
7. Повесть Временных лет / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1996.

Общая и специальная литература:

8. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – М., 1953.
9. *Грот Л.П.* Договор с князем или князь по договору? // URL: <http://pereformat.ru/grot/> (дата обращения: 29.07.2015).
10. *Грот Л.П.* Призвание варягов, или Норманны, которых не было. – М., 2013.
11. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. – М., 1965.
12. *Кобищанов Ю.М.* Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. – М., 1995.
13. *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. С. 144–201.
14. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. – Л., 1945.
15. *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (Период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л., 1986. С. 3–29.
16. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1990 г. – М., 1991.
17. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982.
18. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. – М., 1980.

19. *Тимонин А.Н.* Возникновение Древнерусского государства: Вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986.
20. *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. – СПб., 1992.
21. *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Начала Русской истории: Избр. / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. – М., 2001.
22. *Черниловский З.М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. – М., 1959.
23. *Черниловский З.М.* Происхождение раннефеодального государства и права у западно-славянских народов: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. – М., 1963.
24. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. Изд-е 2-е. – М., 1961.
25. *Энгельс Ф.* Франкский период // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1961. Т. 19.
26. *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. № 2. С. 32-61.
27. *Янин В.Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44-54.
28. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. – М., 1981.

Timonin A.N.

**On features of the early state development
of Novgorod land**

This article is devoted to the research of the early state evolution of Novgorod land. Having studied the modern scientific and educational literature the author has critically considered arguments of supporters and opponents of the aristocratic origin and the early state development in Priilmenye. The author attempts to reveal the basic features of the evolution process of this state's political regime.

Keywords: early state, political regime of the early state, Novgorod land, features of early political evolution of the Novgorod land.

Сравнительный анализ запрета мести в русском и скандинавском средневековом праве¹

На основе широкого круга источников древнерусского и скандинавского права выявлены общие тенденции в регулировании института мести. Показано, как сравнительно-правовой анализ шведских областных судебных кодексов XII–XIV вв. позволяет полнее раскрыть особенности эволюции института мести в праве Северо-Западной Руси в период XIII–XV вв.

Ключевые слова: древнерусское право, институт мести, самосуд, Русская Правда, договорные грамоты с князьями, шведские областные судебники, обычное право.

Относительная бедность сохранившихся памятников древнерусского права определяет неизбежность обращения исследователей к сравнительно-правовому методу как средству восполнения существующих пробелов в научной картине эволюции отечественного права периода X–XV вв. При этом в сравнительно-правовых исследованиях традиционно широко используется материал западнославянских и южнославянских народов, западноевропейские источники права, в то время как сопоставление эволюции институтов русского и скандинавского права значительно реже становится предметом историко-правовых исследований. Наряду с этим в современной науке всё отчётливее прослеживается тенденция к комплексному подходу при определении источниковой основы сравнительно-правового исследования.²

Институт мести является одним из наименее изученных правовых институтов древнерусского права, что объективно обусловлено незначительным вниманием историков права к частноправовым способам регулирования общественных отношений. Ограничение мести с её последующим полным запрещением являлось длительным процессом, растянувшимся на века. Этот процесс отчётливо прослеживается и в русском праве, и в праве соседних скандинавских народов. В скандинавском праве процесс ограничения института мести шёл медленнее, а его регулирование представлено более подробно, в связи с чем сравнительно-историческое исследование русских и скандинавских правовых установлений об этом предмете позволит более ясно представить эволюцию института мести в русском праве. Данная статья не претендует на полный охват всего круга древнерусских и скандинавских источников, она призвана показать наиболее очевидные параллели, существующие в них, на основе которых раскрываются новые перспективы изучения процесса эволюции института мести в период X–XV вв.

В древнерусском праве первые попытки ограничения мести были предприня-

---

Оспенников Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии.

¹ Впервые опубликовано: *Право и образование*. – 2013. № 9. С. 156-161.

² *Чебаненко С.Б.* Основные черты вечаго правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. – 2013. № 2. С. 64-104; *Рубаник В.Е.* О подходах к периодизации истории суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейшей историографии // *История государства и права*. – 2013. № 3. С. 27-30; *Лукин П.В.* «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2004. № 3 (17). С. 5-11; и др.

ты раньше и проводились с большей последовательностью, чем в скандинавском праве. Уже в договорах Руси с Византией также прослеживаются попытки ограничения мести.¹ Ярославовая Правда допускала возможность мести, то есть частноправовой расправы с преступником. Эта возможность отражена, прежде всего, в 1-й статье Правды: «Аже убить муж мужи, то мстити брату брата...».² В середине XI века в Правду был введён запрет на отмщение за убийство («...и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати...»), однако возможность отмщения сохраняется и в Правде Ярославичей. Ст. 26 Пространной редакции предусматривает возможность отмщения обидчику за тяжкое оскорбление: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть».³ Таким образом, в Русской Правде только был заложен процесс ограничения мести через запрещение частноправовой расправы по некоторым делам, а именно по делам об убийстве.

Этот ранний этап ограничения мести в скандинавских записях обычного права относится к более позднему времени. В XIII–XIV вв. в шведских областных судебныхниках всё ещё фиксируется право кровной мести, не ограничиваемое публичной властью: «Если кто убьёт человека, и потом его убили по его [убитого] следам, он [убийца] лежит за свой проступок. Они не должны платить ни конунгу, ни хераду».⁴ Пространная глава «О человекоубийстве» Вестгёталага подробно описывает правовые процедуры, которые могли заменять месть на раннем этапе её ограничения. Родственники убитого имели право на немедленное отмщение, которое должно было оставаться безнаказанным. С другой стороны, убийца мог объявить о совершённом преступлении и предложить уплатить возмещение и штраф, после чего родственники убитого должны были решить, примут они возмещение или откажутся от него. В языческой традиции принятие возмещения и отказ от мести рассматривались как позорящее решение. Это отчётливо видно в Гуталаге, где законодатель пытается объяснить, что нет никакого позора в том, чтобы принять возмещение от «учёного человека» (священника): «И тот [истец] может без позора принять этот штраф сразу, так как неправильно убивать священника или замышлять злое против него».⁵ Далее Гуталаг разъясняет, что если убийцей предложены штраф и возмещение, ответственность с него снимается, несмотря на то, соглашаются наследники убитого принять возмещение или нет: «Если он не хочет принять штраф, а хочет отомстить, то тот [ответчик] должен нести [штраф] на тинг перед всеми людьми. Там он [священник] всё-таки принимает штраф, если хочет; иначе пусть они [члены общины – Ю.О.] распоряжаются добром, и с человека снимается ответственность».⁶ В другом месте Гуталаг в обобщённом виде закрепляет новое правило, что не должно быть позора на родственнике убитого, принимающего возмещение.⁷

---

¹ *Хачатуров Р.Л.* Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988. С. 114–115.

² Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1984. Т. 1. С. 64.

³ Русская Правда. Пространная редакция. Т. 1. С. 65.

⁴ Вестгёталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. – М., 1999. С. 191.

⁵ Гуталаг // Там же. С. 123.

⁶ Гуталаг. С. 124.

⁷ Гуталаг. С. 130.

Как видим, и месть, и возможность откупиться от неё являлись древнейшими элементами системы обычноправовых норм. В условиях стремления к ограничению мести общество снимает позорящее значение с принятия возмещения, закрепляет значение уплаты штрафа и возмещения как основного способа разрешения конфликтов.

Другим направлением ограничения института мести на раннем этапе являлось замещение отмщения публично-правовой процедурой «лишения мира», которая означала изъятие преступника из-под покровительства законов и санкционировала любые частные меры возмездия в его отношении. Лишённый мира преступник изгонялся из общины: «Потом он должен уйти, лишенный мира, есть дневную трапезу дома на сегнартинге, а вечернюю – в лесу».¹ Этот скандинавский обычай «лишения мира» находит прямое соответствие на северо-западе русских земель в институте «потока и разграбления».

В договорах русских княжеств с немецкими городами XIII века право частной расправы с преступником по-прежнему поддерживается законодателем, а публичная власть отстраняется от исполнения наказания. Так, договоры Смоленска с Ригию и Готским берегом предусматривают возможность убийства прелюбодея на месте преступления, а также отдают вора в распоряжение лица, его захватившего.² Такие же обстоятельства исключали наступление юридической ответственности за убийство преступника в ходе частноправовой расправы по скандинавским законам. Например, Вестгёталаг позволяет убийство вора при оказании сопротивления, убийство при самозащите или защите неприкосновенности дома, убийство любовника жены и др.³ Во всех этих случаях закон предписывает провести формальную процедуру присуждения к «неотомщенности», то есть установления запрета для родственников убитого преступника мстить его убийцам, осуществившим частноправовую расправу: «...нужно возбудить обвинение против мертвого и присудить его к неотомщенности на *тинге*».⁴

Даже в более позднем Ландслаге короля Магнуса Эрикссона подтверждаются эти основания, причём специально подчёркивается, что родственники убитых преступников лишены права мстить или преследовать судебным порядком лицо, осуществившее частноправовую расправу: «[Если] хозяин или сторож убьют кого-нибудь из тех, кто совершит это [имеется в виду кража или грабёж у приходского священника, *бонда* или гостя их дома – *Ю.О.*], то пусть они лежат неотмщенными, как если бы [они пали] от меча короля».⁵

В новгородских договорных грамотах с князьями нередко встречается упоминание о мести как стремлении расправиться с обидчиком: «А нелюбье князь отложил от Новагорода, и от Пьскова, и от пригородовъ; а посаднику, и тысяцскому, и всему Новугороду, кто мои недруги мне выдалъ в Торжьку, емь ся имь не мыща-

---

¹ Вестгёталаг. С. 188-189.

² Соглашение Смоленска с Ригию и Готским берегом 1230-1270 гг. // Памятники русского права. Вып. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси. – М., 1953. С. 74; Договор («правда») Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. // Там же. С. 68.

³ Вестгёталаг. С. 191-192.

⁴ Вестгёталаг. С. 191.

⁵ Ландслаг короля Магнуса Эрикссона // Средние века. – М., 1964. Вып. 26. С. 190.

ти».¹ Запрет на месть связывается во всех случаях с попыткой мирного урегулирования конфликта, обязательством сторон забыть все старые обиды и начать двусторонние отношения «с чистого листа». Это предположение наглядно раскрывается в одной из статей договора Новгорода с Норвегией о мире от 1326 г.: «Также, за обиды, какие норвежцы причинили новгородцам на земле либо на воде, либо убийствами либо иными обидами, новгородцы не должны мстить, ни припоминать о них; и если новгородцы причинили какой-либо ущерб норвежцам, то и норвежцы точно так же не должны напоминать».²

Наиболее подробно указанный запрет раскрывается в договорных грамотах через следующую формулу: «А что, княже, тебе было гнева на посадника и на весь Новгород, то ти, княже, все нелюбье отложить и от мала и от велика, не мщати ти ни судомь, ни чим же».³ Здесь месть предстаёт в своём наиболее широком значении, как она понималась в древнерусском праве – как расправа за обиду, осуществляемая двумя способами: частными средствами или с использованием служебного положения, посредством публичной власти, но в обход установленных правовых норм.

В этих грамотах вводится новый термин, который активно использовался в XIV–XV в. для обозначения обоих видов мести – «самосуд». Этот термин встречается уже в первых договорных грамотах, относящихся к XIV веку, в виде запрета, ограничивающего князя: «А самосуда не замышляти».⁴ В XIV–XV веках оба термина сосуществуют, и в договорных грамотах используется то одно, то другое понятие. Например, в грамоте тверскому великому князю Михаилу Ярославичу дополнительно разъясняется запрет самосуда: «А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиямь твоимь отложить».⁵ Попытки княжеских судей устанавливать свои судебные порядки воспринимаются составителями грамоты как самосуд, поскольку они не соответствуют принятым в Новгородской земле правовым установлениям – «пошлине». В других грамотах составители ещё более определённо высказывались, раскрывая значение термина «самосуд» как суда вопреки «пошлине»: «А самосуда в Новгородской волости не замышляти, по пошлине».⁶

Кроме того, самосуд воспринимался как предвзятое отношение судьи к одной из сторон, вопреки требованию объективности. Это восприятие отчётливо видно в договорной грамоте с Казимиром IV: «А наместнику твоему судити с посадником во владычне дворе, на пошломь месте, какь боярина, такь и житьего, такь и молодшего, такь и селянина. А судити ему в правду, по крестному целованью, всехъ

---

¹ № 11. Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1316 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 23-24.

² № 39. Договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире 1326 г. // Там же. С. 70.

³ № 3. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г. // Там же. С. 13.

⁴ № 6. Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу с условиями договора 1304-1305 гг. // Там же. С. 16.

⁵ № 7. Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу 1304-1305 гг. // Там же. С. 18.

⁶ № 14. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326-1327 гг. // Там же. С. 28.

равно».¹ В грамотах XIV века запрет мстить своим политическим противникам и запрет самосуда уже формулируются как два самостоятельных запрета, что говорит о выделении особого состава преступного деяния – неправосудия с использованием служебного положения, осуществление судебной власти в противоречии принятым правовым нормам. В некоторых договорных грамотах запрет самосуда устанавливается не только для князя, но и для его должностных лиц: «А твоимъ судиямъ по волости самосуда не замышляти на людехъ по Новгородской волости».²

Эволюционируя таким образом, запрет мести был включён в состав Псковской Судной грамоты как элемент присяги, приносившейся должностными лицами, вступавшими в должность (ст. 3): «А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том... а судом не мстится ни на кого ж...».³ Аналогичный запрет на самосуд верховного правителя, нарушающий принятый порядок осуществления правосудия, содержится и в клятве шведского короля, включенной в состав первого общешведского свода законов.⁴

Псковская Судная грамота всё так же различает два понимания отмщения-расправы: частнопредварительное разрешение конфликта и самосуд, то есть отмщение с использованием служебного положения. Ст. 52 Грамоты допускает возможность частнопредварительного урегулирования конфликта между пострадавшей стороной и преступником, причём даже по тяжким делам: «А на тати и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти».⁵ Точно такой же смысл у ст. 80: «А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся а промеж себе прощение возмут, ино ту князю продажи нет».⁶ Напротив, второй способ отмщения – самосуд – запрещается рассмотренной выше ст. 3 Грамоты.

В Двинской уставной грамоте проблема самосуда трактуется несколько иначе, нежели в рассмотренных выше памятниках. Подобно Псковской Судной грамоте, допускается возможность частнопредварительного разрешения конфликта: «А учинится бои въ пиру, а возмутъ прощение, не выида ис пиру, и наместникомъ и дворяномъ не взятии ничего; а вышедъ ис пиру возмутъ прощение, ине наместникомъ дадутъ по кунице шерстью».⁷ В отличие от Псковской Судной грамоты, здесь введены дополнительные ограничения в пользу публичной власти – частнопредварительное разрешение конфликта возможно только непосредственно после конфликта и на месте его свершения, в других случаях публичная власть берёт разрешение дела под свой контроль. Это ограничение связано с тем, что Двинская грамота формировалась под сильным влиянием московской правовой традиции, для которой характерна гораздо более сильная публичная власть. Видимо, этим же обстоятельством объ-

---

¹ № 77. Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 130.

² № 7. Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу 1304-1305 гг. // Там же. С. 18.

³ Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1984. Т. 1. С. 332.

⁴ Ландслаг короля Магнуса Эрикссона. С. 186.

⁵ Псковская Судная грамота. С. 336.

⁶ Псковская Судная грамота. С. 339.

⁷ № 88. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 144.

ясняется и несколько иное толкование понятия «самосуд» в Двинской грамоте: «А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто, изымавъ татя с поличнымъ, да отпустить, а себе посуль возметь, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосудъ; а опрочъ того самосуда нетъ».¹ Это наиболее ясное определение самосуда, встречаемое в источниках того времени.

Такое же понимание самосуда как частноправовой расправы, заменяющей собой публично-правовой способ разрешения дела, прослеживается и по источникам права скандинавского происхождения. Например, п. 4 главы «О беззакониях» Вестгёталага, давший название самой главе, трактует самосуд как действия частного лица по восстановлению справедливости без санкции публичной власти: «Если кто возьмёт имущество другого без того, чтобы по нему был вынесен приговор, это влечёт девять марок штрафа три раза ... Если кто разрушит дом другого человека, если тот не взыскан в судебном порядке, – это три раза по девять марок штрафа...».² В другом месте мы находим ещё более точное соответствие, где самосуд представляет собой отпущение вора на свободу.³ Так же трактуется самосуд в Бьёркэарэттене, правовое установление которого очень схоже с соответствующей нормой Двинской уставной грамоты: «Если кто-либо поймает вора, схватит его с полной кражей или с другими украденными вещами, а затем отпускает вора и будет при этом уличён, он платит штраф в сорок марок».⁴

Таким образом, сравнительно-правовое исследование древнерусского права и права скандинавских народов обладает значительным познавательным потенциалом, до сих пор не раскрытым в отечественной историко-правовой науке. Закрепление запрета мести означало постепенное формирование нового взгляда на право, которое теперь всё чётче отличается от частной расправы. В историко-правовой литературе это разграничение обычно связывалось с текстом «Русской Правды» Пространной редакции, в которой Ярославичи «отложили убиение за голову». Однако внимательное рассмотрение других источников права показывает, что этот процесс носил затяжной характер и вплоть до конца XV века ещё не был завершён.

На раннем этапе ограничение мести происходило посредством замещения частного возмездия публично-правовыми процедурами («лишение мира» или «поток и разграбление»), внедрения в общество другой ценностной ориентации. В более позднее время месть эволюционировала в институт самосуда. Этим термином обозначались как частноправовое разрешение конфликта, так и отмщение с использованием служебного положения. Частноправовое разрешение конфликтной ситуации всё более выводится из правового поля, переходя в разряд правонарушений.

Источники и использованная литература:

1. Вестгёталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. – М., 1999. С. 173-277.

---

¹ № 88. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 145.

² Вестгёталаг. С. 226.

³ Вестгёталаг. С. 256.

⁴ Бьёркэарэттен // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. – М., 1999. С. 289-290.

2. № 6. Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу с условиями договора 1304-1305 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 15-16.
3. № 7. Грамота Новгороду тверскому великому князю Михаилу Ярославичу 1304-1305 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 16-18.
4. Гуталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. – М., 1999. С. 113-171.
5. Договор («правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси. – М., 1953. С. 57-71.
6. № 77. Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 129-132.
7. № 39. Договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире 1326 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 69-70.
8. № 14. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326-1327 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 26-28.
9. № 3. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 11-13.
10. № 11. Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1316 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 22-24.
11. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона // Средние века. – М., 1964. Вып. 26. С. 185-203.
12. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1984. Т. 1. С. 331-344.
13. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. – М., 1984. С. 64-80.
14. Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230-1270 гг. // Памятники русского права. Вып. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси. – М., 1953. С. 72-75.
15. № 88. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л., 1949. С. 144-146.
16. Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. № 3 (17). – С. 5-11.
17. Рубаник В.Е. О подходах к периодизации истории суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейшей историографии // История государства и права. – 2013. № 3. С. 27-30.
18. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988.
19. Чебаненко С.Б. Основные черты вечаевого правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. – 2013. № 2. С. 64-104.

Ospennikov Yu. V.

The comparative analysis of a ban of revenge in the Russian and Scandinavian medieval law

On the basis of a wide range of sources of the Old Russian and Scandinavian law the general tendencies in regulation of institute of revenge are revealed. It is shown how the comparative and legal analysis of the Swedish regional codes of laws of 12-14th centuries allows to unveil more stoutly features of evolution of institute of revenge in the law of Northwest Russia in the period of 13-15th centuries.

Keywords: Old Russian law, institute of revenge, contractual diplomas with princes, Swedish regional codes of laws, a common law.

**Карательное воздействие на человеческое тело
в древнерусском государстве**

В работе исследуется специфическое для древнерусского государства карательное воздействие на анатомическую целостность человеческого тела, как объект охраны. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, правоприменительная практика предусматривала три вида такого воздействия. Связано это было с особенностями розыскного процесса в Древней Руси, необходимостью метить преступников физическими отметинами, а также со спецификой божественного правосудия, также оставляющего или наоборот, не оставляющего следов на человеческом теле.

Ключевые слова: кнут, телесные наказания, ордалии, пытки, шелепы.

Общеизвестно, что древнерусская карательная система в своей основе содержит штрафные санкции. Иные виды наказаний ей практически неизвестны. Исключение составляет, пожалуй, только такой вид наказания как «поток и разграбление», содержательная сущность и объём карательного воздействия которого, до сих пор вызывает споры среди историков права. Однако наказательная система древнерусского государства, на самом деле, предусматривала иные виды карательного воздействия на лиц, совершивших преступления. Все эти воздействия в прямом смысле направлены на тело человека, хотя во многом они рзнятся по целям своего применения.

Так, в частности, существовали в древнерусском уголовном законодательстве и правоприменительной практике телесные наказания, которые М.М. Абрашкевич очень образно называл «младшим братом смертной казни и её деятельным пособником».¹ Упоминания о телесных наказаниях встречаются в светском уголовном законодательстве, в частности о битье кнутом (палками или плетьюми). В статье шестьдесят пятой Пространной редакции «Русской Правды» говорится, что за удар свободного человека холопом последний мог быть бит, очевидно, кнутом или палками, будучи распят на саях-розвальнях.² Собственно, сам термин «кнут» непосредственно упоминается в одной из дополнительных статей к Пространной редакции Карамзинской группы списков («...А у колоколници бьют кнутом...»)³ Достаточно устойчивую позицию относительно использования телесных (личных) наказаний в древнерусском уголовном праве занимал Н.А. Максимейко. Так, исследователь полагает, что «Русской Правде» известен такой частный вид телесного наказания, как битьё кнутом, которое признавалось правомерным не иначе, как на

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета.

¹ *Абрашкевич М.М.* Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция. – Одесса, 1903. С. 15.

² См.: Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9-ти тт. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1984. С. 106.

³ Там же. С. 73.

основании приговора суда.¹ Считал также, что светская судебная практика использовала и батоги, и розги, и клеймение, и дыбу, как телесные наказания, Н.Н. Евреинов.² Хотя, например, С.В. Юшков полагал, что телесные наказания в исследуемый период применяла исключительно русская православная церковь, основываясь при этом на византийских законах.³

Вопрос о происхождении телесных наказаний на Руси в своё время являлся дискуссионным. Одни авторы время появления наказаний связывали с монголо-татарским игом, другие полагали, что телесные наказания возникли ещё до монгольского порабощения.⁴ А.Г. Тимофеев считал, что телесные наказания в Древней Руси появляются задолго до монголо-татарского нашествия, хотя последнее в немалой степени способствовало и расширению и ужесточению телесных пыток в русской жизни. Скудость летописей в освещении этого вопроса автор видит в незаинтересованности древнерусского летописца в описании повседневных житейских элементов, которыми пестрел быт наших предков. Да и сегодня далеко не все исследователи считают, что телесные наказания являются «детисцем» древнерусского уголовного права. «Наконец, следует отметить, – пишет, например, О.В. Рогова, – что в течение XII–XV веков древнерусские источники права последовательно воздерживаются от назначения телесных или членовредительских видов наказаний. Эта устойчивая тенденция подверглась слому только в самом конце XV века в источниках права формирующегося Московского государства».⁵

Распространение и развитие телесных наказаний имело несколько иные причины, нежели только привнесение их в быт одного народа другим. К таким причинам относятся «приниженное положение личности в государстве», «существование класса несвободных», «грубость нравов и цели, преследуемые наказанием (главным образом устрашение и возмездие)».⁶ Согласно точке зрения Д.Н. Жбанкова и В.И. Яковенко, до периода монголо-татарского «погрома» телесные наказания на Руси применялись исключительно к рабам, холопам и закупам. Однако как вид наказания они не были распространены в указанную эпоху, а были просто повседневным обыденным явлением в жизни.⁷ Постепенно система выкупов начинает заменяться телесными наказаниями.⁸ И действительно, подобные изменения мы начинаем видеть уже в Пространной редакции «Русской Правды», где начинают появляться упоминания о телесных наказаниях, не только как санкциях некоторых норм, но и как об обстоятельствах, способных стать основанием уголовной ответственности. Так, например, статья шестьдесят вторая гласит: «Аже господин

---

¹ *Максимейко Н.А.* Русская Правда и литовско-русское право. – Киев, 1904. С. 7.

² *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Репринтное издание. – Харьков, 1994. С. 20-21.

³ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. С. 492.

⁴ Об этом подробнее см.: *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. – СПб., 1904. С. 63–64.

⁵ *Рогова О.В.* Изменение системы наказаний в период феодальной раздробленности // Вектор науки ТГУ. – 2010. № 1 (11). С. 133.

⁶ Полагает, что телесные наказания были очень тесно связаны с присягой в Помезанской Правде, В.Т. Пашуто. Присягая рукой, двумя пальцами или ухом, лицо рисковало их лишиться в случае неблагоприятного исхода дела (*Пашуто В.Т.* Помезания. – М., 1955. С. 93–95).

⁷ *Жбанков Д.Н., Яковенко В.И.* Телесные наказания в России в настоящее время. – М., 1899. С. 2.

⁸ См.: *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. С. 70–71.

бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платежь...».¹

Что же касается применения телесных наказаний древнерусской православной церковью, то вполне очевидно, что они применялись, однако, очевидно, не с момента водворения на Руси христианства, далеко не повсеместно, и не в полном объёме. Во всяком случае, косвенно о применении телесных наказаний русской церковью свидетельствует масса материалов. Так, летописи под 1169 г. содержат упоминание о монахе Феодоре, которого великий князь Андрей прочил на должность епископа Ростовского. Однако последний не пожелал ехать в Киев для получения святительского сана, а самовольно возложил на себя функции епископа. Будучи человеком корыстолюбивым и злобным, Феодор «мучил людей в подвластных епископу селах, иноков, игуменов, священников; брил им головы и бороды; даже распинал некоторых, выжигал глаза, резал языки, единственно для того, чтобы присвоить себе их достояние».²

Но интерес в данной ситуации представляет не факт зверского отношения к населению и духовенству лжеепископа Феодора, а тот факт, что когда у князя Андрея лопнуло терпение, Феодор был низвергнут и передан на суд Киевскому митрополиту Константину. Так, вот Константин, как свидетельствует летопись, «повеле ему язык оурезати, яко злодею и еретику, и руку правую оутяти, и очи ему выняти, зане хулу измолви на святую богородицу».³ Обращает на себя внимание тот факт, что Феодор был наказан телесным наказанием на митрополичьем дворе не за преступления против личности и собственности, а, фактически, за богохульство.

Наводит на мысль о применении древнерусской православной церковью телесных наказаний некоторых учёных и толкование санкции статьи второй Устава князя Ярослава. Неоднозначно толкуется исследователями конечная фраза санкции «а князь казнить их». Точки зрения разделяются в указанном случае следующим образом. В.О. Ключевский предполагал, что Устав князя Ярослава вполне мог содержать телесные наказания, которые хоть и являлись «строгой казнью», но не лишало жизни и не «обрезывало», т.е. не калечило. Под таким наказанием известный историк «разумел» простое телесное наказание.⁴ Однако при этом исследователь допускает, что князь, хоть судит и карает, но делится пенями с митрополитом.⁵ К.А. Неволин считал, что княжеская казнь строго делилась на денежные взыскания и византийские наказания. Н.А. Семидеркин резюмирует, что подобное маловероятно и князь применял исключительно денежные санкции, так как телесные кары ещё со времен Владимира были применяемы весьма непоследовательно.⁶ А. Попов предлагал два возможных варианта толкования данной фразы. Во-первых, фраза «а князь казнить» предполагала альтернативную подсудность – княжескую, в тех случаях, когда преступление совершалось «наиболее важным и закоренелым» преступником либо в зависимости от характера преступления (речь идёт, например, о таких со-

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 68.

² См.: Карамзин Н.М. История государства российского. – Калуга, 1993. Т. 1–4. С. 297.

³ См.: Приселков М.Д. Троицкая летопись (реконструкция текста). – СПб., 2002. С. 246.

⁴ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. В 3-х кн. – М., 1993. Кн. 1. С. 225.

⁵ Там же. С. 223.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 174.

ставах как «зажигательство», «пострижение бороды и усов»). Во-вторых, эта фраза предполагала двойную подсудность и церковную и княжескую. «Здесь идея о двоякой наказуемости – церковной и криминальной – религиозных преступлений переходит в идею их наказуемости в двух судебных местах: на суде у епископа, и на суде у князя, т.е. в идею их двойной подсудности».¹

Да и позже в России церковь продолжала применять телесные наказания по отношению к вероотступникам. «Кроме цепей, желез и тюрем, – писал А. Попов, – в обиходе монастырской дисциплины видное место занимало так называемое “монастырское смирение”, состоявшее в телесных наказаниях. Право применения телесного наказания в монастырях почти бесконтрольно принадлежало игуменам. Эти наказания иногда были в полном смысле нещадными». Помимо собственно плетей применялись «шелепы», представлявшие собой плети, но не кожаные, а веревочные, сделанные из лыка или мочала. Применялись в монастырях и пытки.² Нередкими были случаи, когда применение телесных наказаний для осужденного заканчивалось смертью.³ «Телесные наказания, – писал А. Попов, – имели место не в одной только монастырской дисциплине. Смиряли и на патриаршем дворе, батоги и плети употреблялись и на архиерейском дворе. Битьё шелепами предоставлялось поповским старостам. Даже священники могли сажать на цепь при церкви и наказывать шелепами».⁴

Однако, в большей степени, применение телесных наказаний было свойственно, всё-таки, рецепируемому законодательству. Я.Н. Шапов полагал, что византийская система наказаний не соответствовала русской обычно-правовой системе наказаний. «Это несоответствие византийской системы наказаний русским обычаям, по-видимому, и привело к отсутствию в Уставе князя Владимира указаний на какие бы то ни было наказания вообще».⁵ М.Н. Тихомиров полагал, что византийская система наказаний страдала излишней жестокостью, и сомневается в том, что, в частности, нормы Закона Судного применялись в русской юридической практике. О несвойственности древнерусскому обычному праву жестоких византийских наказаний говорит и Н.С. Федосова, отмечая, что и Новый и Ветхий Заветы грешат кровавыми и аморальными видами наказаний, а именно на них строилось и византийское уголовное и, впоследствии, древнерусское уголовное писанное право.⁶

Мы считаем возможным присоединиться к указанным точкам зрения. Вряд ли православная церковь стала бы на первых этапах введения христианства на Руси злоупотреблять серьёзными карательными санкциями. Однако это касается только лишь начального периода русского христианства. Постепенно, по мере укрепления позиций церкви, жесткость и неотвратимость карательных санкций церковно-уголовных законов Древней Руси становилась обыденной реальностью. «Но

---

¹ Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань, 1904. С. 65.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 154.

⁶ Федосова Н.С. Уголовное право и религия: проблемы взаимовлияния и взаимодействия. – Владивосток, 2003. С. 15.

постепенно, – писал Н.Н. Евреинов – жизненные условия брали своё, и под покровительством духовенства телесные наказания распространялись все шире и шире. Хотя, надо заметить, что влияние Византийских законов в те времена было ещё мало ощутительно, так как касалось только узкой области церковных судов».¹

К слову сказать, византийская «палитра» наказаний была к тому времени достаточно разнообразной. Так, в качестве наказаний, например, в «Эклоге» (VIII в.) применялись смертная казнь, казнь мечём, изгнание, высылка за границу, нанесение ударов, сечение плетью, избивание, отрезание языка, отсечение руки, отсечение носа, острижение, осклопление, конфискация имущества, распятие на фурке.² А «Закон судный людем» (ок. 845–855 гг.) предусматривал продажу со всем имуществом, проклятья, принудительный пост на хлебе и воде в течение семи или пятнадцати лет, отрезание носа, продажу в рабство, рассечение мечем, избивание, острижение, принудительный прогон по стране как нечестивца, принудительные разводы.³

Буквально пестрел телесными и членовредительскими наказаниями Устав князя Ярослава о земских делах. Среди них, в частности, встречаем: «язык ему да урежется», «зело биен будеть», «виноватый ослеплень будеть», «руки ему отсеци», «руку его усечи», «огнемь сожжен будеть», «срамныя уды урезати», «истязань будеть», «биень будеть кулаковъ 30».⁴ Этот последний, перечисленный нами, вид наказания дал в свое время основание Н.А. Неклюдову считать, что Устав о земских делах, приписываемый князю Ярославу, не есть перевод византийских земледельческих законов, а является самобытным памятником древнерусского права. Такого наказания, как битье кулаками, да ещё «крепко» в Византии просто не могло быть.⁵

Однако, как мы уже отмечали, вывод о применении в Древней Руси телесных наказаний в реальной правоприменительной практике можно сделать исходя из анализа неправового материала. Одними из таких показательных источников являлись русские летописи. Ю.В. Оспенников пишет, что именно в летописях указываются те виды наказаний, которые на протяжении средневековья были чужды отечественному законодательству, но широко применялись в византийском праве. К ним, в частности, относились ослепление, урезания носа, губ, ушей. Более того, по замечанию исследователя, все эти, нетипичные наказания для Древней Руси, перечисляемые в летописях, были связаны исключительно с княжеской властью. «Таким образом, – резюмирует Ю.В. Оспенников, – в рассматриваемый период в деятельности князей намечается тенденция использования видов и форм наказаний, заимствованных из инокультурных правовых систем, не связанных генетически с общеправовой древнерусской традицией».⁶

Говоря о телесных наказаниях, нельзя не упомянуть и процедуру клеймения в

¹ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. С. 21–22.

² См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века). – М., 2000. С. 224–229.

³ Там же. С. 350–353.

⁴ См.: Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права. – СПб., 1859. С. 38–46.

⁵ См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. – СПб., 1865. Т. 1. С. 163–164.

⁶ Оспенников Ю.В. Наказание на Северо-Западе Руси по летописным известиям XI–XIII вв. – М., 2011. С. 118.

древнерусском уголовном праве, которая имела очень важное значение. О клеймении или «пятнании», а именно этим термином в большинстве случаев оперирует древнерусский законодатель, упоминается уже в Проекте Договора Новгорода с Готландом 1270 г., а также в Двинской уставной грамоте. Согласно точке зрения И.Я. Фойницкого, одной из целей применения телесных наказаний являлось желание отметить «человека, опасного для общежития». При этом виновному повреждали какой-либо видимый орган. Так, Н.Н. Евреинов полагает, что такое своеобразное клеймение существовало уже в Древней Руси. «Ещё в глубокой древности было в обычае на Руси наказывать преступников сечением различных членов; уродовали в Киевской Руси и при первых Московских князьях».¹

Однако, уже с XIV века начинает применяться простое пятнение или клеймение, не сопровождающееся лишением какого-либо органа.² «Пятнение» представляло собой процедуру наложения особого клейма, которое несло, очевидно, несколько функций одновременно. Во-первых, с точки зрения частной превенции такая процедура была очень болезненной и приравнивалась к телесному наказанию. Во-вторых, «пятно» должно напоминать преступнику о недопустимости подобного впредь. В-третьих, места, на которые ставились клейма, на теле были, как правило, видны всем. Это лицо, шея, возможно, кисти рук. Это позволяло, в свою очередь, административным органам осуществлять наблюдение и контроль за поведением таких лиц, а, с другой стороны, служило своеобразным сигналом для обывателей о том, что за человек перед ними, выполняя функцию общей превенции. Кроме того функцию клеймения несли и некоторые виды членовредительских наказаний, таких как, усечение рук, ног, пальцев, ушей, отрезание языка, вырывание ноздрей и т.д.

Очень специфичной и внешне похожей на наказание в Древней Руси была процедура осуществления судебных доказательств. Очень образно описывают эту процедуру С.В. Бушуев и Г.Е. Миронов: «Но продолжим нашу прогулку по киевскому рынку. Что это за крики? Мы видим, как на торгу к открытой ладони человека прижимают раскаленный железный прут. пытка? Не совсем. Перед нами... один из видов судебного доказательства».³

Для решения вопроса о виновности или невиновности лица на помощь призывается божество, чаще всего в виде сил природы (природных духов). Подобный Божий суд получает название «ордалии». Согласно Дж. Вико, именно Божественные суды были первыми судами в истории человечества, когда оно (человечество) находилось в естественном состоянии, и когда ещё не было гражданской власти законов.⁴ Сначала ордалии базируются на природных стихиях (силах природы) – воде, огне, воздухе. Согласно точке зрения А.Н. Афанасьева, отдаваться на суд этих светлых, правдивых стихий для всех язычников представлялось делом религиозного долга и самым верным средством для раскрытия истины.⁵ Затем, набор «испы-

---

¹ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. С. 26.

² См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – М., 2000. С. 152.

³ Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства российского. Историко-библиографические очерки: Книга первая, IX–XVI вв. – М., 1991. С. 106.

⁴ Вико Дж. Основания новой науки. – М.–К., 1994. С. 390.

⁵ Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу. –

тательных средств» начинает пополняться (яды, змеи, весы, носилки, гадания, жребий¹, судебный поединок, клятва и присяга, пытка).² Да и сам судебный процесс осуществляется изначально от имени Бога, а затем уже, короля, князя, народа и т.п. То, что процедура судебного испытания очень похожа на пытку, отмечают практически все исследователи. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что испытания находятся в генетической связи с пыткой, более того, именно пытка органическим образом происходит из ордалий. В России данный институт просуществовал достаточно долго. Во всяком случае, об ордалиях упоминается в одной из реляций 1677 г., где подозреваемую в чародействе решают «взять на воду или на пытку».³

Особое место ордалии или божьи суды занимали и в раннем судопроизводстве древних славян.⁴ Несколько статей древнерусского уголовного законодательства посвящены испытанию железом. Железо являлось одной из форм средневековых ордалий, суть которых выражалась в определении степени виновности испытуемого по степени ожога от раскаленного железа.⁵ Примечательно, но испытание железом действительно являлось одним из способов доказательства на суде по Русской Правде, наряду с послухами, видоками, действительными свидетелями преступления и присягой.⁶ Согласно точке зрения П. Гуляева, если доноситель по делу об убийстве не предоставлял свидетелей по объективным или субъективным причинам и настаивал на доказательстве, то ему предоставлялось право пройти испытание железом. Процедура такого испытания в Древней Руси мало чем отличалась от подобной же в странах Европы. «Оно производилось следующим образом: железом, клали кусок раскаленного железа весом фунта три на ладонь, с которым должно семь или девять шагов преступить и сбросить; а водою, опускали в сосуд кипятка руку, которою должно было взять на дне положенное кольцо; после испытания железом и водою, завязывали руку в мешок, и прикладывали печати; через три же дни снимали, и если не было признака обожжения, то признавали правым, но и при сем обряде употребляли, как говорит общая история, хитрости и подлоги так, что обожжения замечать не было».⁷

Помимо испытания железом проводилось испытание водою. Смысл испытания водою был похожим на испытание железом. Если связанный испытуемый то-

---

М., 2002. Т. 2. С. 188.

¹ Согласно исследованиям Ю.В. Оспенникова, жребий был единственным видом ордалий, к которому снисходительно относилась церковь (*Оспенников Ю.В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки ТГУ. – 2010. № 1 (11). С. 129.*

² См.: *Колер И. История человечества: Доисторический период. – СПб., 2003. С. 96.*

³ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф. Свидетельство о существовании ордалий в конце XVII века // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Книга первая 1873–1877 гг. – Киев, 1879. С. 293–294.*

⁴ Огромное количество народных пословиц иллюстрирует распространенность божьих судов: «Бог всякую неправду сыщет», «Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», «Бог виноватого найдет», «Бог всякую неправду сыщет», «Бог накажет, никто не укажет» и др. (См.: *Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2003. С. 4–5.*

⁵ См.: *Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 92.*

⁶ См.: *Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: Опыт по истории русского гражданского права. – СПб., 2004. С. 199–207.*

⁷ *Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений. – М., 1826. С. 3.*

нул, то признавался невиновным. Если же мог плыть – неправым. Это «обратное применение смысла ордалий» очень долго было непонятно исследователям.¹ Г.М. Барац, исследуя статью семнадцатую Пространной редакции «Русской Правды» Карамзинской группы (Троицкий вид)², выделял способы доказательств по степени их важности. Так, в преступлениях против прав собственности способы судебных доказательств чередуются в зависимости от цены иска. В исках менее двух гривен допускается *рота* (присяга), в исках от двух гривен до полугривны золота – испытание водой, в исках выше полугривны золота – испытания железом.³

Кроме «Русской Правды» судебные испытания были законодательно закреплены также и договорах русских с немцами, например в Договоре Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. в статье девятой, где говорится о том, что русский не может вести латинянина «ко железу горячему», если последний сам того не захочет и наоборот.⁴

Что же касается пытки, как средства, непосредственно направленного на получение доказательств в судопроизводстве, то о ней, согласно исследованию В. Линовского, древнерусскому праву практически ничего не известно. Однако исследователь делает осторожное предположение, что пытка, как «средство получения доказательств» в чрезвычайных случаях в Древней Руси всё-таки употреблялась.⁵ По его мнению, и в древнегерманском праве, и, очевидно, в древнерусском праве к пыткам прибегать «страшились», заменяя их ордалиями.⁶

Судебные поединки («*поле*») не упоминаются в «Русской Правде». Согласно точке зрения С.Б. Чебаненко, это обстоятельство связано напрямую с тем, что «Русская Правда» знает суд князя, а последний не признаёт судебного поединка. Князь, как сакральная фигура, заменяет собой постепенно божественную волю, которая теперь передается через него.⁷ *Поле*, как форма судебного доказательства, появляется в уголовном законодательстве Древней Руси несколько позже и получает достаточно подробную регламентацию уже в «Псковской судной грамоте». По мнению П. Мрочека-Дроздовского, грамота всё-таки не объясняет существа *поля*, определяя лишь случаи его применения, последствия *поля* для тяжущихся и права и обязанности сторон в случае найма борцов за себя (наймитов). Одно из общих правил *поля* состоит в том, что исходя из сути данного судебного доказательства – Суда Божия, стороны должны были участвовать в *поле* лично. Но грамота преду-

---

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Свидетельство о существовании ордалий в конце XVII века. – С. 294.

² См.: Правда Русская. Т. 1: Тексты. – Л., 1940. С. 330.

³ Барац Г.М. О мнимом суде Божиим и о суде 12 мужей по Русской Правде и по Закону судному // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Книга девятнадцатая. Вып. I–IV. – Киев, 1906. С. 84.

⁴ Памятники русского права: в 8-ми вып. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С.В. Юшкова. – М., 1953. С. 61.

⁵ Линовский В. Опыт исторический розысканий в следственном уголовном судопроизводстве в России. – Одесса, 1849. С. 92.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Чебаненко С.Б. Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (IX – начало XIII в.) // Вестник Удмуртского университета. – 2008. Вып. 2. С. 22.

считывает и исключения из данного правила, когда лица могли нанимать борцов. Однако этой льготной возможности были однозначно лишены послухи и женщины, представлявшие стороны как истца, так и ответчика.¹ «Поединок между тяжущимися по русскому праву, – писал А. Палломбецкий, – употреблялся при недостатке доказательств со стороны истца, и кроме того служил доказательством для ответчика, который мог заменить им другие средства защиты, за исключением присяги».²

Кроме того, необходимо отметить, что в «Русской Правде» уже были намечены некоторые формы обеспечения судебного решения – в частности, выплаты вир. «Так, например, вира взыскивалась с убийцы, – пишет П.М. Морхат, – следующим образом: вирник как официальное должностное лицо должен был явиться в дом осужденного с довольно многочисленной свитой и ждать пока тот заплатит штраф. Преступник должен был обеспечивать их всё это время питанием и всем необходимым. Поэтому осужденный был заинтересован в скорейшей уплате своего долга и избавления от непрошенных гостей».³

Обобщая всё вышеизложенное, мы хотели бы высказать предположение о том, что, очевидно, древнерусскому уголовному праву, как и судопроизводству, на самом деле были известны различные способы воздействия на анатомическую целостность человека. Причём осуществлялись эти процедуры на различных этапах судебно-следственного процесса и исполнения наказания с различными целями. К этим целям можно отнести: получение признания, проведение испытания для установления истины, покарание преступника. Тело казнили различными орудиями, порицая за совершенные грехи и преступления. Его использовали как чистый лист для обозначения преступных наклонностей человека, оставляя специальные клейма, позволяющие современникам «читать с листа» и представлять с кем они имеют дело. Тело часто становилось проводником божественной воли, сигнализируя о виновности или невиновности его владельца. Что испытывала в этот момент душа человека остаётся только догадываться.

Источники и использованная литература:

1. Памятники русского права: в 8-ми вып. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1953. – 442 с.
2. Правда Русская. Т. 1: Тексты / Сост.: Г.Л. Гейерманс, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров и др.; под ред. Б.Д. Грекова. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 505 с.
3. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9-ти тт. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
4. Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права / Сост. И. Лазаревский, Я. Утин. – СПб.: В тип. губернска. правления, 1859. – 437 с.
5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Сред-

---

¹ Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. С. 12.

² Палломбецкий А. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. – Харьков, 1844. С. 76.

³ Морхат П.М. Суд в Древней Руси: историко-правовой аспект // Академический юридический журнал. – 2007. № 4 (30). С. 18.

- ние века) / Сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2000. – 480 с.
6. *Абрашкевич М.М.* Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция. – Одесса: Эконом. тип., 1903. – 48 с.
  7. *Афанасьев А.Н.* Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 2. – 794 с.
  8. *Барац Г.М.* О мнимом суде Божиим и о суде 12 мужей по Русской правде и по Закону судному // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Книга девятнадцатая. Вып. I–IV / Под ред. Н.П. Дашкевича. – Киев: Типолитография Т.Г. Мейнандера, 1906. – 447 с.
  9. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному / Прим.: Н. Неклюдов. – СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. Т. 1. – 940 с.
  10. *Бушуев С.В., Миронов Г.Е.* История государства российского. Историко-библиографические очерки: Книга первая, IX–XVI вв. – М.: Книжная палата, 1991. – 544 с.
  11. *Вико Дж.* Основания новой науки / Пер. с итал. – М.– К.: REFL-book – ИСА, 1994. – 656 с.
  12. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Свидетельство о существовании ордалий в конце XVII века // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Книга первая 1873–1877 гг. / Под ред. В.С. Иконникова. – Киев: В универ. тип., 1879. – 331 с.
  13. *Гуляев П.* Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений. – М.: В тип. П. Кузнецова, 1826. – 207 с.
  14. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 348 с.
  15. *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Репринт. изд. – Харьков: Прогресс ЛТД, 1994. – 235 с.
  16. *Жбанков Д.Н., Яковенко В.И.* Телесные наказания в России в настоящее время. – М.: Тов-во Печатня С.П. Яковлева, 1899. – 220 с.
  17. *Карамзин Н.М.* История государства российского / Комментар. А.М. Кузнецова.– Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 1–4. – 560 с.
  18. *Ключевский В.О.* Русская история: полн. курс лекций. В 3-х кн. – М.: Мысль, 1993. Кн. 1. – 774 с.
  19. *Колер И., Ранке И., Ратцель Ф.* История человечества: Доисторический период. – СПб.: Полигон, 2003. – 335 с.
  20. *Линовский В.* Опыт исторический розысканий в следственном уголовном судопроизводстве в России. – Одесса: В тип. Л. Нитче, 1849. – 264 с.
  21. *Максимейко Н.А.* Русская Правда и литовско-русское право. – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1904. – 14 с.
  22. *Морхат П.М.* Суд в Древней Руси: историко-правовой аспект // Академический юридический журнал. – 2007. № 4 (30). С. 14–20.
  23. *Мрочек-Дроздовский П.* Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. – М.: Университ. тип., 1901. Вып. 20. С. 1–78.
  24. *Оспенников Ю.В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки ТГУ. – 2010. № 1 (11). С. 116–122.
  25. *Оспенников Ю.В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 408 с.
  26. *Паломбецкий А.* О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. – Харьков: Печатано в универ. тип., 1844. – 76 с.

27. *Пацута В.Т.* Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV вв. – М.: Изд-во Акад. наук СССР 1955. – 191 с.
28. *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань: Типолитография император. ун-та, 1904. – 531 с.
29. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись (реконструкция текста). – СПб.: Наука, 2002. – 518 с.
30. *Рогова О.В.* Изменение системы наказаний в период феодальной раздробленности // Вектор науки ТГУ. – 2010. № 1 (11). С. 132–134.
31. *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1904. – 328 с.
32. *Федосова Н.С.* Уголовное право и религия: проблемы взаимовлияния и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2003. – 29 с.
33. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – 464 с.
34. *Чебаненко С.Б.* Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (IX – начало XIII в.) // Вестник удмуртского университета. – 2008. Вып. 2. С. 17–32.
35. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 543 с.

Georgievskiy E. V.

Punitive effect on a human body in the Old Russian state

In this paper we study specific of the Old Russian state punitive effect on the anatomical integrity of human body as an object of protection. Despite the lack of legislative recognition, enforcement included three types of such exposure. It was connected with the peculiarities of the inquisitorial system in ancient Russia, the need of marking criminals with physical marks and also with the specifics of the divine justice which left or didn't leave traces on the human body.

Keywords: whip, corporal punishment, ordeal, torture, shelepy.

Серёгин А.В.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЫЧНОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН И ДРЕВНЕРУССКОГО НАРОДА

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу семейного права балтийских славян и древнерусского народа в эпоху средневековья. Автор приходит к выводу, что семейные союзы западнославянских и восточнославянских племён строились на основе принципов патриархальности, многожёнства, безграничной верности жен мужу, целомудрии невест, свободы мужского развода, а также почитания и заботы о престарелых родителях.

Ключевые слова: славяне, семейное право, многожёнство, обычай, жена, муж, патриархат.

В современной российской историко-правовой науке существует значительный пробел в оценке правовой системы древнеславянского мира вообще и западных славян в частности. Вместе с тем, семейные обычаи южно-балтийских племён содержат неповторимый образец древнейшей общеславянской правовой культуры, успешное изучение которой возможно благодаря сравнительно-правовому анализу (синхроническому и диахроническому) с аналогичными правовыми институтами древнерусского права.

В исторических источниках VIII–XII вв. обширная страна балтийских славян именовалась землёй Вендов¹ (*Vinedaland, Veonodland, Vindland*), Славии, Славании (*Sclauia, Sclauania*). Народы, сидевшие на ней считались одноплеменниками.² Среди них известны вагры³, ободриты (или бодричи), лютичи (лютые, свирепые), называвшиеся иначе – велетами или вильцами⁴, т.е. волками⁵ гавалияне, спреване, бужане; украине, ране или руяне (руги), поморяне, дошане, любичи, земчичи, литичи и нелитичи и др.⁶

Обычное право балтийских славян отражало истоки того далёкого времени, ко-

---

Серёгин Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

¹ *Воцель Я.Э.* Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. – Киев, 1875. С. 26; *Де-Витте Е.* Чтения по истории славян. Балтийские Славяне. Хорваты. Сербы. Хоругане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь. – Ковно, 1886. С. 58.

² См.: *Котляревский А.А.* Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права // Сочинения А.А. Котляревского. – СПб., 1895. Т. IV. С. 25–27; Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. – М., 2012. С. 40; Алтайские анналы // Там же. С. 92, 97, 99, 108.

³ См.: *Саксон Аналист.* Хроника: 741–1139 гг. / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. – М., 2012. С. 155.

⁴ См.: Там же. С. 32.

⁵ См.: *Левандовский А.П.* Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. – М., 2003. С. 93.

⁶ См.: *Адам Бременский* Деяния архиепископов гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмонд из Босау, Арнольд Любекский Славянские Хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор составитель И.А. Настенко. – М., 2011. С. 40–41.

гда в социуме абсолютно господствовало частное, семейное или родовое начало. В древнем праве, всех европейских народов женщина выступала лицом с ограниченной правоспособностью и меньшей юридической ценностью, чем мужчина. «Положение женщины как объекта удовлетворения физической потребности, не выделяющегося из круга других объектов удовлетворения материальных потребностей, сменяется в истории положением её как самостоятельного члена семьи, связанного с мужем и детьми любовью и привязанностью».¹ Балтийские славяне не являлись исключением в данной области человеческих взаимоотношений.

Во-первых, мужской пол имел безусловное право на жизнь, женский же – с известными ограничениями, определяемыми отцовской властью.

Во-вторых, наследниками и владельцами семейного имущества являлись исключительно мужчины, женщины же исключались из наследования и иногда сами рассматривались в качестве предмета собственности или владения: они несли ответственность за проступки совершённые их мужьями, подвергались вместо них, или вместе с ними – наказанию, секвестру или заключению и продаже.

В-третьих, муж мог отдать в неволю своих жён – наравне с рабами.

В-четвёртых, жёны, как собственность мужа, могли следовать за ним в могилу, но не наоборот.

В-пятых, высшим правовым статусом женщины была опека над малолетними детьми.

Основной ячейкой общества в быту балтийских славян являлась **семья**, точнее **семейный союз**, сохраняющий существенный слой архаической племенной жизни. Костяк семейного союза состоял из мужа-отца, жены-матери, их детей и стариков родителей.² В терминологии Г.Ф. Шершеневича это **родственный союз** с прямой степенью родства, соединяющий ряд лиц, происходящих друг от друга – дед, отец, сын, внук.³

Балтийские и иные славянские народы длительное время сохраняли древний обычай многожёнства. О нём известны многочисленные свидетельства. Так, в прощальном наставлении к жителям г. Пырицы епископ Отгон, запрещал им иметь многих жён. Став христианином, поморский князь Вартислав и его приближённые клятвенно отказались от многих жён, на которых были женаты. После обращения Штетинины в христианство – горожане также отреклись от многожёнства. Герой Само, например, став правителем Великой Моравии, имел двенадцать жён из рода славян, от которых родил двадцать двух сыновей и пятнадцать дочерей.

Вместе с тем, многожёнство в условиях перманентной войны в основном распространялось среди князей и богатых общинников, нежели между простым народом. Так, даже родоначальник польской княжеской династии Пяст имел одну жену Репку. О жене русского князя Рюрика ничего достоверно не известно. Но, князь Олег, прозванный Вещим, был холост. Игорь Старый имел одну жену Ольгу, его сын Святослав Храбрый официально женился на угорской княжне. Князь Владимир (незаконнорожденный сын Святослава, рождённый от ключницы Малушки),

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 527 – 528.

² Т.е. *большая семья*. – прим. ред.

³ См.: Там же. С. 597.

как сообщает «Повесть временных лет» за 6488 лето от С.М. (980 г. н.э.) испытывал слабость к женскому полу, поэтому имел 4-х жён и 800 наложниц; супруги родили ему 12 сыновей и двух дочерей.¹ Примечательно, но похожие явления полигамии известны и истории России XX века.²

Семейный союз балтийских славян, как правило, совершался в форме купли-продажи: отец семьи покупал для себя или сына невесту у её родителей или семьи. Купленная жена считалась семейной собственностью, и после смерти мужа, переходила к пасынку или деверю, как любое другое наследство. Возможно, существовал обычай *умычки* (умыкания), т.е. похищения невест, но точных доказательств ему не обнаружено. И здесь имеет смысл обратиться к архаическим северорусским народным свадебным обрядам. Так, Е. Перфецкий в своей статье «Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения Архангельской губернии» отмечал полное сходство установления древнерусских способов семейных союзов («похищение», «покупка», «приведение») с древнеримскими вариантами возложения *manus* во время брачных церемоний: а) *confarreatio* (брак патрициев), б) *coemptio*, в) *usus*.

Церемония *confarreatio* совершалась в присутствии жрецов и 10 свидетелей, представлявших, быть может, древнейшие 10 курий (данной трибы). Только человек, рождённый от брака, заключённого с соблюдением сакральной процедуры, и состоящий в таком браке, мог стать жрецом.

Coemptio – это плебейская форма брака, совершаемая как «воображаемая»³ покупка жены мужем. Вероятно в архаические времена присутствовала подлинная покупка жены. *Coemptio* производилось в тех же формах, в каких покупались наиболее ценные вещи – а именно земля и рабы (в форме *mancipatio*).

Usus представлял своеобразное применение приобретательной давности к власти брачных отношений.

Но Р.Б. Пандей, говоря о древнеиндийских формах брака, отмечает брак-похищение, характерный для *варны* воинов (*кшатриев*), называемый «ракшаса»; брак «гандхарва», когда не родители девушки решали вопрос о браке, а невеста и жених решали его между собой, следуя взаимной любви; брак «асура» или «покупка», когда жених даёт имущество родственникам и невесте, т.е. невесту практически продавали; брак «брахма», который считался похвальной формой и был подobaющим для *брахманов*, эта форма была прослежена вплоть до ведийских времён. Собственно, это и есть брак-приведение, когда отец выдавал девушку замуж, давая столько украшений, сколько мог, мужчине, обладающему характером и учёностью, которого он сам приглашал по своей воле и принимал с почётом, не беря ничего в замен.⁴ Практически во всей Индии прослеживается одна и та же закономерность:

¹ См.: *Повесть временных лет* / Повести Древней Руси. М., 2002. С. 108.

² По-свидетельству писателя С.Т. Алексеева, у начальника лесочастка одного сибирского леспрома во время войны (1941–1945 гг.) фактически было более 10 жен, родивших 87 детей. Всех он любил и оказывал помощь. Когда этот многодетный отец умер в 1972 г. на его похороны приехало 52 сына, не считая других родственников. – См.: *Алексеев С.Т.* Россия: мы и мир. – М., 2011. С. 68–69.

³ Т.е. не настоящая, а обрядовая процедура. – *прим. ред.*

⁴ См.: *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М., 2011. С. 221.

браки высших *варн* и высших слоёв общества совершаются согласно ортодоксальным формам брака, без брачного выкупа, но с назначением приданного, браки низших слоёв и каст – в формах брака купли.

Д.К. Зеленин в своей «Востоочнославянской этнографии» подчёркивал, что у русских, особенно у староверов, т.е. среды, наиболее полно сохранившей древнейшие дохристианские обряды, «повсеместно распространены тайные свадьбы – самоходом, самокруткой, уводом, уходом, убёгом. Известны три вида таких свадеб. В первом случае совершается настоящее похищение: невесту похищают неожиданно для неё самой и она не знает, для кого и для чего это делают».¹ Эта форма брака, зафиксированная у русских староверов, практически идентична той, что характерна для индийской варны воинов и называется «ракшаса». Во втором, более распространённом случае жених и невеста договариваются о тайном браке, причём невеста заранее отдаёт жениху часть своего приданного или по меньшей мере делает ему подарок как залог того, что она не передумает. Такая форма по существу идентична древнеиндийской форме брака «гандхарва». Третий вид брака, отмеченный Д.К. Зелениным – «когда родители невесты сами организуют её мнимое похищение, тем самым избегая расходов на свадьбу».² Фактически в такой форме брака все расходы ложатся на плечи жениха и это, по сути, очень близко к древнеиндийскому браку «асупа». Возвращаясь к статье Е. Перфицкого, следует отметить, что, говоря о формах брака, характерных для архангельских крестьян в начале XX века, он подчёркивает наличие ещё одной, близкой к древнеиндийской, формы, когда «как в древности, так и теперь, не жених идёт в дом невесты и приводит её к себе, подчас насильно, а она сама, свободная, вступает на порог жениха или её, свободную, приводят к нему родственники, отсюда эта форма брака получила своё название – “приведение”. Кроме того, не жених платит за невесту, а за неё приносят приданое. Первою чертою приведение отличается от похищения, второй – от покупки».³

Стоит заметить, что близость славянских и индийских брачных обычаев⁴ была отмечена ещё Г. Васильевым в середине XIX века.⁵ Логику данных совпадений легко объясняет методологическое утверждение А.А. Котляревского о том, что «область семейного частного быта, где действует и долго держится народное обычное право, гораздо менее открыта для сторонних влияний и менее способна к восприятию их, чем область общественных отношений и порядков, где властвует воля единоличных лиц, творящая нередко законы по своему усмотрению».⁶

В среде балтийских славян *помолвка* (сватовство) обозначалось термином «за-

¹ Зеленин Д.К. Востоочнославянская этнография. – М., 1991. С. 344.

² Там же. С. 345.

³ Перфецкий Е. Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1912. № 3. С. 116.

⁴ Как показали результаты генетических исследований, сходство обычаев могло быть обусловлено происхождением славян и индоарьев от одной группы предков (*арьев*), о чём свидетельствует наличие гаплогруппы R1a1 (в Y-хромосомах, передающихся по мужской линии) у славян и потомков высших *варн* (*брахманов* и *кшатриев*) в Индии. – прим. ред.

⁵ См.: Васильев Г. Сличение индийских законов Ману о браках с брачными обычаями славян по летописи Нестора // Университетские известия. – Киев, 1867. № 12. С. 14.

⁶ Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. С. 8.

питье», т.к. сделка в форме купли-продажи, обычно, скреплялась через питье чаши вина, данный обычай живёт и по сей день, в виде «обмывания купленных вещей».

Обычные подарки жениха родителям невесты и наоборот являлись делом нравственным, а не правовым и не могли служить основанием, препятствующим к вступлению в семейный союз. На Руси и в Чехии, только родители невесты одаривали жениха, выражая ему, уважение и обеспечивая первые начала семейного хозяйства. В XIX веке у кашубов сохранялся такой обычай: «невеста должна подарить жениху перед обручением рубаху, исподнее платье, платок шейный и носовой, пару чулок и пару рукавиц, а при венчании, кроме того, шейный и носовой платок. Всем родственникам жениха она дарит по паре рукавиц, так что иногда ей приходится раздать их пар 30. ... Матери жениха дарятся 4 локтя Силезского полотна для покрывала; его замужним сёстрам по 2 локтя, незамужним – по локтю. Со своей стороны, – отмечал А. Гильфердинг, – жених дарит при сговоре невесте 2 локтя тонкого полотна, пару башмаков и талер или несколько талеров деньгами. Если жениха сопровождает отец или брат, то они также дарят невесте от 12 грошей до 1 талера 8 грошей. Отец невесты получает от жениха меховую шапку; каждый из её братьев шляпу, каждая сестра по локтю чёрной материи... Матери же невесты ничего не дариться; сделать ей подарок считалось бы неприличным».¹

Устоявшихся институтов **приданого** и **брачного дарения** мужа жене балтийские славяне не знали. Объясняется это тем, что «право на приданое необходимо вытекает из права на участие в семейном наследовании: без этого – обычай будет только обычаем нравственным, – справедливо отмечал А.А. Котляревский, – случайно-возможным, но не общеобязательным, не юридическим. ... Наследниками по закону были у них только лица мужского пола, сыновья, а не дочери».² Права сыновей определялись происхождением отца, а не матери, поэтому если отец признавал своих детей, то рождённые от законной жены и наложницы считались равноправными наследниками отеческого достояния³. *Брачное дарение* мужа или *жениха* упоминается в поморских грамотах довольно редко и с выше названными ограничениями со стороны сыновей. Так, в грамоте Анастасии 1224 г., вдовы князя Богуслава I (довольно позднее время, когда утверждаются феодальные порядки), говорится, что она получила от мужа поземельную собственность, как брачное дарение и владеет ею и по его смерти, с дозволения сыновей. В грамоте Бранима I 1249 г. утверждаются наследственные владения знатного мужа Боранты, говорится, что ему должна принадлежать вся местность Стрыя, часть которой, однако, в виде законного залога, он обязал за пятьсот марок серебра, данных, как брачное дарение, при помолвке какого-то пятилетнего графа из Гостькова с двухлетней дочерью его брата.⁴

Обязанности супругов в семейном союзе определялись сакральными обычаями народного быта. Чистота жизни и верность мужу считались у балтийских славян непременным условием семейной жизни. Ещё в VIII веке апостол немецкой земли Бонифаций удивлялся этому целомудрию славянских жён и ставил его в при-

¹ См.: Гильфердинг А. Остатки славянь на южномъ берегу Балтійскага моря. – СПб., 1862. С. 57.

² См.: Котляревский А.А. Древности юридического быта балтійскихъ славянь. С. 112.

³ См.: Там же. С. 106.

⁴ См.: Там же.

мер распущенному английскому королю Этибальду: «Славяне, – говорил он, – этот мерзейший и отвратительный народ, так верно соблюдают в браке взаимную супружескую любовь, что по смерти мужа, жена отказывается от жизни и почтенною женщиною сльвёт между ними та, которая предаёт себя смерти, чтобы сгореть на костре вместе с мужем». Саксон Грамматик передаёт, что Рюане (в Коренице) очень превозносили могущество своих Богов и часто рассказывали о той каре, которая постигла людей, оскорблявших место святыни их действием блуда. Когда какому мужчине случалось иметь в Коренице непопозволенное сообщение с женщиной, то они, по обычаю собак, оставлялись, как бы связаны в таком положении, не могли свободно разойтись и служили посмешищем для народа, ибо **целомудрие и верность супружеству считались важнейшим условием и обязательством семейного союза.**¹

«Нет ни малейшего основания приписывать эту строгость наказания за нарушение брачной верности действию какого-нибудь чужеземного влияния: она вытекает из коренных условий быта, основанного на крепости семейных отношений и сурового взыскания за уклонения от них, – справедливо отмечал А.А. Котляревский. – Неверностью жена не только нарушала закон семейного мира и принадлежности мужу; но и наносила бесчестие и бесславие членам семьи, как бы свидетельствуя о внутреннем слабосилии их союза. Рассматривая жену, как семейную собственность, обычай в этом случае предоставлял мужу право высшего наказания её, т.е. наказание лишением жизни, которым только и могло удовлетвориться оскорблённое чувство обесславленного властителя; и, кажется, что чем более народ отдавался тревожным увлечениям воинственной жизни, чем более развивалось в нём чувство, так сказать кровожадной чести, презрение к жизни и слабости других, тем крепче и неотменнее становился обычай кары смертною казнью за преступления против чистоты супружеского ложа. У племён мирных мы нередко находим отношения более мягкие, т.е. более снисходительные к слабостям человеческой природы».²

Власть мужа отчасти видна из существования обычая славянских жён, следовать в могилу за своими супругами, чтобы служить их нуждам в загробной жизни. Эта традиция имела нравственные основания, но не правовые и исполнялась не всеми, ибо её существование зависело от доброй воли, а не на основе принуждения.

Высокий духовно-нравственный уровень правосознания русского народа со времён архаической древности сохранялся в обыденном быту Имперской России, что подтверждается многочисленными и разнообразными источниками XVIII – XIX вв., в которых решительно осуждались добрачные половые отношения. Если такое и случалось, то, как исключение и всегда и повсеместно встречало отрицательную оценку общественного мнения деревни. «Родители вообще весьма строго смотрят за тем, чтобы дело во взаимных отношениях молодёжи не дошло до половой связи, так как это является позором не только для самой девушки, но и для родителей, воспитавших её. Беременность девушки составляет уже для родителей крайнюю степень позора и бесчестия», – сообщает наблюдатель из Пошехонского уезда.³ В Дорогобужском уезде Смоленской губернии с девушкой до замужества крестьяне не вступали в половую связь, относясь с пренебрежением к на-

¹ См.: *Саксон Анналист*. Хроника: 741–1139 гг. / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. – М., 2012. С. 208–213.

² См.: Там же. С. 121.

³ *Громыко М.* Честь и достоинство // *Родина*. – 1995. № 1. С. 107.

рушителям данного обычая. «Нечистых» девиц обходили выбором в замужестве. Причём в Орловской губернии, по свидетельствам очевидцев, «если только дурная слава пойдет, может и напрасная, и то страдает вся семья, особенно младшие сёстры».¹ У русских повсеместно ворота, вымазанные дёгтем, означали позор для всей семьи, и прежде всего для распутной девушки, которая жила в этом доме. После этого она подвергалась насмешкам, презрению и оскорблениям. Но традиция хранила возможность защититься от напрасно возведённого позорящего обвинения. Девушка могла обратиться к старосте и просить его собрать сходку, чтобы снять с себя позор, доказав невинность.

Порядок такой сходки описан её наблюдателем из деревни Мошковой Орловского уезда. Состав сходки в этом случае был необычным; на ней должны были присутствовать все парни общины. Девушка, по инициативе которой созывался сход, выходила перед всеми и трижды вызывала оскорбителя словами: «Кто меня обесчестил, выходи ко мне и обвиняй меня перед всеми!» – затем она просила общество защитить её «правым судом». Община всегда соглашалась провести расследование. Призванная для этого женщина удалялась с девушкой, осматривала её и о результатах сообщала сходке. Если девушка оказывалась невинной, участники сходки кланялись ей в ноги со словами: «Прости нас, ради Бога, ты не виновата, а мы над тобой смеялись и думали, что ты останешься в вековушках». Девушка, в свою очередь, кланялась «обществу»: «Благодарим и вас покорно за моё оправдание». Если после оправдательного решения сходки кто-либо оскорблял всё-таки девушку, община взимала с него штраф в пользу обиженной, а родственники девушки расправлялись с ним кулаками при одобрении общественного мнения. Если хозяин дома подстерёг человека, мажущего его ворота дёгтем, он мог расправиться с ним жестоко – общественное мнение не осуждало этого.² Оправданную общиной девушку охотно брал хороший, по местным представлениям, жених. Неоправданная долго не выходила на улицу от позора.

Подобный вопрос ставился на сходке и в том случае, если парень публично заявлял свои права на девушку, с которой был близок, когда она оказывалась просватанной за другого. Оскорбление в этом случае совершалось публично, и потому оскорбитель всегда имелся налицо. Оскорбитель обязывался доказать сходке, что сказал правду, и после этого обязательно жениться на оскорблённой им девушке, и та не смела отказать ему; подвергалась общему осмеянию и в течение года после замужества не должна была входить в хоровод и на другие сборища. Последнее считалось наказанием за потерю чести в девичестве. Если же разбирательством устанавливалось, что оскорбитель оклеветал девушку, «мир» приговаривал его к большому штрафу и изгнанию из деревни на год, а родственники оскорблённой расправлялись с ним по-своему. По возвращении в свою деревню он ещё в течение двух лет не допускался в хоровод.³

Предсудительной считалась и супружеская неверность. При этом крестьяне более жёстко осуждали неверность жены, чем мужа, что аналогично древнерусским обычаям.⁴ Для замужней женщины на Орловщине оскорблением, символизирова-

¹ Громыко М. Честь и достоинство. С. 107.

² См.: Там же. С. 108.

³ См.: Громыко М. Честь и достоинство. С. 108.

⁴ См.: Стетюха М.П. Сексуальное поведение личности как объект правового регулирования: вопросы истории и современность. – М., 2013. С. 58.

ровавшим обвинение в измене, было испачкать ей при всех рубашку сажей. При этом говорилось: «Запачкала ты себя с таким-то своим беззаконием!». Обвинитель обязывался доказать сходке обоснованность своего выпада. Если ему это удавалось, обвинённая подвергалась насмешкам. В течение года она не имела права посещать соседей, даже просто входить к кому-либо в дом. Честь её была навсегда потеряна в глазах общины. «Что и говорить, – пишет М. Громыко, – для нашего времени многие требования, предъявляемые в XIX в. русскими к самим себе, выглядят чересчур строгими, даже превышающими меру человеческого терпения».¹

Казачество, также осуждало **распутство, блудодеяние, прелюбодейние, снохачество** и иные посягательства на половую неприкосновенность. «Распутство представляло собой разгульное развратное поведение, сопряжённое с отсутствием стыда перед раздеванием и половой близостью мужчины и женщины, и поэтому данное правонарушение именовалось “развратом”. Блудодеяние – вступление в половые отношения лиц, не состоящих в церковном браке, осуществлённое по взаимному согласию, являющееся следствием развратного поведения. Прелюбодейние – добровольное вступление в половые отношения лица, не состоящего в церковном браке, с повенчанным лицом, находящимся в браке, или обоим повенчанных лиц, не состоящих друг с другом в браке, при этом не являлось наказуемым вступление в половые отношения вдовцов с вдовами или лицами, ранее не состоявшими в супружеских отношениях. *Снохачество* – вступление в половые отношения свёкра и невестки, являющиеся следствием развратного поведения, а равно понуждение снохи к таким отношениям. Снохачество как специфическая разновидность прелюбодейния нередко встречалась на Дону в связи с длительностью службы казаков в полках и нахождением невесток под “домашней властью” свёкров, ограничивающей возможность их общения за пределами “большой семьи”, причём, таких лиц называли “снохачами или снохожёнами”».²

Прелюбодеев по казачьему обычаю именовали «волочаями», потому что им связывали руки и водили с «ведёрным боем» по поселению. Кроме того, к ним применяли сечение розгами, били нагайкой, палками или тесаными дубинами для нанесения увечья, иногда мужчин отправляли на внеочередную действительную воинскую службу или общественные работы, с занесением имён виновных в «штрафную книгу».³

По прошествии более 800 лет после крещения жителей балтийского Поморья в 1862 г., по свидетельству А. Гильфердинга, развод у кашубов (потомков древних поморян) был делом неслыханным, а несогласия между супругами встречались крайне редко⁴, а на 200 законнорожденных детей, едва ли приходился один незаконнорожденный ребёнок.⁵ «Часто, как сказано, вместе живут человек 20 и более, несколько семей, – пишет он, – и между ними царствует мирная тишина. К близким, особенно к своим детям, они питают большую любовь. В болезнях они трагят для родных последнюю копейку...».⁶

---

¹ Громыко М. Честь и достоинство. С. 109.

² Небратенко Г.Г. Преступления и наказание в обычном праве донских казаков. – Ростов н/Д., 2015. С. 117-118.

³ См.: Там же. С. 119–121.

⁴ Гильфердинг А. Остатки славянь на южномъ берегу Балтійскага моря. – СПб., 1862. С. 39.

⁵ См.: Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 40.

Старинный устой жизни предоставлял жене и вообще женщине немного прав. *De iure* – она не имела самостоятельности: жена стояла под рукою мужа, действия и власть её определялись не собственною, а волею мужа. Зависимость шла так далеко, что за преступления мужей ответственности и наказанию подвергались жёны. Суровость и строгость права смягчалась нравственными нормами семейного быта. В семье – женщина достигала иногда очень видного и влиятельного положения, как жена главы семьи, как мать детей и домоправительница–хозяйка. *De facto* – она имела силу и власть.

Бамбергские свидетели заметили несколько очень важных фактов высокого положения женщин в семье и их влияния. Так, по их словам, лёгкое утверждение христианства в городе Камине было приготовлено законной женой князя Вартислава: своими увещаниями она так подействовала на приближённых, потом и на народ, что когда явился епископ Оттон со своими сподручными, они встретили полную готовность принять крещение. Подобное передаёт Сефрид о жене какого-то вельможи Домислава в г. Штетине. Женщина эта пользовалась в городе огромным уважением и властью. В отсутствие мужа и без его предварительного согласия – она допустила Оттона окрестить своих детей и вслед за тем увлекла в христианство весь дом и многих горожан. Сам Димислав, человек могущественный и весьма крутого нрава, принял сначала очень худо самовольный поступок жены, но в конце – уступил ей и сам стал христианином. Миссионер Удальрик рассказывает, что его и переводчика Альбина – в городе Волегощ самым радушным и гостеприимным образом приняла жена начальника города. Она показала себя при этом не только полною хозяйкою дома, но и лицом более властным. Узнав, что гости её были христианские проповедники и им угрожает смерть, она скрыла их в потаённом помещении своего дома, а пожитки и лошадей их отправила в свои отдалённые поместья. Таким распоряжением, вопреки решению властей города она спасла христианских миссионеров от смерти.

Но не стоит думать, что женщины всегда были предателями славянских Богов. Например, неподалёку от г. Каминь, в деревне проживала богатая и очень знатная вдова. Она имела многочисленную семью, пользовалась большой властью и деятельно управляла своим домом. При обращении г. Каминь в христианство, она упорно оставалась верной отцовским божествам. Случилось так, что в воскресный день, в годину жатвы, народ собрался в церковь, вдова же не пустила своих домоладцев и приказала им жать хлеб, причём, она также взялась за серп.¹

В Хронике Гельмонда² находится также два указания на то, что голос и участие женщин могли иметь некоторое значение и в области политических событий. Так, старший сын ободритского князя Готшлака – Бутый был завлечён в засаду своим противником Крутом и осаждён им в крепости Плуне. Доведённые до крайности, он и его воины решились сдаться и явились перед Крутом без вооружения. Последний, быть может, пощадил бы их: но какая-то знатная горожанка пробудила ненависть победителей, сказав, что эти враги, находясь в крепости, делали много насилий и бесчестия жёнам их. Она требовала смерти их в качестве мести за позор и обиды. Услышавши это, Крут и дружина бросились на пленников и всех их умер-

¹ См.: Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. С. 128–129.

² Гельмонд из Боссау. Славянская Хроника // Адам Бременский, Гельмонд из Босау, Арнольд Любекский Славянские Хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. – М., 2011. С. 155.

твили. У Крута была молодая жена, «госпожа Славянка». Наскучив старым мужем, она обратила своё внимание на другого сына Готшалка-Гейнриха и думала о том, как бы соединиться с ним браком... Часто втайне она помогала ему, предупреждая о коварных замыслах и предприятиях своего мужа, и, наконец, устроила так, что Крут явился на пир к Гейнриху, где и пал жертвою кровной мести врага, мстившего за насильственную смерть своего брата.¹

Институт развода, т.е. прекращения брака у балтийских славян при жизни супругов засвидетельствованы Гельмондом и «Саксонским Зерцалом» (ок. 1230 г.).² Первый писал, что один из князей ободритов Билуг имел в замужестве сестру епископа Вагона. После нескольких лет сожителства он отпустил её в нарушение христианскому закону.

В казачьих семьях известны случаи, когда ссоры между супругами, приводили к их раздельному проживанию: например, жена возвращалась в «отчий дом», уходила к другим родственникам или в «чужие люди» по собственной воле или в результате изгнания её супругом. Казак по обычаю имел возможность покинуть «семейный очаг», вопреки церковному венчанию, жить одиноко или с другой женщиной, что само по себе являлось «церковным правонарушением». В таком случае любое лицо, состоявшее в браке, имело право обратиться в станичный суд, который выносил различные «приговоры»: казаку вернуться к жене или обеспечивать её содержание. Жене же, уклонявшейся от совместного проживания, говорили, «чтобы шла к мужу своему или вручали мужу для совместного жительства», нередко приговаривая к аресту на 6–7 дней, сопровождавшемуся «посажением на хлеб и воду». Иногда же по требованию мужа, в дополнение к аресту жены, наказывали и её родственников, пособничавших раздельному проживанию, взыскивая денежный штраф, например, за каждый месяц полагалось по 3 рубля серебром.³

В религиозно-юридической оценке развода, важно учитывать, что хотя христианство видит в браке нерасторгимый союз мужчины и женщины (ибо то, что соединил Бог, человек расторгнуть не может), греческая церковь допускала возможность расторжения брака. Перечень поводов к расторжению брака почти целиком был заимствован из византийских законов, в частности из Прохирона, но с учётом русских традиций. Итак, брак расторгался, когда: 1) обнаруживалось, что жена слышала от других людей о готовящемся злоумышлении на власть и жизнь князя, а от мужа своего утаила; 2) муж заставлял жену с прелюбодеем или это доказывалось показаниями послухов; 3) жена вынашивала замысел отравить мужа зельем или знала о готовящемся другими людьми убийстве мужа, а ему не сказала; 4) жена без разрешения мужа посещала пиры с чужими людьми и оставалась ночевать без мужа; 5) жена посещала днём или ночью (не имело значения) игрища, несмотря на запрещения мужа; 6) жена давала наводку вору похитить имущество мужа или сама что-либо похищала или совершала кражу из церкви.⁴ Обращает на себя внима-

¹ См.: *Котляревский А.А.* Древности юридического быта балтийских славян. С. 128–129.

² См.: *Саксонское зерцало.* Памятник, комментарии, исследования / Под ред. В.М. Корецкого. – М., 1985.

³ См.: *Шапсугов Д.Ю., Сергеев В.Н., Краковский К.П., Небрятенко Г.Г.* и др. Антология памятников права народов Кавказа. Ч. 1: Памятники права народов Северного Кавказа. Т. 7: Памятники права донского казачества. – Ростов н/Д., 2010. С. 178–179.

⁴ См.: *Серегин А.В.* Юридическое исследование государства и права Древней Руси. – Ростов-на-Дону, 2014. С. 128.

ние то, что повод к разводу могла дать только жена, но не муж, которому, очевидно, предоставлялась большая свобода в семейной жизни.

На мужа возлагалась роль воспитателя жены, что хорошо видно из статьи церковного Устава князя Ярослава, согласно которой деятельность жены, хотя и не угодная церкви, не расценивалась как повод к разводу. Например, если жена колдовала («чародеица, наузница, или волхва, или зелеиница»), муж должен был наказать её, но не разводиться.¹

Отцовская власть у балтийских славян также как и у руссов была весьма сильна. Связано это с общей слабостью первоначальных признаков государственной власти. У поморян отцу принадлежала власть над жизнью и смертью новорожденных детей женского пола. Но убивали девочек матери. Данный обычай являлся пережитком древнего права бытовавшего также у греков (в Спарте), римлян, германцев, кельтов и других архаических народов. На сегодняшний день он возрождён в разрешении аборта, когда современная женщина убивает ребёнка любого пола. Вместе с тем, существуют три особенные черты, отличающие поморские обыкновения экспозиции от правил других племён: 1) умерщвлялись исключительно девочки, но не мальчики – жизнь которых считалась более ценной; 2) исполнялось это под предлогом, что так легче воспитать других детей (как и в современном мире); 3) убийство девочек осуществлялось материнской рукой.

А.А. Котляревский предполагал, что «судя по примерам немецкого обычая, смерти предавались такие новорождённые, которые отличались природными физическими недостатками или подозревались в незаконном происхождении. Растить и воспитывать калек, уродов или незаконных детей в ущерб здоровым и собственным, по понятиям старины, было неуместно; они подвергались экспозиции, а через это естественно – облегалось и воспитание прочих».² Такой крайней в своей жестокости власти отца не знало ни одно славянское племя. Аналогичный обычай известен только соседним пруссам. Ругов можно назвать спартанцами славянского мира, которые не только были природными воинами, но и народом убивавшим своих младенцев, если они имели физические или эстетические недостатки. Но в Лакедемоне спартанцы убивали детей обоего пола.³

Вероятно, данные нравы установились в результате постоянного ведения войны с германцами, перманентно наступающими на восток. Аналогичные обычаи, допускающие убийство младенцев, существовали у донских казаков примерно до начала XVI века.⁴ Примечательно, что первоначально убивали детей обоего пола, но затем на кругу было принято решение о возможности умерщвления только новорождённых девочек, как и руян, дабы они не обременяли войско, находящееся в состоянии постоянной войны с крымскими татарами, ногайцами и турками.

Современное законодательство европейских и североамериканских государств и в XXI веке допускает аборт по инициативе женщин, что, в сущности, является разрешением матерям убивать зачатых детей. Но если балтийские славяне умерщвляли новорождённых девочек, в целях выживания народа, то современные женщи-

---

¹ Там же.

² Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. С. 138.

³ См.: Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. С. 87.

⁴ См.: Небратенко Г.Г. Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI – начало XX вв.) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. № 13. С. 21.

ны совершают данное преступления ради достижения эгоистических целей: личной карьеры, ведения разгульной жизни, гедонистического образа жизни и т.д.

После смерти отца власть над его малолетними детьми переходила к ближайшему родственнику: совершеннолетнему сыну или брату, обычно старшему в роде (точнее семейном союзе), который осуществлял **опеку** над ними. Примеры подобной опеки в изобилии известны в княжеских родах. По смерти поморского князя Богуслава I (1187 г.) опеку над его сыновьями получил их дядя Вартислав (по линии отца), сын Ратибора. Князь восточного Поморья Мстивой, на смертном одре, поручает опеку над младшим сыном – старшему, Свентополку. Опеке также подлежали немощные и старики: забота о них лежала на обязанности наследников (обычай, засвидетельствованный у Руян). Старики пользовались всеобщим вниманием, почтением и присмотром потомков и родичей: **уважение и уход за родителями считались у славян первой добродетелью**. Уважение к старцам у славян основывалось не только на чувстве кровной и семейной любви, сколько на убеждении и вере в их богатое опытом знание жизни и вообще житейской мудрости.

Вдовы у балтийских славян представлялись лицами достаточно самостоятельными и властными. Они управляли домом и обширной семьёю, воля их служила вторым законом. Поэтому нельзя согласиться с мнением Е.В. Левченко о том, что евангельское учение о браке более возвышенное и нравственное, нежели языческое.¹

Подводя итоги сказанному, можно выделить следующие принципы обычного семейного права балтийских славян в сравнении с древнерусскими:

1. Принцип патриархальности и священности славянской семьи.
2. Принцип полигамии семейных отношений в форме многожёнства.
3. Принцип безграничной верности мужу в явном и потустороннем мирах.
4. Принцип сохранения женского целомудрия до создания семейного союза.
5. Принцип свободного развода для мужчин.
6. Принцип почитания и заботы о престарелых родителях.
7. Принцип свободы применения экспозиции в отношении новорождённых девочек (свойственен исключительно племени ругов или руян, а также донским казакам).

Источники и использованная литература:

1. *Адам Бременский* Деяния архиепископов гамбургской церкви. // Адам Бременский, Гельмонд из Босау, Арнольд Любекский Славянские Хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор составитель И.А. Настенко. – М., 2011.
2. *Алтайхские анналы* // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. – М., 2012.
3. *Повесть временных лет* / Повести Древней Руси. – М., 2002.
4. *Саксон Аналист*. Хроника: 741–1139 гг. / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М., 2012.
5. *Саксонское зеркало*. Памятник, комментарии, исследования. / Под ред. В.М. Корецкого. – М., 1985.
6. *Воцель Я.Э.* Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. – Киев, 1875.

---

¹ См.: Левченко Е.В. Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. – 2014. № 21. С. 34.

7. *Де-Витте Е.* Чтенія по исторіи славянъ. Балтійские Славяне. Хорваты. Сербы. Хорутане. Болгары. Велико-Моравія. Чехія. Польша. Русь. – Ковно, 1886.
8. *Гельмонд из Босау.* Славянская Хроника // Адам Бременский, Гельмонд из Босау, Арнольд Любекский Славянские Хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор составитель И.А. Настенко. – М., 2011.
9. *Гильфердинг А.* Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. – СПб., 1862.
10. *Громыко М.* Честь и достоинство. // Родина. – 1995. № 1. С. 107-109.
11. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991.
12. *Кведлинбургские анналы* // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. – М., 2012. С. 15-89.
13. *Котляревский А.А.* Древности юридического быта балтійскихъ славянъ. Опыт сравнительнаго изученія славянскаго права // Сочиненія А.А. Котляревскаго. – СПб., 1895. Т. IV.
14. *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М., 2011.
15. *Левандовский А.П.* Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. – М., 2003.
16. *Левченко Е.В.* Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. – 2014. № 21. С. 32-36.
17. *Небрятенко Г.Г.* Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI – начало XX вв.) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. № 3. С. 19-23.
18. *Небрятенко Г.Г.* Преступления и наказание в обычном праве донских казаков. – Ростов н/Д., 2015.
19. *Перфецкий Е.* Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1912. № 3.
20. *Прудников М.Н.* История государства и права зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
21. *Регильман А.И.* История о донских казаках. – Ростов-на-Дону, 1992.
22. *Серегин А.В.* Юридическое исследование государства и права Древней Руси. – Ростов-на-Дону, 2014.
23. *Стетюха М.П.* Сексуальное поведение личности как объект правового регулирования: вопросы истории и современность. – М., 2013.
24. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. – Тула, 2001.

Seryogin A.V.

**Comparative-historical analysis of medieval customary family law
of Baltic Slavs and Old Russian people**

The article is devoted to the comparative legal analysis of a family law of the Baltic Slavs and the Old Russian people during a Middle Ages era. The author comes to a conclusion that matrimonies of West Slavic and East Slavic tribes were under construction on the basis of the principles of patriarchal character, polygamy, boundless fidelity of wives to the husband, chastity of brides, freedoms of man's divorce, and also honoring and care of aged parents.

Keywords: Slavs, family law, polygamy, custom, wife, husband, patriarchy.

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО КАК ОДНО ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ

В статье рассматривается период от венчания на царство Ивана Грозного до момента становления первых Романовых. Проводится мысль, что титульная форма правителей Руси перестает служить цели обоснования суверенитета Руси, но, с использованием института венчания на царство, происходит переход к идее легитимности собственно Московских правителей.

Ключевые слова: кесарь, царь, легитимность, венчание на царство.

Первым венчанным русским царем стал Иван IV, венчавшийся на царство 16 января 1547 года. Отдельные источники говорят о царском достоинстве предшественников Ивана Грозного, но сам факт их появления именно тогда, когда они были особенно необходимы с точки зрения требований конкретного исторического момента, порождает определенные сомнения в достоверности таких утверждений. Так, скажем, заявление русского посольства 1547 года о том, что: «государь наш на свои государства царем венчался по прародителя своему венчанию, царя и великого князя Владимира Мономаха, и потому своему венчанью пишется»¹, преследовало вполне очевидную политическую цель, когда перед окольным М.Я. Морозовым, дворецким И.В. Морозовым и дьяком Б.М. Качаровым была поставлена конкретная задача: включить царский титул Ивана IV в текст нового русско-литовского договора. Именно для этого и был использован образ Владимира Мономаха, именно для этого послы неоднократно обращали внимание литовской стороны на то, что «все государи христианские имя свое пишут по венчанью».²

Точно также действовало и посольство во главе с В.М. Юрьевым, отправленное в Литву в 1554 году, когда посол начал свою речь с крещения Руси, которое, как он думал, сопровождалось венчанием на царство Владимира Святославича. По его словам, «прародитель его (Ивана IV – Т.Ф.), великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и патриарх венчали ево на царство Русское, и он писался царем». Когда же он «преставился, ино образ ево на иконах пишут царем».³ За рассказом о «венчании» Владимира Святославича в выступлении русского посла последовал рассказ о «венчании» Владимира Мономаха, преследовавший все ту же цель – обосновать традиционность царской власти на Руси.

Заявления о венчании отдельных Киевских князей основывались, помимо про-

---

Фасгиев Тимур Анатольевич – кандидат юридических наук (Уфа).

¹ О посольстве от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... для присутствия при крестном целовании короля на перемирных грамотах и для переговоров о других делах // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: 1533–1560 гг. / Под ред. Г.О. Карпова. – СПб., 1887. С. 312 (далее: Сб. ИРИО).

² О посольстве от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... С. 313.

³ Там же. С. 437.

чего, и на «Сказании о князьях владимирских» Спиридона-Саввы. Ещё при Василии III идея венчания на царство, судя по всему, витала в воздухе, однако при его жизни воплотить в жизнь её не удалось, почему автор «Сказания» и сосредоточил главное внимание на «венчании» Владимира Мономаха, произведённом, если верить ему, эфесским митрополитом Неофитом, действовавшим от имени византийского императора Константина Мономаха. При этом киевский князь Владимир Всеволодович якобы получил от своего деда – византийского императора Константина Мономаха, дары, имевшие большое символическое значение, а именно: «животворящий крест от самого животворящаго древа, на нём же распяты Владыко Христос», царский венец «на блюде злате», «крабеицу сердоликову, из неа же Август, царь римский, веселяшеся» и «ожерелие» и «чепь от злата аравийска скованну».¹ Особую значимость подобным «дарам» придаёт их принадлежность, по всей видимости, мнимая, венченосным особам. Все вместе «реликвии», якобы принадлежавшие самому Августу, через посредство Константина Мономаха, снявшего «животворящий крест» «от своя выа», а царский венец «от своя главы», оказались у Владимира Всеволодовича. Подобная концентрация на существенных для средневекового сознания деталях была призвана обеспечить благоприятный фон, подготовку для главной политической акции – венчания на царство московского государя. Дальнейшее показало, что труды Спиридона-Саввы не пропали даром, а его разработки легли в основу сценария, в соответствии с которым события развивались при сыне Василия III – Иване IV.

Единственное, обнаруженное нами, сколько-нибудь убедительное свидетельство случившегося до «игумена на троне» венчания на царство, содержится в грамоте Константинопольского патриарха Иосафа II и собора Восточной церкви, составленной в ноябре – декабре 1560 года и оказавшейся осенью следующего года в Москве.² В грамоте утверждалось: «Василий (император – *Т.Ф.*) и благочестивейший василевс Константин, вместе с тогдашним патриархом и священным собором архиереев, послали преосвященного митрополита эфесского и антиохийского епарха, и они венчали на царство благочестивейшего великого князя Владимира».³ Не приходится в полной мере отрицать историческую значимость этого известия, обусловленную тем, что оно опирается на отдельные уцелевшие архивные данные константинопольского патриархата.

Не будет чем-то оригинальным заявить, что страстное стремление Ивана Грозного сначала к венчанию на царство, а потом ко всеобщему признанию этого факта, состоит в том, что в этом он видел подкрепление права самодержавного властвования над всеми территориями расширившегося государства. В посланиях к А. Курбскому Грозным сформулирована доктрина самодержавия, сводящаяся, по большому счёту, к одному широко известному его высказыванию: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Раздражение, презрение к своим

---

¹ Там же.

² *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии СССР. – М., 1974. С. 248–249.

³ Цит. по: *Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского патриарха Иосафа II и собора Восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI в. В 2-х тт. – М., 2004. Т. 1. С. 386.

подданным, отрицание за ними каких-либо прав, а, следовательно, и абсолютная неприемлемость самой мысли о каком-либо «синклите», боярском совете, которую пытался внушить Ивану IV А. Курбский, легко угадывается в этой знаменитой максиме. Грозный был убежден в том, что «понеже бо правится Руская земля Божиим милосердием ... и родителей наших благословением, а последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже ипаты и стратиги».¹ Вновь возвращаясь к этим размышлениям и не желая ни с кем делиться властью, царь срывается на раздраженный тон, обращаясь к своим оппонентам: «Это ли совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать? Это ли противно разуму – не хотеть быть обладаему своими рабами? Это ли православие пресветлое – быть под властью рабов?».² Будучи глубоко убежденным в том, что самодержавие существует на Руси изначально, Грозный не скрывал своих претензий на безраздельную власть, ибо: «наши государи – самодержцы Божьей милостью сидят на престоле непрерывно от великого Владимира».³

Во времена до Ивана IV титульные формы были одним из аргументов, доказывающих суверенитет Руси. В новых условиях борьба за титул и признание венчания как непреложного условия его законности, диктовалась соображениями, отличными от бытовавших ранее, в новых условиях происходил перенос акцента на личность государя.

Вплоть до начала XII века, как считает исследователь лексики Повести временных лет А.С. Львов⁴, на Руси вместо титула «князь» использовался титул «каган», символизировавший независимость Руси. О титуле, равном императорскому, мы узнаем и из арабо-персидских источников⁵ и из Бергинских анналов, говорящих о том, что правитель русов именовался «каганом»⁶ уже в 839 году. О восприятии титулов как равнозначных свидетельствует тезис о равенстве статусов правителей Руси и византийских императоров, содержащий, к примеру, в инструкции, выданной 22 марта 1489 года Иваном III русскому послу Юрию Траханиоту, при отправлении того с дипломатической миссией к императору Фридриху III, где Иван III настойчиво утверждает: «От давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и любви с передьними римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии».⁷ Справедливости ради стоит отметить, что сами византийцы далеко не всегда смотрели на это так же, пренебрежительно име-

---

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – М., 1993. С. 26.

² Там же.

³ Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского (1567 г.) // Антология мировой правовой мысли. Т. 4: Россия, XI–XIX вв. / Нац. обществ.-научн. Фонд; руководитель научн. проекта Г.Ю. Семигин; отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М., 1999. С. 184.

⁴ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». – М., 1975. С. 200.

⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники по истории восточных славян и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. – М., 2000. С. 303.

⁶ Бергинские анналы // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. / Сб. документов подг. к печати Г.Е. Кочиным. – Л., 1936. С. 23–24.

⁷ Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли / Подгот. русского текста Н.В. Сеницыной и Я.Н. Шапова. – Рим, 1989. С. 5.

ную русских правителей архонтами, иллюстрацией чему может служить сочинение Константина Багрянородного, упоминающее «архонтов росов».¹

Владимир I Красное Солнышко стал в глазах византийских императоров кесарем лишь вступив в брак с их сестрой, а признание за ним этого титула означало согласие с тем фактом, что он является сувереном на подвластной ему территории. При этом Э.Д. Харитонович – автор научного комментария к монументальному произведению британского историка А. Тойнби, полагает, что принятие крещения от Византии «означало лишь признание почетного первенства империи, а не подчинения ей», то есть на Русь была распространена практика межгосударственных отношений, сложившаяся в ходе длительного взаимодействия Византии с Болгарией в период независимости последней.² Однако если соглашаться с тем, что в 913 году Симеон Болгарский «силой принудил Византию признать за ним царский титул», после чего был заключен «мирный договор 927 года», который «официально закрепил титул «василевс болгар» за сыном Симеона Петром»³, то никакого мирного договора, официально наделившего бы Владимира статусом «василевса русов», насколько нам известно, не существовало. Тем не менее, царский титул, а также царские инсигнии, составлявшие, по мнению М.Б. Свердлова, венец (шапку), скипетр, верхнюю одежду, подобную императорской, и сапоги⁴, он, скорее всего, все же получил.

От обоснования права на титульные формы оставался один шаг до выработки концепции самодержавия, и в агиографических литературных источниках XI века Владимир Креститель уже именуется «самодержцем». Так, в «Сказании о Борисе и Глебе» говорится о том, «что было раньше, когда самодержцем всей Русской земли был Владимир, сын Святослава, внук Игоря, святым крещеньем просветивший всю землю Русскую»⁵, а в Киево-Печерском патерике восхваляется «княжение самодръжца Руския земли, благоверного великого князя Володимера Святославича».⁶

В этом же ключе рассматривали природу своей власти и первые властители Московской Руси. Отчетливо это видно на примере того, как в 1489 году Фридрих III, один из Габсбургов – правителей Священной Римской империи германской нации, через своего посла Николая Поппеля пытался предложить Ивану III королевскую корону, на что тому в ответ было весьма недвусмысленно заявлено: «Мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтоб дал нам Бог и нашим детям и до века в том были, как есмя наперед сего

---

¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* – М.: Наука, 1982. С. 273.

² *Тойнби А.Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова.* – М., 2003. С. 615, прим. 25.

³ *Сюзюмов М.Я., Иванов С.А. Комментарий // Диакон Лев. История. Приложения / Пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин.* – М., 1988. С. 190, прим. 23.

⁴ *Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Русь.* – М., 1998. С. 84.

⁵ *Сказание о Борисе и Глебе // Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. М.Е. Федорова, Т.А. Сумникова.* 4-е изд. испр. и доп. – М., 1994. С. 40.

⁶ *Киево-Печерский патерик / Подготовка текста Л.А. Ольшевской, пер. Л.А. Дмитриева, комм. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Библиотека древнерусской литературы / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко.* – СПб., 1997. Т. 4. С. 316.

не хотели никого, так и ныне не хотим».¹

Вопрос о венчании на царство сохранял свое значение и после Ивана Грозного, но поднимался он уже не для закрепления суверенитета Руси или обоснования полновластия царя, а для подтверждения высокого «должностного положения» собственно того или иного правителя. Необходимость стала состоять не в том, чтобы доказать право Руси быть возглавляемой царём, не в том, чтобы развеять сомнения в природе верховной власти, но в том, чтобы убедить всех, что именно этот субъект является царём. В результате начала формироваться идея отделения идеи государства от персоны государя, ставшая законченной, по наблюдениям Л. Черной, при Алексее Михайловиче, когда один из его чиновников – Ордин-Нащокин – заявил, что служит не только своему государю, но и трудится для «устроения своего государства».²

Особое значение обряд венчания на царство приобрел при наступлении династического кризиса, предшествовавшего Смуте, сделавшего затруднительным использование традиционного династического принципа. Сложность, которую вполне осознавали Годуновы, состояла в том, что мысль о возможности выбрать «неприрожденного государя» должна была быть еще внедрена в общественное сознание, как требовала должной внешней оболочки и идея богоизбранности нового царя.

После избрания Бориса Федоровича на царство 20 февраля 1598 года была предпринята претерпевшая неудачу первая попытка убедить его занять место умершего сына Ивана Грозного. Претендент на царскую корону, удалившись в Новодевичий монастырь, ответил отказом, на что 21 февраля в Москве был организован крестный ход, призванный продемонстрировать решимость всего народа, преследующего одну цель – уговорить Бориса Годунова согласиться с решением Земского собора. Но и на сей раз Годунов вновь отказался от царской власти, согласившись стать первым выборным царём Московской Руси только тогда, когда к организаторам крестного хода присоединилась царица Ирина. Однако после кратковременного пребывания в Москве Годунов вновь покидает её. Что же вынудило его снова оставить столицу? По всей видимости, только что избранный царь столкнулся с проблемой недостаточной легитимности своего правления. Чтобы выглядеть полноценным царём в глазах собственных подданных, ему нужно было добиться от них присяги с неразрывным от неё обрядом венчания на царство.

В целях подготовки этих мероприятий патриарх Иов 15 марта 1598 года распространил свою окружную грамоту, сказав в ней, что Борис Годунов есть «государь Богом избранный, и Богом возлюбленный, и Богом почтенный».³ В том же качестве – избранника Бога – Борис Годунов фигурирует и в Соборном определении, содержащем объяснение соборных чинов, почему они остановили свой выбор на персоне Бориса Годунова, ибо «на нем же бо (рекоша) обоих царей благо-

---

¹ Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. Рим–М., 1989. С. 7.

² Черная Л. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. – М., 1989. Вып. 1. С. 34.

³ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб., 1992. С. 220.

словение бысть, и царево бо сердце в руце Божии, еже цари рекоша, сие Бог благоизволили». Полностью согласился с решением созданного им Земского собора и патриарх, не преминувший добавить от себя: «Глас народа, глас Божий».¹

Своеобразие соборного определения заключалось в том, что оно имело смешанную политико-правовую природу. Помимо благожелательной для Годунова информации о его деятельности в качестве фактического правителя страны, в нём содержались завещания прежних царей и слова о поставлении Бориса Федоровича на царство особым способом: с согласия «всей земли». В этом смысле вполне обоснованным будет утверждать, что венчание на царство должно было стать завершающим этапом приведения к власти «самого достойного» из претендентов в рамках обряда призванного символизировать волю не только «всей земли», но и Бога.

Сходным было и содержание Утвержденной грамоты, принятой весной 1598 года, вновь восхвалявшей правительственную деятельность Бориса. Как и в предыдущих документах, в ней особое внимание уделяется идее власти от Бога, чьей волей руководствовались представители «всей земли», избирая нового царственного властителя. При этом не обошлось без ссылок на византийский порядок престолонаследия, в течение длительного времени предполагавший выборность императора. И.П. Медведев, рассмотрев попытки годуновских идеологов использовать византийскую модель престолонаследия в качестве одного из аргументов в борьбе за московский престол, заключил: «на Руси неплохо разбирались в тонкостях византийской политической доктрины», однако исследователь тут же оговаривается, что «реального значения эти ссылки на исторические прецеденты не имели».²

Казалось бы, содержание Утвержденной грамоты должно было склонить Годунова к мысли о немедленном венчании на царство, но вместо этого он отправился с войсками на Оку, где в течение двух месяцев ожидал нападения крымцев. Была ли военная угроза со стороны крымского хана реальной? Теперь это трудно выяснить, но как бы то ни было, на сей раз нападения крымских татар на русские земли не случилось. В Москве в этом смогли разглядеть Божественную волю, и отсутствие очередного набега из Крыма было поставлено в заслугу Борису Годунову, которого по возвращении ожидала торжественная встреча «со кресты и з дары, яко победителя».³ От имени встречавших выступил сам патриарх Иов, восхвалявший «Богом избранного государя» за «прехвальныя без крови» победу⁴ и 3 сентября 1598 года подлинный или лишь названный таковым победитель венчался на царство.

Общеизвестно, что Борис Годунов не имел прямого отношения к династии Рюриковичей, в результате чего его венчание происходило на основе формулы: «по Божией воли и по избранию, и по благословению и повелению сестры твоей го-

---

¹ Соборное определение об избрании Царем Бориса Федоровича Годунова // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологическою экспедициею императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной Комиссиею. Т. 2: 1598–1615 гг. – СПб., 1836. С. 14 (далее: ААЭ).

² *Медведев И.П.* Византийское престолонаследие и русский престол XVI–XVII вв. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси: Сб. статей / Под ред. И.Я. Фроянова. – СПб., 2004. С. 427, 429.

³ Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. – М., 1978. Т. 34. С. 237.

⁴ Соборное определение об избрании Царем Бориса Федоровича Годунова // ААЭ. Т. 2. С. 12–13.

сударыни нашае благоверныя царицы и великия княгини Ирины».¹ Небезинтересно, что для обеспечения легитимации первого избранного царя активно использовалась формула: «Богом венчаный, и Богом почтенный, и Богом избранный, и Богом возлюбленный, благочестивый государь царь и великий князь», в то время как прирожденные государи-Рюриковичи при обряде венчания использовали другую формулу: «по отца своего благословению и повелению».

После краха прежней династии при венчании выборных царей в полной мере не мог быть использован принцип наследования верховной власти, но фактом остается то, что «Б. Годунов также был вынужден обратиться к своим мнимым татарским корням» поскольку «согласно родословной сказке, Годуновы происходили из рода ордынских царей, а их предком якобы был некий мурза Чет».² И всё же, хотя татарская родословная была востребована и в конце XVI века, она вытесняется на периферию общественно-политического сознания, замещаемая идеей Божественной воли.

Сменивший Годунова Лжедмитрий I стал единственным самозванцем, которому удалось добиться царского венца, ссылаясь на близкое родство с самим Иваном IV, чему немало способствовало его признание собственным сыном вдовой Ивана Грозного – Марией Нагой, ставшей к тому времени старицей Марфой. Факт признания «кровного родства» рассмотрела Л. Грот с точки зрения того, что это было ни что иное как «акт усыновления, благодаря которому Григорий Отрепьев действительно получил права наследника престола».³ Примечательно, что только после «этой встречи могла состояться коронация Лжедмитрия», так как только тогда она стала являть собой «обряд, имевший смысл юридического акта, понятный всем присутствовавшим».⁴

Вжившись в роль, Лжедмитрий I охотно карал тех, кто усомнился в его царском происхождении, сопровождая наказание риторикой, присущей не беглому монаху, но царственной особе. Примером могут служить следующие слова Лжедмитрия I: «А не добьете челом нашему Царьскому Величеству ... вам в том дати ответ в день праведного суда Божия ... и от нашия царьския руки нигде не избыти».⁵ Надо признать, что Лжедмитрий I преуспел в своём стремлении предстать перед населением страны в качестве «прирожденного государя» и только ему одному из всех самозванцев удалось венчаться на царство. Венчание происходило в Успенском соборе московского кремля при деятельном участии нового патриарха – патриарха Игнатия, который и венчал 7 июля 1606 года Лжедмитрия I «царским венцом, диадемою и короною отца своего Ивана Васильевича, присланною от кесаря великого царя Алемании». Затем самозванца венчали шапкой Мономаха, но

---

¹ Чин венчания на царство царя Бориса Федоровича // Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. – СПб., 1846. Т. 1. С. 241.

² Мецержков А.Н. Японский император и русский царь: элементная база. – М., 2004. С. 37.

³ Грот Л. Как Рюрик стал великим русским князем. Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки: историографический вестник. Ин-т рос. истории РАН: 1965–2006 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 2007. С. 104.

⁴ Грот Л. Как Рюрик стал великим русским князем. С. 107.

⁵ Грамота Лжедмитрия к Московским Боярам и другим всякого звания людям, о правах его на престол Российский // ААЭ. Т. 2. С. 91.

этот обряд был осуществлен там, где находились останки Ивана IV и его сына Фёдора Ивановича – в приделе Иоанна Лествичника Архангельского собора. Для завершения обряда самозванцу и его окружению пришлось вернуться в «великий храм Пречистой Богородицы, и находившиеся там патриарх и архиереи... начали божественную литургию».¹

Налицо своеобразное удвоение обряда венчания, в котором особого внимания заслуживает венчание короной, присланной от кесаря. Использование подобной короны, короны императорской, свидетельствует о претензиях самозванца на титул цесаря, которым тогда обладали только западные правители. Поэтому двойная коронация Лжедмитрия I, по сути своей, была попыткой, используя традиционный российский обряд и символику как базовые, внести в них элементы Запада.²

Хотя для русских людей самозванец оставался царём и после процедуры венчания, за пределами Московии Лжедмитрий I стремился представить себя в качестве носителя нового титула. 16 августа 1605 года он отправил грамоту своему будущему тестю – Юрию Мнишеку, сообщив в ней полякам, что писал её ни кто иной как «пресветлейший и непобедимый Монарх Дмитрий Иванович, Божию милостию Цесарь и Великий Князь всея России, и всех Татарских Царств и иных многих Московской Монархии покоренных областей Государь и Царь».³ В сентябре того же года от имени нового московского правителя была отправлена грамота и польскому королю Сигизмунду III, где Лжедмитрий I извещал польского суверена: «Мы венчаны в сан императора».⁴ Свои претензии на столь пышный титул он обосновывал, ссылаясь на обряд миропомазания, который был совершен над ним при венчании на царство.⁵

При общей прозападной ориентации самозванца его стремление к императорскому титулу в Москве было воспринято крайне негативно. Противники Лжедмитрия I стали говорить о нем как о человеке, изменившем государственным и религиозным интересам страны, а когда их недовольство переросло в заговор, то его организаторы заявили москвичам: «он хочет уподобиться императору римскому, и тогда наша страна, вместе с верою, делается римскою».⁶ Подобная аргументация достигла цели. Недовольство москвичей подогревалось и активным участием в свадебных торжествах нового царя поляков, чьё появление на свадьбе русского государя, проведенной с довольно значительными отклонениями от установившейся в Москве традиции, не способствовало росту популярности Лжедмитрия I. В результате участь самозванца была предрешена: сам того не желая, он способствовал собственной смерти.

---

¹ *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. – М., 1998. С. 179.

² *Ульяновский В.И.* Царское венчание Лжедмитрия I: между Западом и Востоком? // Россия XV – XVII столетий. Сб. ст. посвященный 70-летию Р.Г. Скрынникова. – Волгоград, 2001. С. 89.

³ Грамота Лжедмитрия Отрепьева к Сендомирскому Воеводе Юрию Мнишк, известительная: о прибытии своем в Москву ... // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел Ч. 2., служащая дополнением к первой. – М., 1819. С. 212–213.

⁴ Русская историческая библиотека. – СПб., 1872. Стб. 4 (далее: РИБ). – Цит. по: *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Сост. М.А. Бойцов; под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. – М., 2008. С. 245.

⁵ Дневник Марины Мнишек. – СПб., 1995. С. 49.

⁶ *Геркман Э.* Историческое повествование // Хроники Смутного времени. – М., 1998. С. 224.

При венчании на царство В. Шуйский руководствовался теми же мотивами, что и Б. Годунов. Он также был лицом выборным, также сомнительной была его принадлежность к Рюриковичам, и только рассматриваемый обряд мог должным образом легитимировать его. Но новому выборному царю приходилось действовать в условиях более тяжелых, чем его предшественнику. Польская интервенция, во главе которой формально стоял первый самозванец, страшный трёхлетний голод, завершившийся эпидемией чумы при Б. Годунове, подорвали веру русских людей в богоустановленность царской власти, доставшейся человеку иного происхождения, нежели первые русские цари.

Все это учитывалось авторами особой грамоты, в которой московское боярство доводило до населения страны свою волю. В ней, в частности, отмечалось, что Шуйский был избран «всей землей»: Освященным собором, Боярской думой, дворянами и «всякими людьми». По давно установившейся традиции в грамоте приводилась известная генеалогическая легенда, связывающая Рюриковичей с «кесарем Августом». Одновременно её составители подчеркивали мысль о прямом родстве князей Шуйских с Рюриковичами, точнее, одним из них – Александром Невским, по поводу чего в грамоте пишется: «по степени прародителей наших, его ж дарова Бог великому князю Рюрику, иже бе от Римского Кесаря. Спустя многими леты и до прародителя нашего великого Государя Александра Ярославича Невского, от него же прародители наши на Суздальской удел по родству розделишась».¹

В конце мая 1606 года в Москве появилось «Сказание о Гришке Отрепьеве», в котором Василий Шуйский изображался подлинным вождем православного люда: «Князь ... Василий Иванович Шуйской скачуще на коне по площади и к рядом и вопиючи гласом велим: Отцы и братия, православные христиане! Постражити за православную веру, побеждайте врагов христианьских! – В тое же пору православные христиане скачущее и рыщущее по всему граду ... и побивающее поганых еретиков; погани же Ляхове и Литва против Божия помощи и православных христиан не возмогоша зла ничего сотворити».²

Несмотря на активную идейно-политическую деятельность нового царя и его окружения, положение в стране оставляло желать лучшего. Когда же до населения стали доходить вести о результатах восстания 17 мая, то, по словам Ж. Маржерета, «в это время слышен был лишь ропот, одни плакали, другие горевали, а некоторые другие – радовались – словом, это была полная перемена. Дума, народ и страна разделились одни против других, начав новые предательства. Провинции восставали, не зная, что произойдёт дальше».³ Отсутствие стабильности в стране вынуждало Василия Шуйского поспешить с венчанием на царство и сопровождавшей его присягой царю. Вместе с тем требовалось и возрождение высокого авторитета последней, для чего в Москве 20 февраля 1607 года был проведен молебен с широким составом участников. После его завершения от московских посадских людей Иову

---

¹ Грамота Царя Василия Ивановича в Пермь Великую, о восшествии его на престол, с приложением двух подкрестных записей // ААЭ. Т. 2. С. 101.

² Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. – СПб., 1909. Т. 13. С. 749.

³ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XVI–XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986. С. 276.

была подана челобитная, содержащая просьбу отпустить им грехи, которые они совершили, нарушив присягу Годуновым.

В прощальной грамоте, принятой Освященным собором, указывалось, что царевич «прият заклание неповинно от рук изменников своих»¹, а также подчёркивался факт всенародного избрания Бориса Годунова. Царю, поставленному на царство «всей землей», необходимо было повиноваться как законному государю, но многие русские люди поверили самозванцу и нарушили присягу Годунову и его сыну. Клятвопреступление произошло вопреки настойчивым увещаниям патриарха Иова. Но народ не внял призывам патриарха, призывавшего его сохранять верность присяге, данной Годуновым, и поплатился за это осквернением церквей и разорением городов и сел. Все это произошло по вине самозванца и поддерживающего его народа, но никак не Василия Шуйского, который, происходя «от благовернаго Великаго князя Олександра Ярославича Невскаго», воссиял «яко солнце на тверди небесной». Столь лестным сравнением он был обязан тому, что ему якобы удалось вернуть в страну тишину и покой.²

Однако В. Шуйскому не удалось полностью взять ситуацию в потрясенной стране под свой контроль, а негативные процессы и явления, связанные с периодом Смутного времени, начали преодолевать только с приходом Михаила Федоровича Романова. Идеологическая подготовка ознаменовавшего воцарение новой династии венчания последнего выборного царя на царство, произошедшего 11 июня 1613 года, не отличалась особой оригинальностью, за исключением того лишь, что акцент с идеи богоизбранности царя был перенесен на генеалогическую составляющую, в чем был учтен не самый удачный опыт Б. Годунова.

Так в Утвержденной грамоте, составители которой многократно подчеркивали мысль о том, что Михаил Федорович занял место своего царственного дяди – Фёдора Ивановича, нашла свое воплощение идея наследственного права династии Романовых на верховную власть. Наследственное право избранника Земского собора упоминалось и в наказе его представителям, направленным в Кострому для «умоления» Михаила Романова на царство. Здесь, в частности, отмечалось: «тебе единого предъизбра Бог и соблюде до нынешнего времени, и остави истиннаго правителя Российскому государству, хрестьянского поборника, и святым Божиим церквам теплаго заступника, царского корени богорасленный цвет, великого государя, блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, законные его супруги, царицы и великие княгини Анастасии Романовны – Юрьева родново племянника Федора Микитича Романова – Юрьева сын; а великому, и преславному и хвалам достойному, блаженные памяти царю и великому князю Федору Ивановичу, всеа Русии самодержцу, племянник и ближний приятель».³ Не все сведения, которые можно почерпнуть из этой цитаты, соответствовали истине, но авторов беспокоило другое – важно было обосновать идею преемственности власти, впоследствии растиражированную в многочисленных гра-

---

¹ Статейный список, о посылках от Царя Василия Ивановича ... // ААЭ. Т. 2. С. 151.

² Статейный список, о посылках от Царя Василия Ивановича... С. 155.

³ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. – М., 1906. С. 49.

мотах, которыми до населения страны доводилось решение Земского Собора об избрании на царство Михаила Федоровича, происходящего «от племяни благовернаго и праведнаго государя ... Федора Ивановича всеа Руси».¹

Весьма вероятно, что многим современникам утверждение Романовых на русском престоле казалось спасительной акцией, недаром населению страны стремились внушить мысль об избрании нового царя не только представителями всех чинов Московского государства, но и самим Богом. Так, например, в одной из грамот сообщалось о том, что новый царь приобрел свою власть «ни по чьему заводу и крамом Бог его, государя на такой великой царской престол избрал мимо всех людей, по своей неизреченной милости, и всем людям о его царском обиранье Бог в сердца вложил едину мысль и утверждение».² В этом смысле многочисленные ссылки на Божественную волю, рефреном повторявшие от грамоты к грамоте, доведившей до населения страны факт избрания Земским собором нового царя – Михаила Романова, достигли своей цели.

Стремление обосновать богоизбранность Михаила Фёдоровича порой приводило царских идеологов к мысли о том, что она проявила себя ещё во чреве матери. Примером может служить текст Утвержденной грамоты, в котором сообщалось: «превысокою ... дражайшею честию предпочтил есть Бог человеческий род еже ... предпочтением царским; его же бо дарованием сим одарити Бог восхошет, на сем же во чреве матери честь сию возложи, и из младенства на сие преустроит».³

После проведения традиционного обряда «умоления», Михаил Романов, «не знавший о своем избрании», пребывавший в «то время у себя въ вотчине, тово не видяше, да Богу онъ годен бысть», не ведая что «И за очи помаза Богъ елеемъ святым и нарече ево царем»⁴, согласился стать русским царём. Но согласие было дано не сразу, а только тогда, когда из уст Феодорита прозвучали слова о том, что вся ответственность за безвластие в стране ляжет на плечи Михаила Романова и его матери. Не имея более сил противиться Божьей воле, выраженной в единстве «всей земли», 14 марта 1613 года Романовы были вынуждены согласиться с просьбой посланцев Земского Собора. Таким образом, утверждение Романовых на русском престоле произошло во многом потому, что венчание Михаила Фёдоровича на царство было построено на удачном сочетании двух идей: провиденциальной («божественной») и династической.

Источники и использованная литература:

1. Бертинские анналы // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. / Сб. документов подг. к печати Г.Е. Кочиним. – Л.: Госсоецэкономиздат, 1936. С. 23–24.
2. Геркман Э. Историческое повествование // Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элисс Геркман. «Новый летописец». История России и Дома Романовых в мемуарах современников: XVII–XX вв. – М.: Фонд Сергея Дубова,

¹ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: избрание на царство Михаила Федоровича. – М., 2005. С. 296.

² Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: избрание на царство Михаила Федоровича. С. 293, 298.

³ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. – М., 1906. С. 56.

⁴ Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси. Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 129.

1998. С. 211–262.
3. Грамота Лжедмитрия к Московским Боярам и другим всякого звания людям, о правах его на престол Российский // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной Комиссией. Т. 2: 1598–1615 гг. – СПб.: Типографии II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1836. С. 89–91.
  4. Грамота Лжедмитрия Отрепьева к Сендомирскому Воеводе Юрию Мнишк, известительная: о прибытии своем в Москву ... // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2, служащая дополнением к первой. – М., 1819. С. 212–213.
  5. Грамота Царя Василия Ивановича в Пермь Великую, о восшествии его на престол, с приложением двух подкрестных записей // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной Комиссией. Т. 2: 1598–1615 гг. – СПб.: Типографии II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1836. С. 100–103.
  6. *Грот Л.* Как Рюрик стал великим русским князем. Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки: Историографический вестник. Ин-т рос. истории РАН: 1965–2006. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Наука, 2007. С. 72–118.
  7. *Диакон Лев.* История / Пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М.: Наука, 1988. С. 7–94.
  8. Дневник Марины Мнишек / Состав., перевод, вступит. статья, комм. В.Н. Козлякова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 201 с.
  9. *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элисс Геркман. «Новый летописец». История России и Дома Романовых в мемуарах современников: XVII–XX в.в. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–210.
  10. Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли / Подгот. русского текста Н.В. Синецкой и Я.Н. Щапова. Рим– М., 1989. – 450 с.
  11. Киево-Печерский патерик / Подготовка текста Л.А. Ольшевской, перевод Л.А. Дмитриева, комментарии Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. С. 296–489.
  12. *Ключевский В.О.* Соч. в 9-ти тт. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В.Л. Янина; Послеслов. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. – М.: Мысль, 1988. – 447 с.
  13. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Развитие этического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1982. С. 267–333.
  14. *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Сост. М.А. Бойцов; под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эклес. – М.: Наука, 2008. С. 245–253.
  15. *Львов А.С.* Лексика «Повести Временных лет». – М.: Наука, 1975. – 367 с.
  16. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XVI–XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986. С. 225–286.
  17. *Медведев И.П.* Византийское престолонаследие и русский престол XVI в. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси: Сб. статей / Под ред. И.Я. Фроянова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 427–434.

18. *Мещеряков А.Н.* Японский император и русский царь: элементная база. – М.: Наталис: Рипол классик, 2004. – 253 с.
19. *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. – М.: Наука, 2005. – 467 с.
20. *Новосельцев А.П.* Восточные источники по истории восточных славян и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. – М.: Вост. лит., 2000. С. 264–477.
21. О посольстве от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу ... для присутствия при крестном целовании короля на перемирных грамотах и для переговоров о других делах // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: 1533–1560 гг. / Под редакцией Г.О. Карпова. – СПб., 1887. С. 307–333.
22. О посольстве от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу ... для присутствия при крестном целовании короля на перемирных грамотах // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: 1533–1560 гг. / Под редакцией Г.О. Карпова. – СПб., 1887. С. 420–446.
23. *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584 – 1605 гг.). – СПб.: Наука, 1992. – 279 с.
24. Патриаршая или Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. Т. 13. – 544 с.
25. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – М.: Наука, 1993. – 431 с.
26. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый летописец. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. Т. 14. – 600 с.
27. Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского (1567 г.) // Антология мировой правовой мысли. Т. 4: Россия, XI–XIX вв. / Нац. обществ.-научн. Фонд; руководитель научн. проекта Г.Ю. Семигин; Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Мысль, 1999. С. 184.
28. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. Т. 34. – 304 с.
29. *Свердлов М.Б.* Владимир Святославович Святой – князь и человек // Культура славян и Русь. – М.: Наука, 1998. С. 72–92.
30. Сказание о Борисе и Глебе / Пер. Т.А. Сумниковой и М.Е. Федоровой // Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. М.Е. Федорова, Т.А. Сумникова. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1994. С. 40–51.
31. Сказание о Гришке Отрепьеве // Русская историческая библиотека. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. – СПб.: Типография М.А. Алексева, 1909. С. 713–754.
32. Соборное определение об избрании Царем Бориса Федоровича Годунова // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологическою экспедициею императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной Комиссиею. Т. 2: 1598–1615 гг. – СПб.: Типографии II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1836. С. 13–16.
33. Статейный список, о посылках от Царя Василия Ивановича ... // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологическою экспедициею императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной Комиссиею.

- Т. 2: 1598–1615 гг. – СПб.: Типографии II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1836. С. 148–160.
34. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 638 с.
  35. *Ульяновский В.И.* Царское венчание Лжедмитрия I: между Западом и Востоком? // Россия XV–XVII столетий. Сб. научных статей, посвященный 70-летию Р.Г. Скрынникова. – Волгоград: Волгоградский гос. университет, 2001. С. 76–92.
  36. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Под ред. С.А. Белокурова. 2-е издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – М.: Синодальная типография, 1906. – 110 с.
  37. *Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского патриарха Иосафа II и собора Восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI в. В 2-х тт. / Отв. ред. С.М. Каштанов. – М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 386–387.
  38. *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. – М.: Наука, 1974. С. 242–260.
  39. *Черная Л.* От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. – М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 28–43.
  40. Чин венчания на царство царя Бориса Федоровича // Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1846. Т. 1. С. 239–249.

Fasgiev T.A.

Coronation as one of ideological means of legitimation of Moscow tsars' power

This article is bounded by the period from the coronation of Ivan the Terrible until the establishment of the first Romanovs. The author claims that the title of Russian rulers is no more an instrument of defending of Russian sovereignty. In new reality the coronation is aimed to prove the legitimacy of the person of Russian czar.

Keywords: caesar, czar, legitimacy, coronation.

ПРИКАЗ – ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ XVI в.¹

В статье рассматриваются признаки приказа как органа центральной исполнительной власти России раннего Нового времени. Дается характеристика приказа с точки зрения его структуры, профессиональной подготовки и обеспечения служащих, иные особенности функционирования приказов.

Ключевые слова: история права, Россия, раннее Новое время, органы власти, приказная система управления.

Постепенные изменения в структуре управления Московским государством фиксируются исследователями применительно к 70-м гг. XIV века.² Однако по существу эти изменения носили внутрисистемный характер. Значительные по своему содержанию и последствиям исторические процессы произошли на территории Восточной Европы во второй половине XV века.³ Территориальный рост государства, расширение функций публичной власти, и усложнения общественных отношений привели к возникновению объективной потребности в изменении аппарата управления – создании нового звена в системе управления, опосредующего высшую власть в государстве в лице великого князя и глав местной администрации – наместников. В отличие от государств эпохи Нового времени, характер изменений в структуре органов власти носил не целенаправленный характер, не был связан с реализацией определенной теоретической модели, а целиком был обусловлен практической необходимостью. Этим объясняются особенности органов власти, сформировавшихся во второй половине XV век.

С доктринальной точки зрения, новые органы власти, существование которых фиксируется с конца 60-х гг. XV века⁴, являются центральными органами власти. Компетенция подобных органов власти распространяется на всю территорию государства, но в отличие от высших органов власти, центральные органы власти обладают исполнительными и распорядительными (в пределах полномочий и предметов ведения) функциями.⁵ Как было установлено в новейших исследованиях, с конца 60-х гг. XV века наблюдаются качественные изменения в делопроизводст-

---

Петров Константин Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

¹ В основе статьи лежит переработанный и дополненный вариант раздела книги «Приказная система управления в России конца XV – XVII вв. и нормативно-правовое обеспечение ее деятельности» (М.; СПб., 2005. С. 72–85).

² См.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV – XV вв. – СПб., 1998. С. 19, 29 и др.

³ *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. – Новосибирск, 1991.

⁴ *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления... С. 87–103; *Алексеев Ю.Г.* Походный дневник и разрядные записи (до 80-х гг. XV в.) // Мавродинские чтения. 2004; Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбил. конф. – СПб., 2004. С. 15–16.

⁵ *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. – М., 1996. С. 75; *Керимов Д.А.* Избранные произведения. – М., 2007. Т. 3. С. 94–100; *Осищев Д.В.* Система административного права (методология, наука, регламентация). – М., 2014. С. 124–158 и др.

ве, связанные с появлением документов вторичного, сводного характера.¹ Таким образом, можно утверждать об относительно развитом характере делопроизводства в указанное время. По всей видимости, данное обстоятельство следует связывать с процессом трансформации старой системы управления, приведшего в конце XV века к появлению первых «приказов», названных в Судебнике 1497 г. – «суд боярина».² С 30-х гг. XVI века начинает использоваться термин «приказ», который во второй половине становится общеупотребительным.

В конце XV века в состав «суда боярина» входило несколько должностных лиц. Судебник 1497 г. указывает на боярина (судью), дьяка и подьячего. Рост функций приказов вызвал усложнение структуры приказов. Можно полагать, что это произошло уже в XVI веке³, хотя достоверных сведений об этом в распоряжении исследователей нет. Применительно к XVII веку известно деление приказов на “сто-лы”, которые в свою очередь делились на “повытья”. Ряд приказов делились только на “повытья”. Вместе с тем в некоторых приказах деления на структурные подразделения не было. Структура приказов была обусловлена их компетенцией, а, следовательно, объёмом делопроизводства и размерами штата служащих. Приказ Сыскных дел не имел внутреннего структурного деления. Все четвертные приказы состояли только из повытей. Устюжская четверть делилась на три повытья: Устюжское, Усольское, Тотемское.⁴ Более сложным было деление такого приказа как Разрядный.⁵ Основные функции приказа – назначения на государственные посты на территории всего государства, за исключением территории, подведомственной Сибирскому приказу и приказу Казанского дворца. Помимо этого, Разрядный приказ управлял территорией южных пограничных уездов, осуществляя как общее управление, так и сбор налогов, обладал судебной компетенцией на управляемой территории в качестве второй инстанции, и в качестве первой инстанции рассматривал дела воевод, и других должностных лиц местного управления. Н.Ф. Демидова охарактеризовала Разрядный приказ как «центральное учреждение расширенной компетенции».⁶

Разрядный приказ состоял из “столов”. В первой половине XVII века достоверно известно о Московском, Новгородском, Денежном и Приказном “столах”. Во второй половине XVII века появились новые “стола”: Севский, Белгородский,

---

¹ *Петров К.В.* Делопроизводство центральных органов государственной власти в России в кон. XV – начале XVI вв. (итоги и перспективы изучения) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конф. – Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 58-64; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – М.–Тула, 2009. С. 169–172.

² *Петров К.В.* О становлении приказного управления в Русском государстве в конце XV в. (Комментарий к ст. 2 Судебника 1497 г.) // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. – СПб., 2004. С. 49–63.

³ *Дебольский Н.Н.* История приказного строя Московского государства (Пособие к лекциям, читанным в Санкт-Петербургском археологическом институте в 1900–1901 учебном году). – СПб., [1901]. С. 239.

⁴ *Лапто-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890. С. 460.

⁵ “Розряд” (“розрядить”) – распределять (Словарь церковно-славянского и русского языка. – СПб., 1847. Т. 4. С. 29).

⁶ *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. – М., 1982. Т. 108. С. 116–117.

Хлебный.¹ Мнение Н.М. Загоскина, Н.Н. Дебольского о существовании иных столов – Поместного, Владимирского и Киевского² – как убедительно было доказано исследователями ещё в XIX веке, нельзя считать доказанным.³ В течение одного года, с 1680 по 1681 г., просуществовал Казанский “стол”.⁴ Каждый “стол” в структуре Разрядного приказа делился на “повытья”, возглавлявшиеся “старыми подьячими”⁵, в подчинении у которых обычно было два “молодших” или “средних” подьячих. В январе 1634 г. в Московском столе Разрядного приказа работало 12 подьячих. Их обязанности были зафиксированы в тексте Записной книги Разрядного приказа. Данный документ является своего рода справочником для внутреннего пользования, составленным ежегодно и фиксировавшим персональный состав высших должностных лиц в различных государственных органах в центре и на местах. Нельзя определить, что отражает фиксация обязанностей подьячих Московского стола – перераспределение полномочий, произведённые новые назначения или что-то другое. Во всяком случае, под руководством подьячего Ивана Северова, Д. Протопопов и В. Тархов должны были составлять боярские списки, годовые разряды, составлять сметные списки и осуществлять управление 10 городами. В другом “повытье”, Н. Ларионов и Г. Семенов под начальством Семена Мальцева были обязаны составлять “большую роспись”, перечень всех городов, подведомственных Разрядному приказу с данными о количестве и сословном статусе проживающих там лиц, включая сведения о размерах продовольственных и военных запасов. Помимо этого указанные подьячие должны были управлять 12 городами. Пятой Спиридонов с С. Лавровым и Д. Шубиным отвечали за составление жилецкого списка и управление 19 городами, а также “ведали новокрещенов”, находящихся в Московских городах. Наконец, И. Северов и Д. Протопопов под руководством Петра Обрамова должны были осуществлять управление 15 городами и отвечать за переписку с воеводами полков на пограничной (“береговой”) службе.⁶ Таким образом, уже в 30-х гг. XVII века Московский “стол” включал в себя четыре “повытья”.⁷ В 1664 году число “повытий” Московского “стола” выросло до шести. Во главе их стояли “старые подьячие” Василий Семенов, Матвей Дмитриев,

---

¹ Голумбиевский А.А. Столы Разрядного приказа в 1668–1670 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. № 7. С. 6–7.

² Загоскин Н.М. Столы Разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве министерства юстиции книгам их. – Казань, 1879. С. 44–47; Дебольский Н.Н. История приказного строя Московского государства. С. 239.

³ Оглоблин Н.Н. “Киевский стол” Разрядного приказа // Киевская старина. – 1886. № 11. С. 536–552; Богоявленский С.К. К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. № 6. С. 401–413; Ардашев Н.Н. Вопрос о Поместном столе в связи с поземельной деятельностью Разряда // ЖМНП. 1895. № 8. С. 334–342; Шереметевский В.В. Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции // Исторический архив. – Пг., 1919. Кн. 1. С. 74–76 (далее: МАМЮ).

⁴ Порфирьев С.И. Казанский стол Разрядного приказа // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – 1913. Т. 28. Вып. 6. С. 535–553.

⁵ Голумбиевский А.А. Столы Разрядного приказа... С. 6–7.

⁶ Записная книга 1633/34 г. // Русская историческая библиотека. – СПб., 1884. Т. 9. С. 546.

⁷ Наши данные расходятся с подсчётами Н.П. Лихачева, полагавшего, что в 1664 г. в Московском “столе” было семь “повытий” (см. об этом: Богоявленский С.К. К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. № 6. С. 401–405).

Иван Малышев, Федор Посников, Федор Оловеников, Федор Бахтеяров.¹

Поместный приказ также состоял из “столов”: Приказный, Московский, Рязанский, Владимирский, Псковский и др. Всего в Поместном приказе было 9 столов, делившихся на 40 “повытий”.² Несмотря на то, что сведения о Посольском, Малороссийском приказах, приказе Каменных дел и других сохранились достаточно хорошо, в распоряжении исследователей нет каких-либо сведений об их внутреннем устройстве.³

Штат приказов достаточно сильно варьировался в зависимости от компетенции ведомства. В 20-х гг. XVII века в Разрядном приказе, как установила Н.Ф. Демидова, работало 45 человек; Разрядный приказ занимал в то время по численности 4-е место среди всех приказов⁴, уступая лишь Поместному приказу, занимавшему первое место, а также приказу Большой казны и приказу Большого Дворца. В 80-х гг. XVII века общее число подьячих, работавших в приказах, составляло 1935 человек, в том числе: 466 человек – в Поместном приказе, 261 человек – в приказе Большого Дворца, 211 человек – в приказе Большой казны, 125 человек – в Разрядном приказе.⁵ В конце XVII века в Разрядном приказе работало уже 242 человека.⁶

Приказный аппарат состоял из лиц, принимаемых на службу на основании акта органа власти (как правило, устного – для раннего периода истории приказов). Поскольку служащие приказов обладали особым набором специальных прав и обязанностей, их можно обозначить в качестве сословия «дьячества». Качество исполнения сословно-профессиональных обязанностей служащими приказов определяло обладание «чином», который в определенной степени можно рассматривать в качестве специального звания⁷: 1) думный дьяк, 2) дьяк, 3) подьячий «с приписью» или «старый» подьячий, 4) «средний» подьячий, 5) «молодой» подьячий.⁸ Дьяки, как правило, назначались на должности руководителей “столов”. Получение чина зависело от срока службы на конкретной должности, в определенном приказе и, в немалой степени, от личных качеств служащего. Хрестоматийным примером является карьера одного из руководителей Посольского приказа думный дьяк Алмаз

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 20. Д. 31. Л. 1–3 (далее: РГАДА).

² *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. С. 63.

³ *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. – Ярославль, 1902; *Белокуров С.А.* О Посольском приказе // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1906. Кн. 3. Отд. 4. С. 1–170 (далее: ЧОИДР); *Богословский М.М.* Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // ЖМНП. 1906. № 8. С. 220–242; *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.К. Любавского. – Пг., 1917. С. 361–385; *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1; *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. – М., 1930; *Софроненко К.А.* Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII в. – М., 1960.

⁴ *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. – М., 1982. Т. 108. С. 121–122.

⁵ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений... С. 63.

⁶ *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России... С. 144.

⁷ См.: *Петров К.В.* «Чины» в России XVI–XVII вв. (в специальном значении слова «чин») // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 179–187.

⁸ *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964. С. 206–242; *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. – М., 1982. Т. 108. С. 109–154.

Иванов.¹

Возглавлял приказ судья, который, как правило, был членом Боярской думы – боярин и/или окольниковый. Нередко во главе приказа стояло два судьи.² Эта особенность приказного управления стала причиной длительных споров специалистов о коллегиальном или единоличном характере управления приказом и рассмотрения дел.³ Однако еще в дореволюционном правоведении возобладало мнение о бесплодности и некорректности указанной дискуссии.⁴ Как отметил В. Огородников, приказы XVI–XVII вв. и коллегии XVIII в. – учреждения разных «правовых порядков, понятий и воззрений».⁵

Назначение судей и дьяков в приказы было исключительной прерогативой царя и Боярской думы.⁶ Однако следует думать, что проекты данных назначений готовились в Разрядном приказе с учетом ряда факторов: нахождения на службе в данное время, физической пригодности и т.п. Впрочем, нельзя отрицать практическую возможность существования субъективных факторов при назначениях на посты дьяков.⁷ Назначение подьячих и их перевод из приказа в приказ происходило путём подачи дьяком в “доклад” соответствующего предложения. Следует отметить, что ряд приказов могли возглавлять исключительно дьяки. Прежде всего, это Посольский, Разрядный приказы, приказ Тайных государевых дел. Лицо, назначенное на должность, могло приступить к исполнению обязанностей только после принесения присяги. Формуляры присяги – “крестоцеловальных записей” – были разработаны применительно к каждой должности: членам Боярской думы, дьякам, казённым дьякам, подьячим.⁸ Можно полагать, что уже в XVI веке принесение присяги было обязательным при вступлении в должность. На это указывает не только детально разработанный формуляр «крестоцеловальных записей» первой половины XVII века, но и сохранившиеся формуляры присяги для губных старост (должностных лиц местного управления), института возникшего в 30-х гг. XVI века.⁹ Поэтому указ об обязательной присяге как условии исполнения должности от 10 ап-

---

¹ Лукичев М.П. Алмаз Иванов // “Око всей великой России”. Об истории русской дипломатической службы XVI – XVII вв. – М., 1989. С. 92–108.

² См.: Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. – М.–Л., 1946.

³ Андреевский И.Е. История русского права. (Лекции, читанные в III классе Училища Правоведения. 25 января 1880 г.). – СПб., б.г. С. 124–127.

⁴ Веселовский С.Б. Приказной строй управления Московской Руси // Русская история в очерках и статьях. – Киев, 1912. Т. 3. С. 183.

⁵ Огородников В. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (Приказы, канцелярии, коллегии). – Казань, 1917. С. 10.

⁶ См. напр.: ¹ 708. Разрядный приказ. Московский стол // Акты Московского государства / Под ред. Н.А. Попова. – СПб., 1890. Т. 1. С. 653.

⁷ O'Brien C.B. Muscovite Prikaz Administration of the 17th century: The Quality of Leadership // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. – 1978. Band 24. S. 223–235.

⁸ Записная книга 1626 г. // Русская историческая библиотека. Т. 9. С. 516–520; № 198. Запись целовальная 7135 года // Акты Московского государства. Т. 1. С. 216–219; Записная книга 1636/37 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 8; Записная книга 1638/39 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 109; № 69. Формуляр 1661 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. С. 255–256 (далее: ПСЗ РИ); № 114. Формуляр 1664 г. // ПСЗ РИ. Т. 1. С. 308–315.

⁹ См.: Носов Н.Е. Губная реформа и центральное правительство конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в. // Исторические записки. – М., 1956. Т. 56. С. 206–234.

реля 1667 года фактически нельзя считать новеллой.¹

Должностные обязанности дьяков и подьячих определялись в каждом конкретном приказе в зависимости от компетенции приказа. В обычном порядке подьячие вели текущее делопроизводство, переписку с подчиненными учреждениями и должностными лицами на местах, а также вторичную документацию, например, книги “входящих” и “исходящих” документов и т.п. “Старые” подьячие следили за исполнением обязанностей среди подчиненных. Вместе с тем основная ответственность возлагалась именно на лиц, возглавлявших структурные подразделения приказов (“столов” или “повытий”). Так, согласно указу о порядке хранения и расходования денежных средств в приказах от 27 июня 1669 г., при выявлении финансовых злоупотреблений подьячих, возмещение денежных средств возлагалось именно на дьяка, непосредственного начальника виновного.² Известно о документации различных приказов с указанием должностных обязанностей, возлагавшихся на “старых” подьячих, которым в помощь придавались другие подьячие. Значение дьяков в управлении было более значительным. В отличие от судей, дьяки – профессиональные управленцы, прошедшие все ступени служебной лестницы. Поэтому именно от них фактически зависело текущее состояние дел ведомства. Более того, известно о том, что дьяки могли «приказывать царским словом», т.е. передавать к исполнению устные указания царя.³

Технический персонал приказов состоял из “сторожей” и “приставов” (“недельщиков”). Первые – наёмные лица, функции которых обеспечение сохранности помещения приказа. “Приставы” (“недельщики”) – должностные лица административно-полицейского аппарата, в обязанности которых, помимо прочего, входило непосредственное исполнение административных и судебных решений того или иного приказа. На пост пристава назначался дворянин. Нахождение в должности пристава обычно не превышало семи дней.⁴

Обеспечение служащих приказов (дьяков и подьячих) было денежным и поместным. Среднее обычное жалование подьячих в XVII веке составляло: 5–7 рублей в год для “молодых” подьячих, 7–12 рублей – “средних” подьячих, 10–15 рублей – для “старых” подьячих.⁵ Денежное жалование дьяков было более значительным – 50–100 рублей.⁶ Поместный оклад также предусматривался для всех категорий подьячих. В законе 1586/87 г. указано, что «подьячие, которые сидят у дел по приказом» получают поместье в Московском уезде из расчёта 8 четвертей на 1 человека.⁷ Никифор Шипулин, будучи подьячим, имел 300 четвертей поместной зем-

---

¹ № 406 // ПСЗ РИ. Т. 1. С. 674.

² № 454 // ПСЗ РИ. Т. 1. С. 825.

³ Записная книга 1638/39 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 180, 182.

⁴ Детальное рассмотрение правового положения приставов и недельщиков см.: *Шахматов М.В.* Исполнительная власть в Московской Руси // Записки Русского свободного университета. – Прага, 1935. Т. 1. С. 29–34.

⁵ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. – М., 1987. С. 122–137.

⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М., 1975; *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. – М., 1982. Т. 108. С. 109–154.

⁷ Тексты. № 44 // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. С. 63.

ли, позднее, став дьяком, имел поместный оклад 700 четвертей.¹ Поместный оклад дьяка Сурьянина Тороканова составлял 650 четвертей; 350 четвертей его оклад в подьячих.² В тоже время, в 1633 году, поместные оклады воевод (глав местной администрации) имели следующие размеры: 1000 четвертей (оклад И.Ф. Еропкина), 100 четвертей (оклад князя М.Г. Козловского), 900 четвертей (оклад князя В.Г. Ромодановского), 700 четвертей (оклад князя С.И. Великого Гагина), 700 четвертей (оклад Г.К. Юшкова).³ Фактическое поместное обеспечение подьячих, дьяков, как и всех представителей привилегированных сословий, расходилось с нормами закона. Но даже с учётом этого обстоятельства, дьяки и по нормам поместного земельного владения и на практике были одними из крупнейших землевладельцев.⁴

Правовые обычаи допускали «кормление от дел». Н.Ф. Демидова не без основания предположила, что доходы, получаемые большинством подьячих «от дел» в несколько раз превышали размер их денежного оклада.⁵ «Кормление от дел» могло быть двух видов: «почесть» и «поминки». Н.Ф. Демидова полагает, что «почесть» предлагалась заранее для успешного продвижения дел, а «поминки» за конкретную работу с целью её ускорения.⁶ Вместе с тем, приведенные П.В. Седовым примеры свидетельствуют о том, что «почесть» была призвана выразить уважение к тому, кому она предназначалась.⁷ Те же функции были у «поминок». По мнению П.В. Седова, сохранившиеся сведения не дают возможности провести границу между этими подношениями.⁸ Причем «почесть» и «поминки» не единократное подношение. Они должны были оказываться несколько раз в зависимости от церковных и семейных праздников дьяков или подьячих и т.д. Насколько можно судить по источникам, основные отличия «почестей» и «поминок» заключались, во-первых, в их добровольном характере со стороны дарителя, а во-вторых, в отсутствии каких-либо конкретных требований дарителя в отношении подготовки, рассмотрения и решения его дела в приказе. Именно эти два условия позволяли отграничить допустимые обычаем подношения служащим приказов от взяток («посулов»).

Отдельно от «почестей» и «поминок» следует рассматривать получение денег за оформление тех или иных документов.⁹ Подсчёты, проведенные П.В. Седовым,

---

¹ № 188 // Акты Московского государства. / Под ред. Н.А. Попова. – СПб., 1890. Т. 1. С. 205–207.

² № 200 // Там же. С. 220–225.

³ № 714 // Там же. С. 657.

⁴ Демидова Н.Ф. Землевладение дьяков в XVII в. // Общественно–политическое развитие феодальной России. – М., 1985. С. 33–50.

⁵ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. – М., 1987. С. 141–146.

⁶ Там же. С. 145–146.

⁷ Седов П.В. «Почесть», «поминки» и «посулы» в московских приказах XVII в. // Россия в XI–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимины. – М., 1995. С. 524–529; Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. – 1996. № 1. С. 142.

⁸ Седов П.В. Подношения в московских приказах... С. 146.

⁹ Правда, оформлением ряда документов уже с XVI в. занимались площадные подьячие – корпорации писцов, не состоящих на службе в органах государственной власти. – См.: Золотников М.Ф. Подьячие Ивановской площади (К истории нотариата Московской Руси) // Историческое обозрение. –

показывают, что гипотетический легальный доход подьячих за оформление документов составлял порядка 100–200 рублей в год, превышая таким образом, денежный оклад более чем в 10 раз.¹ Доходы “старых” подьячих и дьяков, ставивших подпись на документах, были на порядок выше.² Служащие приказов, где было мало “челобитчиковых” дел, например, Посольского приказа, ежегодно получали “праздничные деньги”, составлявшие два годовых оклада.³

Исполнение должностных обязанностей в органах государственной власти предполагает определённую подготовку. Нельзя думать, что ситуация в России XVI–XVII вв. в данном вопросе существенно отличалась от настоящего времени. Разница заключается, прежде всего, в требованиях к характеру знаний и умений при профессиональной подготовке, которая, в свою очередь, определяется исторической спецификой структуры и деятельности органов государственной власти. Работа в ряде приказов требовала определенного объема специальных знаний. Наиболее подготовленные специалисты работали в Посольском и Поместном приказах.

Работа в Посольском приказе, помимо прочего, требовала знания иностранных языков. Как свидетельствуют результаты новейших специальных исследований, информационный уровень, обеспечивавший функционирование Посольского приказа и принятие внешнеполитических решений, был весьма высок.⁴ Подготовка переводчиков с иностранных языков для работы в приказе занимала достаточно большое место в системе подготовки кадров. К такому выводу пришла Н.Г. Савич, специально исследуя практику подготовки переводчиков в Посольском приказе.⁵ Однако в основном переводчиками служили лица, являвшиеся выходцами из других стран.⁶ Переводчики были необходимы не только в Посольском, но и в других приказах – Аптекарском и Иноземском.⁷ Переводчики, одна из наиболее образованных категорий лиц своего времени, внесли весомый вклад в развитие русской культуры.⁸ Так, например, переводчик Посольского приказа Стефан Чижинский

Пг., 1916. Т. 21. С. 82–130; *Лихачев Н.П.* Площадные подьячие XVI в. // Сборник статей по русской истории, посвящ. С.Ф. Платонову. – Пб., 1922. С. 139–143.

¹ По расценкам, указанным в Гл. XXIII Соборного уложения 1649 г., стоимость коровы или быка составляла 2 рубля, курицы – 4 копейки.

² *Седов П.В.* Подношения в московских приказах... С. 143.

³ Там же. С. 143–144.

⁴ *Rasmussen Knud.* On the Information level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the XVI-th century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. – 1978. Band 24. S. 87–100; *Rasmussen Knud.* The Muscovite Foreign Policy Administration During the Reign of Vasilij III, 1515–1525 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. – 1986. Band 38. S. 152–167.

⁵ *Савич Н.Г.* Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. – М., 1982. С. 35–78.

⁶ *Лаврентьев А.В.* Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1994. Вып. 25. С. 94–102.

⁷ О деятельности немецких переводчиков в различных приказах см.: *Angermann Norbert.* Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Rußland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. – Stuttgart, 1998. S. 221–250.

⁸ *Кудрявцев И.М.* Издательская деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. – М., 1963. Вып. 8. С. 179–244; *Каган М.Д.* Посольские повести (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII в.): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1978; *Морозов Б.Н.* Из истории русской

в 1679 году перевел с латинского языка “Книгу о Луне и всех планетах небесных”.¹ Конечно, в первую очередь переводились практически необходимые работы с иностранных языков, в частности в 1647 году был осуществлён полный перевод и издание труда И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты».² Уровень работы переводчиков XVII века даёт определенные основания судить о достаточно высоком качестве работы в XVI веке.³

Подготовка специалистов осуществлялась в XVII веке в специальных “школах” при приказах. В 1654 году была открыта школа подготовки кадров для Аптекарского приказа.⁴ Есть сведения о существовании системы подготовки кадров в первой половине XVII века при Посольском приказе.⁵ В Посольском приказе особое внимание уделялось технике письма, особенно ценилось умение «писать в лист», т.е. на листе большого формата.⁶ Немаловажно и то, что именно из подьячих Посольского приказа происходил отбор учителей для детей царской семьи. Специфика всех “школ” при приказах заключалась в том, что основные кадры подьячих проходили в них не только специальную, но и начальную подготовку, обучение в них велось без специальной программы, деления на классы, наборы осуществлялись по мере необходимости. Сравнительно недавно Н.Ф. Демидова обнаружила сведения о существовании школы при Поместном приказе в 70-х гг. XVII века. Согласно её данным, за период с 1671 по 1675 гг. в этой школе прошло обучение 128 учеников.⁷ Основные требования, которые предъявлялись в школе при Поместном приказе, заключались в том, чтобы ученики «знали сошное письмо и писцовые, и межевые, и счётные денежные дела, и хлебную кладь» и, по всей видимости, основы арифметики и рисуночной картографии.⁸ В функции Поместного приказа входило проведение масштабных мероприятий по описанию и межеванию государственных и частных земель. Работа по картографированию земельных владений требовала особой подготовки. Кадры, подготовленные для подобной работы, требовались далеко не только в Поместном приказе, но и в Разрядном, Посольском

переводной научной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. – М., 1983. Вып. 2. С. 107–124.

¹ *Саблина Н.П., Сахаровская М.И.* Лексика переводного памятника русской письменности XVII в. “Селенографии” И. Гевелия // Проблемы лексикологии и словообразования русского языка. – М., 1982. С. 48–59.

² *Епифанов П.П.* “Учение и хитрость ратного строения пехотных людей” (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки МГУ. – 1954. Вып. 167. С. 77–98; *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги... С. 119–124.

³ *Лефельд В.* Как работали переписчики московского посольского приказа в XVI столетии? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. С. 301–310.

⁴ *Мокеева И.И.* Обучение при Аптекарском и пушкарском приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли с древнейших времен до конца XVII в. – М., 1989. С. 107–114; *Unkovskaya M.L.* Learning foreign mysteries: Russian pupils of the Aptekarskii prikaz, 1650–1700 // Oxford Slavonic Papers. – 1997. Vol. 30. P. 1–20.

⁵ *Белокуров С.А.* О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. 4. С. 50.

⁶ *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М., 1994. С. 158–159.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Там же. С. 163.

приказах и в приказе Сибирского дворца.¹ Значительная часть (47 %) выпускников школы при Поместного приказа осталась работать в том же приказе в качестве подьячих, остальные служили подьячими в других приказах и в местных органах власти (приказных избах); четыре выпускника по прошествии времени стали дьяками.²

Особое внимание, уделявшееся в приказах технике письма, приемам ведения документации обусловлено характером работы будущих служащих приказов. Московский пожар 1626 года, уничтожил архивы и текущее делопроизводство всех приказов. Поэтому сведения о делопроизводстве раннего времени отрывочны. Однако сохранившиеся документы позволяют судить об уровне и характере развития приказного делопроизводства в XVI веке. Новейшие работы в данном направлении принадлежат перу зарубежных исследователей. Сравнительно недавно вышла статья американского исследователя Рассела Мартина, которому удалось обнаружить и издать несколько документов, относящихся к 1533 году: черновой вариант грамоты Василия III крымскому хану Исламу Гирею и черновик росписи свадьбы брата Василия III – князя Андрея Старицкого.³ Основным выводом, к которому пришел Р. Мартин подтверждает то, что к 30-м гг. XVI века сформировалась специализация по ведению дел определенного характера. Согласно традиционному взгляду о времени появления приказов, Рассел Мартин предпочитает писать о великокняжеской канцелярии.⁴ Нельзя также не отметить работу Маршалла По. Исследователь предпринял попытку реконструкции видов и объема делопроизводственных документов исходя из косвенных данных: упоминаний о различных делопроизводственных документах военно-служебного характера. Выводы исследователя весьма интересны: уже в первой половине XVI века можно “смутно” отметить наличие «иерархической административной структуры», содержащей штат и эволюционирующей от сеньориальной системы управления к приказной. Характер и цели этой структуры не укладываются в «узкий диапазон деятельности, характеризующей сеньориальную администрацию». Другой важный вывод М. По заключается в том, что появление первых приказов в середине XVI века не меняет принципов и характера делопроизводственной практики, существовавшей ранее.⁵ Следовательно, можно говорить о принципиальном сходстве приёмов ведения делопроизводства на протяжении почти двух столетий – конец XV – XVII вв.

Делопроизводство приказов в XVII веке было достаточно сложным.⁶ Докумен-

---

¹ *Оглоблин Н.Н.* Обзор историко-географических материалов XVII и нач. XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа. – М., 1884; *Замысловский Е.Е.* Чертежи сибирских земель, XVI – XVII вв. // ЖМНП. 1891. № 6. С. 334–347; *Белокуров С.А.* “Роспись чертежем розных государств”, бывшим в Посольском приказе в 1614 г. // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. 4. С. 16.

² *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования... С. 163.

³ *Martin Russel E.* Royal weddings and Crimean diplomacy: new sources on the Muscovite chancery practice during the reign of Vasilii III // “Камень краеугольный”: Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on His sixtieth birthday. – Cambridge, 1997. P. 389–427.

⁴ *Ibid.* P. 402–406.

⁵ *Poe Marshall.* Muscovite Personnel Records, 1475–1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 1997. Band 45. Heft. 3. S. 376–377.

⁶ См.: *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. – М., 1985; *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроиз-

ты писались на листах бумаги, называвшихся *сставами*. Их оборотная сторона использовалась для нанесения помет, резолюций, подписей. В деле следующий документ подклеивался верхней частью к нижнему полю предыдущего документа и так далее. Таким образом, дело представляло собой длинную бумажную ленту, которую обычно сворачивали в рулон, называвшийся “столбцом”.¹ Помимо столбцов практиковалась книжная форма делопроизводства. Однако книги и тетради использовали для составления внутренних документов приказа, либо документов служебного пользования. Это, прежде всего, большое количество вторичной документации, документов сводного или обобщающего характера: книги “входящих” и “исходящих” документов, различные реестры, сметные списки, описи текущих архивов, алфавиты и т.п.²

Общий порядок прохождения и рассмотрения дела в приказе был следующим.³ При поступлении в приказ челобитной от частного лица, документ направляли дьяку, рассматривавшему права данного лица на обращение в приказ по данному вопросу. При положительном решении, дьяк ставил подпись на обороте челобитной (иска, жалобы) и писал фамилию “старого” подьячего, которому надлежало оформить и подготовить дело к рассмотрению по существу требований. “Старый” подьячий, рассмотрев существо требования, давал непосредственные указания своим подчинённым о проведении определенных действий: наведении справок, подготовки конкретных выписок из книг и других документов, необходимости отправления “памятей” в другие приказы и т.д. После того, как “старый” подьячий решал, что дело полностью подготовлено к рассмотрению, дело поступало дьяку. Последний, если соглашался с мнением подьячего о готовности дела, ставил помету “к вершенью”, если дьяк приходил к мнению о необходимости дополнительной работы с делом, он ставил помету “к розыску”. Дела с пометами “к вершенью”

водство XVI–XVII вв. – М., 2006; *Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы и приказное делопроизводство России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. – М., 2006. С. 234–251.

¹ *Шумаков С.А.* Столбцы Поместного приказа // ЖМНП. 1908. № 4. С. 330–376.

² См.: *Шеламанова Н.Б.* Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI в. // Археографический ежегодник за 1964 г. – М., 1965. С. 40–55; *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. – М., 1994; *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. – М., 1979. С. 123–152; *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII в. // Советские архивы. – 1980. № 5. С. 50–54; *Рожков Н.А.* Книги записные вотчинные Поместного приказа // ЖМНП. 1903. № 7. С. 113–127; *Павлов-Сильванский В.Б.* Источники и состав отказных книг Поместного приказа // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. С. 156–165; *Павлов-Сильванский В.Б.* Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения // Археографический ежегодник за 1965 г. – М., 1966. С. 94–103; *Тихонов Ю.А.* Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII – начала XVIII в. // Археографический ежегодник за 1968 г. – М., 1969. С. 142–153; *Панеях В.М.* О классификации и составе кабальных и записных книг старших крепостей XVI в. // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. С. 397–402; *Панеях В.М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1979. Вып. 11. С. 89–113.

³ *Ардашев Н.Н.* Книги “записные приговорам” бывшего Вотчинного архива (1670 – 1727) // Описание документов и бумаг МАМЮ. – М., 1890. Кн. 7. Отд. 2. С. 319–423; *Ардашев Н.Н.* Книги “записные приговорам” бывшего Вотчинного архива (1670–1727 гг.) // Описание документов и бумаг МАМЮ. – М., 1891. Кн. 8. Отд. 2. С. 3–77.

в определённые дни поступали на рассмотрение судей приказа. Дьяк устанавливал очерёдность рассмотрения дел, он же давал необходимые пояснения по существу дела и рекомендации по его решению. Окончательное решение дела зависело от судей, однако резолюции о решении проставлялись дьяком от имени судей.

Особенности приказов как органов государственной власти XVI–XVII вв. заключались, таким образом, в том, что уже в то время они функционировали в соответствии со следующими принципами¹: 1) существовала присяга должностных лиц, личное исполнение обязанностей; 2) был установлен порядок продвижения по службе; 3) существовала система подготовки кадров; 4) был установлен единый порядок подготовки и рассмотрения дел; 5) существовала специализация структурных подразделений приказа и отдельных должностных лиц по выполнению определённых функций; 6) действовала система (частичного) государственного обеспечения служащих.

Многие из указанных принципов, лежащих в основе функционирования приказов использовались уже в XVI веке. Наибольшее значение они приобрели лишь в XVII веке, в эпоху расцвета приказного управления.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Разрядный приказ. Московский стол // Акты Московского государства / Под ред. Н.А. Попова. – СПб., 1890. Т. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. 1.
3. Русская историческая библиотека. – СПб., 1872. Т. 1.
4. Русская историческая библиотека. – СПб., 1884. Т. 9.
5. Русская историческая библиотека. – СПб., 1886. Т. 10.

Общая и специальная литература:

6. *Алексеев Ю.Г.* Государь вся Руси. – Новосибирск, 1991.
7. *Алексеев Ю.Г.* Походный дневник и разрядные записи (до 80-х гг. XV в.) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбил. конф. – СПб., 2004.
8. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV – XV вв. – СПб., 1998.
9. *Андреевский И.Е.* История русского права. (Лекции, читанные в III классе Училища Правоведения. 25 января 1880 г.). – СПб., б.г.
10. *Ардашев Н.Н.* Вопрос о Поместном столе в связи с поземельной деятельностью Разряда // Журнал Министерства народного просвещения. – 1895. № 8. С. 334-342 (далее: ЖМНП).
11. *Ардашев Н.Н.* Книги “записные приговорам” бывшего Вотчинного архива (1670– 1727) // Описание документов и бумаг Мамю. – М., 1890. Кн. 7. Отд. 2. С. 319-423.
12. *Ардашев Н.Н.* Книги “записные приговорам” бывшего Вотчинного архива (1670– 1727) // Описание документов и бумаг Мамю. – М., 1891. Кн. 8. Отд. 2.
13. *Белокуров С.А.* “Роспись чертежем розных государств”, бывшим в Посольском приказе в 1614 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1894. Кн. 3. Отд. 4. (далее: ЧОИДР).
14. *Белокуров С.А.* О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. 4.
15. *Богословский М.М.* Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в

---

¹ См.: *Петров К.В.* Принципы функционирования системы центрального управления в России конца XV – XVII вв. в европейском контексте // Ленинградский юридический журнал. – 2011. № 3. С. 125-129.

- Московском государстве // ЖМНП. 1906. № 8.
16. *Богоявленский С.К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. № 6.
  17. *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. – М., 2006.
  18. *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.К. Любавского. – Пг., 1917.
  19. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М., 1975.
  20. *Веселовский С.Б.* Приказной строй управления Московской Руси // Русская история в очерках и статьях. – Киев, 1912. Т. 3.
  21. *Голомбиевский А.А.* Столы Разрядного приказа в 1668–1670 гг. // ЖМНП. 1890. № 7.
  22. *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. – Ярославль, 1902.
  23. *Дебольский Н.Н.* История приказного строя Московского государства (Пособие к лекциям, читанным в Санкт-Петербургском археологическом институте в 1900–1901 учебном году). – СПб., [1901].
  24. *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII – XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). М., 1964.
  25. *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. – М., 1982. Т. 108.
  26. *Демидова Н.Ф.* Землевладение дьяков в XVII в. // Общественно–политическое развитие феодальной России. – М., 1985.
  27. *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М., 1994.
  28. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. – М., 1987.
  29. *Епифанов П.П.* “Учение и хитрость ратного строения пехотных людей” (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки МГУ. 1954. Вып. 167.
  30. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
  31. *Загоскин Н.М.* Столы Разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве министерства юстиции книгам их. – Казань, 1879.
  32. *Замысловский Е.Е.* Чертежи сибирских земель, XVI–XVII вв. // ЖМНП. 1891. № 6.
  33. *Злотников М.Ф.* Подьячие Ивановской площади (К истории нотариата Московской Руси) // Историческое обозрение. – Пг., 1916. Т. 21.
  34. *Каган М.Д.* Посольские повести (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII в.): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1978.
  35. *Керимов Д.А.* Избранные произведения. – М., 2007. Т. 3.
  36. *Кудрявцев И.М.* Издательская деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. – М., 1963. Вып. 8.
  37. *Лаврентьев А.В.* Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1994. Вып. 25.
  38. *Ланно-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890.
  39. *Лефельд В.* Как работали переписчики московского посольского приказа в XVI столетии? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996.
  40. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – М.–Тула, 2009.
  41. *Лихачев Н.П.* Площадные подьячие XVI в. // Сборник статей по русской истории, посвящ. С.Ф. Платонову. Пб., 1922.
  42. *Лукичев М.П.* Алмаз Иванов // “Око всей великой России”. Об истории русской дипломатической службы XVI – XVII вв. – М., 1989.
  43. *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII в. // Советские архивы. – 1980. № 5.

44. *Мокеева И.И.* Обучение при Аптекарском и пушкарском приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли с древнейших времен до конца XVII в. – М., 1989.
45. *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. – М., 1983. Вып. 2.
46. *Носов Н.Е.* Губная реформа и центральное правительство конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в. // Исторические записки. – М., 1956. Т. 56.
47. *Оглоблин Н.Н.* “Киевский стол” Разрядного приказа // Киевская старина. – 1886. № 11.
48. *Оглоблин Н.Н.* Обзор историко-географических материалов XVII и нач. XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа. – М., 1884.
49. *Огородников В.* Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (Приказы, канцелярии, коллегии). – Казань, 1917.
50. *Осинцев Д.В.* Система административного права (методология, наука, регламентация). – М., 2014.
51. *Павлов-Сильванский В.Б.* Источники и состав отказных книг Поместного приказа // Археологический ежегодник за 1962 г. – М., 1963.
52. *Павлов-Сильванский В.Б.* Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения // Археологический ежегодник за 1965 г. – М., 1966.
53. *Панеях В.М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1979. Вып. 11.
54. *Панеях В.М.* О классификации и составе кабальных и записных книг старных крепостей XVI в. // Археологический ежегодник за 1962 г. – М., 1963.
55. *Петров К.В.* «Чины» в России XVI–XVII вв. (в специальном значении слова «чин») // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 179–187.
56. *Петров К.В.* Делопроизводство центральных органов государственной власти в России в кон. XV – нач. XVI вв. (итоги и перспективы изучения) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конф. – Великий Новгород, 1999. Ч. 1.
57. *Петров К.В.* О становлении приказного управления в Русском государстве в кон. XV в. (Комментарий к ст. 2 Судебника 1497 г.) // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. – СПб., 2004.
58. *Петров К.В.* Принципы функционирования системы центрального управления в России конца XV – XVII в. в европейском контексте // Ленинградский юридический журнал. – 2011. № 3. С. 125–129.
59. *Порфирьев С.И.* Казанский стол Разрядного приказа // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – 1913. Т. 28. Вып. 6.
60. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. – М., 1994
61. *Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы и приказное делопроизводство России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. – М., 2006.
62. *Рожков Н.А.* Книги записные вотчинные Поместного приказа // ЖМНП. 1903. № 7.
63. *Саблина Н.П., Сахаровская М.И.* Лексика переводного памятника русской письменности XVII в. “Селенографии” И. Гевелия // Проблемы лексикологии и словообразования русского языка. – М., 1982.
64. *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. – Харьков, 1917. Вып. 1.
65. *Савич Н.Г.* Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. – М., 1982.
66. *Седов П.В.* “Почесть“, “поминки“ и “посулы“ в московских приказах XVII в. // Россия в XI–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. – М., 1995.
67. *Седов П.В.* Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. – 1996. № 1.
68. *Софроненко К.А.* Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII в. – М., 1960.

69. *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. – М., 1930.
70. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. – М., 1996.
71. *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. – М., 1979. С. 123–152.
72. *Тихонов Ю.А.* Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII – начала XVIII в. // Археографический ежегодник за 1968 г. – М., 1969.
73. *Шахматов М.В.* Исполнительная власть в Московской Руси // Записки Русского свободного университета. – Прага, 1935. Т. 1. С. 29–34.
74. *Шеламанова Н.Б.* Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI в. // Археографический ежегодник за 1964 г. – М., 1965.
75. *Шереметевский В.В.* Археографические работы по документам Разряда, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (далее: МАМЮ) // Исторический архив. – Пг., 1919. Кн. 1.
76. *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI – XVII вв. – М., 1985.
77. *Шумаков С.А.* Столбцы Поместного приказа // ЖМНП. 1908. № 4.
78. *Angermann Norbert.* Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Rußland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. – Stuttgart, 1998.
79. *Martin Russel E.* Royal weddings and Crimean diplomacy: new sources on the Muscovite chancellery practice during the reign of Vasilii III // “Камень краеугольный”: Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on His sixtieth birthday. Cambridge, 1997.
80. *O’Brien C.B.* Muscovite Prikaz Administration of the 17th century: The Quality of Leadership // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1978. Band 24.
81. *Poe Marshall.* Muscovite Personnel Records, 1475–1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1997. Band 45. Heft. 3.
82. *Rasmussen Knud.* On the Information level of the Muscovite Posol’skij Prikaz in the XVI-th Century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. – 1978. Band 24.
83. *Rasmussen Knud.* The Muscovite Foreign Policy Administration During the Reign of Vasilij III, 1515–1525 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. – 1986. Band 38.
84. *Unkovskaya M.L.* Learning foreign misteries: Russian pupils of the Aptekarskii prikaz, 1650–1700 // Oxford Slavonic Papers. – 1997. Vol. 30.

Petrov K. V.

Prikaz – a body of state power in Russia of 16th century

In the article considered the features of Prikaz as a body of the central executive authorities of Russia in early modern period. The characteristic of Prikaz in terms of its structure, professional training and provision of an employees, and other features of the functioning of Prikaz are given.

Keywords: history of law, Russia, early modern period, authorities, writ management system.

ПРАВО ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ПРИАМУРЬЯ¹

Проведенный в статье анализ роли дипломатических средств при присоединении Восточной Сибири и Дальнего Востока к России позволяет заключить, что они соответствовали праву внешних сношений, сложившемуся в Русском государстве XVII века. Система органов внешних сношений в Сибири основывалась на суверенитете монарха. Воеводы в Сибири обладали внешнеполитическими полномочиями, соответствующими статусу «великих» и «легких» послов, функции гонцов выполняли «начальные люди» сибирских казаков и стрельцов. Внешнеполитическая деятельность воевод планировалась и протекала под контролем центральных приказов, наиболее важные дела докладывались царю и Боярской думе. Основной целью русской дипломатии было приведение в подданство автохтонных народов на основе шертного договора, т.е. приоритет договорного способа присоединения над силовым. Сформировалась процедура ведения переговоров о заключении шертного договора, которая включала дипломатический церемониал и соответствовала «посольскому обычаю» России XVII в.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, Приамурье, Халха, Китай, право внешних сношений.

В отечественной историографии сложилась концепция, согласно которой присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока к России было результатом преимущественно стихийного процесса продвижения русских промышленников и казаков в эти земли. Придерживаясь этой позиции, М.М. Федоров писал, что «вооруженные силы и дипломатическая служба России активного участия» в процессе установления юрисдикции Российского государства над территорией Восточной Сибири «не принимали» и «присоединение... бурят, якутов, эвенков к России произошло по существу мирным путём».²

Представляется, что данная позиция не позволяет разграничить два различных по своей природе явления: вольнонародной колонизации, с одной стороны, и установления юрисдикции Русского государства над территорией Восточной Сибири и Дальнего Востока, с другой. Следует отметить, что отдельные замечания по последнему аспекту уже делались в историографии. Так, В.Н. Иванов пришёл к выводу, что после вхождения Якутии в состав России она попала «в орбиту межгосударственных, военных и дипломатических интересов Русского государства».³ В.А. Александров считал, что в ходе «присоединения Забайкалья и Приамурья русской дипломатии... пришлось решать... труднейшие вопросы, связанные с судьба-

---

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета.

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Грант № 14-28-00045.

² *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). – Якутск, 1978. С. 5.

³ *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск, 1999. С. 111, 140, 147 и др.

ми народов Восточной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока».¹

Мною уже поставлена проблема использования международно-правовых средств при присоединении Сибири.² В настоящей работе хотелось бы провести анализ роли права внешних сношений Русского государства в процессе присоединения Восточной Сибири и Дальнего Востока, включая изучение специфики органов внешних сношений России на его восточных рубежах, правового обоснования и юридического механизма приведения в подданство народов этого региона, роли института международного признания в распространении юрисдикции российских самодержцев на эти народы и территории.

Система органов внешних сношений Русского государства XVII века основывалась на суверенитете монарха. Реализуя свое право определять основные направления внешней политики, он опирался на приказную систему управления и выносил важнейшие вопросы на обсуждение Боярской думы и Земских соборов. Полномочия русских дипломатов за рубежом определялись их чином: «великие» послы назначались из бояр и окольных, «легкие» – из московских дворян, городских дворян и детей боярских, гонцы – из служилых и приказных людей. Правом ведения переговоров и заключения международных договоров обладали только «великие» и «легкие» послы.

Специфика органов внешних сношений Русского государства в Сибири была заложена царём Борисом Годуновым. В 1599 году он передал дела управления Сибири в ведомство приказа Казанского дворца. По замечанию Н.Ф. Демидовой, важнейшей задачей приказа «являлась выработка “восточной политики” правительства по отношению к жителям вновь присоединенных и присоединяемых земель», почему судьи приказа сохраняли «некоторые дипломатические функции в сношениях с соседними государствами и родоплеменными образованиями».³ Одновременно с передачей Сибири в ведение Казанского приказа была проведена реорганизация местного управления. В 1599 году был образован Тобольский разряд, в который вошли все созданные к тому времени сибирские уезды.⁴

В годы Смуты продвижение русских в Сибирь приостановилось. Только в 1619 году был поставлен Енисейский острог, в 1628 году – Красноярск. В 20-х гг. XVII века началось присоединение Бурятии. В 30-х гг. XVII века тобольские, мангазейские и енисейские служилые люди совершили походы по рекам Лена, Алдан, Вилюй, Яна и Индигирка, привели в подданство обитавших там якутов, тунгусов и эвенков. Начало продвижения русских землепроходцев в Восточную Сибирь потребовало политико-правового обоснования. Его представил царю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету бывший мангазейский воевода А.Ф. Палицын. 25 ноября 1632 года, по возвращении с воеводства в Москву, он подал челобитную, испрашивая аудиенции у царя, чтобы представить свои мысли о «новой Си-

---

¹ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск, 1984. С. 7.

² Акишин М.О. Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // Вопросы правоведения. – 2013. № 3. С. 424–437.

³ Демидова Н.Ф. Приказ Казанского дворца: 1550–1709 // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. – Новосибирск, 2005. С. 302–308.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. Т. II. С. 103–104.

бири». Видимо, аудиенция состоялась, проект заинтересовал царя и патриарха. Палицын по их поручению изложил его в письменном виде и представил в 1633 году в приказ Казанского дворца.¹ В своей записке А.Ф. Палицын писал, что «великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней разных землиц кочевных и сидячих... много». Палицын акцентирует внимание на пушных богатствах края и возможности его крестьянской колонизации. Он считал, что освоение этих земель сулит государевой казне большие доходы. Изложенные аргументы позволяют Палицыну заявить о необходимости «приведения» «новой этой Сибири под царскую высокую руку». При этом он подчеркивает, что в «Новой Сибири» обитают «многие люди, а не владеют ими никто».²

Аргументы А.Ф. Палицына соответствовали тем учениям о праве на захват новых территорий, которые сложились в Европе в XV–XVII вв. Испанцы обосновывали свои колониальные захваты правом первого открытия, подкреплённым папскими пожалованиями и тем, что они выкрикивали в сторону берега с борта корабля или читали ночью, обращаясь к спящему селению аборигенов, особый документ на испанском языке – «Requerimiento», которым аборигенам предлагалось стать подданными испанского короля.³ Французы и англичане не считали аборигенов субъектами права, почему основными аргументами, который они использовали, было право первого открытия и реального завладения, т.е. появление постоянных поселений колонистов. Дж. Локк утверждал, что ничейная вещь является достоянием того, кто впервые начал ее «усердное и рациональное» использование, и писал: «завоевание столь же далеко от установления какого-либо правления, как разрушение дома – от постройки нового на том же месте».⁴ Голландец Г. Гроций также считал, что территория, бывшая до того «в общем пользовании», принадлежала тому, кто первым ею завладел.⁵

Следует сразу подчеркнуть, что в России XVI–XVII вв. сложился особый правовой механизм присоединения новых территорий на основе переговоров с их суверенами и заключения с ними договоров о подданстве российскому самодержцу.⁶ Аргументация, которую приводил А.Ф. Палицын, нужна была только для обоснования прав московских самодержцев на новые земли перед монархами Европы. Для обсуждения реалистичности проекта Палицына присоединения Северо-Востока Азии в приказе Казанского дворца опрашивались тобольский, мангазейский и енисейский воеводы, служилые люди, побывавшие в походах на р. Лена.⁷

Результатом изучения записки стал ряд государевых указов, создавших государственно-правовую основу для продолжения продвижения в Восточную Си-

---

¹ Ныне докладная записка А.Ф. Палицына известна только в пересказе, включенном в царский наказ якутским воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову 1638 г. (см.: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II. С. 962–966 (далее: РИБ); *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск, 1999. С. 171–196).

² РИБ. Т. II. С. 964.

³ *Лас Касас Б., де.* История Индии. – Л., 1968. С. 260–261.

⁴ *Локк Дж.* Сочинения: В 3-х тт. – М., 1988. Т. 3. С. 277, 365.

⁵ *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М., 1994. С. 85, 205, 268, 644 и др.

⁶ *Акишин М.О.* Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. – 2015, № 3. С. 45–54.

⁷ РИБ. Т. II. С. 966–970.

бирь. Именным указом от 19 февраля 1637 г. из состава приказа Казанского дворца был выделен Сибирский приказ, который также наделялся внешнеполитическими полномочиями, включая право участвовать в дипломатических отношениях с монгольскими ханствами и Китаем.¹ Тогда же было принято решение о создании «Ленского» (Якутского) уезда, воеводы которого также получили внешнеполитические полномочия.

Вопрос о взаимоотношениях центральных и местных органов власти в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства является дискуссионным. Поставил этот вопрос ещё Г.Ф. Миллер, который отмечал, что в отношениях с монгольскими ханствами высшая власть и центральные органы Российского государства осуществляли лишь общий контроль, передавая местным воеводам «власть отправлять в порубежные государства и земли посольства».² П.С. Преображенский считал, что с начала установления отношений с монгольскими ханствами правительство России полностью их контролировало и только впоследствии расширило компетенцию сибирских воевод в сфере внешних сношений.³ Напротив, Ш.Б. Чимитдоржиев утверждал, что воеводы с самого начала обладали широкими правами в этой сфере и «проявляли известную инициативу в изучении путей в сопредельные страны, в частности в Монголию».⁴

Непосредственно продвижением на р. Лена в 20–30-х гг. XVII века ведали воеводы Мангазеи и Енисейска. После создания в 1641 года Якутского воеводства продвижение русских в Восточной Сибири и Приамурье стало координироваться из Якутска. Русское продвижение в Прибайкалье и Забайкалье определялось енисейскими, красноярскими и якутскими воеводами. Приведением в подданство «иноземцев» «новых земель» и сбором с них ясака занимались отряды служилых людей, выполнявшие некоторые дипломатические обязанности. При назначении в такие экспедиции учитывались личные качества служилых людей и, в особенности, знание ими языков народов Сибири.

Впервые на «посольские службы» сибирских служилых людей обратил внимание Н.Н. Оглоблин. Он писал: «...никакой дипломатической школы в Сибири не было (вроде Посольского приказа, игравшего роль школы для московских дипломатов), но каждый рядовой служилый человек в Сибири мог ожидать, что волею судьбы он получит дипломатическую “посылку” к какому-нибудь “мунгальскому царю”, калмыцкому “тайше”, “князю” и т.п. Несмотря, однако, на явное дилетантство этих случайных дипломатов, их “посольская служба” шла как следует: они не только соблюдали в точности все посольские обычаи и церемониалы того времени, словно заправские дипломаты, но и достигали действительных результатов по существу поручаемого им дела».⁵ Во главе отрядов ставили «начальных лю-

¹ Демидова Н.Ф. Сибирский приказ: 1637–1708, 1730–1763 // Власть в Сибири: XVI – начало XX вв. – Новосибирск, 2002. С. 131–134.

² Миллер Г.Ф. О первых русских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755. С. 15.

³ Преображенский П.С. Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1963. С. 84–85.

⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. – М., 1978. С. 14.

⁵ Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический

дей» – дворян и детей боярских, «голов», сотников, атаманов, ротмистров, которым такая служба была «за обычай». Эта правовая норма включала целый ряд необходимых квалификаций: умение поддерживать дисциплину в служилом «войске», знания военного дела и, самое главное, умение привести в подданство и собрать ясак с иноземцев «ласкою», т.е. путём переговоров, дипломатическими средствами.

Наказные памяти «начальным людям» составлялись воеводами.¹ Круг их обязанностей включал дипломатические полномочия, которые соответствовали функциям гонцов или «легких» послов. Так, в 1629 году воевода Красноярского острога А. Дубенский получил указ тобольского воеводы князя А.Н. Трубецкого направить «в Братцкую землицу послов для государева ясаку, шtbody оне братцкие люди были под государевою высокою рукою и ясак бы с себя давали».²

О важности знания «начальным человеком» посольского обычая свидетельствует эпизод следствия в Сибирском приказе о назначении воеводой Д.А. Францбековым «приказным человеком» в Приамурье Е.П. Хабарова. В 1651 году дьяк П. Стеншин обвинил Францбекова в том, что воевода послал «в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова устюжанина», самовольно обучал его посольскому обычаю и писал в наказной памяти ему «посольские речи». Дьяк доносил: «Нигде тот Ярофейко на твоей государеве службе прежде сего, ни в посольстве не бывал и ничего, опрично пашни, тот Ярофейко не знает».³

В состав экспедиций служилых людей обязательно входил толмач, без которого даже предприятия крупных отрядов теряли всякий смысл. Так, в 1635 году енисейский сын боярский Н. Рудаковский, посланный с отрядом в 100 служилых людей в «Братскую землю», не справился с поставленными перед ним задачами, объясняя это тем, что «у него ... брацково толмача нет и без толмача де ему быть не мощно».⁴ В 1640 году енисейские служилые Е. Киселев и К. Ванюков писали, что были «в новой землице на Тате и на Амге» для ясачного сбора, но «без якольского язычного человека вожа не только не могли поспрошать для того, что разговаривать якутцких людей в вожи некому» и «в тое земли попасть не могли и ради вожа и толмача в Ленский острог... назати воротилися».⁵

Главной обязанностью «начальных людей» было приведение к *шерти* «иноземцев». Согласно наказной памяти, командиру отряда через толмача поручалось предложить князю и «лучшим людям», чтобы они «с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великаго князя ... всея Руси высокою рукою в холопстве». Переговоры сопровождалась угрозой силы. «Иноземцам» следовало сказать, что московский государь «страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государского ратного бою никто не мог стоять». Но при этом служилые люди обязаны были говорить, что ра-

---

вестник. – 1890. Т. 46. № 10. С. 156–157.

¹ Русско-монгольские отношения: 1654–1685. № 37. С. 89–90; № 52. С. 119–120; № 67. С. 138–142; № 71. С. 147–157; № 81. С. 169–171; № 147. С. 277–279.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. Т. II. С. 411–412.

³ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – М., 1990. С. 131–134.

⁴ № 20 // Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. – Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 30.

⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

нее «про их землю... было неизвестно» и казаки посланы не для ратного боя, а для принятия «иноземцев» в русское подданство. Предложение принести *шерть* на подданство московскому самодержцу аборигенами воспринималось именно как переговоры, позволявшие заявить свою позицию. Так, в сентябре 1632 года П. Бекетов вступил в переговоры с якутским князем Ногуем. В ответ на «государево жалованное слово», князец «государское величество ни во что почал ставить и неподобные словеса почал говорить про государское величество». Именно в этом случае Бекетов прибег к силе: служилые люди захватили в аманаты брата Ногуя, после чего князец дал *шерть* и ясак.¹

Ситуация, когда *шерть* на подданство приносилась под угрозой силы, не позволяет её рассматривать как равный международный договор. Следует согласиться с В.Н. Ивановым, который писал о шертовании народов Якутии XVII века: «... *шерть* можно приравнять к договору, фиксирующему определенные условия о взаимных обязанностях; а обряд шертования – к процедуре подписания этого договора. Важно, что данный обряд исполнялся в соответствии с верованиями и обычаями местных народов. Это были своеобразные договорные отношения с аборигенами. Конечно, речь ни в коем случае не идет о паритетности прав и обязанностей». ² Но здесь следует учитывать и ещё несколько факторов: во-первых, сибирские иноземцы российское подданство воспринимали поначалу как хорошо известную им кыштымную зависимость, которая могла носить совершенно номинальный характер и ни к чему их не обязывать; во-вторых, непременными атрибутами процедуры переговоров о приведения к *шерти* были пир и обмен дарами.

В течение всего XVII века русскими посольствами к народам Сибири присылалось «государево жалованье». В ответ обычно они получали отдарки – «поминки». Это был обычный в дипломатии того времени обмен дарами: сторона, первой получившая дар, считала нужным отдарить дарящую сторону. «Государево жалованье» («горячее вино», оружие, кафтаны, отрезы сукна и др.) играло большую роль в переговорах русских дипломатов с «иноземцами». Иногда «иноземцы» даже отказывались вести переговоры, если послы не привозили с собой жалованья.³ Отправляясь в Сибирь, воеводы везли целые обозы подарков «иноземцам». Так, в обозе первых якутских воевод П.П. Головина «с товарыщи» в 1638 году было на «жалованье иноземцам» «пятьдесят чети муки ржаной, дватцать чети муки овсяной, дватцать чети солоду ячново, десять чети круп и толокна, пятьдесят пуд соли, сто ведр вина горячего, дватцать пуд меду». Кроме того, на подарки «иноземцам» якутские воеводы закупили в Великом Устюге «сто тысяч одекую красного и зеленого и лазоревого и черного, крупного и мягкого, десять пуд меди зеленые и красные в котлах и в тазех, десять пуд олова в блюдцех и в тарелях, десять поставов сукон летчинных разными цветом». В таком же размере «государево жалованье иноземцам» привезли с собой в обозе новые якутские воеводы в 1644 году.⁴ Знаменитый сибирский землепроходец П. Бекетов говорил: «Государева ясаку собрать

¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 368. Л. 173.

² Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск, 1999. С. 73.

³ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1980. С. 20.

⁴ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 80.

сполна нечем, не токмо что государю учинить, а иноземцы люди дикие, тако их не напоить и не накормить и государева жалованья олова и одекую не дать и их не видать, не токмо что есак с них собрать».¹ Другой землепроходец Воин Шахов при приведении в подданство якутов и тунгусов, обитавших по р. Вилюй, израсходовал на раздачу «подарочных товаров» только за 1635 год в «общей сложности 20 котлов и четверть пуда меди зеленые, 11 тарелей и четверть пуда олова и 33 000 одекую».²

Сделанные оговорки вовсе не меняют значения *шерти* на подданство московскому самодержцу в установлении полной юрисдикции Русского государства над новыми территориями и народами. В царских наказах воеводам приведение «к шерти» иноземцев квалифицировалось как утверждение «новых земель под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки». После принятия шерти «на словах» на земли сибирских иноземцев распространялось территориальное верховенство московских самодержцев, включавшее высшую власть (*imperium*) и суверенное владение (*dominium*). Право иноземцев жить и хозяйствовать на своих «исконных» землях ставилось в зависимость от «государевой милости» при условии уплаты ясака и верной службы. После приведения к *шерти* служилые люди должны были сразу приступить к сбору ясака с новой территории. При этом объёмы вносимой пушнины они обязаны были «писать в ясачные книги у себя подлинно», а для «бережения» внесения ясака предлагалось брать с собой в острог аманатов «из лутчих людей поскольку человек пригоже».

После приведения к *шерти* и сбора ясака с «новой землицы» от служилых людей требовалось составить её описание и чертёж. Следовало указать, «хто именем князцы или тайши теми землицами и улусы владеют». Получив от служилых эти сведения, воеводы должны были присылать «ропись и чертеж» всех тех «новых землиц», которые оказались «проведанными» служилыми людьми руководству Сибирского приказа. Иногда землепроходцев вызывали в Москву, где они опрашивались руководством приказа.

Шертование сибирских иноземцев на подданство московскому самодержцу перед служилыми людьми происходило только «на словах». Требовалось подтвердить эту шерть в письменной форме по «записи». В конце XVI века отказались от практики вызова князцов народов Сибири на переговоры в Москву и оформления подданства шертной записью и царской жалованной грамотой, заменив её более простой процедурой: объявлением воеводой перед иноземцами «государева жалованного слова» и оформлением перед ним шертных записей.

Приведение народов Якутии к *шерти* на основе записей провели первые якутские воеводы П.П. Головин «с товарищи». После прибытия в Якутск в 1641 году в соответствии с царским наказом они устроили в съезжей избе приём ясачных людей. Приняли в нём участие князцы и «лутчие люди» близких к городу подгородных волостей. Воеводы и служилые люди встретили якутов в парадном «цветном» платье, в полном вооружении. Для большого эффекта был произведён вы-

¹ Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 123.

² РГАДА. Ф. 214. Стб 52. Л. 240 – 241, 243.

стрел из пушек. Приём завершился пиром за счёт «государевой казны».¹ Во время этого приёма князцы и «лутчие люди» приводились к шертной «записи», по которой они клялись в том, чтобы «быти мне и всему моему роду под ево государевою царскою высокою рукою в вечном прямом ясачном холопстве» и платить ясак «по вся годы без недобору». Заверяли, что не будут переезжать из своих кочевьев в «немирные землицы» юкагиров, бурят, монголов, дауров; вступать с ними в какие-либо сговоры. Обязывались не грабить и не убивать служилых, торговых и промышленных людей, не подстрекать к тому других. Напротив, обещали охранять всех русских от тех, у кого возникнет «какой заговор или измена», выступать заодно с русскими против «немирных людей», биться вместе со всем своим родом, «не щадя головы своей до смерти».²

Присутствие на процедуре произнесения «жалованного слова» только «лучших людей» подгородных волостей, безусловно, не осталось незамеченным якутскими воеводами. Параллельно воеводы начали рассылать ясачных сборщиков в волости и улусы к якутам и своих посланцев к наиболее влиятельным якутским князцам – кангаласским Еюку, Бозеко и Откураю (племяннику и сыновьям Тынины – «тыниненкам»), бордонскому Бойдону и «ярканскому» (жарханскому) Треке. Было передано жесткое требование – чтобы князцы прибыли в острог «без мешкоты». Если же князцы не отзовутся на предложение воевод, то велено будет «взять их в Якуцкой неволею», но при всём том служилым людям рекомендовалось их «уговаривать всякими мерами, чтоб привести с собою» в Якутск.³

В 1642 году П.П. Головин начал перепись ясачного населения с целью привести размер ясака каждого плательщика в соответствие с его имущественными возможностями. В ответ «вся Якуцкая земля... изменила» и выступила против воеводской власти. Восстание было подавлено с применением силы и путем переговоров с тойонами. В ходе этих событий началось приведение к шерти по записям «лучших людей». В сентябре 1642 – феврале 1643 гг. в Якутск приезжали и «шертовали по своей вере государю» 53 человека, из которых 21 человек были «князцами», остальные – «улусными якутами», сыновьями и братьями «князцов», из Атамайской, Батулинской, Бетунской, Бордонской, Борогонской, Кангаласской, Катылинской, Мегинской, Намской, Нерюптейской, Одейской и Тагусской волостей (улусов).⁴

На Амур в 1653 году был направлен с воеводскими полномочиями московский дворянин Зиновьев. На встречу с ним были собраны даурские и дючерские князцы. На церемонии их приема присутствовало все войско Хабарова и Зиновьева в «цветном платье и с оружием». Зиновьев объявил князцам «царево жалованное слово». Наряду с констатацией традиционных для этой процедуры взаимных прав и обязанностей московского самодержца и его новых подданных, даурские и дючерские князцы просили, чтобы русские люди их оберегали «от богдойского царя Андри-кана». Процедура произнесения «жалованного слова» закончилась пиром и

---

¹ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 82.

² Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). – М., 1970. С. 967–969.

³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 158. Л. 1–2.

⁴ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 95.

подарками красным сукном, посудой и одекуем. Следует отметить, что в Сибирском приказе Зиновьеву поручили привезти в Москву несколько даурских князцов с тем, чтобы показать им столицу и вернуть на Амур. Но сразу предполагалось, что с князцами переговоров проводить не будут. При отъезде Зиновьев увез с собой в Москву несколько пленных даурских княжен и подростков.¹

Приведение к *шерти* по «записи» народов Прибайкалья осуществляли в 30-х гг. XVII века енисейские и красноярские воеводы. Образец шертной «записи», которую брали с иноземцев в Енисейской приказной избе, ныне известен только по документам начала XVIII века. Судя по тому, что в её тексте употребляются слова «братцких людей», запись является текстом клятвы, к которой приводились буряты. Запись начинается словами: «я, имярек, даем шерть великому государю ... по своей бусорманской вере» и содержит обязательства «великому государю служить и прямить и добра хотети во всем, и ясак ... давати по вся годы безперемежно, ... и ему великому государю не изменять, и над его государевыми служилыми людьми дурна никакова не чинить и не побивать».²

После основания Якутского разряда часть земель бурят попала в ведение якутских воевод. 14 мая 1641 года бурятский князец Куршун Бурлаев на устье Куты реки дал шертную «запись» перед якутскими воеводами П.П. Головиным с «товарищи». Князец подтверждал, что приносил шерть ранее и обязался «под государевою царскою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно, и ясак государю с себя и с роду своего и с улусных своих людей полной давать ... беспереводно, и иных братцких людей учнет под государеву царскую высокую руку приводить, а которые братцкие люди непослушны будут, и ясаку с себя государю не учнут давать, и он Куршун на непослушных братцких людей учнет государевых людей водить войною».³

Присоединение Забайкалья происходило в 40-х – 80-х гг. XVII века на основе приоритета дипломатических средств перед военными, включая не только переговоры о принесении шерти на подданство на «словах» перед служилыми людьми. Большую роль в присоединении Забайкалья сыграли походы П. Бекетова и енисейского воеводы А.Ф. Пашкова, в ходе которых была заложена сеть русских острогов и приведён к шерти по «записи» ряд крупных политических образований бурят и эвенков.⁴

Русское продвижение в Забайкалье привело к конфликтам с ханами Халхи, рассматривавшими улусы бурят и эвенков как своих кыштымов. Этот конфликт обострился в условиях русско-китайской войны в Приамурье. Следует отметить, что в наиболее напряженные годы конфликта буряты и тунгусы заняли прорусскую позицию в соответствии со своими шертными обязательствами о подданстве. Так, в 1688 году для обороны Иркутска из бурятских улусов, располагавшихся на р. Китой и Белой, был вызван отряд бурят в «сто пятьдесят человек ... с коньми и с

¹ Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1853. Т. III. № 86 (далее – ДАИ).

² Памятники сибирской истории. – СПб., 1882. Кн. I. С. 24–25.

³ № 23 // Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. С. 37.

⁴ *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. – 2003, № 5. С. 35–49.

ружьём саадаки и с кюяки и панцыри». Во время обороны Удинского острога и Селенгинска от нападения войск монгольского Очирой-хана на помощь русским направлялись бурятские отряды. Оставшиеся в своих улусах буряты ловили монгольских разведчиков и доставляли их русским властям.¹ После разгрома джунгарами Халхи политическая ориентация некоторых монгольских владетелей и тайшей табунутов резко изменилась. 15 января 1689 года от имени российского самодержца окольничий Ф.А. Головин заключил договор «с мунгальским Ирки Кантазием и иными тайшами» о принятии ими российского подданства. 12 марта 1689 года был заключен договор с табунутскими сайтами о принятии ими российского подданства.² Несмотря на то, что эти договоры по своей форме близки образцам договоров с европейскими странами, взаимные обязательства по ним царя и его новых подданных аналогичны тем, что были выработаны в практике шертных договоров.

Окончание русско-китайской войны и заключение Нерчинского договора 1689 года, по справедливому замечанию В.Н. Иванова, означало «признание нового геополитического фактора в международных отношениях на Дальнем Востоке. Так, Якутский уезд по существу получил международное признание как составная часть Русского государства».³

Таким образом, анализ роли дипломатических средств при присоединении Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяет заключить, что они соответствовали праву внешних сношений, сложившемуся в Русском государстве XVII века. Система органов внешних сношений в Сибири основывалась на суверенитете монарха. Воеводы в Сибири обладали внешнеполитическими полномочиями, соответствующими статусу «великих» и «легких» послов, функции гонцов выполняли «начальные люди» сибирских казаков и стрельцов. Внешнеполитическая деятельность воевод планировалась и протекала под контролем центральных приказов, наиболее важные дела докладывались царю и Боярской думе. Основной целью русской дипломатии было приведение в подданство автохтонных народов на основе шертного договора, т.е. приоритет договорного способа присоединения над силовым. Сформировалась процедура ведения переговоров о заключении шертного договора, которая включала дипломатический церемониал и соответствовала «польскому обычаю» России XVII века.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 160. Якутская воеводская изба.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21. Г.Ф. Миллер.
3. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. В 12-ти тт. – СПб.: Тип-я Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. – 563 с.
4. *Лас Касас Б., де.* История Индий. – Л.: Наука, 1968. – 478 с.
5. Материалы по истории Якутии XVII в. (Документы ясачного сбора). – М.: Наука, 1970. Ч. I–III. – 1269 с.

---

¹ № 104–113 // Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. – Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.

² ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. III. № 1329, 1336.

³ *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 146.

6. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. док. / Сост. Н.С. Орлова; под ред. А.В. Ефимова. – М.: Географ. лит.-ра, 1951.
  7. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. – СПб.: Тип. МВД, 1882. – 551, XXXVI с.
  8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. III.
  9. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. II. – 656 с.
  10. Русско-монгольские отношения: 1654–1685. Сб. док. / Отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Вост. лит., 1996. – 560 с., ил.
  11. Сборник документов по истории Бурятии: XVII век / Сост. Г.Н. Румянцев и С.Б. Окунь. – Улан-Удэ: Тип. М-ва культуры БурАССР, 1960. Вып. 1. – 494 с.
  12. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Сибирский приказ.
  13. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1177. Якутская приказная изба.
- Общая и специальная литература:
14. Акишин М.О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. – 2015. № 3. С. 45–54.
  15. Акишин М.О. Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // Вопросы правоведения. – 2013, № 3. С. 424–437.
  16. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд., 1984. – 272 с.
  17. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. – 2003. № 5. С. 35–49.
  18. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
  19. Демидова Н.Ф. Приказ Казанского дворца: 1550–1709 // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М.О. Акишин, А.Д. Ремнев. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 121–124.
  20. Демидова Н.Ф. Сибирский приказ: 1637–1708, 1730–1763 // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М.О. Акишин, А.Д. Ремнев. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 131–134.
  21. Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск: Наука, 1999. – 199 с.
  22. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
  23. Локк Дж. Сочинения: В 3-х тт. – М.: Мысль, 1988. Т. 3. – 688 с.
  24. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. – М.: Вост. лит., 2000. Т. II. – 796 с.
  25. Миллер Г.Ф. О первых русских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755.
  26. Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII века. (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. – 1890. Т. 46. № 10. С. 156–171.
  27. Преображенский П.С. Калмыки в 1-ой половине XVII в. Принятие калмыками (торговцами и дербетами) русского подданства. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1963. – 145 с.
  28. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
  29. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). – Якутск: Кн. изд., 1978. – 208 с.
  30. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1978. – 216 с.
  31. Якутия в XVII в. (очерки). – Якутск: Кн. изд., 1953. – 438 с.

Akishin M.O.

**Law of external relations of the Russian state
and accession of Eastern Siberia and Priamurye**

In article the analysis of the role of diplomatic means with the accession of Eastern Siberia and Far East by Russia allows us to conclude that they conformed to the law of external relations prevailing in the Russian state during XVII century. System of bodies of external relations in Siberia was based on the sovereignty of monarch. Voevoda in Siberia had foreign powers corresponding to the status of “great” and “light” ambassadors, messengers functions performed by “initial people” from Riflemen and Siberian Cossacks. The foreign policy of the governors was planned and took place under the control of the Central Prikazs, the most important cases were presented to the Tsar and the Boyar Duma. The main goal of Russian diplomacy was to bring to the citizenship of indigenous peoples on the basis of *šertian* contract, i.e. the priority of a contractual method of connections over power. The procedure of negotiations on the signing of the *šertian* contract formed, which included diplomatic ceremonial and conformed to “the Ambassador’s custom” of Russia during 17th century.

Key words: Russia, East Siberia, Amur region, Halha, China, law of external relations.

Почекаев Р.Ю.

СВЕДЕНИЯ МОСКОВСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XVII ВЕКОВ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ¹

В статье предпринимается попытка продемонстрировать ценность таких материалов как записки московских дипломатов и путешественников в качестве источника знаний о государстве и праве среднеазиатских ханств XVI–XVII вв. Во-первых, государственный строй и правовая жизнь ханств рассматривается, со стороны внешних наблюдателей, заинтересованных в представлении объективных сведений, а не пристрастных и тенденциозных придворных авторов и издателей официальных актов. Во-вторых, московские «информаторы» извлекают представления о государстве и праве этих ханств не из писаных правовых актов, а из реальных правоотношений, участниками которых нередко становились сами.

Ключевые слова: Московское царство, Средняя Азия XVI–XVII вв., Бухарское ханство, Хивинское ханство, дипломатические миссии, государство и право Средней Азии, традиционное право, мусульманское право.

История изучения государств и народов Средней Азии в России начинается практически со времени установления первых контактов Московского царства со среднеазиатскими ханствами во второй половине XVI – XVII вв.: первые же официальные отчёты дипломатов и менее формальные записки торговцев–путешественников являлись и источником знаний для московских политических и научных кругов. И хотя специалисты характеризуют этот период изучения Средней Азии в России как этап «накопления знаний»², сведения, полученные на данном этапе, не следует недооценивать. История среднеазиатских ханств в этот период характеризуется многочисленными внутренними смутами и войнами друг с другом, поэтому далеко не все её аспекты нашли подробное освещение в «национальных» источниках, соответственно, любая информации внешних современников – свидетелей событий является весьма значимой. Её ценность и порой даже уникальность уже отмечалась отечественными востоковедами.³

Одним из наименее исследованных аспектов истории ханств Средней Азии (причём не только в рассматриваемый период) является развитие их государственности и в особенности права. Во-первых, этой весьма специфической тематикой занимались лишь отдельные исследователи. Во-вторых, базируясь на источниках восточного происхождения (как официальных актах, так и нормативных материала-

---

Почекаев Роман Юлианович – профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00322.

² *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М., 1981. С. 13.

³ См., напр.: *Алексеев А.К.* Традиция местничества в Бухаре // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2009. С. 108.

лах), они склонны в значительной степени переносить на реалии позднесредневековой Средней Азии представления о политико-правовом развитии Мусульманского Востока в целом, не учитывая особенностей развития государственности права в этом регионе, обусловленных как влиянием древних тюрко-монгольских традиций, так и периодом владычества Монгольской империи и её наследника – Чагатайского улуса.¹ Представляется, что информация российских дипломатов и путешественников – объективных свидетелей, отнюдь не заинтересованных в прославлении среднеазиатских монархов как «светочей истинной веры» – может несколько поколебать подобный стереотип.

Считаем необходимым отметить, что в настоящей работе отнюдь не ставится цель «реконструировать» систему государственного строя и права ханств Средней Азии на основе анализируемых сведений московских современников. Эти сведения весьма немногочисленны и лапидарны, поскольку их авторы не имели задачу собрать информацию именно о государстве и праве Бухарского, Хивинского и прочих среднеазиатских ханств того времени. Тем не менее, как представляется, настоящее исследование имеет определенную новизну, и его полезность – именно в извлечении тех значимых фрагментов, которые могут дополнить или подтвердить имеющиеся представления о государстве и праве ханств Средней Азии в рассматриваемый период.

Круг привлекаемых нами источников сравнительно невелик: за XVI–XVII века имело место всего лишь несколько посещений московскими дипломатами и купцами (которых мы условно именуем «путешественниками») среднеазиатских ханств. Тем большее внимание следует уделить каждому из них. Так, в XVI веке едва ли не единственным представителем Московского царства, побывавшим, однако, и в Хиве, и в Бухаре², стал англичанин Энтони Дженкинсон, который нередко фигурирует в исследовательской литературе как английский торговец или путешественник. Между тем, из его собственных записок следует, что он посетил эти государства именно как дипломатический представитель московского царя и в качестве такового получил доступ в соответствующие инстанции, позволившие ему сделать ценные наблюдения, в том числе и политико-правового характера.³ Сначала Ливонская война, а затем и Смута рубежа XVI–XVII вв. отвлекли московских

---

¹ Едва ли не единственным монографическим исследованием по истории государства и права ханств Средней Азии на сегодняшний день является следующая работа: *Лунев Ю. Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. – М., 2004. Однако и в ней государственность и право этих стран характеризуются преимущественно как мусульманские, тогда как их тюрко-монгольская и «чингизидская» (т.е. монгольская имперская) составляющие практически проигнорированы.

² Известно, что в 1589 г. по поручению фактического правителя Московского царства Б.Ф. Годунова в Бухару ездил служилый татарин Б. Тайшев с грамотой к хану Абдаллаху II. Однако это был всего лишь гонец, сопровождавший возвращавшегося бухарского посла, и о его поездке нет сведений – за исключением текста самой грамоты Б.Ф. Годунова. – См.: Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. С. 487–489; *Уляницкий В. А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. – М., 1889. С. 7.

³ Впрочем, не следует игнорировать и тот факт, что Э. Дженкинсон действовал также и по инструкциям английской администрации, см. напр.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.* / Пер. Ю.В. Готье. – М., 1937. С. 20. Однако даже этот факт опровергает его статус как «путешественника»: он действовал как агент официальных властей.

монархов от восточных соседей, почему дипломатические отношения со Средней Азией и не получили дальнейшего развития. Впрочем, в этот период фиксируется значительное число ответных миссий из Бухары и Хивы¹, но в рамках нашей темы они не представляют интереса.

Зато в XVII веке среднеазиатские ханства посетило гораздо большее число подданных московских царей, отчёты и записки которых для нас не менее важны, чем отчёт Э. Дженкинсона. Вскоре после окончания Смуты, в 1614 г., в Хивинском ханстве (правда, как бы проездом по дороге в Персию) побывал М.Н. Тиханов.² В 1620–1623 гг. в Бухаре и Хиве побывал царский посол дворянин И.Д. Хохлов. В 1642 г. в Бухару были отправлены купцы С. Горохов и О. Грибов, последний из которых уже в качестве единоличного руководителя миссии в 1646 г. вновь посетил Бухару. В 1669–1670 гг. в Хиву было отправлено посольство сына боярского И.М. Федотова (Федотьева), а в Бухару одновременно с ним – посольство Б.А. и С.И. Пазухиных (1669–1672). В 1675–1676 гг. в Хиве и Бухаре побывал стольник (впоследствии воевода) В.А. Даудов. Наконец, в 1695 г. в Центральную Азию была отправлена миссия купцов С. Малинкова и С. Аникеева, однако они ограничились поездкой в Персию и Индию, не доехав до среднеазиатских ханств, хотя и имели при себе грамоты из Посольского приказа к ханам Хивы, Бухары и Балха.³ Упомянутые дипломаты или торговцы-путешественники (впрочем, также выполнявшие дипломатические поручения московских властей, что в те времена не было необычным явлением) представили по итогам поездок отчёты, большинство которых в той или иной степени сохранилось до нашего времени. Соответственно, их сведения также содержат полезную информацию о государстве и праве среднеазиатских ханств.

В целях настоящего исследования видится целесообразным не давать характеристику каждого источника на предмет содержащихся в нём сведений политико-правового характера, а проанализировать по ряду аспектов те особенности государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств, которые нашли отражение в московской посольской документации (в одном или нескольких источниках). В случае необходимости эти сведения могут быть соотнесены со сведениями других источников – в том числе и восточного происхождения. Подобный подход уже использовался нами при изучении сведений московских дипломатов о государстве и праве Крымского ханства⁴ и, как представляется, оказал

---

¹ См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. – Л., 1932. Вып. 3. С. 97–108; Уляницкий В.А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. С. 6–7; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Пг., 1915. С. 9–13.

² См. подробнее: Моисеев М.В. «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 годы // Мининские чтения: Сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. – Нижний Новгород, 2012. С. 351–360.

³ См. подробнее: Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. С. 15–41.

⁴ Почкаев Р.Ю. Русская посольская документация XV–XVIII вв. как источник сведений о праве Крымского ханства // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история

ся достаточно эффективным для достижения поставленной цели.

Большую ценность имеют сведения московских дипломатов о носителях высшей власти – монархах среднеазиатских ханств и особенностях их статуса. Традиция преемственности института ханской власти, её основных атрибутов и символов от прежних великих правителей государств имперского типа всячески соблюдалась, в том числе в соблюдении придворных ритуалов и церемоний, выдаче ярлыков и пр.¹

Тем не менее, от некогда абсолютной власти ханов-Чингизидов к XVI–XVII векам не осталось и следа. Утратившие авторитет, ханы были вынуждены постоянно бороться с родственниками – сепаратистами или даже претендентами на трон, поскольку каждый член ханского рода имел право на собственный удел или на ханский трон, который далеко не всегда, по мнению султанов, занимал самый достойный. Так, Э. Дженкинсон отмечает, что в Хивинском ханстве хан был должен делить власть с пятью своими братьями, причем контролировал только собственный удел, тогда как владения братьев ему практически не подчинялись. Кроме того, братья хана, не имея родственной привязанности друг к другу (будучи рождёнными от разных жён своего отца), зачастую воевали между собой, стремясь захватить уделы и даже ханский трон.² Не меньшая раздробленность имела место и в Бухарском ханстве середины XVI века, где правитель Бухары «не рассчитывает царствовать более двух или трёх лет, когда его или убьют или изгонят».³

Лишь недавно пережив Смутное время в самом Московском государстве, русские дипломаты первой половины XVII века несомненно, с большим вниманием (и пониманием) наблюдали за междоусобицами в ханствах Средней Азии. Так, в донесении И.Д. Хохлова весьма ярко представлена картина противостояния хивинского хана Араб-Мухаммада с собственными сыновьями в начале 1620-х гг. Так, в Ургенче практически самостоятельно правил старший сын хана «Абеш» (Хабаш), который стремился сам принять московское посольство и установить контакты с Москвой. Однако даже по прибытии в Хиву, резиденцию законного хана, послы стали получать приказания от других ханских сыновей явиться именно к ним. На обратном пути И.Д. Хохлов застал открытое противостояние хана и его сыновей Хабаша и Ильбарса, которые сами признали, что выступили против отца и даже присвоили себе право выдавать ярлыки иностранным дипломатам (что являлось исключительно ханской прерогативой). Кроме того, хивинские послы, отправленные в Астрахань Араб-Мухаммад-ханом, с 1622 года отчитывались уже не ему, а его сыну Ильбарсу.⁴ Сходную картину встретил дипломат и в Бухарском ханстве, в котором царило настоящее двоевластие: Балхский удел фактически отпал от Бу-

---

туркских народов и государств. – М., 2013. С. 311–332.

¹ См., напр.: Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. С. 405, 406; Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч 1669 // Русская историческая библиотека. – СПб., 1894. Т. XV. С. 48.

² Дженкинсон Э. Путешествия / Пер. С.М. Середонина // Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1884. № 4. С. 43–45; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 177.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 183.

⁴ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 393–396, 406–412, 415–416.

хары, и его правитель Надир-Мухаммад практически открыто соперничал за влияние в ханстве со своим старшим братом – бухарским ханом Имам-Кули, переманивая к себе людей последнего.¹ Продолжалось противостояние Бухары и Балха и во второй половине XVII века: Б. и С. Пазухины не смогли сразу встретиться с бухарским ханом именно потому, что он в это время находился в походе против балхского правителя.²

Междоусобицы и кризис ханской власти в Бухаре к середине XVII века достиг своего апогея, причём в борьбу за власть стали вмешиваться соседние и даже вассальные правители. Так в начале 20-х гг. XVII века И.Д. Хохлов отмечал, что бухарский хан Имам-Кули был вынужден бороться со своим вассалом – казахским султаном Турсуном, правителем Ташкента, который, воспользовавшись конфликтом между Бухарой и Балхом, попытался стать независимым монархом.³ А уже четверть века спустя свергнутый бухарский хан Надир-Мухаммад, как сообщал О. Грибов, сам был готов объявить себя вассалом то падишаха Индии из династии Великих Моголов, то персидского шаха-Сефевиды, лишь бы вернуть трон.⁴

Не меньшее влияние, чем члены правящей династии, в среднеазиатских ханствах имели и влиятельные родоплеменные предводители, от поддержки которых зависела судьба хана. Русские дипломаты, описывая свое пребывание при ханском дворе в Хиве или Бухаре, весьма скрупулезно перечисляют состав ханского совета, а также поименно тех сановников, которым они были вынуждены подносить дары ради успеха своей миссии. Правда, не всегда их сведения позволяют сформировать представление о сановной структуре ханств: нередко в отчётах дипломатов ханские царедворцы и высшие чиновники именуется в соответствии с московской традицией «боярами», «приставами», «конюшими», «дворецкими», либо же характеризуются весьма неопределенно как «честные люди», «чиновные старые люди» и т.п. Тем не менее, в ряде случаев московские послы и торговцы используют и оригинальные названия. И.Д. Хохлов упоминает, что в Бухаре за его встречу и сопровождение к хану на приём отвечал «бухарской воевода Марзабек» (вероятно, столичный градоначальник или *амир ал-умара* – глава вооружённых сил ханства), а также активное участие во взаимодействии с посольством принимали Насур-кушбеги и Надир диван-беги.⁵ Б. и С. Пазухины упоминают, что на «малом приеме» послов у хана присутствовали *аталык*, *диван-беги* и *парваначи*, т.е. самые высшие сановники; кроме того, отдельно московские посланцы встречались и вели переговоры с бухарским аталыком, «тестем хановым» Худжум-Берды, «хановым братом и боярином» Ишназар-беком.⁶ Таким образом, сведения русских дипломатов подтверждают значение в Бухарском ханстве таких должностных лиц как *ата-*

¹ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 420. См. также: *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. С. 14.

² Наказ Борису и Семёну Пазухиным. С. 45; *Tcharykov N.* Un voyage dans L'Ouzbekistan en 1671 // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876 г. – СПб., 1879–1880. Т. I. С. 600.

³ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 421, 440.

⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 320–321.

⁵ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 398–399, 403.

⁶ Наказ Борису и Семёну Пазухиным. С. 43, 55–56.

лык, кушбеги, диван-беги, парваначи, причём преимущественно узбекского происхождения.

Значимость отдельных сановников простиралась до того, что они могли принимать на себя и некоторые ханские функции – так, например, М.Н. Тиханов сообщает, что в отсутствие хивинского хана переговоры с ним вел *аталык* «Еназей» (Джан-Газы?).¹ Подобного делегирования полномочий в Бухарском ханстве XVII века не практиковалось: напротив, Б. и С. Пазухины были вынуждены дожидаться возвращения хана из похода против Балха, поскольку его сановники (в частности, некий «боярин» Таш-Булат) могли принять и разместить посольство, но не имели полномочий на ведение с ними переговоров.²

Упомянуты российскими посланниками и представители региональной администрации, которые, по-видимому, традиционно делились на две категории – владетельные члены ханского рода, а также родоплеменные вожди и ханские наместники.³ Владетельные аристократы в своих владениях пользовались всей полнотой прав, лишь номинально признавая верховенство хана. Они имели право собирать налоги и пошлины в свою пользу как с местного населения, так и с проезжающих, а также – издавать нормативные акты, по силе не уступавшие ханским. Э. Дженкинсон упоминает, что был вынужден уплатить пошлину чиновникам мангышлакского правителя Тимур-султана, который взамен выдал ему проезжую грамоту, и в дальнейшем он получал аналогичный документ от каждого регионального правителя, поскольку грамоты друг друга они не признавали.⁴ Что же касается региональных правителей, назначавшихся ханами, то они подобного самовластия, естественно, не проявляли. Тем не менее, московские дипломаты оставили интересные сведения о роли таких региональных сановников как даруг, имевших не только административные, но и судебные полномочия (в частности, упоминаемые Б. и С. Пазухиными «караколской дарага», т.е. *даруга* Кара-Куля⁵), известных ещё с монгольского имперского времени.

Особое место занимали в политической системе среднеазиатских ханств видные представители мусульманского духовенства,⁶ что не могли не отметить и московские дипломаты и путешественники. Э. Дженкинсон упоминает, что при мангышлакском правителе Тимур-султани находился «великий митрополит этой ди-

---

¹ Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2: Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. – СПб., 1892. Т. XXI. С. 280.

² Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 45.

³ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. – СПб., 2011. С. 176–186.

⁴ Дженкинсон Э. Путешествия. С. 42–43; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 175–177. См. также: Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. – СПб., 1877. С. 112–113, 118.

⁵ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 45; Tcharykov N. Un voyage dans L'Ouzbekistan en 1671. С. 600.

⁶ Специально этому вопросу посвящена следующая работа: Ахмедов Б.А. Роль джуйбарских ходжей в общественной жизни Средней Азии XVI–XVII веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. С. 16–31.

кой страны, столь же чтимый народом, как римский епископ чтим в большей части Европы», который принимал московского посланника вместе с самим султаном.¹ Точно так же он отзывается и о «бухарском митрополите», «власть которого выше власти короля», т.е. правителя Бухары: именно этот святитель принял у Э. Дженкинсона верительные грамоты московского царя (вероятно, имеется в виду ходжа Мухаммад Ислам, влиятельнейший представитель семейства Джуйбари). Согласно Дженкинсону, этот «митрополит» мог «сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию», что и было им сделано в отношении предшественника правившего в это время в Бухаре хана.²

Московские послы XVII века также много внимания уделяют роли влиятельного в религиозной среде сословия ходжей (в русской дипломатической документации – «хози»). Они упоминаются в качестве обязательных участников официальных мероприятий в ханском дворце – в частности, посольских приемов, на которых «хози» сидели с почётной правой стороны.³ Весьма ценным представляется замечание Б. и С. Пазухиных о том, что сам хан рекомендовал им съездить к ходжам и вручить им дары, что и было сделано. По сообщениям послов, ходжи обладали своеобразной монополией на брачные связи с ханским семейством: только за них выдавали ханы своих дочерей.⁴ Весьма показательным представляется и совет ходжей, с которых общались Б. и С. Пазухины: в случае очередного мятежа в Бухаре они предлагали московским послам укрыться в их доме, «а от них выдачи и грабительства никому не бывает».⁵ Это также свидетельствует об их особом статусе и высоком авторитете среди местного населения – несмотря на политическую ориентацию.

Ещё одним проявлением роли мусульманского духовенства, нашедшим отражение в русской посольской документации, является, на наш взгляд, один из аспектов многолетних переговоров Московского царства со среднеазиатскими ханствами о судьбе русских пленников. В качестве довода против освобождения пленников монархи нередко ссылались на то, что многие из русских рабов как в Бухаре, так и в Хиве принимали ислам и, соответственно, не могут быть отправлены на родину, ставшую для них, таким образом, иноверческой.⁶ Известно, что чингизидские правители весьма спокойно относились к религиозным канонам и нередко позволяли себе от них отходить в политических интересах. Поэтому данное заявление, несомненно, делалось ими в интересах мусульманского духовенства, обрести всемерную поддержку которого они стремились.

Другим основанием для отказа ханов Бухары и Хивы в возвращении русских пленников московским дипломатам являлось то, что эти пленные, якобы, не были

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 175.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 182, 185. По-видимому, речь идет о свержении и убийстве бухарского правителя Шах-Бурхан-хана, организованном местным духовенством в пользу хана Абдаллаха II в 1557 г. См.: Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006. С. 307.

³ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 48.

⁴ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 51–52.

⁵ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 52.

⁶ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 414; Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 54.

захвачены во время набегов, а проданы хану, сановникам и частным лицам башкирами и калмыками. И если их отнять у частных владельцев (кстати, широко использовавших труд русских рабов на ирригационных и прочих тяжёлых работах), это будет, как говорил хивинский Ануша-Мухаммад-хан, по свидетельству И.М. Федотьева, «оскорбление» его подданным.¹ Столь трепетное отношение к частной собственности подданных, выказываемое в ходе переговоров с московскими дипломатами, совершенно не согласуется с другими данными о взаимоотношении между властями и населением среднеазиатских ханств, содержащимися в московской посольской документации – в частности, в вопросах о налогах и сборах.

Отчёты московских послов и торговцев содержат ценные сведения о налоговой системе в среднеазиатских ханствах. В связи с тем, что ханы и султаны постоянно вели борьбу за власть, они, с одной стороны, нуждались в деньгах для содержания войск, с другой – были заинтересованы в привлечении на свою сторону влиятельных родственников и представителей знати. Эти противоречия в полной мере отразились на несовершенстве налоговой системы, в результате чего ханства находились в глубоком экономическом кризисе.

По свидетельству Э. Дженкинсона, в ведении хана находилось 2/3 города Бухары, одна же треть была в распоряжении торговцев и ремесленников.² Что до остальных земель государства, то практически все деревни в Бухарском ханстве были «расписаны... на жалованье ратным и всяких чинов людям».³ Несомненно, речь идёт о традиционном для мусульманского Востока землевладельческом институте икта – условном земельном пожаловании в обмен на военную или иную службу, при котором формально земля оставалась в собственности государства, а доходы с неё шли в пользу держателя.⁴ Тот факт, что практически все деревни в качестве икта были закреплены за частными лицами, ханы практически не имели возможности собирать с них доходы в собственную казну. Единственным источником дохода, по сути, оставались сборы с денежных дворов и пошлин, причём, как отмечали Б. и С. Пазухины, «за обиходом денег за годом не остается»,⁵ т.е. ханский бюджет был весьма скудным.

Ханы всеми правдами и неправдами старались получить дополнительный доход с денежного обращения. Так, Э. Дженкинсон свидетельствует, что бухарский хан «цену же серебра... поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц».⁶

---

¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 334–335; Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 40, 41–42, 56. См. также: Уляницкий В.А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. С. 40; Tcharykov N. Un voyage dans L'Ouzbekistan en 1671. С. 602; Апанов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. С. 14–15.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 182.

³ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 61. См. также: Апанов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. С. 14.

⁴ См. подробнее: Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.–Л., 1960. С. 256–269. К XIX в. институт «икта» в Бухарском ханстве стал называться «танха» («танхо»). – См.: Тураев Х. Документальные источники по истории феодального института танха в Западной Бухаре. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1989. С. 6–10; Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. С. 117–118.

⁵ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 61.

⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 183.

Эти данные в полной мере согласуются с данными восточных источников о «финансовых махинациях» бухарских ханов (начиная еще с Мухаммада Шайбани и Кучкунжи, правивших в первой трети XVI в.), которые постоянно вводили в обращение новые монеты, заставляя подданных обменивать прежние по сниженному курсу.¹

Прямые налоги и сборы также взимались в Хиве и Бухаре довольно беспорядочно, но при этом всегда делались попытки правового обоснования действий властей в этой сфере. Так, например, Э. Дженкинсон сетует на то, что представители мангышлакского правителя фактически ограбили его, хотя и взяли сбор в соответствии со «ставкой»: 3 кожи и 4 блюда за каждого верблюда с товарами, а также в пользу правителя – 1 «девятку»² и 2 «семерки» (традиционная для тюрко-монгольского права единица счета, включающая соответствующее число типовых предметов). В обмен на это, впрочем, Тимур-султан выдал ему охранную грамоту, действовавшую на всем протяжении его владений.³ И если Э. Дженкинсон, несмотря на дипломатический статус, всё-таки осуществлял ещё и торговую миссию (почему таможенный сбор с него был взят, в общем-то, в пределах действующих правовых норм), то попытка хивинских пограничных властей взять пошлины с посольства И.Д. Хохлова являлась совершенным нарушением норм международного права того времени, хотя сами хивинцы и пытались обосновать ссылками на «закон».⁴ В связи с этим в наказе Б. и С. Пазухиным изначально содержалось указание не платить в Бухаре никаких пошлин местным властям, которые в результате не стали брать пошлин даже и с товаров, привезённых ими.⁵

Взимание налогов в среднеазиатских ханствах также фиксировалась российскими дипломатами и торговцами. Согласно Э. Дженкинсону, торговая пошлина, равно как и сбор с других доходов, составляли «десятину».⁶ Кочевники (в частности, туркменские подданные хивинских ханов) платили «ясак» с поголовья овец – зачастую, впрочем, весьма номинально.⁷ Насколько «скрупулезны» были среднеазиатские монархи в обложении всех доходов налогом, показывает довольно забавное сообщение Б. и С. Пазухиных: на обратный путь вместо полагавшихся им провианта и подвод было выдано из ханской казны деньгами 300 руб., из которых тут же 10% было вычтено в пользу хана, еще 5% «по обычаю» было выплачено ханским чиновникам, а некоторую часть пришлось потратить на подарки «приказным людям» и толмачам.⁸

---

¹ См.: *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. – М., 1955. С. 375-276; *Давидович Е.А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). – М., 1983. С. 199.

² Н.И. Веселовский ошибочно понял эту информацию как то, что торговая пошлина составляла 1/9 от общего числа товаров. – См.: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений... С. 113.

³ Дженкинсон Э. Путешествия. С. 42.

⁴ Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 390–391.

⁵ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 3, 69.

⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 183.

⁷ См.: Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова. С. 390.

⁸ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 57. Надо сказать, что подношения сотрудникам дипломатического ведомства (в т.ч. и переводчикам) являлись частью политико-правовой культуры в тюр-

Очень широко пользовались ханы правом установления дополнительных сборов в связи с войной или другими чрезвычайными обстоятельствами. Широко известным примером (вызвавшим впоследствии очередное обострение отношений между Московским царством и Хивинским ханством) стало ограбление по приказу хивинского хана Абу-л-Гази московских купцов в 1646 году. Сам хан оправдывал свои действия тем, что ему нужны деньги для войны, а с населения взять уже нечего. Весьма интересно отметить, что он пообещал компенсировать московским торговцам их потери – но не за счёт опустошенной казны, а за счёт частных хивинских торговцев, находившихся в это время по своим делам на территории Московского государства, в Астрахани.¹

Ряд повинностей, известных со времен Монгольской империи, среднеазиатские ханы практически не имели возможности применять. Так, например, практически все московские дипломаты и путешественники отмечают обилие разбойничьих шаек на дорогах², от которых их не пытались защитить ни местные жители, ни даже ханские стражники, которые смели требовать с послов плату за сопровождение³, хотя таковое полагалось по дипломатическому протоколу. Таким образом, повинность «караулык», т.е. охрана дорог от разбойников⁴, в Хиве и Бухаре XVI–XVII веков практически не действовала. В Бухарском ханстве, впрочем, путешественники отмечали более активные действия властей в отношении разбойников, нежели в Хивинском⁵, в котором лишь в правление Абу-л-Гази-хана безопасность торговых путей была в какой-то степени обеспечена.⁶ Зато другая повинность – предо-ставление продовольствия, лошадей и подвод проезжающим – сохранялась в полной степени. Практически все московские послы XVI–XVII веков отмечали скудность предоставляемых «кормов» (особенно в Хивинском ханстве), либо полное их отсутствие.⁷ Лишь в случае, если по ханскому распоряжению дипломатов на довольство брали частные лица, ситуация менялась к лучшему. Так, например, Б. и С. Пазухины отметили, что щедрым содержанием во время пребывания в Бухаре они были обязаны не ханской казне, а «купчине Армамету», и позднее корм и подводы для них также «имали с посадских людей».⁸

Таким образом, можно отметить, что многие сведения о государственном и правовом развитии ханств Средней Азии в XVI–XVII веках, содержащиеся в вос-

---

ко-монгольских государствах еще в имперскую эпоху. – См., напр.: Григорьев А.П., Григорьев В.П. Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1997. Сер. 2. Вып. 3. С. 19, 25.

¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 328–329.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 179; Уляницкий В.А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. С. 12.

³ Дженкинсон Э. Путешествия. С. 47.

⁴ См., напр.: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. С. 237.

⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 183–184.

⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 328.

⁷ Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. С. 279; Веселовский Н.И. Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве, 1669–1670 // Туркестанские ведомости. – 1882. 25 мая. С. 79; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 333. См. также: Уляницкий В.А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. С. 10.

⁸ Наказ Борису и Семену Пазухиным. С. 38, 43.

точных источниках, находят подтверждение в московской посольской документации того времени, что представляется весьма ценным, ибо русские дипломаты составляли свои отчёты на основе собственных впечатлений и, соответственно, представляли объективную информацию.

Источники и использованная литература:

1. *Алексеев А.К.* Традиция местничества в Бухаре // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2009.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю.В. Готье. – М., 1937.
3. *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.
4. *Ахмедов Б.А.* Роль джуйбарских ходжей в общественной жизни Средней Азии XVI–XVII веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. С. 16–31.
5. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. – СПб., 1877.
6. *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2: Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. – СПб., 1892. Т. XXI.
7. *Веселовский Н.И.* Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве, 1669–1670 // Туркестанские ведомости. – 1882. 25 мая. С. 79.
8. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. – М., 1955.
9. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1997. Сер. 2. Вып. 3. С. 19–25.
10. *Давидович Е.А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). – М., 1983.
11. *Дженкинсон Э.* Путешествия / Пер. С.М. Середонина // Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1884. № 4. С. 43–45.
12. *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Пг., 1915.
13. *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. – М., 2004.
14. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. – Л., 1932. Вып. 3. С. 97–108.
15. *Моисеев М.В.* «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 годы // Мининские чтения: Сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. – Нижний Новгород, 2012. С. 351–360.
16. Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч 1669 // Русская историческая библиотека. – СПб., 1894. Т. XV. С. 48.
17. *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. – М.–Л., 1960.
18. *Почакаев Р.Ю.* К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением //

- Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. – СПб., 2011. С. 176–186.
19. *Почекаев Р.Ю.* Русская посольская документация XV–XVIII вв. как источник сведений о праве Крымского ханства // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М., 2013. С. 311–332.
  20. Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. С. 487–489.
  21. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. С. 405–406.
  22. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006.
  23. *Тураев Х.* Документальные источники по истории феодального института танха в Западной Бухаре. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1989. С. 6–10.
  24. *Уляницкий В.А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. – М., 1889.
  25. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.
  26. *Tcharykov N.* Un voyage dans L'Ouzbekistan en 1671 // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876 г. – СПб., 1879–1880. Т. I.

Pochekaev R. Yu.

**The information of Moscow diplomatists and traveler of 16th–17th cc.
on state and law of Central Asian khanates**

Author attempts to show a great value of reports and memoirs of Russian diplomatists and traveler as a sources on state and law of Central Asian khanates – Bukhara and Khiva in 16th and 17th cc. This information is more impartial than the one of Central Asian court historians and legislature establishment. Moreover, Russian witnesses gave a characteristic not of “written law” but “vital” legal relations, in which not rare they participated themselves.

Keywords: Moscow state, Central Asia in 16th – 17th cc., Bukhara khanate, Khiva khanate, diplomatic missions, state and law of Central Asia, traditional law, Islamic law.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ТРУДАХ–ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

Понихин Ю.М.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И.Т. ПОСОШКОВА (К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПО- ЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.)

В статье рассматриваются социально-экономические и политические воззрения И.Т. Посошкова, его идеи по законодательному закреплению правового статуса русского купечества. Анализируются также суждения мыслителя о месте и роли дворянства, крестьянства (в том числе и крепостного), духовенства в экономической, общественной и политической сферах жизни России. Особое внимание уделено воззрениям И.Т. Посошкова на судоустройство и судопроизводство, на их буржуазное содержание.

Ключевые слова: И.Т. Посошков, «Книга о скудости и богатстве», купечество, сословия, равный суд для всех сословий, взяточничество, разумное государственное регулирование повинности крестьянства (в том числе - крепостного).

Первая четверть XVIII века была временем бурной преобразовательной деятельности в России, ломки старых феодальных государственных форм и замены их новыми, хотя и не менее феодальными, но более соответствовавшими социально-экономическим и политическим условиям эпохи. В основе происходивших перемен лежало развитие товарно-денежных отношений в московском государстве. Формировавшиеся во второй половине XVII века купеческие капиталы настоятельно требовали приложения и, хотя и sporadически, вкладывались в промышленное производство. В этой сфере появляются элементы буржуазных отношений, которые постепенно втягивали в свою орбиту разные социальные группы и, прежде всего, дворянство. Это неизбежно усиливало давление на крестьянство, что, в свою очередь обусловило сопротивление крестьян. В этой ситуации дворянство нуждалось в новой государственной организации. И она была создана петровскими реформами.

Вполне закономерно, что изменения в социально-экономических отношениях и в политической организации власти обусловили и соответствующие изменения в идеологии. Не касаясь в данной статье идеологических течений в разных социальных группах, остановимся на анализе настроений купечества в рассматриваемый период. И прежде всего интересны идеологические установки купечества, связанного с мануфактурным, промышленным производством. Призванное обслуживать интересы феодального государства купечество, тем не менее, в процессе петровских реформ, постепенно осознавало свое политическое бесправное положение. Причём тем сильнее, чем сильнее развивалась его экономическая обеспеченность. Образовательный уровень купечества в связи с распространением промышленных и

Понихин Юрий Матвеевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

научных знаний (естественно-научных в первую очередь) также несколько повысился в первой четверти XVIII века. Создавалась, таким образом, и теоретическая база для обособления интересов купечества. Ярким представителем этой социальной группы российского общества, выразителем её интересов и идеологии в рассматриваемый период стал Иван Тихонович Посошков (1652-1726).

Русская буржуазия петровской эпохи, генетически связанная с буржуазией второй половины XVII века, находилась в довольно сложном, даже противоречивом положении. Она была ещё очень молода, поскольку формировалась во второй половине XVII века в результате развития внутреннего рынка и связанных с ним товарно-денежных отношений. Процесс её естественного развития был до некоторой степени прерван петровскими реформами, включивших «молодую» буржуазию в орбиту деятельности феодально-абсолютистского государства и соответствующих производственных отношений. Этот процесс «включения» протекал довольно легко и почти безболезненно, поскольку приносил ощутимые выгоды, расширял возможности для личного обогащения. Словием «для себя», осознавшим свои «корпоративные» цели и задачи, буржуазия в то время в России не стала и стать не могла в силу слабости и относительной немногочисленности. Однако приобретения, сделанные ею в ходе петровских реформ, настоятельно требовали выработки общей хотя бы сословной программы. Поскольку положение буржуазии в условиях абсолютизма и господства дворянства не обеспечивалось какими-либо гарантиями. Эта неустойчивость порождала попытки отдельных представителей буржуазии добиться с помощью правительства соответствующих изменений.

Следует отметить, что наибольшую заинтересованность в этом проявляли наименее обеспеченные круги средней и мелкой буржуазии. И.Т. Посошков в этом смысле типичная фигура среди русских прожектеров первой четверти XVIII века. По происхождению он ремесленник, «серебряных дел мастер». Активная производственная деятельность дала ему возможность разбогатеть (он постоянно подчеркивал свою принадлежность к привилегированным слоям населения). К концу жизни И.Т. Посошков даже попытался стать мануфактуристом, «полотняным заводчиком»¹, приобрёл даже несколько десятков крепостных (очевидно для мануфактуры).

Не менее типичны для буржуазии начала XVIII века и взгляды И.Т. Посошкова, поскольку они отражали в первую очередь особенности его личного и сословного положения. Что же собой они представляли? Заметим прежде всего, что существующая государственная организация – основа всей программы И.Т. Посошкова. Он вообще не ставил вопроса о формах правления, вполне довольствуясь самодержавием. Это и понятно, так как для русского буржуа той эпохи именно самодержавие, обеспечивающее ему личное обогащение, являлось оптимальной формой государственной власти. Вместе с тем, не ставя вопроса о происхождении и основаниях власти монарха, И.Т. Посошков всё-таки рассматривал эту власть не вполне традиционно. Для него бесспорно надсословное положение власти монарха. При этом в рассуждениях по данному вопросу он ближе к буржуазным мыслителям XVII–XIX вв., нежели к господствующей христианской традиции. Сохранение и усиле-

---

¹ Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков, его жизнь и социально экономические воззрения // *Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве.* – М., 1937. С. 5-30.

ние монархии для И.Т. Посошкова – главная задача деятельности государства и всех его сословий.

Однако, говоря об этом, И.Т. Посошков не забывает и о самих сословиях. «В собрании царского сокровища, – писал он, – надлежит прямо и здраво собирать, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести. Худой тот сбор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет, ибо аще кто прямо государю своему тщится служить, то паче собрания надлежит ему людей от разорения соблюдати, то оное собрание и споро и прочно будет...».¹ По И.Т. Посошкову, таким образом, основу силы государства составляет благосостояние народа. Этот вывод дает ему возможность рассматривать увеличение народного благосостояния в качестве основной практической задачи государства и его органов.

Вместе с тем, у И.Т. Посошкова отсутствуют какие-либо общие для всех людей категории благосостояния: он рассматривает благосостояние как сословный интерес, связанный с различными функциями, которые выполняют сословия государства. В свою очередь рамки сословного интереса обусловлены, по мнению И.Т. Посошкова, предоставленными царём сословными привилегиями. «...Волен наш монарх, а по его монаршей воле и мы имеем некую часть воли», – отмечал И.Т. Посошков.² Контекст, в котором это замечание, позволяет с уверенностью делать вывод о том, что понятие «воля» у И.Т. Посошкова тесно связано с понятием «право». При этом понятие «право» И.Т. Посошков наполняет сословным содержанием, поскольку он имеет в виду права русских купцов назначать цену товарам, вывозимым за границу (в другом месте своего сочинения он рассматривает торговлю как сословную привилегию купечества).

Эти рассуждения И.Т. Посошкова чрезвычайно важны для понимания его взглядов на право. Отметим, прежде всего, что в основе права, по И.Т. Посошкову, лежит сословная обязанность. И хотя сам он ни слова не говорит ни о естественном праве, ни о естественном законе, напрашивается мысль о том, что И.Т. Посошкову не совсем чужды эти понятия. Дело в том, что аналогичные взгляды развивал в своих произведениях младший современник И.Т. Посошкова – немецкий просветитель Х. Вольф, который также считал действующее право мерой естественных обязанностей различных членов общества. Сами же естественные обязанности по мысли Вольфа берут начало от естественного закона, предписывающие делать добро, избегать зла и предпочитать лучшее худшему. И.Т. Посошков был на этот счёт следующего мнения: «...Пастырем духовным надобно о пастве своей пещися, дабы все праведно жили, и не токмо чтобы им чужое похищати, но и не желали б чужого ничего, а еще и на пути кто что обрящет лежащее, искал бы обронившего или во устроенное место относили; и чего себе не хошут, того бы отнюдь никому иному не токмо творили, но и не желали бы». Здесь лапидарно выражена едва ли не приведенная выше мысль Х. Вольфа. Характерна в этом смысле концовка цитируемого рассуждения И.Т. Посошкова: «И тако живуци вси, и в мирском житии буду-

---

¹ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. – М., 1951. С. 200. (в дальнейшем цитируется по этому изданию).

² Там же. С. 124.

чи, недалече бы от царствия божия были».¹ Соответствующий принцип человеческих взаимоотношений в обществе (Х. Вольф, как уже отмечалось, называет его естественным законом), таким образом, поскольку он связывается И.Т. Посошковым с «царством божим» – принцип богоустановленный, идущий к членам общества мимо царской власти. Чем это не естественное право в вольфианском его понимании?

Но если взгляды И.Т. Посошкова и Х. Вольфа близки в главных основаниях теории, следовательно, некоторые выводы Х. Вольфа могут быть распространены и на И.Т. Посошкова, тем более, что едины и их практические цели. Взгляды Х. Вольфа давали ему возможность обосновывать необходимость изменения правового статуса сословий в соответствии с изменением представления о сословных обязанностях. Не следует забывать о том, что Х. Вольф был всё-таки мыслителем буржуазным, хотя и весьма далеким от политического радикализма. И.Т. Посошков, в свою очередь, прямо говорит о необходимости создания нового законодательства, нового уложения по образцу Соборного уложения, для приведения в соответствие действующего права и новых сословных обязанностей. Такая постановка вопроса оставляла открытым путь дальнейшего развития правового положения всех сословий, концентрируя внимание на необходимых (в данной конкретной исторической обстановке) преобразованиях. К определению направления дальнейшего развития сословий мы ещё вернемся. Теперь же обратимся к анализу практических предложений И.Т. Посошкова.

В своей книге И.Т. Посошков разбирает положение почти всех основных сословий России начала XVIII века, выделяя даже соответствующие главы: «О духовности» (т.е. духовенство), «О купечестве», «О крестьянстве» и т.п. Нет только особого раздела о дворянстве, что объясняется, по-видимому, осторожностью автора, поскольку в других главах работы он рассматривает положение дворянства с исчерпывающей полнотой.

В дворянстве И.Т. Посошков видит социальную группу, сословной обязанностью которой является служба, и прежде всего, едва пожалуй не единственную, военная служба царю. Он резко изобличает всякого рода «нетей», отлынивающих от военной службы под различными предлогами. В описании известных ему случаев такого уклонения от службы он не скупится на яркие краски, что придаёт соответствующим местам «книги...» художественно-публицистическое звучание. Чего стоит такая, например, характеристика: «Тем прежним указом² так дворяне избалованы: в устрицком стану есть дворянин Федор Макеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одною ногой не бывал. И какие посылки жестокие на него не бывали, никто взять его не мог, оных дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь, или возложит на ся юродство и возгри по бороде попустит. И за таким ево пронырством инии и з дороги отпускали, а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домов приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великаму государю

---

¹ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 33.

² Имеется в виду ст.ст. 117-120 главы XX «О суде» Соборного уложения, предписывающие порядок вызова ответчика в суд.

кроме огурства не показал, а соседи все его боятся».¹ Другой дворянин – «демо соседям своим страшен яко лев, а на службе хуже козы. Третьи «егда наряд им бывает на службу, то инии напишутся в сыск за беглыми солдаты и, взяв указ, заедет в свои вотчины, да там и пробудет военную пору».² Отлынивают от службы, по мнению И.Т. Посошкова, как правило богатые дворяне, «бояре», а «убогие дворяня служат и с службы мало съезжают, иние лет по двадцати и по тридцати служат».

Критикует, таким образом, И.Т. Посошков не все дворянство, а лишь тех из них, которые не выполняют своей сословной обязанности – не служат. Чтобы заставить их служить, И.Т. Посошков предлагает установить ряд жестоких наказаний для «нетчиков».³ Кроме того он считает нужным более чётко очертить рамки сословных обязанностей дворянства, запретив им мешаться в дела других сословий, прежде всего, купечества. Любопытны также замечания И.Т. Посошкова о сословных обязанностях дворян по отношению к их крепостным. Свои рассуждения по этому вопросу он начинает следующей многозначительной фразой: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержец, они владеют временно».⁴ Сколько можно понять И.Т. Посошкова, по его мнению, основная обязанность помещиков по отношению к крестьянам – «смотрение». Лишь бы он (крестьянин) пашни не запустил». Владение крестьянами должно быть обеспечено службой помещика государю и, поскольку по Посошкову, это владение существует в конечном счёте в интересах крестьян, то «не велми право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимые».⁵ Поэтому И.Т. Посошков для закрепления в законе этой стороны сословных обязанностей дворянства предлагает ограничить определённой нормой повинности крестьян по отношению к их «временным владельцам».

Следующим важным сословием в государстве является, по мысли И.Т. Посошкова, купечество. «И купечества, – писал он, – в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет».⁶ Соответствующая сословная обязанность купечества должна быть защищена законом и ограждена от вмешательства в её исполнение со стороны представителей других сословий. С этой целью И.Т. Посошков предлагает создание государственной купеческой организации во главе с назначенным властью командиром. Задачи «командира» И.Т. Посошков определяет следующим образом: «Буде кто, коего от афицеров, или от дворянства, или и кресьяня похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин оставить и записатца в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежом пошлин и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством. И без согласия купеческого командира

---

¹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 94.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 97-99.

⁴ Там же. С. 178

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 177.

утайкою, по-прежнему воровски ничего не делать и пошлинного платежа ни малого числа не таить».¹ Интересно продолжение этой мысли. «А буде коему крестьянину припадет охота к купечеству, чей бы он ни был, явился б в магистрате и сказал, что могу я торговать на сто рублей или на двести или вящци, то указом его императорского величества взят будет в купечество».² Здесь мы видим не только очевидное подтверждение ранее высказанной мысли об определяющем месте словной обязанности, но и допущение И.Т. Посошковым перехода из одного условия в другое (причём даже из крепостных)³ с соответствующим изменением правового положения. Характерна, в свете уже рассмотренного тезиса И.Т. Посошкова о царской воле как основе частных волей и соответствующего им права, и необходимость специального царского указа для такого перехода.

Чрезвычайно любопытна также мысль И.Т. Посошкова о желательных изменениях в положении купечества. Кроме общих рассуждений о торговле с иностранными купцами и задачах развития собственной промышленности, изложенной в полном соответствии с основами меркантилистской теории.⁴ В главе «О купечестве» книги содержится также мысль о необходимой консолидации, объединения купечества, причём не только формальном, но и фактическом, на базе поддержания во взаимоотношениях между купцами «правды». Для этого И.Т. Посошков планирует установление целого штата всякого рода надсмотрщиков и соглядатаев, установление твердых государственных цен на товары и т.п. мер. В попытках объединения купечества легко разглядеть пробуждающееся самосознание русской буржуазии, хотя практические меры, предлагаемые в этом направлении И.Т. Посошковым, в свою очередь показывают, как мало она была ещё тогда буржуазна.

Специальный раздел своей книги И.Т. Посошков посвящает ремесленникам (глава «О художестве»). В нём он обосновывает необходимость создания стройной цеховой организации ремесленников различных специальностей. Он полагал: поскольку: «В художниках аще не будет добраго надзирателя и надлежащего им управления, то им никоими делы обогатится невозможно, ниже славы себе добрые получитьи, но до скончания века будут жить в скудости и в безславии».⁵ Говоря о ремесленниках, И.Т. Посошков вновь возвращается к вопросу о развитии русской национальной промышленности. Он указывает на необходимость государственной помощи, «дабы всякие дела расширились», обосновывая её интересами государства («ради царственного обогащения»). Словная обязанность ремесленников, таким образом, состоит по Посошкову в развитии различных отраслей промышленности в интересах обогащения как самих ремесленников, так и государства.

При анализе взглядов И.Т. Посошкова на положение дворянства приходилось отмечать своеобразие его взглядов по крестьянскому вопросу. Следует заметить, что вопрос о содержании и значении крестьянской программы И.Т. Посошкова до

---

¹ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 114.

² Там же. С. 117.

³ Правда, И.Т. Посошков полагал при этом, что «дворяне ради себя» запретили бы своим крестьянам торговать.

⁴ Историографические и фактические подробности см. в цитированной ранее вступительной статье Б.В. Кафенгауза к изданию «Книги о скудости и богатстве» 1937 года.

⁵ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 139.

сих пор не решён в литературе достаточно удовлетворительно. В соответствии с наиболее распространённой точкой зрения, И.Т. Посошков – сторонник, хотя и не вполне последовательный, крестьянского освобождения.¹ Другие исследователи полагают, что И.Т. Посошков «не возражал против самого института крепостничества», хотя и «сделал попытку частичной постановки крестьянского вопроса».² Думается, однако, что обе указанные точки зрения страдают известной односторонностью. Крестьянскую программу И.Т. Посошкова, как представляется, необходимо рассматривать по двум направлениям. Во-первых, необходимо проанализировать содержание его практических предложений. Опираясь на вывод о временном владении помещиками их крепостными и общую, ранее отмеченную характеристику сословных обязанностей помещиков по отношению к крестьянам, И.Т. Посошков полагал в качестве желательной меры законодательное ограничение крестьянских повинностей. «А аще бы царского величества поборы расположены были по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы бы собирали бы с них во удобное время, а помещики их излишняго ничего с них не имели и работы бы излишние не накладывали, но токмо и подать свою и работу налажали по владению земли их и смотрели бы за крестьяны своими, чтоб они кроме недельных и праздничных дней не гуляли, но всегда были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет».³ Развивая даже эти соображения, И.Т. Посошков намечает и практические меры по их реализации. Он писал: «...И того ради, мнитца мне, лутче и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изделия делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды».⁴ При этом И.Т. Посошков полагает, что дворяне-помещики на «общем совете» такое решение принять.⁵

Анализируя приведённые рассуждения И.Т. Посошкова, заметим, прежде всего, что он, видимо, представляет себе сословные обязанности крестьян как обязанность трудиться во имя личного и государственного обогащения. Крестьянские выплаты помещикам и государству для него лишь компенсация за соответствующие обязанности последних по отношению к крестьянам. Именно этим соображением, как представляется, продиктована мысль И.Т. Посошкова о необходимости фиксации не только повинностей в пользу помещиков, но и в пользу государства. Подушная подать в этой связи рассматривается им как неудовлетворительная. Он предлагает заменить её податью поземной, поскольку «душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтовальные».⁶

---

¹ См. напр.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в. – СПб., 1888. Т. 1. С. 5-6; *Павлов-Сильванский Н.П.* Иван Тихонович Посошков // *Павлов-Сильванский Н.П.* Сочинения. – СПб., 1910. Т. 2; *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. – М.: Мысль, 1987. Т. 4. С. 102-103.

² См. *Кафенгауз Б.В.* Вступительная статья... С. 67.

³ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 166.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 179.

Вместе с тем, практическое определение фиксированных крестьянских повинностей И.Т. Посошков возлагает на «общий совет» помещиков. Крестьяне в этом участвовать как будто бы не должны. Но при этом необходимо помнить, что постоянное подчеркивание И.Т. Посошковым царского указа, «доклада его императорского величества» в качестве законодательной основы крестьянских повинностей отражает не только современную ему законодательную практику (закон – лишь распоряжение монарха), но и особенности его представления о взаимоотношениях монарха – «векового владельца» – с крестьянами. Поскольку по мысли И.Т. Посошкова «надлежит их (крестьян – *Ю.П.*) царским указом охранять, чтобы «крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство царственное»¹, монарх представляется ему естественным защитником интересов крестьян и потому участие и решающий голос царя в определении крестьянских повинностей можно рассматривать как участие в этом деле представителя крестьян. Заметим кстати, что вообще И.Т. Посошков сторонник участия всех граждан государства в подготовке законов (об этом подробнее см. далее). Важно также указать на сходство представлений его о монархе с соответствующими представлениями крестьянства. Думается поэтому, что Б.В. Кафенгауз был не вполне прав, утверждая, что «нет оснований видеть в нём (И.Т. Посошкове – *Ю.П.*) сколько-нибудь мыслившего крестьянства».² Скорее наоборот: генетическая связь происхождения и интересов этого представителя тогдашнего русского купечества с крестьянством обусловила направленность крестьянской программы И.Т. Посошкова.

Пожалуй наиболее чётко буржуазная направленность мировоззрения И.Т. Посошкова и, в то же время, компромиссный характер его идеологических построений, проявляются в его рассуждениях о духовенстве. Рассматривая положение чёрного духовенства-монашества – И.Т. Посошков приходит к выводам, чрезвычайно напоминающим идеологические построения русских нестяжателей. «Чернцу непрестанно быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомыслии. Им так надобно жить, чтобы он весь был в бозе и Бог бы был в нем неисходно. ...И тако бы они в монастыре трудились, чтобы никто посторонний человек познать не мог, кто какова чина есть».³

Рассуждение И.Т. Посошкова о необходимой простоте и аскетизме черного духовенства предопределяют вывод о необходимости ликвидации монастырского земле- и душевладения. Однако сам он такого вывода не делает, скорее всего по соображениям осторожности. Он прекрасно понимал, что предлагаемые им меры чрезвычайно близки к проведенным в западноевропейских странах в период реформации. Поэтому, боясь кары за «ересь» со стороны критикуемого им монашества, он сопровождает свои рассуждения следующим заключением. «А люторы, я не вем, с коего разума называются евангеликами. Они живут скотски, а не евангельски, мясо ядят яко безсловесной скот или яко безграмотная мордва. Им не то что

¹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 178.

² Кафенгауз Б.В. Вступительная статья... С. 67.

³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 133. Ср., напр., текст из сочинений Вассиана Патрикеева в кн.: Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. – М.-Л., 1960. С. 223-228 (собрание некоего старца).

таким высоким названием себя нарицати, но и человеками не весьма пристойно им нарицати себя, но токмо прилично и свойственно нарицати себя свиньею и житие свое нарицать свинским, а не евангельским».¹ Однако в этих бранных словах о «лютерах» нет ни слова о действительном содержании лютеранского учения, что лишний раз убеждает в симпатизировании И.Т. Посошкова отдельным сторонам реформаторского учения, в частности, ограничению appetitов черного духовенства.

Совершенно иначе рассматривает И.Т. Посошков положение белого, приходского духовенства. Если основная сословная обязанность монашества – замаливать грехи мирян, «страдать» за остальных членов общества, то сословной обязанностью приходских священников является воспитание в прихожанах христианского отношения к ближнему по принципу «не желай того другому, чего не желаешь себе». Далее И.Т. Посошков рекомендует соответствующим образом обеспечить имущественное положение приходского духовенства. Для этого его следует освободить от необходимости «в поте лица своего» снискивать себе пропитание для удовлетворения самых насущных нужд. «У нас в Руси сельские попы, – писал И.Т. Посошков, – питаются своею работою, и ни чем они от пахатных мужиков неотменны. Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу, а Церковь святая и духовная паства остаетца в стороне. И от такова их земледелия многие христиане помирают, не токмо сподобившись приятия Тела Христова, но и покаяния лишаются и умирают яко скот».² Во избежание этого он предлагает от Паствы отчислять церкви десятую или двадцатую часть доходов и тем самым освободить белое духовенство (приходское) от необходимости содержать себя земледельческим трудом.

Однако, как полагал И.Т. Посошков, одной материальной обеспеченности мало, чтобы приходские священники могли как следует отправлять свои сословные обязанности. Необходима ещё соответствующая подготовка, состоящая, прежде всего в достаточной грамотности священников.³ Чтобы прихожане не «разошлись в иные веры» он предлагает организовать соответствующее обучение белого духовенства. Задачи обучения, и это особенно важно, он не ограничивает только обучением грамоте и порядку отправления церковных служб. «И которой из них (обучающихся – Ю.П.) учение грамматическое твердо примет, а летами своими юн, то таковых надлежит и риторики поучить или и философии. И тии не токмо во презвитерский сан, но во архиерейство будут годны и учителями могут застати».⁴ В особенности «в возрасте сущим паче грамматического учения потребно книжное разумение».⁵ Получившие в достаточной степени «грамматическое учение» и «книжное разумение» священники смогут не только заботиться «дабы адские волки не распудили» их паству, но и в свою очередь просвещать эту паству, учить, например, её грамоте. Заметим, что И.Т. Посошков весьма желательно считал грамотность крестьянства, хотя и обосновывал соответствующее положение доводами, далекими от целей просвещения.

Если попытаться определить социальный и политический смысл всех этих

---

¹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 134.

² Там же. С. 34-35.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 25.

рассуждений И.Т. Посошкова о духовенстве, неизбежно приходит мысль о желании его укрепить существующую социальную и политическую организацию. Однако при этом следует учитывать два фактора. Прежде всего, И.Т. Посошков стремится к укреплению им самим запланированной социальной организации, не вполне совпадающей с существовавшей и предусматривавшей увеличение возможностей развития (и экономического и социального) буржуазии и буржуазных отношений. Кроме того, стремясь к укреплению этой новой социальной и политической организации, И.Т. Посошков лишь часть своих бранно-критических стрел направляет по еретикам, разумея под еретиками сторонников более радикальных взглядов, и часть сравнительно незначительную. Другая и большая их часть направлена против раскольников-староверов, т.е. от тех социальных сил, включая часть крестьянства, которые не принимали социальных сдвигов конца XVII – начала XVIII вв. не с прогрессивных, а с реакционных позиций. И здесь, как и во многих других элементах воззрений И.Т. Посошкова отразились особенности во многом противоречивого положения тогдашней русской буржуазии и общая буржуазная направленность её интересов.

Эта особенность хорошо видна при рассмотрении методов, какими хотел мыслитель преобразовать Россию. Ему мало было фактических изменений, он хотел для этого иметь надежные правовые гарантии. Поэтому перемены в положении сословий должны быть, по его мнению, закреплены в законе. С этой целью он предлагает составить новую судебную книгу, новое Уложение «... И к сочинению той судебной книги избрать человека два или три из духовного чина самых разумных и учёных людей, ...такоже и от гражданских, кои в судебных и во иных правительных делах искусных...».¹ Таким образом, новое Уложение, закрепляющее новое, в соответствии с взглядами И.Т. Посошкова установленное, сословно-правовое деление, должно быть составлено представителями различных сословий и обсуждено всем населением страны. На этом И.Т. Посошков настаивает особо.² При этом, конечно же, последнее слово остается за царем. При этом И.Т. Посошков отводит монарху роль надсословного органа, что исключало несправедливость с его стороны, поскольку он, по мнению И.Т. Посошкова воплощает интересы государства. Сама мысль о какой-либо борьбе с царской властью чужда мыслителю, равно и о её несправедливости. И здесь мы видим проявление не только отсталости лично И.Т. Посошкова или незнакомства его с «книжным учением», сколько отражение особенностей положения русской буржуазии в эпоху петровской реформы, когда деятельность правительства и более грамотному современнику могла на какое-то время показаться воплощением надежд буржуазии.

Однако сочинением «новой книги законов» у И.Т. Посошкова не исчерпывается перечень необходимых правовых гарантий. Он озабочен также реорганизацией системы применения норм права, судебной системы прежде всего. В специальном разделе своей книги, названном «О правосудии» он подробно перечисляет известные ему и наиболее характерные случаи неправосудия. При этом он пытается выявить общие причины неправосудия. По мнению И.Т. Посошкова, во-первых, на

---

¹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 81-82.

² Там же. С. 83.

судебную деятельность соответствующих органов влияет корысть. Именно взяточничество – основной бич современного И.Т. Посошкову суда. Именно оно порождает волокиту, неправые судебские решения, незаконный перенос дела в высшие инстанции. Но не только взяточничество мешает правосудию. Существенный вред проистекает и от неравенства перед лицом суда различных категорий населения, поскольку «высокородные на уложенные уставы мало смотрят, но как кто восхощет, так и делать будет по своей природной пыхе».¹

Для ликвидации взяточничества И.Т. Посошков предлагает ликвидировать судебское жалование, заменив его для всех членов суда известным процентом от суммы иска или отчислением с виновного в уголовном преступлении, величина которого зависит от скорости решения дела в суде. При этом И.Т. Посошков требует установить суровое наказание не только для тех судебских чиновников, которые возьмут плату выше установленной нормы, но и для тех тяжущихся, которые на такое нарушение закона согласятся.

В свою очередь вредные последствия неравенства перед судом И.Т. Посошков предлагает ликвидировать соответствующим подбором кандидатов в судьи. Он предлагает вообще не назначать судей из «высокородных, возложив эту обязанность на отставных военных, приказных, купцов и т.п. «низкородных». В случае же обнаружения случаев неправосудия у таких судей, он предлагает наказывать их «жесточайшей казнью» вплоть до смертной казни.

В суждениях И.Т. Посошкова о суде есть два взаимопротиворечащих элемента. С одной стороны, предлагаемые им новые принципы строительства судебной системы, как-то создание общих судебных инстанций для всех сословий, принцип привлечения к деятельности суда «низкородных» (при дальнейшем развитии он неизбежно приводит к признанию необходимости суда присяжных) и т.п. – принцип буржуазного правосудия. Вместе с тем главной гарантией против неправосудия он считает применение устрашающих наказаний, а это характерно именно для феодальной судебной системы. Как и в других случаях, в рассуждениях И.Т. Посошкова о суде и правосудии отражается особое положение тогдашней буржуазии в России. И также, как и в ранее рассмотренных случаях, главным направлением дальнейшего развития у И.Т. Посошкова является направление объективно буржуазное. Само требование правосудия – требование буржуазное. Необходимость правосудия И.Т. Посошков обосновывал рядом доводов, заимствованных из различных сторон человеческой деятельности. Приведём любопытный образчик его рассуждений на эту тему. «И аще судья не погрешит в суде, то паче поста и молитвы поможет ему правосудие его, писано бо есть, яко правда избавляет от смерти».²

Таким образом, можно полагать, что воззрения и идеи И.Т. Посошкова послужили благодатной почвой для развития буржуазной идеологии второй половины XVIII – XIX вв. в России.

---

¹ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 91.

² *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве... С. 55.

Источники и использованная литература:

1. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. – М.-Л., 1960.
2. Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков, его жизнь и социально экономические воззрения // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. – М., 1937.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. – М.: Мысль, 1987. Т. 4.
4. Павлов-Сильванский Н.П. Иван Тихонович Посошков // Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. – СПб., 1910. Т. 2.
5. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. – М., 1951.
6. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в. – СПб., 1888. Т. 1.

Ponikhidin Yu.M.

Social and economic and political views of I.T. Pososhkov (to the question of development of political thought in Russia during the first quarter of 18th century)

In article social-economic and political views of I.T. Pososhkov, his idea on legislative fixing of legal status of the Russian merchants are considered. Also judgments of the thinker on the place and a role of the nobility, the peasantry (including serfs), clergy in economic, public and political spheres of life of Russia are analyzed. The special attention is paid to I.T. Pososhkov's views on judicial system and legal proceedings, on their bourgeois contents.

Keywords: I.T. Pososhkov, «The book about scarcity and wealth», merchants, estates, equal court for all estates, bribery, reasonable state regulation of a duty of the peasantry (including the serfs).

ПАРТИКУЛЯРНОЕ АРМЯНСКОЕ ПРАВО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НА КАВКАЗЕ В XVIII – XIX ВВ.

Усиливающаяся роль армян в политике, культуре, экономике Кавказа привели к тому, что армянам предоставили право вести судопроизводство на основании своих обычаев и законов. Это повлекло за собой необходимость создания базового нормативного акта, которым можно было руководствоваться при разрешении тех или иных дел. Этим актом стал Судебник, созданный в 1765 г. и занявший свое особое место в системе местного права Российской империи в правовом регулировании на Кавказе. В данной статье проведен научный анализ условий создания и применения этого документа, анализ его основных положений и оценка места в системе российского права. Для проведения анализа норм Судебника нами была проведена работа по переводу его текста на русский язык.

Ключевые слова: история армянского права, история российского права, Судебник армян, армяне России, гражданское право, наследственное право, семейное право, трудовое право.

Включение территории Армении в состав России повлекло за собой и решение вопроса о применении или не применении армянских правовых норм, как источников российского права. Проведенный в настоящей работе анализ свидетельствует, что вопросы публично-правовых отношений были сразу переданы к компетенции российской верховной власти, а регулирование частноправовых отношений осуществлялось с помощью норм местного права.

Усиливающаяся роль армян в политике, культуре, экономике города и Кавказского региона привели к тому, что армянам предоставили право вести судопроизводство на основании своих обычаев и законов. Это повлекло за собой необходимость создания базового нормативного акта, которым можно было руководствоваться при разрешении тех или иных дел. Этим актом стал Армянский Судебник, созданный в 1765 году в Астрахани и занявший свое особое место в системе местного права Российской империи. Важным политическим достижением астраханских армян стало получение ими права вести судопроизводство на основании своих обычаев и законов. Эти права были закреплены двумя Указами Императрицы Елизаветы Петровны от 13 апреля 1744 года «О правилах, на которых принимать в Астрахани Персицких купцов для торговых промыслов; о производстве суда армянам и индийцам и бухарцам, в Астрахани живущим, по их прежним законам, и о позволении им заводить фабрики и отправлять богослужение беспрепятственно»¹ и от 5 августа 1746 года «О торговле и повинностях армян и других азиатцев, живущих в Астрахани».² Ими предусматривались возможность для армян осуществлять судебное производство «по их прежним законам» и выбирать судей

Зурначян Авак Сергеевич – старший преподаватель Магнитогорского филиала Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. XII. № 8919 (далее: ПСЗРИ).

² ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. XII. № 9311.

«по своему усмотрению».

Армянский суд (*patgauz*) в Астрахани начал действовать в январе 1747 года и был уполномочен рассматривать уголовные, финансовые и полицейские дела. Кроме осуществления судопроизводства, *patgauz* выполнял функции органа местного внутреннего самоуправления.¹ Создание суда повлекло за собой необходимость принятия базового нормативного акта – Судебника, которым можно было руководствоваться при разрешении тех или иных дел. Работа над этим документом началась практически сразу после основания армянского суда – в 1747-1748 годах и завершилась в 1765 году. Его авторами стали первые судьи астраханского армянского суда, которые были избраны из образованных и авторитетных людей своего времени – Елиазар Григорян, Григор Кампанян, Оган Саркисян.² После подготовки и принятия Судебника, судопроизводство в отношении армян, проживавших в вышеупомянутых регионах, осуществлялось не только в соответствии с армянскими обычаями и традициями, но и с учётом требования данного документа.

Источниками этого правового акта были Свод законов Юстиниана, законы византийских императоров, Судебник Мхитара Гоша, армянское обычное право, а также российское законодательство – «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. и законы Петра Великого. Необходимо отметить, что работа авторов Судебника заключалась в серьезной переработке текстов для приведения их в соответствие с существующими социально-политическими, экономическими реалиями. Это подтверждается и мнением известного юриста и исследователя К. Алексева, который отмечал, что «составители судебного кодекса оставив из Юстиниановского кодекса те постановления, которые сохранили свою жизненность, и, заменив другие своими собственными, самобытными законоположениями, дополнили их ещё и новыми, существовавшими в форме обычаев, издавна соблюдаемых, но доселе на письме нигде не выраженных, а переходивших по преданию от предков к потомкам».³

Немаловажно, что создатели Судебника закрепили принцип непротиворечия норм, содержащихся в документе, положениям общеимперского законодательства. Императорские указы, как акты большей юридической силы имели преимущество при возникновении противоречий. Это положение они обосновывали в статье 109 главы 23 части 1 Судебника: «...в связи с отсутствием у армян государственности, и с тем, что вся армянская нация подчиняется власти другой нации, возможно, что со стороны императора будут изданы указы для установления мира в обществе и правильного управления, которые могут противоречить статьям этого Судебника. В этих случаях статья должна действовать без применения той части, которая противоречит императорскому указу».⁴

Важно отметить, что Армянский Судебник впервые был издан Ф.Г. Погосяном в 1967 году на армянском языке, но никогда официально не переводился и не изда-

---

¹ Юхт А. Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII в. // Известия АН АССР. – 1960. № 12. С. 48-50.

² Хачатурян В.А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // Известия АН АССР. – 1963. № 12. С. 58.

³ Алексеев К. Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. – М., 1870. С. 3.

⁴ Погосян Ф.Г. Судебник астраханских армян. – Ереван: Изд-во АН АССР, 1967. С. 231-233. (на арм. языке).

вался в полном объёме на русском языке. Неофициальный перевод был подготовлен в 1844 году в Нахичеванском магистрате. В настоящее время имеются лишь перевод некоторых его глав (предисловие, II, XI, XII главы)¹, либо переложение смысла его статей на русский язык.² Для проведения анализа норм Судебника нами была проведена работа по переводу его текста на русский язык.

Армянский Судебник состоит из трёх частей, 52 глав и 1135 статей. Первая часть включается в себя 23 главы, состоящих из 940 статей, вторая глава включает 15 глав, состоящих из 107 статей, а третья глава включает 14 глав и состоит из 88 статей. Перейдём к непосредственному рассмотрению норм Судебника. Этот документ включал в себя многочисленные нормы различных отраслей права – гражданского, семейного, наследственного, трудового, уголовного, процессуального и т.д.

Гражданское право. Основными участниками гражданских правоотношений могли быть граждане и товарищества. Слуги, которые полностью зависели от своего хозяина, могли вступать в гражданские правоотношения только по его согласию. Основанием для возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, являлись такие юридические факты, как договоры и акты суда. Значительное место в Судебнике отведено регулированию гражданских правоотношений, в первую очередь обязательственного права и торгового права. Абсолютно неслучайно регулированию этих отношений посвящены первые пятнадцать глав первой части Судебника, так как этот документ, прежде всего, был направлен на удовлетворение интересов купцов.

В главе 13 первой части Судебника дается определение термина торговли: «покупка и продажа всякого рода товаров на деньги, на слово, на срок, на обмен и иным образом».³ Авторы Судебника указывали, что торговля существовала у многих народов, с древних времен и в разных видах. В статье 3 главы 14 части 1 Судебника получили свое регулирование наиболее распространенные у армян виды торговли:

1) торговля на основании доверительного поручения. Собственник денег («ага») поручал иному лицу («сотоварищ») вложить их в обращение в целях получения прибыли. При этом Судебник устанавливал, что две третьих части от полученной прибыли получал собственник капитала, а одну треть – сотоварищ. В аналогичном соотношении распределялись и убытки. Основанием для прекращения отношений между собственником капитала и сотоварищем служила выплата причитающегося вознаграждения.

2) торговля через товарищества. Торговые товарищества создавались путём объединения капиталов на основании специального договора. Порядок, условия и принципы заключения договора подробно урегулированы Судебником. Одним из существенных условий договора было определение сторонами порядка распределения прибыли и убытков. В случае, если убытки возникали в связи с действиями

---

¹ Авакян Р.О. Памятники армянского права / Судебник астраханских армян XVIII века. – Ереван: ЕФ МНОУИ – XXI ВЕК, 2000. С. 650-693.

² Алексеев К. Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. – М., 1870.

³ Погосян Ф.Г. Указ. соч. С. 119.

одного из товарищей, то он обязывался возместить причиненные убытки остальным участникам.

3) торговля на основании поручения. Собственник товара передавал его в целях продажи «порученцу», чтобы тот, реализовав этот товар, на полученные деньги приобрел другой товар и выслал его обратно. Действия «порученца» и объём его полномочий указывались в «орднагире», за пределы которых он не имел право выходить.

4) традиционная торговля. Её суть заключалась в обмене товара на деньги.

Судебник включал в себя вопросы правового регулирования многих договоров: купли-продажи, дарения, аренды, подряды, перевозки, займа. Общее требование ко всем видам договорам было едино – соблюдение письменной формы и точная формулировка предмета договора и всех его условий. Особое внимание в Судебнике уделялось договору купли-продажи и договорам в сфере кредитно-финансовых отношений, которые мы рассмотрим подробнее.

В Судебнике выделялось множество разновидностей договор купли-продажи. Так, выделялась традиционная купля-продажа, продажа товаров по образцу, купля-продажа недвижимости, продажа через посредника и т.д. По своей характеристике договор купли-продажи в армянском Судебнике являлся консенсуальным, т.е. факт заключения договора не был связан с фактом передачи имущества, являющегося предметом этого договора. Основания для расторжения договора купли-продажи были указаны в статье 7 главы 13 части 1. Так, к ним были отнесены: 1) взаимное согласие сторон договора; 2) передача продавцом покупателю другого товара по ошибке либо специально; 3) продажа товара ненадлежащего качества.¹

Следующим договором, которому уделяет внимание Судебник, и на котором остановимся мы – договор займа. Договор займа мог быть как возмездным, так и безвозмездным. Безвозмездность договора займа соответствовала законам божественным. Но, учитывая, что Судебник был направлен на урегулирование торговых отношений, где имела цель получение прибыли, то разрешалось заключать договор займа под фиксированный процент – не более 0,5 % в месяц. Заём фиксировался либо в договоре (*шартнама*) или в долговой расписке (*санат*). Важно, что именно на взыскателя долга ложилась обязанность по доказыванию наличия этого долга. Как раз письменные документы и подтверждали с достоверностью этот факт.

В случае, если должник не мог вернуть долг, то он должен был доказать данный факт (статья 6 главы 3 части 1). Законоположения Судебника предусматривали переход долга по договору займа по наследству к наследникам мужского пола, прежде всего, сыновьям. Но кредиторы могли обратиться к наследникам за получением долга только через девять дней после смерти наследодателя-должника. Если кто-то обращался раньше указанного срока, то он лишался права требования долга и обязывался оплатить в пользу наследников штраф.

Основными способами обеспечения исполнения договоров были залог и поручительство. Залог представлял собой «движимое или недвижимое имущество, оставленное у займодавца в обеспечение взятых у него заёмщиком денег».² Залого-

---

¹ Погосян Ф.Г. Указ. соч. С. 121.

² Погосян Ф.Г. Указ. соч. С. 39.

вое обязательство оформлялось в письменной форме с подробным описанием предмета залога, которым могло выступить любое имущество (движимое и недвижимое), драгоценности, а также слуги. Имущество жены могло передавать в залог только с её согласия. Существенным для договора о залоге являлось условие о гибели или пропаже предмета залога. Если оно упомянуто не было, и предмет залога погибал или был потерян, то риск убытков нес заимодавец, а должник освобождался от обязанности вернуть долг. Запрещалось закладывать недвижимое имущество по нескольким обязательствам одновременно. За такой обман залогодатель подлежал телесному наказанию, а залогодержатели получали удовлетворение пропорционально занятым у них суммам. Обязательства о залоге между заимодавцем и заёмщиком прекращались на основании решения суда после истечения срока, установленного в акте о залоге.

Поручительство представляло собой гарантию поручителя перед кредитором в том, что должник исполнит взятое на себя обязательство. Поручитель обязан был оплатить долг в случае невыполнения заемщиком в полном объеме своей обязанности: «Если должник не имеет возможности платить свой долг, после продажи его имущества с публичных торгов оставшийся долг должен платить поручитель».¹ Количество поручителей не было ограничено, все они несли ответственность в равных долях. Договор поручительства мог быть заключен в устной или письменной форме. После выплаты долга к поручителю переходило право требования к заёмщику о погашении задолженности. Судебник называл отношения между заёмщиком и поручителем простым поручительством. Статья 11 главы 6 части 1 предусматривала ещё один вид поручительства, назовем его «сложное поручительство», которое осуществлялось по следующей схеме «заёмщик-поручитель-поручитель». В этих отношениях было два поручителя, один из которых – основной. В случае, когда ни сам заёмщик, ни основной поручитель не могли исполнить заёмные обязательства в полном объеме, то к погашению долга привлекался второй поручитель.

Наследственное право. В рассматриваемом документе вопросы наследования регулировались главой 8 части 1. Предусматривалось два традиционных вида наследования – по завещанию и по закону, приоритет из которых имел первый способ. В статье 1 указанной главы Судебника было закреплено понятие завещания, как «акта, заключающего в себе последнюю волю умирающего о разделе его имущества между наследниками на основании законов».² Для большинства населения, за некоторым исключением, устанавливалась обязанность составить завещание, чтобы исключить споры между наследниками. Правом завещать своё имущество не обладали: глухие и немые, душевнобольные; расточители своего имущества; слуги; сыновья и незамужние дочери, проживавшие в отце и умершие до его смерти; мужчины до 15 лет и женщины до 13 лет; лица, подвергавшиеся публичным наказаниям; лица, находящиеся в плену до освобождения.

В Судебнике были прописаны требования к тесту самого завещания и порядку его выдачи. Так, завещание считалось действительным, если: 1) было написано са-

---

¹ *Погосян Ф.Г.* Указ. соч. С. 45.

² *Погосян Ф.Г.* Указ. соч. С. 52.

ним завещателем или по его просьбе иным лицом; 2) имелось подробное описание завещаемого имущества; 3) чётко обозначено имя наследника и размер его доли; 4) наличие семи свидетелей. Количество свидетелей могло быть меньше, если завещание составлялось в дороге, за рубежом или иных экстремальных условиях. После написания завещания в присутствии свидетелей его опечатавали и передавали наследнику (попечителю). По истечении девяти дней после смерти наследодателя завещание вскрывалось. Отдельно оговаривались права женщин по распоряжению имуществом после смерти. Женщины могли завещать исключительно свое личное имущество, например приданное и подаренное им.

В случае отсутствия завещания наследование производилось по закону. Составители Судебника увеличили количество очередей наследования до десяти: первая очередь – сыновья, дочери и потомки сыновей до пятой степени родства; вторая очередь – отец, мать, братья, сестры и потомки братьев до четвёртой степени родства; третья очередь – дедушки и бабушки наследодателя; четвёртая очередь – прадедушки и прабабушки; пятая очередь – прапрадедушки и прапрабабушки; шестая очередь – дедушки прадедушки и бабушки прабабушки; седьмая очередь – дяди и тети, как со стороны отца, так и со стороны матери и рождённые от дядей дети до третьей степени родства; восьмая очередь – братья и сёстры дедушек и бабушек наследодателя и дети, рождённые от братьев дедушек и бабушек до второй степени родства; девятая очередь – дяди и тети дедушек и бабушек; десятая очередь – братья и сёстры прапрадедушек и прапрабабушек. Ни в Судебнике Мхитара Гоша, ни в Судебнике Смбата Спарапета не было такого широкого перечня наследников. Мы полагаем, что этим авторы Судебника хотели ещё раз подчеркнуть, что частные интересы находятся выше публичных. На практике до категорий наследников, указанных в четвёртой и последующих очередях наследство не доходила практически никогда.

Наследники призывались к наследованию в порядке очередности и вступали в права наследования одновременно. Важное и особенное значение имело положение, согласно которому дочь получала в отцовском имении равную с братьями долю. В этом вопросе женщины получили полную свободу и равенство с мужчинами. После смерти жёны муж получал четверть её приданого. Жена после смерти мужа получала долю в их совместном имуществе, а также оставляла себе приданое. Доля жены зависела от количества наследников. Если их было до четырёх человек, то она получала одну четвёртую часть имущества, вошедшего в наследственную массу, а если наследников было больше четырёх, то она наследовала с ними в равных долях.

В качестве наследников не рассматривались: изгнанные за преступления; сосланные на галеры; убийцы; монашествующие; незаконнорожденные дети. Но последние имели право на средства в размере 1/12 части наследства на своё содержание. В случае, если умерший не оставил завещания и не имел родственников его имущество признавалось выморочным и переходило в собственность церкви.

Семейное право. Брачно-семейные отношения регулируются главами 17-21 Судебника.¹ Впервые в письменных армянских правовых источниках получил от-

---

¹ *Погосян Ф.Г.* Судебник астраханских армян. С. 192-205.

ражение традиционный обряд обручения – *нишан*. До этого момента обручение также было обязательным и предшествовало заключению брака, но письменными нормами не регулировалось. Составители Судебника давали определения «*нишана*», который представлял собой «обет, совершаемый наружными знаками и даваемый друг другу женихом и невестой по которому они обязываются вступить между собою в брак, если не будет к тому законного препятствия».¹ Факт совершения *нишана* говорил о том, что достигнуто соглашение о заключении брака.

Обручение считалось законным при соблюдении нескольких условий: 1) достижение брачного возраста (для мужчин – 17 лет, для женщин – 14); 2) наличие взаимного добровольного согласия вступающих в брак; 3) совершение обряда обручения священником в присутствии двух свидетелей. Так, К. Алексеев отмечал, что «у армян существовал обычай, что родители обручали своих детей ещё со времени малолетств»², но Судебник прямо установил, что вступление в брак зависело от свободной воли обручающихся. Поэтому, если по достижении брачного совершеннолетия обрученные в детстве мужчина и женщина были не согласны вступить в брак, то состоявшееся ранее обручение аннулировалось. Если несогласной была только одна сторона, то она обязывалась вернуть все подарки, а также выплатить штраф в пользу второй стороны. Статьей 2 главы 20 части 1 предусматривались и иные основания отменяющие факт обручения. К ним относились случаи, если одно из лиц, вступающих в брак: 1) совершит преступление против Государя; 2) признано виновным в совершении убийства; 3) уличено в чародействе или колдовстве; 4) изобличено в мужеложстве или скотоложстве; 5) является вероотступником; 6) замечено в прелюбодеянии или кровосмешении; 7) имело какую-то заразительную болезнь; 8) желало убить другого супруга; 9) было чрезмерно раздражительным.

Кроме приведённых выше причин признания «*нишана*» ничтожным, закон прямо предусматривал и иные причины для расторжения брака. К таковым, согласно статье 7 главы 21 части 1 Судебника, относились: 1) принуждение к совершению недостойных поступков; 2) если один из супругов без уважительной причины провёл ночь в чужом доме (кроме родительского); 3) заболевание одного из супругов смертельной или заразной болезнью; 4) избиение одним супругом другого жестоко и беспричинно; 5) подозрение в супружеской неверности (после троекратного предупреждения).

Инициатором расторжения брака могли выступить оба супруга. Развод оформлялся в письменном виде в суде с разрешения епископа, а в тех местах, где таковых не было, то с разрешения протоирея и при письменном удостоверении семи свидетелей. Как и в рассмотренных нами выше источниках армянского права – Судебнике Мхитара Гоша и Судебнике Смбата Спарапета, по общему правилу, разведённые супруги могли вступить в повторный брак только после смерти бывшего супруга. Структура и объём алиментных обязательств супругов зависел от причин расторжения брака. Так, Судебник устанавливал, что если расторжение происходило по инициативе или по вине мужа, супруга сохраняла за собой приданное (*пруйз*) и подарки (*ожит*), а также могла рассчитывать на денежное со-

¹ *Погосян Ф.Г.* Судебник астраханских армян. С. 198.

² *Алексеев К.* Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. С. 59.

держание от бывшего супруга. Если причиной развода была жена, то она получала только своё приданое (*прудз*), теряла права наследования после смерти мужа и не могла претендовать на получение денежного содержания от бывшего мужа.

Судебник определял место жительства ребенка после расторжения брака. Дети, по общему правилу, оставались с тем родителем, который не выступал инициатором развода. Второй родитель был обязан выплачивать алименты на их содержание. Причём, если брак расторгался по вине или инициативе отца, то за ним сохранялась беспрекословная обязанность по оплате алиментов, а жена выплачивала алименты только в том случае, если она по своему имущественному положению была выше бывшего мужа (статья 6 главы 21 части 1). Судебник устанавливал и обратные алиментные обязательства – детей (прежде всего сыновей) по отношению к своим родителям.

Нормами Судебника широко регулировались имущественные отношения внутри семьи. По общему правилу предусматривалось наличие общего имущества у родителей и детей. Но Судебник предусматривал два варианта отделения сыновей от своего отца: 1) отец, сам отделяет сына, делясь частью своего имущества; 2) сын становится самостоятельным после смерти отца. Факт выхода сына из-под власти родителя делал его самостоятельным и независимым участником гражданско-правовых отношений. Так, он мог по своей воле, без согласия отца, распоряжаться полученным имуществом и совершать различные сделки.

Тесная имущественная связь устанавливалась также между родными братьями. В статье 11 главы 19 части 1 Судебника предусматривалось, что нераздельно живущие братья солидарно отвечали друг за друга по обязательствам. Режим солидарной ответственности прекращался после раздела имущества между братьями. Раздела мог требовать брат, достигший возраста 25 лет. Статья 8 предусматривала, что процедура раздела производилась либо добровольно, либо, в случае возникновения противоречий между братьями, на основании закона. Раздел совершался судом и только в письменном виде. Достаточно интересными представляются нам нормы Судебника, касающиеся обязанности братьев содержать друг друга. Так, если кто-то из братьев, не получивших отцовского наследства, и живущих отдельно разбогатеет, то будет обязан выделить бедному брату десятую часть своего имущества. Но, если эти братья живут совместно, то размер имущества, подлежащего выделению, увеличивается до половины.

Судебником подробно регулировались вопросы опекуна (глава 9) и усыновления (глава 17). Опека осуществлялась над сиротами до достижения ими 25-летнего возраста. Для женщин период нахождения под опекой мог закончиться досрочно в случае замужества. Назначение опекуна осуществлялось судом или определялось в завещании. Опека была направлена на защиту прав и интересов сирот, эффективное управление их имуществом. Но, опекун не имел права свободно распоряжаться этим имуществом без соответствующего разрешения суда (статья 16 главы 9 части 1). Обязанности по контролю и надзору за правомерностью деятельности опекуна возлагались на суд.

Порядок усыновления и его правовое регулирование в Судебнике рассматривалось с позиций римского права, а также норм морали. Усыновление допускалось в двух вариантах: 1) усыновление ребенка, отделённого от своих родителей.

В этом случае ребенок становился приёмным ребенком нового родителя и терял правовую связь со своими биологическими родителями; 2) усыновление ребенка, не отделенного от родителей. Оно осуществлялось по согласию кровных родителей. Но до тех пор, пока был жив кровный отец ребенка, правовая связь с прежней семьей у него не прерывалась. Разница в возрасте между усыновителем и усыновлённым должна составлять не менее 18 лет (статья 6 главы 17 части 1). Особенность института усыновления заключалась в том, что правовые связи устанавливались исключительно между усыновителем и усыновленным, но никак ни между усыновлённым и другими членами семьи усыновителя: «усыновлённый есть сын усыновителя, но не сын его жены и не брат их детям».¹ Усыновлённый мог быть наследником только после смерти своего усыновителя. Помимо имущества он наследовал также и долги усыновителя.

Необходимо отметить, что проанализированные нормы ещё раз подчеркивают традиционность патриархального уклада армянской семьи, где главой является отец семейства. Необходимо отметить, что в Судебнике урегулированы не все семейно-правовые отношения, так как многие вопросы продолжали оставаться в компетенции армянской церкви.

Трудовое право. Правовому регулированию трудовых отношений посвящена глава 10 части 1 Судебника. Глава имеет наименование «О рабах купленных». Однако это наименование к классическому определению рабства имеет весьма условное отношение. По Судебнику астраханских армян суть рабства сводится только к некоторому ограничению правосубъектности лица, причем оно носило временный характер. В большинстве своем нормы рассматриваемой главы регламентировали взаимоотношения между хозяином (работодателем), с одной стороны и рабом (службой, работником), с другой стороны. Суть отношений заключалась в том, что слуга продавался хозяину, который покупал его для выполнения определённых работ. Судебник прямо запрещал продажу самого себя в рабство, при этом разрешая в случае крайней нужды продажу своих детей (статьи 8 и 48 главы 10 части 1).

Поступить на службу могли только лица старше 15 лет. Срок службы хозяину составлял 7 лет, в зависимости от обстоятельств, он мог быть продлён до конца жизни слуги или мог быть сокращён. Вечное рабство могло быть установлено в качестве меры наказания за бегство слуги к врагам или за разглашение личных тайн хозяина. Досрочное прекращение службы предусматривалось в следующих случаях: слуга попадал в плен, затем, имея возможность, убегал, и возвращался к своему хозяину; слуга спасал хозяина от смерти; слуга доставлял в суд дезертиров; слуга сообщал о преступлении, совершенном его хозяином против государя; слуга принимал христианство по указанию своего господина; если слуга-женщина была изнасилована своим хозяином; если хозяин освобождал слугу по своей воле. При освобождении слуги хозяин в присутствии двух или трех свидетелей составлял запись об освобождении, а затем предьявлял ее суду и епископу. Рабов-нехристиан допускалось продавать, отдавать в приданое, оставлять в залог, но при условии, что общий срок их службы хозяевам не превысил установленные Судебником семь лет (статья 20 главы 10 части 1).

---

¹ *Погосян Ф.Г.* Указ. соч. С. 193-194.

Уголовное право. Нормы уголовного права, наряду с регулированием гражданских правоотношений, занимают основное место в содержании Судебника. Этой отрасли права посвящено более 300 статей, которые, в основном, содержатся во второй, одиннадцатой, двенадцатой и двадцать третьей главах части первой Судебника. Авторы рассматриваемого документа подробно описывали вопросы преступления и наказания, регулировали многие уголовно-правовые институты, которые ранее не находили своего отражения в армянском праве или рассматривались только вскользь.

Анализ глав Судебника, их места расположения в документе, позволяет сделать вывод, что в качестве особо охраняемых уголовным законом отношений были вопросы религии и защита царя и царской власти. Система преступлений по Судебнику астраханских армян может быть представлена следующим образом:

1) *преступления против веры* (в том числе неисполнение постановлений, направленных на защиту интересов церкви и религии). Так, за совершение христианами «идолопоклоннических обрядов», например, языческих, статьей 58 главы 12 части 1 устанавливалась ответственность в виде сожжения; за насильственное обрезание, в котором были уличены мусульмане или евреи, устанавливалось наказание в виде публичного жестокого высечения и ссылки на 10 лет.

2) *преступления против Государя*. Регулированию этого вида преступлений посвящена вся вторая глава части 1 Судебника. Так, например, статьей 2 предусматривалась ответственность за преступления против жизни царя, а также в случае, если человек «побежит от врагов его (царя), или поможет врагам его советом, деньгами или военной силой, или станет выступать с призывами против царя или будет воевать против него».¹ Виновное лицо приговаривалось к смертной казни путем отрубания головы и к конфискации всего его имущества в пользу царской казны.

3) *преступления против собственности* (статьи 24, 36, 37, 40, 42, 43, 55, 56, 57, 59, 60, 67, 78, 80, 81, 85, 86, 93, 95, 96, 98 главы 12 части 1 Судебника): 3.1) преступления против государственного имущества («имущества казны»); 3.2) преступления против частного имущества («собственности частных лиц»).

4) *преступления против личности*: 4.1) преступления против жизни и здоровья (статьи 3, 4, 29, 30, 31, 32, 39, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 63, 64, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 79, 82, 90, 103, 104, 105, 106, 107, 108 главы 12 части 1); 4.2) преступления против свободы, чести и достоинства; 4.3) преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 4.4) преступления против семьи и несовершеннолетних.

5) *преступления против правосудия* (часть I глава 12 статьи 61, 83, 94);

6) *преступления против общественной нравственности* (статьи 91, 92, 101, 102 главы 12 части 1).

7) *преступления против общественной безопасности и общественного порядка*.

8) *преступления против порядка управления*.

---

¹ Авакян Р.О. Памятники армянского права / Судебник астраханских армян XVIII века. – Ереван: ЕФ МНОУИ- XXI ВЕК, 2000. С. 659.

В рассматриваемом акте содержится характеристика признаков субъекта преступления, который мог быть привлечен к уголовной ответственности: 1) возраст: «Если воровство совершат мальчики, не достигшие 14 лет, и девочки – 12 лет, будет противозаконно наказывать их как настоящих воров...» (статья 23 глава 11 часть 1); 2) вина, установленная вступившим в законную силу приговором суда (статья 2 главы 11 части 1).

Необходимо отметить, что Армянский Судебник, по сравнению с Судебниками Мхитара Гоша, Смбата Спарапета и другими армянскими актами, выделяется более строгими видами наказания за преступления. Ведь само определение термина наказание в статье 1 главы 12 части 1 трактуется как «законное мучение, определенное отмщением Бога через посредничество судей за греховные и преступные деяния...».¹ Виды наказаний за преступления были закреплены в статье 2 главы 12 части 1 Судебника. К ним относились: конфискация имущества; штраф; бичевание; публичный позор; ссылка; отсечение конечностей; заковывание в кандалы; смертная казнь. Смертная казнь, как самый суровый вид наказания, часто применялась за религиозные преступления, преступления против Царя и порядка управления и осуществлялась путём отрубания головы, повешения, сожжения. На наш взгляд, введение и применение столь суровых наказаний преследовало следующие основные цели – возмездие за совершенное преступление и исправление виновного, а также профилактика и предупреждение совершения преступлений как самим лицом, так и другими лицами «кто это видит».

Можно утверждать, что преступными не считаются действия, совершенные в условиях необходимой обороны и крайней необходимости (статья 52 главы 11 части 1), а совершение преступления по неосторожности являлось смягчающим обстоятельством (статья 29 главы 12 части 1). Судебник предусматривал ответственность не только за оконченное, но и неоконченное преступления (статья 20 главы 11 часть 1). Судебник впервые очень подробно рассматривает не только фигуру непосредственного исполнителя преступления, но роль его соучастников, порядок привлечения их к ответственности, а также размер наказания. Так, статья 77 главы 12 части 1 Судебника предусматривала, что «если кто-нибудь, совершая преступление против закона, во всех случаях, каким бы ни было преступлении, имеет своих советников и помощников, то, когда это станет известно и удостоверено расследованием, советник и помощник преступившего закон будут, без каких-либо различий, наказаны наравне с виновным».²

Согласно статье 108 главы 12 части 1 Судебника судьи вправе «прибавлять или убавлять наказание преступникам», исходя из обстоятельств конкретного дела, принимать те или иные обстоятельства в качестве смягчающих или отягчающих вину: «...иногда случаются тяжкие преступления, совершенные при обстоятельствах, которые допускают возможность облегчить и уменьшить наказание, но бывают и такие преступления, которые хотя и считаются небольшими, однако, поскольку преступник действовал злонамеренно, заслуживают весьма тяжкого наказания».³

---

¹ Авакян Р.О. Указ. соч. С. 676.

² Авакян Р.О. Указ. соч. С. 688.

³ Там же. С. 693.

Процессуальное право. Вопросы судопроизводства содержатся во всех частях документа. В первой части Судебника чётко закреплялось, что для разрешения споров армян, они должны обращаться исключительно в армянский суд и начинать только с «низших мест», а в «высшие места» обращаться только в случае недовольства решением первой инстанции. Это, несомненно, подчеркивало статус суда и говорило о его значимости в жизни армянской общины.

Часть вторая Судебника начиналась со статей, характеризующих личности не только судей, но и всех сотрудников суда (секретаря, переводчика, писца, старосты, сторожа, смотрителя темниц). Причём эти требования едины – «люди добрые и совестные, способные к отправлению своих обязанностей и имеющие право занимать вверяемые им должности».¹ Судьи также должны быть справедливыми, беспристрастными, мудрыми, знающими законы и обладать терпением. Кроме того, судья, секретарь и староста должны быть людьми грамотными и не моложе 25 лет. Надо отметить, что должность судьи имела очень важное значение и, как писал К. Алексеев, – «у армян судьи... именуются даже богами в псалмах».² И действительно, если мы обратимся к определению должности судьи, которое даётся в статье 1 главы 2 части 2 Судебника, то увидим, что судьей именуется «кто по царскому указу или единодушному избранию общества определяется в это важное звание, и по своему званию уподобляется Богу».³

Армянский Судебник, как и более ранние источники армянского права, не разграничивал судебный процесс на гражданский и уголовный. Также необходимо отметить, что процессуальные нормы не были систематизированы и их можно обнаружить во всех частях Судебника. Но с содержательной точки зрения они закрепляли важные и основополагающие принципы судебного процесса. К ним можно отнести принцип равенства лиц перед законом и судом; недискриминационный характер судопроизводства; состязательность процесса; право на участие в процессе лично или через своего представителя; равная возможность участников процесса в предоставлении доказательств; доступность правосудия и осуществление этого правосудия только армянским судом в качестве суда первой инстанции.

Процесс носил устный характер, и только в сложных делах суд мог разрешить сторонам представлять свои пояснения в письменной форме. Глава 1 части 3 Судебника предусматривала, что для разрешения дела необходимо: 1) наличие истца и ответчика; 2) представление доказательств сторонами; 3) судебное решение по спору. Сторонами процесса являлись истец («тот, кто по какому-либо поводу ведёт другого в суд и там предъявляет против него иск или объявляет о противозаконности поступка его»⁴) и ответчик («то лицо, которое призывается в суд для дачи объяснения против заявленного иска»⁵). Причём Судебник не делал различий между истцом и ответчиком в уголовном и гражданском процессах.

Истец подавал в суд исковое заявление (*арзу*) в письменной форме, в котором излагались конкретные обстоятельства по делу и сведения о лице, к которому

---

¹ Погосян Ф.Г. Судебник астраханских армян. С. 234.

² Алексеев К. Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. С. 72.

³ Погосян Ф.Г. Указ. соч. С. 235.

⁴ Погосян Ф.Г. Указ. соч. С. 258.

⁵ Там же. С. 259.

предъявлялись требования. Ответчик мог предъявить встречный иск или подать возражение на заявление. По просьбе ответчика для подготовки своей позиции по делу и подачи объяснений по иску ему предоставлялась отсрочка максимальным сроком 10 дней. Эта отсрочка по одному делу могла предоставляться не более трёх раз (глава 4 части 3). Исключительно по гражданским делам сторонам было предоставлено право прекратить производство по делу путём заключения мирового соглашения, но только на определенной стадии процесса – до момента установления и оценки всех обстоятельств дела и вынесения судебного вердикта (статья 14 главы 23 части 1).

Согласно главе 8 части 3 Судебника, каждая сторона была обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в подтверждение своей позиции. В качестве доказательств, которые могли быть приняты судом, Судебник устанавливал: свидетельские показания, письменные доказательства, присяга и признание. Последнему виду придавалось особое значение. Необходимо обратить внимание, что Судебник предусматривал возможность удовлетворения требования не только в случае признания иска самим ответчиком, но и при отсутствии признания ответчика, но когда иск признавал его отец (статья 25 главы 23 части 1). Глава 13 части 3 прямо предусматривала, что в случае если вина подсудимого доказана, но он её не признает, суд должен был получить признание через пытку.

Свидетельские показания принимались в качестве доказательства только в случае, если количество свидетелей было не меньше двух. Они допрашивались судьей в отсутствие истца и ответчика, а также других свидетелей. За дачу ложных показаний свидетель мог быть привлечен к уголовной ответственности в виде телесного наказания и двойного взыскания убытков (статья 15 главы 10 части 3). Решение суда выносилось на основании всех обстоятельств дела и исследовании представленных сторонами доказательств. Если стороны были несогласны с вынесенным решением суда, то они имели право в четырёхдневный срок со дня получения решения суда обжаловать его в суд апелляционной инстанции – Совет 9 судей. Суд второй инстанции пересматривал дело в течение двух недель. Если он оставлял решение армянского суда без изменения, то обжалующая сторона уплачивала штраф за оскорбление судей (статья 5 главы 3 части 2). Решение суда апелляционной инстанции можно было обжаловать в Верховный суд, вердикт которого являлся окончательным (статья 12 главы 3 части 2 Судебника).

Необходимо отметить и тот факт, что во второй половине XVIII века наряду со светским армянским судом в Астрахани действовал и армянский духовный суд, функции которого были регламентированы духовным предстоятелем российских армян архиепископом Иосифом Аргутяном, который опирался при этом на «Свод армянских церковных канонов»¹.

В заключении отметим, что нормы Судебника астраханских армян отвечали потребностям армянского общества XVIII века не только Астрахани, но и других городов юга России, в которых проживали армяне. Как и многие памятники ар-

---

¹ *Авакян Р.О.* Судебник астраханских армян 1765 года, как памятник права и вековой дружбы между армянским и русским народами // *Юриспруденция в современной России: материалы всероссийской заочной научно-практической конференции* (5 марта 2011 г.). – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011. С. 39.

мянского права, авторы Судебника показывали тесную связь светской и церковной властей в правовом регулировании жизни граждан. Так, например, церковь продолжала оставаться регулятором многих вопросов семейного права. Большинство сфер правового регулирования были закреплены за властями светскими. Основное внимание уделялось вопросам торгового и обязательственного права, ведь большая часть астраханских армян зарабатывала на жизнь именно торговлей.

Армянский Судебник содержит множество интересных с точки зрения права и юридической техники положений. Так, например, приведён четкий перечень принципов судопроизводства; отдельно рассмотрены роли не только исполнителя преступления, но и его соучастников; закреплён самый обширный в истории армянского права перечень наследников по закону – десять очередей; разграничены «простое» и «сложное» поручительства; впервые на правовом уровне закреплён традиционный армянский обряд обручения – «*нишан*».

Подводя итог анализа Судебника армян можно отметить, что, будучи серьёзным вкладом в историю армянского правоведения, этот правовой акт одновременно является памятником армянского права, отражающим вековую дружбу армянского и русского народов. На территории России армяне могли свободно развиваться как нация и сохранить свою идентичность, которая находила отражение во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

Этот правовой документ уникален тем, что с одной стороны он являлся чисто национальным армянским Судебником, а с другой стороны, был призван стать неотъемлемой частью общероссийской правовой системы. В случае возникновения противоречий между нормами Судебника и общеимперским законодательством, приоритет имели российские законы. На наш взгляд, можно утверждать, что Армянский судебник фактически действовал как один из источников местного права в России и занимал достойное место в системе общеимперского права и применялся во многих армянских поселениях – Астрахань, Нахичевань, Армавир и т.д. Он признавался судебной практикой. Применение норм Судебника осуществлялось до момента введения в действие положений законодательства Судебной реформы 1864 года.

Источники и использованная литература:

1. Указ от 13 апреля 1744 года «О правилах, на которых принимать в Астрахани Персидских купцов для торговых промыслов; о производстве суда армянам и индийцам и бухарцам, в Астрахани живущим, по их прежним законам, и о позволении им заводить фабрики и отправлять богослужение беспрепятственно» // Полное собрание законов Российской империи. Соб-е 1. – СПб., 1830. Т. XII. № 8919. (далее: ПСЗРИ).
2. Указ от 5 августа 1746 года «О торговле и повинностях армян и других азиатцев, живущих в Астрахани» // ПСЗРИ. Соб-е 1. Т. XII. № 9311.
3. *Авакян Р.О.* Памятники армянского права. – Ереван: ЕФ МНОЮИ-XXI ВЕК, 2000. – 1019 с.
4. *Авакян Р.О.* Судебник астраханских армян 1765 года, как памятник права и вековой дружбы между армянским и русским народами // Юриспруденция в современной России: материалы всероссийской заочной научно-практической конференции (5 марта 2011 г.). – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011. С. 32-42.
5. *Алексеев К.* Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. –

- М., 1870. – 89 с.
6. *Погосян Ф.Г.* Судебник астраханских армян. – Ереван: Изд-во АН АССР, 1967. – 358 с. (на армянском языке).
  7. *Хачатурян В.А.* Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // Известия АН АССР. – 1963. № 12. С. 57-68.
  8. *Юхт А.* Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII в. // Известия АН АССР. – 1960. № 12. С. 47-60.

Zurnachan A.S.

**The particular Armenian law in legal regulation
on Caucasus during 18th – 19th centuries**

The increasing role of Armenians in politics, culture and economy of Caucasus have led to the fact that Armenians have given the right to conduct the proceedings on the basis of their customs and laws. This resulted in the need to establish a basic legal act, which could guide the resolution of certain matters. This act became Code of Law, founded in 1765 and has occupied a special place in the system of local law of the Russian Empire in the legal regulation of the Caucasus. In this article the scientific analysis of the conditions for the establishment and use of this document, the analysis of its main provisions and an estimation of place in the system of Russian law. For the analysis of the Code of laws we have carried out work on the translation of its text into Russian.

Keywords: history of Armenian law, history of Russian law, Code of Armenian law, Russian Armenians, civil law, inheritance law, family law, employment law.

Ильина Т.Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ИМПЕРАТОРА В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Настоящая статья посвящена проблеме трансформации судебных функций императора в России в XVIII – начале XX веков. Подробно рассмотрены объем и соотношения его полномочий в судебной сфере с другими органами, существовавшими в XVIII веке. В статье анализируются важнейший принцип исполнения императором судебных полномочий: с одной стороны – сохранение за императором статуса главы судебной власти, а с другой – стремление передать данные полномочия специальным органам, прежде всего, судам. В результате к началу XX века судебные функции монарха трансформировались из непосредственного осуществления правосудия в отдельные формы взаимодействия с судебными органами.

Ключевые слова: император, монарх, Сенат, судебная инстанция, Верховный тайный совет, Кабинет министров, ревизирование, рекетмейстер, рекетмейстерская контора, судебная система.

В силу самодержавной российской традиции и отсутствия разделения властей на протяжении XVIII – начала XX веков монарх являлся главой судебной власти и высшей судебной инстанцией в стране. Это право было закреплено за ним ещё до получения статуса императора. При этом в период с XVIII века наблюдалось стремление российских монархов освободить себя от судебных полномочий. Первым шагом в этом направлении можно считать указ Петра I от 1718 года, запрещающий подачу жалоб на решения Сената, а также тех дел, которые были отнесены к компетенции различных органов власти.² Но при этом император оставлял за собой право рассматривать важные для государства и спорные дела по просьбе самого Сената, а также осуществлять контроль за судебной деятельностью Сената.³ Кроме того государь выступал первой инстанцией по делам, связанным с должностными преступлениями Генерал- и обер-прокуроров.⁴

Таким образом, император исключался из непосредственного участия в отправлении правосудия: подавать ему челобитные лично было невозможно. Для исполнения подобных функций вместо императора при Сенате учреждалась специальная должность рекетмейстера (позже – генерал-рекетмейстера).⁵ Но при этом можно выделить несколько косвенных форм участия императора в судебной сфере. Так,

---

Ильина Татьяна Николаевна - кандидат юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Курского государственного университета.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00491.

² Именной от 22 декабря 1718 г. «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения учрежденных на то правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казнию», § 5 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. V (далее: ПСЗ-1).

³ § 6 // Там же.

⁴ Должность Генерал-Прокурора от 27 января 1722 г., п. 9 // Законодательство Петра I. – М., 1997. С. 135.

⁵ Указ из Сената о генерал-рекетмейстере от 23 февраля 1722 г. // Там же. С. 86-87.

Пётр I рассматривал жалобы на решения государственных органов, после чего они поступали в Сенат. По важнейшим государственным делам мог собираться особый суд, состоящий из назначенных императором верховных сановников, приговоры которого подлежали утверждению императора. Такой суд, в частности, был собран при рассмотрении дела царевича Алексея.

После смерти Петра I судебные функции Сената заметно уменьшились, но при этом тенденция на самоотстранение монарха от разрешения судебных дел продолжала существовать. При Екатерине I и Петре II многие судебные функции принял на себя Верховный Тайный Совет. Так, Совет стал апелляционной инстанцией на Сенат и три коллегии, выведенные из-под контроля Сената (военную, морскую и иностранных дел), а после ликвидации Преображенского приказа Совету были переданы наиболее важные государственные дела.¹ Косвенное участие императоров в отправлении правосудия также было сокращено. С 1726 года не требовалось подписи монарха на решениях коллегий и канцелярий, проходивших через рекетмейстера для передачи дела на повторное рассмотрение в Сенат.² Но утверждению императора подлежали все смертные приговоры и приговоры о политической смерти в отношении высшего военного командования, а также по политическим преступлениям.³ Особо важные государственные дела по-прежнему рассматривались специально созываемым судом при монархе. Такой суд был собран по поводу преступления против порядка престолонаследия по делу А. Девиера, П. Толстого.⁴

При Анне Иоанновне некоторые судебные функции Сената перешли к Кабинету, при этом сама императрица продолжала участвовать в отправлении правосудия в большей степени косвенно. Однако исследователи данного периода отмечают частое личное участие императрицы в рассмотрении не только уголовных (как было и ранее), но и гражданских дел.⁵ В последующие царствования можно отметить ещё одну тенденцию. Несмотря на законодательные запреты, челобитные с просьбами вмешательства продолжали поступать на высочайшее имя. Представляется, что такой порядок вещей был вызван устоявшимися традициями. В.М. Грибовский отмечал, что «веками укоренившуюся точку зрения не так-то легко изменить указами и при помощи только что рожденного надзора».⁶ Для рассмотрения челобитных, поступающих на высочайшее имя, Анна Иоанновна учреждает особую должность Рекетмейстера⁷, в чем также проявляется тенденция к сокращению личного

---

¹ Подробнее о судебных функциях Сената в XVIII веке см.: *Ильина Т.Н.* Эволюция судебных функций сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2015. № 4. С. 33-47.

² Именной от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4847. П. 4.

³ Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета от 8 октября 1726 г. «О внесении в Верховный Тайный Совет экстрактов из дел уголовных для докладов ее величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4964.

⁴ Манифест о винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии российского престола от 27 мая 1727 г. // ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.

⁵ См., например: *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. – СПб., 1901. С. 51.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Именной, данный Сенату «Об учреждении при высочайшем дворе особого Рекетмейстера» от 12

участия монарха в судебной сфере.

Начиная с 1731 года, из ведения Сената были изъяты политические дела, ранее относившиеся к компетенции Преображенского приказа, которые были переданы генералу Ушакову.¹ Фактически данный акт означал появление нового органа политического сыска – Тайной канцелярии, которая будет создана чуть позднее.² Согласно сенатскому указу, политический сыск переходил под контроль Кабинета министров, действовавшем при императрице. Однако смертные приговоры по политическим делам подлежали обязательной конфирмации со стороны императрицы. Елизавета Петровна, взойдя на престол, восстанавливает судебные функции Сената³ и даже возвращает правило личной подачи прошений на своё имя.⁴ Но вскоре увидела ошибочность своего решения, поскольку количество жалоб стало критическим. Императрица восстановила запрет, который пришлось ни один раз повторять даже последующим самодержцам.⁵ Подтвердив такой запрет, уже Пётр III, счёл не-обходимым сделать дополнение, согласно которому, если проситель окажется недовольным разбором его дела в соответствующем присутственном месте, то он может обратиться к императору, как к последней инстанции и главе судебной власти в стране.⁶ К другим нововведениям Петра III в судебной сфере можно отнести ликвидацию Тайной канцелярии и передачу подведомственных ей дел снова в Сенат.⁷

Судебная политика Екатерины II в вопросе участия монарха в отправлении правосудия в целом носила тот же характер, что и её предшественников. Во-первых, она полностью подтвердила запрет на подачу жалоб на высочайшее имя, без

ноября 1740 г. // ПСЗ-И. Т. XI. № 8288.

¹ Именной, данный Сенату «О передаче дел бывшего Преображенского приказа в ведение генерала Ушакова» от 24 марта 1731 г. // ПСЗ-И. Т. VIII. № 5727.

² Сенатский «Об учреждении канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта в ведомство генерала Ушакова и о именовании оной Канцелярией Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллежиями» от 6 апреля 1731 г. // ПСЗ-И. Т. VIII. № 5738.

³ Именной «О восстановлении власти Сената в правлении внутригосударственных дел, о сочинении реестра указов прежних царствований, которые пользе государственной противны, об уничтожении прежнего Кабинета и о установлении нового при дворе ее императорского величества, об учреждении как прежде в губерниях прокуроров и об определении для управления иностранными делами Канцелярии» от 12 декабря 1741 г. // ПСЗ-И. Т. XI. № 8480.

⁴ Именной, объявленный из Сената от 13 января 1742 г. «О подаче прошений Ее императорскому величеству на каждой неделе во вторник» // ПСЗ-И. Т. XI. № 8497.

⁵ См., например: Именной «О неподаче Ее Величеству челобитных мимо учрежденных присутственных мест, о подписывании писцам в челобитных имен и фамилий своих, с означением судебного места, в которые такая челобитная подана быть может» от 28 мая 1742 г. // ПСЗ-И. Т. XI. № 8558; Сенатский в подтверждение прежде составленных указов «О неподавании Ее Величеству челобитных минуя учрежденных для рассмотрения оных присутственных мест» от 10 мая 1749 г. // ПСЗ-И. Т. XIII. № 9612; Сенатский, вследствие именного «О воспрещении подавать просьбы Ее Величеству на куртогах» от 3 марта 1752 г. // ПСЗ-И. Т. XIII. № 9951; Сенатский «О строгом подтверждении, чтобы минуя надлежащих судебных мест никто не утруждал Ее императорское величество прошениями под опасениями штрафа и наказания» от 17 сентября 1753 г. // ПСЗ-И. Т. XIII. № 10136.

⁶ Именной, объявленный из Сената «О воспрещении подавать на Высочайшее имя прошение, минуя надлежащие присутственные места» от 4 марта 1762 г. // ПСЗ-И. Т. XV. № 11459.

⁷ Манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии» от 21 февраля 1762 г. // ПСЗ-И. Т. XV. № 11445.

прохождения таковых через соответствующие судебные учреждения, при этом дополнение, сделанное Петром III, было оставлено без изменений.¹ Для оптимизации этого процесса Екатерина II также учреждает специальные должности для приёма жалоб.² Но, также как и предыдущие правители, Екатерина столкнулась с тем, что, несмотря на многочисленные запреты жалобы со стороны населения, продолжали поступать лично императрице. Пытаясь предотвратить поток прошений, правительница несколько раз подтверждала запрещающие это действие указы.³

Во-вторых, Екатерина II продолжила практику созыва специальных судов для разрешения особо важных государственных дел. При Екатерине в состав особых уголовных судов, как правило, входили Сенат, Синод, президенты коллегий. В царствование императрицы специальный уголовный суд собирался, например, по делу В. Мировича, Е. Пугачева.⁴

Тем не менее, Екатерина II в судебной сфере пошла дальше своих предшественников. Императрица провела масштабную судебную реформу, в результате которой произошло окончательное перераспределение высших судебных полномочий в стране.⁵ В 1763 году Сенат был разделён на шесть департаментов (четыре в Петербурге и два в Москве). Окончательное решение принималось единогласно на Общем собрании петербургских департаментов. Для московской части Сената также предусматривалось Общее собрание департаментов, но оно служило лишь дополнительной инстанцией к уже упомянутому Общему собранию в Петербурге.⁶ Положение закона о единогласном принятии решений в Сенате долгие годы вызывало споры в среде самих сенаторов и других высших должностных лиц. Из-за разногласий, возникающих при рассмотрении дел в Сенате, отдельные прошения и жалобы не разрешались годами. Кроме того, некоторые дела не могли быть разрешены ввиду пробелов в законодательстве. В 1768 году Екатерина II предприняла попытку разобраться с обеими проблемами, тормозящими отправления правосудия в Сенате. Императрица предложила проект указа, предполагающего учреждение особой инстанции, рассматривающей дела, которые по различным основаниям не могут быть разрешены в Сенате.⁷ Однако данный проект не получил силу закона, а

---

¹ Именной, объявленный из Сената «неподаче никаких просьб и жалоб на Высочайшее имя, минуя надлежащие судебные места» от 12 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11606.

² Именной «О неутруждении Ее императорского величества во время прибытия в Санкт-Петербург никому прошениями и о подаче оных кому приписано» от 11 июня 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11858.

³ Сенатский в подтверждение указа от 12 июля 1762 г. «О неподавании прошений Ее императорскому величеству, минуя надлежащие присутственные места и о штрафах и наказаниях, определенных за преступление сего указа» от 19 января 1765 г. // ПСЗ-I. Т. XVII. № 12316.

⁴ Манифест от 17 августа 1764 г. «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 12228; Манифест от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева» // ПСЗ-I. Т. XIX. № 14230.

⁵ В данном контексте мы не будем останавливаться на всех мероприятиях судебной реформы Екатерины II, ограничимся лишь теми из них, которые относятся к высшей судебной власти в стране. В остальном см. подробнее: *Мигунова Т.Л.* «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II. – М., 2008.

⁶ Манифест от 15 декабря 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989. П. 5-6.

⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 42: Бумаги императрицы Екатерины II. – СПб., 1885. Т. 5. С. 442-443.

затяжное рассмотрение дел в Сенате по-прежнему решалось при вмешательстве монарха. Данное обстоятельство не позволило российским правителям окончательно отстраниться от судебных полномочий, а также в целом задержало отделение судебной власти от законодательной.

Нерешенная при Екатерине II проблема рассмотрения дел в Сенате перешла по наследству её сыну. Павел I, став императором, был вынужден создать дополнительные департаменты Сената, с тем, чтобы последние завершили дела, ведение которых началось ещё при Екатерине II.¹ Важно отметить, что законодательство Павла I не признавало апелляции к монарху на решения Сената. Однако на деле данная практика продолжала существовать на тех же основаниях, что и при Екатерине II.

Важно отметить, что при заметной ориентации к отстранению от судебных полномочий российские монархи оставляли за собой право косвенного влияния на отправления правосудия. Так, согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 года, обязательному утверждению монарха передавались дела о лишении дворянства, а, например, при Павле I такая обязанность распространилась на дела, касающихся казенных имуществ.² При Александре I было подтверждено право монархов по утверждению приговоров по некоторым категориям дел и «тех, по коим объявлено будет особое высочайшее повеление и рассмотрении оных».³

В 1810 году в связи с появлением Государственного Совета вместо Канцелярии рекетмейстерских дел была учреждена Комиссия по прошениям в Госсовет, но со схожими функциями.⁴ Даже наиболее радикальная судебная реформа 1864 года полностью не устранила монарха от исполнения функций высшей судебной инстанции. Несмотря на то, что учреждения судебных установлений определили, что «власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату»⁵ иные законодательные акты предусматривали исполнение некоторых функций, отнесённых к сфере верховного правосудия непосредственно монархом. Так, в силу закона Учреждению Правительствующего Сената император мог получать жалобы на дела, разрешённые в Сенате в тех случаях, когда «возбранить всякое прибежище к Императорскому Величеству было бы отнять избавление у страждущего».⁶ Ещё одним

---

¹ Высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора от 13 декабря 1796 г. «О распределении дел между департаментами Сената для скорейшего оных производства, об учреждении трех временных департаментов для окончания нерешенных дел и о прибавке в Сенате чиновников по прилагаемому штату» // ПСЗ-И. Т. XXIV. № 17639.

² Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ – I. Т. XXII. № 16186. Ст. 13; Именной, данный Сенату от 19 августа 1799 г. «О порядке производства дел о казенных имуществвах» // ПСЗ-И. Т. XXV. № 19090; Высочайше утвержденный доклад Сената от 26 сентября 1800 г. «О взносе межевым конторам и канцеляриям, производящим ими спорных и апелляционных дел на ревизию Сената, если по размышлениям оных отчуждаются помещикам земли казенного ведомства» // ПСЗ-И. Т. XXVI. № 19574.

³ Свод законов Российской империи 1857 г. (далее - СЗ). Т. 1. Ч. 2. Кн.1. Ст. 106. П. 2.

⁴ Манифест от 1 января 1810 г. «Об образовании Государственного Совета» // ПСЗ-И. Т. XXXI. № 24064. § 97. П. 2.

⁵ Учреждение судебных установлений, ст. 1 // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. III.

⁶ Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. Т. 1. Ч. 2. Кн. 3. Ст. 240 (далее: СЗ).

случаем вмешательства императора в высшее правосудие стала передача дела не из первого департамента Сената, для которого и после реформы 1864 года сохранился прежний порядок движения дел, т.е. через Государственный Совет – императору. Кроме того, введение в действие судебных уставов на всей территории страны происходило поэтапно на протяжении 1864–1899 годов. Поэтому на дела, рассмотренные судебными учреждениями данных территорий, не поступали в кассационные департаменты Сената, а могли через Государственный Совет быть направлены государю. Последующее развитие судебной системы в России всё больше отстраняло монарха от осуществления им правосудия. Так, в 1884 году были приняты временные правила для подачи прошений императору, которые были подтверждены в 1890 году. Согласно этим актам, запрещалось оспаривать у императора решения кассационных департаментов Сената.¹ Учреждение Правительствующего Сената в редакции от 1892 года содержало прямой запрет на подачу жалоб на решения Общего собрания Сената.²

Характеризуя полномочия монарха в сфере правосудия на рубеже XIX–XX веков, можно говорить о сформировавшейся модели её осуществления, схожей с моделью, действовавшей в европейских странах конституционной монархии. В основе её также лежит принцип предоставления права осуществления правосудия судам. Но при этом за монархами закреплены некоторые полномочия, позволяющие говорить о существовании отдельных форм взаимодействия судебной сферы и главы государства. Во-первых, в условиях монархической формы правления монарх оставался номинальным главой судебной власти. Так, статья 22 Основных законов закрепляла «судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся во исполнение именем Императорского Величества».³ Во-вторых, российскому императору принадлежало право судебного управления, которое выражалось, прежде всего, в возможности назначения судей и прокуроров. Третьей формой участия императора в осуществлении правосудия, по мнению отечественных дореволюционных правоведов, можно считать принадлежащее монархам право помилования.⁴ Кроме того, можно выделить формы осуществления монархом судебных полномочий, которые не были характерны для конституционных монархических государств, а имели место быть в самодержавной России. Российский император, начиная ещё с XVIII века, мог утверждать некоторые приговоры уголовных судов. Однако к началу XX века это право несколько трансформировалось. Император утверждал приговоры, в случае, если «дворяне, чиновники, священнослужители всех степеней духовной иерархии, или лица, имеющие ордена и знаки отличия, снискаемые лишь

---

¹ Высочайше утвержденные временные правила о порядке принятия и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 9 июня 1884 г. // ПСЗ-III. Т. IV. № 2305. Ст. 9. п. «а»; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о порядке принятия и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 21 марта 1890 г. // ПСЗ-III. Т. X. № 6647.

² СЗ. 1892. Т. 1. Ч. 2. Кн. 4. Ст. 220.

³ Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 // ПСЗ-III. Т. 26. Ч. 1. № 27805.

⁴ См. например: *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. – СПб., 1910. С. 144; *Градовский А.Д.* Собрание сочинений. – СПб., 1902. Т. V. С. 157–159.

с Высочайшего соизволения, присуждаются к наказаниям, соединенным с лишением всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ».¹ Важно отметить, что утверждение приговоров по данной категории дел являлось формальным и не носило характера пересмотра приговора суда. Также монарху принадлежало исключительное право привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц за преступления по должности.

Ещё одной формой участия императора в осуществлении правосудия являлось сохранение возможности подачи жалобы на высочайшее имя на определения судебного департамента Правительствующего Сената. В компетенцию этого департамента входили различные категории дел, например, межевые, споры, рассмотренные в коммерческих судах, в консульских судах и другие. Однако такая жалоба на судебный департамент не означала пересмотра дела самим императором. В случае удовлетворения жалобы, дело возвращалось в Сенат.

Завершая рассмотрение эволюции судебных полномочий монарха в России на протяжении XVIII – начала XX столетий можно выделить несколько тенденций их осуществления. Во-первых, весьма заметно стремление глав государства передать судебные полномочия другим органам власти, а самому максимально отстраниться от выполнения данных обязанностей. С этим связана, на наш взгляд, идея профессионализации суда и судей. В первой половине XVIII столетия начинает формироваться представление о судебных органах, состоящих из профессиональных судей, но при этом ещё действовавших неразрывно с администрацией.² Полностью данный тезис будет реализован лишь во второй половине XIX века.

Второй особенностью реализации монархом судебных полномочий стало наличие временных судебных органов, создаваемых для ведения конкретных, в первую очередь, политических дел, особенно такая практика была характерна для XVIII в.

Третьей отличительной чертой судебных полномочий главы государства можно назвать то, что они берут свое начало в обычном, неписанном праве. Законодательное закрепление судебных функций за различными органами власти получает своё развитие в XVIII столетии: были созданы специальные акты и даже специальные судебные органы. Однако полномочия монарха оставались нефиксированными законодательно, они носили аморфный характер: монарх в судебной сфере мог всё и вместе с тем ничего. Это, в свою очередь, приводило к проблемам и казусам (например, с неиссякаемым потоком жалоб и прошений на имя государя при наличии официального запрета на это). На наш взгляд, данное несоответствие между формально закрепленными полномочиями монарха и его реальной властью объясняется существованием самодержавной формы правления, которая не подразумевает разделение властей как таковых. И, несмотря на самоотстранение императоров от участия в отправлении правосудия, его подданные продолжали видеть в нём верховного носителя, в том числе, и судебной власти, олицетворяли его с судом Божиим на земле. К началу XX века император полностью отстранился от выполнения функций верховного правосудия. Однако в условиях существования самодер-

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рас-
суждений, на коих они основаны.– СПб., 1867. Ч. II. Ст. 945, п.1.

² См. подробнее: *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I. – М., 2009. С. 96.

жавной монархии нельзя исключать сферу верховного правосудия из верховенства императорской власти. По словам П.Е. Казанского, императору принадлежала судебная власть, «если взять её в самом широком её понимании».¹

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Именной от 22 декабря 1718 г. «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения учрежденных на то правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казнию» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. V (далее: ПСЗ-I).
2. Должность Генерал-Прокурора от 27 января 1722 г., п. 9 // Законодательство Петра I. – М., 1997. С. 135.
3. Указ из Сената о генерал-рекётмейстере от 23 февраля 1722 г. // Законодательство Петра I. – М., 1997. С. 86-87.
4. Именной от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4847. П. 4.
5. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета от 8 октября 1726 г. «О внесении в Верховный Тайный Совет экстрактов из дел уголовных для докладов ее величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» // ПСЗ-I. Т. VII. № 4964.
6. Манифест о винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии российского престола от 27 мая 1727 г. // ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.
7. Именной, данный Сенату «Об учреждении при высочайшем дворе особого Рекётмейстера» от 12 ноября 1740 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8288.
8. Именной, данный Сенату «О передаче дел бывшего Преображенского приказа в ведение генерала Ушакова» от 24 марта 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5727.
9. Сенатский «Об учреждении канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта в ведомство генерала Ушакова и о именовании оной Канцелярией Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» от 6 апреля 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. № 5738.
10. Именной «О восстановлении власти Сената в правлении внутригосударственных дел, о сочинении реестра указов прежних царствований, которые пользе государственной противны, об уничтожении прежнего Кабинета и о установлении нового при дворе ее императорского величества, об учреждениях как прежде в губерниях прокуроров и об определении для управления иностранными делами Канцелярии» от 12 декабря 1741 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8480.
11. Именной, объявленный из Сената от 13 января 1742 г. «О подаче прошений Ее императорскому величеству на каждой неделе во вторник» // ПСЗ-I. Т. XI. № 8497.
12. Именной «О неподаче Ее Величеству челобитных мимо учрежденных присутственных мест, о подписывании писцам в челобитных имен и фамилий своих, с означением судебного места, в которые такая челобитная подана быть может» от 28 мая 1742 г. // ПСЗ-I. Т. XI. № 8558.
13. Сенатский в подтверждение прежде составленных указов «О неподачении Ее Величеству челобитных минуя учрежденных для рассмотрения оных присутственных мест» от 10 мая 1749 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9612.
14. Сенатский, вследствие именного «О воспрещении подавать просьбы Ее Величеству на куртогах» от 3 марта 1752 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9951;

---

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. – Одесса, 1913. С. 60.

15. Сенатский «О строгом подтверждении, чтобы минуя надлежащих судебных мест никто не утруждал Ее императорское величество прошениями под опасениями штрафа и наказания» от 17 сентября 1753 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 10136.
16. Именной, объявленный из Сената «О воспрещении подавать на Высочайшее имя прошение, минуя надлежащие присутственные места» от 4 марта 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11459.
17. Манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии» от 21 февраля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XV. № 11445.
18. Именной, объявленный из Сената «неподаче никаких просьб и жалоб на Высочайшее имя, минуя надлежащие судебные места» от 12 июля 1762 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11606.
19. Именной «О неутруждении Ее императорского величества во время прибытия в Санкт-Петербург никому прошениями и о подаче оных кому приписано» от 11 июня 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11858.
20. Сенатский в подтверждение указа от 12 июля 1762 г. «О неподавании прошений Ее императорскому величеству, минуя надлежащие присутственные места и о штрафах и наказаниях, определенных за преступление сего указа» от 19 января 1765 г. // ПСЗ-I. Т. XVII. № 12316.
21. Манифест от 17 августа 1764 г. «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем» // ПСЗ-I. Т. XVI. № 12228; Манифест от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева» // ПСЗ-I. Т. XIX. № 14230.
22. Манифест от 15 декабря 1763 г. // ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989. П. 5-6.
23. Высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора от 13 декабря 1796 г. «О распределении дел между департаментами Сената для скорейшего оных производства, об учреждении трех временных департаментов для окончания нерешенных дел и о прибавке в Сенате чиновников по прилагаемому штату» // ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17639.
24. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-I. Т. XXII. № 16186. Ст. 13.
25. Именной, данный Сенату от 19 августа 1799 г. «О порядке производства дел о казенных имуществах» // ПСЗ-I. Т. XXV. № 19090.
26. Высочайше утвержденный доклад Сената от 26 сентября 1800 г. «О взносе межевым конторам и канцеляриям, производящим ими спорных и апелляционных дел на ревизию Сената, если по размышлениям оных отчуждаются помещикам земли казенного ведомства» // ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19574.
27. Свод законов Российской империи 1857 г. (далее - СЗ). Т. 1. Ч. 2. Кн. I. Ст. 106. П. 2.
28. Манифест от 1 января 1810 г. «Об образовании Государственного Совета» // ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24064. § 97, п. 2.
29. Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб., 1867. Ч. III. Ст. 1.
30. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб., 1867. Ч. II. Ст. 945, п. 1.
31. Высочайше утвержденные временные правила о порядке принятия и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 9 июня 1884 г. // ПСЗ-III. Т. IV. № 2305. Ст. 9. п. «а».
32. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о порядке принятия и направления прошений и жалоб на высочайшее имя приносимых от 21 марта 1890 г. // ПСЗ-III. Т. X. № 6647.
33. Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 // ПСЗ-III. Т. 26. Ч. 1. № 27805.

Общая и специальная литература:

34. *Градовский А.Д.* Собр. сочинений. – СПб.: Тип-фия М.М. Стасюлевича, 1902. Т. V. – 561 с.
35. *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины второй. Материалы для истории Высшего суда и надзора в первую половину царствования. – СПб.: Тип. С.-Пб. т-ва печат. и изд. дела “Труд”, 1901. – 623 с.
36. *Ильина Т.Н.* Эволюция судебных функций сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2015. № 4. С. 33-47.
37. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. – Одесса: Типография «Техник», 1913. – 1000 с.
38. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. – СПб.: Типография акционерного общества «Слово», 1910. – 479 с.
39. *Мигунова Т.Л.* «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...». Административно-судебная и правовая реформа Екатерины II. – М.: NOTA BENA, 2008. – 560 с.
40. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. – М.: Зерцало, 2009. – 488 с.

Irina T.N.

Evolution of emperor’s powers in sphere of justice in Russia during 18th – early 20th century: historical-legal aspect

This article is devoted to a problem of transformation of judicial functions of the emperor in Russia during 18th – early 20th centuries. The volume and ratios of his powers in the judicial sphere with other bodies existing in the 18th century are considered in detail. In article the most important principle of execution by the emperor of judicial powers are analyzed: on the one hand – preservation for the emperor of the status of the head of judicial authority, and with another – aspiration to delegate these powers to special bodies, first of all, to courts. As a result by the beginning of the 20th century judicial functions of the monarch were transformed from direct implementation of justice to separate forms of interaction with judicial authorities.

Keywords: emperor, monarch, Senate, judicial authority, Supreme Privy Council, Cabinet, inspection, Requetenmeister, requêtemeister, requêtemeister’s office, judicial system.

Демичев А.А.

ПРАВО, ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

В статье на основе изучения фольклорных источников (пословиц, поговорок и анекдотов) анализируется динамика представлений российского общества о праве, законе и справедливости в XVIII – первой половины XIX в. Делается вывод о монархическом характере российского правосознания. Также автор выделяет ряд особенностей российского правосознания изучаемого периода.

Ключевые слова: право, закон, справедливость, правосознание, менталитет, исторический анекдот, фольклор.

Составной частью менталитета является правосознание, включающее правовые знания и представления, а также отношение к праву, закону, суду и справедливости, характерные для того или общества в определенные конкретно-исторические периоды. Одним из источников изучения правосознания и менталитета в целом является фольклор.

Важной особенностью фольклора (а в данной статье будут использованы такие его жанры как пословицы, поговорки и анекдоты) является то, что он всегда был мало подконтролен власти, зачастую оппозиционен ей, отображал действительность в том виде, какой она представлялась простому населению, а не государственным идеологам. Названные источники в «чистом», нескорректированном виде отражают особенности правосознания и ментальности слоев населения, среди которых возникли и функционировали. Опираясь, в первую очередь, на исторические анекдоты, мы в данной статье попытаемся проанализировать, какова была динамика категорий «право», «закон» и «справедливость» в российском менталитете в XVIII – первой половине XX вв. Пословицы, поговорки и анекдоты не обладают серьезной фактографической ценностью, однако в них содержится информация аксиологического характера, позволяющая установить отношение общества в целом и отдельных его социальных слоев к различным сферам и явлениям социального бытия, в том числе к власти и правосудию.

В середине XIX века имели место изменения не только в менталитете населения, связанные с «Великими реформами» Александра II, но и в источниковом комплексе, их отражающем. Если с глубокой древности до середины XIX века в плане выявления отношения населения к судебной власти доминировали пословицы и поговорки, то после 1864 года ведущая роль принадлежит анекдоту. Отметим, что поговорки и пословицы как фольклорные жанры не исчезли после 1864 года, а успешно продолжают развиваться и в наше время, однако их информативность в интересующем нас аспекте практически равна нулю, так как пословицы и поговорки, где фигурируют суды и судьи, были созданы в дореформенный период.

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород).

Что касается анекдота, то впервые он появился в России в начале XVIII века, но до середины XIX века, когда возникает анекдот в его современном понимании (как короткий смешной рассказ с остроумной концовкой) собственно юридических анекдотов практически не было. Анекдоты юридической тематики существовали и до 1864 года. При этом они были, скорее, явлением историографии, нежели фольклора, представляя собой описание различных реальных или вымышленных эпизодов из жизни известных исторических персонажей: императоров, их окружения, высокопоставленных чиновников, писателей, художников и других знаменитых людей.

Приведём наиболее характерные пословицы и поговорки, отражающие отношение к суду и судьям:

В суд ногой – в карман рукой.

Перед богом ставь свечку, а перед судьей – мешок!

С кого судья взял, тот и прав стал.

Когда судью подаришь, то всех победишь.

Дари судью, так не посадят в тюрьму.

Дарами и праведного судью к неправде приведешь.

Мздой, что уздой, обратишь судью в твою волю.

Перед судом все равны: все без окупа виноваты.

Судьи за деньги страх Божий забыли – стараются, чтобы виноватые правы были.

Утинога зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь.

Скорее дело вершишь, коли судью подаришь.

С сильным не борись, с богатым не тяжись.

В суде убогий с богатым, хоть и прав, бывает виноватым.

Суд, что паутина: шмель проскочит, а муха вязнет.¹

Анализ юридических поговорок и пословиц приводит к выводу, что судебная система России не только не являлась средством установления справедливости в обществе, механизмом, регулирующим на основе закона отношения между различными социальными слоями, но, напротив, вела к усугублению конфликта между различными субъектами общественных отношений. Все судьи представляются взяточниками, готовыми за мзду вынести любой приговор. В споре богатого и бедного, знатного и простолюдина у бедного и простого человека нет никаких шансов на справедливое разрешение дела.

Таким образом, из приведённых поговорок и пословиц со всей очевидностью вытекает негативное отношение к судьям и суду как организации в целом. Полагаем, что это обуславливалось сложностью дореформенной судебной системы, её сословным характером, господствовавшим инквизиционным процессом и теорией формальных доказательств, формализмом и канцелярской тайной, волокитой, отсутствием гласности и публичности, ограниченностью доступа населения к правосудию и, как следствием всего этого, царящими в российских судах взяточничеством и произволом.

---

¹ *Иллюстров И.А.* Юридические пословицы и поговорки русского народа. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1885. С. 25-26.

Непривилегированное население стремилось, как можно меньше контактировать с представителями судебной корпорации. По этой причине на уровне фольклора судебная тематика практически не нашла отражения в таком жанре как анекдот – при боязни идти в суд, при получении в этом государственном учреждении только отрицательных эмоций, при отсутствии публичности и гласности не было и речи о широком распространении среди населения каких-либо смешных, забавных историй на эту тему.

Тем не менее, в дореформенных анекдотах также отразились некоторые черты российской ментальности XVIII – первой половины XIX вв. Приведённые ниже анекдоты (первые 13 историй) достаточно ярко отражают такую специфическую черту российского менталитета, как вера «в доброго царя», восприятие монарха, как носителя высшей справедливости и последней инстанции в разрешении споров и конфликтов.

№ 1¹

Стольник Желябужский впал в такое преступление, которое, по справедливости, заслужило публичное наказание и ссылку, к чему воинским судом он был приговорен, и приговор тот утвержден государем [Петром I]. Сын его, человек молодой и видный, узнавший о таком приговоре, при выходе государя из дворца пал к стопам его и со слезами возопил:

– Государь, надежда наша! Не дерзаю умолять тебя, меньше же негодовать на приговор, учиненный судом отцу моему, – зная, что оный правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости своей, наказания твоего перенести не может, а я, по молодости и крепости своей, удобно снесу и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа, малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестья всего нашего рода.

Государь, чувствительно тронутый таковою сыновней нежностью, поднял его и, поцеловав, сказал:

– За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалуя чином и местом его, надеюсь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой.

В анекдоте № 1 засвидетельствован факт обращения напрямую к императору как последней судебной инстанции. Причём обращение здесь идет не просто как к высшему лицу государства, а как к «доброму царю». Любопытно, что сын просит не освободить отца от наказания, а предлагает себя взамен него. И Пётр I ведёт себя в данной ситуации вовсе не в соответствии с требованиями закона, а отвечая ожиданиям просителя и окружающих от него «милостивого» справедливого поступка. Совершенно не важно, имел ли на самом деле место факт, послуживший фабулой анекдота, однако он весьма показателен в плане выявления особенностей ментальности населения России, в среде которого ходили истории подобного рода.

---

¹ Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей: с портретами и краткими биографиями. – М: АНС-Принт, 1991. С. 18.

Следует отметить, что нет ничего удивительного в том, что можно было напрямую обратиться к монарху со своей просьбой. С одной стороны, здесь проявляются пережитки, чуть ли, не времен военной демократии, с другой – в России проводилась целенаправленная политика, целью которой было приближение власти к народу; сохранялась традиция непосредственного участия монарха в решении не только общегосударственных вопросов, но и проблем индивидуального характера. Наконец, в России исторически сложилось недоверие к суду. Подтверждением этому служит приведенный ранее пласт народных пословиц и поговорок. Как мы уже говорили ранее, судя по пословицам и поговоркам, у простого человека не было в суде шансов выиграть дело, поэтому нет ничего удивительного, что для справедливого суда нужно обращаться только к самому царю-батюшке.

Естественно, непосредственно обратиться к императору или императрице было не так просто по многим причинам. В том числе, и законодательного характера. Так, в 1699 году вышел указ Петра I, разрешавший подачу челобитных напрямую царю, только если спорное дело уже было рассмотрено судом и его решение не удовлетворило челобитчика.¹ В следующем, 1700 году, появился указ, подтверждающий указ 1699 г., и запрещающий обращаться непосредственно к царю, минуя местные органы.² Несмотря на эти законодательные ограничения, жалобы лично в руки монарху подавались и в более позднее времена.

Анализируя анекдот № 1, мы обратили внимание, что от наказания был освобождён действительно виновный человек, приговоренный судом. Подобная ситуация вырисовывается и при знакомстве с анекдотом № 2.

№ 2³

В каком-то губернском городе император [Николай I] посетил острог. Опробовав арестантов, довольны ли они содержанием и не терпят ли обид, государь полюбозыбливался знать о причинах их заключения.

– Ты за что содержишься? – спросил он одного.

– Безвинно, Ваше царское величество, – завопил арестант, ваяясь на колена, – по наговору. Значит, церкву разграбили, да и пономаря пристукнули... Я-то знать не знаю, и ведать не ведаю, а мужики и хватились за меня...

– Ты за что? – спросил государь второго.

– Тоже по наговору, Ваше императорское величество. Коробочника подле деревни зарезали и ограбили, а я и сном-духом не виноват.

– Ты? – обратился государь к третьему.

– По злобе, Ваше величество. Сосед целую пачку фальшивых ассигнаций мне подбросил, а на чердак занёс какие-то печатные камни ... А я, как есть – чист.

В том же роде последовали ответы остальных арестантов: все, оказалось, сидели невинно. Только один на вопрос: «Ты, удалая головушка, конечно, тоже по наговору?» – отвечал:

– Никак нет, Ваше императорское величество, я сижу поделом: у купца ло-

¹ Полное собрание законов Российской империи.

Соб. 1-е. № 1707.

² Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. № 1748.

³ Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / Сост. под ред. М. Шевлякова. – СПб.: Дубинский, 1898. С. 139-140.

шадку украл.

– Лошадку украл? – переспросил государь с улыбкою.

И обратившись к губернатору, сказал:

– Сию же минуту выпустить этого негодяя на все четыре стороны. Здесь все честные люди сидят, и между ними одному негодяю нет места, а то он всех развратит!

На сей раз уже Николай I освобождает виновного в совершении преступления. Здесь хотя заключённый и не просит освободить его, более того, признается в краже, император вновь выступает в качестве некоего царя-батюшки, снисходительно к своим детям–подданным. История эта, с одной стороны, поучительна (не лги, говори правду и будешь вознагражден!), с другой – произвела, судя по всему, сильное впечатление на окружающих, стала элементом фольклора и способствовала формированию положительного, как бы сейчас сказали, имиджа монарха в глазах населения. Кроме того, в российском менталитете понятия «закон» и «справедливость» далеко не всегда совпадали. И показательным является то, что, выходя за рамки закона, правитель государства представлялся народу более справедливым.

Вообще, все слои населения ждали от монарха милостей. И эти «милости» периодически раздавались. В одних случаях они носили спонтанный персонифицированный характер (анекдоты № 1 и 2), в других – «приурочивались» к какому-либо важному событию (анекдоты № 3 и 4).

№ 3¹

При восшествии императора Александра [I] на престол все лица, заключенные в предшествовавшее царствование в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, надписал над дверями: «Свободен от постоя». Об этом донесли государю. Он улыбнулся и заметил, что следовало бы прибавить к надписи слово: «навсегда».

Показательно, что, массово амнистируя заключённых Петропавловской крепости, Александр I не даёт им абсолютной индульгенции. Хотя он и говорит с улыбкой, что «следовало бы прибавить к надписи слово: “навсегда”», тем не менее, царь вполне серьёзен. И слушателям анекдота это понятно. Весь справедливый правитель должен быть не только добрым, но строгим.

№ 4²

Известно, что день бракосочетания Великого князя Александра Павловича, именно 3-го декабря 1793 года, ознаменован был многими монаршими милостями, в том числе и наградами чиновников по различным ведомствам. Между последними судьё киевского совестного суда, коллежскому советнику Полетике был пожалован орден св. Владимира, но в рескрипте ему о том, вместо «коллежский», он поименован «статским советником». Получив этот рескрипт, Полетика представил его в губернское правление и требовал объявить ему по установленному порядку сей чин. Не имея указа от Сената о пожаловании Полетики в статские советники, губернское правление затруднялось в исполнении его требования и во-

---

¹ Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей: с портретами и краткими биографиями. С. 51.

² Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. А.А. Хана, 1880. С. 17-18.

шло с представлением в Сенат, испрашивая на это разрешения. Когда, наконец, обстоятельство это через генерал-прокурора представлено было на рассмотрение императрицы, с означением именно того, что Полетика наименован в рескрипте статским советником по ошибке, Государыня [Екатерина II] сказала:

– Государя не ошибаются, и ошибки их должны приниматься за истину.

В данном анекдоте зафиксировался один из курьезных случаев, связанных с достаточно часто имевшими место ошибками в делопроизводстве. Однако здесь интересен другой момент: Екатерина II заявляет, что государя не могут ошибаться.

Стоит ли расценивать высказывание императрицы как ее жизненное кредо? Анекдот № 5 свидетельствует – нет!

№ 5¹

Екатерина [II] подарила одной из придворных дам, госпоже Верр, десять тысяч рублей на покупку дома. Покупая дом, Верр совершила купчую крепость на общее имя с своим мужем. Когда последний умер, наследники его отыскали себе (за выделом указанной части) половину дома, и Сенат утвердил их право. Императрица, основываясь на том, что деньги были подарены жене, нашла это решение несправедливым и поручила генерал-рекетмейстеру Маслову рассмотреть дело.

Через несколько времени Маслов доложил государыне, что сенатское постановление правильно и сообразно с уставами.

– Так уставы те глупы и смешны, – сказала она.

– Ваше Величество имеет власть их переменить, – возразил Маслов, – но до сих пор никто иначе не должен поступать.

– Напишите указ, чтобы весь дом принадлежал вдове, – отвечала императрица, – я этого хочу!

– Но, государыня, этим нарушится правосудие и право собственности, – заметил Маслов.

– Прошу не рассуждать! – крикнула императрица с гневом.

Маслов замолчал, собрал бумаги, поклонился и ушёл.

На другой день, явсь с докладом, Маслов подал императрице две бумаги, сказав:

– Вот, Ваше Величество, два указа по делу Верр, один согласный с вашей волей, а другой – с законами.

Екатерина молча взяла бумаги и положила их в стол; затем, выслушав и решив остальные доклады Маслова, ласково и милостиво поговорила с ним и отпустила домой.

В тот же вечер Сенат получил подписанным тот указ, который соответствовал представлению Маслова, а, следовательно, и справедливости.

В анекдоте № 5 мы видим некоторые метания Екатерины II – она осознаёт, что стоит выше закона, но, в то же время, хотя и после долгих раздумий, не идёт на его нарушение или изменение. Кстати, если в анекдотах № 1 и 2 нарушение закона монархом являлось, в какой-то мере, проявлением его справедливости, то в анекдоте № 5, напротив, именно следование закону, и есть воплощение справедливости.

Позиция, что законы выше царей очень чётко и абсолютно однозначно прослеживается в анекдоте № 6.

¹ Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 12-13.

№ 6¹

В бытность императора Александра I в Перми в сентябре 1824 года к нему подошла какая-то помещица, сосланная сюда за жестокое обращение со своими крепостными. Она о чем-то просила государя.

– Государь! Вы все можете сделать.

– Не могу – законы не позволяют.

– Закон во власти царей.

– Нет, сударыня, законы выше царей, – возразил монарх.

Монарх может отступить от закона, если речь идет о «милостях», но не может нарушить закон, если в результате этого пострадают другие люди.

Самой серьезной категорией преступлений в дореволюционной России являлись преступления государственные. В их число входили и дела об оскорблении Императорского Величества. За их совершение по закону полагались каторжные работы. Судя по дошедшим до нас анекдотам, результат рассмотрения такого рода дел разными российскими правителями был одним – виновные оставались безнаказанными (анекдоты № 7, 8, 9). Конечно, в реальности все обстояло далеко не так. Однако в народном сознании монарх оказывался выше оскорблений, нанесенных ему «неразумными» подданными.

№ 7²

Рылеев, тогдашний с-петербургский обер-полицеймейстер, по окончании своего доклада о делах доносил императрице [Екатерине II], что он перехватил бумагу, в которой один молодой человек поносил имя Её Величества.

– Подайте мне бумагу, – говорит она.

– Не могу, государыня, в ней такие выражения, которые и меня приводят в краску.

– Подайте, говорю я, – чего не может читать женщина, должна читать императрица.

Развернула, читает бумагу; румянец выступает на её лице, она ходит по зале, и гнев её постепенно разгорается.

– Меня ли, ничтожный, дерзает так оскорблять? Разве он не знает, что его ждет, если я предам его власти законов?

Она продолжает ходить и говорить подобным образом, наконец, утихла. Рылеев осмелился прервать молчание.

– Какое будет решение Вашего Величества?

– Вот мое решение! – сказала она, и бросила бумаги в огонь.

№ 8³

Однажды министр юстиции И.И. Дмитриев, явясь с докладом к императору Александру [I], представил ему дело об оскорблении величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

– Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю.

¹ Антология юридического анекдота / Сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.В. Гриб, В.И. Каныгин. 3-е изд, перераб и доп. – М.–Н. Новгород, 2007. С. 55.

² Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 13-14.

³ Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 76-77.

Простить, и кончено. Что же над ними терять время.

– Государь, – отвечал Дмитриев, – в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозвоьте хоть их доложить отдельно.

Александр, помолчав и подумав немного, возразил:

– Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случиться, что я как император все-таки прощу, но как человек буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при таких делах впредь не говори мне никогда и имени оскорбителя, а говори просто: «Дело об оскорблении величества», потому что я, хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо.

№ 9¹

Однажды императору [Николаю I] доложили, что в каком-то городе, в питейном доме, сапожник Яков Пахомов, будучи пьяным, чуть ли не до беспамятства, совершил тяжелое преступление, плюнув на портрет государя, причём разразился страшной бранью по адресу Его Величества.

За такое оскорбление величества по закону полагалось очень суровое наказание, но о каждом подобном случае, ещё со времени Петра Великого доводилось до сведения государя.

В докладе было помянуто, что преступник арестован и содержится в секретной канцелярии с кандалами на руках и ногах.

Николай написал следующее решение: «Освободить его немедленно и сказать ему, что, как он плюет на мой портрет, так я плюю на пьяницу Яшку Пахомова, да советую ему поменьше пьянствовать, потому что сделай он это же с портретом своего станowego или городничего, ему это так дешево не обошлось бы».

И Екатерина II, и Александр I, и Николай I оставляют виновных в их оскорблении безнаказанными. Реакция у них разная: Екатерина бросает документ в огонь, Николай показывает свое пренебрежение к оскорбившему его сапожнику, Александр аргументирует свое решение тем, что как человеку ему обидны оскорбления, но как император он должен их простить, поэтому и не хочет знать ничего о подобного рода делах. И все же не только из-за снисхождения к преступникам и раздачи «милостей» в народном сознании сформировался образ монарха как носителя высшей справедливости. В первую очередь, это произошло из-за того, что, порой, правитель сам рассматривал челобитные от населения и сложные дела и, разобравшись, выносил по ним правильные решения.

№ 10²

В один из торжественных дней, в которые Екатерина [II] всенародно приносила в Казанском соборе моление и благодарение Богу, небогатая дворянка, упавши на колени перед образом Божьей Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в

¹ Антология юридического анекдота. С. 38.

² Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 22-23.

совершенную бедность. «Владычица, – говорит она в своей жалобе, – просвети и вразуми благородную нашу Монархиню, да судить суд правый». Екатерина приказывает просительнице через три дня явиться к ней во дворец. Между тем требует из Сената её дело и прочитывает его с великим вниманием.

Прошли три дня. Дама, принеся жалобу, Царице небесной на царицу земную, является; её вводят в кабинет; с трепетом приближается она к императрице.

– Вы правы, – говорит Екатерина, – я виновата, простите меня; один Бог совершенен; и я ведь человек, но я поправлю мою ошибку. Имение ваше вам возвращается, а это (вручая ей драгоценный подарок) примите от меня и не помните огорчений вам нанесенных.

Просительница в данном случае не отваживается на прямую подачу жалобы самой императрицы, однако своеобразной хитростью привлекает её внимание. В результате жалоба не только удовлетворена, но Екатерина II извиняется перед женщиной и дарит ей подарок.

Извиняется Екатерина за несправедливый суд и в анекдоте № 11.

№ 11¹

Сибирский генерал-губернатор Якоби был невинно оклеветан. В конечном итоге дело рассматривал Сенат, и был произнесен обвинительный приговор.

Но по тогдашнему порядку предварительно представлялась императрице [Екатерине II] докладная записка, то есть краткое изложение всего дела. Державин, один из статс-секретарей того времени, представляет императрице выписку из дела на 300 листах; она просит сократить её; представляет её на 30 листах; она просит ещё сократить. Врученную ей на 3-х листах прочла и сказала:

– Нет, все что-то не ясно, истина запутана. Привезите мне все дело.

Дело привезено и поставлено во дворец в одной из внутренних комнат императрицы и задернуто занавескою. Когда Государыня спросила:

– Да где же дело Якоби?

Державин одернул занавеску, и кипы бумаг, наложенные одна на другую, в три ряда с полу до потолка, открылись. Государыня, окинув их глазами, сказала:

– Этим не испугаешь меня!

Она назначила один час каждый день на чтение этого дела. Одному только Державину доверила она делать выписки из некоторых бумаг. Так, говорят, прошел целый год.

Наконец, Якоби потребовали во дворец; его вводят в кабинет императрицы.

– Я рассмотрела ваше дело, – говорит она, – и за счастье почитаю вам сказать: вы невиновны.

Слезы брызнули из глаз Якоби.

– В вознаграждении за долгое ваше страдание справедливым почитаю возложить на вас орден (на золотом блюде лежал орден Св. Владимира).

Якоби, рыдая, упал на колени:

– Правосуднейшая монархиня! Вы возвращаете мне честь мою и невинность: другой награды мне ненадобно.

¹ Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 20-22.

– *Встань, Якоби, не тебе стоять на коленях, твои судьи должны бы перед всей Россией просить у тебя прощения.*

Екатерина II заставила себя заняться сложным и запутанным делом, потратила много времени. В результате пришла к выводу, что Якоби невиновен и нашла в себе силы извиниться за судей, а также наградила орденом. Кстати, последнее вряд ли можно считать справедливым, ведь ордена должны даваться за заслуги, а не пострадавшим за судебные ошибки.

Не найдя справедливости в других инстанциях даже простые солдаты отважились обратиться к самой императрице (анекдот № 12).

№ 12¹

Заслуженный солдат, нашедший удобный случай, когда императрица [Екатерина II], выходила из кареты, стал перед нею на колени с бумагой в руке.

Бумага принята и прочитана. Это была тайная жалоба целого полка, стоящего в Малороссии, на полкового командира, кн. Г., что он не выдает жалования, от чего солдаты терпят крайнюю нужду, что они выбрали единодушно лучшего из своих товарищей, унтер-офицера, чтобы он довёл их горе до Матушки их правосудной Государыни.

Императрица приказала графу Захару Григорьевичу Чернышеву тайно разведать, точно ли жалоба справедлива, и хорошо содержать присланного.

Чернышев поместил его в своем доме и производил розыски. Между тем родные кн. Г., узнав о его беде, всячески умоляли гр. Чернышева спасти его. Дело тянулось долго, и, наконец, казалось как бы забытым. Через несколько месяцев гр. Чернышев, чтобы солдат, живший в его доме, не напоминал о деле и не попался бы когда-нибудь на глаза императрице, отправил его на службу в один из сибирских полков, да и сам перестал думать и забыл об этом деле.

Но не забыла Екатерина.

– *Что же, граф, – спросила она однажды Чернышева, – собраны ли сведения по жалобе полка?*

– *Нет, Ваше Величество, ещё не получено полных и верных.*

– *А присланный от полка?*

– *Живёт, Государыня, у меня в доме во всем довольстве. Ему идёт и вино, и пиво; обед посылаю ему с моего стола.*

– *Захар! – грозно сказала императрица, – ты лжешь! Ты обманываешь меня! Я знаю все. Слушай же, Захар, начальника полка сменить и предать суду, присланного немедленно возвратить в Петербург.*

Полку было возвращено всё законное; присланный унтер-офицер был пожалован в офицеры и возвратился в свой полк, благословляя имя Государыни.

Снова, благодаря внимательности и настойчивости монархини, справедливость восторжествовала. Несмотря на противодействие придворных, командир полка был наказан, а солдаты получили жалование.

Следующий анекдот (анекдот № 13) в своем роде уникален. Дело в том, что главным действующим лицом в нём является Павел I. Традиционно в историографии к персоне этого императора отношение, скорее, негативное, отмечается,

¹ Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 15-17.

что его мало кто любил в России. Однако нижеприведенный анекдот несколько по-иному позволяет взглянуть на образ Павла I в российском общественном сознании.

№ 13¹

Петербургский генерал-губернатор Архаров несколько лет был должен одному купцу двенадцать тысяч рублей. Все старания купца получить долго остались тщетными. Архаров кормил его сперва завтраками, потом стал выталкивать в шею и, наконец, избил жестоким образом. Несмотря на то, что Архаров пользовался особенным расположением императора Павла, купец решился жаловаться на него государю и, выбрав время, когда император находился на разводе вместе с Архаровым, подал первому челобитную прямо в руки.

Павел взял челобитную, развернул её и, разумеется, с первых же строк увидел, что дело идёт о его любимце. Он тотчас подозвал Архарова и, подавая ему бумагу, ласково сказал:

– Что-то у меня глаза слипаются и словно запорошены, так что я прочитывать не могу. Пожалуйста, Николай Петрович, прими на себя труд и прочти мне эту бумагу.

Архаров принял бумагу и начал бойко читать её, но, увидев, что это жалоба на него самого, смутился, стал запинаться и читал так тихо, что едва было слышно.

– Читай, читай громче, – заметил Государь, – я сегодня и слышу как-то нехорошо.

Архаров возвысил голос, однако не более как так, чтобы слышал один Государь.

Но Павел этим не удовлетворился. Он велел читать так громко и с такими расстановками, чтобы окружающие могли ясно все слышать.

Делать было нечего. Архаров с замирающим сердцем прочитал челобитную внятно и во весь голос.

– Что это? – спросил император по окончании чтения, – это не тебя, Николай Петрович?

– Так точно, Ваше Величество, – отвечал смущенный Архаров.

– Да неужели это правда?

– Виноват, Государь.

– Но неужели и то все правда, что этого купца за его же добро, вместо благодарности, не только взашей вытолкали, но даже и били?

– Что делать! – сказал Архаров, покрасневший до ушей, – должен и в том признаться, Государь, что виноват! Обстоятельства мои меня к тому принудили. Однако я в угодность Вашему Величеству сегодня же его удовольствую и денег ему заплачу.

Такое чистосердечное признание смягчило Государя, и он ограничился тем, что, обратившись к купцу, сказал ему:

– Ну, хорошо! Когда так, то вот слышишь, мой друг, что деньги тебе сегодня же заплатятся. Поди себе. Однако, когда получишь, то не оставь придти ко мне и сказать, чтобы я знал, что сие исполнено.

---

¹ Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 58-60.

Таким образом, Архаров был лишен всякой возможности отделаться от своего долга.

Итак, мы видим, что Павел не просто справедливо решает дело в пользу обиженного своим любимцем Архаровым купца, но и предпринимает реальные меры, чтобы деньги действительно были возвращены. При этом император проявляет сообразительность и остроумие, ставя Архарова в воспитательных целях в неловкое положение. Таким образом, и Павел I, наряду с другими российскими правителями воспринимался населением в качестве носителя высшей справедливости, «доброе царя».

Перейдём к реконструкции других особенностей российского правосознания XVIII – первой половины XIX вв.

Когда знаменитого российского историка и литератора Н.М. Карамзина спросили: «Как Вы можете охарактеризовать положение дел в России?», он ответил одно единственное слово: «Воруют». Воровство, в том числе и в государственных масштабах, конечно, не является «привилегией» россиян, однако в нашей стране исторически сложилось весьма специфическое отношение к этому преступному деянию. Кража уже в течение многих веков стала обыденным явлением, своеобразным элементом повседневной жизни. Именно в этом отношении и состоит одно из отличий российского менталитета от менталитета населения других стран. Попробуем на основе изучения дореволюционного анекдота выявить отношение российских правителей (а также рассказчиков и слушателей анекдотов) XVIII – первой половины XIX вв. к такому явлению жизни, как воровство.

№ 14¹

Государь [Петр I], заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому: «Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет». Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но несколько поудержавшись, отвечал монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ?» – «Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал». Ягужинский всё ещё не писал и, наконец, с улыбкой сказал монарху: «Всемилоостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал.

Анекдот № 14 свидетельствует, что в эпоху Петровских преобразований воровство не только имело место, но с ним пытались активно бороться, в том числе и на высшем государственном уровне. Пётр I лично «слушал» дела такого рода в Сенате, и они вызывали у него справедливое негодование. Импульсивный правитель тут же требует ввести жёсткие меры по отношению к вора (вешать всех, кто украдет на сумму больше стоимости веревки). Однако более реалистично мы-

¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. – СПб., 1847. Ч. 3. С. 568.

слящий генерал-прокурор П.И. Ягужинский в шуточной форме переубеждает царя, говоря: «Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и поданных? Все мы воруют, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». А ведь, по сути, из уст высокого сановника прозвучало, конечно, не собственное признание в кражах, но констатация факта массового воровства среди чиновничества.

И каков же, в итоге, получился результат праведного порыва правителя? Никакой! Пётр I принял аргументы генерал-прокурора, рассмеялся, замолчал и больше не ставил вопрос подобным образом, борясь в дальнейшем с отдельными преступниками, но не системой в целом.

В период правления Екатерины II воровство имело место даже в царском дворце. Причём воровали и придворные, и прислуга. Императрица об этом знала, но ничего не могла сделать.

№ 15¹

Гуляя по саду, императрица [Екатерина II] заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встречаться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим:

– Хоть бы блюда мне оставили!

№ 16²

Екатерина [II] знала, что низшие чины и вся придворная прислуга пользовались непозволительно поживою, особенно в съестном и напитках. Она даже нередко видала своими глазами, во время утренних прогулок, как служители её тащили из дворца огромные подносы, нагруженные всякой всячиной, и однажды сказала М.С. Перекусихиной:

– Хоть бы фарфор мой сберегли!

А в другой раз, столкнувшись, так сказать, с этими подносами, сказала несшим их:

– Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!

– Спит ещё, матушка-государыня! – был их ответ.

Анекдоты № 15 и 16 основываются на одних и тех же, по-видимому, многочисленных, фактах. Для нас представляет интерес реакция Екатерины. Императрица не пылает гневом, не пытается наказать виновных, хотя факт воровства ей очень неприятен (не зря она сворачивает в сторону, не желая встречаться с этими людьми!). Возможно, над ней довлел сформировавшийся образ доброй Матушки-императрицы (кроме того, как-никак, она – женщина), но, скорее всего, её мягкость и спокойное, с юмором, отношение к происходящему обуславливались бессилием что-либо изменить.

---

¹ Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. – СПб. Эйнерлинг, 1846. Ч. 2. С. 20.

² Исторические анекдоты из жизни русских государей. С. 41-42.

№ 17¹

Смотря в окно из Эрмитажа, Екатерина [II] заметила, что из кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на телегу съестные припасы, надеясь, что в такое время шалость сойдёт им с рук. У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные.

Екатерина тотчас послала сказать: «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет».

Такой урок стоит наказания.

В анекдоте № 17, также как и в анекдоте № 16, мы вновь сталкиваемся с констатацией своеобразной заботы Екатерины о подданных («Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!», «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет»). Такое отношение можно рассматривать не только как попустительство, но и как потакание воровству. Екатерина рассматривала воровство из своего дворца как «шалость», а воришек – как «шалунов». Очень показательны в данном анекдоте отношение его рассказчиков к реакции императрицы на происходящее: «У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные». Другими словами, Екатерина должна была укладываться и укладывалась в эту концепцию восприятия её подданными.

Сюжет со «злым» обер-гофмаршалом и «доброй» императрицей вновь повторяется в анекдотах № 18 и 19.

№ 18²

Однажды в Царском селе императрица [Екатерина II], проснувшись ранее обыкновенного, вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом, и увидела у подъезда нескольких придворных служителей, которые поспешно нагружали телегу казенными съестными припасами. Екатерина долго смотрела на эту работу, не замечаемая служителями, наконец, крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошёл к ней. Воры оторопели и не знали, что делать. Императрица повторила зов, и тогда один из служителей явился к ней в величайшем смущении и страхе.

– Что вы делаете? – спросила Екатерина. – Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

– Виноваты, Ваше Величество, – отвечал служитель, падая перед ней в ноги.

– Чтобы это было в последний раз, – сказала Императрица, – а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам жестоко достанется от него.

Стоит отметить, что не во всех случаях Екатерина игнорировала происходящие кражи. Так, в приведённом выше анекдоте она не выдерживает и требует ответа от воров. Однако, несмотря на «Чтобы это было в последний раз!», преступники уходят безнаказанными, более того, – с воспоминанием о доброй правительнице и осознанием, что воровать можно и дальше.

Подобное ощущение складывается и при прочтении анекдота № 19.

---

¹ Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. – М., 1829. С. 25.

² Подлинные анекдоты Екатерины Великой. – М., 1806. С. 14.

№ 19¹

На звон колокольчика Екатерины [II] никто не явился из её прислуги. Она идёт из кабинета в уборную и далее, и, наконец, в одной из задних комнат видит, что истопник усердно увязывает толстый узел. Увидев императрицу, он оробел и упал на колени.

– Что такое? – спросила она.

– Простите меня, Ваше Величество.

– Да что же такое ты сделал?

– Да вот, матушка-государыня, чемодан-то набил всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожные, несколько бутылок пивца и несколько фунтиков конфет для моих ребятшек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.

– Да где ж ты хочешь выйти?

– Да вот здесь, по этой лестнице.

– Нет, здесь не ходи, тут встретит тебя обер-гофмаршал [Григорий Николаевич Орлов], и я боюсь, что детям твоим ничего не достанется. Возьми-ка свой узел и иди за мною.

Она вывела его через залы на другую лестницу, и сама отворила дверь:

– Ну, теперь с Богом!

В приведённом выше анекдоте в очередной раз встречается сюжет о «злом» обер-гофмаршале (на сей раз уже не Торсукове, а Орлове) и «доброй» Екатерине. Кстати, ни в одной из историй гофмаршал не является действующим лицом, он лишь упоминается в качестве своеобразного пугала. Обратим внимание, что в это раз Екатерина заходит ещё дальше, чем во всех предыдущих историях: она не игнорирует воришку, не делает ему назиданий, а содействует преступнику, выводя его из дворца безопасным для него путём.

Следует отметить, что не во всех случаях Екатерина так спокойно относилась к воровству. В анекдоте № 20 мы встречаемся с несколько иной её реакцией.

№ 20²

Однажды императрица [Екатерина II], пробегая представленные ей отчеты дворских расходов, увидела в них, между прочим, что пудры для её головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась, и вот что сделала: на другой день по окончании туалета, вышла в приемную залу молча и поддерживая свою голову рукою – придворные дамы, ожидавшие её в этой зале, встревожились, и, полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтобы она постаралась как-нибудь развеселить её. Эта, после разных умных и веселых приветствий, обласканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить своё сетование о нездоровье повелительницы всей России.

– Нет, моя милая, – сказала, наконец, императрица, – я, слава Богу, здорова, но, посуди, каково мне: ведь целый пуд пудры мне посыпали на голову.

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в придворных

¹ Черты из жизни Екатерины II / Собр. М.Е. Лобановым // Древняя и новая Россия. – 1879. Т. 1. С. 69.

² Черты из жизни Екатерины II. С. 42-43.

отчётах.

Итак, Екатерина в данном случае не стала терпеть кражу. Возможно, здесь имел значение предмет воровства – пудра, которая являлась важным элементом «наведения женской красоты» в то время. И здесь сыграли роль гендерные аспекты – женщина-императрица не стала мириться с посягательством на свою косметику. В данном случае «урок» Екатерины привёл к положительному результату – воровство пудры подобным способом прекратилось, но виновные опять-таки не были наказаны, и порочная система не была сломана.

Из анекдотов о Екатерине II трудно сделать вывод, переживала ли императрица из-за массового воровства, имевшего место в России в целом и в её дворце в частности (как мы видели ранее, у Петра I реакция на воровство была резко негативная). Однако правнука Екатерины – Николая I проблема воровства в России волновала.

№ 21¹

Во время восточной [Крымской] войны возмущенный повсюду обнаруживавшимся хищением, государь [Николай I], в разговоре с наследником [будущим Александром II] выразился так:

– Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворует.

Как видно из анекдота № 21, Николай I волнует ситуация в стране, он искренне переживает за происходящее, но при этом ничего не может сделать и не пытается предпринять какие-то практические шаги в этом направлении. Те же боль и бессилие звучат в словах Николая I, обращенные к немецкому художнику Ф. Крюгеру (анекдот № 22).

№ 22²

Берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет Николай I велел подарить золотые часы, усыпанные бриллиантами.

Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру золотые часы, на которых не было ни одного бриллианта.

Вскоре каким-то образом Николай узнал о самоchinстве своих сановников.

При встрече император сказал художнику:

— Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь.

В этом анекдоте, также как и в анекдоте № 21, император высказывает мысль, что в России воруют практически все, за исключением его самого да ещё немногих людей. И сделать при этом ничего невозможно – всех не пересажаешь. Получается, что бороться с воровством, значит, бороться с собственным народом. А с народом (и это Николай I прекрасно понимает) бороться невозможно.

Подводя итоги данной статьи, акцентируем внимание на следующих моментах.

1. Судя по пословицам, поговоркам и анекдотам XVIII – первой половины XIX вв. в исследуемый период правосознание населения России имело монархический характер. При общем негативном отношении к суду, судебной власти, да и

¹ Бутковская А.Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. – 1884. Т. XVIII. С. 624.

² Исторические анекдоты из русской жизни. – М.: Захаров, 2004. С. 7.

государственной власти вообще, монарх воспринимался подданными в качестве высшей земной инстанции. Несмотря на личностные особенности различных российских правителей, проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику, народ видел в них оплот справедливости, последнюю надежду на то, что правда восторжествует.

2. В сознании населения «добрый царь» априори справедлив и милосерден. Даже когда осужденный действительно виновен, правитель может (и в некоторых случаях должен) быть к нему снисходительным.

3. Восприятие монарха как «отца» народа требовало от него терпимости к своим «детям». Это касалось и тех случаев, когда «неразумные» подданные нанесли оскорбление правителю. Император в общественном сознании воспринимался как человек, стоящий выше личных оскорблений.

4. Одной из особенностей российского правосознания изучаемого периода является то, что царь в народных представлениях, зафиксированных в анекдотах, стоит выше законов, он может их нарушить, но должен это делать только в том случае, если желает оказать «милость» своему подданному. В противном случае произвол недопустим.

5. Анекдот как исторический источник достаточно ярко отразил ещё одну специфическую черту российского правосознания (начиная от простых людей и заканчивая монархом) – отношение к воровству как к обыденному, практически нормальному явлению жизни. Российские императоры XVIII – первой половины XIX вв. знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали её как проявление особенностей национальной психологии своих подданных (а бороться с народом – невозможно и бессмысленно), ставшее, к сожалению, элементом повседневной жизни разных слоев общества.

6. В зависимости от половой принадлежности российские правители по-разному реагировали на воровство. Так, Екатерина II предпочитала выступать в качестве доброй матушки-императрицы, ограничиваясь в редких случаях беззлобным «Чтобы это было в последний раз!» и, предпринимая какие-то действия лишь тогда, когда речь заходила о «женских штучках». При этом не совсем ясно, волновала ли Екатерину II ситуация с массовым воровством в стране в целом. Напротив, Пётр I и Николай I прекрасно осознавали всю сложность проблемы, но ничего, также как и Екатерина II, не могли сделать. Такая «слабость» высшей власти осознавалась рассказчиками и слушателями анекдотов, однако ставилась ей, скорее, в заслугу, нежели характеризовала с негативной стороны.

Источники и использованная литература:

1. Антология юридического анекдота / Сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.В. Гриб, В.И. Каныгин. 3-е изд, перераб и доп. – М.–Н. Новгород, 2007.
2. *Бантши-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. – СПб., 1847. Ч. 3.
3. *Бутковская А.Я.* Рассказы бабушки // Исторический вестник. – 1884. Т. XVIII.
4. *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. – СПб.: Эйнерлинг, 1846. Ч. 2.
5. *Иллюстров И.А.* Юридические пословицы и поговорки русского народа. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1885.

6. Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / Сост. под ред. М. Шевлякова. – СПб.: Дубинский, 1898.
7. Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. А.А. Хана, 1880.
8. Исторические анекдоты из русской жизни. – М.: Захаров, 2004.
9. *Кривошлык М.Г.* Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей: с портретами и краткими биографиями. – М: АНС-Принт, 1991.
10. Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. – М., 1829.
11. Подлинные анекдоты Екатерины Великой. М., 1806.
12. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. № 1707.
13. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. № 1748.
14. Черты из жизни Екатерины II / Собрано М.Е. Лобановым // Древняя и новая Россия. – 1879. Т. 1.

Demichev A.A.

Right, law and justice in the Russian sense of justice in 18th – first half of 19th centuries

The article based on the study of folklore sources (proverbs and anecdotes) analyzes the dynamics of the representations of the Russian society of right, law and justice in 18th – first half of 19th century. The author concludes about Monarchical character of Russian sense of justice. The author also highlights a number of features of the Russian legal conscience of the studied period.

Keywords: right, law, justice, sense of justice, mentality, historical anecdote, folklore.

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА О ЛИЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: СЕРЕДИНА XVII в. – 1917 г.¹

В статье рассматривается эволюция российского законодательства с середины XVII в. по нынешнее время о праве завещания монашествующими их личного имущества. Особо обращено внимание на дискуссии об отмене права завещания монашествующих, имевшей место в различных церковных инстанциях в 1917 г.

Ключевые слова: законодательство, право завещания, Русская православная церковь, монастыри, монашество, епископат, Всероссийский съезд представителей от монастырей 1917 г., Предсоборный совет, Поместный собор 1917–1918 гг., Поместный собор 1988 г.

Вопрос об эволюции порядка наследования личного имущества монашествующих Русской православной церкви (РПЦ)² в трудах историков, правоведов и цивилистов практически не освещён. Отдельными специалистами он затрагивается лишь фрагментарно: в контексте общего рассмотрения статуса монашествующих в XVIII – начале XX вв. в области истории РПЦ³, церковного и гражданского права.⁴ Лишь В. Ивановский осветил этот вопрос в контексте рассмотрения развития российского законодательства о монашестве и монастырях с середины XVII по XIX вв.⁵ Автор настоящих строк, фактически продолжив исследование В. Иванов-

---

Бабкин Михаил Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (Москва).

¹ В более развёрнутом виде, с расширенной хронологией и под названием «Право завещания монашествующих Русской православной церкви: середина XVII в. – начало XXI в.» материал впервые опубликован: Государство и право. – 2014. № 9. С. 97–109.

² В законодательстве Российской империи и в других официальных как светских, так и церковных документах (вплоть до 1942 г.) использовалось название «Православная Российская Церковь». Однако зачастую употреблялись и названия «Российская Православная», «Всероссийская Православная», «Православная Кафолическая Грекороссийская», «Православная Греко-Российская» и «Русская Православная» церковь. По причине того, что 8 сентября 1943 г. решением Собора епископов титулатура патриарха московского была изменена (вместо «...и вся России» стала «...и вся Русси»), то и Православная церковь стала называться «Русской» (РПЦ). Соответственно, и в историографии установилось использование аббревиатуры «РПЦ», а не «ПРЦ».

³ *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». – М., 1999. С. 286–290, 307–308; *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М., 2002. С. 16–18.

⁴ Обзорение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. (Применительно к Уставу Духовных консисторий и Своду законов). С историческими примечаниями и приложениями / Сост. Я. Ивановский. – СПб., 1900; *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. – СПб., 1909. Т. 6. С. 16, 26, 35; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права Православной церкви. – Казань, 1913. С. 965–967; *Красножен М.Е.* Краткий курс церковного права. – Юрьев, 1913. С. 59–62; *Павлов А.С.* Курс церковного права. – СПб., 2002. С. 159–161; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. – М., 2003. Ч. 2. С. 284–285; *Цытин В.А., протоиерей.* Курс церковного права. – Клин, 2004. С. 246–247.

⁵ *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). – Харьков, 1905.

ского, на основании новых источников уточнил ряд тезисов своего предшественника¹, расширив также хронологию.

Одним из ключевых, неизменных положений норм российского права, которым до 1917 года определялся порядок наследования личного имущества монашествующих православного духовенства являлось то, что все без исключения монашествующие, включая архиереев², были лишены прав приобретения, владения и наследования недвижимости. Эта норма, впервые прозвучавшая в Соборном уложении 1649 г. (гл. XVII, ст. 42–44)³, на протяжении двух с половиной веков по различным поводам была неоднократно повторена в высочайших актах, решениях Сената и определениях высших органов церковного управления.⁴

Законодательство же, регламентирующее права монашествующих завещать своё личное *движимое* имущество, не оставалось неизменным. Первоначально оно было полностью ориентировано на церковную норму – на монашеский обет нестяжания, согласно которому принимающий постриг не должен, строго говоря, иметь никакой собственности. Так, в мае 1722 года император Пётр I подписал «Прибавление к Духовному регламенту. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского», в котором звучало (ст. 61): «По смерти архиереев, архимандритов и игуменов и прочего монашеского чина, собственного их имения родственником и свойственником ничего не давать; но таковые, вышних чинов присылать в Правительствующий Духовный Синод, а нижних чинов обирать в монастырскую казну».⁵ Данная норма, в которой было введено монашеско-имущественное «равноправие», в период 1736–1765 гг. была повторена в ряде высочайших актов и постановлений Кабинета министров.⁶

20 февраля 1766 года увидел свет указ императрицы Екатерины II – «О дозволении архиереям, игуменам и прочим монашествующим располагать при жизни своей имением в пользу сродников, свойственников и ближних своих». В нём говорилось: «...повелеваем: по смерти *архиереев, архимандритов, игуменов и прочих*

---

¹ Бабкин М.А. Регулирование имущественных прав православного монашествующего духовенства в «Своде законов Российской империи» (изд. 1876–1917 гг.) // Право и государство: теория и практика. – 2012. № 11 (95). С. 96–105.

² О монашестве епископов см.: Бабкин М.А. Особенности правового регулирования статуса епископа в Русской православной церкви (с 1917 г.) // Право и жизнь. – 2014. № 1 (187). С. 164–183.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб., 1830. Т. I. Ст. 1. С. 96–98 (далее – ПСЗ-1) (О законодательстве Российской империи см.: Дорская А.А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. – СПб., 2004; Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России. Историко-правовое исследование. – М., 2009.)

⁴ См., например: ПСЗ-1. 1830. Т. VII. Ст. 4450. С. 230, Т. XIV. Ст. 10237. С. 148, Т. XXIII. Ст. 17488. С. 916–917, Т. XXXI. Ст. 24246. С. 200, Т. XXXII. Ст. 25162. С. 373; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (далее – ПСЗ-2). 1832. Т. VI. Отд. 2-е. Ст. 4844 (§ 9). С. 98; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е (далее – ПСЗ-3). 1886. Т. III. Ст. 1495. С. 126–128.

Например, на Московском соборе 1667 г., проходившем с участием восточных патриархов, было сказано, что богатство пагубно для монашеского образа жизни. И соборным определением от 17 июня было запрещено монахам лично владеть недвижимыми имуществами. То же правило для монашествующих прозвучало и в определении церковного собора 1669 г. (ПСЗ-1. 1830. Т. I: 1649–1675 гг. Ст. 412 (гл. IV, ответ на вопрос 4). С. 703–704; Ст. 442. С. 801–802).

⁵ ПСЗ-1. 1830. Т. VI. Ст. 4022. С. 715.

⁶ ПСЗ-1. 1830. Т. X. Ст. 7287. С. 183, Ст. 7551. С. 452–453, Т. XVI. Ст. 11844. С. 276, Т. XVII. Ст. 12389. С. 128.

монашеских властей (курсив наш – М.Б.), никуда не отбирать оставшегося по ним имущества, какого бы оно звание не было, в деньгах, золоте, серебре или ином чём, кроме тех вещей, которые к ризницам их принадлежат, и которые они по набожности своей к Церкви святой, из собственного их имущества построили; но архиереи, архимандриты и игумены и прочие монашествующие власти¹ могут при жизни своей тем оставляемым по себе имением располагать так, как им принадлежащим по собственным своим завещаниям в пользу сродников, свойственников и ближних своих, или употреблять оное на богоугодные дела по их изобретению, не давая в том более никому отчёту»². Появление процитированного указа было обусловлено желанием императрицы сделать патерналистский подарок духовным властям: порядок наследования личного имущества тех был отделён от «общемонашеского» порядка, определённого в ст. 61 «Прибавления к Духовному регламенту». Тем самым Екатерина II *de jure* разделила монашествующих на две группы: одни получили право завещать своё личное имущество (кроме вещей ризницы), а другие – нет.

На рубеже 1856/1857 гг. на уровне Собственной Е.И.В. Канцелярии и Госсовета обсуждался вопрос о желательности отмены права монашествующих властей завещать своё личное имущество. Ведь то право противоречило монашескому обету нестяжания. В ходе прений было решено, что вернуться к прежней норме (фактически – к ст. 61 «Прибавления к Духовному регламенту») практически нереально, что «такое постановление было бы, может быть, слишком противно господствующим ныне мыслям и понятиям, особливо же издавна укоренившимся привычкам, и слишком строго для иноков нашего времени». В результате екатерининская норма отменена не была.³ Однако 17 сентября 1862 года настоятели и настоятельницы общежительных монастырей⁴ были лишены права завещания. То есть они приравнивались к монашествующим низших степеней. Данная норма (она не касалась игуменов и игумений необщежительных монастырей) вошла в новую редакцию «Устава духовных консисторий» (ст. 123), введённую в действие

---

¹ В законодательстве позднеимперской России монашествующие стали упоминаться двумя группами: «1) духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских и ризничий Московского синодального дома; 2) прочие монашествующие братия» (Свод законов Российской империи [изд. 1876–1917 гг.]. СПб., 1899. Т. IX. Ст. 406. С. 83 (далее – СЗРИ)).

² ПСЗ-1. 1830. Т. XVII. Ст. 12577. С. 587.

³ № 457 // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. – М., 1886. Т. IV. С. 191–192.

⁴ Помимо деления российских монастырей на штатные и заштатные (с 26 февраля 1764 г.), существовало их разделение на общежительные и им «противоположные» – необщежительные. Насельники общежительных монастырей всё необходимое (еду, одежду, обувь и прочее) получали от монастыря, за что безвозмездно трудились в пользу своей обители: например, священнодействуя и/или исполняя различные послушания. В необщежительных же обителях монашествующие, имея от монастыря лишь жилище и общее богослужение (иногда – общую трапезу), всё прочее необходимое для жизни приобретали сами: или на даваемое им жалование (согласно установленным «штатам»), или на доходы от богослужений, или от изготовления и продажи разного вида изделий. В необщежительных монастырях монахи могли приобретать вещи в пожизненную личную собственность. Законодательство стало разделять общежительные и необщежительные монастыри лишь с 20 марта 1862 г. (см. подробно: Обозрение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. С. 11–20; *Ивановский В.* Русское законодательство ... С. 45–47, 66–70, 113–119).

9 апреля 1883 г.¹

4 декабря 1896 года в Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената рассматривались вопросы: сохраняют ли постригшиеся в монашество лица право на капиталы и движимое имущество, приобретённые до пострижения. Чиновники департамента пришли к выводу, что «гражданские законы о монашествующих основаны на церковных постановлениях, и выраженное в них общее начало, в силу которого монашествующие считаются отрекшимися от мира, должно быть признано руководящим и вытекающим из сущности монашеских обетов». Они констатировали, что постригающиеся в монашество отказываются от всего своего имущества: не только недвижимого, но и движимого. Имущество же, приобретённое после пострижения, должно поступать в монастырскую казну. Вместе с тем департамент указал, что существующая норма права, зафиксированная в высочайшем указе от 20 февраля 1766 г. (согласно которой монашествующие власти имеют право завещания своего движимого частного имущества), противоречит указанным принципам, что она по существу противоречит и каноническим правилам Православной церкви, и предшествующему законодательству. Однако Гражданский кассационный департамент вынес решения о наследовании имущества и капиталов, основываясь на букве действовавших в России² гражданских законов.³

Вопрос о необходимости отмены права завещания монашествующих властей с начала XX века начал обсуждаться в церковных инстанциях. Впервые был поднят 13 декабря 1906 г. в Предсоборном присутствии⁴ – особой церковной комиссии, цель которой состояла в предварительном рассмотрении вопросов церковной реформы, намеченных к обсуждению на планировавшемся Поместном соборе.

Проходивший в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 5 по 13 июля 1909 года I Всероссийский съезд монашествующих высказался о желательности лишить духовные власти права завещать своё личное имущество. Было постановлено, «чтобы настоятели не имели права оставлять наследство и в этом смысле [...] ходатайствовать об изменении законодательства».⁵ Данное постановление было передано в Святейший синод, в недрах которого в 1911 году (по согласованию с министерствами юстиции и внутренних дел) появился соответствующий законопроект – «Об изменении постановлений действующих законов о праве иерархов Православной церкви и прочих монашествующих властей делать духовные завещания о своём имуществе».⁶ 28 декабря 1911 года тот документ был внесён в III Государственную думу, в которой был направлен на обсуждение в комиссию по делам Православной

¹ ПСЗ-2. 1865. Т. XXXVII. Отд. 2-е. Ст. 38687. С. 88; ПСЗ-3. 1886. Т. III. Ст. 1495. С. 128.

² О названии государства см. подробно: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именованья государства // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. № 5. С. 119–123.

³ Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1897 г. – СПб., 1897. [Решение от 4 декабря 1896 г.] № 24. С. 86–94; № 39. 128–129.

⁴ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия. – 1907. Т. IV. [Протокол] № 23. С. 103–115.

⁵ Московские ведомости. – 1909. № 159. 12 июля. С. 4.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 308об.–309, 385об.–386 (далее – ГАРФ); Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – М., 1996. Т. 5. Деяние 57. С. 215, 221.

церкви. Однако та не успела рассмотреть этот документ¹, и он перешёл в IV Думу, в которой обсуждался комиссией по судебным реформам. Однако та комиссия не смогла выработать свою позицию, застопорившись в обсуждении вопроса о разграничении понятий «право завещания» и «право дарения на случай смерти».² Соответственно, восстановление ориентированной на монашеский обет нестяжания нормы 1722 года не состоялось.

В целом, все «имущественно-монашеские» нормы российского церковно-государственного права были систематизированы в «Своде законов Российской империи».³

Вопрос о необходимости отмены у монашествующих духовных властей права завещания вновь в различных церковных инстанциях вновь начал обсуждаться после Февральской революции. В тот период Русская церковь оказалась в новых социально-политических реалиях и правовой обстановке.⁴ Высший орган церковного управления – Св. синод 29 апреля 1917 г. констатировал, что «при изменившемся государственном строе русская православная Церковь не может уже оставаться при тех порядках, которые отжили своё время»⁵, взял курс на «отдаление» церкви от государства. На этом пути главной целью высшего духовенства стал созыв Поместного собора, подготовка к которому шла (с перерывами) ещё с 1905 года, и который должен был стать высшим органом церковной власти.⁶ В тот же день Св. синод принял решение о формировании Предсоборного совета – особой церковной комиссии, задачей которой являлась подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном соборе.

Спустя месяц, в ходе подготовки внутрицерковных преобразований и с целью «поднятия духовной жизни в монастырях и развития религиозно-просветительской их деятельности», а также выработки программы совершенствования жизни монашествующих Св. синод выпустил специальное определение (от 26-30 мая 1917 г.). В нём, среди прочего, содержалось распоряжение созвать с 16 по 23 июля 1917 года в Свято-Троицкой Сергиевой лавре Всероссийский съезд представителей от монастырей. Высшим органом церковного управления были определены программа съезда и порядок выборности делегатов.⁷ И на Предсоборном совете, и

---

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб., 1912. Ч. 2. С. 643.

² Государственная Дума. Созыв четвёртый. – [СПб., 1912.] Сессия I. Журнал № 10. Заседание 10 декабря 1912 г. С. 2, 23; Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвёртый созыв. – СПб., 1913. Сессия I. С. 251, 279–280.

³ См. подробно: *Бабкин М.А.* Регулирование имущественных прав...

⁴ См. подробно: *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М., 2008; Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. – М., 2011. С. 197–559.

⁵ Церковные ведомости. – 1917. № 18-19. С. 101.

⁶ О предыстории созыва Поместного собора см., например: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. С. 216–250, 391–425; *Бабкин М.А.* Священство и Царство ... С. 68–82, 91–107.

⁷ Церковные ведомости. – 1917. № 22-23. С. 146–148. Программа состояла из 14 пунктов. Имущественно-хозяйственная «тема» затрагивалась в двух из них: «2. Устройство местного, областного и центрального управления по делам хозяйственным и делам духовным. [...] 7. Монастырское хозяйство» (Церковные ведомости. – 1917. № 22-23. С. 148).

на Всероссийском съезде представителей от монастырей были подняты вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих. Рассмотрены эти дискуссии, выработанные в ходе них для готовящегося Поместного собора¹ проекты положений, а также «судьбы» тех.

Первый из названных церковных форумов – Предсоборный совет начал свою работу 12 июня.² Тогда же было принято решение образовать в его рамках 10 отделов, одним из которых (IX-м) стал «О монастырях и монашестве».³ Заседания этого отдела начали проходить с 14 июня. 21 числа того же месяца председателем отдела Св. синод назначил епископа Минского Георгия (Ярошевского).⁴ 7 и 10 июля состоялось 6-е (двухдневное) заседание IX-го отдела. На нём присутствовало 7 человек, в том числе 1 архиерей. Рассматривался проект («Тезисы») положения о правовом положении монастырей в государстве. Тот документ был подготовлен и озвучен приглашённым на заседание архимандритом Никанором (Кудрявцевым) – настоятелем Московского Никольского единоверческого монастыря, являвшимся также членом состоящей при Св. синоде Комиссии по делам монастырей и монашества.

В начале своего выступления докладчик отметил, что в основу представленного им проекта положено допущение, «что отделение церкви от государства не будет осуществлено, и что нынешние взаимоотношения их останутся по существу теми же».⁵ Вопросы о личном имуществе монашествующих затрагивались в § 9 и § 11 (п. «б») «Тезисов» о Никанора. Формулировка § 9 на заседании 7 июля была принята отделом без к.-л. изменений.⁶ Обсуждение же § 11 (состоявшего из п. «а» и «б») шло 7 и 10 числа. При этом в представляющий для нас интерес пункт «б» было внесено лишь незначительное дополнение: были добавлены слова «избирательных /активных и пассивных/». И в итоге два названных (весьма пространных) параграфа стали содержать, среди прочего, следующие положения о личном имуществе и праве завещания монашествующих:

«9. Содействие Православной Церкви, в отношении монастырей, со стороны государства выражается, сверх предоставления монастырям преимуществ, общих всей Православной Русской Церкви, в сохранении за монастырями [...] наследственных прав на вымороченное⁷, всех видов, имущество насельников своего монастыря».

«11. Остаются в силе действовавшие доселе постановления: [...] б) лишаящие монашествующих прав – пенсионных, а также на другие виды общественно-

---

¹ 5 июля 1917 г. по докладу Предсоборного совета Св. синодом было вынесено определение о созыве в Москве Поместного собора (Церковные ведомости. – 1917. № 29. С. 207–211; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 11–20).

² Церковные ведомости. – 1917. № 18-19. С. 117, № 20-21. С. 133; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 5.

³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 577. Л. 2об.–3.

⁴ Там же. Л. 12–13об.; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 5–6, 9.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 56–56об., 190–190об.

⁶ Там же. Д. 582. Л. 56об., 59–60.

⁷ Вымороченное имущество – имущество, которое осталось после умершего лица и на которое никто не заявляет или не может заявить претензий ни по завещанию, ни по праву наследования по закону.

го призрения, имущественных, торговых, промышленных, векселе и залогодательных, завещательных, с распространением на настоятелей штатных монастырей, экономов архиерейских домов и Синодального Ризничего, избирательных /активных и пассивных/».¹

Таким образом, отдел фактически предлагал ходатайствовать перед государством об уравнивании в названных гражданских правах всех представителей духовных монашеских властей (кроме епископов). Об архиереях же в том документе умалчивалось, по-видимому, по причине того, что члены IX-го отдела вряд ли считали в своей компетенции рассматривать вопросы о правах епископов, хотя те и являются монашескими.

Выработанный отделом «О монастырях и монашестве» проект Положения о государственно-правовом положении монастырей Общее собрание Предсоборного совета рассматривало 27 июля, на своём 10-м заседании. Присутствовало 15 человек, в том числе 4 архиерея; председательствовал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). По поводу интересующего нас вопроса в журнале того собрания совета приводится следующее решение: «Так как пункты относительно хозяйства монастырей оказались несогласованными с работами VII Отдела о церковном хозяйстве, то Собрание постановило: положение о государственно правовом положении монастырей передать на обсуждение в VII отдел Предсоборного Совета».²

Таким образом, те пункты проекта положения IX-го отдела, в которых затрагивались вопросы о хозяйства монастырей, 27 июля Общее собрание передало на согласование в VII-й отдел – «О церковном хозяйстве», председателем которого был архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). И хотя в хранящихся в фондах ГАРФ материалах VII-го отдела Предсоборного совета и отсутствуют журналы заседаний, состоявшихся после 1 июля (вероятно, они и не проводились), тем не менее ход дальнейшего обсуждения рассматриваемого нами документа известен.

30 и 31 июля на 13-14 заседании Общего собрания Предсоборного совета, проходившем под председательством архиепископа Сергея (Страгородского), вопрос о монастырском хозяйстве рассматривался вновь. Об этом в делопроизводительной документации Совета сказано следующее: «Положения о монастырском хозяйстве по заявлению VII Отдела перенесены в Положения о церковном имуществе».³ Однако выработанные VII-м отделом «Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве» Общее собрание рассматривало и приняло ещё на своём 7-м заседании – 22 июля, и больше к ним не возвращалось. При этом в тексте тех положений лишь в общих чертах говорилось об имуществе и хозяйстве или «отдельных», или «всех церковных установлений»; при этом ни слова об имуществе монастырей и монашеских.⁴

Следующей инстанцией, где «Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве» рассматривались, был XVI-й отдел Поместного собора⁵ «О

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 63–64об., 196 а–196 б об.

² ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 577. Л. 54.

³ Там же. Л. 58об.–59.

⁴ Там же. Л. 31об.–33об. Текст принятых «Общих положений о церковном имуществе и церковном хозяйстве» см.: Там же. Л. 32 а об.–33об.

⁵ Поместный собор открылся 15 августа 1917 г. В его состав было избрано и назначено по должности

церковном имуществе и хозяйстве»¹, председателем которого был архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский).² Постатейное обсуждение названного документа шло в течение месяца: с 12 сентября по 13 октября 1917 года (с 3-го по 11-е заседание отдела).³ Однако несколько пунктов (в том числе §§ 9 и 11) проекта Положения о государственно-правовом положении монастырей на заседаниях XVI-го отдела не прозвучали. Более того, «следы» тех параграфов, ставших по решению Общего собрания Предсоборного совета фактически дополнением к «Общим положениям о церковном имуществе и церковном хозяйстве», после 31 июля в материалах какие-либо церковных инстанций вообще не значатся. Возможно, те параграфы были кем-то изъяты из делопроизводственной документации ещё Предсоборного совета, работа которого проходила под председательством архиепископов Финляндского Сергия (Страгородского) (заседания №№ 1, 3, 6–14-е) и Тифлисского Платона (Рождественского) (заседания №№ 2, 4-е).⁴ Возможно, их «положил под сукно» председатель XVI-го отдела Поместного собора – архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский).⁵ Но также может быть, что они исчезли в ходе

---

564 человека: 80 архиереев (т. е. примерно каждый второй из общего количества «штатных» в тот момент иерархов РПЦ), 129 лиц пресвитерского сана, 10 дьяконов из белого (женатого) духовенства, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян. (См.: Церковные ведомости. – 1917. № 29. С. 207–211; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 11–20, 60–133.). Подробнее о том Соборе см., например: *Иакинф (Дестивель), священник, монах. Поместный Собор Российской православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / Пер. с франц. иеромонаха Александра (Синякова).* – М., 2008; *Бабкин М.А.* Священство и Царство ... С. 453–461, 471–496.

¹ 30 августа в составе Поместного собора были сформированы 19 отделов (позже было образовано ещё 3). Их ведению которых подлежало предварительное рассмотрение и подготовка широкого круга соборных законопроектов. Если обсуждаемые вопросы требовали рассмотрения различных отделов, то предполагались и совместные заседания отделов. В каждый отдел входили епископы, клирики и миряне. Без поручения или разрешения отдела никакие обсуждавшиеся вопросы не могли быть доложены на соборном заседании. Для принятия соборного постановления, из соответствующего отдела должны были поступить в письменном виде доклад, а также (по желанию участников его заседаний) особые мнения. Заключение отдела следовало излагать в виде предполагаемого соборного постановления. О заседаниях отделов составлялись письменные протоколы, в которых фиксировались время заседания, имена присутствовавших, рассматривавшиеся вопросы, сделанные предложения, постановления и заключения. (Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 43–44.)

² Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 136.

³ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 12–73.

⁴ См.: Там же. Д. 577. Л. 1–65. При этом журнал заседания № 5, состоявшегося между 13 и 20 июля 1917 г., нам обнаружить не удалось.

⁵ По крайней мере летом 1918 г. архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский) считал вопрос о личном имуществе архиереев достаточно актуальным. Свидетельствует об этом содержание доклада архиепископа Анастасия, прозвучавшего 8 (21) августа 1918 г. при представлении Поместному собору выработанного XVI-м соборным отделом проекта «Основные положения о церковном имуществе и хозяйстве Русской Православной Церкви». В том докладе значительное внимание было уделено вопросу о личном имуществе архиереев. Однако на следующем заседании, 10 (23) числа, при постатейном рассмотрении представленного отделом проекта «Основных положений...», тезисы о личном имуществе монашествующих не прозвучали. Последнее понятно: ведь те тезисы не рассматривались на заседаниях XVI-го отдела и, соответственно, не были внесены в выработанный отделом проект «Основных положений...». Хотя те тезисы, как уже говорилось, должны были поступить в отдел из Предсоборного совета. Или они всё же поступили в отдел, но были его председателем «положены под сукно»?

передачи документов из Предсоборного совета в инстанции Поместного собора.

Вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих, IX-й отдел Предсоборного совета рассматривал и при обсуждении проекта положения о хозяйстве монастырей. 14 июля состоялось два заседания того отдела – «№ 10» и «№ 10а». В них принимало участие 7 человек, в том числе 1 епископ. «Тезисы» проекта положения о хозяйстве монастырей, состоящие из 15 параграфов, были составлены членом Петроградского духовно-цензурного комитета архимандритом Христофором.¹ В § 12 значилось: «б) Всё имущество, оставшееся после смерти настоятеля, должно переходить в собственность монастыря во всех монастырях».² То есть автор предлагал для настоятелей монашеских обителей фактически вернуть норму 1722 года, содержащуюся в процитированной выше ст. 61 «Прибавления к Духовному регламенту».

На заседании «№ 10» практически без обсуждений § 12 проекта (как и §§ 5–11) был принят в своей первоначальной редакции. Однако на состоявшемся практически сразу же заседании «№ 10а» «Тезисы» архимандрита Христофора по какой-то причине были рассмотрены повторно. И в ходе прений IX-м отделом были приняты лишь их §§ 1–10, 13 и 15: одни с редакционными правками, а другие без них. А о §§ 1, 12 и 14 в протоколе того заседания отдела значится следующее: «остальные (параграфы – М.Б.), в виду не принципиального характера содержащихся в них указаний по разным сторонам хозяйственной жизни монастырей, частью входящих в область вопросов, которые должны иметь место в монастырском Уставе, исключаются».³

Таким образом, в ходе работы над проектом положения о хозяйстве монастырей IX-й отдел Предсоборного совета 14 июля 1917 года вычеркнул пункт (наряду с другими двумя) о безоговорочном переходе в собственность монастыря личного имущества, остающегося после смерти настоятелей всех монастырей. Вместе с тем если сравнить § 12 (п. «б») проекта положения о хозяйстве монастырей с § 11 (п. «б») вышеупомянутого проекта положения о правовом положении монастырей в государстве, то можно увидеть, что первый является почти частным случаем второго, а в вопросе о завещательных правах монашествующих они, по существу, тождественны.

Судя по всему, именно по причине близости по содержанию названных пунктов члены IX-го отдела, приняв 7 и 10 июля проект положения о правовом положении монастырей в государстве, включавшем процитированный выше § 11 (п. «б»), 14 числа того же месяца при рассмотрении проекта положения о хозяйстве монастырей сочли нужным исключить его § 12 (п. «б»). Ведь тот § 12 (п. «б») фактически дублировал § 11 (п. «б») предыдущего документа, принятого тем же отделом 10 числа. Иначе говоря, IX-й отдел, по-видимому, во избежание повторов в проектах двух своих документов убрал из второго из них интересующий нас § 12. Важно, что это было сделано до того, как 27 июля Общее собрание Предсоборного совета рассмотрело выработанный IX-м отделом проект положения о правовом

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 80–82об., 89–91об., 212–213 б об., 217–218 б об., 219–224.

² Там же. Л. 87–87об., 223–223об.

³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 82об., 91об., 213 б об., 218 б об.

положении монастырей в государстве с описанным выше для его § 11 финалом. Вероятно, если бы членам IX-го отдела был бы известен результат обсуждения в Общем собрании § 11 (п. «б») проекта положения о правовом положении монастырей в государстве (а именно – передача его на обсуждение в VII-й отдел с последующим исчезновением каких-либо его следов), они по другому отнеслись бы к дублирующему его § 12 (п. «б») проекта положения о хозяйстве монастырей. В целом, практические результаты проходивших на Предсоборном совете обсуждений вопросов, связанных с личным имуществом насельников монастырей, свелись к нулю. Разрабатывавшиеся в Предсоборном совете соответствующие предложения не дошли до рассмотрения Поместного собора, начавшего свою работу 15 августа 1917 года.

Рассмотрим соответствующие материалы второй из ранее названных церковных инстанций, работавшей в июле 1917 г. – Всероссийского съезда представителей от монастырей. В его работе принимало участие 137 человек с правом решающего голоса (из них 10 архиереев) и 13 с правом совещательного. Председательствовал викарий Московской епархии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) (с 1 мая 1917 г. – настоятель Данилова монастыря, до того же, с 1909 г. – ректор Московской духовной семинарии¹). Почётным председателем съезда был избран архиепископ Московский Тихон (Беллавин)² (с ноября 1917 г. – патриарх Московский и всея России).

В последний день заседаний съезда, 23 июля, делегат от Пензенской епархии – иеромонах Евфимий выступил с «внеочередным заявлением». Он выразил своё «недоумение», что епископы и настоятели монастырей, в отличие от остальных монашествующих, имеют право оставлять завещания о наследстве. Заявление о Евфимия было встречено пониманием со стороны присутствовавших. Руководивший заседанием епископ Елисаветградский Прокопий (Титов) (викарий Херсонской епархии, временно управляющий Александро-Невской лаврой) указал присутствующим, во-первых, что «право оставлять завещания о наследстве предоставлено епископам и настоятелям монастырей гражданским, а не церковным законодательством»³; во-вторых, что «Св. Синод вносил на рассмотрение Государственной Думы законопроект о том, чтобы оставшееся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущества поступали в собственность того монастыря или архиерейского дома, которые были под управлением покойных в момент их кончины и где они жили последнее время пред кончиной». Продолжил мысль епископа Прокопия «напокойный» (т. е. находящийся на покое, заштатный) архиепископ Никон (Рождественский), бывший Вологодский.⁴ Он напомнил участникам съезда, что тот законопроект не стал законом, поскольку не получил санкции Го-

---

¹ Церковные ведомости. – 1917. № 18-19. С. 117.

² ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 318–319, 409об.–414об.

³ Из слов епископа Прокопия следует, что, по его мнению, церковное законодательство такого права епископам и настоятелям не предоставляло.

⁴ Никон (Рождественский) в июле 1909 г. председательствовал на I Всероссийском съезде монашествующих, принявшем резолюцию с ходатайством перед властями об отмене права настоятелей монастырей оставлять наследство своим родственникам (Московские ведомости. – 1909. № 159. 12 июля. С. 4).

сударственной думы. При этом владыка Никон высказал своё мнение, что остающееся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущество целесообразней передавать не в монастыри или архиерейские дома, в которых те представители духовных властей жили перед своей кончиной или которыми они управляли в момент кончины, а передавать то имущество в специальный общемонастырский фонд. А тот фонд, в свою очередь, направлял бы те вещи «на удовлетворение нужд менее обеспеченных обителей по усмотрению центрального монастырского управления».¹

После выступления названных архиереев съезд постановил: «Разделяя взгляд Святейшего Синода о том, что имеющиеся в Российском гражданском законодательстве некоторые исключения в области наследственного права для епископов и настоятелей монастырей, по которым они имеют право оставлять завещания о своём имуществе, являясь противоречием основному принципу иноческого жития – связи инока с его обителью и иночеством, и принимая во внимание представлявшийся в Государственную Думу, но не получивший законодательной санкции законопроект Св. Синода о том, чтобы оставшиеся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущества их поступали в собственность того монастыря или архиерейского дома, которыми управляли покойные в момент кончины и в котором они жили в последнее время пред кончиной, – выразить пожелание, чтобы таковые имущества поступали в общемонастырский при Всероссийском Монашеском Совете фонд – для выдачи пособий и поддержки нуждающимся монастырям по усмотрению Всероссийского Монашеского Собора²».³

Практически дословно это определение было повторено в общем своде постановлений того съезда (в разделе «VIII. Монастырское хозяйство», в качестве § 153), представленном архиепископом Московским Тихоном Св. синоду 12 августа того года.⁴ Причём в «Заключении» общего свода постановлений рассматриваемого съезда говорилось, что принятые им резолюции, «касающиеся внутренней жизни обителей, богослужения и монастырской дисциплины, желательно ввести в жизнь, с утверждения их Поместным Церковным Собором, в самом непродолжительном времени»⁵. То есть, последнее слово в придании рассмотренному постановлению (об отмене у архиереев и настоятелей права завещания) статуса обязательного общецерковного установления оставалось за Поместным собором – высшим органом управления РПЦ, обладавшим полнотой церковной власти. Важно подчеркнуть, что обсуждение на Всероссийском съезде представителей от монастырей вопроса об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать своё личное имущество состоялось не в рамках определённой Св. синодом программы съезда, а по инициативе «снизу».

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 385об.–386.

² Всероссийский монашеский совет при Св. синоде и Всероссийский монашеский собор – предполагаемые Всероссийским съездом представителей от монастырей вспомогательные и совещательные органы по высшему церковному управлению и наблюдению за монастырями. (См. подробнее: Там же. Л. 295об.–296об., 346об.–348).

³ Там же. Л. 386.

⁴ Там же. Л. 308об.–309.

⁵ Там же. Л. 315об.

Решения Всероссийского съезда представителей от монастырей поступили на рассмотрение в XI-й отдел Поместного собора – «О монастырях и монашествовавших». Главной задачей этого отдела стала выработка Положения об устройстве мужских и женских монастырей, о монастырском управлении и об учёном монашестве. В основу того документа и должны были лечь, помимо прочего, постановления названного всероссийского съезда. В состав XI-го соборного отдела входило 67 человек, из которых было 19 архиереев, 14 лиц в иных священных санах (из которых 12 монашествовавших) и 34 мирянина. Отдел начал работать 31 августа 1917 года. Его председателем был избран архиепископ Тверской Серафим (Чичагов).¹

С 13 сентября, со своего 3-го заседания XI-й отдел начал последовательно (по параграфам) рассматривать собрание постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей.² 15 ноября, на 19 заседании очередь дошла и до вопроса «О монастырском имуществе и хозяйстве».³ И в журнале заседания соборного отдела говорится: «IV. Рассматриваются следующие *составленные Председателем на основании постановлений* (курсив наш – М.Б.) съезда представителей от монастырей положения о монастырском имуществе и хозяйстве: [...]».⁴ Данная формулировка свидетельствует, что тексты рассматривавшихся в тот день отделом «постановлений» не были аутентичны соответствующему комплексу постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей. Подтверждает это и сопоставление материалов журналов заседаний названного монашеского съезда и XI-го отдела Поместного собора.⁵ В самом деле: архиепископ Серафим на 19 заседании приводил постановления съезда не по порядку первоисточника (т.е. не по параграфам)⁶, а по своей нумерации, меняя порядок цитируемых постановлений и редактируя по своему усмотрению их формулировки. При этом он вообще не упомянул постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей, значившееся как «§ 153». Соответственно, то постановление с ходатайством перед Поместным собором об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать своё личное имущество XI-м соборным отделом «О монастырях и монашествовавших» не было рассмотрено. Не упоминалось о нём и 28 ноября на соединённом заседании того же отдела с профильным подотделом «О монастырском хозяйстве» XVI-го

---

¹ Там же. Д. 370. Л. 1, 198; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 136, Деяние 11. С. 151. 18 октября 1917 г. составы членов соборных отделов были расширены. В XI-м отделе стало числиться 75 человек (Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 2. Деяние 26. С. 275).

² Журналы заседаний соборного отдела «О монастырях и монашествовавших» см.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–194.

³ В тот день присутствовали 24 из 67 членов отдела (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 100, 106).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 101.

⁵ Ср., с одной стороны, VIII-й раздел постановлений «Монастырское хозяйство» Всероссийского съезда представителей от монастырей (§§ 136–153): Там же. Д. 372. Л. 306об.–309. С другой – тот же комплекс постановлений (о монастырском имуществе и хозяйстве) из 22 пунктов в изложении архиепископа Тверского Серафима: Там же. Д. 370. Л. 101–104об.

⁶ Судя по содержанию журналов заседаний XI-го соборного отдела, до его предыдущего (18-го) заседания рассмотрение постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей делалось, во-первых, по параграфам тех и, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев (за единственным исключением, см.: Там же. Л. 80об.), в редакции названного съезда. Начиная же с 19-го заседания постановления съезда по параграфам не рассматривались.

соборного отдела «О церковном имуществе и хозяйстве».¹ На том заседании рассматривались постановления о монастырском хозяйстве, принятые 15 ноября XI-м отделом «О монастырях и монашествующих».²

Вследствие «умолчания» в соборном отделе о постановлении Всероссийского съезда представителей от монастырей (§ 153), то не было доведено и до пленарного заседания Поместного собора. Таким образом, Серафим (Чичагов) вышеназванное постановление всероссийского съезда, «вменив ни во что», фактически «положил под сукно».³ Имел ли архиепископ Серафим полномочия, с позволения сказать, столь вольно обращаться с постановлениями Всероссийского съезда представителей от монастырей? В «Уставе» Поместного собора (например, в гл. VII «Отделы Собора»)⁴, а также в журналах заседаний XI-го отдела об этом ничего не сказано. Получал ли тверской архипастырь на свои действия соответствующую санкцию руководства Поместного собора или Св. синода? Нам это установить не удалось. По-видимому, двигавшие архиепископом Серафимом мотивы были обусловлены или его личными имущественно-финансовыми интересами, или, что вероятнее, интересами архиерейской корпорации в целом.⁵ Ведь появление нормы церковного права, запрещающей духовным властям завещать кому-либо их личное имущество, напрямую ограничивало бы личные материальные интересы архиереев.

---

¹ На состоявшемся 17 октября 1917 г. 12-м заседании XVI-го отдела было принято решение о формировании десяти подотделов (Там же. Д. 406. Л. 80–81 об.). Восьмым из них был «О монастырском хозяйстве» (Там же. Л. 81 об.). Задача этого подотдела была в разработке вопроса об упорядочении монастырского имущества и хозяйства в рамках создаваемого XVI-м отделом положения о приходском хозяйстве (Там же. Л. 80–81 об., 84). На 13-м заседании XVI-го отдела Поместного собора «О церковном имуществе и хозяйстве», состоявшемся 24 октября 1917 г., архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), являвшийся членом XVI-го отдела, поднял вопрос о целесообразности образования в том отделе подотдела «О монастырском хозяйстве». Однако после указания председателя XVI-го отдела – архиепископа Кишинёвского Анастасия (Грибановского), что «выработка положения об имуществе монастырском входит в прямую задачу Отдела о церковном имуществе и хозяйстве», предложение архиепископа Серафима было отклонено. (См.: Там же. Д. 406. Л. 84, Д. 425. Л. 22.)

² Там же. Д. 370. Л. 118–119. Комплексы вопросов, так или иначе связанных с церковным имуществом, рассматривали и отделы Поместного собора «О правовом положении Православной Церкви в России» (VI-й), «О церковном имуществе и хозяйстве» (XVI-й) и «О правовом и имущественном положении православного духовенства» (XVII-й). Однако в тех отделах не рассматривались ни резолюции Всероссийского съезда представителей от монастырей, ни вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих.

³ Через три дня, с 22 ноября (с 21-го заседания) XI-й отдел перешёл к рассмотрению иных вопросов.

⁴ Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 43–45.

⁵ Необходимо отметить, что в структуре Поместного собора имелся такой орган, как Совещание епископов, в который входили все архиереи – члены собора. Лица не епископского сана на заседания этого органа не допускались. Каждое постановление собора подлежало рассмотрению на Совещании епископов, где оно проверялось на «соответствие Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви». Фактически, Совещание епископов могло наложить veto на любое постановление Поместного собора. Т. е. решающий голос в высшем органе церковной власти принадлежал архиереям. (См.: Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 42–43.) И если вопрос о запрете архиереям завещать своё личное имущество и дошёл бы до рассмотрения пленарным заседанием Поместного собора, и если по тому вопросу даже было бы вынесено положительное определение (в смысле констатации запрета завещаний), то с большой степенью вероятности то соборное постановление могло быть заблокировано «незаинтересованной» в его принятии стороной – самими архиереями на Совещании епископов.

Таким образом, «судьбы» выработанных в июле 1917 года. Предсоборным советом и Всероссийским съездом представителей от монастырей положений об отмене у монашествующих духовных властей права завещания оказались практически идентичны. В силу различных причин они не дошли до рассмотрения на Поместном соборе, и по прошествии времени оказались преданными забвению.

Вместе с тем в декабре 1917 года в РПЦ была фактически восстановлена, хотя и для одного-единственного иерарха, петровская норма 1722 года, ориентированная на монашеский обет нестяжания. 4 ноября 1917 года Поместный собор принял решение о восстановлении в Русской церкви патриаршества, упразднённого в 1721 года царём Петром I. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграли мечтательно-романтические настроения значительного числа соборян.¹ Приверженцами патриаршества считалось, как само собой разумеющееся, что российские патриархи будут людьми высокой духовной жизни, монахами-«нестяжателями». Полагалось, что если в период своего патриаршего служения те какое-то имущество и приобретут, но не передадут его никому, включая ближайших родственников. А всё их имущество по их смерти останется Святой Матери-Церкви.

5 ноября состоялось избрание в патриархи митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина). А 21 ноября была проведена его интронизация (настолование, или посадение на патриарший престол).² Хотя с 21 ноября 1917 года Тихон и возглавил список «духовных властей», тем не менее с момента поставления его патриархом буква основных российских законов о нём, строго говоря, умалчивала. Ведь лица патриаршего сана, по причине отсутствия патриаршества, не назывались в перечне монашествующих духовных властей. (Напомним, что в те власти входили «митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских и ризничий Московского синодального дома»³). Соответственно, патриарх Тихон оказался как бы в «правовом вакууме»: *de facto* возглавляя духовные власти, он с 21 ноября *de jure* перестал к ним относиться. Впрочем, несмотря на парадоксальность данного положения, оно было, можно сказать, вполне естественно: ведь в то время не были очерчены полномочия Патриарха даже в области церковного управления.

22 ноября 1917 года, на следующий день после возведения на патриаршество Тихона (Беллавина), на своём 29-м заседании II-й отдел Поместного собора «О высшем церковном управлении» (председатель – епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский)) начал поштатейно рассматривать проект положения «О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России». Тот проект был выработан специальной комиссией отдела, результат работы которой представлял её участник – профессор Казанской духовной академии П. Д. Лапин. 23 ноября (на 30-м заседании отдела, в присутствии 66 из 260 из его членов) очередь дошла до рассмотрения вопроса об имуществе, остающемся по смерти патриарха. После не-

---

¹ См. подробнее, например: Андреева Л. А. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 90–99; Бабкин М. А. Священство и Царство ... С. 70, 113–114, 323, 478.

² Деяния Священного Собора... 1994. Т. 3. Деяние 36. С. 105–111; Там же. 1996. Т. 4. Деяние 47. С. 36–75.

³ СЗ РИ. 1899. Т. IX. Ст. 406. С. 83.

больших прений его текст соответствующего пункта был принят отделом без изменений (если не считать двух внесённых запятых): «Единственным наследником имущества Патриарха, после его кончины, является Патриарший Престол».¹

Выработанный названным отделом проект постановления о правах и обязанностях патриарха Московского и всея России начал слушаться на пленарных заседаниях Поместного собора 29 ноября 1917 года. Докладчиком отдела выступал П.Д. Лапин, а содокладчиком – архимандрит Иларион (Троицкий).² Интересующую нас 13-ю статью того проекта постановления соборяне рассматривали 1 декабря. Председательствовал на том заседании митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), присутствовало 313 членов Поместного собора.³ По существу статьи начались жаркие дебаты. Обсуждались в основном каноническая и юридическая стороны проблемы.

Так, одни участники обсуждения указывали на несоответствие 13-й статьи 40-му Апостольскому правилу, в котором говорится о необходимости строгого разграничения между личным имуществом епископа и имуществом церковным, а также – что главное – о праве епископа завещать первое. Другие же участники дискуссии говорили о полном соответствии 13-й статьи монашескому обету нестяжания и 6-му правилу Двукратного Собора, в котором констатировалось, что монахи (а архиереи и являются таковыми) не могут чего-либо иметь в своей личной собственности: соответственно, не могут и завещать того, чего не могут иметь. Выступавшие также указывали, что дарованное императрицей Екатериной II духовным властям право завещания несовместимо по существу с монашеским обетом нестяжания.

Противники принятия 13-й статьи предлагали передать её на согласование и доработку в соборные отделы «О правовом положении Церкви в государстве» (VI-й) и «О правовом и имущественном положении духовенства» (XVII-й). Они говорили, что статья противоречит действующим в России гражданским законам (статье 1025 тома X, части I)⁴, и что не в полномочиях Поместного собора их изменять. Также они указывали, что содержание понятия «Патриарший Престол» юридически неясно, что законодательство не знает юридического лица с таким названием. Сторонники же принятия 13-й статьи говорили, что учреждение с названием «Патриарший Престол» тождественно «кафедре Патриарха»; они указывали на существование упомянутого выше законопроекта Св. синода от 28 декабря 1911 года, содержание которого сводилось к тому, чтобы, во-первых, лишить епископов и начальствующих лиц необщежительных монастырей права завещать имущество и, во-вторых, чтобы всё имущество тех переходило бы к архиерейским домам и монастырям. Выступавшие за принятие 13-й статьи указывали, что она созвучна названному законопроекту Св. синода, и что если государственная власть в будущем примет тот документ, то положение о «судьбе» имущества патриарха станет иметь силу закона. «Если бы даже государство отказалось санкционировать эту статью,

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 435.

² См.: Там же. Л. 479, Д. 228. Л. 1, 3–7, 17, 22; Деяния Священного Собора ... 1996. Т. 5. Деяние 55. С. 128–148, Деяние 56. С. 149–190, Деяние 57. С. 191–221.

³ Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 57. С. 191.

⁴ СЗРИ. Пг., 1914. Т. X. Ч. 1. С. 191.

всё же она имела бы большое нравственное значение и обязывала бы Патриарха завещать своё имущество в пользу Патриаршего Престола», – резюмировал своё выступление профессор П.Д. Лапин.¹ Весомую роль сыграло выступление председателем выступавшего – митрополита Антония. Он высказался за принятие той статьи. Среди его доводов прозвучало, что родственники почивших архиереев нередко неподобающим образом обращаются с попавшими к ним по завещанию предметами ризницы и другими вещами, чем среди православных сеются большие соблазны.

В итоге соборяне приняли 13-ю статью в редакции отдела «О высшем церковном управлении».² Вскоре, 8 декабря по докладу своего XXII-го («Редакционного») отдела Поместный собор принял окончательный текст определения «О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России». Формулировка 13-й статьи приняла первоначальный вид, т.е. созданный ещё комиссией II-го соборного отдела: «Единственным наследником имущества Патриарха после его кончины является Патриарший Престол». Не стало ничего в ней ничего менять и следующая инстанция – Совещание епископов Поместного собора.³

Назвав «единственного наследника» патриаршего имущества, высший орган церковной власти тем самым дал однозначно отрицательный ответ на вопрос: имеет ли патриарх Московский и всея России право завещать по смерти своё личное имущество? Важно, что данное положение было принято в условиях отсутствия какого-либо давления со стороны государственной власти, а также в период непосредственной подготовки Учредительного Собрания – конституанты, которой надлежало «установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».⁴

Таким образом, 8 декабря 1917 года патриарх Тихон *de jure* был лишён права завещания своего личного имущества – того права, которое он имел со времени его вхождения в состав духовных властей, т.е. с 1892 года. В тот год Тихон с назначением на должность ректора Холмской духовной семинарии был возведён в сан архимандрита; с 1897 года он – епископ.

На фоне идущего в Русской церкви с 1917 года по настоящее время процесса возрастания и абсолютизации власти московских патриархов прецедент лишения Поместным собором патриарха Московского и всея России Тихона права завещания имущества представляется уникальным. Он тем более уникален, если учесть, что Собор работал под председательством самого Тихона. Тем не менее, екатерининская норма, разделившая монашествующих по праву завещания на «верхи» и «низы», Поместным собором 1917–1918 гг. отменена не была. Новые же реалии, в которых духовенство РПЦ оказалось после появления 20 января 1918 года совет-

¹ Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 57. С. 220–221.

² Там же. С. 212–221.

³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 228. Л. 23, 24, 34, 35; Деяния Священного Собора ... 1996. Т. 5. Деяние 63. С. 356–358; Собрание определений и постановлений ... Вып. 1. С. 6. Следует отметить, что в определениях того Поместного собора о наследовании личного имущества прочих архиереев и настоятелей монастырей ничего не говорилось.

⁴ Данная цитата – из «Акта об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» от 3 марта 1917 г., которым, в частности, легитимировалась идея созыва Учредительного собрания (см., например: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101а. Л. 6, Д. 2104. Л. 4).

ского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹, отодвинули обсуждение вопроса о праве завещания монашествующими своего личного имущества на семь десятилетий.

Источники и использованная литература:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101а. Л. 6, Д. 2104. Л. 4.
2. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 435, 479
3. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 228. Л. 1, 3–7, 17, 22; 23, 24, 34, 35
4. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–194, 198.
5. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 295об.–296об., 306об.–309, 318–319, 346об.–348, 385об.–386, 409об.–414об.
6. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 12–73, 80–81об., 80–81об., 84.
7. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 577. Л. 1–65.
8. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 56–56об., 59–60, 63–64об., 80–82об., 87–87об., 89–91об., 190–190об., 196 а–196 б об., 212–213 б об., 217–218 б об., 219–224.
9. ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб., 1830. ТТ. I, VI, VII, X, XIV, XVI, XVII. XXIII, XXXI, XXXII
10. ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – Спб., 1832. Т. VI. Отд. 2-е.
11. ПСЗ-2. СПб., 1865. Т. XXXVII.
12. ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1886. Т. III.
13. СЗ РИ – Свод законов Российской империи [изд. 1876–1917 гг.]. – СПб., 1899. Т. IX; Пг., 1914. Т. X. Ч. 1.
14. *Андреева Л.А.* Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // *Общественные науки и современность.* – 2009. № 3. С. 90–99.
15. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. – СПб., 1909. Т. 6.
16. *Бабкин М.А.* Особенности правового регулирования статуса епископа в Русской православной церкви (с 1917 г.) // *Право и жизнь.* – 2014. № 1 (187). С. 164–183.
17. *Бабкин М.А.* Регулирование имущественных прав православного монашествующего духовенства в «Своде законов Российской империи» (изд. 1876–1917 гг.) // *Право и государство: теория и практика.* – 2012. № 11 (95). С. 96–105.
18. *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. – М., 2011.
19. *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права Православной церкви. – Казань, 1913.
20. *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именованя государства // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2010. № 5. С. 119–123.
21. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в России. Историко-правовое исследование. – М., 2009.
22. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвёртый созыв. – СПб., 1913. Сессия I. С. 2–280.
23. Государственная Дума. Созыв четвёртый. – [СПб., 1912.] Сессия I. Журнал № 10. Заседание 10 декабря 1912 г. С. 2–23.
24. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – М., 1994. Т. 1; 1994. Т. 2; 1996. Т. 5.

---

¹ Известия Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. № 16 (280). 21 января. С. 2; Прибавления к Церковным ведомостям. – 1918. № 2. С. 98–99.

25. *Дорская А.А.* Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. – СПб., 2004.
26. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия. – 1907. Т. IV.
27. *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М., 2002.
28. *Иакинф (Дестивель), священник, монах.* Поместный Собор Российской православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / Пер. с франц. иеромонаха Александра (Синякова). – М., 2008.
29. *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). – Харьков, 1905.
30. Известия Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. № 16 (280). 21 января. С. 2.
31. *Красножен М.Е.* Краткий курс церковного права. – Юрьев, 1913.
32. Московские ведомости. – 1909. 12 июля. № 159. С. 4.
33. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб., 1912. Ч. 2.
34. Обзорение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. (Применительно к Уставу Духовных консисторий и Своду законов). С историческими примечаниями и приложениями / Сост. Я. Ивановский. – СПб., 1900.
35. *Павлов А.С.* Курс церковного права. – СПб., 2002.
36. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. – М., 2003. Ч. 2.
37. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1918. № 2. С. 98–99.
38. Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1897 г. – СПб., 1897. [Решение от 4 декабря 1896 г.] № 24. С. 86–94; № 39. 128–129.
39. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М., 2008.
40. *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». – М., 1999.
41. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. – М., 1886. Т. IV.
42. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002.
43. Церковные ведомости. – 1917. № 18-19, 22-23, 29.
44. *Цытин В.А., протоиерей.* Курс церковного права. – Клин, 2004. С. 246–247.

Babkin M.A.

**Evolution of norms of Russian law on
personal property of monks of Russian Orthodox Church:
the middle of the 17th century – 1917**

The paper describes the evolution of the Russian legislation on right of the testament by monks of their personal property during the middle of the 17th century up to present time. The attention to discussions that took place in various instances of the Church about abolition of the right of the testament by monastic religious authorities in the period after February 1917 is especially paid.

Keywords: Russian law, probate law, Russian Orthodox Church, monasteries, monks, bishops, representatives of the All-Russian Congress of the monasteries in 1917, the Pre-Council Board, Local Council of 1917-1918, Local Council of 1988.

Земцов В.Н.

ГРАФ Ф.В. РОСТОПЧИН, УГОЛОВНИКИ И МОСКОВСКИЙ ПОЖАР 1812 ГОДА¹

Статья посвящена проблеме причин великого московского пожара 1812 года. Автор выясняет вопрос о том, насколько оправдана широко распространенная версия об участии в поджогах города уголовников, выпущенных из тюрем генерал-губернатором Ф.В. Ростопчиным. На основе широкого круга источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, автор опровергает эту версию, утверждая, однако, что Москва была обречена Ф.В. Ростопчиным на уничтожение – вне зависимости от участия в этом акте уголовных преступников.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года (Русская кампания Наполеона); московский пожар 1812 года; Ф.В. Ростопчин; уголовники и Москва 1812 года.

В понедельник, 2 сентября² 1812 года, смотритель Московского тюремного замка Иванов поднялся очень рано. Днём накануне, в воскресенье, надворный советник Евреинов, стряпчий губернской уголовной палаты, сообщил ему, что «есть распоряжение начальства отправить из замка и временной тюрьмы колодников в город Рязань». В тот же день, «в ночи», прибывший в замок частный пристав Муратов подтвердил это решение. Однако Иванов оставался в недоумении, «когда и каким образом то исполнением учиниться долженствовало». «Ни отколе не имел» об этом сведений, «поутру в часе в 6-м», Иванов отправился на квартиру к обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину, к Красным воротам, «надеясь осведомиться о том и получить приказание». Однако квартира Ивашкина оказалась уже покинутой. Иванов в панике начал метаться, пытаясь узнать, куда же выехал его начальник, и что ему, Иванову, следовало делать. И только «по слухам узнал», что Ивашкин уже Москву покинул! «...И так, – сообщал Иванов в рапорте от 13 сентября 1812 года тому же Ивашкину, – оставшись в изумлении, не зная к чему приступить, а паче что делать с врученною мне обязанностью, лишаясь всех способов к продовольствию, возвратился немедленно к своей обязанности ожидать откуда-нибудь недоумению моему разрешения».³ В Тюремном замке при Иванове к утру 2 сентября содержалось ни много, ни мало 627 «арестантов и колодников».

В полном недоумении оказался к утру 2 сентября и смотритель Временной

Земцов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

¹ Впервые опубликовано: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 7: Труды ГИМ. Вып. 167 / Гос. ист. Музей. – М., 2008. С. 105-125.

² Даты, кроме особо указанных, даны по старому стилю.

³ Рапорт смотрителя Московского тюремного замка Иванова московскому обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину. 13 сентября 1812 г. // Центральный исторический архив Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Д. 503. Л. 4 (далее – ЦИАМ). Бутырский тюремный замок, или губернская тюрьма, представлял собою мощное крестообразное в плане сооружение с башнями, построенное М.Ф. Казаковым в 1784-1792 гг. Сегодня сохранились фрагменты первоначального здания (ул. Новослободская, д. 45).

тюрьмы («ямы»)¹ Вельтман, под надзором которого было 173 арестанта (правда, часть из них из-за тесноты Временной тюрьмы содержалась в Тюремном замке в Бутырьках). Он, подобно Иванову, тоже бросился к дому Ивашкина, но, как и тот, нашел квартиру своего начальника опустевшей.² Столь же обескураженный, как и Иванов, Вельтман направился обратно к подвалам Временной тюрьмы.

Вопрос о судьбе уголовников, то ли отконвоированных из Москвы, то ли выпущенных московским главнокомандующим графом Фёдором Васильевичем Ростопчиным (1763-1826) для организации поджогов в городе, волновал многих участников событий 1812 года, а затем, в течение более чем полутора сотен лет, и историков. Напомним, что на показательном процессе, организованном французами 24 сентября (н. ст.) над 26-ю «поджигателями» было заявлено, что главным организатором пожара Москвы был Ростопчин, который «велел распустить острог, и около 800 преступников было выпущено с тем, чтобы они подожгли город в 24 часа после вступления французов». Для руководства этим предприятием в Москве были оставлены «различные офицеры и полицейские чиновники». Помимо этого, заявлялось, что Ростопчин вывез из города все пожарные трубы, дроги, крющья, ведра и другие «пожарные орудия».³

Обращает на себя внимание, что указанное французской военно-судной комиссией число арестантов (800 человек) почти совершенно совпадало с истинным числом преступников и подсудимых, находившихся в Тюремном замке и во Временной тюрьме! Не менее удивительно и другое: среди 26 человек ни один из них не был отнесён к уголовникам (только у казненного Семена Ахрамеева и «недостаточно избличенного» Шестоперова род занятий не был указан). Хотя, конечно, не исключено, что в протоколе судебного заседания указывался только род занятий, но не «судимость» обвиняемого. В этом случае, конечно, среди представших на процессе могли быть и уголовники.

Как бы то ни было, история о поджигателях-каторжниках стала излюбленным сюжетом для многих французских описаний московского пожара. Уже в день процесса, 24 сентября, капитан 2-го полка пеших гренадеров Императорской гвардии Л.Ф. Фантен дез Одар, записал в своем дневнике: «Ростопчин, его (т.е. города – В.З.) губернатор, хладнокровно подготовил и принёс жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобождённых до этого, и всем преступникам было обещано прощение, если они сожгут Москву. Опьяненные водкой и снабженные зажигательными материалами, а также запуская конгривные ракеты (назывались так по имени английского изобретателя полковника У. Конгрейва – В.З.), бешеные подняли руку на плоды труда с адской радостью...».⁴ Ещё ранее Фантена дез Ода-

¹ Находилась в подвальных помещениях Монетного двора на месте нынешнего Государственного исторического музея.

² Донесение смотрителя Временной тюрьмы Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа 1813 г. // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. – М., 1897. Ч. 2. С. 212. В отличие от Иванова, который составлял рапорт, будучи большим и под непосредственным впечатлением от только что произошедших событий, Вельтман делал это позже, стараясь выгородить начальство и избегая эмоций. Однако из контекста рапорта видно, что картина была та же, что и в случае с Ивановым.

³ Бумаги, относящиеся... 1897. Ч. 1. С. 129-143.

⁴ *Fantin des Odoards L.-F. Journal.* – P., 1895. P. 336.

ра, в 19-м бюллетене Великой армии, продиктованном Наполеоном поздним вечером 16-го сентября (нового стиля), была запущена в широкий оборот другая цифра – «три тысячи злодеев, которых он (т.е. Ростопчин – В.З.) выпустил из тюрем». Здесь же говорилось, что кроме этого Ростопчин «созвал 6 тыс. подчиненных и роздал им оружие из арсенала».¹ Пассажи об участии каторжников в поджогах Москвы встречаются во многих письмах французов, написанных в те дни в Москве.² Правда, наряду с каторжниками и выпущенными на волю сумасшедшими, действуют тысячи (от 5 до 10 тыс.) других русских злоумышленников, в том числе чинов полиции³, а также английские агенты, переодетые в русское платье.⁴ Число же каторжников в письмах французов иногда доходит до 20 тыс.!⁵

По нашему мнению, о чем мы уже писали ранее⁶, версия о широком участии в поджоге города каторжников, выпущенных Ростопчиным, активно развивалась московскими иностранцами с первого дня вступления Наполеона в Москву. Даже ещё ранее вступления в город французов по Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город и о том, что московская чернь с попустительства, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев. Не исключено, что и слухи о том, что губернатор выпустил из тюрем колодников для организации поджогов и бесчинств тоже начали циркулировать за несколько часов до входа войск Наполеона. Известный мемуарист шевалье Ф.-Ж. д'Изарн, давно осевший в Москве и торговавший зерном, передал одну из тех историй, которые циркулировали в русской столице: «Незадолго до вступления французов в Москву, к дверям слесаря немца Гурни, жившего в Немецкой слободе, подошёл просить милостыни какой-то нищий в арестантском платье и головою, наполовину обритою. Хозяйка дома дала этому несчастному всё нужное для того, чтобы подкрепиться и потом еще несколько денег. Сударыня, сказал он ей, в благодарность за вашу доброту ко мне, я дам вам совет: уезжайте как можно скорей». – Зачем? – “Этого мне нельзя сказать вам” – но осажденный вопросами, он рассказал наконец, что все арестанты без исключения выпущены из острога; с них взяли слово, что они будут поджигать город, а для большей верности, их заставили присягнуть перед иконами».⁷

¹ 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября (н.ст.) 1812 г. // *Napoléon I. Œuvres de Napoléon I.* – P., 1827. Т. 5. P. 62-63.

² См., например: Лейтенант 25 линейного полка Паради – м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow.* – P., 1913. P. 22; Сулейтенант 12-го линейного полка П. Беснар – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 29-30.

³ См., например: *Castellane E.-V.-E.-B. Journal.* – P., 1895. Т. 1. P. 154-155 (запись от 15 сентября 1812 г.); Лейтенант Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 24; Сулейтенант Ж. Дав – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 54; Проспер, интендантский чиновник – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 147.

⁴ См., например: Солдат Маршал – г-ну Тюгне, кюре. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 34.

⁵ Кудер, чиновник администрации Великой армии – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 51-52.

⁶ См.: *Земцов В.Н.* Процесс над «поджигателями», или Московский пожар глазами французов // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография (Труды Государственного исторического музея. Вып. 166). – М., 2007. С. 337-372.

⁷ *д'Изарн Ф.* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Рус-

История с освобождением Ростовичиных заключенных для организации бесчинств и пожаров активно распространялась и знаменитым аббатом А. Сюрюгом, кюре французской церкви Св. Людовика в Москве.¹ В целом, история о русских каторжниках прочно вошла в издания мемуаров французских участников похода в Россию.²

Что же говорят об этом русские материалы? Картина оказывается более противоречивой. Грабежи и разбойные нападения в Москве начались задолго до утра 2-го сентября, когда все арестанты московских тюрем ещё определенно находились под караулом. «Волнение в народе было сильное, – писал о событиях 1 сентября в рапорте министру юстиции чиновник Вотчинного департамента надворный советник А.Д. Бестужев-Рюмин, – грабили даже дома; пьянство и озорничество оставалось без всякого опасения быть наказану».³ В тот день город был уже наводнён дезертирами, ранеными и «мниморанеными». 1 сентября, как сообщал в письме чиновник Московского почтамта А. Карфачевский, по улицам города прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках».⁴ «У Покровского монастыря, – писал в письме асессор Сокольский, выбравшийся из Москвы 1 сентября, – встретили около 5000 раненых, кои разбивали кабаки; нашим многие грозили страшною опасностью...».⁵

Мародерство со стороны дезертиров и брошенных в Москве на произвол судьбы русских раненых приобрело в дальнейшем невероятный размах. Приведём только один эпизод, ставший известным благодаря письму приказчика крупного заводчика И.Р. Баташова – Максима Сокова. 4 сентября, когда жители Баташовской усадьбы на Вшивой горке вынуждены были спастись от огня, они «к ужасу усмотрели беглых и раненых русских солдат или мародеров и после узнали, что они жили грабежом проходящих». Ночью, в 100 метрах от себя, беглецы слышали человеческие стенания, а затем увидели «что русские раненые и беглые солдаты не только ограбили бедного обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти». Люди Сокова, решившись отомстить, перебили дубьём 12 человек «с подвязанными руками и с связанными головами». Рядом с их лагерем, в осоке, у воды они нашли «разного платья и других награбленных вещей воза два».⁶ Были случаи, когда дезертировавшие русские солдаты вступали в сговор с окку-

---

ский архив. – 1869. № 9. Ст. 1444.

¹ *Surrugue A.* Mil huit cent douze / Publ. par le R.P. Libercier. – М., [1909]. P. 22; *Surrugues.* Létres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou. – П., 1823. P. 14-15.

² См, например: *Bourgoing P.* Souvenirs militaires. – П., 1897. P. 34-37, 40.

³ Донесение А.Д. Бестужева-Рюмина министру юстиции И.И.Дмитриеву. Москва, 27 февраля 1813 г. // Русский архив. – 1896. Кн. 2. С. 368.

⁴ Копия с выписки из письма чиновника Московского почтамта Андрея Карфачевского. 6 ноября 1812 г. // Бумаги, относящиеся... 1900. Ч. 5. С. 165.

⁵ Письмо асессора Сокольского к неизвестному [Ивану Николаевичу] о событиях в Москве и жизни при французах [1812] // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 13 (далее – ОПИ ГИМ).

⁶ Письмо приказчика Максима Сокова к И.Р. Баташову // Русский архив. – 1871. № 6. Ст. 0222-0223.

пантами ради грабежа своих соотечественников.¹

Ростопчин, хорошо представляя, сколь опасны были для Москвы, покидаемой жителями и властями, эти скопления неизбежных для дезорганизованной армии мародеров, многократно писал об этом, отводя всякие обвинения в свой адрес на предмет освобождения заключенных. 13 сентября 1812 года он писал главнокомандующему М.И. Кутузову о страданиях жителей «от своих раненых, больных и нижних воинских чинов всюду шатающихся единственно для разорения соотечественников».² 30 октября Ростопчин писал управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову о том, что «в числе едва 10 тыс. человек в Москве жителей оставшихся, наверно 9 тыс. было таких, кои с намерением грабить не выехали, да и по выходе французов продолжали и с казаками и с жителями окрестных селений, в первые три или четыре дня».³

В своих воспоминаниях, написанных значительно позже описываемых событий, Ростопчин, как можно понять, 30-го или 31-го августа, приказал полиции «запереть вечером все кабаки и выгнать целовальников. К мере этой я должен был, – писал Ростопчин, – прибегнуть вследствие появления огромного числа мародеров, дезертиров и мнимораненых, которые со всех сторон прибывали в город; а одна уже приманка выпивки привлекла бы часть армии, которая и без того уже была слишком дезорганизована, и тысячи солдат, которых нельзя было сдержать силой, начали бы грабить город и, может быть, даже зажгли бы его, прежде прихода нашей армии».⁴ Версию же о том, что в поджоге Москвы участвовали преднамеренно выпущенные им для этого колодники, Ростопчин категорически отвергал.⁵

Но только ли русские солдаты и дезертиры грабили и поджигали дома москвичей? Определенно, нет. Среди грабителей и поджигателей были солдаты Великой армии. Вопреки уверениям в том, что наполеоновские солдаты только грабили, но не поджигали дома, это было не так. Наполеоновские мародеры, как и русские, полагали, что грабить добро гораздо сподручнее, когда дом загорится. О поджогах такого рода писали многие: надзиратель Воспитательного дома И.А. Тутолмин, смотритель Павловской больницы в Москве П. Носков, отставной генерал-майор С.И. Мосолов и др.⁶

Очень много было поджигавших и грабивших из числа подонков московского общества. Было немало случаев, когда они грабили не только своих соотечествен-

---

¹ Известно, к примеру, дело о рядовом Брестского пехотного полка Григории Буфетове, который вместе с французами разбивал кладовые Почтамта и «делал разным чиновникам насилия» (Ростопчин – Ивашкину. Москва, 21 ноября 1812 г. // Бумаги, относящиеся... 1900. Ч. 1. С. 126).

² Журнал исходящих бумаг канцелярии Ростопчина с июля по декабрь 1812 г. // Бумаги, относящиеся... 1908. Ч. 10. С. 182.

³ Ростопчин – С.К.Вязмитинову. 30 октября 1812 г. Копия. // Там же. 1903. Ч. 7. С. 417-418.

⁴ *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! – М., 1992. С. 304.

⁵ *Rostopchine F.V.* La Vérité sur l'incendie de Moscou. – P., 1823. P. 8.

⁶ И.А. Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 62об.; П. Носков – секретарю императрицы Марии Федоровне Г.И. Вилламову. 28 октября 1812 г. Копия. // Там же. Л. 54об.-55; Отрывок из рукописи «История моей жизни» отставного генерал-майора С.И. Мосолова // Бумаги, относящиеся... 1904. Ч. 8. С. 338.

ников, но и самих французов!¹ Особую окраску и особый размах буйство этих подонков приобрело в самом начале оккупации Москвы вследствие патриотических призывов самого Ростопчина. Огромная толпа московского люда, вдохновленная не только патриотизмом, но и винными парами, собралась к 10 часам утра 2 сентября у дома Ростопчина, ожидая от него ясных указаний к действиям. Однако вместо этого московский губернатор бросил им на растерзание несчастного М.Н. Верещагина, обвиняя того в мнимой измене Отечеству. Пьяная толпа под улюлюканье потащила мертвое тело по улицам, а затем бросилась в дом отца этой жертвы купца 2-й гильдии Н. Верещагина, убив и его.² Патриотические призывы губернатора, водка, пролитая кровь М. Верещагина – всё это происходило на фоне свободной раздачи оружия из Кремлевского арсенала.³

Весьма существенную лепту в грабежи Москвы с самого начала внесли окрестные крестьяне. Свидетельств тому множество. Вот, к примеру, что рассказал священник церкви Николы в Зарядье А.Н. Лебедев. Он писал, что имущество грабилось «налетевшими как саранча... мужиками незадолго до вступления неприятеля в Москву. Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и всё то, что было зарыто москвичами в земле на дворах, по погребам. Увозилось ими всё, и мелкое, и крупное, не пренебрегали и книгами...».⁴

Наконец, остались свидетельства и о том, что в грабежах и в сотрудничестве с оккупантами участвовали и чины московской полиции! Московская полиция, как писала М.А. Волкова В.И. Ланской, «выйдя из города в беспорядке, грабила во всех деревнях, лежащих между Москвой и Владимиром».⁵ А квартальный поручик П. Лакруа, находившийся в карауле у пленного французского полковника, специально остался в Москве, дабы перейти на службу к неприятелю. Сознательно остался в Москве, желая перейти на службу к французам, и квартальный поручик В. Галданов.⁶ Оказался 2 сентября пьян, отстал от полицейской команды и остался в Москве фурман Соломенко. Поведение его в городе во время оккупации так до конца и осталось невыясненным.⁷ На этом фоне совершенно невинными выглядели действия И.М. Бархатова, заплечных дел мастера, состоявшего при Московском губернском замке, который, следуя на своей подводе с женой в Нижний Новгород,

¹ Имел место случай, когда было похищено имущество, принадлежавшее маршалу Л.-А. Бертье (Записка Г.Н. Кольчугина // Русский архив. – 1879. № 9. С. 53).

² Волконский П.А. Воспоминания // Русский архив. – 1905. Кн. 3. № 11. С. 351.

³ Хорошо известный из отечественной литературы эпизод «обороны» Кремля 2 сентября горсткой патриотов на страницах письма одного из русских современников приобретает совсем иное звучание. Этот современник писал, что «неприятели застали русских в арсенале, с оружием в руках, кричали им, чтоб они его бросили, многие не понимали их, подавали им, думая, что они просят оное себе его, а злодеи таковых убивали, тут последовало смятение, смешанное с ужасом и отчаянием, бежали граждане не зная сами куда, кричали француз в Москве» (Отрывок из чернового письма неизвестного лица. 1812 г. // Бумаги, относящиеся... 1898. Ч. 3. С. 262).

⁴ Из рассказов русских о 1812 г. // Бумаги, относящиеся... 1897. Ч. 2. С. 259.

⁵ М.А. Волкова – В.И. Ланской. 18 ноября 1812 г. // Наполеон в России глазами русских. – М., 2004. С. 71.

⁶ Ростопчин – Ивашкину. 6 февраля 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 18-21; Ростопчин – Ивашкину. 22 июля 1814 г. // Там же. Л. 34-34об.

⁷ Допрос фурмана Соломенко в Таганской части. Январь 1813 г. Копия // Бумаги, относящиеся... 1898. Ч. 3. С. 113-114.

«ходя там, по питейным домам и наглыми средствами отнимая у целовальников казенные меры, черпая, вино пил безденежно».¹

Что же говорят русские свидетельства о колодниках? Участвовали ли они в грабежах и поджогах, и, если участвовали, то каково было это участие? А.Я. Булгаков, доверенное лицо Ростопчина, оставил запись о том, что 2 сентября, в 5 часов вечера возле заставы, через которую он выезжал из Москвы, он увидел следующее: «Кабак разбит. У острога колодники бегут: их выпустили, или они поломали замки сами».² П.А. Волконский также свидетельствовал, что 2 сентября «распустили колодников из ямы, рабочего дома и сумасшедших».³ Титулярный советник Василий Попов в своем прошении о вспомоществовании от 10 ноября 1812 г. на имя Ростопчина рассказывал, как в оккупированной Москве его вначале остановили французские грабители, которые ободрали с образов, бывших с ним, серебряные венцы, после чего возвратили ему иконы. Но сразу после этого и сами образа у него отняли трое «молодцов», «скованных в железках», и при этом немилосердно били.⁴ Весьма пространный рассказ о том, как, будучи ещё 14-летним мальчиком, попал в настоящее бандитское логово в оккупированной Москве, оставил спустя много лет А. Рязанов.⁵ После знакомства с его рассказом не остаётся сомнений в том, что в логове были настоящие каторжники, выпущенные из острога, которые грабили всех подряд, в особенности французов. Впрочем, вместе с тем, уголовники были готовы и оказать снисходительное покровительство некоторым своим несчастным соотечественникам.

Сразу после оставления неприятелем Москвы и вступления туда русских войск власти начали отлавливать арестантов, оказавшихся на свободе. 15 октября майор Гельман, командир Московской драгунской команды, докладывал Ивашкину, что в Москве задержано более 600 грабителей, «да ещё под караулом содержалось более 200 человек».⁶ Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го Ростопчину от 16 октября 1812 г. ещё более откровенен. Со ссылкой на майора К.Х. Бенкендорфа Иловайский сообщал, что «в течение двух дней переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из которых семь человек схвачены лейб-казачьим разъездом, против коего они стреляли из ружей, и несколько пойманы в святотатстве и убийстве...».⁷ Этот рапорт Иловайского, а также другие свидетельства русских и французов, дали возможность А.Н. Попову в работе, написанной более 100 лет назад, со всей убежденностью заявить о том, что в период наполеоновской оккупации в Москве находилось немало

---

¹ Из Владимирского губернского правления – обер-полицмейстеру П. Алексееву. 16 сентября 1812 г. // ЦИАМ. Д. 509. Л. 1.

² Заметки на память А.Я. Булгакова // Русский архив. – 1865. Ч. 4. Ст. 702.

³ Волконский П.А. Воспоминания // Русский архив. – 1905.

⁴ В. Попов – Ростопчину. 10 ноября 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 121.

⁵ Гл. 8, 10 // Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года. – М., 1862.

⁶ Гельман – Ивашкину. Москва, 15 октября 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 100. Кем были эти 200 человек, которые еще ранее оказались под караулом? Под чьим караулом? Скорее всего, того же майора Гельмана.

⁷ Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го. Москва, 16 октября 1812 г. // Русский архив. – 1865. Ч. 4. С. 695.

выпущенных из тюрем преступников, а приказание Ростопчина об отправке их из столицы «не было исполнено, по крайней мере вполне».¹

Последним из отечественных историков обращался к теме каторжников и московского пожара 1812 года А.Г. Тартаковский. Взяв в качестве основной идеи своей статьи версию А.Е. Ельницкого о несоответствии первоначального замысла Ростопчина о полном уничтожении столицы реальному её воплощению², Тартаковский, тем не менее, внес ряд ценных уточнений. Одно из них касалось судьбы колодников. По его мнению, если арестанты Тюремного замка в Бутырках и были отконвоированы из города, то колодники из Временной тюрьмы были особо доверенным лицом Ростопчина его адъютантом В.А. Обресковым все выпущены на волю.³ При всей убедительности картины, представленной Тартаковским, не может не возникнуть вопроса о том, могли ли сидевшие в «яме», по большей части, несостоятельные должники или подследственные по мелким делам, вдруг превратиться в сотни отъявленных уголовников, готовых на поджоги, грабежи и убийства? Вновь обратимся к сохранившимся документам.

1 сентября Ростопчин (трудно сказать, до или после встречи с Кутузовым на Поклонной горе) предписал гражданскому губернатору Н.В. Обрескову отправить в Рязань «за присмотром содержащихся в здешнем тюремном замке криминальных колодников». Обресков, в свою очередь, соотнесся с обер-полицмейстером Ивашкиным, возложив на него эту задачу. Согласно сведениям Обрескова, в Тюремном замке содержалось («за исключением по ордонансной части», т.е. воинских арестантов по Московскому гарнизону) 529 человек, в том числе 80 человек больных. Во Временной тюрьме всего содержалось 166 человек. Обресков полагал (вероятно, по предложению Ростопчина) возможным тех из них, кто «по давно бывшим претензиям, могут освобождены на расписки с обязательством явиться по востребованию». Обресков просил Ивашкина вытребовать от московского коменданта охранение под командой обер-офицера из расчёта одного рядового на трёх арестантов. Обресков требовал также изыскать суммы на продовольствие в дороге. Конвоирование содержащихся по ордонансной части 101 человека предполагалось поручить коменданту. Содержавшихся за долги, «по изъяснении господина стряпчего», рекомендовалось освободить.⁴

Итак, в намерения Ростопчина, без сомнения, не входило использовать колодников Тюремного замка для организации беспорядков и поджогов в городе. Но может быть поджигателями должны были стать арестанты Временной тюрьмы? К утру 2 сентября «подопечными» Вельтмана были 173 арестанта, из которых, однако, во Временной тюрьме содержалось только 166 человек; остальные 7 человек

---

¹ Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году. – М., 1876. С. 79.

² Ельницкий А.Е. Ф.В. Ростопчин // Русский биографический словарь: Романова – Ясовский. – Пг., 1918. С. 283-284. См. также: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. – СПб., 1859. Т. 2. С. 314-315.

³ Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат // Родина. – 1992. № 6-7. С. 90.

⁴ Н.В. Обресков – Ивашкину. 1 сентября 1812 г. // ЦИАМ. Д. 503. Л. 1-2. См. также: Бумаги, относящиеся... 1901. Ч. 6. С. 4.

были размещались в Тюремном замке.¹ Кроме того, в ведении Вельтмана находилось «сверх того более 20 человек евреев», которые содержались в замке, но которые, по-видимому, вместе с тем, не вошли в указанное число 173 человек.² Из 166 человек 26 были женщинами. Основная часть арестантов были дворовыми людьми и крестьянами. Кроме того, имелось несколько мещан, купеческий сын, несколько дезертиров, один отставной корнет, один майор, шесть чиновников, один сын чиновника, один отставной вахмистр и один иностранец. Трудно сказать, кого именно могли бы освободить под расписку утром 2 сентября, но очевидно, что и оставшиеся 100–150 человек вряд ли могли превратиться в восемь сотен каторжников-поджигателей.

Что же реально произошло 2-го сентября с арестантами московских тюрем? Как известно, около 8 часов вечера 1 сентября Ростопчин получил сообщение от Кутузова об окончательном решении оставить Москву. Поэтому вечер 1-го сентября и ночь с 1-го на 2-е были до предела заполнены неотложными делами. Среди прочего, Ростопчин приказал Ивашкину вывезти из Москвы пожарные трубы, при этом оставив на месте «пожарные инструменты». Сборным местом пожарной команды, как и всей полицейской команды, были определены Красные ворота, рядом с которыми был дом обер-полицмейстера.³

Воспоминания Ростопчина дают нам представление о тех неотложных мерах, которые московский главнокомандующий успел предпринять вечером 1-го, в ночь с 1-го на 2-е и утром 2-го сентября. Он написал и отправил к императору 2 письма (одно – до получения уведомления от Кутузова о сдаче Москвы, другое – после); «призвал» Ивашкина и отдал ему распоряжение об отправке полицейских офицеров для провода войск на Рязанскую и Владимирскую дороги; распорядился увезти все пожарные трубы; отдал приказ коменданту и начальнику Московского гарнизона об уходе их команд из города; позаботился об отправке из Москвы двух (по другим источникам – трёх) особо чтимых икон; немало времени уделил организации отправки раненых; распорядился о высылке Ф. Леппиха со всем его «хозяйством» по Ярославской дороге; примерно в 11 вечера беседовал с принцем Вюртембергским и герцогом Ольденбургским, затем – с несколькими молодыми людьми из «хороших фамилий», с которыми вынужден был спорить о необходимости оставления Москвы; отправил камердинера на дачу в Сокольники, чтобы спасти

---

¹ Ими были: сын губернского регистратора Яков Астальцев, землемерный помощник Семен Храпов, отставной чиновник 9-го класса Иван Сокольников, два коллежских регистратора М. Попов и М. Пропилов, отставной титулярный советник Павел Молчанов и иностранец Иоганн Гольц. Мы попытались найти указанных лиц в списке арестантов Тюремного замка, составленном на 2 сентября 1812 г., однако из семи человек троих обнаружить не удалось.

² Донесение смотрителя Временной тюрьмы Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа 1813 г. // Бумаги, относящиеся... М., 1897. Ч. 2. С. 212-213.

³ Предписание Ростопчина Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб. 1 сентября 1812 г. // Там же. Ч. 1. С. 96. В «Правде о пожаре Москвы» Ростопчин открыто признался, что приказал вывезти из города 2100 полицейских пожарных и 96 труб (*Rostopchine F.V.* Op. cit. P. 11). Однако были вывезены не все трубы, по крайней мере, 4 трубы были оставлены в Воспитательном доме. Утром 2 сентября приказ Ростопчина Ивашкину о сборе всей полицейской команды у дома обер-полицмейстера и о движении на Владимир был подтвержден (Ивашкин – Ростопчину. 26 июля 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 50).

два дорогих ему портрета – жены и императора Павла I; отобрал бумаги, которые хотел взять с собой; озаботился отправкой двух грузинских царевен, двух грузинских княжен и экзарха Грузии, брошенных в Москве начальником Московского дворцового управления П.С. Валуевым; принял множество просителей; отобрал 6 полицейских офицеров, которые должны были остаться переодетыми в Москве и доставлять ему сведения о происходивших там событиях¹; под утро принял шталмейстера П.И. Загряжского, чье поведение во время вражеской оккупации станет столь скандальным; в 10 часов утра встретился с сыном Сергеем; наконец, стал участником трагической сцены убийства М.Н. Верещагина. Конечно, о зловещем совещании, где бы обсуждался план сожжения города, Ростопчин не поведал. О том, что такое совещание предположительно всё же имело место, мы можем судить на основании только косвенных данных. Впервые о факте такого совещания уверенно написала дочь Ростопчина Н.Ф. Нарышкина, чьи воспоминания, написанные в 60-е гг. XIX века, были опубликованы только в 1912 году. Более того, реально в научный оборот их ввёл только А.Г. Тартаковский в 1992 году. Напомним, что Нарышкина уверяла, будто «глубокой ночью полицмейстер (*le maître de police*) Брокер привёл с собой несколько человек из числа горожан и других чинов полиции». «Состоялось секретное совещание, – пишет она далее, – в кабинете моего отца, на котором присутствовали Брокер и мой брат; они получили точны инструкции (*des instructions précises*) о зданиях и кварталах, которые следовало обратить в пепел сразу же как только пройдут наши войска: они обещали все выполнить и сдержать слово; это не подтверждает мнения, будто разбойники или бандиты явились теми, кто поджог город, но это были люди, преданные своей родине и своему долгу».² Среди этих людей Нарышкина назвала прежде всего квартального надзирателя П.И. Вороненко, который, по её словам, уничтожил склады с зерном, барки, стоявшие на реке, также наполненные зерном, «и лавки, которые образуют форму базара, в которых были все товары, необходимые для обитателей Москвы». Нарышкина называет ещё два имени из числа московских ремесленников, выполнивших приказ «об уничтожении складов, которые первыми должны были быть преданы огню». Этими людьми были Иван Прохоров, который был расстрелян французами, и Антон Герасимов, который исчез бесследно.³

Следует обратить внимание на то, что Нарышкина все же была не первой, кто, опираясь на известный рапорт Вороненко на имя экзекутора Андреева, отверг идею об использовании Ростопчиным колодников для организации поджогов. Первым был А.И. Михайловский-Данилевский.⁴ Из доклада Вороненко следовало, что

---

¹ Все они, как сообщает Ростопчин, остались живы. Нам определенно известно только имя квартального надзирателя Ф.П. Пожарского и предположительно – квартального надзирателя И.И. Иванникого. Не исключено также, что одним из этих людей был квартальный надзиратель А.П. Спиридонов (Бумаги, относящиеся... Ч. 4. С. 281-282).

² *Narichkine M-m* (née comtesse Rostopchine). *Le cmte Rostopchine et son temps*. – St.Petersbourg, 1912. P. 168.

³ *Ibid.* P. 168-169. Развивая дальше свое повествование и излагая суждения об организации пожара Москвы, Нарышкина утверждала, что Ростопчин полагал, будто император Александр вовсе не был против этой крайней меры (*Ibid.* P. 180).

⁴ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Изд. 3-е. – СПб., 1843. Ч. 2. С. 366, 376-377.

2 сентября в 5 часов утра по поручению Ростопчина он отправился «на Винный и Мытный дворы, в комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря». После вступления в Москву неприятеля (это произошло в 3-4 часа дня) вплоть до 10 часов вечера он «по мере возможности» предал эти объекты огню.

Что же касается А.Ф. Брокера, то основная его «истребительная деятельность» пришлась на ночь с 1-го на 2-е сентября, когда он по приказу Ивашкина с командой «в казенных магазинах и в содержательской конторе» вплоть до 7 часов утра разбивал и разливал бочки с вином. В 7 утра он получил приказ Ивашкина явиться к дому обер-полицмейстера, «что у Красных ворот», вместе с командой для выхода из города. После чего выступил из города вместе со всей полицейской командой и пожарным инструментом по Калужской дороге.¹

По-видимому, совещание (а возможно, и не одно), о котором поведала Нарышкина, в ночь с 1-го на 2-е в действительности имело место. Брокер, который фигурирует в её рассказе, вполне мог в течение ночи пару раз оторваться от увлекательнейшего занятия истребления бочек с вином и появиться в доме Ростопчина на Лубянке. Но вопрос об использовании острожников для организации поджогов скорее всего тогда даже не поднимался. Об острожниках попросту не вспоминали.

Ростопчин, поручив гражданскому губернатору Обрескову заняться эвакуацией заключенных в Рязань, занялся другими делами. Ивашкин, со своей стороны, также уже 1 сентября отдал приказ московскому коменданту утром 2-го сентября отправить «криминальных колодников» числом 529 человек из Тюремного замка с «хорошим конвоем» из расчёта одного солдата на трех арестантов в Рязань², и был уверен, что эту заботу он со своих плеч сбросил. Ростопчин, как мы знаем, был занят массой других дел и, по-видимому, к утру 2-го полагал, что проблема с острожниками решается своим чередом.

В 6 утра Ростопчин собрал в доме на Лубянке совещание полицейских чиновников.³ По-видимому, Ивашкин, которого столь тщетно разыскивали в это время Иванов и Вельтман возле Красных ворот, также на нём присутствовал. Судя по свидетельству Брокера, полицейская команда, которой было приказано утром 2-го собраться возле квартиры обер-полицмейстера, в 6 – начале 7-го утра собрана ещё не была. Этим и объясняется тот факт, что Иванов с Вельтманом так и не смогли в тот день увидеть Ивашкина и получить от него ясные распоряжения.

То, что произошло в ходе утреннего совещания в доме у Ростопчина, либо же сразу после него, точно восстановить вряд ли возможно. Полагаем, что идея об использовании арестантов Временной тюрьмы для организации поджогов на этот

---

¹ Адам Фомич Брокер // Русский архив. – М., 1868. Ст. 1433-1434. По словам Брокера, при исполнении приказа об уничтожении вина встретилось затруднение, которого не могла остановить никакая строгость: вино лилось на улицу, и народ припадал к сточным канавам, пользуясь, несмотря на представленный надзор, даровым угощением, и что «многие тут и остались». При этом из пожарной команды двое чинов, «при этом испытании, утонули в бочках» (Там же. Ст. 1433, прим. 30).

² Ивашкин – московскому коменданту. 1 сентября 1812 г. // Бумаги, относящиеся... М., 1898. Ч. 3. С. 195.

³ Там же. С. 19. Мы полагаем, что это было не то совещание, на котором решался вопрос о поджогах различных объектов в Москве.

раз всё же была высказана. А так как Ростопчину стало известно, что они всё ещё находятся в подвалах Временной тюрьмы, он, во изменение прежнего решения об освобождении под расписку только некоторых из них, приказал их всех выпустить на свободу, предварительно потребовав клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга». Осуществить эту миссию должен был не кто иной, как доверенное лицо московского главнокомандующего адъютант В.А. Обресков. Всё это было сделано в отсутствие Вельтмана, который безуспешно метался возле Красных ворот. В отсутствие Вельтмана начальником Временной тюрьмы оставался квартальный поручик Сретенской части Скрябин. Можно представить, сколь велико было удивление Вельтмана, когда, возвращаясь от дома обер-полицмейстера, он увидел, как по Мясницкой, «против Банковской конторы», Скрябин ведёт «караул со всем конвоем из оной тюрьмы». Скрябин отрапортовал изумлённому Вельтману, «что прислан был по приказанию от Его графского сиятельства господина главнокомандующего адъютант Обресков, который выпустил при себе всех содержавшихся из Временной тюрьмы колодников».¹ К донесению Вельтмана, из которого мы и узнаем об этих событиях, прилагался «реестр» заключённых. Из него видно, что в ведении Вельтмана было 173 арестанта, часть из которых содержалась в Тюремном замке. Как мы уже убедились ранее, данные этого списка не всегда соотносятся с реестром содержавшихся в Бутырской тюрьме. Кроме того, в этом списке нет Верещагина и Мутона, которые до утра 2 сентября определенно содержались в «яме». По-видимому, этих двух арестантов Обресков сам и доставил в дом Ростопчина (точно известно, что В.А. Обресков присутствовал и при убийстве Верещагина, что произошло около 10 часов утра). В этом случае известные строки из воспоминаний Ростопчина определенно выглядят как преднамеренная ложь. Вот они: «Я спустился на двор, чтобы сесть на лошадь, и нашёл там с десяток людей, уезжавших со мною. Улица перед моим домом была людьми простого звания, желавших присутствовать при моём отъезде. Все они при моём появлении обнажили головы. Я приказал вывести из тюрьмы и привести ко мне купеческого сына Верещагина, автора наполеоновских прокламаций, и еще одного французского фехтовального учителя, по фамилии Мутон, который за свои революционные речи был предан суду и, уже более 3-х недель тому назад, приговорён уголовной палатой к телесному наказанию и к ссылке в Сибирь; но я отсрочил исполнение этого приговора. Оба они содержались в тюрьме для неисправных должников, и их забыли отправить с 730 преступниками как Московский губернии, так и всех тех, которые были заняты неприятелем. Преступники эти, которыми наполнили главную московскую тюрьму, ушли три дня тому назад, под конвоем одного батальона гарнизонного полка, и напра-

---

¹ Донесение Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа 1813 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 212. О том, что все заключенные Временной тюрьмы были выпущены 2 сентября В.А. Обресковым, следует и из другого документа – отношения Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда от 6 июня 1813 г. (Там же. С. 213).

Бывший арестант Временной тюрьмы титулярный советник Пospelов, который «был взят от должности следственным приставом Яковлевым» по приказанию Ростопчина, и по делу которого ещё не было производства, уверял впоследствии, что был выпущен из тюрьмы «за три часа до вступления французов» (Ростопчин – Ивашкину. 6 февраля 1814 г.; Московская управа благочиния – Ивашкину. 27 февраля 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 19, 26.

вились к Нижнему Новгороду. Человек 20 заключённых за долги, в особой тюрьме, были, по моему приказанию, объявлены свободными, и им растворили двери; кредиторов их в городе не было, и обстоятельства не благоприятствовали уплате долгов. Как же был я удивлен, когда впервые узнал, что эти должники превратились – в одном из наполеоновских бюллетеней – в легион из 500 человек, исполнивших мой план сожжения Москвы».¹

Как мы знаем, Ростопчин неоднократно и категорически отвергал обвинения в свой адрес по поводу организации поджогов Москвы руками колодников, вероятно полагая, что действия сотни или полутора сотен не особо опасных уголовников или подозреваемых легко могут «раствориться» в огромном водовороте событий великого московского пожара. Ростопчин тем более был в этом уверен, что, по крайней мере, с самого начала полагал, будто вся опаснейшая братия колодников из Тюремного замка действительно была выпровождена из Москвы. 4 сентября 1812 года он сообщал Кутузову о том, что арестантов, содержавшихся в Москве, было приказано «бывшему московскому гарнизонному полку всех» выпроводить, и «которые оным полком и выпровождены».² 30 октября, уже после освобождения Москвы, явно реагируя на обвинения наполеоновских бюллетеней (а вероятно, и своих соотечественников) в использовании каторжников для поджога столицы, Ростопчин писал Вязмитинову, что все преступники, «как московской, так и присланные из занятых губерний» были в числе 620-ти (sic! – В.З.) отправлены под караулом в Нижний Новгород, «где они и теперь в остроге содержатся».³ Важно, что в этом письме Ростопчин уведомил только об арестантах, содержавшихся в Тюремном замке. То, что по его приказанию были выпущены заключенные Временной тюрьмы, он не скрывал.

Итак, арестанты Тюремного замка были всё-таки уведены из столицы под караулом Московского гарнизонного полка?

Вернемся к рассказу зрителя Бутырской тюрьмы Иванова, которого мы оставили утром 2 сентября возвращающимся от дома обер-полицмейстера «к своей обязанности» в полном недоумении. Солдат Московского гарнизонного полка он так и не дождался. Вместо этого «того ж утра часу в 11-м» в Тюремном замке появился плац-адъютант майор Кушнерёв и объявил Иванову приказ сдать «колодников сколько их есть имеющему прийти полку». Вскоре появился и «полк». Обрадованный Иванов спешно сдал всех 627 арестантов и колодников «под расписку» подпоручику Анисимову, «за коими поотдавал и весь бывший в замке караул», а сам «с малою бывшею у меня командою остался в замке».

Но и теперь, наконец-то избавившись от заключенных, Иванов продолжал оставаться в растерянности: не было дано никаких приказаний в отношении самого Тюремного замка. Между тем, Кушнерёв сообщил, что московский комендант с гарнизоном из города уже выступил и «что в Москве никакой команды нет». «В таком случае, – повествует Иванов, – не зная что предпринять, наконец решил я ос-

---

¹ Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С. 312-313.

² Журнал исходящих бумаг канцелярии Ростопчина с июня по декабрь 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 10. С. 175.

³ Ростопчин – Вязмитинову. 30 октября 1812 г. Копия // Там же. М., 1903. Ч. 7. С. 416.

тавить замок и последовать всем выходом из Москвы вон». И так, «в исходе 4-го часа пополудни с привратником унтер-офицером Сергеем Ивановым, лекарским учеником Алексеем Макаровым и тремя заплечных [дел] мастерами с семействами их и моим, отправился к Преображенской заставе». В самом же Тюремном замке из числа бывшей при Иванове команды остался унтер-офицер Изот Андреев, рядовой Матюшин с семействами, и «Лафертовской части пожарный служитель староста церковной Степан Слепнёв, холостой».

На этом мытарства Иванова не закончились. Достигнув села Покровского, Иванов и его люди услышали пушечные выстрелы, раздавшиеся из города. Вокруг началась паника, народ кричал, что в Москву вошли французы и надо спасаться бегством. В этой суматохе один из заплечных дел мастеров Алексей Коренев «неизвестно как в Москве отстал». Со всеми же остальными Иванов добрался до города Александрова, «где по истощении способов следовать куда-либо далее», оставил свою команду «впредь до востребования в ведении тамошнего городничего». Сам же отправился в город Юрьев-Польский и, «будучи крайне нездоров, остановился в оном, не зная настоящего пристанища и [неразборчиво] способом продолжать путь куда-либо далее». Здесь Иванов «узнал по слухам», что его начальник Ивашкин «иметь изволили своё пребывание во Владимире, но и от то ж якобы выезжать намеревались». Поэтому Иванов, «долгом поставляя донести о себе», 19 сентября подготовил рапорт и приложил к нему другой, подготовленный ранее, 13 сентября, с описанием произошедших с ним, начиная с 1 сентября, событий. С этими рапортами Ивашкину был отправлен и список сданных под расписку подручнику Анисимову колодников, а также ведомость расходов.¹ Из списка колодников видно, что всего под надзором Иванова был 631 человек, однако «из оногo числа отпущено в части трубочистов 3, да отправлен в ордонансгауз за болезнью 1».² Так что осталось 627 человек. Действительно, из документов видно, что ещё 20 августа был «отправлен в ордонансгауз за болезнью» драгун Квашнин.³ 1 сентября был отпущен в Пятницкую часть Фёдор Михайлов, трубочист, а 2 сентября – ещё двое, – Иван Колесников (из городской части) и «присланный из пожарной части» (из Тверской части) Мартын Тимофеев.⁴ Интересно, зачем перед самым выходом из Москвы понадобились в полицейские части арестанты-трубочисты? Чистить трубы? Скорее всего, как отмечали многие французские мемуаристы, для того, чтобы подложить в печи взрывчатые вещества.

Таким образом, ко 2-му сентября в Тюремном замке содержалось 627 человек (в это число входили и те несколько человек, которые числились во Временной тюрьме у Вельтмана).

Из последней записи в списке колодников находим и ответ на вопрос, какой такой «полк» привел к Тюремному замку 2 сентября подпоручик Анисимов, чтобы

---

¹ Иванов – Ивашкину. 13 сентября 1812 г.; Иванов – Ивашкину. 19 сентября 1812 г. [Поступило в канцелярию обер-полицмейстера 25 сентября 1812 г.] // ЦИАМ. Д. 503. Л. 3-5; Список губернского тюремного замка содержащимся в оном колодникам с показанием кто по какому присутственному месту и с котораго времени. 1 (исправлено на 2) сентября 1812 г. // ЦИАМ. Д. 503. Л. 6-21об.

² Список губернского тюремного замка. Л. 21об.

³ Там же. Л. 18об.

⁴ Там же. Л. 16об.

принять заключённых. То был «вновь сформированный под командою майора Никельгорста 10-й пехотный полк».¹ Это безусловно подтверждается отношением Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда от 6 июня 1813 г.²

По-видимому, утром 2-го сентября у московского коменданта под рукой уже не оставалось никаких надежных воинских команд, и он поручил ещё до конца не сформированному полку Московского ополчения отконвоировать арестантов Бутырской тюрьмы. Этот 10-й полк Московского ополчения только 29 августа получил 964 ружья, которых не хватило даже на половину его личного состава. Что же касается партии, которая была определена майором бароном Нительгорстом (вероятно, именно таким было правильное написание его фамилии) для конвоирования колодников, то о её составе мы узнаем из рапорта самого командира полка, отправленном 9 сентября 1812 года Кутузову. Партия состояла из командира поручика Кулакова, четырёх унтер-офицеров, «рядовых старых 6, из рекрут рядовых 10, рекрут 284».³ Сей состав весьма примечателен (мы не считаем солдат тюремного караула, которые, возможно, в конвоировании и не участвовали)! Один офицер, четыре унтер-офицера и шесть солдат должны были следить за тем, чтобы не разбежалось 294 рекрута и 627 арестантов, среди которых имелись отъявленнейшие преступники!

Сохранились ли какие-либо следы того, что какая-то часть арестантов смогла по дороге (скорее всего, даже ещё в Москве) «утечку учинить»? Ещё Михайловскому-Данилевскому удалось в делах нижегородского губернского правления обнаружить документ от 3 октября 1812 г., из которого следовало, что 23-го сентября 10-й пехотный полк Московского ополчения доставил в Нижний Новгород «из числа 620, за убылью некоторых из них в пути» 540 человек арестантов. Следовательно, по дороге «исчезло» более 80 арестантов! Если даже предположить, что часть из этих 80 человек составили больные, которых нельзя было конвоировать дальше, некоторое число заключенных определенно бежало.

Обращение к списку лиц, проходивших по процессу над поджигателями, организованному 24 сентября (н.ст.) французами, это предположение, похоже, подтверждает. Среди 16 «недостаточно изобличенных» значился Семён Иванов, 18 лет, обойщик, уроженец г. Масальска. В списке колодников Тюремного замка на 2 сентября также был некий Семён Иванов, дворовый человек госпожи Ивановой, уличенный в краже, и поступивший в Замок 13 августа 1812 года.⁴ Но особенно примечательна фигура признанного виновным в поджогах и расстрелянного Ивана Максимова, старика 70-ти лет, назвавшегося лакеем князя Сибирского и уроженцем г. Козлова. В списках Бутырской тюрьмы был Иван Максимов, поступивший туда 11 июня 1812 года и значившийся как «воспитанник» богадельни. В графе, где односложно характеризовалась причина ареста, было неопределенно записано: «в

---

¹ Список губернского тюремного замка. Л. 21об.

² Отношение Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда. 6 июня 1813 г. // Бумаги, относящиеся... М., 1897. Ч. 2. С. 213.

³ Майор Нительгорст – Кутузову. 9 сентября 1812 г. с. Сафоново, на Тульской дороге. // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-Ученого архива. – СПб., 1911. Т. 18. С. 42-43.

⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. – М., 2008. С. 296.

отлучке из богаделенного дому»¹. Имена остальных, проходивших на процессе 24 сентября (н.ст.), в списках Тюремного замка не значатся (что, конечно, не исключает, что кто-то на «суде» вообще назвался не своим именем).

Знал ли Ростопчин о том, что часть колодников Тюремного замка разбежалась, или, по крайней мере, догадывался ли он об этом? Этого мы, вероятно, уже никогда не узнаем. В любом случае, московский главнокомандующий не собирался использовать колодников Бутырской тюрьмы для организации поджогов. Ростопчин и так прекрасно знал, что в условиях анархии и грабежей, удаления «огнеспасительного снаряда», да ещё и организации нескольких сознательно устроенных поджогов людьми Вороненко, а то и арестантами Временной тюрьмы, столица должна была загореться непременно. Не далее как в июне – июле 1812 года он сам запретил жителям города «курить табак на улицах» в целях предохранения его от пожара, и повторил этот приказ 12 июля 1813 года, когда прежняя Москва, благодаря, в том числе, и его усилиям, уже благополучно сгорела.²

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И.Щукиным. – М., 1897-1908. Ч. 1-10.
2. *Волконский П.А.* Воспоминания // Русский архив. – 1905. Кн. 3. № 11.
3. Донесение А.Д. Бестужева-Рюмина министру юстиции И.И. Дмитриеву. Москва, 27 февраля 1813 г. // Русский архив. – 1896. Кн. 2.
4. Заметки на память А.Я. Булгакова // Русский архив. – 1865. Ч. 4.
5. Записка Г.Н. Кольчугина // Русский архив. – 1879. № 9.
6. Наполеон в России глазами русских. – М., 2004.
7. П. Носков – секретарю императрицы Марии Федоровне Г.И. Вилламову. 28 октября 1812 г. Копия. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Ед. хр.199. Л. 54об.-55.
8. Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-Ученого архива. – СПб., 1911. Т. 18.
9. Письмо асессора Сокольского к неизвестному [Ивану Николаевичу] о событиях в Москве и жизни при французах [1812] // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 155. Ед.хр. 109.
10. Письмо прикащика Максима Сокова к И.Р. Баташову // Русский архив. – 1871. № 6.
11. Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го. Москва, 16 октября 1812 г. // Русский архив. – 1865. Ч. 4.
12. *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! – М., 1992.
13. *Рязанов А.* Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года. – М., 1862.
14. И.А. Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. Копия // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Ед. хр. 199.
15. ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Д. 503, 509, 563.
16. *Bourgoing P.* Souvenirs militaires. – P., 1897.
17. *Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. – P., 1895. Т. 1.
18. *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. – P., 1895.

¹ Там же. ЦИАМ. Д. 503. Л. 10.

² См.: ЦИАМ. Д. 466, 793.

19. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Gorai-now. – P., 1913.
  20. *Napoléon I. Œuvres de Napoléon I.* – P., 1827. T. 5.
  21. *Narichkine M-m* (né comtesse Rostopchine). Le cmte Rostopchine et son temps. – St. Pétersbourg, 1912.
  22. *Rostopchine F.V.* La Vérité sur l'incendie de Moscou. – P., 1823.
  23. *Surrugues.* Léttres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou. – P., 1823.
  24. *Surugue A.* Mil huit cent douze / Publ. par le R.P. Libercier. – M., [1909].
- Литература:
25. *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2.
  26. *Ельницкий А.Е.* Ф.В. Ростопчин // Русский биографический словарь. – Пг., 1918. Романова – Рясовский. С. 283-284.
  27. *Земцов В.Н.* Процесс над «поджигателями», или Московский пожар глазами французов // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 166). – М., 2007. С. 337-372.
  28. *д'Изарн Ф.* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Русский архив. – 1869. № 9.
  29. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Изд. 3-е. – СПб., 1843. Ч. 2.
  30. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. – М., 2008.
  31. *Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году. – М., 1876.
  32. *Тартаковский А.Г.* Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6-7.

Zemtsov V.N.

Count F.V. Rostopchin, criminals and Moscow fire of 1812

Article is devoted to a problem of reasons of the great Moscow fire of 1812. The author finds out: the widespread version about participation in arsons of the city of the criminals released from prisons by general-governor F.V. Rostopchin is how justified? On the basis of a wide range of sources, many of which for the first time are introduced for scientific use, the author disproves this version, claiming, however, that Moscow has been doomed by F.V. Rostopchin to destruction – regardless of participation in this act of criminals.

Keywords: Patriotic war of 1812 (Russian campaign of Napoleon); Moscow fire of 1812; F.V. Rostopchin; criminals and Moscow in 1812.

Михеева И.В.

ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО «ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВА» В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена основам российского законодательства в XIX – начале XX вв. Анализируются требования, принципы, идеи законодательной деятельности в Российской империи. Обозначена традиционность подходов и концепций, составляющих идеологию законодательства в истории и современности российского государства.

Ключевые слова: Российская империя, законодательство, министерства, принципы, идеология.

Многосложность современного российского законодательства предопределяет необходимость постоянного поиска его оптимальной структуры и содержания, обращение к традиционным основам совершенствования законодательной базы российского государства. Законодательство, включая различные регулятивные механизмы, опосредует сформированные в обществе правовые ориентиры, ценностные основы и т.п. В то же время именно законодательство является одним из факторов формирования правовой идеологии у носителей правового сознания.¹ В этой связи думается, что стабильность правового регулирования и динамизм законодательства тогда не являются взаимоисключающими явлениями, когда при создании конкретного закона учитываются некие универсальные основы правового характера, наиболее значимые идеи и подходы, имеющие устойчивость и преемственность в рамках обновляемой на разных этапах развития российского государства системы законодательства. При этом качество одного закона определяется, прежде всего, его гармоничной «встроенностью» в общую систему действующих правовых актов, выстроенную в соответствии с ценностями и традициями государства.

Рассматривая «существо законодательной деятельности» в Российской империи, учёные выделяли «главные моменты положительного закона»: «1) инициатива закона, 2) составление проекта закона, 3) рассмотрение проекта, 4) утверждение положительного закона, 5) издание и обнародование, 6) форма, 7) пространство силы закона; и 8) исполнение его».² Это «существо» объединило в себе как обязательные и благополучно усвоенные современной теорией правотворчества стадии законодательного процесса (законодательный почин, составление и обсуждение проекта, утверждение, опубликование), так и базовые критерии его эффективности (надлежащая форма, приобретение общеобязательной силы, применение).

В современном подходе к формированию действующего законодательства такое широкое понимание «законодательства» сохраняет свою актуальность, поскольку позволяет «вместить» узловые моменты существования закона – от мо-

---

Михеева Ирина Вячеславовна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и административного права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород).

¹ См.: *Байков А.Ф.* Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 176 с.

² *Андреевский И.Е.* Русское государственное право. Т. 1: Введение. Ч. 1: О правительстве. – СПб., М., 1866. С. 167.

мента его зарождения как идеи в рамках законодательной инициативы до мониторинга правоприменения. В контексте законопроектной деятельности учёные обращаются к концепции, идее законопроекта.¹ Рассматривается идея закона, нормотворческая идея и концепция правового акта², правовые позиции законодателя, нормотворческие правовые позиции и пр.³ Создаются концепции развития законодательства и законодательного процесса.⁴ Неоднозначность подходов к законотворчеству делает ещё более актуальной дискуссию о системе существующих концепций, идей, подходов, представлений о создании эффективно действующей системы законов, своего рода идеологии законотворчества в контексте правовой идеологии.

Значимость идеологии, как совокупности идей, как доминирующего подхода к созданию системы законодательства велика на всех этапах законотворческого процесса и далее. Принципиальные основы системного правотворчества в государстве определяют правовую позицию законодателя в отношении предмета и способов регламентации той или иной сферы общественной жизни. От этого зависит вектор развития правовой действительности в целом, эффективность одного акта и регулятивный эффект всего законодательства, комплексное влияние на все регулируемые правом общественные отношения.

На фоне современных интенсивных научных споров в контексте исторической правопреемственности хотелось бы уточнить, что лежало в основе создания, совершенствования законодательства Российской империи. На чём выстраивалась законодательная деятельность, что могло в той или иной степени гарантировать эффективность принимаемых тогда законов?

Известно, что идеология включает в себя идеалы, ценности, концепции, в соответствии с которыми выбирается цель и средства её достижения. В этом смысле формирования *идеологии* законотворчества определяется: **цель** совершенствования законодательства, как ориентир при разработке законопроектов; **средства** достижения поставленной цели. С идеологией законотворческой и правотворческой деятельности, в целом во многом связано первоначальное формулирование идеи конкретного законопроекта, создание его текста. Если обратиться к идее закона, то, как правило, теоретики рассматривают её в контексте реализации законодательной инициативы и составления текста законопроекта, как первых этапов законодательного процесса. Эта логика сохранилась со времен Российской империи. Дореволюционные учёные-правоведы предполагали наличие базовых «начал, оснований, условий», которым должен был соответствовать законопроект. И.Е. Андреевский в качестве условий составления проекта законодательного акта называл: чёткое обоснование «востребованности» в новом законе, ответ на вопрос – зачем, т.е. обязательное обозначение **цели**; гармоничное сочетание с действующим законодатель-

---

¹ См.: Баранов В.М. Концепция законопроекта: Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2003.

² См.: Юридическая техника: Учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. – М., 2009.

³ См.: Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (основы теории). – М., 2009.

⁴ Например: Концепция развития российского законодательства / Андриченко Л.В., Акопян О.А., Васильев В.И. и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М., 2014. – 128 с.

ством, как **способ** достижения стабильности и эффективности законодательства; простоту и точность изложения, как технико-юридическое **средство**.¹

Интересно, что на начала, правила, которых следовало держаться в русском праве при составлении проекта нового закона, указывалось ещё в царствование императрицы Екатерины II Правительствующему Сенату. Эти правила были восприняты всеми учреждениями, уполномоченными принимать участие в составлении законопроекта в рамках возбуждения законодательной инициативы. Их характер носил и процедурный (субъекты формулирования идеи законопроекта, последовательность и порядок обсуждения, т.д.), и концептуальный характер.

Что касается процедурных моментов, то интересен тезис о важности и обязательности обнародования закона: «Закон есть не только веление государственной власти, но веление, приведенное во всеобщую известность». Причём это воля объявленная, обнародованная «в надлежащем порядке».² Правилам, касающимся порядка составления и обнародования закона, уделялось большое внимание в юридической литературе в XIX – начале XX века. Необходимость их уяснения объяснялась потребностью, «во-первых, выделить закон из массы других распоряжений и постановлений, исходящих, как от самой верховной власти, так и её органов, и, во-вторых, указать поданным признаки, по которым они могут судить о степени обязательной силы этих различных распоряжений».³ Эти вопросы в Российской империи были крайне актуальны в связи с тем, что не было выработано чётких критериев отграничения законодательных актов от актов управления, а само понятие закона имело родовые характеристики и использовалось для обозначения множества видов законодательных актов, обозначенных в Своде законов Российской империи: уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, манифестов и др.

«Надлежащий порядок» издания закона упоминался в трудах дореволюционных учёных-правоведов не раз и стал ещё одним приоритетом законотворческой деятельности российского государства в исследуемый период, поскольку в некоторой степени способствовал выделению критериев собственно закона из общей массы различных видов законодательных актов. Считалось, что порядок издания законов должен был служить «ручательством тому, что они суть действительно выражение подлинной воли верховной власти».⁴ Н.М. Коркунов замечал, что именно «установление особых законодательных учреждений с подходящим составом и особая процедура самого обсуждения законопроектов» необходимы для «строгой обдуманности и непререкаемого авторитета» законодательных актов.⁵

В контексте создания закона, как элемента общей системы законодательства хотелось бы сделать акцент не столько на конкретных процедурных моментах издания отдельных законов, сколько на понимаемой уже сотни лет назад важности

---

¹ Андреевский И.Е. Указ. соч. С. 170.

² Именной указ генерал-губернатору от 7 апреля 1788 г. о наблюдении за тем, чтобы определения Сената основывались на указах // ПСЗ-1. № 16642.

³ См.: § 7 // Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 3-х тт. – СПб., 1875. Т. I. Ч. I. Кн. I.

⁴ Алексеев А.С. Спорный вопрос русского государственного права // Журнал Министерства юстиции. – 1904. С. 19-20.

⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1897. Т. 2. С. 39-42.

чётких процедурных правил законодательной деятельности для формирования общей системы согласованных, взаимосвязанных законодательных актов. Думается, что уже сам принцип обязательности выработки четкого порядка издания конкретных актов, наличия законодательных процедур (включая их совершенствование на разных исторических этапах) было и остается одним из наиболее значимых факторов, лежащих в основе создания качественного закона и эффективного и непротиворечивого законодательства.

Что касается концептуальных требований, сформированных ещё Екатериной II, то к ним можно отнести необходимость при составлении законопроекта подвергнуть тщательному изучению недостатки действующего законодательства, для замены которого составлялся действующий законопроект, и обязательность сравнения «последствий нового закона с порядком предыдущим» с указанием причин существования заменяемого закона. Если предполагаемый проект закона предусматривал совместные действия нескольких ведомств, то обязательным было достижение их предварительного согласия через общее подписание – согласование теми министрами, чьи сферы управления будут затронуты будущим законом. И, наконец, в проекте должно указываться, как соотносятся нововведения с действующими нормами актов Свода законов.¹

В рамках современной теории права концепция законопроекта определяется, как «конструктивное начало, макет будущих правовых отношений ... юридическая основа эффективности будущего законодательства»², «предложение, предполагаемая модель, юридическая конструкция урегулирования фактической ситуации».³ Называются такие элементы концепции законопроекта, как выстраивание иерархии правовых ценностей, защищаемых будущим законом, «идентификация проблемной области», «доказательства необходимости подготовки и принятия конкретного закона», определение места в иерархии действующего законодательства, правопремущественность. А в качестве характеристик концепции законопроекта обозначается полная определенность и абсолютная договоренность субъектов законотворчества.⁴ В этом смысле ещё А.Д. Градовский обращался к «мысли российского законодательства» о том, что новый проект должен быть плодом всех частей администрации. И это согласие разных ведомств по одному и тому же проекту для самого законодательства «служит ручательством того, что законопроект не противоречит интересам страны».⁵ Провозглашаемое соответствие интересам государства может выступать базовым принципом законотворчества, идеей российского дореволюционного правотворчества, а согласованность позиций, «договоренность субъектов законотворчества» – элементом концепции законопроекта.

Крайне актуален и опережает своё время ещё один тезис XIX века, созвучный с

---

¹ Учреждение Правительствующего Сената, ст. 227. анализируется в кн.: *Андреевский И.Е.* Русское государственное право. – СПб.–М., 1866. Т. 1. С. 173.

² *Власенко Н.А., Гринева А.В.* Указ. соч. С. 30.

³ *Юридическая техника: Учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти.* – М., 2009. С. 32.

⁴ *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 77-78, 99.

⁵ См.: Гл. 3. § 21-25 // *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. В 3-х тт. – СПб., 1875. Т. I.

предыдущим и определяющий очередное правило законодательной деятельности: «Закон не должен иметь в себе внутреннего противоречия и не должен находиться в противоречии со всей системой действующих законов, которая должна быть проникнута одним общим духом».¹ В.М. Устинов, обращаясь к субъектам законодательной деятельности, подчёркивал особую роль министров, получивших в XIX веке «исключительное, преобладающее влияние на законодательство», и часто придерживавшихся разных принципов и взглядов при создании правовых норм. «Наши законы, писал правовед, несут отпечаток не только эпохи, но и ведомства, по почину которых они возникли, ... в результате наше законодательство нередко лишено планомерности, согласованности и единства».²

В этом смысле требование «общего духа» предполагает наличие и использование при формировании системы законодательства единых подходов субъектами законотворчества, подходов, основанных на наиболее значимых и воспринятых обществом идеях, традициях, ценностях. Потому так важно выделение традиционных для российского государства приоритетов, которым необходимо следовать при создании нового закона, чтобы последний был элементом системы общего законодательства, а не совокупности разрозненных актов.

С точки зрения идеологии, как «совокупности связанных между собой идей и требований, выступающих как основа конкретных действий, решений и т.п.»³, в контексте идеологии законотворческой деятельности интересным представляется и тезис А.Д. Градовского о всевозможной коренной переработке проекта закона в законодательном учреждении по существу, т.е. со стороны общих начал, выражаемых проектом, и по форме, со стороны редакции проекта. Учреждение, которое окончательно рассматривает возбужденный законодательным порядком вопрос, вправе решить его не только на основании представленного проекта, но и на основании всех других соображений, заявленных иными учреждениями. Проект закона, после окончательного обсуждения, «может вовсе не соответствовать своей первоначальной форме, и наше законодательство предвидит возможность подобного результата».⁴

Примером может служить обсуждение законопроекта по охране памятников древности в Российской империи. Первоначальный проект был составлен Московским археологическим обществом, обсужден на II Археологическом съезде, проходившем в Санкт-Петербурге в 1871 году. Затем этим законопроектом занимались министерские комиссии. Сначала, в 1876-1878 гг., особая Комиссия министерства просвещения под председательством товарища министра внутренних дел А.Б. Лобанова-Ростовского. Продолжила выработку общероссийского законопроекта о мерах охранения древних памятников и зданий Комиссия при МВД для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников 1904-1905 гг. под председательством члена Совета министра внутренних дел, тайного советника

---

¹ Законоведение. Вып. I: Записки по государственному праву. Изд. 2-е, испр. и доп. / Сост. Н.Е. Чижев. – Одесса, 1902. С. 27.

² Устинов В.М. О поручениях Государственного Совета // Право. – 1900. № 52. Ст. 2478-2479.

³ См.: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.

⁴ См.: Градовский А.Д. Указ. соч.

С.П. Суходольского. С 1908 года проектом занималась Особая комиссия для разработки проекта закона об охране памятников сначала под руководством председателя Технико-строительного комитета МВД, тайного советника Н.В. Султанова, а затем после смерти последнего, под руководством чиновника МВД, действительно статского советника, члена Русского археологического общества И.Я. Гурлянда.

Изначально научная общественность предполагала создать стройную систему государственной охраны памятников российской истории, основанной на осознании принципиальной ценности древних памятников и зданий имперского государства. Между тем в ходе работы над законопроектом выявлялись позиции отдельных социальных групп, интересы которых в конечном итоге попытались соблюсти, идентифицировав именно их с идеологией самодержавного государства, и соответственно продвинув определенные принципы в основу действий законодателя по созданию памятно-охранительного режима.

Так, при разработке министерского законопроекта комиссиями были поставлены важные вопросы сохранения памятников. Это право казачьих войск на недра отведённых им земель, где могли быть найдены клады (объекты охраны); обязательное подчинение государственной охране церковных памятников древности; государственный контроль за раскопками на частных землях; порядок охраны памятников древности, составляющих частную собственность. Постановка этих вопросов носила прогрессивный характер и предполагала в качестве некоего желаемого результата «продвинутое» для того времени решение: создание действенного общественно-государственного контроля за историческим достоянием российского отечества. Но данный идеологический потенциал желаемого будущего не был трансформирован в устоявшиеся представления о существующей данности.

Действительно, в ходе обсуждения законопроекта в комиссиях Государственной думы и на её общем собрании из законопроекта выхолащивались самые острые вопросы и варианты их решения, предложенные в первоначальном тексте законопроекта. Был отклонен от обсуждения ряд принципиальных предположений. Статья проекта, в которой говорилось о приоритете правительства в приобретении памятников у частных лиц, была найдена «стесняющей» частный интерес. Из общего порядка охраны памятников были исключены древности, составляющие частную собственность, а также «священные предметы церковной старины» (они были отнесены к заботе Православной церкви). В первоначальном проекте правительству предоставлялось право на преимущественную покупку древностей, находящихся в частной собственности, в случае продажи их собственником; предлагалось ограничение вывоза древностей за границу вплоть до уголовного наказания за несоблюдение этих ограничений, что опять же не вошло в думские изменения. Ушло в небытие положение о сужении права производить раскопки собственником земли. Все эти моменты исчезли в ходе обсуждения и корректировки законопроекта думскими комиссиями, т.е. непосредственно законодательным учреждением.

Представленный министром внутренних дел законопроект в результате думского обсуждения превратился практически в новый законопроект, потеряв главную идею (относительно цели и способов её реализации) – создание эффективной государственной охраны и сохранения исторического наследия империи, – но со-

хранив исторически сложившуюся правовую идеологию с доминантой неприкосновенности частной и церковной собственности на древности.¹ Обозначалась, таким образом, возможность различения двух правовых позиций: правовой нормотворческой позиции, первоначально обозначенной органом, готовившим проект для законодательного обсуждения, и позиции законодателя, обсуждавшего новый законопроект.

В рамках идеологии создания эффективно действующей системы законодательства интересно исследование С.А. Корфа. Рассматривая стадию обсуждения законопроекта, он обозначает её цель, как «согласование законопроекта с нуждами народа», «интересами большинства населения».² В.М. Устинов, рассуждая о деятельности Государственного Совета, также утверждал, что исправления, изменения и дополнения законодательства нужно всегда ставить «в уровень с современными потребностями, нуждами и степенью развития населения». Более того, представляется справедливым и актуальным утверждение автора, что именно «отсталость законодательства и несогласованность его с умственным, нравственным и экономическим уровнем развития народа» является существенным препятствием для «торжества законности».³

«Нужды народа» здесь выступают тем принципиальным ориентиром, который должен составить идеологическую основу принимаемого закона. Правда, для качественного и эффективного законодательства такой ориентир, как «нужды народа» и «интересы населения», непросто назвать четким и однозначным, поскольку возникает проблема соотношения частного и публичного интересов. Выдающиеся российские правоведы К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов и другие обращались к данному вопросу, пытаясь определить роль права в отношениях между государством и личностью. В досоветские времена, как и в настоящее время, среди наиболее важных целей государства, таких как «установление безопасности», «развитие политической свободы», было и «определение и охранение свободы и прав лица».⁴

Права и свободы граждан можно назвать той важнейшей потребностью, на реализацию которой направлена деятельность государства в ходе выполнения общесоциальных функций. Поэтому одной из целей государства, как организации публичной власти, является в определенной степени удовлетворение частного интереса. В современном обществе правовое государство реализует частный интерес, удовлетворяя потребности членов общества. И это является не косвенной целью, а его конституционной обязанностью. Именно государство в лице своих органов, выстраивая, структурируя государственную организацию, предназначено для создания адекватных условий существования членов общества. Поэтому в качестве одной из интерпретаций публичного интереса можно принять заинтересованность органов государственной власти в реализации частного интереса, интересов чле-

---

¹ Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века. – Нижний Новгород, 2009. С. 118-138.

² Корф С.А. Русское государственное право. – М., 1915. С. 255-257.

³ Устинов В.М. Указ. соч. Ст. 2478-2479.

⁴ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки // История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. – М., 1998. С. 32.

нов общества, народа.¹ И в этом смысле считать гармонию публичного и частного интереса, их взаимозависимость и опосредованность приоритетом модернизации законодательства и принципом законодательной деятельности в истории и современности.

Сегодня нестабильность, излишняя динамичность, отсутствие системности федерального и регионального, общего и отраслевого законодательства, не даёт возможности освоиться участникам правоотношений в бушующем потоке нормотворчества. В этом серьезную помощь могут оказать правила подготовки, принятия и реализации правовых актов с обозначенными в них принципами принятия (и реализации) правовых актов. Тем более, учеными признается, что идеология «может выражаться в разных формах, в том числе в предельно краткой форме с акцентированием внимания на основных принципах».² Например, в дореволюционной России государственная идеология концентрировала в себе три принципа: самодержавие, православие, народность.

В итоге можем сказать, что в обеспечении развития целостной системы законодательства определяющую роль в истории (как и на современном этапе) играют требования, принципы, идеи законодательной деятельности, своего рода идеология законотворчества, которая может включать целый ряд представлений, сформированных ещё в дореволюционной России. Это – целенаправленная и обоснованная «востребованность» законодательных новелл; адекватное отражение «интересов страны», «большинства населения», «народа» (сегодня – социальных потребностей); согласованность позиций субъектов законотворчества; нормативно-правовая сбалансированность, сочетаемость вновь принимаемых законов с общей системой законодательства; грамотное использование технико-юридического инструментария. Очевидно, что идеологические основы законотворческой деятельности, показанные в исторической ретроспективе, вполне укладываются в существующие сегодня подходы, концепции, идеи законопроекта и идеологию законотворчества и могут служить базой для современного эффективного «законодатель-ствования».

Источники и использованная литература:

1. Именной указ генерал-губернатору от 7 апреля 1788 г. о наблюдении за тем, чтобы определения Сената основывались на указах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. XXII.
2. *Алексеев А.С.* Спорный вопрос русского государственного права (из журнала Министерства юстиции, ноябрь 1904 г.). – СПб.: Сенатская типография, 1904. – 21 с.
3. *Андреевский И.Е.* Русское государственное право. – СПб., М.: Изд. М.О. Вольфа, 1866. Т. I. – 508 с.
4. *Байков А.Ф.* Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 176 с.
5. *Баранов В.М.* Концепция законопроекта. – Нижний Новгород, 2003. – 190 с.
6. *Власенко Н.А., Гринева А.В.* Судебные правовые позиции (основы теории). – М., 2009. – 168 с.

---

¹ Подробнее см.: Михеева И. В. Соотношение частного и публичного интересов и ответственность органов управления // Интерес в публичном и частном праве: материалы науч. конф. – Москва, 21 ноября 2002 года. – Государственный университет Высшая школа экономики – М., 2002. – С. 82-87.

² См.: Хорина Г. П. Идеология в системе культуры. – М., 2007. – 302 с.

7. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: в 3-х тт. – СПб., 1875. Т. I; 1876. Т. II; 1883. Т. III.
8. Законоведение. Вып. I: Записки по государственному праву. Изд. 2-е, испр. и доп. / Сост. Н.Е. Чижов. – Одесса, 1902. – 87 с.
9. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. – СПб., 1897. Т. 2. – 415 с.
10. *Корф С.А.* Русское государственное право. – М., 1915. Ч. I. – 319 с.
11. *Михеева И.В.* Соотношение частного и публичного интересов и ответственность органов управления // Интерес в публичном и частном праве: материалы науч. конф. – Москва, 21 ноября 2002 года. – Государственный университет Высшая школа экономики – М., 2002. С. 82–87.
12. *Михеева И.В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века: Монография – Нижний Новгород, 2009. – 156 с.
13. *Устинов В.М.* О поручениях Государственного Совета // Право. – 1900. № 52. Ст. 2478-2479.
14. *Хорина Г.П.* Идеология в системе культуры. – М., 2007. – 304 с.
15. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки // История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. В 3-х тт.– М., 1998. Ч. 1. – 482 с.
16. Юридическая техника: Учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. – М., 2009. – 245 с.

Miheyeva I.V.

Ideology of russian “legislating” in 19th – early 20th century

The issue is devoted to the basics of the Russian legislation in 19th – early 20th centuries. The requirements, principles, ideas of legislation in the Russian Empire are analyzed. The emphasis is placed on the traditional approaches and concepts that constitute the ideology of lawmaking activity in the Russian state history and modern reality.

Keywords: Russian empire, lawmaking activity, ministries, principles, ideology

Ефремова Н.Н.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ (ИСТОЧНИКОВ) РОССИЙСКОГО ПРАВА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Настоящая статья посвящена проблеме понимания и классификации форм права в России XVIII – первой трети XIX вв. Научная категория «форма права» ещё не была оформлена, но сложилась как явление. Оставаясь основной формой права, законы получили особое разнообразие в период законотворчества Петра I и Екатерины II. Доктринально понятие «формы права» оформилось в отечественной юриспруденции, прежде всего в позитивизме, в конце XIX – начале XIX вв. Вместе с тем, оно может быть использовано для анализа форм права и их классификации предшествовавшей эпохи в силу сохранения их действия в целом до конца имперского периода.

Ключевые слова: закон, источник права, манифест, регламент, указ, форма права.

Период оформления и расцвета абсолютизма, продолжавшегося империостроительства, сопровождался модернизацией государственно-правовых институтов и был отмечен бурным всплеском законодательной деятельности государства в лице абсолютного монарха. Эта закономерность подтверждается связью-зависимостью реформ Петра I, Екатерины II, Александра I и их преемников-реформаторов с развитием законодательства и законотворчества в целом, юридической техники, в частности, а также зарождением юрисдикции и юриспруденции как соответственно видов профессиональной деятельности и отрасли науки и образования. Данная статья посвящена лишь отдельной из перечисленных проблем: становлению и развитию новых форм законодательства и задаче их классификации.

Как известно, в период правления Петра I было издано 3 500 законов, а Екатерины II – 6 500, часть из которых была ими самостоятельно спроектирована и (или) отредактирована.¹ Однако сохранившееся и в значительной мере действовавшее допетровское законодательство, также позднее издававшееся бессистемно и хаотично, зачастую в противоречие с ранее установленным, законодательство периода дворцовых переворотов, позднее дополненное в период реформ государственного управления Екатерины II и Александра I оставалось до 30-х гг. XIX века неупорядоченным и несистематизированным. Оно представляло собой огромный массив законов, по форме значительно обновленных и разнообразных в сравнении с нормативными актами допетровской, доимперской эпохи. Отсутствие доктринальной основы, необходимого уровня развития законодательной техники, частые изменения законодательной политики, неустойчивость политического режима в рассматриваемый период препятствовали созданию логически иерархически выстроенной системы имперского законодательства. Наличие формально единственного субъекта установления последнего в свою очередь создавало и создаёт опре-

---

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва)

¹ См. об этом: *Ефремова Н.Н.* Реформы и законодательство: исторические параллели // Начало. Изд. Известия. 1992. № 34.

делённые трудности для дифференциации и классификации форм последнего. Однако эта задача остается актуальной для понимания как организационно-правовых основ деятельности формировавшегося имперского государственного механизма, так и уровня законодательного урегулирования развивавшихся в тот сложный, переходный период многообразных общественных отношений.

Автор сознательно ограничивает хронологические рамки первой третью XIX века, поскольку проведенная в тридцатые годы XIX века полная систематизация законодательства, завершившаяся утверждением в 1830 году Полного собрания законов Российской империи, а в 1832 году – Свода законов Российской империи, открывает новый этап в истории и теории законодательства, требующий самостоятельного анализа. Вместе в тем избранный период характеризуется закладыванием основ будущей системы имперского инкорпорированного законодательства, в чём и заключается его самостоятельное значение.

Следует иметь ввиду, что научная категория «форма права» была введена и использовалась уже в дореволюционной отечественной юриспруденции.¹ Её догма сформировалась в рамках позитивистской концепции, сторонники которой не проводили различия между понятиями закон и право и понимали их как тождественные, а потому основной, если не единственной формой права выступал закон, как воля государства или приказ суверена. Также признавая за церковными канонами обязательную силу, позитивисты отмечали, что формой права они выступают «... не сами по себе, а вследствие поддержки власти» (государства – *Н.Е.*)² Историческая школа права, развивавшаяся в России в XVIII–XIX вв., выделила в качестве самостоятельной формы права и правовой обычай, который, как отмечал Г.Ф. Шершеневич, по мнению её сторонников, получает «обязательную силу не от государственной власти, а от народного правосознания».³ Эту точку зрения Г.Ф. Шершеневич критиковал, утверждая, что правовой обычай выступает формой права лишь в случае обеспечения его принудительной силой государства: «Обязывая руководствоваться обычаями, власть обнаруживает стремление не идти наперекор старине, или сознать себя неспособной поспеть за жизнью, или проявляет малую заинтересованность в том, какими правилами определяются бытовые отношения, не затрагивающие её непосредственно. Но исполнительные агенты власти применяют или не применяют эти обычаи в зависимости от её указания, и тем передвигают их в область права или оставляют вне права».⁴ Таким же образом определял Г.Ф. Шершеневич в качестве формы права и акты, установленные органами управления (административные распоряжения и обязательные постановления), содержавшие общие правила поведения граждан, «в развитие закона или в пополнение его недостатка»: они «почерпают свою силу не в самих органах управления, а в дозволении, исходящем от самих органов власти».⁵ При этом, он отмечал, что «чем сложнее общественная жизнь или чем менее твердо начало законности, тем больший простор для этой формы права, которая как и все другие, держится только

---

¹ См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1911. Вып. 1, 2. С. 368-380.

² Там же. С. 372.

³ Там же. С. 370.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ Там же. С. 372-373.

авторитетом государственной власти».¹ Наличие единственного субъекта законодательной власти, совмещение верховной законодательной и исполнительной ветвей государственной власти в лице наследственного главы государства препятствовало дифференциации нормативно-правовых актов на законы и подзаконные акты. Вместе с тем, Г.Ф. Шершеневич отрицал и наличие в имперской системе права таких его самостоятельных форм как юридическая догма, или доктрина², а также судебный прецедент (за исключением «примеров» решений коммерческих судов, «в том же суде состоявшихся»)³.

Таким образом, можно выделить две основные формы светского права, действовавшие в установленных хронологических рамках: *закон* и *правовой обычай*. Последний определял партикулярность так называемого местного права, не составлял единой правовой системы в рамках империи и не подлежал классификации по юридической силе или какому-либо другому универсальному критерию.

Термин и дефиниция категории «форма права» в рассматриваемый период в отечественной юриспруденции ещё отсутствовали; понятие было выработано позднее, но как правовое явление оно возникло вместе с писаным правом, тогда как наименование «источники права» применительно к различным формам внешнего выражения норм права было известно и использовалось уже со времен Тита Ливия, как отмечал Г.Ф. Шершеневич.⁴ Однако, по его мнению, термин «источники» малопригоден в силу своей «многозначности». В связи с этим он выделял следующие его значения в зависимости от ряда определяющих факторов: 1) «силы, творящие право» – воля Бога, воля народная, правосознание, идея справедливости, государственная власть; 2) «материалы, положенные в основу того или другого законодательства» – к примеру, римское право как «источник» германского гражданского кодекса и т.п.; 3) исторические памятники, ранее действовавшие в качестве формально-юридических источников – например, Русская Правда; 4) средства познания действующего права – к примеру действующие в империи законы.⁵

Во второй половине XIX – начале XX вв. понятие формы права было сформулировано с учётом тех форм внешнего выражения норм права, которые сложились и уже использовались в предшествующие периоды истории отечественного права (законодательства). В частности, Г.Ф. Шершеневич определял категорию «формы права» как альтернативу «источников права», или «различные виды права, отличающиеся по способу выработки содержания норм», выбор которых «зависит всецело от государственной власти».⁶ Поэтому использование термина форма права применительно к более раннему этапу развития законодательства, названному периодом империостроительства, вполне оправдано. Именно тогда закон, утверждённый монаршей властью, как форма права приобретает особое значение. Глава государства стал рассматриваться как верховный носитель законодательной власти, ущемивший даже Церковь в этой сфере публично-властной деятельности. Идеи утвер-

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 372.

² Там же. С. 372.

³ Там же. С. 471.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Там же. С. 368-369.

⁶ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 369.

ждавшегося абсолютизма нашли отражение в многочисленных указах и иных нормативных актах Петра I. Они содержали положения об общем благе, государственном интересе, выразителем которого стала государева воля.

Основной формой выражения этой воли становится закон. Соответственно идеальной моделью государства, к которой стремился Петр I, – мыслилось «регулярное государство», основанное на абсолютистской законности.

Идеалом Екатерины II выступала «законная монархия». Наиболее полно политическая доктрина абсолютизма изложена в идеологическом трактате эпохи просвещенной монархии Екатерины II – Наказе, данном Новоуложенной комиссии.¹ Он отразил, в частности и «новую теорию закона», заложенную в доктрине Просвещения: возможность наличия и соответственно стремление законодательной практики к истинному, на все времена совершенному закону, выражающему ценности естественного права, способному обеспечить счастье общества.² Разумеется в реальных социально-экономических и политико-идеологических условиях это было лишь декларацией, хотя и в иных условиях – это недостижимый идеал. Однако некоторые формальные усилия законодателя в этом направлении можно отметить (например, Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. и др.).

С Петровского периода законодательство становится более четким по форме и содержанию, казуальность постепенно замещается абстрактным изложением юридических норм, появляется специальная юридическая терминология, устанавливаются требования письменного оформления актов, обязательного опубликования и широкого объявления.³ Появилось указание на отсутствие обратной силы закона, хотя и с допущением отступления от этого принципа.⁴ Устанавливались также обязанность строгого и неукоснительного исполнения законов, порядок систематизации нормативного материала.⁵ Эти новации в процессе установления и применения законов оказались долговременными.

В рассматриваемый период зародилась и отраслевая специализация законодательства. Несмотря на сохранение статуса основного закона за Соборным Уложением 1649 г., многочисленные незавершенные попытки его обновления с учётом принятых впоследствии законодательных актов, о чем и было сказано выше, можно констатировать наличие указанной тенденции. Это обстоятельство, позволяет, в частности, провести классификацию законов, как основной формы права, по предмету и методу правового регулирования. В качестве примера можно привести Указ о престолонаследии 1722 г. как акт государственного права, Указ о форме суда 1783 г. – как акт судебного права, Устав воинский 1716 г. – как акт военного права и т.д. Конечно отраслевая чистота не была присуща всему массиву законодательства рассматриваемого периода, не всегда законы строго выдерживались и в рам-

---

¹ См. об этом: *Омельченко О.А.* Власть и Закон в России XVIII века. – М., 2004. С. 77.

² См.: Там же. С. 578-579.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. V. № 2789 (далее: ПСЗ-1).

⁴ См.: Там же.

⁵ См. об этом подробнее: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. С. 44-45. См. также: раздел: Источники права // Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. С. 25-39.

ках материального или процессуального характера. Однако совершенствование юридической техники и в этих проявлениях нашло подтверждение.

По внешней форме законы с начала XVIII века стали делиться в соответствии с их наименованиями, как традиционными, так и новыми: *указ, устав, регламент, инструкция, манифест, плакат, табель, артикул, уложение, учреждения, грамота* и др. В литературе отмечают равную юридическую силу таких актов, однако по содержанию, зачастую отраженному и в названии, они различались. Так, например, *уставами* назывались законы, устанавливавшие организационно-правовые основы деятельности отдельных органов или учреждений, либо регулирующие общественные отношения, относившиеся к отдельной отрасли (Воинский Устав 1716 г., Морской Устав 1720 г., Устав вексельный 1729 г., Устав благочиния, или полицейский 1782 г. и т.д.). Новой формой стал *регламент*. Он был введен Петром I и как правило использовался для установления основ организации и деятельности органа государственного управления.¹ По содержанию он был сходен с уставом, что иногда подчеркивалось в наименовании акта, например, Регламент, или Устав Главного магистрата 16 января 1721 г. В основном регламентами являлись законы учредительного характера, определявшие состав, организацию, компетенцию, порядок делопроизводства новых органов государственного управления.

Указы царские, позже императорские, были наиболее распространенной и универсальной формой нормативно-правового акта, они издавались по самым разным вопросам: либо по поводу учреждения новых государственных органов, должностей, либо по организации административно-территориальных округов и т.д. и т.п. При этом наименование указ присваивалось как законам, так и административным распоряжениям. Все повеления царя, исходящие от его имени назывались высочайшими указами. Высочайшие указы подразделялись на: 1) именные (или подписные); и 2) объявляемые (словесные, т.е. объявляемые словесно). Так называемые Сенатские указы исполнялись наравне с царскими. Первые, как верно отметила Е.А. Юртаева, подписывались царём, вторые объявлялись от его имени.² Устанавливался перечень должностных лиц на то уполномоченных. Пётр I попытался дифференцировать именные, т.е. исходящие от имени монарха, указы на «временные и постоянные, изданные в постановление вечное, и о присоединении последних к регламентам и уставам».³

Широко использовалась и такая форма как *манифест*, его следует отнести к числу наиболее важных форм закона. По мнению В.Н. Латкина, манифест относился к законам, существенно видоизменявших «государственный и гражданский быт России».⁴ Помимо того они издавались в связи с торжественными событиями, в том числе связанными с императорской фамилией (например, восшествие на престол нового монарха). *Уложения* как правило регулировали широкий круг однородных общественных отношений (в этом смысле Соборное Уложение – особый

---

¹ См.: ПСЗ-1. Т. VI. № 3708.

² См.: Юртаева Е.А. История законодательства в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2012. С. 310.

³ См.: Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. С. 46.

⁴ См.: Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII – XIX ст.). 2-е изд. – СПб., 1909. С. 32.

случай регулирования комплекса разнородных общественных отношений). Для этой формы нормативно-правового акта характерен большой объём, однако М.М. Сперанский стал полагать его как кодифицированный акт, в приближении к современному пониманию кодекса (это наименование будет использовано в кодифицированных уголовных законах 1845, 1885 и 1903 гг.).

К новым формам, введенным в рассматриваемый период, относится *учреждение*. Впервые название было использовано Екатериной II для основополагающего акта для организации нового местного управления и суда – Учреждения для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. (вторая часть акта утверждена в 1780 г., но обе части опубликованы в Полном собрании законов Российской империи под одним номером).¹ Учреждениями называли и законы, устанавливавшие основы организации и деятельности отдельных органов государственного управления. Учреждения, как и уставы, могли регулировать отношения публично-правового характера. К актам с традиционным названием относилась и *грамота*. Как правило, они адресовались в рассматриваемый период отдельным лицам, корпорациям, сословиям. Однако известен конституционный проект 1720 года с названием «Государственная уставная грамота Российской империи».² Порядок деятельности должностного лица или государственного органа мог быть установлен *инструкцией*; эта форма была введена Петром I. Впоследствии содержание таких актов было сужено до установления перечня должностных обязанностей. Сходным с инструкцией по содержанию являлся *наказ*, что могло отразиться в названии (например, Инструкция или Наказ воеводам 1719 г. января).³ Что же касается знаменитого Наказа Уложенной комиссии Екатерины Второй, то он не был по природе законом.

Петром I использовались также названия *артикулы* и *табель*. Первое использовалось для совокупности статей какой-либо части актов, или международных соглашений. Так, например, Артикулы воинские 1714 г. были включены как отдельная часть в Воинский Устав 1716 г. Табелью о рангах был назван, прежде всего, акт 1722 г., оформивший правовой статус государственных служащих и общие положения о государственной службе в Российской империи. Как известно, он сохранил действие, с некоторыми изменениями, до 1917 года.⁴

Рассмотренные выше виды форм нормативно-правовых актов, прежде всего законов, не исчерпывают всего перечня действовавших в рассматриваемый период в России. Их разнообразие было порождено многими объективными и субъективными факторами, в том числе отсутствием доктринальной или легальной концепции, определявшей их систему. В названиях часто встречались иностранные по происхождению, заимствованные в ходе подготовки законопроектов, ввиду известного влияния источников зарубежного права на законотворческий процесс в ус-

---

¹ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.

² См.: Скрипилев Е.А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (из истории правительственного «конституционализма») // Советское государство и право. – 1980. № 7. С. 100-102.

³ См.: ПСЗ-1. Т. V. № 3294.

⁴ См.: Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. С. 100.

ловиях модернизации политической и правовой систем империи. В то же время отчётливо проявляется и приверженность к традиционным формам, как наиболее адаптированным к существовавшим реалиям. Строгой привязки определённого содержания к конкретным названиям тоже не было, хотя эти связи разумеется прослеживаются. Затрудняет решение проблемы классификации отсутствие такого критерия как юридическая сила, поскольку все акты признавались равными, будучи установлены сувереном. Однако тот факт, что законодатель использовал для законов различные наименования, отдавая предпочтение тому названию в каждом конкретном случае, которое, по его мнению, более соответствовало виду содержащихся в нем юридических норм, позволяет предположить, что потребность в классификации форм законов была ему не чужда. Даже такая дифференциация нормативно-правовых актов, помимо прочего, должна была облегчить правоприменительную деятельность, от которой зависела эффективность закона. Также она отражала процесс специализации нормативно-правового регулирования по отраслям, по характеру, по сферам интереса (публичного: государственного, церковного, общественного, и частного) и т.д., т.е. в целом соответствовала задаче формирования имперской правовой системы.

Источники и использованная литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. V. № 2789; Т. V. № 3294; Т. VI. № 3708; Т. XX. № 14392.
2. *Ефремова Н.Н.* Реформы и законодательство: исторические параллели // Начало. – Изд. Известия. 1992. № 34.
3. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX ст.). 2-е изд. – СПб., 1909. – 644 с.
4. *Омельченко О.А.* Власть и Закон в России XVIII века. – М., 2004. – 604 с.
5. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – 310 с.
6. Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. – 315 с.
7. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1911. Вып. 1, 2. – 512 с.
8. *Юртаева Е.А.* История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2012. – 723 с.

Зайков А.В.

ПОНЯТИЕ «POSSESSIO» В РИМСКОМ ПРАВЕ И «ВЛАДЕНИЕ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

В данной статье даётся ответ на вопрос о том, почему в «Своде законов Российской империи» (далее: Свод) законодатель при обозначении лица, имеющего право собственности, часто предпочитает термин «владелец» перед термином «собственник». Для этого автор, с одной стороны, анализирует соответствующий лексикон Свода и предыдущего российского законодательства, с другой стороны, проанализирует соответствующий римский правовой лексикон. Автор, прежде всего, отмечает спорадическое использование слова «собственник» в Своде. Согласно данным, представленным в первой части X тома Свода, данное слово используется всего в шести случаях. Для обозначения собственника законодатель обычно употребляет слово «хозяин» или термин «владелец». Автор рассматривает этот факт как концептуальный парадокс. Кроме того, автор исследует историю использования термина «владение» в российской правовой традиции, начиная со второй половины XVIII века. Автор анализирует разные значения слова *possessio* в древнем римском праве. Как отмечает автор, в российском законодательстве и в Древнем Риме ключевые термины в понятийном поле права собственности не имели строгого фиксированного смысла и для них была характерна многозначность. И все же понятие римской *possessio* оказывается гораздо шире и разнообразнее русского термина «владение». Объяснение можно найти в том, что римская доктрина вещного права (в том виде, в каком она сформулирована в «Своде гражданского права» Юстиниана), была более сложной, нежели доктрина, представленная в российском Своде. Российский юридический лексикон и российские правовые концепции сохранили свою национальную самобытность в силу того, что Россия в течение длительного периода времени остается государством, не испытавшим глубокой и полномасштабной рецепции римского права.

Ключевые слова: Свод законов Российской империи, Свод Законов гражданских, Екатерина II, Николай I, римское право, Дигесты Юстиниана, Свод гражданского права Юстиниана, вещное право, владение, собственность, держание, сервитуты, рецепция римского права.

«Свод законов Российской империи» крайне неохотно оперирует термином *собственник*. Там, где нужно обозначить собственника, законодатель явно предпочитает применять слово «хозяин» либо термин *владелец*, что уже само по себе представляет большой интерес. Здесь будет предпринята попытка дать объяснение этому до некоторой степени парадоксальному факту. Выполняя эту задачу, нам придётся обратиться к терминологическому анализу соответствующей лексики «Свода законов гражданских» и предыдущего российского законодательства, с одной стороны, и к анализу соответствующей римской правовой лексики, с другой стороны.

Зайков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой истории государства и права Гуманитарного университета (Екатеринбург).

Российский законодатель стремится избегать прямого определения права собственности, прибегая к косвенному определению. 420-я статья Свода законов гражданских гласит: «Кто, быв первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оными вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого ея приобретателя дошла непосредственно или через последующие законные передачи и укрепления тот имеет на сие имущество *право собственности*».

В этом определении обращает на себя внимание одна особенность: субъект, обладающий правом собственности, обозначается с помощью местоимений *кто* и *тот*. Более того, «Свод законов гражданских» вообще крайне неохотно оперирует термином *собственник*. По нашим данным, в первой части X тома Свода законов данный термин использован лишь в шести случаях (2.2.6.577; 2.2.6.589; 2.2.6.596; 2.2.6.604; 2.2.6.60; 4.3.2.1692–1).¹ Носителя права собственности законодатель предпочитает называть либо *хозяином*, либо *владельцем*. Последний термин именно в значении *собственник* вводится примечанием 1-м к статье 420-й: «В сем смысле и лицо, имеющее право собственности, именуется владельцем».

Крайне редкое использование термина *собственник* и явное предпочтение ему термина *владелец* с юридической точки зрения выглядит как понятийный парадокс. Какие именно обстоятельства создают ощущение парадокса? Назову три основных момента.

1. В русской юридической романистике прочно закрепилась традиция использовать русское слово *владение* для передачи римского *possessio*, а слово *владелец* – для римского *possessor*. Между тем, в учебниках по римскому праву латинский термин *possessio* употребляется, как правило, в строгом специальном значении – это *фактическое господство* лица над вещью, далеко не всегда соединенное с собственностью (*proprietas* и *dominium*). Собственность в отличие от *possessio* представляет собой *господство правовое* (т.е. идеальное). В этом смысле римское *proprietas* невозможно определять через *possessio*. *Possessor* в учебниках по римскому праву – это прежде всего то лицо, которое фактически обладает вещью для себя и к которому по этой причине можно предъявить виндикационный иск. Понятно, что далеко не всегда *possessor* и собственник – это одно и то же лицо. Владеть вещью может один человек, а в собственности она может находиться совсем у другого. Поэтому терминология «Свода законов» с этой точки зрения оказывается даже не столько парадоксом, сколько недоразумением.

2. Римское *possessio* стало прототипом для соответствующих понятий в новых европейских языках. Так, например, во французском языке это специальные юридические термины *la possession* и *le possesseur*, которые французский законодатель никак не смешивает с понятиями собственности (*la propriété*) и собственника (*le*

---

¹ Ещё семь раз этот термин употреблен в «Неофициальном приложении» к первой части X тома Свода законов (Ш.1.1; Ш.1.11; Ш.1.16; Ш.1.17; Ш.1.21; Ш.1.22; Ш.Ш). Мы опираемся на частотный анализ соответствующей терминологии в Своде законов Российской империи, выполненный студенткой юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) О.Ю. Подоксеновой.

propriétaire). Русская переводческая традиция в правовой области закрепила слова *владение* и *владелец* именно за *la possession* и *le possesseur*.

3. Советское право утратило такой особый способ защиты имущественных интересов граждан, каким является владельческая защита (*possessorium*), что объясняется общей примитивизацией вещного права в советскую эпоху. Современное российское законодательство не смогло, конечно же, возродить в одночасье этот сложный элемент права.¹ Однако сам термин *владелец* широко используется в современной российской цивилистике, хотя вопрос о его конкретном содержании остаётся дискуссионным.² При этом наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой титульными владельцами считаются *временные обладатели* имущества, получившие его в силу договора с собственником.³ Очевидно, что и в данном случае термины *владелец* и *собственник* имеют принципиально различные смыслы.

Итак, по крайней мере латинско-русская и французско-русская переводческие традиции в правовой сфере, а также современное юридическое употребление термина *владелец* заставляют задаться следующим вопросом: почему в «Своде законов Российской империи» именно этот термин столь часто использовался в значении *собственник*?

Прежде чем ответить на этот вопрос мы должны обратить внимание на то, что данное слово в «Своде» в различных контекстах имело разные смыслы. Пойдём по порядку. В примечании 1-м к статье 420-й читаем: «Право собственности на недвижимые имущества в законах часто означает под именем *права вотчинного и крепостного*, а также под именем *вечного и потомственного владения*. В сем смысле и лицо, имеющее право собственности, именуется *владельцем*». Итак, по крайней мере в отношении недвижимых вещей законодатель указывает на полную синонимию между понятиями *собственность* и *вечное и потомственное владение*, а того, кого мы бы назвали собственником, он называет владельцем. Это характерно для всей группы статей с 420-й до 451-й.

Однако в дальнейшем мы встречаемся с употреблением того же термина в ином значении. Так, например, в статьях, посвященных правам угодий в чужих имуществах, слово *владение* используется уже совершенно иначе – в смысле права ограниченного пользования чужой вещью без извлечения плодов, либо в смысле полного права пользования и извлечения плодов из чужой вещи, а слово *владелец* означает лицо, обладающее таким правом на чужую вещь (!). Приведу некоторые примеры. Ст. 455: «Право въезда в частные леса ограничивается только домашними нуждами владельца в строевом и дровяном лесе. Посему въездные владельцы не могут торговать лесными материалами, в таких лесах вырубленными, ни уступать другим своего права». Ст. 463: «Бортные угодья, бобровые гоны, звериная, птичья и рыбная ловля и другие промыслы, в прежние времена в чужих дачах вла-

---

¹ Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. – СПб., 1996. С. 297; *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. – М., 1999. С. 293.

² См.: *Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. М., 1996; Гл. 16 // *Скловский К.И.* Указ. соч.

³ *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. – М., 1991. С. 225; Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. – М., 1993. Т. 1. С. 311.

дельцам приуроченные, остаются в их пользовании там, где оные еще существуют». Ст. 464: «При изменившемся течении больших рек, когда река войдет в одну которую либо сторону обеими берегами, т.е. всем течением своим, если береговой владелец ... пользовался особенными от реки выгодами, как-то: рыбными ловлями, перевозами и другими, и если право на пользование сими выгодами предоставлено было ему по писцовым книгам и жалованным грамотам, в таком случае ... остаются те рыбные ловли и перевозки в его владении, как были и при прежнем течении реки».

К этому следует добавить очень важную статью 514-ю: «...Когда частный владелец [т.е. *собственник* – А.З.], удержав за собою право собственности по укреплению, отделит от него владение и передаст или уступит оное другому по договору, дарственной записи, или другому какому либо акту, тогда сие отдельное владение составляет само по себе особое право...». Во всех этих примерах термин *владение* используются в смысле особого права на чужое имущество, а отнюдь не в смысле права собственности.

Далее, в статьях с 523-й до 533-й мы встречаемся с употреблением термина *владение* уже в третьем смысле. Здесь речь идёт о том, что *владение* бывает законным и незаконным, добросовестным и недобросовестным, ложным, насильственным и самовольным. А это может означать только одно: законодателю известна знаменитая антитеза «собственность как право, с одной стороны, – владение как факт, соединенный с хозяйской волей, с другой стороны». Иными словами, в этих статьях законодатель подразумевает под термином *владение* уже нечто совершенно иное, чем то, что было рассмотрено нами раньше. *Владелец* здесь – это уже и не собственник, и не обладатель ограниченного права на чужую вещь, а человек, фактически обладающий вещью и не признающий ничьей высшей власти на эту вещь, кроме своей собственной. При этом он, возможно, не имеет вообще никаких правовых оснований для обладания ею (например, человек, захвативший вещь тайно или насильственно). Законодатель, тем не менее, обозначает его термином *владелец* – вполне в духе римского права.

Какова же причина такой многозначности рассматриваемого нами понятийного аппарата в «Своде законов»? Мы допустили бы слишком поверхностный и в принципе неверный подход, если бы попытались объяснять данное обстоятельство недостаточным профессионализмом редакторов, работавших над «Сводом законов». Проблема, на мой взгляд, значительно глубже, и при её интерпретации необходимо учитывать традиции русского легального словоупотребления, сформировавшиеся задолго до составления «Свода законов».

Прежде всего следует учитывать, что сам термин *собственность* имеет в русском языке весьма короткую историю, которая насчитывает чуть более 200 лет. Формируется данный термин из прилагательного *собственный*¹, а зафиксирован он впервые в знаменитом «Наказе генерал-прокурору» от 30 июля 1767 года, изданном Екатериной II по поводу учреждения Комиссии о составлении проекта Ново-

---

¹ Прилагательное *собственный*, насколько мне известно, появляется в словаре русского законодателя в 30-е гг. XVIII в. По этому поводу см.: *Ефремова Н.Н.* Судебная защита права собственности в России XVIII в. // *Собственность: право и свобода.* – М., 1992. С. 44.

го Уложения.¹ В пункте 10-м этого Наказа читаем: «Рассуждение о взаимности всех граждан между собою составляет Гражданское Право, которое сохраняет и в безопасность приводит собственность всякого гражданина».

Вновь с этим термином мы встречаемся в Манифесте от 28 июня 1782 года «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся».² В частности, в статье 1-й этого Манифеста читаем: «Право собственности каждого в имении его разпространяем и повелеваем разуметь не на одной поверхности земли им благоприобретенной, или по наследству пришедшей; но и в самих недрах той земли и в водах ему принадлежащих на все сокровенные минералы и произращения, и на все делаемые из того металлы». Термин вновь появляется в «Жалованной грамоте дворянству» (от 21 апреля 1785 г.), где 33-я статья подтверждала право частной собственности дворян не только на поверхность, но и на недра: «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей; но и в недрах той земли и в водах, ему принадлежащих...».³

В «Жалованной грамоте городам» в статье 4-й читаем: «В городе живущим сохраняется и охраняется собственность и владение, что кому по справедливости и законно принадлежит, как движимое и недвижимое».⁴ Это интереснейшее (и в некотором смысле ключевое) место с трудом поддается однозначной интерпретации. С одной стороны, формулировка данной статьи, где термин *собственность* поставлен рядом с термином *владение*, даёт нам основание предположить, что законодатель желает сказать, что он будет защищать и *proprietas* (правовое господство лица над вещью), и *possessio* (фактическое господство лица над вещью). Однако следующая фраза: «...что кому по справедливости и законно принадлежит...» – опровергает это наше предположение, ибо она может относиться только к *proprietas*, но не может относиться к *possessio*, ибо *possessio* должна защищаться независимо от наличия правовых оснований для такого фактического господства. Итак, получается, что законодатель хотя и осознает, что *собственность* и *владение* представляют собой два отличающихся друг от друга явления, однако он не понимает до конца сути этого отличия! Почему?

До времени Екатерины II в русском легальном лексиконе наиболее полное правовое господство лица над вещью обозначалось либо по способу его возникновения («купля», «отчина», «приданое», «промысел»), либо с помощью термина *владение*.⁵ Для того, чтобы указать на правовую принадлежность вещи конкретному лицу законодатель часто использовал именно это слово. В качестве примера

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. XVIII. № 12950: Генерал-прокурорский наказ при Комиссии о составлении проекта Нового Уложения, по которому и маршалу поступать. 30 июля 1767 года (далее: ПСЗ-1).

² ПСЗ-1. № 15447.

³ ПСЗ-1. № 16187.

⁴ Жалованная грамота городам датирована тем же днем, что и Жалованная грамота дворянству – 21 апреля 1785 года. – См.: ПСЗ-1. № 16188.

⁵ См. также: Ефремова Н.Н. Указ. соч. С. 44. О термине *владение* в значении *собственность* см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1973. Вып. 2. С. 209; Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1987. Вып. 3. С. 195.

можно привести Именной указ от 5 октября 1686 года (Иоанн, Петр и Софья) «О напечатании листов жалованных грамот на вотчины, розданные по случаю заключения с Польшею мира»¹. Причём старому русскому законодательству известно понятие «старинное владение», под которым разумеется не что иное, как право собственности на недвижимость, наличие которой доказывается давностью. В качестве примера можно привести две выдержки из статьи 4-й царского указа Фёдора Алексеевича от 25 августа 1680 года о межевании земель²:

1) «О прописных церковных землях, которые отданы на оброк из его Патриарша дому, и сыскиваются по старинному владению»;

2) «Великий Государь ... велел церковные и пустые земли по старинному владению и по жалованным грамотам нынешним межевщикам в межевые книги написать и отмежевать, как теми землями изстари церковники и обротчики владели...».

Такое словоупотребление сохраняется и при Екатерине II. Так, в «Инструкции Межевым губерньским Канцеляриям и провинциальным конторам» от 25 мая 1766 года³ находим заявление о том, что споры о владениях селений и пустошей предоставляются «обыкновенному суду», который будет решать эти споры, рассматривая крепости Вотчинной коллегии. Другими словами, это будут споры о праве собственности. В том же смысле употреблено слово *владение* в IV главе той же «Инструкции»: «В каждом владении за основание принимать: 1) написанные в крепостях дачам меры; 2) живые писцовым межам урочища (озера, реки и т.п., состояния своего не переменяющие); 3) беспорное издавна, но не позже как до 1765 года владение». Далее: «У которых владельцев по крепостям состоять будут вышеписанные настоящие живые урочища, то по тем единственно только, а не по каким другим переменным урочищам, дачи во владении навсегда утверждать».

Также в смысле права собственности употребляется словосочетание *вечное владение* в Сенатском указе от 11 апреля 1776 года «О продаже казенных болотных земель и об отдаче оных частным владельцам безденежно, с обязанностью осушить их и обработать»⁴, где можно прочесть следующее положение: «Не пожелает ли кто их купить, или и безденежно взять в вечное владение, с тем токмо, чтоб в несколько лет, обсуша, обратить в способную землю к хлебопашеству и санным работам...».

Однако нельзя думать, будто бы слово *владение* в старом русском законодательстве (до «Свода законов») использовалось только в смысле *proprietas* римского права. Отнюдь. Например, в той же екатерининской «Инструкции Межевым Канцеляриям»⁵, которая цитировалась выше, в главе III мы обнаруживаем, что законодатель применяет термин *владение* в узкоспециальном смысле латинской *possessio* как фактического господства лица над вещью, осуществляемого этим лицом исключительно для себя: «Кто спор в землях своих производить станет, имея земли во владении своем мерою больше, нежели ему по справедливости настояще и за-

¹ ПСЗ-И. № 1213.

² ПСЗ-И. № 832.

³ ПСЗ-И. № 12659 в начале.

⁴ ПСЗ-И. № 14457.

⁵ См.: прим. 13.

конно только принадлежит, потеряет тем навсегда из нынешнего его владения всю примерную землю ... Кто из владельцев один на другого показывать будет, что из принадлежащей к селу, деревне или пустоши земли и другого какого уголья несколько завладел, или при межевании в свое владение неправильно отвел...».

В России, где отсутствовали старинные традиции научно-теоретического освоения права на базе романистики, юридическая лексика значительно отличалась от соответствующей лексики европейских стран. Поскольку правовая система не знала антитезы «*proprietas – possessio*», не было никакого смысла в наличии двух терминов, чётко отграниченных друг от друга в семантическом плане, когда один термин обозначал бы правовую принадлежность вещи конкретному лицу, а другой – фактическую принадлежность вещи конкретному лицу с намерением этого лица обладать вещью исключительно для себя. Термин *владение* в таких условиях вполне удовлетворял законодательным нуждам, воплощая в себе понятие о господстве человека над вещью вообще, а разные аспекты этого господства могли быть переданы либо с помощью определений (*старинное владение, вечное владение* и проч.), либо с помощью контекста.

Однако возникает вопрос: насколько уникальна и необычна подобная понятийная размытость или, если позволительно так выразиться, «контекстность» одного из ключевых терминов вещного права? Разумеется, данная черта резко отличает российское законодательное словоупотребление от формализованного, чёткого и строго закреплённого терминологического порядка, свойственного лучшим современным пособиям по системе римского права, восходящим к немецкой доктрине пандектов. Но если мы обратимся непосредственно к римскому наследию, то обнаружим там картину, в чем-то очень схожую с терминологической «контекстностью» «Свода законов».

Термин *possessio* в законодательном языке у римлян зафиксирован впервые для времени начала II в. до н.э., хотя, как отмечает Л.Л. Кофанов, именно это слово используют позднейшие литературные источники для обозначения частной принадлежности земли на *ager publicus* в архаическую эпоху.¹ В трудах римских классических юристов существенные *possessio* и *possessor*, а также глагол *possidere* встречаются очень часто. При этом смысл, который вкладывается тем или иным древним юристом в эти слова, может меняться кардинально в зависимости от контекста. Приведём основные правовые значения этих терминов.

(1) *Possessio* – это простое фактическое господство лица над вещью, не связанное с намерением иметь эту вещь исключительно для себя; это то, что иногда в римских текстах называется *possessio corporalis* (D. XIII. 7. 24. 25. 2 и 40. 2) или *possessio naturalis* (D. X. 3. 7. 11; X. 4. 3. 15). В данном значении *possessio* совершенно равнозначна *detentio* (простое фактическое держание вещи, не предполагающее хозяйской воли у держателя; иначе держание от чужого имени) – термину, возникшему в позднейшей романистике.

(2) Часто *possessio* может означать наличие у кого-то особого права на чужую вещь. В этом случае обычно употребляются выражения *possessio iuris* и *possidere ius* (D. 43. 26. 2. 3; VIII. 4. 2).

---

¹ Кофанов Л.Л. Владение и собственность в законах XII таблиц // Древнее право. – 2000. № 1 (6). С. 148.

(3) Иногда термин *possessio* означает фактический статус лица, например, выражение *ex possessione sive servitutis sive libertatis de suo statu litigare* следует перевести так: «судиться о своем статусе, фактически находясь либо в состоянии рабства, либо в состоянии свободы» (D. III. 3. 33. 1).

(4) Словосочетание *bonorum possessio* имеет устойчивое значение «лицо, получившее возможность приобрести наследство по преторскому праву» (D. V. 2. 13 pr.; 20 pr.; 3. 9 pr.).

(5) Слово *possessio* может иметь значение недвижимого имущества из публичного фонда, находящегося в чьем-то частном обладании. Речь в этом случае обычно идет об участках земли на *ager publicus* или о земельных участках в провинции. Поэтому слово *possessor* означает в некоторых контекстах обладателя такого недвижимого имущества, полученного из государственного фонда (D. XXXII. 41. 6). В этом конкретном смысле (и только в этом) эмпитевта, конечно же, является владельцем (D. II. 8. 15).

(6) Наиболее важное для всей системы римского вещного права значение термина *possessio* – фактическое господство лица над вещью, связанное с господской волей этого лица, то есть с непризнанием фактическим хозяином этой вещи ничьей власти над ней, кроме своей собственной. В этом смысле *possessio* противоположно *proprietas*, с одной стороны, поскольку *proprietas* – это правовое, то есть идеальное, господство лица над вещью, далеко не всегда связанное с господством фактическим (D. 41. 2. 12; 49. 1; 43. 16. 1. 22; 45. 1. 38. 7. 8), а, с другой стороны, *possessio* противоположно простому держанию, поскольку последнее не связано с отношением к вещи как к своей (поэтому получается, что термин *possessio* в 1-м из рассмотренных нами значений является антонимом термину *possessio* в 6-м значении).¹

---

¹ Укажем на некоторые из относительно работ, посвященных римской собственности и владению: Савельев В.А. Право собственности в римской классической юриспруденции // Советское государство и право. – 1987. № 2. С. 121–126; Он же. Право собственности и владение в древнем Риме (теоретические аспекты) // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве. – М., 1989. С. 3–22; он же. Юридическая концепция собственности в Древнем Риме и современность // Советское государство и право. – 1990. № 8. С. 135–140; Он же. Римское частное право (проблемы истории и теории). – М., 1995 (раздел второй); Он же. Власть и собственность: юридические аспекты собственности в праве классического периода // Древнее право. – 1996. № 1. С. 112–121; Он же. Владение solo animo в римском классическом праве // Древнее право. – 1999. № 2 (5). С. 7–17; Он же. Сложноструктурные модели римской собственности и российское право собственности // Древнее право. – 2001. № 1 (8). С. 132–136; Смирин В.М. Римская “familia” и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. – М., 1988. С. 18–40; Он же. «Nudum ius Quiritium», «dominium» и «proprietas» в понятийной системе римских юридических текстов // Вестник древней истории. – 1998. № 1. С. 281–285; Залеский Н.Н. Земельная собственность в Древнем Риме и современной России // Право и экономика. – 1994. № 15/16. С. 87–100; Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. – М., 1996; Кофанов Л.Л. Указ. соч. С. 146–159; Маяк И.Л. Понятие власти и собственности у Авла Геллия // Древнее право. – 1998. № 1 (3). С. 8–27; Крюков А.С. Из истории слова dominus // ВДИ. 1998. № 1. С. 272–280; Бибииков А.И., Павлов А.А. Понятие dominium в голландском праве XVII века в изображении Гуго Гроция // Древнее право. – 1998. № 1 (3). С. 206–210; Бибииков А.И., Данилов Д.В. Possessio и duplex dominium в римском праве и современном гражданском законодательстве России // Древнее право. – 2000. № 1 (6). С. 242–248; Зайков А.В. Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2000. № 1 (2). С. 33–42; Он же. «Собствен-

Итак, этот краткий анализ с очевидностью показывает, что и в российском законодательном лексиконе, и в лексиконе юристов Древнего Рима ключевые термины в сфере вещного права не имели единственного строго закрепленного значения, отличались многозначностью. При всем том слова *possessio* и, соответственно, *владение* оставались и в древнеримском, и в старом российском правовых дискурсах именно терминами. Иначе говоря, и римский юрист, и российский законодатель всегда вкладывали в данные слова вполне определенное, единственно возможное в данном контексте значение. Такой «контекстный» характер сближает российскую юридическую терминологию круга *владения* с древнеримской правовой терминологией круга *possessio*. Между ними, однако, есть и существенные отличия. К этим отличиям следует отнести прежде всего то, что понятийное поле *possessio* значительно шире и вариативней, нежели понятийное поле *владения*. Объяснение этому может быть найдено, возможно, в том, что римская доктрина вещного права в том виде, в каком она отражена в «Дигестах» Юстиниана, вообще была более сложной, нежели доктрина, нашедшая отражение в «Своде законов гражданских».

Ещё один момент, на который следует обратить внимание, связан с 6-м из рассмотренных выше значений *possessio* и 3-м значением термина *владение*: фактическое господство над вещью, связанное с намерением лица быть ее полным хозяином (*владение* в тесном смысле этого слова). Именно такое владение получало самостоятельную интердиктную защиту, не связанную с защитой права на вещь (интердикт – это, по сути, административная защита, тогда как право собственности защищается в судебном процессе). В связи с этим необходимо отметить, что интердиктная защита сыграла для римского права совершенно уникальную роль, поскольку невозможно представить себе практического регулирования вещных споров в римском праве классической эпохи без владельческих интердиктов. Дело здесь не только и даже не столько в том, что очень часто спор заканчивался и дело решалось одним только интердиктом (когда ответчик подчинялся административному приказу претора). Гораздо важнее другое: владельческий интердикт представлял собой важнейшую и часто совершенно необходимую подготовительную стадию перед виндикацией. Это предпроцессуальное значение владельческого интердикта недвусмысленно выражено у Гая в «Комментарии к провинциальному эдикту»: «Тот, кто намеревается требовать вещь, должен рассмотреть, не может ли он получить владение вещью в силу какого-либо интердикта. Ибо гораздо удобнее владеть самому и заставить противника нести тяготы истца, чем предъявлять иск о собственности, когда владеет другой» (D. VI. 1. 24, пер. Л.Л. Кофанова).

Появление того же самого узкого значения у русского термина *владение*, изначально ему не свойственного, связано, как мне представляется, с попытками ввести в российскую практику такой правовой механизм, каким является владельческая защита (на Западе для этого механизма придумали латинский термин *possessorium*, который не встречается в римских классических текстах). В России та-

---

ность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного понятийного юридического парадокса // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. № 1 (3). С. 192–201.

кой механизм возникает при Екатерине II как заимствование из «Литовского статута». Первые признаки данного механизма обнаруживаются в знаменитых «Учреждениях для управления Губерний Всероссийския Империи» от 7 ноября 1775 года.¹ Статья 243-я гласит: «Земский исправник всякому обиженному дает Судейское покровительство, и для того, буде где в уезде окажется насилие, то Земский капитан тотчас на месте о том изследывает без многого письменного производства, но единственно в ясность приводит, учинился ли такой-то случай, или нет, и свидетелей допрашивает, и буде у кого что отнято, и оно налицо находится, тотчас велит возвратить, и даст о том знать Уездному Суду, к которому просьбу производить дозволяется тем, кои доказать могут, что Земский Исправник пристрастно, или несправедливо поступил...».

Однако *possessorium* как специфический механизм защиты имущественных интересов был новым для русской практики. Сомнительно, чтобы на местах лица, ответственные за претворение в жизнь этой 243-й статьи «Учреждений» понимали её правильно. Часто возникали недоразумения. Позднее Сенату несколько раз пришлось издавать специальные указы для прояснения смысла данной законодательной нормы о владельческой защите.² Эти указы «предписывают полиции, немедленно по получении жалобы на насильное завладение, приводить в ясность, в чьём владении было имение тогда, когда учинено было насилие, после чего и возвратить его тому, у кого оно отнято, не входя при этом в рассмотрение предоставляемых сторонами документов, так как это уже дело суда».³ В дальнейшем русский вариант *possessorium* получил свое закрепление и развитие в «Судебных уставах» 1864 года. Так, в «Мотивах к Судебным уставам» сказано: «Мировой судья, не входя в рассмотрение самого права на владение, должен ограничиться возвращением имущества тому, в чьём владении оно состояло до нарушения, и притом безразлично, относится ли нарушение до движимого или недвижимого имения. Ввиду этого следует признать, что защите владения, независимо от вопроса о праве собственности, подлежат как недвижимые, так и движимые вещи».⁴ Однако в реальности ситуация была иной: практика российских судов второй половины XIX – начала XX вв. постоянно допускала слияние исков о владении и о праве собственности.⁵ Это и понятно – знаменитая антитеза *possessio – proprietas* изначально была совершенно чужда самой природе русского слова *владение*.

Это заставляет нас обратить внимание ещё на одно важное отличие семантических полей римской *possessio* и русского *владения*. Для последнего первичным и более важным значением, всё же, было понятие о правовом господстве лица над своей вещью, то есть то, что в позднейшем русском языке стало называться *соб-*

---

¹ ПСЗ-И. № 14392.

² Сенатские указы от 14 октября 1804, от 30 июня 1820, от 27 декабря 1823 года. Наиболее ясно смысл русского варианта *possessorium*'а выражен в указе от 30 июня 1820 года «О производстве дел о насильном завладении недвижимым имением» (ПСЗ-И. № 28338). По этому поводу см. также: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995. С. 154.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 154.

⁴ Цит. по: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 160.

⁵ Там же. С. 159–162. См. также: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. С. 229–232.

ственность. Такое значение для римского *possessio*, по всей видимости, явным образом зафиксировать невозможно (см. выше наш терминологический анализ). Что же касается появления антитезы *владение – собственность* в российском правовом лексиконе, то помимо практических нужд, связанных с возникновением механизма владельческой защиты, рождение у нас этой дихотомии связано также с тем, что со второй половины XVIII века законодатель в области гражданского права начинает обращать внимание на западную – и, прежде всего, французскую – философско-юридическую литературу (ярчайший пример – указы Екатерины II, изданные по случаю учреждения в 1767 году Комиссии о составлении проекта Нового Уложения). Этому же в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что на чиновной службе в России оказывается большое количество людей, закончивших западноевропейские университеты, в частности, юридические факультеты.

В екатерининскую эпоху появляются пособия, излагающие доктринальные основы юриспруденции. Этиopusы философско-правового характера всегда ориентировались на западноевропейскую литературу. К числу первых опытов такого рода можно отнести «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, ... говоренное ... Семеном Десницким». Здесь можно найти следующее рассуждение: «Установлено было, чтоб сын имел собственность и полное владение в тех маетностях, которые он получал в подарок от своей матери».¹ Ещё более показателен в этом отношении отрывок из одного из сочинений А.Н. Радищева: «Вещию можно владеть, иметь ее, распорядиться ею для себя, но вещь чужая; сие владение называют несовершенным, оно то самое есть, что мы сказали выше: владелец и держатель один, но хозяин другой».²

Когда в начале царствования Александра I для целей выработки проекта нового уложения стали искать человека с юридическим образованием, выбор пал на барона Густава Андреевича Розенкампа, бывшего студента Лейпцигского университета, родом из Лифляндии. Розенкамп отличался острым умом и обширнейшими теоретическими познаниями в праве, но при этом он практически не знал русского языка и очень слабо ориентировался в российском законодательстве. Император повелел подготовить план будущих работ. Исполняя это повеление государя, Розенкамп за один или два месяца подготовил очень основательный доклад, который был представлен государю министром юстиции князем Лопухиным в феврале 1804 года (т.н. «Доклад князя Лопухина»). Доклад выполнен в доктринальном духе пандектов – немецких учебников римского права, по которым учился Розенкамп. Причём гражданским законам предлагалось дать институциональную систему. Естественно, что для доклада характерна научная определенность в терминологии. В частности, здесь не допускается смешения понятий *владение* и *собственность*. Эти понятия рассматриваются в отдельных секциях, сначала первое, потом второе.

В 1808 году присутствующим в Совете комиссии составления законов был назначен М.М. Сперанский, который, как известно, был очарован личностью Наполе-

---

¹ Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, ... говоренное ... Семеном Десницким. Июня 30 дня, 1768 г. – М., 1768. С. 36.

² Радищев А.Н. Полное собр. соч. – М.–Л., 1952. Т. III. С. 195.

она и восторгался быстрым принятием французского Гражданского кодекса. В то время Сперанский очень низко ценил отечественное законодательство, считая его варварским и бесполезным в деле составления новых уложений.¹ Проект «Гражданского Уложения», над которым работал Розенкампф под непосредственным наблюдением Сперанского, состоял из трёх частей, причем по своей структуре очень близко подходил к французскому «Гражданскому кодексу» («О лицах», «Об имуществвах», «О договорах»). Вторая часть этого проекта, посвященная вещным правам, была рассмотрена Государственным советом в 1810 году. Поскольку в качестве образца был взят «Кодекс Наполеона», конструкции владения и собственности трактовались здесь совершенно во французском духе. Этот проект «Гражданского уложения», подвергнувшийся определенной переработке после падения Сперанского, вновь рассматривался в Государственном совете в 1814 году. Вторая глава второй части этого проекта была посвящена владению вообще и его последствиям, а третья глава – правовому регулированию отношений собственности.

Итак, в период с 1804 до 1814 гг. в рамках обсуждения проекта «Гражданского Уложения» на законодательном уровне *владение* трактовалось сугубо в смысле римской *possessio* (в узкоспециальном смысле слова), а *собственность* – в смысле римской *proprietas*. Это, с одной стороны, придавало юридической терминологии чёткость и определённую, а, с другой стороны, полностью игнорировало традиции реального юридического словоупотребления, о которых речь у нас шла выше.

По воцарении Николая Павловича (декабрь 1825 г.) идея составления нового уложения была отвергнута. Государь остановился на идее издания систематического свода существующих законов, исключив из него все потерявшее силу, но без всяких изменений в существе сохранившихся законов. При этом были выработаны главные правила составления свода, позаимствованные, отчасти, у английского философа Бэкона. Так, согласно этим правилам, текст статьи свода должен быть извлечён из текста закона. Текст не должен меняться: для закона драгоценно не изящество слога, а его сила, а для силы – древность. Законодатель должен считаться не только с современным ему положением дел, но и с традиционным разумом законодательства.

Относительно «Свода законов гражданских» очень важно отметить следующий момент. Этот свод был составлен из законов, изданных в разное время, начиная с «Уложения Алексея Михайловича». Старые законы были приведены в некоторый систематический порядок, но между ними не было внутренней связи, поскольку относились они к весьма разным эпохам. При составлении свода необходимо было осуществить такую логическую связь. Для этой цели составители использовали определения, положения и принципы французского Гражданского кодекса, тем более что опыт обращения к иностранному законодательству в рамках работы Комиссии составления законов был накоплен богатый. Связь очень часто получалась поверхностной, а сами эти принципы, положения и определения иногда переводились с французского языка неудачно и даже с искажениями. Причём в тех случаях, когда в «Свод законов гражданских» внедрялись подобные явные заимствования из французского «Гражданского кодекса» (а они составляют заметную

---

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. Т. II. С. 154.

часть), необходимо было делать исторические ссылки на древние российские законы в конце статьи – в соответствии с правилом о том, что свод должен включать в себя только действующее отечественное законодательство. На деле такие ссылки лишь механически связаны с текстом самой статьи.

Одним из наиболее показательных примеров подобного метода являет собой 420-я статья «Свода законов гражданских», содержащая определение собственности. С одной стороны, редактор пытается позаимствовать самую суть 544-й статьи французского Гражданского кодекса, где собственность представлена как совокупность основных правомочий: право пользоваться и распоряжаться (*le droit de jouir et disposer*). С другой стороны, поскольку исконному русскому законодательству сам термин *собственность* не известен, а появился он совсем недавно, исторические ссылки на старые законы при этой 420-й статье указывали в основном на те законы, в которых понятие права собственности передавалось с помощью термина *владение*. Это обстоятельство ставило редактора в весьма двусмысленное положение, выйти из которого он попытался, вероятно, механическим внедрением в определение собственности понятия о праве владения, а также тем, что для субъекта, обладающего правом собственности, он сохранил древнее русское слово *владелец*. Причём, как было показано в начале доклада, в других статьях свода редактор ничтоже сумняшеся использует то же слово *владение*, но уже в совершенно иных смыслах, в том числе и в тесном смысле фактического господства с намерением обладать вещью для себя. Сделать это было тем более легко, что практика употребления данного слова в этом романизованном смысле была к тому времени закреплена уже не только в разного рода юридических пособиях, но и законодательно («Учреждения для управления Губерний», Сенатские указы 1804, 1820, 1823 гг.).

Введение в определение собственности элемента владения привело к появлению знаменитой российской триады: владение – пользование – распоряжение. Появление триады законодательно закрепило рыхлый и весьма путанный характер русской терминологии, относящейся к вещному праву. С одной стороны, само создание триады выглядит как чисто механическое соединение французского определения с русским традиционным словоупотреблением. Однако нельзя исключать, что за этой формулировкой скрываются определенные философские идеи, почерпнутые из «Философии права» Гегеля. Дело в том, что немецкий философ также определяет сущность собственности через триаду (что для Гегеля вполне естественно), причём элементами этой триады у него являются *вступление во владение*, *потребление* и *отчуждение*¹, что подозрительно близко русскому законодательному определению. Мне не удалось найти очевидных доказательств знакомства Сперанского с «Философией права» Гегеля. Этот труд сформировался на основе лекций, читанных автором начиная с 1817 года в Гейдельбергском, а затем в Берлинском университете. Книга становится известной в 20-е гг. XIX века, а, между тем, именно тогда в России возникает интерес к Гегелю, формируется группа примерно из 30 человек, которые постоянно ездят в Берлин, чтобы слушать его лекции. Таким образом, ко времени начала работ над «Сводом законов» в Рос-

---

¹ §§ 53–70 // Гегель В.Ф. Философия права. – М., 1990. С. 110–127.

сии уже появилась определенная среда, которая вполне могла способствовать проникновению гегельянских философско-правовых идей в процесс подготовки Свода законов.

Подведём некоторые итоги. Россия долгое время оставалась страной, которая, как и Англия, не испытала широкомасштабной рецепции римского права, но которая, в отличие от Англии, не знакома была даже и с доктринальным освоением римского права. Поэтому русская правовая лексика и правовые конструкции сохраняли национальную самобытность и с трудом корреспондировали с соответствующей лексикой и конструкциями, бытовавшими в рамках западноевропейских юридических систем, сформировавшихся на базе римского права.

Носителями, хранителями и отчасти создателями русской правовой лексики были дьяки и подьячие, работавшие в системе приказов. Уничтожение приказов и замена их коллегиями при Петре I неизбежно должны были сказаться и на русской правовой лексике. В то же время начинается процесс активного заимствования иноземного законодательства, который должен был означать одновременно и широкое внедрение новой правовой лексики. Процесс этот, то затухая, то вновь оживляясь, продолжился при преемниках Петра. Со времен Екатерины II новые юридические термины появляются не только благодаря законодателю, но и посредством разного рода пособий философско-правового характера, отчасти переводных, отчасти оригинальных, но всегда ориентированных на западноевропейскую литературу.

Однако традиция – вещь великая, особенно традиция языковая. Даже Пётр I при всей своей любви ко всему иностранному не мог полностью заменить в законодательной практике русские слова более точными и более научными терминами из иноземных законов. Дело в том, что в России при очень позднем появлении университетов интернациональная правовая лексика оставалась во многом чуждой для лиц юридических профессий, ибо в своем подавляющем большинстве представители этого слоя имели весьма отдаленное представление и о римском праве, и о современных западноевропейских доктринах. Процесс внедрения в русский правовой быт западных юридических конструкций и понятий подвергался многим случайностям, осуществлялся спонтанно, без серьезной доктринальной поддержки. Процесс этот, однако, заняв собой более ста лет, привел к необратимым последствиям. Когда при воцарении Николая Павловича было принято твердое решение о том, что упорядочение российского законодательства должно наконец завершиться достойным результатом, уже совершенно невозможно было вернуться полностью к сугубо национальным основам, в том числе в области правовой терминологии. К этому времени многие конструкции, заимствованные из римского, французского и немецкого права, прочно укоренились в российском юридическом быте. С другой стороны, невозможно было построить новое российское право на базе какой-нибудь доктрины, идеально выверенной и сконструированной с помощью научного языка, на котором говорят на юридических факультетах. Дело тут не только в том, что сам Николай Павлович был настроен консервативно. Дело прежде всего в том процессе, о котором речь шла выше: внедрение западных юридических идей и терминов в национальный правовой быт осуществлялось спонтанно, в условиях почти полного отсутствия собственных университе-

тов, было чревато многими случайностями (одним из наиболее ярких примеров такой случайности следует считать появление у нас законодательного определения собственности через триаду правомочий). Данный процесс неизбежно привёл к тому, что за время от Петра I до Николая I в России сформировалась новая юридическая лексика, которая, несмотря на все попытки привести её к унификации с западноевропейскими правовыми понятиями, продолжала сохранять самобытные черты. Рассмотренный в этой статье случай с употреблением в российском законодательстве XVIII–XIX вв. терминов круга *владения* доказывает это самым наглядным образом.

Источники и использованная литература:

1. Полное собрание законов Российской Империи. [Соб. 1-е: 1649-1825 гг.]. В 45-и тт. / Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
2. Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 10: Свод Законов гражданских и межевых. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832.
3. *Бартошек М.* Римское право. Понятия термины определения / Пер. с чешского Ю.В. Пресняков. – М., 1989.
4. *Бибииков А.И., Данилов Д.В.* Possessio и duplex dominium в римском праве и современном гражданском законодательстве России // Древнее право. – 2000. № 1 (6). С. 242–248.
5. *Бибииков А.И., Павлов А.А.* Понятие dominium в голландском праве XVII века в изображении Гуго Гроция // Древнее право. – 1998. № 1 (3). С. 206–210.
6. *Гегель В.Ф.* Философия права. – М., 1990.
7. Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. – М., 1993. Т. 1.
8. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. – СПб., 1996. Ч. 1.
9. *Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. – М., 1996.
10. *Дыдинский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. По изданию 1896 г. – М., 1998.
11. *Ефремова Н.Н.* Судебная защита права собственности в России XVIII в. // Собственность: право и свобода. – М., 1992. С. 43–55.
12. *Зайков А.В.* «Собственность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного понятийного юридического парадокса // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. № 1 (3). С. 192–201.
13. *Зайков А.В.* Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2000. № 1 (2). С. 33–42.
14. *Залесский Н.Н.* Земельная собственность в Древнем Риме и современной России // Право и экономика. – 1994. № 15/16. С. 87–100.
15. *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. Т. II.
16. *Кофанов Л.Л.* Владение и собственность в законах XII таблиц // Древнее право. – 2000. № 1 (6). С. 146–159.
17. *Крюков А.С.* Из истории слова dominus // Вестник древней истории. – 1998. № 1. С. 272–280.
18. *Маяк И.Л.* Понятие власти и собственности у Авла Геллия // Древнее право. – 1998. № 1 (3). С. 8–27.
19. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
20. *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. – М.–Л., 1952. Т. III.
21. *Савельев В.А.* Владение solo animo в римском классическом праве // Древнее право. – 1999. № 2 (5). С. 7–17.

22. *Савельев В.А.* Власть и собственность: юридические аспекты собственности в праве классического периода // Древнее право. – 1996. № 1. С. 112–121.
23. *Савельев В.А.* Право собственности в римской классической юриспруденции // Советское государство и право. – 1987. № 2. С. 121–126.
24. *Савельев В.А.* Право собственности и владение в древнем Риме (теоретические аспекты) // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве. – М., 1989. С. 3–22.
25. *Савельев В.А.* Римское частное право (проблемы истории и теории). – М., 1995.
26. *Савельев В.А.* Сложноструктурные модели римской собственности и российское право собственности // Древнее право. – 2001. № 1 (8). С. 130–136.
27. *Савельев В.А.* Юридическая концепция собственности в Древнем Риме и современность // Советское государство и право. – 1990. № 8. С. 135–140.
28. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. – М., 1999.
29. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1973. Вып. 2.
30. Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1987. Вып. 3.
31. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, ... говоренное ... Семеном Десницким. Июня 30 дня, 1768 г. – М., 1768.
32. *Смирин В.М.* «Nudum ius Quiritium», «dominium» и «proprietas» в понятийной системе римских юридических текстов // Вестник древней истории. – 1998. № 1. С. 281–285.
33. *Смирин В.М.* Римская “familia” и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. – М., 1988. С. 18–40.
34. *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. – М., 1991.
35. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М., 1995.

Zaykov A.V.

The concept of «possessio» in the Roman law and «vladenie» in the Russian legislative lexicon of 18th–19th centuries

In this article the author explains why in the «Collection of Laws of the Russian Empire» (*Svod Zakonov Rossiyskoy Imperii*, then *Svod*) the legislator in designating the person having the right to own property often prefers the term «vladelec» (owner, possessor) to term «sobstvennik» (proprietor). To do that the author is aimed, on the one hand, to analyze the relevant lexicon of the *Svod* and the previous Russian legislation, on the other hand, to analyze the relevant Roman legal lexicon. The author observes first sporadic use of the word «sobstvennik» in the *Svod*. According to the data reported in the first part of the Tenth volume of the *Svod*, the word is in fact used in only six cases. To designate a person (the holder of property rights), the lawgiver preferred to use the word «master» or the term «possessor». The author considers this fact as a conceptual paradox. The author also examines the history of the use of the term «possessio» in the Russian legal tradition beginning with the second half of 18th century. The author analyzes the different meanings of the word possessio in the ancient Roman law. As the author notes, in the Russian legislation and in ancient Rome the key terms in the context of property rights had not the strict fixed sense and were characterized rather by ambiguity. Despite this, the concept of Roman possessio appears much more wider and various than that underlying the Russian term «vladenie». The explanation could be found in the fact that the Roman doctrine of the real rights, as it stated in the Digest of Justinian, was more sophisticated and complex than that represented in the Russian *Svod*. The lexicon and Russian legal conceptions have retained their national originality by virtue of the fact that Russia for a long period of time remained a state that has not experienced a far-reaching reception of Roman law.

Keywords: Collection of Laws of the Russian Empire, *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii*, Collection of Civil Laws, Catherine the Great, Nikolai I Pavlovich, Roman law, Digesta, Corpus Juris Civilis, right in rem, law of property, real right, possessio, possessorium, proprietas, right of ownership, right of property, detention, holding, servitude, reception of Roman law.

К ВОПРОСУ О КАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье с правовой точки зрения анализируется предыстория присоединения Средней Азии к Российской империи. Автор констатирует, что при изучении общей проблемы организации царского управления, «Сырдарьинскую линию» следует рассматривать не как условную географическую «черту», отделявшую Россию от Средней Азии, а как административно-территориальный орган управления пограничными территориями в Русском Туркестане.

Ключевые слова: Средняя Азия, административное управление, Туркестан, Министерство иностранных дел, сырдарьинская линия.

В 2015 году исполнилось 150 лет со дня присоединения Средней Азии к России. Но торжественно эту дату не отмечали, ни в Российской Федерации, ни в молодых независимых и суверенных государствах так называемой «Центральной Азии»¹, возникших вследствие распада СССР. В России была издана лишь одна книга, посвященная вышеуказанному процессу.² Между тем, в дни 100-летия присоединения Средней Азии к Российской империи эта дата вызвала воодушевление общественной и научной мысли. В 1965 году вышла в свет специальная монография на сей счёт видного отечественного востоковеда Н.А. Халфина.³ Проблема была позитивно отражена и во многих других публикациях. В союзных республиках Средней Азии появилось много соответствующих изданий, один перечень которых мог бы занять немало места. В них критиковался царский период в истории Русского Туркестана, однако в целом все авторы сходились во мнении о том, что присоединение региона к России имело великое прогрессивное значение для исторических судеб населявшего его коренного населения.

Сегодня историки постсоветских государств Средней Азии и Казахстана предпочитают писать о «российском колониализме», обвиняя его в угнетательской антинародной сущности, а равно в иных грехах. Поскольку в наши планы не входит историографический обзор работ, посвященных такого рода вопросам, мы ограничимся только констатацией этого обстоятельства.

Нас интересует другая проблема, а именно: предыстория присоединения Средней Азии к России, причем в историко-правовом отношении. Как ни странно, но ни в советской, ни в современной российской историографии эта тема не получила должного освещения.

Речь идёт о так называемой «Сырдарьинской линии». В дореволюционный пе-

---

Волков Иван Васильевич – кандидат политических наук, учёный секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб (Москва).

¹ Мы не приемлем употребление термина «Центральная Азия» применительно к Средней Азии и Казахстану, так как научная география понимает под ним совсем другие территории азиатского континента.

² См.: *Бекмаханова Н.Е.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. – М., СПб., 2015. – 240 с.

³ См.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). – М., 1965.

риод о ней упоминали в своих работах участники присоединения Средней Азии к России, те, кто служил в Туркестане, а равно и прочие исследователи.¹ Но никто из них не рассматривал эту «линию» ни с административной, ни с правовой точки зрения. В советский период о Сырдарьинской линии писали в таком же плане.² Причём даже исследователи из советских республик Средней Азии и Казахстана. Например, узбекистанские историки отмечали, что в 1853 году русские войска взяли кокандскую крепость Ак-Мечеть, на месте которой «было возведено укрепление «Форт Перовского» (ныне г. Кызыл-Орда). Возникла так называемая Сырдарьинская линия, представлявшая собой плацдарм для дальнейшего наступления на Среднюю Азию».³ Ничего не сообщали о Сырдарьинской линии авторы пятитомной академической «Истории Киргизской ССР».⁴ Историки молодых и независимых государств Средней Азии и Казахстана также не проявляют интерес к Сырдарьинской линии.

Примечательно, что в вузовском учебнике по истории Кыргызстана академики Д.Д. Джунушалиев и В.М. Плоских вообще не упоминают о Сырдарьинской линии.⁵ Ничего не пишет о ней в своем вузовском учебнике и молодой киргизский историк О.Дж. Осмонов.⁶ Казахские историки тоже игнорируют вопрос о действительном статусе и функционировании Сырдарьинской линии.⁷ Современная российская историография в рассматриваемом нами вопросе также никаким образом не продвинулась вперед. Российский исследователь О.В. Боронин пишет о том, что

---

¹ См. напр.: *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. – СПб., 1868; *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1880. Т. 1; Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 19: Туркестанский край / Сост. кн. В.И. Мас-сальский. – СПб., 1913; *Северцов Н.А.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. – СПб., 1873; *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875; Возвращение русской власти в Средней Азии // Военный сборник. – 1868. № 9. Сентябрь. С. 109-150; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906 Т. 1-3.; *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области. Том первый. Юридический быт. – Ташкент, 1889; *Макишеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. – СПб., 1890; *Семенов Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. – М., 1946; *Григорьев В.В.* Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. – СПб., 1874. Т. 1. С. 233-261 и др.

² См. напр.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). – М., 1965; *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. – Алма-Ата: Наука, 1981.

³ История Узбекской ССР. В 4-х томах. – Ташкент, 1968. Т. 2. С. 12.

⁴ См.: История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти тт. – Фрунзе, 1986. Т. 2.

⁵ См.: *Джунушалиев Д.Д., Плоских В.М.* История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2009.

⁶ См.: *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). – Бишкек, 2008.

⁷ См., напр: *Абдакимов А.* История Казахстана. – Алматы, 1994; *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана. – Астана, 1999; *Козыбаев М.К., Козыбаев И.М.* История Казахстана. – Алма-Ата, 1993; *Кузенайгулы Аманжол, Эбил Эркин.* История республики Казахстан. – Астана, 1999; Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы, 1995; История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). – Алматы, 1993; *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы, 2007; *Султанов Т.И.* Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI – начало XX века) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. – СПб., 1996. С. 8-26; *Амрекулов Н., Масанов Н.* Казахстан между прошлым и будущим. – Алматы, 1994; и др.

«в 1853 г. Перовский организовал новый штурм Ак-Мечети. Кокандская крепость вскоре пала, а на ее месте был основан русский форт Перовский (ныне Кзыл-Орда), замкнувший Сырдарьинскую оборонительную линию».¹ При этом он ничего не пишет о том, что собой представляла эта «линия».

В упоминавшейся выше книге Н.Е. Бекмахановой отмечается, что «в 1853 г. крепость (Ак-Мечеть – *И.В.*) была взята штурмом и переименована в форт Перовский. Началось строительство Сырдарьинской линии укреплений, включавшее форт № 1 (с 1864 г. г. Казалинск) и форта № 2 в урочище Кармакчи, форта № 3 на р. Кувандарье и форта Перовского».² Таким образом, по её мнению, Сырдарьинская линия была лишь «цепью» оборонительных сооружений России на юго-восточных границах. И не более того. Любопытно, что в некоторых современных российских изданиях вообще не поднимается вопрос о том, когда, как и зачем была присоединена Средняя Азия к России.³ Некоторые учебники излагают материалы о присоединении Средней Азии, но не упоминают вообще о Сырдарьинской линии.⁴ Получается, что Сырдарьинскую линию воспринимали всегда не как серьезное административно-территориальное установление, а как некую условную пограничную линию между владениями Российской империи и территориями среднеазиатских ханств. На наш взгляд, это является существенным недостатком в исследовании истории Русского Туркестана, то есть тех территорий Средней Азии (в том числе Южного Казахстана), которые подпали под прямую юрисдикцию царских властей в регионе, исключая земли среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского, сохранивших формальную независимость в качестве протекторатов Российской империи.

Вопрос об административном управлении Русским Туркестаном в советский период изучался с «классовых» позиций и в лаконичном стиле. В современной отечественной историографии он подвергся углубленному анализу в монографии П.П. Литвинова⁵, а в своей последней книге он выделил специальную главу – «О власти в Русском Туркестане».⁶ Кроме того, проблема управления российскими территориями в Средней Азии нашла отражение во многих статьях указанного автора. Однако он исследовал её, начиная с учреждения в феврале 1865 года Туркестанской области, считая при этом излишним рассматривать период предшествующий её образованию. Вместе с тем, он, безусловно, был знаком с устройством Сырдарьинской линии. Полагаем, что знакомство с принципами организации и устройства Сырдарьинской линии позволит легче понять место и роль Министерств-

---

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008. С. 71.

² Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С. 93.

³ См. напр.: Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. – М., 2007; Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX–XX вв.). – М., 2002; Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. – М., 2008.

⁴ См. напр.: Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. – М., 2010; Федоров В.А. История России. 1861-1917. – М., 2004; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. – М., 2006; и др.

⁵ См.: Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 538 с.

⁶ См.: Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан. С. 174-212.

ва иностранных дел в административном управлении этносами национальных окраин Российской империи, а также смысл перехода царской власти к «военно-народному управлению» в Русском Туркестане.

В истории отечественного государства и права функции министерства иностранных дел (МИД) сводятся исключительно к внешней политике, международным отношениям России с другими государствами. При этом игнорируется тот факт, что в российской истории ведомство по иностранным делам выступало также в качестве администратора, управлявшего населением окраинных территорий страны. Так, например, в сенатском указе от 21 декабря 1719 г. Пётр I предписывал: «Яицких казаков службой и нарядом и во всех делах ведать в Иностранной коллегии».¹ В именном указе от 13 февраля 1720 г. царь разделил эту коллегия на два департамента, из которых в «особливый» департамент были переданы дела украинские (малороссийские), калмыцкие, яицкие и др.² Позже, в указе от 29 апреля 1722 г. Пётр I установил: «Малороссии быть в ведении Сенатском».³ А указом от 16 мая 1722 г. учредил специальную Малороссийскую коллегия, управлявшую делами Украины.⁴ Как известно, после смерти Петра I эта коллегия была упразднена, а её дела переданы в Коллегия иностранных дел. Императрица Елизавета Петровна в мае 1747 года восстановила гетманство на Украине.⁵ А указом от 16 октября 1749 г. предписала, что «Малую Россию по всем делам ведать по-прежнему в оной Коллегии (иностраннх дел – *И.В.*)».⁶ Такое положение существовало до того, как указом от 10 ноября 1764 г. императрица Екатерина II не отменила гетманскую власть на Украине и не воссоздала Малороссийскую коллегия.⁷ Таким образом, и Украина находилась в подчинении ведомства иностранных дел Российской империи.

Известный отечественный правовед, проф. И.А. Исаев справедливо отмечает, что «территория Империи расширялась в разных направлениях, различными были как политические приёмы присоединения новых территорий, так и способы управления новыми землями Империи».⁸ Так, например, долгое время в ведении Коллегии, а потом Министерства иностранных дел находились калмыки. Делами населения окраинных территорий заведовал Азиатский департамент этого ведомства.

---

¹ № 3472. Сенатский – О ведении яицких казаков в Иностранной коллегии. 21 декабря 1719 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. 5. С. 772 (далее: ПСЗРИ-1).

² № 3518. Именной – О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними. 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 6. С. 131.

³ № 3989. Именной, данный Сенату – О подведомстве Малороссии Сенату. 29 апреля 1722 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 668.

⁴ См.: № 4010. Именной – Об учреждении в Глухове Малороссийской коллегии и о назначении в оную присутствующим бригадира Вельяминова. 16 мая 1722 года. // ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 681-684.

⁵ № 9400. Именной, данный Сенату – О бытии в Малороссии гетману по прежним правам и обычаям. 5 мая 1747 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 12. С. 694.

⁶ № 9676. Именной, данный Коллегии иностранных дел – Об отправлении графа Гендрикова в Малороссию для выбора Гетмана и о бытии Малороссии по все м делам в ведении Коллегии иностранных дел. 16 октября 1749 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 13. С. 144.

⁷ См.: № 12277. Именной, данный Сенату – Об учреждении в Малороссии вместо гетманского правления Малороссийской коллегии. 10 ноября 1764 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 16. С. 961-962.

⁸ *Исаев И.А.* История государства и права России. – М., 2002. С. 386.

Только 10 марта 1825 года были «высочайше» утверждены «Правила для управления Калмыцким народом», которые передали управление им под эгиду Министерства внутренних дел (МВД).¹

Длительное время казахи, которых тогда привычно именовали «киргизами», находились под управлением Коллегии (а затем министерства) иностранных дел, от лица которых выступала Оренбургская Пограничная комиссия, учрежденная 19 марта 1799 года императором Павлом I.² В указанном отношении её права и подведомственность Министерству иностранных дел подтвердил закон от 4 января 1828 г.³ Он также устанавливал штат комиссии.⁴ В июне 1844 года император Николай I утвердил «Положение об управлении Оренбургскими киргизами».⁵ В § 1 документа указывалось: «Управление Оренбургскими киргизами или киргизами, так называемой, Малой Орды, [находится] под главным заведыванием Министерства иностранных дел, по Азиатскому департаменту, и непосредственным начальством Оренбургского военного губернатора». А в § 5 уточнялось, что «общее управление Оренбургскими киргизами сосредоточивается в Оренбургской Пограничной комиссии»⁶.

Соответственно, были внесены изменения в раздел 6-й «Учреждения управления инородцев», статья 732-я которого гласила: «Управление Оренбургскими киргизами, или киргизами, так называемой Малой орды, под главным заведыванием Министерства иностранных дел, по Азиатскому департаменту и под непосредственным начальством Оренбургского Генерал-губернатора, состоит из управлений общего и частного».⁷ Согласно статье 733-й, «общее» управление Оренбургскими киргизами находилось в Оренбурге, а «частное» – «внутри кочевьев Оренбургских киргизов (в Орде)». Статья 735-я уточняла: «Занимаемые оренбургскими киргизами земли, составляющие в виде особой области часть Российской империи, состоят в ведении Министерства иностранных дел»⁸. Примечание к ст. 732-й указывало, что «статьи 732-809 об управлении Оренбургскими киргизами остаются в своей силе впредь до нового Положения об управлении сими инородцами».

Таким образом, оренбургские киргизы находились под властью Министерства иностранных дел фактически до утверждения «Степного положения» от 21 октября

---

¹ № 30290. Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцким народом. 10 марта 1825 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 40. С. 155-161.

² См.: № 18897. Высочайше утвержденный штат чинам, назначаемым для составления в Оренбурге Комиссии Пограничных дел. 19 марта 1799 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 25. С. 590; См. также: ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 44. Отд. 2. С. 356-358.

³ № 1681. Высочайше утвержденное положение Азиатского комитета с приложением штата Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства. 4 января 1828 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1828. Т. 3. С. 4-5 (далее: ПСЗРИ-2).

⁴ См.: № 1681. Штат Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства. // ПСЗРИ-2. – СПб., 1830. Т. 3. С. 2.

⁵ См.: № 17998. Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное Положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1844. Т. 19. Отд. 1. С. 392-401.

⁶ Там же. С. 393.

⁷ Об управлении инородцев, кочующих за Оренбургскими линиями // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 2: Особенности губернские учреждения. – СПб., 1857. Кн. 7. С. 89.

⁸ Там же.

1868 г.¹ Начавшееся ещё в 50-х гг. XIX века присоединение Средней Азии в регионе Семиречья привело к изменению административно-территориального разделения так называемой «Киргизской степи». В мае 1854 года была образована Семипалатинская область (ныне Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан – *И.В.*), примыкавшая к границам семиреченского региона. Однако она прикрывала только левый фланг указанной «Степи», в связи, с чем на её правом фланге учреждалась «Область Сибирских киргизов». В документе указывалось: «Пограничного начальника сибирских киргизов именовать впредь военным губернатором Области сибирских киргизов, а Пограничное управление – Областным правлением сибирских киргизов».² Военный губернатор этой области подчинялся генерал-губернатору Западной Сибири, но действовал на основании соответствующей инструкции Министерства иностранных дел.³

Что касается военного губернатора Семипалатинской области, то он тоже подчинялся тому же лицу, но не был свободен от правящей руки МИДа. Статья 502-я «Сибирского учреждения»⁴ указывала, что военный губернатор Области сибирских киргизов не мог принимать важных решений по пограничным вопросам «без согласия генерал-губернатора, который разрешает сам, или представляет на Высочайшее усмотрение через Министра иностранных дел».⁵ Статья 43-я документа отмечала, что ввиду неопределенности российско-китайской границы, «военный губернатор (Семипалатинской области – *И.В.*) действует по особым указаниям Генерал-губернатора Западной Сибири, основанных на предначертаниях Министерства иностранных дел».⁶ Кроме того, статья 61-я предписывала, что маловажные решения в российско-китайских отношениях «производятся военным губернатором через русских консулов в Чугучаке и Кульдже».⁷

Таким образом, Министерство иностранных дел России продолжало оказывать влияние на административное управление указанными сибирскими территориями. 14 октября 1856 года была «высочайше» утверждена Инструкция, разработанная Министерством иностранных дел для российских администраторов, управлявших населением Оренбуржья и Западной Сибири. Поэтому, когда заходит речь о так называемой «Золотой грамоте», данной первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману для сношений с властями сопредельных стран, как о некоем феномене, доселе невиданном, то это ошибочно – она была временной модификацией вышеуказанной «инструкции» МИД, составленной с учетом специфики вновь учрежденного в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства (края – *И.В.*).

---

¹ См.: № 46380. Официально называлось: Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. 21 октября 1868 года. // ПСЗРИ-2. – СПб., 1873. Т. 43. Отд. 2. С. 545-548.

² № 28255. Именной, данный Сенату – Об учреждении Семипалатинской области. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 1. С. 493.

³ См.: Учреждение управления Области сибирских киргизов // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 2: Особенные губернские учреждения. – СПб., 1857. Кн. 1. С. 73.

⁴ Официально называлось: Учреждение управления сибирскими губерниями и областями.

⁵ Учреждение управления Области сибирских киргизов. С. 74.

⁶ № 28255. Именной, данный Сенату – Об учреждении Семипалатинской области. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 1. С. 497.

⁷ Там же. С. 499.

Следующим актом царской власти на пути продвижения к Средней Азии стало учреждение Сырдарьинской линии.¹ В статье 1-й закона от 5 июля 1854 г. отмечалось: «Заведование войсками, киргизами и укреплениями, расположенными на Сырдарьинской линии, а также флотилией на реке Сыр-Дарье возложить на особого военного начальника, коего именовать Командующим Сырдарьинской линией». Документ указывал: «Командующему Сырдарьинской линией предоставить пользоваться правами Дивизионного начальника и окончательно утверждать приговоры над нижними чинами, судимыми по Полевому Уголовному уложению».² Ему придавался штат «в виде опыта на три года управления».³

Таким образом, Сырдарьинская линия становилась не просто географическим понятием, а конкретным административным учреждением, не изучать которое, было бы весьма ошибочным. В связи с официальным образованием «линии» были внесены соответствующие изменения в «Сибирское учреждение», статья 736-я которого стала гласить: «Общее управление Оренбургскими киргизами сосредоточивается в Оренбургской Пограничной комиссии, исключая управления киргизами и заведывания войсками и укреплениями, расположенными на Сырдарьинской линии, равно как и флотилией по реке Сыр-Дарье, что возложено на особого военного начальника, коему присвоено именование Командующего Сырдарьинской линией».⁴

Однако это далеко не означало высвобождение указанной территории из-под власти Министерства иностранных дел. «Высочайше» утвержденный штат управления Командующего Сырдарьинской линией состоял из военных и гражданских чиновников: командующего линией в чине генерала, его адъютанта, штаб или обер-офицера для особых поручений. При командующем учреждалась должность обер-офицера из топографов. Кроме того, полагалась должность старшего адъютанта, который заведовал дежурной частью, а также исполнял обязанности казначея Управления. При военных чиновниках состоял переводчик в гражданском чине коллежского секретаря. К непосредственно гражданским чиновникам относился обер-аудитор, состоявший в чине коллежского асессора, переводчик – коллежский секретарь, а также 8 писарей, не имевших званий по «классному» чиновничеству, половина которых относилась к 1-му классу, а другая – ко 2-му.

Таким образом, эта часть штата занималась управлением войсками, военными укреплениями, путями сообщения и т.п. Но самими территориями Сырдарьинской линии продолжало ведать Министерство иностранных дел, для чего в её штате числился специальный чиновник этого ведомства, имевший чин коллежского советника. При нём состояли – его помощник в чине коллежского асессора, письмоводитель – титулярный советник и переводчик – коллежский секретарь. В документе отмечалось, что «в канцелярию чиновника Министерства иностранных дел назна-

---

¹ № 28392. Именной, объявленный в приказе военного министра – О Командующем Сыр-дарьинской линией. 5 июля 1854 года. // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 1. С. 679.

² Там же.

³ № 28392. Высочайше утвержденный штат управления Командующего Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года. // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 2. С. 104.

⁴ Об управлении инородцев, кочующих за Оренбургскими линиями // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 2: Особенные губернские учреждения. – СПб., 1857. Кн. 7. С. 89.

чаются писаря из военных кантонистов по мере надобности».¹ Кроме вышеуказанных лиц, по штату Управлению придавались 4 «рассыльных из киргизов», каждый из которых получал 50 руб. в год, а также по 3 «четверти» (старая русская мера веса сыпучих тел, равная 210 л – *И.В.*) муки ежегодно, т.е. по мешку в 50 кг ежемесе-чно.

На канцелярские расходы Управления выделялось в год 500 руб., а на экстраординарные расходы – 1000 руб. Чиновнику Министерства иностранных дел отпускалось в год 500 руб. «на приём и угощение киргизов и других азиатцев». Все военнослужащие Управления получали жалованье по своим чинам по сметам военного министерства, причём «по усиленным окладам, наравне с чинами степных укреплений». Что же касается, так называемых «столовых» денег, то как военные, так и гражданские чиновники Управления командующего Сырдарьинской линией получали их «за счёт кибиточного сбора с киргизов и военного капитала Оренбургского казачьего войска».² При этом отмечалось, что размер «столовых» денег назначается по усмотрению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. В «примечании» к «штатам» Управления командующего Сырдарьинской линией указывалось, что «старший чиновник Министерства иностранных дел определяется и увольняется сим министерством по представлению генерал-губернатора и, состоя в непосредственном подчинении Командующего линией, аттестуется генерал-губернатором». Документ особо отмечал, что «ближайшие его обязанности должны быть определены особой инструкцией, которая будет составлена Министерством иностранных дел». При этом указывалось, что «определение и увольнение других чиновников Министерства иностранных дел зависит от генерал-губернатора». Что касается упоминаемой инструкции, то она была выработана чуть позже и выше мы уже писали об этом.

Совмещение административных функций в руках военных и гражданских чиновников Министерство иностранных дел имело двойственный характер, при котором, как отмечалось, офицеры командовали воинским контингентом, а местным населением – чиновники МИДа. Естественно, что такая система административного управления порождала трения между военными и «дипломатами», нередко достаточно острые. Они отражались и на отношениях глав указанных ведомств в царских «верхах».

В начале марта 1859 года министр иностранных дел, действительный тайный советник А.М. Горчаков вошел с представлением в Комитет министров, в котором указывал, что он достиг соглашения с Оренбургским и Самарским генерал-губернатором Катениным о передаче управления «Степью Зауральских киргизов» из ведения МИД в подчинение МВД. Катенин предложил переименовать «Степь» в «Область киргизов Оренбургского ведомства, а управляющую ею Пограничную комиссию в Областное правление».³ На заседании правительства Горчаков заявил, что он

---

¹ № 28392. Высочайше утвержденный штат управления Командующего Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 2. С. 104.

² Там же.

³ № 54270. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О передаче управления Степью Зауральских киргизов в ведомство Министерства внутренних дел. 24 марта 1859 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1861. Т. 34. Отд. 1. С. 218.

готов передать управление «Степью Зауральских киргизов» под эгиду МВД «немедленно». Комитет министров «положил»: «Предоставить Министру иностранных дел передать безотлагательно все дела по управлению Зауральской степью в Министерство внутренних дел».

В соответствии с этим решением был издан «именной» (царский) указ от 9 декабря 1859 г. Он объявлял «Степь Зауральских киргизов» областью оренбургских киргизов, бывшую Оренбургскую Пограничную комиссию преобразовали в областное правление, а её председатель стал «Управляющим областью оренбургских киргизов». Все права и обязанности Министерства иностранных дел по управлению оренбургскими киргизами, обозначенными в статьях 20-22, 26-28, 41, 82, 95 и 98 «Положения» от 14 июня 1844 г., передавались в ведение МВД. Пограничная комиссия в Оренбурге ранее подчинялась Азиатскому департаменту МИД и отправляла туда всю информацию о своей деятельности. Теперь же областное правление, сменившее её, должно было отправлять в Азиатский департамент МИД только интересующие его сведения: о положении в сопредельных странах, о торговле с ханствами Средней Азией и т.п. Однако принятый новый документ касался только оренбургских киргизов, на которых в свое время распространялось «Положение» от 14 июня 1844 г. В статье 5-й закона от 9 декабря 1859 г. специально подчеркивалось, что «управление киргизами, кочующими по Сырдарьинской линии, оставить на прежнем основании с тем, чтобы чиновник Министерства иностранных дел, заведующий сими киргизами, действовал на точном основании, данной ему означенным министерством инструкции».¹

Поскольку областное правление оренбургских киргизов по привычке, «инерционно» продолжало направлять «старому хозяину» – Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел почти всю текущую информацию, то министр внутренних дел С.С. Ланской представил в правительство записку об изменении порядка доставления в Азиатский департамент Министерства иностранных дел сведений из областного правления оренбургских киргизов, указав, что туда следует посылать только сведения: «о торговле с странами Средней Азией, о меновой торговле на линии (Сырдарьинской – *И.В.*) и вообще делах заграничных».² Комитет министров «положил»: представить этот документ на утверждение царя, что тот и сделал 1 марта 1860 года. Но этот закон не имел отношения к функционированию управления казаками Сырдарьинской линии – чиновник МИД регулярно отправлял в Азиатский департамент своего ведомства всю текущую информацию, его касающуюся.

Примечательно, что министр иностранных дел А.М. Горчаков не проявлял в то время никакой инициативы относительно передачи управления Сырдарьинской линией в ведение военного министерства или МВД. Более того, он не выдвигал никаких предложений на сей счёт при подготовке нового правительственного «положе-

---

¹ № 35223. Именной, объявленный Сенату министром внутренних дел – О переименовании степи Зауральских киргизов, именуемой Малой Ордой, в Область оренбургских киргизов, и о новом порядке управления сею областью. 9 декабря 1859 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1861. Т. 34. Отд. 2. С. 341.

² № 35496. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об изменении порядка доставления в Азиатский департамент сведений: о торговле со странами Средней Азией, о меновой торговле на линии (Сырдарьинской – *И.В.*) и вообще делах заграничных. 1 марта 1860 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1862. Т. 35. Отд. 1. С. 161.

ния» о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии, которое было утверждено в начале декабря 1861 года императором Александром II.¹

В преамбуле отмечалось, что новое «положение» вводится «в виде опыта» только на три года. Документ вносил некоторые изменения и дополнения в так называемый «Свод военных постановлений». Но фактически он был полностью посвящен проблемам управления Сырдарьинской линией. Только в § 1 (пункт «а») отмечалось, что военные укрепления в «Киргизской степи» – Оренбург, Уральск и форт Карабулакский находятся в подчинении командира Отдельного Оренбургского корпуса. Но уже в § 1 (пункт «б») указывалось, что Сырдарьинскую линию составляли форты «Перовский», форты № 1 и № 2, а также укрепление Джулек.

Управление Сырдарьинской линии имело два отдела: чисто военный и гражданский. § 4 предоставлял командующему Сырдарьинской линией широкие полномочия – он руководил всеми делами на подведомственной ему территории, в том числе и гражданскими. Он получал права начальника дивизии. На основании измененной статьи 1648-й «Свода военных постановлений» он получал также руководство над Аральской флотилией. Командующий Сырдарьинской линией имел право окончательно утверждать приговоры военных судов над нижними чинами. Вместе с тем, в § 5 указывалось, что командующему «принадлежит заведование киргизами на Сырдарьинской линии и пограничной частью; предметы эти сосредоточиваются в гражданской части состоящего при нём Управления и выполняются через особого чиновника Министерства иностранных дел. Сей последний, подчиняясь непосредственно командующему линией, руководствуется в то же время особой инструкцией, составленной в Министерстве иностранных дел».² В § 6 указывались функциональные обязанности отдельных руководителей, в том числе Старшего доктора «линии» и ветеринарного врача. § 7 устанавливал статус помощника командующего Сырдарьинской линией, отмечая, что он «исполняет те же обязанности и пользуется теми же правами, которые определены для помощников начальников дивизий». Забегая несколько вперед, считаем нужным заметить, что «именным» указом от 23 ноября 1863 г. помощнику командующего Сырдарьинской линией были присвоены права и обязанности начальника штаба дивизии.³ Об этом ходатайствовал перед военным министром Д.А. Милютиным командир Отдельного Оренбургского корпуса.

В § 9 закона от 3 декабря 1861 г. указывались властные полномочия комендантов и воинских начальников. Согласно «Своду военных постановлений», комендантами могли быть только лица в чине полковника, все те, кто имел низшие чины, именовались воинскими начальниками. Далее отмечались функциональные их обязанности и права, в том числе и по медицинской части. Указывалось, что воен-

---

¹ № 37699. Высочайше утвержденное Положение о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии. 3 декабря 1861 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1863. Т. 36. Отд. 2. С. 526-572.

² Там же. С. 527.

³ № 40302. Именной, объявленный в приказе военного министра – О возложении на Помощника командующего Сырдарьинской линией обязанностей и прав начальника дивизионного штаба. 23 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2. С. 225.

ные полугоспитали имелись на Сырдарьинской линии в фортах «Перовский» (на 65 мест, в том числе 5 офицерских), в форте № 1 (на 60 мест). Военные лазареты имелись в форте № 2 и в укреплении Джулеке (на 15 мест). Не были забыты и религиозные нужды военнослужащих – в § 34 указывалось, что на каждую военную церковь выделялось по 71 руб. 40 коп. серебром, которые передавались «в ведение епархиального начальства, которое приобретает на оные, своим распоряжением, необходимые материалы»¹.

Через год часть Семипалатинской области была преобразована в так называемый Алатавский округ. В § 5-й указывалось, что начальник Алатавского округа в гражданском и военном отношении подчиняется военному губернатору Семипалатинской области, а через него генерал-губернатору Западной Сибири, бывшему одновременно и командиром Отдельного Сибирского корпуса.² Любопытно, что в самом «Положении» 1862 г. о подчиненности Алатавского округа Министерству иностранных дел не было ни слова. Тем не менее, вышеуказанная двойственность в административном управлении сохранялась, так как казахи «Большой Орды» (Старшего жуза – *И.В.*) по-прежнему находились под эгидой Министерства иностранных дел.

Это могло бы показаться странным с точки зрения «буквы закона», если бы 29 августа 1863 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков не направил «записку» в Сибирский комитет, в которой просил рассмотреть вопрос об изъятии из ведения МИД управления киргизами Большой Орды, кочующих в Алатавском округе, Семипалатинской области, Западно-сибирского генерал-губернаторства, так как его ведомству стало неудобно ими управлять. Он просил передать их в ведение «Главного начальника» указанного генерал-губернаторства. И его просьбу удовлетворили.³

Однако этим документом не была поставлена точка в отношении Министерства иностранных дел к кочевникам Алатавского округа. Оно продолжалось без малого ещё один год до тех пор, пока в Государственный совет не поступило представление министра иностранных дел А.М. Горчакова, в котором тот просил рассмотреть вопрос о передаче управления киргизами Сырдарьинской линии и Алатавского округа из ведения МИД в подчинение военному министерству. Государственный совет выразил положительное «мнение» по этому вопросу, утвержденное императором Александром II.⁴ В соответствии с новым законом, киргизы Сырдарьинской линии и Алатавского округа передавались в управление военному министру Д.А. Милютину. В пункте II указывалось, что «состоящего в штате Управления

---

¹ № 37699. Высочайше утвержденное Положение о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии. 3 декабря 1861 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1863. Т. 36. Отд. 2. С. 531.

² № 39088. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1865. Т. 37. Отд. 2. С. 593.

³ См.: № 40189. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об изъятии киргизов Большой Орды, составляющих Алатавский округ, Семипалатинской области, из заведования Министерства иностранных дел и передаче их в ведомство Главного местного военного начальства Западной Сибири. 4 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. С. 155.

⁴ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче управления киргизами Сырдарьинской Линии и Алатавского округа из ведения Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства. 27 июля 1864 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. С. 656-657.

Сырдарьинской линией чиновников Министерства иностранных дел перечислить в число гражданских чиновников военного ведомства».¹ В связи с этим были внесены изменения в § 5 закона от 3 декабря 1861 г., которые устанавливали вместо бывшего чиновника МИД, управлявшего оренбургскими киргизами, должность «заведующего киргизами и пограничной частью», которую мог занимать штаб-офицер, либо гражданский чиновник военного министерства.

Документ указывал, что «заведующий киргизами определяется и увольняется военным министром по представлению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Определение же и увольнение прочих чиновников гражданского управления зависит от генерал-губернатора». К «прочим» относился штат заведующего киргизами, который составляли два его помощника, письмоводитель и переводчик. В законе подчеркивалось, что управление оренбургскими киргизами должно по-прежнему основываться на «высочайше» утвержденной 14 августа 1856 года специальной инструкции.

На этом закончилось управление кочевым населением Туркестана со стороны Министерства иностранных дел. Однако еще не закончилось существование самой Сырдарьинской линии, в управление и функционирование которой закон от 27 июля 1864 г. внёс некоторые изменения и дополнения. Но они действовали недолго. К моменту принятия закона становилось очевидным, что дни существования Сырдарьинской линии сочтены. Русские войска под командованием М.Г. Черняева взяли города Аулие-ата и Чимкент, а осенью 1864 года совершили первый и неудачный штурм Ташкента. К тому же в 1864 году была образована так называемая За-чуйская передовая линия.

Поскольку падение Ташкента считалось вопросом времени, то уже в феврале 1865 года император Александр II учредил Туркестанскую область.² Сырдарьинская линия не могла далее существовать, поскольку в статье 1-й закона от 12 февраля 1865 г. указывалось: «Учрежденную в минувшем (1864 – *И.В.*) году в Зачуйском крае передовую линию соединить с Сырдарьинской линией и образовать из всего пограничного с Средне-азиатскими владениями пространства от Аральского моря до озера Иссык-Куль одну область с присвоением оной именованя Туркестанской». Поэтому в начале марта 1865 года последовал акт об упразднении Сырдарьинской линии.³ Любопытно, что он сохранил её штат в качестве временного органа управления Туркестанской областью. Новый административный штат был утвержден после издания «Временного положения об управлении Туркестанской области».⁴

---

¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче управления киргизами Сырдарьинской Линии и Алатавского округа из ведения Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства. 27 июля 1864 года. С. 656.

² См.: № 41792. Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. С. 184.

³ Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об упразднении Управления Сырдарьинской линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 5 марта 1865 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. С. 261-262.

⁴ Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. С. 876-881; Высочайше утвержденный 6 августа

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на все изменения в сфере административного управления, Сырдарьинская линия жила своей жизнью, которая, понятно, регулировалась законодательным образом.¹ Так, в начале февраля 1861 года здесь была учреждена должность «Старшего доктора» – врача от военного ведомства, который подчинялся не только командующему «линией» как военному руководителю края, но и штаб-доктору Отдельного Оренбургского корпуса.² Естественно, что медицинская часть на Сырдарьинской линии не являлась звеном в цепи административного управления казаками чиновниками Министерства иностранных дел. А в марте 1862 года медицинская часть Сырдарьинской линии была усилена за счёт учреждения должностей акушерок в двух фортах.³

Примечательно, что акушерки приравнивались в законе к обер-офицерам, т.е. им полагались казенные квартиры и денщики из солдат. Была внедрена прогрессивная шкала выплат за службу – за каждые 5 лет работы – по четверти оклада (50 руб.). Таким образом, за 20 лет службы оклад удваивался – до 400 руб. Это была прерогатива командира Отдельного Оренбургского корпуса. Подчинялись акушерки непосредственно старшему доктору Сырдарьинской линии, а под медицинским вопросам – штаб-доктору Отдельного Оренбургского корпуса. Ежемесячно они обязывались отсылать отчёты о новорожденных (и умерших) младенцах в Оренбург. Все расходы на них шли по сметам Военного министерства. Принимались другие законодательные акты, касавшиеся службы на Сырдарьинской линии. Так, 27 февраля 1863 года были введены новые нормативы проезда служащих Сырдарьинской линии на судах Аральской флотилии.⁴ А в августе 1864 года были усилены войска Сырдарьинской линии, помогавшие отрядам М.Г. Черняева продвигаться к Ташкенту.⁵

Таким образом, мы можем констатировать, что общая проблема организации царского управления в Туркестанском регионе не была изучена в полном объёме

1865 года Временный штат Управления Туркестанской области // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 2. С. 294-299.

¹ См. напр.: № 34392. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве нижним чинам Оренбургского и Уральского казачьих войск, командируемым на службу в степные укрепления и форты, ремонтных денег за фураж на вьючных лошадей, и о порядке выдачи вознаграждения за потерю лошадей казакам, служащим на Сырдарьинской линии. 8 октября 1859 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1861. Т. 34. Отд. 2. С. 93; № 35813. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении отпуска учебных припасов гарнизонной артиллерийской роте № 1 на Сырдарьинской линии. 21 мая 1860 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1862. Т. 35. Отд. 1. С. 578.

² № 36597. Высочайше утвержденное Положение о правах и обязанностях Старшего доктора при командующем Сырдарьинской линии. 9 февраля 1861 года. // ПСЗРИ-2. – СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. С. 81-84.

³ № 38091. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей акушерок в фортах Сырдарьинской линии: «Перовский» и № 1. 24 марта 1862 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. С. 254-255.

⁴ См. напр.: № 39332. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О производстве порционных, по рублю в сутки, чинам военно-сухопутного ведомства, при переезде их по делам службы, на судах Аральской флотилии, за время действительного нахождения их на судах. 27 февраля 1863 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. С. 195.

⁵ № 41187. Именной, объявленный в приказе военного министра – О подчинении Оренбургского линейного № 2 батальона Командующему Сырдарьинской линией. 14 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. С. 836-837.

ни в дореволюционный, ни в советский, ни в постсоветский периоды. Научной новизной нашего исследования является установление роли и места Министерства иностранных дел царской России в деле управления аборигенными народами Российской империи, в первую очередь, разумеется, среднеазиатских. Представляется весьма важным рассмотрение Сырдарьинской линии не как условной географической «черты», отделявшей саму Россию от Средней Азии, а как административно-территориального органа управления пограничными территориями в Русском Туркестане. Все это должно обогатить наши знания об их существовании в канун присоединения Средней Азии к России.

Источники и использованная литература:

1. Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцким народом. 10 марта 1825 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. 40. № 30290 (далее: ПСЗРИ-1).
2. Высочайше утвержденный штат чинам, назначаемым для составления в Оренбурге Комиссии Пограничных дел. 19 марта 1799 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 25. № 18897.
3. Высочайше утвержденное положение Азиатского комитета с приложением штата Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства. 4 января 1828 года; Штат Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1828. Т. 3. № 1681 (далее: ПСЗРИ-2).
4. Высочайше утвержденный штат управления Командующего Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 2. № 28392.
5. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О передаче управления Степью Зауральских киргизов в ведомство Министерства внутренних дел. 24 марта 1859 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1861. Т. 34. Отд. 1. № 54270.
6. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об изменении порядка доставления в Азиатский департамент сведений: о торговле с странами Средней Азии, о меновой торговле на линии (Сырдарьинской – И.В.) и вообще делах заграничных. 1 марта 1860 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1862. Т. 35. Отд. 1. № 35496.
7. Высочайше утвержденное Положение о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии. 3 декабря 1861 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37699.
8. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1865. Т. 37. Отд. 2. № 39088.
9. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об изъятии киргизов Большой Орды, составляющих Алатавский округ, Семипалатинской области, из заведования Министерства иностранных дел и передаче их в ведомство Главного местного военного начальства Западной Сибири. 4 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 40189.
10. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче управления киргизами Сырдарьинской Линии и Алатавского округа из ведения Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства. 27 июля 1864 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1.
11. Высочайше утвержденное Положение о правах и обязанностях Старшего доктора при командующем Сырдарьинской линией. 9 февраля 1861 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36597.
12. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей акушеров в фортах Сырдарьинской линии: «Перовский» и № 1. 24 марта 1862 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38091.

13. Именной – О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними. 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 6. № 3518.
14. Именной, данный Сенату – О подведомстве Малороссии Сенату. 29 апреля 1722 года // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 6. № 3989.
15. Именной – Об учреждении в Глухове Малороссийской коллегии и о назначении в оную присутствующим бригадира Вельяминова. 16 мая 1722 года // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 6. № 4010.
16. Именной, данный Сенату – О бытии в Малороссии гетману по прежним правам и обыкновениям. 5 мая 1747 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 12. № 9400.
17. Именной, данный Коллегии иностранных дел – Об отправлении графа Гендрикова в Малороссию для выбора Гетмана и о бытии Малороссии по все м делам в ведении Коллегии иностранных дел. 16 октября 1749 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 13. № 9676.
18. Именной, данный Сенату – Об учреждении в Малороссии вместо гетманского правления Малороссийской коллегии. 10 ноября 1764 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 16. № 12277.
19. Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное Положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1844. Т. 19. Отд. 1. № 17998.
20. Именной, данный Сенату – Об учреждении Семипалатинской области. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 1. № 28255.
21. Именной, данный Сенату – Об учреждении Семипалатинской области. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. СПб., 1855. Т. 29. Отд.1. № 28255.
22. Именной, объявленный в приказе военного министра – О Командующем Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1855. Т. 29. Отд. 1. № 28392.
23. Именной, объявленный Сенату министром внутренних дел – О переименовании степи Зауральских киргизов, именуемой Малой Ордой, в Область оренбургских киргизов, и о новом порядке управления сею областью. 9 декабря 1859 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1861. Т. 34. Отд. 2. № 35223.
24. Именной, объявленный в приказе военного министра – О возложении на Помощника командующего Сырдарьинской линией обязанностей и прав начальника дивизионного штаба. 23 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2. № 40302.
25. Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года; Именной, объявленный в приказе Военного Министра - Об упразднении Управления Сырдарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 5 марта 1865 года; Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года; Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Управления Туркестанской области» // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1, 2.
26. Именной, объявленный в приказе военного министра – О подчинении Оренбургского линейного № 2 батальона Командующему Сырдарьинской линией. 14 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. № 41187.
27. Об управлении инородцев, кочующих за Оренбургскими линиями // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 2: Особенные губернские учреждения. – СПб., 1857. Кн. 7.
29. Сенатский – О ведении яицких казаков в Иностранной коллегии. 21 декабря 1719 года // ПСЗРИ-1. – СПб., 1830. Т. 5. № 3472.
30. Учреждение управления Области сибирских киргизов // Свод законов Российской им-

- перии. Т. 2. Ч. 2: Особенности губернские учреждения. – СПб., 1857. Кн. 1.
31. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. – М., СПб., 2015.
  32. Джунушалиев Д.Д., Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2009.
  33. Исаев И.А. История государства и права России. – М., 2002.
  34. История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти тт. – Фрунзе, 1986. Т. 2.
  35. История Узбекской ССР. В 4-х тт. – Ташкент, 1968. Т. 2.
  36. Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
  37. Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014.
  38. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы, 2007.
  39. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. – М., 2008.
  40. Семенов Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. – М., 1946.
  41. Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. – М., 2010.
  42. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). – М., 1965.
  43. Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008.

Volkov I.V.

**To the question about eve of Central Asia's accession to Russia:
historical-legal aspect**

In this article from a legal point of view the background of Central Asia's accession to the Russian Empire is analyzed. The author states that in the study of the common problem of tsar's governance organization the Syr-Darya line should not be viewed as a conditional geographical line separating Russia from Central Asia, but as the administrative governance body of the border territories in the Russian Turkestan.

Keywords: Central Asia, administrative governance, Turkestan, Ministry of Foreign Affairs, Syr-Darya line.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ «ОХРАНКИ» В ТУРКЕСТАНЕ (ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В статье рассматривается вопрос об организации органа имперского политического сыска – «охранки» в Русском Туркестане. Это было непросто, так как, в отличие от большинства регионов царской России, Туркестан подчинялся не Министерству внутренних дел, а Военному министерству. Это порождало трудности во взаимоотношениях между «охранкой» и военной администрацией края. Автор приходит к выводу о том, что они всё-таки всегда разрешались, поскольку оба ведомства служили одному хозяину – царизму.

Ключевые слова: Туркестан, царизм, Департамент полиции Министерства внутренних дел, «охранка», военная администрация, революционные организации.

Проблема деятельности политического сыска в эпоху царизма превратилась в настоящее время в «модную» тему для пишущей публики. К сожалению, среди множества работ, ей посвященных, господствуют дилетантские, поверхностные журналистские, публицистические, в крайнем случае, научно-популярные издания. Подлинно научных исследований по этой теме весьма немного. Особенно мало исследований о деятельности царской «охранки» на так называемых «национальных окраинах» Российской империи, в том числе в Туркестане, ныне называемом «Центральной Азией». ¹ Нам приходилось писать об этом в специальной монографии, вышедшей в свет в 2007 году. ² И в данной статье нам хотелось бы пролить свет на историю образования органов царской «охранки» в Туркестанском крае.

Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иким) писал негодуя о том, что «генерал фон Кауфман (первый туркестанский генерал-губернатор – П.Л.) открыто заявлял: *Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов*» ³ (курсив авт. – П.Л.). Следует отметить, что «первоустроитель Русского Туркестана», как называли Кауфмана современники, действительно добился своего. Мы отмечали, что после образования Туркестанской православной епархии. ⁴ «Св. Синод пытался настаивать на том, чтобы “кафедра” епископа находилась всё-таки в краевой центре, но Кауфман твёрдо стоял на своём, доказывая, что пребывание архиерея в Ташкенте «породит в туземных жителях различные предположения и не-

---

Литвинов Пётр Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец).

¹ В русской традиции данный регион принято называть «Средняя Азия». – *прим. ред.*

² *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). Елец: изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 539 с.

³ *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002. С. 191.

⁴ См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом – О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 4 мая 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1874. Т. 46. Отд. 1. С. 433 (далее: ПСЗРИ).

доразумения».¹ В конце концов, К.П. Кауфман добился поселения епископа Туркестанского и Ташкентского в г. Верном – «столице» Семиреченской области. В последующем туркестанские архиереи не раз будировали вопрос о перемещении «кафедры» в Ташкент, но не имели успеха на этом поприще вплоть до революционного 1917 года.

Так же обстояло дело и с учреждением «охранки» в Туркестанском крае. Несмотря на старания руководителей III отделения «Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» (СЕИВК) учредить свой «филиал» в Ташкенте, при Кауфмане они тоже не имели успеха. Смерть «первоустроителя» фактически совпала с ликвидацией Третьего отделения СЕИВК и передачей функций имперского политического сыска в ведение Министерства внутренних дел (МВД), которое тоже приложило немало стараний с тем, чтобы учредить «охранку» в Туркестане. Однако военное министерство, которому подчинялись все российские территории в Средней Азии, четверть века успешно противостояло таким поползновениям.

Мы располагаем множеством материалов, свидетельствующих о том, что военная администрация царистского Туркестана не чуралась мер политического сыска, достаточно грамотно их осуществляла, и намерены в будущем писать об этом подробно. Политический сыск туркестанской военной администрации успешно выявлял и пресекал антигосударственные и антирусские акции панисламистов, пантюристов, пантуранистов, ишанов и проч. Однако первая русская революция 1905–1907 гг. поставила её в затруднительное положение. И дело было не в настроенях коренного мусульманского населения, на которого, по мнению советских историков, она якобы благотворно повлияла. Отнюдь. Так называемое «туземное» население Туркестана отнеслось к ней индифферентно.

Хуже обстояло дело с «пришлым» христианским населением, особенно, с сосланными в регион самим же царизмом революционерами. Подняли головы националистически настроенные поляки, армяне, «европейские» евреи и др. Революционные настроения сумели проникнуть даже в части Туркестанского военного округа. Их нагнетали в крае эсеры, социал-демократы, анархисты, «дашнаки» и др. Оказавшись в непривычной для себя ситуации, туркестанская военная администрация, на наш взгляд, по-настоящему растерялась. Она почувствовала, что одна не сможет справиться с опасностью «революционной грозы» в крае. 11 октября 1905 года исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант В.В. Сахаров обратился к министру внутренних дел А.Г. Булыгину с предложением помочь в «усилении» политического розыска в крае. Но Булыгин фактически к этому времени уже был уволен с должности, а пришедший ему на смену П.Н. Дурново не успел что-либо сделать, поскольку через пять месяцев после назначения был тоже уволен – как и Булыгин он не смог погасить катящийся по стране «пожар» революции.

В конце апреля 1906 года министром внутренних дел и одновременно председателем Совета министров стал П.А. Столыпин, лукавый царедворец и временщик, непонятно почему столь возносимый сегодня. Ведь именно он своей переселенче-

---

¹ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец, 1996. С. 9.

ской политикой привел к предельному обострению земельного вопроса в Туркестане, заложил «мину замедленного действия», которая сработала в 1916 году, поставив царизм на грань закономерной экономической, военной, политической и нравственной катастрофы. Безусловно, Столыпин имел всю полноту информации о положении в Туркестанском крае, находил его непростым и даже опасным, однако, сам не предлагал помощи потому, что все это происходило на территории конкурирующего с МВД военного министерства, а также по причине занятости подавлением революции во «внутренних» губерниях самой России. Но МВД все же оказало помощь военной администрации Туркестана, направив сюда чиновника Департамента полиции МВД, Отдельного Корпуса жандармов подполковника (надворного советника по «классному» гражданскому чинопроизводству) А.Л. Квицинского. Перед ним была поставлена задача - изучить всесторонне положение в крае, извлечь из него надлежащие выводы и доложить их руководству МВД.

Естественно, что Квицинский получил и задание по выявлению опасных революционных организаций в крае, особенно по деятельности краевого отделения Всероссийского железнодорожного союза и его вдохновителей – эсеров. Вместе с ним в Туркестан выехала группа опытных филеров – унтер-офицеров. Позже туркестанский генерал-губернатор Самсонов утверждал, что Квицинский больше сидел и «ковырлялся» в бумажках, чем руководил обысками и облавами на революционеров. И тут он был в корне неправ. Генерал-кавалерист мыслил по-военному – надо было действовать решительно и атаковать противника. Квицинский же, как истинный профессионал политического сыска работал, как и положено человеку его дела, незаметно, тихо, спокойно, без лишней спешки и суеты. Он подготовил два солидных отчета, сумев соединить в них обрывочные данные, представленные «военной» полицией, жандармско-полицейскими управлениями железных дорог и сведения, собранные его филерами, и придать им недостающую логику.

Словно художник-мозаист, изображающий картину из кусочков смальты, Квицинский сумел так осмыслить весь собранный материал, что его отчеты подобно зеркалу отразили всю тайную деятельность революционных «пропагаторов» и террористов из управляемого эсерами Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, а также социал-демократических групп. Поскольку подрывная деятельность «Союза» зиждилась на контингенте рабочих и служащих Средне-Азиатской железной дороги, управление которой находилось в Асхабаде, то Квицинский преимущественно находился со своей «бригадой» в Закаспийской области, где ему помогали чины Жандармско-полицейского управления этой дороги. И в отчетах Квицинского также преимущественно речь идет об этой части Туркестанского края.

На основе собранных сведений, Квицинский нанёс сокрушительные удары по эсеровским центрам и группам Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, вследствие чего почти все лидеры отделения «Союза» были выслежены и арестованы. Была разгромлена эсеровская подпольная типография в Асхабаде, в которой обнаружили множество брошюр, листовок, прокламаций и т.п. Мы полагаем, что тут не нужна конкретика (ее много) - тут нужен больше сам факт такого успеха сыщика-профессионала и его сотоварищей. После закаспийских «погромов» эсеров, Квицинский без труда выследил и арестовал большинство членов

Туркестанского комитета РСДРП, заседавших в Ташкенте, а равно и много местных организаций, в том числе Самаркандскую и Пишпекскую (Семиреченская область). Факт таких успехов Квицинского признавали и историки КПСС.¹

Туркестанские военные просто дивились тому, как можно исподволь, незаметно подготовить такие мощные и эффективные удары по революционному противнику. Вместе с тем, они выражали недовольство тем, что «приезжий», представлявший вместе с соратниками чужое ведомство, естественно, не беспокоясь о том, какие результаты будет иметь его розыскная деятельность, нанес удары и по конкретным интересам края, «оголив» посредством арестов рабочих и служащих многие подразделения двух туркестанских железных дорог, заменить которых быстро было трудно, а проще – некем. К тому же, подрывная деятельность революционеров в крае, несмотря на произведенные Квицинским и иже с ним аресты, продолжалась, хотя и явно в меньшей мере.

Поэтому 31 декабря 1906 года исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант Е.И. Мациевский обратился в МВД с просьбой помочь средствами в борьбе с антиправительственными силами в крае. Следует отметить, что ни Сахаров, ни Мациевский при этом не ставили перед МВД вопроса об учреждении его органов в Туркестане. Столыпин, получив телеграмму Мациевского, понял, что пришло время наступать на военное министерство. В тот же день, 31 декабря 1906 года он направил военному министру А.Ф. Редигеру письмо, в котором ставил вопрос о необходимости «учреждения в Туркестанском крае жандармского надзора».

Нам приходилось писать в связи с этим, что «поскольку в то же самое время Столыпин усилил натиск на царя в вопросе о передаче Туркестанского края в ведение МВД, то военному министру нетрудно было понять, сколь далеко идущие планы в отношении российских территорий в Средней Азии вынашивает его «коллега» по правительству. А.Ф. Редигер осознавал, что учреждением филиалов Департамента полиции МВД, Столыпин хочет быстро создать в Туркестанском крае опорные пункты своего будущего владычества над ним».² Действительно, Столыпин надеялся, наконец-то, после долгих лет бесполезных интриг, добиться передачи Туркестанского края из подчинения военному министерству в ведение МВД, которое управляло всеми остальными краями, губерниями и областями России (кроме Терской и Кубанской).

Однако его «затея» сорвалась. 30 июля 1907 года, несмотря на инициированную Столыпиным «третьеиюньскую монархию», царь отказал тому в его притязаниях на Туркестанский край, отложив решение вопроса на два года, а, по сути, на туманное и непредсказуемое будущее.³ Об этом сильнейшем ударе по позициям Столыпина, видимо, не знают те, кто так охотно славословит ныне в его адрес.

---

¹ См.: История коммунистических организаций Средней Азии. – Ташкент, 1967. С. 93, 115.

² Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в Русском Туркестане (1907-1917 гг.) // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сб. материалов. – Елец: ЕГУ, 2001. Вып. 4. С. 124.

³ См.: № 29439. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ. Соб. 3-е. СПб., 1910. Т. 27. Отд. 1. С. 476-477.

Русские военные в очередной раз одержали победу над МВД – «монстром» царистской административно-полицейской системы. Однако, отстояв Туркестанский край, они, тем не менее, по-прежнему надеялись на помощь МВД в борьбе с ростом революционного движения в регионе в среде русскоязычного населения, долгое время считавшегося главной опорой царизма в его противостоянии с многомиллионным коренным мусульманским населением края.

Обращаться опять по этому поводу в Министерство внутренних дел пришлось новому туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову. Последний направил свои соображения по вопросу об организации в Туркестанском крае жандармского надзора военному министру Редигеру и министру внутренних дел Столыпину. Гродеков писал: «Включение Туркестанского края в район ведения соседних с краем жандармских управлений, по моему мнению, не достигло бы цели... Организация отдельных жандармских управлений в областях края, по типу губернских жандармских управлений, представляется, по моему мнению, слишком сложной и громоздкой, по сравнению с теми задачами, которые она должна преследовать».¹ Что касается учреждения краевого жандармского управления, то, по мнению туркестанского генерал-губернатора, это было «сложным и дорогостоящим механизмом». Гродеков предлагал учредить в регионе самостоятельный орган политического надзора, подчиненный местной военной администрации и включающий в свою деятельность соответствующие функции общей полиции края и жандармско-полицейских управлений двух туркестанских железных дорог. Любопытно, что, несмотря на критику действий Квицинского, он предлагал направить в край для организации органов политического розыска именно его, указывая, что является вполне «возможным присвоить ему звание чиновника особых поручений при Генерал-Губернаторе по полицейской части (V класс должности) (статского советника – П.Л.) или же, как это установлено на Кавказе, звания Заведующего Особым отделом Канцелярии, в качестве помощника Управляющего моей Канцелярией по полицейской части».²

Таким образом, Гродеков выступал за учреждение органов политического сыска в Туркестанском крае подчиненных не Министерству внутренних дел, а военному ведомству. При этом он предлагал выделить ему по смете Департамента полиции МВД 30 тыс. руб., подчеркивая, что учреждение краевого жандармского управления обойдется дороже. Туркестанский генерал-губернатор прилагал и «Приблизительную смету расходов по организации розыскной части в Туркестанском крае».³

Петербургская бюрократия в МВД и военном министерстве приступила к обдумыванию предложений туркестанского генерал-губернатора. И, как обычно, она не форсировала ход их рассмотрения, ожидая, какой ход предпримет конкурирующее ведомство. Возможно, и сам Гродеков не стал бы форсировать течение событий. Однако к этому времени эсеровские террористы убили одного из видных админи-

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 5058. Об учреждении политического надзора в Туркестанском крае (переписка). Л. 57 (далее: РГВИА).

² Там же. Л. 58об.

³ См.: Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 521-522.

страторов края – начальника Средне-Азиатской железной дороги, генерал-майора Ульянина. Получив телеграмму из Асхабада об этом, туркестанский генерал-губернатор направил срочные телеграммы военному министру и министру внутренних дел об обострении ситуации в крае и просил ускорить достижение взаимной договоренности о направлении в Туркестанский край новой бригады профессионалов политического сыска МВД.

По распоряжению военного министра, Азиатский отдел (так стала называться бывшая Азиатская часть) Главного штаба подготовил «докладную» записку «Об организации политического надзора в Туркестанском крае». Изложив позицию туркестанского генерал-губернатора, он рекомендовал военному министру приступить к консультациям с МВД по данному вопросу. Редигер прислушался к мнению своих специалистов. Первым результатом этих консультаций было то, что МВД направило в Туркестанский край новую бригаду специалистов политического сыска, но во главе не с Квицинским, а с подполковником Отдельного Корпуса жандармов А.Т. Васильевым в сопровождении двух ротмистров и нескольких многоопытных филеров. Команда Васильева прибыла в Ташкент и устроилась в Канцелярии туркестанского генерал-губернатора со статусом «Особого отдела» при ней. Любопытно, что, изучив обстановку на месте, Васильев доложил в Департамент полиции МВД, что организация политического розыска в Туркестанском крае давно назрела, но он должен быть поставлен «в распоряжение генерал-губернатора».¹

6 октября 1907 года Гродеков обратился с новым письмом к военному министру Редигеру и министру внутренних дел Столыпину, в котором признавал работу прибывшей бригады из МВД «бессистемной и отрывочной», которая «не может дать серьезных результатов». Он крайне негативно расценил деятельность железнодорожной жандармерии, и в итоге настаивал на подчинении политического сыска в Туркестанском крае в виде «особого отдела» Васильева при краевой Канцелярии и органов, затеваемых им для учреждения, только военной администрации края.² Гродеков полагал, что после того, как царским указом от 30 июля 1907 г. передача края в ведение МВД была отсрочена фактически на неопределенный период (несмотря на установленный в нём 2-хлетний срок), можно было занять более наступательные позиции по отношению к полицейскому министерству, пытающемуся навязать Туркестанскому краю подчиненные ему органы политического розыска. Но «наверху» были иные мнения.

После третье-июньского (1907 г.) «государственного переворота» Россия вступила в полосу оголтелой и махровой реакции, возглавляемой министром внутренних дел и «премьером» Столыпиным. Последний дал указание заняться вопросом об учреждении органов политического сыска МВД в Туркестанском крае своему «товарищу» (заместителю), директору Департамента полиции МВД, действительному статскому советнику А.А. Макарову. Ознакомившись с письмом Гродекова от 6 октября 1907 г., Макаров 14 октября обратился к исполнявшему должность военного министра, генералу А.А. Поливанову с предложением «создать в Ташкенте постоянный центральный розыскной орган для всего Туркестанского края, который

¹ РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3645. Об организации сыска части в Туркестанском крае. Л. 26.

² См.: Революция 1905-1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. – Ташкент, 1984. С. 297-300.

состоял бы в распоряжении местного Генерал-Губернатора и осуществлял политический розыск под непосредственным главным руководством Департамента Полиции». ¹ При этом Макаров присовокуплял, что такое решение давно назревшего вопроса послужит взаимному удовлетворению обоих ведомств, так как «Департамент полиции желает всеми средствами прийти на помощь местным властям в борьбе с революционным движением».

Поливанов передал письмо Гродекова от 6 октября 1907 г. и отношение Макарова от 14 октября 1907 г. в Азиатский отдел Главного штаба для подготовки соответствующей «докладной записки». Одновременно копия письма Макарова была направлена туркестанскому генерал-губернатору Гродекову «для ознакомления» и представления своих соображений по искомому вопросу. 2 ноября 1907 г., не дождавшись ответа от Гродекова, Азиатский отдел составил «докладную записку» на основании его первого обращения – «По поводу письма туркестанского генерал-губернатора о поддержании его ходатайства по делу об организации политического надзора в Туркестанском крае». В документе он приходил к «мнению» (так обычно называлось заключение или выводы) о том, чтобы принять содержание письма Гродекова от 6 октября 1907 г. «в соображение», но затребовать от него специальные дополнительные суждения по данному вопросу.

Туркестанский генерал-губернатор долго их не высказывал, в связи с чем начальник Азиатского отдела Главного штаба, полковник Цейль 14 февраля 1908 года телеграфировал Гродекову, предлагая ему ускорить решение вопроса. 16 февраля того же года Главный начальник Туркестанского края направил военному министру рапорт, в котором указывал, что присланные во вверенный ему край Министерством внутренних дел чины Департамента полиции представляют собой лишь «разведочный орган», который не сможет заменить общую полицию и железнодорожную жандармерию в деле политического розыска. Поэтому Гродеков предлагал «учредить Туркестанское жандармское учреждение по типу губернских жандармских управлений», в которое, по причине отсутствия в казне достаточных средств, можно преобразовать одно из железнодорожных жандармско-полицейских управлений края. Генерал-губернатор указывал, что штаб-квартиру Туркестанского жандармского управления лучше всего разместить в Ташкенте и дополнить его штат двумя должностями помощников начальника Туркестанского жандармского управления, 5 обер-офицерами (по числу областей края), а также одним вахмистром и десятью унтер-офицерами. Гродеков предлагал назначить содержание чинам Туркестанского жандармского управления в размере, которое выделяется в год Тифлисскому таковому. ²

Таким образом, туркестанский генерал-губернатор проявлял похвальную скромность требований, приравнивая «среднеимперское» губернское жандармское управление (с территорией во много раз меньшей, чем ареал Туркестанского генерал-губернаторства) к краевому, призванному обеспечивать политический розыск в 5 областях, суммарный территориальный размер которых превышал в несколько раз

---

¹ Цит. по: *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в Русском Туркестане. С. 126.

² См. об этом: *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. С. 521.

даже Русский Кавказ. Но скромность требований Гродекова была понятна – при всей сложности революционного напряжения в Русском Туркестане, оно все, же было гораздо меньшим, чем таковое в Черноморско-Каспийском регионе. Естественно, что в своем рапорте Гродеков допускал лишь один вариант решения вопроса: подчинение Туркестанского жандармского управления военным властям края.

7 марта 1908 года Азиатский отдел Главного штаба подготовил новую «докладную записку» по вопросу «Об организации политического надзора в Туркестане», в которой рекомендовал, учитывая неопределенность позиции Гродекова, предлагавшего 6 октября 1907 г. одно, а 16 февраля 1908 г. – нечто противоположное, а также то, что эта позиция не рассматривалась в Совете туркестанского генерал-губернатора, сообщить министру внутренних дел, чтобы учрежденное им «представительство» в Средней Азии «продолжало намеченную организацию созданием подчиненных розыскных органов в виде ли жандармских управлений или небольших наблюдательных пунктов, в зависимости от тех средств, которые могут быть ассигнованы на этот предмет».¹

Исполнявший должность военного министра Поливанов, последовал рекомендации Азиатского отдела Главного штаба и распорядился уведомить Гродекова о том, что военное министерство «замораживает» положение, сложившееся на 2 ноября 1907 года, при котором в крае образуются органы Департамента полиции МВД в лице Туркестанского Районного охранного отделения, а также розыскных пунктов, подлежащих учреждению в будущем. 9 марта 1908 года Главный штаб исполнил распоряжение «зиц»-министра. Но 65-летнему Гродекову, в это время покидавшему должность, было уже все равно, как и о чем договорились между собой МВД и его «родное» министерство. 12 марта 1908 г. в рапорте военному министру он посоветовал тому непременно попросить МВД направить в Туркестанский край 5 жандармских офицеров – по числу областей в нём. После этого Гродеков передал дела «исполняющему должность» Главного начальника края, генерал-лейтенанту Кондратовичу и покинул «ристалище» обсуждаемого вопроса.

26 марта 1908 года военный министр направил письмо министру внутренних дел, статс-секретарю Столыпину, в котором просил того направить в Туркестанский край 5 офицеров Отдельного Корпуса жандармов, которые могли бы возглавить политический розыск в каждой из областей региона. Но глава МВД и «премьер» оказался прижимистым и скупым. 3 мая 1908 года «товарищ» министра внутренних дел, командир Отдельного Корпуса жандармов, генерал-майор В.Ф. Джунковский писал военному министру А.Ф. Редигеру о том, что Столыпин распорядился направить в Туркестан только трёх жандармских офицеров – ротмистра Миклашеского и штаб-ротмистров Воронича и Коробчакова. При этом он ссылаясь на отсутствие у МВД средств для того, чтобы выполнить все требования туркестанской военной администрации в полном объёме.² 12 мая 1908 года Главный штаб сообщил об этом исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту Кондратовичу, который воспринял всё это как свершившийся факт, не требующий никаких дополнительных разъяснений.

---

¹ РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 5058. Л. 92об-93.

² Там же. Л. 97об.

Таким образом, военное министерство вынуждено было уступить МВД в решении вопроса о том, кому будут подчиняться органы политического надзора и розыска в Туркестанском крае. Подобно всем прочим жандармским управлениям Российской империи, они находились в ведении Департамента полиции МВД (его Особого отдела), однако, при этом они находились в значительной зависимости от военной администрации Туркестанского края, поскольку должны были учитывать специфику «военно-административного» управления им, а равно и все иные особенности среднеазиатской действительности.

Для того, чтобы ускорить процесс образования органов Департамента полиции МВД в Туркестанской крае, на месте «приспособить» их к существующей в нём административной системе, найти для этих органов подобающую «нишу» в ней, по личному распоряжению самого министра внутренних дел Столыпина, в Среднюю Азию был направлен «бывалый туркестанец» Квицинский, который и возглавил Туркестанское Районное охранное отделение, занявшись подготовкой к образованию розыскных пунктов в городах Верном и Асхабаде.

Первая серьёзная инспекция деятельности образованных МВД органов Департамента полиции в Туркестанском крае состоялась осенью 1909 г., когда Столыпин направил туда заведующего Особым отделом Департамента полиции МВД, Отдельного Корпуса жандармов, полковника Е.К. Климовича. Туркестанская военная администрация встретила главного «особиста» МВД прохладно, однако ни в чём не препятствовала его работе, иногда, по просьбе последнего, оказывая ему необходимую помощь. К этому времени она смирилась со всем происшедшим в деле организации политического сыска в Туркестане по общегосударственному образцу.

На основании вышеизложенного есть все основания прийти к выводу о том, что военная администрация царистского Туркестана долгое время обходилась без организованного по общеимперским стандартам политического сыска, что отнюдь не мешало ей исполнять его функции как по отношению к коренному, так и «пришлому» населению. Однако рост революционно-освободительного движения в России начала XX века не мог не сдетонировать и на доселе благополучный Туркестан. Военная администрация региона была озабочена не умонастроениями коренного мусульманского населения, чуждого идеям российского «революционаризма», а их распространением среди русскоязычных жителей края, преимущественно, ссыльных интеллигентов и рабочих. Не обладая опытом борьбы с такого рода идеями, особенно их реализацией в виде террористических актов, военные власти обратились за помощью к многоопытному в таких делах МВД, особенно его Департаменту полиции. В результате длительных обсуждений и согласований, в Туркестанском крае был учреждён орган политического сыска общеимперского образца – «охранка». Таким образом, последнее десятилетие своего существования царистский Туркестан жил в условиях бдительного надзора с её стороны. Однако это не спасло царистский режим от краха, как по всей стране, так и в Русском Туркестане.

Источники и использованная литература:

1. Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. – Ташкент, 1910.

2. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1910. Т. 27. Отд. 1. № 29439.
3. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом – О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 4 мая 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1874. Т. 46. Отд. 1.
4. *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский*. Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002.
5. История коммунистических организаций Средней Азии. – Ташкент, 1967.
6. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: Изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
7. *Пален*. Отчёт о ревизии Туркестанского края. Сельское управление. Русское и туземное. – СПб., 1910.
8. Революция 1905-1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. – Ташкент, 1984.
9. *Тухтаметов Ф.Т.* Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX века). – Уфа, 1999.

Litvinov P.P.

**About the organization of imperial «secret police» in Turkistan
(on archival, legal and other materials)**

In this article the question on organization of body of imperial political investigation – «okhranka» in Russian Turkestan is considered. It was uneasy, so as, in difference from majority of regions of imperial Russia, Turkestan submitted not to the Ministry of Internal Affairs, but Ministry of Defence. This circumstance generated difficulties in mutual relations between «okhranka» and military authorities of region. The author comes to conclusion that difficulties after all were always resolved as both departments served one owner – to tsarism.

Keywords: Turkestan, tsarism, Department of police of the Ministry of Internal Affairs, «okhranka», military authorities, the revolutionary organizations.

Литвинов В.П.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИЦИЯ В ЦАРСКОЙ РОССИИ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МАРШРУТ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается проблема строительства железных дорог в Русском Туркестане, а также правовой аспект учреждения при них жандармско-полицейских управлений. Отмечается, что они были сходны с другими подобными органами в России, но их деятельность содержала и региональную специфику. Автор приходит к выводу о том, что работа обоих управлений обеспечивала не только соблюдение порядка на железных дорогах Туркестана, но и помогала культурному сближению его народов.

Ключевые слова: Средняя Азия, Туркестан, Закаспийская военная железная дорога, Ташкентская железная дорога, отчуждение земель, жандармско-полицейское управление железной дороги, штаты.

Представляется очевидным, что история отечественной железнодорожной полиции в дореволюционный период пока еще не получила над собой должной и полноценной научной рефлексии. Особенно обделенными в этом отношении оказались так называемые «национальные окраины» Российской империи, в том числе, понятно и Туркестан. Если о строительстве железнодорожных магистралей на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке и др. есть некоторые исследования, то о деятельности транспортной полиции на них научных работ крайне немного. Своей статьей мы хотели бы внести некоторый вклад в разработку этой проблемы на среднеазиатском (туркестанском) направлении работы органов царской железнодорожной полиции.

Как известно, в царской России активное железнодорожное строительство началось позднее, нежели в странах буржуазной Европы и Америки. Железная дорога С-Петербург – Царское село была построена и введена в действие ещё при жизни А.С. Пушкина, но она была скорее данью моде – императору Николаю I хотелось показать миру, что Россия не отстаёт от передовых стран планеты. Вместе с тем, самодержец прекрасно понимал всестороннее значение железных дорог, и ему пришлось оказать даже нажим на собственное правительство (особенно, на министра финансов Е.Ф. Канкрин) при решении вопроса о строительстве магистрали Петербург – Москва. Понятно, что проблема была решена положительно.¹ В итоге, весьма продолжительная (по европейским меркам) железная дорога, связавшая «столицы» (так тогда называли Петербург и Москву) была построена, но только

Литвинов Вячеслав Петрович – кандидат исторических наук, старший юриконсульт Елецкого линейного отдела МВД России на транспорте, старший лейтенант внутренней службы (Елец).

¹ См.: № 15265. Именной, данный Сенату – Об учреждении особого Комитета и Строительной комиссии для устройства С-Петербургско-Московской железной дороги. 1 февраля 1842 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1843. Т. 17. Отд. 1. С. 74-75 (далее: ПСЗРИ-2); № 15279. Высочайше утвержденный временный штат канцелярии Комитета и Строительной комиссии С-Петербургско-Московской железной дороги. 8 февраля 1842 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1843. Т. 17. Отд. 1. С. 81.

через четверть века, после прихода Николая I к власти. Коль скоро тема данной статьи посвящена железнодорожной полиции, то мы считаем нужным отметить, что такой полиции при Николае «Палкине» не существовало. Строительство и эксплуатация железных дорог охранялись силами так называемой «общей» полиции и подразделениями Отдельного Корпуса жандармов.

Учреждение собственно жандармских полицейских управлений железных дорог (далее: ЖПУ ЖД) произошло уже при императоре Александре II, когда в России, освободившейся от крепостничества, началось бурное развитие капитализма, сопровождавшееся форсированным строительством передовых транспортных коммуникаций. Но это происходило преимущественно в центральных регионах империи, тогда как на «национальных окраинах» пока ещё всецело преобладал водный и гужевой транспорт. Вместе с тем, и они вскоре попали в орбиту железнодорожного строительства в стране, в том числе и Русский Туркестан, под которым всегда понимались те территории в Средней Азии, которые находились под прямой юрисдикцией царской власти. Как известно, кроме них в регионе существовали ханства – Бухарское, Хивинское и Кокандское, которое, однако, распалось вследствие внутренних неурядиц в 1873-1875 гг. и в 1876 г. было преобразовано в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства (края). Ханства сохраняли независимость, но являлись протекторатами Российской империи со всеми вытекающими из этого последствиями.

Можно, конечно, указывать на то, что первая железная дорога в Средней Азии была построена поздновато – только в 80-х гг. XIX века. Однако, во-первых, во многих районах «внутренней» (т.е. Центральной) России в указанный период вообще ещё не имелось железных дорог, а, во-вторых, были ли такие коммуникации в соседних с Туркестаном странах, например, в Китайском Туркестане (Синьцзяне), Афганистане и Персии? Вопрос можно считать риторическим. В то время как с конца 80-х гг. XIX века коренное население царского Туркестана (а равно и переселившееся сюда русскоязычное) пользовалось «шайтан-арбой», как оно «окрестило» Закаспийскую военную железную дорогу, жители указанных выше стран ещё долго пользовались простыми арбами, а в Афганистане фактически и сегодня нет железнодорожной сети. Как нам представляется, тут есть над чем подумать тем, кто ныне охотно и яро охаивает «российский колониализм» в так называемой «Центральной Азии».

Планы строительства железных дорог по направлению к Туркестану и внутри него вынашивались ещё в 60-х – 70-х гг. XIX века. Эти проекты были разными, и в суммарном выражении о них писала ещё в 1874 году популярная российская газета «Голос».¹ У нас нет намерения подробно излагать их содержание – это заняло бы много времени. Однако заметим, что строительство первой в истории Средней Азии железной дороги (Закаспийской), осуществленное в 80-х гг. XIX века, являлось поистине героической эпопеей. Её сооружение было крайне необходимо для упрочения военно-стратегических позиций России на южных рубежах империи, на которые устремляли свои жадные взоры англичане. Сооружение железнодорожной магистрали потребовало огромных затрат. Она прокладывалась в основном в пес-

---

¹ См.: Голос. – 1874. № 287. 17 октября.

чаных пустынях.

Многие не верили в возможность построения Закаспийской военной железной дороги (далее: ЗВЖД) и полагали, что её быстро занесет песками и, таким образом, вместе с рельсами будут зарыты и средства, на неё потраченные. Даже знаменитый генерал М.Г. Черняев, присоединивший Среднюю Азию к России, первый русский администратор в Туркестане (в 1865-1866 гг.) и второй его генерал-губернатор (в 1882-1884 гг.), в апреле 1886 года выступил в известной газете тех лет – суворинском «Новом времени» со статьей «Академическая железная дорога», в которой предрекал ей ту судьбу, о которой мы писали выше.¹ Однако следом, в газете «Свет», вышла статья некоего «В. К-ва», в которой тот писал: «М.Г. Черняев доказывает, что в Средней Азии нельзя строить железных дорог, ибо их засыплет песком! И что для спасения пути нужно будет на сотни верст строить галереи!... Это ли речь серьёзного человека?»² «В. К-ов» писал в заключение: «Закаспийская железная дорога, так как она ведётся теперь – великое и совершенно необходимое государственное сооружение. Её нельзя вести ни иначе, ни лучше. Успех сооружения – следствие энергии строительства М.Н. Анненкова вызвал много завистников и много врагов».³

Время показало, что легендарный «присоединитель» Средней Азии оказался неправ, тогда как генерал Анненков, блестяще справившийся со сложнейшим делом, был щедро награжден императором Александром III.⁴ В последующем опыт строительства ЗВЖД эффективно использовался европейскими колониальными державами в песчаных регионах своих лимитрофов. Следует отметить, что во время сооружения этой железной дороги полицейские функции по отношению к строителям и обслуживающему персоналу исполняли воинские подразделения Закаспийской области, подчиненной тогда кавказскому начальству, а также специально сформированные железнодорожные батальоны, которые постоянно дислоцировались у главных станций дороги. В охране строительства ЗВЖД принимали участие и милиционеры-туркмены, после образования в феврале 1885 года соответствующего подразделения.⁵ Их конные отряды были, понятно, более мобильными, передвигались в песках быстро, вовремя достигали нужных объектов. Для повышения эффективности службы туркмен-милиционеров по охране железнодорожной дороги 7 сентября 1887 года был принят специальный правовой акт.⁶

Как отмечалось выше, учреждение ЖПУ железных дорог произошло только при императоре Александре II, когда в России продолжительность железных дорог стала быстро нарастать. В августе 1865 года царь издал «именной» указ «О правах и обязанностях начальников Полицейских управлений железных дорог».⁷ Обраща-

¹ См.: Новое время. – 1886. 1 апреля.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385. Д. 1218. Л. 10-11 (далее: РГАДА).

³ Там же. Л. 11.

⁴ См. об этом: РГАДА. Ф. 1385. Д. 1218. Л. 43; см. также: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. – М., 2005. С. 17.

⁵ См.: № 2747. Высочайше утвержденное Положение о Туркменской милиции Закаспийской области. 15 февраля 1885 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 3-е. – СПб., 1887. Т. 5. С. 63-64 (далее: ПСЗРИ-3).

⁶ № 4692. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа урядников в Туркменской конной милиции. 7 сентября 1887 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1889. Т. 7. Отд. 1. С. 400.

⁷ № 42402. Именной, объявленный в приказе Военного Министра – О правах и обязанностях На-

ем внимание на то, что в указе не упоминалось слово: «жандармские». Это тем более любопытно, что начальники указанных управлений, получившие воинские звания армейских полковников, однако остались «по-прежнему в непосредственном подчинении начальника штаба Корпуса жандармов».¹

Слово «жандармские» появляется в соответствующем царском указе от 31 декабря 1866 года.² Этим документов ЖПУ ЖД подлежали «ведению начальства Отдельного Корпуса жандармов, чтобы «определение, увольнение, переводы, поощрения, награды и ответственность всех означенных управлений зависели непосредственно от жандармского начальства».³ Этот же порядок подчинения ЖПУ ЖД был продублирован в «именном» указе императора Александра II от 29 сентября 1868 года.⁴ Мы привели указанные нормативно-правовые акты с тем, чтобы прояснить вопрос о том, кому и как подчинялось Жандармско-полицейское управление Закаспийской военной железной дороги, учрежденное 12 июня 1890 года.⁵ Но вызывает интерес время принятия данного нормативно-правового акта. Дело в том, что до этого ЖПУ ЖД нередко учреждались ещё во время их строительства.⁶ В нашем случае это произошло уже после того, как Закаспийская военная железная дорога заработала на всю свою мощь.

Мы не исключаем, что учреждение ЖПУ ЗВЖД затягивалось царскими «верхами» в связи с предполагаемыми изменениями статуса Закаспийской области. Как отмечалось выше, в 80-х гг. XIX века она подчинялась Кавказскому начальству. Однако в это же время обсуждался вопрос о её возможном присоединении к Туркестанскому генерал-губернаторству (краю), с которым она составляла единое территориальное пространство, поскольку, в отличие от Кавказа, не была отделена от него Каспийским морем, или же образования из неё особого «неотдаленного» округа, подчиненного непосредственно Военному министерству. В конце концов, победила вторая точка зрения, которая была закреплена «высочайше» утверждённым 6 февраля 1890 года. «Временным положением об управлении Закаспийской областью».⁷ Начальником области был назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, не только пользовавшийся в столичных «верхах» доверием, но и сам лично, рука

чальников Полицейских Управлений Железных дорог. 16 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. С. 903-904.

¹ Там же. С. 904.

² № 44071. Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 января 1867 года – Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог // ПСЗРИ-2. – СПб., 1868. Т. 41. Отд. 2. С. 532.

³ Там же.

⁴ № 46300. Именной, объявленный в приказе военного министра – О правах начальников Жандармских полицейских управлений железных дорог. 29 сентября 1868 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1873. Т. 43. Отд. 2. С. 300.

⁵ № 6947. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О формировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. С. 533-534.

⁶ См. напр.: № 51970. Именной, объявленный в приказе по военному ведомству – Об учреждении жандармско-полицейского надзора на строящихся железных дорогах. 6 марта 1873 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1876. Т. 48. Отд. 1. С. 306-307.

⁷ № 6576. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. С. 70-75.

об руку со знаменитым М.Д. Скобелевым, принимавший участие в присоединении Туркмении к России в начале 80-х гг. XIX века.

Пользуясь случаем, мы хотели бы заметить, что никогда не разделяли распристранённого мнения о вине Куропаткина в поражении русского оружия в войне 1904-1905 гг. с Японией – в ней главным виновником, на наш взгляд, были не те или иные персоналии, а загнивающий царизм как изжившая себя во времени всецело антинародная система. У Куропаткина были напряженные отношения с начальником ЗВЖД, генералом М.Н. Анненковым, но они разрешились в пользу нового начальника Закаспийской области, человека сурового, жесткого, но справедливого, за что он, кстати, (а об этом свидетельствуют многие архивные документы и проч.) пользовался большим авторитетом у коренного населения Закаспийского региона – туркмен, каракалпаков, узбеков и казахов.

Надо ли говорить о том, что Куропаткин достаточно быстро «подмял» под себя только что учрежденное ЖПУ Закаспийской военной железной дороги. Это было сделать нетрудно, поскольку, по царскому законодательству, жандармы в военном отношении (как воинское подразделение) подчинялись военному министру, а по делам профессиональной службы – Отдельному корпусу жандармов (ОКЖ), шефом которого считался министр внутренних дел. Но этот министр и Штаб ОКЖ находились далеко, а высшее военное лицо (генерал-лейтенант!) «с характером» было рядом. Более того, закон от 12 июня 1890 г. предписывал: «предоставить чинам означенного Управления (ЖПУ ЗВЖД – *В.Л.*) права и преимущества, присвоенные военнослужащим в прочих частях Закаспийской области и Туркестанского военного округа».¹ А практическая реализация этих прав и преимуществ была тоже не в столице, а в руках начальника Закаспийской области и одновременно командующего войсками в ней. Поэтому нам неизвестны случаи, когда руководители ЖПУ ЗВЖД вступали бы в острые конфликты с последним.

В соответствии с законом от 12 июня 1890 г., утвержденный штат ЖПУ ЗВЖД состоял из 120 чел. Его начальником мог быть полковник или даже генерал-майор (такое случалось). Он получал, как отмечалось в указе, «жалованье по чину из усиленного оклада», а также, независимо от своего звания, в год: так называемых «столовых» – 560 руб. 40 коп., «добавочных» – 600 руб. и «разъездных» – 600 руб. Кстати, в указе отмечалось, что начальник ЖПУ ЗВЖД должен был одновременно исполнять и обязанности начальника одного из отделений вверенного ему управления. Ему же полагался личный адъютант из «обер-офицеров» с «жалованьем по чину из усиленного оклада», а также, независимо от звания, «столовых» – 138 руб. и «добавочных» – 400 руб. в год. На разъезды адъютанту ничего не выделялось. В штате ЖПУ ЗВЖД учреждались 4 должности начальников отделений, которые должны были состоять в звании ротмистров или подполковников. Каждому из них тоже полагалось «жалованье по чину из усиленного оклада», а также в год: по 300 руб. «столовых», 400 руб. – «добавочных» и по 200 руб. «разъездных». Кро-

---

¹ № 6947. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О формировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. С. 533.

ме того, по штату полагалось 5 должностей вахмистров с годовым окладом каждому – в 240 руб. Никаких иных выплат они не получали.

Самую большую категорию сотрудников ЖПУ ЗВЖД (107 чел.) составляли унтер-офицеры с годовым содержанием в 189 руб. 90 коп. на человека. Они тоже не получали ничего более. Для канцелярии ЖПУ ЗВЖД указ учредил две должности писарей, один из которых относился к так называемому «среднему окладу» (60 руб. в год), а другой – к «низшему окладу» (36 руб. в год). Предусматривались и выплаты на канцелярские расходы: начальнику ЖПУ ЗВЖД – 200 руб. в год, начальникам отделений – по 75 руб., вахмистрам и унтер-офицерам – по 5 руб.¹ В последующем в штат ЖПУ ЗВЖД, разумеется, вносились известные коррективы, однако это происходило вне рамок рассматриваемого нами периода.

Поскольку линия Закаспийской военной железной дороги проходила через г. Чаржуй, расположенный на территории Бухарского ханства, то офицерам, работавшим в местном отделении ЖПУ ЗВЖД, выплачивались так называемые «порционные» деньги, *наравне с офицерами из городского гарнизона Туркестанского военного округа*. Что касается прочих чинов Чарджуйского отделения ЖПУ ЗВЖД (вахмистров, унтер-офицеров и писарей), то им полагались «порционные» в размере 25 коп. в сутки, что было неплохой выплатой, если учесть, что писарь «низшего оклада» получал всего 3 руб. в месяц. Но самое любопытное заключалось в том, что ЖПУ ЗВЖД (как, впрочем, и все иные управления такого рода) финансировалось из бюджета военного министерства. Так, на его содержание в 1891-1893 гг. предполагалось ежегодно ассигновать по 25 629 руб. 52 коп. Кроме того, на организационный, 1890 год, из сметы Закаспийской военной железной дороги выделялась «единовременно» сумма в 4 874 руб. для приобретения обмундирования и оружия для всех чинов ЖПУ ЗВЖД.²

В функции Жандармско-полицейского управления Закаспийской военной железной дороги входило не только обеспечение должного порядка в так называемой «полосе отчуждения», но и задачи политического сыска, поскольку (через ОКЖ) оно было причислено к Департаменту полиции МВД. Но то, как оно справлялось с функциями и задачами такого сыска, явилось предметом отдельного специального исследования.³

На исходе XIX века, в жизни Закаспийской области, Закаспийской военной железной дороги и ЖПУ ЗВЖД произошли серьезные изменения. В самом начале 1898 года генерал Куропаткин пересел в кресло военного министра и для того, чтобы облегчить бюджетные тяготы вверенного ему ведомства, добился передачи ЗВЖД в ведение Министерства путей сообщения (далее: МПС). 18 декабря 1898

¹ № 6947. Штат Жандармского Полицейского управления Закаспийской военной железной дороги // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. С. 404-405.

² № 6947. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сформировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. С.534.

³ См.: Гл. 3, § 4. Специфика работы жандармско-полицейских управлений железных дорог в Средней Азии // *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 321-339.

года последовало и «высочайшее повеление» по этому поводу.¹ С 1 января 1899 г. Закаспийская железная дорога утратила в названии слово: «военная» и перешла полностью на «довольствие» МПС. ЖПУ дороги почувствовало известное облегчение, поскольку оно избавилось от строгого «ока» Куропаткина. Тем более что все последующие его преемники в должности начальника Закаспийской области и командующего (с 1899 г.) войсками 2-го Туркестанского армейского корпуса не очень надоедали железнодорожным жандармам. Но главное – они по-прежнему финансировались военным министерством, хотя и подчинялись Штабу Отдельного Корпуса жандармов, а через него – МВД.

Закаспийская железная дорога почти без малого десятилетия являлась единственным средством железнодорожного сообщения в Русском Туркестане. Со временем она была доведена до Ташкента и посредством строительства железнодорожных «веток» к ряду других городов Средней Азии. Она способствовала ускоренному развитию внутренней торговли в регионе, передвижению военных и прочих грузов, доставке сырья (преимущественно, хлопка) к предприятиям перерабатывающей промышленности и т.п. Но у неё имелся главный недостаток – она не была связана с «внутренней» Россией. Для того чтобы достичь последней, следовало использовать паромную переправу из Красноводска в Баку, а затем уже двигаться по железной дороге в города Центральной России. Это было долго и хлопотно.

Другим недостатком было отсутствие железнодорожного сообщения через огромные пространства так называемой «Киргизской степи», в том числе и в той части, которая звалась «Голодной». Расширение поставок из Центральной России в Среднюю Азию настоятельно требовали строительства новой железной дороги, которая связала бы традиционный (ещё с середины XVIII в.) центр торговли с Туркестаном – Оренбург с городами и весями этого региона. Строительство такой дороги началось в самом начале XX века, причём с двух сторон: на севере – от Оренбурга, а на юге – от Ташкента. 8 июня 1901 года последовал соответствующий царский указ, в котором отмечалось, что в связи с сооружением этой дороги «оказалось необходимым занять земли с их принадлежностями в количестве до двадцати тысяч восьмисот десятин в пределах Оренбургской губернии и областей: Тургайской, Уральской и Сыр-дарьинской».²

Намерение России строить новую железную дорогу к южным рубежам империи вызвало неоднозначную реакцию со стороны прессы, включая, безусловно, зарубежную. Так, например, в начале 1900 года английская газета «Fortnightly Review» писала о решении России построить железную дорогу от Оренбурга до Ташкента, указывая, что будущее у этой дороги обнадеживающее, так как ее сооружение «совершенно подорвет все экономические соображения англо-германской дороги через Персию, так как две европейские дороги не могут выдержать конкуренции и

---

¹ № 16256. Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О передаче Закаспийской железной дороги в ведение Министерства путей сообщения. 18 декабря 1898 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1901. Т. 18. Отд. 1. С. 1090.

² № 20308. Именной Высочайший указ, данный министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1903. Т. 21. Отд. 1. С. 599.

русская линия, будучи несравненно короче, конечно, окажется выгоднее».¹ Газета отмечала, что первоначально русские предполагали соорудить эту дорогу от станции Александров Гай до Чарджоу. И она была права – такое намерение у царских властей действительно было. Но против проекта такой дороги выступили видные российские деятели. Так, «старый туркестанец», генерал-лейтенант А.П. Проценко писал в мае 1900 года в газете «Русский инвалид» о том, что направление новой железной дороги на Туркестан должно идти не от Александрова Гая до Чарджуя, а от Оренбурга до Ташкента, причём он обосновывал свои доводы весомыми аргументами.² В октябре 1899 года популярная в России газета «Новое время» указывала, что железная дорога из центра России в Туркестан имеет настолько важное стратегическое значение, что её надо строить, как можно быстрее и обязательно до Ташкента, поскольку нужно решительными мерами препятствовать усилению Англии, которая развернула железнодорожное строительство на границах с Афганистаном. Она писала: «С занятием Нушки, англичанам остается всего 150 верст до долины Гельмунда, которая представляет собой большую дорогу на Сеистан, обильно снабженную фуражем и орошенную водой».

Автор статьи В. Горлов отмечал, что «угроза так очевидна, что Россия имеет вполне законное право путём предупреждения искать самозащиты».³ Позже «Новое время» указывало, что зарубежная пресса замалчивает факт строительства англичанами железной дороги от Кветты до Нушки. Газета писала в августе 1902 года по этому поводу: «Это вполне понятно, так как англичанам весьма важно, чтобы новый шаг их к упрочению британского влияния на западе Азии прошел насколько возможно незамеченным».⁴ Осенью 1901 года некто, под псевдонимом «Ташкентец», писал о том, что строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги сопряжено с немалыми сложностями. От Оренбурга до Орска дорога пройдёт по отрогам Уральского хребта, которые называют «Губерлинскими горами» – тут сплошные неровности. Однако и дальнейшая протяженность дороги не проще. Тут идут степи и пески, что потребует установки камышовых и иных заграждений, которые применялись ещё при строительстве Закаспийской военной железной дороги.

Автор отмечал, что новая железная дорога должна обойти Перовск – «это городишко, в коем немного более 4000 жителей». В нём есть заводи: пивоваренный, кожевенный, 2-4 кирпичных и др. В итоге «Ташкентец» писал о радужных перспективах новой железнодорожной магистрали.⁵ Однако дорога все же не миновала Перовска. Мы привели сведения из тогдашней прессы для того, чтобы не только расширить познания читателей о рассматриваемой нами железной дороге, но и с тем, чтобы подчеркнуть, что царская власть изначально не могла оставить строя-

---

¹ Цит. по: РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1218. Л. 16.

² Проценко А.П. О лучшем направлении магистральной железной дороги в Среднюю Азию // Русский инвалид. – 1900. № 101. 9 мая.

³ Горлов В. Настоятельно необходимая оборона // Новое время. – 1899. № 8504, 30 октября.

⁴ Наша задача на Ближнем Востоке // Новое время. – 1902. № 9507. 23 августа.

⁵ Ташкентец. Как строить Оренбургско-Ташкентскую дорогу? // Московские ведомости. – 1901. № 301. 1 ноября.

щуюся стратегически важную дорогу без соответствующего надзора. Поэтому уже 18 сентября 1901 года последовало «Высочайшее повеление» об его учреждении.¹

В документе указывалось: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: 1. Для учреждения жандармского полицейского надзора на строящейся Оренбургско-Ташкентской железной дороге сформировать особое Жандармское Полицейское Управление железных дорог с наименованием такового: «Оренбургско-Ташкентским» и с назначением Штаб-квартиры в городе Оренбурге.

2. Чинам вновь формируемого Оренбургско-Ташкентского Жандармского Полицейского Управления железных дорог предоставить содержание по действующему штату Жандармского Полицейского Управления Средне-Азиатской (бывшей Закаспийской военной) железной дороги и назначить на время постройки дороги Начальнику Управления по 300 руб. и каждому начальнику отделения по 500 руб. в год.

3. Расходы, потребные на содержание чинам Оренбургско-Ташкентского Жандармского Полицейского Управления железных дорог, относить на счёт казны по смете Военного министерства.² К данному правовому акту прилагался «Высочайше утвержденный 18 сентября 1901 года Штат Оренбургско-Ташкентского Жандармского Полицейского Управления железных дорог (далее: ЖПУ ОТЖД – *В.Л.*)».³

Согласно этому штату, в ЖПУ ОТЖД предполагалось установление следующих должностей: начальник Управления (полковник, или генерал-майор) – 1; адъютант (обер-офицер) – 1; начальников отделений (подполковники или ротмистры) – 6; вахмистров – 6; унтер-офицеров – 152; писарей: среднего оклада – 1; низшего оклада – 1. В документе отмечалось, что оклады содержания чинам этого штата даются по действующим штатам Жандармского Полицейского Управления Средне-Азиатской (бывшей Закаспийской военной) железной дороги.

Это означало, что начальник ЖПУ ОТЖД должен был получать, во-первых, «жалованье по чину из усиленного оклада», а также, независимо от своего звания, в год: так называемых «столовых» – 560 руб. 40 коп., «добавочных» – 600 руб. и «разъездных» – 600 руб. Кстати, начальник ЖПУ ЗВЖД должен был одновременно исполнять и обязанности руководителя одного из отделений вверенного ему Управления. Ему же полагался личный адъютант из «обер-офицеров с жалованьем по чину из усиленного оклада», а также, независимо от звания – «столовых» в 138 руб. и «добавочных» – 400 руб. в год. На разъезды адъютанту ничего не выделялось. Начальники отделений должны были состоять в звании ротмистров или подполковников. Каждому из них тоже полагалось «жалованье по чину из усиленного оклада», а также в год: по 300 руб. «столовых», 400 руб. – «добавочных» и 200 руб. «разъездных». Кроме того, по штату полагалось 6 должностей вахмистров с годовым окладом каждому – в 240 руб. Никаких иных выплат они не получали.

Самую большую категорию сотрудников ЖПУ ОТЖД (152 чел.) составляли унтер-офицеры с годовым содержанием в 189 руб. 90 коп. каждому. Они тоже не

¹ № 20651-б. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об учреждении жандармского полицейского надзора на Оренбургско-Ташкентской железной дороге. 18 сентября 1901 года. // ПСЗРИ-3. – СПб., 1908. Т. 22. Отд. 1: Дополнения к XXI тому. С. 32.

² ПСЗРИ-3. – СПб., 1908. Т. 22. Отд. 1: Дополнения к XXI тому. С. 32.

³ Там же. С. 65.

получали ничего более. Для канцелярии ЖПУ ОТЖД указ учредил две должности писарей, один из которых относился к так называемому «среднему окладу» (60 руб. в год), а другой – к «низшему окладу» (36 руб. в год). Предусматривались и выплаты на канцелярские расходы: начальнику ЖПУ – 200 руб. в год, начальникам отделений – по 75 руб., вахмистрам и унтер-офицерам – по 5 руб.¹ Любопытно, что в «Штатах» от 18 сентября 1901 г. допускался «отпуск денег на наём вольной прислуги офицерам в размере 120 руб. в год на каждого человека»², тогда как закон от 12 июня 1890 г. об учреждении ЖПУ ЗВЖД о деньгах на наём прислуги для офицеров не упоминал.³ Но, как нам представляется, это было неплохим дополнением к сохранению в 1901 году для чинов ЖПУ ОТЖД окладов, установленных в 1890 году для сотрудников ЖПУ ЗВЖД.

Ещё в процессе разработки проекта закона от 18 сентября 1901 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин внес 14 августа того же года на рассмотрение правительства соответствующее представление, в котором отмечал, что в условиях строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги в пустынной местности, опасности нападения на строителей казахов с целью грабежа и разбоя, необходимо учреждение дополнительно должностей 4-х станковых приставов и 15 – конно-полицейских урядников. Комитет министров рассмотрел представление МВД и одобрил его. Как известно, в царской России любое решение правительства нуждалось в «высочайшем» утверждении, в связи с чем царь Николай II утвердил решение правительства.⁴ Это было очень любопытное постановление правительства, которое не имело отношения к ЖПУ ОТЖД. В законе отмечалось, что всем учреждаемым должностям присваивались все «служебные права и преимущества, а равно оклады содержания», наравне с такими же чинами уездной полиции, поскольку документом они передавались не в ведение дорожно-строительного начальства, а в подчинение местных уездных начальников. Расход на учреждение указанных должностей в сумме 11 270 руб. в год и единовременно – 82 руб. 50 коп. (для приобретения конным полицейским «шашек драгунского образца») был отнесён на кредит «в расценочную смету северной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги».⁵

Мы упоминаем об этом потому, что, несмотря на вышеуказанные обстоятельства подчинения учрежденных «должностей» местным уездным начальникам, они всё равно работали в тесном сотрудничестве с ЖПУ ОТЖД, поскольку иначе и не могло быть: у всех был один общий хозяин – МВД. Условия работы станковых приставов и конно-полицейских урядников на строительстве Оренбургско-Ташкентской железной дороги были, разумеется, нелегкими, причём особенно для станковых приставов. Поэтому, ещё перед своим убийством эсеровскими боевиками (оно слу-

---

¹ См. об этом: *Литвинов В.П.* Из истории железнодорожной полиции в Туркестане конца XIX века (Правовой аспект). // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. – 2014. Т. 14. № 9. С. 61.

² № 20651-6 // ПСЗРИ-3. – СПб., 1908. Т. 22. Отд. 1: Дополнения к XXI тому. С. 65.

³ См.: № 6947 // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. С. 404-405.

⁴ № 20669. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об учреждении полицейского надзора вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 23 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1903. Т. 21. Отд. 1. С. 1088.

⁵ Там же.

чилось 2 апреля 1902 года – В.Л.), министр внутренних дел Сипягин подготовил проект постановления о выдаче последним дополнительных средств. Проект внёс в правительство уже его преемник В.К. Плеве (кстати, в 1904 году тоже павший от эсеровского террора).

Комитет министров рассмотрел представление МВД и вынес по нему положительное решение. Соответственно, 28 июня 1902 г. вышло «Высочайше утверждённое Положение Комитета министров – О назначении разъездных денег четырём станovým приставам вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги».¹ Оно постановило «четырем станovým приставам вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги назначить на разъезды по пятьсот рублей в год каждому, отнеся этот расход, всего 2000 рублей в год, на кредит, ассигнованный по расценочной ведомости постройки означенной дороги на усиление полиции».² Однако в любом случае все вышеуказанные должности в штат ЖПУ ОТЖД не включались.

Рассматриваемая нами дорога ещё строилась, когда 16 апреля 1904 года император Николай II «Высочайше повелеть соизволил на присоединение к Оренбургско-Ташкентской железной дороге, ко времени передачи её в правильную эксплуатацию, Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги от станции Кинель до города Оренбурга, с присвоением сим объединенным рельсовым путям наименования: «Ташкентской железной дороги».³ Но это обстоятельство тоже никаким образом не отразилось на деятельности ЖПУ дороги, поскольку оно было учреждено за три года до вышеуказанного акта, на что указывалось выше.

Нелишне, однако, заметить, что переименование ЖПУ из «Оренбургско-Ташкентского» в соответствующее иное произошло ещё позже – 8 января 1905 года, когда военный министр, генерал-лейтенант В.В. Сахаров объявил о том, что «по всеподданнейшему докладу Шефа жандармов – Министра внутренних дел, Государь Император, в 8-й день января 1905 года Высочайше повелеть соизволил: 1) Оренбургскую ветвь Самаро-Златоустовской железной дороги, за передачей её в ведение Ташкентской железной дороги, и состоящих при ней одного вахмистра и 27 унтер-офицеров, исключив из состава Самарского Жандармского полицейского управления железных дорог, включить в состав Жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги; 2) *Оренбургско-Ташкентское Жандармское полицейское управление железных дорог, за переименованием Оренбургско-Ташкентской железной дороги в Ташкентскую, – именовать «Жандармским полицейским управлением Ташкентской железной дороги»*⁴ (курсив наш – В.Л.). Так

---

¹ № 21785. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении разъездных денег четырём станovým приставам вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 28 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1. С. 688.

² Там же.

³ № 24373. Высочайшее повеление, объявленное министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим наименованием: «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. С. 356.

⁴ № 25636. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об изменении штатов двух Жандармских полицейских управлений железных дорог. 8 января 1905 года. // ПСЗРИ-3. – СПб., 1908. Т. 25. Отд. 1. С. 15.

«родилось» второе в истории Русского Туркестана жандармско-полицейское управление железной дороги.

Мимолетный взгляд на карту Средней Азии и Казахстана создает впечатление, что Ташкентская железная дорога была самой длинной магистралью в этих регионах. Но такое впечатление обманчиво. Продолжительность Ташкентской железной дороги составляла 1 852 км, тогда как Среднеазиатская (бывшая Закаспийская) магистраль насчитывала 2 569 км, т.е. в полтора раза больше. Соответственно, и степень ответственности ЖПУ обеих дорог была разной. Разумеется, ЖПУ Среднеазиатской железной дороги имело больше проблем, тем более, если учесть, что под его контролем и надзором находились также две частные дороги – Ферганская (273 км) и Бухарская (450 км).

Однако, как бы там ни было, но учреждение ЖПУ Ташкентской дороги ещё до окончания её строительства и ввода в строй, оправдало себя. Благодаря его деятельности пресекались «аламаны» казахских шаек, нападавших часто на строителей и «скарб» дороги с целью бессовестного грабежа и разбоя, нередко сопровождавшихся кровопролитием. После окончания строительства Ташкентской железной дороги и введения её в действие, она превратилась в артерию, соединявшую Европу и Азию не только в плане перевозок грузов, но и стала своеобразным ретранслятором духовно-культурного сотрудничества русского народа с народами Средней Азии и Казахстана. Мы полагаем, что в этом отношении Ташкентская железная дорога превосходила Среднеазиатскую магистраль, на протяжении которой вступали в разного рода контакты между собой преимущественно местные (коренные) этносы. Однако среди них уровень духовной составляющей был, конечно же, ниже. Из этого следует, что ЖПУ Ташкентской дороги тоже в большей мере, способствовало духовному объединению народов Евразии.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что учреждение и устройство жандармско-полицейского надзора на обеих российских железных дорогах в Средней Азии зиждилось на принципах, одинаковых с теми нормативно-правовыми установлениями, на которых строилась деятельность органов указанного надзора на других магистралях страны. Безусловно, в деятельности жандармско-полицейских управлений Закаспийской и Ташкентской железных дорог учитывалась и региональная специфика Туркестана. В целом ЖПУ туркестанских магистралей обеспечивали нормальный порядок их деятельности, которая имела не только материальный (торгово-промышленный и т.п.) вектор, но и значительный духовный, содействуя развитию межцивилизационных и вообще культурных связей народов Евразии – России, Казахстана и Средней Азии.

Источники и использованная литература:

1. Высочайше утвержденный временный штат канцелярии Комитета и Строительной комиссии С-Петербургско-Московской железной дороги. 8 февраля 1842 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1843. Т. 17. Отд. 1. № 15279. (далее: ПСЗРИ-2).
2. Высочайше утвержденное Положение о Туркменской милиции Закаспийской области. 15 февраля 1885 года // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 3-е. – СПб., 1887. Т. 5. № 2747 (далее: ПСЗРИ-3).

3. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа урядников в Туркменской конной милиции. 7 сентября 1887 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1889. Т. 7. Отд. 1. № 4692.
4. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О формировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. № 6947.
5. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. № 6576.
6. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О формировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года; Штат Жандармского Полицейского управления Закаспийской военной железной дороги; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О формировании Жандармского Полицейского управления Закаспийской железной дороги. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. № 6947.
7. Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О передаче Закаспийской железной дороги в ведение Министерства путей сообщения. 18 декабря 1898 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1901. Т. 18. Отд. 1. № 16256.
8. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об учреждении полицейского надзора вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 23 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1903. Т. 21. Отд. 1. № 20669.
9. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении разъездных денег четырем станovým приставам вдоль линии северного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 28 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1. № 21785.
10. Высочайшее повеление, объявленное министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим наименованием: «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24373.
11. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об изменении штатов двух Жандармских полицейских управлений железных дорог. 8 января 1905 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1908. Т. 25. Отд. 1. № 25636.
12. Именной, объявленный в приказе Военного Министра – О правах и обязанностях Начальников Полицейских Управлений Железных дорог. 16 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42402.
13. Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 января 1867 года – Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог // ПСЗРИ-2. – СПб., 1868. Т. 41. Отд. 2. № 44071.
14. Именной, объявленный в приказе военного министра – О правах начальников Жандармских полицейских управлений железных дорог. 29 сентября 1868 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1873. Т. 43. Отд. 2. № 46300.
15. Именной, объявленный в приказе по военному ведомству – Об учреждении жандармско-полицейского надзора на строящихся железных дорогах. 6 марта 1873 года // ПСЗРИ-2. – СПб., 1876. Т. 48. Отд. 1. № 51970.
16. Именной Высочайший указ, данный министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. – СПб., 1903. Т. 21. Отд. 1. № 20308.
17. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1218.
18. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. – М., 2005.

19. *Горлов В.* Настоятельно необходимая оборона // Новое время. – 1899. № 8504. 30 октября.
20. *Голос.* – 1874. № 287. 17 октября.
21. *Литвинов В.П.* Из истории железнодорожной полиции в Туркестане конца XIX века (Правовой аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2014. Т. 14. № 9. С. 59-62.
22. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: Изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
23. *Наша задача на Ближнем Востоке* // Новое время. – 1902. № 9507. 23 августа.
24. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880-1917 гг.). – М, 2000.
25. *Проценко А.П.* О лучшем направлении магистральной железной дороги в Среднюю Азию // Русский инвалид. – 1900. № 101. 9 мая.
26. *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипчев Е.А.* История полиции России (1718-1917 гг.). – М., 1992. Вып. 2.
27. *Ташкентец.* Как строить Оренбурго-Ташкентскую дорогу? // Московские ведомости. – 1901. № 301. 1 ноября.

Litvinov V.P.

**Railway police in Imperial Russia: Central Asian route
(historical-legal aspect)**

In article the problem of construction of railways in Russian Turkestan, and also legal aspect of establishment at them of gendarme-police administrations is considered. It is marked, that they were similar to other such bodies in Russia, but their activity contained also regional specificity. The author comes to conclusion that work of both administrations provided not only observance of the order on railways of Turkestan, but also helped cultural rapprochement of its peoples.

Keywords: Central Asia, Turkestan, Trans-Caspian military railway, Tashkent railway, alienation of grounds, gendarme-police administration of railway, staffs.

Плеханов А.А.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В статье рассматривается роль органов государственной власти и управления в формировании, разработке и развитии правовой базы жизнедеятельности Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи, проводится анализ основных нормативных документов, которые обеспечивали законность действий пограничников в деле охраны государственной границы в финансовом и полицейском отношении, несении ими службы по пограничному надзору.

Ключевые слова: пограничная служба, Отдельный корпус пограничной стражи, пограничный надзор, устав, права, обязанности, правила, инструкция, нормативно-правовой документ.

Становление и развитие пограничной службы Российской империи, как специального органа государственного управления проходило в тесной взаимосвязи с развитием концепции охраны государственной границы, которая в разные периоды в истории России претерпевала видоизменения в зависимости от приоритетов внешней и внутренней политики государства. Объективно перестраивалось и приоритетное направление (политическое, экономическое или военное) охраны границы, соответственно её цель и организационная форма. В периоды существования Древней Руси и Московского государства наиболее важным был военный аспект охраны границы различными силами и средствами, т.е. необходимость отражения внешних, прежде всего военных угроз.

С образованием Российской империи в XVIII веке геополитическое положение страны укрепилось, её влияние на мировую политику значительно усилилось, возросла военная мощь, изменилась внешняя и внутренняя политика, военно-стратегическая обстановка на окраинах, претерпела существенную перестройку и концепция охраны государственной границы. В то же время стало заметно отставание России от западноевропейских государств в экономическом отношении. Развитие отечественной промышленности наталкивалось на острую конкуренцию со стороны западноевропейских товаропроизводителей. Интересы Российской империи настоятельно требовали защиты государственной границы не только от угроз военного характера, но и незаконного ввоза иностранных товаров, который осуществлялся контрабандным путём.

На определение правового положения пограничной стражи по охране границы Российской империи влияли многие обстоятельства и, прежде всего, внутренняя экономическая политика правительства. Одной из её составных частей в 80-е – 90-е гг. XIX века стало установление высоких таможенных пошлин на ввозимые в Россию товары и одновременно привлечение в экономику страны иностранного капитала. Это избавляло молодую отечественную промышленность от губительной

Плеханов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива РФ (Москва).

конкуренции, способствовало её развитию, но в то же время привело к активизации контрабандного промысла, прежде всего на западноевропейской границе. Ещё в конце 60-х гг. XIX века Г. Шипов писал: «Высокий налог... не есть дело прихоти, а государственная необходимость. Если необходимость в установлении высокой нормы таможенных пошлин существует, то, конечно, ничего смущаться мыслью о возможности контрабанды, но надо суметь предупредить ее, если не уничтожить, то привести ее в безвредное положение».¹ В этой связи, система взглядов на охрану государственной границы России стала смещаться в сторону защиты экономических интересов, т.е. приоритетной задачей пограничной стражи и других ведомств, принимавших участие в охране государственной границы, стала борьба с масштабной контрабандной деятельностью.

С изданием в 1819 году Таможенного устава, по всей сухопутной и морской границе, а также по контрольной черте между Российской империей и Царством Польским был учреждён «таможенный присмотр», состоявший из команд Таможенной стражи. 5 августа 1827 года² принято «Положение об устройстве пограничной Таможенной стражи». В соответствии с ним «пограничная стража по Европейской границе составляет в каждом Таможенном округе бригаду, или полубригаду, или отдельную роту, а всего полагается: 4 бригады, 7 полубригад, 2 отдельные роты и во всех 31 рота».³ Стража получила военную организацию: в каждом таможенном округе были образованы бригады или полубригады, разделенные на роты, которые состояли из конных объездчиков и пеших стражников. Объездчики и стражники набирались из полков кавалерийских и пехотных. Несмотря на то, что Пограничная стража являлась военизированной организацией и состояла в основном из военных чинов, руководство ею осуществляли гражданские чиновники Департамента таможенных сборов Министерства финансов, имеющие смутное представление о военной службе и смотревшие на Пограничную стражу как на таможенную организацию. Это двоякое положение являлось серьезным противоречием в её управлении, порождало множество недоразумений в несении службы по пограничному надзору. Кроме того, 13 июля 1882 года было утверждено «Положение об организации и употреблении Пограничной стражи на случай войны», в соответствии с которым Пограничная стража в военное время входила в состав действующей армии, оставаясь в мирное время в ведении Министерства финансов.

Настоятельная необходимость «дать пограничной страже устройство, более соответствующее её составу»⁴, 15 октября 1893 года вызвала к жизни именной высочайший указ «О преобразовании пограничной стражи в отдельный корпус и об утверждении временного штата Управления означенного корпуса». Отныне в пределах семиверстной пограничной полосы задачи военно-пограничного надзора – охрана границы Российской империи в финансовом и полицейском отношении, несение карантинной службы возлагались на Отдельный корпус пограничной стражи. Корпус был подчинен министру финансов, с присвоением ему звания шефа по-

---

¹ Шипов Г. Практическое применение к началам рационального тарифа. – СПб., 1868. Ч. II. С. 6-7.

² Все даты приводятся по старому стилю.

³ № 1282 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб., 1830. Т. II. С. 645. (далее – ПСЗРИ).

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Том XIII: 1893 г. От 9217 – 10 232 и дополнения. № 9975. – СПб., 1897. С. 567.

граничной стражи. Бригады распределены по таможенным округам и разделялись на отделы, отделы на отряды, отряды на посты или кордоны.

Император, обладавший самодержавной властью, как верховный руководитель российской армии и флота лично формировал пограничную политику и руководил её реализацией. По заведенному порядку шеф ОКПС¹ дважды в месяц делал доклад императору о положении дел в Корпусе, так же как и военный министр в части, касавшейся казачьих войск. Аналогичные правила были установлены в звене шеф ОКПС – командир корпуса. Положением об управлении ОКПС на командира корпуса возлагались все права и обязанности по управлению стражей.

Важную роль в формировании и реализации пограничной политики играла Государственная дума. С апреля 1906 по март 1917 гг. состоялись её четыре созыва. Существенные правовые ограничения все же не помешали депутатскому корпусу занять свою позицию в пограничной политике и наладить законотворческий процесс. За 11 лет в Госдуме, помимо ежегодных смет ОКПС, было рассмотрено более 50 законопроектов, из них принято 40. В том числе «Об увеличении флотилии ОКПС» (1908 г.), «Правила о пропуске лиц, следующих через границу» (1913 г.), «Об организации в ОКПС агентуры для разведки о контрабанде и об отпуске средств на эту надобность» (1914 г.), «Техническое обустройство границы России с Австрией, Китаем и Румынией» (1909–1914 гг.) и др. Рассмотрены также вопросы борьбы с контрабандой товаров и оружия, с нелегальными эмигрантскими потоками, меры, направленные на войсковое прикрытие границы, особенно в Закавказье и на Дальнем Востоке, вопросы реорганизации пограничной стражи. Наряду с этим предметами обсуждения были комплектование, обучение, воспитание, денежное содержание офицеров и нижних чинов ОКПС, материально-техническое обеспечение частей корпуса. Следует отметить, что в отличие от Военного и Морского министерств Министерству финансов и руководству ОКПС удалось наладить плодотворную работу с парламентариями.

Опыт показал, что отсутствие местного управления негативным образом сказывается на руководстве повседневной службой чинов Корпуса. При дислокации частей и подразделений ОКПС на значительном по протяженности расстоянии и обширной территории, его командир не в состоянии эффективно руководить и успешно решать дела, возникавшие в бригадах и отделах, тем более, что Высочайше утвержденное 22 декабря 1897 г. мнение Госсовета «Об основных началах отправления чинами отдельного корпуса пограничной стражи служебных обязанностей и об употреблении ими оружия по пограничному надзору в пределах пограничной полосы вдоль Европейской границы» так определяло обязанности чинов пограничной стражи по пограничному надзору: «а) не допускать водворения товаров или иных предметов из-за границы незаконными путями и способами; б) не допускать перехода границы незаконными путями и способами; и в) задерживать товары и иные предметы, означенные в пункте а, а равно лиц, переходящих границу в нарушение пункта б, и немедленно доставлять, в упомянутых случаях, товары, пред-

---

¹ 13 июля 1914 г. звание Шефа ОКПС было заменено на звание главноначальствующего над ОКПС, а с 1 января 1917 г. ОКПС был переименован в Отдельный пограничный корпус (ОПК), округа и бригады погранстражи – в пограничные округа и бригады, стражники – в пограничников.

меты и лиц в надлежащие таможенные учреждения».¹

Поэтому 1 февраля 1899 года Николай II подписал мнение Госсовета «Об утверждении штата округов отдельного корпуса пограничной стражи»², которое было введено в действие 1 июля 1899 года. Этот указ завершил формирование ОКПС как войскового соединения и полноценной специальной государственной службы. Были образованы округа погранстражи, во главе каждого – окружной штаб на правах дивизионного штаба. Начальник округа по своим правам приравнивался к начальнику дивизии военного ведомства. Все штаб- и обер-офицеры, находившиеся при начальниках таможенных округов Департамента таможенных сборов, переданы в ОКПС. В 1901 году Корпус состоял из Управления, Штаба, 7 округов, 31 пограничной бригады, 2 пограничных особых отделов, 116 отделов, 565 отрядов, 1901 поста. По штату в ОКПС числилось: 21 генерал, 199 штаб- и 859 обер-офицеров, 77 медицинских и 31 ветеринарный врач, 26 классных фельдшеров и 36 348 нижних чинов. Они охраняли 13 677 *вёрст*³ (14 497 км) государственной границы Российской империи.⁴

Наряду с совершенствованием организационной структуры высшие органы власти и управления России занимались всесторонней разработкой правового положения ОКПС, что находило отражение в принятых законах и постановлениях, специальных инструкциях, уставах и других документах. В большей мере это были утвержденные указами императора мнения Государственного Совета, Правительствующего Сената, руководства министерств: финансов, военного и морского. При этом учитывались принципиальные отличия пограничной стражи от сухопутных войск: 1) своим особым назначением – охранять государственную границу в таможенном, политическом и полицейском отношениях; 2) особой организацией, состоящей из четырёх родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии (в Заамурском округе) и военно-морского флота; 3) отсутствием возможности собираться в крупные тактические единицы, так как она расположена вдоль границы в одну или две линии; 4) лучшим по сравнению с армией правовым и материальным положением офицеров и нижних чинов.

Всю нормативно-правовую базу, регламентировавшую деятельность ОКПС, можно условно разделить на три группы:

первая – законы и другие нормативные акты высших органов государственной власти и управления Российской империи, определяющие общие положения деятельности ОКПС;

вторая – ведомственная законодательная база, непосредственно определяющая права, обязанности и ответственность чинов пограничной стражи, а также нормы права, регламентирующие несение службы по пограничному надзору;

третья – документы, обеспечивающие правовую основу взаимодействия с другими ведомствами, участвующими в охране государственной границы.

¹ № 14808 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1900. Т. XVII. С. 707.

² № 16440 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1902. Т. XIX. С. 94-95.

³ *Верста* – русская дометрическая мера длины, равная 1,06 км.

⁴ Пограничник. – 1907. № 24. С. 458.

Общие права и обязанности чинов пограничной таможенной стражи до создания ОКПС определялись и регламентировались Уставом Таможенным. В XIX веке было две редакции Устава. В 1819 г. во втором Таможенном уставе охрана государственной границы возлагалась на таможенную, а затем и пограничную стражу министерства финансов. Устав уточнил понятие контрабанды в России, понимая под ней не только провоз или пронос товаров через границу мимо таможни, но и неуказание товаров владельцами в поданных в таможню объявлениях и грузовых документах. Следующая редакция Устава Таможенного была принята в 1857 году. Помимо деления таможен в зависимости от объёма операций на крупнейшие, средние и малые, в нём содержались требования к таможенным служащим. Последние Таможенные уставы Российской Империи были приняты в 1904 и 1910 годах. Таможенный устав 1904 года установил новую структуру таможенных органов. Теперь таможенная система России состояла из Департамента таможенных сборов, окружных и участковых таможенных управлений, таможен, застав, постов и пунктов. Таможенным уставом, который был утвержден 31 декабря 1910 года, а обнародован 1 марта 1911 года, уточнены некоторые вопросы борьбы с контрабандой. Статья 2 Устава Таможенного и ст. 231 приложения к этой статье была посвящена обязанностям ОКПС.¹

После создания ОКПС министром финансов и командиром корпуса были изданы приказы, отменявшие со временем утратившие свое значение или имевшие временный характер циркуляры и распоряжения, затруднявшие руководство. Шеф и командир корпуса предложили управлению ОКПС пересмотреть все изданные ранее документы и подготовить из них сборник, согласовав его с вновь кодифицированным изданием 1904 года Устава Таможенного. Под редакцией начальника штаба ОКПС генерал-лейтенанта И.И. Веймарна в 1906 году был издан «Систематический сборник распоряжений по Отдельному корпусу пограничной стражи, относящихся до пограничного надзора по 1-е марта 1906 г.».² Сборник содержал (в хронологическом порядке) приказы, циркуляры и приказания с пояснением, какие из них действуют, а какие отменены.

В 1893–1910 гг. внесены существенные уточнения в правовое положение чинов ОКПС. Самые значительные из них: разработка новых правил применения оружия пограничной стражей; создание пограничных округов; четкое распределение обязанностей между таможенниками и пограничниками; завершение разработки наиболее оптимальной штатной структуры корпуса и обязанностей ОКПС.

При определении и уточнении прав чинов наибольшему обсуждению подверглись права объездчиков и стражников на производство обысков, выемок и порядок применения к нарушителям холодного и огнестрельного оружия, потому что они затрагивали права конкретных людей, в том числе и подданных других государств, и нередко речь шла об угрозе жизни каждому из них. При этом решался вопрос повышения эффективности пограничного надзора, законности действий пограничников.

Обыском назывался подробный осмотр кого-либо или чего-либо (в том числе помещения) в целях выявления контрабанды, а выемкой – её арест. Обыски, как

---

¹ Устав Таможенный // Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. Т. 6.

² Центральный пограничный музей. Документальный фонд. Д. 528. Л. 3. (далее: ЦПМ ФСБ РФ ДФ).

правило, проводились лишь после получения достоверных данных о наличии контрабанды и принадлежали к числу крайних мер, применяемых к пассажирам и владельцам товаров. Если проведение обыска заканчивалось неудачей, то это всегда вызывало не только возмущение, но и жалобы со стороны тех, кого обыскивали – за подрыв торговли и кредита. Секретным циркуляром 30 октября 1896 г. в дополнение к циркуляру от 23 января этого же года разъяснялось, что право обыска и выемки внутри края чинам пограничной стражи не предоставлено. Под термином «внутри края» следует понимать всю местность, расположенную за пределами семи вёрст – от черты границы, далее которой обыск и выемка чинами запрещалась. Исключения из этого правила могли допускаться лишь с ведома министра финансов. Расположенные же за семиверстной полосой летучие и железнодорожные отряды ограничиваются разъездной и контрольной службой для преследования прорывов «по горячим следам». Право производства обыска и выемки вообще-то принадлежало полицейским чинам, заменявшим судебных следователей, но при не терпящих отлагательства действиях предоставлялось и пограничникам в пределах 875-саженной пограничной полосы с Пруссией и Австро-Венгрией, на границе с Царством Польским и в губерниях внутри края – в семиверстной полосе.¹

На основании статьи 6 «Правил о порядке производства дел о контрабанде», утверждённых 27 марта 1906 года, чинам Таможенного ведомства, пограничной и корчемной стражи разрешалось вести розыск и задержание контрабандных товаров и на территории, превышающей установленные пределы, если негласные данные и полученные указания дали достаточный повод к этому, но не иначе, как с разрешения министра финансов, руководства ОКПС и Таможенного ведомства.

Шеф пограничной стражи В.Н. Коковцов, «принимая во внимание, что со времени издания означенных правил практикой пограничного надзора вполне выяснилось, кому из лиц пограничной стражи следует предоставить право самостоятельного розыска о контрабанде в случае получения негласного заслуживающего доверия сведения», счёл целесообразным предоставить его следующим начальствующим лицам: 1) в 21-верстной полосе – начальнику округа, командирам бригад, отделов и отрядов, обер-офицерам для поручений при штабах бригад и особых отделов; 2) в пятиверстной полосе – начальникам округов, командирам отрядов и отделов, причём начальникам округов, командирам бригад и особых отделов – командировать в случае надобности по своему усмотрению подчиненных им офицеров для производства розыска и задержания контрабанды; 3) в случае поступления негласных сведений и указаний о контрабанде непосредственно в управление корпуса от заслуживающего доверия заявителя командиру корпуса предоставлялось право поручить ведение розыска контрабанды в особо важных случаях не состоявшим в штабе ОКПС офицерам.

Вышеуказанные лица организовывали розыск и выемку контрабандных товаров в пределах 21-верстной полосы на тех же основаниях, что и чины Таможенного ведомства, т.е. согласно Правилам от 27 марта 1906 г. им давалось право действовать

---

¹ Систематический сборник распоряжений по Отдельному корпусу пограничной стражи, относящихся до пограничного надзора по 1 марта 1906 г. – СПб., 1906. С. 84.

за пределами 875-саженной¹ сухопутной полосы при участии полиции. Причём доступ в частные жилища разрешался лишь при преследовании нарушителей «по горячим следам», когда они скрывались в помещениях на виду у пограничников. В других же случаях обыски и выемки в домах можно было производить лишь от восхода и до заката солнца.² В случае успеха они давали много ценного материала для выявления направлений движения, приемов и методов, ухищрений контрабандистов, пунктов складирования товаров, позволяли делать сравнительный анализ эффективности охраны границы.

Личный досмотр проезжающих на границе проводили в случае «основательного подозрения, что подвергаемые осмотру имеют на себе контрабанду». С получением данных от оперативных источников о контрабанде, водворенной в пределы 50-верстной полосы, но не проникнувшей за пределы 100-верстной, чины ОКПС и таможенного ведомства обязаны были «безотлагательно оказывать друг другу возможное содействие по её поиску и задержанию». Причем при «взаимных действиях» руководить розыском в пределах 50-верстной полосы предоставлялось право офицеру пограничной стражи, а за её пределами – старшему из присутствующих чинов Таможенного ведомства.

Министр финансов 31 мая 1897 года обратился в Государственный совет с предложением пересмотреть правила употребления оружия чинами ОКПС, потому что существующие устарели и не отвечали требованиям службы, «ещё и потому, что постановления эти были разработаны в то время, когда Пограничная Стража признавалась учреждением гражданским».³ Госсовет рассмотрел и принял крайне важный для ОКПС документ «Об основных началах караульной службы и употребления чинами Отдельного корпуса пограничной стражи оружия». Ознакомившись с ним, император Высочайше утвердил 22 декабря 1897 года мнение Госсовета «Об основных началах отправления чинами Отдельного корпуса пограничной стражи служебных обязанностей и об употреблении ими оружия по пограничному надзору в пределах пограничной полосы вдоль Европейской границы». В документе говорилось: «Чины ОКПС при исполнении служебных обязанностей по пограничному надзору приравниваются к военному караулу, причём всякий нижний чин, поставленный на пост с ружьем или обнаженным холодном оружием, признается часовым». Обездчики и стражники могли употреблять оружие и в том случае, когда задержанные «обнаружат попытку к бегству и не окажется возможным настичь их».⁴

По предложению командира ОКПС А.Д. Свиньина в развитие «Основных начал» шеф погранстражи 4 февраля 1898 г. утвердил новую инструкцию «Об употреблении оружия чинами ОКПС». В ней отмечалось: «Часовой есть лицо неприкосновенное, а потому в ограждении себя от посягательства злоумышленников часовой не только может, но обязан прибегать в потребных случаях к оружию, безна-

¹ *Сажень* – русская дюймовая мера длины, равная 2,13 м.

² Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий с нижними чинами. 3-е изд. / сост. подполковник Коновалов. СПб., 1906. С.240-241.

³ *Чернушевич М.П.* Материалы к истории пограничной стражи. Ч.1. Служба в мирное время. Вып. 4. СПб., 1903. С.502-503.

⁴ № 14808 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб. 1900. Т. XVII. С. 707.

казанность отнятия которого, ...вследствие бездействия для воинского чина постыдно и преступно...». Инструкция особо подчеркивала, что «лишать человека жизни или причинять ему увечье закон позволяет чинам Пограничной Стражи только в случаях самой крайней необходимости, т.е. только тогда, когда достичь исполнения служебных обязанностей по пограничному надзору иными средствами безусловно невозможно; причем и в означенных случаях следует употреблять оружие так, чтобы, по возможности, ранить, а не убить человека». В инструкции также указывалось, чтобы пограничники избегали даже направления выстрела на сопредельную территорию, не стреляли в момент нахождения их на иностранной территории и на черте границы, «а если стрелять, то так, чтобы пули рикошетом не лели на чужую сторону».¹

Новые правила начали действовать с 1 марта 1898 года и отличались от прежних тем, что чины стражи получили четкие права и поэтому стали действовать более решительно на границе, применяя оружие по нарушителю, не остановившемуся после двукратного окрика «Стой!» и предупредительного выстрела вверх. До этого пограничная стража могла только ловить убежавших контрабандистов, что вызывало большие трудности. Постепенно стало уходить в прошлое оскорбительное поведение контрабандистов по отношению к пограничникам, пренебрежение законами Российской империи. Чины стражи могли действовать с необходимой в надлежащих случаях уверенностью и без страха сесть на скамью подсудимых.

Ввиду того что различные нарушения и отступления от правил применения оружия имели крайне негативные последствия, командир и начальник штаба корпуса, его заместители, начальники округов и командиры бригад ещё и ещё раз разъяснили военным служащим основные положения законов и инструкций. В приказах 1906 года подчеркивалось, что чины стражи действуют на основании Закона «Об употреблении оружия чинами Отдельного корпуса пограничной стражи при исполнении служебных обязанностей на Европейской границе»² и согласно инструкции относительно применения сего закона, утвержденной шефом погранстражи 4 февраля 1898 г., стрельба в городах и селениях во избежание несчастных случаев допускалась только в крайней необходимости. Стрельба же по перелетающим через границу воздушным шарам строго воспрещалась; в Закавказском крае и Средней Азии чины ОКПС при употреблении оружия должны были руководствоваться утвержденными Временными правилами для закавказской и среднеазиатской границы.

В 1910 г. на основании обобщения опыта и предложений командного состава корпуса в «Правилах об Отдельном корпусе пограничной стражи» регламентировали права пограничников на применение оружия. «Чины ОКПС, – говорилось в них, – при отправлении служебных обязанностей по пограничному надзору могут употреблять в дело оружие: 1) для отражения всякого вооруженного на них нападения или встреченного ими вооруженного сопротивления; 2) для отражения нападения или сопротивления хотя и не вооруженного, но сделанного несколькими лица-

---

¹ Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий с нижними чинами. 3-е изд. / Сост. подполковник Коновалов. – СПб., 1906. С. 177.

² Устав Таможенный. Изд. 1904. Приложение к ст. 2. С. 261-267.

ми, или даже одним лицом, но при таких обстоятельствах или условиях, когда чинам пограничной стражи угрожала явная опасность; 3) когда лица, следующие в пределах пограничной полосы с товарами или ношами или по пограничной реке на нагруженных судах, либо переходящие границу незаконными путями и способами, после двукратного оклика «Стой!» и предупредительного выстрела вверх, не остановятся и обнаружат намерение скрыться от преследования и не окажется возможным настичь и задержать их; 4) когда задержанные лица обнаружат попытку к бегству и не окажется возможным настичь их».¹

Но в инструкциях, разъяснявших положения Правил, подчеркивалось: огнестрельное оружие употреблять «лишь при действительной к тому необходимости и притом с величайшей осторожностью и осмотрительностью, дабы выстрелами не нанести вреда лицам, не причастным к делу». Ввиду некоторой противоречивости, возможности двоякого толкования некоторых положений инструкций, командиры и начальники снова стали разъяснять смысл правил о применении оружия.

В качестве примера приведем обстоятельный секретный циркуляр «Об употреблении в дело оружия» помощника командира ОКПС генерал-лейтенанта А.И. Колленкина и начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Н.К. Кононова, вышедший 13 июля 1911 г. В нем они обратили внимание штаб- и обер-офицеров III округа на то, что при обучении нижних чинов правилам употребления в дело оружия не обращается серьезное внимание на детальное разъяснение этих правил, изложенных в законе в довольно сжатой форме. «Между тем право употреблять в дело оружие, предоставляет чинам пограничной стражи самостоятельно и, в большинстве случаев, единолично решать вопрос о жизни или смерти лиц, неповинующихся их законным требованиям, налагает на чинов корпуса строжайшую уголовную и не менее тяжелую нравственную ответственность в случае малейшего в этом отношении отступления от указаний закона, – подчеркивалось в документе. – Поэтому долг начальствующих лиц всех степеней состоит в том, чтобы всесторонне разъяснять нижним чинам предоставленное им право употребления в дело оружия, дабы в тех случаях, когда польза службы требует от них принятия решительных мер, у них не возникало сомнений в неизбежности прибегнуть к силе оружия и, наоборот, в тех случаях, когда закон не дает им этого права, они сознавали бы, что всякое в этом отношении отступление от закона является не исполнением, а нарушением долга.

Только при таком, вполне сознательном усвоении нижними чинами правил употребления в дело оружия, можно быть уверенным, что, с одной стороны, – не будет случаев незаконного его употребления, а с другой, – не будет в этом отношении и послаблений никому из неповинующихся нарушителей границы».³ Так, за ноябрь 1903 года произошло 15 вооруженных столкновений с контрабандистами и одно нападение на пограничников, при этом один пограничник и 12 нарушителей погибли. Уже в октябре 1905 года число вооруженных столкновений возросло до 20,

---

¹ Правила об отдельном корпусе пограничной стражи // Свод законов Российской империи. СПб., – 1910. Т. 6. С. 1-78.

² ЦПМ ФСБ России: ДФ. Д. 611. Л. 2.

³ ЦПМ ФСБ России: ДФ. Д. 611. Л. 2.

а в 1913 году оружие применялось 205 раз, в столкновениях с нарушителями убито 30 контрабандистов и 68 ранено.¹

Из всех нормативных документов, регламентирующих деятельность ОКПС, особо следует выделить, ввиду их важности для организации несения службы по пограничному надзору, «Правила об Отдельном корпусе пограничной стражи», новую редакцию Устава Таможенного от 1910 г., опубликованные в томе 6 Свода законов Российской империи², и «Инструкцию службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912 г.).³ Эти документы стали итогом длительной творческой работы многих офицеров с участием командиров бригад. В журнале «Пограничник» за 1909 год отмечалось, что на доработку Правил требовалось дополнительное время: «как не трудно обходиться без законоположений, соответствующих настоящей жизни Пограничной стражи, но лучше потерпеть ещё год, другой, но выработать уже что-нибудь цельное, сообразно выяснившимся современным требованиям нашей специальной службы...».⁴

Правила ввели в действие в 1910 году. Они содержали 13 глав и 324 статьи с приложениями и были опубликованы в томе 6 Свода законов Российской империи (часть 2). Первая глава «Общие положения» определяла порядок подчиненности, построение охраны границы по линиям (рубежам), пограничные полосы («пространства пределов власти»), законодательно закрепляла вновь учрежденную морскую таможенную полосу в пределах 12 морских миль. В главе особое внимание уделили разъяснению порядка применения режимных ограничений на всех участках местности, примыкающих к границе. Вторая глава «Управление Отдельного корпуса пограничной стражи» определяла структуру управления корпусом, вхождение в состав ОКПС «обмундировальной» мастерской, центрального вещевого склада и приемной комиссии, а также устанавливала критерии для проверки командиром корпуса «благоустройства стражи».

Третья глава «Состав и устройство Отдельного корпуса пограничной стражи» показывала состав ОКПС, порядок подчиненности, структуру и состав частей от округа до отряда включительно. ОКПС разделили на бригады и особые отделы, которые входили в округа. При этом распределение отдельных частей пограничной стражи по округам, дислокация окружных штабов производились приказами императора, а число чинов ОКПС — штатами и особыми «узаконениями». Отдельным пунктом расписали обязанности учебных команд унтер-офицерского состава и нижних чинов при штабах бригад. Несколько статей определяли порядок функционирования медицинской части. Четвёртая глава «О флотилии ОКПС» устанавливала состав, порядок комплектования и подчиненности учрежденной в 1897 году флотилии Отдельного корпуса пограничной стражи.

Пятая глава «О назначении и увольнении чинов ОКПС» определяла порядок пополнения корпуса нижними чинами. В ней даже указаны требования к новобранцам: «...ростом не ниже двух аршин, четырёх вершков. По телосложению удовле-

---

¹ Годовой отчет по ОКПС за 1913 год. – Пг., 1914. С. 34.

² Правила об отдельном корпусе пограничной стражи. С. 1-78; Устав Таможенный // Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. Т. 6. С. 79-108.

³ Инструкция службы чинов отдельного корпуса пограничной стражи. – СПб., 1912.

⁴ Пограничник. – 1909. № 44. С. 1022.

творять требованиям, предъявляемым к кавалеристу и иметь хорошие зрение и слух». Шестая глава «О нижних чинах ОКПС, остающихся добровольно на сверхсрочной действительной службе», устанавливала льготы и социальные гарантии «ближайших помощников офицера», тех, кто непосредственно руководил отправлением службы на постах и кордонах.

В последующих главах речь шла о производстве в чины и наградах во время прохождения службы; об обмундировании, содержании и пенсиях чинов; о комплектовании корпуса лошадьми и снабжении ими чинов; о предметах ведомства и ответственности чинов ОКПС; о правах и обязанностях начальников округов, командиров бригад, отделов и отрядов, других чинов ОКПС; о применении оружия и морском пограничном надзоре «за неводворением судами контрабанды».¹

Таким образом, Правила определили не только порядок комплектования и прохождения службы личным составом пограничной стражи, права и обязанности командира корпуса, начальников округов, командиров бригад, отделов и отрядов, но и штаты управления корпусом, состав и устройство корпуса.

«Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи», утверждённая шефом пограничной стражи статс-секретарем В.Н. Коковцовым 7 декабря 1912 года, обобщила взгляды на охрану государственной границы и стала основным нормативно-правовым документом по пограничному надзору. Она включила в себя 8 отделов, 32 главы и 1748 статей.

В первом отделе «Государственная граница» содержалось определение государственной границы как черты, отделяющей территорию Российской империи от соседних государств, чётко определялись параметры и предназначение пограничных полос, давались понятия о законном привозе и вывозе товаров и о контрабанде. Ряд статей посвящён учреждениям охраны государственной границы. В главе IV раскрывался общий вид службы по пограничному надзору, состоявшей из разведывательной и сторожевой. Во втором отделе «Права и обязанности чинов Корпуса Пограничной Стражи» содержались статьи о правах шефа Пограничной стражи, касающихся службы по пограничному надзору, определены права и обязанности начальников от Командира Корпуса до помощника начальника поста, других должностных лиц и нижних чинов ОКПС. В статьях главы раскрывалась содержание службы дозоров, секретов, разъездов, караулов, конвойной службы.

Третий отдел посвящён исполнению чинами Корпуса пограничной стражи таможенной службы совместно со службой пограничного надзора. В нём раскрывалась служба контрольных постов, на обоюдных рогатках, надзор за привозом товаров из-за границы и вывозом товаров. Отдел четвёртый «О кордонах Пограничной Стражи и внутреннем на них порядке». В главах и статьях регламентировался повседневный порядок на постах и кордонах. В пятом отделе «О наградах и пенсиях за службу по пограничному надзору и ответственности за её нарушение» содержались основные положения системы поощрений и пенсионного обеспечения за службу по пограничному надзору, а также ответственность за нарушение требований Инструкции.

---

¹ Правила об Отдельном Корпусе Пограничной Стражи // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. Т. 6. С. 56.

Шестой отдел посвящён порядку несения караульной и гарнизонной службы в частях и подразделениях Корпуса. В седьмом отделе «Об отношении чинов Отдельного Корпуса Пограничной Стражи к другим ведомствам» оговаривались взаимоотношения пограничников к другим министерствам и ведомствам, государственным службам и органам, действовавшим в зоне ответственности ОКПС. Прежде всего таковыми являлись: Военное, Морское и Таможенное ведомства, Корчемная стража, Отдельный корпус жандармов, кроме того чины Министерства Путей Сообщения, Земледелия и Государственных имуществ, Портовых Управлений. Восьмой отдел содержал правила ведения отчетности и письмоводства по пограничному надзору.

Следовательно, в Инструкции нашли отражение все области служебно-боевой деятельности пограничной стражи, права и обязанности должностных лиц от шефа пограничной стражи до кашевара, взаимодействия всех ведомств, участвующих в охране границы, а также действия по обстановке, подробно раскрывалась служба пограничных нарядов.

Наряду с Правилами и Инструкцией основными документами, определявшими деятельность ОКПС, стали: Положение «Об управлении Отдельного корпуса пограничной стражи» (1893 г.); Закон «Об основных началах отправления чинами Отдельного корпуса пограничной стражи служебных обязанностей и об употреблении ими оружия по пограничному надзору в пределах пограничной полосы вдоль европейской границы» (1897 г.); Правила «Об организации пограничной стражи в случае войны» (1899 г.); Положение «О Заамурском округе ОКПС» (1901 г.); Положение «Об организации и службе Отдельного корпуса пограничной стражи в военное время» (1913 г.); и др.¹

Таким образом, согласно правовому положению, на ОКПС возложили задачи пресечения тайного провоза товаров через сухопутную и морскую границу Европейской России, Закавказья, через границу с Финляндией, в Закаспийской области и на правом берегу рек Пяндж и Амударьи. Пограничная стража также осуществляла карантинный надзор на границе империи.

Пресечение контрабанды на Мурманском берегу со стороны Норвегии и Северного Ледовитого океана возлагалось на архангельскую полицию, а на границе с Китаем в Ферганской, Семиреченской и Семипалатинской областях, в Томской губернии и в районе Иркутской таможни – на таможенную стражу, а также на казахи формирования.²

Чины ОКПС имели следующие обязанности: 1) не допускать водворения контрабанды и перехода людей через границу в неуказанном месте; 2) людей, незаконно переходящих границу, со всем, что при них окажется, задерживать и препровождать в таможенные учреждения; 3) охранять черту государственной границы и не допускать, чтобы в 875-саженной полосе от неё без разрешения начальства возводились новостройки; 4) задерживать на границе всех дезертиров, бродяг, беспас-

---

¹ № 34 606 // ПСЗРИ-3. – СПб., 1910. Т. XXX. Отд. 1. С. 1348-1401; РГВИА. Ф. 4929. Оп. 1. Д. 82. Л. 130-133; Ф. 4895. Оп. 1. Д. 128. Л. 10, 15, 19, 29, 78.

² Краткая историческая справка об образовании Отдельного корпуса пограничной стражи. – СПб., 1902. С. 1.

портных и порубщиков казенного леса и не разрешать сборищ подозрительных людей, даже если они не вооружены и не имеют при себе товары.

На морском участке границе: 1) осматривать все суда и рыболовные лодки как пристающие к берегу, так и отходящие в море, и задерживать их в случае провоза контрабанды; 2) оказывать посильную помощь морским судам, потерпевшим крушение; 3) охранять выброшенные бурей на мель или на берег суда, товары и другие предметы, не допуская расхищения их прибрежными жителями; 4) наблюдать, чтобы никто не устанавливал маяков, и никто не разводил на берегу огней от вскрытия льда до замерзания вод ближе 50 верст от законно устроенного маяка.¹

Для успешного решения задач по пограничному надзору на государственной границе требовалась правовая база по взаимодействию Отдельного корпуса пограничной стражи с военным ведомством, особенно во время войны. Следует отметить, что в рамках сотрудничества ОКПС, Военного и Морского министерств были разработаны мобилизационные планы на случай военных действий.

Взгляды правительства на роль и место ОКПС в возможной войне изложены в особом журнале Совета Министров от 8 мая 1907 г.: «Означенный корпус ничем не отличается по своему внутреннему устройству от прочих войсковых частей, входит в общий план мобилизации и в случае войны должен... выставлять правильно организованные боевые части во всех восьми местных округах пограничной стражи, расположенных по сухопутным и морским границам империи». Корпус «во всё, что касается военного устройства, службы, обучения и т.п.», руководствуется «указаниями и положениями, издаваемыми для воинских частей, с необходимыми в них изменениями и дополнениями».² «Инструкция службы чинов» 1912 г. предписывала: «С объявлением мобилизации часть войск и суда флотилии корпуса пограничной стражи передаются, на основании установленных для сего правил, в распоряжение: первые – военного, а вторые – морского ведомства».³

Чтобы представить нормативную базу только по этому вопросу и понять насколько она была разработана, какие она прошла этапы обновления и дополнительного развития, назовем только наиболее значимых документов: Циркуляр Директора Департамента таможенных сборов «Об обязанностях пограничной стражи в войне», «Правила о подчинении пограничной стражи военному начальству на случай войны» (1878 г.); «Инструкция для мобилизации пограничной стражи» (1890 г.); «Положение об организации и употреблении пограничной стражи в случае войны» (1899 и 1901 гг.); «Инструкция пунктам ближнего наблюдения» (1900 г.); «Положение об организации и службе ОКПС в военное время» (1909 г.); «Правила об Отдельном корпусе пограничной стражи» (1910 г.); «Наставление для мобилизации частей ОКПС» (1911 г.); «Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912 г.); «Об организации и службе Отдельного корпуса пограничной стражи в военное время» (1913 г.); «Инструкция начальнику поста с перечнем его обязанностей с началом мобилизации»; мобилизационные планы штабов

¹ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893-1919): Научно-популярное издание. – М.: Граница, 2012. С. 82.

² Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 4888. Оп. 13. Д. 4. Л. 93об. (далее: РГВИА).

³ Инструкция службы чинов отдельного корпуса пограничной стражи. – СПб., 1912. С. 274.

военных округов и округов пограничной стражи, мобилизационные записки бригад пограничной стражи; «Соображения о действиях бригад округа ОКПС в случае войны» и ряд других документов.¹

Осуществление разведывательной службы по пограничному надзору, в свою очередь, определялась целым рядом ведомственных инструкций и положений. Назовем только Проект «Инструкцию чинам Отдельного Корпуса Пограничной стражи о ведении секретной агентуры по контрабандному промыслу».²

Таким образом, Отдельный корпус пограничной стражи, являясь правоохранительным органом с военной организацией, а также специальной службой Российской империи, представлял и защищал её интересы на государственной границе. Всю свою деятельность он осуществлял в соответствии с законами и другими нормативными актами высших органов государственной власти и управления Российской империи, которые определяли общие положения деятельности ОКПС; с ведомственной законодательной базой, непосредственно определявшей права, обязанности и ответственность чинов пограничной стражи, а также нормы права, регламентирующие несение службы по пограничному надзору и с документами, обеспечивающими правовую основу взаимодействия с другими ведомствами, участвующими в охране государственной границы.

Анализируя правовое положение ОКПС в конце XIX – начале XX веков, нормативные правовые акты, обеспечивающие выполнение поставленных перед ним задач по охране государственной границы в финансовом и полицейском отношении, можно сделать вывод о том, что правящие императоры и императрицы, государственные органы власти и управления: Государственный Совет, Государственная Дума, Министерство финансов, Управление ОКПС на протяжении XVIII – начала XX веков проделали колоссальную работу для формирования, разработки и развития нормативно-правовой базы жизнедеятельности пограничной стражи Российской империи, особенно в период существования ОКПС. В целом она соответствовала потребностям обеспечения охраны границы и законности действий пограничников, выполнению возложенных на них обязанностей по пограничному надзору.

Источники и использованная литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1830. Т. II. № 1282.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1897. Т. XIII. № 9975.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1900. Т. XVII. № 14808.
4. Полное собрание законов Российской империи СЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1902. Т. XIX. № 16440.
5. Устав Таможенный // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. Т. 6.
6. Правила об отдельном корпусе пограничной стражи // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. Т. 6.
7. Инструкция службы чинов отдельного корпуса пограничной стражи. – СПб., 1912.

---

¹ Маслов К. Н. Пограничная стража России на фронтах Первой мировой войны: опыт боевого применения // Исторические чтения на Лубянке. Органы обеспечения государственной безопасности России в период до начала Второй мировой войны. Ч. 3. 2014 год. М.: Академия ФСБ России, 2015. С. 62-63.

² РГВИА. Ф.4888. Оп.1. Д.5.

8. Систематический сборник распоряжений по Отдельному корпусу пограничной стражи, относящихся до пограничного надзора по 1 марта 1906 г. – СПб., 1906.
9. Годовой отчет по ОКПС за 1913 год. – Пг., 1914.
10. Краткая историческая справка об образовании Отдельного корпуса пограничной стражи. – СПб., 1902. С. 1.
11. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 4888. Оп. 13. Д. 4.
12. Центральный пограничный музей. Документальный фонд. Д. 528, 611.
13. Пограничник. – 1907. №24.
14. Пограничник. – 1909. № 44.
15. *Коновалов М.И.* Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий с нижними чинами. 3-е изд. – СПб., 1906.
16. *Маслов К.Н.* Пограничная стража России на фронтах Первой мировой войны: опыт боевого применения // Исторические чтения на Лубянке. Органы обеспечения государственной безопасности России в период до начала Второй мировой войны. Ч. 3: 2014 год. – М.: Академия ФСБ России, 2015.
17. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893-1919): Научно-популярное издание. – М.: Граница, 2012.
18. *Чернушевич М.П.* Материалы к истории пограничной стражи. Ч. 1: Служба в мирное время. Вып. 4. – СПб., 1910.
19. *Шунов Г.* Практическое применение к началам рационального тарифа. – СПб., 1868. Ч. II.

Plekhanov A.A.

**The legal status of Separate corps of border guards of the Russian Empire
in the late XIX - early XX centuries**

This article examines the role of public authorities and management in the formation, designing and development of legal bases of activity of Separate corps of border guards of the Russian Empire the analysis of the main normative documents that ensure the legality of actions of the border guards in protecting the state border in financial and police attitude, the bearing of their service for border surveillance.

Keywords: border guard service, Separate corps of border guards, border surveillance, Charter, rights, obligations, rules, instructions, legal document.

УЧАСТИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ

Вся история Нижегородской (Макарьевской) ярмарки тесно связана с историей становления и развития охранительной системы государства и в значительной степени с одним из элементов этой системы – казачеством Урала, наряду с полицией, жандармерией и внутренней стражей достойно обеспечивавшим в первой половине XIX века «тишину и спокойствие» на ярмарке. Полувековая деятельность казаков Оренбургского войска по обеспечению порядка на ярмарке и обеспечению безопасности ведущих к ней торговых путей свидетельствует об эффективности использования казаков как универсальной военно-полицейской силы.

Ключевые слова: Нижегородская ярмарка, охранительная система, оренбургское казачество, торговые пути, безопасность.

Основное назначение оренбургского казачества вплоть до середины XIX века заключалось в экономическом освоении Оренбургского края и его обороне от набегов кочевников Киргиз-кайсацкой степи. Но кроме выполнения этой задачи, казачье войско постоянно исполняло и разнообразные военные и полицейские функции, выступая в качестве составной части силовых структур Российской империи. Более сорока лет, ежегодно из войска посылался отряд казаков для поддержания порядка и обеспечения безопасности на Нижегородской (Макарьевской) торгово-промышленной ярмарке. Ярмарка являлась объектом повышенного внимания царского правительства, военного ведомства и губернаторской власти по ряду причин. Среди них следует выделить:

- Существенная роль эффективной ярмарочной торговли для экономического развития государства. Её исключительное значение в экономике России было обусловлено тем, что, являясь по срокам проведения последней среди других всероссийских ярмарок (с 15 июля по 10 сентября), Нижегородская ярмарка подводила итоги за целый год работы всего народного хозяйства страны. На ней устанавливались цены на основные товары (чай, мануфактуру, металл, рыбу, соль, хлеб, меха и др.).

- Ярмарка имела всемирную известность, привлекала не только российских купцов, предприниматели западно-европейских стран видели здесь рынок сбыта готовой промышленной продукции и одновременно рынок закупки качественного и дешевого сырья. Обширен был торг и с купцами из Закавказья, Персии, Китая, стран Средней Азии и других азиатских стран, тем самым ярмарка выполняла важнейшую функцию «менового двора Европы с Азией».

- Вследствие продолжительного и массового скопления случайных людей на относительно небольшой территории, интенсивных контактов между ними, кон-

---

Шадрин Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральского государственного научно-исследовательского университета (Челябинск).

центрации денежных средств и материальных ценностей, сопровождаемых увеселениями, развлечениями, употреблением спиртного, практически всегда остро вставал вопрос об обеспечении правопорядка и общественной безопасности, а так же безопасности торговых путей.

Вся история Нижегородской (Макарьевской) ярмарки тесно связана с историей становления и развития охранительной системы государства и в значительной степени с одним из элементов этой системы – казачеством Урала, наряду с полицией, жандармерией и внутренней стражей достойно обеспечившим в первой половине XIX века «тишину и спокойствие» на ярмарке.

Рождением своим ярмарка обязана возникшей в первой четверти XVII века примонастырской торговле на левом берегу Волги, в 80 верстах от Нижнего Новгорода, у стен обители преподобного Макария. Макарьевский торг обратил на себя внимание московского правительства, и с середины XVII века ярмарка была признана официально. Центральная власть долгое время особо не вмешивалась в ярмарочную деятельность. Административным управлением ведал монастырь, «организуя охрану порядка и безопасности, наряжая особую стражу из монастырских служек, чиня суд и расправу архимандричьим судом».¹ Вся ярмарочная администрация, полиция и суд сосредотачивались в лице архимандрита – главы монастыря. В 1698 году велено было с ярмарки брать таможенные пошлины, монастырю содержать перевозки и «из своих служек оберегательную стражу из 300 человек».² Именным указом Императора 19 июля 1700 г. ярмарка перешла в распоряжение Казанского приказа и Большой казны³, а с 1718 года – Коммерц-коллегии. Сенатским указом от 4 июня 1734 г. уточнялся срок проведения ярмарки. Обычно проводимая с 29 июня, с 1735 года ярмарка стала начинаться 20 июня. День окончания в нормативном акте не обозначен. В указе содержится требование «о не принуждении купцов к отъезду с оных ярмарок и о нечинении им никаких обид и притеснений».⁴

Следует отметить, что проблема безопасности на ярмарке и особенно торговых путей, занимала уже тогда важное место. Коммерческие пути сообщения были трудны и опасны не только примитивным состоянием дорог и транспорта. Немало забот для путешественников и особенно купеческих караванов представляли набеги всевозможных разбойных людей с целью ограбления. Так, одно из первых упоминаний о Макарьевской ярмарке принадлежит Корнелию де-Бруину, путешествующему в 1707 году в этих местах, и связано с рассказом о нападении разбойников на проезжавшего по Волге губернатора. Опасность поджидала торговые караваны, как на воде, так и на сухопутных трактах. Караванам, идущим от Москвы, приходилось проходить Муромскими лесами. Муромские леса выходили к Оке, за Окой начинались Соловирские леса. С юга и юго-запада караваны проходили через Брынские леса. С севера подступали Керженские и Чернораменские леса. Самое страшное место на Волге, отмечает чиновник особых поручений при нижегородском губернаторе А.П. Мельников, были Жигули на Самарской луке, здесь и на-

¹ Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817 – 1917). – Нижний Новгород: Изд-во АО «НКЦП», 1993. С. 30.

² См.: Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской. – М., 1833. С. 22.

³ Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. IV. № 1801 (далее: ПСЗ-1).

⁴ № 6583 // ПСЗ-1. Т. IX. С. 343.

ходилось коренное гнездо «воровских казаков», жестокость которых наводила ужас на все Поволжье.¹ Местные воинские команды не в силах были навести порядок. Насколько многочисленны и опасны были шайки разбойников, свидетельствует ордер Оренбургского губернатора князя А.А. Путятина от 10 августа 1768 г. за № 1374. Атаману Могутову предписывалось, для поимки появившихся в Симбирской губернии разбойников, командировать 50 самарских и алексеевских казаков, в добавок к командированным 100 ставропольским калмыкам. В ордере отмечалось: «В Симбирском батальоне на лицо не только достаточно, но и малого числа посылать некого, да и у тех де через пеших солдат, а особливо через таких, кои за старостью и ранами от полевой службы в тамошние батальоны определяются, во искоренение сих злодеев мало бывают».²

В последующие годы аналогичные отряды казаков неоднократно посылались в Самару и Симбирск. Ярким тому свидетельством являются воспоминания крестьян описывающих в своих мемуарах рассматриваемую нами территорию первой половины XIX века. «Приходилось еще ведаться с разбойниками, которые властвовали в тех местах поистине беспрепятственно. Например, по эту сторону Волги, близ села Собакина (Симбирской губернии), грабил и разбойничал (в 1816 г.) отставной солдат Безрукий со своими удалыми товарищами». На обращение одного из потерпевших к сельским властям, последние отвечали: «Эх, любезный, эти разбойники ограбили не тебя одного, а многих лиц, и не на столько. Мы тебе не можем оказать никакой помощи: ведь они теперь, может быть, гуляют уже по пензенской столбовой дороге. Ступай себе с Богом»³. «На той стороне Волги, по Общему Сырту (водораздел рек бассейнов Волги и Урала), где пролегают дороги в Оренбург и Уральск, разбойничал борской казак Иван Григорьев Мельников с товарищами. Этот разбойник был страшен для всех проезжающих; о нём и его подвигах ходили в народе разные рассказы, в которых был перемешивалась с небылицею».⁴

Ещё боле сложны и опасны были торговые пути, идущие из Сибири, Урала, с низового Поволжья. Так, например, путь только от Тобольска до Нижнего, по Сибирскому тракту, пишет А.П. Мельников, разными направлениями, «считался протяжением от двух с половиной до трех с лишком тысяч верст».⁵ Большая часть этого пути охранялась пикетами Сибирского казачьего войска. Ближе к Нижнему Новгороду, в Казанской губернии, безопасность на Великом Сибирском тракте и на дорогах ведущих к ярмарке обеспечивала команда оренбургских казаков, специально созданная «для охраны путей сообщения от разбойников и грабителей». Основываясь на данных войскового архива, предполагаем, что эта команда впервые была сформирована в 1834 году в составе одного офицера, двух урядников и 60 казаков и командирована к 20 мая, на 6 месяцев в Казанскую губернию.⁶ С 1835 года состав отряда был уменьшен на 10 человек, и изменена дата прибытия в Казань

---

¹ Мельников А.П. Указ. соч. С. 48.

² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. – Оренбург, 1907. С. 153 (далее: Материалы по историко-статистическому описанию).

³ См.: Шитов Н.Н. История моей жизни и моих странствий // Русская старина. – 1881. № 5. С. 133-148.

⁴ Там же.

⁵ Мельников А.П. Указ. соч. С. 81.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. X. – Оренбург, 1910. С. 293.

на 3 апреля. Посылка такой специальной команды прослеживается до 1852 года. В начале века пикетную и полицейскую службу в Казанской губернии осуществляли казаки Донского войска. Для этих целей посылались полк¹, штаб которого располагался в Казани. Сотни и отдельные отряды распределялись по городам и селениям губернии. В ноябре 1806 года в связи с начавшейся войной Франции с Пруссией (известная в России как русско-пруско-французская война) полк донских казаков был по высочайшему распоряжению переведен в Москву. В Казань, по приказу оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского от 18 декабря 1806 г. за № 590 и приказу за № 1064 от 22 марта 1807 г. был командирован отряд, состоявший из 200 казаков станицы Нагайбакской и 200 человек Башкирского войска из 11 башкирского кантона.² Основными обязанностями отряда стали конвоирования почты, арестантов и поддержание порядка в губернии.

Не менее опасен был и водный путь с низовий Волги, о чем свидетельствует именной указ Павла I от 20 июня 1797 г. «О мерах для прекращения разбейнических партий по реке Волге»³, данный адмиралтейской коллегии. Согласно нормативному акту, предписывалось построить в Казане 9 легких парусно-гребных судов – гардкоутов, вооруженных каждый пушкой и несколькими фальконетами (небольшие пушки). Эти сторожевые суда два года патрулировали по реке: три судна от Царицына до Астрахани, три от Казани до Царицына и три от Казани вверх по Волге. Указ требовал от команды «стараться истреблять немедленно, буде бы где открывались каковые разбойнические лодки». В 1804 году в Петербург начали поступать сообщения о том, что «около Макарьева, Нижнего Новгорода, Казани и Костромы торговые суда терпят бедствия из-за нападения «разбойников». Для защиты водного торгового пути были добавлены еще три гардкоута. В результате от Казани до Астрахани стали патрулировать уже не девять, а двенадцать военных судов. Гардкоуты крейсировали по Волге и её притокам (Каме, Вятке и др.). В 1824 году гардкоут № 7 (командир Д.И. Трубников) доставил из Ставрополя в Самару императора Александра I.

Несмотря на все эти трудности и на неблагоустроенное водное путешествие, движение по Волге было очень активным. Речные пути сообщений, вообще, являлись более эффективными из-за значительной дешевизны перевозок, позволявший перевозить большие объемы грузов на дальние и близкие расстояния с наименьшими физическими затратами. Водный путь практически не требовал серьезных строительных и ремонтных работ, и перевозки осуществлялись по уже готовым путям сообщений. Большинство рек Европейской России были свободны ото льда 6–8 месяцев. Так, на Волге навигация начиналась в апреле, когда от Астрахани отходил так называемый «вешний гребной караван» с рывным грузом. Он делал 20-30 вёрст в день и в конце июня появлялся в Макарьево.⁴

Оренбургскими казаками, для обеспечения безопасности торговых путей веду-

---

¹ В 1803 г. численность полка составляла 560 чел. Командир – полковник Чернозубов 4-й. – См.: Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург, 1900. С. 56.

² Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. VIII. – Оренбург, 1907. С. 97.

³ № 18.008 // ПСЗ-I. Т. XXIV. С. 669.

⁴ *Дмитриева Е.В.* История Астрахани // URL: <http://dip-ref.ru/referat/1825.htm> (дата обращения: 21.02.2014).

ших на ярмарку, в пределах территории Войска, содержались пикеты на сибирском, самарском, уфимском трактах. Историк и краевед А.П. Мельников, отмечает, что большой арзамасский тракт и другие, ведущие к ярмарке тракты, охранялись казачьими пикетами.¹ В «Отечественных записках» за 1820 год П. Свиньин описывает торговый путь, по которому шли купеческие обозы. «Для безопасности караванов и обозов, тянувшихся на ярмарку и обратно, учреждена по дорогам цепь казачьих пикетов, через каждые три, четыре версты, с таким расчётом, чтобы они могли подавать друг другу сигналы. Ночью обязаны они объезжать всякий свою дистанцию верхом. Для обвещения же о какой-нибудь опасности в сие время, при каждом из пикетов сделаны длинные столбы, обернутые соломой, которые можно в минуту зажечь и получить помощь от других пикетов; но, благодаря Бога, до этого ещё не доходило – у нас достаточно сей меры осторожности, чтобы везде было смирно и покойно, а несколько огромных дубин, выставленных в сошках перед пикетами, – чтобы устрашать плутов и разбойников. Кроме двух или трёх казаков, при каждом пикете находится по одному или два крестьянина, наряженных земскою полицией из близ лежащих селений».²

В конце XVIII века поток купцов на ежегодные торги Макарьевской ярмарки значительно возрос. Увеличение торгующих требовало лучшей охраны порядка. В Именном указе императора Александра I от 24 февраля 1805 г., данном нижегородскому гражданскому губернатору, речь шла о построении гостиного двора, о мерах безопасности от пожара, и об «отряжении ежегодно казачьей команды для обеспечения идущих на ярмарку караванов».³ В указе говорилось, что для обеспечения безопасности идущих на ярмарку караванов, Министру военных сухопутных сил дано повеление отряжать ежегодно в губернию, на время ярмарки, достаточную казачью команду для содержания пикетов в местах менее населенных и наиболее опасных, подверженных разбойным нападениям. Казачья команда должна была приходить на ярмарку в конце месяца мая и оставаться до сентября.

С 1805 года на ярмарку стали командировать казаков. Лейб-медик его императорского величества Г. Реман, посетивший проездом в Китай в 1805 году Нижегородскую ярмарку, отмечал: «Для оказания помощи полиции в случае нужды, посылается в Макарьев из губернского города рота тамошнего гарнизона. С нескольких лет цепь из калмыков так же протягивается по всей внешней линии ярмарки. Сия цепь состоит из 500 человек, располагающаяся весьма тесно своими кибитками. Такой род стражи или конной полиции, составленный из кочевых жандармов, весьма приличен, пестроте, отличающей сию ярмарку. Эти люди малорослые, смуглые, неопрятные, как бы вылитые все в одну монгольскую форму с саблей и нагайкою в руках и парой пистолетов за поясом, наподобие казаков служат превосходной стражей; они так же и торгуют. Их гауптвахта есть лавка, в которой можно покупать конские кожи, сыр из кобыльего молока, табак и отменной доброты войлоки, весьма плотные и белые. Взамен они берут полотно, нитки, хлебное вино, ста-

---

¹ Мельников А.П. Указ. соч. С. 46.

² Свиньин П. Поездка на Нижегородскую ярмарку // Отечественные записки Павла Свиньина. – 1820. № 7.

³ ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21.635.

рое платье, а особенно много старых пуговиц всякого рода, разные безделки для украшения своих жен и т.п.»¹

Макарьевская ярмарка в конце XVIII – начале XIX вв. являлась крупнейшей в России и в Европе. По своим оборотам она превышала вторую по значимости ярмарку России – Ирбитскую ярмарку на 20–25%. Лейпцигская ярмарка по своим оборотам в это время уступала Макарьевской ярмарке.² У Макарьевского монастыря ярмарка просуществовала до 1816 года, когда 18 августа сильнейший пожар уничтожил практически все торговые строения. По «Высочайше утвержденному положению Комитета Министров, объявленному Сенату Министром внутренних дел» от 15 февраля 1817 г. Макарьевская ярмарка была переведена в Нижний Новгород, и уже летом 1817 года там проводилась торговля во временных «балаганах».³ Официально за ярмаркой сохранялось прежнее название, затем она стала называться Нижегородская ярмарка. Начиная с 1817 по 1823 гг. в Нижнем Новгороде, под руководством известного инженера, председателя столичного комитета строений генерала Августина Августиновича Бетанкура интенсивно велось строительство ярмарочных сооружений. Торжественное открытие, теперь уже Нижегородской ярмарки, отмечается в документах областного архива, состоялось в ночь с 14 на 15 июля 1822 года под пушечную пальбу с судов и при огромном стечении народа.⁴

Первая четверть XIX века ознаменовалась существенными изменениями в организации государственного аппарата, вооруженных сил, правоохранительной системы. С созданием МВД впервые был организован единый орган управления, объединивший полицию империи в общегосударственном масштабе. В 1811 году появляются нормативные акты положившие начало существованию внутренней стражи. Императорским указом от 16 января 1811 г. предназначено было губернские роты и штатные команды, внутреннюю губернскую стражу составляющие, привести в лучшее устройство.⁵ В июле 1811 года «Положение для внутренней стражи» было принято и утверждено. Одной из важнейших функций стражи с момента её создания стало обеспечение тишины и спокойствия в империи. Эта задача исполнялась во всем многообразии её деятельности, будь то несение караульной службы, «поимка воров, преследование и истребление разбойников, рассеяние запрещённых законом скопищ; усмирение неповиновений и буйств», или охрана порядка на ярмарках и праздниках. Таким образом, внутренняя стража представляла собой военную силу, наделенную полицейскими функциями. Начавшуюся реформу прервала Отечественная война 1812 года. В 1816-1817 гг. процесс создания внутренней стражи продолжился. В 1817 году был учреждён корпус внутренней стражи, который в административном отношении, а также в вопросах финансирования подчинялся военному министерству. Пункт 9 § 15 Положения для внутренней стражи

---

¹ Реман Г. Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного Путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. – СПб., 1822. № 8-9.

² Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка. Исторический очерк. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. С. 4.

³ ПСЗ–I. Т. XXXIV. № 26677.

⁴ См.: Государственная архивная служба Нижегородской области // URL: <http://archiv.nnov.ru/?id=2222> (дата обращения: 13.01.2014).

⁵ ПСЗ–I. Т. XXXI. № 24486.

1817 г., непосредственно возлагал обязанности охранение порядка на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах на внутреннюю стражу.¹

Подразделения стражи, расквартированные в губерниях (гарнизонные батальоны и уездные воинские команды), в оперативном отношении подчинялись губернаторам и уездным исправникам. МВД получило право «наблюдать» за правильностью несения службы воинскими частями корпуса внутренней стражи, расквартированными в губернии. МВД и губернаторы получили так же право привлекать к мероприятиям по охране общественного порядка войска, в том числе и казачьи, и сверх тех частей корпуса внутренней стражи, которые уже находились в их оперативном подчинении. Закон предоставлял право министру внутренних дел не только обращаться с такого рода просьбами к военному ведомству, но и право отдавать приказы непосредственно командирам воинских частей, расквартированных в губерниях.²

На практике этот непростой механизм можно проиллюстрировать следующим примером. Шестого января 1839 года за № 37 военный министр граф Чернышов, сообщил оренбургскому военному губернатору генерал-адъютанту Перовскому, что высочайше повелено вменить в обязанность оренбургским казакам и калмыцким войскам в Симбирской губернии расположенным, чтобы они, по требованию симбирского гражданского губернатора, наряжали от себя команды, для содействия в нужных случаях местной полиции.

Распоряжение это было вызвано докладом министра внутренних дел статс-секретаря Блудова, «что в городах Симбирской губернии, и в особенности в Самаре и Сызрани, с некоторого времени обнаруживаются значительные замешательства и воровства, что торговые сношения и положения некоторых уездов по рекам Волге, Самаре и Суре чрезвычайно способствуют укрывательству бродяг и беглых людей и что принимаемые со стороны местной полиции меры по ограниченности способов, оказываются недействительными и просьбой – нарядить казаков для поимки дезертиров, бродяг, беспаспортных по требованию симбирского губернатора».³

Отмеченные нормативные акты явились правовой основой привлечения казаков Оренбургского войска к внешней военно-полицейской службе. С 1817 года начинается регулярная служба оренбургских казаков по обеспечению «тишины и спокойствия» на Нижегородской ярмарке. По приказу оренбургского военного губернатора князя Г.С. Волконского в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку были командированы казаки под начальством есаула Михайлова. Отряд был сформирован из казаков четвертого и пятого кантонов⁴, в составе 9-ти офицеров, 12-ти урядников, 300 станичных казаков и одного казака Оренбургского казачьего полка. Местом сбора отряда стал город Самара. Из своих станиц к месту сбора казаки добирались самостоятельно.

---

¹ ПСЗ-I. Т. XXXI. № 24704.

² См.: История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998. С. 20; Внутренняя и конвойная стража России 1811-1917. Документы и материалы / Под общей ред. В.Ф. Некрасова. – М., 2002. С. 21.

³ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. X. – Оренбург, 1910. С. 3-4.

⁴ Центр 4 кантона – Оренбург, входили: г. Бузулук, станицы Тоцкая, Ольшанская, Бердская и др. Центр 5 кантона – станица Самарская, входили: Алексеевская, Борская, Мочинская и др. станицы.

После осмотра экипировки, 10-го мая команда, на верховых лошадях, имея при себе ещё 138 выучных лошадей, выступила из Самары и прибыла в Нижний Новгород 13 июня. Маршрут следования был разработан заранее, утвержден войсковым атаманом и пролегал по правому берегу р. Волги через города Ардатов Симбирской губернии, Свияжск Казанской губернии. За 32 дня марша, команда должна была совершить 23 перехода и преодолеть расстояние в 522 версты.

В Нижнем Новгороде отряд поступил в подчинение нижегородскому губернатору. Казаки разделялись на две равные части, одна из которых, в составе 4 офицеров, 5 урядников и 151 казака была направлена в распоряжение уездных земских исправников. Команда эта содержала пикеты в Арзамасском, Княгининском, Макарьевском, Васильсурском, Нижегородском, Горбатовском, Семеновском и Балахнинском уездах. В обязанности казаков входило содержать караулы по дорогам, охранять купеческие обозы и всех проезжающих на ярмарку и обратно от разбойников и грабителей, задерживать нищих и бродяг, беспаспортных и дезертиров, во множестве сходившихся в Нижний ежегодно с начала навигации на Волге и Оке и, особенно, к началу ярмарки; задержанные доставлялись в уездные земские суды. Оставшиеся 5 офицеров, 7 урядников и 150 казаков располагались за рекой Окой в ближайших деревнях и несли патрульную и постовую службу непосредственно на ярмарке. По окончании ярмарки, 28 августа, отряд выступил из Нижнего и прибыл в Самару 19 сентября. Из Самары казаки были распущены по станицам. Все последующие годы, примерно таков был порядок расстановки казаков и несения ими службы на ярмарке.

В конце сентября 1817 года в приказе Оренбургского военного губернатора генерал-лейтенанта П.К. Эссена по Оренбургскому корпусу за № 78 объявлялось: «командированные из Оренбургского казачьего войска на Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород три сотни, под командой есаула Михайлова, для наблюдения за порядком, тишиною и спокойствием по части полиции, по окончании той ярмарки ныне возвратились обратно в свое место. А тамошний гражданский губернатор, действительный статский советник Быховец в отношении ко мне свидетельствует, что есаул Михайлов со вверенной ему командою, во все время нахождения там отправлял службу с ревностью и расторопностью какая только требовалась от чиновника военной полиции, преисполненного честности и отличного поведения. Я за свидетельствование таковое приемля с удовольствием отдаю мою благодарность есаулу Михайлову и прочим чиновникам, всей команде бывшим за исправное отправление службы с похвалою приличного воинскому званию. О чем по вверенному мне корпусу даю знать».¹ В следующем – 1818 году 10 офицеров, 26 урядников и 286 казаков, несших полицейскую службу на ярмарке под начальством есаула Пастухова, получили благодарность в приказе по Оренбургскому корпусу за № 94.² Всего, с 1817 по 1839 гг., на ярмарку в Нижний Новгород было послано из казачьего войска 23 трёхсотенных отряда, командировано 7 401 казаков.

До 1864 года Нижегородская ярмарка находилась в государственном управлении. Всеми её делами заведовала образованная в 1804 году контора строения яр-

---

¹ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. VIII. С. 251.

² Там же. С. 284.

марочного гостиного двора. С 1833 года она стала называться Нижегородской ярмарочной конторой. В обязанности Ярмарочной конторы входили разнообразные обязанности, в том числе и, наблюдение за порядком во время торговли.¹ Во главе управления ярмаркой стоял нижегородский губернатор, который ежегодно на всё время торговли переезжал в «Главный дом», который вместе с гостиным двором составляли ядро, административный центр ярмарки. Кроме губернатора, здесь же находился штаб-офицер корпуса жандармов, с середины 20-х гг. XIX века исполнявший должность коменданта ярмарки. В боковых административных корпусах главного дома помещались: полиция, словесный суд, квартира полицмейстера, контора коммерческого банка и другие учреждения.

В административном отношении внутренняя часть ярмарки разделялась на кварталы, делами которых ведали надзиратели. Кварталы, в свою очередь, делились на торговые ряды, во главе которых были назначены рядские старосты из торгующих, которые следили за чистотой и соблюдением порядка, а также они должны были собирать и подавать сведения квартальному надзирателю о количестве привезённых и проданных товаров в своей торговой линии. Известный французский путешественник и литератор маркиз де Кюстин, посетивший ярмарку в 1839 году, отмечал, что внутренняя часть ярмарки резко отличается от её предместий. «Здесь внутри все чинно, спокойно, тихо, здесь царит безлюдье, порядок, полиция – словом, здесь Россия!... тихий оазис, охраняемый казаками, похожими в часы дежурств на немых стражей серала.»² Полиции на ярмарке, было мало, отмечает А.П. Мельников, «но зато на каждом перекрестке можно было видеть уральского казака, с звероподобной, калмыцкой загорелой физиономией, с винтовкой за плечами и с нагайкой в руке; таких конных и пеших азиатов, охранителей порядка, с претензией на европейский склад, можно было встретить на каждом шагу».³

Военно-полицейская служба казаков на ярмарке была хотя и не столь опасна и беспокойна, как на Оренбургской пограничной линии, но также достаточно обременительна, поскольку на летние месяцы отрывала их от дома и хозяйства. В целом казаки несли службу добросовестно. Вместе с тем имели место и негативные явления, выразившиеся в том, что казаки, несшие службу на ярмарке, вели себя на ней порой, как в завоеванном городе, о чем очень красочно сообщает П.И. Мельников. Автор повествует, как казаки, пользуясь запретом Нижегородского губернатора на скорую езду по мосту через Оку, соединяющему город с ярмаркой, по поводу и без повода взымали с проезжающих деньги; как они сами себе назначали ярмарочные посты, надеясь побольше собрать незаконных штрафов и взяток. «Вообще, – пишет далее Мельников, – казаки вели себя на ярмарке как в каком-нибудь завоеванном неприятельском городе. По ярмарке, особенно под вечер, нередко раздавались крики: караул! Казаки тотчас же скакали на место происшествия и, как говорят, насколько верно, нередко сами помогали грабить, за что с ними делились грабители, или же, наскакав, отделявали нагайками и грабителей и ограбляемых,

---

¹ Пудалов Б.М. Фонды Нижегородской ярмарки // URL: <http://opentextnn.ru/archives/nn/afnn/gano/dogev/?id=610> (дата обращения: 09.02. 2014).

² Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. – М., 1990. С. 232.

³ Мельников А.П. Указ. соч. С. 127.

а затем и с тех, и с других требовали выкуп».¹ Нижегородский губернатор был вынужден направить в Оренбург представление о необходимости ежегодной замены казачьего караула на ярмарке.

Изложенное выше относится не только к одним казакам. Тот же А.П. Мельников пишет: «Полиция делала свое дело по-своему и набивала карманы, представляя собой не столько хранителей порядка, сколько тоже организованную шайку грабителей».² «Вообще ярмарка с её увеселительными заведениями всегда была, как метко подмечает известный русский поэт и прозаик В.В. Крестовский, путешествовавший по Волге в 1837 году, своего рода Колхидой с её золотым руном, а лица, попечению коих вверялось благоденствие и благочиние, – своего рода аргонавтами, совершавшими ежегодные походы в эту Колхиду. Всякие мероприятия к упорядочению ярмарочного быта давали всегда лишь новое поле деятельности ловким изворотливым аргонавтам».³

Примером попыток бороться со злоупотреблениями со стороны полиции и казаков на ярмарке, служит распоряжение нижегородского военного губернатора генерал-майора А.А. Одинцова от 24 июля 1864 г. «Озабочиваясь сохранением имущества забираемых под стражу за пьянство и другие проступки против общественного благочиния лиц, я строго предписал, чтобы казаки и полицейские чины не обыскивали и не отбирали денег и вещей от арестуемых, но доставляли бы с ними всё на главную гауптвахту и сдавали под расписку находящегося там командированного мною титулярного советника Архангельского, который записывает деньги в книгу, выданную от коменданта, и обязан находиться на гауптвахте при обысках представляемых казаками лиц и жить там в дежурной офицерской комнате...».⁴

В октябре 1827 года Высочайше утвержденным мнением Государственного совета на законодательном уровне были закреплены «Особенные правила о полиции и о пожарной команде на Нижегородской ярмарке».⁵ В документе отмечалось: 1) городская полиция с 1 июля по 1 августа переводится на ярмарку; 2) переводится и присоединяется к полиции городской словестный суд; 3) прикомандированный на ярмарку отряд Оренбургских казаков, по усмотрению начальника губернии, подчиняется полицмейстеру; 4) распределение на ярмарке временных кварталов и распределение по ним чиновников полиции возлагается на полицмейстера; 5) в линиях лавок, для соблюдения порядка и чистоты назначаются старосты.

В рассматриваемый период происходит дальнейшее развитие и совершенствование правоохранительной системы. Учреждается внутренняя стража в Грузии и Сибири. В феврале 1817 года указом Александра I учреждался институт жандармов внутренней стражи. Причина создания жандармских команд внутренней стражи объяснена в нормативном акте: «Неудобство зависимости от Гражданского ведомства воинских команд, имеющих одинаковую с внутренней стражей обязанность

---

¹ Мельников А.П. Указ. соч. С. 80.

² Мельников А.П. Указ. соч. С. 131.

³ Там же. С. 141.

⁴ Нижегородский ярмарочный листок. – 1864, 24 июля. № 2.

⁵ № 1471 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1827. Т. II. С. 906-907 (далее: ПСЗ-II).

службы, само по себе доказательно».¹ Указом от 28 апреля 1827 г. была создана новая жандармская организация – Корпус жандармов. Вся территория Европейской России делилась на пять жандармских округов. Оренбургская губерния вошла в состав второго отдела пятого округа. Оренбургское губернское правление своим распоряжением сообщило канцелярии Оренбургского казачьего войска, чтобы все законные требования начальника жандармского округа подполковника Маслова «исполнялись в точности и неупустительном времени». Руководство жандармского корпуса нередко привлекало для проведения оперативных мероприятий казачьи команды и полки.

Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XIX в., отмечает В.В. Романов, начальники жандармских отделений и штаб-офицеры в губерниях стали привлекаться для исполнения должности временных комендантов ярмарок.² Вместе с офицером, на ярмарку командировалась команда нижних чинов Корпуса жандармов. МВД предписало всем начальникам губерний: городской и земской полиции удовлетворять законные требования штаб-офицеров командированных временными комендантами на ярмарки, без малейшего промедления и оказывать содействие в возложенных на них особой инструкцией обязанностях.³

Именным указом от 20 июня 1839 г., объявленным командиру Оренбургского корпуса, высочайше повелевалось: командировать впредь на ярмарку от Оренбургского казачьего войска вместо трёхсотенного отряда, целый полк из 571 человека.⁴ В нормативном акте отмечалось, что 300 человек должны нести службу на ярмарке, а остальные в уездах. В 1840 году на очередную службу в Нижний Новгород был назначен полк № 14 под начальством есаула Шрейдера в составе 19 офицеров, 20 урядников и 571 казака. Местом сбора полка стала станица Чебаркульская. Из станицы полк выступил 23 апреля, имея 609 строевых и 305 вьючных лошадей и 40 повозок. В Нижний Новгород полк прибыл 7 июля. Как и в прошлые годы, одна часть полка несла службу на ярмарке, другая была распределена по 8 уездам. После окончания работы ярмарки, полк 11 сентября выступил в обратный путь и прибыл Чебаркульскую 23 ноября, где и был распущен. Следовавший в Нижний Новгород в 1841 году полк № 15 принял 17 июня активное участие в тушении пожара в г. Свяжске. За что было объявлено Высочайшее Благоволение – монаршая награда в объявленном высочайшем приказе командиру полка есаулу Сычугову, зауряд-есаулу Шантарину и зауряд-хорунжим Завьялову и Фалькову (приказ по войску № 150).⁵

Участвовали казаки и в «усмирении неповиновений и буйств». Начальник 4-х сотенного полка, командированного на ярмарку в Нижний Новгород в 1856 году, есаул Сысоев, рапортом от 27 июля доложил оренбургскому и самарскому генерал-губернатору графу В.А. Перовскому, что по предписанию нижегородского военного губернатора от 23 июня за № 6855, были командированы 1 офицер, 3 урядника и

---

¹ ПСЗ-I. Т. XXXIV. № 26650.

² Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях ярмарок в 1825-1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. № 1. С. 103.

³ Там же. С. 108.

⁴ № 12449 // ПСЗ-II. Т. XIV. С. 563.

⁵ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. X. С. 670.

50 казаков, «для приведения в повиновение крестьян Нижегородской губернии, Сергачского уезда, деревни Сурково, вотчины г. Рахманова». Крестьяне упорно уклонялись от повиновения помещичьей власти. 26 июля Сысоев рапортовал, что полусотня возвратилась в полк. Команда днем и ночью совершала разъезды по окрестным лесам для отыскания «разбежавшихся более 80 домохозяев»; из них 30 человек пойманы казаками. Крестьяне были приведены в повиновение.¹

«Отлично-усердная и ревностная служба» казаков, а также содержание ими караулов и постов на ярмарке, неоднократно отмечались в приказах по оренбургскому корпусу и казачьему войску. Например, за отлично-усердную службу чинов четырёхсотенного отряда на Нижегородской ярмарке в 1857 году пожалованы денежные награды из ярмарочных доходов Нижегородской ярмарки: двум есаулам – 123 руб., четырём сотникам единовременно годовое жалованье по казачьим окладам – по 88 руб. 80 коп. серебром и одному хорунжему – 71 руб. 55 коп., а также денежные награды урядникам и казакам.² В мае 1859 года, приказом по Отдельному Оренбургскому корпусу, обер-офицерам и казакам, бывшим на службе в 1858 году на Нижегородской ярмарке, вручены различные награды по представлению Нижегородского военного губернатора, в частности – казаку Леонтию Плешкову три рубля серебром и звание урядника.³ В приказе за № 258 – за отличное благоустройство, чистоту и порядок в Нижнем Новгороде и на ярмарке, во время Высочайшего там пребывания, офицерам объявлено Монаршее благоволение, а нижним чинам пожаловано по 25 коп. серебром на человека.⁴ В военном сборнике сообщается о подвиге казака Кокшарова, который в 1861 году в лесах Нижегородской губернии захватил один «шайку разбойников из пятерых человек, несмотря на то, что, защищаясь, они успели нанести ему тяжелые раны».⁵

Приказом Военного министра от 2 декабря 1866 г. исполнение полицейской службы на Нижегородской ярмарке возлагалось на казаков войска Донского. В документе отмечалось: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: 1. Исполнение полицейской службы на Нижегородской ярмарке возложить на Донское войско и посылать для этой цели ежегодно в Нижний Новгород дивизион от лейб-гвардии сводного казачьего полка, идущий со льготы на службу, направляя его с Дона с таким расчётом во времени, чтобы он прибывал в Нижний 5 июля.

2. Сборным пунктом упомянутого дивизиона назначить, вместо Казанской станции, Урюпинскую... дивизион направлялся, кратчайшим путём и при посредстве железных дорог, на Козлов, Рязань и Москву, в Нижний Новгород. По окончании ярмарки отправлять дивизион в С-Петербург по железным дорогам».⁶

В последующие годы, помимо казаков, в помощь местной полиции на ярмарку ежегодно командировались команды из московской и петербургской полиции, от местных войск – батальон пехоты. Имелась конно-полицейская стража, создана

---

¹ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. XII. С. 389.

² Там же. С. 525.

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 95. Л. 76.

⁴ Материалы по историко-статистическому описанию. Вып. XII. С. 526.

⁵ Оренбургское казачье войско (военный сборник). – Оренбург, 1874. С. 114.

⁶ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам (с 1 января 1866 г. по 1 января 1867 г.). – СПб., 1870. Т. II. С. 148.

была и речная полиция. В 80-е гг. XIX века в составе полицейской охраны ярмарки была организована отдельно от города ярмарочная полиция. Полицейские функции выполнял также ярмарочный врачебно-полицейский комитет. В его ведении находились больничные, санитарные, врачебно-полицейские и судебно-полицейские вопросы.

Оренбургские казаки приняли участие в обеспечении порядка на ярмарке и в эти годы. Так, 23 апреля 1882 года из сотен Оренбургского казачьего войска, принимавших участие в Ахал-Текинской экспедиции, был сформирован Оренбургский казачий полк № 5. В июле месяце 1882 года полк включили в состав тринадцатой кавалерийской дивизии¹ и расквартировали в Нижнем Новгороде. В июле 1885 года полк поменял нумерацию и стал называться Оренбургским № 2 полком. В этом полку служили казаки 1-го Военного отдела ОКВ, из станиц: Кардаиловской, Краснохолмской, Городищенской, Буранной, Богуславской, Татищевской и некоторых других. В течение пяти лет полк, находясь в Нижнем, обеспечивал безопасность горожан и порядок на проводимых ярмарках. В 1888 г. полк перевели в Варшаву.

В начале XX века в период революционных событий служба безопасности ярмарки была увеличена. «В виду переживавшегося времени, – пишет В.П. Мельников, – средства охраны наружного порядка на ярмарке были усилены. Кроме небольших кадров от московской и петроградской полиции, обычно командированного сводного батальона, на ярмарке, как и в 1905 году, находилась сотня казаков 23-го Донского полка».² Корреспондент газеты «Русское слово» 14 августа 1907 г. сообщал из Нижнего Новгорода: «Сегодня в дополнение к существующей на ярмарке охране прибыл еще отряд петербургской полиции. Ярмарку охраняют: временные и постоянные кадры собственной полиции, сводный батальон войск, конно-полицейская стража, казаки, драгуны, петербургская и московская полиция. Много охраны в банках, в Главном доме. Знаменитый Азиатский переулочек с его трущобами проституток охраняется особенно строго – ходят вооруженные солдаты, дежурят драгуны. Ночью на улицах постоянные конные разъезды».³

Последним годом ярмарки стал 1916-й. Нижегородская ярмарка не дожидаясь своего столетия всего один год. Революция уничтожила ярмарку, которая к этому времени утратила какое-либо экономическое значение.

Таким образом, практически сто лет казаки Оренбургского и Донского казачьих войск несли полицейскую службу на Нижегородской ярмарке. По нашему мнению, полувековая деятельность казаков Оренбургского войска по обеспечению порядка на ярмарке и обеспечению безопасности ведущих к ней торговых путей, свидетельствует об эффективности использования казаков как универсальной военно-полицейской силы. В отличие от иных субъектов формируемой, реформируемой охранительной системы, казаков отличала высокая степень мобильности, воинской корпоративности, боевой и мобилизационной готовности, владение тактикой нерегулярного боя. Будучи составной частью силовых структур, относящихся к охранительной системе государства, казаки совместно с полицией, воинскими фор-

---

¹ Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров главного штаба за время с 1 января 1861 г. по 1 октября 1882 г. – СПб., 1883. № 260.

² Мельников А.П. Указ. соч. С. 281.

³ С Нижегородской ярмарки // Русское слово. – 1907. 14 августа (1 августа).

мированиями достойно справились с задачей обеспечения «тишины и спокойствия» на Нижегородской ярмарке.

Источники и использованная литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1830-1881.
3. *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка. Исторический очерк. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991.
4. Внутренняя и конвойная стража России 1811-1917. Документы и материалы / Под общей ред. В.Ф. Некрасова. – М., 2002.
5. Государственная архивная служба Нижегородской области // URL: <http://archiv.nnov.ru/?id=2222>.
6. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 95. Л. 76.
7. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам (с 1 января 1866 г. по 1 января 1867 г.). – СПб., 1870. Т. II.
8. Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров главного штаба за время с 1 января 1861 г. по 1 октября 1882 г. – СПб., 1883.
9. *Дмитриева Е.В.* История Астрахани // URL: <http://dip-ref.ru/referat/1825.htm>.
10. История казачества Азиатской России. В 3-х тт. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
11. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицина. – М., 1998.
12. *Маркиз де Кюстин.* Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990.
13. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. I–XII. – Оренбург, 1903-1915.
14. *Мельников А.П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817 – 1917). – Нижний Новгород: Изд-во АО «НКЦП», 1993.
15. Нижегородский ярмарочный листок. – 1864, 24 июля. № 2.
16. Оренбургское казачье войско (военный сборник). – Оренбург, 1874.
17. Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской. – М., 1833.
18. *Пудалов Б.М.* Фонды Нижегородской ярмарки // URL: <http://opentextnn.ru/archives/nn/afnn/gano/dorev/?id=610>.
19. *Реман Г.* Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного Путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. – СПб., 1822. № 8-9.
20. *Романов В.В.* Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях ярмарок в 1825-1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. № 1.
21. *Свиньин П.* Поездка на Нижегородскую ярмарку // Отечественные записки Павла Свиньина. – 1820. № 7.
22. С Нижегородской ярмарки // Русское слово. – 1907. 14 августа (1 августа).
23. Столетие Военного министерства. 1802-1902. – СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1-3.
24. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1900.
25. *Шунов Н.Н.* История моей жизни и моих странствий // Русская старина. – 1881. № 5.

Shadrin V.M.

Participation of Orenburg Cossacks in ensuring of security at Nizhny Novgorod fair

The whole history of Nizhny Novgorod (Macarius) fair closely connected with history of formation and development of a protective system of state and to a large extent with one of the elements of this system – the Cossacks of the Urals, along with the police, gendarmerie and domestic custody adequately ensured in the first half of 19th century «peace and quiet» at the fair. Semicentennial activity of Cossacks of the Orenburg troops on ensuring of order at the fair and the security of trade routes going to a fair, indicates the effectiveness of using the Cossacks as a universal military-police forces.

Keywords: Nizhny Novgorod fair, security system, Orenburg Cossacks, trade routes, security.

КОНВЕНЦИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В данной статье автором анализируются конвенциональные торговые соглашения, заключенные в конце XIX – начале XX веков Российской империей со своими торговыми партнерами. Выявляются причины и последствия таможенной «войны» с Германией 1891-1893 гг. и роль таможенной политики в экономическом развитии государства.

Ключевые слова: конвенции, торговые договоры, торговые преференции, режим наибольшего благоприятствования.

Таможенные ограничения, введенные против нашего государства со стороны стран Европейского союза, введение ответных мер в виде продуктового эмбарго, как никогда делают востребованным изучение отечественного опыта таможенной политики, особенно в конце XIX – начале XX веков. Особый интерес приобретает исследование практики конвенциональных торговых соглашений, которые активно стали заключаться Россией в последнее десятилетие XIX века, а также опыта русско-германской таможенной войны 1893–1894 гг. Опора на отечественный опыт, традиции и их критическое осмысление может помочь выработать принципы современной таможенной политики России, сформировать общественное мнение по данной болезненной проблеме, дать новое направление при формировании таможенных тарифов.

Торговые отношения Российской империи с иностранными государствами всегда оформлялись в форме конвенций, торговых договоров или соглашений о торговле и мореплавании. До 1893 года содержание этих конвенциональных соглашений сводилось главным образом к режиму наибольшего благоприятствования и равноправию договаривающихся сторон. В соответствии с этими договорами иностранные граждане обладали на территории Российской империи правами свободного поселения, торгово-промышленной деятельности, пользовались судебной защитой, облагались налогами и платили таможенные пошлины. В том случае если одна из сторон договора предоставляла дополнительные преференции третьей стороне, они автоматически должны были быть распространены и на другого участника договора. Так ст. 11-я Трактата о торговле и мореплавании, заключенного между Россией и США, прямо указывала: «если одна из договаривающихся сторон предоставит впоследствии другим нациям какое-либо по торговле и мореплаванию особенное преимущество, то с того же времени сие же преимущество будет предоставлено и другой стороне, так что она будет пользоваться оным безвозмездно».¹

Финогентова Ольга Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Балтийского федерального университета им.И. Канта (Калининград).

¹ Тракtrat о торговле и мореплавании заключенный между Россией и Соединенными Американскими Штатами // Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными

Статьи подобного содержания были включены и в Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Нидерландами (1 сентября 1846 г.), и в Трактате о торговле, мореплавании и дружбе, заключенный между Россией, Швецией и Норвегией (6 апреля 1838 г.)¹ и т.д. Но, при этом Россия всегда оставляла при подписании договора определенные ограничения, которые позволяли ей защитить себя от претензий со стороны других государств, несмотря на заключенные договоры о наибольшем благоприятствовании. Так в ст. 5 торгового договора, заключенного с Данией, особо указывалось, что не будут считаться нарушением постановлений договора: «1. Льготы, которые представлены ныне и будут впредь представляться одною из договаривающихся сторон соседним державам для облегчения местного торгового обмена в сопредельной полосе в 15 километров. 2. Обязательства, налагаемые на одну из договаривающихся сторон условиями таможенного союза. 3. Льготы по привозу и вывозу, которые ныне предоставлены или могут быть впредь предоставлены Россию жителям Архангельской губернии, а так же северному и восточному побережью Азиатской России (Сибири)».²

11 июня 1891 года в результате Высочайше утвержденного мнения Государственного совета в Российской империи вводился в действие с 1 июля 1891 года «Общий таможенный тариф по европейской торговле».³ Его особенностью было то, что он давал возможность равномерного распределения пошлин по каждому товару, так как между собой были сопоставлены размеры пошлин на сырье, полуфабрикаты и готовые изделия. Принятие нового таможенного тарифа, несомненно, играло важную роль в развитии российской экономики, но, продолжая пользоваться единым таможенным тарифом по отношению ко всем своим внешнеторговым партнерам, Российская империя начала нести значительные финансовые потери и терять свои традиционные внешние рынки. Это было вызвано тем, что к концу XIX века в международных торговых отношениях, особенно среди европейских стран, активно начинают применяться конвенциональные соглашения, в результате которых торговые партнеры применяли в отношении друг друга дифференцированные таможенные тарифы, напрямую зависящие от того, какие условия представляли друг другу договаривавшиеся стороны.

В связи с этим переход к системе конвенциональных торговых договоров стал настоятельной необходимостью для активно развивавшейся российской экономики. Именно поэтому весной 1893 года министр финансов С.Ю. Витте получил право (по согласованию с министром иностранных дел и с санкции Государя императора) повышения тарифных ставок для тех стран, которые не предоставляли условий наибольшего благоприятствования в торговле для российского экспорта, в особенности в важнейшей его статье – хлебном экспорте. «Государственный совет со-

---

державами / С введением и примечаниями проф. В.Н. Александренко. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906. С. 158.

¹ Там же С. 161 – 165.

² № 11420. Высочайше ратифицированный договор о торговом мореплавании между Россией и Данией // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1899. Т. XV. С. 118 (далее: ПСЗРИ-3).

³ № 7811. Об общем таможенном тарифе по европейской торговле // ПСЗРИ-3. – СПб., 1894. Т. XI. С. 381.

гласился на моё предложение, рассчитывая, что закон останется на бумаге»¹, – вспоминал впоследствии С.Ю. Витте.

Впервые принцип дифференцированного тарифа был применён в заключенном в 1893 году договоре с Францией, которая предоставила России минимальные тарифы по ввозу сырой нефти, нефтяных и минеральных масел, а для 52 статей французских товаров русские таможенные ставки были понижены на 10-25%.² Поскольку Россия стремилась к заключению конвенционных соглашений с другими странами, министерство финансов рассчитывало, что предоставленные Франции уступки, могут лечь в основу других торговых договоров, в связи с чем принимается решение о том, что условия французского тарифного соглашения будут применяться и к другим европейским государствам, за исключением: Германии, Австро-Венгрии и Португалии.

15 октября 1893 года заключается конвенционный договор с Сербией, по которому Россия снижала на 45 % свои тарифные ставки на чернослив, получив взамен аналогичное снижение пошлин на сушеную рыбу и минеральные очищенные и полуочищенные масла.³ В 1895 году, несмотря на установленные в 1893 году ограничения, заключается конвенционный договор с Португалией, по которому Россия снизила на 20% пошлины на пробку в сыром виде и в изделиях, а Португалия предоставила значительные уступки по 15 статьям тарифа для главных предметов российского импорта⁴. Помимо этого в заключенном договоре указывалось, что в отношении тех товаров, которые больше всего интересуют договаривающиеся стороны, устанавливается минимальная тарифная ставка. В 1895 году был заменен договор с Данией, существовавший с 1782 года, который предоставил обеим договаривающимся сторонам режим наибольшего благоприятствования «во всем, что касается торговли и мореплавания».⁵ Заключенная 14 июля 1897 года Торговая конвенция с Княжеством Болгарским, снижала для тарифные ставки на такие болгарские продукты как: сушеное мясо, яйца и не измельченную дубильную кору, а розовое масло вообще освобождалось от уплаты пошлин. Взамен для русских товаров предоставлялся режим наибольшего благоприятствования.

Из неевропейских государств режим наибольшего благоприятствования был предоставлен США и Перу.⁶ Таким образом, конвенционным тарифом могли пользоваться те государства, которые предоставляли России режим наибольшего бла-

---

¹ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. – М.: Изд-во социально-экономической лит-ы, 1960. Т. 1. С. 230.

² № 9805. Высочайше ратифицированная торговая конвенция, заключенная между Россией и Францией // ПСЗРИ-3. – СПб., 1897. Т. XIII. С. 466.

³ № 10221. Высочайше ратифицированный торговый договор между Россией и Сербией // ПСЗРИ-3. – СПб., 1897. Т. XIII. С. 703.

⁴ № 12681. Высочайше ратифицированная конвенция с 4 приложениями, заключенная между Россией и Португалией о торговле и мореплавании // ПСЗРИ-3. – СПб., 1899. Т. XVI. Ч. I. С. 226.

⁵ № 11420. Высочайше ратифицированный договор о торговом мореплавании между Россией и Данией // ПСЗРИ-3. – СПб., 1899. Т. XV. С. 116.

⁶ См: Трактат о торговле и мореплавании заключенный между Россией и Соединенными Американскими Штатами // Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами / С введ. и прим. В.Н. Александренко. – Варшава. Тип. Варшав. уч. округа, 1906. С. 158; Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Перуанской республикой // Там же. С. 211.

гоприятствования и минимальный тариф. Всё это свидетельствовало о более гибком подходе к системе таможенного обложения, приспособлению России к изменившейся экономической ситуации и отказе от таможенно-тарифной автономии в интересах международного товарообмена.

С давним торговым партнером России, Германией отношения в этот период складывались сложнее, поскольку к 1891 году Германией были заключены конвенциональные договоры практически со всеми важными для развития её экономики партнерами, что наносило существенные убытки российскому экспорту, в первую очередь хлебному. На сделанное в 1892 году предложение со стороны России зафиксировать тариф и отменить высокие дифференцированные пошлины на такие товары как: хлопчатую бумагу, уголь и железо, Германия ответила отказом, который мотивировала тем, что она должна получить более широкие таможенно-политические уступки, чем Франция, и ввела высокие пошлины на русский хлебный экспорт. В качестве обязательного условия для заключения конвенционного соглашения, Германия выдвинула требование снизить пошлины для её товаров почти по 80-ти статьям русского таможенного тарифа от 40 до 80%. Другим предметом переговоров стал вопрос о снижении пошлин по ряду статей финляндского тарифа. Германия заявила, что, в случае заключения соглашения о русско-финляндском таможенном объединении, она должна будет получить компенсацию.¹ Это требование воспринималось российскими правительственными кругами, как вмешательство во внутреннюю политику империи, и Германии было заявлено, что оно: «не может быть поставлено в зависимость от международных соглашений».²

С.Ю. Витте убеждает императора в том, что «необходимо принять меры против несправедливого отношения некоторых западноевропейских государств к ввозу продуктов русского сельского хозяйства. Русское правительство стремится только к установлению экономического равновесия в международной торговле, и соответственно этому русские максимальные ставки выработаны в точном соответствии с той дифференциальной пошлиной, которой обложены в некоторых государствах важнейшие предметы нашего ввоза».³ 13 июля 1893 года Государственный совет принял закон, по которому минимальные тарифные ставки могли применяться только к тем странам, которые в свою очередь предоставляли России режим наибольшего благоприятствования.⁴ В результате этого германский экспорт в России стал облагаться пошлиной по повышенной ставке, превышающей нормальные на 20-30 %, кроме того был увеличен весовой сбор с судов, прибывающих из Германии, в 20 раз (с 5 копеек до 1 рубля с веса в 2 тонны), а с 1 августа была установлена «боевая пошлина» в виде 50% надбавки к пошлинам с германского ввоза. Эта мера объяснялась «необходимостью заполнить пробел в таможенном законодательстве».⁵ Гер-

---

¹ *Тетерина Е.Е.* Проблема русско-финляндского таможенного объединения, 80-е – 90-е годы XIX века // Правоведение. – 1995. № 3. С. 113-117.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 18. Д. 345. Л. 4 (далее: РГИА).

³ *Слонимский Л.* С.Ю. Витте // URL: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0020.shtml.

⁴ № 9881. О взимании особо повышенных таможенных пошлин // ПСЗРИ-3. – СПб., 1897. Т. XIII. С. 527.

⁵ *Витчевский В.* Торговля, таможенная промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. – СПб., 1909. С. 141-153.

мания ответила подобными же мерами. Между государствами началась таможенная война, продлившаяся до весны 1894 года.¹

Для поддержания хлебных цен и сельского хозяйства правительство, в связи с закрытием крупнейшего рынка сбыта российского хлеба, было вынуждено принять ряд мер. Так, были изданы временные правила о выдаче под залог хлеба займов из банков, арендаторам государственных земель разрешалось вносить арендную плату зерном вместо денег, интендантские службы проводили усиленную закупку ржи, для поощрения вывоза хлеба в Румынию и Австрию устанавливался низкий железнодорожный тариф для хлебных грузов.²

Проблема была разрешена путём заключения Русско-Германского торгового договора 1894 г. По нему уменьшение тарифа, на которое согласилась Германия, касалось русского ввоза в сумме 210 млн. руб. и сокращения таможенных сборов с русских товаров на 6 200 000 руб. Русские уступки относились только к ввозу в 49 млн. руб. и влекли за собой уменьшение таможенного сбора не более чем на 2 600 000 руб.³ Экономические выгоды от этого соглашения правительство усматривало в следующем: упрочение торговых отношений на 10 лет; облегчение торгового оборота и таможенной процедуры; гарантии равного отношения к своим и чужим поданным и, при этом, сохранение особых прав, соответствующих национальным интересам обоих государств. Так, ст. 13, устанавливающая равноправие германского торгового флота с русскими судами, отмечала, что, несмотря на это, иностранцам остается запрещённым не только ближнее, но и дальнейшее каботажное плавание вдоль русских берегов.

Договор давал гарантию долголетнего сбыта русского хлеба в Германию, бывшую самым выгодным из соседних с Россией хлебных рынков, тем более что в указанное время другие импортирующие хлеб государства, такие как Франция и Италия, пошли по пути увеличения хлебных пошлин. В последующие годы между Россией и Германией время от времени возникали небольшие таможенные конфликты, вызванные главным образом желанием русского правительства противодействовать ухудшению торгового баланса путем увеличения таможенного тарифа. В частности, при перетарификации отдельных продуктов вовсе не преследовались фискальные интересы, финансовая политика руководствовалась лишь стремлением затруднить ввоз, т.к. со времени заключения договора он увеличился на 100 млн. руб. Видя в этом угрозу покровительственной политике, правительство путём указанных выше мер пыталось ограничить ввоз.

После 1894 года в области таможенного обложения в России устанавливается некоторая стабильность. Основной задачей таможенного обложения последующего десятилетия становится приспособление уже существовавших таможенных тарифов к определенным потребностям народного хозяйства. Это совершалось путём изъятия тех или иных товаров из сферы высокопошлинного обложения. Изъятия служили главным образом интересам сельского хозяйства и военного ведомства. Так, в 1898 году был разрешён беспошлинный ввоз машин и орудий, которые не

---

¹ Витчевский В. Торговля, таможенная промышленная политика России... С. 141-153.

² См.: Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. – Томск, 1911.

³ Никольский П.А. О русско-германском торговом договоре // Народное хозяйство. – 1902. № 4. С. 1-43.

производились в России, или «относительно которых, ввиду их сложного специального характера, нельзя было ожидать, чтобы производство их в России развилось в ближайшем будущем».¹ Был облегчен также ввоз тех сельскохозяйственных орудий, которые представляли собой новые изобретения или усовершенствования. Золотопромышленным организациям Сибири и Урала предоставлялось право беспошлинного получения из-за границы машин и машинных частей для поощрения техники производства этой отрасли промышленности.

В интересах русского мореплавания была отменена ввозная пошлина на железные морские суда, ледоколы, плавучие доки и т.д. Все эти единичные льготы и отступления не противоречили, однако, требованиям тарифа. Идея улучшения состояния государственных финансов за счёт усиленного таможенного обложения продолжала сохраняться в министерстве финансов и в 90-е гг. XIX века. Примером подобного положения могут служить так называемые «китайские пошлины», введённые согласно высочайшему повелению 21 июля 1900 года «ввиду чрезвычайных расходов, которых требуют события на Дальнем Востоке».² Были увеличены пошлины с отдельных предметов общего тарифа для торговли через Европейскую границу и из Финляндии, причем тарифные ставки, связанные торговыми договорами, оставались в силе.³

Увеличение тарифных ставок составило 50% для целого ряда предметов ввоза, в том числе южных фруктов, более дорогих овощей и сиропов, напитков, а также табака, сельди, муки и т.д. Менее значительная группа товаров была обложена 30-процентной надбавкой: кофе, лесные материалы. Увеличение таможенного дохода от этих надбавок исчислялось в 22 млн. руб., причем значительная часть этой суммы приходилась на германский экспорт. Введение этих пошлин правительство объясняло тем, что нецелесообразно при таком положении денежного рынка прибегать ко внутреннему и внешнему займам, проще усилить обложение тех продуктов, потребителями которых были, по мнению правительства, более состоятельные слои населения. На самом деле это привело к резкому увеличению цен на многие распространенные предметы потребления, что, в свою очередь, легло на плечи менее состоятельной части населения и повлекло за собой падение его жизненного уровня.

Надбавки к пошлинам, установленные в 1900 году, коснулись и хлопка, что являлось характерным признаком преобладания финансовых интересов над покровительственной политикой. В истории пошлин на хлопок, как в зеркале отражается вся тенденция российской таможенной политики: финансовая и покровительственная. К сожалению, преобладающими всегда оказывались фискальные интересы, что приводило к тому, что русская ткацкая промышленность испытывала недостаток в сырье. Это сильно сдерживало её развитие, вело к удорожанию продукции и, в конечном счёте, к сужению внутреннего рынка. Это очень хорошо иллюстрируют

---

¹ *Витчевский В.* Указ. соч. С. 178.

² № 1902. О повышении таможенных пошлин Общего Таможенного тарифа по европейской торговле и на товары финляндского производства и об увеличении возврата пошлин за вывозимые за границу хлопчатобумажные изделия // ПСЗРИ-3. – СПб., 1902. Т. XX. Ч. I. С. 967.

³ *Тетерина Е.Е.* Проблема русско-финляндского таможенного объединения, 80-е – 90-е годы XIX века // Правоведение. – 1995. № 3. С. 113–117.

расчёты руководителя Статистического отделения Департамента таможенных сборов В.И. Покровского. Согласно им переплаты по 12 предметам (хлопчатобумажным, стали и изделиям из цветных металлов) обходятся русскому населению в 300 млн. рублей, из которых лишь 70 млн. руб. поступают в пользу государства, а остальные 230 млн. руб. – в пользу предпринимателей.¹ В 90-е гг. XIX века тенденция искусственного расширения хлебного вывоза, господствовавшая при министре финансов И.А. Вышнеградском и наносившая немалый вред развитию сельского хозяйства, уступает место политике, которая учитывает интересы российского потребителя, результаты урожая. Правительство стремится расширить вывоз масла, яиц, птицы, зерна, сахара, пеньки и т.д. путём покровительства этим предметам вывоза. Так был установлен возврат пошлин на хлопок, сахарный акциз, уменьшен налог на керосин, облегчена торговля льном и пенькой, упрощены и удешевлены железнодорожные тарифы.

Экономическое развитие России в конце XIX – начале XX веков было неразрывно связано с проводимой правительством таможенной политикой, направленной не только на развитие и защиту российской промышленности, и экономики в целом, но и на отстаивание места России в мировой хозяйственной системе. И хотя таможенное законодательство последнего десятилетия XIX века носило нередко противоречивый характер, необходимо отметить, что протекционизм в целом способствовал развитию российского производства, а стремление правительства создать для российских товаров максимально широкий диапазон режима наибольшего благоприятствования, позитивно сказывался на развитии российской экономики.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. № 7811. Об общем таможенном тарифе по европейской торговле // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1894 Т. XI. (далее: ПСЗРИ).
2. № 9805. Высочайше ратифицированная торговая конвенция, заключенная между Россией и Францией // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1897. Т. XIII.
3. № 9881. О взимании особо повышенных таможенных пошлин // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1897. Т. XIII.
4. № 10221. Высочайше ратифицированный торговый договор между Россией и Сербией // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1897. Т. XIII.
5. № 11420. Высочайше ратифицированный договор о торговом мореплавании между Россией и Данией // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1899. Т. XV.
6. № 12681. Высочайше ратифицированная конвенция с 4 приложениями заключенная между Россией и Португалией о торговле и мореплавании // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1899. Т. XVI. Ч. I.
7. № 1902. О повышении таможенных пошлин Общего Таможенного тарифа по европейской торговле и на товары финляндского производства и об увеличении возврата пошлин за вывозимые за границу хлопчатобумажные изделия // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1902. Т. XX. Ч. I.

---

¹ Покровский В.И. Сравнительно-статистические таблицы внешней торговли России по данным русской таможенной статистики. Вывоз и привоз товаров по государствам с 1827 по 1905 год, //Обзор внешней торговли за 1906 г. СПб. 1906. С. 210.

8. Трактат о торговле и мореплавании заключенный между Россией и Соединенными Американскими Штатами // Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами / С введением примечаниями проф. В.Н. Александренко. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906.
9. Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Перуанской республикой // Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами / С введением примечаниями проф. В.Н. Александренко. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906.
10. РГИА – Российский Государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 18. Д. 345. Л. 4.
Общая и специальная литература:
11. *Витте С.Ю.* Воспоминания. – М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1960. Т. 1.
12. *Витчевский В.* Торговля, таможенная промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. – СПб., 1909.
13. *Никольский П.А.* О русско-германском торговом договоре // Народное хозяйство. – 1902. № 4.
14. *Покровский В.И.* Сравнительно-статистические таблицы внешней торговли России по данным русской таможенной статистики. Вывоз и привоз товаров по государствам с 1827 по 1905 год // Обзор внешней торговли за 1906 г. – СПб., 1906.
15. *Слонимский Л. С.Ю.* Витте // URL: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0020.shtml.
16. *Соболев М.Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. – Томск, 1911.
17. *Тетерина Е.Е.* Проблема русско-финляндского таможенного объединения, 80-е – 90-е годы XIX века // Правоведение. – 1995. № 3. С. 113-117.

Finogentova O.E.

Conventional agreement in the customs policy of Russian Empire during the late 19th century – early 20th centuries

In this article the author analyzes the conventional trade agreements concluded in the late 19th – early 20th century by the Russian Empire with its trading partners. The reasons and consequences of the customs «war» with Germany in 1891-1893 and the role of customs policy in the economic development of the state are established.

Keywords: convention, trade agreements, trade preferential, most favored nation treatment.

Тимошевская А.Д.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА ВАРШАВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ПО ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

Рассматривается правовое положение помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части в системе административно-полицейского управления, обусловленное не только особым правовым статусом Царства Польского в составе Российской империи, но и другими объективными причинами. Отмечается необходимость учреждения должности помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части для эффективного управления полицейской системой в условиях конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: правовой статус, полицейские органы, помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части.

Исследование административно-полицейского управления в национальных регионах Российского государства в XIX – начале XX века и выявление его особенностей имеют для российской науки и практики большое значение. Система административных и полицейских органов в каждом национальном регионе была предопределена его государственно-правовым статусом и при разработке общеимперского законодательства учитывались национальные особенности каждого региона. В конце XIX века во внутренней политике Российской империи наметился «новый курс», направленный на унификацию и бюрократическую централизацию управления в империи. В Царстве Польском реформы начались даже раньше – во второй половине XIX века.

В 1866 году изменилось административно-территориальное деление: к восьми губерниям добавилось ещё две, а само Царство Польское стало называться Привислинским краем. Несмотря на переименование, в документах второй половины XIX века употребляются оба названия. В начале января 1874 года, после смерти графа Ф.Ф. Берга, должность наместника Царства Польского перестала существовать. Вновь назначенный генерал-адъютант П.Е. Коцебу получил должность Варшавского генерал-губернатора, который в законодательных актах назывался также Главным начальником края. Таким образом, на смену независимому от общегосударственных учреждений наместнику пришёл генерал-губернатор. Возникла необходимость в изменении административно-полицейской системы и создании новых органов с военно-полицейскими функциями.

По указам о введении в действие российских Судебных уставов 1864 года в Царстве Польском (Привислинском крае) в 1875 году Варшавский генерал-губернатор получил довольно широкие права по назначению и увольнению некоторых должностных лиц, а также по формированию судебных участков и округов.¹ В свя-

---

Тимошевская Анжела Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

¹ *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме

зи с ростом антиправительственной деятельности, а также волнениями в польских губерниях российское правительство было вынуждено расширить полицейские права генерал-губернаторов (в том числе Варшавского), «а также губернаторов и варшавского обер-полицмейстера».¹ Для управления Царством Польским в 1892 году был издан специальный свод законов «Учреждение управления губерний Царства Польского»², который вводил новые должности и учреждал новые административные и полицейские органы в крае.

В первом разделе закона указано, что при Варшавском генерал-губернаторе состоят совещания, помощник, помощник по полицейской части и канцелярия по особому штату.³ Так, к высшим должностным лицам, в ведении которых находилась полиция Царства Польского, добавился помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части (далее – помощник по полицейской части). Его компетенция определялась в отдельном «Положении», добавленном к «Учреждению управления губерний Царства Польского».⁴ Он подчинялся непосредственно генерал-губернатору и надзирал за сохранением государственного порядка и общественной безопасности в пределах вверенного края.

Процедура назначения помощника по полицейской части была весьма сложной. Он определялся и увольнялся высочайшим приказом по военному ведомству и указом Правительствующему Сенату, по представлению Министра внутренних дел с согласия Варшавского генерал-губернатора, из чинов военного ведомства по предварительному согласованию с Военным министром. Если кандидат на должность помощника по полицейской части не служил в Отдельном корпусе жандармов, то с назначением на неё он переводился туда. Если же он служил ранее в жандармерии, то с назначением на должность, оставался в Отдельном корпусе жандармов. Следовательно, помощник по полицейской части всегда был жандармским офицером. Кроме того, помощник по полицейской части фактически имел двойное подчинение: генерал-губернатору, как непосредственному начальнику, и командиру Отдельного корпуса жандармов (помощнику Шефа), как своему начальнику «в строевом и дисциплинарном отношениях». При нем находилась канцелярия, в которой классные должности могли замещать только офицеры Отдельного корпуса жандармов. Помощнику по полицейской части подчинялись чины губернских и уездных жандармских управлений Царства Польского и крепостных жандармских команд по вопросам обнаружения и исследования государственных преступлений и общего наблюдения по охранению порядка в крае.

В 1908 году к вышеуказанному «Положению» добавилось примечание о том, что «Варшавский жандармский дивизион подчиняется непосредственно помощнику

Российской империи (середина 60-х годов XIX века – 1881 год). – М., 2003. С. 62.

¹ Указ 20.09 / 2.10. 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е– СПб, 1876.

Отд. 1. Т. LI. № 56381 (далее: ПСЗ-2).

² Свод губернских учреждений, гл. V // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. Т. II.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об определении служебного положения Помощника Варшавского генерал-губернатора» от 8 апреля 1896 г. // Сборник законов, относящихся до Царства Польского. – Варшава: Издание неофф. Степана Годлевского, 1896. Ч. IV.

⁴ Свод губернских учреждений, гл. V, Приложения, ст.ст. 1-15 // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910, Т. II.

ку Варшавского генерал-губернатора по полицейской части как начальнику дивизии». Это решение было принято в связи с ростом революционного движения и необходимостью сохранения военного положения в крае. Как начальник, помощник по полицейской части занимался кадровыми вопросами: составлял представления на награждение, увольнение, назначение и перемещение офицеров губернских и уездных жандармских управлений в пределах Привислинского края и направлял на окончательное утверждение в Главное управление Отдельного корпуса жандармов.

Помощник по полицейской части имел право непосредственно связываться с командиром Отдельного корпуса жандармов, Департаментом полиции МВД, прокурорами судебных палат, губернаторами, градоначальниками, обер-полицмейстерами и другими правительственными учреждениями и лицами. Он обязывался сообщать о нарушениях в расходовании отпускаемых денежных средств на розыскные надобности для жандармских управлений и команд непосредственно в Департамент полиции МВД. Помощник по полицейской части осуществлял контроль над деятельностью общей полиции по предупреждению и расследованию государственных преступлений, а также по ведению розыскной части и паспортной части на пограничных пунктах. Он должен был руководить деятельностью Отделения по охранению порядка и общественной безопасности (при Варшавском обер-полицмейстере), «направляя эту деятельность с помощью обер-полицмейстера», в соответствии с указаниями Варшавского генерал-губернатора и общим соображениям, получаемым из Департамента полиции.

Помощник по полицейской части должен был давать губернаторам края и Варшавскому обер-полицмейстеру, с одобрения Варшавского генерал-губернатора, разъяснения и предложения (по широкому кругу вопросов, прежде всего полицейского свойства), а «по существу поступающих к генерал-губернатору производств по делам о государственных преступлениях» он обязан был представлять заключения. Помощник по полицейской части распоряжался кредитом для жандармских управлений края и Варшавского отделения по охранению порядка и общественной безопасности на расходы по розыскной части (отпускаемым Департаментом полиции). На него также возлагались обязанности по наблюдению «за правильным содержанием в местах заключения» обвиняемых в государственных преступлениях.¹ В особо важных случаях он мог усиливать личный жандармский унтер-офицерский состав одного губернского жандармского управления за счет другого.

У помощника по полицейской части в подчинении находился начальник Особой канцелярии, который назначался на должность и увольнялся с нее Министерством внутренних дел по соглашению с Варшавским генерал-губернатором. Согласно «Высочайше утвержденным в 25-й день июня 1898 года Основным положением устройства розыскной части по делам политического свойства в Привислинском крае»², руководство «розыском и контроль за оным помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части» осуществлял через начальника Особой кан-

---

¹ Свод губернских учреждений, гл. V. Приложения..., ст. ст. 6–10 // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910, Т. II.

² Сборник секретных циркуляров помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. – Варшава, 1899.

целярии. Последний лично ведал политическим розыском в Варшаве и Лодзи и направлял розыскную деятельность начальников жандармских управлений края, а также контролировал их. В особо важных случаях, по предложению помощника по полицейской части, начальник Особой канцелярии принимал лично на себя розыскные действия не только в Варшаве и Лодзи, но и в других местностях Привислинского края. Отметим, что «Основное положение» 1898 года обязывало всех чинов общей полиции края (по делам политического свойства) исполнять все требования начальника Особой канцелярии как лица, непосредственно осуществлявшего указания помощника по полицейской части.

Таким образом, помощник по полицейской части (со своей канцелярией) и начальник Особой канцелярии непосредственно руководили деятельностью общей полиции и политического сыска в Привислинском крае. На это указывают не только нормативно-правовые акты, определяющие их статус, но и некоторые документы, например, «Сборники секретных циркуляров помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части». По содержанию циркуляров можно определить круг вопросов, которыми занимался помощник по полицейской части: наблюдение за политической благонадежностью местного населения¹, розыск лиц, подозреваемых в убийствах и кражах² и др.

Примечательно, что для проведения розыска жителей Германии, подозреваемых в совершении преступлений и скрывающихся от своей полиции на территории Царства Польского, был установлен порядок, по которому Германский генеральный консул в Варшаве сообщал об этом Варшавскому генерал-губернатору, а тот давал указания своему помощнику по полицейской части для проведения «розыскных действий».³

Помощнику по полицейской части приходилось также заниматься делами, связанными с деятельностью иностранной разведки. В его циркулярах встречаются указания для всех подведомственных ему учреждений и чиновников «выявлять подозрительных иностранцев и устанавливать надзор за лицами, прибывающими под видом представителей иностранных торговых фирм».⁴ Лиц, задержанных на пограничных пунктах и подлежащих отправлению в Варшаву, необходимо было направлять в распоряжение начальника Особой канцелярии.⁵ Помощник по полицейской части и начальник Особой канцелярии постоянно связывались с Главным штабом Варшавского военного округа, о чем можно судить по секретным циркулярам, в которых военные пограничные власти, например, сообщали помощнику по полицейской части об учреждении в городе Кракове при штабе 1-го Армейского корпуса бюро для производства военных разведок в России.⁶ Так, в одном из секретных циркуляров сообщалось о прусских офицерах-разведчиках, собиравших сведения «о силе и составе гарнизонов, местах хранения огнестрельных припасов на территории

---

¹ Циркуляр N 6624 от 02.08.1903 г. // Сборник секретных циркуляров помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. – Варшава, 1899.

² Циркуляр N 9537 от 30.12.1902 г.; Циркуляр N 4271 от 22.06.1901 г. // Там же.

³ Циркуляр N 4271 от 22.06.1901 г. // Там же.

⁴ Циркуляр N 84/3 от 26.03.1903 г. // Там же.

⁵ Циркуляр N 6/1 от 02.01.1899 г. // Там же.

⁶ Циркуляр N 235/6 от 22. 05.1898 г. // Там же.

Привислинского края».¹

К началу XX века в Царстве Польском уже имелось приближенное к общероссийскому образцу полицейское управление, чему способствовала не только политика «скрепления окраин с империей», но и социально-экономический кризис, недоверие к местной администрации, введение чрезвычайного и военного положения. Общая полиция в Царстве Польском находилась под началом жандармских офицеров, то есть под контролем политической полиции, имела военизированные структуры, готовые приступить к немедленным действиям. Таким образом, особое положение помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части в системе административно-полицейского управления было обусловлено не только особым правовым статусом Царства Польского в составе империи, но и сложной внутривнутриполитической обстановкой и приграничным положением края, окруженного сильными в военном отношении государствами.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Положение о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1868. Т. 41. Отд. II. С. 426-428 (далее ПСЗРИ).
2. Указ 20.09 / 2.10. 1876 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. – СПб., 1876. Т. LI. Отд. 1. № 56381.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об определении служебного положения Помощника Варшавского генерал-губернатора» от 8 апреля 1896 г. // Сборник законов, относящихся до Царства Польского. – Варшава: Издание неоффа. Степана Годлевского, 1896. Ч. IV.
4. Свод губернских учреждений, гл. V. Приложения... ст.ст. 1-15. Приложения..., ст. ст. 6-10. Учреждение управления губерний Царства Польского 1892 г. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. Т. II.
5. Циркуляры 1898-1903 гг. // Сборник секретных циркуляров помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. – Варшава, 1899.

Общая и специальная литература:

6. *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века – 1881 год). – М.: Юрист. 2003. – 159 с.
7. *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* Российская империя. История полиции. – М.: РИПОЛ классик, Де Либри, 2014. – 608 с.

Timoshevskaya A.D.

The legal status of Assistant on the police part of Warsaw Governor-General (late 19th – early 20th century)

Author considers the legal status of an assistant on the police part of Warsaw Governor-General in the administrative and police management system, not only due to the special legal status of the Poland Kingdom in the Russian Empire, but also due to other objective causes. It's noted the need to establish an Assistant on the police part of the Warsaw Governor-General for efficient management of the police system in the conditions of late XIX – early XX century.

Keywords: legal status, police, Assistant on the police part of Warsaw Governor-General.

---

¹ Циркуляр N 84/3 от 26.03.1903 г. // Там же.

Ворошилова С.В.

ПРОФИЛАКТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается феномен женской преступности в дореволюционной России, характеризуются основные направления профилактических мероприятий, направленных на её снижение. Исследуется вопрос о деятельности женских комитетов «Попечительного о тюрьмах общества». В качестве важнейших средств, направленных на борьбу с женской преступностью, выделяются забота о нравственном и материальном состоянии осужденных женщин, создание приютов для несовершеннолетних преступников и детей арестантов, помощь в скорейшей реабилитации освободившихся из мест заключения.

Ключевые слова: женщины, профилактика, женская преступность, Попечительное о тюрьмах общества, тюрьма, опека, исправительные приюты.

Профилактика женской преступности – одна из актуальных проблем, привлекающих пристальное внимание учёных, работников правоохранительных органов и широкую общественность, так как женская преступность не только способствует росту преступности в целом, но и определенным образом характеризует нравственное состояние общества. Исходя из этого, важнейшей задачей, стоящей перед уголовно-правовой и криминологической науками, является детальное изучение феномена женской преступности, с целью разработки эффективных мер по её предупреждению. Преступность женщин в дореволюционной России, своим характером и размерами кардинально отличалась от состояния данной проблемы сегодня. Вместе с тем, изучение исторического опыта, накопленного как теоретиками, представленными дореволюционными мыслителями, так и практиками, осуществлявшими конкретные действия по борьбе с женской преступностью, является не только интересным, но и полезным.

Женская преступность в дореволюционной России значительно отличалась от мужской. По сведениям уголовной статистики за 1894 год, женщины среди осужденных общими судами составляли 12%, а среди осужденных мировыми судами – 12,6%.¹ Так как женщины не имели доступа к государственной и общественной службе, не имели политических прав, они практически не могли совершить таких преступлений, как казнокрадство, мошенничество, подлог, злоупотребление служебными полномочиями, подделка ассигнаций и т.п. Зависимость жены от мужа и её привязанность к домашнему очагу объясняют минимальное участие женщин в таких преступлениях, как нарушение паспортного режима, неповиновение властям, доносы и т.п. Вместе с тем, по данным Е.Н. Анучина, женщины были активны при совершении таких преступлений, как поджог, преступления против нравственности, религиозные преступления, убийство своего супруга, а также убийство

Ворошилова Светлана Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

¹ См.: *Тарновский Е.Н.* Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894). – СПб., 1899. С. 139.

родственников. Статистика, характеризующая женскую преступность по видам совершенных преступлений, свидетельствует, что среди осужденных за кражу женщины составляли – 8,7%, убийство супруга или родственников – 39,3%, детоубийство – 98,3% от всех осужденных обоого пола за данные преступления.¹

Таким образом, самым распространенным среди женщин преступлением являлось детоубийство. В России на 70 осужденных мужчин за данное преступление в 1889-1893 гг. приходилось 3 940 женщин. Выявляя причины, толкающие женщин на данные преступления, исследователи отмечали «невыгодность условий общественного положения женщины», а не физиологические особенности её организации.² Большинство женщин, совершивших подобные деяния, являлись молодыми, не состоявшими в браке девушками, что позволяет выделить в качестве основного мотива данного преступления – негативное отношение общества к внебрачным связям и незаконнорожденным детям. Подтверждением этого мнения является статистика, характеризующая снижение данных преступлений в период войн и революций начала XX века, когда значительная часть мужского населения подлежала мобилизации, а общество более терпимо относилось к рождению внебрачного ребенка.

Важнейшим направлением профилактики преступности является изучение её феномена и факторов, определяющих её динамику. С развитием криминологии в России в XIX – начале XX века, И.Я. Фойницкий, Е.Н. Анучин, Е.Н. Тарновский, М.Н. Гернет, Н.В. Давыдов и другие выявляли причины преступлений, совершаемых женщинами, проводили сравнительный анализ женской и мужской преступности в России и за рубежом, искали возможные пути борьбы с ней.³ В этот период в уголовном праве формируется ряд научных направлений, в рамках которых учёные не только пытались объяснить и изучить женскую преступность, но и определить возможные способы борьбы с ней.

Представители *классического направления* в уголовном праве, представленного в России такими исследователями, как В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский, Н.Д. Сергеевский и др. не выделяли женскую преступность, впрочем, как и мужскую, в специальный объект изучения. Вместе с тем, профессор В.Д. Спасович, исследуя статистические показатели преступности в России, был убежден, что причинами, побуждающими женщин совершать тяжкие преступления, являются невыносимые условия их семейной жизни.⁴

Представители *антропологического направления* в отечественном уголовном праве – П.Н. Тарновская, В.Ф. Чиж, Д.А. Дриль и др., вслед за Ч. Ломброзо, объясняли причины преступности с биоантропологической точки зрения. П.Н. Тарнов-

¹ См.: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., 1980. С. 44.

² См., например: *Анучин Е.Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. – СПб., 1873. С. 32; *Гернет М.Н.* Общественные причины преступности. – М., 1906. С. 125.

³ См., например: *Тарновский Е.Н.* Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894). СПб., 1899; *Анучин Е.Н.* Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. – СПб., 1873; *Гернет М.Н.* Социальные факторы преступности. – М., 1905; *Фойницкий И.Я.* Женщина – преступница // Северный Вестник. – 1893. № 2-3; *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом. – М., 1906.

⁴ Цит. по: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. С. 47.

ская, проведя исследование антропологических признаков более 500 осужденных в нескольких пересыльных тюрьмах, написала ряд работ о женщинах – преступницах.¹ В своих трудах П.Н. Тарновская уделяла особое внимание изучению причин женской преступности, что по её мнению, позволило бы «не только избежать совершения преступления, но и дало возможность предупредить его и на будущее время».² Выступая противницей жестоких наказаний для женщин, П.Н. Тарновская утверждала, что тюрьмы и каторга не способствуют исправлению преступников, а лишь «усиливают предрасположение» индивида к совершению рецидива. В качестве необходимых государственных шагов по предотвращению преступности, П.Н. Тарновская отмечала необходимость принятия фактических мер к ограничению пьянства и к уменьшению развития болезней, передающихся наследственно, облегчение путей к нахождению заработка всем желающим трудиться, организация призрения детей, предоставленных улице «вследствие крайней порочности родителей, или по причине пребывания последних в тюрьмах»³. Следует отметить, что если Ч. Ломброзо был убежден в отсутствии у государства эффективных средств борьбы с рецидивной преступностью среди женщин, т.к. тяжесть и разнообразие наказаний, по его мнению, не в состоянии решить эту проблему⁴, то его последователи в России, считали возможным с помощью государственных мер, направленных на борьбу с алкоголизмом, проституцией и эпидемиями ограничить преступность. Вместе с тем, представители этого направления были убеждены, что система карательных мер не в силах искоренить преступность: «Казни старательно вычеркивают из списков одних, а под влиянием действующих факторов их место старательно занимают другие».⁵

Социологическая школа в изучении данной проблемы, представлена работами И.Я. Фойницкого, М.Н. Гернета, Е.Н. Анучина, С.В. Познышева, Х.М. Чарыхова, И.Х. Озерова и др. Отмечая активный рост женских преступлений в странах с развитой промышленностью, ученые связывали это явление с участием женщины в общественной жизни и изменением её социального статуса. Вместе с тем, представители данного направления в уголовном праве не выступали противниками предоставления женщинам широких прав. Напротив, они считали необходимым улучшать социально-экономическое положение женщин и, тем самым, устранять возможные причины совершения преступлений.

Важнейшим направлением профилактических работ по сокращению преступлений, совершаемых женщинами, является опека над женщинами в местах лишения свободы. Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражей⁶, забота о нравственном исправлении преступников и улучшении положения заклю-

¹ См. например: *Тарновская П.Н. Женщины – убийцы.* – СПб., 1902; *Она же.* Воровки. Антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1891. № 5; и др.

² *Тарновская П.Н. Женщины – убийцы.* – СПб., 1902. С. 489.

³ *Тарновская П.Н. Женщины – воровки.* – СПб., 1891. С. 66.

⁴ См. например: *Ломброзо Ч. Женщина, преступница и проститутка // Гениальность и помешательство.* – Ростов н/Д, 1997. С. 415.

⁵ См.: например: *Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней // Преступность и преступники.* – М., 2006. С. 192.

⁶ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // Свод законов Российской империи. – СПб., 1894. Т. XIV. Ст. 64 (далее: СЗРИ).

ченных возлагалась на Российское Попечительное о тюрьмах Общество, созданное в Петербурге 11 октября 1819 года. 19 июля 1819 года Александр I утвердил «Правила для Попечительного Общества о тюрьмах», согласно которым средствами к исправлению заключенных были названы постоянный надзор за ними, распределение их по роду преступлений, наставление в духе «христианского благочестия» и занятие подобающей работой. Исполнительными органами Общества были попечительные о тюрьмах комитеты в губернских, уездных и портовых городах, женские (дамские) отделения губернских комитетов. На особом положении находились Попечительства над арестантскими отделениями.

До начала XX века в России не существовало специальных женских тюрем, а надзор за заключенными женщинами до 1887 года осуществляли надзиратели-мужчины, что значительно ухудшало положение арестанток. С целью решения данной проблемы и для попечения над заключенными женщинами и их детьми, при губернских комитетах, создавались дамские отделения, состоявшие из женщин и действующие на основании Устава дамского попечительного о тюрьмах комитета. Согласно этому Уставу, дамские отделения должны были оказывать помощь и содействие не только женщинам и их детям, находящимся в местах лишения свободы, но и тем, кто выходил из-под стражи. Дамские отделения должны были следить за тем, чтобы беременные женщины, ожидающие скорых родов и женщины с грудными младенцами, содержались в отдельных от других заключенных помещениях и обеспечивались дополнительным питанием.¹

В обязанности Попечительных комитетов и их отделений входило: умножение капитала Общества через единовременные вклады и ежегодные пожертвования, наблюдение за правильным размещением арестантов по полу, званию, возрасту и роду преступления, снабжение их одеждой, обувью, продовольствием, наблюдение за содержанием мест заключения в исправном состоянии, сооружение церквей при тюрьмах и попечение над тюремными больницами, исправление нравственности арестантов, занятие их работой, попечение о пересылаемых в Сибирь, выкуп заключенных за долги.²

К 1863 году в России действовало 2 дамских комитета в Москве и Петербурге и 25 женских отделений в губернских городах при попечительных о тюрьмах Обществах. Архивные материалы подтверждают, что члены дамского комитета сами учили арестанток Закону Божьему, грамоте, ремеслам, брали их на поруки, выкупали, трудоустроивали. Так в 1846 году председательницей Саратовского дамского отделения Е.А. Ивановой отмечалось, что помимо пожертвований деньгами, платьем и обувью, члены дамского комитета занимались с заключенными чтением духовных книг и обучением их грамоте.³ Исправление нравственности заключенных провозглашалось важнейшей задачей тюремных комитетов. С этой целью при тюрьмах строили церкви, приглашали священников, следили за соблюдением цер-

---

¹ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV. Ст. 27, 178, 182, 213.

² См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 387. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 36; Ед. хр. 413. Л. 33 (далее: ГАСО).

³ См.: ГАСО. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 72.

ковных обрядов, пополняли библиотеку духовной литературой.¹

В отличие от мужчин, заключенные женщины не могли выполнять работы вне тюремной ограды. Они работали в помещении, а также во дворе и огороде. Женщины шили одежду и постельные принадлежности, вязали чулки, ткали тесьму, вышивали, пряли шерсть, чинили белье и платье и т.д. Женщины низших сословий занимались стиркой и глажкой белья, мытьем посуды и полов, готовили пищу, работали в тюремном огороде и саду.²

Часть заработанных средств выдавалась заключенным сразу, часть после освобождения. Таким образом, размер денежного пособия, получаемого освобожденным из-под стражи, зависел от продолжительности заключения и от доходности той работы, которую они выполняли. В этой связи, женщины – заключенные, выполнявшие в основном хозяйственные работы, не могли рассчитывать на высокие заработки. С целью решения данной проблемы Саратовский губернский Попечительный о тюрьмах комитет и его дамское отделение старались не только организовать работы заключенных и тех, кто был освобожден из-под стражи, но и устроить продажу их изделий для выручения необходимых средств. Подобная деятельность попечительных комитетов, по мнению их членов, не только способствовала трудовому воспитанию осужденных, но и являлась важнейшей профилактикой рецидивной преступности в России.³

Особое значение в деле перевоспитания осужденных имело открытие и содержание приютов для несовершеннолетних преступников, детей арестантов, а также нищих и оставшихся без попечения. Так, при Петербургском тюремном замке, по инициативе дамского тюремного комитета в июне 1843 года был учрежден приют для так называемых «вольных девочек», дочерей бывших и настоящих арестантов от 5 до 16 лет. Содержащиеся в нём девочки, обучались грамоте и рукоделию, а по достижении 16-летнего возраста пристраивались на работу.⁴ Подобные приюты были открыты в Москве, Красноярске, Тобольске, Юрьеве, Иркутске, Чите и других городах.

В 1874 году был открыт исправительный приют для несовершеннолетних преступниц в Москве (Большевский), а в 1895 году – в Петербурге. В 1844 году на благотворительные средства, пожертвованные членом тюремного комитета Образцовым, был основан Саратовский приют для арестантских детей, в который поступали дети в возрасте от 4 до 12 лет. Попечительствовала над приютом председательница дамского отделения Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета М.А. Столыпина.⁵ В феврале 1873 года в Саратове, по инициативе М.Н. Галкина-Врасского был открыт учебно-исправительный приют для несовершеннолетних преступников, бесприютных сирот и нищих, где содержались дети обоого

---

¹ См.: ГАСО. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 16.

² См.: Женское право. Свод узаконений и постановлений относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. – СПб., 1873. С. 324-326.

³ См.: Тюремный вестник. – 1896. № 1. С. 64.

⁴ См.: *Никитин В.Н.* Жизнь заключённых. Обзор Петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и административных распоряжений. – СПб., 1871. С. 91, 94-95.

⁵ ГАСО. Ф. 387. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 7.

пола. Заслуживает внимания применяемая в данных учреждениях система исправительного воздействия на воспитанниц, связанная с введением, по примеру Англии и Ирландии, «системы марок». В соответствии с ней, «марки», выставлялись воспитанницам ежедневно за поведение и прилежание в работе. Воспитанницы, набравшие 1000 марок, достигшие возраста 16-17 лет, обучившиеся грамоте и получившие знания по отдельным профессиям, являлись кандидатками на условное или окончательное освобождение. В качестве поощрения для воспитанниц, набравших максимальное число марок, предусматривалась возможность видиться с родными, ходить на прогулку в город, выполнять легкие работы и т.д.¹ Таким образом, создавалась система поощрения, являвшаяся значительным стимулом к исправлению.

В 1872 году дамский тюремный комитет принял решение о создании в Петербурге «убежища», целью которого являлось предоставления жилья освобождённым женщинам с последующим их трудоустройством. В этом «убежище», которое было открыто 5 октября 1872 года женщины обучались грамоте, работали в прачечной или швейной мастерских, изучали Закон Божий. Часть заработанных денег, выдавалась в качестве пособия женщинам, покинувшим «убежище».

1 июня 1874 года был утвержден «Устав убежища для выходящих из заключения женщин», в соответствии с которым в «убежище» на добровольной основе принимались женщины, признанные нуждающимися. Поступившие в «убежище» женщины получали платье, бельё и обувь одного покроя для всех, без различия сословий и состояний. Женщинам, пробывшим в убежище не менее четырёх месяцев, могли выдаваться рекомендации и «удостоверения о хорошем поведении». Если женщине находили место с жалованием, достаточным для самостоятельного существования, она покидала убежище. Но и в этом случае, при необходимости, ей продолжало выдаваться денежное пособие для уплаты долгов и на обзаведение приданным при выходе замуж. Денежные средства «убежища», согласно Уставу составлялись из 1) сумм отпускаемых дамским комитетом; 2) части заработанных женщинами денег; 3) частных пожертвований и пособий со стороны общественных учреждений и правительства; 4) из «кружечных» сборов которые составлялись из частных пожертвований. По сведениям, приведённым В.Н. Никитиным, в «убежище» Петербурга, которое являлось единственным в России, с 1873 по 1877 г. находилось 146 женщин.²

В 1893 году Санкт-Петербургский, в 1895 году Московский, а в последующих годах и губернские тюремные комитеты были упразднены и учреждены мужские и дамские тюремно-благотворительные комитеты.

Таким образом, Попечительное о тюрьмах Общество и тюремные комитеты старались защитить права заключенных, улучшить условия нахождения под стражей, осуществить нравственное и религиозное исправление осужденных и скорейшую реабилитацию тех, кто выходил из-под стражи. Деятельность данных организаций способствовала решению важнейшей задачи – профилактики преступности среди женщин.

---

¹ См.: *Баранцевич Е.М.* Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью). – Томск. 1914. С. 171.

² См.: *Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880. С. 419.

Источники и использованная литература:

1. ГАСО – Государственный архив Саратовской области. Ф. 387. Саратовский губернский попечительный о тюрьмах комитет Всероссийского общества попечительства о тюрьмах. 1838-1918 гг. Оп. 1. Ед. хр. 7.
2. ГАСО. Ф. 395. Дамское отделение саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета (1838-1846 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 3.
3. Женское право. Свод узаконений и постановлений относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. – СПб., 1873.
4. СЗРИ – Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // Свод законов Российской империи. – Т. XIV. С. .
5. *Анучин Е.Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. – СПб., 1873.
6. *Баранцевич Е.М.* Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью). – Томск. 1914.
7. *Гернет М.Н.* Общественные причины преступности. – М., 1906.
8. *Гернет М.Н.* Социальные факторы преступности. – М., 1905.
9. *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом. – М. 1906.
10. *Дриль Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с ней / Преступность и преступники. – М., 2006.
11. *Ломброзо Ч.* Женщина, преступница и проститутка / Гениальность и помешательство. – Ростов н/Д, 1997.
12. *Никитин В.Н.* Жизнь заключённых. Обзор Петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и административных распоряжений. – СПб., 1871.
13. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., 1980.
14. *Тарновская П.Н.* Женщины – убийцы. – СПб., 1902.
15. *Тарновская П.Н.* Воровки. Антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здоровья. – 1891. № 5. С. .
16. *Тарновский Е.Н.* Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894). – СПб., 1899.
17. Тюремный вестник. – 1896. № 1.
18. *Фойницкий И.Я.* Женщина – преступница // Северный Вестник. – 1893. № 2-3. С. .

Voroshilova S.V.

Prevention of female crime: experience of pre-revolutionary Russia

In article the phenomenon of female crime in pre-revolutionary Russia is considered, the main directions of the preventive actions directed on its decrease are characterized. The question of activity of women's committees «Trustee about prisons society» is investigated. As the major means directed for fight against female crime, the care of a moral and material condition of the condemned women, creation of shelters for minor criminals and children of prisoners, the help in the fastest rehabilitation of the women who were released from jails are distinguished.

Keywords: women, prevention, female crime, «Trustee about prisons society», prison, guardianship, corrective shelters.

В БОРЬБЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ (ИЗ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ)¹

Аннотация: В данной статье анализируется процесс возникновения и развития органов розыскной службы, целью которой была борьба с возникшими в XVI веке устойчивыми преступными группами. Анализируются функции и порядок деятельности Земского, Разбойного и Стрелецкого приказов, губных изб, губернских, провинциальных и воеводских канцелярий как полицейско-судебных органов XVI–XVIII вв., сыскных отделений полиции XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Россия, XV – начало XX вв., борьба с профессиональной преступностью, преступные группы, розыскная служба, Земский приказ, Разбойный приказ, Стрелецкий приказ, «особые обыщики», губные избы, сыщики, губернские, провинциальные и воеводские канцелярии, местные полицейские органы, сыскные отделения.

Преступность в России являлась одной из самых острых хронических социальных болезней. Её уровень постоянно оставался крайне высоким. Общественная опасность преступности возрастала потому, что она носила преимущественно профессиональный характер. Уже в XVI–XVII вв. в стране действовали устойчивые преступные группы, специализировавшиеся на разбоях, грабежах, кражах, мошенничестве, фальшивомонетничестве и т.д. Более того, в то отдаленное от нас время складывалась организованная преступность, имели место факты коррумпированности государственных чиновников, сращивания их с преступными элементами. Вот свидетельство XVI века: «Многие ведомые воры из ссылок собрались, записываются в метельщики (полицейские служащие – *Р.М.*), и многие беглые рейтары и солдаты и всякие служилые люди, збегши с твоей Великого государя службы, живут для воровства... заклады принимают татийные и разбойные и сами грабят, а деньги делят помесечно... а Земского приказу (судебно-полицейский орган) начальные люди про то их воровство про все ведают, да покрывают, потому что они с ними во всем делятца... а чаять то, что Прокопию Кузьмичу ведомо, да и знатно, что ведомо: кто ему на них известит, и он тех же кнутом бьет».²

В целях борьбы с подобными явлениями в XV – начале XVI вв. возникает своего рода розыскная служба. Её несли так называемые «особые обыщики», которые посылались из Москвы «в случае умножения в какой-либо местности разбоев и татей». Затем центр тяжести борьбы с преступностью был перенесён на места, в созданные в уездах губные избы во главе с губными старостами. Губные избы выполняли полицейско-судебные функции. Они ведали «разбойные, и убийственные, и татийные дела, про татей и про разбойников сыскивали и того смотрели и

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ, почётный президент Российского историко-правового общества (Москва).

¹ Впервые опубликовано: Государство и право. 2004. № 9. С. 81-89.

² Записки отделения Русской и Славянской археологии Императорского Российского Археологического общества. – СПб.: Тип-я И. Огризко, 1861. Ч. II. С. 682-683.

берегли накрепко, чтобы однолично нигде и татей и разбойников, разбойничьих станом и приездов не было».¹ Как представляется, упоминание о «станах» и «приездах» говорит об устойчивом характере такого явления, как разбойничество, о том, что разбоем занимались в порядке промысла, и этот промысел приобрёл широкое распространение. Вызывают интерес методы, которые применялись «обыщниками» и губными старостами при раскрытии преступлений. Перед началом розыска они обязаны были произвести так называемый повальный обыск – опрос представителей всех социальных групп: бояр, детей боярских, служителей религиозного культа, крестьян, – «с выти по человеку». Сведения, полученные от лиц, подвергшихся «обыску», записывались губными дьяками в «списки», к которым эти лица «прикладывали» руки. Названных при повальном обыске «лихими людьми» (т.е. преступниками) доставляли к «обыщнику» или губному старосте либо принимали меры к поимке «воров и татей».

Деятельность губных органов направлялась существовавшим с 1539 года Разбойным приказом, который выступал как центральный полицейско-судебный орган. Он санкционировал приговоры губных органов, являлся второй инстанцией для рассмотрения разбойных и татийных дел на территории всего государства (кроме Москвы и Московского уезда). В 1662 году приказ стал именоваться Разбойным сыскным приказом, в 1683 году Сыскным приказом, в 1687 году – Приказом сыскных дел. В 1701 году этот орган был ликвидирован, а его делами стали вестись те приказы, к которым «подсудимые ему лица были ведомы по другим делам».

В XVI веке в Москве и Московском уезде полицейские функции осуществлял Земский приказ (земский дьяк впервые упоминается в 1500 г.). Земский приказ занимался не только преследованиями разбойников и иных «лихих людей», но и ведал сбором податей с посадского населения Москвы, а также наблюдал за порядком и благоустройством в столице. Последнее осуществлялось Земским приказом при помощи довольно обширного штата полицейских чиновников. В ночное время, чтобы обезопасить жителей от воров, улицы города перегораживались решетками. Возле них дежурили «решеточные сторожа», которые должны были задерживать запоздалых прохожих. Противопожарную службу несли «объезжие головы», которые в определенное время ночью обязаны были «ездить да огни гасить». За порядком на улицах, площадях, в корчмах и других общественных местах наблюдали «ярыжки», низшие полицейские чины. В конце XVI века Земский приказ был объединен со Стрелецким, который стал осуществлять полицейские функции в Москве. При этом стрельцы направлялись «на поимку татей, разбойников и грабителей».

В XVIII веке профессиональная преступность в России продолжала развиваться, в частности, именно на этот век (1731-1749 гг.) приходится преступная деятельность небезызвестного Ваньки Каина (Ивана Осипова). XVIII век – век, когда сложился жаргон профессиональных преступников. Многие преступления тогда совершались крестьянами, бежавшими от своих помещиков. Они совершали нападения на помещичьи владения, занимались разбоем, грабежами. Для борьбы с подобного рода преступлениями был учрежден институт сыщиков («сысчиков»). Ими были должностные лица, которые направлялись для расследования дел о разбоях и кра-

¹ Памятники русского права. – М.: Госюриздат, 1957. Вып. VI. С. 383-384.

жах, совершенных беглыми крестьянами. Деятельность сыщиков регламентировалась специальными нормативными актами. Например, 12 октября 1711 года Сенат издал Указ «О беспрепятственном розыске, преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников».¹ В Указе сыщикам предписывалось «за теми ворами и разбойниками в погоню гонять... и таких разбойников и воров ловить». Одновременно губернаторы обязывались оказывать сыщикам всемерное содействие, «дабы во всех местах» такими сысками и розысками «всемерно воровство искоренялось». Необходимо отметить, что сыщики редко пользовались негласными методами раскрытия преступлений. Они вели дознание путём опроса свидетелей, использования слухов («язычные молки»), вещественных доказательств («воровской рухляди»). В 1762 году институт сыщиков был упразднен. Их обязанности передавались в ведомство губернских, провинциальных и воеводских канцелярий, т.е. в местные полицейские органы.

XIX век, особенно вторая его половина, когда Россия вступила в стадию капитализма, – это время невиданной раньше интенсификации темпов роста преступности. По данным Петра Ткачева, уже в 60-е гг. XIX века рост преступности в России вдвое стал опережать рост народонаселения. «Ежегодно прибавлялось подсудимых на 30 079 человек, – писал П. Ткачев. – Это значит, процент приращения преступлений за четыре года (1858-1861 гг.) равнялся 7,8 или ежегодно приращения – 1,95, т.е. почти 2 %. Тогда как процент, по которому возрастало народонаселение, менее 1 (0,95)».² В последней четверти XIX и в начале XX вв. темпы роста преступлений возросли ещё больше. Например, число краж и грабежей – в семь раз. Особенно показателен рост рецидивной (по сути дела, профессиональной) преступности. По данным Б.С. Утевского, в 1912 году на 100 осужденных в общих судах приходилось 23 % ранее судимых в общих судах, в местных (мировых) судах – 19,9 %. При этом на 100 осужденных общими судами рецидивистов судимые во второй раз составляли 75 %, в третий раз – 14,1 %, в четвёртый, пятый и т.д. раз – 10,4 %.

Правительство было не в состоянии не только повлиять на причины преступности в стране, но и вести с ней достаточно эффективную борьбу. Несмотря на значительный рост преступлений, основными инструментами борьбы по-прежнему оставалась наружная полиция и следственно-судебный аппарат. Быстрый рост преступности и отсутствие действенных средств борьбы против неё вызывали серьёзное беспокойство наиболее дальновидных руководителей полицейского аппарата. В 1866 году Петербургский обер-полицмейстер генерал-лейтенант Ф.Ф. Трепов направил Александру II записку, в которой говорилось: «Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений, изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений. Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся на себе всю тягость полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отноше-

---

¹ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 1. – СПб.: Тип-я II-го Отд. имп. канцелярии, 1830. Т. IV. № 2439 (далее: ПСЗ).

² Цит. по кн.: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 64.

нии. Для устранения этого недостатка и предложено учредить сыскную полицию».

Записка возымела действие: в том же 1866 году в Петербурге создаётся сыскное отделение полиции, работа которого строилась на использовании негласных методов. Его первым начальником стал И.Д. Путилин, крупный полицейский чиновник. Природный талант, большой опыт и умение, приобретённые И.Д. Путилиным за долгие годы работы в полиции, сделала его грозой преступников, которые называли его «Русский Лекок», ставя в один ряд со знаменитым французским сыщиком. В основу организации работы Петербургского сыскного отделения был положен территориальный принцип: чиновники по особым поручениям распределялись по полицейским частям (отделениям), а полицейские надзиратели – по участкам. В результате вся территория города оказалась под наблюдением чиновников сыскного отделения. Вслед за Петербургом сыскные отделения начинают создаваться в полицейских органах других крупных городов – Москвы, Киева, Риги, Одессы, Тифлиса, Баку, Ростова-на-Дону. Однако единой общегосударственной системы уголовно-сыскных аппаратов не существовало.

Между тем в начале XX века темпы роста преступности в России продолжали неуклонно повышаться. Об этом свидетельствуют статистические данные: если с 1885 по 1898 год число осуждённых окружными судами возросло на 12 %, то с 1899 по 1908 год – на 66 %. В первые девять лет XX века ежегодный прирост преступности составил 7 %. В 1913 году было зарегистрировано 3,5 млн. преступлений при населении страны в 159 млн. человек. Положение усугублялось слабой постановкой в полиции розыскного дела. По данным Министерства юстиции, ежегодно 315 всех следствий по уголовным делам прекращались из-за низкого уровня розыскной работы, проводившейся полицией. Такое положение в значительной мере было следствием отсутствия общегосударственной системы уголовно-сыскных аппаратов. Опыт функционирования таких аппаратов в некоторых крупных городах свидетельствовал в пользу их повсеместного распространения. По данным официальных источников, «там, где были сыскные части, количество неразысканных преступников было меньше, чем там, где борьбу вела только наружная полиция».

Положение приобрело большую остроту. Вопрос об усилении борьбы с общеуголовной преступностью был поставлен в Государственной Думе. При его обсуждении отмечалось, что «состояние сыска в империи представляет собою, несомненно, прямую опасность во время столь быстрого роста преступности». Депутаты признали организацию сыскных отделений в масштабе всей страны своевременной и необходимой. Ответом на такую постановку вопроса было издание 6 июля 1908 года закона «Об организации сыскной части».¹ В соответствии с ним в составе полицейских управлений губернских и других крупных городов создавались «сыскные отделения... для производства розыска по делам общеуголовного характера». В департаменте полиции Министерства внутренних дел было учреждено новое структурное подразделение – Восьмое делопроизводство, которое осуществляло главным образом координационные функции: составление документов по организации деятельности сыскных отделений, создание Центрального регистрационного бюро, связь с западноевропейскими полицейскими службами, а также с фирма-

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. – СПб., 1908. Т. XXVIII. Ч. 1. № 30672.

ми, изготавливающим и аппаратуру для сыскных отделений в России. Одновременно чины Восьмого делопроизводства были инструкторами в школе для подготовки сотрудников сыска, выезжали на места для обучения технике розыска.

Представляет интерес принцип, по которому определялись разряд и штаты того или иного сыскного отделения. В качестве образца был принят утвержденный в 1908 году штат Киевского сыскного отделения, отнесенного к первому разряду. Население Киева в это время составляло 320 тыс. человек. По числу ежегодно совершаемых преступлений город занимал первое место в России: на каждые 10 тыс. жителей здесь совершалось 649,8 преступлений. В то же время средняя норма в крупных городах равнялась 362,1, а в целом по стране – 177,9 преступлений в год. Штат Киевского сыскного отделения состоял из начальника, его помощника и 18 оперативных работников. По такому же штату были сформированы сыскные отделения в Харькове (210 тыс. жителей) и Тифлисе (190 тыс. жителей). Сыскные отделения второго разряда создавались в городах, население которых составляло примерно половину жителей городов, отнесённых к первому разряду. В городах с населением от 35 до 90 тыс. человек организовывались сыскные отделения третьего разряда. И, наконец, сыскные отделения четвертого разряда открывались в городах с населением до 35 тыс. жителей. Дополнительным условием для таких небольших городов являлось наличие высших административных, судебных, воинских учреждений или таких предприятий, «которые притягивают к себе наиболее беспокойные элементы населения (заводы, фабрики, железнодорожные узлы и т.д.)».

Закон от 6 июля не затрагивал организацию сыскных отделений столичных городов – Петербурга и Москвы. Они были поставлены вне разрядов и обеспечивались по особому распоряжению. Закон не решал вопроса об организации сыскных отделений в уездах, хотя при его подготовке этот вопрос обсуждался и в Департаменте полиции, и в Государственной Думе. Однако сыскные отделения в уездах не были созданы из-за отсутствия необходимых средств, неподготовленности личного состава, отсутствия на местах специальных школ для обучения уголовно-розыскному делу. Законом от 6 июля 1908 г. регламентировались расходы «на сыскные надобности в империи». Предусматривалось выделение 286 900 руб. в год. Деньги сыскным отделениям распределяло Министерство внутренних дел. Основной критерий, отправную точку составляли 500 тыс. жителей. Для этой нормы населения на обслуживание сыскных задач устанавливалась сумма в 1 тыс. руб.

Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. лишь в самых общих чертах определял задачи сыскных отделений, их организационное устройство. Поэтому в его развитие 9 августа 1910 года Министерством внутренних дел, возглавлявшимся П.А. Столыпиным, была издана Инструкция чинам сыскных отделений. По сравнению с Законом от 6 июля 1908 г. в Инструкции более определенно формулировались задачи сыскных отделений – «негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения и преследования преступных деяний уголовного характера». Одновременно с этим инструкция устанавливала структуру сыскных отделений и принципы организации их работы. Каждое сыскное отделение состояло из четырех структурных подразделений – столов: 1) личного задержания; 2) розысков; 3) наблюдения; 4) справочного регистрационного бюро. Последнее составляло «главную часть внутренней организации сыскного отделения».

Справочное регистрационное бюро занималось регистрацией преступников, установлением их личности, систематизацией всех сведений о них, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц. В основу работы сотрудников сыскных отделений был положен принцип специализации (линейный принцип), что, несомненно, следует расценить как положительный факт. «Наиболее правильная и вполне соответствующая организация борьбы с преступностью, – говорилось в § 56 Инструкции, – заключается в специализации как общих мер розыска, так и розыскной деятельности членов сыскных отделений по главным родам преступлений».

Устанавливались три категории специализации по видам профессиональной преступности: убийства, разбои, грабежи и поджоги; кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, взломщики, карманные, магазинные, железнодорожные, «хипесные» и т. п. шайки); мошенничество, подлоги, обманы, фальшивомонетничество, подделка документов, шулерство, разного рода аферы, контрабанда, продажа женщин в дома терпимости и за границу. В соответствии с этим личный состав сыскного отделения (где это было возможно по количеству чиновников) распределялся на три группы, каждая из которых образовывала особый отряд и исполняла поручения начальника по одной какой-либо категории преступлений. Там, где позволяли штаты, каждый из трёх отрядов делился на отделения, которые занимались еще более узкой категорией преступников. В некоторых отделениях создавался четвертый – «летучий» отряд, предназначенный для постоянных дежурств в театрах, на вокзалах, для обходов, облав на бродяг и для несения дневной и ночной патрульной службы на улицах, рынках и т.п.

Основным методом работы сыскных отделений была работа с использованием наружного наблюдения и негласных сотрудников. Параграф 2 Инструкции от 9 августа 1910 г. гласил: «...чины сыскных отделений имеют систематический надзор за преступными и порочными элементами путём негласной агентуры и наружного наблюдения». Наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники – полицейские надзиратели. Они сосредоточивали основное внимание за местами скопления преступного элемента – ресторанами, трактирами, постоянными дворами, ночлежными приютами, домами терпимости, ломбардами, различными увеселительными заведениями. Внутреннее наблюдение вели секретные сотрудники (негласная агентура), вербовавшиеся из представителей преступного мира, скупщиков краденого, хозяев воровских притонов, проституток. Кроме того, сыскная полиция пользовалась услугами лиц, которые по роду своих занятий имели возможность вести наблюдение за многими гражданами, – старьевщиков, разносчиков, посыльных, дворников, извозчиков, кондукторов и других железнодорожных служащих.

Вот что писал о контингенте секретных сотрудников начальник Петербургского сыскного отделения: «Негласных агентов приходится иметь во всех слоях общества. Как при посредстве отбывших наказание за кражи и отпущенных на свободу возможно узнавать места сбыта похищенных вещей, разные воровские притоны и сборища, известные воровские клички воров и пр., так равно собирание секретных справок о разного рода личностях возможно иметь только при посредстве негласных агентов. Через них же получают сведения о приезжающих из других городов шулерах и членах воровских и других шаек. Во всех увеселительных заведениях, гостиницах, трактирах, постоянных дворах должны быть агенты среди прислуги.

Разные общественные и частные учреждения, банки, страховые общества и прочие также не могут быть оставлены без наблюдения тех же негласных агентов».

Надо сказать, что качественный состав основной массы негласных сотрудников сыскных отделений во многом оставлял желать лучшего. По признанию самих полицейских чиновников такое положение объяснялось тем, что агентура вербовалась главным образом из преступной среды. Приходится «...полагаться на сведения, добываемые исключительно таким путем, – писал журнал «Вестник полиции», – доводить дело до того, что становится неизвестным, где кончается преступник и начинается в нем сыщик, где распутываемые узлы старого преступления превращаются таким образом в завязь нового». Кроме данных наружного наблюдения и секретной агентуры сыскные отделения пользовались такими источниками, как слухи, доносы (анонимные сообщения и письма), сведения и справки, доставляемые лицами всевозможных профессий как за вознаграждение, так и в силу их постоянного общения с чинами сыскной полиции.

В России, так же как в европейских странах, в конце XIX – начале XX вв. в полиции для борьбы с преступностью начинают применяться научные методы и технические средства. Прежде всего, велась разработка научных методов идентификации. В этой области развивались два направления – антропометрия (наука получения метрических данных о теле человека) и дактилоскопия. Антропометрические методы назывались *бертильонаж* – по имени Альфонса Бертильона, сотрудника Парижской сыскной полиции. Он установил ряд определенных приемов измерения частей человеческого тела, исходя из того, что они не меняются в период его зрелой жизни. Антропометрическая система Бертильона была введена в полиции России в 1890 году «для лишения рецидивистов возможности скрывать свою прежнюю судимость, равно как констатирования подозрительных лиц, желающих утаивать своё прошлое и своё действительное звание».

Основными признаками классификации Бертильона являлись длина и ширина головы, длина среднего пальца и мизинца левой руки, длина левой ступни и подъёма, ширина скуловой кости, длина левого предплечья и рост (вышина в сидячем положении). Кроме того, определялся цвет радужной оболочки вокруг зрачка) в левом глазу, при этом на особой таблице глаза были распределены по цвету радужной оболочки на 7 главных групп и т.д. За период с 1890 по 1897 гг. по системе Бертильона в России было измерено 23 тыс. мужчин и 4 тыс. женщин. Среди них было обнаружено 1700 рецидивистов и 180 рецидивисток. Однако система Бертильона страдала рядом недостатков. Отклонения в тех измерениях, которые велись по этой системе, могут наступать вследствие болезней, ведущих к патологическим изменениям частей человеческого тела. Кроме того изменения частей тела могут наступать у человека в преклонном возрасте. Не исключались ошибки и при некачественном измерении. Поэтому *бертильонаж* стал повсеместно вытесняться дактилоскопией, основанной на постоянных признаках. Система дактилоскопии была разработана начальником Лондонской полиции Эдвардом Генри и введена в Скотланд-Ярде в 1901 году. Это давало значительно больший эффект при раскрытии преступлений, а также позволило разработать и ввести систему регистрации преступников, основанную на дактилоскопии. Такую систему в России ввёл Департамент полиции.

Циркулярными распоряжениями Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 29 декабря 1906 г. и 9 апреля 1907 г. в этом департаменте было создано Центральное регистрационное бюро, в сыскных отделениях на местах – регистрационные бюро. Вновь образованные учреждения строили свою работу на использовании дактилоскопии и фотографии. Антропометрический метод продолжал применяться для опознания старых рецидивистов. В центральном регистрационном бюро для розыска и опознания преступников была разработана специальная система, в основе которой лежала регистрационная карта, содержащая 120 вопросов. Однако эта система оказалась очень сложной, труднодоступной для основной массы работников сыскных отделений, не отличавшихся высокой квалификацией и не имевших необходимого опыта. Поэтому Департамент полиции, проведя большую аналитическую работу, существенно изменил систему регистрации преступников. Новая регистрационная система строилась на таблице родов преступности, включавшей 30 категорий преступников. В музее Петербургской сыскной полиции¹ хранились альбомы с фотографиями преступников, которые подразделялись по следующим категориям: 1) «гастролеры», 2) карманные воры, 3) воровки-проститутки, 4) простые воры, 5) «домушники» или воры по передним, 6) воры чердачные, 7) воры магазинные, 8) воры со взломом квартир и магазинов, 9) воры с употреблением обмана, 10) воры-прислуги, 11) воры железнодорожные, 12) воры велосипедные, 13) притоносодержатели, 14) скупщики краденого, 15) конокрады, 16) мошенники и аферисты, 17) грабители и разбойники, 18) подделыватели фальшивых денег, 19) поджигатели, 20) убийцы, 21) шулера- картежники, 22) хулиганы и «коты», 23) бродяги, 24) глухонемые правонарушители, 25) ссыльно-каторжные, 26) соучастники преступлений, 27) барышники театральные, 28) «хипесники», обкрадывающие мужчин, приводимых проститутками на квартиры, 29) «подкидчики», обкрадывавшие, чаще всего, приезжих провинциалов при помощи подкидывания на улице кошельков с деньгами или ценных колец, 30) «пушкари».

К 1 января 1915 года был переработан весь материал, находившийся в Центральном регистрационном бюро. Вслед за этим усовершенствован так называемый циркулярный (письменный) розыск. Раньше практиковался письменный розыск снизу. Он заключался в том, что начальники сыскных отделений сами рассылали объявления о розыске того или иного лица (нередко с приложением фотографии) в полицейские органы страны. Это приводило к большим затратам средств и времени, а результаты чаще всего были незначительными. Чтобы изменить такое положение, циркулярный розыск был централизован. Сыскные ведомости стали издаваться Центральным регистрационным бюро еженедельно. В экстренных случаях через несколько часов после получения требования о сыске делались выписки, которые бесплатно рассылались во все полицейские органы. Благодаря этому существенно повысилась эффективность работы сыскного аппарата по розыску преступников. Думается, не лишним будет сказать, что система централизованного циркулярного розыска преступников успешно выдержала испытание временем, она сохраняется в уголовном розыске и в настоящее время.

---

¹ Музеем в сыскной полиции назывался научно-технический кабинет, где проводились экспертизы, другие научно-исследовательские работы.

В своей работе дореволюционный уголовный сыск должен был взаимодействовать с общей (наружной) полицией. Основания и формы взаимоотношений уголовного сыска и общей полиции были определены в упоминавшейся ранее Инструкция МВД от 9 августа 1910 г. В § 4 Инструкции говорилось, что члены сыскных отделений в служебной работе «стремятся к полному единению с чинами общей полиции». Члены же общей полиции обязывались всегда и во всем оказывать законное содействие чинам сыскных отделений. Однако на практике все обстояло сложнее: «полное единение» сыскной и общей полиции достигалось далеко не всегда. Каждое «ведомство» заботилось о том, чтобы самому выглядеть «достойно», и мало – об объединении сил и средств. Это признавал даже журнал «Вестник полиции». В одном из его номеров отмечалось, что органы общей полиции не оказывают содействия уголовному сыску, «не дают справок о происшедших на участке случаях». Приставы рассуждали по-своему: «нашли дураков, будем мы хорошее дело передавать от себя, да мы и сами проведем его не хуже».

При столь невысоком профессиональном уровне чинов в городской полиции в сыском деле не случайным оказалось то, что жертвой преступников стал сам министр внутренних дел А.Е. Тимашев. Он приехал в Москву повидаться со старушкой-матерью. Тимашев, очень богомольный, отправился к обедне в Успенский собор Кремля и, вернувшись домой, не обнаружил кошелька и золотого портсигара с бриллиантовой монограммой. Надвигался громкий скандал. Положение спас полицейский пристав Хотинский, который хорошо знал преступный мир Москвы. Он отправился в деревню Большие Котлы за Серпуховской заставой (в те годы самое злачное место). Там он выяснил, что накануне в Успенском соборе «работали» Николай-цыган и Егор-истопник. Разыскав Николая-цыгана, Хотинский сказал ему: «Ты меня хорошо знаешь. За мной не пропадет. Через два часа верни украденное. Не вернешь – раскаешься». Спустя несколько часов Хотинский уже вручал кошелек и золотой портсигар Тимашеву. Министр выразил полное удовлетворение: «Вы работаете лучше лондонской полиции, которая считается образцовой».

Конечно, такое положение наблюдалось не везде, тем не менее, оно было типичным, и это отрицательно влияло на общие результаты борьбы с уголовной преступностью. Достаточно познакомиться с данными о раскрываемости преступлений. Общий уровень раскрываемости, как правило, был ниже 50 %. И это считалось хорошим уровнем. Весьма показателен в этом отношении отчет о деятельности сыского отделения Киевской городской полиции за 1906 год. В нём указывалось, что раскрываемость преступлений в Киеве составила 35 % (из 2 355 преступлений было раскрыто 793). Однако начальник сыского отделения не считал такой показатель плохим. «На первый взгляд, – писал он, – цифра эта кажется низкой и набрасывает тень на чинов сыскной полиции, но если принять во внимание те особенно тяжелые условия, при которых чинам сыскной полиции приходилось действовать в течение отчетного года, то процент обнаружения преступлений в других правильно организованных сыских полициях в России и за границей вполне удовлетворительный».

Как показывают факты, автор отчёта был хорошо осведомлен о положении дел в уголовно-сыских органах страны. Так, по данным за 1907 год в Москве было совершено 5 705 преступлений, а раскрыто только 443, т.е. менее 10 %. Подобная кар-

тина наблюдалась в целом по стране. В 1909 году из 411 063 уголовных дел, по которым велось следствие, 233 770 было прекращено из-за недоказанности или нераскрытия преступлений, а 96 247 уголовных дел – из-за необнаружения виновных. Надо заметить, что такое, поистине угрожающее положение, с раскрываемостью преступлений беспокоило наиболее дальновидных чиновников сыскной полиции. Выдвигались разнообразные проекты реформы сыскного дела. На страницах журнала «Вестник полиции» в течение нескольких лет велась дискуссия по этому поводу. В июле 1913 года в Петербурге проходил съезд начальников сыскных отделений, на котором обсуждались различные предложения по улучшению организации уголовного сыска в России. Некоторые из них (например, по регистрации преступников, циркулярному розыску) были внедрены в практику.

Говоря о сыске дореволюционной России, следует остановиться на характеристике его кадрового состава. Это необходимо сделать потому, что качество работы сыскных отделений прямо зависело от уровня профессиональной подготовки, морально-нравственных и других индивидуальных качеств людей, которые приводили в движение механизм данного ведомства. Надо сказать, что царское правительство уделяло большое внимание проблеме кадров аппарата уголовного сыска, стремясь сделать его надёжным и эффективным. Прежде всего, от служащего сыскного отделения требовалась благонадежность. Как устанавливалось в Инструкции чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г., он обязывался исполнять «службу его императорского величества по совести, памятуя священные слова присяги, принятой им при определении на службу». В одном из номеров журнала «Вестник полиции» говорилось, что при назначении на должности главное внимание следует обращать не на «индивидуальные способности к сыску назначаемых лиц, а на положительную репутацию того или иного полицейского чиновника». Одновременно с этим учитывались нравственно-этические качества чинов сыскных отделений. В выше-названной Инструкции было записано, что служащий сыскного отделения должен быть «честен, безусловно правдив, вести жизнь нравственную, трезвую и ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, выказывать на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность».

Особое внимание уделялось выбору руководителей сыскных подразделений. 28 июля 1908 года начальникам тех губерний, где предполагалось открыть сыскные отделения, Департамент полиции разослал директиву, в которой указывалось на необходимость «вручить это живое и ответственное дело (руководство сыскными отделениями – *Р.М.*) лицам, опытным, вполне достойным доверия и по возможности ознакомленным заранее с теми приемами предстоящей работы, которые выяснены практикой». В целях обеспечения условий, при которых начальники сыскных отделений и их помощники соответствовали бы своему назначению. Закон от 6 июля 1908 г. требовал при определении их на службу, чтобы губернатор входил «в предварительное сношение» с прокурором окружного суда. Законодатель исходил из того, что именно «ему (прокурору) известны способности полицейских чинов его округа в розыскной деятельности». Чтобы привлечь на службу в новые подразделения наиболее квалифицированных чиновников, начальники сыскных подразделений были поставлены по своему служебному положению выше полицейских приставов. По Закону от 6 июля 1908 г. в сыскных отделениях 1-го разряда должность

начальника определялась в VII, а в остальных в VIII классном чине по Табели о рангах. Полицейские же приставы состояли по должности в IX, а в некоторых крупных городах – в VIII классном чине.

Тем не менее, как отмечалось в одном из документов Департамента полиции, «почти никто из пользующихся безупречной службой и нравственной репутацией приставов и их помощников добровольно занять пост начальника отделения не пожелал». Поэтому 75 % лиц, возглавивших вновь созданные сыскные отделения, составляли бывшие участковые и стантовые приставы, их помощники и даже околоточные надзиратели. Профессиональный уровень этой категории полицейских чинов, как правило, не соответствовал требованиям, необходимым начальнику сыскного отделения. Оставляла желать лучшего и общеобразовательная подготовка полицейских чиновников. Известное представление о ней дают следующие данные: из 1 609 человек, поступивших на службу в полицию с 1 ноября 1894 г. по август 1895 г., высшее образование имели 17 %, среднее 10,32 %, низшее 72,68 %. При этом 25,6 % были лица, не окончившие уездные училища. Это значит, что они не получили начального образования. Ещё хуже обстояло дело с общеобразовательным уровнем низших полицейских чинов. Большинство из них не имело даже начального образования. Правда, при отсутствии документа об образовании лицо, представляемое к первому классному чину (XIV класс), должно было выдержать экзамен в объёме уездного училища или иметь бессрочный стаж полицейской службы не менее 5 лет. Министерство внутренних дел стремилось как-то решить проблему общеобразовательной и профессиональной подготовки полицейских чинов, открывая школы-резервы полиции и другие учебные заведения. Например, губернские школы урядников к 1910 году действовали в 14 губерниях. В этих школах изучались обязанности полиции по уголовным делам, производство дознаний о преступлениях, методы раскрытия.

С созданием сыскных отделений встал вопрос о профессиональной подготовке их служащих. В августе 1908 года по распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина для начальников сыскных отделений в Петербурге были открыты двухмесячные курсы. Обучение на курсах предусматривало теоретическую подготовку слушателей и практические занятия. Последние проводились ежедневно. Программа курсов включала в себя довольно широкий круг дисциплин: государственное и полицейское право, уголовное право, судебную медицину, методы регистрации преступников; приемы уголовного сыска; приемы самообороны; ознакомление с оружием и взрывчатыми веществами; ознакомление с гримом и переодеванием; тайнопись преступников (шифры и дешифровка); разбор выдающихся сыскных дел; присутствие по возможности при вскрытии трупов; посещение полицейского музея и других учреждений; практические занятия по «словесному портрету», антропометрии, дактилоскопии, по снятию слепков и рисунков следов, по исследованию документов; приёмы дрессировки собак для защитных, сторожевых и сыскных целей; практику дознания; практику розыска и выслеживания преступников.

Конечно, обучение на курсах способствовало повышению квалификации определённой части сотрудников уголовного сыска. Однако оно не решало проблем в целом. Не случайно в одной из корреспонденций журнала «Вестник полиции» делался неутешительный вывод: «Отсутствие знаний – это общая полицейская хро-

ническая болезнь». Наиболее дальновидные руководители полиции предпринимали различные шаги, чтобы поднять уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки чинов сыскных отделений. Много делалось журналом «Вестник полиции». На его страницах печатались учебные программы занятий с теми, кто готовился к розыскной деятельности, предлагались проекты устройства частных школ для сыщиков и т.п. На состоявшемся в 1913 году Всероссийском съезде чинов сыскной полиции остро обсуждался вопрос о требованиях, предъявляемых к личному составу, о его профессиональной подготовке – говорилось об открытии курсов для классных чинов, школ для нижних чинов сыскной полиции.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, среди сотрудников уголовного розыска дореволюционной России было немало настоящих специалистов своего дела, истинных профессионалов-сыщиков, больших знатоков преступного мира. Часть из них после Октябрьской революции пришла на службу в советский уголовный розыск, честно и добросовестно выполняла свои обязанности, способствуя становлению и укреплению аппарата борьбы против преступности, участвуя в формировании его кадрового состава. Как видим, опыт деятельности уголовно-сыскных аппаратов полиции дореволюционной России по борьбе с профессиональной преступностью содержит немало полезного и поучительного. Нам представляется, что он заслуживает серьезного изучения и учёта в современной практике по борьбе против организованной преступности.

Источники и использованная литература:

1. Записки отделения Русской и Славянской археологии Императорского Российского Археологического общества. – СПб.: Тип-я И. Огризко, 1861. Ч. II. – 789 с.
2. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 339 с.
3. Памятники русского права. – М.: Госюриздат, 1957. Вып. VI. – 504 с.
4. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб.: Тип-я II-го Отд. имп. канцелярии, 1830. Т. IV. – 881, 3, 1 с.
5. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1908. Т. XXVIII. Ч. 1. – 1008, 47 с.

Mulukayev R.S.

In fight against professional crime (from experience of the Russian police)

In this article process of emergence and development of bodies of criminal investigation service which purpose was a fight against the steady criminal groups which have arisen in 16th century is analyzed. Functions and order of activity of central, provincial and local bodies as police authorities of 16-18th centuries, detective offices of police of 19th – early 20th centuries are analyzed.

Keywords: Russia, 15th – early 20th centuries, fight against professional crime, criminal groups, criminal investigation service, central bodies, detectives, provincial and local bodies, local police bodies, detective offices.

НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ¹

В статье исследуется правовой опыт России в сфере противодействия преступности. Исследована эволюция уголовной политики России в сфере назначения уголовного наказания. Дана оценка правового опыта зарубежных государств, характеризующего институционализацию видов наказаний. Отражен процесс оформления в зарубежном и национальном праве теорий наказания, положенных в основу уголовно-правового регулирования общественных отношений. Определена юридическая природа, сущность и роль наказания в механизме уголовно-правового воздействия. Сформулированы выводы относительно социальной ценности накопленных юридических знаний в области противодействия преступности.

Ключевые слова: национальная система права; история уголовного права; уголовно-правовая политика; правовые основы противодействия преступности в России; история уголовного наказания.

Обновление государственности, признанное первостепенной задачей в процессе укрепления правового государства и формирования гражданского общества в Российской Федерации (РФ), детерминировало модернизацию институтов национального права на основе соотношения общепризнанных принципов международного права, основополагающих принципов национальной доктрины и сложившихся в ходе социально-экономических и политико-правовых преобразований реалий. Обозначенная тенденция правового строительства предопределила повышенный интерес научных кругов, субъектов правотворческого процесса и общественности к уголовно-правовой политике, обусловленный предметом правового регулирования, публичным характером уголовно-правовых норм, обеспечивающих защиту наиболее социально-значимых интересов как государства, так человека и гражданина, главным образом, права на жизнь, честь, достоинство, личную свободу и неприкосновенность.

Создание эффективного механизма правового регулирования уголовных правоотношений, гарантирование и реализация государством охранительной и регулятивной функций права актуализируют ретроспективный анализ уголовно-правовой политики на разных этапах развития отечественной государственности, осмысление правового опыта с целью выявления исторически сложившихся методов и способов уголовно-правового регулирования, установления объективных и субъективных факторов, определяющих уголовно-правовую политику, вскрытия причин, обуславливающих негативные процессы, определения позитивных тенденций и возможность их применения в условиях обновления системы права РФ.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирской академии права, экономики и управления, доктор юридических наук, доцент (Иркутск).

¹ Впервые опубликовано: Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права (SCOPUS). – 2013. № 1. С. 119-126.

Становление человеческого общества, закономерно обусловленное геополитическими, географическими, климатическими, социально-экономическими факторами, представляло собой поэтапный процесс «соединения частей свободы», что неизменно повлекло зарождение первичных форм самоорганизации с преобладанием потестарно-властных публичных отношений. Последовательное развитие форм самоорганизации общества привело к введению мер социального воздействия на поведение индивида посредством исторически сложившихся на основе традиций и обычаев мононорм, определяющих порядок восстановления нарушенного «нравственного и физического состояния» потерпевшего лица по принципу «воздаяния равным за равное». Основополагающее место в системе мер социального воздействия занимали языческие обычаи, устанавливающие кровную месть за совершение всякого рода «злых дел» по принципу «око за око, зуб за зуб». Преследуя, по мнению И. Канта, целью «нравственное и материальное возмездие», обычай кровной мести позволял потерпевшему лицу или его родственникам осуществлять расправу с преступником по принципу «талиона». Поступательное развитие первобытного общества предопределило зарождение публично-властных отношений, детерминирующих процесс государствообразования. Исследование первобытных форм организации общества и происхождения государства и права, получившее отражение в трудах представителей античной правовой мысли Демокрита, Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля, свидетельствует о социально-экономической и политической обусловленности введения механизма правового воздействия в целях обеспечения «природной справедливости» и «обуздания свойственных людям зависти, раздоров и взаимного причинения вреда».

В развитие теории «нравственного воздаяния» Ч. Беккариа подчеркивает, что «ничто не в силах надолго удержать человека от взрыва страсти» и по мере усиления беспорядка в обществе происходит «увеличение побуждения» к нарушению установленного запрета. Следовательно, чтобы остановить «деспотические стремления каждого отдельного лица, клонившегося к ниспровержению законов и водворению в обществе первобытного хаоса», потребовалось ввести как меру воздействия наказание. Цель наказания на стадии перехода от первобытных форм организации общества к государству, по Ч. Беккариа, заключалась в «воспрепятствовании преступнику совершать новые вредные его согражданам деяния и отклонение других от совершения таких».¹ При этом действия разрушения, которые «замечаются как в физическом, так и в нравственном мире» устраняются только такими средствами, которые непосредственно «поражают чувства и запечатляются в уме и таким образом уравнивают собой силу впечатлений, производимых личными страстями, идущими всегда в разрез с общим благом».

Характеризуя процесс оформления механизма правового воздействия в условиях становления древнерусской государственности, необходимо отметить сочетание опыта зарубежных правовых систем с особенностями национального политико-правового развития. Исследователи истории русского права Д. Самоквасов и В. Сергеевич писали, что с принятием христианства и введением на основе рецепции норм византийского права, в частности Номоканона и Церковных уставов, в

---

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. И. Соболева. – СПб., 1878. С. 49.

России наметился переход от «материального» к «формальному» пониманию наказания.¹ «Формальный взгляд» на наказание предполагал законодательное установление уголовно-правового запрета и определение меры дозволенного в поведении индивида. Нарушение уголовного запрета влекло наказание. При этом «всякое наказание состояло в причинении какой-нибудь неприятности преступнику, какого-нибудь страдания».² Взяв за основу теории «полезности возмездия» и «всеобщего страха перед наказанием», получившие разработку в трудах греческих философов-софистов, римских юристов и предусматривающие конечной целью государственного воздействия «осуществление наказанием впечатления, способного удержать преступника от дальнейших посягательств, а других – от подражания его примеру», древнерусское законодательство регламентирует замену кровной мести назначением смертной казни, «потока и разграбления», лишения свободы, уголовного штрафа, телесных и членовредительских наказаний.

Упоминания о назначении простой и квалифицированной смертной казни в виде утопления, повешения, сожжения и убийства камнями, осуществляемых при публичном скоплении народа на торговой площади в отношении участников восстаний против государственной власти 1067, 1071 и 1113 гг. содержатся в летописных сказаниях восточных славян, сочинениях арабских путешественников, в «Починении» Владимира Мономаха и в «Житиях» святых. Согласно Троицкой летописи за преступления против государственной власти и церкви назначали наказание в виде лишения свободы посредством заключения в порубы и погреба, сооружаемые на перекрестке торговых путей с целью возложения при отсутствии целенаправленного государственного финансирования содержания заключенных на родственников или проезжих лиц.

Свод норм древнерусского права, вошедший в юридическую науку как Русская Правда, регламентирует основания и порядок назначения за совершение убийства в разбое, конокрадства, поджога гумна или двора «потока и разграбления». Основным видом наказания являлся «поток», предусматривавший «политическую смерть» преступника, т.е. лишение его прежнего социального статуса и изгнание с прежнего места жительства на «чужбину» (ст. 7, 35, 83 Пространной редакции «Русской Правды»). В качестве дополнительного наказания к «поток» применяли «разграбление», подразумевавшее конфискацию имущества. Формализуя теорию наказания «материального возмездия», «Русская Правда» регламентирует назначение уголовного штрафа за совершение убийства, преступлений против здоровья, связанных с нанесением ран, побоев и других увечий или совершением членовредительства, и преступлений против собственности в виде «вирь» и «продажи» в пользу «княжеской власти» и «головничества» и «урока» в пользу потерпевшего (его родственников) лица. Летописный материал свидетельствует о назначении в судебной практике телесных болезненных наказаний, осуществляемых розгами и клейменем. Подтверждением тому служит содержание ст. 65 Пространной редакции «Русской Правды», устанавливающей применение «сечения» к холопу, нанесшему побои свободному человеку.

---

¹ Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. – М., 1908. С. 408.

² Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1910. С. 357.

Частичная новеллизация мер уголовно-правового воздействия наметилась с принятием «Псковской судной грамоты», в которой впервые на законодательном уровне в качестве «главного вида наказания» за совершение государственной измены («перевета»), «кражи в Кремле», «конокрадства», «кражи, совершенной в третий раз» и поджога («зажигательства») была закреплена смертная казнь. Радикальные изменения система мер уголовно-правового воздействия претерпевает в период централизации русского государства, когда в целях устрашения социальных низов смертная казнь получает массовое применение. По Судебнику 1497 г. смертная казнь назначалась за «крамолу», «подмет», «зажигательство», «душегубство» господина, «церковную» и «головную татьбу», «татьбу», совершенную во второй раз, разбой, «ябедничество» и иное «лихое» дело, совершенное «ведомым лихим человеком». Определение способов исполнения смертной казни возлагалось на усмотрение суда. Согласно летописям в большинстве случаев смертная казнь осуществлялась через повешение, «голова ссекоша» и утопление. Применяли квалифицированные виды смертной казни, предусматривавшие причинение до лишения жизни дополнительных мучительных истязаний, таких как «бити и мучити и конми волоčiti по всему граду и по всем торгам».

Вторым видом наказания по Судебнику 1497 г. являлись телесные наказания. Самым распространенным из телесных наказаний была «торговая казнь», назначаемая за совершение «татьбы» без квалифицирующих признаков. «Торговую казнь» осуществляли на торговой площади при скоплении народа путём «бития кнутом», который представлял собой «прикрепленный к деревянной рукоятке ремень около аршина длиной, изготовленный из толстой засушенной сыромятной лошадиной или лосиной кожи».¹ Введение «торговой казни» повлекло постепенное ограничение назначения членовредительских наказаний в виде ослепления, урезания за «дерзкие речи» языка и ушей. Согласно исследованиям Д. Самоквасова и В. Сергеевича, при невыполнении судебного решения, вынесенного по уголовным делам небольшой тяжести, осужденного к уголовному штрафу наряду с основным наказанием приговаривали к дополнительному наказанию в виде «правежа». Под «правежом» понимали телесное наказание, осуществляемое на торговой площади прутком. Срок и тяжесть наказания зависели от размера взыскиваемого судом штрафа. По свидетельству очевидцев, «одни на правеже стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены». Распространенным видом наказания по Судебнику 1497 г. выступал уголовный штраф – «продажа», назначаемый за совершение «поджога», «душегубства» и «татьбы» без квалифицирующих признаков.

Помимо смертной, «торговой» казни и «продажи» в период централизации древнерусского государства применяли такие виды наказания как лишение и ограничение свободы. Лишение и ограничение свободы назначали, как правило, в отношении преступников из числа приближенной к трону родовой знати и осуществляли посредством тюремного заключения, тюремного заточения и ссылки на поселение. По свидетельству исследователей русского права «дети боярские», участвующие в заговоре против главы государства, подлежали наказанию в виде «испомещения с отписанием казны и сел по иным городам», а также путём «заточения

---

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 414.

в тюрьму пометати», «заточения в Коломенском монастыре» и «пожизненного заточения в Угличе».

Очередной этап модернизации уголовной политики связан с изданием «Соборного уложения» 1649 г., согласно которому наказание должно не только внушать «спасительный для общества и государства страх», но и «поражать своим внешним видом и обрядом исполнения». Промульгируя такие цели наказания как устрание и возмездие, Соборное уложение 1649 г. подробно регламентирует основания назначения и способы исполнения смертной казни, в том числе путём «зжжения огнем безо всякого милосердия», «залития горла раскаленным металлом» и закапывания «живу в землю и держати в земле до тех мест пока мест не умрет (ст. ст. 14, 24, 26, 72 гл. XXII). На втором месте по назначению судом стояли болезненные и членовредительские телесные наказания. Болезненные телесные наказания исполняли посредством «бития на казне или по торгам» кнутом или батогами (толстым прутом), а также путём «правежа», заключающегося «в битии» приговорённого на торговой площади в течение одного месяца «по икрам палками». Членовредительские телесные наказания исполняли путем вырывания ноздрей и урезания носа с последующей ссылкой «в дальние города, где государь укажет».

На третьем месте в системе наказания находилось лишение свободы в виде ссылки и тюремного заключения. Используя ссылку как способ изоляции преступника, законодательство определяло «труднодоступные места» в виде монастырей, крепостей и острогов. Тюремное заключение применяли в виде наказания, назначаемого до принятия «государева указа». Вследствие этого срок тюремного заключения по «Соборному уложению» 1649 г. варьировался от трех дней до трёх месяцев. В качестве основного и дополнительного наказания назначали лишение чести, что предполагало отстранение от занимаемой в органах государственной власти должности либо «выдачу истцу с головой», т.е. обращение в «обельного» (полного) холопа. В зависимости от социального статуса подсудимого действовала система штрафов. В качестве дополнительного наказания применяли конфискацию имущества в пользу «государевой казны».

Новый этап уголовно-правовой политики наметился с ведением в действие в 1715 году Артикула воинского. Исходя из теории полезности наказания, «отнимающего у преступника физическую возможность вредить, устрашающего других и уничтожающего готовность и решимость на совершение новых преступлений и тем исправляющего преступника», государство закрепляет в Артикуле воинском иерархическую систему основных и дополнительных наказаний. К основным видам наказаний относили смертную казнь, лишение свободы, телесные наказания и уголовный штраф. Широкое применение получила смертная казнь, осуществляемая как простым, так и квалифицированными способами. К простым видам смертной казни относили отсечение головы, наказание «виселицею» и «лишение живота» через аркебузирование (расстрел). Квалифицированную смертную казнь исполняли посредством четвертования, колесования и сожжения. Квалифицированной смертной казнью считали также простую смертную казнь, сопряженную с дополнительными мучительными истязаниями в виде «разрывания ноздрей», «прожжения языка раскаленным железом», «распятия рук гвоздями» и предварительным «рванием клещами». Дальнейшее ужесточение уголовно-правовой политики наметилось с

принятием Указов 1719, 1723 гг., устанавливающих новые способы осуществления смертной казни путем залития в горло раскаленного металла и подвешивания на крюк за ребро.

Вторым видом наказания являлось лишение свободы в виде тюремного заключения, срочной и пожизненной ссылки на каторгу на галеры и рудники. Третьим видом наказания выступали телесные наказания, подразделяемые на болезненные и членовредительские. Наряду с ранее известными способами исполнения болезненных наказаний кнутом, батогами, плетью законодательство XVIII века вводит наказание кошками, линьками и шпицрутенами. Наказание кошками подобно наказанию кнутом предполагало нанесение приговоренному ударов изготовленным из толстой сыромятной кожи широким ремнем, разрезанным на четыре части и с узелками на концах. Линек представлял собой используемый на флоте канат с узлами. Наказание шпицрутенами осуществляли посредством прогона осужденного сквозь строй солдат, наносящих ему удары по спине короткими палками. Членовредительские наказания исполняли путём урезания языка или прожжения его раскалённым железом, отсечения руки, суставов и вырывания ноздрей. Для представителей высших слоёв населения основным видом наказания служило лишение чести и достоинства. Законодательному оформлению подлежали «позорящие наказания» в виде «шельмования», «разламывания палачом шпаги над головой» осужденного, «ареста у профоса» (служителя, убиравшего нечистоты в казармах), путём нанесения «удара профосом по щеке» и введения запрета на погребение в установленных местах. Дополнительными видами наказания являлись конфискация имущества и церковное покаяние в виде эпитимии. Заимствование у Византии уголовно-правовых мер «воспитательного воздействия» предопределило назначение за совершение преступлений против церкви и семьи длительных молитв, постов, паломничества, раздачи нищенствующим милостыни.

Анализ сложившегося в России на протяжении эволюции отечественной государственности механизма противодействия преступности, оценка роли наказания в системе мер уголовно-правового воздействия были даны в Наказе Екатерины II, данном законодательной комиссии в ходе разработки проекта нового уложения законов. Национальный механизм правового регулирования уголовных правоотношений был раскрыт с позиции учения Ч. Беккариа, предложившего четыре «постулата наказания», таких как: признание главной целью наказания предупреждение преступлений, законодательная определенность наказания, недопустимость «свободной интерпретации» закона и назначение наказания исключительно судом.¹ Следует отметить, что, определяя «пропорцию между преступлением и наказанием», Ч. Беккариа писал, что наказание как препятствие, «отвращающее людей от преступлений, должно быть тем сильнее, чем то или другое преступление более противно общественному благу» и «самое сильное средство предотвращения преступлений заключается не в жестокости наказания, но в их неизбежности».² Следовательно, средством противодействия преступности является не жестокость наказания, несмотря на то, что наказание и способы их исполнения производят «наибо-

---

¹ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. С. 29-34.

² Беккария Ч. Указ. соч. С. 81-82.

лее сильное и продолжительное впечатление на умы людей», а бдительность органов государственной власти и неумолимая строгость судьи. Неизбежность наказания, по Ч. Беккариа, «больше, чем страх наказания самого жестокого, соединённый с надеждой на безнаказанность».

Подчеркивая эффективность наказания в механизме противодействия преступности, мыслитель указывает, что для того, чтобы наказание произвело своё действие, достаточно, чтобы страдание, причиняемое наказанием, превышало удовольствие, получаемое от преступления. Разграничивая преступления на два вида – против личности и против вещей, Ч. Беккариа признаёт допустимость назначения смертной казни и телесного наказания независимо от происхождения и социального статуса виновного лица. Смертную казнь Ч. Беккариа считает необходимой по двум мотивам: в случае угрозы безопасности нации (даже в местах лишения свободы), а также, если смерть представляется единственным средством отвращения других от совершения преступлений. Согласно Наказу, составленному Екатериной II в духе европейской просветительской философии Ш. Монтескье («О духе законов»), Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях») и Д. Дидро («Энциклопедия»), «наказание по своей цели – это препятствование вознестись преступлению, а по своему содержанию – это труд и болезнь».¹ В соответствии с Наказом уголовный закон должен содержать такие наказания, которые «впечатлевали бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее, в тоже время были менее люты над преступниковым телом». Что касается смертной казни, Наказ Екатерины II рассматривал данную меру государственного воздействия как «некоторое лекарство больного общества» и указывал, что «смерть гражданина потребна только в одном случае, когда он, будучи лишен свободы, имеет, тем не менее, средство и власть, могущие возмутить народное спокойствие».

Оценка роли наказания была дана в научной доктрине отечественного уголовного права. Актуальность оптимизации государственной политики в сфере регулирования уголовных правоотношений, в частности определения и назначения наказания, неоднократно отмечалась в трудах основоположников науки уголовного права. Так, в своей статье «Уголовное право, его предмет, его задачи», изданной в 1873 году в «Судебном журнале», профессор И.Я. Фойницкий указывал, что предметом уголовно-правового регулирования следует признать как преступление, так и «преступность, т.е. состояние лица, вызывающее нарушение юридических отношений, охраняемых карой», «преступление в его последствиях, т.е. отношения, которые наступают для лица вследствие преступности и известны под именем наказания».

По мнению В. Сергеевича, «преступник должен быть наказан для удовлетворения интересов государства, для торжества права путем искоренения злодеев».² Одним из принципов назначения наказания В. Сергеевич считал «индивидуальность наказания», что предусматривало недопустимость коллективной ответственности и привлечение к уголовной ответственности исключительно виновного лица. Наказание не должно напрасно мучить человека и увечить его тело. Наказания должны

---

¹ Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. – М., 1909.

² Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 407-412.

быть «делимы» в соответствии с тяжестью совершенного противоправного деяния, а смертная казнь признается «высшей мерой наказания», назначаемой лишь в предусмотренных законом случаях. В развитие научной доктрины о наказании доктор уголовного права XIX века Н.С. Таганцев отмечал, что страх наказания «не есть что-либо отвлеченное, только пугающее того, кто посягнет на нормы права, а реально им ощущаемое последствие такого посягательства есть действительное наказание как проявление особого юридического отношения, возникающего между карательной властью и слушателем велений авторитетной воли законодателя».¹

Резюмируя вышеизложенное необходимо отметить, что создание национального механизма противодействия преступности, происходящее в процессе становления и развития отечественной государственности, поэтапного законодательного оформления институтов уголовного права, характеризовалось признанием наказания как наиболее эффективной меры стабилизации уголовных правоотношений. Законодательная регламентация наказания в русском праве основывалась на осознании карательной сущности наказания, связанной с лишением человека его прав и интересов, уменьшением их объема либо введением особого порядка их осуществления. Если в условиях первобытной организации общества субъектом карательной власти являлось общество с присущей ему потестарно-властной организацией публичных правоотношений, то с образованием государства функция наказания была возложена на органы государственной власти, обеспечивающие соблюдение законных прав и интересов подданных. Передача карательного права государству объясняется целями и задачами общежития как правового организма.² Наделение государства карательным правом содействует восстановлению идеи справедливости: «каждому должно быть воздано по делам его, всякое преступление должно быть наказано». Одной из самых первых карательных формул является нравственное воздаяние, предусматривающее право потерпевшего на возмещение причиненного вреда и обязанность виновного лица по его «заглаживанию». Однако наказание является справедливым, если оно заслуженно и соответствует вине «качественно и количественно». Дальнейшее развитие форм реализации карательной функции государства привело к рассмотрению наказания в контексте предупреждения преступности путём устрашения и тем самым удержания лица, готовящегося к преступлению, от совершения задуманного. Наказание признается полезной и предупредительной мерой, так как устраняет путём смертной казни и лишения свободы физическую возможность дальнейшего причинения преступником вреда, а посредством устрашения «уничтожает решимость на совершение новых преступлений».

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. – М., 1909. – 97 с.
2. Правда Русская Краткой редакции (Академический список). Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская Правда. – М.: Росвузиздат, 1962. – 102 с.

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. Т. 2. С. 7.

² Там же. С. 55.

Общая и специальная литература:

3. *Авдеева О.А.* История отечественного государства и права. Курс лекций. Ч. I: IX–XVIII вв. – Иркутск: Отгиск, 2005. – 292 с.
4. *Авдеева О.А.* Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX–XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во «На Чехова», 2012. – 150 с.
5. *Авдеева О.А.* Законодательное оформление медиативно-правового регулирования в национальной системе права // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012. № 8. С. 7-10.
6. *Азарян Е.Р.* Преступление. Наказание. Правопорядок. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 227 с.
5. *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. И. Соболева. – СПб., 1878. – 136 с.
7. *Горбуза А.Д.* О диалектике понятий «уголовное наказание», «уголовная ответственность» и «уголовное правонарушение» // Становление и развитие советского уголовного законодательства. – Волгоград, 1973. С. 46-53.
8. *Жижин Б.Д.* Ссылка в России. Законодательная история русской ссылки. – СПб., 1900. – 70 с.
9. *Леонтович Ф.И.* История русского права. – Варшава, 1902. – 597 с.
10. *Мартысевич И.Д.* Псковская судная грамота. – М., 1951. – 208 с.
11. *Самоквасов Д.Я.* Курс истории русского права. – М., 1908. – 616 с.
12. *Саркисова Э.А.* Роль наказания в предупреждении преступлений. – Минск: Наука и техника, 1990. – 158 с.
13. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1910. – 667 с.
14. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 288 с.
15. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. – Тула, 2001. Т. 1. – 800 с.
16. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. – Тула, 2001. Т. 2. – 688 с.
17. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с.
18. *Штамм С.И.* Судебник 1497 года. – М., 1955. – 112 с.
19. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Под ред. проф. Б.С. Никифорова. – М.: Юрид. лит., 1968. – 255 с.

Avdeeva O.A.

**Punishment as a crime counteraction measure: retrospective analysis
of legislative regulation in national law system**

The author researches Russian legal experience in the sphere of crime counteraction. Russian criminal policy is studied in the context of legislative novelization determined by a set of political and legal, social and economical factors. The author analyses foreign countries' experience in criminal and legal institutions' development. This framework describes the mechanism of state and society's influence on person's illegal behavior. Considering technical and comparative-legal approaches of scientific research the author defines legal nature, essentials and role of punishment in system of criminal and legal measures, describes correlation of punishment and other criminal and legal measures. The author states conclusions that allow estimate social value of cumulated legal knowledge, set up a correspondence between foreign theories on punishment and national legal reality.

Key words: national law system; Russian criminal law; criminal and law policy; legal basis of crime counteraction in Russia; theories of punishment.

Третьякова Е.С.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена исследованию вопросов соотношения международного и национального права в XIX веке. Рассмотрен вопрос о первичности с точки зрения истории формирования указанных систем, охарактеризованы дуалистическая и монистическая концепции, сформировавшиеся в обозначенный период времени не без участия русских учёных. Отдельное внимание уделено практическому ракурсу и влиянию международного права на национальное на примере вопросов правового регулирования экстрадиции. Сделан вывод относительно необходимости обращения к комплексному историко-правовому анализу национального права в контексте соответствующего развития системы межгосударственных отношений и международного права.

Ключевые слова: соотношение международного и национального права, история международного права, XIX век, международное уголовное право.

Если рассматривать право с точки зрения его структуры, то несомненно можно говорить о сосуществовании двух правовых систем: национального и международного права. У национального и международного права много общего: обе системы по своей природе носят социальный характер и как следствие связаны с эволюцией общественных отношений, отражают потребности общества. Историческое развитие обеих систем носит преимущественно объективный характер, хотя и не лишено определенного субъективного влияния. При этом вопрос относительно того, какая правовая система – национальное или международное право первично не имеет однозначного ответа в современной науке.

Относительно вопроса о времени появления международного права также существует несколько точек зрения, которые в общем виде представляется возможным свести к двум: международное право появилось одновременно с образованием государств и международное право появилось после возникновения государств, когда последние осознали необходимость регулирования внешних отношений правовыми нормами. Исходя из этого можно было бы заключить, что международное право миновало участи определения первичности появления права или государства, поскольку, согласно вышеприведенным позициям, оно возникло после появления государств либо одновременно с ними, но не ранее них. Однако, коллектив учёных под руководством доктора юридических наук С.А. Егорова предлагает ещё одну точку зрения возникновения международного права, согласно которой международное право появилось во времена межплеменных отношений, до образования государств. Уже в догосударственное время люди осознавали необходимость установления определённых правил поведения, то есть обладали правосознанием. «Конечно, рассматривать эти правила как нормы международного права или как их зачатки было бы наивно. У них была другая природа, и они определялись иными

Третьякова Екатерина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

критериями, чем нормы международного права. Но тем не менее это были правила, на основе которых строились взаимоотношения между племенами и союзами племен».¹

Вместе с тем, исходя из современного понимания международного права, автор настоящего исследования придерживается позиции о первичности происхождения государственно-правовых систем, согласно которой изначально, с появлением государства появилось национальное право, обеспечивавшее внутренние потребности соответствующего государства и общества, международное же право появилось несколько позднее. При этом сам вопрос о времени зарождения международного права также можно отнести к числу дискуссионных, т.к. достаточно сложно определить, когда именно государства стали признавать выше себя право, а договор занял исключительное, первостепенное значение. Различные исследователи истории международного права по поставленному вопросу выдвигали разные точки зрения. М. Циммерман, например, выделял международное право Древнего Востока, Палестины, Израиля, Древней Эллады, Рима, т.е. старейших цивилизаций, известных человечеству.² Другой известный ученый-международник Ф. Лист отмечал, что «государство, которое признает обязательными для себя нормы международного права и в то же время ручается за соблюдение их, может заявить притязание на принятие его в международное правовое общение; но последнее само решает, имеются ли на лицо указанные выше условия».³ Данное высказывание, несомненно, относится к более позднему периоду, когда уже нельзя было выделить международное право отдельных государств, и уже сформировалось единое, общепризнанное и действующее на территории хотя ещё далеко не всех, но уже достаточно большого количества государств, международное право.

В то же время нельзя не согласиться с мнением профессора М.Н. Марченко, который отмечает длительное непризнание международного права по причине относительной его неразвитости на протяжении продолжительного времени в отличие от национальных правовых систем, развивавшихся в более стремительном темпе.⁴ Действительно, длительное время не признавался самостоятельный характер международного права по причине существовавшей позиции, согласно которой отрицалось существование разных правовых систем в мире, признавалось наличие единой универсальной правовой системы.

Таким образом, можно наблюдать не только существующие различные взгляды на момент возникновения международного права, но и наличие определенных трудностей, предшествовавших признанию его самостоятельной правовой системой.

Вообще, рассматривая вопрос о периодизации международного права необходимо понимать её условный, в ряде случаев субъективный характер. Вместе с тем, каждый последующий этап в развитии международного права, несомненно, являлся и является более прогрессивным по отношению к предыдущему. Хронологические рамки настоящего исследования ограничены XIX веком, периодом активиза-

---

¹ Ашавский Б.М., Бирюков М.М., Бордунов В.Д. и др. Международное право / Отв. ред. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2015. С. 12-13.

² Циммерман М. История международного права с древнейших времен до 1918 г. – Прага, 1924. С. 321.

³ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. – Юрьев (Дерпт), 1912. С. 212.

⁴ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. – М.: Проспект, 2013. С. 715.

ции международных отношений. Представляется, что окончание наполеоновских войн дало толчок новому этапу развития международных отношений и резкому усилению миграционных процессов, которые в том числе были сопряжены с интенсификацией международных отношений и их юридического оформления. Именно к XIX веку международное право получило свое признание в качестве новой правовой сформировавшейся правовой системы, находящейся в непосредственной взаимосвязи с правом национальным. И, в первую очередь на уровне юридической доктрины стали формироваться соответствующие теории, отражающие соотношение данных двух систем, называемых в современном международном праве *дуалистическая* и *монистическая*.

Основателем принципа *дуализма* был Г. Трипель, издавший в 1899 году труд «Международное и внутригосударственное право», в котором отмечает следующее: «Международное и внутригосударственное право суть не только различные отрасли права, но и различные правопорядки. Это два круга, которые соприкасаются, но никогда не пересекаются».¹ Нельзя не согласиться с мнением профессора В. Буткевича, исследовавшего данный вопрос, который отметил, что «дуалисты увлеклись анализом особенностей отношений международного и внутригосударственного права и настолько их гипертрофировали, что не признали возможным соотношение правовых систем и их элементов между собой».²

Юридическая природа монистических принципов состоит в том, что национальное и международное право рассматриваются как части одной правовой системы, вместе с тем, они делятся на сторонников примата национального права с одной стороны и международного – с другой. В середине XIX века многие учёные (Мальберг, Эйхельман, Н.А. Безбородов и др.) придерживались позиции относительно примата национального права и как следствие определяли международное право как отрасль национального. К концу рассматриваемого периода данный подход подвергся критике, что, как представляется, было обусловлено, в том числе, повышением роли международного права. Современные учёные также в своём большинстве придерживаются противоположной позиции.

До XIX века российская правовая наука, имея преимущественно прикладной характер, не уделяла внимания вопросам соотношения международного и национального права, однако, благодаря влиянию европейских тенденций, в XIX веке этот вопрос нашёл своё отражение в международно-правовой доктрине. Русские учёные Ф.Ф. Мартенс, П.Е. Казанский, Л.А. Камаровский и другие уделяли внимание данному вопросу в своих работах, рассматривая указанные системы как автономные. Л.А. Камаровский был приверженцем дуалистической концепции и отмечал, что «нормы, выставленные каким-либо одним государством, превращаются в международные лишь на основании согласия всех остальных народов, выраженного либо молчаливо (обычай), либо формально (договоры)»³, «правительство своими законами, распоряжениями и действиями придает международным нормам прак-

---

¹ Цит. по: *Восканов С.Г.* Международные договоры и правовая система Российской Федерации. Дис... канд. юрид. наук. – М., 2003. С. 21.

² *Буткевич В.Г.* Соотношение внутригосударственного и международного права. – Киев, 1982. С. 53.

³ *Камаровский Л.* Основные вопросы науки международного права. – М., 1892. С. 9.

тическую санкцию на подвластной им территории и по отношению к собственным подданным... Часто издаются законы, сообразные с трактатами, и, наоборот, заключаются последние для дальнейшего развития и осуществления первых».¹ Очень важное заявление для характеристики состояния рассматриваемого вопроса в науке принадлежит перу другого известного учёного П.Е. Казанского: «Внутригосударственное право не может противоречить международному».² Данное высказывание в целом отражает концептуальное отношение российского государства к данному вопросу в XIX веке.

Вместе с тем, заявленный вопрос относительно соотношения международного и национального права имел не только теоретическое, но и прикладное практическое значение. По своему историческому происхождению международное право, формирующееся как общее право «европейских христианских» государств, получило своё активное развитие, начиная со второй половины XVII века, чуть позже к этому процессу присоединилось и российское государство. Пётр I, без сомнения «прорубивший окно в Европу», стремился не только укрепить внутривосточное и внешнеполитическое положение России, его и его последователей заботили и более глобальные проблемы.

Таким образом, начиная с XVII века государства встали на путь формирования единой мирополитической системы, что позволило им более эффективно реализовывать свои интересы. С содержательной точки зрения этот процесс сопровождался активным нормотворчеством, что предопределило активное формирование международного права, основными субъектами которого стали Европейские государства.

Постепенно расширялся круг межгосударственных отношений, входящих в предмет международного права. Изначально спектр таких отношений был узок – первичные взаимодействия государств ограничивались преимущественно военными и торговыми взаимодействиями, однако, постепенно предмет стал расширяться, и к XIX веку представляется возможным выделить следующие группы вопросов, подпадающих, в том числе, под межгосударственное регулирование: публично-правовые характеристики государства, внешнеэкономическая деятельность, вопросы подданства, предоставление личных и имущественных прав иностранным подданным, семейные отношения с иностранным элементом, взаимодействие в рамках уголовного права, уголовного и гражданского процесса. Вместе с тем, как видно из приведённого круга вопросов, в ходе развития международного права, к XIX веку появилась возможность дифференцировать его предмет на международные межгосударственные отношения (сфера международного публичного права) и международные негосударственные отношения (преимущественно сфера международного частного права). Целесообразно также отметить, что именно в XIX веке началось интенсивное формирование структуры международного права: произошла дифференциация на международное публичное и международное частное право, начали формироваться отдельные отрасли международного права.

Зеркалом, отражающим процесс формирования единой мирополитической системы, является правовое оформление, которое предполагает создание международ-

---

¹ Камаровский Л. Основные вопросы науки международного права. С. 33–34.

² Казанский П.Е. Введение в курс международного права. – Одесса, 1901. С. 264.

но-правовых актов, регулирующих отношения между государствами и освещающих основные принципы их взаимодействия друг с другом. Таким образом, любое государство, открываясь внешнему миру, присоединяясь к мировому сотрудничеству, участвует в разработке соответствующих международных договоров, анализ которых позволяет по прошествии многих десятков лет, говорить о соответствующих процессах и их значении.

Система международных договоров российского государства активно начала формироваться с петровских времен, когда Россия включилась в систему межгосударственных отношений и начала активное формирование правовой базы взаимодействия с иностранными государствами, заключая международные договоры различного содержания. Договорная форма взаимодействия России с другими государствами уже в XVIII – первой половине XIX вв. приобретала особое значение в регулировании взаимоотношений в различных сферах, как взаимодействия государств, так и частноправовых субъектов. Уже в рассматриваемый период времени были выработаны различные названия международных договоров: договор, соглашение, пакт, трактат, конвенция, декларация и т.д. При этом, отметим, что твердо установленного значения тех или иных названий изначально, как и на последующих исторических этапах развития, не существовало, однако, Д.П. Никольский высказал мнение, что декларация есть официальный акт, в котором несколько государств указывают основные принципы своей будущей политики; конвенции и трактаты отличаются особенно торжественной формой и устанавливают для подписавших их государств взаимные права и обязанности. Конвенции считаются менее торжественной формой, чем трактаты, разница между конвенциями и трактатами не качественная, а количественная.¹

Генезис системы договоров с точки зрения содержания можно охарактеризовать повышением специализации: от мирных договоров, имевших преимущественно политическое значение, до специальных конвенций, которых с течением времени становилось все больше по количеству, параллельно с этим можно наблюдать расширение предмета регулирования данных соглашений. Таким образом, в дореволюционный период сформировалась весьма обширная система международных договоров, регулирующих различные вопросы не только международно-правовой сферы, но и внутриправового значения. Кроме того, проблема соотношения международного и национального права может быть рассмотрена и в другом ракурсе – фактическое взаимодействие, т.е. влияние внутригосударственного права отдельных государств на образование и развитие принципов и норм международного права и наоборот, влияние международного права на становление норма национального. Изначально, международное право стало формировать систему общих базовых ценностей, являющих ориентирами для развития национальных правовых систем.

Таким образом, к началу XX века международное право достигло весьма серьезного уровня развития, были сформированы базовые принципы международного права, определяющие общий формат отношений между государствами и отражающие специфику данного этапа. Изначально, некоторые принципы имели несколько иное звучание, носили ограниченный характер, их содержание отличалось от со-

---

¹ Никольский Д.П. Международное право. – СПб., 1903. С. 16.

временного понимания. С другой стороны, несомненно, именно названная система принципов легла в основу формирования принципов современного международного права. К числу этих принципиальных основ, доработанных и развитых в современном международном праве, можно отнести: принцип сотрудничества, принцип суверенитета, принцип территориального верховенства, принцип самосохранения, принцип независимости и невмешательства во внутренние дела, принцип национальностей, принцип разрешения споров мирными средствами. Данные принципы юридически закрепили уровень развития международного права рассмотренного периода, в том числе, общие тенденции взаимодействия государств.

Содержательное влияние международного права на регулирование соответствующих отношений можно продемонстрировать на различных примерах, в том числе с позиции развития уголовного права. Так, выдача преступников была наиболее урегулированным процессом в международном правовом взаимодействии государств в рассматриваемый период. Данный институт, безусловно, находится на стыке международного и внутригосударственного права. Несмотря на тот факт, что практика заключения договоров о выдаче стала формироваться задолго до рассматриваемого периода времени, для Российской империи процесс активного заключения договоров о выдаче начался лишь после осуществления реформ в сфере суда и судопроизводства в России 1864 года, когда российские законы были приведены в соответствие с общепринятыми европейскими стандартами правосудия, в результате чего иностранные государства стали воспринимать Россию как равную им в правовом смысле страну, в результате, во второй половине XIX – начале XX вв. Россией было заключено более 20 договоров о взаимной выдаче преступников.

При этом, российское законодательство, в отличие от законодательства некоторых других государств (Бельгия, Англия, Голландия и др.), долгое время не содержало законов, регламентирующих процесс выдачи преступников, следовательно, основным и практически единственным источником права выдачи были заключаемые с иностранными государствами конвенции. С изданием Уголовного уложения 1903 г. появились и нормы внутреннего законодательства, отчасти регулирующие данный процесс. Так, ст. 13 уложения содержала положение, что «иностронец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за то преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, подлежит выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим выдачи обвиняемого, или установившейся в этом отношении с сим государством взаимности».

Впоследствии был принят закон от 15 декабря 1911 г., составивший особую главу Устава уголовного судопроизводства России.¹ Данный нормативный акт явился первым и последним законом в России, регламентирующим вопросы выдачи преступников. Основные положения данного закона, в целом соответствовали практике, использованной российским правительством при заключении двухсторонних соглашений. В результате принятия закона 1911 года на уровне национального за-

---

¹ Закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» от 15 декабря 1911 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. [1863–1917 гг.]. – Санкт-Петербург, 1912. № 4. Ст. 41.

конодательства были подробно регламентированы основания и процедуры выдачи преступников, выработанные в ходе заключения двухсторонних соглашений. Данные положения, в свою очередь, вносили некоторые уточнения или вводили несколько отличные правила, что не означало отмены силы заключенных с иностранными правительствами договоров о выдаче. Вместе с тем, закон устанавливал, что в новые договоры по данному вопросу не могли быть включаемы правила, налагающие на Россию большие обязательства, чем установлены в нормативном акте. Приобретенный в этом отношении опыт сохраняет актуальность и в наше время.

Кроме того, рассматривая генезис институтов международного уголовного права его влияния на национальное право российского государства, можно установить, что в рассматриваемый период государства начали определение круга международных преступлений, первым среди которых стала торговля неграми. Борьбе с работорговлей издавна уделялось большое внимание во внешней политике России, государство было особо заинтересовано в решении этой международной проблемы, поскольку периодические набеги татар и турок на русские селения не прекращались. Первые договоры, непосредственно касающиеся данного вопроса, Россия заключила с Турцией ещё в конце XVII века. В XVIII веке рассмотрение данного вопроса было более последовательным, а в XIX веке нашло системное оформление, начиная с Венского конгресса 1815 года, когда ведущими мировыми державами была принята первая декларация, направленная на борьбу с неготорговлей.¹

Нормы об объявлении торговли неграми морским разбоем нашли своё отражение и во внутреннем законодательстве государств. Так, в 1842 году в России Правительствующий Сенат издал указ, в соответствии с которым русские подданные, избалованные в каком-либо участии в торговле неграми, должны были быть преданы суду и понести наказание.² Несколько позже иностранным крейсерам были предоставлены полномочия на осмотр и задержание коммерческих судов, уличённых в торговле неграми.³ В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливалось в качестве наказания за торговлю неграми лишение прав состояния и ссылка на каторжную работу в крепостях на срок 8-10 лет.⁴

Нельзя не отметить, что правительство Российской империи, вступая в борьбу на международном уровне с торговлей неграми, находилось в весьма непростом положении, ведь в России до этого времени все еще существовало, можно сказать, даже процветало крепостничество. Таким образом, окончательное решение России в пользу личной свободы было сделано только 19 февраля 1861 года, когда по манифесту императора Александра II произошла отмена крепостного права. Вместе с

---

¹ Декларация «О прекращении торгова неграми» от 27 января (8 февраля) 1815 г. // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. XXXIII. № 25771 (далее: ПСЗРИ).

² Указ Именной «О предании суду и наказанию Российских подданных, которые будут избалованы в каком либо участии в торго неграми» от 26 марта 1842 г. // ПСЗРИ. Соб. 2-е. – СПб., 1843. Т. XVII. Отд. I. № 15429; Циркуляр Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений от 31 мая 1842 г. «О запрещении торго неграми» // Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений, 1840–1888. – Санкт-Петербург, 1888. № 6. С. .

³ Указ Именной «О выдавании полномочий иностранным крейсерам на осмотр и задержание коммерческих судов, кои уличены будут в производстве торго неграми, за подписью и печатью Адмиралтейств Совета» от 12 августа 1842 г. // ПСЗРИ. Соб. 2-е. – СПб., 1843. Т. XVII. Отд. I. № 15967.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845. Ст. 1861.

тем, необходимо отметить, что в России никогда не закрепощались иностранные подданные, приезжавшие в ее пределы, так что наше государство имело полное право требовать аналогичной практики и от других государств.

Итак, взаимодействие государств по вопросам правовой сферы в XIX веке, в силу значимости, формировалось весьма интенсивно, дополняя и содержательно влияя на соответствующее законодательство национального уровня. Формирующаяся договорная практика была направлена на решение проблем, затрагивающих взаимные интересы государств. Развитие международного права способствовало, с одной стороны, более эффективному обеспечению интересов самого российского государства, с другой – созданию системы обеспечения международного правопорядка и созданию основ современного международного права.

Развитие национальной государственно-правовой системы, в свою очередь, также оказывало определённое влияние на интенсивность становления международного права. Катализатором формирования системы международных договоров Российской империи стали судебные реформы XIX века, когда национальное законодательство, пусть частично, но было приведено в соответствие с европейскими стандартами.

Таким образом, представляется необходимым обращение к комплексному историко-правовому анализу национального права в контексте соответствующего развития системы межгосударственных отношений и международного права. Ретроспективному изучению международных договоров, безусловно, влиявших на регулирование отношений не уделяется в современной науке должного внимания. Данный пробел требует восполнения, что позволит более качественно анализировать соответствующие правовые процессы не только международных масштабов, но и внутригосударственного значения.

Источники и использованная литература:

1. Декларация «О прекращении торгового неграми» от 27 января (8 февраля) 1815 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. XXXIII. № 25771.
2. Указ Именный «О предании суду и наказанию Российских подданных, которые будут изобличены в каком либо участии в торговле неграми» от 26 марта 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1843. Т. XVII. Отд. I. № 15429.
3. Указ Именный «О выдавании полномочий иностранным крейсерам на осмотр и задержание коммерческих судов, кои уличены будут в производстве торговли неграми, за подписью и печатью Адмиралтейств Совета» от 12 августа 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1843. Т. XVII. Отд. I. № 15967.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург, 1845.
5. Закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» от 15 декабря 1911 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. [1863–1917 гг.]. – СПб., 1912. № 4. Ст. 41.
6. Циркуляр Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений от 31 мая 1842 г. «О запрещении торговли неграми» // Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений, 1840–1888. – СПб., 1888. № 6.
7. *Ашавский Б.М., Бирюков М.М., Бордунов В.Д.* и др. *Международное право* / Отв. ред. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2015.

8. *Буткевич В.Г.* Соотношение внутригосударственного и международного права. – Киев, 1982.
9. *Восканов С.Г.* Международные договоры и правовая система Российской Федерации. Дис.. к.ю.н. – М., 2003.
10. *Казанский П.Е.* Введение в курс международного права. – Одесса, 1901.
11. *Камаровский Л.* Основные вопросы науки международного права. – М., 1892.
12. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. – Юрьев (Дерпт), 1912.
13. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. – М.: Проспект, 2013.
14. *Никольский Д.П.* Международное право. – СПб., 1903.
15. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. – М., 1992.
16. *Циммерман М.* История международного права с древнейших времен до 1918 г. – Прага, 1924.

Tretyakova E.S.

Correlation of the international and national law in 19th century

The article is devoted to the study of correlation of international and national law in the 19th century. The question of primacy from the point of view of history of formation of these systems is considered. The dualistic and monistic concepts that emerged in this period of time with the involvement of Russian scientists is characterized. Special attention is paid to the practical perspective and the influence of international law on national law on example of legal regulation of extradition. The conclusion concerning the necessity of recourse to complex historical-legal analysis of national law in the context of development of the system of interstate relations and international law is drawn.

Keywords: correlation of international and national law, history of international law, XIX century, international criminal law.

Воропанов В.А.

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА СУДЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Статья посвящена проблеме развития статуса судей в первой половине XIX века. На основе анализа законодательных актов и делопроизводственной документации в работе раскрываются принципы отбора кандидатов и правовые основы деятельности судейских чиновников. Во второй четверти XIX века верховная власть подготовила основательную юридическую базу для деятельности профессиональных судей в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, государственная служба, статус судей.

Данная статья продолжает публикации, посвящённые исследованию проблемы эволюции статуса судей в «дореформенный» период судебной системы Российской империи.¹

В 1832 году основные элементы юридического статуса судей зафиксировал Свод законов. Первой обязанностью лица, утверждённого в судейской должности, являлось принесение присяги.² Текст клятвенного обещания соответствовал религиозному сознанию судьи и закреплял его духовно-нравственную ответственность за осуществление правосудия.³ Для усиления чувств служебной дисциплины и ответственности представители городских и сельских сословий были облечены в 1837-1842 гг. в особые мундиры.⁴ При вступлении в должность председатель суда знакомился с количеством неразрешённых дел и неисполненных решений, перенимая ответственность коллег.⁵

Верховная власть прилагала законодательные усилия в целях специальной подготовки⁶ и повышения квалификации государственных служащих, оправдывая увеличение их роли в осуществлении правосудия. Первое исключение в распределении полномочий Государственный совет сделал в 1810 году для судов в Сибири.⁷ В 1824–1825 гг. сенаторы А.А. Долгоруков и Е.А. Дурасов, ревизовавшие Вятскую

Воропанов Виталий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

¹ См.: Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II // История государства и права. – 2012. № 20. С. 41–45; Правовое регулирование порядка отбора и назначения лиц на должности судей и судебных представителей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // Администратор суда. – 2013. № 1. С. 30–34.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1826. Т. I. № 13. Ст. IX; Т. VI. № 4989. § 115, Приложение Д; Т. XI. № 9322. § 28 (далее: ПСЗ РИ); Свод законов Российской империи. – СПб., 1883. Т. III. Кн. I. Ст. 409; Кн. II. Ст. 231, 526 (далее: СЗ РИ).

³ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 16126; Т. XIX. № 17747.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 9983, 10690; Т. XVII. № 15328; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 434, 558.

⁵ СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 2378. Примечание, 4048.

⁶ СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 403, 1153.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24319.

губернию, отметили низкий уровень занятости в уездных судах дворянских заседателей, объяснявшуюся малочисленностью первого сословия в Приуралье. Указав на объём задач судьи, руководившего деятельностью часто малограмотных сельских депутатов, ревизоры инициировали расширение полномочий табельных членов в целях ускорения производства дел. В январе 1827 года Государственный совет одобрил представление Сената и распространил новые правила на все уездные суды империи.¹ В 1831 году был установлен 6-летний срок исполнения должностей чиновниками для более успешного применения ими практических знаний.²

Перспективное вытеснение сословного принципа осуществления правосудия выражалось в допуске с 1802 года представителей городских сословий к рассмотрению всех дел, поступавших в суды второй инстанции.³ На этапе подготовки судебной реформы в случае индивидуального объединения магистрата с уездным судом законодатель последовательно уравнивал в полномочиях «гражданских» заседателей с чиновными членами «присутствия».⁴

Статья 149 Общего губернского учреждения подтвердила процедуру и запрет на чьё бы то ни было вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия.⁵ Юридическая ответственность судей получила во второй четверти XIX века последовательное развитие. Законодатель ограничил меры уголовно-правового воздействия на судей и регламентировал их имущественную ответственность в пользу лиц, пострадавших от низкого качества осуществления правосудия. Косвенным свидетельством растущего профессионализма государственных служащих стала передача в 1837 году дел по обвинению высших судебных чиновников – председателей палат, в подсудность Сената.

В целях достижения умеренности и объективности в наложении дисциплинарных взысканий на судей уездного звена в 1815 году Государственный совет сосредоточил право опенирования в компетенции органов губернской администрации. Принципы опеки, установленной над деятельностью непрофессиональных судей в период становления государственного аппарата абсолютной монархии, были пересмотрены верховной властью в 1828 г.: система штрафов прекратила существование. Однако законодатель закрепил широкий перечень видов наказаний, налагавшихся на судей губернским начальством самостоятельно. Для лиц, служивших в Сибири, в виде исключения правительство сохранило материальные взыскания в виде опенирования. На основании неудовлетворительной статистики судебного делопроизводства закон позволял в порядке дисциплинарного наказания менять режим работы суда, удерживать судью в должности сверх установленного срока службы.⁶

---

¹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 862; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 4016.

² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4989. § 92.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20284. П. 3; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 2383.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIV. № 23503. § 4; Т. XXVI. № 25695. Ст. 4; Т. XXVII. № 26597. § 4; Т. XXIX. № 28860. Ст. 4; Т. XXXIV. № 34406. Ст. 3; Т. XL. № 41098. Ст. 4.

⁵ СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 149; Т. III. Кн. I. Ст. 1193.

⁶ См. подр.: *Воропанов В.А.* Эволюция ответственности судей в законодательстве Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Юристы-Правоведь.* – 2012. № 4 (53). С. 71–75.

Законы сужали и регулировали внесудебные обязанности членов судебных коллегий¹, поддерживали юридическую самостоятельность подчинённых лиц, предписывая им отклонять «противозаконные поручения» начальства², укрепляя формально-правовые начала в служебных отношениях. С 1833 года судей запрещалось направлять «в командировки по следственным и другим к должности их не относящимся делам».³ Регламентация полномочий и обязанностей давала чиновникам относительную свободу в рамках действующего законодательства.

Тем не менее, служебную зависимость судей и судебных представителей усиливала необходимость исполнения иных государственных полномочий на основаниях, предусмотренных законом. Председатели судов привлекались к руководству или членству в специальных комитетах и комиссиях: ревизских, рекрутских, дорожных, ярмарочных, по распределению земских повинностей, увеличению общественных доходов, оценке недвижимой собственности, общественного здоровья, оспенных и холерных, по устройству больниц, организации противопожарной части, попечения о тюрьмах и др.⁴ Уездным судьям передавались полномочия городничих⁵ и уездных предводителей дворянства.⁶ Члены городских ратуш совмещали административную, хозяйственную, судебную деятельность.

В руках губернской администрации сосредоточивалось управление всеми видами государственной гражданской службы. В 1827 году Государственный совет подтвердил право на поощрение добросовестных чиновников и сословных депутатов в качестве прерогативы губернского начальства.⁷ Выборная служба рассматривалась как часть карьеры при выделении лучших чиновников.⁸ Лиц, не удостоенных знака отличия беспорочной службы, с 1835 года запрещалось представлять к ежегодным денежным награждениям и орденам. От выслуги лет, чинов, числа и характера награждений зависели размеры пенсионных выплат отставным служащим.⁹ Все чиновники, находившиеся в должностях судей, подлежали аттестации губернского руководства.¹⁰ С санкции начальников губерний судьи пользовались правом на отпуск. На срок до 28 дней для председателей палат и до 4 месяцев для остальных судей отпуск предоставлялся губернским начальством. Заседатели палат

---

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29548.

² ПСЗ РИ. Собр. I. XXX. № 23546; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 96; Т. III. Кн. I. Ст. 1194.

³ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VIII. № 6387; Т. XIII. № 11439; Т. XVI. № 14441; Т. XVIII. № 17118; Т. XXII. № 21687; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 4018. Примеч., 2388; Т. XV. Кн. II. Ст. 147, 148.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19501; Т. XXXI. № 24372; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 2387, 4028; Государственный архив Кировской области. Ф. 583. Оп. 602. Д. 877 (далее: ГАКО); Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2836. Л. 990 об.; Д. 3070. Л. 387 (далее: ЦГИА РБ).

⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIX. № 29927.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4989. § 149; Т. XI. № 9322. § 29; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 279.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 1015.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IV. № 2737; Т. XXIII. № 22232.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8084.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16187. Ст. 25; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1465, 1466, 1468, 1469; ГАКО. Ф. 582. Оп. 2к. Д. 16. Л. 43–45; Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10796. Л. 50–51 об. (далее: ГАОРО); Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1064. Л. 2 (далее: ГАТО).

и совестных судов увольнялись в отпуск палатами и совестными судами.¹ Порядок предоставления отпусков учитывал потребности судебных представителей в их хозяйственной деятельности: членам магистратов и ратуш в 1854 году было вновь предоставлено право оставлять службу на срок до 2 месяцев «без предварительного разрешения губернского начальства».² Правила об отпусках распространялись на выборных судей этнических сословий.³

Обязанность служить обусловила особенности правового регулирования оснований приостановления и прекращения полномочий судьи. Приостановление полномочий выборного судьи допускалось исключительно «в случае важного преступления», «отрешение» от должности – на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора судебной палаты.⁴ До отмены системы дисциплинарных штрафов судья мог быть удалён от исполнения обязанностей как непригодный после неоднократных материальных взысканий⁵. Досрочное увольнение чиновных судей по уважительным причинам осуществлялось губернским руководством с согласия сословных предводителей. Лица, назначенные в должность «высочайшими» указами, увольнялись с «соизволения» императора.⁶ В связи с увеличением в 1831 году срока службы в должности судей, чиновники были наделены правом просить увольнения после трёх лет исполнения обязанностей.⁷ Увольнение от должности допускалось и при соблюдении норм табельной иерархии, установленной законом: перевод мещанина в купеческую гильдию влёк несоответствие его нового статуса классу занимаемой должности.⁸ Городских депутатов, введённых в состав уездных (окружных) судов, следовало сменять поочередно, поддерживая продуктивность судопроизводства.⁹

На судей, являвшихся чиновниками, распространялись право на вознаграждение за добросовестную службу знаками отличия, орденами, получение пенсий и пособий.¹⁰ Закон уравнивал для дворян, записанных в гильдию, «городовую» службу со службой по выбору сословия.¹¹ Размеры денежных окладов, установленные правительством, не выделяли судей среди государственных служащих. В 1825 году монарх санкционировал уравнение окладов жалованья в судах второй инстанции с казёнными палатами и губернскими правлениями.¹² Очередной шаг по пересмотру оплаты труда судей был сделан в 1835 году: выплаты уездным судьям

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20179, 20608. П. 9; Собр. II. Т. VI. № 4989. § 144, 146; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 273, 275, 443, 530. Примеч. 2.

² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIV. № 23130; Т. XXIX. № 28098; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 441.

³ Государственный архив Астраханской области. Ф. 488. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6; Д. 351. Л. 1–4; Д. 646. Л. 1–10; Д. 714. Л. 1–14 (далее: ГААО).

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4989. § 139; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 266; Т. XV. Кн. II. Ст. 658.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20127.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23538. П. 1; Т. XXXI. № 24916; Т. XXXV. № 27247; Собр. II. Т. VI. № 4989. § 150, 151; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 282, 283.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4989. § 152; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 284.

⁸ СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 448.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIV. 23503. § 5; Т. XXVI. № 25695. Ст. 5; Т. XXVII. № 26597. § 5; Т. XXIX. № 28860. Ст. 5; Т. XXXIV. № 34406. Ст. 2; Т. XL. № 41098. Ст. 3.

¹⁰ СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1139; Кн. II. Ст. 241, 245, 246, 248, 256, 258.

¹¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22418. Ст. 7; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 390.

¹² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XL. № 30291.

увеличены до 1200 рублей, заседателям в палатах – до 1000, в уездных судах – до 800 рублей в год.¹ С 1831 года дополнительные материальные компенсации в пользу судей бы-ло предложено осуществлять дворянским собраниям из сумм земского сбора и сословных касс.² Наконец, в пользу судей передавалась половина штрафных денег, взысканных с фигурантов за обжалование законных решений суда, служивших «ободрением и поощрением к внимательному и осторожнейшему рассмотрению и решению дел по законам».³

Законодатель поощрял службу в отдельных периферийных губерниях и областях, малопривлекательных для чиновников. В частности, в начале XIX века заседатели уездных судов в Пермской и Оренбургской губерниях получали по 250 рублей год, в Вятской губернии – 275 рублей. Уездным судьям выплачивалось по 300 и 360 рублей в год соответственно.⁴ Специальный порядок вознаграждения чиновников действовал Сибири, где заседатели в начале XIX века имели оклад в 375, судьи в 450 рублей. Члены судебных палат получали от 600 до 900, председатели – 1350 рублей в год.⁵ Изменение окладов производилось в 1822 и 1837 гг. По штату 1837 года председателю губернского суда в Сибири начислялось 4000, товарищу 2500, советнику 2000, окружному судье 1500 и заседателю 1000 рублей в год.⁶ Для судей, отработавших в Сибири, предусматривались повышенные пенсии.⁷ По штату 1856 г. заседатель окружного суда в Сибири получал уже 350 рублей серебром, судья – 600, члены губернского суда от 560 до 1400 рублей в год.⁸ Указ Сената от 29 ноября 1857 г. распространил на чиновников, назначенных в должности председателей губернских судов в Сибири право получения пособия в размере 450 рублей «на подъем и обзаведение».⁹

Жалованье оставалось главным источником официальных доходов большинства чиновников.¹⁰ Вынужденный поиск средств нередко сопровождался использованием судьей служебного положения, наносившим прямой ущерб интересам правосудия.¹¹ Сибирским чиновникам запрещалось вступать в долговые обязательства с крестьянами и инородцами.¹² Слабая материальная обеспеченность чиновников побуждала правительство, декларировавшее непримиримое отношение к коррупции в судах¹³, терпимо относиться к должностным преступлениям. Между тем, взя-

¹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IX. № 7369; Т. X. № 7744, 7858.

² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10185. П. 4, 10542; Т. XIII. № 11163; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 251, 256.

³ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVII. № 20127. П. 10; Собр. II. Т. XII. № 10662; СЗ РИ. Т. X. Ч. II. Ст. 237–241; Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2369. Л. 1–11 об. (далее: ГАОО).

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20410. П. 6.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XLIV. Ч. 2. № 24985.

⁶ ГАО. 3. Оп. 19. Д. 116. Л. 32–35.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VIII. № 6212; Т. XI. № 9207.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. № 31222.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXII. № 32496.

¹⁰ См. подр.: *Маркова И.Б.* Управление Сибирью в 20–60-е годы XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. С. 165; *Матханова Н.П.* Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX в.: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. – Новосибирск, 1999 и др.

¹¹ ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 315. Л. 1–3.

¹² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 7779.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26387.

точничество воспроизводилось в России первой половины XIX ст. в обычной форме «кормлений», позволяя наиболее влиятельным лицам оставаться над законом. Так, регулярную передачу денег судьям от имени Н.Н. Демидова совершал стряпчий Нижнетагильской конторы.¹ Постоянные расходы на суды и администрацию в Пермской губернии несли князья Голицыны. В начале XIX века выплаты носили преимущественно натуральный характер – от хлеба до фуража, в середине столетия – денежный.²

В 1859 году правительство произвело увеличение жалованья заседателям и судьям уездных судов в 37 губерниях до 350 и 525 рублей серебром соответственно³, что не отменило потребности в принятии индивидуальных решений в отношении судов отдельных провинций в связи с особыми условиями их работы. Так, в 1864 году Государственный совет распорядился выплатить членам ряда уездных судов в Оренбургской губернии, переживавшей интенсивную колонизацию, по 1250 руб. 50 коп.⁴ Реальное обеспечение гарантий социальной защиты судей требовало принципиальной перестройки судебной системы и обновления кадровой политики в ведомстве Министерства юстиции.

Для сословных представителей был разработан особый комплекс мер материальной и нематериальной служебной мотивации. Оплата труда сельских заседателей являлась низкой, денежные выплаты должностным лицам городской службы оставлялись на усмотрение «общества»⁵, однако юридический статус судьи гарантировал сословным представителям особые компенсации. Закон наделял выборных лиц иммунитетом в рекрутской очереди и освобождал, добросовестно прослуживших 9 лет, от рекрутской повинности⁶, а также избавлял купцов 3 гильдии и мещан, избранных в должности, от телесных наказаний по решению суда.⁷ Дополнительно к похвальным листам, выданным «обществом», бургомистры могли удостоиваться звания «степенных».⁸ После 9 лет добросовестной службы городские судьи наделялись правом носить мундир в отставке.⁹

Таким образом, во второй четверти XIX в. верховная власть подготовила основательную юридическую базу для деятельности профессиональных судей. В середине XIX века тенденции унификации статуса судей и профессионализации кадров проявлялись в обязательном включении чиновников в состав военно-судных комиссий, занятых рассмотрением дел с участием гражданского населения¹⁰, в распространении на офицеров, прикомандированных в суды общей подсудности,

---

¹ Мельчакова О.А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. – Екатеринбург, 1998. С. 58–59.

² Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

³ Журнал министерства юстиции. – 1859. Т. 1. С. 11–16.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4115. Л. 1 об.

⁵ СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 431, 557.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4461, 4677. § 10. П. 2, § 130. П. 5; Т. IX. № 6712; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 438, 555; Государственный архив Пермской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 86. Л. 95 (далее: ГАПО).

⁷ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15206; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 437.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXI. № 19814; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 429–430.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8020; СЗ РИ. Т. III. Кн. II. Ст. 434.

¹⁰ ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 236а. Л. 260–275, 375 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 498. Л. 308, 312, 329 об., 343 об., 387 об.; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 172; Д. 2896. Л. 320.

единых для судей правил привлечения к уголовной ответственности.¹ В мае 1847 года окончательно был уравнен статус судей уездных и межевых судов.² Основопологающие элементы статусного положения судей судов общей подсудности законодатель последовательно распространил на судей третейских и низших судов.

Судебные уставы 1864 г. зафиксировали прогрессивные изменения в имперской судебной системе. Новый этап общественно-политического развития России ознаменовался существенными переменами в статусе судей, процесс эволюции и обеспечения реальности которого был прерван в 1917 году.

Источники и использованная литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1-е. – СПб., 1830. Т. XXII, XXVI, XXVII, XXX, XXXI, XXXV, XXXVIII, XXXIX, XLIV.
2. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1830–1867. Т. I, II, IV, VI, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XVII, XVIII, XIX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXIX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XL.
3. Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. Т. II, III, XV.
4. ГААО – Государственный архив Астраханской области. Ф. 488. Оп. 1. Д. 243, 351, 646, 714.
5. ГАКО – Государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 2к. Д. 16; Ф. 583. Оп. 602. Д. 877.
6. ГАОО – Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2369; Ф. 6. Оп. 10. Д. 315.
7. ГАОрО – Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10796; Ф. 36. Оп. 2. Д. 236а; ф. 77. Оп. 1. Д. 8.
8. ГАПО – Государственный архив Пермской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 86.
9. ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 498, 1064; Оп. 19. Д. 116.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4115.
11. ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2836, 3070.
12. Журнал министерства юстиции. – 1859. Т. 1.
13. *Маркова И.Б.* Управление Сибирью в 20–60-е годы XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985.
14. *Матханова Н.П.* Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX в.: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. – Новосибирск, 1999. С. 13–17.
15. *Мельчакова О.А.* Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй пол. XVIII – начале XIX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. – Екатеринбург, 1998. С. 47–62.
16. *Писарькова Л.Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. – 2002. № 5. С. 33–49.

Voropanov V.A.

Development of the status of judges in first half of 19th century

The article is devoted a problem of development of the status of judges in first half of 19th century. Legal bases of activity of judicial officials are revealed in the article on the basis of analysis of acts and record-keeping documentation. In the second quarter of 19th century the Supreme power prepared the thorough legal base for activity of professional judges in Russian Empire.

Keywords: Russian empire, public service, status of judges.

¹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 18348; СЗ РИ. Т. XV. Кн. II. Ст. 763.

² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXII. № 21183; ГАПО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 159.

Дорская А.А.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА КАК ЭТАП ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ 1860-1870-х гг.

В статье судебная реформа Александра II рассматривается как часть широкомаштабной правовой реформы, проводимой в стране в 60-е – 70-е гг. XIX века. Показана взаимосвязь судебной реформы с крестьянской и университетской реформами. Анализируются плюсы и минусы логики развития «великих реформ».

Ключевые слова: правовая реформа, судебная реформа, крестьянская реформа, университетская реформа, правопонимание, правоприменение.

Термин «правовая реформа» вошёл в жизнь российского общества с конца 80-х гг. XX века и, несмотря на то, что прошло уже около тридцати лет, по-прежнему используется бессистемно как специалистами, так и людьми, не имеющими прямого отношения к юриспруденции. Современный человек живёт в постоянно меняющемся мире, и поэтому зачастую возникает ощущение, что реформы – это обычное состояние государства и общества. Однако это иллюзия, и практически каждое поколение сталкивается с тем, что только с течением времени, видя ретроспективу и осознавая последствия, можно увидеть происходившие изменения в контексте общего развития и беспристрастно оценить их.

Правовые реформы занимают важное место в истории России, т.к. общий вектор развития нашей страны можно, по образному выражению С.С. Алексева, назвать «трудной и тернистой дорогой к праву».¹ На этом пути вставали и встают многочисленные преграды: огромное количество войн, которые проходили на территории Российского государства, многовековое существование традиционного уклада жизни, способствующего больше жизни «по обычаю», чем жизни «по закону», сильнейшее влияние религиозных норм разнообразных конфессий, отсутствие представлений о ценности права и т.д. Изучение правовых реформ в России, хотя и без использования непосредственно данного термина, осуществляется на протяжении уже нескольких столетий. Как справедливо отмечает М.В. Игнатьева, «фактически с XVIII века российские юристы пытались осмыслить проводимые в сфере права реформы. Однако, видимо, только после проведения «великих реформ» 60-70-х гг. XIX века стала возможна разработка некоторых теоретических конструкций, основанных на полученном опыте».²

Понятие «правовая реформа» стало разрабатываться в СССР только с конца 80-х гг. XX века. Достаточно быстро появилось осознание того, что правовая реформа – это переход на новый уровень общественного правосознания, одним из инструментов которого является изменение нормативно-правовой базы. Например, Д.А. Па-

---

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

¹ *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. – М.: Юрист, 1997. С. 6.

² *Игнатьева М.В.* М.М. Ковалевский о правовых реформах в России // Вестник Академии права и управления. – 2014. № 34. С. 51.

шенцев считает, что «правовая реформа должна пониматься только в широком смысле. Она предполагает не изменение законодательства, пусть даже имеющее принципиальный характер, а изменение права, перевод правовой системы в новое качественное состояние, а это, в свою очередь, означает изменение правосознания субъекта права. Если мы примем новый закон, но не изменим при этом менталитет правоприменителей, ни о какой правовой реформе не может быть и речи. Всё останется по-старому».¹

Одним из первых направлений правовой реформы постсоветской России стало изменение системы судоустройства и судопроизводства. Это было вызвано, во-первых, историческими предпосылками. Судебные реформы России представляют собой феномен и по количественным показателям, и по значимости в истории российского государства и права. Достаточно вспомнить, что два важнейших источника Московской Руси конца XV – XVI вв. носили название «Судебник», что именно с судебной власти началось в 1864 г. движение к разделению властей и т.д. Количество изменений в судебной сфере также впечатляет. Так, только за 1918–1985 гг. в Советской России и СССР было издано свыше 200 нормативно-правовых актов, касавшихся судоустройства. А если говорить о судопроизводстве, то лишь за 1963–1978 гг. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. подвергался изменениям свыше 20 раз.² Во-вторых, именно судебная реформа должна была стать предпосылкой и основой для демократического преобразования государственно-правовой системы в России. По справедливому замечанию В.П. Есеновой, «судебное реформирование условно можно разделить на три этапа. Первый этап был связан с образованием нового государства – Российской Федерации (в декабре 1991 г.). К этому времени Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным в Верховный Совет была внесена концепция о реформировании судебной системы, где в качестве основной задачи было определено построение нового демократического, правового государства... Второй этап судебной реформы связан с принятием Кодекса РФ об административных правонарушениях, Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Уголовного процессуального кодекса РФ, которыми установлена состязательность процесса по большинству производств, введен институт обжалования актов, действий (бездействия) и решений органов государственной власти, должностных лиц и государственных служащих... Третий этап судебной реформы связан с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. В последние годы в связи с критикой Европейского суда по правам человека был принят ряд федеральных законов, целью которых была охрана прав граждан при осуществлении правосудия и оптимизация процессуальной деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции».³

---

¹ Пашенцев Д.А. Современные подходы к понятию «правовая реформа» // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 24 апреля 2014 года / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, Издательство ЦОЗ, 2014. С. 13-14.

² Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2006. Т. 2. № 2. С. 43.

³ Есенова В.П. Судебная реформа в России: промежуточные результаты // Научные труды Северо-

Такое внимание к судебной реформе в рамках правовой реформы отразилось и на изучении преобразований в судебной сфере в царствование Александра II. Достоинства и недостатки Судебной реформы 1864 г. хорошо изучены в работах Б.В. Виленского¹, М.Г. Коротких², А.С. Смькалина³, М.В. Немыгиной⁴, Н.Н. Ефремовой⁵, В.В. Захарова⁶, С.В. Лонской⁷, А.А. Демичева⁸, Н.Н. и Ю.Н. Зипунниковых⁹ и других исследователей. Однако только в контексте широкомасштабной правовой реформы, предпринятой в царствование Александра II, можно до конца понять место и значение судебной реформы в этом процессе. Если раньше в историко-правовых исследованиях каждая реформа изучалась отдельно, то теперь возникло понимание, что проникнуть в истинный смысл любой реформы, оценить значение можно только при рассмотрении её в контексте общей правовой реформы. Потенциал этого направления хорошо показан М.В. Немыгиной: «Правительство Александра II с самого начала предусмотрело возможность взаимодействия реформ в ходе их реализации: крестьянская реформа обеспечивалась судебными гарантиями защиты экономических и личных интересов населения; судебная система формировалась при посредстве земств (земства обеспечивали выборы мировых судей и присяжных заседателей); суды были также вправе разрешать споры между органами системы самоуправления и государственной властью и т.д.»¹⁰

Для того, чтобы «вписать» судебную реформу в общий контекст правовой реформы Александра II, необходимо определить значение этого дискуссионного по-

---

Западного института управления. – 2012. Т. 3. № 2. С. 182.

¹ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969.

² Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в России. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989; Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 г. в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1994.

³ Смькалин А. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // Российская юстиция. – 2001. № 3. С. 39-42; Смькалин А. Судебная реформа 1864 года // Российская юстиция. – 2001. № 5. С. 39-43; Смькалин А.С. Судебная реформа 1864 года и современная судебная реформа (историко-сравнительный анализ) // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2-6 октября 2010 г. (XVIII Адлерские чтения). – Краснодар: Традиция, 2010. С. 367-371 и другие.

⁴ Немыгина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: Изд-во СЮИ, 1999.

⁵ Ефремова Н.Н. Традиции примирения в истории обычного права в законодательстве России: дореволюционный период // Государство и право. – 2011. № 7. С. 84-90; Ефремова Н.Н. Медиация в истории российской дореволюционной юстиции // Медиация в правоприменении: вопросы теории и практики. Сборник статей / Под ред. С.К. Дряхлова, В.П. Очердько. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 14-18 и другие.

⁶ Захаров В.В. Становление развитие института судебных приставов в России, вторая половина XIX – начало XX вв. – М.: Юрлитинформ, 2010.

⁷ Лонская С.В. Мировой суд в России, 1864-1917 гг. (историко-правовое исследование). Дис. ... к.ю.н. – Калининград, 1998.

⁸ Демичев А.А. История российского суда присяжных 1864-1917 гг. – Ниж. Новгород, 2002.

⁹ Зипунникова Н.Н., Зипунникова Ю.Н. Великая судебная реформа и дифференциация гражданской процессуальной формы (посвящение юбилею Судебных уставов 1864 года) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. № 9-1. С. 160-179.

¹⁰ Немыгина М.В. Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственно-правового порядка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. № 4. С. 10.

нения. Оптимальным на сегодняшний день представляется следующее определение: правовая реформа – это хронологически ограниченный процесс преобразования правовой системы страны, затрагивающий правотворчество, правовой массив, правопонимание, правоприменение, который предшествует или следует за реформированием политической, экономической или социальной сферы и имеет целью качественное улучшение жизни большинства членов общества.

Политики XIX века понимали, что проведение судебной реформы в России невозможно без серьёзного реформирования в других областях, без составления плана правовой реформы. Так, А.С. Смыкалин справедливо отмечает, что ещё «в 1803 г. М.М. Сперанский предложил широкую программу усовершенствования судебной системы, которая позднее получила развитие во “Введении к Уложению государственных законов” 1809 г. В 1821 и 1826 гг. он возвращался к проектам судебных преобразований. Однако правительства Александра I и Николая I их отвергли, поскольку эти проекты, пусть и весьма робко, предлагали реализацию некоторых буржуазных принципов. Кроме того, судебные преобразования нельзя было провести изолированно, без решения коренных вопросов общественной жизни, в первую очередь – крестьянского вопроса».¹ Именно поэтому судебная реформа в России могла состояться только в рамках широкомасштабной правовой реформы.

«Великие реформы» Александра II хронологически выстраиваются в следующую цепочку: 1857 г. – фактическое создание Совета министров как высшего органа исполнительной власти, возглавляемой Императором, 1861 г. – отмена крепостного права, с 1863 г. – финансовая реформа, 1863 г. – новый Университетский устав, с 1864 г. – земская реформа, с 1864-1874 гг. – военная реформа, если не учитывать изменения в обмундировании русской армии в 1855-1856 гг. и упразднение военных поселений в 1857 г., с 1864 г. – судебная реформа, с 1870 г. – городская реформа. Таким образом, изданию Судебных уставов 20 ноября 1864 г. предшествовала целая серия серьёзных изменений в других областях.

Огромное значение имело то, что за год до начала проведения судебной реформе началась университетская реформа, призванная подготовить, в том числе, новые юридические кадры, способные справиться с профессиональными и общественными вызовами. Как справедливо отмечают Т.М. Баженова и Н.Н. Зипунникова, «эпоха буржуазных реформ актуализировала юридическую профессию, повлекла за собой очередную перестройку юридического образования, в том числе с новой остротой поставила вопрос о «сугубо юридической» и административной специализациях на юридических факультетах. Считается, что в это время осуществлялся переход к теоретической модели юридического образования; опора на научные знания провозглашалась важнейшим принципом университетского образования».²

В Университетском уставе 1863 г., согласно параграфу 15, на юридических факультетах создавалось тринадцать кафедр при 13 профессорах и шести доцентах:

---

¹ Смыкалин А.С. Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX – XXI вв. в России (часть первая) // Алтайский юридический вестник. – 2014. № 8. С. 41.

² Баженова Т.М., Зипунникова Н.Н. «Законы должны вытекать из исторической жизни народа...» (о роли историко-правовых курсов в юридическом образовании) // Российский юридический журнал. – 2011. № 1. С. 228.

«1) энциклопедия права: а) энциклопедия юридических и политических наук, б) история философии права; 2) история важнейших иностранных законодательств древних и новых; 3) история русского права; 4) история славянских законодательств; 5) римское право: а) история римского права; б) догматика римского гражданского права; в) византийское право; 6) государственное право: а) теория государственного права; б) государственное право важнейших иностранных государств; в) русское государственное право; 7) гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство; 8) уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство; 9) полицейское право: а) учение о безопасности (законы благочиния), б) учение о благосостоянии (законы благоустройства); 10) финансовое право: а) теория финансов; б) русское финансовое право; 11) международное право; 12) политическая экономия и статистика; 13) церковное законоведение».¹ Таким образом, юристы получали серьёзную теоретическую и практическую подготовку.

Насколько важны были высококвалифицированные кадры для реализации реформ Александра II и, конечно, прежде всего, судебной реформы, стало ясно практически сразу. Например, чуть были не «завалены» первые дела с участием присяжных заседателей. Как вспоминал А.Ф. Кони, «заседания с присяжными открылись 26 и 28 июля (1866 г.), делом Родионова, обвинявшегося в краже со взломом, и делом Маркова, обвинявшегося, как значилось в объявлении дела, – “в способствовании неизвестному человеку в снятии полсти с саней”». Защитником во втором выступил В.Д. Спасович. Председательствующий товарищ председателя не совладал, однако, со своей задачей. Заседание тянулось долго, с томительными перерывами и остановками, носившими характер некоторой суетливой беспомощности и растерянности. Общее впечатление получилось неудовлетворительное и грозило повториться в ряде дел, т.к., в виду вакантного времени, председательство по делам с присяжными должно было оставаться в одних и тех же неумелых руках. По закону, один председатель мог заменить своего товарища, но председатель этот был в отпуске, больной, вне Петербурга. Едва, однако, разнеслась весть, что дела с присяжными ведутся без надлежащего склада и лада, Мотивилов бросил всё и появился в суде».² Таким образом, Георгий Николаевич Мотивилов (1834-1880) своим поступком задал ту высокую планку для председателей окружных судов, которую потом поддерживали его коллеги и преемники.

Однако были и отрицательные последствия такого распределения реформ 60-х – 70-х гг. XIX века. Например, ограниченный характер крестьянской реформы привёл к сохранению волостных судов, которые имели сословный характер и работали на основании норм обычного права. Российская власть предпочла сохранить обычное право крестьянских общин, а инструментом избрало волостные суды, которые нарушали провозглашённый принцип равенства всех перед законом. «При подготовке крестьянской реформы, – отмечает Питер Цап, – создание крестьянских волостных судов, которые должны были заменить судебную власть помещика, рас-

---

¹ Университетский устав 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2. СПб., 1866. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39752.

² Кони А.Ф. Новые меха и новое вино: Из истории первых дней судебной реформы. Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 26 января 1892. – СПб., 1892. С. 37-38.

считалось реформаторами как временная мера, рассчитанная на достаточно краткий переходный период. Официальными причинами создания этих институтов были, во-первых, “особенности крестьянского быта”, а во-вторых – отсутствие необходимого количества подготовленных юристов. Однако “первые сомнения в том, что создание единой унитарной системы администрации и правосудия может произойти достаточно быстро, появились после обнародования Судебных уставов 1864 г.”. В целом прогрессивная по своему характеру, судебная реформа не только никак не затронула сословный волостной суд, но и не связала его с остальной системой правосудия, закрепив существующее положение дел. Так начался период обособленности крестьянского правосудия в России, продлившийся до 1912 г.».¹ На интересный факт в деятельности волостных судов в 1889 году указывал П.М. Богаевский: «... в то время как какой-нибудь крестьянин – я сам был свидетелем этому – тщательно требует к себе “152 статьи”, судьи решают его дело единственно на основании “принятых в крестьянском быту обычаев”».²

Была ли судебная реформа хронологически ограниченной? Безусловно.

Во-первых, вслед за ней последовала судебная контрреформа, которой до сих пор даются разные оценки.³

Во-вторых, были и официальные, подводящие итог мероприятия. В 1894 году под руководством Н.В. Муравьева была учреждена комиссия для пересмотра действующих правил по судебной части, результатом деятельности которой явились проекты новой редакции судебных уставов (учреждения судебных установлений, уставов уголовного и гражданского судопроизводства), содержавшие более 4,5 тыс. статей и 16 томов объяснительных записок к ним.⁴ А в 1899 году Николай II подписал указ о завершении судебной реформы⁵, который, правда, по неизвестным причинам не вошёл в Полное собрание законов Российской империи.

Судебная реформа 1864 года, конечно, имела целью улучшение качества жизни большинства членов общества, т.к. устанавливала равенство всех подданных Российской империи перед судом и законом, предусматривала привлечение к судебному разбирательству общественности, предусматривала постепенное формирование профессионального судейского корпуса. Однако оценки того, насколько судебная реформа повлияла на развитие правосознания российского общества, сегодня даются разные. Так, к примеру, Д.А. Пашенцев считает, что «высоко оцениваемая как современниками, так и потомками, судебная реформа 1864 г., тем не менее, столкнулась со сложностями ментального характера. Она стала слишком радикальной

---

¹ *Czap P.* Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861-1912 // *Journal of social history.* – Berkeley, 1967. Vol. 1. P. 151.

² *Богаевский П.М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.)* / Под ред. члена отдела этнографии Н. Харузина. – М.: Типография А. Левинсок и К., 1889. С. 28.

³ *Смыкалин А.С.* Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность // *Российская юстиция.* – 2001. № 1. С. 42-45.

⁴ *Немытина М.В.* Суд в России: Вторая половина XIX – начало XX вв. Автореферат дис. ... д.ю.н. – М., 1999. С. 32.

⁵ *Нестеренко Л.С.* Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. С. 9.

для неподготовленного правосознания населения страны. В итоге сменившегося курса на смену этой реформе всего через несколько лет пришла контрреформа, которая ликвидировала целый ряд демократических институтов, включая мировой суд». ¹ Однако, по мнению А.Д. Поповой, напротив, Судебную реформу 1864 года «нельзя воспринимать как простое обновление правил судопроизводства. Она вобрала все тенденции новой эпохи, которая несла демократические ценности – всеобщность, уважение к человеческому достоинству, равенство всех перед законом. Реформа суда содействовала изменению общественного сознания, перерастанию его из патриархального в гражданское, в частности – повышению уровня уважения к закону».²

Конечно, учитывая условия абсолютной монархии нельзя сказать, что судебная реформа 1864 г. сильно повлияла на правотворчество и правовой массив. Хотя косвенно было и это. Например, по словам А.Ф. Кони украшением петербургского мирового суда стал Николай Андрианович Неклюдов (1840-1896).³ Из мировых судей он позже перешёл в старшие юрисконсульты министерства юстиции, затем был обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената, обер-прокурором общего собрания кассационных документов, товарищем государственного секретаря и товарищем министра внутренних дел. Он участвовал в законодательных комиссиях по пересмотру законов о личном найме рабочих и прислуги, по отмене паспортов, по преобразованию волостных судов, по устройству быта евреев, по тюремному преобразованию, по исследованию железнодорожного дела, по делам контрагентов действовавшей в турецкую войну армии, по составлению проекта нового Уголовного уложения 1903 г.

Напротив, правопонимание и правоприменение серьёзно изменились именно благодаря Судебной реформе 1864 г. Насколько глобальные процессы происходили в сознании россиян показывают многочисленные примеры.⁴ Так, в народной памяти остался мировой судья XIII участка Санкт-Петербурга Александр Иванович Трофимов (1818-?). Однажды ему пришлось рассматривать дело о скандале, который произошёл в Туляковских банях на Ямской улице. В мужском отделении, плата за вход в которое составляла 20 копеек, была только одна ванна, и двое посетителей поспорили, кто из них первым должен ею воспользоваться. Перед судьей Трофимовым предстали мастерской Костин и статский советник Скоморовский. Господин Скоморовский явился в суд с орденовыми значками в петлицах и высокомерно заявил, что виновником ссоры был необразованный мужик, который вёл себя вызывающе и всё время с ним переругивался. «Но ваши оскорбления были взаимными», – уточнил судья Трофимов. «Да, но между нами большая разница: я – чиновник, статский советник, кавалер орденов». «А откуда мастерской Костин мог об

---

¹ Пашенцев Д.А. Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 50-70-е гг. XIX века // Евразийский юридический журнал. – 2014. № 3 (70). С. 122.

² Попова А.Д. Судебная реформа как фактор построения гражданского общества (на примере судебных реформ 1864 г. и рубежа XX-XXI вв.) // Власть. – 2009. № 3. С. 120.

³ Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 1: Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. – М.: Типография тов-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 492-493.

⁴ См., напр.: Демичев А.А. Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода (по материалам анекдотов) // История государства и права. – 2010. № 17. С. 21-24.

этом знать? Ведь вы мылись без орденов. В нашем отечестве баня – единственное место, где равноправность пользуется всеми правами гражданства. Принимая во внимание банную равноправность, штрафую обеих на одинаковую сумму по пяти рублей каждого».¹ Конечно, такое решение мирового судьи свидетельствует о том, насколько изменилось правопонимание судейского корпуса, возможности правоприменения без оглядки на администрацию.

Улучшение качества жизни как цель правовой реформы не обязательно имеет материальные, количественные показатели, но может выражаться в повышении роли общества и отдельного индивида в правовой сфере, сдерживании юридическими средствами негативных и поддержке позитивных тенденций развития, обеспечении безопасности. Например, заседания с участием присяжных заседателей были настолько популярными, что, как отмечает В.Б. Шевчук, например, «в Петербургском окружном суде в семидесятых годах, четыре дня в неделю действовали два отделения с присяжными, которым в неделю приходилось рассматривать в среднем около 32 дел, т.е. выслушивать столько раз присягу присяжных. И столько же раз присягу свидетелей, так что священник, приглашенный судом, был вынужден, запыхавшись, спешить из одного отделения в другое и торопливо “барабанить” присягу и увещание присягающим».²

Таким образом, судебная реформа 1864 г. являлась важнейшим этапом широко-масштабной правовой реформы, предпринятой в царствование Александра II. Судебной реформе предшествовали, прежде всего, крестьянская и университетская реформы, которые должны были подготовить провозглашение принципа всесословности суда и кадры для новой судебной системы. Как достижения, так и просчёты судебной реформы были обусловлены как генеральной целью реформирования, так и общей логикой правовой реформы, успехами и неудачами других её этапов.

Источники и использованная литература:

1. Университетский устав 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. – СПб., 1866. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39752.
2. *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжелый путь России к праву. – М.: Юрист, 1997. – 326 с.
3. Анекдоты о мировом судье Александре Ивановиче Трофимове // URL: <http://statehistory.ru/2767/Anekdoty-o-mirovom-sude-Aleksandre-Ivanoviche-Trofimove/> (дата обращения: 29.02.2016 г.).
4. *Баженова Т.М., Зитунникова Н.Н.* «Законы должны вытекать из исторической жизни народа...» (о роли историко-правовых курсов в юридическом образовании) // Российский юридический журнал. – 2011. № 1. С. 224-235.
5. *Богаевский П.М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) / Под ред. члена отдела этнографии Н. Харузина. – М.: Типография А. Левинсок и Ко, 1889. С. 1-50.
6. *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. – 144 с.

---

¹ Анекдоты о мировом судье Александре Ивановиче Трофимове // URL: <http://statehistory.ru/2767/Anekdoty-o-mirovom-sude-Aleksandre-Ivanoviche-Trofimove>.

² *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX – начале XX в. (историко-правовое исследование). Дис. ... к.ю.н. – СПб., 2004. С. 27.

7. Демичев А.А. История российского суда присяжных 1864-1917 гг. – Ниж. Новгород, 2002. – 320 с.
8. Демичев А.А. Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода (по материалам анекдотов) // История государства и права. – 2010. № 17. С. 21-24.
9. Есенова В.П. Судебная реформа в России: промежуточные результаты // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2012. Т. 3. № 2. С. 181-189.
10. Ефремова Н.Н. Традиции примирения в истории обычного права в законодательстве России: дореволюционный период // Государство и право. – 2011. № 7. С. 84-90.
11. Ефремова Н.Н. Медиация в истории российской дореволюционной юстиции // Медиация в правоприменении: вопросы теории и практики. Сб. ст. / Под ред. С.К. Дряхлова, В.П. Очередыко. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 14-18.
12. Захаров В.В. Становление и развитие института судебных приставов в России, вторая половина XIX – начало XX вв. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 311 с.
13. Зипунникова Н.Н., Зипунникова Ю.Н. Великая судебная реформа и дифференциация гражданской процессуальной формы (посвящение юбилею Судебных уставов 1864 года) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. № 9-1. С. 160-179.
14. Игнатьева М.В. М.М. Ковалевский о правовых реформах в России // Вестник Академии права и управления. – 2014. № 34. С. 51-55.
15. Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 1: Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1913. – 659 с.
16. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино: Из истории первых дней судебной реформы. Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 26 января 1892. – СПб., 1892. – 45 с.
17. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в России. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. – 185 с.
18. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 г. в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1994. – 240 с.
19. Лонская С.В. Мировой суд в России, 1864-1917 гг. (историко-правовое исследование). Дис. ... канд.юрид.наук. – Калининград, 1998. – 168 с.
20. Немытина М.В. Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственного-правового порядка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. № 4. С. 8-14.
21. Немытина М.В. Суд в России: Вторая половина XIX – начало XX вв. Автореферат дис. ... докт.юрид.наук. – М., 1999. – 403 с.
22. Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 18 с.
23. Пашенцев Д.А. Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 50-70-е гг. XIX века // Евразийский юридический журнал. – 2014. № 3 (70). С. 121-122.
24. Пашенцев Д.А. Современные подходы к понятию «правовая реформа» // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 24 апреля 2014 года / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, Издательство ЦОЗ, 2014. С. 12-14.
25. Попова А.Д. Судебная реформа как фактор построения гражданского общества (на примере судебных реформ 1864 г. и рубежа XX–XXI вв.) // Власть. – 2009. № 3. С. 120-123.
26. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2006. Т. 2. № 2. С. 45-53.

27. *Смыкалин А.С.* Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX – XXI вв. в России (часть первая) // Алтайский юридический вестник. – 2014. № 8. С. 40-45.
28. *Смыкалин А.С.* От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // Российская юстиция. – 2001. № 3. С. 39-42.
29. *Смыкалин А.С.* Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность // Российская юстиция. – 2001. № 1. С. 42-45.
30. *Смыкалин А.С.* Судебная реформа 1864 года // Российс. юстиция. – 2001. № 5. С. 39-43.
31. *Смыкалин А.С.* Судебная реформа 1864 года и современная судебная реформа (историко-сравнительный анализ) // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2-6 октября 2010 г. (XVIII Адлерские чтения). – Краснодар: Традиция, 2010. С. 367-371.
32. *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX - начале XX в. (историко-правовое исследование). Дис. ... канд.юрид.наук. – СПб., 2004. – 186 с.
33. *Czap P.* Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861-1912 // Journal of social history. – Berkeley, 1967. Vol. 1. P. 149-179.

Dorskaya A.A.

**Judicial reform as a stage of legal reform in Russia
during 60s – 70s of 19th century**

The article shows that judicial reform of Alexander II was part of a large legal reforms conducted in the country in 60s – 70s of 19th century. The article covers relationship of the judicial reform with the peasant and university reforms. The pros and cons of the logic of «great reforms» are analyzed.

Keywords: legal reform, judicial reform, peasant reform, university reform, legal thinking, law enforcement.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.¹

Статья посвящена вопросам правовой регламентации организации уголовного преследования в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Рассматривается концепция уголовного иска, в соответствии с которой Устав определяет момент возбуждения уголовного преследования (начало производства по уголовному делу). Освещаются этапы развития данной процессуальной функции, а также правовое положение лиц, подвергаемых уголовному преследованию.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 г., уголовное преследование, уголовное судопроизводство, уголовный иск, возбуждение уголовного преследования, судебный следователь, предварительное следствие.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г.², по словам И.Я. Фойницкого, – это «великий памятник законодательства».³ Его изучение даёт нам понимание традиций отечественного уголовного судопроизводства. По сути, та модель уголовного судопроизводства, которую мы имеем, была сформирована именно этим, первым в отечественной истории, кодифицированным законодательным актом в области уголовно-процессуального права.

Вряд ли те или иные положения Устава могут сегодня быть восприняты непосредственно как пример для законодательного заимствования, потому что полтора столетия кардинально изменили социальные отношения, регулируемые правом. Но гуманизм законодательных решений, присутствующий в УУС, как правовую традицию отечественного уголовного судопроизводства, необходимо сохранить и в XXI веке. Поэтому так важно обращение к правовому наследию и сохранение правовых ценностей, разумеется, в иной правовой оболочке, впервые в российском законодательстве выраженных в данном правовом акте. Однако, отмечая значение УУС для становления уголовного процесса и, в большей степени, для развития теории уголовно-процессуального права, нельзя не видеть того, что к моменту его принятия многие правовые категории не были детально разработаны отраслевой правовой наукой. Это касается и такой фундаментальной правовой категории как уголовно-процессуальная функция уголовного преследования.

В УУС отсутствует чёткое определение правового статуса участников процесса: в ряде случаев имеет место отождествление понятий «сторона» и «участвующие в деле лица», что отмечалось и в литературе периода действия Устава.⁴ Также не разграничиваются понятия «подозреваемый» и «обвиняемый», «задержание обви-

---

Ветрова Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Впервые опубликовано: Законодательство. – 2014. № 9. С. 84-94.

² В дальнейшем: УУС.

³ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996 (репринт 1910 г.). Т. 1. С. 41.

⁴ См.: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство. – М.: Зерцало, 2008, 2013. С. 246.

няемого» (ст. 285 УУС) и «взятие обвиняемого под стражу» (ст. 283 УУС).¹ Следовательно, современные правовые институты, которые имеют сходное название, но иное содержание, не могут сопоставляться с аналогичными в УУС. Задача состоит в раскрытии содержания правовых институтов в историческом контексте в системе действующего в обозначенный период времени законодательного регулирования.

Научный интерес представляет исследование концепции уголовного иска, лежащей в основе определённых законодательных решений в Уставе уголовного судопроизводства. Сразу же стоит отметить, что она не нашла последовательного воплощения в законодательстве, поскольку концепция уголовного иска требует и более полной реализации принципа состязательности в процессе.² Само понятие уголовного иска встречается и в тексте УУС. Так, в статье пятой говорится о возбуждении уголовного иска потерпевшим. Конструкция уголовного иска использовалась авторами в научной и учебной литературе, там, где речь велась об уголовном преследовании и обвинении.³

В основе концепции уголовного иска лежит представление об уголовном процессе как порядке, в котором государство реагирует на преступление. И этот порядок требует установления лица, совершившего преступление, определение его вины и назначение соответствующего наказания за преступление. Соответственно уголовный иск – это требование по установлению лица, совершившего преступление, определению его вины и назначению наказания, требование, с которым обращаются уполномоченные законом лица (должностные и частные) к органу, который единственно может этот вопрос решить, в конечном счёте, – Суду. «Сообразно цели, преследуемой уголовным процессом, – писал В.К. Случевский, – предметом его является установка виновности лица, совершившего преступление. Событие совершившегося преступления открывает государству право на наказание, для применения которого необходимо возбудить деятельность подлежащих органов судебной власти. ...Требование, предъявленное уголовному Суду о применении наказания, составляет предмет уголовного иска, являющегося существенным элементом уголовно-судебного производства, на котором, как на основе, развивается процессуальная деятельность уголовного Суда и содействующих ему органов».⁴

Следует отметить, что термин «судебное преследование» не имеет однозначного содержания в различных статьях УУС. В некоторых он обозначает в целом уголовное судопроизводство, указывая на задачу уголовного процесса решить вопрос

---

¹ См. об этом, например: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. Т. II. С. 334-335.

² Вводя состязательное начало при разбирательстве судебных дел, УУС не проводил его последовательно в процедурных правилах. В нём содержится немало положений, которые в литературе и в то время отмечались как противоречащие состязательному началу. См., например: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С.22; *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. I: Судостроительство. – М.: Зерцало, 2008. С. 79, 82; *Он же.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство. – М.: Зерцало, 2008. С. 260-261.

³ См., например: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 171-260; *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 232-233 и сл.; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 3-12.

⁴ *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 144-145.

об уголовной ответственности лица, совершившего преступление, не имея в виду разграничения полномочий и соответственно функций обвинительной и судебной власти (ст. 1). Однако чаще в законодательных формулировках «судебное преследование» равнозначно «уголовному преследованию», понимаемому как процессуальная функция (ст.ст. 2, 781, 782).¹ Сам термин «процессуальная функция» редко встречается в литературе, написанной на базе УУС. И, как правило, его содержание не раскрывается. Обычно употребляется для обозначения полномочий соответствующих органов и должностных лиц на совершение определённых действий.

В литературе периода действия УУС «уголовное преследование» и «обвинение» рассматривались как понятия тождественные. Фойницкий отмечал, что обвинение – это тот же иск, но только «публичный и индивидуальный, сообразно особым свойствам уголовного дела».² Он порождает обязанность публичной власти к производству дела для решения вопроса о наказании за преступление. Таким образом, уголовный иск, или уголовное преследование (обвинение в процессуальном смысле, то есть как процессуальная функция) является механизмом, запускающим производство по уголовному делу, иными словами, ведёт к возникновению процессуальной деятельности.

Уголовный иск – это требование о судебной защите права, нарушенного преступлением. В силу этого оно носит публично-правовой характер. Требование обращено к органу, полномочному в силу закона осуществлять процессуальную деятельность, направленную к решению вопроса о вине и наказании лица, совершившего преступление.³ Несмотря на то, что в литературных источниках уголовный иск и уголовное преследование употребляются как синонимы, из контекста сле-

---

¹ По Уставу уголовного судопроизводства предварительное следствие осуществлялось судебной властью – судебными следователями, которые по служебному положению приравнивались к членам окружного суда. Однако природа предварительного следствия существенно отличалась от судебного следствия как по задачам, так и по методам действия. Если основу судебного следствия составляли начала состязательности, устности, гласности, то предварительное следствие сохраняло во многом черты инквизиционного (следственного) процесса, в котором нет сторон, а в «лице судебного следователя сосредоточены функции как обвинителя, так и защитника» (Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 388).

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 4.

³ В соответствии с порядком, установленным УУС, это требование адресовано судебной власти – судебному следователю или мировому судье.

Авторы, рассматривавшие конструкцию обвинения (уголовного преследования) как уголовный иск, исходили из сходства природы и форм гражданского и уголовного процессов. «По процессуальной их природе, – писал И. Фойницкий, – оба института представляются требованиями, обращаемыми к лицу судебной власти и создающими для последней обязанность производства дела в судебном порядке; причём иск гражданский содержанием своих требований имеет интересы гражданские и направляется к суду гражданскому, иск уголовный содержанием своих требований имеет интересы карательные и направляется к суду уголовному» (Там же).

В советской литературе предложение рассматривать обвинение как уголовный иск впервые было высказано М.Л. Шифманом в работе «Прокурор в уголовном процессе» (1948 г.). Позднее такой взгляд на обвинение отстаивали авторами–сторонниками концепции судебного права. – См.: *Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А.* Проблемы судебного права. – М.: Наука, 1983. С. 67-109. В настоящее время в защиту идей судебного права высказывается Э.М. Мурадян. По её мнению, к общим категориям судебного права относится и понятие «иск». – См.: *Мурадян Э.М.* Судебное право. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 194.

дует, что эти понятия несут разную смысловую нагрузку. Уголовный иск – требование начать производство по делу, то есть начать осуществлять процессуальную деятельность по уголовному преследованию лица, совершившего преступление. Иными словами, уголовный иск рождает уголовное преследование как процессуальную функцию.

В связи с конструкцией уголовного иска и соответственно порождаемой этой конструкцией функцией уголовного преследования требуют ответа вопросы: 1) о моменте возбуждения уголовного преследования и субъектах, возбуждающих уголовное преследование; 2) об этапах уголовного преследования и субъектах, осуществляющих эту функцию на разных этапах; 3) о предмете и пределах осуществления функции уголовного преследования; 4) о правовом положении лица, подвергаемому уголовному преследованию; 5) о соотношении содержания уголовного преследования (обвинения в материально-правовом смысле) и содержания приговора.

Нужно отметить, что функция уголовного преследования существует в любой модели уголовного процесса. Различия будут в процессуальном порядке её возникновения и осуществления, то есть ответы на вышеизложенные вопросы будут отличаться в зависимости от того, в какой мере смешанный тип уголовного процесса, созданный Уставами, отдаёт предпочтение следственному или состязательному началу в построении уголовного судопроизводства. УУС разграничивает производство в мировой юстиции (мировых Судебных Установлениях) и общих судах (общих Судебных Установлениях), соответственно разграничивается возбуждение и осуществление уголовного преследования.

В последнее время особую остроту приобрела дискуссия о начале уголовного процесса, как он должен начинаться, кем инициироваться¹. И в этой связи участники дискуссии нередко апеллируют к нормам Устава, как обычно, беря в союзники лишь те отдельные нормы закона, которые подтверждают авторскую позицию. Поэтому рассмотрение вопросов о том, какие субъекты имели полномочие возбудить уголовное преследование, при каких условиях начиналось производство по уголовному делу, и как всё это в целом определяло дальнейший ход уголовного преследования, представляет интерес.

Порядок уголовного судопроизводства, определённый УУС, не предполагал выделенного (обособленного) этапа производства, аналогичного современной процессуальной стадии возбуждения уголовного дела. То, что в соответствующих статьях Устава названо как «поводы к начатию дел» или «поводы к начатию следствия» – это поводы к началу производства у мирового судьи или у судебного следователя. Одновременно это суть акты возбуждения уголовного преследования (уголовного иска). Сопоставление их с поводами к возбуждению уголовного дела по действующему закону некорректно. В современном уголовно-процессуальном законодательстве наличие повода порождает процессуальную деятельность по установлению основания для дальнейшей процессуальной деятельности. Регламентация «поводов к начатию ...» производства по УУС такова, что они вели к началу соответствующей процессуальной деятельности при условии, что были информа-

---

¹ Полемике по этому вопросу посвящён номер журнала: Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. № 1. С. 20-201.

тивно обоснованы, т.е. уже содержали необходимый минимум сведений в качестве основания для возбуждения уголовного преследования.

В литературе, относящейся к действию УУС, есть некоторые противоречия, связанные с оценкой начального этапа производства по делу. Так, С.И. Викторский рассматривал возбуждение уголовного преследования при наличии указанных в законе поводов к началу производства по делу как возбуждение уголовного иска. По его словам, возбуждение уголовного преследования – «это такой акт в процессе, которым доводится до сведения судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник сего деяния и предъявляется требование расследовать дело»¹ (курсив автора – Г.В.) или приступить к разбирательству у мирового судьи. Возбуждение уголовного преследования, по его мнению, – это самостоятельный акт, который не сливается с началом следствия, поскольку заявление о преступлении «... не обязывает непременно начать расследование дела».²

И.Я. Фойницкий рассматривал обвинение, уголовное преследование и уголовный иск как понятия тождественные и соответственно возбуждение обвинения (уголовного иска) оценивал как требование, которое создаёт «...обязанность приступить к производству дела в уголовно-судебном порядке».³ По его мнению, для состязательной формы процесса начало уголовного преследования определяется требованиями обвинителя. «В процессе инквизиционном от суда каждый раз зависело, приступить или не приступить к разбирательству». И.Я. Фойницкий считал, что возбуждение уголовного преследования по Уставу согласуется с состязательными началами в процессе. «...Только в процессе состязательном устанавливается положение, что суд сохраняет власть принятия или непринятия обвинения по условиям юридическим (материальным и процессуальным), но оценка фактической доказательности его принадлежит обвинителю, на которого переходит и ответственность за предъявление недоказанных обвинений. Этот последний порядок принят и судебными уставами, определившими, что возбуждение уголовного преследования от суда переходит к обвинителю (ст. 2, 3, 4, 5 УУС), и установившими ответственность обвинителей за предъявление неосновательных обвинений (ст. 121, 780-782 УУС). .... Уставы твёрдо наметили положение, по которому предъявление обвинения компетентным органом налагает на суд неперемнную обязанность приступить к судебному-уголовному производству, так что возбуждение уголовного преследования перешло от суда к обвинителю».⁴

Аналогично истолковывал понятие обвинения Н.Н. Розин. По его мнению, обвинение делится на первоначальное (возбуждение преследования) и окончательное (обличение перед судом). Субъекты, полномочные подать жалобу или заявление о преступлении – рассматриваются им как субъекты обвинения, т.е. субъекты, полномочные на подачу уголовного иска⁵. С.В. Познышев рассматривал возбуждение уголовного (судебного) преследования как возбуждение уголовного дела. По его

---

¹ Викторский С.И. Указ. соч. С. 235.

² Там же.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 4.

⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. II. С. 4-5.

⁵ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Изд. 2-е. – СПб., 1914. С. 230-251.

мнению, обращения к органам судебной власти являются актами возбуждения уголовного преследования лишь при наличии к тому указанных в законе оснований.¹

По замечанию В.К. Случевского предварительное производство по УУС основывалось во многом на принципах, характерных для следственного (инквизиционного) типа процесса, таких как письменное производство, отсутствие гласности, отсутствие сторон. Также и начало производства по делу определялось в соответствии с учением о *fundamenta inquisitionis*, т.е. о поводах и основаниях, наличие которых требовалось для возбуждения уголовного преследования.² По мнению В.К. Случевского, инквизиционное начало заключалось в том, что следователь не всегда при наличии повода возбуждал уголовные дела. Для возбуждения преследования недостаточно только требования обвинителя. Напротив, для состязательной формы процесса начало уголовного преследования определяется требованиями обвинителя. «Требование обвинителя о преследовании представляется единственным основанием к возбуждению обвинения перед Судом, так что наличие его делает судебное исследование дела обязательным для Суда и обратно – отсутствие требования обвинителя делает невозможным возбуждение уголовной деятельности Суда».³ Следственное начало, напротив, требует наличия основания, которое в законе регулируется положением о необходимости повода и основания для возбуждения уголовного дела.

Вопрос об основании решается либо на основании закона, который в некоторых поводах уже видит основание, либо по усмотрению должностного лица, оценивающего первоначальные сведения о преступлении, как достаточные для того, чтобы начать уголовное преследование. То, каким образом закон регламентирует начало уголовного преследования, если и не определяет в полной мере характер дальнейшего производства по уголовному делу, то во многом на него влияет.

Правом возбудить уголовное преследование у мировых судей и в общих судах могли: 1) лица, потерпевшие от преступлений; 2) чины полиции и должностные лица административных властей; 3) органы судебной власти и 4) должностные лица прокуратуры. Производство у судебного следователя могли возбудить и лица, не являющиеся сами потерпевшими, но будучи очевидцами, а также лица, не являющиеся очевидцами. Явка с повинной также при определённых условиях могла послужить поводом к началу производства предварительного следствия. Субъекты, наделённые полномочием возбуждать уголовный иск (уголовное преследование) рассматривались как субъекты обвинительной деятельности. При этом отмечалось как противоречащее состязательному началу полномочие мировых судей, судебных следователей и судей общих судов возбуждать уголовное преследование.⁴

Указанные в УУС поводы к начатию дела – это поводы к возбуждению уголовного преследования. Концепция уголовного иска, в соответствии с которой решались вопросы о возбуждении уголовного преследования, не предполагает бесосно-

---

¹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М., 1913. С. 219-222.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 194.

³ Имеется в виду деятельность по расследованию преступления, которая считалась деятельностью судебной. – См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 194.

⁴ См.: Розин Н.Н. Указ. соч. С. 20; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 183; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 22.

вательного требования об уголовном преследовании. Поскольку возбуждение уголовного преследования характеризовалось как обвинительная деятельность, то соответствующее требование, обращённое к судебной власти (расследование осуществлялось судебными следователями, которые принадлежали судебной власти), должно было основываться на определённых данных, которые, в зависимости от повода, сопровождали это требование.

В УУС содержалось общее предписание: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания» (ст. 262). Требование закона об основании для уголовного преследования толковалось по-разному в зависимости от конкретного повода. Некоторые указанные в Уставе поводы влекли непосредственно возбуждение уголовного преследования ввиду того, что предусматривали в себе и основание, как указание на определённое преступление, а также на заподозренное в совершении преступления лицо. Жалоба потерпевшего от преступления лица рассматривалась как поданный уголовный иск и в соответствии со ст. 302 УУС должна была содержать: время и место преступного деяния, причины, по которым на кого-либо возводится подозрение, понесённые вред и убытки и указание на требуемое вознаграждение, если нужно.

По разъяснениям Сената не требовалось подтверждения достоверности сведений в жалобе, однако потерпевший должен был предупреждаться об ответственности за лживые доносы. Лицо, потерпевшее от преступления наделялось правами по осуществлению уголовного преследования, которое по делам публичного обвинения в общих судах являлось субсидиарным в дополнение к обвинительной деятельности лиц прокурорского надзора. Уже при производстве следствия потерпевший мог «представлять в подкрепление своего иска доказательства», «присутствовать при всех следственных действиях и предлагать с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям» и др. (ст. 304 УУС). В связи с тем, что подача жалобы потерпевшим рассматривалась как уголовный иск, закон предполагал определённую добросовестность истца.

В соответствии с концепцией уголовного иска, и частные лица, обращающиеся с жалобой, и должностные лица, инициирующие начало производства по уголовному делу, – все они должны были представить какое-либо основание для своих требований. Так, чины полиции, материалы розыска, должности административной власти (по преступлениям в круге их действий) – материалы своих исследований с указанием на лицо, которое они считают виновным. Именно в связи с конструкцией уголовного иска перечень субъектов, могущих инициировать уголовное преследование, в местных судах и в общих судебных установлениях очень обширен. Так о нарушении различных Уставов могли заявить о преступлении соответствующие инспекции или же чины полиции в зависимости от характера нарушения.

Лица, которые не являлись потерпевшими, не могли инициировать производство у мировых судей, так же как и явившиеся с повинной. Объясняется это тем, что производству у мирового судьи не предшествовало предварительное следствие. Разбирательство у мирового судьи велось по правилам состязательной процедуры, которая предусматривала наличие обвинителя для начала производства. Лица, которые сами непосредственно не являлись потерпевшими, также и явившиеся с по-

винной, не могли быть «желательными и пригодными» обвинителями, ведь на них должны бы возлагаться сбор и предъявление доказательств обвинения. В таком случае мировой судья вынуждался бы к несвойственной для судебной власти деятельности и, как писал В.К. Случевский, «мог бы стать в положение сыщика и через это утратил бы необходимое для судьи беспристрастие».¹ Уголовное преследование при разбирательстве дел у мирового судьи (обличение перед судом) осуществлял частный обвинитель, потерпевший по делам публичного обвинения, чин полиции или должностное лицо присутственных мест, возбудившее преследование у мирового судьи. Правда, диссонировало состязательному началу право мирового судьи инициировать уголовное преследование, если он станет очевидцем преступления или непосредственно при производстве по делу обнаружит ещё какое-либо преступление (непосредственное усмотрение) (ст. 42 УУС).

Судебный следователь аналогичного права был лишён. Хотя в числе поводов к началу следствия указан и такой повод как непосредственное усмотрение судебного следователя. Здесь в большей мере речь шла о ситуации, когда судебный следователь становился очевидцем преступления. В остальном следователь действовал под контролем должностного лица прокурорского надзора. Если в ходе производства он обнаруживал новое преступление, то должен был обратиться к должностному лицу прокуратуры, и только по его предложению мог начать уголовное преследование по новому преступлению, предварительно приняв меры к сохранению следов преступления и, если необходимо, также и к пресечению преступления.

Жалобы лиц, не потерпевших от преступления, а также явка с повинной не влекли безусловно возникновения производства по делу. Необходимо было убедиться в наличии основания для производства по уголовному делу и в отсутствии препятствий материального и процессуального порядка, исключающих возбуждение уголовного преследования. Что касается инициирования уголовного преследования лицами, не потерпевшими от преступлений, то отмечалось, что чаще эти лица действуют при содействии полиции, хотя заявление очевидца могло, согласно положениям УУС, явиться достаточным поводом к началу следствия. Здесь применялись те же условия, что и при инициировании уголовного преследования потерпевшим, правда, без предоставления лицу прав на дальнейшее участие в уголовном преследовании.

Возбуждение уголовного преследования – задача обвинительной власти. И хотя при составлении УУС ставилась задача разделить судебную и обвинительную деятельность, этого не получилось. Кроме уже названных случаев, когда органы судебной власти, мировые судьи и судебные следователи, могли непосредственно возбуждать уголовное преследование, обширными полномочиями в этом плане наделялась Судебная палата. Как обвинительная камера, разрешающая вопрос о предании суду, Судебная палата могла выйти за пределы обвинения, составляющего предмет судебного следствия, и возбудить обвинение и в отношении новых лиц, и о новых преступлениях. Полномочие судебного ведомства возбуждать уголовное преследование сохранилось в отечественной доктрине и законодательстве до конца XX века.

---

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 172.

Конструкция уголовного преследования как обвинительной деятельности согласно УУС была персонифицирована. Иными словами, процесс начинался, когда имелось заподозренное в преступлении лицо. И.Я. Фойницкий писал: «Возбуждением уголовного преследования открывается уголовный иск, и лицо, против которого оно направляется, становится обвиняемым».¹

Понятия обвиняемый и подозреваемый не разграничивались. Так без различия именовалось лицо, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. Специального акта о привлечении в качестве обвиняемого УУС не предусматривал. Но и тогда, когда такой акт стал выноситься, он не свидетельствовал о появлении обвиняемого. В широком смысле, как бы мы сейчас сказали, обвиняемый появлялся раньше, когда к лицу могли применяться меры принуждения. Так, например, об освидетельствовании обвиняемого на предмет наличия здравого рассудка говорилось в статьях ст. 353-356 УУС. Глава шестая раздела второго «О предварительном следствии» называлась «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия». Указанные в ней меры могли применяться к лицу, в отношении которого имелись сведения о его причастности к совершению преступления, т.е. в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. Формального подтверждения статуса обвиняемого не предполагалось.

Но практикой и теорией вскоре было признано, что заложенная в УУС идея о возбуждении уголовного иска в отношении конкретного лица не позволяет осуществлять в достаточной мере объективное расследование. На момент начала следствия улики явно бывают недостаточно, чтобы лицо обоснованно ставилось в положение обвиняемого. Но сначала Сенат указывал в своих циркулярах, что призывать к допросу лицо в качестве обвиняемого следует тогда, когда есть данные (основания) для обвинения этого лица в преступлении. Затем Особым наказом С.-Петербургского окружного суда 1887 г. судебный следователь обязывался составлять специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. И, наконец, в определении Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 г. разъяснялось, что «не только приводу, но даже и призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении законопреступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо, по обстоятельствам дела, признаётся обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого».²

Значение этого акта как гарантии от необоснованного уголовного преследования сохраняется и в действующем законодательстве. Этот процессуальный акт был рождён практикой судопроизводства из гуманных соображений, из потребности в обеспечении обоснованной, основанной на доказательствах обвинительной деятельности, что прокладывало путь к расширению начал состязательности, к появлению защиты как процессуальной функции. Поэтому трудно предложить отказаться от такого процессуального акта иначе, чем упрощение за счёт свёртывания гарантий права на защиту, потому что именно в этом качестве он и возник.

---

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 12.

² Цит. по: Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков. – М.: Юрид. литература, 1991. Т. 8. С. 305.

Вопрос о возбуждении уголовного преследования в свою очередь ставит проблему развития данной процессуальной функции. Если в мировых судебных Уставах всё достаточно ясно, поскольку, как правило, лицо, возбудившее уголовное преследование, и продолжало осуществлять данную функцию в ходе судебного исследования обвинения. Но какое продолжение получает уголовное преследование при производстве предварительного следствия? Осуществляет ли следователь обвинительную функцию? Не только сейчас, но и в литературе после принятия Судебных Уставов, высказывания по этому вопросу были далеко не однозначны.¹

Мне представляется нелогичным представление о дискретном характере уголовного преследования, будто бы после возбуждения уголовного преследования актом обвинителя следователь до окончания следствия (ст. 478 УУС) является объективным исследователем обстоятельств дела, и не выполняет обвинительную функцию. Думается, уголовное преследование наличествует и в ходе предварительного следствия, что предопределено задачами данного этапа процессуальной деятельности. Возбуждение уголовного преследования ввиду основания считать, что совершилось преступление, ставит задачу установить все обстоятельства свершившегося, чтобы изобличить и привлечь к ответственности виновное лицо.

Устройство предварительного следствия по УУС предполагало, что деятельность следователя, принадлежащего по службе к судебной власти, не имеет обвинительного характера. «...Эта цель не была достигнута, – отмечал В.К. Случевский. – Наш следователь, как отчасти в силу постановлений Устава, так и ввиду условий, при которых развивается его деятельность, поставлен в положение изыскателя, обвинителя и защитника».² Автор далее перечисляет полномочия судебного следователя, которые несут «...отпечаток начал следственного процесса», иными словами отражают обвинительный характер этой деятельности. Так, следователь при наличии изобличающих заподозренное лицо доказательств обязан привлекать это лицо в качестве обвиняемого; принимает меры по собиранию доказательств, необходимых для изобличения лица в совершении преступления; дополняет действия полиции по совершённом ею первоначальному исследованию события, даёт полиции указания по производству дознания.³ Также И.Я. Фойницкий отмечал: «Предварительное следствие у нас ... всего более приближается к инквизиционному типу этого института».⁴ «По своему характеру предварительное следствие проникнуто розыскным началом», – писал Н.Н. Розин.⁵

Предварительное следствие, рождённое возбуждением уголовного преследования, должно было решать задачи, из возбуждения уголовного преследования вытекающие: обнаружить и собрать доказательства, в необходимых случаях и принудительно; выдвинуть и обосновать доказательствами обвинение; принять меры к обеспечению неуклонения обвиняемого от следствия и суда. То, что следователь

---

¹ См.: Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 45-58.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. С. 285.

³ Там же. С. 286.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 388.

⁵ Розин. Н.Н. Указ. соч. С. 420.

являлся должностным лицом судебного ведомства, в природе предварительного следствия ничего не меняло.

В деятельности следователя объективно не может не присутствовать обвинительная функция. Так как возбуждение уголовного преследования (возбуждение производства по делу) происходит на малой информационной основе, то в ходе следствия следователь обязан был собрать информацию о вероятном на момент обнаружения преступлении и сделать вывод об основании уголовной ответственности. Нацеленность на сбор информации о преступлении и определяет обвинительный характер деятельности, что совсем не означает, что этой функцией исчерпывается всё содержание деятельности следователя.

Правило ст. 265 УУС устанавливало: при производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием *приводить в известность* как обстоятельства, *уличающие обвиняемого*, так и обстоятельства, его *оправдывающие*.¹ Аналогичное правило существовало в УПК РСФСР 1960 г. (ч. 1 ст. 20). Данное положение во многих работах служило основой для тезиса, что следователь выполняет одновременно две функции: обвинения и защиты. Однако, на наш взгляд, процессуальные функции обвинения и защиты по своему содержанию представляют собой противоположности, что исключает их одновременное присутствие в деятельности одного субъекта. Это противоречит и логике и психологии деятельности следователя. Но данное законодательное положение во многом оправдывало отсутствие защитника на предварительном следствии. Правило ст. 265 УУС, как и аналогичное в более поздних редакциях процессуального закона, в сущности, обязывало следователя не игнорировать доказательства, оправдывающие лицо. Поскольку природа доказательств информационная, то пока мы не получим конкретное доказательство, нельзя судить о его содержании: оправдывает оно, или уличает лицо в преступлении. Тем более сложно сказать, когда большой объём информации составляют косвенные доказательства. Указанное правило – это требование беспристрастного осуществления деятельности, направление которой задано возбуждённым уголовным преследованием.

Модель уголовного судопроизводства, созданная УУС, где чётко выделены этапы процессуальной деятельности: производство предварительное (предварительное следствие), построенное на началах следственного процесса, где нет сторон, где нет формальной защиты, и окончательное (судебное разбирательство), построенное на основе состязательности и равноправия сторон, в принципе и оформило смешанный тип процесса, который мы имеем и сейчас, несмотря на существенную разницу в организации предварительного производства.

Проверка обоснованности выводов следствия доверялась прокурору, который по итогам следствия давал своё заключение в форме обвинительного акта. Прокурор мог в случае «очевидной неполноты» следствия или потребовать дополнительные материалы или возвратить дело к доследованию (ст. 512 УУС). Заключение прокурора или непосредственно передавалось окружному суду для рассмотрения, или направлялось со всеми материалами следствия в судебную палату для ре-

---

¹ Выделено мной – Г.В.

шения вопроса о предании суду по делам, которые должны были рассматриваться с присяжными.

Судебная палата могла изменить обвинительный акт. Для прокурора судебной палаты обвинительные акты, составленные лицами прокуратуры окружного суда, – не более чем проекты. Они могли быть изменены и заменены собственными. Затем прокуратура судебной палаты свои предложения вместе с мнением местного прокурора докладывала судебной палате. Суд оценивал проведенное следствие, его полноту, соблюдение обрядов и принимал решение о предании суду или о прекращении преследования. Но мог направить дело и к доследованию. Таким образом, судебная палата как орган предания суду рассматривала материалы следствия в полном объёме и решала вопрос о возможности передачи дела на рассмотрение суда для окончательного разрешения вопроса о виновности, то есть действовала как обвинительная камера. При этом палата не могла без предварительной передачи дела следователю привлекать к суду лиц, не привлечённых следователем, а также предавать лицо суду за преступление, за которое оно не привлекалось в качестве обвиняемого на предварительном следствии. Но изменять квалификацию как юридическую оценку деяния палата была вправе. Таким образом, судебная палата контролировала деятельность должностных лиц прокуратуры окружного суда и осуществляла при предании суду обвинительную функцию.

В суде при окончательном производстве функция уголовного преследования чётко обособлялась от функций защиты и разрешения дела и воплощалась в жизнь должностными лицами прокурорского надзора, что давало основание считать процедуру состязательной. Для такой оценки имеет значение вопрос о полномочиях обвинительной власти распоряжаться обвинением при судебном разбирательстве дела. Состязательному началу соответствует положение, что обвинитель полностью распоряжается обвинением. Суд «остаётся в пределах этого обвинения и приглашается подать утвердительный или отрицательный голос по конкретному вопросу, ему поставленному. В деятельности своей суд заключён в рамки требований, предъявляемых сторонами, не имея права выходить за пределы их».¹ Это соответствует взгляду на обвинение как на уголовный иск.

И.Я. Фойницкий также отмечал, что в порядке розыском и смешанном, каким согласно УУС являлся русский уголовный процесс, обвинением с момента поступления дела в суд полностью суд и распоряжается. «...С момента поступления дела в суд последний становится его хозяином и может исследовать его во всех направлениях, не стесняясь указанными обвинителем пределами ни в отношении лиц, ни в отношении вменяемых им деяний».² Лишь по делам частного обвинения пределы исследования дела в суде определялись обвинителем. При таком порядке вещей суд мог изменять обвинение в широких пределах. Публичный интерес обеспечивался не только обвинительной властью, но и судом.

О преступном деянии, если оно не было указано в обвинительном акте, но было обнаружено в ходе судебного следствия, вопросы не ставились на разрешение судей, если вновь обнаруженное преступление подвергалось наказанию более строго-

---

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. С. 64.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 47.

му, чем деяние, в обвинительном акте указанное. Тогда дело могло быть вновь направлено для предварительного следствия и составления обвинительного акта по всем деяниям подсудимого. Но частные вопросы об обстоятельствах, которые увеличивают или уменьшают степень вины подсудимого, могли быть поставлены для разрешения в судебном приговоре без обращения к предварительному следствию.

Квалификация преступления, указанная в обвинительном акте, не являлась для суда обязательной. В обвинительном акте могли быть указаны только родовые признаки преступления, то есть лишь статья уголовного закона, и не указаны соответствующие часть, пункт статьи, то есть видовая принадлежность преступления. Обвинение могло быть усилено без обращения к предварительному следствию, если не изменялись существенные свойства преступления, хотя степень вины увеличивалась. Здесь действовало требование, чтобы средств для защиты было достаточно, как подготовленных для борьбы с первоначальным обвинением. Так, обвинение в краже со взломом, могло перейти в обвинение по предварительному сговору и т.п.¹

Можно отметить, что инквизиционный в целом характер предварительного следствия определённым образом влиял и на процедуры судебного разбирательства, которые в отдельных чертах содержали элементы следственного процесса. В литературе русский уголовный процесс по УУС характеризовался как «процесс следственно-обвинительного типа».

Теория уголовного иска, первоначально принятая за основу организации уголовного преследования, не была выдержана в построении уголовного процесса на всех этапах. Сам строй обвинительной деятельности по УУС в большей степени отражал следственное (инквизиционное) начало в процессе. Осознавая это в период современной реформы, и оценивая те шаги в направлении уменьшения этого начала и расширения состязательности, что предприняты в УПК РФ 2001 г., полагаю, не стоит стремиться к возвращению в российский уголовный процесс правил, расширяющих следственное начало, тем более, что состязательность как принцип судопроизводства закреплена и на конституционном уровне.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. С. 120-251.
2. Учреждение судебных установлений 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 32-82.

Общая и специальная литература:

3. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997.
4. *Мурадян Э.М.* Судебное право. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
5. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М., 1913.
6. *Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А.* Проблемы судебного права. – М.: Наука, 1983.
7. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Изд. 2-е. – СПб., 1914.

---

¹ См.: *Викторский С.И.* Указ. соч. С. 398.

8. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I: Судостройство. – М.: Зерцало, 2008, 2013.
9. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство. – М.: Зерцало, 2008, 2013.
10. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства.– СПб.: Альфа, 1996 (репринт 1910 г.). Т. I.
11. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996 (репринт 1910 г.). Т. II.
12. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа, Равена, 1995.
13. *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М: Норма: ИНФРА-М, 2013.

Vetrova G.N.

Criminal prosecution under the Rules of criminal proceedings, 1864

The article is devoted to legal regulation of criminal procedure according to the Rules of criminal proceedings, enacted in 1864. It deals with the concept of so called “criminal lawsuit”, which is used for determining the moment of criminal case initiation (the beginning of criminal prosecution). The stages of the development of this procedural function are also examined in the article, as well as the legal status of persons being prosecuted in the way of criminal proceedings.

Keywords: Rules of criminal proceedings 1864, criminal prosecution, criminal proceedings, criminal lawsuit, initiation of criminal case, court investigator, prejudicial investigation.

Брянская Е.В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СВЕТЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

В данной статье раскрываются исторические аспекты доказательств. Наиболее серьезным событием в истории уголовного судопроизводства является принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Представляет наибольший интерес понимание, что такое доказательства и их классификация. Более того, особую значимость имеют доказательства в свете состязательности при рассмотрении уголовного дела в суде. Интерес представляет и такая категория, как внутреннее убеждение судьи, на основании которого и до сих пор судьи выносят приговор при рассмотрении уголовного дела.

Ключевые слова: доказательства, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, классификация доказательств, виды доказательств, состязательность, внутреннее убеждение судьи.

Учение о доказательствах издавна занимает центральное место в уголовном судопроизводстве. В теории судебных доказательств особенно следует подчеркнуть тему об эволюции доказательств, поскольку от познания истории, научных и практических решений этого сложного и основополагающего вопроса зависит прочность и основательность современных правил доказывания уголовного процесса. В этой связи заметим, что понимание данного объекта научного исследования как результат развития, в котором непрерывно происходят количественные и качественные изменения на протяжении исторического времени, и их необратимость, стали важнейшими требованиями рационального научного мышления и основой для формирования современного сравнительно-исторического метода изучения проблем правовой науки.¹

До судебной реформы 20 ноября 1864 г. в российском процессе существовала теория формальных доказательств. Закон вводил иерархию доказательств, определяя, какие доказательства являются полными. Полным доказательством следовало считать показания о каком-либо факте не менее двух свидетелей. При этом ценность показаний определялась не только содержащимися в них сведениями, но и зависела от личного статуса давшего их лица.² Доказательства делились на совершенные и несовершенные. Совершенными доказательствами признавались: собственное признание, данное судье добровольно и сходное с происшедшими действиями; письменные доказательства, признанные тем, против кого они предъявлены: грамоты, записи в городских книгах, судейских книгах, купеческие письма, духовные; личный судебный осмотр и показания сведущих лиц; одинаковые показания двух «имверных» свидетелей, если же показания их друг другу противоречат, то

Брянская Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета.

¹ *Дершиев Ю.В.* Концепции уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. – Омск, 2004. С. 7.

² *Новиков С.А.* Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2003. С. 32.

берётся то, которое вернее. К «негодным» свидетелям относились клятвопреступники, изгнанные из государства, у кого «резаны уши и нос». Свидетель должен присягать. Если не присягает – показаниям нельзя верить. Очистительной присяге придавалось важное значение.

Однако прежде, чем дать анализ доказательств в результате реформы 1864 г., следует остановиться на том, что с 1826 по 1830 гг. создаётся «Полное собрание законов Российской империи». Этот огромный труд состоял не в изменении законодательства, а в его сборе и систематизации. «Свод законов» являлся в основе сборником феодального крепостнического права. Это подтверждалось вошедшими в него законодательными актами о судопроизводстве и судоустройстве, определявшими бесправное положение личности. Например, суд знакомился с доказательствами по документам предварительного расследования. На их основе канцелярия готовила выписку, которая зачитывалась при рассмотрении дела в судебном заседании.

В качестве доказательств выступали: собственное признание, свидетельские показания, документы, повальный обыск, допрос соседей о поведении подсудимого (ст. 197). Одно несовершенно доказательство виновности оставляло в подозрении и не могло стать основанием осуждения. «Несколько несовершенно доказательств, совокупно взятых, могут составить совершенное доказательство» (ст. 308). В то же время «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомнительным» (ст. 306). Когда совершенных доказательств не хватало, а улики были налицо, предписывалось оставлять подсудимого просто в подозрении, в более или менее сильном, или отдавать его «под надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения» (ст. 113). Определялась сила доказательств. Признание подсудимого считалось «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316), совершенным доказательством. На основе одного признания можно было вынести приговор, не заботясь о получении иных доказательств (ст. 318). К совершенным доказательствам также относилось свидетельство двух «достоверных свидетелей», дающих согласованные показания (ст. 329). Свидетельства одного считались несовершенно доказательством. В случае противоречия в показаниях следовало давать преимущество «мужчине перед женщиною, знатному перед незнатным, учёному пред неученым, духовному пред светским» (ст. 335). Подробно расписывались правила оценки доказательств по их силе. Так, ст. 341 подчеркивала, что «улики и признаки в совершении преступления», не соответствующие «совершенному доказательству», возрастают по силе, «когда подсудимый не представит на них никакого уважительного опровержения».¹

20 ноября 1864 г. является знаменательной датой в развитии уголовного судопроизводства России, именно тогда состоялось утверждение императором Александром II Устава уголовного судопроизводства. Предпосылками этого были перемены в связи с университетской реформой. В свете Университетского устава 1835 г. научная юриспруденция рассматривалась как совокупность знаний о действующем законодательстве и представления о ней как об инструменте законотворческой дея-

---

¹ Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж, 1989. С. 14.

тельности и судебной практики.¹ Недостатки организации и деятельности судебной системы, такие как: сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, розыскной тип уголовного судопроизводства, в процессе которого позволялось рассматривать уголовные дела на основе письменности, тайности, формальной теории доказательств, явились предпосылками острой потребности в проведении судебной реформы.

Интерес представляет Указ Правительствующему сенату от 20 января 1864 г., в котором Александром II была определена цель судебной реформы: «Водворить суд скорый, правый, милостивый, равный для всех, дать надлежащую самостоятельность судебной власти...».² Данная реформа является важным, глобальным этапом в истории российского уголовного процесса. Как писал И. Я. Фойницкий, «она была направлена на создание суда безволокитного и неразорительного».³ Устав уголовного судопроизводства включал «Общие положения» и три книги: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных местах», «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Всего в Уставе уголовного судопроизводства было 1254 статьи. С принятием Устава уголовный процесс России приобрел черты, которые интересны и достаточно познавательны для современников.⁴ Устав уголовного судопроизводства провозгласил независимость и несменяемость судей, участие представителей общественности в суде, гласность и состязательность процесса, равенство сторон перед судом, право обвиняемого на защиту, постановление приговора по внутреннему убеждению на основе проверки доказательств, в значительной мере была упразднена сословность суда.⁵

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отменялась система формальных доказательств. В России был основан суд присяжных заседателей. Однако И. Я. Фойницкий, который писал в защиту данного института права, полагал, что суд присяжных может быть успешным только при наличии трех факторов: высокого уровня общественной культуры, законности в жизни и правды в законе.⁶ Впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время. Данное законодательное положение нашло глубокое научное исследование в трудах А. Ф. Кони, который был современником судебной реформы и получал юридическое образование по судебным уставам. А. Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал о том, что именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала

---

¹ Томсинов В. А. Судебная реформа 1864 года в России и ее воздействие на развитие отечественного правоправедения // Вестник Московского университета. – 2015. № 2. Серия 11. С. 23.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права / Под ред. В. А. Томсинова. – М., 1998. С. 299.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / Под ред. А. В. Смирнова. – СПб., 1996. Т. 1. С. 41.

⁴ Ключевский В. О. О русской истории. – М., 1993. С. 140.

⁵ Вилкова Т. Ю. Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 4. С. 546.

⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1912. С. 448.

его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделал возможным воспринимать все разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям.¹

С теоретической точки зрения заслуживает внимание то, что появившиеся после введения Судебных уставов 1864 г. научные труды обозначили основную тенденцию включения в число целей уголовного процесса достижение истины по уголовному делу. Так, Г.С. Фельдштейн писал: «Цель уголовного судопроизводства 1864 г. есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка».² Однако в этой связи профессор И.Я. Фойницкий рассматривал материальную истину как цель уголовного процесса, указывая следующее: «ввиду особенностей процессуального разбирательства суд достигает только истины формальной, условной, то есть той, которую желали и могли установить стороны».³

В Уставе уголовного судопроизводства впервые было дано определение доказательств, в котором был сделан акцент на внутреннем убеждении судьи. Именно поэтому многие дореволюционные авторы в основе процесса доказывания видели внутреннее убеждение судьи. В частности, Я. И. Баршев, С. И. Викторский, Л.Е. Владимирова, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий полагали, что доказательства являются основанием убеждения судьи о виновности или невиновности подсудимого. Сходной позиции придерживался и В. Случевский, который писал: «Под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица».⁴ Мы поддерживаем данное определение доказательств и полагаем, что оно достаточно познавательно для современных правоприменителей, поскольку в свете принципа состязательности сторон внутреннее убеждение выступает основополагающей категорией при исследовании и оценке доказательств в суде. В современном уголовном судопроизводстве актуальна теория аргументации, которая предлагает ряд логических приёмов, посредством которых можно повлиять на внутреннее убеждение судьи в аспекте отстаивания и обоснования своей позиции, как равноправной стороны процесса, по уголовному делу в суде. В этой связи С.А. Шейфер пишет, что в основе процесса доказывания лежит не только логико-психологическое содержание, но и познавательное.

В свете истории доказывания в уголовном процессе мы согласны с позицией С.А. Шейфера, который верно полагает, что познавательно-удостоверительная деятельность субъекта доказывания лежит в основе понятия «доказательства». Действительно, сущность доказывания состоит в том, что процесс получения доказа-

---

¹ Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. – Тула, 2000. С. 187; Козьявин А.А. Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А. Ф. Кони // Адвокатская практика. – 2014. № 1. С. 26.

² Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. – М., 1915. С. 78.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. Т. 2. С. 311.

⁴ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. С. 376.

тельств включает в себя преобразование информации, содержащейся в следах, оставленных исследуемым событием, и приданием ей надлежащей процессуальной формы – превращением ее в те источники доказательств, которые регламентированы ст. 74 УПК РФ.¹ Ю.К. Орлов также полагает, что в основе процесса доказывания заложены психологический и гносеологический аспекты. Например, это означает, что в психологическом аспекте внутреннее убеждение выражается в уверенности, убежденности в правильности своих выводов. Морально-этическая сторона внутреннего убеждения характеризует действия, поступки, совершенные в соответствии со своими убеждениями, в согласии с самим собой. Гносеологический аспект выражает соответствие или несоответствие убеждения в чём-либо объективной действительности.² Мы же полагаем, что психолого-логический аспект внутреннего убеждения в первую очередь основывается на гносеологическом факторе. В частности, при вынесении приговора по уголовному делу судья оценивает доказательства, изначально познав все предоставленные аргументы сторон; внутреннее убеждение судьи формируется на основе познания доказательств по уголовному делу. Поэтому мы считаем, что гносеологический аспект является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения судьи, которое строится посредством аргументирующей силы доказательств.

В Уставе закреплялись следующие виды доказательств: показания подсудимого, свидетельские показания, экспертиза, дознание через «окольных» людей, вещественные доказательства, письменные доказательства. При этом отметим, что показания подсудимого не являлись «царицей доказательств» и оценивались судом по внутреннему убеждению в совокупности с другими доказательствами по делу. Более того, запрещалось применять принуждение при получении показаний подсудимого. В качестве показаний свидетеля преступления воспринимались и те сведения, которые он получил от других известных ему лиц. Причем показания, основанные на слухе, не допускались. В качестве самостоятельного доказательства рассматривалась экспертиза, которая не имела какого-либо преимущественного значения при оценке доказательств в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. Познавательным является такой вид доказательств, как дознание через «окольных» людей. Содержанием такого доказательства являются сведения, полученные от «окольных» людей, о поведении, образе жизни подсудимого. В суде сведения, полученные от «окольных» людей, заносились в протокол, который являлся доказательством, несмотря на то, что на судебное разбирательство окольные люди не вызывались. В качестве вещественных доказательств Устав регламентировал следующее: поличное; орудие, коим совершено преступление; подложные документы; фальшивые монеты; вообще все, найденное при «осмотре места, обыске или выемке и могущее служить к обнаружению преступления и к улике преступника». Вещественные доказательства должны быть описаны в протоколе и приобщены к делу. В качестве письменных доказательств выступали различные доку-

---

¹ Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского ун-та. Сер. Право. – 2008. № 1 (14). С. 17.

² Орлов Ю.К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981. Вып. 35. С. 55.

менты, содержащие определенную информацию, имеющую отношение к уголовному делу. Тем не менее, ни одно письменное доказательство не имело для суда обязательной силы.

Следующим этапом формирования теории доказательств в уголовном процессе стал советский период. В 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Данным Декретом были упразднены вся царская судебная система, судебные установления, судебные следователи, прокурорский надзор, частная и присяжная адвокатура. Однако Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. подтверждал ведение процесса по правилам судебных уставов 1864 г. Следовательно, мы согласны с позицией тех авторов, которые справедливо полагают, что советское уголовно-процессуальное законодательство восприняло значительную часть Устава царской России.¹

И до сих пор многие положения Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. для нас являются примером проработанного, глубокого нормативного документа, положения которого актуальны и в настоящее время. Данный источник дореволюционного законодательства выступает той познавательной истиной, которая характеризует уровень правовой культуры каждого юриста. Для нас, очевидно, что в дореволюционной России придавалось значение внутреннему убеждению судьи и силе отдельных видов доказательств, которые могли иметь более аргументирующее значение для суда по сравнению с другими доказательствами по уголовному делу.

Источники и использованная литература:

1. *Вилкова Т.Ю.* Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 4. С. 546.
2. *Дершиев Ю.В.* Концепции уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. – Омск: Изд. Омск. ин-та МВД России, 2004. – 298 с.
3. *Ключевский В.О.* О русской истории. – М.: Просвещение, 1993. – 774 с.
4. *Козьявин А.А.* Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А.Ф. Кони // Адвокатская практика. – 2014. № 1. С. 24-28.
5. *Кони А.Ф.* Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – 640 с.
6. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 185 с.
7. *Новиков С.А.* Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 231 с.
8. *Орлов Ю.К.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981. Вып. 35. С. 50-55.
9. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). – М.: Наука, 1990.
10. *Случевский В.* Учебник русского уголовного процесса. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 683 с.

---

¹ *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). – М., 1990. С. 44–45.

11. *Томсинов В.А.* Судебная реформа 1864 года в России и её воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – 2015. № 2. С. 22-40.
12. *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Типо-литография В. Рихтер, 1915. – 432 с.
13. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. – 579 с.
14. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. – 607 с.
15. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X в. – 1917 г.) / Сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2000. – 381 с.
16. *Шейфер С.А.* Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2008. № 1 (14). С. 13-23.

Bryanskaya E. V.

**Historical aspects of the evidence in the light of
Charter of criminal proceedings of 1864**

This article describes historical aspects of the evidence. The most serious event in the history of criminal proceedings is the adoption of Charter of criminal judicial proceedings of 1864. The greatest interest is the understanding of evidence and their classification. Moreover, the particular importance have the evidence in the light of adversarial proceedings in all criminal proceedings in court. Also such category as an inner conviction of the judge, on the basis of which and still the judges render their verdicts in all criminal proceedings.

Keywords: proof, Charter of criminal proceedings of 1864, classification of evidence, types of evidence, adversarial, inward conviction of the judge.

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Дана характеристика системы мировой юстиции в Царстве Польском, сформированной в ходе судебной реформы 1875 г. Среди особенностей системы мировой юстиции отмечены включение в нее *гминных* судов, меньший объем подсудности и др. Делается вывод, что уникальная система мировой юстиции в Царстве Польском была формой, в рамках которой балансировались интересы различных групп местного населения и имперских властей.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировой суд, *гминный* суд, Царство Польское, Российская империя.

Начало проведения Судебной реформы в губерниях Царства Польского относится лишь к 1875 году, чему способствовал целый ряд причин. Во-первых, постепенность была характерна для всех Великих реформ: как правило, нововведения вначале осуществлялись в центральной части Империи (управлявшейся на общих основаниях), а после распространялись на окраины. Во-вторых, временной сдвиг был сделан в целях совмещения судебной реформы в губерниях Царства Польского с реформой крестьянского землевладения, административной, образовательной реформами, реформой местной полиции, иными преобразованиями. В-третьих, национально-освободительное восстание 1863-1864 гг. и его последствия требовали необходимости предварительного восстановления порядка в регионе.

Особенностью польской модели местной юстиции в Российской империи в результате Судебной реформы стал структурный и функциональный параллелизм мировых судей с выборными и коллегиальными *гминными* судами. В сущности, мировая юстиция в Царстве Польском (Привислинском крае) приобрела своеобразную форму, что делает её примечательным явлением в истории российского суда.

Гминные суды, низшие судебные установления, первоначально образовались задолго до вхождения польских земель в состав России. Деление на *гмины*, первичные административно-территориальные единицы, было проведено в Королевстве Польском уже к XV веку и сохранялось после того, как часть Речи Посполитой в результате разделов вошла в российскую юрисдикцию. Дореволюционные исследователи проводили аналогии между *гминой* и волостью – первичной территориальной единицей других губерний России, отмечая одно существенное различие: *гмина*, в отличие от волости, являлась образованием *всесословным*.¹ Иными словами, население *гмины* включало в себя не только местных крестьян, но и дворян, духовенство, ремесленников, купечество и т.д. Опорной единицей местного само-

---

Лонская Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Ульянов Никита Олегович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

¹ См. *Рычков Н.* О *гминных* судах в царстве польском // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. № 5. С. 70.

управления остается *гмина* в Польше и сегодня.

К началу проведения Судебной реформы в Царстве Польском *гминные* суды уже были реформированы на основании Именных указов от 19 февраля / 2 марта 1864 г. «Об устройстве крестьян Царства Польского»¹ и «Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском»², ставших реакцией на национально-освободительное движение. Восстание 1863-1864 гг. ясно продемонстрировало всю иллюзорность надежд на какую-либо лояльность шляхты, обеспеченную сословными привилегиями. В целях восстановления и дальнейшего сохранения стабильности в Привислинском крае российские власти, с одной стороны, максимально демократизировали органы самоуправления в *гмине* (включая судебные), с другой стороны – ограничили их компетенцию и поставили в прямую зависимость от уездной и губернской администрации. Гминный суд стал выборным коллегиальным всесословным органом для разрешения малозначительных дел, образованным, впрочем, скорее исходя из политических интересов, чем из стремления усовершенствовать систему судоустройства. Преамбула указа «Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском» гласит: «...не осталось никакой уважительной причины сохранять долее за владельцами земли так называемую патримониальную юрисдикцию и сопряженную с званием гминных войтов власть, тем более, что уже и в прежнее время учреждение сие далеко не обеспечивало общественного порядка и строгой справедливости. С другой стороны, трёхлетний опыт в Империи доказал пользу допущения крестьян к участию в делах сельского управления. Мы не сомневаемся, что и Польские крестьяне, в нынешних смутных обстоятельствах обнаружившие свой здравый смысл и своё уважение к законной власти, оправдают Наше к ним доверие».

Судебная власть на местном уровне не отделялась от исполнительной. Гминный суд состоял из председателя-войта (выборного главы *гмины*) и двух-трёх избираемых гминным сходом лавников. Суд разрешал все гражданские споры о движимом имуществе, о причинении вреда и об обязательствах при цене иска не выше 30 руб. серебром, а также уголовные дела о совершении маловажных проступков, максимальное наказание за которые составлял штраф размером до 3 руб. серебром.³

История польской мировой юстиции началась ещё до того, как на территории Привислинских губерний стала проводиться российская Судебная реформа. Октроированная Наполеоном в Дрездене 22 июля 1807 года Конституция Великого Герцогства Варшавского, а затем и декрет короля Фридриха Августа от 26 июля 1810 г. заложили правовую основу рецепции в Польше французской модели мировой юстиции, которая была заменена в 1875 году типологически той же российской мировой юстицией.

Место гминных судов в реформированном судоустройстве стало предметом обсуждения в правительственных кругах.⁴ Предложение ввести гминные суды в по-

---

¹ Об устройстве крестьян Царства Польского: Именной указ от 19 февраля / 2 марта 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2. – СПб., . Т. 39. № 40609 (далее: ПСЗ-2).

² Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском: Именной указ от 19 февраля / 2 марта 1864 г. // ПСЗ-2. Т. 39. № 40610.

³ Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском: Именной указ от 19 февраля / 2 марта 1864 г. // ПСЗ-2. Т. 39. № 40610.

⁴См., например: Рычков Н. Указ. соч. С. 89-96.

реформенную судебную систему России с наделением их компетенцией мировых судей было отвергнуто, т.к. крестьяне, зачастую даже неграмотные, осуществлявшие правосудие в гминных судах, едва ли были в состоянии должным образом, особенно после снятия с них административного надзора, разрешать сложные для них дела. Сохранение гминных и мировых судов как отдельных систем резко повышало объём расходов на их содержание – и потому также получило поддержки. Совершенное упразднение гминных судов означало бы отказ от крестьянской поддержки и было бы политически нецелесообразным ввиду охранительных задач. В конечном счёте, гминные и мировые суды были объединены в единую систему с одновременной их трансформацией.

Мировые и гминные суды входили в подчинение Варшавского судебного округа. Единоличные мировые судьи работали лишь в городах, а мировой округ состоял из нескольких уездов, т.е. был укрупнен, по сравнению с великорусской территорией. Юрисдикция коллегиальных гминных судов распространялась на сельскую местность – гминный судебный округ, также укрупнённый (состоявший из нескольких *гмин*), который, тем не менее, являлся частью мирового округа, поскольку мировой съезд являлся апелляционной инстанцией.

Кандидаты в мировые судьи должны были соответствовать только двум цензам – возрастному и служебно-образовательному (ст. 505 Учреждения судебных установлений). Имущественный ценз, предъявлявшийся к кандидатам на великорусских территориях Империи, в Царстве Польском, как, впрочем, и в большинстве окраин Империи, отсутствовал. Мировые судьи назначались министром юстиции по согласованию с местным генерал-губернатором, и в дополнительном барьере в виде имущественного ценза не было необходимости. Такой ценз значительно бы сужал администрации возможности по отбору лояльных лиц и мог служить основой для монополизации шляхтой своих притязаний на эту должность. Для «отсекания» местной аристократии не вводилась и должность почетного мирового судьи. Назначение мировых судей, как способ формирования судейского корпуса в окраинах Империи, было правилом, а не исключением. В первую очередь, потому, что в окраинах отсутствовали земские органы, которые избирали мировых судей в центральных губерниях страны (т.н. «земских губерниях»). И конечно же, назначение судей административными властями играло роль элемента централизованного политического управления окраинными территориями.

В состав гминного суда стали входить гминный судья (председатель) и три лавника. Функции гминного судьи отделили от должности войта, чтобы, в свою очередь, отделить судебную власть от административной. Кандидаты в гминные судьи должны были соответствовать требованиям, необходимым для избрания на должность гминного войта (цензам возрастному, имущественному), и дополнительно – образовательному цензу. Судья обязывался получить образование хотя бы в начальном училище или выдержать специальный экзамен, или не менее трёх лет прослужить на должности, где мог приобрести «практические сведения» о судебном производстве. Образовательные требования к лавникам ограничивались требованием грамотности.¹ В итоге основную массу гминных судей в пореформенный

---

¹ О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском: Именной, дан-

период составляли помещики, а лавников – крестьяне.¹ Скорее всего, именно поэтому гминные суды сохранили коллегиальность: дела разрешались большинством голосов, а голос гминного судьи был решающим лишь при равенстве голосов, – искомый баланс между минимальной компетентностью судей и их потенциальной лояльностью удалось найти.

Гминные судьи и лавники избирались на гминном сходе, после чего утверждались местным губернатором с одобрения прокурора окружного суда, а затем – министром юстиции. Таким образом, демократический порядок формирования суда сочетался с суровым государственным контролем, призванным не допустить избрания «неблагонадежных» кандидатов.² И что же? Выступая во II Государственной Думе с докладом по законопроекту о местном суде, депутат И.В. Гессен признавал: «В Польше поляки не имеют права занимать какие бы то ни было государственные должности, и участие их в гминном суде есть единственная лазейка, которая даёт удовлетворение естественной потребности каждого гражданина участвовать в государственном управлении. И вот, имея возможность участвовать только в гминном суде, туда и направляются только лучшие элементы польского общества, и благодаря этому этот суд стоит на высоте».³

Мировой съезд, как уже отмечалось, являлся апелляционной инстанцией по отношению к гминным судам. Гминные судьи входили в состав мирового съезда (ст. 475 Учреждения судебных установлений), на них распространялось действие ст. 64 Учреждения судебных установлений относительно надзора за ними съездов и Сената. Статусы гминного и мирового судьи не являлись идентичными, однако ответственность наступала практически на равных основаниях и в равном объёме, довольно близки были образовательные цензы.

Гминным судам и мировым судьям Царства Польского принадлежал один объём подсудности, которая разграничивалась между ними по двум основаниям: территориальному (первичному, городская или сельская местность) и родовому (вторичному, в зависимости от предмета, цены иска, величины санкции и т.п.). При объединении дел, подсудных и гминным, и мировым судам, преимущество отдавалось последним (например, ст. 1292 Устава уголовного судопроизводства). В целом в Царстве Польском указанный объём подсудности был меньше по сравнению с «великорусской» территорией, да и по сравнению с другими окраинами. Порядок рассмотрения гражданских и уголовных дел как для гминных, так и для мировых судов, регулировался соответствующими уставами судопроизводства 1864 г.: применялись общие правила, за некоторыми изменениями, изложенными в Особенных книгах Судебных уставов.

Дореволюционный обозреватель М. Кулишер писал, что гминные суды «заменяют мировых судей для сельского населения Царства Польского, но в то же вре-

---

ный Сенату, указ от 19 февраля 1875 г. (с Положением о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 г. к Варшавскому судебному округу) // ПСЗ-2. Т. 50. № 54401.

¹ Юркевич Г. Мировые и гминные суды в царстве польском // Юридический вестник. – 1881. № 11. С. 479.

² Там же. С. 456.

³ Стенографические отчеты Государственной Думы. 1907. 2-й созыв. Сессия 2: в 2-х тт. – СПб., 1907. Т. 2. Ст. 1338.

мя заменяют для крестьянского населения волостной суд».¹ Последнее замечание, однако, является некоторой натяжкой. Гминный суд как раз был подчеркнута выведен за рамки как крестьянских общин, так и помещичьих владений, а также являлся всесословным. Гминные суды, благодаря своей всесословности, могли решать дела как по законам (общеимперским или специфическим для региона, вроде Кодекса Наполеона), так и согласно местным обычаям.

Структурный и функциональный параллелизм мировых судей и гминных судов в Царстве Польском рассматривается нами как проявление дифференцированности судебной системы России.² Гминный суд сочетал в себе как достижения реформы 1864 г., так и дореформенные, исторические элементы. При этом гминные суды были встроены в систему мировой юстиции, а через неё – в единую судебную систему Российской империи. Была сформирована специфическая конструкция, отличная от системы местных судов в других частях Империи. О.Д. Карнаух замечает, в свою очередь, что дифференцированный государственно-правовой режим управления тем или иным присоединенным регионом часто применяется для преодоления оппозиции к имперской власти, фактора протестного состояния общества.³ С этим выводом можно согласиться, и то, какую форму приобрела местная юстиция в Царстве Польском, что этому способствовало, – является хорошей тому иллюстрацией.

Безусловно, мировая юстиция стала ядром системы. Гминные суды были реформированы в сторону типичного местного (локального) суда ограниченной юрисдикции, каким уже на тот момент являлись мировые суды, те и другие были всесословными, и потому включение гминных судов в систему мировой юстиции оказалось логичным. В результате вместо одной первой инстанции, в рамках которой рассматриваются в упрощённом порядке малозначительные дела, возникло два её горизонтальных уровня: городской мировой единоличный и сельский гминный коллегиальный. Оба уровня замыкались на съезд мировых судей как на апелляционную инстанцию и орган непосредственного надзора и судебного управления (ст. ст. 64, 470, 471 и др. Учреждения судебных установлений), а далее – на Сенат как высшую кассационную инстанцию и орган надзора за всеми судебными установлениями. Судебное управление во главе с Сенатом и министром юстиции обеспечивало деятельность гминных и мировых судов Варшавского судебного округа, интегрируя их в единую судебную систему Империи. Правовое регулирование организации и деятельности гминных и мировых судов осуществлялось нормами Особенных книг Судебных уставов, помещенных в одни и те же разделы.

Мировая юстиция Царства Польского существенно отличалась от модели не только центральной части Империи, но и окраин. Так, пожалуй, лишь здесь сложились своеобразные сочетания выборности и назначения при формировании судебного корпуса, особых цензовых требований к судьям, единоличности и коллеги-

---

¹ Кулишер М. Изменения в организации гминных судов // Судебная газета. – 1888. № 29. С. 4.

² См.: Лонская С.В. Дифференцированность судебной системы России // История государства и права. – 2012. № 16. С. 21-24.

³ Карнаух О.Д. Историко-правовой анализ становления основных режимов государственно-правового управления регионами Российской Империи в конце XIX века // Известия Сочинского государственного университета. История и право. – 2013. № 1-2 (24). С. 43.

альности при рассмотрении дел в первой инстанции. Обращает на себя внимание меньший объём подсудности мировых и гминных судов, в отличие от иных окраин, где аналогичная компетенция зачастую, напротив, расширилась.

Своеобразие мировой юстиции в Царстве Польском было обусловлено целым рядом факторов. Отчасти это сугубо технические моменты, не позволяющие скопировать модель, действовавшую в центральной части Империи: например, отсутствие земских учреждений. Но, пожалуй, ведущую роль сыграли политика инкорпорации, проводимая царизмом в отношении польских земель. Мировая юстиция в Царстве Польском – уникальное государственно-правовое явление в дифференцированной системе судебной власти Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.: форма, в рамках которой балансировались многообразные и разнонаправленные интересы различных групп местного населения и имперских властей.

Источники и использованная литература:

1. Об устройстве крестьян Царства Польского: Именной указ от 19 февраля / 2 марта 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб., 1864. Т. 39. № 40609 (далее: ПСЗ-2).
2. Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском: Именной указ от 19 февраля / 2 марта 1864 г. // ПСЗ-2. Т. 39. № 40610.
3. О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском: Именной, данный Сенату, указ от 19 февраля 1875 г. (с Положением о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 г. к Варшавскому судебному округу) // ПСЗ-2. Т. 50. № 54401.
4. *Кулишер М.* Изменения в организации гминных судов // Судебная газета. – 1888. № 29. С. 4-5.
5. *Карнаух О.Д.* Историко-правовой анализ становления основных режимов государственно-правового управления регионами Российской Империи в конце XIX века // Известия Сочинского государственного университета. История и право. – 2013. № 1-2 (24). С. 43-47.
6. *Лонская С.В.* Дифференцированность судебной системы России // История государства и права. – 2012. № 16. С. 21-24.
7. *Рычков Н.* О гминных судах в царстве польском // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. № 5. С. 67-111.
8. Стенографические отчеты Государственной Думы. 1907. 2-й созыв. Сессия 2: в 2-х тт. – СПб., 1907.
9. *Юркевич Г.* Мировые и гминные суды в царстве польском // Юридический вестник. – 1881. № 11. С. 454-491.

Lonskaya S.V., Ulyanov N.S.

The features of justice system of magistrates' courts (Justice of the Peace) in Poland kingdom

The characteristic of justice system of magistrates' courts (Justice of the Peace), formed in Poland kingdom during the judicial reform in 1875, is given. Among the features of justice system of magistrates' courts, authors noted the inclusion of *gmina* courts, much less jurisdiction, etc. The conclusion is drawn that the unique system of justice of magistrates' courts in Poland Kingdom was a form within which the interests of different groups of the local population and the imperial authorities were balanced.

Keywords: Justice of the Peace, magistrates' courts, *gmina* courts, Kingdom of Poland, Russian Empire.

Жильцов С.В.

ПРАВОВОЙ СТАТУС МИРОВОГО СУДА В ПЕРИОД РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ (1905–1917 гг.)

Статья посвящена актуальным проблемам правового статуса мирового суда в период первой русской революции 1905–1907 годов и февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Ключевые слова: мировой суд; Государственная Дума; компетенция мирового суда; требования к кандидатам в мировые судьи; компетенция мировых судей; волостные суды.

Изменение статуса мирового суда в соответствии с судебными уставами 1864 года произошло по закону от 15 июня 1912 года «О преобразовании суда в сельских местностях». ¹ По этому закону был восстановлен выборный мировой суд.

Как всегда, вопрос о реформировании суда в России разрабатывался весьма длительное время. ² Основной причиной реформирования судебной системы России и, в частности введения мировой юстиции, стала революция 1905–1907 годов. Как совершенно верно отмечает исследователь этого периода К.Ф. Шацилло, «главной политической целью правительственного лагеря было сохранение в стране неограниченного самодержавия и всего того общественного строя, который сложился в России в ходе многовековой истории, но уже перестал соответствовать объективным потребностям развития страны». ³

Шаткое положение статуса судей, как несменяемых должностных лиц, в том числе и мирового, заставляет правительство уже в начале XX столетия предпринять ряд правовых мер. По закону от 6 марта 1900 года в ст. 231-1 Учреждение судебных установлений устанавливалось, что при упразднении своей должности судья не мог быть уволен от службы без прошения, ни переведен на имеющуюся вакансию в другое судебное место без его согласия. Только в случае, если в составе сокращаемого судебного места не окажется изъявившего согласие на перемещение, увольнение со службы или оставление за штатом, то отчисление за штат делается по представлению министра юстиции. ⁴

12 декабря 1904 года Николай II подписывает высочайший указ Правительствующему Сенату, в котором предписывалось «принять действительные меры к охране полной силы закона, важнейшему в самодержавном государстве опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первой обязанностью всех подчиненных нам властей и мест, неисполнение же

Жильцов Сергей Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Тольяттинского государственного университета.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1912. № 1003.

² Подробно см.: *Немытина М.В.* Суд в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Саратов, 1999. С. 203–223.

³ *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. – М., 1985. С. 23.

⁴ См.: Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1881. Т. 16. Ч. 1. Ст. 231-1 (далее: ПСЗ).

её неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчить потерпевшим от таких действий лицам способы достижения правосудия».¹ Данный указ, предписывавший придать судебной системе единообразный вид, стал неким толчком в преобразовании местной системы судов, которая выбивалась из общей судебной системы. Способствовало развитию законопроектной деятельности и принятие Манифеста 17 октября 1905 года, в котором царь обещал «даровать населению незыблемые основы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».² Безусловно, важнейшими для судебной системы, в том числе для мировых судов, были некоторые положения Основных законов, высочайше утвержденных 23 апреля 1906 года. В частности, из смысла ст. 18 закона следовало, что ни один судья не мог быть законно уволен на основании воли монарха. Высшее дисциплинарное присутствие 19 октября 1906 года принимает резолюцию, в которой поясняет, что «судьи, привлеченные к ответственности по 295-2 ст. и заявившие желание представить Правительствующему Сенату дополнительные словесные объяснения, могут присутствовать при докладе дела и даче обер-прокурором заключения».³

Вопрос о местном суде рассматривался на целом ряде особых совещаний и, конечно, в Государственной думе нескольких созывов. Основной правительственный проект министерства юстиции, который был внесен ещё в I Государственную думу. В законопроекте, представленном в Государственную думу министерством юстиции, в краткой объяснительной записке обосновывалась причина внесения законопроекта. В ней говорилось: «Постановка местного суда ныне представляется совершенно ненормальной и неудовлетворяющей основным требованиям правосудия. Постановка эта является причиной деморализации населения, развращает народную массу и развивает в ней склонность к сутяжничеству».⁴ Самые основные начала, которые устанавливались в проекте министерства юстиции, изложенные в двадцати одном пункте, были следующие: «Отличительной особенностью нашего местного суда является двойственность его организации, сословность. Это давно уже вызывает единодушные громкие нарекания, с особой ясностью и категоричностью... и сообразно с этой важнейшей задачей предстоящего преобразования должно быть поставлено упразднение волостных судов и судебных функций земских начальников и замена их общим сословным судом».⁵

Конкретно правительственный проект предполагал: «сосредоточение судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчинённых ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда, с кассационной инстанцией в лице Правительствующего Сената». Проект также предполагал объединение местных судов с общими судебными установлениями. С этой целью в апелляционную инстанцию наря-

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 24. Отд. 1. № 25495.

² ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. № 26803. Ст. 1.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 28. Л. 35 (далее: РГИА).

⁴ См.: Гессен А.В. Реформа местного суда (речи, статьи, доклады). – СПб., 1910. С. 7.

⁵ См.: Гессен А.В. Указ. соч. С. 7.

ду мировыми судьями должен был входить уездный член окружного суда. От кандидатов в мировой суд требовался трехлетний стаж работы в должностях, позволявших приобрести опыт по отправлению правосудия.

Бурное обсуждение в обществе вызвало выступление П.А. Столыпина на заседании II Государственной Думы 6 марта 1907 года. Председатель Совета министров, говоря о необходимости создания в России правового государства, предложил «приостановить судебскую несменяемость» с целью передачи права увольнять судей в руки министерства юстиции или правительства. В.Д. Набоков расценил это выступление как серьезную угрозу несменяемости. По этому поводу появилась его статья с упомянутым красноречивым названием «угроза несменяемости», где в деликатной форме отмечалось, что «даже по адресу судебных либералов декларация ... намекнула, что и пресловутая несменяемость судей в известных обстоятельствах будет приостановлена».¹ Министр юстиции И.Г. Щегловитов также отстаивал имущественный ценз, которому должны были отвечать мировые судьи, как неотъемлемое условие их независимости.²

Данный проект встретил сопротивление по многим его положениям со стороны различных думских фракций. Особенно острая дискуссия развернулась по вопросу о возможности и необходимости сохранения волостного суда, который по проекту поглощался мировым судом. За сохранение волостного суда выступили крестьянские депутаты. А.В. Гессен отмечает: «В среде комиссии, главным образом по инициативе членов Государственной думы от крестьян, наблюдалось течение в пользу коллегиального устройства первой инстанции, – течение, идущее так далеко, что за подписью 30 членов Государственной Думы (крестьян) поступило письменное заявление, в коем предлагалось для наименее важных дел учредить особый суд, избираемый в составе четырех лиц, путем всеобщего прямого, тайного голосования. Это предложение, мотивированное затруднительностью для суда справляться успешно с массой возникающих мелких споров и желанием сохранить в руках самих крестьян суд над ними, было единогласно отвергнуто комиссией, на том, прежде всего, основании, что учреждение такого суда шло бы наперерез единодушному желанию уничтожить обособленность крестьянства и привело бы к сохранению сословного суда».³

29 мая 1910 года, одобренный законопроект III Государственной Думой, поступил в Государственный совет. В Государственном совете опять подняли вопрос о судебной власти земских начальников. Однако при голосовании из 137 лиц, которые в нём участвовали, 92 человека проголосовали против этого института и только 45 – за его сохранение.

По этому закону мировые судьи избирались всеми сословиями в совокупности и утверждались правительством. Исключение составляли Западные губернии, а также губерния Астраханская, кроме города Астрахани, Оренбургская и Ставропольская, где мировые судьи назначались министром юстиции, по преимуществу из числа местных жителей, а также Измаильский уезд, где мировые судьи назна-

---

¹ Набоков В.Д. Угроза несменяемости // Право. – 1907. № 14.

² См.: Немытина М.В. Указ. соч. С. 216, 222–224.

³ Гессен А.В. Указ. соч. С. 11.

чались министром юстиции на основе особых правил. 26 июня 1913 года было принято «Положение о введении в действие закона 15 июня 1912 года о преобразовании местного суда».¹ Мировые суды вводились постепенно. К 1917 году мировой суд был введен в 20 губерниях России из 97.

Законом 1912 года восстанавливался выборный мировой суд там, где он был отменён. Его восстановление решено было проводить поэтапно, начиная с 1 января 1914 года. Согласно учреждению судебных установлений в редакции закона от 15 июня 1912 г. (ст. 23, 30 - 32), мировые судьи избирались сроком на 3 года уездными земскими собраниями и городскими думами. При этом избранный судья, прослуживший 3 года, мог быть избран в дальнейшем на 6 лет.² Как и прежде, избранные судьи подлежали утверждению кассационным департаментом сената.

А.С. Шибанов весьма точно определяет, что закон от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» отразился на принципе несменяемости мировых судей. С одной стороны, закон от 15 июня 1912 г., возвращаясь к положениям судебных уставов 1864 г., распространил действие несменяемости судей Астраханской, Оренбургской, Ставропольской и других губерний, в которых они назначались правительством, а с другой – ограничил несменяемость всех остальных мировых судей».³ По закону действие принципа несменяемости распространялось на мировых судей, если они прослужили в должности мирового судьи, хотя бы в различных местностях, не менее 3 лет.⁴ По мнению авторов закона, эта мера, ограничивающая действие несменяемости, была вызвана большим количеством нарушений, встречающихся в работе мировых судей.

Так же как и прежде, мировые судьи делились на участковых и почетных.⁵ По закону мировым судьей могло быть избрано лицо, которое обладало высшим юридическим образованием или средним образованием, при условии трехлетней государственной службы на должностях, как-то: предводитель дворянства, секретарь мирового съезда. Земский участковый начальник, секретарь съезда мировых судей, не имевших среднее образование, но имевших шестилетний стаж в определенных указанных должностях, также имели возможность быть мировыми судьями.⁶ Таким образом, проводя сравнительный анализ прежнего и обновленного законодательства, можно сказать, что должностной и образовательный ценз был повышен. Причём правительство вводило в должности мировых судей новых, преданных, назначаемых должностных лиц – земских начальников. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что самодержавию требовались преданные люди в судах, а, во-вторых, и о том, что не имелось достаточного количества специальных подготовленных лиц (квалифицированных кадров) к отправлению правосудия. По сути дела, правительство попыталось реанимировать судебную реформу 1864

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 33. № 39682.

² ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

³ Шибанов А.С. Ограничение несменяемости судей административными мерами в России в начале XX вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 13-й. – Тольятти, 2001. С. 340.

⁴ Учреждение судебных установлений. Ст. 72. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 16.

⁵ Учреждение судебных установлений. Ст. ст. 14–16.

⁶ Учреждение судебных установлений. Ст. 19.

года в условиях господства консервативной политики, направленной на подчинение судов администрации.

Таким образом, исходя из буквы закона, должность мирового судьи могли занимать лица, имевшие образование не ниже среднего, а также и не имевшие его, но находящиеся на определенных должностях. То есть исходя из образовательного и должностного ценза, закон позволял занимать должность мирового судьи земским участковым начальникам. Более того, закон, с нашей точки зрения, и был направлен на то, чтобы земские начальники заняли должности мировых судей, ибо правительство нуждалось в послушных исполнителях, какими являлись земские начальники. В случае если мировой судья, за неимением подходящего кандидата, не мог быть избран мировым судьей, то допускалось и просто его назначение. Но в этом случае кандидат должен был иметь высшее юридическое образование.¹

Нужда в мировых судьях заставило правительство подумать и о имущественном цензе. В частности, по сравнению с уставами 1864 года, земельный ценз при выборах мировых судей снижался вдвое. Для того чтобы быть выбранным мировым судьей, требовалось обладать недвижимостью в размере, определенном при выборах в земское уездное собрание. А если выборы производились в губернии, то в половину этого размера. Что касается неземельного ценза, то он оставался прежним. В уездах – владение недвижимостью в размере не менее 15 тыс. руб., а в столицах – не менее 6 тыс. руб. В других местностях – не ниже 3 тыс. руб. Имущественный ценз составлял 15 тыс. руб., т.е. приблизительно в два раза больше, чем прежде. Причем, лица, имеющие высшее юридическое образование также не освобождались от требований имущественного ценза, как это предлагалось многими депутатами в Государственной Думе. В то же время лица, имевшие высшее образование, выбиравшиеся на должность мирового судьи, могли иметь половину размера, устанавливаемого имущественного ценза. Если же кандидат назначался правительством, то имущественный ценз не требовался.²

Таким образом, исходя из нового закона, снижение практически вдвое имущественного ценза, установленного на основе владения землей, при сохранении прежних, закрепленных уставами 1864 года или предусмотренных для выборов земских гласных цензовых условий для владения другим имуществом, говорит о том, что предпочтительные условия при выборах мировых судей по закону 1912 г. получали землевладельцы, в которых правительство видело свою опору доверяло им более, чем представителям других сословий. Другими словами, судебная власть на местах вверялась, прежде всего, лицам имущим, а точнее, землевладельцам-дворянам. А потому и образовательный ценз, даже при наличии высшего образования не имел решающего значения. По-прежнему в условиях господства феодальных отношений, правительство организацию судебной власти на местах доверяло только дворянам.

Также как и по Судебным уставам 1864 г. в качестве апелляционной инстанции для мировых судей оставались их съезды под председательством должностного

---

¹ Учреждение судебных установлений. Ст. 38.

² Там же. Ст. 19.

лица, назначаемого правительством.¹ Особый порядок был разработан для назначения председателя съезда мировых судей. Он назначался высочайшей властью по представлению министра юстиции из лиц, которые могли занимать должность по судебному ведомству не ниже члена окружного суда либо из участковых мировых судей, прослуживших не менее трёх лет. В крупных городах, прежде всего в столицах – Петербурге и Москве, председатель избирался мировыми судьями сроком на три года из своей среды. Данное порядок назначения встретило сопротивление со стороны Государственной думы, однако, затем было узаконено Государственным советом.

По новому закону от 15 июня 1912 г. расширялась компетенция мирового суда, по сравнению с Судебными уставами 1864 г. Это было связано, в первую очередь с тем, что благосостояние населения к этому времени выросло, а потому суммы исков и штрафные санкции, находящиеся в ведении мировых судов выросли. В частности, по гражданским делам мировым судам стали подсудны иски до 1000 руб. (раньше до 500 руб.).² По уголовным делам – все преступления, за которые налагались наказания не выше тюремного заключения, но без лишения прав состояния. Мировые судьи, вдвое выше, чем раньше, могли налагать денежные штрафы и взыскания – до 1000 руб.³ Таким образом, проводя аналогию между прежними уставами и обновленной редакцией судебных уставов, необходимо отметить, что значительная часть дел, подсудных ранее окружным судам, отошли к компетенции мировых судей.

По-прежнему оставалось незыблемым в качестве специфики правоприменительной практики в судебном процессе использование обычая. В частности, при постановлении решения по ссылке одной или обеих сторон, суд мог руководствоваться общеизвестными местными обычаями, когда применение обычая дозволялось законом. Однако, сторона, ссылавшаяся на обычай, должна была, в подтверждение своих требований по ссылке на неизвестный суду обычай, обязана была доказать его существование.⁴ При разрешении вопроса о существовании обычая, мировой судья мог принимать в соображение, сверх общегосударственных доказательств, прежние решения по однородным делам.⁵

Кассационной инстанцией для мировых судей, как и прежде, оставался Сенат. В то же время, изменения, внесенные законом 15 июня 1912 г. в судебные уставы, были направлены в сторону расширения прав органов надзора: министра юстиции, председателей судебных палат и прокуратуры в усилении власти инстанционного надзора. Так, старшему председателю судебной палаты законом предоставлялось право наблюдать за всеми должностными лицами, в том числе и мировыми судьями, и делать им напоминания и указания.

Среди новшеств реформы о местном суде по сравнению с судебной реформой

---

¹ Учреждение судебных установлений. С. 17. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

² Устав гражданского судопроизводства. Ст. 29. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

³ Уст. угол. суд. Ст. 33. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

⁴ Учр. суд. уст. Ст. 10. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

⁵ Уст. гражд. суд. Ст. 10. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.

1864 г. явилось подчинение волостных судов мировым. По требованию крестьян, волостной суд был сохранен. Но, правительство не нуждалось в самостоятельном крестьянском суде, а потому в качестве соломонава решения, волостной суд подчинили мировому с надеждой, что в итоге вся система местного суда будет подконтрольна царской администрации. Волостной суд по-прежнему сохранял свой сословный характер и считался крестьянским, но при этом они вводились в общую систему судебных установлений в качестве низшей инстанции местного суда (ст. 2). По закону волостные суды учреждались по одному на каждую волость. Они находились в тесной зависимости не только от мировых судей, но и от высших органов государственного управления. В частности, министру юстиции по согласованию с министром внутренних дел предоставлялось право объединять несколько малолюдных волостей в одну или, напротив разделить многолюдные волости на два или несколько судебных участков.

Определялся и состав волостных судей. В состав суда входили: председатель, два члена суда и два кандидата. В зависимости от численности волости, число членов волостных судов, а также кандидатов, могло быть увеличено до шести. Но в состав присутствия волостного суда всегда включалось только три человека – председатель и двое судей. Определялись и основные требования, предъявляемые к волостным судьям. На эти должности могли быть избраны лица, достигшие 30-летнего возраста, русские подданные. Закон запрещал совмещение должности волостного судьи с какой-либо другой должностью по волостному или сельскому управлению. По новому закону сельские общества самостоятельно избирали волостных судей непосредственно путем двухстепенных выборов. Пропорция была следующей: один выборщик на 100 дворов в числе не меньше 18. Далее, выборщики из своей среды путём тайного голосования выбирали председателя суда, судей и кандидатов в судьи. Судьи избирались сроком на три года. На общем собрании выборщиков председательствовал мировой судья. Утверждение мирового судьи относилось к компетенции мирового съезда, а, следовательно, именно съезд стал основным органом контроля за процессом формирования волостного суда.

В отличие от прежнего закона волостные судьи стали более независимыми. Закон 1912 г. освобождал волостных судей от административных взысканий (ареста, денежных штрафов по распоряжению административных властей). Однако судьи волостных судов не были наделены несменяемостью. Более того, по сравнению с предыдущим законом новый закон увеличивал количество поводов для удаления волостных судей от должности. Они могли быть отстранены от должности не только за различные проступки по должности, но также и за «предосудительное и несоответствующее достоинству судьи поведение». Мировыми съездами могли налагаться на волостных судей следующие взыскания: замечание, выговор, штраф до 15 руб., удаление от должности.

Заседания волостного суда должны были проходить не реже двух раз в месяц. Определялась компетенция волостных судов по гражданским и уголовным делам. По гражданским делам им были подсудны споры о надельной земле, находящейся в общинном пользовании, а также дела по наследованию и разделам крестьянского имущества, входящего в состав надела, без ограничения суммы. По делам о движимом имуществе иск ограничивался суммой в 100 руб. И, наконец, по делам о раз-

деле между наследниками движимого имущества, не входящего в надел, оставалась прежней – в 500 руб. По уголовным делам волостным судьям были подсудны проступки крестьян, главным образом о нарушении ими благочиния или правил безопасности, если наказания за эти проступки не превышали штрафа в сумме 100 руб. или ареста сроком на 1 месяц.

Таким образом, если рассмотреть компетенцию волостных судов в совокупности с мировыми, то можно сделать вывод, что подсудность уголовных дел волостным судам существенно ограничивалась по сравнению с законом 1889 г. Они были ориентированы на рассмотрение только мелких дел, связанных с нарушением общественного порядка. Из их ведения передавались на рассмотрение мировых судов дела о кражах, мошенничестве, присвоения чужого имущества, за которые прежде волостные суды могли назначать арест до 30 дней без ограничения прав состояния. Закон не предусматривал представительства от крестьян адвокатов, что обосновывалось тем, что не следует допускать преимущества для богатых людей, которые могли себе позволить нанять дорогого адвоката.

Апелляционной инстанцией для волостного суда являлся верхний сельский суд, который состоял из мирового судьи в качестве председателя и двух председателей волостных судов в качестве членов сельского суда, которые заседали поочередно в соответствии со списком очередности, устанавливаемой мировым съездом. Кассационной инстанцией для волостных судов являлся мировой съезд. Мировой съезд не решал дело по-новому в своем заседании. Он либо утверждал решение верхнего сельского суда, либо отменял его и передавал дело на рассмотрение другого верхнего сельского суда. Т.е. волостной суд попадал в прямую зависимость от мирового суда, что нарушало прежнюю систему единой кассации, завязанную на Сенате.

Таким образом, несмотря на восстановление в целом статуса мирового суда по судебным уставам 1864 г., произошли и важные изменения касающиеся, прежде всего, принципа независимости и несменяемости мировых судей. Изменения, внесенные законом 15 июня 1912 г. в судебные уставы, были направлены в сторону расширения прав органов надзора: министра юстиции, председателей судебных мест, а особенно старших председателей судебных палат и прокуратуры в усилении власти станционного надзора. Политика самодержавия в судебной сфере приводит к тому, что мировые судьи, формально наделенные независимостью и несменяемостью, фактически попали под полное влияние правительства, что стало следствием революции и озабоченностью правительства в обеспечении политического влияния и в судебном корпусе.

Временное правительство не проводило существенных изменений в судебной системе. Наибольшей корректировке закон о местном суде подвергся 4 мая 1917 г., когда было издано постановление Временного правительства, согласно которому Закон от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда распространялся ещё на 33 губернии.

При Временном правительстве вновь возникал вопрос о несменяемости мировых судей и постановке их на более строгий контроль со стороны правительства.

По постановлению Временного правительства от 25 марта 1917 г.¹ в составе Сената был учрежден Высший дисциплинарный суд для рассмотрения дел о судьях. Его председатель назначался Временным правительством из числа сенаторов. Всего в составе суда имелось 5 лиц, назначаемых также правительством. Всего это присутствие с мая 1917 года рассмотрело несколько дел и привлекло к ответственности ряд мировых судей, допустивших медлительность при производстве дел, упущения по должности и прочее.² В Министерстве юстиции 5 мая 1917 года состоялось совещание старших председателей судебных палат, прокуроров палат, обер-прокуроров Сената и председателей советов присяжных поверенных, которые высказались за обновление в связи с падением старого режима личного состава ведомства Министерства юстиции. На совещании Демьянов поставил перед министром юстиции П.Н. Переверзевым вопрос «об отмене на очень короткий срок» принципа незыблемости, но потерпел фиаско. Против отмены этого принципа выступили известные юристы: П.И. Люблинский, М.П. Чубинский, И.В. Гессен.³

Некоторые изменения, касающиеся системы местных судов и расширяющие полномочия мировых судей, произошли в связи с учреждением так называемых Временных судов в Петрограде. Они были созданы приказом министра юстиции от 3 марта 1917 г. с тем, чтобы «устранить начальные недоразумения, возникающие в городе между солдатами, населением и рабочими».⁴ В состав временного суда входили три члена: мировой судья (председатель) и два члена суда (представители от армии и рабочих).

Согласно инструкции от 22 марта 1917 г., утвержденной товарищем министра юстиции⁵, временным судам были подсудны «преступные деяния, направленные против личной и имущественной безопасности граждан и против общественного порядка, в том числе и посягательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27 февраля сего года».⁶ Временный суд имел право налагать следующие взыскания: штраф в размере не более 10 000 руб.; арест не свыше 3-х месяцев; тюремное заключение не свыше 1 года 6 месяцев; замечание; внушение; выговор. Функции мирового судьи в процессе сводилась к общему руководству заседанием суда, наблюдением за делопроизводством, а также заведовании канцелярией. Быстрота судопроизводства временных судов определили и эффективность их работы. В марте 1917 года из возникших 5 237 дел было решено 4 548, оправдано 1 013 чел., вынесено замечаний 382, наложено денежных взысканий 536, арестовано 683 чел., заключено в тюрьму 523 чел.⁷ Временные суды, конечно, носили чрезвычайный характер, а потому большие права по контролю за ними получил министр юстиции, который мог в порядке надзора отменить любое решение временного суда. Кроме того Временное правительство по закону от 4 мая предоставило ему право упразд-

¹ Собрание узаконений. – 1917. № 77. Ст. 438 (далее: СУ).

² См.: Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. Е.А. Скрипичев. – М., 1997. С. 308.

³ См.: Там же. С. 305.

⁴ Вестник Временного правительства. – 1917. № 7/53.

⁵ Вестник Временного правительства. – 1917. № 19/65.

⁶ Там же.

⁷ Журнал министерства юстиции. – 1917. № 4. С. 189.

нять временные суды «в мере признанной им возможности».

При Советской власти вопрос о возрождении системы мировых судей не возник вообще. В литературе существует достаточно расхожее мнение о том, что Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) «О суде» от 22 ноября (5 декабря по новому стилю) 1917 г. мировые суды были заменены местными судами¹. На самом деле процесс ликвидации мировой юстиции был поставлен у большевиков не так однозначно. Однозначно только то, что со сменой общественного и политического строя России ВЦИК и СНК 22 ноября 1917 года приняли декрет № 1 «О суде», который упразднял все судебные органы дореволюционной России. В частности, объявлялось о прекращении деятельности старых судебных органов, произошла отмена апелляционного рассмотрения дел и введено только кассационное рассмотрение на принятые судебные решения.² Данным нормативным актом институт мировых судей был сохранен. Они не лишались права на осуществление правосудия, при изъявлении ими на то согласия быть избранными судьями, так называемых местных судов как временно Советами, так и постоянно на основе выборов. Как верно отмечают В.П. Портнов и М.М. Славин, «особое отношение Советской власти к мировым судам, которые не упразднились (их действие приостанавливалось), объясняется тем, что многие мировые судьи были настроены демократически, не проявляли враждебности к социалистической революции и могли быть использованы при создании революционных судов».³

По второму декрету «О суде № 2», принятого ВЦИК в феврале 1918 года, вводится принцип состязательности в деятельности судов, а также учреждаются окружные суды и Верховный судебный контроль, но о мировых судах также ничего не говорилось. Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые исследователи советской судебной системы трактовали декреты «О суде» как документы рекомендательного характера. Так, Ю.С. Токарев считает, что эти декреты носили для регионов страны сугубо рекомендательный характер.⁴ Э.Н. Алешкина пишет, что данные декреты генерировали «неограниченную инициативу местных органов власти по созданию первых судов и нормативных актов».⁵

Следует также отметить, что, по-видимому, В.И. Ленин, который, как известно, был юристом по образованию, прекрасно понимал, что в кратчайшие сроки новые судебные учреждения не создать. А мировые суды являлись наиболее демократичной формой организации суда. Поэтому не случайно, что СНК призывал местные власти при организации судебной системы использовать элементы старой судебной системы⁶, а потому и ликвидация старых судов происходила постепенно. Так, например, И.Л. Ледов считает, что создание новой судебной системы на местах происходило в различных регионах совершенно по-разному.⁷

---

¹ См., например: *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. – М.: Норма, 2004. С. 127.

² Декреты Советской власти. – М., 1957. Т. 1. № 85.

³ *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917 – 1922 гг.). – М.: Наука, 1990. С. 14.

⁴ *Токарев Ю.С.* Роль Советов в судебном строительстве в первые годы Советской России. – Л.: Правовое издательство, 1973. С. 23.

⁵ *Алешкина Э.Н.* Местное правотворчество в первые годы Советской власти. – Воронеж, 1977. С. 13.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Д. 27. Л. 27 (далее: ГАРФ).

⁷ См.: *Ледов И.Л.* Советский суд в 1917–1940 гг. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 1998. С. 25.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Вестник Временного правительства. – 1917. № 7/53.
2. Вестник Временного правительства. – 1917. № 19/65.
3. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Д. 27. Л. 27.
4. Декреты Советской власти. – М., 1957. Т.1. № 85.
5. Журнал министерства юстиции. – 1917. № 4. С. 189.
6. Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1881. Т. 16. Ч. 1. Ст. 231-1 (далее: ПСЗ).
7. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 24. Отд. 1. № 25495.
8. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. № 26803. Ст. 1.
9. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.
10. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 33. № 39682.
11. РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1912. № 1003.
13. СУ – Собрание узаконений. – 1917. № 77. Ст. 438.
14. Устав гражданского судопроизводства. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.
15. Устав уголовного судопроизводства. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.
16. Учреждение судебных установлений. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. № 37328.
17. Учреждение судебных установлений. В ред. закона от 15 июня 1912 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 16.

Общая и специальная литература:

18. *Алешкина Э.Н.* Местное правотворчество в первые годы Советской власти. – Воронеж, 1977.
19. *Гессен А.В.* Реформа местного суда (речи, статьи, доклады). – СПб., 1910.
20. *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. – М.: Норма, 2004.
21. *Ледов И.Л.* Советский суд в 1917 – 1940 гг. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 1998.
22. *Набоков В.Д.* Угроза несменяемости // Право. – 1907. № 14.
23. *Немытина М.В.* Суд в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Саратов, 1999.
24. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). – М.: Наука, 1990.
25. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М., 1997.
26. *Токарев Ю.С.* Роль Советов в судебном строительстве в первые годы Советской России. – Л.: Правовое издательство, 1973.
27. *Шаццло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. – М., 1985.
28. *Шибанов А.С.* Ограничение несменяемости судей административными мерами в России в начале XX вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Тольятти, 2001. Вып. 13-й.

Zhiltsov S.V.

The legal status of magistrates' courts during the Russian revolution (1905–1917)

The article is devoted to actual problems of the legal status of magistrates' courts during the First Russian Revolution of 1905-1907 and the February bourgeois-democratic revolution of 1917.

Keywords: Magistrate's Court; The State Duma; global competence of the court; Requirements for candidates for justices of the peace; competence of magistrates; county courts.

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ЦЕНЗА ДЛЯ КАНДИДАТОВ В МИРОВЫЕ СУДЬИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В 1906-1912 гг.

Статья посвящена детальному анализу дискуссии о судьбе имущественного ценза для кандидатов в мировые судьи на разных стадиях законодательного процесса при рассмотрении законопроекта о преобразовании местного суда. На основе широкой источниковой базы приводится сравнение позиций комиссий по судебной реформе в Государственной думе второго и третьего созывов, прослеживается различие во взглядах депутатов на поставленную проблему в зависимости от их политических убеждений. Отмечается явный консерватизм Государственного совета по сравнению с Государственной думой, что отчетливо проявилось при обсуждении вопросов о судьбе имущественного ценза. Делается вывод, что вопросы нормативного закрепления имущественного ценза для мировых судей стали предметом активной борьбы в высших органах государственной власти Российской империи. Осознавая негативное влияние, которое в ряде случаев оказывал данный вид ценза на кадровый состав, правительство было вынуждено его сохранить в силу целого комплекса причин.

Ключевые слова: судебная реформа, местный суд, мировой суд, реформа местного суда, имущественный ценз, Государственная дума, Государственный совет, Министерство юстиции, И.В. Гессен, И.Г. Щегловитов.

Проблема нормативного закрепления имущественного ценза для кандидатов в мировые судьи ещё с момента разработки Судебных уставов 1864 г. являлась предметом активной дискуссии как в правительственных кругах, так и в обществе в целом. Мировой суд позиционировался как суд местный, и именно имущественный ценз, по мнению законодателя, должен был стать своеобразной гарантией знакомства кандидатов с местной жизнью и обычаями.¹ Кроме того, указанный ценз, по справедливому замечанию В.В. Захарова, «позволял исключить лиц, склонных к принятию решений антиобщественного или антигосударственного характера, поскольку состоятельные члены общества в основной своей массе заинтересованы в стабильности и поддержании правопорядка».² Виделся законодателю имущественный ценз и как один из способов обеспечения финансовой независимости кандидата. В конечном итоге, п. 3 ст. 19 Учреждения судебных установлений (далее – УСУ)³ требовал от кандидатов, чтобы «они сами, или их родители, или жены» владели «хотя бы и в разных местах: или пространством земли вдвое против того,

---

Щедрина Юлия Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Курского государственного университета.

¹ О понимании законодателем термина «местный суд» и значении имущественного ценза см.: Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика 60-80-х гг. XIX в. М. – Смоленск, 2009. С. 65-70.

² Захаров В.В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации (историко-правовое исследование). – Курск, 2008. С. 87.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1864. Т. XXXIX. № 41475 (далее: ПСЗ РИ).

которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей, а в городах – недвижимою собственностью, оцененною для взимания налога: в столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трёх тысяч рублей».

Как нам представляется, введение имущественного ценза сыграло негативную роль в функционировании мировой юстиции: последствием подобного решения законодателя стало сокращение круга лиц, имеющих возможность избираться в мировые судьи. Цель же, которую ставили перед собой реформаторы и которой они объясняли введение ценза – привлечение к исполнению должностей мировых судей материально обеспеченных лиц – так и не была достигнута. Чтобы быть избранными, претенденты часто прибегали к различным ухищрениям, например, по отзывам председателя одного из мировых съездов Черниговской губернии, «к покупке для ценза никуда не годных земель, представляя фиктивные цензы».¹ Как отмечалось в отчёте по итогам ревизии всё той же Черниговской губернии «служебное положение участковых судей при... фиктивности ценза ... представляется недостаточно прочным и вредно отражается на служебной деятельности судей».²

Министерство юстиции не выработало чётко выраженной позиции по вопросу о реформе института имущественном цензе. Так, в 1872 году К.И. Пален настаивал на увеличении имущественного ценза в городах³, в 1880 году Д.Н. Набоков предлагал «допустить на будущее время избрание в мировые судьи большинством 2/3 голосов лиц, не обладающих установленным имущественным цензом, но получивших высшее образование».⁴ Однако данная проблема не была решена вплоть до отмены мирового института в 1889 году. В 1905-1906 гг. Министерство юстиции вернулось к идее реставрации мирового суда по образцу 1864 г. (с отдельными изменениями) и разработало соответствующий законопроект, который после одобрения Советом Министров был внесён в первую Государственную думу, но не рассмотрен.⁵ После вторичного обсуждения в Совете Министров в январе 1907 года (в ходе которого проект подвергся незначительной корректировке), его передали на рассмотрение Государственной думы второго созыва.

Министерство юстиции не отказалось от введения имущественного ценза для мировых судей, хотя и осознавало проблему возможного кадрового дефицита в результате подобного решения. Для смягчения негативных последствий предлагалось установить т.н. «сокращённый имущественный ценз» для лиц, получивших высшее юридическое образование: владение землей в размере, установленном для непосредственного участия в избрании гласных в земские собрания либо другим недвижимым имуществом как в уезде, так и в городе, оцененном для взимания налога

---

¹ Одел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 600. Д. 1506. Л. 53.

² Там же. Л. 58.

³ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 924. Л. 38 (далее – РГИА).

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 863. Л. 38-39.

⁵ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 77. Л. 1-1д; Особый журнал Совета Министров 19 и 23 января 1907 года. О преобразовании местного суда // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906-1908 гг. – М., 2011. С. 109.

не менее 7 500 рублей, а в столицах не менее 15 000 рублей; или же платеж в пределах какого-либо городского поселения государственного квартирного налога, начиная с десятого разряда и выше. В случае отсутствия у кандидата высшего юридического образования, размер имущественного ценза увеличивался вдвое.¹

В заседании 20 марта 1907 года Государственная дума приняла решение о формировании комиссии для рассмотрения законопроекта о преобразовании местного суда.² Обосновывая необходимость её создания, депутат Н.В. Тесленко указывал на то, что при рассмотрении законопроекта в общем собрании Государственной думы «мы не имели бы достаточно подготовленных к этому обсуждению лиц, а главным образом совершенно не имели бы по этим законопроектам докладчиков, т.е. лиц, вполне и безусловно овладевших материалом, следовательно обмен мнений был бы недостаточно продуктивным».³ Первоначально планировалось включить в состав комиссии 24 человека, но в ходе прений депутат М.А. Стахович высказал предложение об увеличении её численности, и в комиссию вошло 33 депутата.⁴ На семнадцатом заседании Думы, 27 марта 1907 года, были оглашены окончательные результаты выборов⁵, и уже на следующий день комиссия приступила к работе.

С самого начала работы комиссии, созданной фракцией кадетов⁶, стало очевидно, что депутаты не поддерживают идею ведения имущественного ценза для мировых судей. Члены комиссии последовательно раскритиковали доводы правительства о необходимости его нормативного закрепления. Так, отрицая возможность обеспечить принцип «местного суда» путём установления органической связи кандидата с интересами и жизнью населения той или иной территории через наличие у него собственности в указанной местности, депутаты справедливо отмечали: «Владелец может даже не жить в этой местности и стоять совершенно в стороне от условий местной жизни».⁷

Аргумент о материальной независимости судей, которую обеспечивает имущественный ценз, оспаривался членами комиссии на том основании, что в современных российских реалиях владение имуществом связано в большинстве случаев с задолженностью по ипотеке, и вместо того, чтобы служить гарантией независимости, наличие подобного имущества «поставит судью в зависимые отношения к тем или другим лицам окружающего его населения».⁸ Снижение же имущественного ценза для лиц с высшим юридическим образованием всё равно не решит кадровую проблему, становясь лишь тормозом «для притока на места в состав местных судей

---

¹ Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда». Заседания Государственного Совета 29 октября, 12 и 30 ноября 1910 года, 15, 20, 24 и 27 января, 25 и 29 апреля, 2, 4, 9, 10, 14, 16, 18 и 24 мая, 26 и 28 октября, 6, 17, 19, 22, 28 и 30 ноября, 3, 5, 10, 13, 17 и 23 декабря 1911 года и 13 января 1912 года // Законопроекты о преобразовании местного суда. Б.м.; Б.г. Т. II. С. 35.

² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. 1907 г. Сессия вторая. Т. 1. – СПб., 1907. Стлб. 876.

³ Там же. Стлб. 878-879.

⁴ Там же. Стлб. 876, 881-882, 886.

⁵ Там же. Стлб. 1270.

⁶ См. подробнее: *Аронов Д.В., Калугин П.А., Золотухина Е.К.* Реформа местного суда в либеральном законотворчестве начала XX века // История государства и права. – 2014. № 9. С. 20-24.

⁷ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. – СПб., 1907. С. 126.

⁸ Там же. С. 127.

лиц, получивших высшее образование, но не обладающих имущественным цензом, а подобный прилив образованных людей необходим особенно в глухие углы провинции».¹ Указывалось и на проблему фиктивного имущественного ценза, предоставляемого кандидатами. Не обошлось и без указаний на явную классовую направленность проекта. К числу отрицательных последствий введения имущественного ценза депутаты относили и дискредитацию мировых судей в глазах «бедного трудового класса», а дворяне-землевладельцы, из которых и будет преимущественно формироваться мировой институт, станут преследовать классовые интересы своего сословия, в то время, как мировой суд «должен быть совершенно свободен от словесных или узкопартийных взглядов».² В итоге предложение министра юстиции о введении имущественного ценза было отвергнуто большинством голосов против одного.³

Итог своей деятельности комиссия представляла на заседании Государственной думы 28 мая 1907 года. С докладом выступал сам председатель комиссии И.В. Гессен, который в своей чрезвычайно эмоциональной речи лишь мельком остановился на позиции комиссии по вопросу об имущественном цензе. Отметив, что комиссия единодушно высказалась за полную его отмену, он выразил надежду, что едва ли среди членов Государственной думы найдётся «достаточное число лиц, которые будут поддерживать необходимость имущественного ценза».⁴ В полемику с И.В. Гессеном вступил сам министр юстиции И.Г. Щегловитов. Используя устоявшийся приём парламентской риторики обращения к первой редакции Судебных уставов как актам непогрешимым и идеальным, он ещё раз напомнил депутатам, что имущественный ценз был введён в 1864 году «в видах обеспечения возможной независимости выборных судей, по существу своему не могущих пользоваться полной несменяемостью, в виду срочности выборной службы, и вынужденных входить со многими лицами в непрестанные сношения, при которых человеку, близкому к нужде, было бы трудно устоять против разного рода влияний или давлений».⁵

В своей речи министр оспаривал доводы комиссии против введения имущественного ценза, хотя его аргументация выглядела крайне слабой. Так, признавая возможность наличия у кандидата имущества, заложенного по ипотеке, он отмечал, что «отсюда вовсе не следует, что в общем судебная независимость лиц, обладающих имущественным цензом, при указанных условиях была бы меньше по сравнению с лицами, никакого ценза не имеющими».⁶ Остановившись на проблеме фиктивного ценза, министр резко возражал, что не считает «возможность такого рода злоупотреблений... достаточным доводом для устранения правил об имущественном цензе» и возлагал на Государственную думу обязанность «составить такие постановления, которые усовершенствовали бы несколько постановку имуществен-

---

¹ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 127.

² Там же.

³ Там же. С. 128.

⁴ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. 1907 год. Сессия вторая. Т. II. – СПб., 1907. Стлб. 1341.

⁵ Там же. Стлб. 1348.

⁶ Там же. Стлб. 1349.

ного ценза в законе».¹ Фактически, И.Г. Щегловитов соглашался со всеми отрицательными последствиями введения имущественного ценза, не предлагая разумных доводов в его защиту. На это обстоятельство позже обратил внимание и И.В. Гессен, не без иронии заметивший: «по вопросу об имущественном цензе те соображения, которые министром юстиции были приведены, не только не опровергают правильности точки зрения, на которой стояла комиссия, но, напротив, ещё более её подчёркивают».²

И всё же, стремясь сохранить имущественный ценз, И.Г. Щегловитов соглашался пойти на определённые уступки. Так, признавая необходимость формирования мирового судейского корпуса из дипломированных юристов, он предложил избирать лиц, получивших высшее юридическое образование без предъявления требований к наличию имущественного ценза вообще³, а для лиц, такого образования не имеющих возможно было бы ограничиться половинным цензом «по сравнению с предусмотренным Судебными уставами, т.е. тем, который был проектирован министерством юстиции для лиц с высшим образованием».⁴

Однако подобный компромисс был расценен И.В. Гессеном как явная шаткость и непоследовательность позиции правительства. «Само министерство аннулирует значение имущественного ценза, так как оно в значительной мере понижает его, — отмечал председатель комиссии, — ... усматривая в имущественном цензе обеспечение независимости судьи, оно, вместе с тем, не принимает никаких мер к тому, чтобы это имущество действительно гарантировало бы судье хотя бы эту имущественную независимость».⁵ Понизив размер имущественного ценза, министр юстиции, по мнению И.В. Гессена «не только не подкрепил свою точку зрения, но он указал на то, что мы стоим на совершенно правильной позиции, что на той позиции, которую они заняли, они устоять не могут и вынуждены постепенно отступать».⁶

Решения комиссии об отмене имущественного ценза поддержали во время прений как кадеты (так, депутат К.К. Черносветов ещё раз, со ссылками на уровень жизни в уездах и городах оспаривал утверждение министра, что имущественный ценз может стать гарантией независимости судей⁷), так и представители левых партий, видевших в стремлении министерства установить имущественный ценз попытку «дать возможность представителям дворянского сословия в особенности усилиться и осесть в тех ячейках, которые представляются судом, укрепиться снова в этих новых руслах народной жизни, укрепиться окончательно и, может быть, бесповоротно».⁸

Таким образом, начало обсуждения проекта во второй Государственной думе выявило отрицательное отношение депутатов к установлению имущественного

---

¹ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Стлб. 1349.

² Там же. Стлб. 1373.

³ Там же. Стлб. 1348.

⁴ Там же. Стлб. 1350.

⁵ Там же. Стлб. 1373.

⁶ Там же. Стлб. 1374.

⁷ Там же. Стлб. 1393-1394.

⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. 1907 год. Сессия вторая. Т. II. Стлб. 1601.

ценза к кандидатам на должность мировых судей. Дальнейшему обсуждению указанной проблемы помешал роспуск Думы.¹

После роспуска второй Государственной думы Министерство юстиции в очередной раз пересмотрело законопроект о местном суде. Изменены оказались и нормы, регулирующие имущественный ценз. Так, из числа лиц, которым предоставлялось право избираться на должности мировых судей, исключались квартиросъёмщики, а указание на размер земельного участка, которым кандидат должен владеть, заменялось в проекте налоговым признаком. Министерство юстиции обосновывало своё решение желанием покончить с предоставлением фиктивного имущественного ценза. Налоговый ценз, по мнению министерства, «наиболее правильно» свидетельствовал о действительном размере имущества кандидата.² Лица, получившие высшее юридическое образование, лишались привилегий в отношении имущественного ценза.

Согласно окончательному проекту министерства, в мировые судьи могли быть избраны те из местных жителей, которые, соответствуя условиям возрастного и образовательного (или служебного) цензов, сами, их родители или жены владеют пространством земли, обложенным губернскими и уездными земскими сборами в размере не менее ста рублей в совокупности, либо другим недвижимым имуществом в уезде, обложенным губернскими и уездными земскими сборами не менее того же размера, либо недвижимой собственностью в городах, оцененной для взискания налога не менее пятнадцати тысяч, а в столицах – не менее тридцати тысяч рублей.³

Для обсуждения законопроекта о преобразовании местного суда в Государственной думе была сформирована очередная комиссия по судебным реформам. Первоначально её председателем избрали Ф.Н. Плевако, но в январе 1908 года, в связи с его болезнью, функции председателя взял на себя Н.П. Шубинской.⁴ Именно он и стал докладчиком по проекту о местном суде в указанной комиссии.⁵

Хотя проект в целом и не встретил серьезных разногласий, по вопросу имущественного ценза разгорелись серьезные дебаты. Третья Государственная дума, в которой преобладали октябристы, оказалась настроена менее радикально, чем предыдущая. При обсуждении в комиссии вопроса о целесообразности сохранения имущественного ценза, всего семь депутатов выступили за его отмену. «Этот ценз вовсе не обеспечивает той независимости, хотя бы только чисто материальной, – отмечали они, – наличность которой желают обеспечить; помещики сильно разорились, имения их разделились, а главное – заложены, и поэтому владение таким заложным имением вовсе не указывает на имущественную независимость. Кроме

---

¹ Любопытно, что именно законопроект о местном суде стал последним, рассматриваемых в заседании от 2 июня 1907 г. Прения неоднократно прерывались предложениями со стороны левых партий прекратить обсуждения вопросов о местном суде в связи с тем, что перед Государственной думой стоит вопрос о государственном перевороте. Однако кадеты, а в дальнейшем и представители правых партий, настойчиво требовали продолжения обсуждения законопроекта.

² См.: Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда»... С. 35.

³ Там же.

⁴ В источниках встречается два написания данной фамилии: Н.П. Шубинский и Н.П. Шубинской.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3471. Л. 5.

того, слишком много существует способов обходить требования и такого ценза, приобретением, например, так называемого фиктивного ценза».¹ Восемь членов комиссии, наоборот, полагали, что «имущественный ценз совершенно необходим»: если главным основанием для введения выборного суда признаётся «желательность связи с местностью» и знание местных условий, то только имущественный ценз может служить свидетельством «такой связи».²

За необходимость сохранения для мировых судей имущественного ценза в очередной раз высказался и министр юстиции, отметивший: «...если, заменяя волостной суд, необходимо обеспечить связь с местностью, то нужно оградить выборное начало по крайней мере имущественным цензом, который устранил элементы беспорядка, ослабит местное влияние политических партий».³ Итог обсуждения оказался вполне очевиден: 24 голоса – за введение ценза, 12 – против, 4 – воздержалось. При этом комиссия приняла решение о замене налогового ценза на старый земельный с заметным его понижением: в мировые судьи могли избираться те лица, которые владели «половиною пространства земли», обложенной земскими сборами, необходимого для непосредственного участия для избрания гласных в земские собрания.⁴ «Такое понижение не должно нас удивлять, – иронично замечал А. Завадский, сторонник ликвидации имущественного ценза, – ничего опасного для господствующих в Государственной думе оно представлять не может. Комиссия Думы справедливо указала, что имущественный ценз имеет на деле не столько ту цель, которую придают ему идеологи, т.е. обеспечение судейской независимости, а является скорее одним из средств иметь судью только местного человека».⁵ Кроме того, комиссия отвергла всероссийский (общеевропейский) ценз (владение имуществом в пределах всей Российской империи), и высказалась за обладание имуществом только в той губернии, где будет проводиться избрание. Комиссия вернулась к идее, высказанной ранее министром юстиции, но позже им отвергнутой: о льготах в отношении имущественного ценза для лиц, имеющих высшее юридическое образование. Однако решение комиссии оказалось радикальнее предложения И.Г. Щегловитова: для указанной категории лиц ценз не требовался при соблюдении ряда условий: если они были местного происхождения и прожили в данной местности до выборов не менее пяти лет.⁶

Но даже такая оговорка обеспокоила правительство. По просьбе И.Г. Щегловитова, изложенной в письме П.А. Столыпину, Совет Министров рассмотрел внесённые комиссией изменения в министерский законопроект, в том числе, касающиеся

---

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3471. Л. 11 об.

² Там же. Л. 11об–12.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3471. Л. 12об.

⁴ Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда». С. 36. Примечательно, что для каждого уезда «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. устанавливался свой размер имущественного ценза (см.: ПСЗ РИ. Собр. III. № 6927. Прил. к ст. 16 «Расписание количества земли, дающего право на участие в Избирательных собраниях для выбора уездных гласных»).

⁵ *Завадский А.В.* Об изменениях, внесённых Комиссией по судебным реформам Государственной Думы в проект министра юстиции о преобразовании местного суда. Доклад Юридическому обществу при Императорском Казанском университете 25 марта 1909 г. – Казань, 1909. С. 6.

⁶ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. 1907-1908. – СПб., 1908. С. 50.

и имущественного ценза. 21 января 1909 года «Совет признал желательным, чтобы обращено было внимание Государственной думы на отсутствие настоящей необходимости установления предложенного комиссией по судебным реформам правила об освобождении, при известных условиях, лиц с высшим юридическим образованием от имущественного ценза для занятия должности мирового судьи».¹ Сам министр юстиции, выступая на общем заседании Государственной думы, ещё раз высказался против принятия данной нормы. И.Г. Щегловитов соглашался: в случае отмены имущественного ценза для лиц с высшим юридическим образованием, «все юристы, сколько их будет в России, будут в распоряжении каждого земского собрания».² Однако министр предупреждал, что все дипломированные специалисты прежде всего идут на государственную или общественную службу или в адвокатуру, и лишь те, кто не сумел устроиться или закрепиться, «свободные юристы», «юристы-неудачники», станут претендовать на должность мировых судей. «Неужели же для будущего мирового суда законодательное учреждение, несомненно проникнутое стремлением и заботливостью обеспечить возможно лучшим кадром этот будущий суд, – патетически продолжал И.Г. Щегловитов, – согласится поставить этот суд в такие условия, при которых ему будут обеспечены кадры юристов-неудачников, т.е. из худшей части русских юристов».³

Рассмотрение законопроекта в общем заседании Государственной Думы началось 30 октября 1909 года, дискуссия же вокруг имущественного ценза развернулась на заседаниях 21 и 22 января 1910 года. На сохранении имущественного ценза настаивали прежде всего октябристы и представители правых партий. Кадеты, не изменившие своей позиции со времён второй Государственной думы, продолжали требовать его отмены. К кадетам присоединились социал-демократы, трудовики и прогрессисты. Противники имущественного ценза упирали на его классовый характер. Кадет Родичев доказывал депутатам, что устанавливая имущественный ценз для судей, они вводят «политическую борьбу в область суда, борьбу классовую», и гарантируют «заранее победу одному классу».⁴ Социал-демократ Покровский-2-й полагал, что «всякий ценз имеет единственной задачей ограничить волю избирателей»⁵, и задача имущественного ценза – вовсе не обеспечить материальную независимость судей, а «чтобы предоставить эти места всё тому же дворянству, которого ещё, оказывается, увы, очень много сидит по местам, которое никуда не годно и которое ждёт опять-таки приобщения к казённому пирогу»⁶ и т.д. Сторонники установления имущественного ценза отрицали желание поставить у власти только класс – дворянство, хотя князь В.В. Тенишев в пылу полемики и бросил: «Мне кажется, что та ненависть к дворянству, которой пышет с начала до конца речь члена Думы Покровского, есть доказательство, что таких лиц, которые также будут

---

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 77. Л. 843.

² Государственная дума. Третий созыв Стенографические отчёты. 1910 г. Сессия третья. Часть II. – СПб., 1910. Стлб. 137.

³ Там же. Стлб. 138.

⁴ Там же. Стлб. 126.

⁵ Там же. Стлб. 100.

⁶ Там же. Стлб. 102.

дышать ненавистью к дворянству, сажать на места мировых судей нежелательно».¹

Анализируя развернувшиеся дискуссии вокруг имущественного ценза, вполне можно согласиться с мнением Р.В. Терентьева, высказанным в отношении рассмотрения законопроекта в третьей Думе в целом: «с первых выступлений в общем заседании Думы становится ясно, что выступающие пытаются отстаивать свои партийные, иногда сословные интересы, мало вникая в действительные нужды населения и вопросы работоспособности суда».²

В конце мая 1910 года законопроект поступил в Государственный совет, где в заседании от 5 июня 1910 года было принято решение образовать специальную комиссию в составе 30 членов Государственного совета для дальнейшего рассмотрения законопроекта. Выборы провели 20 октября 1910 г., а первое заседание комиссии состоялось 29 октября. Первоначально председателем избрали П.Н. Трубецкого, а после его смерти в октябре 1911 г. – С.С. Манухина.³

В начале работы комиссии, на третьем заседании, 30 ноября 1910 года огласили программу работы. Пунктом V в ней стоял вопрос: «Следует ли уменьшить или сохранить без изменения установленный Судебными уставами имущественный земельный ценз для выборов в мировые судьи?», а п. VI – «Следует ли увеличить, уменьшить или сохранить без изменения установленный Судебными уставами имущественный городской ценз для выборов в мировые судьи?». Льготы в отношении имущественного ценза для лиц, получивших высшее юридическое образование, планировалось рассмотреть в рамках вопроса VIII: «Следует ли установить какие-либо преимущества при выборах в мировые судьи для кандидатов, получивших высшее юридическое или иное высшее образование?».⁴ К рассмотрению указанных вопросов приступили 27 января 1911 года.

Анализируя работу комиссии Государственного совета в целом, нельзя не отметить его явный консерватизм по сравнению с Государственной думой. Наиболее отчётливо консервативные настроения членов Совета проявились при обсуждении судьбы волостного суда и размера имущественного ценза для кандидатов на должность мировых судей. Вообще, в вопросах нормативного закрепления имущественного ценза комиссия заняла позицию, диаметрально противоположную позиции комиссии Государственной Думы. Члены Государственного совета настояли на введении общеимперского ценза, сделав, однако, оговорку, что или сам кандидат, или его родители, или жена должны иметь в губернии, где он баллотируется, какие-нибудь хутор, усадьбу или иную недвижимость на протяжении одного года.

Отказавшись от идеи установить имущественный ценз только как способ обеспечить «местный» состав мирового суда, комиссия стала рассматривать его и как гарантию материальной независимости судей, в связи с чем проголосовала за уве-

---

¹ Там же. Стлб. 106.

² Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX в.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. С. 85–86.

³ Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда». С. 1–2.

⁴ Протокол заседания Особой Комиссии для обсуждения внесённого из Государственной думы законопроекта о преобразовании местного суда. 30 ноября 1910 г. № 3 // Протоколы заседания особой комиссии для обсуждения внесённого из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда с 12 ноября 1910 г. по 13 января. – Б.м., 1912. С. 2-3.

личение вдвое земельного ценза (уравняв его, таким образом, с цензом, необходимым для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания). Обосновывая свою точку зрения, комиссия указала, что «выборный судья будет лишь тогда независим от своих избирателей, когда он настолько материально обеспечен, что неизбрание на новый срок не поставит его в тяжелые условия жизни».¹ Любопытно, что в процессе обсуждения среди членов комиссии звучали предложения вернуться к размеру земельного ценза, установленного Судебными уставами 1864 г. Но Н.Н. Шрейбер справедливо заметил, что достаточно установить одинарный земский избирательный ценз ввиду значительного увеличения стоимости земли с 1864 года.² А. А. Нарышкин главной причиной необходимости уменьшения ценза по сравнению с актом 1864 г. видел в сокращении числа возможных кандидатов из «местных лиц», вследствие чего будет нарушена одна из базовых идей мирового института и в судьи окажутся избраны люди «пришлые».³

Не одобрила комиссия и утвержденную Государственной думой норму, согласно которой кандидат, имевший высшее юридическое образование, освобождался от необходимости предоставить имущественный ценз. Признавая желательным, чтобы должности мировых судей занимали лица с высшим юридическим образованием, Государственный совет считал «наличность связи избираемого лица с населением, обуславливаемой владением в губернии хотя бы каким-нибудь земельным имуществом, совершенно необходимой».⁴ «Не диплом высшего учебного заведения должен бы быть главным пропуском к занятию должности мирового судьи, а доверие избирателей, – отмечал А.Б. Нейгарт. – Высшее образование могло бы давать избираемым преимущество в глазах земских избирателей только при наличии прочих условий».⁵ Вместе с тем, из 22 присутствующих, 16 членов комиссии проголосовали за понижение имущественного ценза для лиц с высшим образованием.⁶

Работа комиссии над законопроектом продолжалась около двух лет. Наконец, 17 февраля 1912 года, началось его обсуждение в Государственном Совете. Итоги работы комиссии обобщил в своём докладе С.С. Манухин, подчеркнувший «важность и значение настоящего обширного и сложного дела, которое, по справедливости, может оспаривать первенство среди всех дел, прошедших через истекающее шестилетие через реформированный Государственный совет».⁷

К обсуждению вопроса об имущественном цензе Государственный совет приступил в марте 1912 года. Камнем преткновения стала проблема срока, в течение которого кандидат или его родственники должны владеть землей в местности, где проходят выборы – и само понимание этой местности. Так, П.Н. Дурново и А.А. Хвостов внесли поправку, предлагая вместо проектируемого особой комиссией го-

¹ Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда». С. 37.

² Протокол заседания Особой Комиссии для обсуждения внесённого из Государственной думы законопроекта о преобразовании местного суда. 27 января 1911 г. № 7 // Протоколы заседания особой комиссии... С. 5

³ Там же. С. 6.

⁴ Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда»... С. 39.

⁵ Протокол заседания Особой Комиссии для обсуждения внесённого из Государственной думы законопроекта о преобразовании местного суда. 27 января 1911 г. № 7. С. 12.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. – СПб., 1912. Стлб. 1747.

дового срока оседлости ввести трёхлетний, при этом ценз должен иметься не в губернии, где проводятся выборы, а в конкретном уезде. В полемику с А.А. Хвостовым вступил Н.Н. Шрейбер. Отстаивая точку зрения комиссии, он объяснял требование оседлости в губернии, а не в уезде тем, что «нравы и обычаи населения уездов данной губернии в громадном большинстве случаев совершенно одинаковы»¹, а владение недвижимостью исключительно в уезде, где будут производиться выборы, на практике может привести к отсутствию в уезде необходимого числа кандидатов.²

Подводя итог дискуссии в отношении имущественного ценза, И.Г. Щегловитов признался, что данный вопрос является «трудно разрешимым», и «удовлетворить решительно все желания, которые по этому вопросу заявлялись, по-моему, задача неосуществимая».³ Министр осторожно призывал принять законопроект о местном суде в части, касающейся имущественного ценза, в редакции комиссии. Вместе с тем, он предусматривал возможность принятия п. 3 ст. 19 УСУ с учётом поправки П.Н. Дурново и А.А. Хвостова. Призыв министра не остался без внимания: поправка П.Н. Дурново и А.А. Хвостова была принята 61 голосом против 49.⁴ В итоговой редакции п. 3 ст. 19 УСУ выглядел следующим образом:

«3) ... в мировые судьи могут быть избираемы местные жители, если они сами, их родители или жены, имея в течение трех последних лет оседлость либо домашнее обзаведение по службе, или занятиям, или промыслам, или недвижимому имуществу, в том уезде, где проводятся выборы, владеют, хотя бы в разных уездах и губерниях или: а) пространством обложенной земскими сборами земли, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания... либо б) другим недвижимым имуществом вне городов, обложенным земскими сборами, ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей или в) в городах, недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога: в столицах – не менее пятнадцати тысяч рублей, в городах с населением свыше ста тысяч человек – не менее шести тысяч рублей и в прочих городах – не менее трех тысяч рублей».⁵

В связи с возникшими разногласиями между двумя палатами парламента, Государственный совет на заседании от 16 марта 1912 года постановил передать дело, согласно ст. 49 Учреждения Государственного совета, в особую комиссию, образовав её в составе 10 членов от Государственного совета, такого же числа членов от Государственной думы по выбору Совета и Думы. На заседании Государственной думы от 17 марта 1912 года были произведены выборы членов согласительной комиссии от нижней палаты парламента.⁶

Председателем согласительной комиссии избрали С.С. Манухина (члена Госу-

¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. Стлб. 2501.

² Там же. Стлб. 2502.

³ Там же. Стлб. 2507.

⁴ Там же. Стлб. 2537.

⁵ Согласительное заключение Особой комиссии, образованной из 10 членов Государственного совета и 10 членов Государственной думы, для рассмотрения разномыслий, возникших между Советом и Думою по проекту закона «о преобразовании местного суда» // Законопроекты о преобразовании местного суда. – Б.м., Б.г. Т. II. С. 36.

⁶ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть III. – СПб., 1912. Стлб. 1548.

дарственного совета), его заместителем – Н.П. Шубинского (депутата Государственной думы).¹ Пытаясь найти компромисс в вопросе правового регулирования имущественного ценза для мировых судей, комиссия единогласно признала необходимость как нормативного закрепления общеимперского ценза, так и его увеличения в отношении поземельного имущества вне городов и недвижимости в городах. Разногласия начались по вопросу о сроке, в течение которого кандидат должен им владеть указанным имуществом: год или три.² В конечном итоге, приняли норму о годичном сроке владения имуществом; размер имущественного ценза, установленный Государственным советом, оставался без изменений. Для лиц, имеющих высшее юридическое образование, имущественный ценз сокращался в два раза.

Проект согласительной комиссии выдержал нелёгкую борьбу в Государственной думе, однако, как правильно отмечает Р.В. Терентьев, «все принципиальные положения законопроекта были сохранены в редакции согласительной комиссии».³ В Государственном совете законопроект был принят без серьезных дискуссий, в ускоренные сроки утвержден Николаем II и вошел в историю как закон «О преобразовании местного суда».⁴

Итак, вопросы нормативного закрепления имущественного ценза для мировых судей стали предметом активной борьбы в правительственных кругах. Осознавая негативное влияние, которое в ряде случаев оказывал данный вид ценза на кадровый состав, правительство было вынуждено его сохранить в силу целого комплекса причин. Тем не менее, наметилась явная тенденция к ослаблению значения имущественного ценза.

Источники и использованная литература:

Источники:

Архивные источники:

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 600. Д. 1506.
2. РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 77.
3. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (II созыв). Д. 803.
4. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (II созыв). Д. 1164.
5. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3471.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 863.
7. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 924.

Опубликованные источники:

8. Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 821 с.
9. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. 1907 г. Сессия вторая. – СПб.: Государственная типография, 1907. Т. 1. – 1098 с.
10. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. 1907 год. Сессия вторая. – СПб.: Государственная типография, 1907. Т. II. – 765 с.
11. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. 1907-1908. – СПб.: Государственная типография, 1908. – 234 с.

---

¹ Согласительное заключение... С. 1.

² См. подробнее: Согласительное заключение... С. 37-38.

³ Терентьев Р.В. Указ. соч. С. 97.

⁴ ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXXII. Ч. 1. № 37328.

12. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1910 г. Сессия третья. Часть II. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 1564 с.
  13. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть III. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 1871 с.
  14. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. – СПб., 1912. – 2754 с.
  15. Доклад по законопроекту «О преобразовании местного суда». Заседания Государственного совета 29 октября, 12 и 30 ноября 1910 года, 15, 20, 24 и 27 января, 25 и 29 апреля, 2, 4, 9, 10, 14, 16, 18 и 24 мая, 26 и 28 октября, 6, 17, 19, 22, 28 и 30 ноября, 3, 5, 10, 13, 17 и 23 декабря 1911 года и 13 января 1912 года // Законопроекты о преобразовании местного суда. – Б.м., Б.г. Т. II. – 76 с.
  16. О преобразовании местного суда: Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 15 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – СПб., 1912. Т. XXXII. Ч. 1. № 37328 (далее: ПСЗ РИ).
  17. Особый журнал Совета Министров 19 и 23 января 1907 года. О преобразовании местного суда // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906-1908 гг. 1907. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 109-115.
  18. Протоколы заседания особой комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда с 12 ноября 1910 г. по 13 января. – Б.м., 1912. – 563 с.
  19. Положение о губернских и уездных земских учреждениях: Высочайше утверждённое от 12 июня 1890 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. X. № 6927.
  20. Согласительное заключение Особой комиссии, образованной из 10 членов Государственного совета и 10 членов Государственной думы, для рассмотрения разномыслий, возникших между Советом и Думою по проекту закона «о преобразовании местного суда» // Законопроекты о преобразовании местного суда. – Б.м., Б.г. Т. II.
  21. Учреждение судебных установлений: Высочайше утверждённое 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. № 41475.
- Общая и специальная литература:
22. *Аронов Д.В., Калугин П.А., Золотухина Е.К.* Реформа местного суда в либеральном законотворчестве начала XX века // История государства и права. – 2014. № 9. С. 20-24.
  23. *Горская Н.И.* Земство и мировой суд в России: законодательство и практика 60-80-х гг. XIX в. – М.-Смоленск, 2009. – 246 с.
  24. *Завадский А.В.* Об изменениях, внесённых Комиссией по судебным реформам Государственной Думы в проект министра юстиции о преобразовании местного суда. Доклад Юридическому обществу при Императорском Казанском университете 25 марта 1909 г. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909. – 23 с.
  25. *Захаров В.В.* Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации (историко-правовое исследование). – Курск: Изд-во КГУ, 2008. – 344 с.
  26. *Земцов Л.И.* Законопроект о местном суде в Государственной думе второго созыва (1907) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. № 3. С. 50-57.
  27. *Сорокин А.А.* Консервативные круги Российской империи и вопрос о реформе местного суда в начале XX века: новый подход к проблеме // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 24 апреля 2013 г. – Ниж. Новгород: НГТУ, 2013. С. 150-154.

28. *Терентьев Р.В.* Реформа местного суда в России в начале XX в.: Историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 206 с.

Shchedrina Yu. V.

Questions of normative regulation of the property qualification for candidates for magistrates in legislative activity of Russia during 1906-1912

The article is devoted to a detailed analysis of the debate about the fate of the property qualification for candidates for magistrates at different stages of the legislative process with the consideration of the bill on the transformation of the local court. On the basis of a broad source base, a comparison of the Commission's position on the reform of the judiciary in the State Duma of the second and third convocations is given, the difference in the views of deputies at the problem posed according to their political beliefs is traced. The explicit conservatism of the Council of State in comparison with the State Duma is noted. This was distinctly shown at discussions about the fate of the property qualification. It is concluded that the issues of normative securing of property qualifications for justices of the peace have been the subject of active struggle in the supreme bodies of state power of the Russian Empire. Aware of the negative impact which was exerted by this type of qualification on regular personnel in some cases, the government has been forced to save this type of qualification due to a whole range of reasons.

Keywords: judicial reform, local court, the Magistrate's Court, reform of the local court, the property qualification, the State Duma, Council of State, Ministry of Justice, I.V. Hesen, I.G. Shcheglovitov.

Азаров В.А.

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ: ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ¹

Рассматриваются исторические предпосылки и препятствия формирования института судебного контроля в уголовном процессе России. Выявлены закономерности появления очертаний поименованного института в Киевской Руси периода договоров с Византией, дан анализ оформления его элементов в Русском феодальном государстве. Обсуждаются основы становления судебного контроля в Московском княжестве и в последующий исторический период. Показаны особенности функционирования судебного контроля в мировой юстиции России в пореформенный период XIX столетия.

Ключевые слова: судебный контроль, мировая юстиция, судебная реформа, либерализация уголовного процесса, размежевание ветвей власти.

История повторяется. Это известное из философии суждение подтверждается обращением к истокам русского уголовного процесса, становлению и развитию его основных институтов при одновременном «проецировании» имевших место в ретроспективе тенденций на сегодняшние реалии в законодательной, правоприменительной и доктринальной сферах российского уголовного судопроизводства. Несмотря на забвение в известные исторические периоды развития государства и права России отдельных уголовно-процессуальных понятий, положений и даже институтов и теорий, ныне можно наблюдать их возрождение в обновленном (а то и в идентичном изначальному, но просто «забытом») виде.

В связи с этим мы критически оцениваем высказывание профессора Н.Н. Полянского о том, что «слом старых судебных учреждений повлек за собой и крушение дореволюционной буржуазной науки о суде... Как старый суд, так и старая наука о суде канули в прошлое».² Анализ современного состояния теории российского уголовного процесса показывает, что ряд ее концепций прошлого века, временно «демонтированных» (но не «сломанных» и не канувших в Лету), находят своё место в системе науки. Примерами могут служить теории «судебного права», «уголовного иска», «процесса как системы гарантий личности» и др. То же самое можно сказать и о возрождении в рамках действующего уголовно-процессуального закона ряда нормативных положений классического русского уголовного процесса.

Данная оценка имеет непосредственное отношение к предмету нашего научного интереса – функции судебного контроля в российском уголовном процессе. Исторический подход в изучении этого правового явления, на наш взгляд, позволит более глубоко проникнуть в его сущность, объяснить условия и причины его

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского госуниверситета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист РФ.

¹ Впервые опубликовано: *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Монография. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 14-36.

² *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. С. 6.

долговременного пребывания «в небытии», основания имеющих место попыток законодательной «реанимации», возможные пути и перспективы развития в нынешней ситуации кардинального реформирования экономических, политических, социальных и правовых устоев российского государства. Определенные элементы судебного контроля нарождались и уходили из уголовно-процессуальной сферы по мере развития и изменения институтов, составляющих основу российской государственности, с укреплением которой формировались и закреплялись в нормативных актах начала судопроизводства по уголовным делам.

История русского уголовного процесса неразрывно связана с историей русского государства, возникновение которого специалисты относят к VIII–IX вв.¹ Сохранилось немного документальных источников о судопроизводстве в Киевской Руси периода договоров с Византией (911 г. и 944 г.), однако имеющиеся в распоряжении исследователей свидетельства повествуют об активном вмешательстве государственной власти в отправлении правосудия и решение «судебно-процедурных» вопросов, ранее регулировавшихся родовыми обычаями, и о наличии суда как органа государственной власти уже в X веке.² Вместе с тем в то время власть отправляла одновременно и судебные, и административные функции, поскольку это был «либо суд самого князя, о чём постоянно указывают светские и церковные источники, либо суд поставленных князем (выделено нами – В.А.) судей...».³

Обозначенный нами акцент не случаен – ведь российская уголовно-процессуальная наука, зародившаяся лишь в XIX веке⁴ и получившая импульс с проведением в России буржуазных реформ 60-х годов XIX века, однозначно и бесспорно связывает возможность судебного контроля при осуществлении судопроизводства с безусловным отделением административной власти от судебной. В частности, профессор И.В. Михайловский ещё в начале XX века указывал, что предназначением суда является вовсе не борьба с преступностью и не поддержание интересов власти, а «разрешение спора между государством, предъявляющим обвинение и доказывающим существование в каждом данном случае своего карательного права, и личностью», при этом суд, по мнению автора, обязан оставаться «беспристрастным, спокойным, разумным, и могущественным контролером (выделено нами – В.А.) ... представляющим гражданину надежное ручательство, что перед его субъективным правом должно с уважением остановиться все государство».⁵ Последовательным сторонником идеи размежевания исполнительной (административной) и судебной власти как основы обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе являлся и профессор П.И. Люблинский, который указывал: «Взгляд на суд, как на посредника, сдерживающего произвол исполнительной власти в отношении прав гра-

¹ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953. С. 517; Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М.: Академия Наук СССР, 1948. С. 97-98.

² Подробнее см.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб., 1995. С. 626-627.

³ Там же. С. 627.

⁴ О становлении российской уголовно-процессуальной доктрины см.: Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов. 1864-1914). – М., 1914. С. 110; Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 6; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 813-825.

⁵ Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905. С. 89, 94.

ждан, лежит в основании всей теории правового государства. Так как в уголовном процессе исполнительная власть представлена в виде обвинения, то естественно, что посредническая роль суда находит свое применение и между сторонами».¹

В Киевской Руси VIII–IX вв., наряду с княжескими судами, действовали «вотчинные суды» крупных землевладельцев-бояр и суды церкви. Содержание сборника княжеских законов – Русской Правды, состоявшей из несистематизированных норм и судебных прецедентов², показывает, что в руках князя, боярина-землеладельца или митрополита, игумна (высших церковных иерархов) была сосредоточена административная и судебная власть, что, естественно, исключало какой-либо контроль за действиями и решениями в сфере судопроизводства. В рамках осуществления судебной власти вершилось разбирательство дел. При этом процесс, инициируемый перед судьей потерпевшим, носил обвинительный характер³, а его сердцевиной служило притязание о восстановлении нарушенного права, составлявшее, на наш взгляд, не что иное, как прообраз «уголовного иска» в судопроизводстве. Бесконтрольная административно-судебная власть этого периода усугублялась наличием в обвинительном процессе элементов розыска по делам о преступлениях против всеилия князя или русской православной церкви.⁴

В XIII–XV вв. по мере развития Русского феодального государства изменялись и формы суда и уголовного процесса. Основным законом, определявшим ход процесса, всё ещё оставалась Русская Правда, наряду с ней появлялись новые указы и Уставные грамоты великих князей Московских, пытавшихся объединить раздробленные земли в единое государство. В княжеских указах ужесточались репрессии за наиболее тяжкие преступления, соответственно изменялись как роль суда, так и существо процессуальных форм судопроизводства. Обвинительный процесс с ростом потребности в государственной централизации все более вытеснялся розыскным, способным вносить существенную лепту в объединение и укрепление Московского государства. Суд в розыском процессе, в отличие от обвинительного, уже не был сторонним наблюдателем, но и сам активно участвовал в разбирательстве, осуществлял поиск доказательств, исследовал интересующие его обстоятельства. В задачи суда в условиях розыского процесса входит «установление события преступления и его виновника, и преследование обвиняемого, и всестороннее расследование дела, и его разрешение по букве закона».⁵ При таком совмещении в одних руках функций розыска (обвинения), исследования искомых обстоятельств и разрешения дела по существу в юридической конструкции форм уголовного про-

---

¹ Люблинский П.И. Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение // Журнал Министерства Юстиции. – 1917. № 1. С. 263.

² См.: Русская Правда // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1. С. 75–219.

³ Об обвинительном характере уголовного процесса эпохи раннего феодализма Киевской Руси подробнее см.: Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. – М., 1915. Т. 2. С. 50; Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 22–24; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 634, 637, 641.

⁴ Исторические примеры розыскных действий в уголовном процессе Киевской Руси в XI в. см.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. Ч. 1. С. 522, 526; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 644, 646.

⁵ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 25.

цесса, естественно, не остается места никакому контролю действий и решений лиц, осуществляющих судопроизводство. Тем более, что все административные и судебные функции на подчиненных территориях в то время были полностью сосредоточены в руках феодальных владельцев – духовных или светских.

В конце XV века великое княжество Московское объединило под своей властью самостоятельные феодальные земли, что сопровождалось укреплением административно-судебных органов, подчиненных непосредственно великому князю и его боярскому совету. В 1497 году в Москве издается Судебник (Законы великого князя Иоанна Васильевича), имеющий значение первого свода законов общерусского права централизованного государства.¹ В Судебнике 1497 г. по делам о наиболее опасных для власти преступлениях существенно расширяется поле деятельности розыскного процесса, кроме того, дается регламентация элементов розыска: задержания обвиняемых, выдвижения обвинения, применения пыток, осуществления обысков. Наряду с этим, Судебник сохраняет обвинительную форму процесса по иным уголовным делам.²

Административно-судебная реформа середины XV века являлась очередной ступенью централизации суда и управления, а в царствование Ивана IV был издан в 1550 году более полный Судебник. Реорганизация судов привела к созданию инстанционности, т.е. ступенчатости прохождения некоторых дел: через суд местный, суд приказов и суд Боярской Думы. Лично царь судил высших представителей власти и крупных феодалов. Дифференциация форм уголовного судопроизводства (обвинительный и розыскной процессы) потерпела ещё больший «крен» в сторону розыскного процесса³ притом, что главным (применительно к предмету нашего внимания) оставалось соединение административной и судебной власти в одних ведомствах на всех ступенях государственного управления. Такой «конгломерат», замешанный на единстве двух самостоятельных направлений осуществления государственной власти, упрощал управление государством, но служил главной препоной либерализации уголовного судопроизводства и появления в нём прогрессивных институтов, включая рассматриваемый нами феномен судебного контроля в уголовном процессе.

Тенденция к расширению розыскного начала в уголовном процессе сохранилась и в конце XVI – начале XVII вв. Издание в 1649 году Соборного Уложения, вобравшего в себя Судебники и последующий российский законодательный материал, а также ряд иноземных источников (например, Византийские законы, Литовский статут и др.)⁴, не остановило данную тенденцию. Характернейшей чертой настоящего Уложения (с позиций предмета нашего научного интереса) является сохранение в нём законов, регулирующих, наряду с административными и государственно-властными, судоустройственными и судопроизводственными вопросы. Приме-

---

¹ Подробнее см.: *Юшков С.В.* История государства и права СССР. – М., 1947. Ч. 1. С. 176-179; *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 655-656.

² См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 659-660.

³ См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 666-669.

⁴ Подробно о составляющих и содержании Соборного Уложения см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов-на/Д, 1995. С. 224-238; *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 672-674.

чателен и адресат правоприменителя – Уложение предназначалось для использования Боярской Думе, воеводам и губным старостам, наделенным вместе с административными и судебными полномочиями.

Эпоха правления Петра Великого характеризуется расцветом и укреплением феодального абсолютистского государства. Реализуя на практике свою идею «неограниченной и просвещенной монархии», царь Пётр в области уголовно-процессуального законодательства издал множество указов, регламентов, действовавших наряду с Уложением, но еще более усиливших розыскной характер процесса.¹ Вместе с тем именно Петру Великому принадлежит в истории России первая попытка размежевания судебной и административной ветвей государственной власти, что открывало возможности для зарождения в недрах уголовного процесса элементов контроля судебной власти над исполнительной. Указом царя Петра от 22 февраля 1711 г. был образован Правительствующий Сенат, в составе которого учреждена Юстиц-коллегия, т.е. «прообраз» органа судебного контроля, обладавшая правом проверки жалоб, а также донесений фискалов² о неправосудных решениях, злоупотреблениях и нарушениях, имевших место в низших – провинциальных, единоличных городских или надворных судах. Но реализация отделения административной власти от судебной и установления контроля последней натолкнулась на жёсткое сопротивление губернаторов, воевод и других представителей чиновничьей власти³, что повлекло сначала фактическую утрату самостоятельности судебной власти, а вскоре после смерти Петра I – отмену системы самостоятельных судов и возвращение их функций административным органам.⁴

Следующей попыткой формальной либерализации уголовного судопроизводства России стала административно-судебная реформа 1775 года Екатерины II. После разгрома крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачева были изданы «Учреждения для управления губерний», которыми вводилась система сословных судов для дворянства, купечества и государственных крестьян.⁵ По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, в названных «Учреждениях» делается серьёзный шаг в направлении усиления судебной власти и освобождения её от административной опеки⁶, хотя не все исследователи согласны с данной оценкой.⁷ Однако заслуживает нашего внимания глава 27 «Учреждений», посвященная деятельно-

¹ Ликвидацию на том историческом этапе обвинительного процесса и замену его розыскным оформил известный Указ царя от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах». – См.: *Памятники русского права.* – М., 1961. Вып. 8. С. 571-573.

² Должностные лица, осуществлявшие тайный и явный надзор за деятельностью государственных, в том числе судебных, органов.

³ Подробнее см.: *Готье Ю.* Отделение судебной власти от административной // *Судебная реформа* / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. – М., 1915. Т. 1. С. 189.

⁴ См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 702-704.

⁵ Принцип сословности, по словам Н.Н. Полянского, получил в царствование Екатерины II своё предельное развитие, он проходил красной нитью через всю систему судебных органов и находил наиболее полное отражение в порядке судопроизводства. См.: *Полянский Н.Н.* Указ. соч. С. 240.

⁶ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ соч. С. 268.

⁷ См., напр.: *Блинов И.* Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 г. // *Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет.* – Пг., 1914. Т. I. С. 6; *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. I. С. 422; *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 724.

сти губернской прокуратуры, где в ст.406 стряпчему (помощнику прокурора) предписывалось в указанных случаях просить суд провести следствие по делу, а также издать распоряжение об аресте обвиняемого в совершении преступления.¹

Не менее интересна и ст. 401 «Учреждений», предоставившая суду право контролировать законность и обоснованность содержания под стражей арестованного, подавшего в суд прошение о том, что он «содержится в тюрьме более трёх дней, и в те дни ему не объявлено, за что содержится в тюрьме, или что он в те три дня не допрошен». Суд при наличии названных в законе условий, удовлетворив прошение арестованного, вправе был его из тюрьмы освободить, а судебное повеление соответствующим административным органам надлежало исполнить в данном случае, «не мешкая ни часа, где получены будут»², т.е. немедленно по получении. Подобные взаимоотношения суда с другими государственными органами, при их достаточном количестве, и создают качественно иные свойства судебной власти – её полноту и самостоятельность, позволяющие после их узаконения контролировать деятельность исполнительных органов в судопроизводстве. К сожалению, других примеров аналогичного характера в «Учреждениях» нам обнаружить не удалось. Хотя подобные вопросы «законодателю» той поры были поставлены современником Екатерины II – А.Н. Радищевым, ратовавшим за существенное расширение полномочий суда по контролю за законностью и обоснованностью применения принудительных мер к участникам уголовного процесса соответствующими административными органами.³

Последняя четверть XVIII и начало XIX вв. характеризовались разложением феодалных отношений в России, кризисом крепостнической системы хозяйства. Область судоустройства и судопроизводства в тот период не претерпела заметных изменений, хотя появился составленный М.М. Сперанским Свод законов Российской Империи 1832 г.⁴, том 15 которого посвящен уголовному праву и процессу⁵, а на базе «Свода законов» в 1845 г. издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, действовавшее фактически до 1917 года. По «Своду законов» производство уголовных дел состояло из трёх частей: следствия, суда и исполнения приговора. Предварительное следствие, производимое, как правило, полицией, оценивалось А.Ф. Кони как «безотчётный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков».⁶ Но вместе с тем, исходя из содержания «Свода законов» (часть «О судопроизводстве по преступлениям»), суд все-таки мог кос-

---

¹ См.: Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1987. Т. 5. С. 283.

² Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1987. Т. 5. С. 276-277.

³ См.: *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. – М.-Л.: АН СССР, 1952. Т. 3. С. 13-14.

⁴ Проведенную «систематизацию» А.Ф. Кони рассматривал как «бессвязное собрание самых разновременных постановлений, механически сливавших воедино Уложение царя Алексея Михайловича, указы Петра и, как выразился в 1835 году Государственный Совет, «виды правительства», обнаруженные в 1784, 1796, 1823 годах». – См.: *Кони А.Ф.* История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Собр. соч. – М., 1967. Т. 4. С. 320.

⁵ Оценку содержания обеих книг 15 тома «Свода законов» см.: *Полянский Н.Н.* Указ. соч. С. 237.

⁶ *Кони А.Ф.* Введение к «Систематическому комментарию к Уставу уголовного судопроизводства» / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1914. С. 5.

венно проконтролировать качество следствия: во-первых, когда были основания полагать о пристрастных допросах и других неправильных действиях в отношении обвиняемого; во-вторых, ввиду крайней неполноты следствия. В первом случае суд передопрашивал (вопреки общему порядку рассмотрения дела) обвиняемого, во втором – предписывал полиции устранить пробелы доследованием.¹

Известному усилению судебной власти, её обособлению от административной, т.е. созданию реальных возможностей для контроля суда над последней, содействовало внедрение в «Уложение о наказаниях» ст.ст. 460–463, отдававших на усмотрение суда вопрос о привлечении к дисциплинарной или административной ответственности государственных чиновников, допустивших при расследовании преступлений нарушения сроков допроса арестованных (ст. 460), волокиту (ст. 461), незаконные методы допросов обвиняемого или свидетелей (ст. 462).² Время правления Петра Великого отличается в истории российского уголовного процесса формированием оснований для появления первых элементов судебного контроля. Попытка Петра I разделить административную и судебную ветви государственной власти заложила фундамент для создания юридических средств проверки судом законности применения к субъектам производства по уголовному делу мер процессуального принуждения.

В России к середине XIX в. назрел кризис феодально-крепостнического строя, поворачивая страну в направлении буржуазно-демократических преобразований. Поражение в Крымской войне, неустойчивые формы хозяйства, масштабные крестьянские волнения подвинули императора Александра II к пониманию того, что «лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»³, следствием чего явились крупные шаги по преобразованию феодальной монархии в буржуазную, в частности, реформы 60-х гг. XIX века (крестьянская, земская, городская, военная и судебная). Несмотря на то, что преобразования осуществлялись в условиях противостояния либералов, видевших образец для России на Западе, и консерваторов, обращавших взоры к историческому прошлому Отечества, судебная реформа характеризуется как самая буржуазная из всех реформ того времени.⁴ В рамках судебной реформы были изданы четыре основополагающих нормативных акта: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», утвержденные 20 ноября 1864 года указом Александра II.⁵ В Указе император провозгласил в области уголовного судопроизводства цель «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших,

---

¹ Подробнее см.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 738–739.

² См.: *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных* от 15 августа 1845 года // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1988. Т. 6. С. 160–309.

³ *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полное собр. соч. – М., 1973. Т. 20. С. 173.

⁴ См.: *Судебная реформа* // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. Т. 8. С. 5.

⁵ Текст перечисленных «Уставов», публикуемый по первому официальному изданию «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года», см.: *Судебная реформа* // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. Т. 8. – 496 с.

возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность»¹ (выделено нами – *В.А.*).

В специальной литературе советского периода часто встречается критическое, порой даже негативное отношение исследователей судебной реформы 1864 г.² к её содержанию, однако, по нашему мнению, поставленная указом Александра II цель во многом была достигнута с введением в действие принятых Уставов. В частности, столь интересующие нас, с рассматриваемой точки зрения, «возвышение и надлежащая самостоятельность судебной власти» были реально осуществлены за счёт внедрения в «Уставы» законоположений об отделении, в том числе в области управления судами, административной власти от судебной, о наказании за преступления исключительно «ведомствами судебных мест», постановлении приговора не иначе как по внутреннему убеждению судей и на основе совокупности обнаруженных на следствии и представленных в суд доказательств. Безусловно, способствовали утверждению полноты и самостоятельности судебной власти отмена внедрённой в дореформенное законодательство теории формальных доказательств, института «оставления в подозрении», введение суда присяжных, демократических правил о подсудности, инстанционности, института мировых судей. Весьма действенными гарантиями независимости нового суда явились прочность судейских должностей и равенство судей (ст.ст. 66, 71, 237, 239 Учреждения судебных установлений – далее УСУ); несменяемость судей и несовместимость судейской службы с другими должностями и профессиями (ст.ст. 42, 72, 243, 246 УСУ); порядок надзора за судьями и принцип их ответственности: только перед вышестоящими судебными местами (ст.ст. 64, 76, 249, 250, 254 УСУ); условия их поощрения, награждения и изъятие из общего режима чиновничества (ст.ст. 71, 239-242 УСУ).

Перечисленные предписания упомянутых законов, дававшие реальную силу, независимость и полноту судебной власти, в совокупности формировали систему нормативных условий для построения фундамента института (и соответствующей ему функции) судебного контроля в уголовном процессе России. И на этом фундаменте, как представляется, был выстроен достаточно гармоничный, органически согласованный с иными элементами нового судоустройства и судопроизводства России вышеназванный уголовно-процессуальный институт, определивший очертания одноименной функции. Изучая судебный контроль, мы основывались на закреплённом в Судебных уставах общем порядке производства, изъятия из него и особые процедуры расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел исследовались лишь в той мере, в какой они касались предмета нашего интереса.

Институт судебного контроля, как показывает анализ содержания «Уставов», будучи в большей степени явлением процессуально-правовым, все же включал в себя и судоустройственные начала, например, возможности суда контролировать ход процесса и деятельность причастных к уголовному производству лиц и органов в большой мере содействовали изъятию предварительного расследования из

---

¹ Указ императора Александра II Правительствующему Сенату // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. С. 28.

² Подробнее см.: *Виленский Б.В., Чистяков О.И.* Введение // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. С. 6.

юрисдикции полиции и передача его судебным следователям (ст. 6 УСУ). Уже сам факт включения следователей в судебное ведомство (с организационным и процессуальным подчинением последнему) делал их подотчётными и подконтрольными суду. Придание предварительному следствию характера судебной деятельности с одновременным возложением на прокурора функции уголовного преследования снижали вероятность обвинительного уклона и расширяли возможности судебной проверки законности и обоснованности действий и решений следователя. Судебные следователи, состоя в назначенных для каждого из них участках, считались членами окружного суда и в отдельных случаях, например, при недостатке присутствия судейского корпуса, могли призываться для выполнения обязанностей судьи, но лишь только по тем уголовным делам, по которым они не производили следствия (ст.ст. 79, 146-147 УСУ). Основные принципы деятельности судебных следователей были разработаны одним из «отцов судебной реформы» Н.И. Стояновским, лично подготовившим по следственной части три законодательных акта «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания», утвержденных 8 июня 1860 года царём и практически полностью включенных в Устав уголовного судопроизводства (УУС).¹

В немалой степени становлению института судебного контроля способствовала организация прокуратуры (как и адвокатуры, т.е. «присяжных поверенных») при судебных местах (ст.ст. 8, 353 УСУ), что подчёркивало, наряду с главенствующей ролью суда, принадлежность таких субъектов процесса, как прокурор и адвокат «к судебному ведомству в широком смысле слова»² и заставляло их действовать в неразрывной связи с судом.

Результатом Судебной реформы явилось создание в рамках судов общей юрисдикции двух параллельно действовавших ветвей судебной власти – судов мировых и судов общих (ст. 1 УСУ), рассматривавших в России основную массу уголовных дел. Наряду с названными, существовали и определявшиеся «особыми постановлениями» духовные, военные, коммерческие и крестьянские суды (ст. 2 УСУ). В зависимости от принадлежности к той или иной ветви судебной власти отличались принципы устройства, организации деятельности, процессуальные формы отправления правосудия в мировых и общих судах. Эти особенности определяли и специфику судебного контроля, осуществляемого в уголовном процессе мировыми судами.

Наибольший интерес, исходя из значимости данных социальных благ для отдельного гражданина, представляют положения Устава уголовного судопроизводства, регламентировавшие контроль мирового судьи за законностью и обоснованностью ограничения личной свободы и неприкосновенности участников уголовного производства лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Указанный «Устав» содержал аналоги сегодняшним российским уголовно-процессуальным институтам: задержания подозреваемого в совершении преступления и избрания меры пресечения – заключения под стражу, наиболее существенно затрагивавшим при их применении свободу и неприкосновенность личности. Но если избрание меры пресечения – заключения под стражу было прямо предусмотрено п. 2 ст. 77 и п. 6

---

¹ Подробнее см.: *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. С. 100-102.

² *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 761.

ст. 416 УУС, то институт задержания подозреваемого представлен в УУС косвенно – посредством регламентации правил осуществления принудительного привода лица, совершившего преступление. В частности, ст. 51 УУС гласила: «При сообщении мировому судье о преступном действии обвиняемый (хотя фактически, исходя из содержания статьи и контекста, здесь речь идет о подозреваемом – В.А.) может быть приведен (выделено нами – В.А.) в следующих случаях:

1. Когда застигнутый при совершении проступка неизвестен полиции и не представит удостоверения о своем имени, фамилии и месте жительства; и:

2. Когда по делам о преступных действиях, за которые в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, есть повод опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступного действия».

Говоря о «приводе» совершившего преступление лица, закон фактически имел в виду задержание или предварительный полицейский арест подозреваемого. Таким образом, вследствие слабой законодательной проработки данной статьи произошло произвольное смешение двух самостоятельных процессуальных институтов – принудительного привода (форма ст. 51 УУС) и задержания подозреваемого (фактическое содержание ст. 51 УУС). Данная ситуация сделала названную статью «нерабочей», плохо применяемой на практике, поскольку оставалось неясно, каковы последствия привода, его сроки, как надлежит поступить с приведенным мировому судье и т.п.¹ Полиция была вынуждена пользоваться в случаях необходимости принудительного привода предписаниями ст.ст. 256 и 257 УУС, регламентирующих тождественные отношения полиции и судебных следователей, действие которых в силу ст. 118 УУС о применении аналогии закона мировыми судьями распространялось и на мировые судебные установления.

На острую практическую потребность устранения пробелов и совершенствования института задержания подозреваемого² законодатель отреагировал лишь через 48 лет после утверждения Судебных Уставов. Законом от 15 июня 1912 г. была изменена редакция ст. 51 УУС, в ней, наряду с приводом, теперь указывалось и на задержание, а также введены ст.ст. 51¹ и 51², установившие прямой контроль мирового судьи за законностью и обоснованностью задержания полицией подозреваемого в совершении преступления. Так, лица, задержанные на основании ст. 51 УУС, должны быть в течение 24 часов или освобождены, или доставлены к мировому судье. Продление установленного законом срока задержания (24 часа) разрешалось, насколько это было необходимо по местным условиям, исходя из отдаленности места задержания подозреваемого от мирового судьи (ст. 51¹ УУС), который обязывался не позднее 24 часов по доставлении к нему задержанного опросить последнего и постановить определение об освобождении его из-под стражи или о дальнейшем задержании (ст. 51² УУС) либо избрать ему иную меру пресечения (ст. 77 УУС).

---

¹ См.: Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1914. С. 248.

² На этом настаивали П.И. Люблинский и П.И. Новгородцев. – См.: Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 249, 252.

Таким образом, несмотря на неясности, пробелы, недостаточное согласование с остальными статьями УУС¹, в литературе тех лет введение судебного контроля за применением полицией задержания (предварительного ареста) подозреваемого в совершении преступления оценивалось положительно.²

Мировой судья, исходя из содержания ст. 77 УУС, в целях воспрепятствования уклонению обвиняемого от суда вправе был избрать ему мерой пресечения содержание под стражей – «личное задержание». Решение судьи о лишении свободы до постановления приговора оформлялось протоколом, в нём указывались время задержания, сведения о лице и преступлении, в котором оно обвиняется (ст. 84 УУС). Вместе с тем закон не требовал приведения мировым судьей оснований для избрания самой строгой меры пресечения, что вызывало недоумение комментаторов данной статьи³, тем более что п. 4 ст. 430 УУС прямо предписывал указывать их.

Выявленный пробел, имевшийся в ст. 84 УУС, важен с точки зрения сужения возможностей проверки решения мирового судьи об аресте со стороны вышестоящей судебной инстанции – съезда мировых судей. Статьи 152-154 УУС допускали контроль мирового съезда за законностью и обоснованностью решения судьи об аресте, причём при наличии жалобы арестованного мировой судья обязывался представить её съезду вместе со своими объяснениями в течение суток (ст. 154 УУС). Однако эффективность судебного контроля «второго уровня» – со стороны мирового съезда за законностью ареста существенно снижалась, поскольку «для инстанции, рассматривающей эту жалобу, должна иметься возможность обсудить соображения, на которых покоится постановление судьи; при отсутствии же каких-либо указаний на мотивы она лишена возможности сделать это».⁴

Серьёзные основания для «включения» процедуры контроля со стороны мирового судьи (как и иных судей в пределах своего округа) имелись в ст. 10 УУС, обязывавшей судью, до сведения которого дошло, что на его участке кто-либо содержится под стражей «без постановления уполномоченных на то мест и лиц» (т.е. произвольно или незаконно), «немедленно освободить неправильно лишённого свободы». В этой связи Общее собрание кассационных департаментов Правительствующего Сената разъяснило, что ст. 10 УУС не ограничивает деятельности судей относительно исполнения этой обязанности установленными местами заключения, а определяет круг этой деятельности пределами того участка или округа, в котором судья состоит. «В этом законе (ст. 10 УУС – В.А.) о местах заключения вовсе не упоминается, потому что он постановлен именно с целью оградить от произвола вообще личную свободу каждого (выделено нами – В.А.), независимо от того, будет ли произвольное лишение свободы осуществлено задержанием в установленном

---

¹ Указывалось, в частности, на отсутствие санкций за нарушение сроков доставления к судье и опроса задержанного; несоответствие новшеств ст. 257 УУС, предоставлявшей полиции право бесконтрольно и бессрочно задерживать подозреваемых в более серьезных преступлениях, и т.д. – См.: Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 251-252.

² См.: *Люблинский П.И.* Суд и права личности // Судебная реформа / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. – М., 1915. Т. 2. С. 25; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. С. 364.

³ См.: Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 305-306.

⁴ См.: Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 306.

месте заключения или в ином каком-либо помещении, например, на станции железной дороги и т.п.».¹

Юрисдикция мирового судьи по контролю за законностью ограничения личной свободы граждан, как разъяснил Правительствующий Сенат (в лице Общего собрания кассационных департаментов), распространялась в пределах участка, в котором состоял конкретный судья. Вместе с тем в ст. 10 УУС речь идёт о единственном основании судебного контроля – отсутствии соответствующего постановления об аресте. Если же такое постановление имелось в наличии, то «судья не вправе контролировать правильность ни самого постановления, ни самоличности арестованного. Если же ему будет заявлено, что вместо лица, подлежащего аресту, задержано другое лицо, то он может сообщить подлежащей власти об этом обстоятельстве для производства расследования и прокурору для ограждения прав задержанного лица».² Приведённое толкование объема полномочий мирового судьи по контролю за «правильностью ареста» резко сужало поле его деятельности, снижая эффективность установленной в законе гарантии свободы и личной неприкосновенности граждан.

Наряду с контролем мировых судебных установлений за ограничением при производстве по уголовному делу личной свободы и неприкосновенности участников процесса, «Уставы» 1864 г. вводили ещё одну разновидность судебного контроля – проверку мировым судьёй хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности полиции в связи с раскрытием преступления, розыском совершивших его лиц и выполнением обязанностей, возлагаемых на нее в уголовном процессе. Для реализации функции контроля этого направления деятельности полиции закон не только наделил мирового судью правом при недостаточности доказательств, подтверждающих обвинение, поручать местной полиции сбор необходимых по делу сведений (ст.ст. 47, 74 УУС); осуществлять «розыскание» требуемых улик и скрывшихся лиц (ст.ст. 48, 52 УУС); принудительно приводить последних (ст. 51 УУС) или доставлять искомым лицам повестку (ст. 56 УУС) и т.д., но и предоставил ему полномочия по проверке существа и результатов уголовно-процессуальной деятельности полиции. В частности, итоги выполнения судьей поручения о розыске полиция обязана была «представить мировому судье» (ст. 48 УУС), о выявлении сведений, имеющих отношение к делу, «полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье» (ст. 49 УУС). Статьями 105-106 УУС предписывалось право судьи в перечисленных там случаях поручать полиции осуществление осмотров, обысков, освидетельствований, а при малейших сомнениях в достоверности их результатов «мировой судья обязан проверить эти действия лично» (ст. 107 УУС). Содержание ст. 144 УУС показывает, что поскольку эти действия по поручению судьи уже проведены полицией, судья при необходимости мог проконтролировать их результаты по составленным чинами полиции протоколам.

---

¹ Алфавитный указатель вопросов, разрешенных Уголовным кассационным и Общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената 1878-1888 гг. / Сост. Г.И. Трахтенберг. Изд-е 4.- СПб., 1889. С. 3. П. 12.

² Разъяснение Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената // Алфавитный указатель вопросов... С. 3. П. 13.

Подконтрольность полиции мировому судье в связи с производством по уголовному делу неоднократно особо подчеркивал Правительствующий Сенат, Общее собрание кассационных департаментов которого в решении по делу К. разъясняло, что, выполняя судебское поручение о вызове обвиняемого, полиция обязана его разыскать путём проверки собранных в месте его жительства данных и «препроводить повестки по тому указанию, которое будет признано ею более достоверным, а о своих распоряжениях довести до сведения судьи для наблюдения с его стороны» (выделено нами – *В.А.*).¹ Принимая по поручению судьи меры розыска свидетеля, полиция также была обязана произвести дознание о месте его пребывания и послать туда повестку, «уведомив о своем распоряжении суд для наблюдения со стороны последнего за своевременным вручением повестки» (выделено нами – *В.А.*).²

Понимая, что чины полиции «по службе» от суда независимы и подчиняются по административной линии министру внутренних дел, но, учитывая острую необходимость их подконтрольности (в уголовном процессе) мировым и общим судебным установлениям, законодатель закрепил в УУС нормативные условия, обеспечивающие эффективность контрольной функции суда. С этой целью в ст. 53 УУС указано: «В случае неисполнения полицией обязанностей, возложенных на неё по производству дел у мирового судьи, сему последнему предоставляется делать полицейским чинам предостережение, а о важных с их стороны упущениях сообщать прокурору или его товарищу».

Таким образом, в законе определены дисциплинарные полномочия³ мирового судьи по отношению к чинам полиции, позволявшие существенно повысить действенность и результативность судебного контроля за участием административной власти в уголовном процессе. Например, при недостатке судебных приставов исполнение лежащих на них обязанностей могло быть поручено судьей чинам полиции. По исполнению функций судебных приставов «чины полиции подчинены мировым судьям и председателям мировых судей (ст. 311 УСУ), которые могут объявлять им предостережения, а о важных упущениях сообщать прокурору».⁴

В мировых судебных местах по наиболее острым вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы участников процесса, Уставом уголовного судопроизводства был построен своего рода «двухступенчатый» судебный контроль. Для этого ст. 152 УУС допускалось заинтересованным лицам, права которых ущемлены, принесение частной жалобы «на медленность производства, на непринятие отзыва (т.е. жалобы – *В.А.*), на взятие обвиняемого под стражу», рассматривавшейся мировым съездом – второй судебной инстанцией для мировых судебных установлений.⁵

---

¹ Алфавитный указатель вопросов... С. 12, 132.

² Там же. С. 14.

³ То, что предостережение мирового судьи – мера дисциплинарного взыскания, очевидно из нижеследующего их перечня, приведенного в ст. 262 Раздела «О взысканиях дисциплинарных» (УСУ): «1) предостережение; 2) замечание; 3) выговор без внесения в послужной список; 4) вычет из жалования; 5) арест не более как на семь дней; 6) перемещение с высшей должности на низшую». – См.: Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. Т. 8. С. 60-61).

⁴ Решение Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената № 1879-31 // Алфавитный указатель вопросов... С. 24.

⁵ Законом от 15 июня 1912 г. (ст. 1003 Собрания Узаконовений) перечень случаев принесения частных жалоб на действия и решения мирового судьи был существенно расширен. – См.: Систематический

Жалобы на «медленность» мирового судьи (т.е. попросту волокиту) и на отказ в принятии отзыва подавались мировому съезду. Учитывая значимость обеспечения личной свободы и неприкосновенности лиц, подвергающихся уголовному преследованию, ст. 154 УУС закрепляла особый порядок контроля второй судебной инстанцией законности и обоснованности решений о заключении обвиняемого под стражу. Частная жалоба на это решение приносилась «самоу мировому судье, который обязан представить её в съезд вместе со своим объяснением *в течение суток* со времени получения». Обозначив курсивом в тексте статьи слова «в течение суток», законодатель, на наш взгляд, подчеркнул особое значение обеспечения быстроты реагирования судебного контроля (со стороны второй инстанции) за правоммерностью ограничения свободы лиц, подвергающихся уголовному преследованию. В этой связи Соединенное присутствие 1-го и кассационных департаментов Правительствующего Сената в решении от 17 мая 1879 г. разъяснило, что точное исполнение правила ст. 154 УУС относительно срока представления судьей жалобы на взятие под стражу строго обязательно, так как съезду таким образом даётся возможность «немедленно отменить постановление судьи; но из этого вовсе не следует, что жалоба, адресованная съезду и поданная судье после отбытия ареста может быть оставлена последним без движения и представлена в съезд лишь через два месяца».¹

В дальнейшем законодатель существенно уменьшил временные гарантии для обжалования мировому съезду решения судьи об аресте: вышеназванным законом от 15 июня 1912 г. из ст. 154 УУС было изъято требование об обязанности мирового судьи «в течение суток» представить поступившую на его действия (по ограничению личной свободы обвиняемого) жалобу и свои объяснения по инстанции, а для этого установлен 3-суточный срок. Данное изменение срока представления по инстанции жалобы на ограничение личной свободы не согласуется с требованиями ст. 499 УУС, предписывавшей поданную на лишение свободы жалобу с надлежащими объяснениями отправить по принадлежности «в течение суток». Отмеченная рассогласованность закона безосновательно ставила арестованного постановлением судебного следователя в привилегированное положение по сравнению с жалующимся на аналогичное решение мирового судьи.

Наряду с контролем законности и обоснованности решения об аресте обвиняемого, а также случаев допущенной волокиты со стороны судьи, мировой съезд обладал правом проверки результатов осуществленных мировым судьей (или по его поручению полицией) процессуальных действий – осмотра, исследования, допросов свидетелей и их оценок. Объективность судебного контроля «второго уровня» обеспечивалась устранением от проверки судьи, на действия и решения которого принесена жалоба (ст.ст. 160, 167 УУС). В данном случае, как разъяснил Правительствующий Сенат, контролю подлежали вопросы «о существе проверяемого

комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 367.

¹ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции.– СПб., 1913. С. 236.

процессуального действия, его полноте и соблюдении установленных для его производства законных форм».¹

Рассмотрев предпосылки и препятствия к зарождению судебного контроля в уголовном производстве Российского феодального государства до XVIII века, исследовав исторические условия формирования данного института при Петре I и его преемниках, а также в рамках судебной реформы 1864 года, мы выявили наиболее значимые характеристики применения обсуждаемого феномена мировой юстицией страны в дореволюционный период. Судебный контроль, в соответствии с УУС Российской Империи, осуществлялся и другой ветвью судебной власти – общими судебными местами, включавшими в себя такие звенья, как окружной суд, Судебные палаты и Правительствующий Сенат, действовавший в ранге органа верховной кассационной инстанции. Однако, этот «срез» судебного контроля нуждается в отдельном изучении, могущем быть реализованном в рамках самостоятельного исследования, ожидающего заинтересованных в этом юристов и историков.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Русская Правда // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1.
2. Указ царя от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // Памятники русского права. – М., 1961. Вып. 8.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1988. Т. 6.
4. Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков / Отв. ред. Б.В. Вилленский; под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8.
5. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции. – СПб., 1913.
6. Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1987. Т. 5.

Общая и специальная литература:

7. Алфавитный указатель вопросов, разрешенных Уголовным кассационным и Общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената 1878-1888 гг. / Сост. Г.И. Трахтенберг. Изд-е 4. – СПб., 1889.
8. Блинов И. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 г. // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Пг., 1914. Т. I.
9. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995.
10. *Готье Ю.* Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. – М., 1915. Т. 1.
11. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – М., 1953.
12. *Кони А.Ф.* Введение к «Систематическому комментарию к Уставу уголовного судопроизводства» / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1914.
13. *Кони А.Ф.* История развития уголовно-процессуального законодательства в России // *Кони А.Ф.* Собр. соч. – М., 1967. Т. 4.
14. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов. 1864-1914). – М., 1914.

---

¹ Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. С. 390-391.

15. *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полное собр. соч. – М., 1973. Т. 20.
16. *Люблинский П.И.* Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение // Журнал Министерства Юстиции. – 1917. № 1.
17. *Люблинский П.И.* Суд и права личности // Судебная реформа / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. Сб. статей. – М.: Статут, 2005. Т. 2.
18. *Михайловский И.В.* Основные принципы организации уголовного суда.– Томск, 1905.
19. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.
20. *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. – М.: АН СССР, 1952. Т. 3.
21. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916.
22. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. – М.: Академия Наук СССР, 1948.
23. Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1914.
24. *Сыромятников Б.И.* Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / Под ред. Н.Н. Полянского, Н.В. Давыдова. – М., 1915. Т. 2.
25. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб., 1995.
26. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. – М., 1947. Ч. 1.
27. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. Ч. 1.

Azarov V.A.

Institute of judicial review in the criminal trial of Russia: sources of origin and formation

This article describes the historical premise and obstacles the formation of the institute of judicial review in the criminal trial of Russia. It was possible to identify patterns of occurrence shape of the investigated institute in the Kievan Rus during period contracts with Byzantium, the analysis of formation of its elements in the Russian feudal state is given. The author discuss the bases of formation of judicial review in the Moscow principality and during the subsequent historical period. The features of the functioning of judicial control in the Russian Justice of the Peace during the post-reform period of the 19th century.

Keywords: judicial control, justice of peace, judicial reform, liberalization of the criminal process, division of branches of authority.

Никифоров С.М.

СЕЛЬСКИЙ СХОД КАК НИЗОВОЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСТРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье автором выявляются основные полномочия сельского схода, как первичного звена системы сельского самоуправления, анализируется порядок его организации и основные принципы деятельности по положениям Крестьянской реформы 1863 года.

Ключевые слова: сельский сход, крестьянское самоуправление, волостное управление, староста, хутор, двор, подворное землевладение.

Правовой статус сельского схода, в качестве самостоятельного субъекта правоотношений, а так же его должностных лиц, остается малоисследованной проблемой и по сегодняшний день. Согласно статье 689 Законов о состояниях сельские обыватели могли составлять по делам хозяйственным сельские общества.¹ Под сельскими обществами понимались «соединяемые в общества жители или сельские обыватели целого селения, или же нескольких мелких и по возможности смежных между собою поселков, хуторов, дворов и проч., пользующихся сообща или всеми, или несколькими угодьями, или же имеющие общие хозяйственные выгоды».² Сельские общества могли создаваться следующими категориями крестьян: из бывших крепостных, государственных крестьян, из дворцовых и удельных крестьян, колонистов, станичных казаков, евреев-земледельцев, чьи общества образовывались отдельно от обществ поселян других вероисповеданий.

Заведование общественными делами осуществлялось «миром» и избранными от него представителями. Порядок его организации и основные принципы деятельности были закреплены во второй главе особого приложения к IX тому свода законов «О сельском состоянии». Низовым звеном крестьянского управления был сельский сход. Участниками сельского схода могли быть только крестьяне-домохозяева, принадлежащие к составу сельского общества, или при их отсутствии замещающие их члены семьи с «многоотяглых дворов», разрешалось присутствовать двум или более представителям, в зависимости от местных обычаев, а так же выборных сельских должностных лиц.³ В компетенцию сельского схода входили: избрание сельского старосты и сельских должностных лиц, выборных для участия в волостном сходе, а также выбор лиц на замещение должностей сотских и десятских уездной полиции, в тех местностях, где была ведена уездная полицейская стража. Помимо этого, общества могли, если считали, что в этом есть необходимость, назначать «сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц;

Никифоров Сергей Михайлович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Самарского государственного экономического университета.

¹ Законы о состояниях. Ст. 680. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. Т. IX. С. 83 (далее: СЗРИ).

² Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 48 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 14.

³ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 57 // Там же. С. 16.

лесных и полевых сторожей; сельских писарей и т.п.». В примечании к ст. 62 п. 3 указывалось, что сельский сход мог решать вопросы об удалении из крестьянского общества тех членов, пребывание которых угрожает местному благосостоянию и безопасности.¹ Сельский сход на основании ст. 49, 61, 65 устава о Паспортах имел право отбирать паспортные книжки у крестьян имевших недоимки по сельским сборам.²

В ведении сельского схода находился очень обширный круг вопросов, крайне важных для крестьянской общины – это вопросы пользования общинной землей, раскладка казенных податей, воинская повинность, сбор податей и недоимок, семейные разделы, выход из общества и устранение отдельных домохозяев от участия в сходах сроком не более чем на три года, выделение из общинной земли участков и закрепление права личной собственности на них.³ Сельский сход имел право: «устанавливать систему полеводства, срок производства полевых работ, отдавать недоимщиков в рабочие на сторону, распоряжаться выдачей паспорта, подвергать своих членов телесным наказаниям».⁴ Помимо этого, сельский сход мог ходатайствовать о различных общинных нуждах, призрении неимущих, обучению детей грамоте. Через специально выбранных сельским сходом лиц крестьяне могли подавать жалобы и просьбы по «крестьянским делам», причём доверенность на «хождение по делам общественным» давалась от имени схода.⁵ В компетенции сельского схода находилось назначение опекунов и попечителей сиротам и проверка деятельности назначенных опекунов.⁶ По каждому сиротскому случаю заводилось особое дело, в котором находился приговор сельского схода о назначении опекуна, опись имущества опекаемых и результаты контроля за деятельностью опекуна. Дело заканчивалось по достижении малолетними совершеннолетия. Сход мог в интересах опекаемого разрешить продажу части его имущества. Так, при установлении опеки над имуществом и малолетними детьми – сиротами крестьянина В.А. Пестрикова, сельский сход дал разрешение опекуну продать дом, а вырученные деньги положить в сберегательную кассу до достижения наследником зрелости.⁷

Сельский староста, как глава сельского схода, должен был созывать сельский сход, следить за соблюдением на нем порядка, предлагать к рассмотрению вопросы, направленные на решение нужд сельского общества, выполнять его решения. Если проанализировать круг должностных обязанностей сельского старосты, закрепленных в ст. 74, то очень четко видно, что в основном это административно-хозяйственные функции, например: наблюдение за целостностью меж и межевых знаков, исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов, взносом крестьян

¹ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 62 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 17.

² Устав о паспортах. Ст. 49, 61, 65 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. XIV. С. 9.

³ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 51 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 16.

⁴ *Финогентова О.Е.* Развитие законодательного регулирования правового положения членов крестьянской общины и переселенческая политика в 1861-1900 гг. в России // История государства и права. – 2004. № 6. С. 76.

⁵ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 62 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 19, 18.

⁶ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 62 // Там же. С. 19, прим. 1; С. 18.

⁷ Государственный архив Самарской области. Ф. 265. Оп. 1. Д. 62. Л. 3 (далее: ГАСО).

янами окладных сборов, заведует мирским имуществом и мирскими капиталами, доводит до сведения сельских жителей распоряжения правительства, земских уставлений и следит за их исполнением и т.д. Но, помимо широкого круга полномочий, связанных непосредственно с исполнением обязанностей по управлению сельским сходом, на старосту согласно ст. 75 были возложены и достаточно обширные полицейские функции. В его обязанности входило: принятие мер по охране «благочиния, порядка и безопасности лиц и имущества от преступных действий», предварительное дознание и задержание виновных до прибытия полиции или судебного следователя, охрана от растраты имущества должников, задержание бродяг и беглых преступников и передачи их в руки полиции.¹ Староста обладал и небольшими судебными полномочиями: за маловажные проступки, совершенные подведомственными ему лицами, ему было предоставлено право наказания виновных назначением общественных работ до двух дней, денежным взысканием в пользу мирских сумм до одного рубля, или аресту на срок до двух дней². При этом, при столь широком круге должностных полномочий староста не был лицом полностью самостоятельным, он находился в подчинении у земского участкового начальника, мирового посредника, волостного старшины, полицейских чинов.

Жалование или иные виды содержания или вознаграждения для должностных лиц избранных сельским сходом, назначались по решению схода из специально собранных средств на мирские расходы, причем размер мирских сборов также устанавливался сходом.³ Сельский сход мог выступать в гражданском обороте от своего имени, так, он мог принять решение о создании ссудо-сберегательной кассы, при этом в постановлении сельского схода обязательно должно было быть указано, что сельское общество принимает на себя ответственность по всем последующим обязательствам данной кассы.⁴ Так, были открыты сберегательные кассы при волостных управлениях в Сибири, производящих почтовые операции.⁵ Крестьянский Поземельный банк, согласно ст. 16 мог выдавать ссуды целому «сельскому обществу (хотя бы оно состояло из нескольких селений или части одного большого селения)».⁶ Крестьянские сельские общества могли участвовать в казенных подрядах и поставках. Так, в Положении о казенных подрядах и поставках, в случае подряда крестьян на содержание почтовых станций, казаков по местным подрядам по военному ведомству⁷, при заключении подряда требовалось «круговое ручательство», выданное от общества.

---

¹ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 75 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 20.

² Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 79 // Там же. С. 21.

³ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 62 // Там же. С. 13, 15, 18.

⁴ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 62 // Там же. С. 20, прим. 3; С. 18.

⁵ *Финогентова О.Е.* Правовая политика российского правительства по развитию системы сберегательных учреждений в период 1862–1914 гг. // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. № 2. С. 249.

⁶ *Финогентова О.Е.* Правовое положение крестьянских поземельных товариществ в России и проблемы их взаимоотношений с Крестьянским поземельным банком // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы правосубъектности: современные интерпретации». Самара. Самарская Гуманитарная академия. 26–27 февраля 2004. – Самара, 2004. С. 156.

⁷ Положение о казенных подрядах и поставках. Ст. 80, п. 3, 5 // СЗРИ. – СПб., 1900. Т. X. Ч. I. С. 222.

Сельские сходы могли принимать решения об учреждении училищ, больниц, богаделен и содержании их за счёт собственных средств. Сохранились многочисленные решения сельских сходов об открытии школ. Так, Екатерининское волостное правление Самарского уезда Самарской губернии записало приговор Толстовского сельского схода о вводе в одноклассных школах 4-х годичного курса обучения.¹ Общество крестьян деревни Мордовский Кармалаки, приговором своим от 4 февраля 1896 г. постановило ходатайствовать пред земским собранием об открытии в их селении 2-х классного училища Министерства Народного просвещения с обязательством отвести под неё бесплатное дворовое место.² Сельское общество села Дубовый Умет вынесло приговор об открытии женского училища, обя-завшись оснастить созданную школу «всеми принадлежностями за счёт общества».³ Сохранилось письмо директора народных училищ Самарской Губернии от 4 января 1888 г. № 52, в котором он просит Екатерининское волостное правление Самарского уезда направить расписки учителей 2-х классного сельского училища в получении ими жалования за сентябрь⁴, а также циркуляр Самарской Уездной Земской управы Волостным правлениям от 4 декабря 1887 г. № 3771 «О том, какую сумму они обязуются уплачивать на удовлетворение следующих потребностей училищ: законоучители, отопление, освещение, ремонт здания, школьная мебель и проч. Всего на Екатерининскую школу на женское отделение 23 руб., на мужское отделение 182 руб.».⁵

Решения схода принимались большинством голосов, а при их равенстве принималось то решение, за которое голосовал староста. В ст. 66. были перечислены дела, для решения которых требовалось 2/3 голосов, это были вопросы, связанные с выходом из общинного и перехода к подворному землевладению. Специального письменного оформления решения схода не требовали, исключение составляли те вопросы, которые перечислялись в уже указанной выше ст. 66. Решения по этим вопросам должны были записываться в особую книгу. Но, несмотря на закрепленный в законе широкий круг вопросов, разрешенный к рассмотрению сельскому сходу, он не был полностью самостоятелен, очень большой круг вопросов необходимо было согласовывать с земскими участковыми начальниками. Это позволяет сделать вывод о том, что сельский сход, не смотря на большей объем полномочий, нельзя отнести к самостоятельным субъектам права.

Сельский сход являлся низовым звеном крестьянского самоуправления. Следующим звеном был волостной сход, который состоял из нескольких сельских обществ. Волость, представляемая волостным сходом, также имела право приобретения имущества, что, по мнению К.Н. Анненкова, А.С. Гольденвейзера свидетельствовало о том, что и волостной сход должен «быть признаваем за юридическое лицо».⁶ В волостной сход входили выборные сельские и волостные должностные

---

¹ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

² ГАСО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 8а. Л. 2.

³ ГАСО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.

⁴ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

⁵ Ф. 265. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

⁶ См. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. – СПб.: Тип-фия М.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. С. 237; *Гольденвейзер А.С.* Комментарий к 4 пункту, 698 ст., части I том X // Журнал гра-

лица и представители от каждых десяти крестьянских дворов, избравшиеся сельскими сходами. В компетенцию волостного схода входило избрание волостных должностных лиц, уездных земских гласных от сельского общества, выборы выборных для участия в съезде уполномоченных от волостей для избрания представителей в Государственную думу, назначение опекунов и попечителей к сиротам лиц, имевших недвижимое имущество вне границ наделов сельских обществ, но в пределах ведения волостного правления, или безземельных, контроль за действиями назначенных опекунов, учреждение волостных училищ, организация общественного призрения за больными и неимущими, распоряжения запасными продовольственными магазинами, назначение мирских волостных сборов и повинностей, проверка деятельности волостных должностных лиц, дела об отправлении воинской повинности, а также выдача доверенности на действия от лица волостного схода.¹

Интересна смета Екатерининского волостного правления на его содержание. Волостному старшине от волости выплачивалось 200 руб., писарю 200 руб., волостному заседателю 300 руб., помощнику писаря – 180 руб., сторожу 48 руб. На содержание ямских лошадей при правлении от волости 182 руб. 40 коп., на канцелярские расходы 150 руб.² Решением Екатерининского волостного правления от 15 января 1889 г. о раскладе денежных сборов на настоящий год было принято решение о том, что «денежных сборов не производить и выплатить повинности из поступлений Сельского банка».³ Так же как и сельские сходы, волостные сходы могли выступать в хозяйственном обороте от своего лица. По решению волостного схода могли учреждаться ссудо-сберегательные кассы, если за это проголосовало 2/3 лиц имеющих право голоса, при этом в постановлении об их учреждении указывалось, что общество принимает на себя ответственность по обязательствам данной кассы. Волостной сход мог учреждать больницы, школы, училища, богадельни и содержать их за счет мирских сборов.

Руководил деятельностью волостного схода волостной старшина. В его ведении были вопросы созыва и роспуска волостного схода, контроль за исполнением решений волостного схода, контроль за состоянием дорог, мостов, гатей, перевозов, контроль за сельскими старостами, контроль за исправным несением различных общественных повинностей, контроль и расход волостных средств, и контроль за мирским имуществом, выдача сельским обывателям видов на жительство и свидетельств для перехода в другие общества, надзор за порядком в училищах, больницах, богадельнях, открытых на средства волостных обществ, продажа крестьянского имущества за недоимки, найм и увольнение должностных лиц сельской волостной администрации, служащих не по выборам и т.д.⁴ Так же, как и на сельского старшину, на него возлагался весьма обширный круг административно-полицейских полномочий, поскольку, как указывалось в ст. 98, он был ответственен за сохранение «общего порядка, спокойствия и благочиния всей волости».⁵ Волостной старшина должен был объявлять населению волости распоряжения правительства

жданского и уголовного права. – СПб., 1882. Кн. 5. С. 84.

¹ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 94 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 23.

² ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 23. Л. 43-44.

⁴ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 101 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 25.

⁵ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 98 // Там же. С. 24.

и полицейских органов. В его обязанности входили надзор за нераспространением среди населения подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов, охрана спокойствия и благочиния в общественных местах, обеспечение безопасности имущества, восстановление тишины и покоя, задержание бродяг и беглых преступников, сообщение в полицию о лицах самовольно отлучившихся из волости, и о волнениях и беспорядках и т.д.¹

Помимо волостного старшины руководящим органом волости являлось волостное правление. Оно состояло из волостного старшины, сельских старост, помощника старшины из сборщиков податей, там, где эта должность существовала. Также по решению волостного схода, в волостном правлении могли принимать участие специально избранные волостным сходом заседатели, для того, чтобы в случае необходимости заменять сельских старост. Волостное правление собиралось еженедельно, как правило, в воскресные дни, в случае необходимости или по требованию вышестоящего начальства и в другие дни. В компетенции волостного правления находилась финансово-хозяйственная деятельность волости: расходы волостных сумм по решению волостного схода, продажа частного крестьянского имущества, для взыскания задолженности, приём и увольнение волостных должностных лиц служащих по найму.

Для ведения отчётности и дел при правлении содержалась книга приговоров волостного схода, книга решений волостного и третейских судов, книга приказов, книга сделок и договоров. Волостное правление имело свою печать. За делопроизводство волостного управления нес ответственность писарь. В книгу сделок и договоров могли вноситься, по желанию участников сделки, договоры, на сумму до 300 руб., заключенные между крестьянами и (или) между крестьянами и посторонними лицами, договоры найма земли на срок до 12 лет, доверенности, которые выдавали сельские общества и товарищества, своим уполномоченным лицам. По желанию сельских жителей в книгу сделок и договоров могли вноситься духовные завещания о недвижимом имуществе. Все указанные сделки могли быть по желанию сторон оформлены в соответствии с правилами о гербовом сборе. Так, в книгах на записку крестьянских сделок и условий 1868 г. Екатериновского волостного правления Самарского уезда Самарской губернии г. Самары содержится запись о сделке между почётным гражданином Ф.Д. Щепкиным и крестьянами-собственниками с. Григорьевка Ф.Т. Колотилиным, С.А. Бурлаковым, О.И. Засыпкиным о сдаче в аренду рыбных ловель на 50 р. серебром в год. Сделка засвидетельствована волостным старшиной И. Булановым и старшим писарем Рахмадиновым², а также контракт между крестьянином-собственником Симбирской губернии Сызранского уезда Переволоцкой волости села Печерского Г.Г. Гребенцовым и Самарской Удельной Конторой на право содержания на Екатерининской базарной площади двух лавок для торговли по 18 и 20 руб. за место.³

Сельский сход являлся низовым звеном крестьянского самоуправления, несмотря на закреплённую в законе достаточно широкую правоспособность, он не был полностью самостоятельным субъектом правоотношений, поскольку многие вопросы ему прямо предписывалось законом согласовывать с земскими участковы-

---

¹ Особое приложение. Положение о сельском состоянии. Ст. 100 // СЗРИ. – СПб., 1912. Т. IX. С. 24.

² ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 9. Кн. Л. 1-4.

³ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 13. Л. 6-9.

ми начальниками. Следующим звеном был волостной сход, который состоял из нескольких сельских обществ. Волость, представляемая волостным сходом, имела право приобретения имущества. Кроме того, в компетенцию волостного схода входило избрание волостных должностных лиц, уездных земских гласных от сельского общества, выборы выборных для участия в съезде уполномоченных от волостей для избрания представителей в Государственную думу, назначение опекунов и попечителей к сиротам лиц, имевших недвижимое имущество вне границ наделов сельских обществ, но в пределах ведения волостного правления, или безземельных, контроль за действиями назначенных опекунов, учреждение волостных училищ, организация общественного призрения за больными и неимущими, распоряжения запасными продовольственными магазинами, назначение мирских волостных сборов и повинностей, проверка деятельности волостных должностных лиц, дела об отправлении воинской повинности, а также выдача доверенности на действия от лица волостного схода. В отличие от сельского схода волостной не только имел свою печать, но и своё особое делопроизводство, порядок которого прямо указывался в законе. Так же как и сельские сходы, волостные сходы могли выступать в хозяйственном обороте от своего лица, что, несомненно, позволяло относить сельские общества к юридическим лицам публичного права.

Источники и использованная литература:

1. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1.
2. *Гольденвейзер А.С.* Комментарий к 4 пункту, 698 ст., части I том X // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1882. Кн. 5. С. 28-46.
3. Государственный архив Самарской области. Ф. 5. Оп. 6. Д. 8а (далее: ГАСО).
4. ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 9, 13, 23, 31, 62, 72.
5. ГАСО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 25.
6. Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. Т. IX. (далее: СЗРИ).
7. Особое приложение. Положение о сельском состоянии // СЗРИ. СПб., 1912. Т. IX.
8. Положение о казенных подрядах и поставках // СЗРИ. СПб., 1900. Т. X. Ч. I.
9. Устав о паспортах // СЗРИ. СПб., 1912. Т. XIV.
10. *Финогентова О.Е.* Правовое положение крестьянских поземельных товариществ в России и проблемы их взаимоотношений с Крестьянским поземельным банком // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы правосубъектности: современные интерпретации». Самара. Самарская Гуманитарная академия. 26–27 февраля 2004. – Самара, 2004. С. 155-159.
11. *Финогентова О.Е.* Развитие законодательного регулирования правового положения членов крестьянской общины и переселенческая политика в 1861-1900 гг. в России // История государства и права. – 2004. №6. С. 76-79.
12. *Финогентова О.Е.* Правовая политика российского правительства по развитию системы сберегательных учреждений в период 1862–1914 гг. // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. № 2. С. 248-250.

Nikiforov S.M.

Village assembly as the lower levels of the peasant self-government in the Russian Empire in the post-reform period

In this article the author identifies the main powers of a village assembly as primary link of rural self-government system, the procedure for its organization and basic principles of activities for provisions of the Peasant reform of 1863 is analyzed.

Keywords: village assembly, peasant self-government, parish governance, elder, farm, yard, homestead land ownership.

Нудненко Л.А.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПАССИВНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ В РОССИИ С 1864 ПО 1905 гг.¹

В статье рассмотрено становление законодательства о пассивном избирательном праве на выборах в земские и городские органы местного самоуправления в России с 1864 по 1905 гг. Раскрыто содержание положений о выборах 1864 г. и 1879 г. в органы местного самоуправления.

Ключевые слова: выборы, пассивное избирательное право, избирательные цензы, земская и городская реформы местного самоуправления, положение о выборах.

Исторический процесс становления и развития пассивного избирательного права в России можно подразделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный.

Истоки выборов в России можно найти в Киеве, Новгороде и других древнерусских городах, где существовало вече, как орган народовластия. На народном вече избирали высших должностных лиц государства: князей в Новгороде с 1136 года, посадников и тысяцких. Выборными являлись и органы самоуправления пригородов улиц и концов (административно-территориальных единиц республик и городов Новгорода и Пскова), которыми были кончанские и уличанские старосты. Голосовали с помощью берестяных грамот, в которых было написано имя кандидата на выборную должность. Споры, связанные с нарушением порядка выборов решались с помощью судебных поединков – так называемого поля, проведение которого регламентировалось.²

Дореволюционный этап становления и формирования пассивного избирательного права начался в Российской империи после отмены крепостного права и поражения в Крымской войне. А.А. Корнилов писал, что неудачный и обидный для национального самолюбия конец Крымской войны с Великобританией, Францией, Сардинией и Турцией (1853-1856 гг.) «обнаружил вполне несостоятельность существовавшей в то время административной системы. Сам Николай I с горечью признал на смертном одре, что ему приходится сдавать свою команду наследнику – сыну не в добром порядке... Необходимость коренных преобразований в системе управления сознавалась всеми. Либералы и консерваторы, демократы и крепостники, западники и славянофилы – все одинаково желали коренного изменения существовавшего административного строя... Все сходились в одном – и в признании убыточности, вреда и полной непригодности бюрократической опеки, все искренно желали, чтобы преобразование системы управления совершилось на началах самоуправления общества. Идея самоуправления сделалась в это время самой популяр-

---

Нудненко Лидия Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Москва).

¹ Впервые опубликовано: *Нудненко Л.А.* Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М.: Юрлитинформ. 2016. С. 5-12.

² См.: *Воробьев Н.И., Никулин В.В.* Избирательное право и избирательный процесс. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005. С. 17-30.

ной идеей».¹

После отмены крепостного права и введения местного самоуправления посредством земской и городской реформы 1 января 1864 года был издан именным указом Александра II правительствующему Сенату об утверждении Положения о губернских и уездных земских учреждениях. Это Положение действовало на территории европейской части Российской империи, включая Малороссию, за исключением Сибири, Средней Азии, Закавказья, Польши и Финляндии.

Несмотря на то, что в основе дореформенного законодательства было сословное деление населения, Положение о земской реформе 1864 года содержало, по мнению Н.И. Лазаревского, «довольно удачную группировку земских избирателей на три курии «применительно к условиям того времени, когда живы были представления крепостной России с её резкою общественною рознью между дворянами-помещиками и их крестьянами, с одной стороны, и между сельским населением и городскими сословиями – с другой. Ввиду этой общественной розни отдельных классов организовать выборы на территориальном начале, когда бы все население того или другого округа избирало одного или нескольких гласных, признано было невозможным, главным образом, по тому соображению, что нельзя соединять в одном избирательном собрании помещика и его бывших крепостных, не уничтожая этим свободы выборов. Закон организовал выборы на начале курий».² Уездные земские учреждения составлялись из Земских Гласных. Гласными называли выборных депутатов уездных и губернских земских собраний. Выбор Уездных Гласных производился: А) на съезде уездных землевладельцев; Б) на съезде городских избирателей; В) на съезде выборных от сельских обществ.

При подготовке проекта Положения разработчики отвергли идею избрания гласных от крестьян съездами волостных старшин и сельских старост. Было отмечено, что производство выборов через административные лица, хотя бы и сами они были выборные, нельзя считать правильным. «Крестьяне обыкновенно не считают своих волостных старшин и сельских старост людьми совершенно независимыми от поставленного над ними начальства и едва ли будут смотреть на гласных, этими людьми избранных, как на своих представителей... От должностных лиц сельского начальства требуется умение распорядиться и исполнить приказание; при выборах же в земские учреждения необходимо преимущественно иметь ввиду ограждение выгод обществ по раскладке повинностей».³ Каждой курии предоставлялось право избирать указанное в Положении число гласных. В дореволюционной юридической литературе отмечались недостатки, присущие куриальной системе выборов. По мнению Н.И. Лазаревского система курий усиливает общественную рознь между отдельными кругами населения. Вред куриальной системы усиливается тем

---

¹ Корнилов А.А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (происхождение земской избирательной системы 1864 г. и её дальнейшие изменения) // Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. – М., 2001. С. 413.

² Там же. С. 452-453.

³ Корнилов А.А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (происхождение земской избирательной системы 1864 г. и её дальнейшие изменения) // Институт выборов в истории России. – М., 2001. С. 418.

принципом, что каждая курия может избирать гласных только из своей среды. Полезнейший общественный деятель, которого хотело бы иметь гласным чуть ли не все население уезда, не может попасть в гласные, если не имеет большинства в той курии, к которой принадлежит.¹

При подготовке проекта Положения 1864 года вопрос о пассивном избирательном праве не подвергался специальному обсуждению. Составители Положения полагали, что тот, кто неспособен избирать, не может быть и избираем. Вместе с тем, барон М.А. Корф внёс предложение допустить в состав избирательных собраний лиц с пониженным цензом (до 1/20 полного ценза), если они ранее занимали должности мировых судей или посредников, членов земских учреждений, предводителей и депутатов дворянства, городских голов и т.п., а также всех, кончивших курс в высших учебных заведениях. Этими изъятиями барон Корф стремился пополнить контингент образованных людей, могущих участвовать в земстве.² Однако данное предложение не получило поддержки.

Требования для участия в выборах являлись общими как для выборщиков, так и кандидатов в гласные, то есть специальные избирательные цензы для пассивного избирательного права не устанавливались. Лица, посылаемые на съезды, должны были отвечать определенным требованиям. И они из своего состава уже избирали гласных. Статья 17 Положения устанавливала следующие требования к участникам съездов: а) ценз наличия российского подданства. Иностранцы, не присягнувшие на подданство России, участия в выборах не принимали; б) повышенный возрастной ценз – 25 лет; в) отстранялись от участия в выборах лица, находившиеся под уголовным следствием и судом, а также лица, опороченные по суду или общественному приговору. Современниками земской и городской реформ в России XIX века высказывались сомнения относительно повышенного возрастного ценза для активного и пассивного избирательного права в 25 лет. Так, по мнению А.Л. Гурко для избирателей и лиц, избираемых в коллегиальные учреждения, как земские и городские управы и собрания, ограничение 25-летним возрастом не имеет никакого основания, и общее гражданское совершеннолетие 21 года вполне достаточно.³ Однако эти доводы не были приняты во внимание при подготовке законопроекта.

Анализируемое законодательство не устанавливало образовательный ценз, потому что «установление его в разных степенях для различных сословий не имело бы логичного основания, а установление для всех однообразного минимума – грамотности, как в Америке, было бы у нас для высших сословий равносильно отсутствию всякого ценза, а для крестьян вредным, так как у них домохозяева почти все старики безграмотные, что не мешает им быть в несколько раз опытнее по своим делам, рассудительнее ... чем их грамотная молодежь, не научившаяся ничему, а только отставшая от почтенных обычных воззрений, составляющая более драгоценную принадлежность земской зрелости, чем самое высшее юридическое и тех-

---

¹ Лазаревский Н.И. Земское избирательное право // Институт выборов в истории России. – М., 2001. С. 456.

² Там же. С. 421.

³ Гурко А.Л. Наши городские выборы вообще и московские городские в особенности // Институт выборов в истории России. – М., 2001. С. 469.

ническое образование, а не только чем простая грамотность».¹

В России действовал редко встречающийся в других странах институт голосования по доверенности. «За лица женского пола, за отсутствующих и за достигших совершеннолетия (21 года), но не имеющих положенного в предшествующей статье возраста (25 лет – *Л.Н.*), допускаются к выборам лица, снабженные доверенностями, а за малолетних, несовершеннолетних и состоящих в опеке – их опекуны и попечители, подходят под имущественные условия, для участия в избирательных съездах..., и если к допущению их в сии съезды нет препятствий указанных в ст. 17-й. Сверх того, лица женского пола могут уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, зятей и родных братьев, даже и в тех случаях, когда уполномочиваемые не соответствовали бы означенным выше имущественным условиям, если только к допущению их в избирательные съезды не будет препятствие по ст. 17-й» (ст. 18). Таким образом, субъектом выборов в России мог быть представитель семьи, располагающей формально необходимым по закону имуществом. Представительство на съездах по выборам Гласных имели богоугодные, благотворительные, учебные, промышленные и другие учреждения, общества, компании и товарищества, владеющие недвижимым имуществом, дающим право на участие в земских выборах. Они назначали от себя для присутствия в избирательных съездах поверенных, с соблюдением условий, выше изложенных.

Положение 1864 г. устанавливало имущественный ценз для реализации как активного, так и пассивного избирательного права. Необходимость имущественного ценза объяснялась тем, что земство есть единица самоуправляющаяся и самооблагающаяся, а облагать налогами может только тот, кто сам и платит. Имущественный ценз для некоторых кругов населения России того исторического периода имел двоякий смысл. Во-первых, обладание имуществом, обложенным земскими сборами, было важным основанием, позволяющим оправдать участие в земском самоуправлении, сводящимися к распоряжению земскими средствами. Во-вторых, в обладании имуществом видели известную гарантию работоспособности человека. Стоит отметить, что эти аргументы подвергались критике. Так, по мнению Н.И. Лазаревского существующий имущественный избирательный ценз следует признать неправильным. Ценз по недвижимому имуществу предполагает, что земское хозяйство построено исключительно на обложении недвижимой собственности, но на деле обложение недвижимости с течением времени начинает играть все меньшую роль в земских бюджетах. Что касается второго аргумента, то в России много лиц с высшим образованием, не имеющих недвижимой собственности.²

Согласно статье 23 Положения 1864 г. в избирательном съезде уездных землевладельцев имели право голоса: «а) лица, владеющие в уезде, на праве собственности, пространством земли, определенным для того уезда в прилагаемом расписании; б) лица, владеющие в уезде другим недвижимым имуществом, ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей, а также владеющим в уезде промышленным или хозяйственным заведением не ниже той же капитальной ценности или имеющим общий годовой оборот производства не менее шести тысяч рублей; в) назначенные

---

¹ Институт выборов в истории России. С. 469.

² *Лазаревский Н.И.* Земское избирательное право. С. 455.

на основании ст. 19-21 поверенные от частных владельцев, а также от разных учреждений, обществ, компаний и товариществ, владеющих пространством земли или имуществом, указанными в двух предшествующих пунктах “а” и “б” сей статьи; г) уполномоченные от нескольких землевладельцев, а также от разных учреждений, обществ, компаний и товариществ, владеющих в уезде пространством земли (установленного данным Положением – *Л.Н.*); д) уполномоченные от Священнослужителей, владеющих в уезде церковною землею, в размере (установленным сводом законом – *Л.Н.*)».¹

В городских избирательных съездах участвовали: а) лица, имеющие купеческие свидетельства; б) владельцы находящихся на городской земле фабрик и других промышленных или торговых заведений, годовой оборот производства, коих не менее 6000 рублей; в) лица, владеющие на городской земле недвижимой собственностью, оцененною, для взимания налога, в городских поселениях, имеющих более 10 000 жителей, не ниже 3000 рублей; в городских поселениях, имеющих от 2 000 до 10 000 жителей, не ниже 1000 рублей, и во всех прочих городских поселениях не ниже 500 рублей; г) назначенные на основании ст. 18-20-й поверенные от частных владельцев, владеющих заведениями или имуществом, указанными в пунктах “б” и “в” сей статьи».²

Перечисленные съезды из собственного состава избирали Гласных. Положение 1864 г. устанавливало ценз несовместимости статуса Гласного с занятием определенных государственных должностей. Так, в соответствии со ст. 36 названного Положения не могли быть избраны в Гласные: «местные Начальники губерний, Вице-Губернаторы, Члены Губернских правлений, Губернские и Уездные Прокуроры и Стряпчие и чины местной полиции».³ Гласные избирались на три года, не получали содержания и никаких «служебных преимуществ» не имели.

По мнению А.А. Корнилова главные недостатки Положения 1864 года заключались в том, что принципы доверия, независимости и самостоятельности, положенные в основание земской реформы не были проведены в Положении 1864 года с достаточной последовательностью и ясностью, а при применении его в жизнь потерпели еще большие ограничения.⁴ Стремясь расширить земское избирательное право и сделать его доступным для менее состоятельных общественных групп, земства хлопотали о том, чтобы сделать представительство крестьян более свободным и независимым от влияния административных лиц.

Именным Указом от 16 июня 1870 года Александр II утвердил Городовое Положение, которым регламентировалось городское общественное управление, в том числе и выборы Гласных в Городские Избирательные Собрания. Следует отметить, что действие данного положения впервые распространялось и на города Сибири. Сохраняя требования к субъектам активного и пассивного избирательного права, предусмотренные Положением 1864 г., Городовое Положение 1874 г. помимо тех цензов, что предусматривались вышеизложенным Положением, установило ряд

---

¹ Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. – М., 2001. С. 353.

² Там же. С. 354.

³ Институт выборов в истории России. С. 355.

⁴ *Корнилов А.А.* Из истории вопроса об избирательном праве в земстве. С. 428.

новых цензов. Так, не имели право голоса на выборах: отрешенные от должности (в течение трёх лет со времени отрешения); подвергшиеся несостоятельности; лишённые духовного сана или звания за пороки, исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат.¹ Городские жители на выборах Гласных имели не более двух голосов: одного за себя, другого – по доверенности. Для выборов в гласные в каждом городе учреждались три Избирательных собрания, из которых каждое выбирало одну треть всех гласных. При этом избиратели вносились в список избирателей в порядке, соответствующем сумме уплачиваемых в бюджет города налогов.

Следующее по времени принятия Городовое положение (11.06. 1890 г.), кроме того, лишало участия в городских избирательных собраниях и собраниях домохозяев, а также к занятию должностей по городскому общественному самоуправлению и заведыванию отдельными отраслями городского хозяйства и управления не допускали евреев.² Число гласных из нехристиан не должно было превышать одной пятой части общего числа гласных (ст. 56). «В тех городских поселениях, в коих, по недостаточному числу христиан, исполнение сего правила оказалось бы затруднительным, отступление от онаго, по постановлению местного по земским и городским или по городским делам Присутствия, разрешаются Министерством Внутренних Дел».³ Таким образом, Положением о выборах предусматривался и действовал на практике религиозный ценз. 12 июня 1890 года был издан Указ Александра III о введении в действие нового положения о губернских и уездных земских учреждениях. В отличие от Положения о земских выборах 1864 г., Положение 1890 г. содержало сословный ценз. Н.И. Лазаревский отмечал, что «реформа 1890 г. была произведена не без влияния того дворянского самообольщения, что дворянству довлеет руководить другими сословиями, и что дворянин, хотя бы и неумный и необразованный, всё-таки чем-то выше разночинца, хотя бы и умного, и образованного, и что эти присущие дворянству преимущества особенно ценны на государственной службе и в самоуправлении».⁴

П.Н. Обнинский в своих воспоминаниях писал о поведении первых гласных из различных слоев общества. Он отмечал, что «дворянство проявило поразительное отсутствие всякого не только политического, но и общежитийского такта, вместо того, чтобы сдержанностью и уважением к чужим законным интересам снискать себе расположение в среде земского собрания и тем дать своим голосам надлежащий вес и значение, оно пошло напролом, видимо ища в новом учреждении лишь возможности хотя частицу вернуть из того, что было утрачено при освобождении крепостных. Все это проделывалось с такою наивною и беззастенчивою прямолинейностью, с таким очевидным бессилием, что, глядя на все это, становилось и жалко и смешно. В этом последнем отношении меня особенно удивляло то, что крестьянские гласные вели себя с замечательным тактом – ни холопской развязности, на рабского низкопоклонничества, даже тогда, когда горожане залива-

---

¹ Институт выборов в истории России. С. 367.

² Институт выборов в истории России. С. 372.

³ Там же. С. 376.

⁴ *Лазаревский Н.И.* Земское избирательное право. С. 455.

лись смехом при чтении проекта о податных льготах для “благородных” псов, крестьяне хранили глубочайшее молчание. Подобными выходками дворяне сразу оттолкнули от себя большинство собрания».¹ Из воспоминаний Д.Н. Шипова число гласных для каждого уезда было определено с таким расчётом, чтобы гласных от дворянского избирательного собрания было никак не менее половины всего состава уездного земского собрания. Это условие в уездах с большим населением, но с незначительным количеством дворянского землевладения ограничивало общий состав уездного собрания и лишало многие местности возможности иметь своих представителей в земстве. Так, в Богородском уезде, занимающем по количеству населения первое место в Московской губернии, с сильно развитой фабричной промышленностью и при 17 волостях, новое Земское положение вводило в состав уездного собрания всего 16 гласных, в том числе: 8 представителей дворянства, 4 лица от второго избирательного собрания и 4 гласных от сельских обществ, тогда как по Земскому положению 1864 года уездное собрание состояло из 44 гласных, из числа которых 19 являлись представителями сельских обществ.²

В результате анализа законодательства и практики его реализации Н.И. Лазаревский пришёл к выводу, что предоставление в земстве решающей роли дворянству приводит к тому, что земское дело отдается в руки класса нежизненного. Дворяне-землевладельцы не умеют управиться и со своим личным хозяйством. «Стремление закона создать дворянское земство устраняет выборность земских учреждений, лишает их представительного характера, т.е. отнимает у них тот элемент, который... необходим для обеспечения жизнеспособности органов самоуправления и целесообразности их действий».³ Д.Н. Шипов, подводя итог деятельности гласных от разных сословий, вместе с тем отмечал, что земская идея по существу своему есть идея нравственная и как таковая воспитывает в соприкасающихся с ней сознание долга и желание работать на общую пользу.⁴

Источники и использованная литература:

1. Городовое положение 1870 г. // Институт выборов в России (источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX-XX вв.). – М., 2001.
2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Институт выборов в России (источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX-XX вв.). – М., 2001.
3. Воробьев Н.И., Никулин В.В. Избирательное право и избирательный процесс. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005.
5. Гурко А.А. Наши городские выборы вообще и московские городские в особенности // Институт выборов в России (источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX-XX вв.). – М., 2001.
6. Корнилов А.А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (происхождение земской избирательной системы 1864 г. и её дальнейшие изменения) // Институт выборов в России (источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX-XX

---

¹ Обнинский П.Н. Из моих воспоминаний: у колыбели новорожденного земства // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. – М., 1898. С. 447.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. С. 100-104.

³ Лазаревский Н.И. Земское избирательное право. С. 462.

⁴ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 104.

- вв.). – М., 2001.
7. *Лазаревский Н.И.* Земское избирательное право // Институт выборов в России (источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX-XX вв.). – М., 2001.
  8. *Нудненко Л.А.* Проблемы правовой регламентации правотворческой инициативы граждан в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. № 2. С. 29-32.
  9. *Обнинский П.Н.* Из моих воспоминаний у колыбели новорожденного ведомства // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. – М., 1898.
  10. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918.

Nudnenko L.A.

Formation of legislation on passive suffrage in Russia from 1864 to 1905 AD

The article considers the formation of legislation on passive electoral right in elections to rural and urban local self-government in Russia from 1864 to 1905 AD. The contents of regulations on elections of 1864 and 1879 AD to local governments are opened.

Keywords: election, election law, passive electoral right, eligibility, voting qualifications, rural and urban local self-government reform, election regulations.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ¹

В статье рассмотрено состояние правового регулирования профессиональных рабочих организаций в период их массового создания в годы Первой русской революции. Авторы анализируют архитектуру развития профсоюзного законодательства в 1905-1914 гг., а также состояние правоприменительной практики, призванной приостановить радикализацию профсоюзного движения и соединение его с потребностями развития стачечного движения и интересами российской социал-демократии.

Ключевые слова: профессиональное движение, Российская империя, законодательство о профсоюзных рабочих организациях, правоприменительная практика в рабочем вопросе.

Проблемы зарождения и развития профессий, а также отстаивания ими своих корпоративных интересов тесно взаимосвязаны. Актуальность этих проблем сохраняется и по сей день. Так, в ноябре 2015 года со своими требованиями выступили водители дальних рейсов, которые жалуются на низкую заработную плату, высокие цены на топливо и на предложенную российским правительством новую систему оплаты проезда по федеральным трассам. Формами протеста дальнобойщиков явились акции у государственных учреждений, забастовки, а также перекрытия отдельных участков федеральных трасс. Наряду с дальнобойщиками, в протестном движении в современной России участвуют врачи, учителя и др.

В настоящей статье авторы рассмотрят историю рождения рабочих профессий в России. Внимание будет сосредоточено на вопросах нормативно-правового регулирования статуса профессиональных союзов, а также на складывании правоприменительной практики в вопросе осуществления профсоюзного законодательства. Хронологические рамки исследования будут ограничены периодом начала XX века, ставшим временем возникновения профессиональных союзов и рождения профессионального рабочего движения в Российской империи.

Родиной профессиональных рабочих союзов, как известно, является Великобритания. Профсоюзы там стали создаваться ещё в середине XVIII века. В 1868 году английское профсоюзное движение обрело координирующий орган в лице Конгресса тред-юнионов, а в преддверии XX столетия, в 1899 году, значительная часть английских профсоюзов объединились под эгидой Всеобщей федерации тред-юнионов. В России традиция профессионального движения вплоть до начала XX века отсутствовала. Существовали общества и кассы взаимопомощи представителей раз-

---

Туманова Анастасия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Сафонов Александр Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

¹ Впервые опубликовано: Вопросы правоведения. – 2015. № 5 (33). С. 413-439.

личных торгово-промышленных специальностей (ремесленников, приказчиков, конторщиков и др.), объединявшие своих членов на почве улучшения материального положения.

В наибольшей степени это движение было развито в Западном крае, а также в столичных городах империи. Так, в 1898 году в Прибалтийском крае действовало 98 обществ и касс ремесленников, а также 113 всесословных похоронных касс. Пионерами движения среди русских ремесленников явились типографские рабочие, основавшие в 1838 году Вспомогательную кассу для типографов, а в 1869 году – Вспомогательную кассу типографов в Москве. В 80-90-е гг. XIX века типографские кассы взаимопомощи возникли в Одессе, Казани, Киеве, Саратове, Самаре, Смоленске, Нижнем Новгороде и ряде других городов. Наибольшее распространение в России получили общества взаимопомощи приказчиков. Первое такое общество возникло в Риге в 1859 г., к 1900 г. в стране насчитывалось уже 97 подобных организаций. В 90-е гг. XIX века были организованы два приказничьих съезда: в 1896 г. – в Нижнем Новгороде и в 1898 г. – в Москве. В повестку дня первого съезда приказчиков, наряду с вопросами взаимопомощи, входили уже задачи чисто профессионального характера: сокращения торгового дня в будни, установления отдыха в воскресные и праздничные дни, организации справочного бюро для приискания занятий, издания профессиональной газеты и даже организации периодических съездов представителей приказничьих обществ.¹ Советская историография традиционно представляла общества взаимопомощи, игнорировавшие вопросы улучшения условий труда представителей рабочих профессий, но занимавшиеся выдачей им пособий, ссуд, оказанием врачебной помощи и др., как порождение оппортунистической тенденции в рабочем движении, противопоставляя им профессиональные союзы, порожденные революционным движением.

Массовое возникновение профессиональных союзов рабочих происходило в Российской империи в годы Первой русской революции. До 1905 г. имели место лишь эпизодические факты создания рабочих союзов в условиях строжайшего контроля властей. Уставы этих организаций годами залеживались в министерствах, а нарождавшиеся общества закрывались при первом же «благовидном» предлоге (обнаружение в числе членов политически неблагонадежных, посещавших учреждения общества, факты распространения в них нелегальной литературы и др.).

В Петербурге и Москве возникновение профессиональных союзов относилось к весне-лету 1905 года. Первыми были основаны профессиональные союзы рабочих печатного дела. Широкое развитие профессионального движения началось осенью 1905 года. Так, в Петербурге в первые недели октября и ноябре 1905 года был организован 41 союз с числом членов более 30 тыс. человек, в Москве за то же время было создано 50 профсоюзов.² Профсоюзы стали появляться в 1905 году и в губернских городах: в Нижнем-Новгороде их было создано 17, в Саратове – 4, в Ярославле – 3.³ Рожденные Первой русской революцией и образованные рабочими для

¹ *Гриневиц В.* Профессиональное движение рабочих в России. – СПб., 1908. С. 9-11.

² *Балабанов М.* Правительство и профессиональные союзы в 1905-1907 гг. // Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905-1907 гг. – Л., 1926. С. 59.

³ *Ильных И.* К истории закона 4 марта 1906 г. о профсоюзах // Вопросы профдвижения. – 1936. № 7 (73). С. 40.

закрепления её завоеваний, профсоюзы приняли активное участие в создании советов рабочих депутатов, они содействовали проведению в жизнь революционных постановлений советов: проведению явочным порядком свобод союзов, печати и собраний. Профсоюзы способствовали также распространению всеобщей забастовки и участвовали в декабрьском вооруженном восстании в Москве.

Как мы видим, профессиональное движение зародилось в России на пике развития революционного процесса и явилось элементом борьбы формирующегося рабочего класса против самодержавного строя. Как отмечал исследователь профсоюзов И.С. Розенталь, профсоюзы возникли на почве соединения марксизма с рабочим движением, из потребностей стачечной борьбы; при этом переплетение политических и экономических требований, составлявшее главную черту революционной стачки, определяло содержание их деятельности. Историк указывает на идейное влияние на рабочие профсоюзы революционной социал-демократии, ввиду чего с первых шагов они были связаны тесными узами с социал-демократическими организациями, а либеральные и христианские профсоюзы в стране так и не сложились.¹ В Москве профессиональные рабочие союзы с момента создания находились под непосредственным влиянием местных социал-демократических организаций.

То обстоятельство, что массовое возникновение профсоюзов совпало в России с периодом подъема Первой русской революции, и что профсоюзы находились под влиянием социал-демократии и потребностей организации борьбы с самодержавием, обусловило настороженное отношение к ним правительства. На доминирование социал-демократии в российском профсоюзном движении и слабость тред-юнионистской тенденции указывают западные исследователи Л. Энгельштейн и В. Боннелл.² Указанные обстоятельства повлияли на законодательную политику российского правительства, направленную на регламентацию профессионального движения.

В настоящей статье будут проанализированы несколько стадий правового регулирования профсоюзного вопроса, от проекта комиссии В.Н. Коковцова и Временных правил о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или владельцев этих предприятий, до проекта постоянного закона о профессиональных обществах. Т.е. авторами будет охарактеризован период с 1905 до 1908 гг.

По мере легализации профессиональных рабочих союзов и усиления их влияния на рабочее движение в 1905 году перед российским правительством встала задача выработки нормативно-правовых оснований для их деятельности. В частности, в мотивировочной части записки к Правилам 4 марта 1906 г. о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или владельцев этих предприятий Государственный совет указывал, что стремление к профессиональному объединению настолько сильно овладело рабочими, что, несмотря на противодействие ему со стороны правительственной власти, рабочие ассоциации создавались повсеместно. То, что правительство ранее не до-

---

¹ *Розенталь И.С.* Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав, политическая ориентация (1905 – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1987. С. 20.

² *Engelstein L.* Moscow, 1905, Working Class Organization and Political Conflict. – Stanford, 1982; *Bonnell V.* Trade Unions, Parties and the State in Tsarist Russia. A Study of Labor Politics in St.-Petersburg and Moscow // *Politics and Society*. – 1980. Vol. 9. No. 3.

пускало самодеятельности рабочих, привело, по мнению Государственного совета, к тому, что движение рабочих радикализировалось: вместо того, чтобы задаться целью улучшения их экономических и социальных условий, оно приняло характер революционной борьбы с существующим государственным порядком.

В первой половине 1905 года в правительственных сферах начал готовиться так называемый проект комиссии В.Н. Коковцова. Это был законопроект о профессиональных обществах, который разрабатывался в междуведомственной комиссии для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих на промышленных предприятиях под председательством министра финансов Коковцова. Комиссия была создана 20 февраля 1905 года для ускорения подготовки нового фабрично-заводского законодательства. В основу проекта легли положения, выработанные для комиссии Коковцова чиновником Главного по фабричным делам присутствия Фоминым. Присутствие представляло собой коллегиальный орган, образованный при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов и переданный в состав Министерства торговли и промышленности после его образования в 1905 году.

Проект Фомина был достаточно либеральным. Он был разработан с учётом опыта деятельности возникших с началом революции первых пролетарских профсоюзов и предусматривал широкие права для их участников.¹ На профессиональные общества возлагалась задача защиты интересов рабочих путем согласования с администрацией нормальных условий труда, оказания содействия в приискании работы и юридической помощи. Предусматривалась также возможность участия обществ в сборе средств для бастующих рабочих, выдаче пособий при стачках и по безработице. Законопроект позволял обществам объединяться в союзы и относил вопросы регистрации и закрытия союзов к компетенции судов.²

Законопроект был внесен в Совет министров министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым, являвшимся последовательным сторонником учреждения в России рабочих организаций с предоставлением им возможности защиты экономических интересов трудящихся. В Совете министров законопроект рассматривался в ноябре-декабре 1905 года вместе с общей частью Временных правил об обществах и союзах. В период декабрьского вооруженного восстания в Москве профсоюзный законопроект не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Возникшие по нему разногласия не вышли за пределы правительственного кабинета, и проект поступил на рассмотрение Государственного совета как единое его мнение. Точка зрения либерального меньшинства не встретила такого сильного и энергичного отпора «правых», как это произошло с общей частью законопроекта об обществах и союзах. Консервативно настроенная группа членов правительства во главе с премьер-министром С.Ю. Витте, движимая стремлением к консолидации кабинета в преддверие готовящегося созыва Государственной думы, пошла на уступки либеральному меньшинству, оставив в законопроекте параграфы, представ-

---

¹ Ганелин Р.Ш. Царизм и проблемы законодательства в период спада революции // Кризис самодержавия в России: 1895-1917. – Л., 1984. С. 303.

² Законопроект Ф.В. Фомина. Основные положения об организации лиц, занятых в промышленных предприятиях // Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 26. Д. 531. Л. 101об.-102об. (далее: РГИА).

лявшиеся ей слишком «широкими».¹

По замыслу С.Ю. Витте, законопроект, допускавший образование рабочими обществ, преследующих законные цели, должен был стать свидетельством нового избранного правительством курса в рабочем вопросе. Открывая рабочим легальный путь к удовлетворению совместными усилиями материальных и духовных потребностей и стремясь ввести в легальное русло развивавшееся в их среде движение в защиту своих экономических прав, законопроект ослаблял для них соблазн уклонения в сторону политики. По мысли Витте, он должен был указать пути к миролюбивому разрешению споров и недоразумений между рабочими и владельцами фабрично-заводских предприятий, возникающих на почве борьбы труда с капиталом.² Поступивший на рассмотрение Государственного совета законопроект о профессиональных организациях наделял их такими правами, как возможность заботиться об устранении недоразумений между предпринимателями и рабочими, участвовать в определении размеров заработной платы и нормальных условий труда, объединяться в союзы. Согласно законопроекту, профессиональные общества обязывались иметь устав, подлежащий регистрации в отделе промышленности Министерства торговли и промышленности.³

Между тем профсоюзный законопроект встретил отпор у консервативно настроенной части членов Государственного Совета, нашедший его чрезмерно либеральным. Предварительный обмен мнениями по нему произошёл на заседании 18 января 1906 года после завершения обсуждения проекта об обществах и союзах общего характера. Высказанное тогда консерваторами А.С. Стишинским и А.П. Игнатьевым предложение об изъятии законопроекта о профессиональных организациях с рассмотрения не предвещало ему спокойного обсуждения. Причем это предложение получило поддержку у сановников разных политических убеждений, не видевших оснований разрабатывать для профессиональных организаций особые правила ввиду наличия уже подготовленного общего законопроекта об обществах и союзах. Реакционно настроенные члены Государственного совета не находили нужным создавать для профсоюзов особые правила, считая проект закона о них слишком широким, тогда как более прогрессивно мыслящая часть если и допускала подобную постановку вопроса в отношении профсоюзов, то только в случае применения её и к организациям непрофессионального характера.⁴

Законопроект о профессиональных обществах и союзах рассматривался в общем собрании Государственного совета 23 января 1906 года. Победа Совета министров над консервативным большинством Государственного совета состоялась, по утверждению информированного журналиста Л.М. Клячко, уже в том, что вопреки желаниям многих проект был признан подлежащим рассмотрению.⁵ Однако по мере

---

¹ Наша жизнь. – 1906. 27 января (9 февраля).

² Журнал Государственного совета с суждениями по проекту Временных правил об обществах и союзах // Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905-1906 гг. – СПб., 1906. С. 597.

³ Биржевые ведомости. – 1906. 5 января. Веч. вып. Сведения взяты из мемории Совета министров по проекту Временных правил об обществах и союзах.

⁴ Народное хозяйство. – 1906. 20 января (2 февраля).

⁵ Наша жизнь. 1906. – 24 января (6 февраля).

дальнейшего обсуждения многие принципиальные положения претерпели существенные изменения. В результате этого закон о профессиональных организациях в его окончательной редакции отступал от принципов свободных договорных отношений между работодателем и рабочими, выраженных в проекте, подготовленном комиссией Коковцова. Объём прав, даваемых рабочим этим законом, находился в прямой зависимости от того, насколько реальной представлялась правительству революционная угроза. Подписание мира с Японией и поражение декабрьского вооруженного восстания в Москве сильно изменили политический климат в стране. К моменту рассмотрения законопроекта Государственным советом в середине января 1906 года рабочее движение приняло оборонительный характер, ввиду чего проект предельно сузил сферу действий профессиональных организаций и поставил их под надзор правительства.¹

Наиболее острые прения вызвал в Государственном совете 2-й параграф законопроекта, определявший цели профессиональных организаций. Спор возник, в частности, по поводу наделения профессиональных обществ правом принимать меры «к устранению путём миролюбивого соглашения или третейского разбирательства недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми». Некоторые члены Государственного совета находили предоставление профессиональным обществам такого права желательным, другие считали его, ввиду остроты рабочего вопроса, опасным и высказывались против включения этого пункта в законопроект. В результате долгих споров было выработано два мнения. Группа большинства Государственного совета внесла коррективы в формулировку данного параграфа, ограничив право профессиональных обществ устранять недоразумения между рабочими и предпринимателями изысканием способов к их устранению. Меньшинство (12 человек) Государственного совета осталось при мнении о необходимости и вовсе исключить эту позицию из законопроекта.² Восстал Государственный совет и против первоначального варианта п. 1 законопроекта, вооружавшего профессиональные общества правом защиты экономических интересов рабочих. Заявив, что «защита интересов предполагает ... боевое к ним отношение и легко может натолкнуть рабочих на мысль, что борьба с предпринимателями составляет главную задачу обществ», члены Государственного совета сузили задачу профессиональных обществ до выяснения и согласования экономических интересов своих членов.³ Не признал Государственный совет за профессиональными организациями также права на выработку нормальных такс заработной платы и определение нормальных условий труда, оставив за ними лишь возможность выяснять желательные для них условия труда и размеры зарплаты.

Само название правового акта, а также его содержание свидетельствовали о том, что свобода профессиональных союзов вводилась в России с существенными ограничениями, распространяясь только на лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, и на владельцев этих предприятий. Сельскохозяйственные рабочие,

---

¹ Swain G.R. Freedom of Association and the Trade Unions, 1906-14 // *Crisp O., Edmondson L. Civil Rights in Imperial Russia.* – Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 171.

² Журнал Государственного совета с суждениями по проекту Временных правил... С. 616.

³ *Дубровский М.* Наша «свобода союзов» (Новый закон о профессиональных союзах). – СПб., 1906. С. 11.

железнодорожные рабочие и служащие, а также служащие телефонов и телеграфов были лишены права создавать профессиональные союзы. Из законопроекта были изъяты все положения, так или иначе касавшиеся участия рабочих в стачках. Возможность организации профессиональными обществами стачек исключалась, несмотря на отмену указом о стачках 2 декабря 1905 года уголовной ответственности за участие в них. Не упоминалось в проекте и о предоставлении рабочим пособий при стачках и безработице.

Таким образом, после редактирования законопроекта Государственным советом профессиональные организации были правомочны изыскивать способы к устранению недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимаемыми и нанимателями; выяснять размеры заработной платы и других условий труда в различных отраслях промышленности и торговли; выдавать пособия своим членам; учреждать похоронные, приданные кассы и кассы взаимопомощи; создавать библиотеки, профессиональные школы, курсы и чтения; доставлять своим членам возможности выгодного приобретения предметов первой необходимости и орудий производства по разумной цене, а также помогать своим членам в поиске работы и оказывать им юридическую помощь.¹

«Новый закон извращает понятие профессионального союза», – комментировал эти нововведения профсоюзный деятель М. Дубровский. «При таких условиях, когда союзы имеют право только изыскивать и выяснять, а предпринимать сами ничего не могут, они перестают быть профессиональными союзами в том виде, в каком они существуют во всем мире, и превращаются в какую-то смесь общества взаимопомощи с благотворительным обществом по «улучшению условий труда». Всякий намек на возможность борьбы тщательно изгнан из закона».²

Существенные ограничения были внесены также в параграфы законопроекта, предусматривающие возможность открытия профессиональными обществами отделений, а также образования ими союзов. Соединение в союзы рабочих организаций, по мнению законодателей, представляло серьезную опасность для общественного спокойствия и государственного порядка, тогда как образование союзов из обществ предпринимателей могло привести к возникновению промышленных синдикатов.³ По сообщению печати, против создания профсоюзов выступило подавляющее большинство членов Государственного совета, ввиду чего сторонники этого положения практически его не защищали.⁴

Образование профессиональными обществами отделений разрешалось, но с оговоркой, что отделения не будут иметь особого от общества управления. Профессиональное общество мыслилось как организация, действующая в одном населенном пункте или на одном предприятии. Если же по уставу его деятельность охватывала определенный район, местные отделения не могли иметь собственные руководящие органы. Запрещались совместные акции нескольких обществ, а также любые формы централизации профессиональных движений. Согласно разъяснениям Сената

---

¹ Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий. Ст. 2 // ПСЗ-III. Т. 26. № 27479.

² Дубровский М. Указ. соч. С. 10, 12.

³ Журнал Государственного совета с суждениями по проекту Временных правил... С. 604.

⁴ Наша жизнь. – 1906. 24 января (6 февраля).

от 17 мая и 6 июня 1907 г., профессиональные общества не имели права проводить публичные собрания, к которым приравнивались также концерты, спектакли и вечера с участием посторонних.

Однако наиболее радикальные изменения внесли члены Государственного совета в механизм регистрации и прекращения деятельности профессиональных организаций. При обсуждении данного вопроса взяли верх противники изъятия профессиональных обществ из ведения Министерства внутренних дел и допущения в эту область судебных учреждений. В итоге существенно усложнялось открытие профсоюзов и облегчалось их закрытие. Вместо предлагавшегося ранее явочного порядка образования профессиональных обществ вводилась следующая многоступенчатая процедура их открытия. Заявление учредителей и проект устава организации подавались старшему фабричному инспектору или окружному горному инженеру, который переправлял документы губернатору (либо градоначальнику), в свою очередь направлявшему их на рассмотрение губернского (городского) по делам об обществах присутствия, призванного в месячный срок принять решение о регистрации общества.¹

Усложнение процедуры учреждения профессиональных организаций существенно удлиняло сроки их открытия. Регистрация общества и запись в него членов могла начаться лишь спустя 2-4 недели после подачи заявления, и то в случае, если фабричный инспектор передавал заявление губернатору, а тот – в присутствии практически без промедления. Прекращение действий профессиональных обществ должно было производиться в общем установленном Временными правилами порядке, т.е. местными присутствиями вместо судебного рассмотрения по проекту комиссии Коковцова. В случае объявления местности на положении чрезвычайной и усиленной охраны или на военном положении деятельность профессиональных обществ приостанавливалась.

Как справедливо отмечает историк И.С. Розенталь, введенный Правилами 4 марта 1906 г. механизм регистрации и прекращения деятельности профсоюзов, открывал широкий простор для произвола властей². «Правилами о запрещении обществ и союзов» назвал Временные правила о профессиональных организациях А.Я. Аврех, подчеркивая их полицейский характер. Содержание Правил символизировало, по мнению историка, начало крушения провозглашенного Коковцовым «нового курса» в рабочем вопросе, нацеленного на отказ правительства от прежней полицейско-попечительной политики и переход к политике буржуазной.³

Заключенное во Временных правилах специфическое охранительное содержание сразу же стало очевидным для тогдашних специалистов по рабочему вопросу.

---

¹ В предшествующей редакции этой статьи законопроекта процедура учреждения профессиональных организаций была более простой. Заявление об учреждении профессиональной организации подавалось старшему фабричному инспектору или окружному горному инженеру. Он, в свою очередь, обязывался немедленно выдать учредителям письменное удостоверение в получении заявления и направить копии имевшейся у него документации об учреждении общества в отдел промышленности Министерства торговли и промышленности для регистрации, а также известить о поступившем заявлении представителя местной администрации – губернатора или градоначальника.

² *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 18.

³ *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. – М., 1966. С. 116-118.

«Новый закон наперед заявляет, что прочность существования союзов будет зависеть не от законности их действий, а от соответствия их видам и политике правительства... смотрит на профессиональные союзы исключительно с полицейской точки зрения», – отмечал М. Дубровский.¹ На подчинение профессиональных обществ административному произволу как на характерный признак нового российского профсоюзного закона, в отличие от европейских законодательных актов, по которым последние могли быть закрыты лишь по приговору суда, указывал исследователь профессионального движения В.В. Святловский.² Попыткой наложить узду на профессиональное рабочее движение, низвести боевые союзы рабочих для борьбы с предпринимателями за улучшение условий труда до роли соглашательских касс взаимопомощи, назвал закон о профессиональных организациях меньшевистский деятель В.П. Гриневич. Гриневич именовал новый акт «самобытным творчеством русских государственных мужей, пытавшихся нормировать «свободу союзов» под углом зрения «охранения государственного спокойствия и порядка» и направить профессиональное движение по известному руслу. «Между тем цель профессиональных союзов, – настаивал данный автор, – должна заключаться в мирном разграничении сталкивающихся интересов труда и капитала и в возможном их согласовании».³

Важно отметить, что по Правилам 4 марта 1906 г. профессиональные общества обладали правами неизмеримо меньшими, чем остальные общественные организации. Обязательной являлась регистрация профессиональных обществ, причём для них вводилась в действие более сложная и запутанная система регистрации. Не разрешалось объединение профессиональных обществ на местном, региональном и всероссийском уровне, а также любые их совместные действия. Единственное послабление, допущенное для профессиональных организаций в сравнении с остальными, состояло в праве вступления в них несовершеннолетних.

Издание Временных правил о профессиональных обществах вызвало большое количество откликов в печати. Пресса либерального и демократического направлений была едина в том, что правительство при составлении законопроекта не проявило заботы о благе страны и народа, неуклонно стремившегося организовать по профессиям, а «приняло на себя роль жрецов, призванных кастрировать профессиональные союзы еще в их юном возрасте». По мнению печати, в том виде, в котором они были изданы, Правила создавали «вместо орудия борьбы с врагом... средство усиления врага», «толкали профессиональное движение на путь конспиративной нелегальной организации».⁴

«Новым законом против профессионального движения» назвала Правила 4 марта находившаяся под влиянием социал-демократов харьковская газета «Южный профессиональный листок». Газета противопоставляла профессиональные союзы социал-демократов либеральным культурническим обществам и отмечала, что главная цель профессиональных союзов – не взаимопомощь и материальная поддерж-

---

¹ Дубровский М. Указ. соч. С. 8.

² Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах Франции, Бельгии, Англии, Австралии, Германии и России / Сост. В.В. Святловский. – СПб., 1907. С. 122-123.

³ Гриневич В. Профессиональное движение рабочих в России. – СПб., 1908. С. 78, 82-83.

⁴ Речь. – 1906. 9 (22) марта; Наша жизнь. – 1906. 12 (25) марта; 13 (26) марта; 15 (28) марта; 7 февраля.

ка, а классовая борьба за лучшее будущее, восьмичасовой рабочий день, государственное страхование от безработицы и широкое законодательство об охране труда. В качестве очевидного недостатка закона 4 марта автор указывал на отсутствие в нём упоминания о праве рабочих на стачку, от которого русские рабочие после всеобщей октябрьской стачки уже никогда не откажутся. Он предрекал, что рабочие в короткое время «сбросят полицейский намордник», а вместе с ним и отбросят Временные правила.¹

Правительственные чиновники, напротив, рассматривали Правила 4 марта как меру, удалявшую препоны для революционирования профессиональных союзов. Они видели их значение в том, чтобы радикализировать российских рабочих и привлечь их на сторону социал-демократов в борьбе с правительством.²

Объясняя диаметрально противоположный характер оценок профессионального закона деятелями профессионального движения и правительственными чиновниками, нельзя не сослаться на американского историка Г. Свейна, отметившего временный характер этого закона, как для правительства, так и для профсоюзов, возникших на почве соединения марксизма с рабочим движением и являвшихся организациями, противостоящими существующему строю: «Союзы видели в них начальную точку будущей борьбы, принимая как догму социал-демократическую идею о том, что только демократическая республика может дать истинную свободу профессиональным союзам, в том время как правительство демонстрировало своё стремление сузить сферу деятельности профессиональных союзов, коль скоро оно обладало достаточной силой для этого».³

Несмотря на указанные негативные черты Временных правил о профессиональных обществах, необходимо подчеркнуть, что сам факт принятия акта, установившего свободу создания профессиональных союзов, знаменовал собой официальный отказ от попечительного направления правительственной политики в рабочем вопросе и легализовал профессиональное движение. Фабрикантам и рабочим открылась с их изданием возможность свободной и в то же время закономерной деятельности в составе профессиональных обществ по согласованию и примирению своих, нередко полярных, интересов. Права защиты интересов рабочих закон, тем не менее, профсоюзам не дал, исключив возможность осуществления ими открытого руководства стачечной борьбой и крайне ограничив выполнение других важных функций (культурно-просветительская деятельность, издание печатных органов и т.д.).⁴ Санкционировав развитие профессионального движения, Временные правила придали импульс этому процессу: по данным, собранным фабричными инспекторами к 1 июля 1907 г. по 59 губерниям и областям Европейской России, в 102 отраслях промышленного производства числилось 861 профессиональное общество, к 1910 г., по секретным сведениям МВД, в империи было зарегистрировано 1046 про-

---

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 218. Л. 7 об.

² Это суждение взято из отзывов губернаторов и генерал-губернаторов об акте 4 марта 1906 г. и перспективах его развития. – См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 129.

³ Swain G.R. Op. cit. P. 174.

⁴ Розенталь И.С. Временные правила об обществах и союзах // Отечественная история: Энциклопедия. – М., 1994. Т. 1. С. 474.; *Он же*. Профессиональные союзы рабочих России... С. 18.

фессиональных обществ.¹

Практика реализации Правил 4 марта 1906 г. изобиловала фактами произвола по отношению к профессиональным обществам. Случаи закрытия профсоюзов, отказов в их регистрации, разгона собраний, арестов профессиональных активистов, а также их высылки были множественными. Правила давали возможность властям закрывать союз на основании открытия им библиотеки, присутствия на собраниях посторонних лиц, сведений о содействии забастовке и др. Но чаще всего причиной закрытия профсоюзов были агентурные сведения о присутствии в составе правлений этих организаций лиц политически неблагонадежных, либо о связях правлений с социал-демократическими организациями.

Первое наступление на профсоюзы произошло после умирения московского восстания в декабре 1905 года. 9 декабря 1905 года петербургская полиция закрыла помещение Русского технического общества в Соляном городке, где происходило заседание Центрального бюро профессиональных обществ, а 13 декабря петербургский градоначальник запретил всякие собрания. К началу 1906 года уже почти все петербургские союзы были разгромлены. Репрессиям были подвергнуты союзы извозчиков, садовников, рабочих печатного дела, дворников, приказчиков, деревообделочников, булочников, конторщиков и портных, табачников и др. Арестам подверглись в декабре 1905 – январе 1906 гг. члены московских профессиональных союзов, а в феврале 1906 года московский градоначальник объявил о недопущении собраний профсоюзов до открытия Государственной думы.² Очередной нажим на профессиональные союзы пришелся на время роспуска Государственной думы первого созыва. Так, 28 июля 1906 года в Петербурге были закрыты все союзы, их помещения опечатаны, а собрания запрещены.³

Один союз за другим стали закрываться на этапе ослабления революционного движения и в провинциальных городах. В Одессе полиция срывала вывески союзов, конфисковала их документы. Одесский градоначальник сообщал в сентябре 1906 году министру внутренних дел П.А. Столыпину, что профессиональные общества Одессы «с первых дней своего существования занялись и поныне занимаются организацией забастовок, причем забастовок, сопровождающихся угрозами по адресу владельцев торгово-промышленных предприятий со стороны рабочих, что вынуждает первых исполнять предъявляемые последними требования». Именно в деятельности профессиональных обществ градоначальник усматривал причину забастовок в Одесском порту. По его словам, население города было терроризировано грабежами и убийствами, возникавшими в ходе забастовок, а профессиональные союзы находились под влиянием социал-демократов. Систематический характер забастовки рабочих приобрели, по его словам, после выхода в свет акта 4 марта 1906 г. По сведениям градоначальника, после 4 марта в Одессе было зарегистрировано около 80 профессиональных обществ, многие из которых насчитывали у себя несколько сот членов и устраивали периодические собрания. Только действующее

---

¹ Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. – М., 1952. С. 191.

² Балабанов М. Указ. соч. С. 61–63.

³ Там же. С. 63–64.

в Одессе военное положение позволяло, по словам градоначальника, собирать сведения о вредной деятельности профессиональных обществ и ограничивать её.¹

Нажим с профсоюзами не ослабел и ко времени открытия Государственной думы второго созыва в феврале 1907 года, а с роспуском Думы в июне 1907 года последовала новая полоса репрессий по отношению к ним. Репрессии были нацелены на окончательный разгром профессионального движения. Правительство вынашивало планы ликвидации профессиональных союзов и давало надлежащие директивы местной власти.

Департамент полиции обращал внимание начальников губерний на деятельность существующих на вверенной им территории профессиональных союзов, а также указывал на стремление Российской социал-демократической партии использовать профсоюзы для своих целей. Начиная с 1905 г. в Особом отделе, а позднее и в 4-м делопроизводстве Департамента полиции формировалось большое число дел, посвященных профессиональному движению и отдельным профессиональным союзам рабочих и служащих. В сфере наблюдения политической полиции оказались и другие легальные общества дореволюционной России – просветительские, литературные, научные, а также съезды, совещания и конференции, на которые также были заведены отдельные дела, однако за профсоюзами следили особо. Издаваемые Департаментом полиции циркуляры предписывали усилить внимание к профессиональным организациям ввиду, прежде всего, растущего влияния на них социал-демократов и при первых же попытках со стороны профсоюзов к отступлению от установленных Правилами 4 марта пределов деятельности немедленно закрывать их с привлечением к уголовной ответственности руководителей.

В системе мер, призванных воспрепятствовать «крайне вредной противоправительственной деятельности» профессиональных союзов, важное место занимал изданный заведующим политической частью Департамента полиции П.И. Рачковским 2 июля 1905 г. циркуляр, призывавший административные учреждения к борьбе с профсоюзами всеми имеющимися в их распоряжении средствами. В их числе назывались «учреждение надлежащего наблюдения за деятельностью существующих на местах организаций... и недопущение впредь... никаких собраний членов упомянутых союзов»; в случае же обнаружения таковых рекомендовалось «немедленно распускать их, переписав всех собравшихся, и о последующем доносить Департаменту».²

Циркуляр Департамента полиции от 10 мая 1907 г. за подписью директора М.И. Трусевиича обращал внимание местных властей на стремление социал-демократов превратить профсоюзы рабочих в «социально-политические организации с платформами, подходившими к их партийным программам». Циркуляр рекомендовал такие способы борьбы с социалистическим влиянием на рабочие профсоюзы, как допущение их легализации лишь в порядке закона 4 марта 1906 г. и при наличии точных данных об отсутствии у них связей с социал-демократическими группами, внимательное изучение членского состава, закрытие при первых попытках с их стороны к отступлению от установленных уставами задач. Активных членов рабо-

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 218. Л. 2-3 об.

² *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.). – М., 2000. С. 299.

чих организаций, связанных с РСДРП, предлагалось привлекать к уголовной ответственности.¹

Сознавая, что борьба с политизацией профсоюзов одними лишь репрессивными мерами невозможна, директор Департамента полиции М.И. Трусевич предпринял попытку взять вопросы профессионального движения под личный контроль и сделать эту проблему предметом рассмотрения на высоком правительственном уровне. В направленной им на имя своего помощника П.Г.Курлова записке указывалось на «необходимость всестороннего обсуждения в Совете министров или Особом совещании отношения правительства к профессиональным союзам в целях облегчения последним осуществления их задач законным путем». Тесная связь профессионального движения с социал-демократическим побуждала директора Департамента полиции взять за правило доводить до сведения местных полицейских органов решения партийных съездов в отношении профессиональных союзов. К руководителям политического розыска стало предъявляться требование быть осведомленными в вопросах профессионального движения и знакомыми с издаваемой профсоюзами литературой.²

Несмотря на предпринимаемые полицией репрессивные меры, влияние социалистов в профессиональных союзах росло, многие из них открыто выступали с поддержкой платформы социал-демократии, использовали нелегальные методы деятельности – участвовали в стачках, устраивали под видом общих собраний сходки, хранили и распространяли запрещенную литературу.

После революции 1905–1907 гг., в результате активного наступления властей на профсоюзы, массовых обысков правлений и арестов их руководителей, закрытия самих организаций (по подсчетам Департамента полиции в Петербурге было закрыто 49, а в Москве – 39 профсоюзов), профессиональное движение пошло на убыль. Между тем обеспокоенность властей возможностями революционного перерождения профсоюзов оставалась. Как утверждал начальник Рижского охранного отделения Балабанов в своей записке о роли профессионального движения в стране, «профессиональные союзы, в случае новой революционной вспышки, явятся готовыми, распропагандированными кадрами повстанцев, а находящиеся в их распоряжении средства обеспечат материальный успех восстания».³

Постановления и распоряжения центральной власти стали поводом для местной администрации высказать свой взгляд на состояние профессионального движения в стране и в отдельных местностях. Тамбовский губернатор Н.П. Муратов, в ответ на полицейский циркуляр 10 мая 1907 г., рапортовал, что все четыре профессиональных союза, открытые в губернии до сентября 1906 г., были закрыты, другим четырём было в разрешении отказано. Все попытки Центрального комитета провести под флагом профсоюзов социал-демократические организации встречали, по словам губернатора, должный и твёрдый отпор, наглядным подтверждением чему служило отсутствие ходатайств о регистрации профессиональных обществ.⁴

¹ Циркуляр Департамента полиции от 10.05.1907 г. за № 72182 // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 76(в). Л. 36-36об.

² *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 304-305.

³ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 307-308.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 4 дел-во. 1905. Д. 1000. Ч. 14. Т. 1. Л. 105-

Особые приемы работы с рабочими профсоюзами имелись у С.-Петербургского городского по делам об обществах присутствия. По словам возглавлявшего его градоначальника Д.В. Драчевского, Присутствие редактировало уставы профессиональных обществ, вычеркивая из них упоминания о содействии умственному и нравственному развитию рабочих, учреждении третейских судов для разбора недоразумений между рабочими и предпринимателями и др. Стремясь ограничить приток в рабочие организации неблагонадежных, оно отказывалось регистрировать общества, включавшие в свой состав лиц, не работавших на момент регистрации на предприятии, требовало замены ежемесячных членских взносов одноразовым годичным, обязательного указания благотворительного учреждения, в ведение которого планировалось передать имущество общества в случае его ликвидации.¹ Практика деятельности руководимого Д.В. Драчевским присутствия была подвергнута критике IV Государственной думой, 33 члена социал-демократической фракции которой предъявили запрос по поводу его незаконной деятельности министрам внутренних дел и юстиции. Присутствие обвинялось в нарушении Временных правил 4 марта 1906 г. и гарантированных ими рабочим профсоюзам прав.²

По мере того, как декларируемые Правилами 4 марта принципы начали проводиться в жизнь, характер реформы стал определяться уже не столько её разработчиком – относительно просвещенной высшей столичной бюрократией, а представителями «среднего» звена власти – российскими губернаторами, являвшимися в большинстве своем приверженцами полицейской управленческой практики. Острые дискуссии было перенесено с содержания профсоюзного закона на состояние российской административной практики, которая, по мнению многих мыслящих современников, способна была «загубить на корню» самое просвещенное и продуманное начинание.

Возможность высказать свой взгляд на содержание и пределы свободы союзов представители губернаторского корпуса получили в 1907 году, когда в Министерстве внутренних дел началась подготовка к пересмотру Временных правил 4 марта 1906 г. и замене их постоянно действующим законом об обществах и союзах. Стремление «устранить замеченные на практике недостатки» Временных правил явилось содержанием циркуляра министра внутренних дел П.А. Столыпина, с которым он обратился к губернаторам 9 сентября 1907 г. Из него явствовало, что Министерство планирует приступить к пересмотру Временных правил 4 марта 1906 г. и обращается к своим агентам на местах – губернаторам и градоначальникам – с предложением сообщить о замеченных дефектах действующего закона и способах их исправления.³

Открывая дискуссию по поводу Временных правил об обществах и союзах, Министерство внутренних дел составило специальный вопросник, отвечая на кото-

---

106 (далее: ГАРФ).

¹ С.-Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский – в Департамент общих дел 26.01.1913 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 76(в). Л. 321-324.

² Заявление о запросе министрам внутренних дел и юстиции // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 76(в). Л. 317-317об.

³ Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам от 9.09.1907 г. за № 30 // Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 31-31об. (далее: ЦИАМ).

рый местные власти должны были оценить их слабые стороны. В нём акцентировалось внимание на наиболее «болевых точках» акта 4 марта 1906 г. В частности, был поставлен вопрос о желательности выделения в отдельную группу профессиональных союзов и др.¹ Поступившие в ответ отзывы составили объёмное дело и давали информацию о почти двухгодичном действии Временных правил 4 марта 1906 г. в различных регионах Российской империи. Составление этого нормативного акта начальники губерний рассматривали как уступку общественному движению вследствие развития революционного процесса в 1905 г. Идея профсоюзного закона представлялась им в соединении общественного и государственного интересов – свободы образования обществ с действенным государственным контролем над её осуществлением. Однако разумного компромисса государственного и общественно-государственного интересов в Правилах 4 марта, по мнению представителей губернаторского корпуса, достичь не удалось. Напротив, закон давал, на их взгляд, очевидный пример примата общественных потребностей над государственными интересами. Таврический губернатор В.В. Новицкий, к примеру, назвал Временные правила «живой водой», освежившей силы революции и давшей ей новые средства, при помощи которых она снова может наделать немало бед России.²

Суммируем отклики губернаторов на «профсоюзную часть» акта 4 марта. Профсоюзы были признаны одними из наиболее опасных общественных организаций. С особым недоверием местные власти отнеслись к профессиональным рабочим организациям, создание которых рассматривалось как свидетельство усиления классовой борьбы и развития революционной социалистической пропаганды в рабочей среде, «проявление начавшейся войны труда с капиталом». Поэтому на вопрос о желательности выделения профессиональных организаций в отдельную группу большинство губернаторов отвечали утвердительно.³ Многие губернские начальники откровенно указывали, что выделение рабочих профсоюзов в отдельную группу представляет удобство для администрации, которой легче вести учёт этим обществам и устанавливать за ними наблюдение. Усиление государственного надзора над профсоюзами должно было, в свою очередь, способствовать ослаблению влияния на них и входивших в них фабричных рабочих пропаганды леворадикальных партий, под знамена которых, по словам губернаторов, охотно становились члены этих организаций. Указывалось также, что выделение профессиональных организаций преследовало цель не распространять на них в полном объеме прав, которыми обладали другие организации (явочный порядок образования, создание отделений и др.).⁴

Относительно определения прав профессиональных обществ в новом законе губернаторы выступали за их всемерное ограничение. Они требовали исключения в акте упоминания о праве профсоюзов улаживать трудовые конфликты между ра-

---

¹ Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам от 9.09.1907 г. за № 30. Л. 31-31об.

² Таврический губернатор В.В. Новицкий – министру внутренних дел 30.10.1907 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1907. Д.129(б). Л.74.

³ Предложения самарского, нижегородского, симбирского губернаторов // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1907. Д.129(б). Л. 17-17об., 7об., 313об.

⁴ Предложения костромского, калужского, эстляндского, симбирского губернаторов, военного губернатора Приморской области // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1907. Д.129(б). Л.2, 176об., 20об., 313об., 336об.

бочими и предпринимателями путём третейского разбирательства и с помощью примирительных камер, оказывать своим членам юридическую помощь, устраивать публичные собрания, вечера и концерты.¹ Суждения о необходимости предоставления профессиональным обществам права устраивать публичные собрания для обсуждения возникающих у них вопросов, а также предоставления им права устраивать библиотеки, школы, курсы или иные просветительские учреждения, были единичными. Такое мнение было высказано, к примеру, Акмолинским областным по делам об обществах присутствием.² Очевидно, что в силу своей удаленности Акмолинская область не была знакома с боевым профсоюзным движением так, как губернии Центральной России.

Начальники губерний предлагали также ужесточить порядок учреждения профессиональных союзов (по мнению петербургского градоначальника, их следовало учреждать по образцовому (нормальному) уставу, выработанному Министерством внутренних дел), заменить формулировку о праве союзов выяснять и согласовывать экономические интересы своих членов расплывчатой формулой о праве профессиональных обществ вырабатывать здоровые и безопасные условия труда, обеспечивать рабочих на случай болезни, старости и увечья, обращая тем самым союзы в традиционные кассы взаимопомощи (предложение петербургского градоначальника). Было подвергнуто критике также дарованное профессиональным обществам 4 марта 1906 г. право прибегать к третейскому разбирательству в случаях столкновений с предпринимателями. Высказывались предложения о наделении местной администрации правом ревизии денежных дел союзов (мнение екатеринославского губернатора).³

Миссию правительственной власти в вопросе совершенствования профсоюзного закона руководители местных администраций видели, таким образом, в том, чтобы поставить рабочее движение под наблюдение и поставить пределы его развитию. Поэтому они сосредоточили внимание на тех положениях акта, где имелся простор для усиления контролирующей функции государства.

Критические замечания губернских начальников на действующие Временные правила были систематизированы Министерством внутренних дел. Обработкой отзывов губернаторов на Временные правила 4 марта 1906 г. занимался чиновник особых поручений при министре внутренних дел М.И. Блажчук. Под его руководством отзывы были собраны воедино, систематизированы по отдельным проблемам, сопоставлены с соответствующими статьями Временных правил. Свои суждения по профсоюзному закону высказал также редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров. Сводные данные этих предложений были переданы междуведомственному совещанию под председательством директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел А.Д. Арбузова.

Замечания губернаторов на профсоюзный закон составили подготовительный материал для его пересмотра. Переданные занимавшемуся разработкой закона об

---

¹ *Потолов С.И.* Третьеиюньская монархия и рабочий вопрос // Кризис самодержавия в России: 1895-1917. – Л., 1984. С. 383; *Ильиных И.* Указ. соч. С. 46-47.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 129. Ч. 3. Л. 107 об.

³ *Балабанов М.* Указ. соч. С. 76-77.

обществах и союзах совещанию Арбузова, они явились свидетельством живучести консервативного мышления в структурах власти России. Совещание постановило включить в постоянно действующий закон положения, направленные к урегулированию деятельности профессиональных обществ, ослаблению влияния на них социал-демократических учений и устранению их зависимости от революционных сообществ. Проект постоянного закона о профессиональных обществах заметно сужал их права и возможности по сравнению с Правилами 4 марта. Так, из определения целей союзов исключалось указание на выяснение размеров заработной платы как прямо толкавшее рабочих на классовую борьбу путем стачек, союзы надеялись выдавать пособия только в случае мирных стачек, все собрания союзов были признаны публичными (т.е. они должны были проводиться с участием полиции), отделения союзов могли теперь учреждаться только в пределах губернии. Планировалось ввести возрастной ценз для членов профессиональных союзов: вступать в них могли лица, достигшие 17 лет, принимать участие в делах – лица по достижении 21 года, а быть избранными в члены правления – с 25 лет. Право участия в общих собраниях союзов предоставлялось только рабочим, проработавшим на том или ином заводе непрерывно не менее года. Увольнение с завода лишало права участия в союзе.

Однако законом данный документ так и не стал. Он был внесен в Государственную думу лишь в 1914 г., но его утверждению помешала Первая мировая война, а также трагическая гибель премьер-министра П.А. Столыпина в 1911 году, выступавшего инициатором замены Временных правил о союзах постоянно действующим законом.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о противоборстве в правительственной политике двух тенденций: стремлении провозгласить право рабочих на создание профессиональных организаций и защиту профессиональных интересов и желания ограничить профессиональное движение целями материальной взаимопомощи, характерными для классического тред-юнионизма. Как мы видим, наиболее широко права профессиональных союзов были сформулированы в акте 4 марта 1906 г., имевшем статус Временных правил, и особенно в предшествовавшем ему проекте Коковцова. Далее происходило отступление от многих позиций в сторону ограничения прав профессиональных организаций и сужения их полномочий. Помимо традиционных охранительных соображений, правительство памятовало о той роли, которую сыграли профессиональные союзы в событиях Первой русской революции, и о влиянии на профессиональные общества крупных российских родов социал-демократии.

Источники и использованная литература:

1. Биржевые ведомости. – 1906. 5 января. Веч. вып.
2. Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий. Ст. 2 // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 3-е. – СПб., 1906. Т. 26. № 27479 (далее: ПСЗ).
3. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 4 дел-во. 1905. Д. 1000. Ч. 14. Т. 1.
4. РГИА – Законопроект Ф.В. Фомина. Основные положения об организации лиц, занятых в

- промышленных предприятиях // Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 26. Д. 531. Л. 101об.-102об.
5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 76(в), 129, 129(б), 218.
  6. Наша жизнь. – 1906. 24 января (6 февраля); 27 января (9 февраля); 12 (25) марта; 13 (26) марта; 15 (28) марта.
  7. Народное хозяйство. – 1906. 20 января (2 февраля).
  8. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905-1906 гг. – СПб., 1906.
  9. Речь. – 1906. 9 (22) марта.
  10. *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. – М., 1966.
  11. *Балабанов М.* Правительство и профессиональные союзы в 1905-1907 гг. // Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905-1907 гг. – Л., 1926.
  12. *Ганелин Р.Ш.* Царизм и проблемы законодательства в период спада революции // Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л., 1984.
  13. *Гриневич В.* Профессиональное движение рабочих в России. – СПб., 1908.
  14. *Дубровский М.* Наша «свобода союзов» (Новый закон о профессиональных союзах). – СПб., 1906.
  15. *Ильиных И.* К истории закона 4 марта 1906 г. о профсоюзах // Вопросы профдвижения. – 1936. № 7 (73).
  16. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.). – М., 2000.
  17. *Потолов С.И.* Третьеиюньская монархия и рабочий вопрос // Кризис самодержавия в России: 1895-1917. – Л., 1984.
  18. *Розенталь И.С.* Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав, политическая ориентация (1905 – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1987.
  19. *Розенталь И.С.* Временные правила об обществах и союзах // Отечественная история: Энциклопедия. – М., 1994. Т. 1.
  20. Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах Франции, Бельгии, Англии, Австралии, Германии и России / Сост. В.В. Святловский. – СПб., 1907.
  21. *Шельмагин И.И.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России: 1900–1917. – М., 1952.
  22. *Bonnell V.* Trade Unions, Parties and the State in Tsarist Russia. A Study of Labor Politics in St.-Petersburg and Moscow // Politics and Society. – 1980. Vol. 9. No. 3.
  23. *Engelstein L.* Moscow, 1905, Working Class Organization and Political Conflict. – Stanford, 1982.
  24. *Swain G.R.* Freedom of Association and the Trade Unions, 1906-14 // *Crisp O., Edmondson L.* Civil Rights in Imperial Russia. – Oxford: Oxford University Press, 1989.

Tumanova A.S., Safonov A.A.

**Professional movement in late imperial Russia:
questions of normativ-legal regulation and law-enforcement practice**

The situation in the legal regulation of professional workers' organizations in the period of their mass creation during the First Russian Revolution is analyzed in the article. The authors analyze the development of the architecture of the trade union legislation in 1905-1914, as well as law enforcement practice, designed to stop the radicalization of the trade union movement, and its connection with the needs of the development of the strike movement and the interests of the Russian Social-Democracy.

Key words: trade union movement, Russian Empire, the legislation on trade union workers' organizations, law enforcement practice in the labor question.

Новицкая Т.Е.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья на основе документальных источников даёт представление о некоторых аспектах аграрной реформы в России в начале XX века.

Ключевые слова: история права России; аграрная реформа; XX век.

Известно, что экономические трудности, которые переживает государство, могут привести к трагическим последствиям. Известно также довольно циничное высказывание: «Революцию делают не голодные люди, а сытые, которых три дня не кормили». Провоцирование революционных выступлений опирается, как правило, на угрозу экономических неурядиц. Известное высказывание президента США Б. Обамы о том, что экономика России разорвана в клочья, в переводе на общепонятный язык означает: страна готова к перевороту. Наше государство довольно хорошо знакомо с ситуацией, когда угроза политической стабильности исходила именно от экономических «вызовов», на которые правительство не находило «ответа», ведь исход противостояния зависел от умелых или неумелых действий властей.

Экономические реформы и кардинальные, революционные, преобразования порой очень близки по сути. Программы революционных партий в области экономики часто остаются на бумаге после их прихода к власти. Российская история правового регулирования экономических отношений начала XX века предоставляет весьма интересный материал по данной теме. Но прежде, чем непосредственно перейти к рассмотрению проблемы правового регулирования имущественных отношений, лежащих в основе регулирования отношений в сфере экономики, хочу привести высказывание В.О. Ключевского о значении исторических исследований: «Историческое изучение вскрывает неправильности в складе общества, больно и смутно чувствуемые людьми, указывает ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов и его происхождение и даёт возможность сообразить средства восстановления нарушенного равновесия... Вырабатывающееся из него (знания исторического прошлого – *Т.Н.*) историческое сознание даёт обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутьё минуты, которое предохраняют его как от косности, так и от торопливости. Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».¹

Известно, что экономические отношения, сложившиеся в России к началу XX века и регулируемые нормами гражданского права, формировались на протяжении веков. На протяжении веков складывались и нормы гражданского права, регулировавшие эти отношения. Крестьянская реформа 1861 года оставила нерешёнными множество проблем, одной из которых было крестьянское малоземелье. Попытки

Новицкая Татьяна Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, лауреат государственной премии РФ.

¹ *Ключевский В.О.* Соч. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 61–62.

правительства, в том числе и деятельность С.Ю. Витте по изменению положения сколько-нибудь серьёзных результатов не дали. Революция 1905–1907 гг., которая ознаменовалась и крестьянскими волнениями, с одной стороны, и созывом законодательной Государственной Думы, с другой, привлекла к решению экономических проблем государства самые разнообразные политических силы. I Государственная Дума, созданная в 1906 году, сделала аграрный вопрос главным в своей повестке. Собственный подход продемонстрировало и правительство, предложившее депутатам проект реформы в этой сфере.

В тронной речи при открытии I Государственной Думы Николай II сказал: «Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твёрдой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права».¹ Так император поставил на первое место нужды крестьянства. Депутаты I Государственной Думы в Ответном адресе на тронную речь сочли нужным отметить: «Выяснение нужд сельского населения и принятие соответствующих законодательных мер составят ближайшую задачу Государственной Думы».²

В научной литературе реформа П.А. Столыпина, как правило, рассматривается как реформа, которая могла внести успокоение в российское крестьянство, решить проблему малоземелья и сделать из крестьянина настоящего хозяина (которым, видимо, до этого он не был). Особо подчёркивается идея передачи надельной земли в собственность крестьянину-домохозяину. Обычным делом, начиная с перестроечной публицистики, стало противопоставление идей большевиков, которые они воплотили в жизнь в 1917 году декретом «О земле», так до конца и не доведённой за десять лет реформе Столыпина. Полагаю, надо поподробнее рассмотреть проблему, тем более, что здесь как-то выпадает из поля зрения позиция депутатов Государственных Дум всех четырёх созывов.

Итак, уже 8 мая 1906 года, т.е. через десять дней после открытия Думы, в неё был внесён проект земельной реформы, получивший название «Основные положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения», или проект 42-х. Этот проект вносился от партии народной свободы (кадетов). В первом же пункте проекта предлагалось провести «увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов землевладельцев, – государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путём отчуждения для той же цели за счёт государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке, т.е. сообразно с нормальной для данной местности доходности при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, связанных земельной нуждой»³. Кадеты предлагали выкупать земли только у помещиков, но

¹ Полное собрание речей императора Николая II. – СПб., 1906. С. 75.

² Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. – М., 1995. С. 10.

³ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 11.

в следующих статьях вносились ограничения и для тех земель, которые подлежали выкупу. К ним относились земли, «сдававшиеся до 1-го января 1906 года в аренду за деньги, из доли или за отработки» (п. а, ст. V). Далее предлагалось «определить высший размер землевладения при условии ведения собственного хозяйства (своим скотом и орудиями), т.е. определить, больше чего никто не может владеть землёй, и всё, что окажется больше этого размера, также подлежит отчуждению без каких-либо ограничений».¹

23 мая 1906 года свой проект земельной реформы предложила трудовая группа (104 члена Государственной Думы), в состав которой входили депутаты-крестьяне и интеллигенция народнического направления.² Их предложения носили куда более радикальный характер: вся земля с её недрами и водами должно принадлежать народу, причём земля сельскохозяйственного назначения должна передаваться только тем, кто её обрабатывает своим трудом; для этого создаётся земельный фонд, куда поступает принудительно отчуждённые казённые, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли, а также земля частных владельцев, превышающая трудовую норму. Компенсация за отчуждаемые земли должна осуществляться за счёт государства, что в какой-то степени должно компенсироваться земельным налогом с земли, полученной из общенародного фонда. Для подготовки и проведения реформы на местах должны быть созданы комитеты.³

Уже в 1900-е года В.И. Ленин писал о политике российских социал-демократов в случае прихода к власти по отношению к крестьянству: «Социал-демократы хотят отнять собственность только у крупных хозяев, *только у того, кто живёт чужим трудом*. Социал-демократы *никогда не отнимут собственности у мелких и средних хозяев, не нанимавших рабочих*».⁴ Ленинская часть декрета «О земле»⁵ (т.е. первые пять статей) перечисляет практически тех же землевладельцев, земли которых следовало изъять в пользу крестьян: «*Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле (ст. 2). ... Уездные советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации (ст. 3). Имелась и специальная статья о том, что «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» (ст. 5). Если же говорить о Крестьянском наказе о земле, позаимствованном Лениным из эсеровской газеты, то там гораздо больше совпадений с вышеприведёнными программами думцев. Интересно, что и кадеты, и трудовики, и Ленин предполагают, что отчуждаемые земли образуют «государственный запас» (кадеты), «общенародный фонд» (трудовики) или «переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь*

¹ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 12.

² Там же. С. 380.

³ Там же. С. 55–58.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 7. С. 165.

⁵ Цит. по: СПС КонсультантПлюс.

до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле» (Ленин).

Проблема, которая возникает сразу же после слов «принудительное отчуждение собственности» (а именно, земли) – правомерность подобного заявления. Отмечу, что предложение Государственной Думы разрешить крестьянский вопрос путём принудительного отчуждения земель, вызвало гневный ответ председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина. Этот ответ содержит и определённые подтасовки, где автор, выпячивая на первый план крестьян, купивших земли, и как бы забывая о других собственниках, выставляет их основными жертвами предстоящего произвола, говорит о том, что нельзя признавать право собственности у одних и отрицать у других. И, конечно же, ответ содержит гимн собственности, который нельзя не привести полностью. «Не может государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности является во всём мире и на всех ступенях развития гражданской жизни, краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немислимо и самоё существование государства».¹

Подобные аргументы хороши для людей несведущих и не выдерживают критики со стороны специалистов. Поэтому ответ был дан в речи депутата Л.И. Петражицкого, профессора Петербургского университета. Автор прежде всего отметил, что «юридический вопрос о праве собственности не только не может иметь решающего значения в области аграрной реформы, но вообще не относится к делу». Профессор не преминул сослаться на то, что «во всяком элементарном учебнике гражданского права можно найти разъяснение, что неприкосновенность собственности имеет вовсе не смысл какой-то абсолютной неотъемлемости, а иной смысл, с которым вполне мирится начало принудительного отчуждения со справедливым вознаграждением, если того требует общественная или государственная польза». Далее Л.И. Петражицкий не преминул сослаться на свой опыт работы с членами действовавшего правительства, которые при обсуждении аграрного вопроса не высказывали «никакого сомнения по поводу принудительного отчуждения» чересполосно расположенных участков и других подобных случаев. «Одним словом, в аграрной области принудительное отчуждение не есть нечто неслыханное».²

Итак, юридическое обоснование принудительному отчуждению имелось, причём основание веское. Остаётся вопрос экономической целесообразности. Что даст такая мера как принудительное отчуждение и раздача земли неимущим крестьянам. Ответ на него получаем от представителей Министерства внутренних дел, занимавшегося аграрной реформой. Главноуправляющий землеустройством и земледелием названного Министерства А.С. Стешинский в речи 18 мая 1906 года с цифрами доказал, что экспроприация земель мало что даст крестьянам: «в среднем на наличную мужского пола душу считается по 2,66 десятины пахотной земли... прибавление всей могущей быть отчуждённой земли увеличит крестьянское землевладение в среднем на одну с небольшой десятичной дробью десятину на наличную

---

¹ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 14–15.

² Там же. С. 15.

мужского пола душу».¹ Кроме того, ликвидируются все сколько-нибудь благоустроенные хозяйства, у крестьян исчезнет источник подработки в барских хозяйствах. Чиновник сослался на книгу А.С. Ермолова, где приведены примеры нецелесообразности увеличения крестьянского землевладения. В первом случае после распродажи имения графа Воронцова-Дашкова в Саратовской губернии крестьянское землевладение увеличилось с 2 до 18 десятин, а крестьяне всё равно жаловались, что теперь им негде подработать недалеко от дома. В то же время сахарный завод в Подольской губернии (ныне территория Украины), владеющий 5 тыс. десятин, «при эксплуатации этой земли наёмным трудом даёт окрестному населению 150 000 руб. в год чистого заработка. Та же самая земля, переданная населению при лучших условиях, дала бы ему не более 50 000 руб. в год дохода».²

Экономическая выгода от крупного землевладения является бесспорной. Поэтому аграрная реформа, которая была задумана ещё С.Ю. Витте, а после того, как П.А. Столыпин стал председателем Совета Министров (что в соответствии с Основными законами, впрочем, ничего не значило), была законодательно проведена путём хитрой юридической уловки. Правительство воспользовалось правом внесения поправок в уже принятые до учреждения Государственной Думы законы. Поэтому знаменитая Столыпинская аграрная реформа и была проведена Указом Правительствующему Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», то есть прежде всего ст. 12 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости и приложения к ней.

Реформа должна была запустить рыночные отношения в русской деревне, отношения, которым мешала община и наличие собственности крестьянского двора на средства производства, в первую очередь, наделную землю, которую в земледельческих губерниях переводили из общинной в частную. Одновременно перевод права собственности крестьянского двора в частную собственность домохозяина при всей цветастости обоснования этого действия должен был создать возможность банковского залога земли, невозможного при сохранении прежней формы собственности. Реформа не коснулась чисто феодальных помещичьих хозяйств, которые жили за счёт высокой арендной платы с крестьян, которым не хватало земли. Естественно, не затрагивала она и крупное капиталистическое производство, которое всё же развивалось в сельском хозяйстве задолго до Столыпинской реформы. Предоставив крестьянству выживать вполне самостоятельно, за счёт действия дарвиновского закона выживает сильнейший, Столыпин фактически защитил крупную и среднюю помещичью собственность, экономически значимую и классово близкую.³

Однако не один Столыпин был сторонником крупного производства в сельском

---

¹ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 45.

² Там же. С. 47.

³ Определение это отнюдь не принадлежит марксистам-ленинцам. Оно не сходило с уст депутатов I и II Государственных Дум, звучало оно и в дальнейшем, из уст оппозиции. Можно взять в качестве примера выступление П.Н. Милюкова 5 ноября 1908 г. (Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 285–296). Если же заменить слово «классово» на «кланово», то и для нынешних ушей будет вполне приемлемо звучать.

хозяйстве. Ещё в 1903 году в брошюре «К деревенской бедноте» В.И. Ленин писал: «Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях *товарищеское хозяйство*, чтоб землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда.... Тогда и мелкий крестьянин, который захочет ещё по-старому в одиночку хозяйствовать, будет хозяйствовать не на рынок, не на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и всё, что ему нужно... Тогда не будет работы по найму».¹ Если отбросить довольно примитивную идею о натуральном обмене, то видно, что Ленин, во-первых, вполне допускает существование мелких крестьянских хозяйств при социализме и, во-вторых, ликвидация товарного хозяйства, по его мнению, была возможна лишь при создании крупного, стоящего на промышленной основе сельскохозяйственного производства. Последнее сближало его в какой-то степени со Столыпиным: и тот, и другой были сторонники крупных хозяйств в деревне.

Дискуссия об экспроприации земли могла бы перейти в научный спор, если бы не одно обстоятельство: для большей части населения страны – крестьян, причём особенно тех, что проживали в Европейской части России и страдали от малоземелья, экспроприация земли стала почти общенациональной идеей. Об этом кричали крестьянские депутаты в Государственной Думе: «Если России не суждено ещё ввергнуться в новый поток революции, то эти земли должны быть немедленно отданы в руки трудового народа законодательным порядком».² О том же писали крестьяне в своих наказах и приговорах, составленных на крестьянских сходах и направленных в 1905–1907 гг. в адрес правительства.³ Это понимали практически все вменяемые политические деятели. Профессор права Л.И. Петражицкий, которого трудно упрекнуть в радикализме, в уже упоминавшейся речи говорил: «Я... не хочу сказать и не думаю, что реформой, направленной на устранение того бедствия, о котором я говорил, будет достигнуто решение аграрного вопроса. Так думать было бы наивно. ... Наделение крестьян землёй не есть решение аграрного вопроса, а только временный паллиатив, но тем не менее это необходимая ввиду общего кризиса помощь тому бедствию, которое создано было предыдущей политикой и которое, к сожалению, досталось нам как тяжёлое и трудное наследство».⁴ Точка зрения Петражицкого на целесообразный путь развития русского крестьянства очень близок к программе, которую очень скоро начнёт осуществлять Столыпин.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 182.

² Из речи депутата С.В. Аникина, из крестьян // Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 15.

³ В соответствии с Указом императора от 18 февраля 1905 г. всем верноподанным, радеющим об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния, разрешалось писать на высочайшее имя свои предложения. Этим воспользовались крестьяне. Понятно, что писались эти наказы с помощью грамотных людей. Однако следует согласиться с автором-составителем Сборника документов «Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905 – 1907 гг.» (М., 2000), что «никакой агитатор не мог заставить крестьян подписать приговор, если он не соответствовал их настроениям и предложениям» (С. 10).

⁴ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 19.

Разница в путях достижения одного и того же результата: «Мы должны согласно принципу свободы и демократизма предоставить людям то, что они желают, возвыситься над доктринёрскими предрассудками и недоразумениями и принять во внимание реальные интересы и желания местного народонаселения».¹

Требование многомиллионного крестьянства П.А. Столыпиным рассматривалось как каприз. «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплекания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы (рукоплекания в центре и справа)»² – вот программа действий, изложенная Столыпиным на выступлении 16 ноября 1907 года. Учитывая, что «программа» завершилась в октябре 1917 г., вызывает некоторое недоумение заключение авторов Предисловия к книге «П.А. Столыпин. Программа реформ», что «попытки, предпринятые П.А. Столыпиным с целью разрешить очередной системный кризис, вылившийся в революцию 1905–1907 гг., представляют один из поучительных вариантов разрешения клубка накопившихся сложнейших и острейших противоречий». Всё так. Но ведь та столь любезная «консервативно-либеральная модель и технологии её реализации» оказались неудачными, и все усилия создателей рухнули, причём крушение началось *сразу после Февральской революции* 1917 года. Так что «дурное» влияние большевиков на крестьян здесь не причём. Помимо самого названия модели – консервативно-либеральная – и избранный реформаторами метод оказался отнюдь не тот, который мог уберечь от «революционных эксцессов и потрясений, раскола и противостояния в обществе».³ Обещание «дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!» больше похоже на обещание Ходжи Насреддина научить за 10 лет осла шаха читать.

Итак, прежде всего интересно сравнить некоторые положения Указа от 9 ноября 1906 г. с Законом от 14 июня 1910 г., принятым вполне лояльной правительству III Государственной Думой. Закон, с одной стороны упрощал процесс уничтожения общины, что для крестьян, традиционно пользовавшихся нормами обычного права, было не столь важно. Одновременно, с другой стороны, Закон от 14 июня 1910 г. ограничивал возможности в скупке земель соседей (ст. 56): поправка Закона запрещала скупать свыше шести максимальных душевых наделов в одни руки (что, впрочем, можно было легко обойти при установлении индивидуальной собственности на землю).

Итоги реформы можно оценить только по тем результатам, которые были с её помощью достигнуты. Как известно, в России, стране крестьянской, после Февральского переворота в деревнях начались революционные волнения. Фонд Народного комиссариата юстиции Российского государственного архива заполнен делами, возбуждёнными с весны 1917 года по факту захвата помещичьих земель. Кре-

---

¹ Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). С. 25.

² П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы в 2-х томах. М., 2011. Т. 1. С. 47.

³ П.А. Столыпин. Программа реформ. Т. 1. С. 5.

стьяне не поддержали Столыпинской аграрной реформы. Можно, конечно, сказать, что народ плохой. Но можно и ответить, что власть плохая, которая пошла против воли большей части населения страны. Да и что проще заменить: народ или власть?

За лето крестьянам удалось провести свой Всероссийский съезд Советов и сформулировать требования. Как известно, помогли им в этом социалисты-революционеры, которые и напечатали в своей газете Известия ЦИК знаменитый Крестьянский наказ о земле, составленный на основании 242 крестьянских наказов. Пересказ Крестьянского наказа – дело неблагодарное, он известен любому юристу. Однако представляет интерес пункт, содержащийся в Наказе – «Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их» (ст. 3) и «Конские заводы, казённые и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч., конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их. Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного Собрания» (ст. 4).

Таким образом, хотя бы на бумаге крестьяне согласились с сохранением крупных высококультурных хозяйств, хотя основной тезис с 1905 года не изменился и состоял в конфискации частной земли и раздаче её в пользование крестьянам на уравнительной основе. Идеи Крестьянского наказа не совпадали с предпочтениями большевиков. Статьи 3 и 4, конечно, напоминают высказанный в ленинской брошюре «К деревенской бедноте». Но практика лета-осени 1917 года показывала, что крестьяне грабили и делили всё подряд. Никаких крупных хозяйств не сохранялось. И это прекрасно понимал В.И. Ленин, который предложил II Всероссийскому съезду Советов декрет «О земле», не имевший ничего общего с программой РСДРП. Однако было ясно, что если большая часть населения России упорно хочет проведения именно таких изменений, то Ленин пошёл навстречу, поскольку для проведения социалистических реформ в деревне нужны дополнительные реформы. Таким образом, предложение профессора Л.И. Петражицкого «принять во внимание реальные интересы и желания местного народонаселения» оказалось воплощённым в жизнь его антагонистом В.И. Лениным. Мало этого декрет «О земле» по содержанию очень близок проектам аграрной реформы, предложенным депутатами I Государственной Думе для рассмотрения.

Источники и использованная литература:

1. Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. – М., 1995.
2. Ленин В.И. К деревенской бедноте // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 7.
3. Полное собрание речей императора Николая II. – СПб., 1906.
4. Приговоры и наказания крестьян Центральной России: 1905–1907 гг. – М., 2000.
5. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти тт. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., 1994.
6. П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы: в 2-х тт. – М., 2011. Т. 1.

Novitskaya T.E.
**Legal regulation of the land relations in Russia
at the beginning of the 20th century**

The article on the basis of documentary sources gives representation about aspects of an agrarian reform in Russia in early 20th century.

Keywords: history of law of Russia; an agrarian reform; 20th century.

Батлер У.Э.

**О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф.Ф. МАРТЕНСА:
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО**

Время от времени обнаруживаются все новые документы, которые могут нам многое рассказать о личности и профессиональной деятельности Федора Федоровича Мартенса (1845-1909 гг.), всемирно признанного, крупнейшего российского специалиста в области международного права, наиболее уважаемого и влиятельного учёного своего поколения.¹ Помимо прочих достижений, он являлся автором капитального труда по международному публичному праву в двух томах, который пять раз переиздавался в Санкт-Петербурге, а за последние двадцать лет в России вышло ещё два его репринтных издания. В разное время эта книга была переведена на все основные мировые языки, кроме английского. Мартенс также работал над собранием международных договоров (к сожалению эта его работа осталась незаконченной), которое остаётся лучшим российским трудом по данной тематике, примером, на который следует равняться, благодаря исчерпывающим комментариям и аннотациям. Он написал несколько трактатов, посвященных отдельным аспектам международного права, в частности, праву войны и консульскому праву. Его перу принадлежит большое и до сих пор в полной мере неисследованное собрание публицистических материалов, опубликованных в российских и иностранных газетах и журналах. Благодаря дипломатической работе, Мартенс был знаком с министрами иностранных дел многих стран Европы и Америки и, в конце концов, стал ведущим юридическим советником при дворе российского императора, в Государственном совете, Министерстве иностранных дел; неопределима его роль в Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. и в развитии международного арбитража. Наследие проф. Мартенса в широком смысле принадлежит всему мировому обществу.

Исследователями были опубликованы лишь отрывки из его дневника и личного архива. Эти документы свидетельствуют о сложной, иногда противоречивой и склонной к самоанализу натуре, преданной юридической науке, наделённой навыками умелого переговорщика и дипломата.

Батлер Уильям Эллиотт – J.D., LL.M., Ph.D., LL.D., John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Dickinson Law, Pennsylvania State University; заслуженный профессор сравнительного правоведения Лондонского университета, иностранный член РАЕН, НАН Украины, НАПрН Украины, член-корреспондент Международной Академии сравнительного правоведения.

¹ Наиболее полную биографию Ф.Ф. Мартенса можно найти в книге В.В. Пустогарова: С пальмовой ветвью мира: Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. – М., 1993; книга была переиздана в 1999 г. Перевод на английский язык У.Э. Батлера: Our Martens. F.F. Martens. International Lawyer and Architect of Peace. – Гаага, 2000. В английском переводе есть главы, отсутствующие в русском издании.

Письмо, приобретенное одним известным юристом-международником, специалистом в континентальном праве в 2015 г., проливает больше света на личность самого Мартенса. Написанное на французском языке на рубеже веков и отправленное из дома Мартенса в Санкт-Петербурге пока неустановленному адресату (но с наибольшей вероятностью находящемуся во Франции или, по крайней мере, французу), письмо чрезвычайно живо отражает взгляды Мартенса на Бурскую войну, влияние этого конфликта на итоги Гаагской мирной конференции, описывает его успехи в работе над собранием международных договоров и является незаслуженно забытым напоминанием о роли России в достижении мира между Соединенными Штатами и Великобританией, который положил конец Войне за независимость. Почему Мартенс рекомендовал своему адресату использовать это историческое событие по своему усмотрению, – останется загадкой, пока этот адресат не будет установлен.

Санкт-Петербург,
Пантелеймоновская улица, д. 12,
24 февраля (8 марта) 1900 г.

Милостивый государь!

Я взялся за перо, чтобы с удовольствием напомнить вам о себе и рассказать, как счастлив я был встретить вас лично в Париже. Прошло только 4 месяца, но как много событий произошло за столь короткий срок! Я с наслаждением читал ваши статьи на страницах *Le Figaro*¹ и осмелюсь признаться вам, что полностью разделяю вашу точку зрения относительно Южно-Африканской войны. В самом деле, было бы безумием со стороны России или Франции предлагать своё посредничество в переговорах Англии, несмотря на все симпатии к бедным бурам. Если бы я считал, что такое посредничество желательно, то из этого совершенно не следовало бы, что наши две страны должны в нём участвовать. Эту честь необходимо оставить Соединенным Штатам или Германии, если два этих государства желают заплатить за непрошенное вмешательство.

Что касается нападок на Конференцию в Гааге², которая рекомендует медиацию, никто не знает, что Трансвааль вовсе не является стороной Гаагских конвенций, а также о том факте, что на Гаагской конференции Англия не предоставила мировому сообществу возможность выбрать между ней и Трансваалем...

От этих печальных событий я возвращаюсь в год... 1783. В *Le Figaro* я только что прочитал, что французский президент принял американскую делегацию с “долларом Лафайетта”.³ В то же время, когда я читал *Le Figaro*, перед моими глазами

---

¹ Основанное как сатирический еженедельник в Париже в 1826 г., издание стало ежедневной газетой с 16 ноября 1866 г. и оставалось таковым на момент написания Мартенсом данного письма.

² Проведение Гаагской мирной конференции в 1899 г. было предложено 24 августа 1898 г. российским императором Николаем II (1868-1918) и его министром иностранных дел графом Михаилом Николаевичем Муравьевым (1845-1900) по инициативе Мартенса, который играл выдающуюся роль в организации Конференции и стал автором поправки, которая теперь известна в международном праве как “поправка Мартенса”. Поправка касалась положения гражданского населения во время вооруженного конфликта. Мартенс был одним из номинантов Нобелевской премии мира в 1901-1904 гг. Его кандидатура была предложена профессором Х. Матзенем из Университета Копенгагена.

³ Первый памятный серебряный доллар был выпущен Монетным двором США, это событие совпало с участием США во Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Мари-Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файетт (1757-1834) играл ключевую роль в событиях Американской рево-

лежало донесение¹ князя Барятинского², нашего посланника во Франции в 1783 г., императрице Екатерине II³ от 30 августа (10 сентября), с которым он послал в Санкт-Петербург золотую медаль, которую Франклин⁴ от имени Вашингтонского правительства хотел передать в качестве подарка императрице. Такую же медаль получил король Франции. К донесению князя Барятинского было приложено описание этой медали, которое я скопировал для вас.⁵ Разрешаю вам использовать этот

люции, и его многосторонняя деятельность была увековечена таким образом. 50 026 серебряных долларов было выпущено 14 декабря 1899 г. Монетным двором в Филадельфии с использованием более одной формы. Первая монета была положена в специальную шкатулку и отослана в Вашингтон для вручения Президенту Франции Эмилю Лубе [Emile Loubet] (1838-1929) 3 марта 1900 г. Монета и шкатулка, в которую она была положена, сейчас находятся в Лувре. Лафайетт был изображен вместе с Джорджем Вашингтоном, который стал первым американским гражданином, чье изображение появилось на американской монете. Памятная монета не пользовалась спросом по начальной цене \$2.00 каждая, т.е. по двойной номинальной стоимости. В Париже было продано только 1800 монет. В сороковые годы двадцатого столетия тысячи монет вновь попали в плавильную печь казначейства. В 2014 г. хорошо сохранившиеся экземпляры оцениваются в 19 000 долларов.

¹ Мартенс ссылается на Архив внешней политики Российской империи, ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, d. 394, 1, 10-11 об.; translated as Doc. 104, in: *The United States and Russia: The Beginning of Relations 1765-1815*. – Washington D. C., 1980. P. 209.

² Князь Иван Сергеевич Барятинский (1740-1811) был российским посланником в Париже с 1773 по 1786 г. См. книгу под редакцией А.А. Половцева: *Русский биографический словарь [Russian Biographical Dictionary]*. – СПб., 1900. Т. II. С. 546.

³ Екатерина Великая (1729-1796).

⁴ Бенджамин Франклин (1706-1790), посланник США во Франции с 14 сентября 1778 г. по 17 мая 1785 г.

⁵ Согласно описанию, «на одной стороне медали были выгравированы аллегорическое изображение крылатой богини Свободы и дата принятия Декларации Независимости; а на другой – младенец Геркулес, который борется со змеями, посланными леопардом (Геркулес символизировал Соединенные Штаты, а леопард – Великобританию). На той же стороне можно увидеть фигуру Минервы, олицетворяющей Францию, объединяющуюся с Соединенными Штатами. Ниже были выгравированы даты капитуляции британских военных сил в Саратоге и Йорктауне». См.: *The United States and Russia: The Beginning of Relations 1765-1815*. С. 209. Эта медаль, в нумизматических кругах известная как “*Libertas Americana Medal*” (Медаль американской свободы), была разработана выдающимся французским медальером Огюстеном Дюпре (1748-1833 г.) по поручению Бенджамина Франклина. На аверсе вверху читались слова “*Libertas Americana*”, в центре был изображен бюст богини Свободы с развивающимися волосами, позади нее – фригийский колпак на шесте, внизу – дата латинскими буквами (с ошибками) “4 Julii 1776”, подпись “*Dupré*”. На реверсе изображен младенец Геркулес, символизирующий США, убивающий двух змей, представляющих британские вооруженные силы в Саратоге и Йорктауне; слева – Минерва с щитом, на котором нарисована французская геральдическая лилия, и копьём в руке противостоит агрессивному льву, символизирующему Британию; наверху – слова «*Non Sine Diis Animosus Infans*» (отрок бесстрашный храним богами) из оды Горация «К Каллиопе»; под ними – две даты одного и того же месяца 17 октября 1777 г. и 19 октября 1781 г. Это даты выигранных сражений в Саратоге и Йорктауне. Около лап льва видна подпись “*Dupré F.*” [Дюпре Ф.]. Часто датируемая 1781 г., медаль, согласно переписке Франклина, была отчеканена в 1783 г. Известны экземпляры, выполненные в серебре, меди и бронзе. Франклин утверждает, что серебряные медали были вручены Президенту США и каждому министру французского двора. По крайней мере, 24 серебряные медали сохранились, и каждая из них оценивается в \$155 000 по шкале MS64 и \$13 800 по шкале PF55. Более чем 100 сохранившихся медных медалей стоят \$16.000 по шкале MS63. Были отчеканены и золотые экземпляры, но ни один не был обнаружен. Если Барятинский правдив в своем донесении, золотой экземпляр находится в России. В 1976 г. были изготовлены новые формы для этой медали, чтобы увековечить память о 200-й годовщине образования США. Именно из этой формы (не новодела) могло быть изготовлено три золотых, 500 серебряных и

исторический факт по вашему усмотрению.

Мне было бы приятно узнать, что вы находите интересным этот факт, почерпнутый мной в ваших архивах. Вы легко догадаетесь, что в настоящее время я занят подготовкой XIII тома моего *Recueil des Traités*¹, посвященного Франции, с которой я с момента моего избрания (около двух недель тому назад) Членом Института² связан неразрывно. Для меня большая честь быть избранным на место Кастелара.³ Это самая большая честь в моей жизни. Я очень рад этому событию.

Прошу принять уверения в моем искреннем почтении и преданности.

Мартенс⁴

пять бронзовых экземпляров. К медали прилагался том в прекрасном переплете красного цвета с позолоченным обрезом и тройной позолоченной тисненой рамкой с закругленными краями на корешке и темно-синими форзацами, этот том содержал тексты конституций нескольких независимых штатов: *Constitutions des treize États-unis de l'Amérique* [Конституции тринадцати Соединенных Штатов Америки] (*Philadelphie et se trouve à Paris. Chez Ph.-D. Pierres; Imprimeur Ordinaire du Roi, rue Saint-Jacques; Pissot, père & fils, Libraires, quai des Augustins, 1783*) в переводе с английского языка герцога Луи Александра де ла Рошфуко д'Анвиля [Louis-Alexandre de la Rochefoucauld d'Enville] (1743-1792 гг.). Детальное описание этой книги можно найти у С.В. Королева (ст. 9): Французские книги с гербом Екатерины II из бывшей библиотеки Эрмитажа, *Cahiers du Monde russe*, LXVII, no. 3 (2006). С. 659-666. Cohen 3033. В настоящее время книга находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами ... [Collection of Treaties and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers ...]. В 15-ти тт. – СПб., 1874-1909. Мартенс скончался до того, как эта работа была завершена. Тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый тома были посвящены Франции. Тринадцатый том появился в 1902 г. Документ по 479 воспроизводит текст Мирного договора между Францией и Англией, подписанного в Версале и заключенного при посредничестве России и Австрии. В тот же день (3 сентября/24 августа 1783 г.), согласно заметкам Мартенса, был заключен Мирный договор между Англией и Испанией при посредничестве России. В дальнейшем Мартенс публикует Декларацию, датированную тем же днем и подписанную российскими полномочными посредниками.

² По всей вероятности, Мартенс имеет в виду свое избрание “иностранным членом” Академии моральных и политических наук, основанной в Париже в 1795 г. Он был избран “корреспондентом” Академии в 1896 г. Это одна из пяти академий, входящих в состав Института Франции. Данные сведения, неизвестные исследователям Мартенса, я почерпнул у профессора Игнасио де ла Расилла и дел морала [Ignacio de la Rasilla y del moral], о котором упоминает Кастелар.

³ Эмилио Кастелар и Риполл [Emilio Castelar y Ripoll] (1832-1899), четвертый президент Первой Испанской республики (1873-1874).

⁴ Расшифровка и перевод французского текста Элис Э. Батлер, Анны Дарлен Батлер и Стефани Батлер. Аннотации профессора Уильяма Э. Батлера.

УКРАИНА В ЛИБЕРАЛЬНО-ЗАПАДНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБРАЗА)

Статья посвящена проблемам формирования образа Малороссии (Украины) в русском коллективном сознании. А именно: их восприятию представителями либеральной и левой общественности, начиная с первой половины XIX века, а также их отношению к проблеме русской и украинской национальных идентичностей. Рассматриваются главные составляющие этого взгляда, причины его формирования и связь с внутривнутриполитической ситуацией в России. Подчёркивается взаимосвязь между оппозиционностью этих общественных групп по отношению к политической системе страны и поддержкой ими украинского национального движения и его идеологии.

Ключевые слова: ментальные образы, украинская и общерусская национальные идентичности, либеральная общественность, декабризм.

События последних лет высветили одну любопытную черту российской общественной жизни. А именно наличие устойчивой группы, выступающей с «проукраинских позиций». Эта группа выражает поддержку постмайданным властям Украины. Одобряет их внутреннюю и внешнюю политику (особенно те аспекты, которые касаются России). «Не замечает» разгула на Украине ультра-национализма, нацизма и русофобии. Обвиняет Россию в «агрессии» и «недружественной» по отношению к Украине политике. Народ Донбасса и тех, кто поддерживает его борьбу, с нескрываемой неприязнью именуется «ватой», «террористами» и т.п. оскорбительными эпитетами. По сути, повторяет всё то, что говорят украинские националисты и власти Украины.

Примеров тому на просторах сети интернет, в эфире определённых радиостанций и телеканалов, в публичной сфере множество, и перечислять их не имеет смысла. Своих взглядов представители этой части российской общественности не скрывают и, наоборот, стремятся навязать их другим. В количественном отношении данная «общественная страта» не так уж многочисленна и сосредоточена, главным образом, в той социальной среде, которая в советские времена именовалась интеллигенцией. Вместе с тем, она влиятельна, так как имеет доступ к средствам массовой информации, властным структурам, системе образования, формированию общественного мнения. Сейчас её представителей принято называть «либералами», в 1990-е годы эти люди назывались «демократами». Но социальные, ментальные, нравственные и психологические корни данной группы уходят гораздо глубже – в XIX век и восходят к российскому либеральному и левому движению. Во многом именно тогда произошла выработка и фиксация основополагающих идей, психологических стереотипов, политических пристрастий, которые затем стали отличительной чертой российского западничества в его либеральной и левой ипостасях. Наследниками которого и являются современные российские либералы. Самое любопытное, что их роднит и одинаковое отношение к украинско-русскому националь-

---

Марчуков Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва).

ному вопросу и восприятию «Украины» как таковой. Отношение к Украине является пусть и частным, но очень важным критерием их понимания национального вопроса вообще и отношения к России и русскости в частности.

Столь устойчивый стереотип (о нём чуть ниже) свидетельствует о том, что он складывался в тот момент, когда в российском общественном сознании формировался сам образ Украины (а изначально – Малороссии). А это происходило в самом конце XVIII – первых десятилетиях XIX веков. Историю и особенности формирования образа этой земли оставим за скобками¹, стоит лишь упомянуть его основные составляющие, сложившиеся в указанный период (а иногда и гораздо раньше). Первая и исторически главная составляющая – это взгляд на территорию, где позднее возникла Малороссия-Украина, как на историческую колыбель Руси-России, как на место, откуда началась русская история, а также как на исторический и духовный центр русского православия. Другая составляющая – это образ собственно Малороссии-Украины, образ казачье-этнографический, тот самый, что на два с лишним столетия определил взгляд российского общества (и малороссийско-украинского в том числе) сначала на Малороссию, а потом на Украину. Третья – это представление о Малороссии (и Украине) как о неразрывной части Русского Мира, который как раз и является воплощением духовного, национального и политического единения всех составляющих исторической Руси. Того Русского Мира, который создавался на протяжении столетий трудами и простыми людьми, и творцов русской культуры, и строителей русской государственности – как великороссов, так и малороссов.

В последнее время традиционный образ Малороссии-Украины стал подвергаться сильному давлению и замещению со стороны другого образа – образа украинского национализма (но этот вопрос требует отдельного разговора). Ну и, наконец, существует ещё один нюанс коллективного представления об Украине. Это стремление представить её как свободолюбивую нацию, ставшую объектом и жертвой российской агрессии и великодержавности. Это тот образ, которого придерживаются российские либералы-западники, и который они, в свою очередь, стремятся навязать всему обществу. И он тесно связан с исторической концепцией и мировоззрением, которые теперь утверждаются на Украине. Как возникло это представление и почему он закрепился именно в российском западническом лево-либеральном дискурсе? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо заглянуть в начало XIX века. Ответ стоит искать как в особенностях восприятия Малороссии российским обществом, так и, главное, в тех социально-политических процессах, которые тогда происходили в самом этом обществе.

В 20-х гг. XIX века в России наблюдался всплеск интереса к истории. Начало ему положил патриотический подъём 1812 года, всколыхнувший всё русское общество и резко вознёсший чувство национальной гордости и гражданского самосознания. Он попал на подготовленную почву – на процесс осмысления обществом своего давнего и недавнего минувшего, что начался в середине XVIII столетия и продолжался всю его вторую половину. Результатом стало появление такого монументального исторического исследования, как «История государства Российского»

---

¹ Подробнее об этом: *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М., 2011.

Николая Михайловича Карамзина, первые части которой вышли в свет в 1818 году.

Карамзин не был первым, кто писал труды по русской истории. До него это делали В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин. Но именно Карамзин сумел впервые представить цельную, неразрывную во времени картину русской истории и постарался объяснить её суть. «Карамзин – наш Кутузов 12-го года; он спас Россию от нашествия забвения, воззвал её к жизни, показал нам, что у нас есть Отечество», – так отзывался о значении «Истории государства Российского» и том громадном впечатлении, которое она произвела на современников, П.А. Вяземский.¹ «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием», – подтверждал его слова А.С. Пушкин.² Труд Карамзина также подтолкнул многих (особенно тех, кто не был согласен с его главной идейной посылкой) к дальнейшему осмыслению русской истории. Прошлое Малороссии тоже становится объектом научного интереса: в 1822 году появляется «История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, впоследствии переиздававшаяся.

История в свою очередь даёт творческий импульс литературе. Думы К.Ф. Рыльева о князе Владимире, Дмитрие Донском, Марфе-посаднице, Борисе Годунове³, «Песнь о вещем Олеге», «Полтава» и «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Аскольдова могила», «Юрий Милославский или Русские в 1612 году» отца русского исторического романа М.Н. Загоскина, исторические драмы и трагедии, в том числе «Рука Всевышнего Отечество спасла» Н.В. Кукольника, «Стрельцы» К.П. Масальского, «Димитрий Самозванец» Ф.В. Булгарина и многое другое (даже гимназические опыты Н.В. Гоголя – поэма «Россия под игом татар» и повесть «Братья Твердиславичи») – всё это закономерный итог увлечения русского общества родной историей.

Помимо общерусских сюжетов, в центре внимания оказывалась историческая реальность Малороссии: ключевые периоды казачьего прошлого и его знаковые фигуры – Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа. И если интерес к первому вполне понятен и логичен (Хмельницкий освободил Малороссию от польского гнёта и сделал стратегический выбор в пользу Москвы), то второй пользовался вниманием не только как его политический антипод, но ещё и потому, что «принадлежал» к истории «новой» России. Ведь рождалась она не только на далёких балтийских берегах, но и в Малороссии, в порохе и дыму Полтавской победы. Так, в 1817–1819 годах печатает свой роман (незавершённый) «Зиновий Богдан Хмельницкий или освобождённая Малороссия» Ф.Н. Глинка. В начале 20-х гг. XIX века свою «Песнь о Богдане Хмельницком – освободителе Малороссии (подражание польской, сочинённой Леоном Рогальским)» публикует О.М. Сомов. Тогда же появляются и украинские произведения Кондратия Фёдоровича Рыльева, и первое из них – дума «Богдан Хмельницкий». После дум он пишет поэму «Войнаровский» (1823–1825 гг.) о временах Мазепы и незаконченную поэму «Наливайко». Готовил поэт и другие про-

---

¹ Цит. по: *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. – М., 2002. С. 31.

² *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М., 1981. С. 48.

³ Кстати, первым о Годунове, как и о «вещем Олеге», написал именно Рылеев. Наиболее совершенные из его дум – это «Смерть Ермака», ушедшая в народ, и «Иван Сусанин», послужившая толчком к созданию М.И. Глинкой оперы «Жизнь за царя».

изведения: «Палея», «Нравы Малороссии» и «Картину Украины».¹

Но история привлекала к себе внимание современников не только своей познавательной стороной и была не только увлекательным чтением о славных делах прошлого. Многие в русской и малороссийской истории начинают искать ответы на злободневные вопросы дня сегодняшнего. Скажем, Рылеев в «Войнаровском» (в обращении к А.А. Бестужеву) предупреждает его (и читателя) о содержании своих стихотворных строк:

Как Апполонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдёшь живые чувства –
Я не поэт, а гражданин.²

Интерес к украинской тематике у Рылеева или, к примеру, у Глинки или Сомова объяснялся не только любовью к Малороссии, но и соображениями общественными. Интерес к сильной личности, борющейся с невзгодами и преодолевающей трудности, был не только чертой романтизма, хотя и Хмельницкий, и Наливайко, и Войнаровский, как и многие другие персонажи в литературе тех лет на историческую тематику, были именно такими героико-романтическими личностями, подчас лишь отдалённо напоминающими своих прототипов, да и сами сюжеты во многом были вымышленными. Главным в героико-романтических произведениях был гражданский, воспитательный, патриотический пафос.³ Герои, князья и цари прошлого должны были своим примером учить современников (а то и монархов) добродетелям и идеалам защиты Родины и служения Отечеству.

На восприятие прошлого также оказывала влияние пришедшая из Европы интеллектуальная мода и социально-политические стереотипы той поры, что особенно было характерно для декабриста Рылеева и людей, близких ему по взглядам. На европейских же представлениях эпохи Просвещения основывалось и «гражданское» направление в литературе. Идеи политической свободы и борьбы с несправедливостью (берущейся в обществе во многом из-за отсутствия этой самой свободы), неприятие деспотизма (под которым понималось самодержавие) и мотивы тираноборчества, идущие в русской общественной мысли ещё от А.Н. Радищева, в начале XIX века были широко распространены в российском дворянстве, особенно среди молодёжи. Отдал им дань даже сторонник самодержавного устройства Карамзин, проецируя эти идеи на эпоху и личность Иоанна IV Грозного, который, согласно данным интеллектуальным установкам, как раз и стал олицетворением деспотизма и тирании.

Поэтому в прошлых веках эти люди в первую очередь искали подтверждения своим гражданским и даже республиканским идеалам, и примеры жертвенной борьбы за них, а задачу истории видели в том, чтобы мобилизовать общество и «гражданина» на борьбу с социальным злом.⁴ Отсюда внимание не только к гражданским

---

¹ Литературное наследство. – 1954. Т. 59. С. 153; *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. – Киев, 1982. С. 27.

² *Рылеев К.Ф.* Собрание сочинений. – М., 1906. С. 121.

³ *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина. С. 12, 13, 26, 41–42.

⁴ *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб., 2004. С. 248–249, 251–261.

образцам античных Греции и Рима – «эталону» истории в представлениях того времени, но и к реальным или полубогатым героям отечественного прошлого, которые подходили бы под эту, с одной стороны идеологию, с другой – интеллектуальную моду. Отсюда неслучаен интерес к такому сюжету, как восстание легендарного Вадима Новгородского, у истоков которого стояли ещё Екатерина II (написавшая драматическую хронику «Из жизни Рюрика», 1786 г.) и её оппонент поэт Я.Б. Княжнин (автор трагедии «Вадим Новгородский», 1789 г.), и к которому обращались и Пушкин, и Рылеев, и декабристы.¹ Этот легендарный сюжет рассматривался в контексте противостояния двух непримиримых, как полагали, начал отечественной истории: самодержавного, олицетворяемого Рюриком, и «гражданско-вольнотлюбивого», воплощением которого представлялся восставший против него Вадим Храбрый.

Этой же конъюнктурно-политической причиной во многом объяснялось повышенное внимание к древнему Новгороду вообще. В его вечевом устройстве хотели видеть воплощение древних «свобод» и республиканских устоев, павших жертвой «тирании» – московского самодержавия. И хотя средневековая новгородская реальность была далека от революционных идеалов конца XVIII века («свободы, равенства и братства»), а лежащий в основе новгородской системы власти олигархический принцип вряд ли был чем-то лучше самодержавного московского, «новгородский миф» надолго войдёт в сознание оппозиционно настроенных кругов российского общества. Новгород становился своеобразным символом проблем дня сегодняшнего. И никто всерьёз не задавался вопросом, а какой бы оказалась судьба России и даже самого Новгорода, не окажись он в Российском государстве, и остался бы он тогда русским по культуре и «национальности» вообще.

Имел этот миф и ещё одну черту, поначалу практически неприметную, но со временем становившуюся всё более отчётливой на общем фоне российской политической действительности. Идея политической «свободы» была настолько сладкозвучна, а неприятие «тирании» – так велико, что в историческом противоборстве Москвы и Новгорода люди оппозиционных (а позднее – либеральных и лево-революционных) взглядов симпатизировали именно Новгороду. Но если для декабристов, как государственников и даже русских националистов², это означало лишь преимущество новгородского строя перед московским и особенно современным им бюрократическим петербургским, то для последующих поколений участников российского «освободительного движения» социально-политические идеалы нередко оказывались важнее всего прочего. В том числе идеи государственного объединения русских земель в прошлом и национального единства России в настоящем.

Фактически, последующие поколения оппозиционно настроенных представи-

---

¹ Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России... С. 142–143, 234–235.

² В программных документах декабристов ясно прослеживается намерение превратить российских подданных в русскую гражданскую нацию, которая, в соответствии с главным положением национализма, понималась как социально-политическая категория. Под «русскими» они разумели не одних великороссов, но также «малороссиян», «украинцев» (то есть, жителей Слободской Украины), «белорусцев» и казаков, которые «к общей пользе» должны были составить один народ («чтобы все были Русские») с единым русским языком, законами и «образом мыслей» – то есть, одну нацию. Пестель П. Русская Правда. – М., 1993. С. 93–95, 119–123, 148–169, 180–183.

телей российского общества (конечно, далеко не все из них, но, всё же, многие) во имя своих политических идей были готовы пожертвовать единством страны. Пускай пока не напрямую, а лишь виртуально, применительно к историческому прошлому. Но, один раз заявив о себе, эта тенденция никуда не исчезала и со временем из зыбкой области истории переместилась в современность, проецируясь уже не на древний Новгород, а на вполне реальные регионы, «страдающие от тирании». И, прежде всего, на Малороссию (Украину).

Вслед за вечевым Новгородом, в первые десятилетия XIX века аналогичный образ – воплощения духа свободы и «украинской независимости», поглощённых «московской деспотией», – начнёт применяться в отношении казачьего периода истории Малороссии. И опять-таки, вопреки тому, что такой её образ был весьма далёк от реальности казатчины и нравов Запорожья. Творился новый миф не без участия оппозиционной по отношению к самодержавию российской общественности, но прежде всего усилиями адептов зарождающегося украинского движения. И, конечно же, при идейном воздействии польских идеологов украинофильства (Я. Потоцкого, Т. Чацкого, Ю.(Б.) Залесского, Ф. Духинского и др.), а на первых порах – именно ими. Эти же социальные и национальные группы становились и главными поборниками разрабатывавшегося «украинского мифа».

Такой идеализированный, героизированный и романтизированный образ казачьих времён сложился и в малороссийском, и в русском обществе вообще во многом благодаря анонимному сочинению: «Истории Русов, или Малой России». По своим целям и содержанию эту «Историю» справедливо назвать политическим памфлетом. Она преследовала вполне конкретные местнические цели: подтвердить права малороссийского дворянства на политическое и экономическое господство в крае и обосновать саму законность его притязаний на власть. Для этого казачество (то есть, та социальная среда, из которой эта правящая группа и вышла) преподносилось как изначально благородное сословие, издревле правившее Южной Русью. Исходя из этой посылки, анонимные авторы и заказчики памфлета и трактовали взаимоотношения «казачьего сословия» и российских властей. Действия последних изображались в чёрном цвете, если только хоть в чём-то ставили под сомнение право казачьей верхушки распоряжаться краем.¹ Вполне вероятно и то, что появление «Истории Русов» было вызвано также причинами, имевшими общую с декабризмом основу. Но в любом случае, для того, чтобы изложенные в ней идеи легче усваивались и не вызывали подозрений в политической пропаганде, они были облечены в форму исторического сочинения.

Написанная в начале XIX века и впервые изданная лишь в 1846 году, «История Русов» несколько десятилетий распространялась в списках и оказала сильное влияние на российскую читающую публику. К ней долгое время относились как к серьёзному сочинению по истории Малороссии и принимали на веру всё, что там говорилось. Лишь позднее, по мере накопления фактических знаний, была доказана историческая несостоятельность «Истории Русов» и установлено, что она полна ис-

---

¹ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996. С. 104–139; *Марчуков А.В.* Переяславская Рада в идеологической системе украинства // Вестник Юго-Западной Руси. – 2006. № 1. С. 42–43.

кажений, фальшивых «свидетельств» и легенд (при помощи которых и обосновались те цели, ради которых памфлет и был написан). Однако за прошедшее время созданный ею образ «казачьей Украины» как царства свободы, и казачества как соли этой земли и борца за её права, равно как и оценки исторического прошлого Малороссии и её взаимоотношений с Россией, уже были усвоены. Идеинный посыл «Истории Русов» оказался востребован украинским движением и использован при формировании именно украинской национальной идентичности (в середине – второй половине XIX и даже в начале XX веков).

Оказала «История Русов» влияние и на умонастроения людей декабристского круга (а по одной из версий, она сама происходила из этой среды), и в первую очередь на творчество его ярчайшего представителя К. Рылеева. На примере его трактовки взаимоотношений «казачьей Украины» и «Москвы» хорошо видно, как созданная польскими реваншистами¹ и малороссийскими казакофилами неказачья идеология начала смыкаться с российским оппозиционным движением, и как в русском обществе (его части) стал складываться взгляд на Украину как на «угнетённую царизмом». Вообще-то, взгляды Рылеева на Малороссию в основе своей вполне привычны и традиционны для русского общества. Это становится видно сразу же, как только его политические пристрастия отступают на второй план. Круг исторических врагов Малой Руси он обрисовывает недвусмысленно.

Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов²
Я на душу принять готов.

– говорит Наливайко, герой его одноимённой поэмы. И готов он это сделать ради того, –

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу.³

И здесь не важно, что рылеевский Наливайко (как и большинство героев гражданской лирики той эпохи) не слишком напоминает своего реального прототипа, руководствовавшегося куда менее возвышенными целями. Важно то, что Рылеев (как и многие декабристы) малороссов понимает как «русский народ». Совершенно так же смотрел поэт-гражданин и на вопросы культуры. Так, в задуманном им «Ис-

---

¹ Их целью было восстановление польского государства, причём в границах 1772 года, то есть, включающего заселённые малоруссами и белоруссами земли. Добиться своей цели польские деятели намеревались разными путями. Одним из основных ими был выбран путь ослабления России и раскола Русского Мира посредством разжигания малороссийского (а позже – украинского) сепаратизма и национализма. Для чего создавались псевдонаучные теории о расовых и исторических различиях между великороссами и украинцами, выстраивалась особая «казачья история» – как часть истории польской, а само казачество подавалось как извечный противник России.

² Под «сарматами» имеются в виду поляки. Название происходит от *сарматизма* – социально-культурной идеологии, распространённой среди польской шляхты (конец XV–XIX вв.). Суть её состояла в том, что шляхта выводила своё происхождение от древнего народа сарматов. И тем самым подчёркивала свой особый статус, социально и культурно отделяя себя от простого народа.

³ *Рылеев К.Ф.* Собрание сочинений. С. 145.

торическом словаре русских писателей» (этот замысел, как и многие другие, он не успел осуществить) должны были присутствовать все писатели-малороссы современности и прошлого (например, известный малороссийский философ Г.С. Скворода).¹

Стоит отметить и ещё одно важное обстоятельство: при всём своеобразии своего взгляда на историю и люди декабристского круга, и просто писавшие в духе героического и гражданского романтизма, незаметно стали включать в отечественную историю не только сюжеты древней или великорусской её части, но и не столь давние события казачьего прошлого Малой Руси.

Но если с Северином Наливайкой и Семёном Палеем (не говоря уже о Богдане Хмельницком) всё было более-менее ясно, и их деятельность вызывала сочувствие и поддержку, то, скажем, с Иваном Мазепой или его племянником Андреем Войнаровским дело обстояло гораздо сложнее. Однако же неприятие современных социально-политических реалий проецировалось на прошлое, благодаря чему в романтически-гражданственные одежды облекались фигуры, чьи поступки и порывы от гражданско-патриотических были весьма далеки. Вот и рылеевский Войнаровский во имя пропаганды идей свободы показан не заговорщиком, посвящённым в планы Мазепы, а отважным гражданином, патриотом и тираноборцем, поднявшимся против самодержавия.

Ах, может, был я в заблужденье,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточеньи,
Тираном почитал царя.

– размышляет герой в конце жизни, начиная уже сомневаться в правоте своих оценок и дел.²

Таков и гетман Иван Мазепа. Волею случая, а вернее, благодаря европейской внешнеполитической игре и внутренним особенностям развития Малороссии конца XVIII–XIX веков, из не самого заметного персонажа он превратился чуть ли не в одну из известнейших и тиражируемых фигур мировой истории. Неслучайно, что миф о Мазепе как одиноком романтическом герое и борце за свободу заложил в своей «Истории Карла XII» (1731 г.) ни кто иной, как Вольтер, тогда ещё молодой человек, а позже властитель дум и законодатель интеллектуальных мод. Сочинение пользовалось невероятной популярностью: только в XVIII веке оно переиздавалось (на различных языках) 114 раз. Во многом благодаря именно Вольтеру в европейском сознании формируется образ «страны казаков», которую «московиты», по его словам, «старались по мере сил обратить в рабское состояние», «тогда как Украина всегда хотела быть свободной». При этом Вольтер не пояснял, когда она хотела быть свободной и от кого. Затем романтический облик гетмана укрепился благодаря поэме Дж. Байрона «Мазепа» (1818 г.) и одноимённому стихотворению В. Гюго (1829 г.), а затем ещё целому ряду иностранных и русских произведений литерату-

---

¹ Заславский. И.Я. Указ. соч. С. 27.

² Рылеев К.Ф. Указ. соч. С. 134.

ры, музыки и живописи.¹

Нельзя в этом контексте обойти вниманием и «Историю Русов». Она вобрала в себя этот миф, дополнив его собственными наработками. Мазепа преподносится в ней в самом выгодном свете, как мудрый правитель и патриот, поглощённый исключительно заботой об Украине. Тогда как Пётр I и его соратник А.Д. Меншиков изображены исчадиями ада и врагами малороссийского народа, ну а Карл XII и шведы – друзьями Украины. И этот двойной миф (европейский и «неоказачий») оказался весьма живуч. Тот же Рылеев не заблуждался насчёт коварства и честолюбия гетмана, характеризуя его как «великого лицемера, скрывающего свои злые намерения под желанием блага к родине»:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон –
Мне гетман не открыл сей тайны...

– говорит Войнаровский и продолжает:

И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.²

Исторически верно изображает Рылеев и отношение народа к старому гетману и его поступку:

Народ Петра благословлял...
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду.³

Однако под влиянием «мазепинского мифа» и антисамодержавных идей создавал вокруг него налёт таинственности и романтичности. И в ещё большей степени гражданственность и «души прекрасные порывы» присущи главному герою поэмы – самому Войнаровскому, как «непричастному» к «непонятному» Мазепе (хоть, как уже было сказано, и начавшему раскаиваться в делах своей юности).

Русское общество не могло остаться в стороне от осмысления проблемы. Решая, кто же такой Мазепа, герой он или нет, гражданско-патриотическими или корыстными мотивами он руководствовался, общество не только эмоционально оценивало ту эпоху или дело Петра I. Оно параллельно принимало или отвергало западный миф о Мазепе (и Украине) и идеологию казачьего (а после – украинского) самостийничества, и определялось в отношении Малороссии по принципу «своё – не своё, вместе – врозь». Журнальная дискуссия, развернувшаяся, скажем, вокруг пушкинской «Полтавы», главный герой которой всё тот же Мазепа, только способствовала этому поиску. «Полтава», вышедшая в 1828–1829 годах, стала одним из

¹ Курукин И.В. Образы и трагедия гетмана Мазепы // Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. – СПб., 2008. С. 182–183; Звизняцковский В.Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. – М., 2009. Вып. 2. С. 291.

² Рылеев К.Ф. Указ. соч. С. 136–137.

³ Там же. С. 136.

самых значительных произведений русской литературы того времени (да и вообще) об Украине. Как и ко всякому литературному произведению, к поэме нельзя подходить как к документальному историческому исследованию. Центральное место в ней занимает любовный (хоть и реальный) сюжет. Да и Мазепа изображён чуть ли не главным противником Петра и участником Полтавского сражения, хотя на самом деле ни сам он, ни та горстка казаков, что осталась с ним (примерно в тысячу человек), в битве не участвовали: шведы им просто не доверяли, и притом не без оснований. Тут уж в дело вступали законы жанра: как главный герой Мазепа просто не может «вести себя» по-другому. Не избежал Пушкин и дани тому самому мифу, изобразив ситуацию так, будто на Украине действительно имелась благоприятная среда для планов гетмана:

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.

И «юность удалая», не желая погибать за Петра «в снегах чужбины дальней», мечтала:

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!¹

Подобные мечтания (разумеется, без того, чтобы «грянуть» на кого-то войною) были свойственны скорее поклонникам казачьего мифа из числа современников Пушкина, нежели реальному казачеству времён Мазепы, Кочубея, Искры и Скоропадского. И хотя поэт не был знаком с «Историей Русов», когда работал над поэмой, это не исключает того, что ему могло быть известно о наличии в обществе такого рода настроений.²

Но в целом поэма была верна в историческом отношении и расстановке смысловых акцентов, и знаменовала отход от идейных клише предыдущего периода. В предисловии к первому изданию «Полтавы» Пушкин подчёркивал: «Некоторые писатели хотели бы сделать из него (Мазепы – А.М.) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения».³ И эта оценка впоследствии была многократно подтверждена историческими фактами. Даже описывая тот самый «ропот юности», Пушкин совершенно по-иному оценивает её желания, причём делает это не с позиций России и Петра, а с точки зрения самой Украины. «Друзья кровавой старины» роптали,

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. Т. 3. С. 176.

² Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. 3. Киев, 1880. С. 491.

³ Цит. по: Заславский. И.Я. Указ. соч. С. 92.

Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времён.¹

Да и в целом складывавшийся в те годы отечественный образ Мазепы в корне отличался от того, что бытовал на Западе (герой-бунтарь, борец за свободу в «стране казаков»). Мазепа осуждался за предательство, но не столько русского царя, сколько своего народа, интересами которого пренебрёг во имя личных выгод.² И такое отношение к нему оставалось неизменным и в последующем. Цельность пушкинского взгляда оказалась сильнее европейских клише Вольтера и двойственности Рылеева.

Сыграла при этом свою роль и личность Петра. Одни считали его величайшей фигурой русской истории, и его слово и дело было для этих людей непререкаемо. Другие, даже относясь к царю менее восторженно, всё равно видели в нём образец служения Отечеству и триумф российской мощи. И потому и те, и другие никак не могли относиться к Мазепе как герою и считать правым его, а не Петра. Мазепа оказывался неподходящей фигурой даже для большинства представителей либерально-западнических кругов: ведь для них Пётр был символом приобщения России к западной цивилизации, и потому его авторитет тоже был непререкаем. Окажись на его месте другой, менее великий и менее «знаковый» царь, может, у мазепинского мифа в России было бы и больше шансов закрепиться. Но главная причина провала этого мифа в русском обществе кроется, всё же, не в личности Петра, а в том, как оно понимало и понимает суть взаимоотношений русской и малорусской национальных «природ».

Нелишне подчеркнуть, что образ «проклятой Мазепы», которой матери пугали непослушных детей, не был «спущен сверху» из русских столиц, но имел местное, малороссийское происхождение. И не только церковное (хотя анафему ему объявляли иерархи-малороссияне), но и народное, что отразилось в песенном творчестве. Так, собиратель украинского фольклора, историк Михаил Александрович Максимович, чуть позже ставший первым ректором Киевского университета имени Святого Владимира, сначала в альманахе «Эхо» (1830 г.), а затем в своём сборнике песен (1834 г.) опубликовал малороссийскую песню о Мазепе, сложенную вскоре после описываемых в ней событий, где есть такие строки:

У Киеве на Подоле
Порубаны груши;
Погубив же псе Мазепа
Невинныя души!
Ой, выгорев весь Батурин,
Зосталася хата
Да вже-ж твоя, псе Мазепо,
И душа проклята.³

¹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 177.

² Курукин И.В. Образы и трагедия гетмана Мазепы. С. 186–187.

³ Максимович М.А. Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. – М., 1834. С. 110–111.

Примечательно, что дискуссия о пушкинской «Полтаве», Мазепе и его роли в малороссийской истории велась одновременно и великоруссами, и малоруссами. Причём именно последние решительно выступали против идеализации Мазепы как патриота. «Все его действия, – писал о Мазепе активный участник журнальной дискуссии Максимович, – нисколько не показывают в нём самоотвержительной любви к Малороссии; История представляет в нём хитрого, предприимчивого честолюбца и корыстника... обличает в нём характер, несовместимый к высокою любовью к отечеству». Украину он хотел сделать «независимою для себя, свою независимость хотел утвердить он, завладев Малороссией». И потому народ и казаки за ним не пошли.¹

Причём такое отношение к Мазепе вовсе не было продиктовано какими-то политическими или национальными пристрастиями. Оно возникало независимо от них, при знакомстве с историческими фактами. «Воплощённой ложью» назвал гетмана современник Максимовича, историк Н.И. Костомаров, сам в молодости бывший восторженным и очень деятельным украинофилом. «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова», искавший лишь свою выгоду и думавший «отдать Украину под власть Польши», – написал он после того, как основательно изучил ту эпоху и личность героя своего исследования, ещё раз подтвердив то, что уже было сказано задолго до него.²

Однако, будучи созданным, мазепинский миф уже больше не исчезал, со временем превратившись в одно из краеугольных положений идеологии украинства. Для его адептов Мазепа – герой и борец за Украину. В российской среде его апологетами являются считанные единицы, в целом тоже разделяющие эту идеологию³. Но на личности самого Ивана Мазепы проблема не заканчивалась. Тенденция, которая впервые наметилась в гражданской лирике – смотреть на Украину сквозь призму социально-идеологических теорий борьбы «свободы» с «тиранией», стала неизменной составляющей российского левого и либерального «освободительного движения» XIX – начала XX веков.

Мировоззрение декабристов было цельным и успешно сочетало в себе требования социальных и политических перемен с государственным патриотизмом и приверженностью русским национальным интересам, в том числе территориальному единству России.⁴ Но после подавления декабристского восстания национально-

---

¹ Максимович М. О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении // Атеней. – 1829. Ч. 2. № 41. С. 502–503, 515.

² Костомаров Н.И. Мазепа. – М., 1992. С. 320.

³ Главным российским апологетом Мазепы является Т.Г. Таирова-Яковлева, издавшая несколько работ о нём и украинско-российских отношениях того периода, за которые президентом Украины (видным украинизатором и русофобом) В. Ющенко была награждена орденом княгини Ольги III степени. Сами работы Таировой-Яковлевой неоднократно подвергались критике. Об этом см.: Бесов А.Г. Мазепиана Т.Г. Таировой-Яковлевой // Сборное мнение о Мазепе. – Харьков, 2011. С. 400–414; Каревин А.С. Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы // Сборник русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории. – М., 2011. С. 404–411.

⁴ Скажем, тот же Рылеев пенял российским властям, что за тридцать лет с момента второго и третьего разделов Речи Посполитой (это говорилось во время следствия, в 1826 году) они не сделали ничего, чтобы «нравственно присоединить» эти земли к России, и называл «великой погрешностью» намено-

государственный и социально-политический факторы начали всё больше и больше «разводиться» общественными течениями по разным политическим лагерям и даже противопоставляться друг другу по принципу «либо – либо». Так возникают два течения – «славянофилы» и «западники», каждое из которых фокусировалось преимущественно вокруг какого-то одного из этих факторов. Поначалу эти течения были ещё довольно близки, их представители ещё могли слышать друг друга. Но очень скоро общество начало поляризоваться, и услышать (и понять) друг друга становилось всё труднее.

Поэтому последующие поколения борцов с самодержавием (из либерально-западнического и лево-революционного лагеря) чем дальше, тем всё больше оказываются готовы во имя этой борьбы пожертвовать политическим единством и национальной однородностью страны. Именно в этой среде оказывается не чуждой и набиравшая популярность русофобия, которая лишь отчасти увязывалась с существующим политическим строем, а скорее становилось отражением неприятия России как таковой и всего, что с нею связано.

Так получилось, что для широких кругов российской общественности очень долгое время оставалось неизвестным негативное отношение Рыльева (как и многих его единомышленников-декабристов) к «торговле» российскими территориями, или его же глубокое убеждение, что исторические русские земли (приобретённые в ходе разделов Речи Посполитой) должны быть русскими не только по происхождению, но и по национальному и культурному облику. Зато они знали его гражданскую лирику... и «Войнаровского». Скажем, поэма «Войнаровский» (заметим, не «Наливайко»!) в течение десятилетий распространялась в списках и оставалась очень популярной не только среди адептов украинофильского движения, но и среди российской общественности, настроенной оппозиционно к власти.¹ И секрет её популярности заключался не только и не столько в личности автора (революционера, к тому же, казнённого), сколько в мировоззренческой и тактической близости этих кругов и украинофильства. Близости, условия для которой были заложены и этой поэмой тоже.

Украинофильство (не говоря уже о радикальном украинстве), будучи маргинальным и слабым явлением, было кровно заинтересовано в сильных союзниках, каковыми стали оппозиционно или революционно настроенные группы российского общества. В самой украинофильской среде, помимо национальных, также (как дань общественному «мэйнстриму» того времени) были распространены либеральные и революционные идеи. А российское лево-революционное и либеральное движение, чьей чертой стало укоренившееся разрушительное начало и национальный нигилизм по отношению к России, также раскрывало объятия для всевозможных союзников в борьбе с «царизмом», или создавало их само. Такого союзника оно на-

---

вание их в официальных актах «польскими или вновь присоединёнными от Польши». А декабрист И. Якушкин указывал: когда его товарищам стало известно, что император Александр I не исключает возможности передачи Польше (для завоевания доверия и преданности польской аристократии и шляхты) некоторых западных территорий, присоединённых к России при Екатерине II, они встретили это известие с возмущением. – Западные окраины Российской империи. – М., 2006. С. 90; Восстание декабристов. Материалы. – М., 1925. Т. 1. С. 180.

¹ История Киева. – Киев, 1983. Т. 2. С. 163.

шло в лице украинофильства-украинства. Его оно выпестовало и поддерживало всю вторую половину XIX – начало XX века.¹ Затем, уже в образе большевиков, – создало «Украину». И, оставаясь в оппозиции к России (хотя формально – к её «власти» и «русскому шовинизму»), продолжает поддерживать Украину и украинство до сих пор. И потому однажды найденный образ остаётся для него актуальным.

Таким образом, первая треть XIX века стала периодом, в который были заложены основы для ещё одного нюанса восприятия российским обществом Украины: как жертвы российской агрессии (а со временем – и «великодержавного шовинизма»). На протяжении всего XIX века и в последующие периоды этот образ дополнялся и дорабатывался под влиянием новых обстоятельств и новых условий. История взаимоотношений российского «освободительного движения» и украинства интересна и поучительна, и заслуживает изучения. Тем более, что взгляды именно этой части общества, в том числе на русско-украинский национальный вопрос, оказывали и продолжают оказывать сильное влияние на политику государства, нередко и определяя её.

Впрочем, свойственен этот взгляд был не всему русскому обществу, а главным образом, его наиболее последовательным, порой граничащим с маргинальностью, либерально-западническим и левым кругам. Восприятие Украины как оплота свободы и российской жертвы прочно засело в их сознании. Соответственно, все, кто боролся против «тирании» и «великодержавности», какие бы цели, вплоть до сепаратистских, они перед собой не ставили, в глазах этих людей представляли борцами за свободу и гонимыми героями. Ну а те, кто не считал казачьих мятежников, украинофилов или украинских националистов героями, борцами и страдальцами, кто не поддерживал их целей и выступал за целостность страны и единение Великой России и Малороссии, удостаивались ярлыка «клеветов самодержавия», «держиморд» и т.д., причём независимо от того, были они великороссами или малороссами.

А критиковать или разоблачать идеологию украинства, противодействовать его целям в этой среде считалось дурным тоном и вообще чем-то неприличным. За что можно было поплатиться именем, положением и т.д. Или же, в лучшем случае, человек сразу чувствовал на себе действие внешне мягкой, но неумолимой общественной «цензуры». Примеров тому в истории российского «освободительного движения» можно насчитать множество, а потому имеет смысл ограничиться лишь одним, зато очень показательным.

В 1888 году в журнале «Северный вестник» был напечатан рассказ А.П. Чехова «Именины». Этому рассказу Чехов придавал большое значение, поскольку, по собственным словам, постарался дать в нём читателю представление о своей позиции (жизненной, творческой и даже, как получилось, политической). И потому категорически просил редакторов «не вычёркивать в... рассказе ни одной строки».² Рассказ получился о лжи, которой наполнена жизнь, начиная с личных отношений, и заканчивая сферой общественной. Перепало в рассказе всем: консерваторам, земцам, либералам. Но главный удар пришёлся именно по последним, людям «шестидесятых годов», которых Чехов выставил в крайне уничижительном свете (чего сто-

¹ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 146, 275–277.

² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти тт. – М., 1977. Т. 7. С. 653.

ит, хотя бы, наименование либералов «полиявшими субъектами», от которых веет «старым, заброшенным погребом», или сравнение с «поганым сухим грибом»¹. А, кроме того, прошёлся Чехов и по украинофилам. В рассказе имеется негативно-ироничное описание одного из таких «будущих гетманов». «Вот другой гребец, бородатый, серьёзный, всегда нахмуренный; он мало говорит, никогда не улыбается, а всё думает, думает, думает... Он одет в рубаху с шитьём, какое носил гетман Полуботок, и мечтает об освобождении Малороссии из-под русского ига; кто равнодушен к его шитью и мечтам, того он третирует как рутинёра и пошляка».²

Такое «направление» молодого писателя пришлось явно не по вкусу либерально-настроенной журналистско-литературной общественности. Рассказ вызвал серьёзные замечания, в основном сводившиеся к «пожеланиям» убрать всё, где в негативном свете выставлены либералы и украинофилы. «Украинофила в особенности я бы выбросил», – советовал Чехову А.Н. Плещеев (редактор и писатель, а в прошлом петрашевец). Но Чехов, вообще испытывавший сильную антипатию к российской либеральной интеллигенции (вялой, ленивой, антипатриотичной, как отзывался о ней он сам) долгое время отказывался это делать. «Нет, не вычеркну я ни украинофила, ни этого гуся, который мне надоел» (то есть, либерала), – отвечал он Плещееву, которого лично уважал. И тут же дал ещё более резкую характеристику адептов украинской идеи. Говоря, что под украинофилом не подразумевает никого конкретно, он пояснял: «Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее, стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки».³

Но в конце концов, почувствовав давление среды, поняв, что выбрав писательскую стезю, он поневоле будет вынужден постоянно находиться в этой атмосфере, и не чувствуя в себе и государстве сил и возможностей этот устоявшийся порядок перевернуть, Чехов уступает. И в последующих изданиях «Именин» убирает и украинофила, и все места, где «неправильно» изображены либералы.

... Самодержавия давно нет, но образ Украины как «жертвы России», где первая всегда права и потому её «освобождению» от «российских пут» и «угнетения» следует помогать, а вторая – заведомо виновата и потому её надо заставлять каяться и наказывать, сохраняется и по сей день, влияя на внутреннюю и внешнеполитическую жизнь России и Украины. Стало быть, он вошёл в коллективное сознание известной части российского общества. Впрочем, Украина здесь не самоценна: не будь её, это место заняла бы любая другая территория (хоть тот же исторический Новгород), на которую были бы возложены аналогичные функции. Ведь этот взгляд – лишь географическая проекция того самого *раскола, расщепления* русского сознания, длящегося уже несколько столетий.

---

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. С. 169–170, 542–543, 544, 547–548.

² Там же. С. 547, 548.

³ Там же. С. 655, 656.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1925. Т. 1.
2. Литературное наследство. – 1954. Т. 59.
3. *Максимович М.* О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении // Атеней. – 1829. Ч. 2. № 41.
4. *Максимович М.А.* Собрание сочинений. – Киев, 1880. Т. 3.
5. *Максимович М.А.* Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. – М., 1834.
6. *Пестель П.* Русская Правда. – М., 1993.
7. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10-ти тт. – М., 1981. Т. 3, 9.
8. *Рылеев К.Ф.* Собрание сочинений. – М., 1906.
9. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти тт. – М., 1977. Т. 7.

Литература:

10. *Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. – СПб., 2008.
11. Соборное мнение о Мазепе. – Харьков, 2011.
12. *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. – М., 2002.
13. Западные окраины Российской империи. – М., 2006.
14. *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. – Киев, 1982.
15. *Звиняцковский В.Я.* Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. – М., 2009. Вып. 2.
16. История Киева. – Киев, 1983. Т. 2.
17. *Каревин А.С.* Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы // Сборник русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории. – М., 2011.
18. *Костомаров Н.И.* Мазепа. – М., 1992.
19. *Марчуков А.В.* Переяславская Рада в идеологической системе украинства // Вестник Юго-Западной Руси. – 2006. № 1.
20. *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М., 2011.
21. *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб., 2004.
22. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996.

Marchukov A.V.

Ukraine in the liberal and westernian discourse (from history of emergence of the image)

This article deals with the problems of formation of the image of Malorossia (Ukraine) in the Russian collective consciousness. To be exact, the perception of the representatives of liberal and left-wing community since the first part of 19th century and their attitude towards the problem of the Russian and Ukrainian national identities. The article considers the main opinions of this idea, the reasons of its formation and the connection with the internal political situation in Russia. The article stresses the intercommunication between the opposition of these social groups towards the political system of the country and their support of the Ukrainian national movement and its ideology.

Keywords: mental imagies, all-russian and ukrainian national identities, liberal community, Decemberism.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АБСОЛЮТНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ В РОССИЙСКОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

В статье раскрыто неолиберальное понимание социального правового государства как абсолютного государственно-правового идеала, но реально достижимого в перспективе. Основное назначение социального правового государства в российской неолиберальной политико-правовой доктрине заключалось в осуществлении следующих принципов: самоограничения государственной власти интересами личности и общества, выраженными в системе права; гарантированности прав и свобод человека и гражданина – и, прежде всего, социально-экономических прав.

Ключевые слова: государственно-правовой идеал, социальное государство, правовое государство, доктрина.

В рамках неолиберальной политико-правовой доктрины конца XIX - начала XX вв. учение о государственно-правовом (общественном) идеале, разработанное в теоретических положениях П.И. Новгородцева, В.М. Гессена, М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и др., являлось целостным мировоззрением, получившим не только теоретическую разработку, но и практическое воплощение. Достижение государственно-правового идеала, по их мнению, могло состояться только при практическом осуществлении правового идеала, который неолиберальные мыслители видели в реальном братстве народов, во «всемирно-гражданском союзе», основанном на всеобщем праве.

Социальное правовое государство определялось в неолиберальной политико-правовой доктрине России конца XIX - начала XX вв. как синтез абсолютного и относительного общественных идеалов¹ в виде конечного идеала государственно-правового устройства. Сама постановка вопроса о необходимости построения правового государства как реально-достижимого общественного правового идеала связывалась с переходом к идеям конституционализма во второй половине XIX века, целью которого явилось скорейшее построение демократического конституционного государства в России как второй ступени достижения государственно-правового идеала в виде социального правового государства. Практическая реализация этой цели, по мнению современных исследователей, сделала бы невозможными революционные события и последовавшие за ними государственные преобразования начала XX века. Представители неолиберальной политико-правовой доктрины на рубеже XIX–XX вв. понятия государственного и правового идеала рассматривали в зависимости друг от друга. Содержание правового идеала для многих представите-

---

Попова Анна Владиславовна – доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при правительстве РФ (Москва).

¹ См. подробнее: Попова А.В. Понятие абсолютного и относительного общественного идеала в теоретических построениях неолиберальных мыслителей России на рубеже XIX–XX вв. // Фундаментальные и прикладные исследования в кооперативном секторе экономике. Научно-теоретический журнал. – 2011. № 5. С. 104-108.

лей либерализма представляло собой понятие естественного права и его принципов.

Для неолиберальной доктрины социальное государство представляло собой высшую ступень развития правового государства. Поэтому в целях его достижения, неолибералы продолжали разрабатывать теорию правового государства, получившее своё обоснование ещё в классическом западноевропейском либерализме. Одной из основных теоретических проблем являлось признание социального правового государства в качестве конечного государственно-правового идеала в отличие от демократического конституционного правового государства, определявшегося как относительный идеал. Особенность понимания социального правового государства в трактовке неолиберальных мыслителей заключалась в четком разграничении общетеоретических положений правового государства и практическом воплощении в отдаленной перспективе социального государства как высшей ступени правового. Правовое государство в неолиберальной концепции являлось следующей ступенью после построения конституционного демократического государства. Поэтому вопрос о соотношении этих понятий стал одним из центральных в неолиберальной политико-правовой доктрине. Анализируя труды неолиберальных правоведов, автор делает вывод о существовании двух основных подходов к решению данной проблемы.

Первый подход основан на научной позиции С.А. Котляревского, обосновывавшего различие правового и конституционного государства. Так, с юридической точки зрения, любое государство является конституционным, если в нём законодательную власть осуществляется народным представительством. Своеобразие таких взглядов состояло в том, что в теоретических построениях правовое государство выступало как «метаюридическое начало», заключающее в себе «пребывающие начала правового государства». Подобные начала определяются сменяющимися правовыми воззрениями и могут быть оправданы только справедливостью, так как она «ведёт к их преобразованию». Таким образом, С.А. Котляревский относил правовое государство к общественному идеалу, к которому надлежало стремиться, а конституционное государство определял, как политическую форму реального государства, обеспечивающую политическое самоопределение народа и выступающую предпосылкой правового государства. С юридической точки зрения, таким образом, любое государство, в котором существует законодательная власть, избираемая народом, является конституционным по своей сути. В таком государстве акт признается законом, если в его принятии участвует народное представительство. Именно поэтому закон в конституционном государстве занимает определяющее место среди иных актов государственной власти, «причем материально закон и для него есть общая норма, а верховенство закона - господство общих норм», поэтому «только общность закона обосновывает равенство перед ним». Осуществление социальных программ как основного содержания социального государства может быть совместимо только с правовым государством.¹ Именно этот постулат С.А. Котляревского был положен в основу неолиберальной теории социального правового государства.

---

¹ *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. - М.: Тип. Мысль, 1915. С. 234–235, 340, 350, 392.

Второй подход (Б.А. Кистяковский, В.М. Гессен) основан на тождестве конституционного и правового государства, когда то и другое определялось достижимой формой государства, которая при определенных условиях могла быть реализована. При этом признаки правового и конституционного государства признавались идентичными, выражающими сущность одного и того же государственного порядка.¹ По мнению Б.А. Кистяковского, в начале своего развития государство использовало законы в своих интересах, но вскоре создание законного правопорядка стало необходимостью, проистекавшей из самой сущности государства. В то же время каждый создающий право в государстве обязан сам ему подчиняться. В силу данных обстоятельств возникает новый этап развития: право, оказав поддержку государству и став для него опорой, распространяет свое господство над ним. Именно тогда и возникает правовое государство. Главным в этом процессе, по мнению Б.А. Кистяковского, «является переход от абсолютизма к конституционализму». Он проводил мысль о том, что развитое конституционное государство является фактически правовым, но не тождественным ему. Данное обстоятельство объяснялось тем, что в конституционном государстве сохраняется «свободное» поведение властей, что нарушает главный принцип построения правового государства – подчиненность власти праву. Но конституционное государство в результате культурных усилий и решительной борьбы с пережитками прошлого может перейти в ранг правового государства. Б.А. Кистяковский не сомневался, что, в конечном счете, принцип всеобщего господства права преодолет все препятствия и окончательно возобладает как в национальном, так и международном масштабе². Подчеркивая постепенный характер перехода от конституционного к правовому государству, Б.А. Кистяковский критиковал В.М. Гессена за то, что тот ставил знак равенства между конституционным и правовым государством.

Разрабатывая теорию правового государства, В.М. Гессен предполагал существование двух типов правового государства. Первым типом он считал правовое государство, созданное на основе парламентарного, а вторым - конституционное государство, которое в зависимости от конкретных исторических условий может быть в большей или меньшей степени правовым. Приоритет оставался, по его мнению, за парламентарным государством, так как только оно и представляет собой истинно демократическое правовое государство, поскольку «парламентаризм является венцом конституционного режима». Таким образом, у В.М. Гессена правовое государство – это определенная цель, стоящая перед обществом, в то время как конституционное – практическое ее осуществление. Особое внимание в неолиберальной правовой доктрине отводилось осуществлению в практической деятельности принципов конституционного и правового государства³, так как только таким образом станет возможным переход к социальному государству.

По мнению В.М. Гессена, общественный идеал в виде правового государства

---

¹ Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. – СПб.: РХГИ, 1999. – 375 с.; Гессен В.М. *Теория конституционного государства*. – СПб.: Тип. Печать и гравюра, 1906. – 247 с.; Гессен В.М. *Теория правового государства*. – СПб.: Тип. Н. Глаголев, 1906. – 62 с.

² Новгородцев П.И. *Идеалы партии народной свободы и социализм*. – М.: Народное право, 1917. – С. 556, 559, 593-596, 598-599.

³ Гессен В.М. *Правовое государство*. – СПб.: Типо-лит. И. Трофимова, 1912. – С. 15.

может быть достигнут только при осуществлении целого ряда условий: во-первых, господства права в различных сферах жизни страны и прежде всего в политической, предполагающего последовательное и строгое осуществление «подчиненности» правительственной власти законодательной; во-вторых, конституционного и административного реформирования механизма государства; в-третьих, приоритета законодательства, одновременно представляющего права и свободы гражданам и налагающего обязательства на государство по гарантированности этих прав; в-четвёртых, реализации правовых гарантий, обеспечивающих неприкосновенность публичных прав.¹

В неолиберальной политико-правовой доктрине получили обоснование две характеристики сущности социального правового государства: социально-содержательная и формально-юридическая. Первая заключалась в наиболее полном обеспечении правами и свободами человека и гражданина, прежде всего социально-экономическими, создании режима правового стимулирования развития личности. Вторая раскрывалась в идее связанности государственной власти правом, выражавшейся в формировании для государственных структур правового режима ограничения их властных функций. Таким образом, социально-содержательная характеристика сущности правового государства представляла собой особую систему взаимоотношений общества и государства, в которой на первом месте находятся естественные права человека, а на втором – право на осуществление государственной власти по отношению к социуму является вторичным, производным от первого.

Формально-юридическая характеристика представляла собой самостоятельные признаки правового государства, обоснованные в теоретических построениях неолиберальных мыслителей как идеалистического, так и позитивистского направлений. К таким признакам российские неолибералы относили: 1) верховенство права и зависимость государственной власти от него; принцип распределения власти на законодательную, исполнительную и судебную, основанный на системе сдержек и противовесов; 2) народное представительство в органах государственной власти, гарантированные государством права и свободы человека и гражданина; 3) принцип взаимной ответственности государства и личности; высокий уровень правосознания и правовой культуры общества в целом.

Представители российского неолиберализма сущность государственной власти видели в *верховенстве права*. По мнению Б.А. Кистяковского, «в конституционном (правовом – *А.П.*) государстве власть перестает быть фактическим господством людей, и становится господством правовых норм»², доказательством чего могут служить верховенство конституции, осуществление народного представительства, выражение народного суверенитета в законодательстве страны и обеспечение неприкосновенности личности. Мыслитель полагал, что главной задачей государственной власти должны стать забота об общем благе, создание условий для осуществления права на достойное человека существование. Правовое государство, как любое государство, нуждается в особой организации власти, специфика которой оп-

---

¹ Гессен В.М. Основы конституционного права. – Пг.: Изд. юрид. книж. склада Право, типо-лит. т-ва А. Ф. Маркс, 1917. С. 66–67.

² Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 282.

ределяется тем, что не столько личность, сколько народ «были бы не только объектом власти, но одновременно являлись и субъектом её»¹, когда каждый индивид и общество в целом путем представительной демократии участвует в управлении государством, формируя органы народного представительства. Правовое государство в этом случае является народным по своей сути, и вся организация власти в нём имеет общественный характер. Поэтому неолибералы приходили к выводу, что в правовом государстве возникает единство между народом и государственной властью.² Подобное государство возможно только при достижении высокого уровня индивидуального правосознания и развитого чувства ответственности за принимаемые решения.

В неолиберальной политико-правовой доктрине господствовала точка зрения о том, что только естественно-правовая теория способна не только объяснить, но и доказать взаимосвязанность государства и права. Идея должного, базирующаяся в нравственном сознании, становится источником права, связывая государственную власть правовыми началами и одновременно предоставляя свободу различным проявлениям государственной власти для достижения нравственной цели. Поэтому высшей задачей государства, как системы взаимоотношений различных органов, представляется не его форма, а отражение нравственных начал, составляющих основу правопорядка. Естественное право стоит над государственным (положительным) правом. Признание этого постулата объясняет необходимость подчинения государства праву, которое представляет собой определенную «связанность» государственных велений естественным правом, так как оно «стоит над государством и направляет его деятельность». П.И. Новгородцев отмечал, что это «означает признание обязательности для государства нравственных норм, которым оно подчиняется наряду со своими подвластными».³ Подобная зависимость государства от права имеет как формальный, так и материальный характер, поскольку правопорядок с позиции естественно-правовой теории может быть определен как совокупность прав личности, являющихся критерием для законодательства, а, следовательно, представляющих собой действительный предел государственной власти.

Обобщая теоретические постулаты российских неолибералов, следует отметить, что именно естественно-правовая теория стала теоретической основой для идеи ограничения государства правом. В силу того, что личности от рождения принадлежит определенная система прав и свобод, признавалось, что право как общественный институт возникло задолго до государства, поэтому «всякое государство обусловлено правом».⁴

Принцип распределения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви российские неолибералы рассматривали как гарантию против возникновения абсолютной власти в виде тоталитарного или авторитарного режима. Каждая из этих ветвей имеет свои функции и наделена определенными полномочиями, соответствующими её содержательной характеристике. Однако главным основани-

---

¹ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. – 1990. № 6. С. 147.

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 564.

³ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. – 1904. Кн. 74. С. 512.

⁴ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 1998. С. 26.

ем для воплощения в жизнь подобного принципа является система сдержек и противовесов, выражающаяся в том, что ни одна из властей не может принять на себя функции другой и действовать обособленно друг от друга. Только единство всех видов власти создает единый «политический организм», функционирующий для блага народа. В целях создания правового государства приоритет отдавался законодательной власти, формируемой обществом, когда, по мнению Б.А. Кистяковского, государственная власть сохраняет свое значение только при осуществлении индивидами права на управление государством. Достижение общественного идеала в виде социального правового государства представляет собой длительный путь, на первом этапе которого необходимо передать законодательную власть в руки парламента, как органу народного представительства. При этом все общество должно принимать участие в его формировании, когда «никакие разделения народа и выделения из него привилегированных групп по отношению к праву избирать народных представителей, т.е. никакие ограничения избирательного права, принципиально недопустимы».¹

На втором этапе происходит переход от абсолютизма к ограниченной народным представительством конституционной монархии. По мнению В.М. Гессена, «строй, осуществляющий в своей организации начало участия народного представительства с решающим голосом в законодательстве, является строем конституционным».² Большинство неолибералов сходилось во мнении, что в начале XX века Россия находилась на этапе становления конституционного государства. На третьем этапе происходит переход от конституционного государства к правовому. Четвёртый этап, представлявший собой отдаленную перспективу, виделся ими как социальное правовое государство, когда граждане наряду с гражданскими и естественными правами обладают всей полнотой социально-экономических прав и свобод. Их перечень был предложен в программатике Партии конституционных демократов и законодательных инициативах в период работы кадетской фракции I – IV созывов Государственной Думы начала XX века.

Одним из главных принципов построения правового государства представители российского нелиберализма считали *практическое осуществление прав и свобод человека и гражданина и гарантированность их со стороны государства*. В силу данного постулата они признавали возможность ограничения государственной власти в интересах личности, что объяснялось признанием неотъемлемых, «ненарушаемых» и неприкосновенных прав и свобод человека. Анализируя нелиберальную теорию социального правового государства, автор диссертации приходит к выводу, что только на определенном этапе развития государственности получает государственное признание теория существования определенной сферы самоуправления личности, в которую государство не имеет права вмешиваться. В силу гарантированности естественных прав, прежде всего, права неприкосновенности личности, государственная власть представляется не только ограниченной, но и строго подзаконной обществу, в котором она и создается. Б. А. Кистяковский отмечал,

---

¹ Кистяковский Б.А. Государство и личность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. С. 154, 156-157.

² Гессен В.М. Теория конституционного государства. – СПб.: Н. Глаголев, 1906. С. 4.

что государственная власть вынуждена соблюдать ею же установленные законы, так как она имеет «дело с управомоченными лицами, могущими предъявить правовые притязания к самому государству».¹ Для правового государства главными характеристиками становятся законность и правопорядок, представляющие, с одной стороны, строгий контроль за всеми действиями власти, в том числе за осуществлением прав и свобод личности, а с другой - реальность самого существования естественных прав индивида.

Социальное, правовое и конституционное государства представляют собой различные этапы на пути достижения конечного государственно-правового идеала, поэтому российские нелиберальные мыслители утверждали их взаимообусловленность, так как организация государственной власти в конституционном государстве признавалась ими одновременно и принципами правового, а затем и социального государства. По мнению Б.А. Кистяковского, только когда граждане государства, обладающие публичными права, действительно участвуют в осуществлении государственной власти, «органы государственной власти бывают действительно связаны законом».² Социальное правовое государство должно одновременно гарантировать право неприкосновенности личности и право на достойное человека существование. В этом случае категория «право» будет совмещена с категорией «благо», так как «право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное существование»³. Только при этом материальное благосостояние каждого индивида станет средством достижения действительного равенства всех перед законом.

Взаимодействие личности и государства занимало центральное место в нелиберальной концепции прав человека, однако его характеристика представляла собой интеграцию идейных постулатов естественно-договорной теории политико-правовых учениях XVIII века и юридическом позитивизме XIX века. Для либеральной доктрины общество представляет собой совокупность отдельных индивидов, поэтому государство, возникая на определенном этапе развития общества, является результатом добровольного согласия между людьми, выраженного в общественном договоре. В силу данного обстоятельства права человека имеют априорное значение, так как само их существование объясняется природой человека, следовательно, и передаваемые людьми государству права также определяются их естественным состоянием. Подобные права являются «в полном смысле слова естественными правами человека, изначально ему присущими и неотъемлемыми от него».⁴ Таким образом, государство не имеет прав, отличных по своему содержанию от прав личности, так как индивиды, заключая между собой Общественный Договор, передают ему часть своих прав, что обуславливает возможность правопритязаний личности, выражающихся в требовании защиты со стороны государства и участия в

---

¹ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. С. 562.

² Кистяковский Б.А. Государство и личность. С. 152.

³ Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. С. 6.

⁴ Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 289.

его организации и управлении. Однако в действительности подобная трактовка прав и свобод личности не безусловна, и причину этого неолиберальные мыслители видели в том, что общество по своей сути не является простым сложением индивидов, исключительной волей которых должна определяться форма государства.

Доктрина юридического позитивизма, напротив, утверждала общество в качестве главного элемента человеческой жизни. Сторонники этой доктрины рассматривают личность как продукт развития социума, получающей только от государства права и свободы, и не имеющей никакой возможности принять деятельное участие в развитии государства и права. Только социальные группы признаются в качестве движущей силы необходимых общественных преобразований на принципах справедливости, признаваемых большинством. В доктрине социологического позитивизма содержание прав и свобод индивида соответствует определенному этапу государственного развития, поэтому в системе прав и свобод человека отсутствует характеристика естественных прав личности как неотчуждаемых государством.

Представители российского неолиберализма полагали, что социологический и юридический позитивизм не учитывают роль личности в истории развития общества и государства при явной переоценке роли государства, в то время как сторонники школы естественного права признавали равноценными интересы личности и интересы государства. Система публичных и политических прав и свободы личности должна быть основана на одновременном разграничении и взаимодействии общества, государства и личности. Главной характеристикой социального правового государства в неолиберальной доктрине утверждалось право на «достойное человека существование», которое неолиберальные теоретики полагали критерием для различения индивидуальных и коллективных интересов. Поэтому для перехода от конституционного к правовому, а затем к социальному правовому государству необходимо «наряду с правами политическими, поставить права социалистические, наряду со свободой от вмешательства государства в известную сферу личной и общественной жизни - право каждого гражданина требовать от государства обеспечения ему нормальных условий экономического и духовного существования». В социальном правовом государстве отличительной чертой государственной власти в первую очередь должно стать создание государством благоприятных условий во всех сферах жизнедеятельности человека. В результате представители неолиберализма пришли к выводу, что высшей формой правового государства является социальное государство, предполагающее осуществление прав и свобод на основе справедливости и достижения общего блага.

Главным в неолиберальной трактовке правового государства является принцип *взаимной ответственности государства и личности*. С одной стороны, в правовом государстве личность, находясь в центре общественной и государственной жизни и реализуя свои собственные права, противопоставляет себя интересам государства, а с другой - государство, как особая организация политической власти, должно обладать собственными правами. Поэтому главной задачей правового государства становится установление такого взаимодействия между личностью и государством, при котором у каждого из них будет существовать отдельная сфера приложения сил. Решение проблемы взаимоотношений индивидов и государства,

предложенное естественно-договорной теорией, подвергали критике российские нелибералы. Так, предложенное мыслителями XVIII века участие народа в управлении государством через законодательную власть, по мнению Б.А. Кистяковского, было недостаточным в правовом государстве, так как для достижения подлинного правопорядка индивиды должны участвовать не только в законодательной деятельности, но и в контроле за исполнением законов.¹ В силу того, что правами индивида были только законодательно оформленные, суверен при монархической форме правления мог изменить законодательство по собственному усмотрению и ограничить, таким образом, права и свободы человека. В таком случае это должно было привести к «уничтожению «самодержавия» верховной государственной власти», в результате чего права личности будут гарантированы не только формально, но и фактически.

Доктрина западноевропейского либерализма для разрешения проблемы взаимодействия государства и личности предложила ограничить вмешательство государства в отдельные сферы жизни, как индивида, так и общества. Таким образом, целью государственного порядка становится обеспечение и гарантированность со стороны власти, прежде всего определенных политических прав и свобод личности, но не социальных и экономических. В силу данного обстоятельства подобная теория также была отвергнута представителями неолиберальной доктрины, по мнению которых ни индивидуальное, ни общественные начала, взятые по отдельности, не могут быть господствующим принципом во взаимодействии и взаимной ответственности личности и государства.

С точки зрения представителей неолиберальной доктрины, интересы общества, исходя из его сути, не только не исключают, но и подразумевают принцип осуществления интересов индивидов, составляющих общество. По сути дела, возрождение индивидуализма в теориях неолиберальных мыслителей означало признание индивида «социальным продуктом», обладающим характеристиками, соответствующими конкретному историческому этапу общественного и государственного развития. Вместе с тем характеристикой личности являются не только родовые признаки, но и система индивидуальных признаков, которые «творятся свободно каждой личностью непосредственно из себя самой».²

Основываясь на теории школы «возрожденного естественного права», российские нелибералы ввели в обиход понятие «неустранимый дуализм государства и личности», что подразумевает признание государством неотъемлемых прав человека, т.е. определенного самоограничения государства интересами личности. Неолиберальная политико-правовая доктрина исходила из того, что в социальном правовом государстве не должно быть «противопоставления самостоятельных прав личности, имеющих в ней свой юридический источник, таковым же правам государства».³

---

¹ Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. С. 536, 538.

² Новгородцев П.И. *Введение в философию права. Кризис современного правосознания*. – СПб.: Лань, 2000. С. 226.

³ Новгородцев П.И. *Государство и право // Вопросы философии и психологии*. – 1904. Кн. 75. С. 535.

Ещё одно требование правового государства, определяемое неолибералами, заключалось в осуществлении *высокого уровня правосознания и правовой культуры*. Признавая низкий уровень правосознания, как индивида, так и общества в целом в современной им России, неолибералы полагали, что необходимо создать условия для его повышения, так как в противном случае цель в виде социального правового государства не может быть достигнута в обозримом будущем, поскольку только общественное правосознание может гарантировать существование и правопорядка, и государства.¹ Тот факт, что в России до начала XX века не произошёл переход к конституционному государству, объяснялось тем, еще не было условий и предпосылок для либерального государственно-правового развития страны. С.А. Котляревский высказывался за ненасильственные способы такого перехода, так как общество должно самостоятельно, путём изменения не только индивидуального, но и общественного уровня осознать необходимость подобного шага.² Государство могло, по их убеждению, стать правовым только в том случае, когда правосознание всего общества в целом достигнет определенно высокого уровня. В этом идеи С.А. Котляревского перекликались с теоретическими построениями П.Н. Миллюкова, различавшего понятия «социальная революция» и «политическая революция».³ Условие реализации последней, по его мнению, заключается в подготовке общественного правосознания. В соответствии с взглядами лидера партии кадетов, существует известное различие между национальным правосознанием (самосознанием) и общественным.

Отличительной чертой национального самосознания является то, что его объект представляет собой различие одной национальности в сравнении с другой. В процессе исторического развития национальное самосознание переходит в общественное. При этом «хранителями» правосознания предстают различные сословные группы: для национального – это те, целью которых является «сохранение национального типа», а для общественного самосознания – те, которые «ищут» новые формы дальнейшего развития общественного и государственного устройства. Следовательно, П.Н. Миллюков пришел к выводу о реформаторском характере общественного правосознания, когда «индивидуальная мысль становится общественной».⁴ Мыслитель утверждал необходимость совершения «революции» сначала в общественном правосознании, которая затем перейдет в фазу политической революции, что проявится в изменении существующих формы государства и правопорядка.

Представители неолиберальной политико-правовой доктрины признавали односторонними как классические либеральные идеи XVIII века, отдающие приоритет индивидуализму в государственно-правовом развитии общества, так и позитивистские постулаты XIX века, трактующие общество как единственную движущую силу государственного развития. Неолиберальные мыслители утверждали, что только сумма индивидуального и общественного начал может действительно отражать

---

¹ Кистяковский Б.А. Государство и личность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. С. 159.

² Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. – М.: Тип. Мысль, 1915. С. 35.

³ Миллюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. – СПб.: Изд-во: Биб-ка Общественная польза, 1907. С. 22.

⁴ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1909. Т. 3. С. 2, 1, 4.

характеристику социального правового государства. Главный тезис заключался в том, что достижение государственно-правового идеала возможно, если индивидуальное начало классической либеральной доктрины дополнить социальным началом юридического позитивизма, так как, с одной стороны, человек становится личностью только в социуме, а с другой - развитие социума зависит от правосознания каждого индивида. В этом, по нашему мнению, проявляется интегральный характер неолиберальной политико-правовой доктрины рубежа XIX–XX вв.

В обоснование подобной авторской позиции следует привести следующие доводы, основанные на теории социального правового государства П.И. Новгородцева. Фундаментальной основой его теории, как приверженца идеалистического направления в российском нелиберализме, признавались естественные права индивида. Поэтому правовое государство определялось как «естественно-правовая конструкция», роль которой должна оцениваться только с нравственных позиций, когда основополагающим будет самосознание общества. Социальные права и прежде всего, право на достойное человека существование могут быть реализованы только на этапе становления гражданского общества, которое, в свою очередь, зависит от уровня нравственного потенциала индивидов в их совокупности. При соответствующем развитии гражданского общества и гарантированности всех прав и свобод личности, в том числе и социальных, закономерным этапом будет социальное правовое государство. Такое государство «должно утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию, и оно должно в глубине своей таить почитание своего дела, как дела Божия».¹

Оценка социального правового государства в интерпретации П.И. Новгородцева связывалась с естественным ограничением государственной власти, прежде всего, нравственно-духовными началами и, как следствие их соблюдения, - правовыми установлениями. Для него социальное правовое государство, как высшая форма нравственного развития гражданского общества, должно стать арбитром между интересами различных социальных групп, так как цель подобного государства заключается в создании условий для достижения каждым индивидом блага. При этом совокупность отдельных благ, в конечном счёте, приведет к идее «общего блага» как высшей нравственной цели развития социума. Он утверждал, что институты права и государства не могут быть достаточны, «чтобы основать справедливое общение», а для реализации высшей нравственной цели «нужен особый нравственный подъем, особый нравственный дух», который поможет «осуществить более справедливое устройство жизни».²

Будучи легальным марксистом, П.Б. Струве в то же время утверждал, что государство является не аппаратом подавления одного класса другим, а организацией правопорядка, гарантирующей своим гражданам стабильность общественной жизни.³ Поэтому социальное правовое государство, как конечный этап развития соци-

---

¹ *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. – М.: Правда, 1990. С. 215.

² *Новгородцев П.И.* Политические идеалы древнего и нового мира. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1914. Вып. 1–2. С. 26–27.

³ *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. Вып. 1. С. 53.

ума, по его мнению, должно заключать в себе четыре идеи – права, культуры (общественного правосознания), религии и нравственности, представляющие собой «особый аспект сверхличного человеческого бытия». Государство главенствует над личностью в силу своей мистической сущности, которая «обнаруживается в подчинении отвлеченной для огромного большинства идеи внешней государственной мощи, признании государственного могущества как общественной ценности».

Такое понимание взаимоотношения культуры нации и государства составляло основу концепции «Великой России», которая представляла собой «идеал государственной мощи, идею дисциплины народного труда, идею права и прав». Поэтому в соответствии с взглядами П.Б. Струве социальное правовое государство - это рациональная организация индивидов, имеющая, при этом, «мистичную, сверхразумную природу», которая заключается в развитии национального духа как общественного правосознания, определяемого в качестве «волевого начала нации». Само существование государства, по мнению П.Б. Струве, может быть оправдано только в случае утверждения абсолютного Добра, под которым подразумевается гарантированность прав и свобод человека. По мнению Е. Н. Трубецкого, правовое государство также основано на сочетании идеалов Добра и Справедливости. Он полагал, что в правовом государстве противоречие между «этикой евангельского совершенства и той, которая лежит в основе жизни государства», выявленное П.Б. Струве, видевшего в идее правового государства, прежде всего, религиозно-мистическое начало, должно быть разрешено.

Для Б.А. Кистяковского главным в оценке социального правового государства как конечного государственно-правового идеала является аксиологический подход, когда существующие моральные нормы становятся основными социальными нормами по сравнению с правовыми, поэтому естественные права личности находятся в приоритетном положении по сравнению с позитивным государственным правом. Субъективное право должно стоять выше права объективного, выступая по отношению к последнему в качестве нравственного образца. Критерий, по которому оценивается соответствие системы права моральным законам, является, по его мнению, определяющим, как для государства в целом, так и для любого другого субъекта права. В силу данного теоретического постулата социальное правовое государство определялось как «всеобъемлющая форма солидарности между людьми», целью которого является «создание и выработка наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности». Поэтому «общее благо – вот та формула, в которой выражаются задачи и цели государства».¹

Л.И. Петражицкий определял социальное правовое государство как «нравственное совершенствование человечества», когда основополагающими становятся принципы «уважения к праву, как таковому, чувства святости норм общежития как таковых», которые, по его мнению, являются «существенным условием этического здоровья и прогресса народа», представляя собой «ангела-хранителя, удерживающего (...) от попрания общего блага и преследования всякими средствами своих

---

¹ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. – 1990. № 6. С. 142.

эгоистических целей и порочных расчетов».¹

Отмечая в целом правильность подобной трактовки правового государства в научной традиции конца XIX – начала XX вв., вместе с тем, автор диссертационного исследования замечает, что правовой (либеральный) социализм представляет собой не только отдельное направление нового либерализма (неолиберализма), но и является основой для теории социального правового государства. Неолиберальная политико-правовая доктрина определяла в качестве относительного государственно-правового идеала правовое государство, в то время как социальное правовое государство, как высшая ступень развития последнего, представлялось большинству неолибералов синтезом абсолютного и относительного идеалов в виде конечного государственно-правового. На наш взгляд, современная трактовка правового государства совпадает с неолиберальной политико-правовой доктриной в определении правового государства как конституционного, представляемого в виде практического воплощения теории правового государства, которое, как считает В.Д. Зорькин, «невозможно без самостоятельного гражданского общества, ориентированного на правовые формы реализации своей активности во всех сферах социальной жизни». Представители неолиберальной политико-правовой доктрины видели главное назначение будущего социального правового государства в «общественном служении», в котором основополагающими должны были стать не только принципы самоограничения государственной власти интересами личности и общества, выраженными в системе права и гарантированности естественных прав и свобод человека и гражданина (право неприкосновенности личности, свободы слова, совести, право на достойное человека существования и др.), но и социально-экономических прав и свобод индивидов, выражающих правопритязания личности по отношению к государству.

В то время как образование правового государства в России ставилось в зависимость от практического осуществления в рамках конституционного государства принципа разделения властей, развитие социального государства представляло собой правовую модернизацию, основанную на юридическом равенстве, социальной справедливости, правовых гарантиях собственности, социально-ориентированной экономике.² Сама теория социального правового государства в России была не столько предметом научных споров, сколько отражала стремление неолиберальной интеллигенции к построению нового справедливого общества, что нашло отражение в законотворческой деятельности неолиберальной конституционно-демократической партии.

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации 1993 г., Россия объявлена де-юре социальным государством, основной целью которого является создание социально ориентированной экономики, гарантированность социально-экономических и культурных прав и свобод, обеспечивающих право граждан на достойный уровень жизни. Однако большинство современных государствоведов

---

¹ *Петражицкий Л.И.* Модные лозунги юриспруденции // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения или преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. С. 192.

² *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. С. 49.

утверждают, что фактическое построение социального государства возможно только при осуществлении не только правовых, но и социально-экономических мер. Если в неолиберальной политико-правовой доктрине главенствовала идея достижения социального правового государства, то в Конституции Российской Федерации 1993 г. – правового социального государства. Думается, что это не случайно. Неолибералы начала XX века видели социальное государство недостижимой перспективой, в то время как либералы конца XX века полагали, что основные принципы социального государства достигнуты уже в период существования СССР.

Для неолибералов достижение свободы личности во всех её проявлениях, и особенно в достижении достойной жизни, представлялось высшей ступенью правового государства, базирующегося на верховенстве закона и конституционном демократическом государстве. В начале XXI века в российском обществе нет социального благополучия и не сформированы социальные ценности, без которых не может быть ни социального, ни тем более правового государства. Автор убеждён в правоте неолиберальных мыслителей, ставящих на первое место при определении государственно-правового идеала характеристику государства как «социального», так как только при формировании правовой культуры и правового сознания (право на образование, свобода творчества и др.), реализации принципов социальной справедливости (право на труд, социальное страхование, право социального обеспечения, свобода предпринимательской деятельности и др.), проведении в жизнь государственной социально-экономической политики возможно создание на практике действительно социального правового государства в России.

Представители российской неолиберальной политико-правовой доктрины конца XIX – начала XX вв. исходили из того, что идеальными началами для построения правового государства являются народный суверенитет и принцип свободы личности. По мере становления правового государства вместо суверенитета народа первую роль начинает играть «суверенитет права», подчиняющий себе любую власть. Для неолибералов высшей нормой для обоснования социального правового государства была нравственная характеристика общества, являющаяся основой для неолиберального понимания личности, ее природы в целом, системы принадлежащих ей субъективных прав и свобод. Пристальное внимание в силу этико-правовой трактовки личности уделялось определению ее связи с социумом и государством.

Особенностью неолиберальной трактовки социального правового государства была оценка его в качестве универсального средства достижения социальной гармонии, гарантирующего все условия не только для развития и саморазвития автономной личности, но и общества как объединяющего начала индивидов. Цель такого общества заключается в общем благе, в результате чего правовое государство переходит на ступень социального государства. Поэтому достижение уровня социального правового государства представители неолиберальной политико-правовой доктрины видели исторически необходимым этапом развития государства, которое в своем становлении обуславливается историческими особенностями взаимодействия личности, общества и государства.

Источники и использованная литература:

1. *Зорькин В.Д.* Право с условиях глобальных перемен: монография. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 496 с.
2. *Попова А.В.* Понятие абсолютного и относительного общественного идеала в теоретических построениях неолиберальных мыслителей России на рубеже XIX–XX вв. // *Фундаментальные и прикладные исследования в кооперативном секторе экономике.* Научно-теоретический журнал. – 2011. № 5. С. 104-108.
3. *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. – СПб.: Н. Глаголев, 1906. – 276 с.
4. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. – Пг.: Изд. юрид. кн. склада Право, Типо-лит. т-ва А. Ф. Маркс, 1918. – 445 с.
5. *Гессен В.М.* Правовое государство. – СПб.: Типо-лит. И. Трофимова, 1912. – 68 с.
6. *Кистяковский Б.А.* Государство и личность // *Власть и право.* Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. – 319 с.
7. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. - СПб.: РХГИ, 1999. – 375 с.
8. *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // *Вопросы философии.* – 1990. № 6. С. 141-149.
9. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. - М.: Тип. Мысль, 1915. – 417 с.
10. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1909. Т. 3. – 424 с.
11. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – СПб.: Лань, 2000. – 352 с.
12. *Новгородцев П.И.* Государство и право // *Вопросы философии и психологии.* – 1904. Кн. 75. С. 357-535.
13. *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции // *Из глубины.* – М.: Правда, 1990. С. 204-220.
14. *Новгородцев П.И.* Право на достойное человеческое существование. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. – 220 с.
15. *Петражицкий Л.И.* Модные лозунги юриспруденции // *Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения или преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца.* – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. С. 191-207.
16. *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. Вып. 1. – 295 с.
17. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 1998. – 218 с.

Попова А.В.

The social legal state as the absolute state-legal ideal in the Russian neoliberal doctrine of late 19th – early 20th centuries

In this article the neoliberal understanding of the social rule of law as an absolute state-legal ideal, but actually achievable in the long term. The main purpose of the social state of law in the Russian neo-liberal political and legal doctrine is the implementation of the following principles: self-limitation of state power by interests of the individual and society, expressed in the legal system; warranty of rights and freedoms of man and citizen, and especially social and economic rights.

Keywords: state-legal ideal, social state, rule of law, doctrine.

Альбов А.П., Рубаник В.Е.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА ПОБЕДОНОСЦЕВА

Рассматриваются взгляды российских и зарубежных учёных на результаты государственной деятельности и творческое наследие К.П. Победоносцева. Представлены основные подходы идеи и подходы К.П. Победоносцева к проблемам государственного строительства и правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: Россия, история государства, история права, история учений о государстве и праве, государственное строительство, правовое регулирование общественных отношений, К.П. Победоносцев, консерватизм.

Нарастающая потребность в концептуальном осмыслении сложностей и проблем, с которыми сталкивается современное российское общество в период осуществляемых в нём системных преобразований и усиливающегося внешнего недружественного воздействия, делает необходимым изучение опыта предшествующих реформ, актуализирует значимость предметного анализа специфики переходных эпох в истории России. Особый интерес в этом плане представляет период второй половины XIX – начала XX вв., отмеченный острыми социально-политическими противоречиями, идейными конфликтами, фундаментальными сдвигами в социально-экономическом укладе российского общества.

Историки государства и права с особым вниманием обращались и продолжают обращаться к рассмотрению различных сторон эволюции отечественной государственности в эту переломную эпоху; одним из направлений изучения пореформенной эпохи выступает анализ государственно-политической деятельности и политико-правовых воззрений крупнейших государственных и общественных деятелей того времени, важное место в когорте которых занимал К.П. Победоносцев – видный ученый-юрист, литератор и публицист, влиятельный сановник, наставник и советник двух последних государей, во многом повлиявший не только на формирование их личности, но и на складывание политико-государственных предпочтений императоров Александра III и Николая II.

Личность и деятельность К.П. Победоносцева стали предметом пристального внимания современников ещё с конца XIX века. С самого начала юридико-биографического и научно-теоретического опосредования этих проблем литература, посвящённая жизни и деятельности Константина Петровича, довольно отчётливо распределилась по трём направлениям: 1) публикации справочного характера¹; 2) апо-

---

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

¹ Альманах современных русских государственных деятелей конца XIX столетия. – СПб., 1897. – 1248 с.; Библиографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского

логетические сочинения консервативных авторов, в числе которых были М.С. Григорьевский, М.В. Гневушев, В.В. Доброславский, Б.В. Никольский¹ и др.; 2) критические книги, статьи и памфлеты, в которых представители либерального и революционного лагерей рисовали образ воинствующего реакционера, обскуранта и мракобеса (А. Амфитеатров, Е. Аничков², Л.З. Слонимский³ и др.⁴). Даже литераторы не оставили своим вниманием деятельность К.П. Победоносцева. Яркой и намного определившей будущее отношение исследователей к Победоносцеву квинт-эссенцией этого, неизгладимо въевшимися в общественное сознание стали знаменитые слова А.А. Блока из поэмы «Возмездие»:

«В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер свиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл:
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна».⁵

Особняком стоят работы А.Э. Нольде о юридической деятельности К.П. Победоносцева и его участии в подготовке судебной реформы 1864 г., ставшие практически единственной попыткой научного юридико-биографического исследования в дореволюционной литературе.⁶

В 20-е – 30-е гг. XX века деятельность К.П. Победоносцева стала предметом анализа Ю.В. Готье⁷, который сам во многом придерживался консервативных взгля-

---

университета со дня учреждения 12 января 1755 года по день столетнего юбилея января 12 дня 1855 года: В 2-х т. – М., 1855; Венгеров С.А. Словарь. – СПб., 1893. Т. 4. – 408 с.; Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев. Материалы для биографии // Исторический вестник. – 1907. Т. 4. С. 247-274; и др.

¹ Доброславский В.В. К.П. Победоносцев в своих педагогических воззрениях. – Харьков, 1911. – 162 с.; Никольский Б.В. Литературная деятельность К.П. Победоносцева. По поводу 50-летнего юбилея. – СПб., 1896. – 24 с.; и др.

² Аничков Е., Амфитеатров А.В. Победоносцев. – СПб., 1907. – 120 с.

³ Л. [Слонимский Л.З.] О “Великой лжи” нашего времени // Вестник Европы. – 1896. Кн. 10. С. 768-790.

⁴ Бердяев Н.А. Великий Инквизитор // Вопросы философии и психологии. – 1907. Кн. I (86). С. 1-36; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в.: Партия “Народной Воли”, ее происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912. – 483 с.; Лазарев Е.Е. Гавайский сенатор и вожди русского православия Епископ Владимир и К.П. Победоносцев. – Carouge-Jeneve, 1902. – 70 с.; Нето [Ранненкамф К.Н.] Гений реакции // Слово. – 1905. 11 февр.

⁵ Блок А.Л. Собр. соч.: в 3-х тт. – М.–Л., 1960. Т. 3. С. 328.

⁶ Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа. – Пг., 1915. – 42 с.; Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева: (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. Ч. 10. С. 83-116.

⁷ Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович: 1865-1881 // Сборник публичной библиотеки им. В.И. Ленина. – М., 1928. Т. 2. – 160 с.; Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 года // Исторические записки АН СССР. – М., 1938. № 2. С. 240-299.

дов. Главной отличительной чертой трудов этого автора выступают критический подход, глубина, многосторонность и добросовестность исследования. Представители русской эмиграции очень редко упоминали о К.П. Победоносцеве. В работах Н.А. Бердяева¹, А.А. Кизеветтера², Г.В. Флоровского³ доминируют беглые и поверхностные оценки его мыслей и деятельности, содержится огромное количество не подкрепленных документами утверждений – например, о нигилизме, бюрократизме Победоносцева, его близости к протестантизму, о скрытности в словах и действиях, неверии в Бога и проч. Эти крайние оценки вызвали к жизни работы противоположного характера, представлявшие Победоносцева исключительно в позитивных тонах и создававшие миф чуть ли не о святости последнего хранителя России от большевизма – как это имело место, например, в трудах Н.Д. Тальберга.⁴

В 1939 году Софьей Львовной Эвенчик была защищена первая и до начала 90-х гг. XX века единственная диссертация о К.П. Победоносцеве – «Реакционная деятельность Победоносцева в 80-х гг. XIX в.».⁵ В 1969 году С.Л. Эвенчик опубликовала обширную монографию, в которой обобщила проделанную на протяжении многих лет колоссальную работу по сбору и обработке огромного количества архивных материалов, проанализировав почти все аспекты жизни и деятельности Победоносцева.⁶ Однако в духе господствовавших в то время штампов К.П. Победоносцев был представлен как идеолог крепостнического дворянства, лицемер, убеждённый противник всякого общественного прогресса. В это же время занимавшийся данной проблематикой П.А. Зайончковский личность К.П. Победоносцева характеризует словами «консерватор», «примитивный», «ограниченный»⁷; схожие оценки присутствуют у Б.В. Виленского⁸ и Е.Ф. Грекулова.⁹ Ученики П.А. Зайончковского – Л.Г. Захарова¹⁰ и Г.И. Щетинина¹¹ – на основе проведенных ими исследований пришли к отличающемуся от тезиса своего учителя выводу о том, что К.П. Победоносцев был принципиальным противником отдельных положений подавляющего числа контрреформ, опасаясь коренной ломки существующего уже более двадцати лет порядка.

Заметим, что правопонимание К.П. Победоносцева и до настоящего времени не обрело чётко определённого места в истории политико-правовой мысли в России – об этом свидетельствуют присутствующие в литературе порой взаимоисключо-

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – 224 с.

² Кизеветтер А.А. Победоносцев // На чужой стороне. – 1924. № 4. С. 257-281.

³ Флоровский Г.В., протоиерей. Пути Русского Богословия. – Киев, 1991. – 600 с.

⁴ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. – М., 1997. – 924 с.; Тальберг Н.Д. Муж верности и разума: К 50-летию кончины К.П. Победоносцева. – Джорданвилль, 1957. – 88 с.

⁵ Эвенчик С.Л. Реакционная деятельность Победоносцева в 80-х гг. XIX в. – М., 1939.

⁶ См.: Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Моск. гос. пед ин-та им. В.И. Ленина. – М., 1969. Т. 309. С. 52-338.

⁷ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. – М., 1964. – 512 с.; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). – М., 1970. – 446 с.

⁸ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов, 1969. – 400 с.

⁹ Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ: (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 1969. 184 с.

¹⁰ Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. – М., 1968. – 180 с.

¹¹ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. – М., 1976. – 232 с.

чающие характеристики его взглядов. Так, например, если в статье Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской К.П. Победоносцев рассматривается как представитель «бюрократического славянофильства» и автор «проекта антипетровской монархической “революции”»¹, то в диссертации И.А. Иванникова – как «сторонник петровской государственности»², а в статье В.М. Сырых в энциклопедическом словаре биографий «Правовая наука и юридическая идеология России» – как человек, который «выступал против принятия в России Конституции, введения парламента как представительного органа, способного вести самостоятельную законодательную политику, против суда присяжных, гражданской регистрации брака, свободы печати».³ В связи с этим утверждения некоторых исследователей о том, что «накоплены необходимые предпосылки для перехода от знакомства с творчеством отдельных русских мыслителей к комплексному анализу русского консерватизма как течения социально-политической мысли»⁴, являются, по определению Е.В. Тимошиной, «чрезмерно оптимистичными», и исследование политико-правовых взглядов К.П. Победоносцева «составляет первоочередную задачу историков русской политико-правовой мысли».⁵ Схожую позицию занимает и А.В. Пешков.⁶ Мы разделяем такие оценки и подходы.

Родился Константин Петрович Победоносцев в Москве 21 мая (2 июня) 1827 года в семье профессора московского университета. «Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой», – писал позже о себе Победоносцев в письме Николаю II. Свообразие взглядов и личности Победоносцева во многом определялись атмосферой родительского дома, в котором влияние традиционно-патриархального уклада сочеталось с воздействием элементов просветительской идеологии. В 1841-1846 гг. он обучался в Императорском училище правоведения. С этого периода под влиянием семьи и окружавшей его социальной среды стали складываться консервативные взгляды мыслителя, проявлявшиеся уже на самых ранних этапах его биографии и начавшие выстраиваться в стройную систему в 60-е гг. XIX века. Исследователи отмечают, что Победоносцев не был безмолвным свидетелем эпохи 1860-1870-х гг., выступал со статьями о судебной реформе в печати, в том числе в «Колоколе», с либеральных позиций, где критиковал без-

---

¹ Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский. Вл. Соловьев, И.С. Аксаков. К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале): Обзор // Неоконсерватизм в странах Запада: В 2-х чч. – М., 1982. Ч. 2. С. 255-270.

² Иванников И.А. Проблема государственного устройства в русской политико-правовой мысли (М.А. Бакунин, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1995. С. 17.

³ Сырых В.М. Победоносцев Константин Петрович // Правовая наука и юридическая идеология России: Энциклопедический словарь биографий. / Отв. ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, Издательская группа «Юрист», 2009. С. 572.

⁴ Соловьев Э.Г. О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России: К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии / Сб. под ред. проф. К.С. Гаджиева. – М., 1994. С. 3.

⁵ Тимошина Е.В. Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук [12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений]. – Санкт-Петербург, 1998. С. 5.

⁶ Пешков А.В. «Кто разоряет – мал во царствии Христовом»: Вступительная статья // Победоносцев К.П. Сочинения. Серия “Русская государственная мысль”. – СПб.: Наука, 1996. С. 3-33.

ответственную политику Николая I и выдвигал программу умеренных реформ: высказывался за полную гласность в уголовных делах, но являлся противником безусловной свободы для гражданского судопроизводства, признавал необходимость адвокатуры и присутствия публики на процессе, отделения суда от администрации, но возражал против открытости всех судебных заседаний, безусловной несменяемости судей, настороженно относился к суду присяжных.¹

Поступив на государственную службу, К.П. Победоносцев последовательно занимал все должности в Сенате, по совместительству будучи профессором Московского университета, где пользовался всеобщим уважением. Длительное время (в период с 1880 до 1905 гг.) он являлся обер-прокурором Святейшего Синода, фактически определяя церковно-государственные отношения и выстраиваемую на их основе политику. Историк русской церкви Н.М. Никольский пишет, что своей высшей точки развития бюрократизация церкви достигла при обер-прокуроре Святейшего Синода К.П. Победоносцеве.² Также он был наставником Александра III и Николая II и наиболее близким их советником по всем вопросам внутренней и внешней политики³, сыграв важную роль во всей общественно-политической и государственно-правовой жизни России.

Видный учёный, литератор и публицист, влиятельный сановник, он был активным участником идейно-политической борьбы второй половины XIX – начала XX вв. и занимал в ней на протяжении большей части своей карьеры глубоко консервативные позиции. Приняв в молодости участие в разработке Судебных уставов 1864 г., Победоносцев впоследствии разочаровался в реформах – стал последовательным критиком преобразований традиционного общественного уклада, вёл борьбу против либеральных группировок в правительстве. Уже в журнальных статьях Победоносцева присутствовал скептицизм, который усилился во время его участия в разработке новых судебных уставов. Победоносцев критиковал работу судебной комиссии за подавление оппозиционного мнения, принятие скороспелых решений. Разочаровываясь в либерализме, выступал за «разумный консерватизм», проверку нововведений практикой, был противником теоретизирования. Исследователи указывают, что уже в период подготовки судебной реформы Победоносцев не был классическим либералом, но и не питал изначальную ненависть к реформам: умеренно-либеральный этап в его мировоззрении можно продлить только до 1862 года, когда он стал исповедовать умеренно-консервативные взгляды, усилившиеся по мере роста экстремизма в стране и постепенно эволюционировавшие в сторону охранительного консерватизма.⁴ После гибели Александра II весной 1881 г. именно Победоносцев добился срыва проекта введения в России умеренного представительства, что во многом предопределило вектор политического развития страны на последующие четверть века.

---

¹ Соловьёв А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – Екатеринбург, 2001. С. 23-24.

² Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1983. С. 411.

³ Смолярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение. – М., 1990. С. 243.

⁴ См.: Соловьёв А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – Екатеринбург, 2001.

Среди сфер деятельности, привлекавших внимание Победоносцева, особое место занимали вопросы идеологии, культуры, национально-религиозных отношений. Обер-прокурор старался влиять в духе своих идейных установок на развитие литературы, искусства, прессы, просвещения, уделял большое внимание развитию церковной школы для народа.¹ Будучи приверженцем традиционно-патриархального уклада общества, он особенно остро реагировал на противоречивые последствия реформ 60-х – 70-х гг. XIX века, выдвигал в качестве альтернативы административно-законодательным преобразованиям воздействие на внутренний, духовный мир людей; именно этим объяснялось его первостепенное внимание к проблемам культуры, просвещения, духовной жизни общества, в первую очередь – к общественной роли церкви.

Разворачивая во второй половине 60-х – в 70-е гг. XIX века критику либеральных реформ, Победоносцев исходил из представлений о неприемлемости введения в России демократических учреждений, построенных по западным образцам, о необходимости опираться на исторические традиции страны, полнее учитывать роль духовно-религиозного фактора в жизни общества. Многие из этих идей с одобрением воспринимались консервативно настроенными деятелями. Либералы же недооценили Победоносцева, считая его взгляды архаичными, оторванными от реальных потребностей страны. Сам Константин Петрович полагал, что русская либеральная интеллигенция является «пятой колонной» Запада, которая навязывает своему Отечеству чужеродные идеи, поэтому особой критике он подвергал символы западноевропейской демократии – систему отделения церкви от государства, свободную прессу, парламентаризм. Сам парламент он определял как «говорильню», «учреждение, служащее удовлетворению личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей».² Осуждая западную демократию и парламентаризм, который он называл «великой ложью нашего времени», К.П. Победоносцев исходил из того, что всеобщие выборы рожают продажных политиканов, понижают нравственный и умственный уровень управленческих слоев.

Многие современники Победоносцева отмечали, что он не видел положительных сторон демократии, но не задумывались над тем, что делал он это абсолютно сознательно и стремился показать, что республиканская демократия – не настолько совершенная система, чтобы ради неё отказываться от монархического правления. К.П. Победоносцев обосновывал самодержавие как единственно правильную форму правления, поскольку, полагал он, именно монархия свойственна христианской культуре. Республиканская демократия же, как считал Победоносцев, основана на лжи, вследствие чего она не обладает ни объективными, ни субъективными основаниями справедливого верховенства в обществе. Он искренне верил в скорую гибель республиканско-демократической формы правления даже в западных странах; данная убежденность проистекала из веры в сакральность и богоустановленность самодержавия и исходила из христианского мировоззрения. Как теоретик

---

¹ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – М., 2010. С. 13-14.

² Цит. по: «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла» // URL: <http://serednyak.livejournal.com/147470.html> (дата обращения: 11.09.2012).

Победоносцев не мог допустить, что в конечном итоге победу одержит лживое начало республиканской демократии, и, следовательно, наступит царство «отца лжи» – дьявола. Он отождествлял республиканскую демократию и деспотию, объясняя это отсутствием у народной (партийной) воли объективного руководства, которое в божественной заповеди дано монарху. Но, как реалист, К.П. Победоносцев в то же время осознавал и обречённость самодержавной власти в условиях происшедшего утверждения капитализма в России. В этой части мы разделяем позицию А.Л. Соловьёва относительно того, что К.П. Победоносцев отчётливо представлял себе возможность преобразования самодержавия в конституционную монархию, но для него это было неприемлемо – «это проистекало из абсолютной уверенности в чужеродности и поэтому неустойчивости в России либеральных форм, и, как следствие, неизбежности их разрушения и прихода социализма».¹

Высказываясь о совершенствовании государственно-правового строя России, К.П. Победоносцев обосновывал необходимость контрреформ местного самоуправления: критиковал бессловность, выборное начало, обособленность от правительственных учреждений, дублирование функции, отсутствие контроля и налоговый произвол земств. Известно, что он был согласен с проектом А.Д. Пазухина – Д.А. Толстого о надзоре за местными властями, но относился скептически к институту земских начальников. Занимая по отдельным вопросам даже более реакционную позицию, чем Толстой, Победоносцев в главных вопросах оставался охранителем – являлся противником: 1) замены выборных управ присутствиями, 2) вневыборной системы назначения помещиков гласными, 3) выступал за сокращение полномочий МВД, 4) высказывался за известную долю свободы в местных делах, которой не следует опасаться, и проч.

В русском общественном сознании К.П. Победоносцев всегда воспринимался прежде всего и преимущественно как государственный деятель и идеолог; при этом в тени оставалась другая, не менее интересная и значимая его роль – роль учёного-правоведа. Те из современников, кто был знаком с юридическими трудами К.П. Победоносцева, высоко ценили его как глубокого специалиста в области юриспруденции. Видный русский историк А.А. Корнилов в своём «Курсе истории России XIX века» назвал его «одним из самых блестящих русских профессоров-цивилистов».² Суждения К.П. Победоносцева по правовым вопросам были весьма авторитетными в юридических кругах России; огромную популярность приобрёл его курс гражданского права. Первое издание (в 2-х тт.) вышло в 1868 году, затем курс несколько раз переиздавался. Автор продолжал его совершенствовать и в 1896 году выпустил в 4-х томах. И хотя теоретическая часть курса не встретила единодушного одобрения со стороны коллег, практическое значение работы признавалось бесспорным, высказывалось даже мнение, что его труд является классическим. Создавая курс, Победоносцев использовал историко-сравнительный метод исследования: каждый правовой институт он характеризовал сначала применительно к рим-

---

¹ Соловьёв А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева. С. 26.

² См.: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – СПб., 1912 [Переизд.: М.: Высшая школа, 1993. – 446 с.].

скому праву, затем французскому и германскому и лишь после этого переходил к русскому праву. Рассмотрению конкретного института отечественного права предшествовал исторический очерк его происхождения и развития, что явилось первым опытом столь широкого и детального анализа.¹

Среди современных ему российских правоведов Константин Петрович славился своим знанием истории русского права. Исторической эволюции различных правовых институтов в русском обществе он посвятил свои первые научные работы в области юриспруденции, публиковавшиеся в течение 50-60-х гг. XIX века в различных журналах, главным образом в «Русском вестнике». Изучать историю русского юридического быта Константин Петрович не переставал и в дальнейшем – в те времена, когда был уже Обер-прокурором Святейшего Синода. Он продолжал работать в архивах, делать выписки из различных документов. «Курс гражданского права» Победоносцева покоился, таким образом, на фундаменте глубокого знания автором исторических реалий русского права.

Помимо курса гражданского права, К.П. Победоносцев читал на юридическом факультете Московского университета лекции и вел практические занятия по курсу гражданского судопроизводства – поэтому вполне логично, что именно он был одним из инициаторов так, к сожалению, и не доведенной до конца судебной реформы. При реализации идей о реформе он придерживался охранительно-консервативных взглядов: выступал против абсолютной несменяемости судей; был сторонником ликвидации суда присяжных в уголовных судах, предлагая сохранить этот институт в судопроизводстве по гражданским делам; препятствовал полному уничтожению мировой юстиции, полагая, что нельзя полностью уничтожить пусть, с его точки зрения, и пагубные, но уже ставшие традицией учреждения. Правда, в вопросе об адвокатуре К.П. Победоносцев выступал с реакционных позиций, справедливо указывая на отрицательные стороны современной ему адвокатской деятельности; однако вместо того, чтобы заботиться о повышении образовательного уровня прокуроров и судей, он выступал за резкие меры в отношении контроля над адвокатами.²

Главная мысль, которую Победоносцев проводил в своих статьях, записках и заметках относительно судебной реформы, заключалась в том, что преобразования судебной организации и судебного процесса, узаконенные судебными уставами 1864 г. не были обеспечены необходимым числом соответствующих исполнителей – квалифицированных и честных судебных деятелей. По мнению К.П. Победоносцева, юридические законы должны основываться на нравственных законах как высших нормах человеческих отношений, заповедованных Богом; а обязательность правовых предписаний обеспечивается тем, что человек, понимая это, превращает божественную заповедь в нравственную обязанность. Он отрицал доктрину разделения властей, полагая вместе с тем, что суд должен быть отделён от администрации.

Подписание императором Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором провозглашались различные политические

---

¹ Смолярчук В.И. Злой гений России: К.П. Победоносцев // Правоведение. – 1990. № 3. С. 49-55.

² Соловьёв А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева. С. 23-24.

свободы и заявлялось о созыве представительного органа – Государственной Думы, заставило Победоносцева уйти в отставку с поста Обер-прокурора Святейшего Синода. Оставаясь после этого лишь членом Государственного совета, он, по сути дела, больше не принимал сколь-нибудь заметного участия в политической жизни российского общества.

Важной причиной потери Победоносцевым политического влияния стало его отношение к мерам по пересмотру либерального законодательства 60-х – 70-х гг. XIX века, определяемым как «контрреформы». Отвергая всякое вторжение в сферу «учреждений», обер-прокурор негативно относился не только к либеральным, но и к реакционно-охранительным преобразованиям. Этим он подорвал свою репутацию в глазах представителей консервативной группировки в правительстве и самого царя. Мнение ряда современников и историков о безусловной архаичности взглядов Победоносцева нельзя признать обоснованным. Чутко реагируя на новые тенденции в развитии общества, обер-прокурор сознавал важность таких порожденных модернизацией явлений, как возрастание роли идеологии в жизни страны, необходимость активного воздействия на духовную жизнь общества, влияния на сознание народных масс. Вместе с тем, в целом, российскому консерватору так и не удалось сформулировать адекватного ответа на вызовы эпохи. Выступая с критикой реформ и демократии, обер-прокурор не мог предложить четкой альтернативы отвергаемым им принципам, став, по определению А.Ю. Полунова, «своеобразным символом исчерпанности творческого потенциала российского самодержавия».¹

К.П. Победоносцев придавал большое значение рассуждениям об образцовом устройстве государственной власти, так как считал, что жизнь и познание носят целостный характер, поэтому человек должен поступать осознанно – в соответствии со своим жизненным кредо. Его идеалом российского государственно-политического строя было монархическое самодержавие, которое отнюдь не идеализировалось Победоносцевым: он прекрасно понимал, что монархия может извратиться, если государственные интересы будут подменены личными, говорил о необходимости сильной, авторитетной, знающей «что хочу» власти. При этом полагал, что другие формы правления безусловно имеют право на существование, но только там, где демократические учреждения и способность к самоуправлению существовали издавна – к таким странам К.П. Победоносцев относил Англию, США и ряд других государств англо-саксонского ареала.² Признавая Россию «особым миром», он не верил в жизненность чужих, искусственно насаждаемых форм. Осуждая страсть к подражаниям, он выступал за сохранение исторических, проверенных временем учреждений и соглашался на отмену только тех из них, которые стали абсолютно непригодными – поэтому Победоносцев не признавал полезности введения в России демократии и всеобщего голосования, рассматривал противоречия между теорией и практикой парламентской системы, предполагая, что насаждение её в России, в условиях ослабления центральной власти, может привести к росту сепаратизма и даже к распаду страны.³

¹ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 13-14.

² Смолярчук В.И. Злой гений России: К.П. Победоносцев // Правоведение. – 1990. № 3. С. 49-55.

³ Соловьев А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победо-

10 марта 1907 года Константин Петрович скончался. Наступала новая эпоха, в которой таким людям, каким был он, места явно не находилось.¹ Видный учёный, публицист, государственный деятель, сыгравший значительную роль в политической жизни России второй половины XIX – начала XX вв., К.П. Победоносцев занял особое место среди представителей пореформенного консерватизма. И сегодняшнее обращение к наследию К.П. Победоносцева может помочь в поисках того направления, по которому должна пойти Россия, чтобы иметь возможность сохранить всё наработанное предшествующими поколениями, приумножить, нарастить и создать задел на будущее, чтобы страна, как заметил на приеме в честь 71-й годовщины Победы Президент РФ В.В. Путин, смогла «выйти на самые передовые рубежи в развитии культуры, науки, техники».²

Источники и использованная литература:

1. Альманах современных русских государственных деятелей конца XIX столетия. – СПб., 1897.
2. *Аничков Е., Амфитеатров А.В.* Победоносцев. – СПб., 1907.
3. *Бердяев Н.А.* Великий Инквизитор // Вопросы философии и психологии. – 1907. Кн. I (86). С. 1-36.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
5. Библиографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета со дня учреждения 12 января 1755 года по день столетнего юбилея января 12 дня 1855 года: в 2-х тт. – М., 1855.
6. *Блок А.Л.* Собр. соч.: в 3-х тт. – М.–Л., 1960. Т. 3.
7. *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в.: Партия “Народной Воли”, её происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912.
8. *Венгеров С.А.* Словарь. – СПб., 1893. Т. 4.
9. *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов, 1969.
10. *Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский. Вл. Соловьёв, И.С. Аксаков. К.Н. Леонтьев К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале: Обзор // Неоконсерватизм в странах Запада: в 2-х чч. – М., 1982. Ч. 2. С. 255-270.
11. *Глинский Б.Б.* Константин Петрович Победоносцев. Материалы для биографии // Исторический вестник. – 1907. Т. 4. С. 247-274.
12. *Готье Ю.В.* Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 года // Исторические записки АН СССР. – М., 1938. № 2. С. 240-299.
13. *Готье Ю.В.* К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович: 1865-1881 // Сборник публичной библиотеки им. В.И. Ленина. – М., 1928. Т. 2. С. 107-134.
14. *Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ: (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 1969.
15. *Доброславский В.В.* К.П. Победоносцев в своих педагогических воззрениях. – Харьков, 1911.
16. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. – М., 1964.
17. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая

носцева. С. 23-24.

¹ *Томсинов В.А.* Знаменитые юристы России // URL: www.garant.ru/student/p1712.htm (дата обращения: 11.09.2012).

² *Путин В.В.* Речь на торжественном приёме по случаю 71-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (Москва, Кремль, 9 мая 2016 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51890> (дата обращения: 09.05.2016).

- реакция 80-х – начала 90-х годов). – М., 1970.
18. *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. – М., 1968.
  19. *Иванников И.А.* Проблема государственного устройства в русской политико-правовой мысли (М.А. Бакунин, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1995.
  20. *Кизеветтер А.А.* Победоносцев // На чужой стороне. – 1924. № 4. С. 257-281.
  21. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. – СПб., 1912 [переизд.: М.: Высшая школа, 1993].
  22. *Лазарев Е.Е.* Гавайский сенатор и вожди русского православия: Епископ Владимир и К.П. Победоносцев. – Carouge-Jeneve, 1902.
  23. *Никольский Б.В.* Литературная деятельность К.П. Победоносцева. По поводу 50-летнего юбилея. – СПб., 1896.
  24. *Никольский Н.М.* История русской церкви. – М., 1983. С. 411.
  25. *Нольде А.Э.* К.П. Победоносцев и судебная реформа. – Пг., 1915. – 42 с.
  26. *Нольде А.Э.* Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева: (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. Ч. 10. С. 83-116.
  27. *Пешков А.В.* «Кто разоряет – мал во царствии Христовом»: Вступительная статья // К.П. Победоносцев. Сочинения. Серия “Русская государственная мысль”. – СПб.: Наука, 1996. С. 3-33.
  28. Победоносцев над Россией простёр совиные крыла // URL: <http://serednyak.livejournal.com/147470.html> (дата обращения: 11.09.2012).
  29. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – М., 2010.
  30. *Путин В.В.* Речь на торжественном приёме по случаю 71-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (Москва, Кремль, 9 мая 2016 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/51890> (дата обращения: 09.05.2016).
  31. *Л. [Слонимский Л.З.]* О “Великой лжи” нашего времени // Вестник Европы. – 1896. Кн. 10. С. 768-790.
  32. *Нето [Ранненкампф К.Н.]* Гений реакции // Слово. – 1905. 11 февр.
  33. *Смолярчук В.И.* А.Ф. Кони и его окружение. – М., 1990.
  34. *Смолярчук В.И.* Злой гений России: К.П. Победоносцев // Правоведение. – 1990. № 3. С. 49-55.
  35. *Соловьев А.Л.* Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – Екатеринбург, 2001.
  36. *Соловьев Э.Г.* О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России: К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии. / Сб. под ред. проф. К.С. Гаджиева. – М., 1994. С. 3-17.
  37. *Сырых В.М.* Победоносцев Константин Петрович // Правовая наука и юридическая идеология России: Энциклопедический словарь биографий / Отв. ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, Издательская группа «Юрист», 2009. С. . . .
  38. *Тальберг Н.Д.* История Русской Церкви. М., 1997.
  39. *Тальберг Н.Д.* Муж верности и разума: К 50-летию кончины К.П. Победоносцева. – Джорданвилль, 1957.
  40. *Тимошина Е.В.* Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук [12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений]. – Санкт-Петербург, 1998.

41. *Томсинов В.А.* Знаменитые юристы России // URL: www.garant.ru/student/p1712.htm (дата обращения: 11.09.2012).
42. *Флоровский Г.В., протоиерей.* Пути Русского Богословия. – Киев, 1991.
43. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. – М., 1976.
44. *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Моск. гос. пед ин-та им. В.И. Ленина. – М., 1969. Т. 309. С. 52-338.
45. *Эвенчик С.Л.* Реакционная деятельность Победоносцева в 80-х гг. XIX в. – М., 1939.

Albov A.P., Rubanik V.E.

**Theoretical approaches to legal regulation of the public relations
in Konstantin Petrovich Pobedonostsev's works**

The ideas of Russian and foreign scientists on the results of public activities and the ideological heritage of K.P. Pobedonostsev are considered. The basic approach ideas and approaches of K.P. Pobedonostsev to the problems of state construction and legal regulation of social relations are presented.

Keywords: Russia, the history of state, history of law, history and theory of the state law, state building, the legal regulation of social relations, K.P. Pobedonostsev, conservatism.

Ударцев С. Ф.

КЛАССИЧЕСКИЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ¹

Раскрываются основные этапы и факторы, влияющие на эволюцию, возрождение и развитие теории анархизма в России в XIX–XX вв. Выделены и охарактеризованы такие макрообразования в истории теоретической мысли анархизма, как доклассический, классический и постклассический анархизм. В спектре теорий постклассического анархизма выделены течения модернизированного классического (неоклассического) анархизма, а также новые (неклассические) течения анархизма.

Ключевые слова: теоретическое политическое и правовое сознание, эволюция теории анархизма, доклассический анархизм, классический анархизм, постклассический анархизм, российская революция 1917, неоклассический анархизм, неклассический анархизм, современный анархизм, объективные основы воспроизводства политической мысли.

Этапы эволюции теории анархизма

Одним из стереотипов восприятия анархизма в советской литературе (и не в ней одной) на протяжении нескольких десятилетий было представление о нем как об учении с неизменным набором элементов и статичным содержанием. Отчасти отрицание возможности развития теории анархизма было связано с идеологизированным её восприятием, продиктованным политическими и идеологическими соображениями без выяснения глубинной природы и роли этого явления в общественном сознании и на практике. С другой стороны, сведение анархизма к его ранним формам XIX века, неисследованность политических и правовых взглядов такой крупной фигуры как П. А. Кропоткин, неизвестность учений других теоретиков анархизма, особенно более позднего периода в России, – все это обусловило восприятие политической и правовой теории анархизма как явления, остановившегося в развитии.

С конца 60-х гг. XX века, когда анархизм всё более отчётливо стал вырисовываться в общественном сознании как феномен, имеющий длительную историю и не только существующий, но и играющий определенную роль в политической и общественной жизни во многих современных странах. В общественном сознании начинает формироваться иное понимание его эволюции и возможности адаптации

Ударцев Сергей Фёдорович – доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казахского Гуманитарно-Юридического Университета (Астана, Республика Казахстан).

¹ Настоящая статья – дополненный и переработанный вариант статьи, впервые представленной в качестве доклада на конференции в Москве 1992 г. и опубликованной в издании: *Ударцев С. Ф.* Эволюция теории анархизма в России в XIX–XX вв. (классический и постклассический периоды) // Труды международной научной конференции, посвящ. 150-летию со дня рожд. П. А. Кропоткина. Москва, Дмитров, Санкт-Петербург. 9-15 дек. 1992. Вып. 3: П. А. Кропоткин и революционное движение. – М., 2001. С. 171-193. До издания материалов конференции опубликовано как раздел в книге: *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: «Казахстан»; Высшая школа права «Эділет», 1994. С. 82-102.

к изменяющимся общественным условиям. Однако вопросы эволюции теории анархизма в России, в частности, спектра политического и правового сознания анархического типа и основных этапов его развития, долгое время относились к числу малоисследованных и специальные работы о природе и эволюции политического и правового, его теоретических форм появились в конце XX века.¹

Как и все общественные явления, анархизм возникает и эволюционирует в ходе исторического развития. Анархический тип политического сознания зарождается в общественном политическом сознании как один из его полюсов в глубокой древности, видимо, на ранних этапах институализации политических отношений. Сложные механизмы социально-политического развития, чередование циклов порядка и хаоса в общественной системе активизировали в общественном сознании синхронно с переменой этих состояний, соответствующие им идеологические явления и процессы, сферы и интенсивность их распространения. По мере эволюции политической и правовой реальности цивилизации, усложнения общественной жизни, повышения уровня её организованности, эволюционировали и типы (полюсы) политического сознания – этатизм и анархизм. В частности, менялась структура, содержание и формы анархизма, его удельный вес и значение в разные периоды в общественном сознании.

Начиная с идей даосизма в Древнем Китае, идей киников и части софистов в древней Греции, анархический тип политического сознания (тогда – протоанархизм) долгое время представлял собой сравнительно аморфное, отчасти фрагментарное, во многом синкретное идеологическое образование. Протоанархизм древнего мира был адекватен уровню развития политической и правовой культуры, политического и правового сознания общества.² В средние века анархический тип сознания включался в активное осмысление политических и религиозных проблем общества в их тесной взаимосвязи, моделировал, как, например, в России, в учении Феодосия Косого (XVI в.) новое религиозное учение, религиозную концепцию естественного права и модель «безцарной» и безгосударственной организации общества. В средние века происходило накопление критического потенциала анархического сознания, но в целом этот тип политического сознания продолжал оставаться на доклассической стадии развития, выступая в рамках феодального общества за рас-

---

¹ *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. – М., 1989. – 256 с.; *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: «Казахстан»; Высшая школа права «Эділет», 1994. – 382 с.; *Он же.* Анархическое сознание и хаос (О природе одного феномена) // Труды международной научной конференции, посвящ. 150-летию со дня рожд. П.А. Кропоткина. Москва, Дмитров, С.-Петербург, 9-15 дек. 1992 г. Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии / Редкол.: Н.М. Пирумова, Н.К. Фигуровская, А.В. Бирюков. – М., 1995. С. 169-192; *Он же.* Анархизм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. С. 18-21; [*Он же*] Анархизм // Федерализм: Энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. С. 22-23; см. также: *Он же.* (автор и сост.). Силлабус по курсу: «Политические и правовые учения анархизма: история и современность». 2-е изд. Специальность магистратуры «Юриспруденция». Элективный курс. 1 кредит (45 часов) / Казахский гуманитарно-юридический университет. – Астана: ТОО «ЦБО и МИ», 2011. – 31 с.

² См., напр.: *Ударцев С.Ф.* Протоанархизм в Древнем мире: некоторые источники и представители (из истории политической и правовой мысли) // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ) (г. Кропоткин). – 2003. № 1 (10). С. 112-124.

ширение прав и свобод человека, но, не имея возможности более всесторонне и углубленно теоретически разработать систему идей анархизма.

Новой ступени развития анархический тип политического сознания достигает в условиях формирования индустриального общества. Этому способствовали: взращивание общества юридически свободных граждан, нуждающегося в широком развитии договорных отношений; широкое распространение грамотности, образования населения; дальнейшее развитие разделения труда и расширения его интеллектуальной сферы; подготовка и проведение буржуазно-демократических революций, падение режимов абсолютизма и переход к политическим и юридическим формам, соответствующим индустриальному обществу. Анархический тип политического сознания в XIX веке кристаллизуется на теоретическом уровне в целостную, хотя и многовариантную систему идей, а в практико-политическом отношении анархизм оформляется в сравнительно разветвленное пестрое политическое движение.

В дальнейшем, становление государственно-монополистического капитализма, приход в 20-х – 30-х гг. XX века к власти в ряде стран фашистов, возникновение социалистических государств, формирование тоталитарных политических режимов, мировые войны и массовые политические репрессии – привели к трансформации политического сознания в XX веке. В анархическом сознании, пережившим глубокий кризис в период Российской революции 1917 года, происходили крупные изменения, протекали процессы синтеза, переосмысления прежних анархических идей, теорий, интеграция в доктрину анархизма некоторых идей, концепций, появившихся в различных течениях политической и правовой мысли, в гуманитарных и естественных науках. Формируется ряд течений постклассического анархизма. В результате анархический тип сознания в России после 1917 года достигает новой ступени теоретической зрелости.

В истории политической и правовой мысли в России XIX–XX вв., по нашему мнению, можно выделить следующие этапы эволюции теоретического анархического сознания: 1) 30-е – 70-е гг. XIX века – формирование и развитие *раннего классического анархизма*; 2) 70-е гг. XIX – начало XX вв. – становление и развитие *позднего классического анархизма*; 3) примерно с 1903 до периода гражданской войны 1918-1920 гг. – завершение эволюции и кризис *классического анархизма*, а также формирование *раннего постклассического анархизма*; 4) с 1918-1920 гг. до 30-х гг. XX века *структурирование и эволюция течений постклассического анархизма* (в эмиграции и позднее); 5) со второй половины 80-х гг. XX века – *формирование (возрождение) и эволюция современного постклассического анархизма в СССР* накануне его распада, а после распада – эта эволюция продолжается в России и ряде других постсоветских стран.

Начальный этап формирования классического анархизма связан с формированием и развитием воззрений М.А. Бакунина. Некоторые элементы анархизма содержались и у ряда мыслителей из ближайшего окружения Бакунина: в левом славянофильстве (К.С. Аксаков), в нигилизме (В.А. Зайцев, Н.В. Соколов) и др. К этому же периоду относится творчество бакунистов в русском революционном народничестве, в том числе эмигрантов (М.П. Сажин, Н.Н. Жуковский, З.К. Ралли и др.).¹ Вто-

¹ О бакунистах в России см.: *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина. – М., 1990. С. 231-301.

рой и третий этапы, прежде всего, связаны с расцветом теоретического творчества М.А. Бакунина и с творчеством П.А. Кропоткина – центральной фигуры в истории анархизма конца XIX – начала XX вв. Второй этап преимущественно эмигрантский. Особенность третьего этапа в возрождении анархизма как политического движения в самой России (накануне революционных событий, примерно с 1903 г.)¹, его параллельное развитие и взаимосвязь с анархизмом в эмиграции.² Ко второму и третьему этапам относится художественное и публицистическое творчество христианского анархиста Л.Н. Толстого, В.Н. Черкезова и др.

К этапу эволюции постклассического анархизма имеет отношение, прежде всего, творчество таких его теоретиков как А.А. Боровой, А.Л. Гордин, А.А. Солонович, А.М. Атабекян, А.А. Карелин, А.Ф. Агиенко, Г.П. Максимов, В.М. Эйхенбаум и др. Они в разной степени были связаны идейно с классическим анархизмом. Новые течения фактически достраивали новые сектора и уровни теории анархизма, а порой и проводили ревизию некоторых положений классиков анархизма. Канун и период распада СССР совпал с периодом формирования современного позднего постклассического анархизма. В конце 80-х – самом начале 90-х гг. XX века активно выступали с теоретическими и публицистическими статьями лидеры различных течений анархизма (А. Исаев, А. Червяков, А. Шубин, П. Рауш, Д. Жвания и др.). Некоторые из них в последующем, в ходе эволюции личного и общественного сознания, политической системы, в связи с обстоятельствами жизни, карьеры и политики оказались в другой части спектра политического сознания, в том числе государственнического сознания.

Факторы эволюции анархизма

Изменения, происходящие в анархическом сознании, вполне соответствуют критериям развития, принятым в науке. В философской литературе развитие понимается как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов, как одно из всеобщих свойств материи и сознания³, как процесс, идущий на основе объективных закономерностей, в результате чего возникает новое качественное состояние объектов, основанное на появлении, трансформации или исчезновении элементов и связей объектов; как самодвижение объекта, имма-

---

¹ В 1907 г. анархистский журнал «Буревестник» признавал, что анархистские газеты в России не выходили 20 лет. См.: *Рогдаев Н.* Различные течения в русском анархизме // Буревестник. – 1907. № 8 (ноябрь). С. 10. Здесь же отмечалось существование в 1900-1901 гг. на уральских рудниках анархической секты иеговистов, а также секты духоборов (Там же. С. 9). См. также: Хлеб и воля. – 1904. № 12-13, октябрь-ноябрь. С. 1.

² До 1917 г. эмигрантскими центрами российского анархизма были Лондон (Великобритания), Женева (Швейцария), Париж (Франция), Нью-Йорк (США). Небольшие группы анархистов были также в Германии, Болгарии и т.д. См.: *Корноухов Е.М.* Борьба партии большевиков против анархизма в России. – М., 1981. С. 87; *Кривенький В.В.* Анархисты в революции 1905-1907 гг. АДКИН. – М., 1990. С. 16. По данным В.В. Кривенького, в 1906 г. в России действовала 221 группа анархистов в 155 городах, а за 1903-1910 гг. деятельность анархистов проявилась в 218 населенных пунктах, в 51 губернии и 7 областях. Численность анархистских организаций за этот же период составила ок. 6800-7100 чел. – См.: *Кривенький В.В.* Указ. соч. С. 24-25.

³ См.: *Юдин Э.Г.* Развитие // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – М., 1975. Т. 21. С. 409; *Он же.* Развитие // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 561.

нентный процесс, источник которого заключён в самом развивающемся объекте.¹

Необратимость развития анархического сознания проявляется в нетождественности, несводимости друг к другу, неповторяемости исторически эволюционирующих его форм. Обращение на новом историческом этапе к прежним идеям (например, современного анархизма к наиболее известным идеям М.А. Бакунина и, отчасти, П.А. Кропоткина, ещё недавно менее известным современным анархистам) принимает новые формы, происходит в контексте иного содержания теории анархизма. Преемственность в истории политической и правовой мысли, в том числе в теории анархизма, нельзя рассматривать как механический процесс: она отличается сложной диалектикой. Направленность изменений политического и правового анархического сознания в ходе его эволюции определяется направленностью изменений в объекте его отражения – в государстве, других политических институтах, в праве, в эволюции человеческой цивилизации. Структурное, функциональное и иное развитие влечёт за собой развитие (усложнение, утончение и т.д.) идеальных средств отражения, моделирования этих явлений и процессов (в типах сознания как с положительным, так и с отрицательным отношением к данным явлениям, процессам).

Направленность происходивших изменений в теории анархизма проявилась в постепенном формировании раннего и позднего классического анархизма, а затем в начале XX века – в прорастании целой ветви новых течений постклассического анархизма. При этом анархическое сознание как нечто целостное имеет и общие черты, а развитие анархизма оказывается направленным развертыванием, раскрытием потенциальных возможностей, природы этого типа сознания. «Для того, чтобы нечто развивалось, – писал А.Ф. Лосев, – необходимо, чтобы оно уже в самом начале содержало в себе в замкнутом и неразвернутом виде все свое дальнейшее становление и движение».² Наконец, закономерность исторических трансформаций анархизма обусловлена всей системой воздействующих на него экономических, социально-классовых, политических, духовных и иных факторов. Закономерность эволюции анархизма проявляется и в подчинении ее общим закономерностям развития общественного сознания, и в действии специфических закономерностей, свойственных системе идей анархизма. Здесь работают как объективные, так и субъективные факторы, зависящие от воли и свободного выбора людей, присутствуют как внутренние, так и внешние воздействия.

В литературе имеется и более широкий взгляд на развитие как интегративный процесс, совокупность и единство многообразных процессов, изменений происходящих в содержании, форме и структуре предмета и явления.³ Все черты движения, преобразования содержания и формы, модификации различных течений анархизма, их взаимодействия и конкуренции, иногда противоборства также прослеживаются в эволюции учений анархизма.

Следует отметить некоторые особенности развития анархизма в России в XIX–XX вв.: цикличность и прерывность этого процесса, а также относительное сни-

---

¹ См.: Развитие // Википедия. Свободная энциклопедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

² Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М., 1977. С. 5.

³ См.: Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. – М., 1983. С. 200.

жение теоретического уровня анархизма в начале нового цикла, «витка» развития и постепенный выход его на новый уровень теоретического осмысления реальности. Так было в начале XX века, когда формирующийся постклассический анархизм сначала во многом уступал уровню развития классического анархизма. Подобная ситуация повторилась в конце XX – в самом начале XXI вв., когда новый (более поздний) постклассический анархизм уступал уровню анархизма предшествующего этапа его эволюции.

Однако история анархизма свидетельствует о том, что, начиная новый “виток спирали” своего развития, анархическое сознание, как бы в сокращенном варианте, ускоренно проходит, восполняет предшествующие этапы своей эволюции. В дальнейшем анархическое сознание постепенно выходит к уровню предыдущего кульминационного развития. При этом раскрываются новые возможности познания и критики, выдвигаются оригинальные идеи, концепции, происходит обращение к новым методологическим основам, появляются новые крупные теоретики. Так было в зрелых произведениях П.А. Кропоткина, завершавшего развитие классического анархизма и в зрелых течениях постклассического анархизма, уже “перераставших” в 20-х гг. XX века традиционный анархизм.¹ Есть основания предполагать постепенный выход на новый теоретический уровень и на будущих этапах развития современного анархизма. При этом отмеченные процессы протекают в условиях ускорения ритма социального времени и увеличения информационной емкости общественных процессов.²

Эволюция анархизма – сложный, неоднозначный и противоречивый процесс его адаптации к изменившимся историческим условиям. В период 1918-1920 гг. анархизм пережил глубокий кризис, долгое время в советской литературе трактовавшийся ошибочно как окончательный крах и конец анархизма. В действительности кризис привел к напряженной работе анархического сознания, переосмыслению, некоторой ревизии им своих теоретических конструкций, к глубокой внутренней трансформации и появлению ряда новых течений. В результате наметилась смена внутритиповых форм данного сознания. По сути это был кризис и “потрясение основ” классического анархизма, сформировавшегося в XIX веке. Но внутри анархизма с начала XX века уже зарождались несколько новых течений. После 1917-1918 гг. происходит интенсивное развитие новых течений, их дальнейшая дифференциация и взаимовлияние. Постепенно именно они начинают определять “лицо” трансформированного анархизма.

Обновление, усложнение анархизма происходило не только на уровне появле-

---

¹ Дальнейшая эволюция новых теорий постклассического анархизма была прервана в силу ряда объективных и субъективных причин, в частности, некоторые анархисты были казнены (П.Д. Турчанинов), сосланы (А.А. Боровой и др.), заключены в лагеря (А.А. Солонович, П.И. Проферансов и др.), эмигрировали (А.Л. Гордин, Г.П. Максимов, В.М. Эйхенбаум и др.), умерли (П.А. Кропоткин, А.А. Карелин, В.Н. Черкезов, Г.И. Гогелиа и др.). Не без влияния политических репрессий была прекращена творческая деятельность значительной части видных теоретиков российского анархизма первой трети XX в. Эмигрировавшие анархисты также оказались в весьма сложных условиях. Позднее необоснованно репрессированные теоретики анархизма реабилитированы посмертно (например, А.А. Солонович – в 1975 г. «за отсутствием состава преступления»).

² См.: *Луковская Д.И.* Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л., 1985. С. 95.

ния новых идей, концепций. Формировалась и *новая историческая макроструктура анархического типа политического сознания – постклассический анархизм отделился от анархизма классического*. Тем самым происходила своего рода локализация кризиса анархического сознания как кризиса прежнего, традиционного анархизма. Новый анархизм сбрасывал с себя прежние догмы, менял форму, уходил из-под огня критики, искал новые пути познания, критически осмысливал новую реальность и свою собственную историю. Постклассический анархизм воспринял от классического анархизма ряд его фундаментальных идей, но в обновленной форме, а также выдвинул новые положения, концепции, поставил новые проблемы.

В результате кризиса классического анархизма, обнаружившего во многом практическую несостоятельность, произошла своего рода “мутация” анархического сознания. Возникший при этом постклассический анархизм интегрировал, переработал и в ходе последующей эволюции по-новому дифференцировал два основных направления эволюции прежнего анархизма: а) линию *относительной модернизации*, при которой сохранялась значительная преемственность и тесная связь обновленных теорий с предшествующими; и б) линию *максимально радикальной модернизации*, предполагающей меньшую степень преемственности и больший разрыв с классическим анархизмом, значительную его ревизию. В результате в рамках *постклассического анархизма появились два крупных идейных образования – модернизированный классический анархизм (неоклассический анархизм) и неклассический анархизм*.

Важно отметить, что процессы, протекавшие в анархическом сознании в России в 18-х – 20-х гг. XX века были более ярким, в целом, авангардным, несколько опережающим и многообразным проявлением общих мировых тенденций эволюции анархизма. Так, известный немецкий теоретик анархизма Р. Роккер в статье «Ревизия анархизма» (1925 г.) констатировал, что произошедшие исторические события поставили много новых проблем и что «в анархической прессе большинства стран происходит в последние годы оживленная дискуссия»¹ о старой теории анархизма. Сам Роккер стоял на позициях умеренной ревизии прежнего анархизма без отказа от его основных идей, т.е. на позициях неоклассического направления в постклассическом анархизме.

К особенностям *постклассического анархизма*, отличающим его от классического, можно отнести следующие его черты:

1. Критическое отношение к классическому анархизму при стремлении сохранить определенные основы анархизма. При этом классический анархизм не отождествляется с анархизмом вообще.

2. Более широкая методологическая основа. Она включала интуитивизм, мистицизм и т.д.

3. Большая толерантность по отношению к другим течениям мысли, в том числе к марксизму, социал-демократизму, либерализму.

4. Активная интеграция различных идей из общественных и естественных наук и стремление к созданию синтетических теорий (политических, философских, правовых и т.д.).

---

¹ Роккер Р. Ревизия анархизма. I // Рассвет. – 1925. 3 апреля. С. 2.

5. Значительное внимание, уделяемое развитию науки, интеллигенции, проблемам сознания. Более выраженное внимание к проблеме человека, его прав, свобод, творчеству, индивидуальности.

6. Постановка ряда новых проблем, в политической и правовой мысли, связанных с осмыслением нового глобального и регионального исторического опыта (различные аспекты феномена бюрократии, соотношения права и закона, критический анализ мировых войн XX века, их причин и последствий и т.д.), выдвижение принципиально новых концепций планетарного и космического масштаба.

7. Критическое осмысление исторической реальности существования не только феодальных и капиталистических государств, но и, что весьма существенно, – государств социалистических, а затем и постсоциалистических.

Наиболее ярко вышеназванные черты проявляются у *неклассического* анархизма – качественно наиболее творческих течений в постклассическом анархизме. В этом же направлении постклассического анархизма отчетливо прослеживается *тенденция к синтезу начал* анархизма-индивидуализма и анархизма-коммунизма, что нашло крайнее выражение в теории интериндивидуализма А.Л. Гордина.

Эволюция анархизма определяется системой факторов: экономических, социально-классовых, политических, юридических, духовных. Все факторы, усиливающие в обществе социальную неустойчивость и дестабилизацию, порождающие психологию отчаяния, содействующие дискредитации и распаду существующих политических структур, институтов, систем, и т.д., являются теми воздействиями, равнодействующая которых со временем кристаллизуется в эволюционирующую и имеющую большую или меньшую степень распространенности систему идей анархизма.

Следует отметить также соотношение взаимодействия индивидуального и общественного сознания во взаимодействии с социальными условиями и факторами, влияющими на эволюцию политического и правового сознания. Было бы упрощенным взглядом на эволюцию и преемственность теорий анархизма рассматривать их только как результат личного взаимодействия мыслителей без учёта объективных условий появления и воспроизводства идей в контексте исторической реальности. Нельзя не учитывать тесную и глубокую связь идей с общественными отношениями и интересами, нормами и институтами, намечающимися тенденциями и потребностями общества. Идеи объективируются в реальности, а реальность выражается в идеях, переводится в них, в информацию. Здесь существует обратное взаимодействие.

Эти механизмы взаимодействия сознания и реальной действительности во многом объясняют то, что в истории может происходить возрождение однотипных, а порой и идентичных идей через определенный период без непосредственного контакта их носителей, живших в разное время и не имевших возможности общаться друг с другом. Сокращение возможностей вертикального по времени обмена идей может произойти, например, в силу политических репрессий, запрещенности, непереиздаваемости и малоизвестности некоторых произведений. Система сознание-реальность материализует и дематериализует идеи, может воспроизводить и восстанавливать в той или иной степени их контуры в общественном сознании по отдельным элементам, чертам. Например, с 1988-1989 гг. начинается возрождение,

самообучение и саморазвитие анархического сознания в СССР, движение мысли которого во многом продолжилось в тех же направлениях и по тем же основным каналам, как и однотипного сознания, интенсивное развитие которого было прервано и приостановлено в конце 1930-х годов. Но это восстановление и развитие проходило в другой форме, в ином историческом контексте с нарастающими элементами нового содержания. При этом на каждом новом этапе анархическое сознание как бы в сокращенном варианте, более ускоренно проходит прежний путь развития сознания этого типа, укрепляется, расширяется, достигает примерно прежнего уровня и затем занимает позиции для начала нового витка своей эволюции и дальнейшего развития.

Влияние идей, их восприятие и продолжение в последующих поколениях, в творчестве последующих мыслителей связано не только и не столько со знакомством людей и непосредственной передачей ими идей друг другу по принципу «учитель – ученик». Здесь действуют, прежде всего, иные – макросоциальные факторы, их равнодействующая. Основной причиной влияния, поддержки и трансляции в будущее идей, теорий, концепций об обществе являются экономические, политические и социальные условия, взаимосвязи, их устойчивые структуры, системы. Причина появления тех же идей не столько в непосредственном взаимодействии индивидуальных сознаний, так сказать, голов талантливых людей, гениев (хотя это может иметь важное значение для взаимного развития и взаимной критики), сколько в тех социальных, культурных, природных, технических, информационных объективных силовых линиях, по которым движется мысль, которые задают ей определенный рисунок. Индивидуальное сознание, получая определенное воспитание, образование, развитие, придает индивидуальную оригинальную форму мысли, теории, развивает, оформляет их. Выдающийся мыслитель ещё и наполняет мысль энергией и доводит теорию до ее логически и системно завершенного оформления.

Преследования, репрессии, принудительная, неожиданная или естественная смерть конкретных людей как носителей, индукторов и трансляторов определенных идей, не ведут к полному прерыванию потока, направленности мысли. Это не происходит постольку, определенные макросоциальные факторы продолжают действовать на общественную мысль в том же направлении, подталкивая, стимулируя её движение по соответствующему вектору, влияя на её структуру и содержание. Поток мысли, его развитие может затормозиться, приостановиться, несколько изменить «русло» движения, форму и содержание мысленных конструкций, но это не будет полной остановкой, если сохраняются породившие мысль факторы, условия, потребности. Возникают многочисленные причинно-следственные связи, организующие систему общественного сознания, отбор, систематизацию в нём не только конечной продукции. Исторически отлаживается и сам механизм производства и воспроизводства идей и теорий (в том числе критических) как определённой востребованной систематизированной информационной среды существования и развития общества.

Политическое и правовое сознание, как и другие формы сознания, закономерно выступают как целостный сложно организованный общественный феномен, хотя и проявляются, развиваются, обогащаются через свои отдельные клеточки – индивидуальное сознание. Политическое и правовое сознание имеют глубокие корни и

опоры в обществе, его нормах, институтах, общественных отношениях, в индивидуальном и групповом сознании. Это и обеспечивает преемственность и воспроизводство, а со временем и при определенных условиях, – дальнейшее развитие однотипных идей даже при гибели или кончине некоторых их носителей, в том числе лидеров, их толкования и разработки для определенного времени. Выдающиеся мыслители, гении незаменимы, их идеи уникальны. Но даже смерть выдающихся носителей определенных идей, как и запреты на определенное время их трансляции, не устраняют из общества саму однотипную мысль, потребность в ней, которая может порождаться, поддерживаться и развиваться объективными механизмами её воспроизводства. Потребность в осмыслении процессов и явлений в обществе «улавливается», воспринимается, словно некие поля, излучения, волны, потенциальными носителями соответствующего типа идей, даже не знакомыми с их предшественниками ни лично, ни через их произведения, не читавших их работ. Знакомство с работами предшественников, как правило, благотворно влияет на развитие мысли данного типа для её уточнения, ускорения выработки новых обобщений, критического самоанализа и самопознания, так и для дальнейшего ее развития, в том числе за счёт обнаружения порой недостающего элемента для «критической массы» идей новой теории.

Особенно интенсивное и многообразное развитие анархизма в России определялось некоторыми специфическими факторами, конкретно-историческими условиями существования и эволюции российского анархизма. Л.Н. Толстой связывал такое радикальное отношение к государству с особенностями «русского характера», его максимализмом («все или ничего»).¹ По мнению Н.А. Бердяева, «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым и нашим крайним правым».²

Причины широкого распространения анархизма в России в конце XIX – начале XX вв. многообразны. Прежде всего, они связаны с особенностями исторического развития России в этот период. Назревание и развитие буржуазной революции в стране соединилось с поражениями в Крымской войне и войне с Японией, тяготами первой мировой войны, с подавлением революции 1905-1907 гг. Широкое проникновение капиталистических начал в экономику и запаздывание преобразований в политической сфере, праве создавало дополнительные противоречия. Сложное переплетение экономических, социальных, политических, идеологических, национальных противоречий отличали общественную жизнь и общественное сознание России этого периода. В начале XX века в России возникает *зона повышенного исторического напряжения*. Накопившаяся и не имеющая возможности легально реализоваться, революционная энергия высвободилась, в катастрофической форме, разрушая и прошлое, и представлявшие нерадикальными альтернативные вари-

---

¹ У Толстого. 1904-1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 3-я // Литературное наследство. Т. 90 в 4-х книгах. – М., 1979. Кн. 3. С. 236.

² Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. С. 4.

анты будущего развития¹ (в том числе конституционный путь преобразований).

Важные моменты исторического развития России фиксирует предложенная В.Г. Хоросом концепция *стадийного и эшелонированного развития капитализма*. К региону первичного, классического капитализма автор относит Западную Европу и Северную Америку. Второй эшелон капиталистического развития – Россия, Япония, Турция, Балканские страны. Наконец, третий эшелон (третичный капитализм) – колониальная и зависимая “периферия Азии, Африки” и большинства стран Латинской Америки.² Вторичное развитие капитализма в России на более высоком историческом уровне и под влиянием опередивших её стран происходило форсированно и требовало решительного разрешения накопившихся от разных эпох противоречий. Необходим был более энергичный исторический “рывок”, “скачок”. “Сжатие” в десятилетия и даже годы процессов, развертывавшихся в странах первичного буржуазного развития на столетия, «приводит, общества второго эшелона к гораздо большему социальному напряжению, диспропорциям, общественным противоречиям и конфликтам».³ Дополнительное историческое напряжение вело к высокой степени поляризации политического сознания, максимальному раскрытию возможностей его типов, а также к общей радикализации политической мысли. Это создавало благоприятную среду для развертывания и широкого распространения форм анархического сознания.

К существенным особенностям буржуазной трансформации в странах второго эшелона относится более значительная роль государства и государственного капитализма. При этом деятельность государства оказывалась весьма противоречивой: «активно насаждая технико-организационные формы буржуазного хозяйства», оно выступало как консервативная сила в общественно-политической жизни.⁴ Одновременно происходил *быстрый рост российской бюрократии*, что сопровождалось определенными диспропорциями, противоречиями, перекосами, излишествами. Это требовало дополнительных средств и сил общества для поддержания и обеспечения государственного аппарата и при его неэффективности, что нередко проявляется в общих и частных вопросах на протяжении всей истории, вызывало определённые импульсы радикального недовольства государством и бюрократией. Если в 1804 г. Российская империя имела примерно 13 260 табельных чиновников, то в 1847 г. их было уже 61 548 чел. (более чем в 4,5 раза больше).⁵ Согласно переписи

---

¹ Западногерманский исследователь Карл Шлөгель в книге «По ту сторону Великого Октября. Лаборатория современного. Петербург, 1909-1921» полагает, что русская революция была гигантским социальным взрывом, направленным не только против прошлого, но и против будущего, поскольку в ней потерпели поражение силы, способные вывести страну на путь развития современной западной цивилизации. См.: *Schlögel K. Venseits des Grossen Oktober: Das Laboratorium der Moderne.* – Petersburg, 1909-1921. (Berlin: Siedler, 1988).

² См.: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. – М., 1986. С. 15 (автор главы В.Г. Хорос).

³ Там же. С. 25. См. также: *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. – М., 1980. С. 65-66.

⁴ *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Указ. соч. С. 28.

⁵ См.: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). – М., 1981. С. 63; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. С. 67.

1897 г. численность служащих государственного аппарата составляла около 250 тыс. чел., а в 1917 г. по косвенным оценкам – примерно 600-700 тыс. чел.¹ Быстрый рост бюрократии и бюрократизация разбухшего государственного аппарата всегда служили одним из факторов развития анархического сознания.

Российское самодержавие обнаруживало *недальновидное упорство* в неприятии хотя бы ограниченного конституционного строя, даже по сравнению с другими странами, относящимися ко второму эшелону капиталистического развития. Так, буржуазные конституции были приняты в Греции в 1844 г., в Румынии в 1866 г., в Сербии в 1869 г., в Болгарии в 1879 г., в Японии в 1840 г. и т.д.² В России элементы конституционного строя появились лишь в 1906 г. Непоследовательные, противоречивые преобразования “сверху” в России вели к накоплению энергии мощного социального взрыва “снизу”, к росту стихийности в революционном движении, утрате веры в возможности использования прежних или реформированных форм государства и законодательства в интересах социального прогресса. Ослабленное государство оказалось не способным удержать развитие процесса изменений в законных рамках, возглавить процесс назревших радикальных, но контролируемых реформ.

В период мировой войны анархические настроения получают новое развитие. Бесмысленность, бесперспективность, антинародность войны, принесенные ею бедствия, жертвы, утрата доверия правительству, антимилитаристская пропаганда, массовое дезертирство с фронта³ способствовали росту антигосударственных настроений. Содействовали этому и самораспад части государственных структур, паралич государственной власти, двоевластие, “слом” старого государственного механизма и отмена законодательства прежних правительств в 1917 году, формирование с 1905 года альтернативных государственным структурам органов революционной власти и управления – советов. В противоречии с интересами народа находилась в начале XX века и структура расходов государственного бюджета. В 1913 года около трети расходов шло на финансирование армии, значительную часть бюджета составляли расходы на полицию, тюрьмы, оплату процентов по государственным займам, расходы на государственный аппарат. Незначительные средства выделялись на здравоохранение и народное просвещение.⁴

Геополитические факторы также наложили свой отпечаток на формы государства и политическое сознание России. Гигантскому по территории государству требуется значительно больше усилий для преодоления центробежных тенденций. Это влияет на численность государственного аппарата, формы правления и государственного устройства, политический режим. Уровень экономического и техниче-

---

¹ См.: *Ерошкин Н.П., Овруцкий Л.М., Подцеколкин А.М.* Бюрократизм – тормоз перестройки // Историки спорят. – М., 1989. С. 433. По некоторым данным, к 1986 г. в СССР в аппарате государственного управления работали 18-19 млн. чел., ими было занято 32,6 млн. должностей. См.: Там же. С. 458; Социальные отклонения. 2-е изд. – М., 1989. С. 330.

² См.: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Указ. соч. С. 45.

³ Накануне Февральской революции 1917 г. только на Северном фронте числилось 50 тыс. дезертиров, а за два месяца после этой революции из частей Северного фронта дезертировало ещё 25 тыс. солдат. См.: *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. 1917-1918. 2-е изд. – М., 1987. С. 231.

⁴ Например, расходы на просвещение в 1913 г. составили 80 коп. на одного жителя в год, тогда как в Бельгии, Англии и Германии – от 2 руб. до 3 руб. 50 коп., а в США – 9 руб. 24 коп. См.: История Советского государства и права в трех книгах. – М., 1968. Кн. 1. С. 48.

го развития страны лимитировали возможности коммуникации и дополнительно предопределяли разбухание государственного аппарата *самого большого государства планеты* по его территории. Евразийское географическое положение России ведет к синтезу в её политической культуре культурных традиций Запада и Востока, Европы и Азии, что и обогащает российскую политическую культуру, но и порождает некоторые дополнительные противоречия в политическом сознании. Масштабы страны оказывают определенное влияние на противопоставление в обыденном сознании географически удаленной от многих мест империи, и, как правило, идеализируемой центральной власти и власти местной, отношение к которой нередко весьма критичное. Такое контрастное восприятие власти таило в себе опасность в случае разочарования в центральной государственной власти, в монархе, возможной экстраполяции этого разочарования, недоверия на государство в целом.

Классификация анархизма

По нашему мнению, классификация течений анархизма должна учитывать комплекс признаков. Модель структуры анархического теоретического сознания должна учитывать также и его эволюцию. В плане систематизации явлений анархического сознания следует признать существенно важными давно используемые в литературе термины: “классический анархизм”, “классики анархизма” применительно к учениям первых крупнейших теоретиков анархизма XIX – начала XX вв.¹ Это обобщающее понятие отражает определенное внутреннее единство комплекса идей и учений исторической эпохи утверждения и развития индустриального общества (до тоталитаризма, мировых войн и социалистических государств XX в.). Позднее новая историческая реальность обусловила формирование модифицированного анархизма. Для его обозначения мы вводим понятие “*постклассический анархизм*”, а для эволюционной и содержательной дифференциации разновидностей, составляющих его течений, – понятия “*неоклассический*” и “*неклассический*” анархизм. Кроме того, представляется существенно важным различать значительно отличающиеся друг от друга начальные и более поздние формы эволюции одних и тех же идейных комплексов в анархическом сознании. С этой целью вводятся характеристики “ранний” и “поздний”, распространяющиеся на круг явлений с соответствующей временной и содержательной характеристиками. Возможно, для следующих этапов развития анархизма потребуется также более градуированная шкала фиксации поздних (последующих) этапов эволюции анархизма. Для обозначения проявлений анархического сознания в еретических движениях, сектантстве, в стихийных народных восстаниях, крестьянских войнах и т.д., предшествовавших кристаллизации первых развитых форм теоретического анархического сознания, т.е. существовавших до классического анархизма, мы вводим понятие “*доклассический (архаический)*” анархизм и *протоанархизм*. Этот класс явлений может быть предметом специального исследования.

---

¹ См., напр.: Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. – М., 1973. С. 5; Ударцев С.Ф. Из истории политических взглядов М.А. Бакунина на государство и революцию // Известия АН Каз. ССР. Сер.: обществ. наук. – 1976. № 5. С. 78; Он же. Кропоткин. – М., 1989. С. 124; Графский В.Г. Бакунин. – М., 1985. С. 115; Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. – М., 1989. С. 8.

Как отмечалось выше, анархизм классический и постклассический различаются рядом признаков, характеризующих их как относительно обособленные по содержанию крупные идейные комплексы в эволюции анархического сознания. Классический и постклассический анархизм представляют собой также две следующих одна за другой ступени исторической эволюции анархического сознания. С этой точки зрения *классический анархизм* – это совокупность первых крупных и системных теоретических форм (теорий, учений) анархического сознания, соответствующих эпохе XIX – начала XX вв. *Постклассический анархизм* в этом отношении – совокупность течений анархизма, сформировавшихся в 1900-х – 1920-х гг. в результате кризиса классического анархизма и трансформации анархического сознания в условиях научно-технических революций XX в., мировых войн, социалистических и иных революций, возникновения тоталитарных государств, политической системы и культуры плюралистической демократии, развития прав человека.

С учётом предложенной выше концепции эволюции теоретического анархического сознания в России может быть дана обобщенная комплексная его классификация (модель эволюционирующей его структуры). По нашему мнению, она должна учитывать: 1) целостность отдельных систем идей (течений); 2) особенности мировоззренческих основ и систем идей различных течений; 3) ранние, промежуточные и конечные формы эволюции течений; 4) эволюцию анархизма в целом, принадлежность течений к классическому или постклассическому анархизму и его разновидностям; 5) нетождественность теоретических течений и организационных частей политического движения анархизма; 6) эволюцию взглядов отдельных теоретиков анархизма.

Кратко суть эволюционно-структурной классификации может быть представлена в следующем виде: 1) **доклассический анархизм** – в Древнем мире (античный или протоанархизм) и в Средние века (архаический); 2) **классический** – ранний (XIX в.) и поздний (кон. XIX – нач. XX вв.); 3) **постклассический** (неоклассический и неклассический) – ранний (первая пол. XX в.) и современный (конец XX – нач. XXI вв.). Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующую классификацию основных течений теоретического анархического сознания в России XIX – начала XXI вв. (в скобках – основоположники или ведущие теоретики течений):

1. Классический анархизм

1.1. *Ранний* (анархизм-коллективизм, М.А. Бакунин и др.).

1.2. *Поздний*, в том числе: 1.2.1. Анархизм-коммунизм (П.А. Кропоткин и др.).

1.2.2. Христианский анархизм, наиболее тесно связанный с доклассическим анархизмом (Л.Н. Толстой и др.).

2. Постклассический анархизм

2.1. *Ранний*

2.1.1. *Неоклассический*, в том числе: 2.1.1.1. Анархизм-индивидуализм, включая неонигилизм (А.А. Андреев, О. Виконт и др.). 2.1.1.2. Христианский (“непротивленческий”) анархизм толстовцев (В.Г. Чертков и др.). 2.1.1.3. Коммунистический анархизм, включая анархизм-коммунизм после 1917 г., соответствующее крыло анархизма-универсализма, идеи анархо-кооператоров и т.д. (А.А. Карелин, А.М. Атабемян и др.). 2.1.1.4. Анархизм-синдикализм (Я. Новомирский [Я.И. Кирилловский], Г.П. Максимов, В. Волин [В.М. Эйхенбаум] и др.).

2.1.2. *Неклассический*, в том числе: 2.1.2.1. Ассоциационный анархизм (Лев Черный, псевд. П.Д. Турчанинова). 2.1.2.2. Анархизм-гуманизм (А.А. Боровой). 2.1.2.3. Анархизм-универсализм (интериндивидуализм), включая такие промежуточные формы его эволюции, как пананархизм и анархизм-универсализм (А.Л. Гордин и др.). 2.1.2.4. Анархизм-биокосмизм (А. Святогор (А.Ф. Агиенко), П.И. Иваницкий и др.). 2.1.23. Мистический анархизм, включая ранний (Г.И. Чулков и др.) и поздний (А.А. Солонович и др.).

2.2. *Поздний постклассический (современный) анархизм*

2.2.1. *Современный неоклассический* (анархо-синдикализм, толстовство, анархо-коммунизм, анархо-капитализм, анархо-индивидуализм). 2.2.2. *Современный неклассический* (мистический, биокосмизм, универсализм и др.). 2.2.3. *Новые течения неклассического анархизма* (анархо-экологизм, инфо-анархизм, анархо-антиглобализм и др.).

Приведенная классификация течений теоретического анархического сознания по естественным генетическим (эволюционным) и морфологическим (структурным) основаниям позволяет сгруппировать по комплексу признаков ряд течений, идеи различных групп, организаций, выделить в анархическом сознании крупные идейные комплексы, объединяющие течения анархизма по их принадлежности к той или иной эпохе и генетическим связям. Эта классификация синтезирует также информацию, содержащуюся в ранее предлагавшихся классификациях по отдельным признакам. Думается, она может быть полезна для исследователей истории анархизма и его современных течений.

В качестве дополнительных классификаций, в зависимости от задач исследования, могут использоваться и систематизации, группировки идей, теорий, течений, организационных форм анархизма и по ряду отдельных критериев, признаков. Однако такие классификации по частным основаниям не вскрывают механизма эволюции, общей структуры, генетических связей в теоретическом анархическом сознании.¹

Источники и использованная литература:

1. Анархизм: pro et contra, антология. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. – СПб.: РХГА, 2015. – 1142 с.
2. *Ермаков В.Д., Талеров П.И.* Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник. – СПб.: Соларт, 2007. – 724 с.
3. *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства: 1917-1918; изд. 2-е. – М.: Наука, 1987. – 352 с.
4. *Графский В.Г.* Бакунин. – М.: Юридическая литература, 1985. – 144 с.
5. *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века); изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 1981. – 352 с.
6. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
7. *Луковская Д.И.* Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л.: ЛГУ, 1985. – 161 с.

¹ Подробнее см.: *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: «Казахстан»; ВШП «Әділет», 1994. С. 100-102.

8. *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
9. *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. – М., 1986. – 343 с.
10. *Пирумова Н.М.* Бакунин. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 400 с.
11. *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина. – М.: Наука, 1990. – 319 с.
12. *Рок[к]ер Р.* Ревизия анархизма. I // Рассвет. – 1925, 3 апреля. С. 2.
13. *Рябов П.В.* Философия классического анархизма (проблема личности). – М.: Вузовская книга, 2007. – 340 с.
14. *Ударцев С.Ф.* Кропоткин. – М.: Юридическая литература, 1989. – 144 с.
15. *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: «Казахстан»; Высшая школа права «Эдilet», 1994. – 382 с.
16. *Ударцев С.Ф.* Анархическое сознание и хаос (О природе одного феномена) // Труды международной научной конференции, посвящ. 150-летию со дня рожд. П.А. Кропоткина. Москва, Дмитров, С.-Петербург, 9-15 дек. 1992 г. Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии / Редкол. Н.М. Пирумова, Н.К. Фигуровская, А.В. Бирюков. – М., 1995. – С. 169-192.
17. *Ударцев С.Ф.* Анархизм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 18-21.
18. *Ударцев С.Ф.* Эволюция теории анархизма в России в XIX–XX вв. (классический и постклассический периоды) // Труды международной научной конференции, посвящ. 150-летию со дня рожд. П.А. Кропоткина. Москва, Дмитров, Санкт-Петербург. 9-15 дек. 1992. Вып. 3: П.А. Кропоткин и революционное движение. – М., 2001. С. 171-193.
19. *Ударцев С.Ф.* Протоанархизм в Древнем мире: некоторые источники и представители (из истории политической и правовой мысли) // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ) (г. Кропоткин). – 2003, № 1 (10). С. 112-124.
20. *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая доктрина анархизма П.А. Кропоткина: век спустя // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И.И. Блауберг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 37-75.
21. *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. – М.: Наука, 1980. – 288 с.
22. *Эврич Пол.* Русские анархисты. 1905-1917 / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 272 с.
23. *Udartsev Sięgiej.* Michail Bakunin: uwagi do portretu myśliciela // Nowa krytyka. Czasopismo filozoficzne. 30/31. Szczecin, 2013. S. 119-136 (Z języka rosyjskiego przełożył Antoni A. Kamiński).

Udartsev S.F.

Classic and postclassic periods of evolution of anarchism theory in Russia

The article describes the main steps and factors affecting on the evolution of the revival and development of the anarchism theory in Russia during the 19th – 20th centuries. Such macro-formation in the history of theoretical ideas of anarchism, as the pre-classical, classical and post-classical anarchism are distinguished and characterized. In the spectrum of post-classical anarchist theories the currents of modernized classical (neoclassical) anarchism, as well as new (non-classical) currents of anarchism are distinguished.

Keywords: theoretical political and legal consciousness, the evolution of the theory of anarchism, pre-classical anarchism, classical anarchism, post-classical anarchism, Russian Revolution of 1917, the neo-classical anarchism, non-classical anarchism, modern anarchism, the objective bases of reproduction of political thought.

Лукоянов И.В.

ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

В статье анализируется политическая система Российской империи, сложившаяся после революции 1905 г. («думская монархия») и её перспективы. Автор полагает, что, несмотря на значительное число внутренних противоречий, связанных с необходимостью реформ, и явно переходный характер всей политической конструкции, она оказалась более жизнеспособной, чем это казалось советской историографии.

Ключевые слова: думская монархия, самодержавие, Государственная дума, реформы, Николай II, П.А. Столыпин.

Государственная дума – собрание избранных депутатов как законодательная инстанция – появилась в Российской империи лишь в 1906 году, её учреждение было прямо связано с Первой русской революцией. Не удивительно, что Дума явилась частью этой революции: абсолютное большинство депутатов первых двух созывов (1906 и 1907 гг.) выступали противниками самодержавия, требуя как минимум подчинения себе правительства, то есть, за дальнейшее изменение государственного строя. И первый, и второй составы нижней палаты почти не занимались законопроектами, предложенными исполнительной властью. Депутаты предпочитали сочинять их сами (особенно – первая Дума), но не имели никаких перспектив на доведение их до законов из-за сопротивления верхней палаты – Государственного совета. Итогом стал ступор законодательного процесса. Два созыва нижней палаты, пусть они и проработали незначительное время (72 и 103 дня вместо десяти лет) утвердили лишь три из 343 законопроектов, один из которых (об отмене смертной казни) не имел шанса стать законом, а два представляли собой экстренные субсидии из бюджета на помощь крестьянам, пострадавшим от недорода.

В окружении царя предлагалось два возможных решения законодательного тупика. Один – создание ответственного перед палатой правительства. Д.Ф. Трепов, влиятельный дворцовый комендант, вступил в переговоры с кадетами о формировании их министерства в союзе 1906 года. Другой путь – проявление жёсткости – требовал изменения депутатского корпуса Думы. Это, в свою очередь, ставило вопрос о пересмотре избирательного закона, так как ждать смены настроений времени не было. Именно такой ход предлагал премьер И.Л. Горемыкин, но Николай II решил повременить и дал Думе еще один шанс.² Лишь весной 1907 года П.А. Столыпин с согласия императора подготовил роспуск Думы и изменение избирательного закона царской волей, так как легальным путем, через нижнюю палату, это было невозможно. Самодержец, пойдя на смещение пропорций в представительстве

Лукоянов Игорь Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

¹ Сокращённый вариант статьи, впервые опубликованной: *Лукоянов И.В.* Государственная дума Российской империи: итоги и перспективы исследований // Труды Отделения историко-филологических наук 2008-2013. – М.: «Наука», 2014. С. 181–205.

² [*Крыжановский С.Е.*] Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. [Берлин, 1938]. С. 90.

сословно-имущественных групп, настаивал на том, чтобы в новом составе палаты ни одна из категорий населения, которая получила избирательные права, не лишилась бы их.¹ Вероятно, это не являлось боязнью перед революцией: Николай II ценил свои обещания, данные публично, и так просто от царского слова не отказывался. Его решение было справедливо названо современниками государственным переворотом.

Новый избирательный закон 3 июня 1907 г. подчеркнул ставку власти на имущественный ценз и сословность при выборах народных представителей. Видимость массовости сочеталась с гарантированным проведением в депутаты большинства лояльно настроенных к власти депутатов – в этом и состоял его главный смысл. 154 депутатских мандатов оказалось у партии «Союз 17 октября» (34,84%), главного союзника П.А. Столыпина. Справа от октябристов 70 мест завоевали близкие им умеренно правые (15,84%) и 26 (5,88%) – националисты. У кадетов осталось всего 54 места (12,22%), они почти сравнялись с крайне правыми (51 мандат, 11,54%). Представительство революционеров свелось до тридцати с небольшим человек (социал-демократы – 19 (4,3%), трудовики – 14 (3,17%)), они могли надеяться лишь на то, чтобы заявить свою позицию. Действительно, в результате появился корпус народных избранников, готовый работать с правительством. Однако за его формирование власть заплатила дорогую цену. С участниками волостных сходок и собраний рабочих в России насчитывалось около 3,5 млн избирателей (3,3% всего населения). Полноценных избирателей на всю империю было 179,9 тыс. человек, они и определяли в третьеиюньской системе политическое лицо Думы.² Власть могла «подправлять» выборы, разделяя предварительные съезды землевладельцев, а также устанавливать имущественные минимумы участия в них для тех, кто не обладал полным цензом. Этот и другие приёмы, направленные на «корректировку» выборов по усмотрению администрации, были опасными: «Дума от власти» неизбежно отрывалась от избирателей. Разумеется, на результатах выборов в III Думу в конце 1907 года сказалась и смена настроений: революционный энтузиазм уступил место рациональным соображениям. Однако несколько лет спустя, в 1912 году, состав IV Думы уже контрастировал с общим движением политического настроения в империи: если избиратель ощутимо левел, то в Думе произошел размыв октябристского центра, у которого осталось всего 100 депутатских мест. Зато во многом благодаря действиям местных властей до 186 человек выросло общее число правых и националистов (что совершенно не отражало господствующие настроения). «Народные избранники» представляли не столько взгляды и настроения населения, сколько виды «правительства без реформ» В.Н. Коковцова. Самое опасное было, пожалуй, в том, что этого процесса самодержавие пыталось не замечать, игнорировать его.³

Тем не менее, любое изменение цензов и избирательного закона в целом не устранило базового противоречия. В европейских парламентах начала XX века просматривалась закономерность: наиболее умеренные, консервативные фракции сос-

---

¹ [Крыжановский С.Е.] Воспоминания. С. 108.

² Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – СПб., 1996. С. 559.

³ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. С. 89.

тояли в основном из состоятельных депутатов, реформаторы же были, как правило, выходцами из менее обеспеченных слоев общества. Пермские историки И.К. Кирьянов и М.Н. Лукьянов провели такой же анализ связи имущественного состояния и партийной принадлежности депутатов российской Думы третьего созыва. Результаты оказались неожиданными: в России крупные собственники, на кого так надеялась власть, входили в основном во фракции октябристов, кадетов и прогрессистов, то есть реформаторские. Безоговорочная опора царизма – правые и крайне правые – состояли в основном из священников, мелких помещиков и собственников-земледельцев.¹ Получалось, что даже измененная избирательная система, ориентированная на представительство имущества, приводит в Думу в основном оппозицию Его величества, а опора трона, состоящая из среднеимущих слоев общества, не выглядит надежной. Позиция собственников свидетельствовала о неустойчивости политической системы России в целом. Такая конструкция не могла функционировать долгосрочно.

Третьеиюньская политическая система

В подготовке законопроектов для законодательных палат колоссальная роль отводилась Совету министров. Высшая коллегия исполнительной власти утверждала законопроекты перед внесением в Думу, в ряде случаев подвергая их тщательному обсуждению.² Яркое представление об этом можно получить из меморий и журналов Совета министров за 1905-1917 гг., значительная и самая интересная часть которых сейчас опубликована.³ Кроме того, законодательная инициатива правительства по всем сколько-нибудь значительным вопросам требовала согласия царя. То есть, Николай II лично играл роль последней инстанции, а, точнее, фильтра, перед тем как дать законопроекту ход от исполнительной власти к законодательной. Представляется, что этот момент является одним из ключевых во всей конструкции третьеиюньской монархии. Не следует также забывать, что назначение Николаем II половины состава Государственного совета влияло на позицию верхней палаты относительно законопроектов: таким образом в его составе можно было легко сформировать правое большинство из назначаемых членов с добавлением к ним, например, избранников губернских дворянских обществ, придерживавшихся тогда в большинстве правых позиций. В общем, у Николая II имелись разные способы, чтобы не допустить прохождения любого законопроекта, но он не был в состоянии настоять на проведении желанного ему – Дума являлась непреодолимым фильтром. Это являлось единственным реальным ограничением царской власти в законодательном процессе. В целом же вся система была нацелена не столько на проведение реформ (хотя предотвращение революции оставалось актуальным), сколько на блокирование нежелательных законов с двух сторон. В известном смысле и Дума, и Государственный совет, и Совет министров являлись одновременно и инициаторами перемен и их тормозами. Для проведения же преобразований в России отны-

---

¹ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и её депутаты. 1906–1917. – Пермь, 1995. С. 100.

² Соловьёв К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). – М., 2011.

³ Совет министров Российской империи, 1905-1906 гг. Документы и материалы. – Л., 1990; Особые журналы Совета министров Российской империи, 1906-1917 гг.: в 12-ти тт. – М., 2001–2011.

не требовалось согласие самодержца, исполнительной власти (правда, всецело зависевшей от него) и законодательных палат. Реформы требовали невиданного до этого по широте консенсуса – вот итог политических перемен в результате революции и политическая суть третьей Думы.

Думская монархия, отражавшая весьма сложные отношения между министрами, монархом и законодательными палатами, не выглядела цельной конструкцией, а представляла собой сочетание весьма противоречивых элементов, композицию из взаимных сдержек. Это определяло её фундаментальную слабость. В советское время историки, как правило, отказывали этой системе в жизнеспособности. Так, они писали об отсутствии у третьей Думы реформистских возможностей вообще¹, что было явным преувеличением и не соответствовало фактам. Лучший знаток политической истории России этого времени В.С. Дякин настаивал на весьма ограниченном реформаторском потенциале третьей Думы, закончившемся к 1910–1911 гг.² В постсоветской историографии широкое распространение получил более оптимистический взгляд на возможности политической системы, связанный, правда, персонально с личностью П.А. Столыпина. Тем не менее, точка зрения В.С. Дякина аргументирована значительно лучше, чем у его оппонентов. Правда, общий вердикт – о быстром переходе этой системы к кризису из-за сопротивления справа – нуждается в ряде уточнений.

Легенда о двух думских большинствах. Она появилась ещё в дореволюционной историографии, а в советской опиралась на цитаты из сочинений В.И. Ленина и стала почти аксиомой. Речь идет о возможном составе думского большинства, необходимого для принятия решения. Всего в нижней палате по третьей Думе избирательному закону насчитывалось 442 депутата, поэтому для положительного вердикта требовалось собрать более 221 голоса. Так как октябристы, являясь крупнейшей фракцией третьей Думы, располагали всего третью голосов, то для победы им была необходима поддержка либо справа (умеренно правые, которые при активном участии П.А. Столыпина в октябре 1909 года объединились с националистами в единую фракцию из 90 депутатов – 20% всего состава нижней палаты), либо слева (кадеты, прогрессисты и мусульманская группа в сумме с октябристами давали примерно 55% голосов). Однако голосование налево было по сути случайным, конъюнктурным. Перечисленные фракции не могли объединиться на постоянной основе, то есть сформулировать единую программу действий. Их сближало противостояние правительству. Голосование же направо (октябристы вместе с национальной фракцией) являлось уже отражением определённой программы. Ок-

---

¹ А.Я. Аврех утверждал, что «в третьедумский период» царизм «хотел, но не мог» дать реформы: мешала «общая революционная ситуация» (Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. – М., 1968. С. 510–511). Однако, что именно автор понимал под «реформами», установить сложно, так как законопроекты о местном суде, поселковом управлении, волостном земстве он охарактеризовал как «невероятно куцые», не затрагивавшие «полноты власти самодержавия». Вероятно, согласно его точке зрения, они не являлись реформами. Оппонент А.Я. Авреха Е.Д. Черменский сам факт проведения самодержавием некоторых реформ признавал. Но он категорически отказывал им в эффективности, озаглавив один из разделов своей монографии «Безнадежность реформ» и утверждая, что «в условиях России даже умереннейшие реформы лили воду на мельницу революции» (Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976. С. 26, 28).

² Дякин В.С. Указ. соч.; Он же. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. – 1990. № 12. С. 113–138.

тябристы выступали за проведение реформ в духе развития положений Манифеста 17 октября. Националисты были менее требовательны к преобразованиям и соглашались без них безусловно поддержать исполнительную власть. То есть, можно говорить о существовании большинства, постоянного и базового для реформ, проводимых правительством П.А. Столыпина. Это правооктябристское большинство и стало плодом нового избирательного закона, а вместе с тем одной из основных опорных конструкций третьеиюньской политической системы (то есть, постоянного сотрудничества правительства и Думы).

В современной историографии нет единой точки зрения, какую именно фракцию П.А. Столыпин рассматривал в качестве своей главной опоры. Если В.С. Дякин полагал, что до 1911 года альянс премьера с октябристами сохранялся, хотя и не без трений, то Р. Эделман и вслед за ним Ф.А. Гайда считают, что к 1910 году премьер видел свою основную опору в умеренно правых и националистах¹, что отразилось в националистических законопроектах, касающихся Финляндии и Польши (выделение Холмской губернии). Да и закон о западном земстве, с которым оказался связан второй правительственный кризис в марте 1911 года, Ф.А. Гайда рассматривает как средство «продвигать избирательную кампанию националистов в 1912 г.» в IV Думу.² Действительно, уже после первого правительственного кризиса в 1908-1909 гг. П.А. Столыпин обратил серьёзное внимание на умеренно правых как на не менее важную для своей политики фракцию, чем октябристы. Однако нет данных, прямо свидетельствующих о том, что глава правительства существенно изменил свои взгляды к 1910 г., сделав ставку на умеренно правых и отказавшись от реформ. С другой стороны, националистические законопроекты, резко урезающие финскую автономию или выделяющие Холмскую губернию из Царства Польского, давно обсуждались во власти и были прямо инициированы Николаем II. В частности, законопроект о западном земстве с национальными куриями получил «зелёный свет» после поддержки царем в мае 1909 года ходатайства депутации киевского клуба националистов: только тогда в столичных верхах наступил, по словам А.И. Савенко, «решительный переворот во взглядах» и произошла «перестройка фронта».³ Всё-таки ставка на националистов вряд ли была сделана премьером ранее 1911 года, а ещё точнее – мартовского правительственного кризиса, одним из итогов которого стал раскол октябристской фракции, отказавшей премьеру в прежней поддержке.

Проправительственное большинство в Думе и Совет министров не находились в идиллических отношениях. Нередко октябристы (и не только они) голосовали против правительства. Так, в апреле 1908 года при обсуждении бюджета Министерства путей сообщения думское большинство отказалось бронировать штаты ведомства, проведенные царским указом перед самым созывом III Думы, и демонстративно снизило «неприкосновенную» смету на один рубль. Этот «конституционный рубль» означал, что проправительственные фракции не намерены терпеть ущем-

¹ *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party 1907–1917. – New Brunswick, 1980. P. 101–102.

² *Гайда Ф.А.* Эволюция внутриполитического курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 годах // Российская история. 2012. № 2. С. 82.

³ Сборник клуба русских националистов. Вып. 2. Киев, 1910. С. 17.

ления бюджетных прав палаты.¹ Список проблем можно продолжить (например, вокруг военных дел). Правительство, в свою очередь, на рубеже 1907-1908 гг. обсуждало возможность сократить сведения, которые сообщались Думе по её запросам. Тем не менее, кабинет не нашёл законных способов ограничить любопытство народных избранников.² Но интересы дела – проведение законов – заставляли обе стороны идти на более тесное сотрудничество и искать компромиссы. Так, в 1909 г. был установлен прямой контакт между думскими комиссиями и министерствами, не предусмотренный законодательством. В итоге П.А. Столыпин мог провести через Думу в 1907-1909 гг. очень многое (например, штаты Морского Генерального штаба получали одобрение нижней палаты дважды). Проблемы наступили в 1910 г. и связаны они были с кризисом в отношениях с октябристами, требовавших реформ. Однако немедленных выводов из трений не последовало, наоборот, даже после мартовского 1911 г. правительственного кризиса фракция октябристов всё-таки продолжала поддерживать правительство П.А. Столыпина.

Столыпинские реформы. Большинство реформ, проведенных в 1906-1911 гг., можно называть столыпинскими со значительной долей условности: они, как правило, были подготовлены его предшественниками. Их разработка не была спровоцирована революционным движением, поэтому преобразования не представляли собой уступки революции, а являлись попыткой решить накопившиеся проблемы. Именно в этом видится основной залог их успеха.

То, что называется столыпинской аграрной реформой, начало осуществляться в конце 1906 года в виде серии царских указов, внесших серьёзнейшие перемены в жизнь земледельцев. Главные из них – меры по расширению крестьянского землепользования, изменение правового статуса крестьян (превращение их в полноправных собственников земли). Самый известный акт – указ 9 ноября 1906 г. об облегчении выхода крестьян из общины с землей, который чаще всего и называется столыпинской аграрной реформой.³ Благодаря ему каждый домохозяин получал право в любой момент выйти из общины и укрепить в собственность свой участок мирского надела, а также требовать выделения своей земли к одному месту (отруб). Власть, таким образом, стала относиться к общине не столько как к землевладельцу, сколько как к административной единице.

Конечной целью реформы было расселение деревни на свои наделы, то есть создание хуторов. Однако более двух лет указ 9 ноября оставался временной мерой, Дума поставила его на обсуждение лишь 20 октября 1908 года, во вторую сессию.⁴ Несмотря на то, что обсуждение законопроекта в палате заняло очень много време-

---

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 1. Ч. 2. Стб. 1621–1622; *Дякин В.С.* Самодержавие... С. 105.

² Особый журнал Совета министров по представлению МПС о пределах и объеме справок и разъяснений, представляемых ведомствами по требованию Государственной думы и ее отделов, комиссий и подкомиссий 4 января 1908 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 742. Л. 555–556 (далее: РГИА).

³ Именной высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» 9 ноября 1906 г. // Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.) / Под ред. Н.И. Лазаревского. Изд. 3-е. – СПб., 1909. С. 452–467.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 2. Ч. 1. Стб. 118–126.

ни (с 23 октября 1908 г. до 24 апреля 1909 г.), оказалось многоступенчатым и сложным, правительство и палата работали согласованно. Законопроект подвергся лишь некоторой правке, не затрагивающей его основы. Документ, прошедший Думу и Государственный совет, был подписан царём 14 июня 1910 г., став таким образом законом.¹ Это был важнейший, но не единственный краеугольный камень в здание столыпинской аграрной реформы, разрушающий общинную собственность на землю и открывающий большой простор экономическим отношениям в деревне.

Одним из важнейших итогов работы III Думы стало принятие закона о местном суде. По замыслу правительства, все прежние виды местного судопроизводства вроде земского начальника упразднились, на их место приходил общий для всех сословий местный суд в лице единоличного мирового судьи. В ходе прений правительство открыто провозгласило связь местного суда с аграрной реформой: крестьянину-собственнику земли следовало обеспечить правовую защиту.² В Думе намерение кабинета встретило поддержку, однако критика столыпинского законопроекта справа в верхней палате была сильной, он прошел лишь благодаря тому, что среди оппонентов не сложилось единого мнения по отношению к различным частям реформы.³ Николай II подписал законопроект 15 июня 1912 г.⁴ Несмотря на все ограничения, новый закон тем не менее двигал «сельскую юстицию» в направлении к общеправовому строю в империи. А главное, на местах суд становился бессословным и не зависящим от сельских обществ, что существенно поддержало столыпинскую аграрную реформу.

Однако общий баланс сделанного и не сделанного – не в пользу П.А. Столыпина. Ещё в 1912 году один из первых биографов премьера А.С. Изгоев выделил из декларации правительства во II Думе 43 намерения и проследил исполнение обещанного к 1911 году. Пусть кадетский публицист и оказался в ряде вопросов пристрастен, но общий вывод всё равно печален: он насчитал лишь 5 реализованных мер, ещё несколько либо были частично осуществлены, либо находились в стадии законопроектов, но без уверенных перспектив.⁵ Тем не менее, результаты сотрудничества правительства и III Думы оказались заметными: за пять лет своего существования III Дума из 2,5 тыс. законопроектов, внесённых в неё правительством, рассмотрела 2 380 и одобрила 2 197, в том числе 14 июня 1910 г. приняла закон о крестьянском землевладении, разрушающий общину; 29 мая 1911 г. – правила о землеустройстве; 15 июня 1912 г. – о местном суде; 23 июня 1912 г. – о страховании рабочих.

Ход преобразований в 1906-1911 гг. подсказывает, что целесообразно разделить это время на два периода. Первый – до 1909 года, первого министерского кризиса, когда правительство имело много планов и энергично действовало для их воплощения. Однако нарастающее сопротивление справа, хотя и не оказывало прямого

---

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть 2. Законодательная деятельность. – СПб., 1912. С. 207–221.

² Власть и реформы... С. 608.

³ *Бородин А.П.* Государственный совет России (1905–1917). – Киров, 1999. С. 191–199.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 328; Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва... С. 553–574.

⁵ *Изгоев А.С.* П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. – М., 1912. С. 117–123.

воздействия на исполнительную власть, но быстро заставило с ним считаться. Это отразилось, к примеру, в действиях большинства членов Совета по делам местного хозяйства, вставших насмерть против устранения от власти в уезде предводителей дворянства.¹ Оживление правых совпало с изменением взглядов Николая II: для него, кажется, наступило успокоение, реформы перестали казаться столь уж необходимыми.

Второй период охватывает 1909-1911 гг., когда реформаторская деятельность претерпела существенные изменения. Центр тяжести преобразований сместился в сторону национализма. Одновременно уже готовые реформы либо сильно урезались, либо отвергались вообще. Так, проекты перестройки губернской и уездной власти не вышли за рамки МВД: премьеру не удалось преодолеть сопротивление правых, не согласных с планами передачи власти от дворянства в руки чиновников.

Через Государственный совет не удалось провести законопроект о преобразовании волости. 30 октября 1908 г. он был внесен в Думу. Волость из органа чисто крестьянского управления превращалась во всесословную, объединяла в своей компетенции как дела местного хозяйства, так и административно-полицейские функции. Создание всесословного низшего звена в управлении и самоуправлении было важным шагом на пути столыпинских реформ, разрушавших как сословную замкнутость крестьянства, так и власть помещика. Именно собственность, а не формальная сословная принадлежность отныне становились мерилем влияния в местных делах. Однако принятый Думой законопроект осел в верхней палате²: для правых сама идея всесословной волости была неприемлема, так как она передавала власть на местах от помещиков к крестьянам.

Ещё один важнейший пакет законов – вероисповедальные, призванные либерализовать отношения вокруг веры и церкви, – стал иллюстрацией того, как столыпинские реформы сворачивались. В 1906 году Министерство внутренних дел было готово признать внеконфессиональный статус подданных (право на атеизм) и гражданский брак.³ Ко времени III Думы радикализм ведомства заметно поубавился. Сразу после окончания министерского кризиса 1909 года Дума приступила к рассмотрению правительственных законопроектов о переходе в другое вероисповедание, об отмене ограничений при снятии сана и о старообрядских общинах, внесённых ещё в конце 1907 года. Это была лишь самая безобидная часть более обширного законопроекта об отмене всяких ограничений для приверженцев инославных исповеданий. Он так и не был рассмотрен Думой, так как правительство взяло его обратно.⁴ Самое интересное состоит в том, что представители правительства (С.Е. Крыжановский) и Синода выступили против ряда пунктов правительственных законопроектов, в частности против разрешения старообрядцам свободы проповедования.⁵ В мае – начале июня 1909 г. эти три документа вышли из Думы

---

¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. – Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 132–139; Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). – М., 2008.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва... С. 67–78.

³ Власть и реформы... С. 608.

⁴ Дякин В.С. Самодержавие... С. 142.

⁵ Там же. С. 143–144.

в существенно изменённом виде. В законопроекте, касающемся тех, кто добровольно снял с себя сан, Дума сняла ещё некоторые ограничения, констатируя, что они получают практически все права, которые имели до получения сана либо принятия пострига. Однако одобренный Государственным советом законопроект так и не стал законом, так как Николай II отказался его подписать (единственный прецедент за время III Думы).¹

Правительственный законопроект, предусматривающий возможность смены веры, допускал лишь переход из нехристианских в христианские конфессии, а также из одной христианской в другую. Возможность отказаться от христианства вообще в нём не предусматривалась. Дума в ходе его обсуждения в конце мая – начале июня 1909 года, разрешила такой переход, однако Государственный совет вернулся к правительственному варианту, даже несколько усилив его ограничения. Согласительная комиссия к консенсусу не пришла, поэтому нижняя палата не рассмотрела её заключение.² Так был похоронен один из ключевых столыпинских вероисповедальных законопроектов, призванный реализовать хотя бы частично принцип свободы совести, обещанный манифестом 17 октября 1905 г. И, наконец, проект правил о старообрядческих и сектанских общинах, принятый Советом министров по ст. 87 Основных законов, после рассмотрения в специальной комиссии обсуждался Думой в мае 1909 года. Палата внесла в правительственный вариант существенные поправки: старообрядцам разрешили свободу проповеди, а порядок создания новых общин объявлялся заявочным, а не разрешительным. Государственный совет отклонил первую из поправок Думы – о свободе проповеди. Согласительная комиссия не пришла к единому мнению и этот законопроект, так же как и предыдущий, не вышел за пределы народного представительства.³

Судьба нереализованных законопроектов правительства П.А. Столыпина показывает, что сопротивление им оказывалось, как минимум, на пяти рубежах. Несмотря на то, что премьер одновременно был министром внутренних дел, даже в подчиненном ему ведомстве не всегда удавалось получить поддержку, например, от Совета по делам местного хозяйства. Совет министров также не всегда полностью разделял точку зрения своего главы. Перед внесением законопроекта в Думу следовало заручиться согласием царя, которое он давал не во всех случаях. Например, проект указа о существенном ослаблении черты еврейской оседлости и вообще ограничения евреев в правах не получил его одобрительной резолюции.⁴ Дума обязательно вносила коррективы в правительственные проекты, которые не каждый раз казались исполнительной власти полезными. Государственный совет, где правые играли видную роль, часто не соглашался с реформами. Наконец, сам царь изредка, но был готов сыграть роль последнего барьера: не пропустить законопроект, которому сам когда-то дал старт. При такой системе фильтров успешное прохождение законопроектов, особенно важных, нельзя назвать правилом. Кон-

---

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва... С. 47–50.

² Там же. С. 55–57.

³ Там же. С. 58–61.

⁴ Особый журнал Совета министров «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев» 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. – М., 2011. С. 354–376.

струкция законотворческого процесса показывает, что, несмотря на усилия всех его участников, главную роль в нём играл царь: в третьионьской системе он санкционировал запуск законопроекта в палату (утверждал Особый журнал Совета министров) и подписывал его на выходе. То есть, император контролировал две ключевые точки всего процесса. Поэтому есть все основания представить Николая II важнейшей фигурой в проведении реформ, несмотря на то, что в традиции они связываются с именем П.А. Столыпина.

Правительство П.А. Столыпина и царь. Основные трения между самодержцем и его министрами сконцентрировались вокруг программы исполнительной власти. Если П.А. Столыпин, без сомнения, имел такую программу, пусть и не сразу сформулированную, то этого нельзя сказать про Николая II. Царь придерживался взглядов, многие из которых нельзя назвать устойчивыми. Естественно, что при конфликте программы с высочайшими суждениями верх одерживали последние, особенно это стало заметно с 1908 года. П.А. Столыпин не слишком сопротивлялся, принимая царские мнения к неукоснительному исполнению. Да и возможностей изменить что-либо у него было немного. Поэтому между ними и не было политических конфликтов. Кризис кабинета П.А. Столыпина 1909 года объясняется тем, что император пересмотрел ряд своих представлений, относящихся, прежде всего, к полномочиям Государственной думы, и сделал это неожиданно по отношению к своему правительству.¹

Поводом для министерского кризиса 1909 года послужил проект сметы Морского генерального штаба на 1908 года на 30 983 руб., внесённый в Думу 16 ноября 1907 года. В качестве справки к нему было приложено штатное расписание штаба. Комиссия по государственной обороне нижней палаты поддержала не только сумму финансирования, но и штаты (о чём Морское министерство не просило).² 24 мая 1908 года общее собрание Думы приняло законопроект в первом чтении.³ Его окончательное утверждение после постатейного обсуждения состоялось 6 июня 1908 года⁴, а 12 июня текст был препровождён из Думы в Государственный совет. Несмотря на то, что нижняя палата расширила вопрос сметы до утверждения штатов, в принципе всё было по закону. Дума утвердила все штаты, за исключением строевых, технических и хозяйственных воинских частей (согласно ст. 96 Основных законов), а Морской генеральный штаб, выделенный в 1906 года из состава Морского главного штаба, являлся подразделением Морского министерства и, следовательно, входил в общее управление, подведомственное народному представительству. Однако правые в верхней палате, обвинив правительство и Думу во вмешательстве в дела верховного (т.е. царского) управления, 3 июля 1908 года настояли на отклонении законопроекта.

---

¹ Правительственный кризис 1911 г. я не рассматриваю, так как по признанию самого царя, у него не было претензий к политике П.А. Столыпина, то есть, кризис носил не политический, а личный характер.

² Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 г. – СПб., 1908. С. 35–36.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 1. Ч. 3. Стб. 1420–1423.

⁴ Там же. Стб. 2288–2290.

П.А. Столыпин пошёл на принцип и провёл вторично через Думу тот же самый законопроект, после чего добился одобрения его и в Государственном совете 19 марта 1909 года. Но и на сей раз он не стал законом, так как документ отказался подписать царь. Это был уже настоящий правительственный кризис, так как самодержец не одобрил действия правительства, им назначенного. Однако естественную просьбу министров об уходе царь отклонил, поручив 27 апреля 1909 года Совету министров разработать правила утверждения подобных штатов впредь. Правила были оперативно составлены и 24 августа 1909 года Николай II утвердил их, несмотря на то, что они в нарушение Основных законов изымали утверждение штатов Военного и Морского министерств из компетенции Думы. Кроме того, толковать закон решением Особого совещания, пусть и утвержденного царем, было нельзя. Поэтому поручение Николая II уже являлось нарушением Основных законов.¹ В это же время Николай II подумывал о том, чтобы на его утверждение представлялось мнение не только большинства, но и меньшинства Думы². Эта мера, формально не менявшая статус народного представительства, превращала его в фикцию, так как царь мог взять сторону одного, удобного, члена Думы (особенно из крайне правых), и это мнение могло перевесить точку зрения сотен депутатов. Тогда эти раздумья Николая II так и остались на бумаге.

Третьеиюньская система ушла вместе с П.А. Столыпиным. Конец ей как реформаторской конструкции власти по сути положил император, объяснив новому премьеру В.Н. Коковцову в конце 1911 года: «Отношение Ваше к Думе спокойно-внепартийное, единственно правильное, по моему мнению. Оно уже оказывает своё благотворное влияние на внутреннюю жизнь страны³ в смысле успокоения вообще и уменьшения политиканства и интереса к нему в частности»⁴. Помимо косвенного упрека вслед ушедшему П.А. Столыпину, царь сообщил, что не считает необходимым создание проправительственного большинства в Думе. Установку быть подальше от партий новоиспеченный премьер неукоснительно исполнял.

Николай II также не отказался от планов наступления на Думу. В октябре 1913 года с его согласия министр внутренних дел Н.А. Маклаков тайне от премьера составил от имени Совета министров особый журнал с предложением объявить Петербург на чрезвычайном положении и досрочно распустить нижнюю палату. Инициативе Николая II – Маклакова не суждено было сбыться из-за дружного сопротивления министров. Ещё раз царь обратился к своему замыслу на заседании Совета министров под своим председательством в Петергофе 18 июня 1914 года. Там вопрос был поставлен ещё резче: вернуться к Учреждению Думы 6 августа 1905 года, т.е. превратить палату из законодательной в законосовещательную. Однако большинство участников посоветовали Николаю II не принимать столь рискован-

---

¹ Белов Ю.С. Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. С. 384–390.

² Черновой набросок Николая II // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 823. Л. 9–9 об. (далее: ГАРФ); Дякин В.С. Самодержавие... С. 152.

³ Так в оригинале.

⁴ Николай II – В.Н. Коковцову 18 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Л. 6.

ного решения, и его не последовало.¹

Формально третьеиюньская политическая конструкция просуществовала до августа 1915 года, когда был создан Прогрессивный блок, объединивший порядка 3/4 депутатов нижней палаты и почти половину членов Государственного совета в противостоянии правительству. В этом отношении ситуация в России как бы вернулась в 1906-1907 гг., отличие состояло, прежде всего, в том, что на сей раз оппозиция была готова довольствоваться не ответственным перед Думой правительством, а министерством доверия. Тем не менее, разбалансированность системы оказалась слишком сильной, поэтому пропасть между законодательной и исполнительной властью лишь увеличивалась вплоть до Февральской революции.

Вместе с тем, представляется, что третьеиюньская система имела больше запаса прочности, чем полагала советская историография. Несмотря на остановку большинства реформ после П.А. Столыпина, сама организация власти была ещё вполне жизнеспособна: правительство имело шансы получать поддержку большинства депутатов, опираясь в основном на национальную фракцию. Однако конструкция в целом носила выраженный переходный характер. При благоприятном стечении обстоятельств и политической воле монарха – это путь эволюции империи в конституционную монархию. Но вероятность такого выбора была невелика, так как он упирался в целую вереницу условий. Прежде всего, в желание царя, которого, как оказалось, хватило лишь на пару лет после окончания революции. Поэтому нет оснований говорить о блестящих перспективах думской монархии, которые якобы разрушила Первая мировая война.

История Государственной думы Российской империи также отразила парадокс массового сознания. Представительная власть, возникшая в 1906 году, воспринималась обществом в первую очередь не как часть государственного механизма, а как нечто чуждое самодержавной власти. На неё возлагали надежды как на лидера либерального движения, авангард оппозиции. Это специфическое место Думы в общественном сознании сказалось в 1917 г., когда толпа, пришедшая к Таврическому дворцу 27 февраля и требовавшая поддержки у народных избранников, буквально через несколько дней забыла о них, низвергнув таким образом вместе с монархией и институт представительной власти парламентского типа.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 1. – СПб., 1907–1908. Ч. 1–3.
2. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 1: 1907–1908 г. – СПб., 1908. – 156 с.
3. Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.). Изд. 3-е / Под ред. Н.И. Лазаревского. – СПб., 1909. – 1018 с.
4. [Крыжановский С.Е.] Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – [Берлин]: Петрополис, [1938]. – 222 с.
5. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. – Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. – 583 с.
6. Николай II. Черновые записки // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601.

¹ Допрос И.Г. Щегловитова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. Л.:М., 1925. С. 437–438.

- Оп. 1. Д. 823 (далее: ГАРФ).
7. Николай II. Письма В.Н. Коковцову // Российский государственный исторический архив. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11 (далее: РГИА).
  8. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва: 1907–1912 гг. Ч. 2: Законодательная деятельность. – СПб., 1912. – 708 с.
  9. Особый журнал Совета министров по представлению МПС о пределах и объеме справок и разъяснений, представляемых ведомствами по требованию Государственной думы и ее отделов, комиссий и подкомиссий 4 января 1908 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 742. Л. 555–556.
  10. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1906–1917 гг. В 12-ти тт. – М., 2001–2011.
  11. Совет министров Российской империи, 1905–1906 гг. Документы и материалы. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 473 с.
  12. [Щегловитов И.Г.] Допрос И.Г. Щегловитова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. – Л.–М.: Государственное издательство, 1925. Т. 2. С. 399–439.

Общая и специальная литература:

13. *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Дума. – М.: Наука, 1968. – 520 с.
14. *Белов Ю.С.* Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. С. 375–393.
15. *Бородин А.П.* Государственный совет России (1905–1917). – Киров, 1999. – 367 с.
16. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.
17. *Гайда Ф.А.* Эволюция внутривластного курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 годах // Российская история. – 2012. № 2. С. 76–90.
18. *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. – 1990. № 12. С. 113–138.
19. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 248 с.
20. *Изгоев А.С.* П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. – М., 1912. – 140 с.
21. *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и её депутаты: 1906–1917. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1995. – 168 с.
22. *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). – М.: РОССПЭН, 2008. – 325 с.
23. *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). – М.: РОССПЭН, 2011. – 510 с.
24. *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1976. – 319 с.
25. *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party 1907–1917. – New Brunswick, 1980. – 252 p.

Lukoyanov I.V.

**Third of June political system:
resource of political opportunities**

This article analyzes the political system of the Russian Empire, developed after the revolution of 1905 («Duma monarchy») and its prospects. The author believes that, despite the significant number of internal contradictions, related to the need to reform, and obviously transitional nature of the entire political structure, it proved to be more viable than it seemed Soviet historiography.

Keywords: Duma monarchy, autocracy, the State Duma, reforms, Nicholas II, P.A. Stolypin.

Осавелюк А.М.

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье на основе анализа конституционного законодательства и литературных источников показана структура Конституции дореволюционной России и её эволюция в течение двух веков, а также уникальность её формы и содержания. Показано, что форма правления (абсолютная монархия) и наличие в государстве конституции напрямую не связаны, т.е. в абсолютной монархии конституция также действует.

Ключевые слова: конституция, Российская империя, Манифест, Госдума, Основные законы, Свод законов Российской империи, Свод основных государственных законов.

Вопросы эволюции конституции дореволюционной России неразрывно связаны с проблемами наличия самой конституции в тот период, времени её появления (если она в тот период действительно существовала), а также её содержания и структуры. Понятно, что если вести речь о конституционном развитии дореволюционной России, то необходимо предварительно выяснить указанные вопросы. И главный из них – была ли в имперский период существования России сама конституция. Указанные вопросы в последние десятилетия вызывают оживленные споры в юридической науке. Особенно это касается конституционных новелл (Манифест от 17 октября 1905 г., указы от 20 февраля 1906 г. и от 23 апреля 1906 г.) последнего правившего представителя династии Романовых – Николая II. Наиболее радикальные (полярные) позиции по вопросу конституционного развития России сводятся к тому, что одни учёные отказываются признавать результаты конституционного строительства в имперский период и конституционную историю начинают с 1918 г.¹, другие отмечают, что конституционная история России началась после 17 октября 1905 г.²

Многие авторы вопреки фактам следуют сложившейся шаблонной схеме: до конца XIX – начала XX вв. в России сохранялся абсолютизм. В частности, этой схемы придерживается М.Б. Смоленский. Он отмечает, что с восстания декабристов слово «конституция» ни в какой форме правительством не принималось, но в ходе реформ, проводимых правительством в царствование Александра II (т.е. в 60-е – 70-е гг. XIX вв.) неоднократно выдвигалась идея представительства, причём не только либеральными, но и консервативными кругами. Генерал-губернатор, а впо-

---

Осавелюк Алексей Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, член Общественного научно-методического консультативного совета при Центральной избирательной комиссии России.

¹ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2004. С. 109–120.

² См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. С. 36–43; Исаев И.А. История государства и права России. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. С. 478–519; Конституционное право России: Сборник нормативных правовых актов и документов / Сост. и автор вступит. ст. проф. А.Е. Козлов. – М.: БЕК, 1996. С. 44–55.

следствии министр внутренних дел России с августа 1880 по май 1881 гг. граф М.Т. Лорис-Меликов, выдвинул в конце 70-х гг. XIX века идею привлечения «наиболее благонадежных элементов» из земской цензовой общественности к участию в обсуждении ряда государственных дел; император одобрил эту идею, но не успел подписать «первую русскую конституцию».¹ Он был убит 1 марта 1881 года. Далее он пишет, что наступившая реакция на долгие годы «похоронила» идею конституции в России. И только якобы назревшая в начале XX века революционная ситуация в стране переломила сопротивление правительства, 6 августа 1905 г. Манифестом Николая II была учреждена Госдума. 17 октября 1905 г. издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В нём провозглашалось дарование населению незыблемых основ гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; избирательные права; чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Госдумы и возможность действительного участия в надзоре за законностью действий исполнительной власти.² В соответствии с Манифестом Госдума получила законодательные права, рассмотрение государственной росписи доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, дела об отчуждении части государственных доходов или имущества, о постройке железных дорог и т.д. Она могла обращаться с запросами к министрам по поводу действий, которые сочтёт незаконными, а также за разъяснениями.

Некоторые авторы, например, С.А. Авакьян пытаются выйти за указанные временные рамки октября 1905 года, верно отмечая, что «идеи конституции и конституционализма известны России ещё с начала XIX века. Они отражались в высказываниях или конституционных проектах многих известных деятелей и учёных, а также в официальных документах. Например, Свод законов Российской империи открывался Сводом основных государственных законов – совокупностью основных правил устройства государства. Его первым разделом были “Основные государственные законы”, вторым – “Учреждение об императорской фамилии”». Все же основной его мыслью является та, что «есть основания утверждать, что первые шаги по пути учреждения конституционализма Россия сделала именно в начале XX в.».³

Думается, что указанные позиции грешат неточностью и известной предвзятостью, которые вызваны неверным методологическим приёмом: попыткой распространить современные представления о конституции на ситуацию с Основным законом, которая существовала в отечественной и зарубежной юридической науке в XIX века и ранее.

Если исходить из современного представления о конституции, то следует признать, что наиболее распространенными определениями понятия конституции являются следующие: «*Конституция юридическая* – это документ, основной закон (несколько основных законов) имеющий высшую юридическую силу, принимаемый

---

¹ Смоленский М.Б. Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов. – М.–Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 37–38.

² Конституционное право России. Сб. нормативных правовых актов и документов / Сост. и автор вступ. ст. А.Е. Козлов. – М.: БЕК, 1996. С. 48.

³ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность: изд. 2-е. – М.: РЮИД, Сашко, 2000. С. 23–24.

и изменяемый в особом порядке, регулирующий в большем или меньшем объёме основы социально-экономического строя, политической системы, правового статуса личности, духовной жизни общества».¹ «Конституция – это правовой документ, обладающий определенными особенностями формы и содержания, порядка принятия и изменения, а также особой юридической силой. Конституция стоит во главе системы источников национальной системы права и отрасли конституционного права, содержит их исходные начала».² Под особым порядком принятия конституций современная наука конституционного права понимает принятие конституции народом (непосредственно – на референдуме, или опосредованно – парламентом, учредительным собранием). При таком понимании конституции немудрено не только «не увидеть» наличие в Российской империи конституционных актов, принятых в период конца XVIII – начала XX вв., но и серьёзных конституционных преобразований после 17 октября 1905 года.

В этой связи, думается правильным будет не столько то, что понимает современный учёный под конституцией России в XIX – начале XX вв., сколько то, что писали о конституции и что понимали под ней известные учёные в области конституционного (государственного) права прошлых веков, которые творили в эпоху принятия первых конституций (может быть даже были причастны к созданию конституционных актов своей страны), чтобы выявить, что понималось под конституцией и конституционным правом тогда, а не в период тотальной идеологизации XX века. Например, А. Куницын еще в XVIII – начале XIX вв. отмечал, что государственное право «регулирует отношения между верховной властью и подданными, основанные на началах права и общественного объединения».³

Известный государствовед Г. Еллинек (XIX в.) отмечал, что «конституция государства обычно охватывает все те правовые положения, которыми определяются органы верховного управления, способ их образования, их взаимные отношения и круг деятельности каждого из них; вместе с тем в них провозглашаются принципы, определяющие положение личности по отношению к государственной власти. Полезно вспомнить, что понятие конституции в вышеупомянутом смысле было выработано уже древними греками... По определению Аристотеля, конституция есть законодательное положение, определяющее организацию властей в государстве: как подразделяются власти, которой из них и какие цели каждая из них осуществляет».⁴

Известный российский государствовед В.М. Гессен признавал, что «конституция, как основной закон, определяющий организацию государства, определяющий распределение функций властвования между отдельными органами власти, определяющий отношение между государственной властью, с одной стороны, и гражданами – с другой и т.д., что такая конституция существует всегда и везде, во всяком государстве. Мы не можем представить себе государства, будь то республика или монархия, в котором не было бы конституции, не было бы каких-либо норм, определяющих организацию государства. Государство без конституции это – анархия,

---

¹ См.: Чиркин В.Е. Конституционное право. – М.: МПСУ, Воронеж: МОДЭК, 2013. С. 43.

² Конституционное право России / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 62.

³ Куницын А. Право естественное. – СПб., 1818. С. 43.

⁴ Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. – СПб., 1906. С. 6–7.

а не государство».¹

Следовательно, конституционно-правовые институты и конституция, как акт, определяющий организацию государства и распределение функций властвования и отношения с гражданами (подданными) появились с государством и правом и сопутствовали им всегда. Просто под влиянием «революционных» событий в Великобритании, во Франции и Америке конца XVII – начала XVIII вв. (вскоре вслед за ними и наша «революционная» интеллигенция потянулась в том же направлении) поменялось представление об источнике государственной власти.² В настоящее время в Российской Федерации и в государствах Западного мира принято считать, что источником государственной власти, полномочий основных государственных институтов и учредителем конституции является народ. Если указанное утверждение является верным, то что такое октроированная конституция о которых пишут во всех учебниках по конституционному праву зарубежных стран (и не только этой дисциплины и отрасли юридической науки) и какой у неё юридический статус, если к её принятию ни народ, ни представительный орган государственной власти не причастны.

Думается, более правильным будет широкий подход к понятию конституции, способам её появления и содержания при которой конституцией следует считать особый нормативный правовой акт, который принимается не только народом или представительным органом государственной власти. Например, проф. В.Е. Чиркин вполне справедливо отмечает, что ранее у нас и у различных народов мира в разное время источником власти считались Бог³, монарх и т.п.).⁴ Следовательно, если предварять вопрос эволюции конституции Российской империи разрешением проблемы её наличия и времени её появления, то следует отметить, что в тот период времени она была. Более того, мы неоднократно отмечали, что в Российской империи конституция появилась до XIX века.⁵ На наш взгляд, конституционные акты, которые в совокупности составляли Конституцию Российской империи появились еще в XVIII веке, и даже раньше. К числу конституционных относится, например, Закон о престолонаследии 1797 г., упоминавшееся выше Учреждение об импера-

---

¹ Гессен В.М. Теория конституционного государства. – СПб., 1914. С. 3.

² Подробнее см.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: изд. 2-е. – М.: Изд-во МГУ: Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 28–55.

³ Чиркин В.Е. Конституционное право. – М.: МПСУ – Воронеж: МОДЭК, 2013. С. 44.

⁴ Кстати, признание источником власти Бога – это не совсем история, точнее: совсем не история. Значительное количество современных государств, в той или иной степени, продолжают своими конституциями провозглашать источником всякой власти, в том числе и государственной, Бога. В частности, об этом говорится, например, в преамбуле Конституции Королевства Бахрейн 2002 г., в ст. 2 Конституции Иорданского Хашимитского Королевства 1952 г., в ст. 3 Конституции Республики Йемен 1991 г., в ст. 3 Конституции Греции 1975 г. // Конституции государств Азии: в 3-х тт. Т. 1. Западная Азия / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма, 2010. С. 22, 154, 282; Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 1997. С. 245.

⁵ См., например: Осавелюк А.М. Конституция дореволюционной России и этапы ее развития // Актуальные проблемы государствоведения: сб. научных трудов / Под общ. ред. С.Н. Бабурина. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2010; Он же. Конституционное развитие дореволюционной России // Конституционное и муниципальное право. – 2012. № 4; Конституционное право России / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Юнити-дана, 2012. С. 63–65.

торской фамилии 1797 г.¹, Манифест от 19 февраля 1861 г., превративший в свободных граждан 22 млн. крепостных², Положение о крестьянах 1861 г.³, Городовое положение 1870 г.⁴ и многие другие.

При сопоставлении конституционных актов Российской империи с аналогичными актами зарубежных государств, невольно создается впечатление, что отечественные исследователи конституционного права и истории государства и права «обедняют» государственную историю Отечества. Так, в состав конституционных актов Великобритании они включают Великую Хартию вольностей 1215 г., закрепившую права всего лишь нескольких сотен феодалов, Акт о престолонаследии 1701 г.; в США – Акт 1870 г., формально отменявший рабство, в Швеции – Акт о престолонаследии 1810 г. и т.д. В состав конституционных актов России они почему-то не включают Закон о престолонаследии и Учреждение об императорской фамилии, утвержденные императором Павлом I 5 апреля 1797 г., которые были с юридической точки зрения более совершенными, чем их аналоги в Великобритании и других государствах. Не включают также Манифест от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, даровавший личную свободу нескольким десяткам миллионов человек, и утвердивший Положение о крестьянах; акты 1864–1870 гг. о независимом суде, заложившие задолго до 17 октября 1905 года основы разделения властей и др.

Ещё одна ошибка (упущение), которую допускают современные и многие до-революционные учёные, состоит в том, что они под началом конституционного развития России понимают ограничение власти Монарха парламентом. Например, Л.А. Шаланд писал относительно положений Манифеста 17 октября 1905 г. применительно к Госдуме: «С этого момента Россия становится ограниченной конституционной монархией».⁵ В.В. Ивановский также писал, что «Манифест 17 октября 1905 года имеет огромное юридическое значение; это акт монархической власти, знаменующий её отречение от начала неограниченности и, следовательно, введение в России конституционной монархии».⁶ В.М. Грибовский писал ещё более определённо: «Юридическое ограничение власти Монарха с момента издания манифеста 17 октября уже существовало, но приведение в действие новых форм требовало времени; ещё фактически не существовало того учреждения, которому предоставлено разделить с Монархом право законодательства. Между тем, дело ближайшего правового улучшения печати, вопрос о собраниях и прочее требовали скорейшего осуществления. В итоге получилось по отношению к действию пункта 3 манифеста 17 октября некоторое *vacation legis*, закончившееся 27 апреля 1906 г., в день первого созыва парламента. В этот промежуток Император, будучи ограниченным, тем не менее законодательствовал в условиях старого порядка по праву, за отсут-

---

¹ Свод законов Российской Империи. – СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1. С. 1–28.

² См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. – М., 1989. Т. 7. С. 27–31; Шад М. Романовы / Пер. с нем. – М.: Мой мир, 2007. С. 47.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 7. С. 37–77.

⁴ См.: Городовое положение 16 июня 1870. – СПб; М., 1871.

⁵ Шаланд Л.А. Русское государственное право. – Юрьев, 1908. С. 19.

⁶ Ивановский В.В. Учебник государственного права. – Казань, 1908. С. 311.

ствием требуемого законом законодательного органа».¹

Во-первых, в подобных рассуждениях о Манифесте 17 октября речь о конституции как особого рода нормативном правовом акте (источнике права) подменяется рассуждениями о форме правления, т.е. о содержании одного из разделов конституции. Во-вторых, даже если и согласиться с авторами подобных рассуждений (с учётом того, что форма правления – один из важнейших разделов конституции), то даже это также принципиально ничего не меняет в сущности конституции, а также в её наличии до 17 октября 1905 г. В-третьих, в подобных рассуждениях явно просматривается попытка противопоставления конституции форме правления. В-четвёртых, авторы подобных рассуждений не только подменяют форму правления, подразумевая под Самодержавием абсолютную монархию, но и принципиально искажают суть, правовые основы Самодержавия.

Относительно подмены понятий конституции и форм правления мы согласны с позицией Г. Еллинека о том, что «и абсолютная монархия имеет свою развитую конституцию, основой которой является делегация посредствующим органам функций, по своей субстанции остающихся у монарха».² Тем более, что степень неограниченности власти абсолютного монарха сильно преувеличена. Из приведенного в предыдущем абзаце примера о делегации абсолютным монархом посредствующим органам определенных функций явствуют (независимо от того это выборный парламент или назначаемый монархом Совет министров), что речь идёт только о юридической его неограниченности и только о сущности его власти.

Поскольку, юридически все законы и все государственное управление осуществляется от его имени; делегируя указанным органам определенные функции, он вынужденно наделяет их соответствующими полномочиями (как бы временно передаёт их им), оставляя себе «субстанцию» власти. Фактически же получается, что «передав» указанные полномочия он уже сам их не осуществляет, но в то же время у него и нет полной уверенности в том, что делегированные полномочия посредствующими органами будут выполнены в точности так же, как он их выполнял бы, и вообще будут ли выполнены. В этом отношении верную мысль высказывал Л.А. Тихомиров: «Я употребляю... слово «конституция» не в смысле «ограничения» монархической власти, а в прямом смысле слова, то есть как правильное, закономерное построение учреждений. Монархическая конституция – значит система правильно организованных учреждений, созданных монархией как Властью Верховной».³

Относительно противопоставления формы правления и конституции удачно сформулировал свою мысль Н.А. Захаров, который отметил, что, вспоминая картину «противопоставления конституции и самодержавия, невольно удивляешься этому узкому, одностороннему, антиюридическому взгляду. И мы должны ещё раз повторить, что эти два понятия не только совместимы, но одно является общим, а другое частным, если конституция – зафиксированное, установленное изложение форм властвования, то самодержавие есть одна из этих форм».⁴ Позиция Н.А. Захарова в

---

¹ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи. – Одесса, 1912. С. 32.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1903. С. 164.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М., 1905. Т. III. С. 153.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – Новочеркасск, 1912. С. 137.

определённой степени перекликается с ответом на попытку подмены понятий «самодержавие» и «абсолютная монархия». Известно, что в определенных научных кругах сложилось представление о том, что самодержавие и абсолютизм – это синонимы. И этим во многом объясняется упоминавшееся выше мнение некоторых учёных о том, что конституция, дескать, ограничивает самодержавную власть монарха, поскольку позволяет формировать на ее основе парламент; что конституция возможна только при ограничении власти самодержавного монарха.

Из истории нашего государства хорошо известно, что самодержавие как монархическая форма правления существовала и при Иване IV и при Петре I. Правда, при первом из них – и юридически и фактически, а при втором – только формально, а фактически (во многом и юридически) это была уже абсолютная монархия. Например, широко известно, что при Иване IV (и после него – до Петра I) заседала Боярская дума, созывались Земские соборы¹ для решения важнейших государственных дел и принятия основополагающих законодательных актов. Только при Иване IV созывалось несколько Земских Соборов. В 1549 году Иван IV созвал самый первый Собор («Собор примирения» на котором рассматривалась проблема отмены кормлений и злоупотреблений чиновников на местах), а также принят Судебник 1550 г. – сборник законов периода сословной монархии в России, первый в русской истории нормативно-правовой акт, провозглашенный единственным источником права.

Впоследствии такие соборы стали называться Земскими; слово «земский» могло обозначать «общегосударственный» (то есть дело «всей земли»). Самый ранний собор, о деятельности которого свидетельствует дошедшая до нас Приговорная грамота (с подписями и перечнем участников думного собора) и известия в летописи, состоялся в 1566 году, на нём главным был вопрос о продолжении или прекращении кровопролитной Ливонской войны. Судьбе политического устройства страны были посвящен Земский Собор 1565 года, когда Иван IV уехал в Александрову слободу. Следовательно, ни Боярская дума, ни Земские Соборы не только не мешали ему чувствовать себя на престоле самодержавным царём (а скорее – помогали в борьбе с отдельными строптивыми боярами) и указывать на это в своей переписке как с иностранными монархами, так и с А. Курбским.² Да, Иван IV вёл борьбу с конкретными нарушителями закона, но не упразднял таких институтов власти, как Боярская дума, Земский Собор, главу Церкви митрополита. Это позволяло ему с одной стороны, быть самодержавным монархом, а с другой – не нарушать основы государственной власти.

Самодержавие в отличие от абсолютизма базируется на принципиально иных духовных, нравственных и правовых основах. Поэтому Иван IV относился к власти Царя как Богоустановленной (а не поддерживаемой дворянами, как при Петре I). «У него, конечно, не было и мысли видеть в Земском Соборе представительство власти народа как верховного вершителя дел. Верховной властью была его царская

---

¹ Высшее сословно-представительское учреждение Российского царства с середины XVI до конца XVII в., собрание представителей всех слоёв населения (кроме крепостных крестьян) для обсуждения политических, экономических и административных вопросов.

² См.: Иван Грозный. Государь / Сост. и примеч. В.Г. Манягина. – М.: Инст-т русской цивилизации, 2010. С. 67–70, 81, 108–113, 136–139, 176–204.

власть, и все права её вытекали из ее обязанностей, миссии, свыше возложенной; права его были ограничены не правами его подданных, а их обязанностями по отношению к Богу. Где верховная власть требует неповиновения Богу, там кончается повиновение ей, ибо она выходит тогда из своей компетенции. Но подданные обязаны содействовать Царю в устройстве государственных дел, когда он призывает их, и решать их, когда он им приказывает это; само право на это определяется их обязанностью содействия Царю».¹

Некоторые авторы пытаются объяснить отсутствие в России конституции до 17 октября 1905 года тем обстоятельством, что в конституционных актах якобы отсутствовали положения об их пересмотре и что они в названии не содержали термин «конституция». В частности, Л.А. Шаланд отмечал, что «хотя наше законодательство и раньше выделяло особую категорию законов, называвшихся основными законами, но ввиду отсутствия каких-либо особых правил, определяющих особые условия их пересмотра, они совершенно сравнивались со всеми прочими законами. Поэтому с созданием этих правил у нас появляется конституция в формальном смысле, так как в материальном смысле, т.е. в смысле юридических норм, определяющих государственный порядок, Основные Законы были у нас и раньше».²

Думается, что и эта попытка «отказать» Российской Империи в наличии у неё Конституции так же несостоятельна, как несостоятельны все позиции, рассмотренные нами выше. Правда, если, не прибегать к двойным стандартам. Поскольку при наличии актов, содержание которых закрепляет основы организации государственной власти и других подобных вопросов, имеющих конституционное значение, формально, наличие юридической формулы принятия поправок к конституции и порядка её пересмотра на существование конституции принципиально не влияет. Это видно на примере так называемых неписаных по форме конституций (Великобритания, Израиль, Новая Зеландия), которые таких формул не имеют.³ Кроме того, например, в канадской Конституции 1867 г. раздел, посвященный принятию поправок и её пересмотру, появился только с принятием Конституционного Акта 1982 г. Тем не менее, ни первый из 30 актов, составляющих конституцию Канады, – Конституционный Акт 1867 г. (прежнее название Акт о Британской Северной Америке 1867 г.), ни остальные 29 актов Конституции Канады до 1982 г. не вызвали сомнения в отношении наличия у Канады Основного закона. Свидетельством этому является не только упоминавшиеся нами конституционные акты, но и то, что о содержании, структуре и форме Конституции Канады написано много научных работ.⁴

Аналогичная ситуация и с наличием в названии конституционного акта словосочетания «Основной Закон». Например, в Израиле действует одиннадцать основных законов (по другой версии перевода – фундаментальных законов), каждый из

---

¹ Зызыкин М. Предисловие // Иван Грозный. Государь. – М.: Инст-т русской цивилизации, 2010. С. 46.

² Шаланд Л.А. Указ. соч. С. 21.

³ Подробнее см.: Осавелюк А.М. Форма конституции и способы реализации ее содержания // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета. Т. II. // Колл. авт. – М.: Издат. РГТЭУ, 2010. С. 57 – 78.

⁴ См., например: Козлова Н.Ю. Конституционное развитие Канады – М., 1984; Лидин А. Государственный строй Канады. – М., 1960; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2007.

которых представляет собой как бы отдельную главу конституции. Например, первым из них был закон о Кнессете (парламенте) 1958 г. Следующим был Закон о земельных владениях 1960 г. Третий Основной закон посвящен Президенту Государства 1964 г. Следующие основные законы посвящались Правительству: Закон «Правительство» 1968 г. и Закон с таким же названием 1992 г., заменяющий Закон 1968 г., а Основной закон о Правительстве 2001 г. заменил Закон 1992 г. Далее следуют законы «О судеустройстве» 1974 г. и Основной закон о государственном хозяйстве 1975 г., а затем – Основной закон об израильских вооруженных силах 1976 г. В 1980 г. был принят Основной закон о столице Израиля – Иерусалиме, а в 1984 г. – Основной закон о порядке судепроизводства, потом (в 1988 г.) – Основной закон о Государственном контролере. В 1992 г. помимо упоминавшегося Закона о Правительстве были приняты основные законы о достоинстве и свободе человека и о свободе выбора занятий (последний в 1994 г. был заменен Основным законом о предпринимательстве).¹ К указанным выше основным законам в Израиле примыкает ещё ряд очень важных с точки зрения их конституционного содержания законов и других актов, которые не имеют названия «Основной»: Декларация независимости 1948 г., Закон о праве возвращения 1950 г., которым регулируется репатриация евреев на историческую родину, Закон о членах Кнессета (иммунитет, права и обязанности) 1951 г., Закон о равноправии женщин 1951 г., Закон о гражданстве 1952 г., Закон о судьях и другие.

Как видим, наличие или отсутствие в названии конституционного закона словосочетания «Основной закон» никак не сказывается ни на его содержании, ни на статусе как конституционного акта. Самое главное основание для отнесения того или иного закона к числу конституционных актов является его содержание и место в системе источников права. Другими словами, необходимо чтобы содержание подобного закона регулировало те вопросы, которые обычно регулируются конституциями в других государствах: форма правления, форма государственного устройства, порядок формирования и полномочия органов государственной власти, права и свободы человека и гражданина, основы местного самоуправления и т.п.

Но даже если не вдаваться в детали и отбросить те рассуждения о подмене формой содержания, о подмене самодержавной формой правления наличия конституции и т.п., о чем шла речь на предыдущих страницах, а попытаться дать общую оценку Манифесту от 17 октября 1905 г. и рассмотренных выше в отношении него позиций Л.А. Шалланда, В.В. Ивановского, В.М. Грибовского, касающихся его содержания и реализации посредством формирования и последующей деятельности нескольких созывов Государственной думы, то следует отметить следующее.

Если допустить правоту Л.А. Шалланда, В.В. Ивановского, В.М. Грибовского и попытаться согласиться с их позицией, т.е. с тем, что Конституция (а вместе с ней и конституционная монархия) в Российской империи якобы появилась в связи с тем, что Манифест 17 октября ограничил самодержавную власть Императора юридически (по версии В.М. Грибовского: и юридически и фактически – с момента начала работы первого созыва Государственной думы с 27 апреля 1906 г.), то необходи-

---

¹ Тексты Основных законов Государства Израиль // Конституции государств Азии: в 3-х тт. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1: Западная Азия. – М.: Норма, 2010. С. 99, 105–142.

мо дать ответ на несколько принципиальных с точки зрения конституционной теории и конституционного права вопросов. Например, что принципиально нового (не предусмотренного действовавшим до этого события государственным правом Российской империи, или противоречащего содержанию предшествующих конституционных актов Российской империи) привнес Манифест от 17 октября 1905 г. в действовавшую до его принятия Конституцию? Как и каким образом он ограничил полномочия российского Монарха? Какие из действовавших до его принятия конституционные акты он или избранная на основе его положений Государственная дума изменили или отменили?

Отвечая на поставленные вопросы, следует подчеркнуть, что Манифест 17 октября 1905 г. и последующие за ним акты не только не привнесли ничего принципиально нового в основные законы, не отменил ни одного их положения и тем самым не ограничил полномочий монарха. В этой связи можно согласиться с Н.А. Захаровым, который утверждал, «что ни учреждение Государственной Думы, ни новые начала, возведенные 17 октября 1905 г., не сопровождались, в сущности, ясными указаниями на изменения основ нашей государственной власти. Это были личные октроированные акты Государевой милости, возведенной путём манифеста, а не в установленном ст. 50 основных законов (издание 1892 г.) законодательном порядке, то есть в виде Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета... Вот почему названный акт, равно как и некоторые последующие, как, например, избирательный закон 11 декабря 1905 г., манифест и указы 20 февраля 1906 г. и конституция 23 апреля 1906 г., изданные как непосредственное, самостоятельное волеизъявление новых основных начал государственного строя, не были актами в строгом смысле слова ни законодательными, ни правительственными, это были акты той особой власти, которая располагала в данном случае всеми тремя моментами законодательной деятельности – инициативы, рассмотрения и последующего решения, черпавшей свои права в самой себе, а не пользовавшейся ею в силу какой-либо делегации – власти единоличной, единовольной, а поэтому и более сильной, чем какое-либо учредительное собрание – власти самодержавной, которая начинает с этого времени получать более определенное очертание и отличие от понятия абсолютизма, навязываемого ей нередко за последние два века».¹

Более того, Манифест 17 октября 1905 г. ни в чём не вышел за пределы Манифеста от 6 августа 1905 г., установившего, что «в сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существовании самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную думу и утвердили положение о выборах в Думу...».²

О том, что после 17 октября 1905 г. не только «сохранён неприкосновенным основной закон Российской империи о существовании самодержавной власти», но и избранная Дума (на которую так «теоретически» уповали Л.А. Шалланд, В.В. Ивановский и В.М. Грибовский) ничего (до февраля 1917 г.) не только в этих вопросах не смогла сделать, но даже в отношении её самой ей ничего не позволили сделать,

---

¹ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 138 – 139.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1905. Т. XXV. Отд. 1. № 26656 (далее: ПСЗ).

свидетельствует следующее. Учреждение Государственной думы¹, Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату от 11 декабря 1905 г. «Об изменении положения о выборах в Государственную думу»², а также Свод Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г.³ были приняты без малейшего её участия. Более того, в Своде Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. установлено, что Императору всероссийскому по-прежнему принадлежит верховная самодержавная власть, что ему принадлежит законодательная инициатива (в отношении основных государственных законов – исключительно ему) и абсолютное вето по всем вопросам законодательства, что власть управления во всем её объёме принадлежит императору, что им созывается и распускается Дума (ст. 4, 8, 9, 10–17, 98, 105, 107, 112, 113 основных государственных законов).

Таким образом, можно констатировать, что конституционные преобразования, проведенные императором Николаем II в 1905–1906 гг. окончательно покончили в плане формы правления с абсолютизмом, насаждённым в России Петром I, и восстановили самодержавную монархическую форму правления, которая веками складывалась до Петра I.

Относительно самой эволюции Конституции Российской империи. По нашему мнению, конституционное развитие дореволюционной России проходило в несколько этапов, которые принципиально отличаются друг от друга своими особенностями. Первый этап длился приблизительно с начала XVII до начала XIX вв. Для первого этапа характерным является то, что в этот период принимались разными способами и действовали конституционные акты, закладывавшие основы, фундамент общегосударственной власти Московского царства и Российской Империи. Принятие указанных актов началось гораздо раньше, чем об этом принято писать в отечественной юридической и историко-правовой литературе, и выглядело не так плачевно, как это некоторые авторы пытаются представить. В число актов, учреждавших основы государственной власти и формы правления вошла, например, Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова 1613 г.⁴, Закон о престолонаследии и Учреждение об императорской фамилии, утвержденные императором Павлом I 5 апреля 1797 г.⁵

Утверждённая грамота 1613 г. установила: «На соборе изо всех городов всего Российского царствия всякие люди не обинуяся говорили, и единомысленный совет всех городов всяких людей от мала и до велика объявляли, что быть на Владимирском, и на Московском, и на всех великих и преславных Российских государствах государем царем и великим князем всея Руси самодержцем Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву... А кто не захочет послушать сего соборного уложения, его же Бог благоизволил, и начнет говорить иное и молву в людях творить, таковой, если от священнического чина, и от бояр Царских, и военных или иной кто от простых людей, и в каком чине ни будет, по священным правилам Святых Апо-

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. № 26661.

² Там же. № 27029.

³ Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Изд. 1906 г.

⁴ Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С.А. Белокурова. – СПб., 1906. С. 22-74.

⁵ Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. – СПб., 1912. С. 1-28.

столов, Вселенских семи Соборов святых Отец, и поместных, и по соборному уложению всего освященного собора, чина своего извержен будет и от церкви Божией отлучен, и святых Христовых Таин приобщения, яко раскольник церкви Божией и всего православного Христианства мятежник и разоритель закону Божию, а по Царским законам месть восприимет; и нашего смирения и всего освященного Собора не будет на нем благословение отныне и до века, поскольку не восхотел благословения и соборного уложения послушать, тем и удалился от него и проклят».¹

Закон о престолонаследии и Учреждение об императорской фамилии заложили устойчивый наследственный порядок передачи верховной государственной власти, чёткий иерархический порядок отношений и государственную дисциплину среди членов императорской фамилии и прекратили череду заговоров и государственных переворотов, начавшихся с Петра I. То есть, Конституция начала складываться из серии принятых в разное время конституционных актов.

Второй этап длился с начала XIX в. до февраля 1861 г. В течение этого периода времени в конституционном развитии Российской империи можно выделить следующие отличительные особенности. Во-первых, на общегосударственном уровне постепенно продолжалось создание Конституции, состоявшей из ряда конституционных законов, регламентирующих властные отношения и структуру исполнительной власти Империи. Во-вторых, на региональном уровне (Великое княжество Финляндское и Царство Польское) появились свои писанные конституции: Конституция Великого княжества Финляндского 1908 г., Манифест от 9 мая 1815 г. «...О присоединении к империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского под наименованием Польского Царства». В-третьих, была предпринята попытка разработки новых проектов конституции на общегосударственном уровне, которые по мысли её создателей должны превратить Конституцию Российской Империи в единый кодифицированный нормативный правовой акт, обладающий наивысшей юридической силой.

Серьезная работа по конституционной реформе Российской империи началась после Отечественной войны 1812 г. В России сложилась особая политическая ситуация. Уникальность её состояла в том, что инициатором идеи введения Конституции и ограничения самодержавия продолжал оставаться абсолютный самодержец. Именно император Александр I активно поддерживал обсуждение реформирования государственно-правовой системы России и поддерживал начинания в этой области. Об идее представительного правления как наиболее справедливого политическом устройстве Александр I неоднократно говорил своим многочисленным собеседникам. Это же убеждение он пытался реализовать, поручая М.М. Сперанскому в 1809 году разработать обширный план государственных преобразований. Однако этот план потерпел неудачу, чему способствовали объективные и субъективные причины. Но мысль о необходимости коренных политических реформ не была оставлена императором. По свидетельству проф. С.В. Мироненко, конституционно-правовые проекты активно разрабатывались в России, и после войны с Францией и окончания заграничных походов в 1815 года. Многие проекты были написаны с ведением императора или при его активной поддержке. Во всяком слу-

---

¹ Утвержденная грамота об избрании... С. 45, 73.

чае, источники содержат неоднократные упоминания того, что Александр I после 1815 года собирался вновь обратиться к проблемам государственного реформирования путем введения конституции.¹

Следует оговориться, что уникальность ситуации с разработкой конституции России касалась только общегосударственного уровня. Поскольку, как отмечалось выше, такая крупная составная часть Российской империи, как Великое княжество Финляндское с 1809 года имело свою конституцию, учреждавшую принцип разделения властей, однопалатный парламент, самоуправление, собственную армию, свободы печати и денежную единицу (финская марка) и т.д.

С 1815 года конституцию имела и Польша, вошедшая в состав Российской империи. Компромисс по польскому вопросу был достигнут 28 апреля 1815 г. в Вене подписанием “дружественного трактата” между Россией, Австрией и Пруссией, который определял новое положение Польши. А затем, 28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан заключительный акт Венского конгресса, завершивший раздел народов Европы, вовлеченных в борьбу с Наполеоном. 9 мая 1815 г. был оглашен манифест «...О присоединении к империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского под наименованием Польского Царства». А уже 13 мая жителям Царства Польского было объявлено о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати. Александр I 15 ноября 1815 года утвердил конституцию Царства Польского. Текст конституции был опубликован в Варшаве на польском и французском языках. Указанные обстоятельства еще раз подчеркивают, каким пристальным вниманием со стороны императора пользовался конституционный вопрос, и как власть поддерживала создание различных конституционно-правовых проектов.

Польская конституция была более прогрессивной, чем в странах, где существовал наиболее развитый буржуазный правопорядок. Основанием для такого утверждения служит то, что во Франции в 1815 году было около 80 тысяч законных избирателей, в то время как в Польше их насчитывалось около 100 тысяч. Понятно, что размеры территории и численность населения Польши были несравненно меньше, нежели Франции. Справедливости ради необходимо заметить, что ни Австрия, ни Пруссия не выполнили союзнических обязательств и ограничились введением на присоединенных польских территориях только местного самоуправления, вовсе не поднимая вопроса о национальных представительных учреждениях.²

Уже сама постановка вопроса о необходимости реформ была огромным шагом вперед в развитии конституционных идей, поскольку практически до Александра I в России легально так активно не обсуждалась возможность ограничения самодержавия. Одним из наиболее радикальных проектов второй половины царствования Александра I был конституционный проект Н.Н. Новосильцова.

---

¹ См.: Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. - М.: Мысль, 1990. С. 11-74.

² Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. - М., 1989. С. 149.

Конституционные проекты Александра I. В отечественной литературе сложилось представление об Александре I как о двуличном и нерешительном государственном деятеле.¹ Обычно в качестве доказательства приводят деятельность М.М. Сперанского в 1809 году и её результаты. Вместе с тем, исторические факты и документы свидетельствуют о другом.

Первым, дошедшим до настоящего времени, вариантом конституции можно считать так называемое «Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи», которое сохранилось благодаря копии, отправленной в Берлин в донесении Шмидта. Данный документ примечателен тем, что был одобрен Александром I как основные принципы конституционного устройства.² О том, что это был не очередной акт двуличия императора, свидетельствуют последовавшие практические действия и другие редакции проектов конституции. Например, в соответствии с планами преобразований, предусматриваемых будущей конституцией, Александр I создал генерал-губернаторство из пяти губерний: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской, главой которого был назначен А.Д. Балашов.³

В 1820 году был составлен проект русской конституции, с учётом как имперских правовых документов, так и западноевропейских тенденций. «Государственная уставная грамота Российской империи», или русская конституция, была составлена в двух экземплярах: один на французском языке, другой – на русском. Данный документ был найден во время польского восстания 1830–1831 гг. среди бумаг Н.Н. Новосильцова. Летом 1831 года проект конституции был издан отдельной брошюрой польским революционным правительством.

«Уставной грамотой» предполагалось введение в России двухпалатного парламента, принципиально нового для России органа власти. Народное представительство, согласно «Уставной грамоте», должно было «состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат». Помимо общероссийского парламента, учреждались так называемые «наместнические» сеймы, призванные действовать в каждом наместничестве, на которые предполагалось разделить страну. «Уставная грамота» предоставляла сейму право вето в ограничении законодательной власти императора. Более того, в отсутствие сейма император не имел право издавать законы.

Н.В. Минаева отмечает: «Включение в состав политически-активного населения новых социальных слоев, представителей разночинной интеллигенции и городского люда – дань не только западным буржуазным конституциям, но и ответ на те нарастающие социально-экономические изменения буржуазного характера, которые наметились в России в первой четверти XIX века».⁴ Статья 1 «Уставной грамоты» объявляла разделение страны на 12 округов или наместничеств. Каждое наместничество включало 3–5 губерний. Губернии, входящие в наместничества, сохраняли прежнее деление на уезды, уезды делились на округа, что было новше-

---

¹ См., например: *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. – Саратов, 1982; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. – М.–Л., 1957. С. 46.

² См.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 174.

³ См.: Там же. С. 40–43.

⁴ *Минаева Н.В.* Указ. соч. С. 196.

ством. Города должны были быть поделены на три степени: 1) губернские, 2) уездные, 3) все прочие, за исключением тех, которые «по выгодному положению своему и по торговым сношениям» будут отнесены к первым двум разрядам (из этой системы исключались Москва и Петербург). Каждый город первой и второй степени должен был иметь свой округ. Города третьей степени предполагалось сделать центрами округов, состоящих «из определенного числа волостей, сел и деревень по мере народонаселения и расстояния от места, для присутствия окружному начальству определенного» (статья 5).¹ Органы власти в наместничестве в целом совпадали с общеимперскими. Здесь создавались наместнические сеймы. Исполнительная власть передавалась наместнику и Совету наместничества. Следовательно, «Уставная грамота», не предполагая введение в России федеративного территориального принципа государственного устройства, вводила серьезную децентрализацию государственного управления, с сохранением дифференцированной автономии (от конституционной для Польши и Финляндии, до законодательной для остальных территорий с особым выделением статуса Москвы и Петербурга). Правительственные кабинеты наместничеств, которые должны были обсуждать местные вопросы, упорядочивали структуру управления страной, позволяли быстро решать возникающие проблемы.

«Уставная грамота» провозглашала введение свободы слова, свобода вероисповедания, равенство всех перед законом, свобода печати неприкосновенность личности: «Никто не может быть взят под стражу, обвинен и лишен свободы, как только в случаях, законом определённых, и с соблюдением законом предписанных на сей конец правил». Особое внимание в документе уделялось праву частной собственности.

Таким образом, подготовленные документы ясно свидетельствуют, что в 1820 году император Александр I действительно был близок к радикальному переустройству государственной системы, к введению конституции. Однако, никаких значительных изменений в государственной жизни в силу действия множества серьезных факторов как внутривосточного, так и международного характера, не произошло.

Третий этап длился с февраля 1861 г. по февраль 1917 г. и характеризовался тем, что в этот период принимались конституционные нормативные правовые акты, направленные на закрепление и защиту прав и свобод человека и проведение реформы местного самоуправления (земская реформа). Первым серьезным актом этого периода является Манифест от 19 февраля 1861 г., превративший в граждан 22 млн. крепостных², Положение о крестьянах 1861 г.³, Городовое положение 1870 г.⁴ и многие другие. Кроме того, были приняты акты 1864–1870 гг. о независимом суде, городском и земском самоуправлении, упоминавшиеся Манифест от 17 октября 1905 г., «Основные государственные законы», принятые в 1906 году, и ряд других.

---

¹ Подробнее см.: Государственная уставная грамота Российской империи. – Берлин, 1903. – Цит. по: *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 34–64.

² См.: Российское законодательство X–XX веков; в 9-ти тт. – М., 1989. Т. 7. С. 27–31; *Шад М.* Романовы / Пер. с нем. – М.: Мой мир, 2007. С. 47.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 7. С. 37–77.

⁴ См.: Городовое положение 16 июня 1870 г. – СПб–М., 1871.

В течение этого периода времени в Российской империи на общегосударственном уровне постепенно сложилась Конституция (наподобие конституций Австрии, Канады, Швеции)¹, состоявшая из ряда конституционных законов. То есть, Конституция состояла из серии принятых в разное время конституционных актов. В целом за двести лет конституционной эволюции постепенно была (на ином уровне) восстановлено самодержавие фактически заменённое Петром I абсолютизмом и заложена конституционная основа для дальнейшей эволюции. События февраля 1917 г. прервали этот процесс.

Источники и использованная литература:

1. Городовое положение 16 июня 1870. – СПб–М., 1871.
2. Конституции государств Азии: в 3-х тт. Т. 1: Западная Азия / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма, 2010.
3. Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 1997.
4. Конституционное право России: Сборник нормативных правовых актов и документов / Сост. и автор вступит. ст. проф. А.Е. Козлов. – М.: БЕК, 1996.
5. ПСЗ – Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1905. Т. XXV.
6. Российское законодательство X–XX веков; в 9-ти тт. – М., 1989. Т. 7.
7. Свод законов Российской Империи. – СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1.
8. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С.А. Белокурова. – СПб., 1906.
9. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. – М.: РЮИД, Сашко, 2000.
10. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2007.
11. *Исаев И.А.* История государства и права России. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристь, 2002.
12. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ; Норма-ИНФРА-М, 1998.
13. *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. – СПб., 1914.
14. *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской Империи. – Одесса, 1912.
15. *Еллинек Г.* Конституции, их история и значение в современном праве. – СПб., 1906.
16. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб., 1903.
17. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. – Новочеркасск, 1912.
18. Иван Грозный. Государь / Сост. и примеч. В.Г. Манягина. – М.: Инст-т русской цивилизации, 2010.
19. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. – Казань, 1908.
20. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право Российской Федерации. – М., 2004.
21. *Козлова Н.Ю.* Конституционное развитие Канады. – М., 1984.
22. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. – 5-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
23. *Куницын А.* Право естественное. – СПб., 1818.
24. *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. – Саратов, 1982.
25. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале

¹ См. подробнее: *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран. – М., 2012. С. 42–48.

XIX в. – М., 1989.

26. *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. – М.: Мысль, 1990.
27. *Осавелюк А.М.* Конституция дореволюционной России и этапы ее развития // Актуальные проблемы государствоведения: сб. научных трудов / Под общ. ред. С.Н. Бабурина. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2010.
28. *Осавелюк А.М.* Конституционное развитие дореволюционной России // Конституционное и муниципальное право. – 2012. № 4.
29. *Осавелюк А.М.* Форма конституции и способы реализации ее содержания // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета. – М.: Издат. РГТЭУ, 2010. Т. II.
30. *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. – Л., 1957.
31. *Смоленский М.Б.* Конституционное право России. 100 экзаменационных ответов. – М. – Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003.
32. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М., 1905. Т. III.
33. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. – М.: Норма, 2007.
34. *Чиркин В.Е.* Конституционное право. – М.: МПСУ, Воронеж: МОДЭК, 2013.
35. *Шад М.* Романовы / Пер. с нем. – М.: Мой мир, 2007.
36. *Шаланд Л.А.* Русское государственное право. – Юрьев, 1908.

Osavelyuk A.M.

Problem of evolution of the Russian Empire's constitution

In this article on the basis of analysis of constitutional legislation and literary sources the structure of Constitution of pre-revolution Russia and its evolution during two centuries, and also unicity of its form and content are shown. It is shown that the form of rule (absolute monarchy) and presence of constitution in the state are straight unconnected, i.e. in an absolute monarchy a constitution operates also.

Keywords: constitution, Russian empire, Manifest, State Duma, Basic laws, Statute-book of Russian Empire, Code of basic state laws.

Томсинов В.А.

УРОКИ М.М. СПЕРАНСКОГО И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Более 200 лет прошло с того времени, когда М.М. Сперанский разрабатывал проекты государственных реформ, но Россия до сих пор сталкивается с теми же самыми проблемами, над которыми он когда-то размышлял. Первой из таких проблем является чрезмерная персонализация верховной государственной власти, обуславливающая повышенное влияние пороков и недостатков людей, занимающих высшие должности, на внутреннюю и внешнюю политику государства. Исторический опыт показывает, что такое состояние государственности при определенных условиях создает угрозу существованию страны.

В настоящей статье рассматриваются и оцениваются меры, которые предлагались Сперанским для преодоления указанного порока государственного устройства России.

Ключевые слова: Российская империя, М.М. Сперанский, реформы, идея конституции.

Михаил Михайлович Сперанский (1.01.1772 – 11.02.1839) вошел в русскую историю прежде всего как государственный деятель-реформатор, автор целого ряда проектов государственных преобразований, создатель «Полного собрания...» и «Свода законов Российской империи». Между тем он был также глубоким и оригинальным мыслителем и оставил после себя множество трактатов, записок и заметок на философские, религиозные, политические и правовые темы.¹

Работы по юриспруденции составляют наиболее значительную часть научного наследия М.М. Сперанского. В его личном архивном фонде (№ 731), который находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге, насчитывается около тысячи (!) произведений и просто заметок по различным проблемам правоведения. Большая их часть остается неопубликованной. Из опубликованных же трудов М.М. Сперанского по юриспруденции можно выделить такие его работы, как «Руководство к познанию законов» (СПб., 1845), «Обозрение исторических сведений о своде законов» (СПб., 1833, 1837), «О законах» (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 30. С. 323–491), «О системе законов вообще», «О праве вообще», «О праве личном», «О законах гражданских», «О системе законов собственности», «О собственности», «Об охране» (Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 1. С. 3–20).

Творческое наследие М.М. Сперанского огромно по своему объему и уникально богатством своего содержания. При этом он не был профессиональным учёным, основной деятельностью которого является служение науке. Михаил Михайлович

Томсинов Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См. жизнеописание М.М. Сперанского в книге: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Издание 5-е, обновленное и дополненное. М.: Зерцало-М, 2013. – 476 с. (серия «Великие русские люди»).

служил государству, государственная служба была главной его профессией, определявшей течение его жизни. И написанные им произведения – многочисленные планы и проекты государственных преобразований, записки и заметки по правовым и политическим вопросам – были в той или иной мере связаны с его государственной деятельностью, являлись её продолжением.

Эта особенность творчества Сперанского придавала его произведениям прикладной, прагматический характер. Они писались в большинстве своем для решения тех или иных практических проблем, встававших перед Россией и её государственной властью. Сперанский старался осмыслить эти проблемы и найти пути, средства и способы их преодоления. Наиболее интересными среди проектов и записок Сперанского представляются те, которые были написаны в первое десятилетие XIX века. Более двухсот лет прошло с тех пор, но Россия сталкивается с теми же самыми проблемами, над которыми размышлял когда-то молодой попович, вознесённый волей судьбы в сферу высшей государственной власти, ставший влиятельным царским сановником.

Первой из таких проблем является чрезмерная персонализация верховной государственной власти, обуславливающая повышенное влияние пороков и недостатков людей, занимающих высшие должности, на внутреннюю и внешнюю политику государства. Исторический опыт показывает, что такое состояние государственности при определенных условиях создает опасную угрозу существованию страны. Главный порок государственного строя Российской империи Сперанский видел в слабой институционализации государственной власти, в господстве личного принципа в её организации и функционировании. «Верховное начало в России, – писал он в 1803 году, – есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства. Начало сие не имеет никаких вещественных пределов. Но оно имеет некоторые умственные границы, мнением привычкою и долголетним употреблением поставленные в том, что власть сего начала не иначе приводится в действие, как всегда единообразным порядком и установленными формами. Сей порядок, коими власть изливается к народу, в законодательстве и в частях управления, вмещается разными отделениями в Сенате, Совете и министерстве».¹

Характеризуя Сенат, Государственный совет и министерства, Сперанский отмечал, что ни одно из этих мест не имеет прав и преимуществ, свойственных государственным установлениям и не может быть признано «телом политическим», поскольку собственной политической силы не имеет, но всецело зависит, и в бытии и в действии, от воли самодержца. По его мнению, господство в устройстве государственной власти личного начала не позволяет создать в стране нормальный государственный строй и установить прочный правопорядок: «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет всё то, чем власть предрешающая быть ему повелит».²

---

¹ Сперанский М.М. Записка о устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Проекты и записки. – М., 1961. С. 118.

² Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве империи // Там же. С. 56.

Между тем институционализация государственного строя, обеспечивающая независимость государства от пороков правящих, предполагает в первую очередь ограничение государственной власти законами. Именно поэтому Сперанский считал законность необходимым свойством современного государства и придавал особое значение утверждению этого принципа в российской политической системе. Во «Введении к Уложению государственных законов», представленном императору Александру I в 1809 году, он заявлял: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе».¹ Спустя четыре года, характеризуя в письме его величеству предлагавшийся им проект реформы государственного строя Российской империи, Михаил Михайлович повторил эту мысль другими словами: «Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы».²

М.М. Сперанский считал закон подлинным источником силы любого правительства. «Сила правительства, – отмечал он в записке, читанной им Александру I 3 декабря 1811 года, – состоит в точном подчинении всех моральных и физических сил одному движущему верховному началу власти и в самом деятельном и единообразном исполнении всех её определений... Первый источник силы правительства суть законы. Если законы так устроены, что они оставляют правительству довольно власти, чтоб действовать всегда во благо, а в случаях нужды принимать даже скорые и сильные меры: то правительство будет иметь в законах истинную силу. Но власть должно различать от самовластия. Власть даёт силу правительству, а самовластие её разрушает, ибо самовластие даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения и, следовательно, действует без доверия и всегда принужденно. Из сего следует, что правильное законодательство дает более истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластие. В Англии закон даёт правительству власть, и потому оно может быть там сильно; в Турции закон даёт правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо. Известно, что в России власть правительства в законе не ограничена; а потому истинная сила правительства в сем отношении всегда у нас была весьма слаба и пребудет таковою, доколе закон не установит ее в истинных ее отношениях».³

Словосочетание «Уложение государственных законов» кажется архаичным, но Сперанский его применял для обозначения такого явления, без которого немислимо современное государство. Документ под названием «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам», который был им представлен Александру I вместе с «Введением к Уложению государственных законов», начинался с утверждения: «Сила всех преобразований состоит в том, чтобы постановить образ правления империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России». После этих слов говорилось: «Для сего надлежало прежде всего оп-

---

¹ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Там же. С. 164.

² Сперанский М. М. Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. – 1892. Кн. 1. Вып. 1. С. 52.

³ Сперанский М. М. О силе правительства // Русская старина. – 1902. Т. 112. № 12. С. 496.

ределить разум коренных государственных законов, т.е. начертать план конституции».¹ О том, что под «уложением государственных законов» Сперанский понимал именно конституцию, свидетельствует и перечень вопросов, подлежавших его регулированию. Это, во-первых, «права державной власти»; во-вторых, «права престола и его наследства»; в-третьих, «образ составления законов, их сила и действие»; в-четвёртых, «права подданных» и, в-пятых, «законы органические, то есть устройство тех установлений, коими закон составляется и исполняется».²

Обосновывая необходимость принятия в России таких законов, Сперанский писал: «Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит рабу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горечь своего положения».³

Идея конституции не была чуждой Александру I. Мысль о даровании России конституции он вынашивал еще в ту пору, когда был наследником престола, и, став императором, попытался осуществить этот замысел. Составив в июне 1801 года из своих молодых друзей (графа П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцова, графа В.П. Кочубея и князя А.А. Чарторьжского) так называемый «Негласный комитет», он начал всерьез обсуждать с ними вопрос о преобразовании самодержавно-монархического правления в конституционно-монархическое. «Негласный комитет» на первом же своем заседании поставил главными задачами своей деятельности «узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, увенчать эти различные институты гарантией, предложенной в конституции, созданной в соответствии с истинным духом нации».⁴

Но Сперанский в своих проектах государственных реформ пошёл дальше соображений «Негласного комитета». В отличие от императора и его друзей, Михаил Михайлович видел в конституции не цель преобразовательной деятельности, а средство. По его мысли конституция должна была обуздать самовластие, превратить верховную государственную власть персоналистского характера, предполагающего определяющее влияние личности её носителя на ход государственных дел, в институционную государственную власть, при которой главная роль принадлежит не властвующим персонам, а составляющим её институтам, принципам, юридическим нормам.

---

¹ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. С. 231.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 163.

⁴ Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 // Николай Михайлович, вел. князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб., 1903. Т. 2. С. 61.

Понимая конституцию в качестве лишь средства модернизации государственного строя Российской империи, Сперанский вполне сознавал, что само по себе средство это не надежное, что введенная в действие конституция или совокупность «коренных законов», может не соблюдаться не только подданными или гражданами, но также властвующими и в том числе носителями верховной государственной власти. Поэтому Михаил Михайлович задавался вопросом: «Каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и непрменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?». С этого вопроса он начал свою записку «О коренных законах государства», начертанную в 1802 году, указав затем, что данная проблема всегда была наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общею мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял ещё надежды видеть его счастливым».¹

Обеспечение надлежащего соблюдения конституции является острой проблемой и современной Российской государственности. Действующая Конституция Российской Федерации устанавливает, что её гарантом, как и гарантом прав и свобод человека и гражданина, выступает Президент (ст. 80, п. 2). Президент обязывается также принимать в установленном Конституцией РФ порядке «меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности». Согласно статье 82 Конституции РФ, при вступлении в должность глава государства приносит соответствующую присягу – он клянётся «при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу». Провозглашая эти правила, Конституция РФ исходит из того, что Президент будет, безусловно, исполнять возложенные на него обязанности и соблюдать конституционные нормы. Но разве не может возникнуть ситуация, при которой нарушителем Конституции окажется именно Президент? Как это было, например, в сентябре 1993 года, когда именно тогдашним Президентом России была грубо нарушена действовавшая в то время Конституция.

Очевидно, что в этом случае Президент должен подлежать отрешению от должности. Но его процедура, изложенная в статье 93 Конституции РФ, не предусматривает в числе оснований для отрешения обвинения главы государства в нарушении конституционных норм. Но самое главное, она чрезвычайно громоздкая, предполагает участие четырёх государственных органов (Государственной Думы, Совета Федерации, Верховного суда и Конституционного суда). При этом, согласно статье 83, назначения Советом Федерации судей Верховного и Конституционного судов осуществляются из кандидатур, предложенных Президентом.

М.М. Сперанский, хотя и размышлял специально над тем, как обеспечить соблюдение конституции верховной государственной властью, также не дал удовлетворительного ответа на этот вопрос. Тем не менее, в его записках, посвященных государственным законам, были намечены возможные пути его решения. В своём

---

¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. – М., 1961. С. 29.

подходе к этой проблеме Сперанский исходил из признания невозможности обеспечить соблюдение конституции исключительно самой конституцией. «Когда народ, – писал он, – постановив общию волею коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость; когда вследствие сего утверждения устанавливаются законодательные сословия, охранительные власти, парламенты, сенаты, государственные советы, сим еще никак не устанавливаются истинные пределы правительства; когда силы его при сем остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были, народ может назвать сей образ правления аристократическим, монархическим и даже республиканским, но в самом деле он будет деспотическим».¹

Сперанский считал тщетным «писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе», но что могло, по его мнению, составить «государственную силу», способную обеспечить соблюдение конституции? Очевидно, что самым прочным основанием конституции той или иной страны может являться только её народ. И Сперанский рассмотрел эту возможность, указав на два преимущества народа, позволявшие ему играть роль гаранта конституции. Это, во-первых, превосходство в количественном отношении сил народа над силами правительства, и, во-вторых, производность сил народа от сил правительства. «Не правительство рождает силы народные, – подчеркивал Сперанский, – но народ составляет силы его. Правительство всемошно, когда народ быть таковым ему подпускает».² Однако, несмотря на это, Сперанский признал, что народ не способен сам по себе обеспечить соблюдение конституции. Для этого, отмечал он, «народ не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний, силы его истощатся во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству».³

В результате своих размышлений Сперанский пришёл к выводу о том, что не народ в целом следует призвать к охране конституции, но «по необходимости должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб её не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему. Это будет живая стража, которую народ вместо себя поставит на пределах государственных сил».⁴

Высказанная Сперанским в приведённых словах мысль означала, что он считал наиболее оптимальным гарантом конституции особым образом организованную национальную политическую элиту. Современная Россия отличается по многим параметрам от Российской империи, но очевидно, что она имеет тот же самый главный недостаток, который был присущ традиционной русской государственности XIX – начала XX вв., а именно: отсутствие в стране политической элиты, способ-

---

¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства. С. 32.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 37.

ной верно служить народу, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию.

Отсутствие в Российской империи такой правящей элиты стало одной из главных причин её крушения в 1917 году.

Источники и использованная литература:

1. *Сперанский М.М.* О силе правительства // Русская старина. – 1902. Т. 112. № 12. С. 495-499.
2. *Сперанский М.М.* Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. – 1892. Кн. 1. Вып. 1.
3. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. – М., 1961.
4. *Николай Михайлович, вел. князь.* Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб., 1903. Т. 2.

Tomsinov V.A.

M.M. Speranskiy's lessons and modern Russian state

Over 200 years have passed since the time when M.M. Speransky prepared projects of state reforms, but Russia still faces the same problems, over whom he once pondered. The first of these problems is the excessive personalization of the Supreme state power, contributing to the increased impact of defects and failures of the people occupying higher positions in domestic and foreign policy of the state. Historical experience shows that such a condition of statehood under certain conditions poses a threat to the existence of the country.

This article examines and evaluates measures that Speransky proposed to overcome this defect state structure in Russia.

Keywords: Russian Empire, M.M. Speransky, reforms, idea of the constitution.

Томсинов В.А.

КРИЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ПРИЧИНА РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА¹

В статье показывается на основе мирового исторического опыта, что главная опасность для государственности любой страны проистекает всегда прежде всего от её правящей группировки. Носители государственной власти способны своими действиями разрушить правопорядок и вызвать революцию даже в такой стране, в которой поступательно развивается экономика и существует стабильный политический режим.

Ключевые слова: кризис, правосознание, революция, государство.

Тема кризиса правосознания стала разрабатываться в русском правоведении в начале XX века. В 1906 году в журнале «Вопросы философии и психологии» начала публиковаться работа П.И. Новгородцева «Кризис современного правосознания».² Её продолжение появилось в 1907 и 1908 годах.³ В 1909 году она была напечатана в виде отдельной книги. В предисловии к книжному варианту своего произведения Павел Иванович представил его в качестве второй части «более обширного целого, задуманного под общим заглавием: “Введение в философию права”».⁴ Отсюда видно, что под кризисом правосознания он понимал в данной своей работе процессы, происходившие в сфере правовой идеологии европейского общества. В заключительной части второй главы, задавшись вопросом «Что представляет собою кризис современного правосознания: полное крушение старых начал или их необходимое видоизменение?», – Новгородцев ответил на него так: «Основные начала, – те, во имя которых ранее совершалось движение вперед, понятие личности, принципы равенства и свободы, – остались в силе. Но, являясь по-прежнему началами движущими и руководящими, они получили новое определение и расширились в содержании. В связи с этим потерпели крушение те простые и гармонические схемы, в которых пламенное воображение оптимистического века хотело видеть разрешение общественных противоречий».⁵

При этом Новгородцев не пытался определить, как явление, названное им «кризисом современного правосознания» действует на государство. Он затронул в сво-

---

Томсинов Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Впервые опубликовано: Правосознание российского общества: Типологическая характеристика. Коллективная монография / Под редакцией В.В. Сорокина и А.А. Васильева. – Барнаул: АГУ, 2013. С. 208–234.

² См.: Вопросы философии и психологии. – 1906. Кн. 84. С. 406–451. В данной книжке журнала были опубликованы введение и первые две части первой главы названной работы П.И. Новгородцева. Остальные части этой главы (с 3-й по 13-ю) и вся вторая глава появились в книжках с 89 по 95.

³ Вопросы философии и психологии. – 1907. Кн. 89. С. 367–432; Кн. 90. С. 433–491; 1908. Кн. 91. С. 80–117; Кн. 93. С. 251–286; Кн. 94. С. 377–440; Кн. 95. С. 513–597.

⁴ *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. – М., 1909. С. III.

⁵ Вопросы философии и психологии. – 1908. Кн. 95. С. 596. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. С. 392.

ей работе проблему государства, но лишь в качестве предмета политико-правовых воззрений. «В начале XX столетия не думают более, как в конце XVIII, что государство обладает силой совершать чудеса»¹, – отметил он.

Тем не менее, в своём исследовании эволюции западно-европейской политико-правовой мысли – главным образом, идей Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете, народной воле и народном представительстве – П.И. Новгородцев отметил одно изменение в отношении общества к государственной власти, произошедшее в течение XIX века, которое таило в себе разрушительные для европейской государственности тенденции, а именно: всеобщее падение авторитета государства в глазах населения. По его словам, политическая эволюция совершалась в указанном столетии «в двояком направлении: с одной стороны, постепенно падала вера в возможность совершенной и безошибочно действующей государственной *организации*, с другой стороны, *функции* государства бесконечно расширялись. В то время как от государства стали требовать несравненно более, в него стали верить гораздо менее. На него возложили огромное бремя, открывшее перед ним новую стадию развития, и при этом с него сняли ореол прежнего величия, возвещавший ему впереди светлые перспективы всеобщего удовлетворения».²

Тема правосознания и соответственно его кризиса стала главным объектом научных исследований в творчестве ученика П.И. Новгородцева – И.А. Ильина.³ Интенсивно заниматься ею Иван Александрович начал, по меньшей мере, с 1916 года, приступив к работе над книгой, специально посвященной правосознанию. 5 июня 1917 года он писал Л.Я. Гуревич: «Кончаю книгу “О сущности правосознания” (выйдет осенью)».⁴ Однако в действительности данная книга была в то время лишь набрана и к лету 1918 года подготовлена к печати, но так и не вышла тогда в свет. В большевистской России она, естественно, и не могла быть опубликована. Но любопытно, что Ильин не стал публиковать свою книгу о правосознании и за границей. Хотя мысль о её публикации у него неоднократно возникала. «В течение ближайших месяцев я буду печатать мои книги, написанные и выношенные в сатанинской плавильне, – о Сущности Правосознания и о Монархии»⁵, – сообщал он генералу П.Н. Врангелю в письме от 5 апреля 1923 года.

Р.М. Зиле, познакомившийся с Ильиным в 1928 году и все последующие годы состоявший с ним в переписке, говорил в 1955 году в речи, посвященной его памяти: «В 1919 г. ИЛЫИН заканчивает исследование о сущности правосознания»⁶; оно читалось в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужда-

---

¹ Вопросы философии и психологии. – 1908. Кн. 95. С. 596. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. С. 392.

² *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. С. 392.

³ См.: *Томсинов В.А.* Тема правосознания в творчестве Ивана Александровича Ильина // Российская правовая культура как альтернатива идеологии глобализма. Межвузовский сборник трудов / Под редакцией В. В. Сорокина. – Барнаул, 2010. С. 70–87.

⁴ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // *Ильин И.А.* Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / Сост. и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М., 1999. С. 92.

⁵ Письмо И.А. Ильина к П.Н. Врангелю от 5 апреля 1923 года // *Бортневский В.Г.* Избранные труды. – Л., 1999. С. 134.

⁶ На самом деле И.А. Ильин завершил написание всего текста книги «О сущности правосознания» до конца 1917 г.

лось не раз в заседаниях Московского Юридического Общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры. Однако эта книга, под названием: «Учение о правосознании», до сих пор не увидела света. Между тем это не просто только ценнейший вклад в юридическую литературу, но подлинно новое, живое слово о той духовной атмосфере, в которой нуждается право и государство для своего процветания».¹

Книга Ильина «О сущности правосознания» вышла впервые в свет только в 1956 году, спустя два года после смерти учёного², причём опубликована она была по вёрстке, сделанной в первой половине 1918 года. Во всяком случае, сравнение текста изданной книги с текстом верстки показывает полную их идентичность. Обозначение этого произведения названием «О сущности правосознания» не вполне точно передает его содержание. Оно вполне могло быть наименовано также книгой о сущности права и государства.

В современной юридической литературе под правосознанием понимают, как правило, совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств и настроений, относящихся к праву.³ И.А. Ильин связывал правосознание не только с правом, но и со всей вообще жизнью общества. «Жить – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни»⁴, – писал он. Отмечая, что для наличия в обществе здорового правосознания необходимо знание права, Ильин особо подчеркивал при этом, что «нормальное правосознание отнюдь не сводится к *верному знанию положительного права*. Оно вообще не сводится к одному “знанию”, но включает в себя все основные функции душевной жизни: и прежде всего – волю и притом именно – *духовно воспитанную волю*, а затем – и чувство, и воображение, и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души. Оно не сводится и к переживанию одного “положительного права”, но всегда подходит к нему с некоторым высшим, предметным мериллом; наконец, оно не есть пассивное состояние, но жизненно активное и творческое. Поэтому одно знание положительного права, верное сознание его не гарантирует ещё наличности нормального правосознания».⁵

Как и его учитель П.И. Новгородцев, И.А. Ильин отрицательно оценивал состояние правосознания западно-европейского общества в начале XX века. Но проявления его кризиса Иван Александрович видел не только в сфере политико-правовой идеологии, но и в духовно-нравственной жизни. «Такая потрясающая духовная не-

---

¹ Сообщение, посвященное памяти профессора Ивана Александровича ИЛЬИНА, сделанное 1-го мая 1955 г. на собрании чинов Русского Обще-Воинского Союза в г. Казабланка Романом Мартыновичем ЗИЛЕ // *Ильин И.А. Собр. соч.*: в 10-ти тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 416.

² *Ильин И.А. О сущности правосознания*. – Мюнхен, 1956. Современное издание этой книги вышло в свет в 2003 и 2008 гг. в сборнике работ И.А. Ильина о праве и государстве (см.: *Ильин И.А. Теория права и государства* / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2003, 2008 (серия «Русское юридическое наследие»).

³ См., напр.: *Теория государства и права. Учебник* / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2009. С. 798.

⁴ *Ильин И.А. О сущности правосознания* // *Ильин И.А. Собр. соч.*: в 10-ти тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М., 1994. Т. 4. С. 155.

⁵ *Ильин И.А. О сущности правосознания*. С. 160.

удача человечества, как поток неслыханных войн и небывалых революций, – писал он, – свидетельствует с непрекаемой силою и ясностью о том, что *все* стороны духовного бытия жили и развивались по неверным путям, что все *они* находятся в состоянии глубокого и тяжелого кризиса. Человечество заблудилось в своей духовной жизни, и хаос настигнул его неслыханной бедою; это свидетельствует о том, что *неверен был самый способ духовной жизни*, что он должен быть пересмотрен до корней и от корней обновлен и возрожден. И если задача организовать мирное и справедливое сожителство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает, прежде всего, *глубокий недуг современного правосознания*.¹

Взгляд на кризис правосознания как проявление общедуховного кризиса человечества, как на опасное для духовных устоев человечества заболевание общественного сознания в развитых странах проводился Ильиным и в других произведениях. В книге «Путь духовного обновления», написанной им во время пребывания в Германии, приблизительно в первой половине 30-х гг. XX века, и изданной в 1937 году в Белграде², он счёл нужным посвятить данному явлению специальный параграф. Его изложение русский правовед начал со следующего вывода: «Если современный «просвещенный» человек склонен или сомневаться в значении родины, патриотизма и национализма, или просто отвергает все эти драгоценные основы жизни, то о правосознании, о его сущности, о его глубоких источниках и о его жизненной необходимости – он вряд ли и вспоминает. Самое большее, о чём помышляет современный человек, – это о своих личных правах и привилегиях, а именно, как бы их закрепить за собою и расширить во все стороны, по возможности не подвергаясь судебным неприятностям; но о том, что действующее в стране право – закон, указ, полномочие, обязанность, запрет — не может жить и применяться вне живого правосознания, не может поддерживать и оберегать ни семью, ни родину, ни порядок, ни государство, ни хозяйство, ни имущество, об этом современный человек почти и не вспоминает. Это ведёт к двум последствиям: с одной стороны, действующее в стране так называемое положительное право не может совершенствоваться в своем содержании и начинает осуждаться и отвергаться целиком как ничего не стоящее, «буржуазное» право; с другой стороны – происходит медленный подрыв и постепенное ослабление его организующей, упорядочивающей и оберегающей жизненной силы».³

Сделав вывод о том, что «современное человечество переживает кризис правосознания»⁴, Ильин далее указал на четыре основных его проявления. По его словам это:

---

¹ Там же. С. 154.

² В 1943 году в Швейцарии, куда Ильин к тому времени переехал, вышел немецкий перевод его книги «Путь духовного обновления». См.: *Ilyin I.A. Die ewigen Grundlagen des Lebens* (Вечные основы жизни). – Zürich: Aehren Verlag, 1943. В 1962 в Мюнхене было напечатано второе, более полное издание данной книги. См.: *Ильин И.А. Путь духовного обновления*. – Мюнхен, 1962.

³ *Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10-ти тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы*. – М., 1993. Т. 1. С. 217–218.

⁴ Там же. С. 218.

«1. Отрицание духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, родины и права как самостоятельных ценностей;

2. Сведение человеческой жизни к материальным процессам, материальным меркам и материальному благополучию;

3. Неверие в силу личной свободы, инициативы и органического, творческого равновесия личной и общественной жизни;

4. Вера в силу механической покорности, диктаториального приказа и запрета, в силу вражды, классовой борьбы, революции, всеобщей бедности и всеобщего уравниения»¹.

И.А. Ильин жил в эпоху революций и мировых войн. Первую русскую революцию он встретил в возрасте двадцати двух лет без малого, а февральскую и октябрьскую 1917 года – тридцатичетырехлетним. «Чтоб ты жил в эпоху перемен», – гласит древнекитайское проклятье. Оно подразумевает, что времена крупных общественных потрясений настолько мучительны для человека, что не могут не восприниматься им как наказание. Русская революция стала тяжким испытанием для Ильина: он видел, как разрушалось Русское государство, как падала в революционный омут и гибла его Родина. Не случайно он называл события 1917 года в России катастрофой. И было в высшей мере естественным для него посвятить силы своего могучего интеллекта разгадке тайны этой революционной катастрофы.

В феврале 1918 года Ильин выступил в публичном собрании Общества младших преподавателей Московского университета с большой речью на тему патриотизма. В ней Иван Александрович предпринял первую для себя попытку выявить главные причины революционной катастрофы 1917 года, приведшей к распаду Русского государства. Одновременно он выразил собственное душевное состояние, которое переживал в те чрезвычайно горестные для русского человека времена. «В наши дни душа живет скорбью и гнётом, – начал он свое выступление. – Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душою овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собою, рассыпалось*; распалось; и не стало единого, великого народа; нет его *воли*; умолк его *разум*; извратилось его *чувство*; разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет *«русским государством»*? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права и обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о русском государстве? – когда всё, всё, всё в разложении, в прахе, в позоре. Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории».²

Набросав несколькими мазками печальную картину крушения Русской государственности, Ильин задался вопросом: «Что же рассыпало нас? Чем вызвано это разложение и распыление?». Напрашивавшийся в данном случае ответ «войною и революцией» он назвал общим. Потому что такой ответ вызывал новый вопрос: почему же война породила революцию? И почему революция, целью которой было,

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 223.

² Ильин И.А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? – М., 2006. С. 353.

по замыслу революционеров, «сорганизовать Россию и спасти её от поражения», разложила страну и обеспечила её поражение так, как не могли осуществить это никакие усилия старой власти?

Причины русской катастрофы, говорил при ответе на эти вопросы Ильин, нельзя сводить к «хозяйственной и технической отсталости» России. Иначе останется неясным, почему страна разложилась именно тогда, когда влияние этого фактора на ход войны было почти преодолено? Очевидно, что здесь проявились более глубокие дефекты – дефекты не материальные, а духовные. «Беспомощная и ленивая мысль, – продолжал Иван Александрович, – охотно останавливается на чьей-нибудь личной вине или на партийных ошибках. Конечно, было много личных промахов и неспособностей; ещё больше было партийных ошибок и преступлений. Но их мало осуждать. Их необходимо опознать и вскрыть. Свести к *общим закономерным увечьям русского духа*. Эти увечья характеризуют русскую душу во всех слоях народа; они характерны не только для простых масс, но и для всей партийной “революционной демократии”. Они более или менее присущи *каждому* русскому человеку, и только единицы, исключения, свободны от них всецело».¹

После этих слов Ильин вкратце охарактеризовал сущность увечий русского духа, от преодоления которых зависело, по его мнению, будущее России. И первым недугом русского общества было названо им «отсутствие сколько-нибудь сильного и зрелого *правосознания*». «Русские люди, – утверждал он, – *не знают права*; они не понимают, что оно имеет *объективное содержание*; не видят его *объективного значения*; не признают его, не уважают, не вменяют себе в обязанность его *добровольное соблюдение*; они не *мотивируют* правом свои поступки, блюдут его только из страха или корысти; не умеют ни жить им, ни творить его, ни *бороться* за него».²

Самым разрушительным для государства Ильин считал несоблюдение законов, пренебрежение требованиями правопорядка со стороны носителей государственной власти. Подобным поведением они уничтожают доверие людей к своему государству и тем самым обрекают его на революционную катастрофу. «Доверие к власти, – подчеркивал русский мыслитель, – есть признание её правотворческой компетентности, её правой воли и её благонамеренной силы; недоверие к власти есть непризнание её, отказ в санкции, отвержение её авторитета; иными словами, это есть *начало её ниспровержения*. **Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти**».³

Распространение в обществе презрения к носителям государственной власти Ильин рассматривал в качестве процесса, неминуемо влекущего за собой разложение правосознания и более того – распад и моральных устоев нормальной человеческой жизни. «Когда народ теряет уважение к своей власти или начинает питать к ней даже презрение, – отмечал он, – то это означает, что его настигло глубокое духовное бедствие. Презрение к государственной власти есть начало всеобщего духовного развенчания и совлечения; за отрицанием публичных обязанностей идёт отрицание всяких связей: презрение к государственному авторитету разлагает пра-

---

¹ Ильин И.А. О патриотизме. С. 354.

² Там же. С. 354–355.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 374.

восознание, разложение правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию. Народ становится жертвою *духовного нигилизма*. Поэтому тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней. «Престиж» власти и «авторитет» власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу».¹

Отрыв правящей группировки от народа, его интересов, превращение ею государственной власти в орудие своих преступлений, инструмент грабежа своей страны, способ наживы для себя и своих родственников неминуемо ведет к разрушению авторитета государства в народном сознании. В книге «О сущности правосознания» Ильин отмечал, что при таком развитии событий государство начинает пониматься народом в качестве строя только внешней жизни, а не внутренней. «Этим оно отрывается от правосознания и, питаясь поверхностными слоями или дурными силами души, вырождается в своем содержании и расшатывается в своих основах. Оно уходит из подлинной стихии народной жизни, сосредоточивается в изволениях и актах тесного круга правящих лиц и превращается для всех остальных граждан в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессменными тюремщиками».²

Вызванное кризисом правосознания разрушение государства добывает в обществе остатки правовой культуры. По мнению Ильина, в таком общественном состоянии людская жизнь становится мучением: «частно-правовая сделка превращается в организованный взаимный обман, публично-правовая связь становится юридически прикрытым насилием. Болезнь может охватить постепенно всю сеть правоотношений и разрушить духовную природу общения. Тогда люди привыкают сплетать правопорядок, не признавая ни права, ни своей и чужой духовности; правоотношения утрачивают свой духовный смысл, и юридическая форма скрывает непосредственно за собою *всеобщую вражду*. В борьбе за существование люди ищут уже не правовой победы, основанной на взаимном признании, а беспринципной и хищной «победы во что бы то ни стало». Согласие воль создает не солидарность, а условное, временное перемирие между врагами; ни одна сторона не относится серьёзно ни к своему, ни к чужому волеизъявлению; идея права попирается, и от правопорядка остается обманная, праздная тень. Тогда в жизни водворяется строй, всегда готовый к внезапному, полному распаду».³

Нарисованная Ильиным картина может показаться умозрительной. О том, что она в полной мере соответствует действительности, свидетельствуют факты из общественной жизни России во времена Смуты начала XVII века и в годы гражданской войны 1918–1920 годов, ставшей прямым последствием революции 1917 года.

Основываясь на документах, историк С.М. Соловьев писал о том, как жили русские люди в Смутное время: «Таким образом, в характере человека, воссевшего на

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 381–382.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 259.

³ Там же. С. 377–378.

престоле Рюриковичей, заключалась возможность начала Смуты, но продолжение её и сильное развитие обуславливались другими обстоятельствами: болезнь прикинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что тело это заключало в себе много дурных соков. Давно уже мы имели случай замечать неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государстве. Мы видели причины тому в борьбе, сопровождавшей появление и утверждение нового порядка вещей, собрание земли. Борьба между князьями за волости сменилась борьбою государей московских с основанными на старине притязаниями князей служебных и дружины вообще. Борьба эта достигла до ужасных размеров в царствование Грозного. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего; сокрушение прав слабого пред сильным при отсутствии просвещения, боязни общественного суда, боязни суда других народов, в общество которых ещё не входили, ставило человека в безотрадное положение, делало его жертвою случайностей, заставляло сообразоваться с этими случайностями, но эта привычка сообразоваться со случайностями, разумеется, не могла способствовать развитию твёрдости гражданской, уважения к собственному достоинству, умения выбирать средства для целей. Преклонение пред случайностию не могло вести к сознанию постоянного, основного, к сознанию отношений человека к обществу, обязанности служения обществу, требующего подчинения частных стремлений и выгод общественным. Внутреннее, духовное отношение человека к обществу было слабо; всё держалось только формами, внешнею силою, и, где эта внешняя сила отсутствовала, там человек сильный забывал всякую связь с обществом и позволял себе всё на счёт слабого. Во внешнем отношении земля была собрана, государство сплочено, но сознание о внутренней, нравственной связи человека с обществом было крайне слабо; в нравственном отношении и в начале XVII века русский человек продолжал жить *особе*, как физически жили отдельные роды в IX веке. Следствием преобладания внешней связи и внутренней, нравственной особенности были те грустные явления народной жизни, о которых одинаково свидетельствуют и свои, и чужие, прежде всего эта страшная недоверчивость друг к другу: понятно, что когда всякий преследовал только свои интересы, нисколько не принимая в соображение интересов ближнего, которого при всяком удобном случае старался сделать слугою, жертвою своих интересов, то доверенность существовать не могла. Страшно было состояние того общества, члены которого при виде корысти порывали все, самые нежные, самые священные связи! Страшно было состояние того общества, в котором лучшие люди советовали шадить интересы ближнего, вести себя по-христиански с целью приобрести выгоды материальные, как советовал знаменитый Сильвестр своему сыну».¹

Мысли, высказанные И.А. Ильиным о сущности правосознания его высокозначимой роли для государства, позволяют многое понять в подоплеке тех революционных катастроф, которые произошли в России в XX веке и угрожают повториться в нашем Отечестве в ближайшие годы.

***

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 8. С. 388–389.

В мировой истории случились три великих революции, которые сопровождались тотальным разрушением государства, гражданской войной, чрезвычайными бедствиями для населения: английская 1640–1660 годов, французская 1789–1794 годов и русская, начавшаяся в феврале 1917 года. Все они произошли в условиях неурядиц в экономике, когда верховная государственная власть испытывала огромный недостаток финансовых средств в казне.¹ Все они разразились при наличии раскола в политической элите. Все они сопровождались массовыми народными демонстрациями: выходом толп народа на улицы столицы, митингами или шествиями многих тысяч людей.

Обыкновенно именно с этими явлениями связывают революцию и разрушение государства. Но если посмотреть на них с точки зрения исторических фактов и здравого смысла, то мы неизбежно приходим к выводу, что и экономические кризисы с дефицитами государственных финансов, и как следствие этого, обеднение населения, и усиление раздоров в правящем слое общества, и массовые народные протестные движения – всё это вполне обыкновенные, часто случающиеся в жизни любой страны явления. Можно даже сказать, что эти явления более чем нормальные – они необходимы для поступательного развития любого государства. *Они в сущности своей есть реакция живого тела общества на какие-то вредные для него действия государства, сигнал и требование, обращенные к государственной власти со стороны общества о том, что необходимо вносить изменения в государственную политику, менять людей, осуществляющих её, обновлять государство.*

Экономические кризисы и бюджетные дефициты многократно возникали и в Англии, и во Франции, и в России, но революционная катастрофа в каждой из этих стран разразилась почему-то лишь в условиях экономического и финансового кризиса, который случился соответственно в 1640, 1789 и в 1917 гг.

Разделение политической элиты на группировки также вполне нормальное явление. Не может быть в нормальном государстве полного согласия по всем вопросам государственной политики в среде людей, занимающих государственные должности, даже высшие. Не может в нем существовать единой во всем правящей элиты. Более того, надо, пожалуй, признать, что *разделение правящих лиц на группировки – это не только неизбежное, вытекающее во многом из людской природы, явление, но также явление необходимое для поддержания здоровья в государственном организме, для предотвращения личностной деградации среди носителей государственной власти, для принятия правильных, выверенных, учитывающих различные точки зрения государственных решений.*

Говоря о демократии, не следует питать излишних иллюзий относительно способности народа контролировать деятельность государства, ограничивать произвол государственной власти. Народ не имеет для этого единой организации – он разделён на этносы, профессиональные и просто возрастные группы, он разобщён территориально, культурно, по религиозному признаку и т.д. – поэтому у него нет возможностей эффективно противостоять произволу со стороны носителей государственной власти. Их разделение на группировки создает в правящем слое нефор-

---

¹ В Англии этот финансовый дефицит был вызван войной с Шотландией, во Франции неурожаем 1788 г., в России – участием в Первой мировой войне.

мальную систему сдержек и противовесов, взаимного контроля за действиями друг друга, механизм обуздания пороков, от которых не свободен любой человек, но проявление которых в людях, занимающих высшие должности в государственном аппарате, для общества и государства особенно пагубно.

Революцию и разрушение государства обыкновенно связывают с массовыми народными волнениями, с выходом толп народа на улицы городов. Эти явления действительно составляли важнейшие события английской, французской и русской революций. Вероятно, по аналогии с ними некоторые наши публицисты и политики увидели признаки революции в состоявшихся в Москве в декабре 2011 года многотысячных шествиях и митингах. Между тем подобные народные демонстрации регулярно происходят по разным поводам в современных Англии, Франции, США, Германии, Греции и других странах. При этом они имеют нередко значительно более массовый характер по сравнению с демонстрациями в Москве, но, тем не менее, в них не усматривают проявлений революции и угрозы разрушения государства.

В течение XX века наше Отечество испытало две революционные и государственные катастрофы – в 1917 и в 1991 годах. И в обоих случаях немаловажную роль в этих трагедиях сыграли массовые народные демонстрации. Но разве от народных толп исходил разрушающий импульс? Разве не были они всего лишь орудием в руках настоящих разрушительных сил, погубивших традиционный имперский и советский варианты Русской цивилизации?

Поэт Александр Блок, работавший в качестве редактора в учрежденной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств», записал 25 мая 1917 года в свой дневник: «“Революционный народ” – понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и “чудом”, скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?».¹

Очевидно, что выход народных масс на улицы городов **сам по себе** никакой угрозы существованию государства не таит, более того – это явление несёт в себе оздоравливающий для него эффект, оно есть лекарство, способное вылечить больной государственный организм. *Массовые народные демонстрации, как ветер, сокрушают только прогнившее до фундамента здание государственности. Здание же хорошо сложенное, стоящее на крепком фундаменте, они лишь проветривают – освежая воздух внутри него, выдувая из него вредные примеси.* С другой стороны, выходящие на площади с теми или иными требованиями к государственной власти, к главе государства демонстранты, должны понимать, что нормальная человеческая жизнь в обществе создается не государством, а самим обществом. Она формируется усилиями каждого отдельного гражданина, его повседневным поведением, его активной позицией. Люди, которые мирятся со злоупотреблениями вокруг себя –

---

¹ Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под редакцией П.Л. Медведева. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 12.

там, где работают или учатся, хотя имеют все возможности, объединившись, если не искоренить их вовсе, то ограничить – те, кто не предпринимают никаких усилий для того, чтобы изменить жизнь к лучшему вокруг себя, но при этом регулярно ходят на митинги, чтобы обличать государственную власть, выглядят, по меньшей мере, очень и очень странно.

***

Мировая история свидетельствует, что революционной катастрофы, влекущей за собой гибель государства, чаще всего не происходит, даже если экономический кризис, недостаток в казне финансовых средств и другие экономические неурядицы совпадают с кризисом в правящем слое, с обострением противоречий между различными группировками в нём, с массовыми народными волнениями. Чтобы такая катастрофа произошла, необходимо, чтобы ко всем названным условиям присоединились ещё два взаимосвязанных между собой явления, а именно: *нарастание до критического уровня негативного отношения к правящим персонам со стороны общества и прогрессирующий паралич государственной власти, которой эти персоны обладают.*

Опыт всех трёх великих революций – вспыхнувшей в Англии в 1640 году, во Франции в 1789-м, в России в 1917-м, а также история крушения СССР показывает, что носители государственной власти при появлении угрозы возникновения революционного пожара ведут себя, за редким исключением, не как пожарники, призванные быть готовыми к его тушению и предпринимающие всё необходимое для его предотвращения, но как *простые и вороватые обыватели, которые, почувствовав, что пожар подбирается к дому, спешат обогатиться за чужой счёт, унести из него как можно больше чужого имущества, чтобы присвоить его себе. Верховные же властители в предреволюционные годы просто теряют здравый смысл и совершают роковые ошибки, приближающие государственную катастрофу.*¹

Истоки любой революции, любого процесса, который ведет к разрушению государства надо искать не на улицах городов, не в народных толпах и тем более не в мелких, похожих более на секты или клубы по интересам, организациях людей, мнящих себя оппозицией, революционерами – разного рода «координационных советах», «союзах», «фронтах», собирающихся на заседания чаще всего не для того,

---

¹ Английский король Карл I в 1637 году предпринял попытку навязать шотландским церквям обряды англиканской церкви, добиваясь единообразия церковных обрядов в двух разных королевствах – Англии и Шотландии, в которых он занимал королевский престол. Данная мера вызвала чрезвычайное возмущение шотландцев и привела в конце концов к шотландско-английской войне, которая опустошила казну Карла I и заставила его созвать 3 ноября 1640 года парламент. Образовавшаяся в нем оппозиция сразу же начала борьбу за ограничение королевской власти. Эта борьба вылилась в августе 1642 года в гражданскую войну, окончившуюся разрушением традиционного английского государства: казнью Карла I, ликвидацией королевской должности и упразднением Палаты лордов. Подобным же образом обстояло дело и во Франции, где к концу 80-х годов XVIII века абсолютистский государственный строй изжил себя и явно нуждался в реформах. Но французский король Людовик XVI не осмелился пойти на реформы, дающие простор политическим притязаниям третьего сословия и ограничивающие политическую роль аристократии. Вместо этого своей неудачной финансовой политикой он опустошил казну и был вынужден созвать в мае 1789 года Генеральные штаты. Не созывавшиеся до этого 175 лет они в течение двух месяцев, благодаря активности депутатов от горожан превратились в настоящий штаб революции, унесшей через три года в небытие восьмисотлетнюю французскую монархию.

чтобы решать программные, идеологические или организационные проблемы, но просто лишь для того, чтобы собраться и позаседать. Их значимость и заметность зависит не от них самих, а исключительно от внимания к ним СМИ и государственных органов.

В складывающейся ныне в России сложной политической и экономической ситуации надо ясно сознавать, что **настоящая, серьезная угроза существованию государства проистекает главным образом от самого государства**. Эта мысль только на первый взгляд кажется парадоксальной.

***

Опыт мировой истории учит, что настоящими «революционерами» и успешными разрушителями государства – *величайшими государственными преступниками* – во всех случаях революционных катастроф были сначала **носители верховной государственной власти**. Именно они своим поведением наносили первый и самый страшный удар по зданию государственности, вызывая в нём трещины и... революцию.

Ведь **государство это не только совокупность учреждений или институтов, но ещё и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности**. Ядром этого духовного поля является, с одной стороны, доверие народа к лицам, обладающим государственной властью, а с другой – уважительное отношение людей, составляющих правящий слой, к своему народу, его достоинству, традициям, интересам и потребностям.

Такой взгляд на государство позволяет увидеть процесс его разрушения ещё до того, как оно окончательно рухнет и погребет под собой общество. С этой точки зрения особенно примечательным является опыт революции 1640–1660 годов в Англии – в стране, которая ещё в Средние века славилась развитым правосознанием населения и правящей группировки. Политический конфликт, повлекший за собой революцию и гражданскую войну, развивался в английском обществе на протяжении, по меньшей мере, трёх десятилетий. В исторической литературе его описывают, как правило, в виде противостояния двух институтов государственной власти – короля и парламента.¹ Это противостояние действительно имело место. Однако оно составляло лишь внешнюю, видимую сторону данного конфликта. За ней скрывалась другая, глубинная и более значимая его сторона – противоборство общественных группировок. Одни из этих группировок объединялись вокруг короля и использовали в качестве инструмента осуществления своих интересов королевскую власть. Другие опирались в защите своих интересов на парламент. Отсюда и возникло противостояние названных институтов государственной власти.

---

¹ Английский историк С.-Р. Гардинер (1829–1902) датировал начало конфликта между королем и Палатой Общин 1610-м годом. См.: *Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642.* – London, 1895. Vol. 2. P. 110. Шотландский философ и историк Д. Юм (1711–1776) считал, что только в период работы парламента, созданного в 1620 г., «впервые приобрели ясные и законченные формы партии двора и страны (пусть и не получившие тогда этих наименований)». – См.: *Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов.* – СПб., 2001. Т. 1. С. 467.

На протяжении первых десятилетий XVII века указанные общественные группировки, ведя борьбу между собой, не пренебрегали возможностями решить свои проблемы правовыми средствами. Их взаимное противоборство было во многом схваткой правоведов, фехтованием статьями законодательных актов и юридическими прецедентами. Каждая из конфликтующих сторон искала в сфере права опору своим притязаниям и средства обуздания притязаний своего противника. Отражением этого служат такие документы, как «Апология и Сатисфакция Палаты Общин» 1604 г., «Петиция Палаты Общин» 1610 г., «Протест Палаты Общин» 1621 г., Прокламация короля Якова I 1622 г. о роспуске парламента и др.

В первом из названных документов Палата Общин опровергала «ложные сведения, открыто преподносимые» королю. Одно из них состояло, в частности, в том, что парламента якобы имеет привилегии не основании права, «но лишь по милости, возобновляемой для каждого Парламента посредством дарования петицией, и таким образом ограниченные».¹ В ответ на это утверждение Палата Общин заявляла в своей «Апологии»: «Наши привилегии и вольности являются нашим правом и должным наследием не в меньшей мере, чем наши самые земли и имущество».² Подобная декларация содержалась и в «Протесте», с которым Палата Общин выступила 18 декабря 1621 года. Здесь говорилось, что «вольности, льготы, привилегии и юрисдикции Парламента являются старинным и несомненным приращенным правом и наследием подданных Англии».³

Одно из наиболее значительных сражений на правовом поле между королевской властью и парламентом произошло весной 1628 года. Следствием его стало принятие документа под названием «Петиция, представленная Его Величеству Лордами Духовными и Светскими и Общинами, собравшимися в настоящем Парламенте, касающаяся различных Прав и Свобод Подданных»⁴ или сокращенно – *Петиция о праве 1628 года*. Содержание Петиции показывает, что парламентарии были озабочены не столько созданием новых правовых установлений, сколько искоренением нарушений старых. Ссылаясь на Великую Хартию Вольностей и статуты, изданные во времена королей Эдуарда I и Эдуарда III, они просили короля Карла I о том, чтобы «впредь ни один человек не был принуждаем совершать или уплачивать какие-либо дары, займы, пожертвования, налоги и тому подобное без общего согласия [выраженного] посредством Акта Парламента, и чтобы никто не был призываем к ответу или приводим к присяге или принуждаем к службе или заключен в тюрьму или иным образом стеснен или обеспокоен в связи со всем этим или за

---

¹ Apology and Satisfaction of the House of Commons, 1604 // Crown and Parliament in Tudor–Stuart England. A documentary constitutional history: 1485–1714 / Edited and with introductions and commentary by P. Hughes, R.F. Fries. – New York, 1959. P. 158. Данный документ не получил большинства голосов в Палате Общин и не был подан королю. Но он примечателен как выражение политических взглядов наиболее активных парламентариев.

² Ibidem. P. 159.

³ The Protestation of the House of Commons // Crown and Parliament in Tudor–Stuart England. A documentary constitutional history: 1485–1714. P. 177.

⁴ The Petition Exhibited to His Majesty by the Lorde Spirituall and Temporall and Cōmons in this psent Parliament assembled concning divers Righte and Liberties of the Subjecte: with the Kinge Majesties Royal Aunswere thereunto in full Parliament // The Statutes: Revised edition. Vol. 1: Henry III to James II. A.D. 1235–6–1685. – London, 1870. P. 712–714.

отказ от этого. И чтобы ни один свободный человек ни одним из вышеупомянутых способов не был заключен в тюрьму или задержан».¹ Кроме того, парламентарии просили Его Величество не обременять население постоянными солдатами и матросами, а также изъять предоставленные им в мирное время некоторым лицам, назначенным комиссарами, полномочия для суда по военным законам над солдатами и матросами, которые совершили те или иные преступления.

Различные аспекты правовой войны, которую вели между собой на протяжении первых десятилетий XVII века политические группировки английского общества, проявляются во множестве политических и правовых документов, в протоколах парламентских дебатов, в текстах писем и трактатов. Обвиняя друг друга в нарушениях правовых норм, противоборствующие стороны одновременно со страстью, не оставляющей сомнений в искренности помыслов, защищали исторически сложившуюся в Англии юридическую конструкцию государственного строя – то, что ими называлось «конституцией нашего королевства» или «основными законами» Англии.

Правовед и парламентарий Дж. Уайтлок (1570–1632), выступая 2 июля 1610 года в Палате Общин, критиковал попытки короля взыскать налоги без согласия парламента. «Указанные действия, – заявлял он, – противоречат форме конституции нашего королевства, составляющей государственное право нашего королевства; и таким образом они ниспровергают основной закон королевства и ведут к созданию новой формы государства и управления».² Король Яков I³ в прокламации 1622 года о роспуске парламента следующим образом объяснял это свое решение: «Парламент, открывшийся в январе прошлого года, действовал в течение нескольких месяцев с такой гармонией между нами и нашими людьми, параллелей которой нет ни в какое другое время... [однако] после первого перерыва в заседаниях парламента, случившегося на Пасху, мы обнаружили, что они (парламентарии) стали большую часть времени тратить скорее *на расширение границ своих свобод* и на различные другие курьезные и бесполезные вещи, чем на создание и предложение хороших и полезных законов»⁴ (курсив мой – В.Т.).

На протяжении трех десятилетий, предшествовавших революции, противоборствующие политические группировки, объединявшиеся вокруг короля и парламента, демонстрировали свою приверженность к правовым ценностям английского общества, стремились использовать для защиты своих интересов все возможности, предоставляемые нормами английского «общего права», элементами сформированной в процессе многовекового исторического развития юридической конструкции английского государственного строя. В свете этого предпринятая указанными группировками в начале 40-х годов XVII века попытка решить взаимный конфликт во-

---

¹ The Statutes: Revised edition. Vol. 1. P. 714.

² Речь Уайтлока, 2 июля 1610 г. // *Лавровский В.М.* Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. – М., 1973. С. 83.

³ В английской исторической литературе этот король именуется Джеймсом I (James I). Однако, вплоть до 1733 г. юридические документы писались в Англии, в основном, на латинском языке, и имя короля соответственно предстало в них как Jacobus. Отсюда и утвердившееся в русской исторической литературе имя Яков.

⁴ The Proclamation of James I Dissolving Parliament, 1622 // *Crown and Parliament in Tudor–Stuart England. A documentary constitutional history: 1485–1714.* P. 178.

енным путём, развязав разорительную для страны гражданскую войну, явно свидетельствует о произошедшем в сознании парламентариев, а также короля и его сторонников коренном изменении отношения к правовым ценностям. Враждующие между собой группировки перестали к этому времени видеть в праве эффективное средство защиты своих интересов.

Данное заключение, которое логически вытекает из самого факта начала гражданской войны в Англии летом 1642 года¹, подтверждается целым рядом конкретных и совершенно недвусмысленных заявлений противоборствующих сторон.² Так, выступая 6 июля 1641 года на Конференции обеих палат парламента, Д. Холлис (*D. Hollis*) говорил о том, что законы, которые должны «защищать и сохранять нас и все то, что нам принадлежит, в безопасности, сделались слабыми и бессильными, чтобы предать нас в руки насилия; вместо того, чтобы быть средством для поддержки нас, они стали ненадежной вещью – чтобы обманывать нас, и наваливаться на нас, когда мы хотим опереться на них».³

Особо примечательным из подобных заявлений, являлось то, которое содержалось в декларации Палаты Лордов и Палаты Общин от 2 августа 1642 года. В данном документе объявлялось о решении парламента взяться за оружие для защиты от короля Карла I и при этом давалась оценка событий, происходивших в Англии в предыдущее десятилетие. Эти события означают, констатировала декларация, что «законы ни защищали право какого-либо человека, ни оказывали ему покровительства; все было подчинено воле и власти». В связи с этим парламент приходил к мнению о том, что отныне следует руководствоваться в своих действиях не правом, а необходимостью. «Эта необходимость вызвала этот парламент; и та же самая необходимость даёт ему изначально власть действовать с большей энергией и решимостью, чем это делал прежний парламент».⁴

Главная примечательность приведенного заявления состоит в том, что оно было сделано парламентариями не на основе современных им революционных событий, а из исторического опыта дореволюционных лет. Не революция с гражданской войной породили среди парламентариев разочарование в праве – неверие в то, что исторически сложившиеся в Англии судебные процедуры и правовые формы способны в надлежащей степени обеспечить их интересы, защитить права и свободы английских подданных. Это разочарование стало результатом осмысления парламентариями реалий политической жизни английского общества в первые десятилетия XVII века и в особенности той борьбы, которая происходила в Англии между королем Карлом I и оппозиционными ему парламентариями весной 1642 года.⁵

---

¹ Днем начала первой гражданской войны в Англии считается 22 августа 1642 г., когда король Карл I на одном из холмов близ города Ноттингема поднял свой штандарт и призвал своих вассалов подняться на защиту королевской власти.

² Целый ряд таких заявлений приводится в книге: *Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642.* – London, 1992. P. 220–231.

³ *Journals of the House of Lords. Beginning Anno Quarto Caroli Regis. Vol. IV: 1628–1642.* – London, 1767. P. 303.

⁴ Цит. по: *Cobbett W. Parliamentary History of England from the Norman Conquest to the Year 1803.* – London, 1807. Vol. 2. Col. 1435. См. также: *Burgess G. Op. cit.* P. 223.

⁵ См. подробнее о кризисе правосознания в Англии, подготовившем гражданскую войну, главу «Законодательная деятельность «Долгого парламента» в первой половине 1642 года: формирование

Современный английский историк Гленн Бёргесс (*Glenn Burgess*) видит в факте распространения в английском обществе в период правления Карла I представления о том, что право Англии хаотично, неопределенно и неспособно вследствие этого эффективно защищать права и свободы английских подданных, проявление «кризиса общего права». По его мнению, «для того, чтобы восстановить определенность и ясность права и тем самым создать возможность для права выполнять присущие ему функции, люди и обратились к драматическим мерам в 1640 и 1641 году. Они предпринимали в парламенте юридические акции против виновных в создании хаоса и делали все возможное для искоренения хаоса и восстановления ясности посредством статута».¹

***

Крушение государственности Российской империи началось не с отречения императора Николая II от престола, повлекшего за собой, вследствие отказа его брата великого князя Михаила Александровича принять на себя императорскую власть до решения Учредительного собрания, фактическую ликвидацию в России монархии. И тем более не действиями Временного правительства была сокрушена Российская империя, хотя – надо признать – свою работу по разрушению традиционной русской имперской государственности это очень странное правительство совершало с необыкновенным усердием. По словам современного историка В.А. Никонова, «действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы... Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Были упразднены не только полиция, но и особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию. На места были разосланы инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была нулевой, тем более что в неё в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии».² Как бы то ни было, Временное правительство лишь довершило процесс разрушения государственности Российской империи. Начался же он тогда, когда стало распадаться «духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности».

В политической элите данный распад шёл быстрее: некоторые группировки в её среде уже в начале осени 1916 года вполне допускали возможность принуждения императора к отречению или даже убийства его величества в случае, если он отка-

---

идеологии гражданской войны» в книге: *Томсинов В.А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. – М.: Зерцало-М, 2010. С. 176–264.

¹ *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. – London, 1992. P. 220.

² *Никонов В. А.* Крушение России. – М.: Вече, 2012. С. 900–901.

жется выполнить их требования.¹ Планы заговоров против Николая II вынашивались и самом Императорском доме. Посол Франции в России Морис Палеолог записал в своём дневнике 5 января 1917 года (по Григорианскому календарю): «Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение. Несколько великих князей, в числе которых мне называют трёх сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше, ни меньше, как о том, чтобы спасти царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, которых преданность уже поколеблена, двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царём наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича».² О том, что подобные планы не были простой фантазией, что их сочинители были людьми решительными, свидетельствует убийство духовника царской семьи Григория Распутина, совершённое в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, при активном участии великого князя Дмитрия Павловича Романова. Правда, в заговоре против самого императора его высочество участвовать отказался, сообщив заговорщикам: «Я не нарушу своей присяги в верности».

Среди населения падение авторитета носителя верховной государственной власти – императора – шло также стремительно, в чем немалую роль играли мифы об измене немцам императрицы Александры Федоровны, о большом влиянии Григория Распутина на государственные решения, принимаемые Николаем II. Государь быстро превращался в объект насмешек и не только в столичных городах России, но и в действующей армии.

Правительство же, беспрестанно менявшееся в своем составе, наполнялось совершенно бездарными и просто глуповатыми людьми, которые, по словам А. Блока, «не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли её падение».³ Хорошей иллюстрацией к этим словам поэта служат следующее заявление великого князя Александра Михайловича из его к императору Николаю II, написанного 4 февраля 1917 года: «В заключение скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ её не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу».⁴

---

¹ См. об этом: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. – М., 1923. С. 208.

² Там же. С. 274.

³ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. – Петербург: Алконост, 1921. С. 13–14. По словам Александра Блока, «среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе. Среди них были и люди высокой честности, как, например, министр народного просвещения граф Игнатъев, много раз просившийся в отставку и смененный Кульчицким лишь за два месяца до переворота, или министр иностранных дел Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внешней политикой при существующем курсе политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу» (Там же. С. 17–18).

⁴ Письмо в. кн. Александра Михайловича к Николаю II, от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 годов // Последние дни императорской власти. С. 121.

Любая революция, выливающаяся в разрушение государства, сопровождается массовым неповиновением населения страны официальной государственной власти. Это явление всегда оказывается, в силу своей массовости, наиболее заметным революционным событием. Однако оно составляет только поверхностный процесс, который скрывает под собой явление значительно более разрушительное для государства, нежели неповиновение народа государственной власти. Таким явлением всегда бывает неподчинение государственных должностных лиц нормам конституции и обыкновенных законов, а также воле носителя верховной государственной власти, неисполнение его указов и распоряжений. В результате подобной практики глава государства лишается эффективного инструмента управления страной, проведения своей политики во всех сферах государственной жизни. Правительство, состоящее из людей, которые, занимая государственные должности, служат не государственным, а исключительно личным эгоистическим интересам, не может выполнять такой роли, но вполне способно стать источником антигосударственных настроений в обществе.

Если государство представляет собой *«не только совокупность учреждений или институтов, но ещё и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности»*, то **государственная служба должна являться, помимо прочего, ещё и службой авторитету государства**. Это означает недопустимость для чиновника добиваться каких-либо государственных целей путем обмана, подкупа, фальсификаций, порочащих как его самого, так и государство, которому он призван служить.

«Вся тайна русского порядка и преуспевание – наверху, в лице верховной власти, – наставлял К.П. Победоносцев в 1876 году наследника престола цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III. – Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальёт всю землю послаблением и роскошью, – вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога».¹

***

Признав, что наиболее опасным для российской государственности является в настоящее время не экономический кризис, о котором постоянно говорят и пишут в СМИ, а кризис **правосознания**, мы должны неизбежно сделать и другое признание. Из этого постулата следует, что не экономическая составляющая нашей государственной политики должна стать главной в ближайшем будущем, но ПРАВОВАЯ.

Более того, есть основания считать, что *всецело превалирующий на протяжении последних двух десятилетий сугубо экономический подход к решению тех иных общественных проблем, при умалении подхода правового, является грандиозной государственной ошибкой, не позволившей создать в России институционную основу*

---

¹ Письмо К.П. Победоносцева к великому князю Александру Александровичу от 12 октября 1876 года // Письма Победоносцева к Александру III. – М., 1925. Т. 1. С. 53–54.

нормальной экономики, нормальной политики и, как следствие, нормальной человеческой жизни.

Институционную основу нормальной экономики составляет, как известно, явление, называемое «свободным рынком». За его создание в России два десятилетия назад взялись исключительно экономисты, причём не слишком грамотные и, во всяком случае, не знавшие основ нормальной рыночной экономики, существовавшей в то время в ведущих Западных странах: США, Англии, Германии, Франции и др. Поэтому главное свое внимание они обратили на ту сферу рынка, которая на самом деле главной не являлась и до сих не является, а именно: на сферу свободы. Создание «свободного рынка» было понято ими как предоставление почти полной свободы всем его участникам. Между тем в действительности в таком явлении, как «свободный рынок» главным является не максимально возможная *свобода*, но максимально возможная *несвобода*. **«Свободный рынок» только по названию является рынком «свободы», в действительности настоящий «свободный рынок» – это рынок несвободы.** Соответственно его создание необходимо было начинать с возведения различного рода барьеров, ограничений, запретов для производителей и торговцев, определяющих основополагающие правила производственной и коммерческой деятельности, параметры качества производимой продукции, предельные наценки на её стоимость и т.д. **«Свободный рынок» – это в большей мере юридическое, а не экономическое явление.** Свобода в нём – явление остаточное: она создается правовыми рамками, которые чётко определяют сферу, где участник рынка может поступать по своей воле, и тем самым налагают цепи обуздания на безбрежный человеческий эгоизм. Например, каждый собственник того или иного имущества может пользоваться и распоряжаться им по своей воле или, в варианте Гражданского кодекса Франции, – «наиболее абсолютным образом», но только так, чтобы осуществление этих прав не нарушало законов.¹

Очевидно, что только нормальный «свободный рынок», то есть рынок, в котором свобода понимается как возможность для его участника поступать по своему усмотрению в рамках, определенных законом, способен стать регулятором нормальной экономической жизни. *Вместе с тем такого рода «свободный рынок» выполняет и другую очень важную для поддержания нормальной человеческой жизни в обществе функцию – погружая своих участников в разветвленную и сложную сеть юридических правоотношений, он способствует воспитанию у них нормального правосознания.* Дикий же «свободный рынок», возникший в России в первой половине 90-х годов XX века и до сих пор существующий, не способствует воспитанию

---

¹ Статья 544 Гражданского кодекса Франции гласит: «Собственность есть право пользоваться (*jouir*) и распоряжаться (*disposer*) вещами наиболее абсолютным образом, если только осуществление этого права (*usage*) не делается запрещенным законами или регламентами». Многие правоведы больше внимания обращают на первую часть этого определения, между тем более важной для законодателя здесь была последняя часть, ограничивающая осуществление собственником своих прав «законами и регламентами». О том, что настоящей свободой в понимании идеологов «свободной экономики» является только такая свобода, которая имеет рамки, очерченные законами, свидетельствует статья 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая гласит: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом».

нормального правосознания в обществе. Успех его участников не только не зависит от соблюдения ими норм закона, а напротив, предполагает постоянное их нарушение. Такой «свободный рынок» является по сути одним из главных факторов, сохраняющих правосознание нашего общества в кризисном состоянии.

Если принять во внимание, что именно кризис правосознания составляет главную опасность для нашего государства, то нельзя не признать, что сложившая в России в 90-е годы XX века экономическая рыночная система не совместима со здоровым государственным организмом.

***

Чтобы поддерживать уважение, доверие к себе в народе, а значит создавать в обществе здоровое правосознание, государственная власть должна быть не только инструментом принуждения, организующей силой, но и явлением **культурным и нравственным**. Она должна перестать быть феноменом, собирающим вокруг себя глупцов и негодяев, но сделаться **центром притяжения к себе всего самого достойного, образованного, умного и талантливого в обществе**.

«Народ ищет наверху у власти, – писал К.П. Победоносцев в очерке «Власть и начальство», – защиты от неправды и насилий, – и стремится там найти нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности. Благо народу, когда есть у него такие люди – в числе его правителей, судей, духовных пастырей и учителей возрастающего поколения. Горе народу, когда в верхних властных слоях общества не находит он нравственного примера и руководства: тогда и народ поникает духом и развращается.

В социальном и экономическом быте прежнего времени история показывает нам – *благородное сословие* людей, из рода в род призванных быть не только носителями власти, но и попечителями о нуждах народных и хранителями добрых преданий и обычаев. Если суждено такому сословию возродиться в нашем веке, – вот в чём должны состоять основы бытия его и сущность его призвания:

- служить государству лицом своим и достоинием;
- быть в слове и деле хранителем народных добрых преданий и обычаев;
- быть ходатаем и попечителем народа в его нуждах и защитником от обиды и насилий;
- советом и примером поддерживать добрые нравы в семье и обществе;
- не увлекаться господствующею в обществе страстью к приобретению и обогащению и чуждаться предприятий, обычных для удовлетворения этой страсти».¹

Можно назвать наивным предложенный Победоносцевым идеал правящей элиты, но спросим себя: возможно ли существование мало-мальски достойного государства без группы управленцев, обладающих такими качествами? И не окажутся ли бессмысленными любые государственные реформы, любые меры по переустройству государственной власти, если на высших должностях не будет людей, отвечающих сформулированным Победоносцевым требованиям? А если новый государственный строй не будет способствовать приходу к власти таких людей, то зачем он нужен? Зачем тогда менять старый строй на новый? Разве замена одних

---

¹ *Победоносцев К.П.* Власть и начальство // Московский сборник. Издание К. П. Победоносцева, пятое, дополненное. – М., 1901. С. 315–316.

пороков государственного организма на другие есть реформа?

19 октября 1836 года Александр Сергеевич Пушкин написал в черновике письма к Петру Яковлевичу Чаадаеву удивительные слова о российском государстве, которое обыкновенно клеймил позором: «Что надо было сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что **правительство все еще единственный европеец в России**. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (выделено мною – *В.Т.*). Подобное невозможно сказать о правительстве современной России. И не только потому, что его чиновники не отличаются особой образованностью и умом, но также по другой – более существенной причине.

Что делает государство культурным явлением? – Государственная идеология, носителем которой оно является. Но какую государственную идеологию «носит» наше современное российское государство? Действующая ныне Конституция России устанавливает в статье 13, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но разве может нормальное государство существовать без собственной государственной идеологии? И как можно поддерживать здоровое правосознание, культивировать уважение к государству и его законам, если у него нет своей идеологии, если оно не имеет собственной системы духовных ценностей, не может показать высокий смысл своего существования?

Исторический опыт показывает, что наличие государственной идеологии составляет одно из главных условий существования любого нормального государства. Такая идеология имела, например, в Древнем Египте: она определяла место носителя верховной государственной власти в мироздании, его роль в жизни общества, функции подчиненного ему государственного аппарата, устанавливала иерархию сословий, освящала правопорядок.¹ Государственной идеологией обладало и такое древневосточное государство, как Вавилон. Основные ее постулаты были выражены в прологе и эпилоге к «Законам Хаммурапи». Развитую и постоянно развивавшуюся систему государственной идеологии имел Древний Рим. Становление основ современного бюрократического государства, происходившее в Европе в XVI–XVIII веках, было процессом формирования не только институтов государственной власти, но и соответствовавших им доктрин государственной идеологии: теории абсолютной монархии или доктрины «смешанного правления», теории «общественного договора», концепции «господства права» и др.

В истории русской государственности государственная идеология имела особое значение. Она представляла собой не просто совокупность политических и правовых идей и доктрин, раскрывавших высокое предназначение государственной власти и тем самым поддерживавших ее авторитет. Русская традиционная государст-

---

¹ См. об этом в книге: *Томсинов В. А.* Государство и право Древнего Египта. М.: Зерцало, 2011. С. 170–285, 376–380.

венная идеология одновременно играла роль социо-нормативного регулятора, задавая носителям государственной власти определенное мировоззрение, определенную программу политического поведения. Она являлась одной из важнейших цивилизационных основ русской государственности.

Государственная идеология, вбирающая в себе возвышенные стремления нации, программирующая определенное политическое мировоззрение и поведение для носителей государственной власти, составляет духовное содержание государственно-го организма. Она одухотворяет государственную деятельность и способствует развитию в обществе здорового правосознания.

Источники и использованная литература:

1. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
2. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. – Мюнхен, 1956.
3. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // *Ильин И.А.* Собрание сочинений; в 10-ти тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М., 1993. Т. 1.
4. *Ильин И. А.* Теория права и государства / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2003, 2008.
5. Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. – М., 1901.
6. *Никонов В.А.* Крушение России. – М.: Вече, 2012.
7. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. – М., 1923.
8. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. – Пг.: Алконост, 1921.
9. *Томсинов В.А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. – М.: Зерцало-М, 2010.
10. *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. – London, 1992.

Tomsinov V.A.

Crisis of justice sense as cause of states' destruction

The article shows on the basis of global historical experience that the main danger for the statehood of any country always comes first of all from the ruling group. The bearers of state power are able through their actions to destroy the legal order and to bring about a revolution even in a country where the economy was developing steadily and there is a stable political regime.

Keywords: crisis, sense of justice, revolution, state.

Миронов Б.Н.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как издержки, или побочный продукт успешной модернизации. Конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств – военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Ключевые слова: Русская революция 1917 года, марксизм, теория модернизации, Великие реформы 1860-1870-х годов.

Огромное большинство работ о революции 1917 года, опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме. Поскольку тогда она являлась нормативной, то вольнодумство было возможно в весьма ограниченных пределах. Прошло 22 года после второго пришествия капитализма в Россию, но парадигма остается влиятельной, несмотря на утрату монополии, в значительной степени потому, что не предложено новое объяснение революционных событий. В некоторых работах она сохранилась в девственной чистоте, в других – в несколько осовремененном виде, в том числе в учебной литературе. Ушли из употребления многие одиозные классовые оценки событий, ослабли или сошли на нет славословия в адрес одних действующих лиц и поношения в адрес других, но основная аналитическая схема во многих работах мало изменилась – российская империя накануне Первой мировой войны находилась в системном глобальном кризисе, который привёл к революции. До сих пор широко распространено мнение, что если империя погибла, значит, она находилась в состоянии глобального системного кризиса в предшествующий период, а революция являлась необходимой, закономерной и благодетельной. Логично, но не всегда правильно. Разрушиться и погибнуть государство может и без кризиса, например в результате войны, если соперник намного сильнее. Кризис далеко не всегда является признаком несостоятельности какого-либо режима в политическом, социальном и экономическом смысле. Он может быть временным и преходящим, как кризис подросткового возраста у человека, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, а не об упадке. Главными источниками кризиса считаются запаздывающие и половинчатые реформы, не поспевающие за жизнью, и отсталая архаическая политическая система, т.е. противоречия между социально-экономической и политической структурами социума. Ленинизм умер. Да здравствует ленинизм!

Миронов Борис Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Впервые опубликовано: Социологические исследования. – 2013. № 10. С. 29–39.

В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как результат конфликта традиции и современности. Этот конфликт можно назвать *системным кризисом*. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, – как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспособливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца*. Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшей реальностью в силу особых обстоятельств – военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

В историографии существует два взгляда на революционные события 1917 года. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию гражданской войны. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно, и правительство являлось *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным – большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции.

В таком случае можно говорить о трех революциях в России XX века: Первая русская революция 1905–1907 гг., Вторая русская революция 1914–1920 гг., Третья русская революция 1985–1993 гг. (от начала перестройки до претворения в жизнь реформ Е. Гайдара включительно).

Россия после Великих реформ

В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. В 1861–1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года уве-

личился в 3,8 раза, а на душу населения – в 1,6 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост населения, о котором в настоящее время даже мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличивалось за эти годы почти на 2 млн. ежегодно. Душевой прирост объёма производства составлял 85 процентов от средневропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно – это даже на 0,1 больше, чем в СССР в 1929-1941 гг., и только на 0,2% меньше, чем в США, – стране с самыми высокими темпами развития в мире в то время.¹ Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881-1885 гг. по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3%.² Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало средневропейскими темпами.

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния, другими словами, индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства и, значит, происходила не за его счёт, как общепринято думать. На чём основывается такое заключение? О повышении уровня жизни свидетельствуют следующие факты.

(1) Увеличение с 1850-х по 1911-1913 гг. реальной подневной платы сельскохозяйственного рабочего 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза.³

(2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах – в 1,7 раза⁴ (за более раннее время сведений не имеется).

(3) Увеличение между 1886-1890 и 1911-1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%.⁵

(4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г., у пролетариев числа рабочих часов с 2952 в 1850-е до 2570 в 1913 г.⁶

(5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862-1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн. десятин земли, заплатив за нее огромные деньги – 971 млн. руб. – это в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8% в 1877 г., 14,5% в 1887 г., и 21,6% в 1910 г., а относительно всей частновладельческой земли – соответственно 6,2%, 13,1% и 25%. Причём, почти половина (46%) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами.⁷

---

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв): Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. С. 22–23, 61–62.

² *Rather S., Soltow J.H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. – New York: Basic Books, 1979. P. 385.

³ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. 2-е изд. – М., 2012. С. 429.

⁴ *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. – М., 1979. С. 444.

⁵ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения... С. 530.

⁶ Там же. С. 457; *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да огнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. – М., 1999. С. 277.

⁷ Подсчитано по данным: *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). – СПб., 1911. С. 81, 133–137; Статистические сведения по земельному вопросу в Европей-

(6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах – самом популярном банке в России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 гг. по 1909-1913 гг. число кладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей – в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика – в 2,7 раза, с учётом инфляции – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны – в 228 раза, с учётом инфляции – в 145 раз. Вкладчики касс делились на профессиональные группы, среди которых выделялись «работники». К последним относились лица, занятые в земледелии и промышленности, т.е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие. Их доля среди клиентов банков увеличилась с 9% в 1865–1869 гг. до 33% в 1909-1913 гг., а доля во вкладах – соответственно с 11% до 33%. В 1913 г. их число достигло 7,6 млн., среди них на долю женщин приходилось около 43%, а мужчин – 57%. Если принять, что мужчины представляли целую семью, то получается: только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн. семей, обнимающих до 26 млн. человек (поскольку в среднем семья включала 6 человек), т.е. 21% жителей Европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь часть накоплений «работников»: многие крестьяне держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс, имелись и другие кредитные учреждения.

(7) Существенное и систематическое увеличение конечной (т.е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791-1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0 см) и веса за 1811–1915 годы – на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5 кг) даёт уверенность в том, что благосостояние крестьянства действительно повысилось. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811-1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился – с 21,8 до 23,3.¹

(8) Рост с 1863 г. по 1906-1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на душу населения.²

(9) Увеличение с 0,171 до 0,308 – в 1,8 раза индекса развития человеческого потенциала, который учитывает (а) продолжительность жизни; (б) уровень образования (грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста); (в) валовой внутренний продукт на душу населения (ВВП) (см. табл. 1 ниже).

Таблица 1. Индекс развития человеческого потенциала в России в 1851-1914 годы (без Финляндии)

Годы	Население, млн.	ВВП на душу населения*		Образование**			Средняя продолжительность жизни		Индекс развития человеческого потенциала
		Дол.	Индекс	Грамотность, %	Учащиеся, %	Индекс	Лет	Индекс	
1851—1860	73,5	701,0	0,381	14	1,4	0,098	27,1	0,035	0,171
1861—1870	78,4	675,9	0,374	17	1,9	0,120	27,9	0,048	0,181

ской России. – СПб., 1895. С. 35; Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб., 1907. С. 11–17.

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения... С. 213, 216–218, 372–374.

² Там же. С. 457.

1871—1880	91,7	666,4	0,372	19	2,3	0,134	28,8	0,063	0,190
1881—1890	110,6	679,9	0,375	22	2,5	0,155	29,7	0,078	0,203
1891—1900	125,8	790,7	0,402	28	3,5	0,198	31,2	0,103	0,234
1901—1910	147,6	928,1	0,430	33	5,5	0,250	32,9	0,132	0,271
1913	171,0	1036,0	0,449	40	7,9	0,293	36,0	0,183	0,308

* В долларах США 1989 года. ** Без Польши и Финляндии.

Источники: *Миронов Б.Н.* Благополучие населения... С. 536.

Приведённые данные (с учётом умеренной имущественной дифференциации)¹ со всей очевидностью свидетельствуют о том, что благополучие народа в пореформенное время повышалось.

Прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 60-х гг. XIX века, сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники – с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства – с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство – в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой – ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 году все категории крестьян и городских обывателей сравнялись по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднились, и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX – начале XX вв. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из

¹ В 1901–1904 гг. децильный коэффициент дифференциации доходов, показывающий, во сколько раз средний доход 10% самых богатых превышает средний доход 10% наименее обеспеченных граждан, составлял примерно 6,3. – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения... С. 605.

общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны после Великих реформ также следует признать достаточно успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905-1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи добровольных ассоциаций – все элементы гражданского общества.¹ В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением посредством законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Если в середине XIX в. последних насчитывалось несколько десятков, то накануне Первой мировой войны общее число (благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов и других обществ) в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (в 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, ок. 5 тыс. благотворительных обществ (4 958 в 1898 г.) и сотни ассоциаций другой специализации, включавшие миллионы человек – только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн. членов. Во время войны, воспользовавшись слабостью правительства, либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу новых общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что до войны запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 году сеть этих тесно связанных организаций покрыла всю Россию. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.), существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов, все равно к осени 1917 года их общее число превысило 90 тыс., охватив до половины взрослых жителей страны. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими.²

Таким образом, политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов со-

---

¹ Миронов Б.Н. Историческая социология России. – СПб., 2009. С. 391–432.

² Миронов Б.Н. Благополучие населения... С. 636.

словного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой – желание общественности разделить с царём и правительством власть пропорционально фактическому соотношению сил. На этой почве между ними естественно возникло противостояние. В его основе лежала борьба за власть. Либерально-радикальная интеллигенция чувствовала в себе силы и знания вывести Россию из тяжелого положения, в котором, по ее мнению, находилась страна, поэтому претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть лечить, помогать и управлять.

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности.¹ Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения при этом росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки.

Как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму, с развитием всякого рода протестных движений, которые в конечном итоге привели к революции 1917 г.? Современная теория модернизации объясняет этот парадокс.

1. Издержки процесса модернизации

В настоящее время некоторые социальные исследователи, перепутав моду с объяснительной ценностью модернизационной парадигмы, и по причине слабого знакомства с мировой литературой списали ее в архив, объявив устаревшей. На самом деле, слухи о смерти концепции оказались сильно преувеличенными. Похоронные мотивы звучат по трём причинам: трактовки модернизации порой грешат схематизмом, сводят описание процесса к взаимодействию абстрактных категорий; нередко в исторических исследованиях процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной экономики и ценностей либеральной демократии; историки, работающие в рамках модернизационной парадигмы, часто ориентируются на модернизационные исследования классической поры, т.е. полувековой давности. Однако за последние 50 лет концепция развивалась и в своем современном виде существенно отличается от того, чем была в момент своей наибольшей популярности в 60-е гг. XX века. Неомодернизационная перспектива разработанная в современной социологии придала ей новый импульс. Теория модернизации оказалась более прагматической и работоспособной по сравнению с другими влиятельными в современной России макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций.² И, на мой взгляд, она хорошо объясняет как историческую динамику России XVIII – начала XX вв., так происхождение и непосредственные причины русской революции 1917 года.

---

¹ *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt* / Ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. – Boulder (CO): Westview, 1985. P. 131–147.

² *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006.

Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное – именно того процесса, который происходил в России в имперский период. Согласно теории, модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс трансформации социума шёл по всем линиям одновременно или разновременно. В частности, суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите.

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено множество подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек и даже жертв, что ведёт к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем. «Осовременивание» различных сфер общественного организма осуществляется асинхронно, порой одних за счёт других, что приводит к противоречиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. В много-этнических странах модернизация способствует обострению национального вопроса. Все это имеет одно фатальное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причём, чем быстрее и чем успешнее идёт модернизация, тем, как правило, выше конфликтность. Как это не покажется парадоксальным российскому читателю, революции, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. «Нет ничего более ошибочного, – заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, – чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных».¹ *Быстрый экономический рост* является *важнейшей предпосылкой революции* и подобная зависимость «характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции» в период ранней модернизации. Нидерландской революции XVI века предшествовал быстрый экономический рост, затронувший как в промышленность, так и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI века и до начала революции и гражданской войны наблюдался быстрый промышленный рост. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII века, а период с 1760 по 1790 г. характеризуется успешным промышленным развитием и рассматривается как первая фаза промышленной революции. Германия в период, предшествующий революции 1848 г., переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (Мексика, Иран и др.). Предреволюционные режимы и здесь проводили сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое при-

---

¹ Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. – N.Y.: Vintage Books, 1965. P. 60.

влечение иностранного капитала.¹ Этот тезис им представляется настолько важным, что они посвящают ему целую главу. Действительно, исследователи неоднократно подчеркивали связь успешного экономического развития с вызреванием предпосылок революции. В одной из своих ранних, ставшей классикой по проблемам модернизации, С. Хантингтон установил наличие «прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью».² Известный американский экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост «важнейшим дестабилизирующим фактором», более того – «основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности».³

Россия не стала исключением. Российская модернизация проходила под флагом европеизации, а точнее – вестернизации, и затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние, западные регионы (и соответственно этносы, в них проживающие) – сильнее восточных, город – больше деревни, столицы – интенсивнее остальных городов. Все это приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (аграриями и промышленниками), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами. Важным негативным последствием модернизации стал социально-культурный раскол общества на образованное меньшинство, принявшего вестернизацию, и народ, в массе оставшегося верным традиционным ценностям. В свою очередь тонкое европеизированное меньшинство не было единым с точки зрения системы ценностей, политических ориентаций и социальных идеалов. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем всё более усиливались. Наконец, наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме роста социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, преступности и т.д. *Именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.*

2. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции

Рост различных форм социального и политического протеста при улучшении жизни хорошо объясняют теории девиации, потому что все протестные движения можно отнести к девиантному поведению – протестующие не согласны с официально утверждаемыми целями жизни, со средствами их достижения или в целом с существующими порядками. Теории аномии, социальной дезорганизации и социального напряжения наилучшим образом объясняют всплеск протестного / отклоняющегося поведения в пореформенное время.

Великие реформы 60-х гг. XIX века, коренным образом изменившие условия существования и правила поведения, *во-первых*, породили дезориентацию, так как

---

¹ Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путин. 2-е изд. – М., 2004. С. 39–40.

² Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. – Princeton: Yale University Press, 1968. P. 51.

³ Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // When Men Revolt and Why / Ed. by J.C. Davies. 2nd ed. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. P. 216.

социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность (теория аномии). *Во-вторых*, прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, чрезвычайно ослабел, и в обществе проявились черты дезорганизации (теория дезорганизации). *В-третьих*, возникло невиданное прежде по масштабам противоречие, или напряжение, между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения (теория напряжения).¹ Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора. Именно дезориентация, или разрегулированность, дезорганизация и рост напряженности в обществе способствовали росту протестного/отклоняющегося поведения.

Уровень девиации в обществе до некоторой степени отражает преступность, поскольку включает основные формы отклоняющегося поведения. В России XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности: достигнув определенного рубежа, она стабилизировалась, но не снижалась. Были два исключения — царствование Николая I и сталинская эпоха, в обоих случаях преступность возвратилась к показателям конца XVIII в. – времени расцвета крепостничества. Значительное увеличение преступности происходило трижды: после Великих реформ 1860-х гг. – в 2,7 раза (1851–1860 гг. в сравнении с 1883–1889 гг.), после революции 1917 г. – в 3 раза (1911–1913 гг. в сравнении с 1921–1924 гг.), после реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. – в 2,6 раза (1981–1985 гг. в сравнении с 2006–2010 гг.).² Изменение преступности происходило скачками – в годы либеральных реформ она повышалась, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла. Само по себе благосостояние не являлось главным фактором, обуславливавшим уровень криминогенности. Последняя имела тенденцию уменьшаться в периоды усиления социального контроля со стороны общественных и государственных структур и ограничения личных свобод и, наоборот, увеличиваться, когда контроль ослабевал и свободы становилось больше.

Профессиональный и социальный состав правонарушителей позволяет до некоторой степени оценить степень неудовлетворенности жизнью отдельных социальных групп. В конце XIX – начале XX вв., с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении), на первом месте были рабочие (11,2), на втором – лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем – торговцы (1,9), на четвертом – промышленники и ремесленники (0,9), на пятом – крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн. рабочих приходилось около 30% всех осужденных. Рабочие, в подавляющем числе крестьяне по

---

¹ Гилинский Я.И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. – СПб., 2007. С. 99–154.

² Гилинский Я.И. Девиантология. С. 218, 223; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. 3-е изд. – СПб., 2003. Т. 2. С. 85; Инишаков С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm) (дата обращения: 6.01.2011).

сословной принадлежности, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в деревне. Бóльшая преступность свободных профессий, торговцев и предпринимателей, в массе более состоятельных, чем крестьяне, свидетельствует о том, что бедность, хотя и являлась криминогенным фактором, сама по себе не оказывала решающего влияния на увеличение преступности. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности (отношение доли представителей сословной группы в общем числе осужденных к доле лиц этой группы в населении), в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе – мещанам и ремесленникам (1,7), третье – дворянам и чиновникам (1,5), четвёртое – крестьянам (0,9), пятое – духовенству (0,3–0,4). Крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. После эмансипации влияние материального фактора на преступность возросло в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность посредством его сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводило многих небедных людей в искушение решить материальные проблемы преступным путём.¹

Если преступность (так же как самоубийства и убийства) отражает недовольство, фрустрацию и агрессию², то следует признать: в конце XIX – начале XX вв. интеллигенция и рабочие являлись самыми неудовлетворенными социальными группами. Их агрессия обуславливалась специфическими условиями их существования и особенностями менталитета.³ Высокая преступность рабочих объяснялась их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, освобожденные от контроля семьи и общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувствовали себя отчужденными, что и служило источником антиобщественного поведения и негативных психических состояний.

Причина недовольства интеллигенции была иной – она была не удовлетворена не столько своим материальным положением, сколько недостаточным, на её взгляд, влиянием на проходившие в стране социальные и политические процессы. В начале XX века наиболее активная часть интеллигенции, часто называемая общественностью, была уверена, что вполне созрела для активного участия в государственном управлении. Как утверждал либерально мыслящий ученый Ф.И. Вернадский: «Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству», хотели легально заниматься политикой.⁴ Об этом свидетельствует «Записка», опубликованная в январе 1905 года, после кровавого воскресенья, подписанная 1762 преподавателями российских университетов – практически всем преподавательским корпусом. В ней высказывалось требование привлечь выборных пред-

---

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 95.

² Гилинский Я.И. Криминология... С. 67–68; Сидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. – 1990. № 4. С. 74–79.

³ Huret R. All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History // Journal of Policy History. – 2009. Vol. 21. No. 3. P. 239–263.

⁴ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 73.

ставителей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией.¹

Хорошо известно, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, неизбежно сопряженной с отклоняющимся поведением, в том числе и преступного характера. В этом смысле само существование девиантности свидетельствует о наличии известного пространства свободы в обществе. «Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, – говорит Э. Дюркгейм, – ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией».² Действительно, самый низкий уровень преступности в России за последние двести лет наблюдался в последние годы сталинского режима – может быть, в самый мрачный период отечественной истории и поздравлять россиян с этим было бы не уместным. Чтобы общество развивалось, чтобы существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нём в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и для деструктивного деяния относительно традиции. Не случайно, наверное, рост преступности (деструктивного поведения) в пореформенной России сопровождался экономическим подъёмом, ростом изобретательства и творческой активности (конструктивного поведения). В 1861-1900 гг. сравнительно с 1825-1855 гг. преступность (если о ней судить по числу осужденных – наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений – в 13,2 раза (с 17 до 224 в год).³

Развитие протестных отношений хорошо объясняет также *теория относительной депривации (относительных лишений)*, делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов.⁴ Именно *относительная депривация* наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, чем располагали, и больше того, чем реально возможно было располагать иметь при имевшихся в то время экономических и финансовых ресурсах, низком образовании населения, невысокой производительности труда. Рост желаемых потребностей опережал увеличение предоставляемых возможностей, такая диспропорция, все увеличиваясь, оставляла всё меньше возможностей для мирного урегулирования. С 1870-х по 1911-1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих – на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г.

---

¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. – СПб., 1991. С. 76–77.

² Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Под. ред. Б.С. Никифорова. – М., 1966. С. 44.

³ Ревинский Д.О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. – М., 2002. С. 347.

⁴ Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.

он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-е гг. – в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, ещё в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чьё годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2 100 руб., т.е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей.¹ В период Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как быстро растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу. Двойная, или прогрессирующая, депривация – относительно претензий и относительно прежних реальных достижений – оказалась особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего ими с таким трудом удалось достигнуть. Американский социолог Дж. Дэвис утверждает, что подобная прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории (так называемая теория «J-кривой»)².

Усиление социальных, политических и экономических протестных движений проходило под решающим влиянием либерально-радикальной интеллигенции – именно она выступала лидером, организатором и непременным их участником, что являлось закономерным следствием её маргинальности в позднеимперской России. Само определение интеллигенции как специфической социальной группы, идентифицировавшей себя через оппозицию с капитализмом и самодержавием, отрицавшей господствующие в обществе цели и средства их достижения и предлагавшей свои³, говорит о её маргинальности. В терминах теории девиации Р. Мертона, у типичного русского интеллигента наблюдалась дисгармония между культурными целями и легальными (институциональными средствами), с помощью которых эти цели осуществляются. Одни практиковали инновацию, другие – ретретизм, третьи – бунт. Интеллигентов, если судить по числу лиц с высшим и средним образованием, насчитывалось в 1897 году в Европейской России около 774,6 тыс. (1,61% самостоятельного населения).⁴ К активным участникам протестных движений некоторые исследователи относят также люмпенов (463,5 тыс. в Европейской России в 1897 г.)⁵, появившихся в значительном числе в результате «выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, дававших человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию».⁶ Вместе это давало довольно значительное число лиц, склонных к отклоняющемуся поведению.

Можно утверждать: рост протестных движений в пореформенное время отражал не понижение уровня жизни, не кризис социума или государства – в смысле его неспособности управлять страной, а явился плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и граждан-

---

¹ Миронов Б.Н. Благополучие населения... С. 670–671.

² Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. No. 27 (1). P. 5–19; Davies J.C. When Men Revolt and Why. – New York: Free Press, 1971.

³ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – М., 1996. С. 96–98.

⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения... С. 587.

⁵ Общий свод по империи результатов разработок данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2-х тт. – СПб., 1905. Т. 2. С. 265, 293.

⁶ Хорос В.Г. Русская история... С. 116.

ской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий.

Итак, после Великих реформ 1860 – начала 1870-х гг. в России быстрыми темпами проходила модернизация, затронувшая все стороны жизни. Однако прогресс сопровождался негативными последствиями – дезорганизацией государственных и общественных структур и дезориентацией людей, ростом напряженности и конфликтности в социуме. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*, или *аномию успеха*. «Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки».¹

Конфликт традиции и модерна можно назвать системным кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, – как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца. Он не вёл фатально к революции, а лишь создавал для неё предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств. Осенью 1914 года, в тот момент, когда на страну обрушилось тяжелейшее испытание Первой мировой войной, модернизация находилась на марше; болезненные российские общественные проблемы: аграрная, рабочая и национальная, социально-экономическое неравенство, культурный раскол общества, низкий уровень жизни, несмотря на его повышение, – успешно решались, но еще не были решены. Бремя войны, которое, напомним, не выдержала даже такая модернизированная во всех отношениях страна, как Германия, оказалось очень тяжёлым. Однако Россия имела предпосылки выйти из войны победительницей (вместе со своими союзниками), если бы не ожесточенная борьба за власть между монархией и радикально-либеральной оппозицией, преступно подтолкнувшей в условиях тяжелейшей войны народ к свержению Николая II. Революция проходила по классическому сценарию – кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создавших «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура. Вследствие безответственного поведения либеральных и революционных элит страна на несколько лет погрузилась в хаос и гражданскую войну.

---

¹ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. – М., 2005. С. 474, 491.

Источники и использованная литература:

1. *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. – СПб., 1991.
2. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.
3. *Гишинский Я.И.* Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. – СПб., 2007.
4. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв): Новые подсчеты и оценки. – М., 2003.
5. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Под. ред. Б.С. Никифорова. – М., 1966.
6. *Инишаков С.М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // URL: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm) (дата обращения: 6.01.2011).
7. *Мионов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. – М., 1999.
8. *Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. – М., 2012.
9. *Мионов Б.Н.* Историческая социология России. – СПб., 2009.
10. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. 3-е изд. – СПб., 2003. Т. 2.
11. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2-х тт. – СПб., 1905. Т. 2.
12. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006.
13. *Ревинский Д.О.* Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. – М., 2002.
14. *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). – СПб., 1911.
15. *Смидович С.Г.* Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. – 1990. № 4. С. 74–79.
16. *Стародубровская И.В., Май В.А.* Великие революции: От Кромвеля до Путин. 2-е изд. – М., 2004.
17. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб., 1907.
18. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. – СПб., 1895.
19. *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. – М., 1979.
20. *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953.
21. *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. – М., 1996.
22. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества. – М., 2005.
23. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. – N.Y: Vintage Books, 1965.
24. *Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. No. 27 (1). P. 5–19.
25. *Davies J.C.* When Men Revolt and Why. – New York: Free Press, 1971.

26. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. – Princeton: Yale University Press, 1968.
27. *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History // *Journal of Policy History*. – 2009. Vol. 21. No. 3. P. 239–263.
28. *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force // *When Men Revolt and Why* / Ed. by J.C. Davies. 2nd ed. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1997.
29. *Rather S., Soltow J.H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. – New York: Basic Books, 1979. P. 385.
30. *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt* / Ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. – Boulder (CO): Westview, 1985. P. 131–147.

Mironov B.N.

Russian revolution of 1917 as by-product of successful modernization

In article the analysis of the Russian revolution of 1917 through a prism of the theory of modernization in the light of which this revolution appears as expenses, or a collateral product of successful modernization is offered. The conflict of tradition and the present didn't lead fatally to revolution, and only created for this revolution an opportunity, become reality owing to special circumstances – military defeats, difficulties of a wartime and ir-reconcilable and fierce race for power between the oppositional public and the monarchy.

Keywords: Russian revolution of 1917, Marxism, theory of modernization, Great reforms of 1860s – 1870s years.

Начапкин М.Н.

И.А. ИЛЬИН О КОНСЕРВАТИЗМЕ, ВЛАСТИ И ПРИНЦИПАХ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ

В статье анализируются взгляды И.А. Ильина об истории России, власти, государстве. Раскрываются элементы плана консервативного преобразования страны. Доказывается актуальность идей консерватизма для современной России.

Ключевые слова: консерватизм, власть, государство, традиция, элитизм, иерархия, самобытность.

Находясь в эмиграции в Швейцарии, в период с 1948 по 1954 гг., русский религиозный мыслитель Иван Ильин написал несколько десятков статей для эмигрантской организации «Русский Обще-Воинский Союз» (РОВС), объединённых в 1956 году в два тома под названием «Наши задачи». Он был патриотом, постоянно думающим о России, её прошлом, трагическом настоящем положении и возможных путях её возрождения после господства большевиков-интернационалистов. Его мировоззрение с полным основанием можно оценить как правое, консервативное. Одна из статей 1928 году в эмигрантской печати мыслителя так и называлась «Победит правое дело». Спустя 11 лет после большевистской революции Ильин писал единомышленникам: «Сколь бы ни было вам трудно в жизни и тяжело на душе – вам беззаветно любящим Россию – верьте: победит правое дело! И потому никогда не смущайтесь засильем зла: оно временно и преходяще. Но ищите, прежде всего, и больше всего правоты: только она воистину жизненна; и только в ней зародится и из неё восстанет новая жизненная сила, ведущая, спасающая и направляющая...».¹

Консерватизм представляет собой политическую философию, выступающую за сохранение традиционных основ государственной, общественной, культурной, религиозной жизни, в противовес, как космополитическому либерализму, так и деспотическому социализму. Важнейшими ценностями этого мировоззрения являются: принцип уважения исторических традиций, поддержание социального порядка, необходимость сохранения сильной, в своей основе Православной государственной власти, территориальной целостности и единства страны, элитизм, иерархия (ценность власти, авторитета или подчинения), органицизм (представление о развитии общества и государства как живого организма), защита семьи, самодисциплина, отстаивание самобытного пути развития, антизападничество. Следует также добавить, что консерваторы выступали за эволюционный путь развития, так как революция представляла для них совершенно безумный процесс разрушения веками накопленного жизненного опыта, бытового уклада, сформированной веками культуры, в которых воплотился генотип русского народа.

Начапкин Максим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Института гуманитарного и социально-экономического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

¹ *Ильин И.А.* Родина и мы. Статьи. – Смоленск, 1995. С. 233.

Для Ивана Александровича Ильина одной из важнейших тем его творчества стала тема сильной государственной власти. Актуальными и сегодня являются его размышления о государственной власти, ее задачах и границах действия. Задача государственной власти по Ильину «...сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствию всем злым и обязательным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли»¹. Будущая Россия должна быть страной с сильной государственной властью. Он обосновывал её необходимость всем опытом прошедшей истории, особенностями народного характера, обстоятельствами внешней и внутренней политики. Его симпатии были на стороне монархической власти. Сильная монархическая государственная власть создала Россию. Одна из его статей называлась «Когда Россия была республикой». Иван Александрович подробно рассмотрел историю Древней, Средневековой, Имперской Руси-России и сделал вывод, что никогда в своей истории Россия не была республикой: «С древнейших времен и до самой февральской революции – никогда; ни в Киевский период; ни в Суздальско-Московский период; ни в Смутное время; ни тем более в Императорскую эпоху русской истории».² Даже политический строй Новгородской Руси сочетал в себе черты республиканские с чертами монархическими. Однако с начала XII века в Новгороде при таком смешанном правлении постепенно стала намечаться тенденция к ограничению княжеской власти. Так с 1125 года посадник стал назначаться не князем, а воеводой. Князь без посадника уже не давал грамот, ни волостей, ни суда. Словом, князь превратился в «полубесправного» наёмного чиновника. Ограничение прав княжеской власти, в свою очередь, привело к ослаблению Великого Новгорода: «Огромная территория Новгородского Севера требовала сильной власти, а между тем власть “Господина Великого Новгорода” слабела от внутреннего расслоения на классы, от партийных распрей и интриг».³ Вечевой порядок, справлявшийся с делами одного города, не справлялся со сложным торговым хозяйством великого Севера. Ильин оправдывал политику московских государей в отношении Новгорода. Он считал, что его присоединение к Москве было органической необходимостью, так как нельзя было допустить захвата его Ливонским орденом. Таким образом, сильная государственная власть была необходима для отпора внешним врагам: «Россия как единый народ и единое государство, могла спастись от напора других народов только монархическим единением, а не вековыми интригами и драками».⁴

Важно отметить, что сильная государственная власть для мыслителя не имела ничего общего с тоталитарной властью. В статье «О сильной власти», написанной в 1951 году, он отмечал, что монархическая власть, даже при Иване Грозном не покушалась на тоталитарное ведение жизни, хозяйства и культуры. Большевицкая власть представляла для него насильственное попрание жизни, самостоятельности и свободы. Он призывал русскую эмиграцию, в случае прихода к власти после падения большевизма, крепить национально-государственную власть «...в её

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: в 10-ти тт. – М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 411.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 293.

⁴ Там же.

конституционном строении, в её государственном направлении, в её волевой энергии, в её блюдении права и свободы...».¹ При этом учёный полагал, что государственная власть должна иметь определенные ограничения. Человек для него представлял живой организм, который нельзя было настраивать как машину. Критикуя советский тоталитаризм, принесший русскому народу только разорение, горе и унижение, Ильин писал: «Дух человека живёт не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудоуую инициативу человеческого инстинкта – нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувства достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания – противоестественно и нелепо».² Таким образом, выступая против тоталитаризма, консерватор утверждал, что всё, что требует свободного дыхания, творческой инициативы, не должно подлежать властному распоряжению государственной власти.

Таким образом, необходимость для России сильной государственной власти была чётко аргументирована Иваном Александровичем. Он отмечал, что есть государства, которые могут существовать при сравнительно слабой власти. Когда и при каких условиях государство может обойтись без сильной власти? Во-первых, при маленьком размере государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти: «Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его... Чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. Поэтому территориально размеры России требуют сильной власти».³ Второй причиной необходимости слабой власти является малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Для России, как многочисленной страны, необходима сильная власть, так как голос слабой власти не сможет создать политическое единодушие в государстве.

Ильин также отмечал, что сильная власть нужна России из-за особенностей национальной психологии русского народа. Он писал, «что ... русский народ всегда был склонен к состоянию полу-анархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?... Февральская революция это наглядно показала?».⁴ Его отношение к власти, возникшей во время Февральской революции, было резко отрицательным. С конца XIX века отечественные либералы вели борьбу за прекращение злоупотреблений исторической царской власти, выдвинув лозунг «Борьба за новую, лучшую власть!». Ильин сделал правильный вывод, что фактически эта борьба за «новую», «лучшую» власть привела к подрыву государственной организации. Кадеты и октябристы, придя к власти, по оценке Ильина, создали бессильную, беспомощную, раздробленную и слабую власть. Либералы выдвинули к власти людей незначительных, безвольных и зависимых от политической закулисы и, тем самым, создали сущее государственное

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 404.

² Там же. С. 411.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же. С. 407.

безвластие.

Слабая власть возможна в тех государствах, где хорошо развиты пути сообщения. Напротив, сильная власть необходима в тех странах, которые имеют большие размеры и слабо развитые пути сообщения. Ярким примером страны с плохими дорогами и слабым распространением телефонной связи была Россия.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения страны также очень сильно влиял на характер государственной власти. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных и климатических различий, тем легче управлять государством слабой власти. В России, сделал вывод Иван Александрович, число религий и вероисповеданий доходит до 30, а национальных и языковых групп до 170: «Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень – дифференцированы в высшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличии сильной и мудрой власти».¹

Сильная власть, считал Ильин, была необходима России и для реализации великодержавных задач страны и организации обороны. Со сложной международной проблематикой страны не способна справиться слабая власть. Кроме того, такая власть неспособна вести войну, так как война требует концентрации воли и дисциплины. Как известно, Ильин не предрекал будущей России непременно монархической формы правления. Тем не менее, в «Наших задачах», обосновывая необходимость сильной власти, он выступает за монархию: «Спать внутренне множество в органическое единство: поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа... – всё это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасющейся “сроков”, не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою миссию из десятилетия в десятилетие».²

Важной причиной для установления сильной государственной власти является низкий уровень правосознания в стране. Ильин считал, что «Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступления; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг другу, граждан к власти и власти к гражданам».³ Он старался доказать, что сильная государственная власть необходима в стране, где правосознание имеет тяжелое историческое наследие: удельные раздоры, татарское иго, смуту, кочевой и разбойничий юго-восток, восстания Разина и Пугачева, дворцовые перевороты, революционные движения XIX – XX вв., правление большевиков. В своих статьях Ильин также много писал об особом укладе души русского человека, который можно было охарактеризовать как недисциплинированность, индивидуализм и тягу к анархии. Все это, вместе взятое, выработало в русском народе такое правосознание, которому импонирует только сильная власть. Он сделал вывод, что слабая власть всегда будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад.

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 408.

² Там же. С. 408.

³ Там же. С. 409.

Таким образом, обоснование сильной государственной власти было связано со следующими особенностями русской истории: «Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины – русский народ был поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз, и ныне, в революции, вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды тогда, когда вызывается к жизни, закрепляется и ведётся импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом. Именно поэтому России необходима сильная власть».¹ Можно согласиться с тезисом Ильина, что сильная государственная власть была необходима для обуздания анархических наклонностей русской натуры. Он не разделял оптимизма, присущего либералам, анархистам, которые считали, что человек добр от природы. Опыт прошедших революций и войн отвергает наивную предпосылку такого оптимизма: «Этот опыт показал недвусмысленно и ясно: человек есть существо сложное; заряженное страстями, но склонное иногда и к доброте; не зверь, но подчас с склонностью к зверству; расчётливое и жадное, но не лишённое совести; восприимчивое к божественным лучам, но и весьма удобопревратное ко злу...».²

Его внимание к характеру русского человека, его достоинствам и недостаткам было не случайно. Духовное возрождение и обновление России связано с изменением человеческих качеств. Он сделал правильный вывод, созвучный мнению другого русского консерватора – Н.М. Карамзина, что никакие реформы не могут быть успешными без внутреннего, духовного изменения человека: «Все великое и священное идёт изнутри – от сердечного созерцания; из глубины – от постигающей и приемлемой любви. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, то не поможет никакая внешняя форма..., никакое “избирательное право”, особенно всеобщее, равное и прямое».³ С этим выводом Ильина конечно нужно согласиться. Люди со злой волей не смогут совершенствовать жизнь, да и государственный строй сам по себе никогда не обеспечит человеку духовности, не сообщит ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Ильин писал, что России необходим новый человек, очищенный от слабостей, заблуждений прошлого и строящий себя по-новому. Для того чтобы создать нового человека, нужно справиться с соблазнами большевистской «свободы», «свободы» от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры. Русским людям следует преодолеть бесхарактерность, т.е. слабость и неустойчивость воли, тягу к анархии, неукрепленное чувство собственного духовного достоинства, удобособлазняемость душ, которая выражается в колебаниях между деспотизмом и пресмыканием, большой тяге к слепому подражательному западничеству, неверие в себя, и творческие си-

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 410-411.

² Там же. С. 82.

³ Ильин И.А. Наши задачи. Собрание сочинений: в 10-ти тт. – М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 39.

лы своего народа.

Важным элементом консерватизма Ильина была идея авторитета. Сила власти не должна определяться размерами посягательств на права граждан. Государственная власть – тоталитарная, забывающая свои пределы, прибегающая к террору и системе доносов, подминающая свободную, творческую жизнь граждан, неизбежно подрывает и компрометирует себя. Сила власти для него определялась народным уважением и доверием. Он отмечал 31 января 1951 года: «Сила власти есть, прежде всего, её духовно-нравственный авторитет, её уважаемость, её признаваемое достоинство, её способность импонировать гражданам».¹ Можно сделать вывод, что условиями появления сильной, авторитетной власти для Ильина были её духовный авторитет, религиозная убедительность, преданность национальному делу. Русский народ должен чувствовать, что это есть его национальная власть. Он писал, что власть, оторванная от Бога, будет чужда верующему сердцу. Лишь независимая от иностранных войск, партий, иностранного капитала, международных организаций государственная власть будет пользоваться доверием и уважением. Власть ассоциировалась для Ильина со словами «дух» и «воля». Рассуждая о характере русского человека, Иван Александрович писал: «Безволие и слабование не импонируют русскому человеку. Сам не имея зрелого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает... строгость, твердость – уговариванию, “дискуссиям” и колебаниям... Ему необходима императивная убедительность власти».²

В грядущей России, считает Ильин, следует найти верное сочетание государственных и личных интересов. Важно совместить личную творческую свободу человека с необходимостью сохранения сильной государственной власти: «Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно..., но оно не должно ослаблять силу государственной власти, это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета, силы»³. Он писал о необходимости создания такого строя, в котором лучшие основы монархии впитают в себя республиканское правосознание. Поэтому будущее государственное устройство России должно быть создано по образцу корпорации – учреждения, т.е. и по принципу властной опеки и по принципу учреждения. Корпорация строится снизу вверх равноправными членами – это есть общественное самоуправление: «...Каждый участник её полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации...».⁴ Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей пользы. Следовательно, государство строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Он утверждал, что чистого государства, т.е. организации публично-правовой, властно-повелительной, построенной по принципу – корпорация или учреждения не существует. Так идея «государства-учреждения», представленная в Англии началом монархическим, была способна ужиться с самым широким корпоративным самоуправлением. Ильин отмечал, что «...сторонники формальной де-

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 413.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. С. 415.

мократии считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательно оно превращено в корпорацию. А сторонники тоталитарного строя убеждены, что государство тем лучше организовано, чем последовательно всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение».¹ Мыслитель сделал вывод о том, что принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть, разложит государство и приведёт его к анархии. В то же время принцип учреждения, проведённый последовательно до конца, погасит всякую человеческую самодеятельность и свободу. Поэтому Иван Александрович много думал над тем как получить баланс государственного и личного интереса. Для него важно было избежать следующих опасностей: всевластия продажной бюрократии и анархического ослабления государства до системы маленьких и бессильных песчинок.

Для Ильина было очевидно, что старой, императорской России уже не вернуть. Разрушилась старая государственная форма, изменилось общество. Создание новой российской государственности потребует творчества новых государственных форм, нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля. Ильин отмечал, что форма «общественного договора» неосуществима в России: «Всенародный сговор с арифметическим подсчётом голосов быстро развалит русское государство».²

Важнейшей консервативной идеей была идея национальной самобытности. Она исходила из того, что Россия имеет свои духовно-исторические корни и призвана творить свою особую духовную культуру – культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Как и известный русский консерватор Н.Я. Данилевский, Ильин отмечал, что нет единой общеобязательной западной культуры, перед которой все остальное представляет собой варварство. Культура Запада не являлась для Ильина верхом совершенства. Она не соответствовала душевному укладу русского человека. Поэтому русским людям нужно порвать с практикой заискивания, унижения перед Западом. Нужно обращаться к Богу, творчески думать, не подражать соседям, искать русского видения.

Консервативные взгляды Ильина очень ярко выражены в его трактовке русской национальной идеи: «Она должна выражать русское своеобразие и в то же время – русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...».³ По глубокому убеждению Ивана Александровича русская идея есть идея созерцающего сердца, утверждающая в жизни любовь, добро и сочувствие.

Размышляя об очертаниях будущей России, Ильин также высказывает немало консервативных идей. Он считал, что, думая о будущей России, нужно исходить из её исторических, религиозных, культурных основ. В частности, это относилось и к мыслям о демократии и избирательной системе. Важна мысль Ильина о том,

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 100.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 419.

что демократия в мире далеко не всегда и не везде возможна. Для нее должны возникнуть предпосылки. Если же их нет, то демократия приводит к разложению и гибели. Кроме того, в мире не существует общепринятой системы голосования. Критикуя беспочвенную интеллигенцию, он писал: «Прошло время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у запада и перенести в Россию и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего ни у кого не может и не должна “заимствовать”. Она должна создавать... своё общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо».¹

Предметом пристального внимания Ильина была демократия – одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государств и власти, политический режим, обычно связанный с республиканской формой правления. Он критиковал формальную демократию. Размышляя о предпосылках творческой демократии, Ильин отмечал, что у части интеллигенции существует фанатичная вера во всеисилье формальной демократии. Он справедливо указывал, что формальная демократия, отдающая предпочтение количественным показателям и партийным интригам «... сводит всё государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоупотребления...».² Иван Александрович отвергал эту западную партийную демократию. История последних десятилетий показала, «... что демократия разваливается именно вследствие её партийного строения».³ Политическая партия рассматривалась им как союз граждан организовавшихся в стремлении захватить власть. Крайне негативное его отношение к партийному строю было связано с тем, что он разжигал честолюбие и партийное соревнование. Большинство голосов добывалось демагогической агитацией. Партийный принцип «... сводит политику к количеству и к формальным условностям. Он пренебрегает живым правосознанием и растит в народе дух гражданской войны».⁴ Нельзя также забывать, что основная задача грядущей России должна состоять в выделении лучших людей, нового правящего слоя, преданного стране и её народу, национально чувствующего, государственно мыслящего. При формальной демократии западного толка это сделать будет невозможно. Можно согласиться с утверждением Ильина, что тоталитарный строй появляется в результате качественного снижения и вырождения демократии.

Ильин выступал за творческую демократию и выделял следующие её предпосылки: 1) искусство свободы; 2) высокий уровень правосознания; 3) хозяйственная самостоятельность гражданина, способность кормить семью; 4) наличие хотя бы минимального уровня образования и осведомленности; 5) наличие политического опыта; 6) необходимость гражданского мужества. Он понимал, что будущая Россия столкнется со многими проблемами. Острой будет психологическая проблема: «тридцать-сорок лет подряд морили голодом, страхом и пыткой – людей отлучали

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 443.

² Там же. С. 450.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же.

от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти забивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями “диамата”».¹ Ильин правильно отмечал, что возрождение России займет длительное время, пока русский народ не стряхнет с себя навыки тоталитарного приказчика и подёнщика. Он сделал вывод, что, к сожалению, к творческой демократии Россия ещё не скоро будет готова. У русского народа отсутствует искусство свободы. Свободу он воспринимает как вседозволенность. Кроме того, после падения большевизма в стране окажется множество авантюристов, которые смогут найти свою опору в черни, отвыкшей от честного труда и жаждущих подачек, развлечений и авантюр. По уровню политической образованности также русский народ не готов к творческой демократии. Уровень политической образованности очень важен для выборного процесса. Избиратель должен разбираться в предлагаемых политических программах, давать оценку кандидатам. Если голосует необразованная толпа, то возникает не демократия, а охлократия (господство толпы). Ильин сделал правильный вывод, что после победы над большевизмом политически образованных людей будет очень мало: «Нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обдуманно морочили головы 30-40 лет, завтра станут “сознательными гражданами”, способными разобраться в государственном вреде и политической пользе».²

Творческая демократия для него была неразрывно связана с правосознанием. Она не может возникнуть в обществе, где люди заняты нечестным трудом. Таким образом, Ильин делает вывод о неподготовленности России к демократии сразу после падения большевизма.

Мыслитель считал, что не существует единого государственного строя, который был бы наилучшим для всех стран и народов. При этом он признавал, что для ряда государств демократия может быть уместна, целесообразна и вполне оправданна. Приведя в пример Англию, Ильин отмечал, что тамошняя демократия медленно складывалась и зрела под покровом королевской власти. Море воспитывало характер англичан: «мировая торговля давала людям имущественную самостоятельность, развивала личную инициативу, укрепляла правосознание. Страна оставалась, по существу, маленькой метрополией со свободным уходом людей в обширные колонии... Страна была образцом самостоятельного, медленного богатения, консервативного духа, культивировавшего законность и медленную демократию».³

Иван Александрович призывал эмиграцию строить будущую Россию без доктринерства и слепого подражания Западу. Он предлагал на первых порах, в условиях неизбежного хаоса после падения тоталитарного коммунизма, установить национальную диктатуру: «... это твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и органическому участию в государственной деятельности. Только такая

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 454.

² Там же. С. 454.

³ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 2. С. 355.

диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн».¹ Диктатор, по его мнению, должен остановить хаос, начать качественный отбор людей в управленческий аппарат. Он также обязан «...поставить Россию на дорогу, которая ведёт к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры».²

Ильин правильно отмечал, что судьбы государств определяются качеством правящего слоя. Важнейшим элементом его консервативной идеологии являлся элитизм: «Всякое государство организуется и строится своим ведущим строем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою “эли́ту” и даёт ей общие указания. И вот, судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды народа свидетельствуют о его несостоятельности, – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости...».³

Большой интерес представляет статья Ивана Александровича «Идея ранга». Никакая общественная организация невозможна без идеи ранга. В идее «ранга» есть две стороны: «...Во-первых, имеется в виду присущее человеку качество – это его действительный ранг; во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества и государства, – это его социальный ранг».⁴ В своих статьях Ильин рассматривает ранги духовного превосходства человека (праведность, гениальность, талант, сила характера, политическая дальновзоркость) и его полномочий (сан, чин, власть, авторитет). В мире, писал мыслитель, существуют два различных мировоззрения: ранговое и эгалитарное. Он также отмечал, что современное общество утратило чувство верного ранга. Поэтому оно перестало верить в идею ранга, расшатало её. Ильин сделал вывод, что одной из причин февральской революции была вера в химеру равенства: «...химера равенства имеет ... причины: политическая наивность народа, антиранговые настроения русской интеллигенции...».⁵ Он сделал правильный вывод, что человечество стало отказываться от идеи ранга под влиянием идеологии Просвещения. Люди, выступающие за равенство, считают всякий духовный ранг произвольной выдумкой: «...посяганием или узурпацией: таков был дух первой французской революции, объявившей, что “люди рождаются равными”, и обратившейся в виде доказательств к гильотине. Согласно такому воззрению – в людях существенно сходное и одинаковое, тогда как различное, особенное и своеобразное (тем более превосходное) – несущественно».⁶ Ильин считал, что эгалитарное мировоззрение безответственно, материалистично, безбожно, революционно. Оно не считается с природой, вечно производящей бесконечное разнообразие. Эгалитарное мировоззрение верит во всеобщее равное голосование, в арифметический подсчет голосов, в «народный суверенитет» и тяготеет к республике. В свою очередь люди, признаю-

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 177.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 266.

⁴ Там же. С. 356.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Там же. С. 353.

щие значение ранга «... не верят ни в естественное равенство, ни в искусственное и насильственное уравнение. Они считают, что люди, сколько ни их есть, рождаются неодинаковыми, своеобразными и самобытными...».¹ Человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, волевой энергией.

Ильин высказывает несколько важных идей о принципах формирования нового правящего слоя. Во-первых, новая элита России – новая русская интеллигенция должна быть религиозной и нравственной. Во-вторых, ведущий слой не должен быть замкнутой кастой, а живой, подвижной элитой, постоянно пополняемой новыми, способными людьми с духовным зарядом. В-третьих, принадлежность к правящему слою представляла для Ильина не привилегии, а трудную обязанность. Он писал, что в России должна быть искоренена дурная традиция «кормления», т.е. частного обогащения на публичной должности. Кроме преследования коррупции, нужно искоренить и кастовый дух. В-четвертых, для отбора лучших людей в управление необходимо сочетать выборы с назначением. В-пятых, важно, чтобы социальный ранг соответствовал духовному рангу человека. Нужно, чтобы управленец мыслил не о личной, а о всенародно-государственной пользе. Актуален и вывод Ильина о том, что государство с неудачным ранговым отбором всегда будет слабым и неустойчивым.

Для русских консерваторов, в том числе и Ивана Александровича, характерна оценка России как живого организма природы и духа. Консерваторы упорно отстаивали единство и целостность Российской державы. Органическое единство было предписано русской земле географически. Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне. Ильин писал, что западные державы старались отрезать Россию от морей. Так шведский король Густав-Адольф стремился запереть Россию в безысходном лесном и степном континентальном блоке. Ильин также отмечал, что все части, или территории России связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом. Если страна распадется на маленькие государства и покроется внутренними границами, таможенными, монетными системами, то это приведёт к нищете и таможенным войнам. Маленькие государства будут беспомощными и перед внешними врагами. Он был убеждён, что даже в случае распада империя рано или поздно восстановится, ведь Россия – это живой географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой, хозяйственный, государственный организм.

Следует отметить, что хотя Россия являлась империей, русский народ, в отличие от европейцев – немцев, англичан, никогда не был угнетателем и эксплуататором других народов. В эмиграции он защищал достоинство и целостность России от русофобов, стремящихся к расчленению страны. Западные политики выступали за предоставление независимости Прибалтике, Украине, Кавказу. Ильин писал: «Все люди свободны и все народы мира равны. Тогда почему Египту так трудно вернуть свою самостоятельность? Почему Индия, страна древней и своеобразно-глубокой культуры так долго принадлежала не сама себе, а англичанам?».² Западные страны, по его мнению, на словах отстаивали свободу и демократию, а на деле проводили

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 354.

² Там же. С. 44.

имперскую политику. Ильин считал, что «Россия никого не денационализировала, никого не искореняла, всех блюла, всем оставляла национальную свободу». Русская императорская государственность складывалась за редким исключением мирно, органически: близко живущие географически народы нуждались в экономических и культурных контактах. В статье «Мировая политика русских государей» Иван Александрович отмечал, что Европе не нужна правда о России: «Европейцам “нужна” дурная Россия: варварская, чтобы “цивилизовать” её по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы её можно было расчленить; завоевательную, чтобы организовать коалицию против неё; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для неё республики; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на её “неиспользованные” пространство, на её сырье...».¹ Размышляя над этой мыслью Ильина, хочется отметить её необычайную актуальность в современных условиях. Так бывший американский государственный секретарь Мадлен Олбрайт неоднократно призывала к интернационализации природных богатств Сибири в пользу «золотого» миллиарда.

Иван Александрович отрицал захватнические цели внешней политики России. Он считал, что с 1815 по 1870 гг. Россия была великой силой равновесия в Европе. Так она не дала единой Германии во время Александра II напасть на Францию. Кроме того, присутствие России в европейских делах мешало западным странам сговариваться против России. Ильин считал, что Россия не нуждается в территориальном расширении за пределы 1914 года: «Исторически Россия заинтересована больше всего в национальной консолидации и в залечивании революционных ран, а совсем не в завоеваниях, не в расширении своей территории на Запад и не в самообременении чуждыми нам малыми народами».² Таким образом, он выступал против проведения империалистической политики. Она могла привести только к большому вреду, отвлечь от внутренних реформ, истощить Россию «...бессмысленными войнами за обладание решительно ненужными нам территориями и народами».³

Консервативные взгляды Ильина проявлялись в его оценке февральской и октябрьской революций. Ильин считал русскую революцию катастрофой. Она готовилась планомерно, в течение десятилетий в либеральных и революционных слоях интеллигенции. Он отмечал, что революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством и климатом. Они видели сравнительную бедность народа. Революционеры не могли понять, что «... народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст её тиранам за личный и классовый прибыль».⁴ Революция была, по его мнению, безумием для основного класса страны – крестьянства. Крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний: согласно реформе 1906 г. земля передавалась крестьянам в собственность. В случае успешной реализации аграрной реформы П.А. Столыпина, по мнению Ильина, к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика. Как

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 119.

² Там же. С. 127.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 131.

консерватор он выступал за эволюционный путь развития страны: «... историческая эволюция давала крестьянам землю, право на неё, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего».¹ От крестьян требовалось лишь лояльность и терпение.

Ильин считал, что в Февральской революции надо различать стихийно-массовый процесс военного разочарования, возмущения, бунта, разнуздания и духовного разложения. Этот длительный и нарастающий процесс поощрялся и разжигался слева – социалистами и радикальными либералами. Можно согласиться с высказыванием Ильина: «В русском либерале XIX века дремал сентиментальный анархист: либерал начинал с мечты о свободе ... и кончал в безвластии. Так, для Керенского – государственное принуждение сводилось к “террору” и “гильотине”».² Временное правительство, одоблив приказ № 1 о создании полковых солдатских комитетов, политизировало армию, разложило ее и лишило боеспособности. Следующим актом революции стала амнистия преступникам, как политическим, так и уголовным. Тем самым, под видом «доктринерской» веры в свободу были разнузданы преступные силы, от социалистов разных толков, до профессиональных уголовников. Временное правительство разрушило старый государственный аппарат; опытных деятелей заменили неопытные, но пронырливые болтуны.

Анализируя причины февральской и октябрьской революций, Иван Александрович сделал вывод, что кризис, приведший Россию к унижению и большевистскому порабощению, был в своей основе не только политическим, экономическим, социальным, но и духовным: «... в роковые годы 1-й мировой войны (1914-1918) русские народные массы не нашли в себе... необходимых духовных сил: эти силы нашлись только у героического меньшинства русских людей; а разложившееся большинство ... пошло за соблазнительями, помогло им задавить, замучить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими поработителями».³ Духовный кризис по своей природе был многоплановым, он включал в себя кризис религиозности, правосознания, русской военной верности и стойкости, национального характера, семьи, русской культуры. Ильин верно уловил следующую важную тенденцию общественного развития начала XX века, которая касалась не только России, но и других западных стран, где также произошли революции или тяжелые социальные потрясения, – маргинализацию населения, резкое уменьшение больших людей с государственным умом и сильным характером. Как религиозный мыслитель, он объяснял эту тенденцию религиозным оскудением человечества: «Традиции христианской веры, личной чести, национальной культуры и искреннего патриотизма поблекли и поколебались... Во-вторых, – выродился и снизился уровень образования: та полуобразованность, о которой пророчески писал Достоевский в “Бесах”, размножилась, стала системой и всплыла наверх...».⁴

Ильин в «Наших задачах» сформулировал некоторые принципиальные осно-

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 1. С. 133.

² Там же. С. 187.

³ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 2. С. 361.

⁴ Там же. С. 55.

вы будущего русского государственного строя. Он считал, что республиканская форма правления не является государственной формой, способной восстановить Россию, дать ей творческую свободу и духовный расцвет. Для него история как бы доказала некий закон: «... в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия не способна. Или ещё точнее: бытие России требует единовластия – или религиозного и национально укрепленного единовластия чести, верности и служения, т.е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т.е. тирании».¹ В статье «Кое-что об основных законах будущей России», написанной 15 августа 1952 года, Иван Александрович пришёл, таким образом, к выводу, что лучше всего возрождению России может способствовать монархическое начало. Однако он прекрасно осознавал, что для возрождения монархии в стране должны созреть определенные предпосылки: наличие монархического правосознания и желание народа иметь царя. В постсоветской России таких условий он не видел и поэтому в проекте конституции не предрекал будущей формы правления. Любя Россию и желая ей благополучия, он соглашался служить даже республике. Конечно, это противоречило его философским и политическим взглядам. Так, отвергая теорию «общественного договора», он рассматривал Российское государство как созданное Богом и Божественным промыслом, в веках вемое, по духу христианское и национальное, призванное к осуществлению в жизни закона правды: «Российское Государство есть правовое единство, – священное, исторически преемственное, властное и действенное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу и Отечеству, государственной власти и закону».² Одна из статей разработанного Ильиным основного закона объявляло Российское Государство единым и нераздельным, а всякую попытку его расчленения – изменой или предательством. Все тайные общества и революционные партии подлежали запрету. Бывшие члены коммунистической партии по предложению Ильина должны были исключаться из политической жизни страны на 20 лет. Следует также отметить, что отдельные статьи в его проекте были похожи на утопическую декларацию: «Российское государство связывает людей в братский союз. Русский русскому есть брат и помощник, всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного – один за всех».³ Кончено, можно согласиться с этим желанием национального сплочения, высказанным Ильиным. В реальности же русский народ и сейчас показывает свою распыленность, отсутствие племенного сплочения.

Консервативные идеи Ивана Александровича Ильина о необходимости учёта специфики национальной психологии, поиска своего особого, самобытного пути развития сильной государственной власти, творческой, ответственной демократии необходимо учитывать при реформировании страны.

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. 2. С. 93.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 83.

Источники и использованная литература:

Основная литература:

1. *Ильин И.А.* Наши задачи. Собрание сочинений: в 10-ти тт. – М: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. – 496 с.
2. *Ильин И.А.* Наши задачи. Собрание сочинений: в 10-ти тт. – М: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 2. – 480 с.
3. *Ильин И.А.* Родина и мы. Статьи. – Смоленск: Русич, Посох. 1995. – 512 с.
4. *Ильин И.А.* Собрание сочинений: Русский Колокол: журнал волевой идеи / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: ПСТГУ, 2008. – 855 с.
5. *Кольев А.Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
6. Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / Под. ред Б.И. Макаренко. – Москва: Альпина Паблишер, 2016. – 332 с.
7. *Мусихин Г.И.* Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 256 с.
8. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России / Фед. арх. агентств. Рос. гос. архив соц.-полит. истории. – Москва: Академия, 2007. – 520 с.
9. Русская доктрина / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1058 с.
10. *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Р.Пайнс. Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.

Дополнительная литература:

11. *Баранов Н.А.* Влияние консервативных тенденций на формирование политической системы России // Обозреватель. – 2016. № 3. С. 6-18.
12. *Зернов И.Н.* Иван Ильин. Монархия и будущее России. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.
13. *Демидова Е.И., Николаев А.Н.* Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть. – 2016. № 4. С. 18.
14. *Лотарев К.А.* Возможность и перспективы консерватизма в консолидации российского общества // Власть. – 2016. № 2. С. 101-111.
15. *Репников А.В.* Без вождя во главе // Историк. – 2016. № 3. С. 15-19.

Nachapkin M.N.

I.A. Ilyin about conservatism, authorities and principles of future state system of Russia

This article analyzes the views of I.A. Ilyin about the history of Russia, the authorities, state. Elements of the plan of conservative transformation of the country are disclosed. The author proves the relevance of the ideas of conservatism for contemporary Russia.

Keywords: conservatism, authorities, state, tradition, elitism, hierarchy, identity.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ (1917 – НАЧАЛО XXI в.) В ТРУДАХ-ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

Алексеев В.В.

ЦАРЕУБИЙСТВО: СЛЕДСТВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Автор поднимает и анализирует дискуссионные проблемы и тайны гибели царской семьи в июле 1918 года, подвергает критике заключение правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи 1998 г. и доказывает необходимость нового исследования тайны гибели царской семьи.

Ключевые слова: гибель царской семьи, большевики, захоронение, экспертиза, исследование, тайны, сокрытие.

Двадцатое столетие с его удивительными открытиями оставило миру ряд великих тайн. Среди них гибель последнего российского императора Николая II. В этой монаршей и человеческой судьбе как в капле воды отразилась трагедия нашей Родины в прошлом веке. Нынешним летом исполняется 85 лет с той кровавой ночи, но она продолжает будоражить умы современников, несмотря на новые непростые проблемы XXI века. Почему? Скорее всего, по двум главным причинам. Первая связана с почти столетней гражданской войной в России, которая до сих пор прочно не утвердилась в выборе своего пути. И взоры соотечественников волей-неволей обращаются к истокам этой войны – отречению царя от престола и его загадочной гибели. Вторая причина кроется в попытках спрятать правду об уничтожении императора и его семьи. Сокрытие останков в начале, а затем и в конце XX века не даёт людям узнать эту правду, какой бы горькой она ни была. А в средствах массовой информации публикуются взаимоисключающие точки зрения, редко вызывающие доверие.

В 1918 году под корень вырубили династию Романовых, а в 1977 году срезали даже скалу, на которой стоял дом Ипатьева, где был уничтожен император и его близкие. Что это: «зачистка» последней русской династии или уж не всей ли великой России? Ведь вскоре начались непреодолимые трудности в государстве, приведшие в конце концов к распаду СССР и тяжелейшему положению в Российской Федерации. Невольно приходят на память слова архимандрита Константина: «Все

Алексеев Вениамин Алексеевич – академик и советник, директор Института истории и археологии (1988-2013) Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор работал в Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи на протяжении всей её деятельности. В особом мнении заявил о несогласии с её решением.

¹ Впервые опубликовано: Мир истории. М., 2002. № 12. С. 28-35.

готовы обличать большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую задумали не они. Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий и мерзостный алфавит, мало кто хочет!». Задумываются-то многие, но ответа никто дать не может, хотя на этот счёт существует огромная литература. За рубежом издано более пятидесяти монографий, специально посвященных гибели царской семьи. Десятки книг в последнее время появились в России, не говоря уже о многих сотнях статей. В этих сочинениях широкий разброс мнений о судьбе Романовых – от полного уничтожения всех членов семьи и сожжения трупов (колчаковский следователь Николай Соколов) до «чудодейственного» спасения опять-таки всех (Джордж Нулл, американский интерпретатор документов секретаря Распутина – Симановича).¹

Официальную черту под многолетними дискуссиями подвела 30 января 1998 года правительственная Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. Она сделала «вывод о принадлежности останков девяти человек, изъятых в 1991 г. из группового захоронения в окрестностях г. Екатеринбурга, членам семьи российского императора Николая II». В их числе значатся Романов Н.А., Романова А.Ф., Романова О.Н., Романова Т.Н., Романова А.Н., Боткин Е.С., Демидова А.С., Трупп А.Е., Харитонов И.М. Останки Романовой М.Н. и Романова А.Н. среди исследованных костных объектов отсутствуют.²

В подтверждение этих выводов приводятся многочисленные криминалистические доказательства и материалы генетической экспертизы. Однако комиссия, несмотря на наши настойчивые требования, не провела историческую экспертизу, что признано крупными юристами принципиальным нарушением российского законодательства.³ К исчезновению семьи руководство Комиссии подошло как к тривиальному криминальному делу, забывая о том, что оно произошло три четверти века назад и обросло многочисленными историческими документами. В результате, принципиальные проблемы гибели Романовых, в том числе и идентификация останков, остались или нерешенными, или недоказанными, породив цунами противоречивых мнений. Это ли будет способствовать консолидации общества и подведет долгожданную черту под столетней гражданской войной в России?

До сих пор романовская трагедия опутана цепью вопросов: в чём объективные и субъективные причины гибели династии; какое значение имело это для страны; почему уничтожение семьи состоялось именно в середине июля 1918 года; кто принял такое решение; кого конкретно расстреляли; возможно ли было кому-то спастись; где останки убиенных; как оценивать попытки найти эти останки и уве-

---

¹ См. подробнее: *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи: мифы и реальность. – Екатеринбург, 1993; *Aleksyeev V.V.* The Last Act of a Tragedy. – Ekaterinburg, 1996.

² Там же; Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. Избранные документы. – М., 1998. С. 22, 48.

³ *Бастрыкин А.И.* Процессуально-криминалистический анализ материалов, связанных с обнаружением и исследованием захоронения неизвестных лиц, обнаруженных в 1991 г. в окрестностях г. Екатеринбурга // Правда о Екатеринбургской трагедии. – М., 1988. С. 83-87.

ковечить их память? Осветить все эти вопросы с исчерпывающей полнотой всё ещё не представляется возможным. Попытаемся кратко ответить на те из них, которые обеспечены надежными источниками, и высказать соображения по дальнейшему изучению трагических страниц российского царубийства.

Положение свергнутого царя и его семьи резко ухудшилось после заключения Брестского мира. Ряд авторов из-за рубежа (А. Булыгин, С. Мельгунов, А. Саммерс и Т. Менгольд и другие) высказывали предположение, что он содержал условия их освобождения. Саммерс и Менгольд на основе скрупулезных исследований договора пришли к выводу, что конкретного пункта, по которому царь и его семья должны быть освобождены, не существовало, но они не исключали возможность какого-то устного соглашения.¹ Короче, ни доказать, ни опровергнуть существование явных или тайных статей Брестского мира, которые предусматривали бы спасение Романовых, пока никому не удалось. Может быть, вопрос проще? В договоре есть статья 21, которая гласит: «Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территории противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властью этой страны право на возвращение на родину, из которой происходят они или их предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора».² Она вполне могла относиться к царице Александре Федоровне (немке по происхождению) и, видимо, к её детям. Если это так, то понятно, почему до разгрома Германии в первой мировой войне и аннулирования условий договора советское правительство официально не признавало гибель императрицы и её детей.

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 года, состоялось постановление Президиума ВЦИК, которое предусматривало усиление надзора за Романовыми в Тобольске и возможность их перевоза в Москву. Через пять дней вышло новое постановление о переводе всех арестованных на Урал.³ Вывоз царской семьи из Тобольска объяснялся якобы подготовкой монархического заговора с целью освобождения Николая II и отправки его за границу. Однако ни колчакковский следователь Николай Соколов, ни советские исследователи не смогли это доказать. Тогда возникает вопрос: зачем советскому правительству понадобилось срочно это сделать? Исчерпывающего ответа нет до сих пор. По мнению ряда советских и зарубежных историков, курс брался на Москву, а далее мнения диаметрально расходятся. Одни считают, что там должен был состояться суд над Николаем II, другие видят в этом акте использование царской семьи для переговоров с немцами. Как бы то ни было, решение о переводе состоялось.

Секретная миссия по осуществлению этого плана была возложена на чрезвычайного комиссара ВЦИКа Василия Яковлева, который до недавнего времени оставался фигурой загадочной. Одни считали его полномочным представителем советского правительства, другие называли предателем большевизма и пособником монархических сил. Работая в начале 90-х годов XX века в секретных архивах ВЧК, нам удалось в какой-то мере приподнять завесу тайны над этим человеком. Важным

---

¹ *Sammers A., Mangold T. Le dossier Romanov. – Paris, 1980. P. 230.*

² *Документы внешней политики СССР. – М., 1957. Т. 2. С. 177.*

³ *Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9, 31 (далее: ГА РФ).*

источником послужили его телеграммы в Москву по пути следования царского поезда в Екатеринбург, письма 30-х гг. XX века Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) Иосифу Сталину, Наркому НКВД Николаю Ежову, а также личное удостоверение, подписанное Феликсом Дзержинским. Из них следует, что Яковлев (он же Мячин, Стоянович) был убежденным большевиком. Задания партии он выполнял, начиная с 1905 года, прошел эмиграцию, активно участвовал в октябрьском перевороте 1917 года, а затем после небольшого зигзага в своей биографии, связанного с Комитетом Учредительного собрания, вёл революционную работу в Китае. После возвращения на Родину был репрессирован, как и многие его товарищи по партии. Не остается никаких сомнений в том, что комиссар Яковлев свято выполнял волю большевистского руководства.

Итак, 30 апреля 1918 года Яковлев доставил бывшего царя с женой и дочерью в Екатеринбург. Через три недели сюда же перевезли остальных членов семьи. 78 дней, проведенных Романовыми на Урале, расписаны разными авторами буквально по минутам, но это не вносит ясности в их загадочное убийство. Существуют десятки версий, одна экзотичней другой. В материалах правительственной комиссии всё сведено к злой воле советского руководства. Сомневаться в «нерасположении» большевиков к бывшему императору особенно не приходится, но конкретные действия необходимо доказывать конкретными же фактами, которых пока явно не хватает.

Настораживает попытка некоторых активных деятелей большевистского режима, в частности Льва Троцкого, отмежеваться от екатеринбургской трагедии. Находясь в эмиграции и в оппозиции к советскому строю, он писал, что в один из приездов в Москву спросил у Свердлова о судьбе царской семьи. Тот ответил, что она вся расстреляна. «Он ждал моей реакции, – замечает Троцкий, – я ничего не ответил».¹ Такая забывчивость удивляет. Ведь Троцкий присутствовал на заседании Совета народных комиссаров 18 июля 1918 года, когда Свердлов доложил о казни бывшего царя Николая II. Тогда он действительно промолчал.² Этот факт приводится не для того, чтобы уличить кого-то в попытке уйти от ответственности, а для того, чтобы определить надежность источников, свидетельствующих о гибели Романовых. А ведь на слова Троцкого как на истину в последней инстанции ссылается правительственная комиссия и многие авторы, пишущие на данную тему..

И если подойти строго, то окажется, что о гибели царской семьи фактически нет достоверных документов! Исключение – постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1918 года о расстреле Николая II.³ Все остальное – подобно истории с Троцким, даже знаменитая шифротелеграмма об уничтожении всей семьи, найденная следователем Соколовым на Екатеринбургском почтамте после ухода красных из города. Трудно представить, что такой важности документ мог быть брошен. А если так, то почему его не пытались дешифровать современными методами? Очевидно, что Соколову по причине служебных поручений и личных убеждений нужен был именно тот вариант, который почти 85 лет принимается на веру, но ведь

---

¹ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. – Тенафли (Нью-Джерси, США): Эрмитаж, 1986. С. 100-101.

² ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62.

³ Там же. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.

не исключено, что за цифрами стоит иной смысл.

Ещё хуже с воспоминаниями. Вопреки мировой исследовательской практике, они восприняты комиссией как непреложная истина, без всяких скидок на личности мемуаристов и их цели. Только два примера. Первый связан с набившей оскомину «Запиской» Юровского. После многочисленных заключений, поставивших под сомнение её подлинность, комиссия приняла соломоново решение – считать авторство... двойным!¹ Но кто же из соавторов, Яков Юровский или член ВЦИК Михаил Покровский диктовал содержание? Ответ кажется ясным, ясным, и такой тандем явно не даёт оснований относить документ к числу основополагающих. Однако Комиссия с возражениями не посчиталась. И поиски царских останков, и вывод об их идентичности с теми, что были извлечены из хляби Поросенкова Лога в районе деревни Коптяки под Екатеринбургом в 1991 году, были подчинены одной политической задаче: найти и захоронить.

Второй пример ещё разительней. В заключении одного из главных материалов комиссии «Сравнительный анализ документов следствия 1918-1924 гг. с документами советских источников и материалами следствия 1991-1997 гг.» делается вывод: «Детальное сопоставление этих и иных материалов дела даёт основания для утверждения, что существенных, исключая друг друга противоречий в “Советских материалах” и материалах Н.А. Соколова нет, имеется лишь различное истолкование одних и тех же событий».² Если исходить из названия этого документа, то получается, что нет противоречий между следствием 1918-1924 годов и последующими материалами. Тогда как понимать соотношение выводов Николая Соколова и Владимира Соловьева? Ведь первый утверждал, что все трупы сожжены, а второй доказывает, что останки, найденные под Екатеринбургом, принадлежат царской семье! Если ограничивать толкование названного заключения сопоставлением досоветских и советских материалов, исключая постсоветские, даже и тогда оно ущербно. В том и другом случае совпадает только одно – констатация гибели царской семьи. Определить место захоронения ни те, ни в другие документы не позволяют. А добавления Юровского к его «Записке» могут подтвердить разве что воспоминания Исаея Родзинского, который диктовал их в начале 60-х годов XX века. Но он уже слышался всяких версий от своих поделщиков. Между тем, вся работа правительственной комиссии сводилась к идентификации останков, найденных по указаниям Юровского...

Историческая основа этих поисков выглядит явно неудовлетворительно, причём ряд источников, заслуживающих внимания, комиссия просто игнорировала. Придётся повторить наиболее существенные факты. Комиссия полностью исключила возможность того, что судьбы членов царской семьи сложились по-разному. Приведём только три из многочисленных доказательств.

Первое. 4 ноября 1918 года в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с знанием об убийстве императора допрашивалась официантка из Ипатьевского дома Екатерина Томилова. Она показала: «Я хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывше-

---

¹ Покаяние... С. 33

² Там же. С. 238.

го государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек (раньше было одиннадцать – В.А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила... я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно». Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка.¹

Второе. Сестра Председателя Уральского ЧК Федора Лукоянова, Вера, попав в плен к белым, призналась на основе известной ей от брата конфиденциальной информации, что убит один император, а его семья вывезена в Пермь. Правда, позднее она подкорректировала свои показания, но от этого они не утратили своей значимости.

Третье. До десятка свидетелей, в том числе известный доктор П. Уткин подтвердили следователю А. Кирсте, что за рекой Кама (недалеко от Перми) при попытке к бегству была схвачена женщина, которую называли великой княжной. По свидетельству доктора, она ему призналась: «Я дочь государя, Анастасия».² Вообще, пермский след царской семьи, основательно проработанный в западной историографии (А. Саммерс и Т. Менгольд, М. Ферро), остался незамеченным в России, и не случайно. Он способен взорвать всю версию по екатеринбургским останкам.

Разумеется, в этих свидетельствах можно усомниться. Однако почему безоговорочно принимается на веру записка Юровского, если её доказательность несколько не выше? Вопрос, видимо, в том, что необходима генеральная проверка имеющихся данных, их сопоставление по материалам белого и современного следствий, а также многочисленных публикаций.

Много вопросов вызывает происхождение могилы, обнаруженной в июле 1991 года. Написано об этом немало, но до сих пор документально так и не подтверждено, что в июле 1918 года именно трупы царской семьи были закопаны под мостиком из шпал на Коптяковской дороге под Екатеринбургом. Наводят на размышление две фотографии 20-х годов XX века, сделанные в том самом Поросятковом Логу. На одной из них Пётр Ермаков, участник уничтожения Романовых, стоит на настиле из шпал. На другой – группа лиц устроилась непосредственно за настилом, а прямо на шпалах лежит маузер, принадлежавший, видимо, Ермакову. Мостик из шпал как бы взгорбился и похож на свежую могилу, между тем как от времени она, наоборот, должна была осесть.³ Не производились ли с ней какие-то манипуляции в 20-е годы?

В 1945-1946 годах по указанию заместителя Лаврентия Берии – Кобулова велось специальное расследование обстоятельств расстрела царской семьи. В печати промелькнуло сообщение о том, что при этом тревожилось Коптяковское захоронение. И, по оценке современного следствия, возраст этого захоронения действительно

---

¹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 51. Л. 18-19.

² Библиотека Гарвардского университета. Досье Вильтона № 853919. Протоколы допросов сестры Лукоянова и доктора Уткина.

³ *Сонин Л.* Покер на костях, или как скрывают правду о судьбе Николая II. – Екатеринбург, 1998. С. 135.

но составляет 40-50 лет¹, то есть, относится оно к середине 40-х годов XX века! В 1979-1980 годах предполагаемую могилу вскрывали Александр Авдонин и Гелий Рябов, изымали оттуда три черепа и увозили их. Захоронение было разрушено почти полностью. Что оттуда было изъято и что возвращено, остается неясным.²

Наконец, есть принципиально иные указания места упокоения Романовых. По свидетельству заведующего хозяйством рабочего клуба Верх-Исетского завода Кухтенкова, который подслушал разговор участников расстрела, трупы были захоронены в двух разных местах.³ А екатеринбургский машинист Логинов доверительно сообщил своей пермской родственнице, что он по указанию комиссаров увозил тело расстрелянного Николая Романова на станцию Богдановичи.⁴ Возможно, последнее сообщение и не соответствует действительности, но оно заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем воспоминания Юровского.

Пока не «отработаны» все прочие версии, Коптяковская остается лишь одной из многих, в каких бы инстанциях ни получала она поддержку. Только фронтальное изучение архивных фондов, имеющих отношение к событиям лета 1918 года, способно развеять ту неопределенность, которая существует сейчас. Особенно внимательного отношения требуют хранилища красноармейских, партийных, чекистских документов.

Теперь о прижизненных медицинских показателях. Остановимся на черепе № 4, приписываемом Николаю II. В представлении прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 года сообщалось, что «по заявлению доктора Деревенько (врача наследника – В.А.) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль на левом виске – след от удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии».⁵ Эта информация будто напрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного значения. Общественности сообщили, что костной мозоли нет, да и быть не могло в связи с незначительностью ранения.⁶

Между тем, из материалов консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 года (в день ранения Н. Романова) в г. Киото, следует прямо противоположное. В ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см и шириной 2 мм.⁷ Правда, с правой, а не с левой стороны. Видимо, при записи допущена ошибка. Вырубленный кусок кости не мог не оставить следа, который наблюдался придворным врачом в течение 27 лет (1891-1918). В описании путешествия наследника на Восток фиксировалось, что в черепной кости, растреснутой после удара японской саблей, «началось разрушение костного вещества, процесс шёл в обе сто-

---

¹ Новая хроника. 3 ноября 1995. № 44.; *Неволин Н.* Исследования состояния костных останков // Тайна царских останков. Екатеринбург, 1994. С. 61; *Попов В.* Судебно-стоматологические исследования останков // Там же. С. 83.

² *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи. С. 247.

³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 36. Л. 27-29.

⁴ *Алексеев В.В.* Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США) // Уральский исторический вестник. – 1996. № 3. С. 213.

⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 35 об.

⁶ См. интервью начальника Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Н. Неволина «Областной газете», 26 мая 1995 г.

⁷ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 701. Л. 12-13.

роны».¹ Косвенным подтверждением сильной травмы является и то, что, по воспоминаниям Матильды Кшесинской, Николай Александрович страдал после этого постоянными головными болями.

С этой приметой наш сюжет принимает вовсе детективный поворот. Когда в 1979 году после вскрытия екатеринбургского захоронения Г. Рябов предъявил судмедэксперту С. Абрамову фотоснимки и слепки черепов, то последний установил по особенностям зубо-челюстного аппарата и по следу от удара острорубящим оружием, что второй череп принадлежал Николаю II. Позднее ничего этого на черепе уже не находили... Комментируя создавшуюся ситуацию, авторитетный судмедэксперт В. Звягин констатировал: «Единственное, что здесь приходит в голову: либо Сергей Сергеевич (Абрамов – В.А.) имел дело с другими черепами, либо те слепки, которые ему предъявлялись, имели те следы, которых не имеет названный череп».² В этот вопрос пора внести ясность. Сумели же российские ученые восстановить полную клиническую картину проникающего ранения в голову русского полководца Михаила Кутузова и доказать, что его глаз видел. Так неужели нельзя с такой же убедительностью идентифицировать череп Николая II, расстрелянного через 150 лет после ранения Кутузова?

Мы даже готовы предложить сторонникам Коптяковской версии аргумент в её поддержку. Из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника нам удалось извлечь так называемую «Папку Ренделя», которая принадлежала сыну популярного в Сибири дантиста Марии Рендель. Зимой 1917-1918 годов, в период Тобольского заточения царской семьи, к М. Рендель обратился за помощью Николай II (имеется семь записей по этому поводу в его дневнике). Каково же было её изумление, когда она обнаружила у бывшего царя «полный рот гнилых зубов».³ Этот суровый диагноз вполне соответствует заключению петербургского профессора Вячеслав Попова, что «изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (череп № 4) указывают на имевшийся при жизни выраженный парадонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4–8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита».⁴ Почему же они боятся серьезной исторической экспертизы?

Дополнительный свет на события в Ипатьевском доме могут пролить впервые опубликованные нами фрагменты екатеринбургского дневника бывшей императрицы Александры Федоровны. Там есть одна любопытная деталь, относящаяся к 7 июля: «...Во время завтрака пришел пред[седатель] обл[астного] ком[итета] с несколькими людьми... Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально, и забрали у нас (куда, насколько, почему (??) не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали обручальное кольцо Н., которое нельзя

---

¹ Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. – М., 1992. С. 19 (книга впервые издана в 1912 г. в Берлине).

² См. Звягин В.Н. Демонстрация экспертных материалов // Государственная легитимность. Вып. 1. – М.–СПб., 1994. С. 101; Алексеев В. Гибель царской семьи. С. 264.

³ Тобольский ГИАМЗ. Научный архив. КП-13774. Л. 8–10.

⁴ Идентификация останков царской семьи. – СПб., 1994. С. 19.

было снять».¹ Такая запись оставляет много вопросов. Остановимся на двух полярных. Если драгоценности забрали до расстрела, то что тогда снимали с трупов убийцы? Браслеты и кольцо Николая Александровича? Давно известно, что на месте предполагаемого уничтожения трупов найден человеческий палец. Может быть, он принадлежал Николаю II? Но тогда, видимо, следует искать отрубленные руки женщин, с которых надо было снять браслеты.

Перечень подобных свидетельств можно продолжить, но уже из приведённых видно, что без серьезной исторической экспертизы останки царской семьи нельзя считать идентифицированными. Новые документы могут подтвердить устоявшуюся версию гибели семьи и сокрытия останков, но могут и опровергнуть её.

Исследования могут идти в двух направлениях. Первое – переосмысление уже имеющихся исторических материалов под углом зрения юридических доказательств преступления. Второе – поиск новых источников, которые помогут восстановить провалы в имеющихся сведениях. Для этого потребуется фронтальный просмотр одних архивных фондов, например, «Придворной медицинской части Министерства Императорского двора» (РГИА. Ф. 4790), ряда архивохранилищ Кирова (Вятки), куда были эвакуированы документы принципиальной важности после оставления большевиками Екатеринбурга, Перми, и выборочное обследование других, касающихся конкретных вопросов темы. Необходим доступ к архивам Президент РФ, ВЧК, ОГПУ–НКВД–МВД, в которых содержится важная информация по интересующему вопросу. Причём надо идти не путём выборочных запросов, как делала Комиссия, а на основе изучения описей соответствующих ведомств. Там ожидаются находки принципиальной важности. Известно, что сразу после расстрела Романовых Я. Юровский увёз в наркомат внутренних дел огромный баул с их документами. Где он? В своё время была подготовлена закрытая «История уральского ЧК», в которой имелся раздел об операции по расстрелу царской семьи, подготовленный на оригинальных документах. Она отправлена в Москву. Где её искать? Во время работы многочисленных комиссий, в частности ЦК КПСС под руководством Александра Яковлева (1964 г.), из уральских архивов в столицу были затребованы важнейшие документы по царскому делу. Где они сейчас?

Не до конца исчерпаны зарубежные архивохранилища, которые содержат редкие, а в ряде случаев уникальные документы. Нам удалось получить так называемое досье Никандра Миролюбова из Гуверовского института войны, революции и мира (США). Оно упоминалось западными исследователями, но в полной мере не вводилось в научный оборот, поскольку без соотнесения с советскими документами мало что даёт. А ценность его заключается в том, что екатеринбургский прокурор Иорданский посылал своему шефу, казанскому профессору криминалистики Миролюбову те сведения первичного следствия, которые не нашли отражения в известном деле Соколова. Интересно, что Иорданский постоянно ссылается на военную разведку, в руки которой поступают важные документы по царскому делу, но они не становятся достоянием официального следствия. По всей вероятности, такие документы можно обнаружить в военном архиве адмирала Колчака, хранящимся в ГАРФе.

---

¹ *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи. С. 100.

В Датском Королевском архиве находится досье тридцатилетнего суда по «Делу Анны Андерсон». Оно содержит уникальные свидетельства обо всей романовской трагедии. Во время одной из командировок в эту страну меня долго “пытала” корреспондентка королевской газеты о том, что можно добавить устно к моим публикациям по царскому делу. Удовлетворившись результатами, она предложила мне в качестве благодарности просить её о любой услуге. Я обратился за помощью в доступе к заветному досье. Она сказала, что нет ничего проще, но на следующий день сконфуженно сообщила, что документы помечены грифом строгой секретности на 100 лет. По всей вероятности, родственники Романовых скрывают от любопытных глаз какую-то очень важную информацию, что лишний раз подтверждает международный характер тайны века.

Приведённые исторические свидетельства не стоит абсолютизировать, поскольку они исходят из разных источников и преследуют разные цели, но игнорировать их тоже нельзя! В совокупности с криминалистическими методами они должны сыграть свою роль. Изучая гибель царской семьи, мы приходим к нескольким важным выводам. Остановимся на некоторых.

Первый вытекает из сопоставления императорской и советской России. Несмотря на кажущуюся пропасть, возникшую в ходе революции и гибели династии, существует много не только отличного, но и общего, что необходимо уяснить на нынешнем этапе развития страны. Это, прежде всего, исторический опыт экономического развития и менталитет народа, которые трудно приспособляются к современному либеральному курсу.

Второй проистекает из настойчивых попыток скрыть правду о гибели Романовых как в начале века, так и в его конце. Широко известны маневры большевиков по этому поводу, меньше – представителей белого движения; и совсем не проанализированы действия современных политиков. А они, между тем, имеют большое значение для раскрытия тайны века. Обратите внимание на два, казалось бы, разнородных, но удивительно совпадающих по времени фактора. В июле 1975 года Юрий Андропов написал записку в ЦК о сносе дома Ипатьева (что вскоре было сделано). А в августе следующего года туда командировается Гелий Рябов, который с помощью Александра Авдонинова начинает искать царскую могилу. В 1977 году снесен дом Ипатьева, а в 1979 году вскрыта могила. Изъято три черепа, и до 1980 года они находятся неизвестно где. В 1981 году происходит канонизация страстотерпцев Русской православной церковью за границей, чему предшествовали отчаянные попытки западных спецслужб разобраться в Екатеринбургской трагедии (выход в свет в 1976 году книги А. Саммерса и Т. Менгольда «Досье Романовых»). Вскоре Г. Рябов направляется в Англию и ведёт там широкие консультации по вопросу гибели Романовых. Волей-неволей напрашивается вывод о связи советских и зарубежных инициатив. В чем она состояла, кому и зачем была нужна? В этом ещё предстоит разобраться. Нам думается, что КГБ в ответ на какие-то западные акции приняло попытку уничтожить следы гибели Романовых. Но разразилась перестройка, и проведенными расследованиями воспользовались антикоммунисты. Дело приняло новый оборот. Скорее всего, готовилась “рокировка”: торжественно перезахоронить Романовых и вынести из мавзолея Ленина. Вторая часть плана сорвалась, но первую требовалось довести до конца, и поскорее. Вот почему екатерин-

бургские останки были спешно объявлены царскими и перезахоронены в Санкт-Петербурге. Результат: сдержанная позиция Православной церкви и представителей Дома Романовых, недоумение в народе, затянутый ещё туже узел противоречий.

Третье следствие связано с волной самозванчества, возникшей после гибели царской семьи. Об этом мельком сообщалось в разных изданиях, но серьезного анализа никто не проводил по двум главным причинам. С одной стороны, вопрос считался несущественным, а с другой, исследователи не располагали необходимыми источниками. Сегодня когда удалось рассекретить уникальные документы спецслужб по данному вопросу, он предстает совсем в ином свете.

Нами обнаружены материалы о восемнадцати самозванцах только на Урале (в смутное время XVII веке в России было двенадцать), претендующих на роль Романовых: «царь», «царица», «царевич Алексей», «князь Михаил», «княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна» и некий «Гриша непростого рода». Их деятельность продолжалась с 1922 по 1952 годы и охватывала весь Урал, нередко выходя за его пределы вплоть до Алтая и Украины. Как крепка была вера народа в то, что православный царь, помазанник божий, и его дети таинственным образом спаслись и рано или поздно должны вернуться! От них ждали избавления от ненавистного советского строя, «являвшегося властью антихриста»¹...

Итак, тайна гибели царской семьи далека от разрешения. Трудно ожидать заметного продвижения вперед без доступа к новым документам и нового, комплексного исследования, лучше – международного. Очевидно, что императорская фамилия пала жертвой грубого произвола, не имеющего никаких юридических оснований. Как это случилось, кто за этим стоял, куда спрятаны останки? В этом предстоит ещё разобраться, и по крайней мере, получить веские доказательства гибели всей семьи. Конечно же, это не самоцель, но один из путей к тому, чтобы подвести черту под столетней гражданской войной в России и обрести согласие.

Источники и использованная литература:

1. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62.
2. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 51. Л. 18-19.
3. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.
4. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 36. Л. 27-29.
5. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 35 об.
6. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 701. Л. 12-13.
7. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9, 31.
8. Тобольский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ГИАМЗ). – Научный архив. КП-13774. Л. 8–10.
9. Библиотека Гарвардского университета. Досье Вильтона № 853919. Протоколы допросов сестры Лукоянова и доктора Уткина.
10. Документы внешней политики СССР. – М., 1957. Т. 2.
11. *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. – 286 с.
12. *Алексеев В.В.* Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США) // Уральский исторический вестник. – 1996. № 3.

---

¹ См. подробнее: *Алексеев В.В., Нечаева М. Ю.* Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. – Екатеринбург, 2000-2002. Ч. 1, 2.

13. *Алексеев В.В., Нечаева М. Ю.* Воскрешение Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. – Екатеринбург, 2000-2002. Ч. 1, 2.
14. *Бастрыкин А.И.* Процессуально-криминалистический анализ материалов, связанных с обнаружением и исследованием захоронения неизвестных лиц, обнаруженных в 1991 г. в окрестностях г. Екатеринбурга // Правда о Екатеринбургской трагедии. – М., 1998.
15. *Звягин В.Н.* Демонстрация экспертных материалов // Государственная легитимность. – М.–СПб., 1994. Вып. 1.
16. Идентификация останков царской семьи. – СПб., 1994.
17. Интервью начальника Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Н. Неволина // Областная газета. 26 мая 1995 г.
18. *Неволин Н.* Исследования состояния костных останков // Тайна царских останков. Екатеринбург, 1994. – С. 57-66.
19. Новая хроника. – 1995. 3 ноября. № 44.
20. *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. – М., 1992. – 288 с.
21. Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. Избранные документы. – М., 1998. – 288 с.
22. *Попов В.* Судебно-стоматологические исследования останков // Тайна царских останков. – Екатеринбург, 1994.
23. *Сонин Л. М.* Покер на костях, или как скрывают правду о судьбе Николая II. – Екатеринбург, 1998. – 264 с.
24. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. – Tenafly (Нью-Джерси, США): Эрмитаж, 1986. – 222 с.
25. *Aleksyeev V.V.* The Last Act of a Tragedy. – Ekaterinburg, 1996.
26. *Sammers A., Mangold T.* Le dossier Romanov. – Paris, 1980.

Alyekseev V.V.

Regicide: investigations and consequences

The author raises and analyzes debatable problems and the mysteries of death of an imperial family in July, 1918, criticizes the conclusion of the government commission on studying of the questions connected with a research and a reburial of remains of the Russian emperor Nicholas II and members of his family of 1998 and proves need of a new research of a mystery of death of an imperial family.

Keywords: death of an imperial family, Bolsheviks, burial, examination, research, secrets, concealment.

Лушников А.М.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ РСФСР 1918 г.: ИСТОРИОГРАФИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЕ, ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Данная статья посвящена ряду проблем, связанным с Кодексом законов о труде РСФСР 1918 г. Речь идёт об историографии, выделении периодизации и порядка принятия кодекса, а также определении его общих черт. Историография разделена на 4 периода, и сделан вывод о недостаточной исследованности комплекса проблем, связанных с КЗоТ РСФСР 1918 г. Выявлена периодизация этапов первой кодификации трудового законодательства от начала разработки проектов КЗоТ (не позднее сентября 1918 г.) до принятия кодекса на заседании ВЦИК 10 декабря 1918 г. В качестве вывода определены общие черты, которые присущие первому советскому кодифицированному акту о труде.

Ключевые слова: Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г., историография, история разработки и принятия, общие черты.

К сожалению, первому советскому Кодексу законов о труде (КЗоТ) «не повезло» в историографическом контексте. Литература о нем достаточно незначительна как по количеству, так и по глубине исследования. Среди малоисследованных вопросов остается периодизация его разработки и принятия, а также выделение общих черт.

Этому есть целый ряд как объективных, так и субъективных причин. Во-первых, кодекс действовал менее четырёх лет и это один из самых коротких периодов действия кодексов в нашей стране. Во-вторых, даже в этот период он практически не применялся, будучи фактически заменённым чрезвычайным законодательством в условиях гражданской войны. В-третьих, из-за спешки в его подготовке и общей революционной атмосферы в период принятия он оказался наиболее идеологизированным и несовершенным с точки зрения юридической техники. В-четвёртых, сам текст кодекса в связи с хозяйственной разрухой и войной оставался неизвестен, вероятно, большинству участников трудовых отношений. В-пятых, он оказался как бы в «тени» КЗоТа РСФСР 1922 г., который был существенно лучше подготовлен и отражал реалии перехода к НЭПу. В-шестых, документальная база его изучения относительно узкая, что делает проблематичным строго документальное исследование.

Рассмотрим по периодом историографию вопроса.

1-й период – от принятия до конца 20-х гг. XX в. В той или иной степени анализом содержания КЗоТ РСФСР 1918 г. занялись уже первые учёные-трудоовики. Это, прежде всего, И.С. Войтинский (1884-1943), К.М. Варшавский (1893-1981), Д.М. Генкин (1884-1966), А.Г. Гойхбарг (1883-1962), Е.Н. Данилова (1890-1954?), В.М. Догадов (1886-1962), Я.А. Канторович (1859-1925), А.Е. Семенова (1887-1950),

---

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

И.А. Трахтенберг (1883-1960), З.Р. Теттенборн (1893-1975), П.Д. Каминская (1894 – после 1959) и др.

Начнём с публикаций, посвященных развитию трудового законодательства в первые годы советского периода (в которых затрагивалось содержание кодекса) или непосредственно КЗоТ 1918 г. В целом литература по трудовому праву до начала 20-х гг. XX века была достаточно скудной. В годы гражданской войны результаты научных исследований выходили, за редким исключением¹, в основном в виде статей в периодических изданиях и были посвящены Кодексу законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1918 г. и в целом трудовому законодательству² или его отдельным институтам.³

Наиболее активно публиковался в периодической печати А.Г. Гойхбарг. Это касается, прежде всего, журналов «Пролетарская революция и право»⁴ и «Вестник жизни». Он также стал автором первого относительно крупного исследования по советскому социальному законодательству, затрагивающему проблемы трудового права и права социального обеспечения.⁵ Первая относительно обширная публикация по советскому трудовому законодательству представляла собой лекцию З.Р. Теттенборн (активной участницы подготовки проекта КЗоТ 1918 г.), прочитанную на курсах для инспекторов труда.⁶ Уже здесь ярко проявилась такая черта многих будущих советских исследований, как отказ от дореволюционного российского и мирового научного наследия, смешение идеологии и права.

До начала 30-х гг. XX века было опубликовано несколько работ, рассматривающих развитие советского трудового права, в которых определенное место отведено и принятию интересующего нас кодекса⁷. В целом в первый период КЗоТу

---

¹ См., например: *Аскназий С.И.* Очерк социального законодательства Советской республики. – М.–Пг., 1920; *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. – М., 1918; *Чредин Б.В.* Народное трудовое государство. – М., 1918; и др.

² См.: *Данилова Е.* Советское законодательство о труде за 1921 год // Советское право. – 1922. № 2. С. 102-115; *Резник И.* Пересмотр законодательства о труде // Вопросы труда. – 1922. № 2. С. 106-114; *Яблонский А.* Конституция труда // Пролетарская революция и право. – 1918. № 5-6. С. 3-11; и др.

³ См., например: *Арский Р.* Трудовая повинность // Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. № 2-3. С. 16-24; *Вержбицкий В.* Промышленные тарифы (Дискуссионная) // Вестник труда. – 1920. № 1. С. 41-43; *Гольцман А.* Дисциплина труда // Вестник труда. – 1921. № 1-2. С. 42-53; *Данилова Е.* Трудовая повинность и трудовой налог // Вопросы труда. – 1922. № 2. С. 82-106; *Зайцев В.* Распределение рабочего времени и отдыха и производительность труда // Вестник труда. – 1921. № 12. С. 46-58; Законодательство о новых формах заработной платы. – М., 1921; *Капун С.* Охрана труда и её органы. – М., 1921; *Лурье М. (Ларин Ю.)*. Трудовая повинность и рабочий контроль. – Пг., 1918; О фабрично-заводском ученичестве. Сб. статей. – Ярославль, 1922; *Парамонов А.* Трудовая повинность // Серп и молот. – 1920. № 15-16. С. 3-7; *Резник И.* Основные вопросы заработной платы // Вестник труда. – 1922. № 8-9. С. 59-69; *Шмидт В.* К вопросу о зарплате и тарифной политике // Вестник труда. – 1921. № 9. С. 9-11; и др.

⁴ См.: *Гойхбарг А.Г.* Кодекс законов о труде // Пролетарская революция и право. – 1918. № 8-10. С. 3-8; и др.

⁵ См.: *Гойхбарг А.Г.* Социальное законодательство Советской республики. – М., 1919.

⁶ См.: *Теттенборн З.* Советское законодательство о труде. – М., 1920 (2-е изд.: 1926).

⁷ См.: *Бахутов А.* Советское трудовое законодательство за десятилетие существования советской власти // Вестник труда. – 1927. № 10; *Данилова Е.* Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. – 1923. № 1. С. 124-132; *Она же.* Значение кодификации трудового законодательства // Вопросы труда. – 1925. № 7-8. С. 109-116; *Лях А.* Законодательство о труде 1917-

уделялось незначительное внимание, хотя оценивался он достаточно критично и адекватно с учётом уже набирающей силу идеологической составляющей.

2-й период – с начала 30-х до середины 50-х гг. XX в. В этот период историей трудового законодательства занимались как учёные, начавшие свою научную деятельность в досоветский период, так и первая генерация советских учёных-трудовиков. Среди первых выделяется И.С. Войтинский, а среди вторых – Н.Г. Александров (1908-1974), К.П. Горшенин (1907-1978), Г.К. Москаленко (1901-1971) и др. Они достаточно активно изучали развитие трудового законодательства в первые годы советской власти. В этих исследованиях первый советский КЗоТ рассматривался как одна из отправных точек развития советского трудового права.¹ Появились и отдельные работы, посвященные этому кодексу, публикуемые, как правило, к юбилеям его принятия.²

Первым относительно крупным исследованием стала монография К.П. Горшенина, посвященная, среди прочего, КЗоТ РСФСР 1918 г.³ Этой же проблеме была посвящена и его кандидатская диссертация. В целом за второй период интересующие нас публикации были представлены в основном статьями в периодических изданиях, большинство из которых имели юбилейный характер. Все недостатки первой кодификации, упоминаемые чаще всего по касательной, связывались с гражданской войной и иностранной военной интервенцией.

3-й период – вторая половина 50-х – конец 80-гг. XX в. Этот период был одним из самых плодотворных в изучение предложенной проблематики. Особенно это касается второй половины 50-х – середины 60-х гг. XX века.⁴ Исследовалась история первого КЗоТа и в дальнейшем, при чем традиционно в контексте развития трудового законодательства в первые годы советской власти.⁵ Собственно КЗоТу

1922 г. и его связь с новым КЗоТ // Вопросы труда. – 1923. № 5-6. С. 62-66; *Он же*. Развитие советского законодательства о труде за десять лет // Вопросы труда. – 1927. № 10. С. 114-125; *Сафонов Ф.* Краткий очерк советского трудового права. – М., 1927; *Шмидт В.В.* Наше трудовое законодательство. – М., 1927; и др.

¹ См.: *Александров Н.* Двадцать лет советского трудового права // Социалистическая законность. – 1937. № 11. С. 42-47; *Войтинский И.С.* К пятнадцатилетию советского трудового права // Советское государство. – 1932. № 9-10. С. 103-122; № 11-12. С. 29-60; *Догодов В.М.* Этапы развития советского трудового права // Ученые записки ЛГУ. Серия «Юридические науки». – 1949. № 107. Вып. 2. С. 252-277; *Пашерстник А.Е.* К тридцатилетию советского трудового права // Советское государство и право. – 1947. № 10. С. 78-97; *Троицкий И.* К 15-летию трудового законодательства и 10-летию КЗоТ // Вопросы труда. – 1932. № 11-12. С. 36-40; и др.

² См.: *Горшенин К.* Первый советский кодекс законов о труде // Советская юстиция. – 1938. № 2-3. С. 27-32; *Москаленко Г.* Первый советский Кодекс законов о труде // Политическое самообразование. – 1939. № 1. С. 116-124; *Финогенов А.Н.* Первый кодекс законов о труде // Охрана труда. – 1939. № 1. С. 24-26; и др.

³ См.: *Горшенин К.П.* Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первые годы Советской власти. – М., 1939.

⁴ См.: *Астапович З.А.* Правовые мероприятия Советской власти в области труда (1917-1918 гг.) // Вопросы истории. – 1955. № 3. С. 11-23; *Он же*. Правовые мероприятия Советской власти в области труда (1917-1918 гг.). – М., 1958; *Догодов В.М.* Советское трудовое право за 40 лет (1917-1957 гг.) // Социалистический труд. – 1957. № 10. С. 61-72; *Левянт Ф.М., Паиков А.С.* Трудовое право // 40 лет Советского права. – Л., 1957. Т. 1. С. 306-360; *Пашерстник А.Е.* Развитие советского трудового права // Вопросы труда в СССР. Сб. – М., 1958. С. 320-371.

⁵ См.: *Виленский Б.В.* Из истории становления советского трудового права // Ученые записки СЮИ.

РСФСР 1918 г. и его принятию по-прежнему, за редким исключением, посвящались преимущественно статьи к юбилеям.¹ При этом 40-летний юбилей кодекса был отмечен торжественным заседанием.² Однако в дальнейшем даже юбилейные статьи, посвященные первому КЗоТу, сводились в основном одной – двум страницам констатирующего текста.³ Некоторое исключение составил Выпуск 19 Учёных записок ВНИИСЗ, в значительной степени посвященный 50-летию КЗоТ 1918 г.⁴

Среди этих исследований можно выделить кандидатскую диссертацию Т.А. Кисаровой.⁵ С опорой на архивные материалы она рассмотрела процесс разработки и принятия данного кодекса, практику его применения. В то же период стали выходить первые достаточно обширные исследования, наравне со статьями в периодике, посвященные источникам права, общим проблемам кодификации и кодификации советского трудового законодательства. В них рассматривались, в том числе, теоретические проблемы и история систематизации отечественного трудового законодательства, начиная от его первой кодификации.⁶ Эта проблематика затрагива-

---

– 1969. Вып. 18. С. 67-84; *Гинцбург Л.Я.* Основные этапы развития советского трудового права // Проблемы трудового права. Сб. – М., 1968. С. 26-49; *Горячих К.М.* Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.). Дис... канд. юрид. наук. – М., 1972; *Гудков В.С.* Правовая инспекция труда в СССР (историко- правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1974; *Киселев А.Ф.* Народный комиссариат труда и профессиональные союзы в первые месяцы советской власти (октябрь 1917- лето 1918 гг.). Дис ... канд. ист. наук. – М., 1979; *Пятаков А.* Октябрьская социалистическая революция и советское трудовое законодательство // Социалистический труд. – 1967. № 7. С. 9-18; и др.

¹ См.: *Горшенин К.П.* Сорокалетие первого Кодекса законов о труде // Советское государство и право. – 1958. № 12. С. 16-25; *Он же.* Пятидесятилетие первого Кодекса законов о труде // Советская юстиция. – 1968. № 24. С. 3-4; *Иванов С.А.* Жизненная сила идей советского трудового права (К 50-летию первого Кодекса законов о труде) // Советское государство и право. – 1968. № 12. С. 10-21; *Кисарова Т.А.* Создание Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г. // Вестник Московского университета. Серия 11: «Право». – 1983. № 6. С. 58-65; *Михайлова Н.* Пятидесятилетие первого Кодекса законов о труде // Советское государство и право. – 1969. № 4. С. 144-145; *Пятаков А.* Первый Кодекс законов о труде // Социалистический труд. – 1958. № 12. С. 36-39; *Смирнов В.Н.* Кодекс законов о труде 1918 г. // Вестник Ленинградского университета. Серия «Эк., филос. и право». – 1958. № 23. Вып. 4. С. 144-147; и др.

² См.: А.Т. Заседание, посвященное 40-летию первого КЗоТ // Советское государство и право. – 1959. № 5. С. 144-145.

³ См., например: *Смолярчук В.И.* Первый Кодекс законов о труде // Советские профсоюзы. – 1978. № 23. С. 28; *Ставцева А.И.* Первый Кодекс законов о труде // Социалистическая законность. – 1978. № 12. С. 33-36.

⁴ См., например: *Андреев В.С.* Ленинские идеи о социальном обеспечении в КЗоТ 1918 г. // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 13-18; *Ачаркан В.А.* Некоторые вопросы трудового права в свете 50-летия первого КЗоТ // Там же. С. 43-45; *Бодерскова Н.Н.* Важная веха в истории трудового законодательства // Там же. С. 19-22; *Горшенин Е.П.* Торжество ленинских принципов советского законодательства о труде // Там же. С. 3-12; *Кириченко М.Г.* Конституция РСФСР 1918 г. и первый советский Кодекс законов о труде // Там же. С. 25-28; и др.

⁵ См.: *Кисарова Т.А.* Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. Дис. канд. юрид. наук. – М., 1985.

⁶ См.: *Горшенин К.П.* Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. – М., 1967; *Пашерстник А.Е.* Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. – М., 1955; *Москаленко Г.К.* К вопросу о кодификации советского законодательства о труде // Вопросы кодификации. Сб. ст. – М., 1957. С. 113-135; *Смолярчук В.И.* Источники советского трудового права. – М., 1978; *Хохрякова О.С.* Источники советского трудового права. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1976; и др.

лась и в других исследованиях, посвященных общим проблемам кодификации.¹ Фрагментарно рассматривалась история первого Кодекса законов о труде и публикациях, посвященных развитию трудового законодательства в советский период.²

4-й период – с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время. В постсоветский период интерес исследователей к историческим аспектам развития трудового права существенно возрос. Однако это в незначительной степени коснулось КЗоТ РСФСР 1918 г.

Его история по-прежнему рассматривалась преимущественно либо в общем контексте развития законодательства в первые годы советского периода³, либо даже в более широких хронологических и тематических рамках.⁴

При этом среди публикаций в значительной степени продолжают преобладать небольшие по объёму статьи, как правило, юбилейного характера.⁵ На этом фоне можно выделить исследования И.Я. Киселева (1932-2005), который провёл достаточно подробное историко-правовое исследование КЗоТа 1918 г. в целом ряде своих публикаций.⁶ Данная проблематика затронута ещё в целом ряде публикаций, посвященной общим проблемам трудового права.⁷ Стоит отметить, что специального

---

¹ См.: Вопросы кодификации советского законодательства: Сб. ст. – Свердловск, 1957; Вопросы кодификации советского права. Сб. статей / Отв. ред. Д.А. Керимов. – Л., 1958-1960. Вып. 2-3.; *Иодковский А.Н.* История советской кодификации. – М., 1957; Развитие кодификации советского законодательства / Отв. ред. С.Н. Братусь. – М., 1968; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. – М., 1962; *Ушаков А.А.* Краткий очерк истории советской кодификации // Ученые записки Пермского государственного ун-та. Серия «Юридические науки». – 1962. Вып. 1. Т. 25. С. 143-162; *Чистяков О.И.* Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти // Советское государство и право. – 1956. № 5. С. 10-22; и др.

² См., например: *Волкова О.Н.* История развития советского законодательства. – М., 1986; *Зайкин А.Д., Конахин Л.Г.* Развитие трудового права за 70 лет Советской власти // Вестник МГУ. Серия 11. «Право». – 1987. № 6. С. 30-38; *Хныкин Г.В.* Создание основ Советского трудового права // Великий Октябрь и создание советского государства и права. Сб. – Иваново, 1987; и др.

³ См.: *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918-1924 гг.). – М., 2006; *Брилль Г.Г., Козлова Н.А.* Защита трудовых прав рабочих на производстве в первые годы становления советского государства // Вестник Костромского технолог. ун-та. – 2003. № 8. С. 64-65; *Максимова О.Д.* Становление трудового права в Советской России в период гражданской войны (1918-1920 гг.) // Социальное и пенсионное право. – 2009. № 2. С. 32-35; и др.

⁴ См.: *Андрюшин Е.А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. – М., 2012; *Гордеев И.А.* История становления и развития советского трудового права (1917-1941 гг.). Дис...канд. ист. наук. – Курск, 2002; *Иванов С.А.* Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. – 1999. № 5. С. 36-45; *Мионов В.И.* История трудового права: теория и практика // Государство и право. – 1998. № 12. С. 55-61; *Чинарян Е.О.* Законодательная техника в первые годы Советской власти // Право России в XXI веке. Сб. статей / Под ред. Л.В. Федякиной. – М., 2007. С. 121-127; и др.

⁵ См.: *Соснов Ю.* Первому российскому КЗоТу исполнилось 80 лет // Профсоюз. межд. изд. – 1999. № 3. С. 29-30; *Шебанова А.И.* От тарифного соглашения по КЗоТ 1918 г. до системы социального партнерства в современный период // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. Сб. – М., 2000. С. 125-130; *Шеломов Б.А.* КЗоТ 1918 г. и современность // Там же. С. 131-135; и др.

⁶ См.: *Киселев И.Я.* Трудовое право России. Историко-правовое исследование. – М., 2001. С. 109-140; *Он же.* Трудовое право в тоталитарном обществе. – М., 2003. С. 7-20; *Киселев И.Я., Лушников А.М.* Трудовое право. – М., 2011. С. 29-40; и др.

⁷ См.: *Андреановская И.И.* Преемственность в трудовом праве. – Южно-Сахалинск, 2010; *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Курс трудового права: в 2-х тт. – М., 2009; и др.

монографического издания, посвященного первому советскому кодексу законов о труде, до настоящего времени так и не было опубликовано.

История разработки и принятия КЗоТ РСФСР 1918 г. Первые же мероприятия Советской власти в сфере регулирования трудовых отношений носили ярко выраженный прорабочий характер. На второй день после октябрьского переворота был создан Народный комиссариат труда (НКТ) РСФСР во главе с А.Г. Шляпниковым. Начало формированию советского трудового законодательства было положено декретом СНК о 8-часовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени от 29 октября 1917 г.¹ Этим же декретом вводилась 48-часовая рабочая неделя, предусматривалось сокращенное рабочее время на особо вредных для здоровья работах, запрещался ночной труд женщин. Постановлением СНК РСФСР об отпусках от 14 июня 1918 г. было декретировано право на двухнедельный отпуск за год работы, при условии шести месяцев непрерывной работы.²

Одновременно готовился проект первого советского КЗоТа. История его принятия до настоящего времени изучена в недостаточной степени. Некоторое исключение составляют исследования уже упомянутой Т.А. Кисаровой, однако она имела доступ не ко всем архивным фондам.³ В этой связи мы будем опираться преимущественно на ограниченный круг литературных источников, а также архивные материалы.⁴ Речь идёт, прежде всего, о фонде Р-1235 «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет» Государственного архива РФ (далее: ГА РФ) Свои проекты КЗоТ готовил совместно и порознь целый ряд организаций и ведомств, в том числе Наркомат труда (НКТ) РСФСР, Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР, профсоюзы. Одним их первых по срокам был подготовлен «проект, рассмотренный коллегией НКЮ»⁵, включавший X разделов, 147 статей, 4 приложения (не было приложения о еженедельном отдыхе и праздничных днях). Начало работы установить сложно, но, по меньшей мере, в сентябре 1918 г. над ним уже работало отделение социального права НКЮ.⁶ По утверждению Т.А. Кисаровой, Коллегия НКЮ рассмотрела проблему кодификации трудового законодательства на своём заседании 7 октября 1918 года.

С 23 и 25 октября 1918 года было проведено два заседания Особой комиссии Наркомата труда (НКТ) РСФСР с участием представителей Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР по обсуждению проекта КЗоТ.⁷ На заседаниях комиссия постатейно обсуждала проект КЗоТ. Состав комиссии на первом заседании (23 октября) был следующим: от НКТ – В.А. Радусь-Зенькович (1877-1967) (зам. наркома), И.И. Хо-

---

¹ Собрание узаконений РСФСР. – 1917. № 1. Ст. 10 (далее: СУ РСФСР).

² СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 527.

³ См.: Кисарова Т.А. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. Дис. канд. юрид. наук. – М., 1985 (Глава 2); Она же. Создание Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. «Право». – 1983. № 6. С. 58-65.

⁴ Часть архивного материала была предоставлена кандидатом юридических наук, кандидатом исторических наук, доцентом А.Б. Ивановым.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 39-63 (об.).

⁶ Материалы Народного комиссариата юстиции. – М., 1918. Вып. 6. С. 24.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196.

доровский (1885-1938), Финкельштейн¹, от НКЮ – А.Г. Гойхбарг (1883-1962), секретарь – З.Р. Теттенборн (1893-1975).

В представленном проекте КЗоТ было введение, 146 статей и 4 приложения. В начале заседания В.А. Радусь-Зенькович отметил, что Кодекс «должен отказаться от принципа договора найма, и, строя трудовые отношения по принципу их всеобщности, на первый план выдвигать сознательное отношение трудящихся к работе, заменяя меры принуждения мерами товарищеского воздействия и т.д.». В связи с этим он предложил новую редакцию ст. 5 Введения: «В предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества (п. 1 ст. 6 настоящего Кодекса), трудящимся должно быть предоставлено широкое товарищеское самоуправление. Но, считаясь с переходным моментом диктатуры пролетариата, Советской власти предоставляются широкие полномочия в деле воздействия на трудящиеся массы, направленные на воспитание их в духе социалистического и коммунистического строя и осуществляемые путем соглашений между профессиональными союзами трудящихся и органами управления предприятиями и хозяйствами».² Также 23 октября 1918 г. из ст. 49 проекта по настоянию представителей Наркомата труда Комиссией был исключена заключительная часть статьи, предусматривавшая уплату вознаграждения за месяц вперед при увольнении.

Второе заседание комиссии состоялось 25 октября 1918 г. (состав присутствовавших был тот же, что и ранее). На этом заседании также, как на первом заседании, в проект КЗоТ не вносилось значительных изменений. В основном членами Комиссии предлагались поправки редакционного характера.

24 октября 1918 г. из ВЦИК в Всероссийский центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и в НКТ был направлен проект КЗоТ и предложено назначить одного представителя из членов ВЦИК в Комиссию, которая «займется рассмотрением проекта КЗоТ для представления в недельный срок в Президиум ВЦИК». Лично письма с такой информацией были направлены М.А. Рейснеру, А.Г. Гойхбаргу и А.И. Хмельницкому.³

С 27 октября 1918 г. работа над законопроектом проходила в Комиссии ВЦИК по рассмотрению проекта КЗоТ. На первом заседании (27 октября) присутствовали В.А. Радусь-Зенькович, А.Г. Гойхбарг, Н.П. Глебов-Авилов (1887-1937), А.И. Хмельницкий (1889-1919), секретарь – З.Р. Теттенборн. В начале заседания Н.П. Глебов-Авилов попросил комиссию «отложить рассмотрение проекта до детального обсуждения его Президиумом и Исполнительным Комитетом ВСПС». А.Г. Гойхбарг же заявил о невозможности отсрочки, так как по постановлению ВЦИК от 24 октября предоставлен Комиссии недельный срок для представления проекта, а работа Комиссии должна быть закончена к 31 октября.⁴ В итоге эта Комиссия, как и предыдущая заново постатейно рассматривала проект КЗоТ. Второе заседание Комиссии ВЦИК было назначено на 29 октября 1918 года. На это заседание явились только В.А. Радусь-Зенькович и А.Г. Гойхбарг. Они постановили ввиду

¹ Инициалы не указаны. Возможно, это известный революционер, а в последствие дипломат М.М. Литвинов (Валлах) (1876-1951), известный так же под псевдонимом Финкельштейн.

² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 73.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 9.

отсутствия между ними разногласий принять, наконец, проекта КЗоТ (начиная с раздела VI «О вознаграждении за труд») в редакции Особой комиссии НКТ при участии представителей НКЮ.

В итоге 1 ноября 1918 года проект КЗоТ был направлен в Президиум ВЦИК для ознакомления. В этом проекте было шесть вводных статей, IX разделов, включающих 145 статей и 5 приложений.¹ Можно привести следующие примеры отличий проекта от принятого в последствие КЗоТ 1918 г.:

а) ст. 53 проекта закрепляла правило о том, что виновный в самовольном оставлении работы подвергается уголовной ответственности, и может быть Местным отделом труда приговорен к штрафу в размере не менее 100 рублей или лишению свободы не менее одной недели;

б) по всему тексту проекта используется понятие «биржа труда».

4 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК было принято решение о создании Особой комиссии по редактированию проекта КЗоТ РСФСР. В состав комиссии вошли: от НКТ – В.В. Шмидт (1886-1938) (нарком), от НКЮ – А.Г. Гойхбарг, от ВСНХ – Ю.А. Ларин (1882-1932), от ВЦСПС – Н.П. Глебов-Авилов, от Президиума ВЦИК – А.Х. Митрофанов (1879-1941). Секретарем комиссии стала З.Р. Теттенборн. Заседания Особой комиссии проходили 24, 27 и 29 ноября 1918 г. Назначенное на 21 ноября 1918 года первое заседание не состоялось в виду отсутствия кворума – пришли только В.В. Шмидт и А.Г. Гойхбарг.²

Комиссия в ходе заседаний постатейно обсуждала проект КЗоТ, внося в него при необходимости изменения и дополнения. Концепция и структура законопроекта комиссией не обсуждалась, при этом работа над проектом привела к уменьшению количества статей (137 статей в редакции Комиссии вместо 145) и, соответственно, его содержания. Вариант ст. 5 Введения близкий к окончательному был принят на заседании 4 ноября 1918 г. Внося указанное изменение в проект, В.В. Шмидт и Ю.А. Ларин обосновали его следующим образом: «Так как диктатура пролетариата должна строиться на самоуправлении, а органами управления предприятиями и хозяйствами, о которых говорит конец статьи в большинстве являются инженеры, то для избежания внутреннего противоречия следует проредактировать статью».³

Редакция проекта КЗоТ, утвержденная Особой комиссией, не стала окончательной, хотя и была весьма близкой по содержанию к тексту закона. Карандашным тестом за подписью А.Г. Гойхбарга (без даты) на экземпляре проекта КЗоТ, направленного в Наркомат юстиции, отмечалось следующее. «Текст окончательно принятый комиссией пяти и посланный для опубликования тов. Я.М. Свердлову».⁴ В отдел опубликования законов Наркомата юстиции проект КЗоТ был направлен из ВЦИК 12 декабря 1918 г. с пометкой «для опубликования».⁵

В процессе обсуждения в проект было внесено достаточно много поправок редакционного характера. Так в пункте «б» ст. 2 по предложению Ю.А. Ларина был более точно прописан верхний возрастной порог, исключавший привлечение к тру-

¹ Текст проекта КЗоТ от 1 ноября 1918 г. см.: ГАРФ. Ф Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 13-38.

² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 21. Д. 23. Л. 2, 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 21. Д. 23. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 181.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 181.

довой повинности. Указывалось, что это «все лица старше 50 лет» (прежняя редакция – «старческий возраст»). В разделе III «Порядок предоставления труда» во всех статьях понятие «Биржа труда» было заменено по предложению А.Г. Гойхбарга на «Отдел распределения рабочей силы». В ст. 80 проекта Комиссия решила заменить термин «трудовая книжка» на «расчетная книжка».

Также по предложению членов комиссии было скорректировано содержание некоторых положений законопроекта. Так, по предложению В.В. Шмидта, заявившему о необходимости в новых условиях предоставления организациям права использовать наличную рабочую силу и для работ не по специальности, ст. 10: «Все трудоспособные граждане имеют право на применение труда по своей специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы» была дополнена примечанием: «Районному Пункту Обмена Отдела Распределения Рабочей Силы, по соглашению с соответствующим профессиональным объединением, предоставляется, при неимении работы по специальности, направлять отдельных трудящихся и группы их на работы другой специальности».¹ В ст. 27 комиссия решила изменить порядок направления на работу в другую местность. «В первую очередь должны быть вызываемы желающие отправиться в другую местность, но обмен очередями по соглашению между отдельными трудящимися не должен иметь места. Затем должно быть указано, что в первую очередь отправляются одинокие, а затем семейные». Коснулись изменения и конструирования статей проекта КЗоТ. Так, по предложению Шмидта ст. 41 вместе с примечанием была исключена из проекта, а ст. 42 разбита на две части. Часть 1 ст. 42 (теперь ст. 41): «Перевод трудящегося на другую работу в пределах того же предприятия, учреждения или хозяйства, где трудящийся работает, производится по постановлению органов управления предприятием, учреждением или хозяйством, где трудящийся работает». Ст. 42 в редакции Комиссии в итоге получилась такой же, как в тексте КЗоТ РСФСР 1918 г.

В то же время ряд прозвучавших предложений комиссия не учла, оставив положения проекта КЗоТ без изменений. Так, Ю.А. Ларин в ст. 1 предлагал сузить применение трудовой повинности, установив ее лишь «для лиц, не занятых общественно-полезным трудом». На это последовало возражение А.Г. Гойхбарга что «трудовая повинность в современных условиях не может быть карой», также он обратил внимание на согласованность формулировки нормы проекта с актами Совнаркома. В итоге комиссия утвердила статью в первоначальной редакции. В пункте «а» статьи 2 проекта КЗоТ Ю.А. Ларин предложил повысить возрастной порог для лиц, не подлежащих трудовой повинности с 16 до 18 лет, «так как до этого возраста длится обязательное обучение», а в п. «в» этой же статьи в дополнение к «лицам, навсегда утратившим трудоспособность вследствие увечья или болезни». Эти предложения комиссия отклонила по инициативе А.Г. Гойхбарга, обратившего внимание на то, что «нормы согласуются с изданными уже декретами», а инвалидность, кроме того, охватывается имеющимися в статье понятиями «болезнь» и «увечье» и «старость».

Значительное внимание на заседании комиссии, состоявшемся 27 ноября 1918 года, было уделено вопросу о праздничных днях (приложение к ст. 104 проекта

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 21. Д. 23. Л. 5.

КЗоТ). Связано это было с указанием СНК с целью согласования названных положений проекта КЗоТ с проектом Декрета о праздничных и нерабочих днях в Советской республике, представленных Наркоматом труда.¹ В результате проект КЗоТ в этой части претерпел некоторые изменения.

Интересно обратить внимание на стремление представителя ВЦСПС Н.П. Глебова-Авилова усилить роль трудящихся и профсоюзов в решении отдельных вопросов в области трудовых отношений. Это, в частности, касалось согласительных полномочий профсоюзов. Так, ст. 45 проекта КЗоТ по предложению Глебова-Авилова была дополнена указанием на необходимость областному Отделу Труда согласовывать перевод целой группы трудящихся из организации, где они работают, в другую организацию, расположенную в той же или в иной местности для исполнения срочных общественно-необходимых работ с соответствующим профессиональным объединением. В тоже время Особая комиссия не одобряла предложения по усилению влияния представителей работников на отношения в сфере труда там, где по её мнению могли быть нарушены интересы производства, государственные интересы (это наиболее заметно, в первую очередь, по репликам В.В. Шмидта и, отчасти, А.Г. Гойхбарга). Наконец, 10 декабря 1918 года принимается Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР² по докладу Наркомата юстиции (докладчик А.Г. Гойхбарг).

Это позволяет в целом согласиться с периодизацией этапов первой кодификации трудового законодательства, предложенных Т.А. Кисаровой, но с определенными корректировками: 1) начало разработки проекта КЗоТ в НКЮ и НКТ РСФСР (не позднее сентября 1918 г.); 2) обсуждение проекта КЗоТ в Особой комиссии Наркомата труда (НКТ) РСФСР с участием представителей Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР (23 и 25 октября 1918 г.); 3) деятельность Комиссии ВЦИК по рассмотрению проекта КЗоТ (27 и 29 октября 1918 г.); 4) постановление ВЦИК о создании Особой комиссии по редактированию проекта КЗоТ РСФСР (4 октября 1918 г.) и заседания этой комиссии (24, 27 и 29 ноября 1918 г.); 5) принятие КЗоТ на заседании ВЦИК 10 декабря 1918 г.

Стоит отметить, что в некоторых исследованиях датой принятия КЗоТ указывается 4 ноября 1918 г., а датой подписания – 10 декабря 1918 г. или подчеркивается дискуссионность данной проблемы.³ Между тем, такое расхождение является скорее следствием недоразумения. Оно налагается и на неопределенную юридическую технику первых советских актов. Как уже указывалось, 4 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК было принято решение о создании Особой комиссии по редактированию проекта КЗоТ РСФСР и в дальнейшем в утвержденный проект неоднократно вносились изменения. В этой связи датой принятия КЗоТ РСФСР 1918 г. следует считать именно 10 декабря 1918 г.

В этой связи можно констатировать, что советское трудовое законодательство результатом первой систематизации имело сразу кодифицированный акт. В насто-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 21. Д. 23. Л. 11.

² СУ РСФСР. 1918. № 86-87. Ст. 905.

³ См., например: *Соболев С.А.* Социальные науки и история трудового права России. Библиографический указатель литературы по трудовому праву (XVIII – начало XXI в.). – Ижевск, 2015. С. 128 (прим.).

ящее время достаточно сложно установить персональный состав всех экспертов, участвующих в подготовке КЗоТа 1918 г., хотя непосредственные участники комиссий по рассмотрению и редактированию кодекса были названы выше. Несомненно, одними из его основных авторов и идеологов были А.Г. Гойхбарг и В.В. Шмидт, а активное участие в его подготовке принимала З.Р. Теттенборн.

КЗоТ 1918 г. имел 9 разделов, 137 статей, а также введение и 5 приложений. Его структура была весьма своеобразной. Всю общую часть заменяло достаточно идеологизированное Введение, а Раздел I был посвящен трудовой повинности. Следующий раздел посвящался праву на применение труда. Сочетание обязанности трудиться с правом на труд составляло достаточно необычную конструкцию обязанности-права. Раздел III определял порядок применения труда, а Раздел IV – предварительное испытание. Разделы с V по IX были посвящены, соответственно, переводу и увольнению трудящихся; вознаграждению за труд; рабочему времени; обеспечению надлежащей производительности труда; охране труда. В состав кодекса было включено 5 приложений, разъясняющих нормы отдельных статей кодекса. Это Правила о порядке установления нетрудоспособности (к ст. 5); Правила о выдаче пособий трудящимся во время из болезни (к ст. 78); Правила о безработных и выдачи им пособий (к ст. 79); Правила о трудовых книжках (к ст. 80); Правила о еженедельном отдыхе и о праздничных днях (к ст. 104). Необычно то, что время отдыха регламентировалось нормами раздела о рабочем времени и приложением к ст. 104. Отсутствовали разделы о трудовом договоре, о коллективных договорах, о трудовых спорах, о контроле и надзоре за соблюдением трудового законодательства, о дисциплинарной и материальной ответственности. Практически отсутствовала и полноценная общая часть. В то же время, непосредственно в кодексе регулировались многие вопросы, связанные с социальным обеспечением (о порядке установления нетрудоспособности и др.).

Для КЗоТ 1918 г. были характерны общие черты, в той или иной мере, присущие всему советскому трудовому законодательству в дальнейшем.

1) Это его идеологизированность. Конечно, трудовое законодательство по определению зависит от социально-политических факторов, но в советской России на первое место выдвинулась именно идеология. Уже в п.V Введения КЗоТ 1918 г. указывалось: «В предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества..., трудящимся должно быть представлено под руководством Центральной Советской власти самое широкое самоуправление, на котором одном может быть основано плодотворное воспитание трудящихся масс в духе социалистического и коммунистического строя». С эти связана определенная декларативность первого КЗоТа, часть норм которого носила характер благих пожеланий, не подкрепленных объективными возможностями их осуществления.¹

2) Советскому трудовому праву изначально свойственна легализация и регламентация принудительного труда, что иногда не без основания называют его «первородным грехом» или «родимым пятном». Ещё в январе 1918 года III Всероссийским съездом Советов принимается Декларация прав трудящихся и эксплуатируе-

---

¹ См.: Пашерстник А.Е. Право на труд. Очерки по советскому праву. – М., 1951. С. 6. На это же ранее указывали И.С. Войтинский, М.П. Томский и др.

мого народа, которая предусматривала всеобщую трудовую повинность. Первоначально она применялась, по официальной терминологии, в отношении нетрудящихся классов, эксплуататоров или богатых. Но постепенно она распространилась на всех трудоспособных граждан с 16 лет. В первом КЗоТе это было выражено особенно чётко. Символично, что раздел I назывался «О трудовой повинности», а завершающий его раздел IX – «Об охране труда». Вместе с тем, КЗоТ 1918 г. ввёл дифференциацию по классовому признаку, установив трудовую повинность в форме принудительного привлечения к выполнению общественных работ в отношении лиц, не занятых общественно-полезным трудом, для так называемых «нетрудящихся классов, паразитических слоев общества». Впрочем, трудовой повинности в тот период уже не чём не отличалась от обязанности трудиться и её должны были отбывать все трудоспособные граждане. Все не имевшие работы объявлялись лицами «без определенных занятий» и направлялись на общественные работы наравне с «буржуями». В период военного коммунизма трудовая повинность стала просто всеобщей на основании Декрета Совнаркома РСФСР от 29 января 1920 г. «О всеобщей трудовой повинности».¹

Уклонение от учёта и явки по трудовой повинности, самовольное оставление работы признавались либо административным проступком, либо преступлением (злостные и повторные нарушения). Характерно, что за проведением трудовой повинности в жизнь следил Главный комитет по всеобщей трудовой повинности во главе с председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским.

3) Имела место преимущественно публично-правовая составляющая советского трудового права, в отдельные периоды полностью исключая договорные начала. В КЗоТе 1918 г. даже отсутствовало само понятие трудового договора.

4) Большой массив подзаконных актов, которые корректировали, а нередко вытесняли и изменяли нормы КЗоТ. Так, Общие положения о тарифе от 17 июня 1920 г.² фактически заменили КЗоТ 1918 г., хотя формально последний не был отменён. Впрочем, ещё Постановлением НКТ РСФСР от 4 октября 1919 г. большинство прогрессивных ограничений в применении труда отдельных категорий работников, предусмотренных КЗоТ 1918 г., временно отменялось в условиях гражданской войны.

5) В первом КЗоТе было ярко выраженное уравнительное начало, выразившееся, в частности, в запрете труда по совместительству. Направленность кодекса на обеспечение принудительности и уравнительности была очевидна изначально даже для лояльных новой власти авторов.³

Трудовые права мужчин и женщин впервые были уравнены. В то же время, беременные женщины на период времени за 8 недель до и 8 недель после родов освобождались от трудовой повинности (ст. 3 КЗоТ РСФСР 1918 г.). Для работниц, кормящих ребенка грудью, должны были устанавливаться дополнительные перерывы через каждые три часа работы на срок не менее получаса. По сути, отпуск по

---

¹ СУ РСФСР. 1920. № 8. Ст. 49.

² СУ РСФСР. 1920. № 61-62. Ст. 276.

³ См.: *Варшавский К.М.* Трудовое право СССР. – Л., 1924. С. 99; *Данилова Е.Н.* Советские законы о труде. – М., 1926. С. 18-19; *Семенова Е.А.* Советское законодательство о труде. – М., 1927. С. 26-27.

беременности и родам приравнивался ко времени болезни (ст. 78 и приложение к ней). При этом размер пособий для беременных и рожениц устанавливался особым постановлением Народного комиссариата труда (НКТ). Впрочем, специальный раздел о регулировании труда женщин и подростков в КЗоТ 1918 г. отсутствовал. Это отвечало общей идеологии нового кодекса и всего советского законодательства.

Согласно п. 2 Введения КЗоТ 1918 г. его нормы распространялись «на всех лиц, работающих за вознаграждение, и обязательны для всех предприятий, учреждений и хозяйств (советских, общественных, частных и домашних), а также для всех частных лиц, применяющих чужой труд за вознаграждение». К.М. Варшавский (1893-1981) считал, что КЗоТ 1918 г. не создал по большей части новых правовых норм, а распространил, до известной степени механически, нормы охраны труда фабрично-заводских рабочих на всех прочих нанимающихся. В этой связи вопросы, которые по существу должны были бы получить различную нормировку для рабочих и служащих или работников различных отраслей вследствие различного характера труда, получили одинаковое, огульное разрешение, ориентированное по одним только промышленным рабочим. Этот учёный различия между советским правом до 1923 года и западноевропейским видел не столько качественными, сколько количественными.¹

Источники и использованная литература:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 21. Д. 23. Л. 2, 3, 5, 11.
2. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 181.
3. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 196. Л. 1, 9, 13-38, 39-63 (об.), 73.
4. СУ РСФСР – Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1. Ст. 10.
5. СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 527.
6. СУ РСФСР. 1918. № 86-87. Ст. 905.
7. СУ РСФСР. 1920. № 61-62. Ст. 276.
8. СУ РСФСР. 1920. № 8. Ст. 49.
9. А.Т. Заседание, посвященное 40-летию первого КЗоТ // Советское государство и право. – 1959. № 5. С. 144-145.
10. *Александров Н.* Двадцать лет советского трудового права // Социалистическая законность. – 1937. № 11. С. 42-47.
11. *Андреев В.С.* Ленинские идеи о социальном обеспечении в КЗоТ 1918 г. // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 13-18.
12. *Андриановская И.И.* Преемственность в трудовом праве. – Южно-Сахалинск, 2010.
13. *Андрюшин Е.А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. – М., 2012.
14. *Арский Р.* Трудовая повинность // Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. № 2-3. С. 16-24.
15. *Аскназий С.И.* Очерк социального законодательства Советской республики. – М.–Пг., 1920.
16. *Астапович З.А.* Правовые мероприятия Советской власти в области труда (1917-1918 гг.) // Вопросы истории. – 1955. № 3. С. 11-23.
17. *Астапович З.А.* Правовые мероприятия Советской власти в области труда (1917-1918 гг.). – М., 1958.

¹ См.: *Варшавский К.М.* Указ. соч. С. 15-16, 18-20.

18. *Ачаркан В.А.* Некоторые вопросы трудового права в свете 50-летия первого КЗоТ // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 43-45.
19. *Бахутов А.* Советское трудовое законодательство за десятилетие существования советской власти // Вестник труда. – 1927. № 10. С. .
20. *Бодерскова Н.Н.* Важная веха в истории трудового законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 19-22.
21. *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918-1924 гг.). – М., 2006.
22. *Брилль Г.Г., Козлова Н.А.* Защита трудовых прав рабочих на производстве в первые годы становления советского государства // Вестник Костромского технолог. ун-та. – 2003. № 8. С. 64-65.
23. *Варшавский К.М.* Трудовое право СССР. – Л., 1924.
24. *Вержбицкий В.* Промышленные тарифы (Дискуссионная) // Вестник труда. – 1920. № 1. С. 41-43.
25. *Виленский Б.В.* Из истории становления советского трудового права // Ученые записки СЮИ. – 1969. Вып. 18. С. 67-84.
26. *Войтинский И.С.* К пятидесятилетию советского трудового права // Советское государство. – 1932. № 9-10. С. 103-122; № 11-12. С. 29-60.
27. *Волкова О.Н.* История развития советского законодательства. – М., 1986.
28. Вопросы кодификации советского законодательства: Сб. ст. – Свердловск, 1957.
29. Вопросы кодификации советского права. Сб. статей / Отв. ред. Д.А. Керимов. – Л., 1958-1960. Вып. 2-3.
30. *Гинцбург Л.Я.* Основные этапы развития советского трудового права // Проблемы трудового права. Сб. – М., 1968. С. 26-49.
31. *Гойхбарг А.Г.* Кодекс законов о труде // Пролетарская революция и право. – 1918. № 8-10. С. 3-8.
32. *Гойхбарг А.Г.* Социальное законодательство Советской республики. – М., 1919.
33. *Гольцман А.* Дисциплина труда // Вестник труда. – 1921. № 1-2. С. 42-53.
34. *Гордеев И.А.* История становления и развития советского трудового права (1917-1941 гг.). Дис...канд. ист. наук. – Курск, 2002.
35. *Горшенин Е.П.* Торжество ленинских принципов советского законодательства о труде // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 3-12.
36. *Горшенин К.* Первый советский кодекс законов о труде // Советская юстиция. – 1938. № 2-3. С. 27-32.
37. *Горшенин К.П.* Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. – М., 1967.
38. *Горшенин К.П.* Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первые годы Советской власти. – М., 1939.
39. *Горшенин К.П.* Пятидесятилетие первого Кодекса законов о труде // Советская юстиция. – 1968. № 24. С. 3-4.
40. *Горшенин К.П.* Сорокалетие первого Кодекса законов о труде // Советское государство и право. – 1958. № 12. С. 16-25.
41. *Горячих К.М.* Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.). Дис...канд. юрид. наук. – М., 1972.
42. *Гудков В.С.* Правовая инспекция труда в СССР (историко- правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1974.
43. *Данилова Е.* Значение кодификации трудового законодательства // Вопросы труда. – 1925. № 7-8. С. 109-116.
44. *Данилова Е.* Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. – 1923. № 1. С. 124-132.

45. Данилова Е. Советское законодательство о труде за 1921 год // Советское право. – 1922. № 2. С. 102-115.
46. Данилова Е. Трудовая повинность и трудовой налог // Вопросы труда. – 1922. № 2. С. 82-106.
47. Данилова Е.Н. Советские законы о труде. – М., 1926. С. 18-19.
48. Догадов В.М. Советское трудовое право за 40 лет (1917-1957 гг.) // Социалистический труд. – 1957. № 10. С. 61-72.
49. Догадов В.М. Этапы развития советского трудового права // Ученые записки ЛГУ. Серия «Юридические науки». – 1949. № 107. Вып. 2. С. 252-277.
50. Зайкин А.Д., Коняхин Л.Г. Развитие трудового права за 70 лет Советской власти // Вестник МГУ. Серия 11. «Право». – 1987. № 6. С. 30-38.
51. Зайцев В. Распределение рабочего времени и отдыха и производительность труда // Вестник труда. – 1921. № 12. С. 46-58.
52. Законодательство о новых формах заработной платы. – М., 1921.
53. Иванов С.А. Жизненная сила идей советского трудового права (К 50-летию первого Кодекса законов о труде) // Советское государство и право. – 1968. № 12. С. 10-21.
54. Иванов С.А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. – 1999. № 5. С. 36-45.
55. Иодковский А.Н. История советской кодификации. – М., 1957.
56. Каплун С. Охрана труда и её органы. – М., 1921.
57. Кириченко М.Г. Конституция РСФСР 1918 г. и первый советский Кодекс законов о труде // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. Вып. 19. С. 25-28.
58. Кисарова Т.А. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. Дис. канд. юрид. наук. – М., 1985.
59. Кисарова Т.А. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. Дис. канд. юрид. наук. – М., 1985.
60. Кисарова Т.А. Создание Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г. // Вестник Московского университета. Серия 11: «Право». – 1983. № 6. С. 58-65.
61. Кисарова Т.А. Создание Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. «Право». – 1983. № 6. С. 58-65.
62. Киселев А.Ф. Народный комиссариат труда и профессиональные союзы в первые месяцы советской власти (октябрь 1917- лето 1918 гг.). Дис ... канд. ист. наук. – М., 1979.
63. Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе. – М., 2003. С. 7-20.
64. Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. – М., 2001. С. 109-140.
65. Киселев И.Я., Лушиников А.М. Трудовое право. – М., 2011. С. 29-40.
66. Левиант Ф.М., Пашков А.С. Трудовое право // 40 лет Советского права. – Л., 1957. Т. 1. С. 306-360.
67. Лурье М. (Ларин Ю.). Трудовая повинность и рабочий контроль. – Пг., 1918.
68. Лушиников А.М., Лушиникова М.В. Курс трудового права: в 2-х тт. – М., 2009.
69. Лях А. Законодательство о труде 1917-1922 гг. и его связь с новым КЗоТ // Вопросы труда. – 1923. № 5-6. С. 62-66.
70. Лях А. Развитие советского законодательства о труде за десять лет // Вопросы труда. – 1927. № 10. С. 114-125.
71. Максимова О.Д. Становление трудового права в Советской России в период гражданской войны (1918-1920 гг.) // Социальное и пенсионное право. – 2009. № 2. С. 32-35.
72. Материалы Народного комиссариата юстиции. – М., 1918. Вып. 6. С. 24.
73. Миронов В.И. История трудового права: теория и практика // Государство и право. – 1998. № 12. С. 55-61.

74. Михайлова Н. Пятидесятилетие первого Кодекса законов о труде // Советское государство и право. – 1969. № 4. С. 144-145.
75. Москаленко Г. Первый советский Кодекс законов о труде // Политическое самообразование. – 1939. № 1. С. 116-124.
76. Москаленко Г.К. К вопросу о кодификации советского законодательства о труде // Вопросы кодификации. Сб. ст. – М., 1957. С. 113-135.
77. О фабрично-заводском ученичестве. Сб. статей. – Ярославль, 1922.
78. Парамонов А. Трудовая повинность // Серп и молот. – 1920. № 15-16. С. 3-7.
79. Пашерстник А.Е. К тридцатилетию советского трудового права // Советское государство и право. – 1947. № 10. С. 78-97.
80. Пашерстник А.Е. Право на труд. Очерки по советскому праву. – М., 1951. С. 6.
81. Пашерстник А.Е. Развитие советского трудового права // Вопросы труда в СССР. Сб. – М., 1958. С. 320-371.
82. Пашерстник А.Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. – М., 1955.
83. Пятаков А. Октябрьская социалистическая революция и советское трудовое законодательство // Социалистический труд. – 1967. № 7. С. 9-18.
84. Пятаков А. Первый Кодекс законов о труде // Социалистический труд. – 1958. № 12. С. 36-39.
85. Развитие кодификации советского законодательства / Отв. ред. С.Н. Братусь. – М., 1968.
86. Резник И. Основные вопросы заработной платы // Вестник труда. – 1922. № 8-9. С. 59-69.
87. Резник И. Пересмотр законодательства о труде // Вопросы труда. – 1922. № 2. С. 106-114.
88. Сафонов Ф. Краткий очерк советского трудового права. – М., 1927.
89. Семенова Е.А. Советское законодательство о труде. – М., 1927.
90. Смирнов В.Н. Кодекс законов о труде 1918 г. // Вестник Ленинградского университета. Серия «Эк., филос. и право». – 1958. № 23. Вып. 4. С. 144-147.
91. Смолярчук В.И. Источники советского трудового права. – М., 1978.
92. Смолярчук В.И. Первый Кодекс законов о труде // Советские профсоюзы. – 1978. № 23. С. 28.
93. Соболев С.А. Социальные науки и история трудового права России. Библиографический указатель литературы по трудовому праву (XVIII – начало XXI в.). – Ижевск, 2015.
94. Соснов Ю. Первому российскому КЗоТу исполнилось 80 лет // Профсоюз. межд. изд. – 1999. № 3. С. 29-30.
95. Ставцева А.И. Первый Кодекс законов о труде // Социалистическая законность. – 1978. № 12. С. 33-36.
96. Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. – М., 1918.
97. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. – М., 1962.
98. Теттенборн З. Советское законодательство о труде. – М., 1920 (2-е изд.: 1926).
99. Троицкий И. К 15-летию трудового законодательства и 10-летию КЗоТ // Вопросы труда. – 1932. № 11-12. С. 36-40.
100. Ушаков А.А. Краткий очерк истории советской кодификации // Ученые записки Пермского государственного ун-та. Серия «Юридические науки». – 1962. Вып. 1. Т. 25. С. 143-162.
101. Финногенов А.Н. Первый кодекс законов о труде // Охрана труда. – 1939. № 1. С. 24-26.
102. Хныкин Г.В. Создание основ Советского трудового права // Великий Октябрь и создание советского государства и права. Сб. – Иваново, 1987.

103. *Хохрякова О.С.* Источники советского трудового права. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1976.
104. *Чинарян Е.О.* Законодательная техника в первые годы Советской власти // *Право России в XXI веке. Сб. статей / Под ред. Л.В. Федякиной.* – М., 2007. С. 121-127.
105. *Чистяков О.И.* Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти // *Советское государство и право.* – 1956. № 5. С. 10-22.
106. *Чредин Б.В.* Народное трудовое государство. – М., 1918.
107. *Шебанова А.И.* От тарифного соглашения по КЗоТ 1918 г. до системы социального партнерства в современный период // *Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. Сб.* – М., 2000. С. 125-130.
108. *Шеломов Б.А.* КЗоТ 1918 г. и современность // Там же. С. 131-135.
109. *Шмидт В.* К вопросу о зарплате и тарифной политике // *Вестник труда.* – 1921. № 9. С. 9-11.
110. *Шмидт В.В.* Наше трудовое законодательство. – М., 1927.
111. *Яблонский А.* Конституция труда // *Пролетарская революция и право.* – 1918. № 5-6. С. 3-11.

Lushnikov A.M.

**Characteristics of the Labour Code of the RSFSR, 1918:
historiography, periodization of the development and adoption, common traits**

This article is dedicated to a number of issues related to the Code of Labour Laws of the RSFSR in 1918. The author is talking about historiography, periodization and order of adoption of the Code, as well as the definition of its common traits. Historiography is divided into 4 period, and the conclusion is drawn, that there is insufficient study of a complex of the problems connected with the Labour Code of RSFSR 1918. Periodization phases of the first codification of labor law is revealed from the beginning of the development projects of the Labor Code (no later than September 1918) before the adoption of the Code at the meeting of the Central Executive Committee December 10, 1918. As a conclusion, common features which inherent in the first Soviet codified act of labor are defined.

Keywords: The Labour Code of the RSFSR 1918, historiography, history of the development and adoption, common traits.

Рубаник В.Е.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (1917-1921 гг.) В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ ПРАВА И ЭКОНОМИСТОВ

Рассматриваются изменения в правовом регулировании отношений собственности, произошедшие в результате октябрьского переворота 1917 года в России и последовавших за ним гражданской войны и иностранной военной интервенции. Представлены взгляды российских и зарубежных ученых на процессы развития законодательства о собственности в России в этот период. Показаны основные тенденции в развитии законодательного регулирования правоотношений собственности в России в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: собственность, право собственности, отношения собственности, правовое регулирование, гражданская война в России, иностранная военная интервенция, история права.

Развитие отношений собственности и их правовое регулирование в России после октябрьского переворота 1917 года были сложными и противоречивыми. Революция, гражданская война, годы «военного коммунизма» самым негативным образом отразились в первую очередь на состоянии сельского хозяйства – поскольку большевистское руководство считало крестьянство оплотом собственнических традиций и стремилось в первую очередь разрушить устои этой социальной группы, составлявшей большинство населения России. Исследователями отмечается, что обусловленные революцией и последовавшей за ней разрухой экономические трудности в совокупности с социально-классовой политикой государства нанесли удар по ключевому фактору развития крестьянских дворов – хозяйственной инициативе. Именно в этот период характерной чертой крестьянских хозяйств становится их натурализация, нарушаются исконно сложившиеся системы хозяйствования, возрождаются нерациональные формы земледелия. Большевистская линия на приоритетное развитие коллективных форм хозяйствования препятствовала восстановлению и усилению более мощных индивидуальных хозяйств. Потрясения, пережитые деревней, не смогли не сказаться и на духовно-нравственных устоях её населения: прежние моральные нормы крестьянского общества, определявшиеся христианскими законами и обычаями, веками складывавшимися традициями, разрушались, а новые идеалы воспринимались с трудом.¹ На такой социально-духовной основе формировалось отношение человека к своей жизни, к жизни другого, к государству и его законам.

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, профессор. профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

¹ См., напр.: *Вещева О.Н.* Аграрная политика Советского государства в 1917-1927 годы: На материалах Самарской, Симбирской губерний: Дис. ... канд. ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – Самара, 2000. – 208 с.

Один из переломных моментов в истории развития правового регулирования отношений собственности в России и сегодня оценивается исследователями неоднозначно. Современный историк А.Ю. Давыдов назвал экономику России периода «военного коммунизма» «мешочнической» и, условно, всё общество, по его мнению, также можно назвать «мешочническим».¹ Вполне очевидно, что мешочничество выступало своеобразной формой предпринимательской деятельности, и потому В.П. Дмитриенко и М.М. Жирмунский обоснованно увидели в мешочничестве «олицетворение частной торговли военного коммунизма».² А, по мнению А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса, мешочничество характеризовало «своеобразие экономики Советской республики в период гражданской войны».³

Большевики стремились создать нерыночную экономику, и потому любая форма предпринимательской деятельности считалась ими противозаконной – именно поэтому советское правительство с первых дней своего существования повело борьбу с нелегальными снабженцами, полагая их врагами Советской власти. Очень часто деятельность нелегальных снабженцев оказывалась более эффективной, чем работа государственных организаций, вследствие чего борьба Советской власти с рынками и процветавшей на них спекуляцией ужесточалась. Руководство партии большевиков полагало, что после окончания гражданской войны положение советской власти стало уже настолько прочным, что «со злом», то есть рынком, можно было уже покончить. Одной из самых радикальных попыток не только ограничить рыночные отношения, но и полностью ликвидировать их стал запрет осенью 1920 – весной 1921 гг. в крупных промышленных центрах всякой рыночной торговли; кульминацией этой политики стала ликвидация самого крупного московского рынка – Сухаревского.

Вполне очевидно, что такое отношение советской власти к крестьянству, резко диссонировавшее с теми лозунгами («Земля – крестьянам» и т.п.), на которых большевики получили поддержку этого класса в ходе революции, постоянно множась законодательные ограничения в реализации права собственности – всё это вызывало негативные настроения у значительной части крестьян. М.И. Кубанин в статье «Анτισоветское крестьянское движение в годы гражданской войны» первым выделил несколько периодов колебаний настроений сельского населения в эти годы. Кулачество, по мнению этого исследователя, не было главной силой крестьянских восстаний, но служило детонатором, наиболее остро отзывавшимся на политику РКП (б) и советского государства. Главным же в крестьянских выступлениях был протест против политики большевиков в деревне. Ответом на это стали многочисленные восстания не только в деревне, но и в Красной Армии, где подавляющее большинство солдат составляли как раз выходцы из крестьян. Учёный справедливо указывал на массовый характер антикоммунистических восстаний, подчёркивая их общекрестьянскую социальную базу; обоснован и его тезис о несовместимости интересов крестьянства и белого движения с момента занятия в нём

---

¹ Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 гг. – СПб., 2007. С. 96.

² См.: Дмитриенко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1986. С. 190; Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. – М., 1924. С. 7.

³ Развитие советской экономики / Под ред. А.А. Арутюняна и др. – М., 1940. С. 116.

руководящего положения представителями дворянства.¹

Массовость крестьянских восстаний, явившихся ответом населения деревни на ограничения в отношениях собственности, отмечал в книге «Деникинщина» и Д.Я. Кин. Впервые обобщив данные о количестве крестьянских выступлений в Центрально-Черноземном районе летом 1919 года, исследователь в качестве главных причин массового недовольства сельских жителей называл вопиющий произвол местных властей, насильственные мобилизации в Красную Армию в период полевых работ и продовольственную развёрстку.²

Однако не все авторы периода 20-х гг. XX века признавали массовость крестьянского протеста против политики Советской власти в деревне: так, Л.Н. Крицман, в частности, утверждал, что в годы гражданской войны существовал союз рабочего класса и крестьянства, основанный на том, что большевистская власть без выкупа отдала землю крестьянам, а те в свою очередь, в знак признательности, в значительной степени «добровольно» отказались от рынка и рыночной продажи продуктов своего труда. Вместе с тем этот автор признавал факт сопротивления крестьян политике «военного коммунизма», причинами чего он называл «извращённо-переходный к социализму характер нового хозяйственного строя» и «выход экономической политики РСФСР за пределы целесообразности». По мнению Л.Н. Крицмана, это порождало параллельное действие двух экономических систем: легальной пролетарско-натуральной и нелегальной товарно-капиталистической. Исследователь отмечал, что сопротивление крестьян продразвёрстке выражалось также в сокрытии реальных объёмов посевных площадей и урожая – это, по его мнению, происходило из-за их эгоизма, поскольку в отличие от города деревня не ощущала проблем с резким ухудшением питания.³

Иную точку зрения на аграрную и продовольственную политику советского государства и её влияние на развитие событий периода гражданской войны, а также на жёсткое государственное вмешательство в крестьянское хозяйство и устоявшиеся отношения собственности отстаивали Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов. Так, Н.Д. Кондратьев в ряде своих статей начала 1918 года прямо обвинял большевиков в развале аппарата снабжения и срыве заготовки и перевозки продовольствия. По мнению учёного, Министерство продовольствия Временного правительства, несмотря на все свои недостатки, гораздо более эффективно выполняло стоявшие перед ним задачи; большевики же, выдвинув примитивно-утопические лозунги борьбы с частной собственностью, легко воспринятые и принятые толпой, на деле заботились только о перераспределении национального богатства, полностью игнорируя вопросы развития производительных сил. Эта политика, по мнению Н.Д. Кондратьева, прямо противоречила основным законам экономики и потому просто не могла не привести к ухудшению положения в стране.⁴

Чуть позже, в работах 1920-х годов Н.Д. Кондратьев оценил политику «военно-

---

¹ Кубанин М.И. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны // На аграрном фронте. – М., 1926. № 2. С. 40-41, 89.

² Кин Д.Я. Деникинщина. – Л., 1927. С. 41, 43.

³ Крицман Л.Н. Героический период русской революции. – М.-Л., 1926. С. 44, 58, 65, 67, 135.

⁴ Кондратьев Н.Д. Год революции с экономической точки зрения // Особое мнение. Избранные произведения. – М., 1991. Кн. 1. С. 77, 82, 86-87, 89, 91, 93.

го коммунизма» отрицательно, считая её не только совершенно неэффективной, но и прямо противоречащей требованиям времени. По оценке учёного, реализованный большевистской властью принцип изъятия из крестьянского хозяйства всех произведенных в нём продуктов был вреден, поскольку он не только усложнял взимание продразвёрстки, но и давал огромные возможности для беспредельного произвола местных органов власти. Исследователь полагал, что совершенно нецелесообразным было установление развёрстки на скоропортящиеся продукты, значительная часть которых по причине плохих условий хранения и проблем в транспортировке быстро портилась, что вызывало справедливое возмущение крестьян. По мнению Н.Д. Кондратьева, неэффективность продовольственной политики советского государства была доказана большими масштабами мешочничества, когда мешочниками доставлялось в города, особенно в провинциальные, больше продовольствия, чем Наркоматом продовольствия.¹ Политика советской власти, полагал он, влекла за собой хозяйственный упадок деревни, поскольку при удовлетворении своих потребностей государство диктатуры пролетариата ни в коей мере не считалось с платёжеспособностью крестьянского хозяйства. Необходимой основой для возрождения сельского хозяйства учёный-экономист считал не только его интенсификацию, но и создание системы правовых гарантий для инициативного и трудолюбивого крестьянина от посягательств на его собственность.²

В отличие от Н.Д. Кондратьева, другой видный учёный-аграрник – А.В. Чаянов считал социализацию земли справедливой; он полагал, что ликвидация крупных хозяйств не повлечёт за собой резкого падения производства хлеба, поскольку крестьянские хозяйства, получив достаточные наделы и квалифицированную агрономическую помощь, сумеют повысить производительность труда до уровня, гарантирующего расширенное воспроизводство сельскохозяйственных продуктов. В то же время А.В. Чаянов достаточно резко высказывался против поощрения советской властью самовольных захватов частновладельческих земель и инвентаря; по его мнению, именно это привело к ещё большей чересполосице и серьёзным затруднениям в проведении землеустройства для расширения крестьянских наделов.³ Кроме того, учёный выступал против политики увеличения государственных повинностей, возлагаемых на крестьянство; их масштабы достигли такого уровня, что они уже причиняли прямой ущерб трудовым хозяйствам, ведя к их скорому упадку. Ключевой, важнейшей причиной ухудшения положения крестьянства и страны в целом А.В. Чаянов считал продовольственную и аграрную политику большевиков. Для решения существующих проблем он предлагал сократить государственные расходы, передать большую часть функций Наркомата продовольствия кооперативам, которые, по его мнению, могли бы получить продукты без массового применения

---

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 170-171; *Его же*: Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1991. С. 186, 221, 309-310.

² Кондратьев Н.Д. Изменения в мировом и русском сельском хозяйстве за время и после войны и основные задачи нашей сельскохозяйственной политики: Доклад на III Всероссийском агрономическом Съезде // Особое мнение. – М., 1991. Кн. I. С. 167-168.

³ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. – М., 1989. С. 215.

вооружённой силы.¹

Особые позиции занимали отечественные исследователи отношений собственности, оказавшиеся в эмиграции: они прямо указывали на значимость и пагубность резкого вторжения в отношения собственности, подчёркивали важную роль крестьянского движения и его влияние на ход гражданской войны. Так, К.Н. Соколов в работе «Правление генерала Деникина» отмечал, что аграрное законодательство на Юге России было достаточно либеральным даже в отношении тех крестьян, которые захватили частновладельческие земли; однако, подчёркивал он, действия местных представителей органов власти и военных фактически свели на нет все попытки центральной администрации наладить взаимодействие с деревней, что стало одной из главных причин поражения белого движения.²

С.П. Мельгунов, не имея возможности пользоваться советскими документальными источниками, а, потому, опираясь преимущественно на свидетельства очевидцев, статьи, опубликованных в советской и эсеровской печати, а также материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при А.И. Деникине, указывал на жестокость, проявленную Советской властью и её репрессивным органом – Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, созданной 7 (20) декабря 1917 года (ВЧК) при подавлении восстаний.³ При всём том, что источниковая база работы историка была существенно ограничена, большая часть сведений, сообщённых С.П. Мельгуновым, затем подтвердилась в позднейших публикациях документов и исследованиях отечественных учёных-историков.

По мнению известного русского историка и политического деятеля П.Н. Милюкова, главной причиной того, что крестьяне в первые месяцы после октябрьского переворота пошли за большевиками, была их умелая социальная демагогия; свою разрушительную роль сыграли также политическая незрелость и стихийный анархизм крестьян, что имело своим следствием массовые погромы помещичьих имений и усадеб, вызвавшие скорый упадок хозяйственной деятельности и проблемы в продовольственном снабжении города.⁴ Обоснованной представляется оценка, которую высказал в своей диссертационной работе П.А. Аптекарь – в части ошибочности точки зрения видного историка русской эмиграции – Б.Э. Нольде, писавшего, что к победе большевиков в гражданской войне привела последовавшая за всплеском активности зимой 1917/1918 года апатия крестьянства, после получения земли отказавшегося от серьёзной борьбы за свои права и ограничивавшегося локальными выступлениями против отдельных проявлений «военного коммунизма».⁵

В середине 70-х гг. XX века вышла в свет книга Т.В. Осиповой, в которой автор

---

¹ Чаянов А.В. Организация сельскохозяйственной кооперации // Крестьянское хозяйство. – М., 1989. С. 236, 269.

² Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. С. 46-48, 52.

³ Мельгунов С.П. Красный террор в России. – Берлин, 1924 [переизд.: М., 1990]. С. 97-101.

⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. – Париж, 1927. Т. 1. С. 123-124, 182.

⁵ См.: Аптекарь П.А. Сопrotивление крестьян политике большевиков в 1918-1922 годах (По материалам европейских губерний РСФСР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. [07.00.02 – Отечественная история]. – М., 2002. – 23 с.

осветила развернувшуюся накануне октябрьского переворота борьбу крестьян за землю, сопровождавшуюся массовым захватом помещичьих имений и насильственным возвращением хуторян и отрубников в общину, что привело к фактическому переходу в руки общины почти всех пахотных угодий ещё до провозглашения Декрета о Земле, который лишь юридически закрепил уже на деле завершившийся процесс реформирования отношений собственности на землю. Несмотря на это, союз рабочего класса и крестьянства в этот период еще не сложился. По мнению Т.В. Осиповой, после победы советской власти в деревне развернулась борьба между беднейшим крестьянством и кулачеством за передел земли, причём размер участка, остававшегося в распоряжении прежних владельцев, значительно колебался в зависимости от целого ряда факторов.¹

Последствия большевистских преобразований в праве собственности на землю различным исследователям виделись по-разному. Так, С.П. Трапезников в своей монографии доказывал, что результатом изменений в отношениях собственности и аграрных преобразований 1917-1919 годов стали «осереднячивание» деревни, укрепление общины и её возрождение в районах, где она до революции своё существование практически прекратила. Это, по мнению автора, положительно повлияло на деревню, т.к. община при советском государстве была свободна от круговой поруки и хозяйственной ограниченности.²

И.Т. Филиппов предметно проанализировал политику советского государства в продовольственной области, привёл интересные данные о масштабах изъятия хлеба и других продуктов из крестьянских хозяйств в Центрально-Черноземном районе, отметил большой размах мешочничества в ряде губерний. Исследователь признал значительные масштабы сопротивления крестьян Центрально-Промышленного, Центрально-Черноземного и Поволжского районов политике РКП (б) и советского государства в изменении отношений собственности, однако согласно идеологическим установкам своего времени называет крестьянские выступления против ограничений в праве собственности «кулацкими мятежами».³ В работах В.П. Рачкова также нашло своё отражение сопротивление крестьянства Тверской, Костромской и Ярославской губерний политике РКП (б) и советского государства по ограничению и постепенной ликвидации права собственности на землю. Однако главной причиной антикоммунистических выступлений, по его мнению, являлась деятельность эсеров, сохранявших своё влияние в Советах и «не по-большевистски решавших аграрный вопрос». Помимо этого возмущению крестьянства якобы способствовала деятельность агентуры белых разведок и служителей церкви – тем не менее, автор признаёт значительный размах крестьянских восстаний, иногда угрожавших даже губернским центрам.⁴

---

¹ *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М., 1974. С. 225-226, 266-269.

² *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрный вопрос. Т. 1: Ленинская аграрная программа в трёх русских революциях. – М., 1983. С. 314, 350, 358, 383-384.

³ *Филиппов И.Т.* Ленинская программа борьбы за хлеб и её осуществление в Черноземном Центре. – Борисоглебск, 1971. С. 37, 53-57, 85, 88, 101.

⁴ *Рачков В.П.* Из истории подавления кулацких мятежей на Верхней Волге // История СССР. – 1979. № 4. С. 42, 46. *Он же.* На внутреннем фронте. – Ярославль, 1982.

Политику советского государства по реформированию отношений собственности в деревне Черноземного центра и реакцию крестьянства на неё рассмотрел в своих работах А.Я. Переверзев. Исследователь отмечает, что ввиду аграрного характера центрально-черноземных губерний эсеры пользовались здесь значительной популярностью, что привело к преобладанию представителей этой партии во многих местных Советах.¹ А.Я. Переверзев подчёркивает внушительный размах сопротивления крестьян политике большевиков: по его данным, только во второй половине 1918 года в четырёх губерниях Черноземья произошло 88 «кулацких» вооружённых выступлений, причиной которых учёный называет не только «кулацкий» состав населения некоторых уездов, но и «антисередняцкие» настроения среди части местных работников РКП (б) и госаппарата, а также особо выделяет чрезмерно жестокие действия местных органов советской власти при реализации государственной хлебной монополии и сборе продразвёрстки.²

Автор монографического исследования «Антоновщина: замыслы и действительность» И.П. Донков проанализировал причины и ход крупнейшего крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Исследователь признаёт незаконность действий ряда представителей органов советской власти на местах, однако главной причиной восстания при этом всё же называет деятельность партии социалистов-революционеров. И.П. Донков полагает, что после публикации Декрета ВЦИК о замене развёрстки натуральным налогом крестьянство Тамбовской губернии в своём подавляющем большинстве перешло на сторону Советской власти и борьбу продолжили «лишь кулацкие банды».³

В коллективной монографии «Гражданская война в Поволжье», в работах А.Л. Литвина и Е.И. Медведева исследованы события периода гражданской войны в Поволжье и роль крестьянства в ней. Авторы также признают очевидность широкого недовольства крестьянских масс изъятием хлеба и мобилизацией летом 1918 и весной 1919 годов, однако все выступления тоже называют «кулацкими мятежами»; правда, в качестве причин возмущения крестьян они всё же выделяют не только «кулацкую агитацию», но и ошибки, а также чрезмерную жестокость местных работников при реализации хлебной монополии и осуществлении продразвёрстки.⁴ А.Л. Литвин подчёркивает, что деятельность чрезмерного количества продовольственных отрядов крайне негативно влияла как на ход заготовок продовольствия в Поволжье в 1918-1919 годах, так и на настроения крестьянства, и его отношение к советской власти. В этом ключе главными причинами крупнейших восстаний – «чапанного» и «вилочного» исследователь называет злоупотребления при сборе продразвёрстки. Однако, по мнению А.Л. Литвина, после перехода к НЭПу крестьянские восстания в Поволжье прекратились, а борьбу с властью вели лишь мелкие

---

¹ *Переверзев А.Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России. (Октябрь 1917-1918). – Воронеж, 1976. С. 17, 66.

² *Переверзев А.Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России. (Октябрь 1917-1918). – Воронеж, 1976. С. 106, 137. *Он же.* Великий Октябрь и преобразование деревни. (Опыт революционно-преобразовательной деятельности РКП (б) в деревне Черноземного центра России. 1917-1921 гг.). – Воронеж, 1987. С. 43, 59-60, 79, 82.

³ *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. – М., 1977. С. 59, 68, 112.

⁴ *Гражданская война в Поволжье.* – Казань, 1974. С. 68, 170-174, 180-182, 285, 289, 296.

бандитские шайки.¹

Е.И. Медведев выявил другую сторону реализации большевистской политики на селе – что деятельность комбедов часто противопоставляла бедноту остальной деревне и отталкивала середняков от Советской власти. По мнению автора, взимание чрезвычайного налога проводилось необоснованно, очень часто размеры обложения не соответствовали реальной платёжеспособности хозяйств, что влекло за собой массовое недовольство крестьян. Исследователь указывает и на факты борьбы высших и центральных органов Советской власти и РКП (б) со злоупотреблениями представителей местных властей.² В 80-е гг. XX века к этой же проблематике обращается Е.П. Титков – он анализирует деятельность Советов Нижегородской губернии в период с января 1918 года до организации комбедов, отмечая, что в период с зимы до середины лета многие пробольшевистские Советы были разогнаны или переизбраны крестьянами, недовольными мероприятиями местных органов власти по изъятию излишков продуктов; при этом новые составы Советов нередко просто отказывались от поставок продовольствия в города, а в мае-июне 1918 года открыто выступили против хлебной монополии.³

В.В. Кабанов в работе «Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма» опроверг тезис о значительном увеличении земельных наделов крестьян в результате аграрных реформ первых лет Советской власти. Исследователь убедительно доказал, что к началу 1920 года крестьянам европейской части России было передано около 22 млн. десятин земли, а не 150, как указывалось во многих других работах; по оценке В.В. Кабанова, прирост площади крестьянского землевладения оставил не более 30%. В монографии описан также ряд явлений в развитии российской деревни в 1918-1921 гг., ранее не получивших отражения в отечественной историографии, в частности, тенденция выхода крестьян на хутора. Автор отмечает крайне ограниченный характер помощи государства сельским жителям в период гражданской войны и после её окончания, подробно рассматривает изменения в крестьянском хозяйстве в период гражданской войны, превратившие его из мелкоформенного в натуральное, производящее продукцию преимущественно либо исключительно для внутреннего потребления и почти прекратившее выращивание культур, прежде предназначавшихся для продажи. В.В. Кабанов проанализировал и роль общины в развитии социально-политических и экономических процессов в деревне, указав на тот факт, что она, несмотря на все усилия большевиков по расколу общины, продолжала занимать ведущее место в разрешении вопросов общественной и хозяйственной жизни крестьянства.⁴

В начале 90-х гг. XX века Т.В. Осипова попыталась по-новому представить процессы изменения отношений собственности в деревне, и в статье в журнале «Родина» объективно осветила причины крестьянских антикоммунистических вос-

---

¹ Литвин А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. – Казань, 1972. С. 106, 201, 209.

² Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье. – Саратов, 1974. С. 204, 233-234.

³ Титков Е.П. Продовольственный вопрос и волостные Советы Нижегородской губернии в докомбедовский период // Великий Октябрь и социалистические преобразования в советской деревне. – Горький, 1983. С. 62, 63.

⁴ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях “военного коммунизма”. – М., 1988. С. 49, 67, 71.

станций на территории всей России и Украины. Автор проследила связь между восстаниями периода гражданской войны и первых лет НЭПа, выражавшуюся в сохранении антиразвёрсточных лозунгов у большинства выступлений обоих периодов¹, развернув свою аргументацию в вышедшей в 2011 г. монографии.² В выступлениях на конференции «Крестьянское хозяйство: история и современность» Т.В. Осипова отметила недостаточную изученность истории крестьянских выступлений периода гражданской войны и их причин, указав как на основные: на мобилизации в Красную Армию и крайне тяжёлую, часто непосильную для крестьян развёрстку. По мнению автора, в ходе упорной и жёсткой борьбы против политики большевиков крестьянам удалось сохранить свою экономическую самостоятельность и существование класса мелких товаропроизводителей. При этом роль комитетов бедноты исследователь оценила крайне негативно, назвав их «разрушителями крестьянского хозяйства».³ В статье, опубликованной в сборнике «Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник?», Т.В. Осипова отметила, что выдвинутая на VII апрельской конференции 1917 г. РСДРП (б) аграрная программа не отвечала интересам крестьянства, которое до лета 1917 года не подозревало о большевиках, и лишь дальнейшее развитие событий сделало эту партию более или менее влиятельной силой.⁴

С.А. Павлюченков в своих работах анализирует изменения в экономической политике большевиков в период гражданской войны в целом и аграрной политике в частности. Впервые в отечественной историографии он выдвинул положение о том, что в 1918 году введения продовольственной диктатуры можно было избежать, поскольку в этот период не были исчерпаны накопленные запасы товаров, необходимых крестьянам, обменять которые на хлеб, по его мнению, не представляло сложности. В действительности большая часть этих запасов была направлена в губернии Сибири и Поволжья и захвачена участниками антибольшевистских восстаний. Автор детально рассмотрел предложения видных деятелей РКП (б) о ненасильственных путях ликвидации продовольственного кризиса весны-лета 1918 года и доказал, что «продотрядная» политика делала цену заготовленного государством хлеба существенно выше рыночной.⁵

По аргументированному мнению В.П. Данилова, основы социального взрыва в деревне в 1917-1918 годах были заложены ещё в годы аграрной реформы кануна первой мировой войны, которая вызвала резкое недовольство общины. Исследователь утверждает, что вплоть до 1922 года в России фактически продолжалась «крестьянская революция», что заставило большевиков признать особые интересы деревни и именно вследствие этого пойти в октябре 1922 года на принятие Земельно-

---

¹ Осипова Т.В. Крестьянство в гражданской войне (Обманутый класс) // Родина. – 1990. № 10. С. 24-25.

² Осипова Т.В. Российские крестьяне в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001. – 400 с.

³ Осипова Т.В. Роль комбедов в разрушении производительных сил сельского хозяйства России // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы научной конференции. – Вологда, 1992. С. 86-88.

⁴ Осипова Т.В. Октябрь и аграрный вопрос. Актуальные проблемы // Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? – М., 1992.

⁵ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. – М., 1996; Он же. Военный коммунизм. Идеология власти и массы. – М., 1997.

го кодекса, во многом совпадавшего с основными положениями Наказа о Земле, принятого на I Съезде Крестьянских депутатов. В.П. Данилов отмечает также реакционный характер политических, экономических и социальных перемен в российской деревне, явившихся следствием аграрной и продовольственной политики советского государства в 1918-1921 годах, кардинально переформатировавшей отношения собственности.¹

Ряд авторов, и, в частности, В.П. Булдаков, отмечают высокую степень самоорганизации крестьян, сумевших первыми провести свой классовый съезд с целью законодательного закрепления проведения столь желанного ими «чёрного передела». В качестве главной причины упорной, часто принимавшей крайне жестокие формы борьбы деревни за ликвидацию частного землевладения, а затем против первых попыток насаждения коллективных хозяйств исследователь называет общинную психологию, отличавшуюся не только долготерпением, но и массовыми взрывами гнева, перераставшего в ярость, когда ненависть перевешивала собственническо-трудовую этику крестьян.²

В 2000-е годы исследователи продолжили развивать эту точку зрения. Так, в монографии К.В. Харченко «Власть – Имущество – Человек. Передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг.» рассмотрены типология и динамика актов изъятия частновладельческого имущества, производимых большевистской властью в период с ноября 1917 по март 1921 гг. Автор, проанализировав механизм огосударствления земли, предприятий, жилых помещений, продовольствия, денежных средств и личных вещей, впервые показал совокупность конфискационных мероприятий большевиков как единый целенаправленный процесс, предпринял попытку определить предпосылки, факторы, закономерности и последствия его протекания, отношение граждан к различным сторонам процесса изъятия имущества.³

Несколько отличаются подходы представителей зарубежной историографии. Следует отметить, что в годы «холодной войны» большинство авторов работ по истории СССР периода гражданской войны продолжали «демонизацию» большевиков и большевизма, объясняя их победу в гражданской войне жестокостью к своим противникам, умелой демагогией и недальновидной политикой лидеров белого движения; крестьянство в их трудах представлялось пассивной аморфной массой, легко поверившей большевикам. Так, например, американские исследователи Г. Эллисон, Р. Даниэле и Д. Тредголд отмечали, что большевики первоначально не рассчитывали опираться в ходе революции на крестьян, которые были равнодушны к их лозунгам. Однако, развитие событий заставило лидеров РКП (б) искать пути сотрудничества с деревней. Аналогичное мнение высказал британский историк

---

¹ Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 г. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы конференции. – Вологда, 1992. С. 12; Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX века): Материалы конференции. – М., 1996. С. 12-14, 17-18; Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902-1922 г.г. // Крестьянство и власть: Материалы конференции. – М., Тамбов, 1996. С. 17-18.

² Булдаков В.П. Красная смуга. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. С. 104, 111-112, 232.

³ Харченко К.В. Власть – Имущество – Человек. Передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. – М.: Русский Двор, 2000. – 268 с.

Р. Петибридж.¹

Более объективный подход к истории России периода гражданской войны при- сущ исследователям 60-х – середины 80-х гг. XX века. В это время свои работы со- здали Р. Пайпс и Э. Карр. Первый в своих работах указывал, что главной причиной борьбы крестьян за землю было не стремление к революционным переменам и социализму, а желание восстановить традицию, поскольку земля, по мнению большинства сельских жителей, была «Божьим даром», не подлежащим отчуждению в чью-либо пользу, хотя недостаток земли и связанная с этим социальная напряжён- ность в деревне была одной из главных причин революции. Борьбу советского го- сударства и белых правительств с сопротивлением крестьян он считал составной частью гражданской войны. Он утверждал, что большевики победили в ней не столько благодаря более привлекательной политической программе и поддержке населения, сколько из-за лучшей организации карательных органов и власти в це- лом. Автор отметил, что руководители белых армий даже при выдвигании умерен- ных аграрных программ, не предусматривавших жестких мер по возвращению зе- мель бывшим владельцам, не смогли обеспечить их воплощение в жизнь.² Ряд ас- пектов политики большевиков, по мнению Р. Пайпса, не имел того значения, кото- рое придавали им руководители партии. Многочисленные декреты о мероприятиях в рамках укрепления монополии государства на распределение продуктов часто оставались лишь декларациями³.

Э. Карр отметил парадокс в аграрной политике большевиков, отражавшей их взгляды на отношения собственности и заключавшейся в том, что они, сначала за- игрывая с крестьянством в целом, дали землю всем сельским хозяевам без исклю- чения, тем самым, уменьшив количество бедняков и сократив свою социальную базу в деревне, на которую они намеревались опираться впоследствии. Справедли- во и его мнение относительно того, что борьба крестьянства против переформати- рования отношений собственности заставила большевиков отказаться от поддерж- ки комбедов. Несмотря на ограниченную источниковую базу своего исследования (газеты и опубликованные работы историков, а также сборники документов) он сделал вывод о серьёзном сопротивлении крестьян политике большевиков.⁴

В 60-е – 70-е гг. XX века были изданы работы видных французских историков М. Ферро, Ф. Кокена, Ш. Карбонеля, М. Ларана, Э. Каррер д'Анкос. Они уделяли значительное внимание изучению требований крестьян в аграрной и социальной областях, ходе их борьбы за землю в 1917-1918 годах. Они первыми из иностран- ных учёных приступили к изучению социальной и сословной психологии жите- лей русской деревни. Исследование русского крестьянства было важнейшей ча- стью трудов П. Паскаля, считавшего, что Россия накануне и во время революции и гражданской войны состояла из двух фактически слабо связанных друг с другом социумов – городского и деревенского, причем решающим фактором развития по-

---

¹ *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежден- ных. 1905-1918. – М.: Центрполиграф, 2006. – См.: <http://knizh.ru/book27592.html> (дата обращения: 01.02.2016).

² *Пайпс Р.* Россия при большевиках. – М., 1997. С. 36, 47, 117.

³ *Пайпс Р.* Русская революция. – М., 1994. С. 345, 405, 431.

⁴ *Карр Э.* История Советской России. – М., 1990. Т. 1. С. 523-524, 529-530.

следнего он признавал не классовую борьбу, а особую крестьянскую цивилизацию. Позиция и колебания крестьянства в революции и гражданской войны имели решающее влияние на их исход.¹

С облегчением в конце 80-х гг. XX века доступа к материалам российских архивов иностранные исследователи получили возможность для изучения более широкого круга источников, что позволило им создать целый ряд новых работ по истории России и СССР в 1917-1922 годах. Британский исследователь О. Файджес в статье, опубликованной в сборнике «Анатомия революции»² и в вышедшей ранее монографии «Гражданская война в России: поволжская деревня в революции», отмечал, что в нашей стране в 1917-1918 годах одновременно произошли две революции: пролетарская и крестьянская, причём ведущую роль в последней, по мнению автора, играли наиболее радикализировавшиеся крестьяне из числа бывших солдат. В России параллельно шли две гражданские войны – между белыми и красными и между крестьянами и другими общественно-политическими силами.³ Правда, это мнение подвергается ряду сомнений.⁴

М. Бернштам, указывая на значительный размах крестьянских выступлений против аграрной и продовольственной политики советского государства, пришёл – возможно, ввиду недостаточной источниковой базы, – к неверным выводам об их близости белому движению и выдвинул ошибочный тезис о том, что в Центральной России не существовало настоящего крестьянского движения. Выступления против советской власти были вызваны, по мнению автора, действиями «разложившихся отрядов Белой и Красной армий».⁵

В 1994 году вышел сборник статей «Гражданская война в России: перекрёсток мнений», в котором приняли участие ряд видных зарубежных ученых. Р. Саква в своей статье утверждал, что «военный коммунизм» был вынужденной мерой в период войны, однако большевики, уверовав в его экономическую эффективность, пытались продолжать хозяйствование прежними методами и после окончания боевых действий и отменили наиболее неприемлемые его экономические аспекты только после массовых проявлений недовольства со стороны рабочих и крестьян. При этом политические составляющие «военного коммунизма» были в годы НЭПа не только сохранены, но и усилены.⁶

Политика РКП (б) и советского государства в деревне вплоть до февраля 1921 года недостаточно учитывала особенности общественного, земельного и хозяйственного устройства русской деревни и умонастроений крестьян. Следствием этого

---

¹ Паскаль П. Русский дневник. / Пер. с фр. В. Бабинцева // Отечественные записки. – 2007. № 5 (38). – См.: <http://www.strana-oz.ru/2007/5/russkiy-dnevnik> (дата обращения: 01.02.2016); <http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/957> (дата обращения: 01.02.2016).

² Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994. С. 234-237.

³ Figes O. Peasant Russia Civil War: the Volga Countryside in revolution. – Oxford, 1989.

⁴ См., напр.: Стивен К., Лутер Р. Пороча жертв Сталина: Почему на самом деле не была опубликована в России книга британского историка Орландо Файджеса // Новая газета. 2012. № 61. 04 июня. – См.: <http://www.novayagazeta.ru/society/52935.html> (дата обращения: 01.02.2016).

⁵ Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. (Проблематика, методология, статистика) // Вестник РХД. №128. Париж, 1992. С. 19, 24.

⁶ Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М.: РОССПЭН, 2011. 160 с.

стали нетерпимое для большинства крестьян вторжение в установленный обычаями порядок землепользования, распоряжения продуктами собственного сельскохозяйственного труда, а также прямое вмешательство в священный для каждого крестьянина земледельческий процесс, превратившее труд на земле в бессмысленное действие, не приносившее морального удовлетворения и не обеспечивавшее крестьянской семье прожиточный минимум. Политика РКП (б) и советского государства в условиях недостаточного нормативного подкрепления изданных актов и сложившегося за годы революции и гражданской войны правового нигилизма породила принявшие массовый характер незаконные, нередко преступные, действия местных органов власти и их представителей (особенно Наркомата продовольствия и их вооруженных отрядов), военного командования по отношению к крестьянам, их имуществу, вызвавшие значительное количество локальных вооружённых выступлений и волнений.

Поведение крестьян, их отношение к аграрной и продовольственной политике советского государства было одним из решающих факторов развития боевых действий гражданской войны в целом и на отдельных фронтах в частности. Исходя из этого можно, очевидно, утверждать, что крестьянство было не пассивным созерцателем происходящего и объектом воздействия со стороны двух противоборствовавших сил, а активной политической силой, субъектом исторического процесса, непосредственно влиявшим на его ход и предопределившим исход противостояния.

С 1918 года по март 1921 года можно проследить чёткую, неоднократно повторяющуюся, взаимосвязь между аграрной и продовольственной политикой советского государства и масштабами крестьянского сопротивления и ходом боевых действий. Ужесточение политики руководства РСФСР в деревне вызывало резкий рост активного вооружённого сопротивления крестьян, следствием чего были успехи белых армий на театрах военных действий. Это вынуждало центральные и местные органы власти РСФСР идти на определённые уступки крестьянам, вследствие которых большая часть последних опасалась возвращения прежних хозяев земли и, сталкиваясь с практическими действиями белых правительств в аграрной области и бесчинствами их местных органов, часто не видела разницы между их акциями и государственной политикой большевиков в деревне. В результате крестьяне предпочитали мириться с допускаявшими беззаконие, но увеличившими их наделы большевиками, и переходили на позицию поддержки или дружественного нейтралитета по отношению к советской власти. Такое развитие событий влекло за собой их возвращение в ряды Красной Армии, перелом хода боевых действий в её пользу, после чего советское руководство вновь ужесточало свою политику со всеми вытекавшими из этого последствиями.

Исследователями отмечается, что за период с 1918 года по март 1921 года можно отметить пять циклов, различных по своей продолжительности: 1) май-октябрь 1918 года, 2) ноябрь 1918 – апрель 1919 годов, 3) май-октябрь 1919 года; 4) ноябрь 1919 – декабрь 1920 годов. Четвёртый цикл не имел ни столь заметного, как в предыдущие периоды, роста активности крестьянского сопротивления, ни чётко очерченного периода уступок; однако дальнейшее ужесточение аграрной и продовольственной политики государства и усиление экономического давления на индивидуальные крестьянские хозяйства привело к резкому продолжительному подъёму во-

оружённого крестьянского повстанчества и пассивного сопротивления в последний период – в декабре 1920 – марте 1921 годов, которое заставило руководство страны пойти на отмену наиболее неприемлемых для крестьян сторон политики «военного коммунизма» и дальнейшие экономические уступки, которые продолжались вплоть до конца рассматриваемого в данном параграфе периода. В рамках этих циклов исследователи выделяют четыре ярко выраженных и один менее острый пик вооружённого сопротивления крестьян аграрной политике РКП (б) и советского государства: 1) июнь-август 1918 года, 2) ноябрь – начало декабря 1918 года, 3) май-июль 1919 года, 4) вторая половина февраля – март 1920 года (менее острый пик) и 5) декабрь 1920 – март 1921 годов. Следует отметить, что выделенные пять циклов и пиков активности вооружённого сопротивления крестьян аграрной и продовольственной политике РКП (б) и советского государства не всегда охватывали все районы и губернии, нередко по-разному проявлялись в губерниях одного района. И, наконец, пики восстаний часто происходили разновременно.¹ В итоге политика «военного коммунизма», отражая стремление победившей политической силы на практике реализовать коммунистические идеи по ликвидации частной собственности в одной, отдельно взятой стране, широко применяя насилие², потерпела поражение, и большевистской власти не осталось иного выхода, кроме как сделать «шаг назад», названный «новой экономической политикой», и для выведения страны из социально-экономического кризиса, грозящего перерасти в политический, снова вернуться к признанию частной собственности и частной инициативы.

Источники и использованная литература:

1. *Аптекарь П.А.* Сопротивление крестьян политике большевиков в 1918-1922 годах (По материалам европейских губерний РСФСР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. [07.00.02 – Отечественная история]. М., 2002.
2. *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. (Проблематика, методология, статистика) // Вестник РХД. – Париж, 1992. № 128.
3. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М., 1991.
4. *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. [Серия «Научные доклады». Вып. № 126].
5. *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997.
6. *Вещева О.Н.* Аграрная политика Советского государства в 1917-1927 годы: На материалах Самарской, Симбирской губерний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук [07.00.02 – Отечественная история]. – Самара, 2000.

¹ См.: *Аптекарь П.А.* Сопротивление крестьян политике большевиков в 1918-1922 годах (По материалам европейских губерний РСФСР): Дис. ... канд. ист. наук. [07.00.02 – Отечественная история]. – М., 2002. – 315 с.

² См. по этому вопросу, напр.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М.: Политиздат, 1991. С. 49-117; *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. [Серия «Научные доклады». Вып. № 126]. – 236 с.; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власти и массы. – М.: РКТИ (Русское книгоиздательское товарищество. Сер.: История), 1997. – 272 с.; *Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – М., 1993. № 4. С. 48-59; и др.

7. Гражданская война в Поволжье / Ред. М.К. Мухарямов. – Казань, 1974.
8. *Давыдов А.Ю.* Мещочники и диктатура в России. 1917-1921 гг. – СПб., 2007.
9. *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902-1922 г.г. // Крестьянство и власть: Материалы конференции. – М., Тамбов, 1996.
10. *Данилов В.П.* О характере аграрной эволюции России после 1861 г. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы конференции. – Вологда, 1992.
11. *Данилов В.П., Данилова Л.В.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX века): Материалы конференции. – М., 1996.
12. *Дмитриенко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1986.
13. *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. – М., 1977.
14. *Жирмунский М.М.* Частный капитал в товарообороте. – М., 1924.
15. *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях “военного коммунизма”. – М., 1988.
16. *Карр Э.* История Советской России. – М., 1990. Т. 1.
17. *Кин Д.Я.* Деникинщина. – Л., 1927.
18. *Кондратьев Н.Д.* Год революции с экономической точки зрения // Особое мнение. Избранные произведения. – М., 1991. Кн. 1.
19. *Кондратьев Н.Д.* Изменения в мировом и русском сельском хозяйстве за время и после войны и основные задачи нашей сельскохозяйственной политики: Доклад на III Всероссийском агрономическом Съезде // Особое мнение. М., 1991. Кн. 1.
20. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1991.
21. *Коэн С., Реддауэй П.* Пороча жертв Сталина: Почему на самом деле не была опубликована в России книга британского историка Орландо Файджеса // Новая газета. – 2012. № 61. 04 июня. – См.: <http://www.novayagazeta.ru/society/52935.html> (дата обращения: 01.02.2016).
22. *Крицман Л.Н.* Героический период русской революции. – М.-Л., 1926.
23. *Кубанин М.И.* Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны // На аграрном фронте. – М., 1926. № 2.
24. *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. – Казань, 1972.
25. *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье. – Саратов, 1974.
26. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. – Берлин, 1924 [переизд.: М., 1990].
27. *Милуков П.Н.* Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. – Париж, 1927. Т. 1.
28. *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М., 1974.
29. *Осипова Т.В.* Крестьянство в гражданской войне // Родина. 1990. №10. С. 24-25.
30. *Осипова Т.В.* Октябрь и аграрный вопрос. Актуальные проблемы // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? – М., 1992.
31. *Осипова Т.В.* Роль комбедов в разрушении производительных сил сельского хозяйства России. // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы научной конференции. – Вологда, 1992.
32. *Осипова Т.В.* Российские крестьяне в революции и гражданской войне. – М., 2001.
33. *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власти и массы. – М.: РКТИ (Русское книгоиздательское товарищество. Сер.: История), 1997.
34. *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм. Идеология власти и массы. – М., 1997.
35. *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. – М., 1996.
36. *Пайнс Р.* Россия при большевиках. – М., 1997.
37. *Пайнс Р.* Русская революция. – М., 1994.
38. *Паскаль П.* Русский дневник / Пер. с фр. В. Бабинцева // Отечественные записки. – 2007. № 5 (38). // URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5/russkiy-dnevnik> (дата обращения: 01.02.2016); <http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/957> (дата обращения: 01.02.2016).

39. *Переверзев А.Я.* Великий Октябрь и преобразование деревни. (Опыт революционно-преобразовательной деятельности РКП (б) в деревне Черноземного центра. России. 1917-1921 гг.). – Воронеж, 1987.
40. *Переверзев А.Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России. (Октябрь 1917-1918). – Воронеж, 1976.
41. *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905-1918. М., 2006. – См.: <http://knizh.ru/book27592.html> (дата обращения: 01.02.2016).
42. Развитие советской экономики / Под ред. А.А. Арутюняна и др. – М., 1940.
43. *Рачков В.П.* Из истории подавления кулацких мятежей на Верхней Волге // История СССР. – 1979. № 4.
44. *Рачков В.П.* На внутреннем фронте. – Ярославль, 1982.
45. *Саква Р.* Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. – М., 2011.
46. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. – София, 1921.
47. *Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – М., 1993. № 4.
48. *Титков Е.П.* Продовольственный вопрос и волостные Советы Нижегородской губернии в докомбедовский период // Великий Октябрь и социалистические преобразования в советской деревне. Горький, 1983.
49. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрный вопрос. Т. 1: Ленинская аграрная программа в трех русских революциях. – М., 1983.
50. *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994.
51. *Филиппов И.Т.* Ленинская программа борьбы за хлеб и её осуществление в Черноземном Центре. – Борисоглебск, 1971.
52. *Харченко К.В.* Власть – Имущество – Человек. Передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. – М., 2000.
53. *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. – М., 1989.
54. *Чаянов А.В.* Организация сельскохозяйственной кооперации // Крестьянское хозяйство. – М., 1989.
55. *Figes O.* Peasant Russia Civil War: the Volga Countryside in revolution. – Oxford, 1989.

Rubanik V.E.

Legal regulation of the property relations in Russia during civil war and foreign military intervention (1917-1921) in works of domestic historians of the law and economists

The changes in the legal regulation of property relations which have occurred as a result of the October Revolution of 1917 in Russia, and followed him the civil war and foreign military intervention are investigated. The views of Russian and foreign scientists on the processes of development of property law in Russia during this period are presented. The basic trends in the development of legislative regulation of property relations in Russia during the first years of Soviet power are shown.

Keywords: property, ownership, property relations, legal regulation, the civil war in Russia, foreign military intervention, history of law.

А.И. ДЕНИКИН О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СЕПАРАТИЗМУ

Статья посвящена анализу политико-правовых воззрений генерала А.И. Деникина относительно сохранения единства России и противодействия сепаратизму. Характерными чертами рассмотренной идеологической системы были недостаточная проработка проблем созидательного государственного строительства (что вполне объяснимо условиями боевых действий) и «непредрешенчество», то есть намерение отложить решение сложных вопросов, в том числе в сфере укрепления государственного единства, на послевоенное время.

Ключевые слова: А.И. Деникин, Гражданская война, государственное единство, территориальная целостность, сепаратизм.

Для многих стран современного мира со всей актуальностью встает вопрос сохранения государственного единства. Данная проблема возникает в государствах независимо от их принадлежности к тому или иному континенту, главенствующего экономического уклада или политического режима. В юридической литературе государственное единство понимается как отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, то есть такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства, противопоставляя им местные интересы.¹ Также отмечается, что государственное единство предполагает весьма значительный объём и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность.² Как можно заметить, вопрос территориальной целостности является ключевым в проблеме государственного единства, в этой связи данные термины зачастую используются в одном и том же контексте.

Россия в силу своего многонационального, поликонфессионального и мультикультурного характера практически на всех этапах своего исторического развития вынуждена была решать задачу сохранения своего единства. В этой связи отечественными государствоведами, писателями и общественными деятелями накоплен значительный теоретический и практический опыт. Особенно актуальным данный вопрос бывал в переломные, трагические для России периоды, одним из которых, безусловно, явилась гражданская война 1917-1922 годов. Вопросы единства государства, противодействия сепаратизму окраин бывшей Российской империи неми-

---

Сосенков Фёдор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории Волжского государственного университета водного транспорта (Нижний Новгород).

¹ Конституционное право: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: НОРМА, 2001. С. 144.

² *Левакин И.В.* Государственное единство России: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д.ю.н. – М., 2003. С. 13.

нуемо отражались в политико-правовых доктринах всех борющихся сторон. В этой связи воспоминания лидера Белого движения генерал-лейтенанта *А.И. Деникина* (1872–1947) «Очерки Русской Смуты» (здесь и далее название произведения приводится так же, как у самого А.И. Деникина: все слова с заглавных букв) в пяти томах представляет уникальное произведение.

Генерал неизменно стоял на национально-государственнических позициях и в этой связи он безоговорочно признавал непреложную ценность государственного единства России. В этой связи А.И. Деникин критиковал непродуманную политику Временного правительства в отношении национальных окраин (Польша, Финляндия, Украины, Закавказья, Туркестана и других регионов), приведшую к неконтролируемому обособлению последних.¹ Вероятно, одной из причин развития центробежных сил было отсутствие в России, по мнению генерала, «до созыва Учредительного собрания ... легальной, имевшей какое-либо юридическое обоснование, власти».² Данная власть, не имея, помимо всего прочего, широкой народной поддержки действовала крайне неэффективно: «Вся деятельность вольно или невольно имела характер разрушения, не созидания».³ Деятельность Временного правительства А.И. Деникин описывает очень образно, но, как нам представляется, очень точно: «Россия того периода проставляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки. За отсутствием средств и в ожидании строительного периода (Учр[едительного] Собр[ания]), зодчие начали вынимать подгнившие балки, причём часть их вовсе не заменили, другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп – последнее средство оказалось хуже всех. И здание рухнуло».⁴ Так, данное иносказание, на наш взгляд, вполне подходит к политике Временного правительства в национальной и административно-территориальной сфере.

Автор «Очерков Русской Смуты» однозначно негативно оценивает сепаратизм, явившийся спутником революции и Гражданской войны, вскрывая его во многом искусственную природу: «Центробежные силы разметали страну и армию. К нетерпимости классово-партийной прибавилось обострение национальной розни, отчасти имевшее основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населявшими Россию, и императорским правительством, отчасти же совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством».⁵ Порой, описывая потуги местных элит к спешному созданию собственной государственности, А.И. Деникин использует и вовсе саркастические сравнения: «...Клич “Хайживевильна Украина” совершенно не будил ни разума, ни чувства в сколько-нибудь широких кругах населения, отзываясь неестественной бутафорией».⁶ Вновь возникшие на обломках

---

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 3-х кн. Кн. 1. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2013. С. 242–245.

² Там же. С. 575.

³ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 578.

⁴ Там же. С. 578.

⁵ Там же. С. 460.

⁶ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 3-х кн. Кн. 2. Т. 2: Борьба генерала Корнилова; Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2013. С. 171.

империи государственные образования генерал награждает эпитетами, характеризующими их искусственный и временный характер: «искусственная государственность»¹, «непрочные новообразования»², называет правительства новообразований «молодыми, не воспринявшими ещё ни традиций, ни достоинства»³. Говоря о самостоятельности и суверенитете новообразований, А.И. Деникин чаще всего ставит эти термины применительно к бывшим окраинам Российской империи в кавычки.⁴ Рассуждая о центробежных силах, их распространенности и зачастую искусственности, А.И. Деникин иногда упоминает, казалось бы, анекдотические, однако реальные исторические факты: самоопределение «охватило российские народы. Немногим, вероятно, известно о кратковременном существовании суверенной “Ингерманландии” в юго-западном уголке Петроградской губ.»⁵ Для характеристики разгула сепаратизма генерал нередко использует термин «балканизация»⁶, сравнивая, по всей вероятности, Россию времен революции и Гражданской войны с пёстрым в этническом плане и обладающим колоссальным конфликтным потенциалом Балканским полуостровом. Стремление к децентрализации в условиях Гражданской войны сродни диверсиям, поэтому «федерацию» и «конфедерацию» А.И. Деникин характеризует в качестве «понятий столь ярко выдвинутых русской смутой и столь чуждых в устах коренной русской области по отношению к своей стране».⁷

Следует отметить, что неопределенность толкования самого термина «федерация» была в целом характерна для российского общества периоды революции и Гражданской войны. В этой связи А.И. Деникин не без основания улавливает в этой форме государственного устройства в условиях общего кризиса власти мощный разрушительный потенциал. Федерализм зачастую понимался как децентрализация власти и в этой связи противопоставлялся любой сильной центральной власти. В этой связи, к примеру, анархисты часто ставили в один ряд федерацию и безгосударственность.⁸ А.И. Деникин полагал, что противодействовать сепаратизму должны не только политические организации, государственные органы, но прежде всего само общество и прежде всего русский народ как государствообразующий, если хочет сохранить свою государственность. В этой связи не может понять «инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того – оправдания его».⁹ В принципе он считает, что идея государственного единства и державного бытия является глубоко укоренившейся в народе, а воззрения, питающие центробежные силы носят искусственный характер: «формулы... «самоопределение народов» и проч. оказались более абстрактными и непонятными, чем старая отмечаемая, заглохшая, но не вырванная из подсозна-

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 3-х кн. Кн. 3. Т. 4. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2013. С. 235.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 398.

³ Там же. С. 413.

⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4. Т. 5. С. 235.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 391.

⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3: Т. 4. Т. 5. С. 173.

⁸ См.: Коваленко В.И., Федякин А.В. Проблемы федерализма в трудах мыслителей русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2011. №5. С. 62.

⁹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 242–245.

ния идея родины».¹

Свою позицию периода Гражданской войны командующий Добровольческой армией выразил следующим образом: «Сохранение русской государственности являлось символом веры генерала Алексева, моим и всей Добровольческой армии. Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов».² Цели Добровольческой армии впервые были заявлены в воззвании её штаба 27 декабря 1917 года. В числе прочего армия заявляла о готовности защищать самостоятельность казачьих областей. Вместе с тем эта готовность связывалась с будущим воссоединением Русского государства, эти новообразования назывались «последним оплотом русской государственности, последней надеждой на восстановление свободной Великой России».³ Весной 1918 года генерал подписал «Декларацию Добровольческой Армии», указывающей на то, что: «Добровольческая армия борется за спасение России путём ... установления в стране единства государственного и правового порядка»⁴ (подобные юридические средства обозначены наряду с военными). «Желательно привлечение вооружённых сил славян на основе исторических чаяний, *не нарушающих единства и целостности Русского государства* (выделено нами – Ф.С.)».⁵ Для А.И. Деникина и его соратников единое Русское государство по сути дела не переставало существовать, поскольку признание возникших на пространстве бывшей Российской империи новообразований (исключая, пожалуй, Польшу и Финляндию) значительно осложняло бы в перспективе воссоздание единой государственности. Подводя итоги Первого Кубанского похода (9 февраля – 30 апреля 1918 г.) командующий Добровольческой армией заключил: «Предстоит и в дальнейшем тяжёлая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России».⁶ Причём, как позже выяснилось, предстояла не только военная, но и политическая борьба с самопровозглашенными республиками, возникшими на окраинах бывшей империи. Данная мысль нашла выражение в речи командующего по случаю посещения Ставрополя: «...Добровольческая армия поставила себе задачей воссоздание Единой Великодержавной России. Отсюда – ропот центробежных сил и местных больных честолюбий».⁷ Значительная часть общественности осознавала Добровольческую армию как носительницу объединяющей государственной идеи. Показательно, что собравшиеся осенью 1918 года в Екатеринодаре видные государственные и общественные деятели (среди которых Н.И. Астров, М.М. Винавер, Н.Н. Львов, А.Н. Нератов, В.А. Степанов, С.Д. Сазонов, В.В. Шульгин) и предложили «признать Добровольческую армию «Все-российским государственным центром»».⁸ 7 марта 1920 года «профессорская группа» общественно-политической организации «Совет государственного объедине-

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 118.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 391.

³ Там же. С. 202.

⁴ Декларация Добровольческой армии от 23 апреля 1918 года. – Цит. по: Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. Т. 3. С. 526.

⁵ Там же. С. 527.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Там же. С. 705.

⁸ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4. Т. 5. С. 265.

ния» высказался подобным же образом: «Признавая, что в настоящее время на Юге России Добровольческая армия является единственной управомоченной носителем государственного единства, Совет считает крайне опасным и вредным для русского дела возникновение помимо ее согласия и участия каких-либо новых государственных властей и образований».¹

Особенно много неудобств в попытках воссоздания российской государственности доставляли А.И. Деникину самопровозглашенные казачьи государственные образования: «С величайшим раздражением говорил генерал Деникин о “самостийности казаков”, особенно обвиняя кубанцев».² До определенного момента подобные политические решения могли быть поняты генералом как защита от большевистского режима: «Нет сомнения, что явление распада русской государственности под именем “самостийности”, во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того бедлама, который представляет из себя “Советская республика”».³ Вместе с тем такие движения в сторону обособления, по его мнению, поражают «саму идею государственности».⁴ «Это явление, – отмечает генерал, – нося внешние признаки государственной целесообразности в непризнании самозванной центральной власти, заключало в себе серьезную опасность для будущего ... в ослаблении... внутренних исторических связей некоторых окраин с Россией».⁵ Самопровозглашение окраинами бывшей Российской империи новых государств и замыкание их в самих себе было, по мнению А.И. Деникина, ошибкой не только в стратегическом смысле, как разрыв, пусть даже и временный, с российской государственностью. В этой связи генерал считал необходимым, насколько возможно возвращать временно выпавшие из российской «орбиты» новообразования в сферу своего влияния. Так, назначая *В.П. Ляхова* (1869–1920) главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края, А.И. Деникин напутствовал: «Вам предстоит тяжелая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанский край... вновь приобщить край к русской государственности».⁶ Своему представителю в Закавказье генералу *Н.Н. Баратову* (1865 – 1932) главнокомандующий Вооруженными силами Юга России давал следующие инструкции: «Имея в виду, что все Закавказье в пределах границ до начала войны 1914 г. должно рассматриваться как неотделимая часть Российского Государства, Вам надлежит подготавливать почву для безболезненного воссоединения этих областей в одно целое с Россией под верховным управлением общероссийской государственной власти».⁷ При этом А.И. Деникин осознавал и то, что децентрализация власти является одним из условий сохранения государственного единства России в будущем: «...широкая внутренняя автономия в делах местной, краевой и народной жизни

---

¹ Там же. С. 409.

² *Врангель П.Н.* Воспоминания. – М.: Вече, 2013. С. 170.

³ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 116.

⁴ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 116.

⁵ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 141.

⁶ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 163.

⁷ Инструкция Главному представителю в Закавказье Главнокомандующего Вооруженных сил Юга России. – Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 197.

составляет одно из оснований будущей государственной жизни России».¹ Генерал Деникиным, по всей видимости, вынужден был принимать и реалии текущего момента. В этой связи он понимал невозможность немедленного преодоления сепаратизма: «...впредь до окончательного установления общегосударственной российской власти, допускается самостоятельное управление этих областей, ныне в них образовавшееся и существующее».² Данная позиция не скрывалась и от вновь возникших национальных правительств. Так, по занятию Дагестана азербайджанскому правительству было передано следующее сообщение: «Мы считаем Азербайджан частью России. До восстановления в России Верховной власти допускаем самостоятельное существование Азербайджана».³

Сепаратизм был вреден и в тактическом плане, поскольку не позволял всем антибольшевистским силам выступить против советской власти: «...наиболее гибельной и предопределившей весь исход борьбы явилась идея, воспринятая по убеждению национальными шовинистами и по заблуждению – лояльным элементом: *сначала* (выделено у А.И. Деникина – Ф.С.) отгородиться совершенно в территориальных, областных, национальных районах не только от районов, пораженных большевизмом, но и от сравнительно «здоровых» соседей, заняться внутренней организующей работой и накоплением сил, *а потом уже* выступить активно совершенно со сложившейся политической обстановкой».⁴

Подобные заявки на государственную самостоятельность им считались необоснованными, подрывающими искомое государственное единство. Показательно, что в «Очерках Русской Смуты» генерал различает в риторике деятелей казачьих республик «казачьи заслуги» (по его мнению, несомненные), «казачье единение» (с точки зрения Деникина, сомнительное) и «казачью суверенность».⁵ По поводу последнего термина комментарии не даются вовсе: видимо, тем самым выражена его вредность и абсурдность, особенно в условиях боевых действий. Глубоко удручали Деникина проявления казачьего сепаратизма, в том числе на уровне государственных символов. Так, в «Очерках Русской Смуты» с сожалением отмечено, как в 1920 году в Екатеринодаре Верховный круг трёх казачьих войск изъял из текста присяги упоминание о России. Полемизируя с Кубанской Краевой Радой, представлявшей самоопределившуюся Кубанскую Народную Республику, в которой были сильны сепаратистские течения, Деникин выражает следующее желание, выраженное, однако, в форме утверждения: «Я уверен, что Краевая Рада... не порвет сыновней зависимости от Единой, Великой России».⁶ Вскрывая подрывную суть сепаратистских казачьих группировок, споря с ними, противодействуя им, используя имеющиеся средства, А.И. Деникин не раз отмечал, что подобные поползновения были свойственны преимущественно политиканствующей верхушке казачьих войск, но не казачьей массе.⁷ А.И. Деникин в своих публичных выступлениях не раз указы-

---

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 197.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 245.

⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3. С. 142.

⁵ См.: Кручинин А.С. Путь генерала Деникина // Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 60.

⁶ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 619.

⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 116.

вал, что готов считаться с казачьей автономией, но она не должна во вред идее государственного единства: «Перенеся вместе с Добровольческой Армией через её крестный путь неугасшую и непоколебимую веру в великое будущее единой и неделимой России, я не отделяю от блага и пользы России интересов Дона». ¹ Будущее России он видел только в объединении всех новообразований в единый организм, причём самый предпочтительный механизм – добровольное вхождение в состав страны всех её обособившихся областей: «Много терний на этом пути. Но при добром желании, при общем и искреннем стремлении всех новых образований к государственному объединению он приведет нас к желанной цели – к счастью Родины». ²

А.И. Деникин относительно спокойно реагировал на сепаратистскую риторику, вместе с тем когда «самостийные» силы переходили от слов к действию, он считал полезным использование карательных, уголовно-правовых средств. Так, после сговора части кубанских государственных деятелей с горцами Северного Кавказа о создании федерации, он выслал всем командующим армиями следующую телеграмму: «В июле текущего года (1919 г. – Ф.С.) между правительством Кубани и Меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача Кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение Меджлиса, чем обрекается на погибель Терское войско. Договор подписан Бычем, Савицким, Калабуховым, Намитокowym, с одной стороны, и Чермоевым, Гайдаровым, Хадзараговым, Бамматовым, с другой. Приказываю при появлении этих лиц на территории Вооруженных Сил Юга России немедленно передать их военно-полевому суду за измену». ³ Не признав Уфимской директории Всероссийской властью, Деникин тем не менее в речи на открытии Кубанской Рады признает «исключительно важное значение Сибирского объединения» и находит «необходимым – путём взаимных соглашений направить русские силы Востока и Юга к одной общей цели – возрождению великодержавной России...». ⁴

А.И. Деникин принципиально отказывался участвовать в конференциях и заключать соглашения с окраинами бывшей империи, провозгласившими себя суверенными государствами. Так, будучи приглашенным на конференцию представителей Дона, Кубани, Терека, Крыма, Армении, Азербайджана на предмет составления Союзного договора, командующий ответил отказом, мотивы которого изложены в «Очерках»: «1) «командование может участвовать только в такой конференции, которая приняла бы принцип «воссоздания Единой и неделимой России с предоставлением самоуправления отдельным её областям»; 2) командование отказывается входить в соглашение с теми новообразованиями, «которые строят своё благополучие на отторжении от России»». ⁵

Сепаратизм, по мнению А.И. Деникина, в немалой степени не только внутреннее явление, но и результат действия внешних враждебных сил, использующих

---

¹ Выступление Деникина на заседании Донского Круга 3 февраля 1919 г. – Цит. по: *Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 112.*

² Там же. С. 113.

³ Цит. по: *Врангель П.Н. Указ. соч. С. 183.*

⁴ *Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 701.*

⁵ *Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. -5. С. 79.*

стремление окраин к самоопределению в своих целях. Так отмечено поощрение идеи самостоятельности Польши, Финляндии, со стороны Германии.¹ Подобные способы борьбы, по мнению генерала, вообще свойственны западному миру. В этой связи А.И. Деникин приводит слова английского министра *Каннинга* (1770–1827), произнесённые в парламенте ещё в 1826 году: «Если нам придется участвовать когда-либо в войне, мы соберем под наши знамена всех мятежных, всех основательно и без причины недовольных в каждой стране, которая пройдет против нас».² В «Очерках Русской Смуты» приводится также циркуляр германского министерства иностранных дел, адресованный представителям в нейтральных странах, свидетельствующий о востребованности подобных политико-правовых методик: «Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения ...сепаратизма – составных частей государства».³ Идея расчленения России, по мнению генерала, – это последовательно проводимый немецким правительством принцип, выразившийся в провозглашении «5 ноября 1916 г. Польского королевства, с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении “как можно далее”; в создании “независимых” ... Курляндии и Литвы; в разделе Белорусских губерний между Литвой и Польшей и, наконец, в длительной и весьма настойчивой подготовке отпадения Малороссии...».⁴ В «Очерках Русской Смуты» приводится фрагмент интервью газете «Daily Mail» генерала *Макса Гофмана* (1869–1927), начальника штаба Восточного фронта, свидетельствующее одновременно об ответственности сепаратизма, в частности украинского, и активная роль иностранных государств в его культивировании: «В действительности Украина – это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России...».⁵ В этой связи как величайшую политическую ошибку и скорее даже предательство А.И. Деникин оценил также заключение Брест-Литовского мирного договора, завершившего «распад России, наметившийся в результате ослабления и вырождения центральной власти и максимализма в национальных усмотрениях»⁶, то есть в условиях разгула центробежных сил.

Несмотря на то, что А.И. Деникин являлся безусловным сторонником государственного единства, территориальной целостности России он, тем не менее, был достаточно гибок в этом вопросе. Для сохранения принципиального государственного единства он готов был идти на уступки окраинам. В частности, он был, как почти все видные фигуры «белого» движения, готов к признанию независимости Польши и Финляндии. Не вызвали у него принципиальных возражений и заявки национальных окраин на автономию и децентрализацию власти. По его мнению, сепаратизм обрушился на страну как раз тогда, когда она готова была к реформи-

---

¹ См.: *Кручинин А.С.* Путь генерала Деникина // *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 224.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 381.

⁴ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 380.

⁵ Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 379.

⁶ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 344.

рованию административно-территориального устройства: «Скрытая или подавленная ранее, эта рознь резко проявилась, к сожалению, в тот именно момент, когда общерусская власть выходила на путь широкой децентрализации, признания исторических прав и культурно-национального самоопределения составных элементов русского государства».¹ В этой связи ради сохранения единства России А.И. Деникин признавал необходимость реформ в области государственного устройства в сторону расширения полномочий составных частей государства: «Вопрос о национальностях и связанный с ним – о территориальном устройстве Российского государства разрешались в полном единомыслии мною и всеми членами Особого Сопровождающего: единство России, областная автономия и широкая децентрализация».² Так, весной 1919 года Подготовительной комиссией по национальным делам на обсуждение Особого совещания был вынесен проект административно-территориального устройства «белой» России, подразумевавший разделение на области по географическому и экономическому принципам, исключая национальный. В этой связи даже при условии децентрализации власти такой проект минимизировал угрозу сепаратизма.³

Вместе с тем автономия и децентрализация не означали ещё федерализации. Последняя, по мнению А.И. Деникина, была опасна в том случае, если она имела договорную природу (а иначе и не могло получиться в создавшейся ситуации, когда будущие субъекты федерации в явочном порядке объявили о своей самостоятельности): «...юридические элементы федерации – сговор и двустороннее октроирование – нарушат саму идею национального единства России и создадут для будущей общерусской власти немалые затруднения и опаснейшие прецеденты».⁴ При этом понятие о федерации не равнялись в политико-правовых представлениях Деникина сепаратизму. Не используя подобного термина, генерал, видимо, считал более целесообразной централизованную федерацию: «...форма «федерации» не предвещала ещё внутреннего содержания её, которое могло стать вполне разумным и справедливым, не нарушая государственных интересов России».⁵

Ещё одной чертой политического характера А.И. Деникина, как представляется, было отсутствие личных властных амбиций. Так, стремление воссоздать во что бы то ни стало государственное единство России в небольшой степени предопределило признание верховной власти адмирала Колчака: «...признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями».⁶ Данный мотив подчеркивается и в приказе генерала А.И. Деникина о подчинении адмиралу *А.В. Колчаку* (1873–1920): «...наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России. Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной Власти и нераздельном с нею еди-

---

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 461.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 311.

³ См.: Богославский Е.А., Кулаков В.В. Структура государственного устройства Юга России // История государства и права. – 2013. № 16. С. 50.

⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 525.

⁵ Там же. С. 525.

⁶ Там же. С. 470.

ном Верховном Командовании. Исходя из этого глубокого убеждения ... я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских армий».¹ Факт признания Верховной власти в лице адмирала Колчака позволил государstвооведам Особого Совещания при генерале Деникине утверждать, что «русское государство, как единое целое, восстановлено».² В этой связи общероссийская власть, не имея конституционного закрепления, должна была строиться в их представлении следующим образом: Верховный правитель (адмирал Колчак) и его полномочный представитель на Юге (генерал Деникин), палата областных и губернских представителей, общее правительство, автономия казачьих войск.³ Данный шаг по воссозданию единого государства также высоко оценивался представителями различных политических групп (Союза Возрождения, Совета государственного объединения и Всероссийского национального центра), принявшего 5/18 июня 1919 года резолюцию, содержащую следующие положения: «Названные организации... сомкнутым национальным фронтом встречают радостную и волнующую мысль о воскрешении Русского государства, как Единого Целого. Видя в этом событии залог дальнейшего исцеления, возрождения и преуспевания России, русские политические организации приветствуют генерала Деникина, в самозабвенном подвиге служения России неуклонно сохранившего идею единства России и провозгласившего ее государственное объединение под властью Верховного Правителя... Да здравствует воскресшая Россия. Да здравствует Единое Русское Государство...».⁴

А.И. Деникин, будучи по своей политической ориентации конституционным демократом, тем не менее, не определял платформы, на которой должна была осуществиться ключевая цель – единство России. В телеграмме генералу *Д.П. Сазонову* (1868–1933) от 2 января 1919 года Деникин отмечал на этот счёт: «Мы боремся за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю».⁵ С одной стороны, это расширяло идеологическую базу сторонников территориальной целостности, с другой стороны – делало движение рыхлым, лишённым единой основы.

Приверженность идее государственного единства России А.И. Деникин пронёс через всю свою жизнь. Как известно, он отказался от сотрудничества с нацистами против Советского Союза, и вместе с тем в 1943 году выступил с обращением к военной эмиграции, в котором указал следующее: «Русское воинство не может принимать участия в войне в рядах ...тех, кто подымится для расчленения Рос-

---

¹ Приказ Главнокомандующего Вооружёнными Силами на Юге России № 145 от 30 мая 1919 г. – Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 447.

² Там же. С. 610.

³ Там же. С. 608.

⁴ Цит. по: *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания / Составл., предисловие, коммент. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2012. С. 538–539.

⁵ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4-5. С. 301.

сии».¹ Если государственное единство оценивается как нормальное состояние России, способствующее её развитию, то разделение этого масштабного организма, по мнению Деникина, есть трагедия, в том числе для новообразований, возникших в итоге: «Крушение ... великой империи вызвало бы невероятный хаос во всем мире; нежизненные, бессильные «самостоятельные» (у автора именно в кавычках – Ф.С.) части её стали бы игрищем на бирже международной конкуренции, неудовлетворённых и неумеренных appetites, вызвав новую полосу бесконечных войн и революций...».² Вместе с тем вождь «белого» движения уверен в том, что единство – коренное свойство русской государственности, способной к возрождению даже после поражения: «Но задушить Россию невозможно. Даже после временного бессилия, она поднялась бы и объединилась вновь ... и составила бы надолго действительную угрозу тем, кто причинился к её расчленению».³ В 1946 году Деникин подал меморандум по «русскому вопросу» президенту США Г. Трумэну, в котором он указывал последнему, что русский народ не только глубоко поддерживает идею единства Российского государства (как бы оно не называлось), но и готов защищать такое единство: «Если война начнется против России, для её раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную».⁴

Идеи государственного единства и противодействия сепаратизму были ключевыми как для генерала Деникина, так и для других видных деятелей «белого» движения: М.В. Алексева, А.С. Лукомского, А.В. Колчака, П.Н. Врангеля. Отдельные обобщения и политико-правовые идеи этого круга представляются весьма ценными и в определенной мере не теряют своей актуальности и по сей день. Вместе с тем, слабыми сторонами политико-правовой мысли «белого» движения периода Гражданской войны были невозможность сосредоточиться на созидательном государственном строительстве в условиях боевых действий и «непредрешенчество», то есть намерение отложить решение сложных вопросов, в том числе в сфере государственного единства, на послевоенное время.

Источники и использованная литература:

1. *Богославский Е.А., Кулаков В.В.* Структура государственного устройства Юга России // История государства и права. – 2013. № 16. С. 48–52.
2. *Врангель П.Н.* Воспоминания. – М.: Вече, 2013. – 480 с.
3. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: в 3-х кн. Кн. 1. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 592 с.
4. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: [в 3 кн.]. Кн. 2. Т. 2: Борьба генерала Корнилова; Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 736 с.
5. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: [в 3 кн.]. Кн. 3. Т. 4. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 832 с.
6. *Коваленко В.И., Федякин А.В.* Проблемы федерализма в трудах мыслителей русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. –

---

¹ Цит. по.: *Кручинин А.С.* Указ. соч. С. 91.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 94.

⁴ *Кручинин А.С.* Указ. соч. С. 97.

2011. №5. С. 61–76.

7. Конституционное право: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: НОРМА, 2001. – 688 с.
8. *Левакин И.В.* Государственное единство России: теоретико-прикладное исследование: дис....д.ю.н. – М., 2003. – 304 с.
9. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания / Составл., предисловие, коммент. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 752 с.

Sosenkov F.S.

A.I. Denikin on state unity and countering separatism

The article is devoted to the analysis of political-legal views of general A.I. Denikin on the preservation of the unity of Russia and counteraction to separatism. Characteristic features of the considered ideological system have been insufficient study of the problems of creative state-building (what is quite explainable by conditions of military operations) and “undeterminity”, that is the intention to postpone the solution of difficult questions, including in the field of strengthening of state unity, for the postwar time.

Keywords: A.I. Denikin, Civil war, state unity, territorial integrity, separatism.

Тепляков А.Г.

«РАССТРЕЛ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК 5-й АРМИИ ПРОТИВ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ И КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ (1920 г.)

Сообщение, опирающееся на малодоступный источник, даёт возможность получить новую информацию о судьбе нескольких десятков офицеров Белой армии и колчаковской контрразведки, расстрелянных сибирскими чекистами в первой половине 1920 г. по обвинению в контрреволюционной и карательной деятельности. Поскольку значительная часть упомянутых в сообщении лиц не реабилитирована, их следственные дела недоступны исследователям. Введённый в оборот новый исторический материал поможет в реконструкции биографий русских генералов, офицеров и контрразведчиков, оставивших заметный след в истории Урала и Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, белые офицеры, контрразведка, белый террор, красный террор, чекисты.

В Белом движении участвовало, по оценке С.В. Волкова, 170 тыс. офицеров. Значительная их часть оказалась в плену, а также была арестована советскими военными властями и чекистами в конце 1919 – начале 1920 гг., после катастрофы на Востоке, закончившейся массовым пленением белого воинства. С точки зрения основной части большевиков, все военнослужащие, активно участвовавшие в Гражданской войне, подлежали суровому наказанию. У верхушки РККА, происходившей нередко именно из офицерского сословия, было на этот счёт иное мнение. Командующий 5-й армией М.Н. Тухачевский в конце 1919 года говорил комиссару А.П. Кучкину, что попавшие в плен офицеры необходимы в Красной Армии: «Отношение к ним должно быть гуманное, – заявил он, имея в виду офицеров. – Они могут ещё нам пригодиться».¹ Однако особые отделы ВЧК считали, что чем больше белых офицеров будет уничтожено, тем лучше. Особенно активно преследовались те военные и судебно-полицейские чины, кто участвовал в карательных экспедициях и судебных разбирательствах по делам большевистских повстанцев и подпольщиков.

Эти преследования активно шли до конца 30-х гг. XX века. Судьбы многих белых офицеров, в том числе уровня полковников и некоторых генералов, до сих пор точно не выяснены. Одна из причин – недоступность следственных дел на тех осуждённых лиц, которые так и не были реабилитированы. Между тем сами руководящие чекисты признавали необоснованность многих репрессий, осуществлённых в ходе Гражданской войны. На 4-й конференции ВЧК в феврале 1920 года высокопоставленный чекист Аркин в присутствии Ф.Э. Дзержинского заявил: «...Если просмотреть наши дела, то мы все пошли бы под суд, потому что в них не доказано, что такой-то преступник белогвардеец, а есть только постановление о расстреле».²

Тепляков Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

¹ См.: *Кучкин А.П.* В боях и походах от Волги до Енисея. – М., 1969.

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 118 (далее: ЦА ФСБ РФ).

Некоторую ясность в историю репрессий против кадрового состава колчаковской армии и военно-полицейской администрации белых в начальный период восстановления большевистской власти в Сибири вносит сообщение Особого отдела ВЧК при Штабе 5-й армии «Расстрел врагов революции», опубликованное в приложении к газете «Красноярский рабочий» в июне 1920 г.¹ и, насколько известно, до сих пор не использовавшееся исследователями. В списке помещены сведения о 53 лицах, активно участвовавших в Гражданской войне на Урале и в Сибири, и уничтоженных чекистами, вероятно, в весенние месяцы 1920 года. Чекисты подготовили перечень уничтоженных ими за последнее время генералов и старших офицеров, а также контрразведчиков и «изменников» рабочему классу, опубликовав его в период неудачных для РККА боевых действий на польском фронте. Данный пропагандистский акт проливает свет на судьбу десятков активных врагов большевизма.

Об этом расстрельном приказе есть краткое и без указания на датировку упоминание в мемуарах военного комиссара 27-й дивизии 5-й армии Восточного фронта А.П. Кучкина: «По приговору особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией при штабе 5-й армии было расстреляно 53 колчаковских палача. Среди них: 3 генерала, 6 полковников, 22 офицера, 2 хорунжих, 19 царских жандармов и рабочий Ижевского завода, предатель своего класса».² Однако ни одной фамилии Кучкиным названо не было. Действительно, красноярская газета поместила краткие сведения на троих генерал-майоров, четырёх полковников и двух подполковников (последние были Кучкиным отождествлены с полковниками), а также ряд других военных и гражданских лиц.

С помощью малодоступного ныне экземпляра газетного приложения мы публикуем данные о большей части расстрелянных из этих 53 чел., исключив, по соображениям объёма сообщения, мелких полицейских служащих и негласных агентов. Многие из перечисленных ниже офицеров были сотрудниками контрразведывательного ведомства, деятельно и эффективно уничтожавшего большевистское подполье; двое являлись контрразведчиками польского легиона, спецслужба которого также нанесла нелегальным структурам красных немало сокрушительных ударов. Фамилии многих из фигурантов списка до сих пор оставались неизвестными. Между тем краткие газетные сведения о расстрелянных содержат некоторую информацию о должностях и вине этих лиц. Преобладают те, в отношении кого у большевиков были сведения о карательной деятельности, в том числе давних времён, эпохи Первой русской революции. Кто-то из них деятельно участвовал в жестоких акциях по подавлению кровавых антиправительственных выступлений, бушевавших в Сибири в 1918–1919 гг. Публикуя сведения о 33 жертвах чекистов, мы предоставляем дополнительные сведения о россиянах (и двух польских контрразведчиках), сражавшихся против революционеров и проигравших. Часть из них в последние годы была реабилитирована. Но многие не восстановлены в правах современной российской властью, что, однако, не может быть основанием для вечного забвения этих людей. Надеемся, сведения о службе и судьбе трёх десятков

---

¹ Расстрел врагов революции // Красноярский рабочий. – 1920. № 121. Приложение № 4. 11 июня (цит. по: Российский государственный военный архив. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 49 (далее: РГВА)).

² Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея. С. 241–242.

белогвардейских офицеров и чиновников не останутся без внимания со стороны исследователей Белого движения и репрессивной политики большевиков.

В списке находятся три генерал-майора – М.А. Румянцев, Р.Р. Биснек и И.Ф. Ромеров. Все они оставили заметный след в военно-политической истории первых десятилетий XX столетия. Михаил Алексеевич Румянцев (12.01.1864 – 1920) был видным судебским чиновником, окончившим Казанский университет, военно-училищные курсы при Московском пехотном юнкерском училище и Александровскую юридическую академию. Поступив на службу в 1886 г. подпоручиком, шесть лет спустя Румянцев стал штабс-капитаном, а в 1899 г. – подполковником, помощником военного прокурора и военным следователем Приамурского военного округа. С 1903 г. он – полковник, с 1906 г. – военный следователь Московского военного округа. В 1909–1914 гг. – военный судья Омского военно-окружного суда, генерал-майор (1910 г.). Участвовал в подавлении революционного движения в 1905–1907 гг., в Гражданскую войну являлся председателем военно-окружного суда. Уничтожен как руководящий работник царской и белой судебной систем.

Рейн Рейнович Биснек (Рейнис Бисениекс) (8 (20).1.1863 – 5.3.1920), уроженец Венденского уезда Лифляндской губернии. В 1886 г. окончил Рижское пехотное юнкерское училище, с 1901 г. – капитан. Участник русско-японской войны, был контужен, награждён тремя орденами. Прославился в Первую мировую войну, награждён за храбрость Георгиевским оружием: командуя 161-м пехотным Александропольским полком при наступлении дивизии к г. Ченстохову в боях с 1 по 4 ноября 1914 г. овладел укрепленными позициями немцев у деревень Красице и Завады. Полковник (1915 г.), генерал-майор (1917 г.). В ноябре 1917 г. за храбрость был награждён орденом св. Георгия 4-й степени: захватил хорошо укрепленную позицию противника в районе высот 350, 306 и деревни Хорожанки, отбил контратаку немцев, взяв 1 400 пленных, а также 16 пулемётов, четыре бомбомёта и траншейное орудие. Всего имел семь орденов; в годы Гражданской войны служил в войсках Восточного фронта адмирала Колчака. С февраля 1919 г. был начальником гарнизона Барнаула, с конца июля – уполномоченный командующего Омского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия, начальник Барнаульского военного района. В конце ноября 1919 г. вместе со своим управлением (включая контрразведку) генерал Биснек эвакуировался по железной дороге на восток. В одном из остановившихся эшелонов он был взят в плен красными на ст. Кемчуг и передан чекистам. Вскоре по обвинениям в службе в армии Колчака и подавлении крестьянских восстаний на Алтае Биснек был по решению Особого отдела ВЧК 5-й армии от 4 марта 1920 г. расстрелян.¹

Ромеров Иван Феофилович (1887–1920, Томск) – генерал-майор с сентября 1919 г. (полковник с июля 1919 г.), 32 года. Он тоже герой Мировой войны: будучи поручиком 244-го пехотного Красноставского полка, в феврале 1915 г., несмотря на ранение в бок, выбил, командуя батальоном, штыковым ударом противника с важной в тактическом отношении позиции и захватил до сотни пленных. За этот

---

¹ Кутцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. – М., 2011. С. 62; Камбалин А.И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском ледяном походе // Сибирские огни. – 2010. № 2. С. 112–161.

бой был награждён орденом св. Георгия 4-й степени, впоследствии произведён в капитаны. Закончил в январе 1917 г. Академию Генштаба, осенью 1918 г. служил у В.О. Каппеля. Согласно данным цитируемого приложения к «Красноярскому рабочему», будучи начальником Енисейской карательной флотилии, руководил подавлением крестьянского восстания, «расстреляв 71 человека». Известная информация щедрого на вымыслы бывшего начальника контрразведки штаба генерал-лейтенанта С.Н. Розанова¹ – Г.С. Думбадзе, о том, что при пленении под с. Большой Серж 13-й Казанской стрелковой дивизии тасеевские партизаны заживо сварили в асфальте её начальника Ромерова², опровергается официальным сообщением о расстреле генерала чекистами за проведение белого террора при подавлении восстания в Канском уезде Енисейской губернии.³

Действительно, И.Ф. Ромеров получил генеральское звание за успешный разгром повстанческой армии А.Д. Кравченко, причём чекисты обвинили его, начальника карательной экспедиции, в расстреле весьма ограниченного числа причастных к большому и кровопролитному восстанию. Преследуя повстанцев Кравченко по Ангаре, отряд полковника Ромерова в июне 1919 года освободил с. Рыбное Рыбинской волости Канского уезда, где партизаны держали под замком 50 семейств зажиточных крестьян. Над пленниками повстанцы жестоко издевались, а многие главы семей были убиты (священник, мировой судья, лесничий, акцизный чиновник и др.).⁴ То, что Ромеров не являлся сколько-нибудь выдающимся героем белого террора, говорит и ошибка исследователя С.С. Балмасова, который в качестве примера произвола колчаковских властей привёл Ромерова, наложившего якобы «громдную» контрибуцию в 50 тыс. руб. на с. Рыбное – под вполне обоснованным предлогом того, что оно «сплошь заражено большевизмом и играло роль Тасеево в Заангарском районе». Балмасов пишет: «Нетрудно догадаться, что после наложения такой громадной по тем временам контрибуции жителям Рыбного не оставалось ничего, кроме как сжечь собственные дома и уйти в тайгу для беспощадной борьбы с такого рода “ромеровыми”».⁵

На самом деле 50-тысячный штраф для села вовсе не являлся сильно обременительным (всего Ромеров собрал в неблагонадежных селениях до 300 тыс. руб. контрибуции).⁶ Эта сумма была в пределах тогдашней «контрибуционной нормы». Так, летом 1919 года переселенческая Коротоякская волость (впоследствии Славгородского округа) была вынуждена заплатить карателям 500 тыс. руб. В августе

¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 423 об.

² Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Белая гвардия. Альманах. – М., 1997. № 1.

³ Однако современные исследователи всё ещё доверяют версии Г. Думбадзе: *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. – Красноярск, 2008. С. 223; *Ганин А.А.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М., 2009. С. 324; *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х тт. – М., 2012.

⁴ Балмасов С.С. Красный террор на востоке России. – М., 2006. С. 260.

⁵ Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая Гвардия. Альманах. Антибольшевическое повстанческое движение. – М., 2002. № 6. С. 73–75.

⁶ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. – М., 2009. С. 235.

1919 года в партизанском алтайском с. Казанцево анненковцы, угрожая сжечь село, потребовали собрать за два часа по 1 000 руб. с хозяйства – и ушли с 219 тыс. руб. и 37 отобранными конями.¹ Для сравнения: полотенце тогда стоило 50 руб., берданка – 85, новые валенки – 200, старый тулуп – 400, лошадь – 2 000 руб.² Прожиточный официальный минимум в Сибири в феврале 1919 года равнялся 326 руб. на человека в месяц, а в ноябре – уже 1 102 руб.³

Характерно, что один из восточносибирских партизанских вожakov вспоминал, как летом 1919 года повстанцы Черемховского уезда Иркутской губернии бросались деньгами «направо и налево, потому [что] в курьерских поездах, которые мы останавливали, мы брали миллионы и десятки миллионов колчаковских денег. В тех деревнях, где за наше пребывание Колчаковские контрразведчики накладывали штрафы до миллиона рублей, мы деревенским старостам передавали миллионы и они увозили в город [и] платили штраф. Колчаковская контрразведка весьма удивлялась и спрашивала у мужиков: “где вы берете такие большие суммы????”». ⁴ Там, где миллионов у партизан не было, повстанческие сёла расплачивались имуществом.

Таким образом, благодаря затерянной в большевистской прессе информации появляется возможность уточнить биографию генерала Ромерова, которая ещё слабо известна и частично мифологизирована.

Среди других жертв террора чекистов:

Григорьев Александр Александрович, 51 год, бывший прокурор, обвинялся как проводник репрессий при царизме и белой власти. На самом деле Григорьев служил в российской судебной системе в качестве многолетнего председателя Уфимского губернского окружного суда – до 1919 года.

Доровский Витольд Владиславович – поляк (его национальность выделена нарочито, явно в связи с советско-польской войной), инженер и офицер, начальник конной жандармерии «польских белых войск».

Каар Эдуард Евгений Иванович, австрийский подданный, поляк, начальник контрразведывательного штаба польских войск, участник разгрома большевистского подполья в Новониколаевске.

Полковник Крейер Александр Николаевич родился в г. Рыльске в 1869 г. Учился в Киевском юнкерском училище. Его брат Сергей был директором Киевского Государственного банка перед революцией 1917 г., второй брат, Николай, в 1920 г. был подпоручиком Белой армии. А.Н. Крейер служил офицером с 1892 г. Будучи в белых войсках Восточного фронта, он на август 1918 г. командовал 21-м Симбирским стрелковым полком Народной армии; на май 1919 г. являлся командиром 58-го Сайгатского стрелкового полка. Был награждён орденом св. Станислава 3-й ст. (ноябрь 1905 г.). Половника арестовали 6 января 1920 г. в с. Минино и по решению военно-полевого трибунала при РВС 5-й армии расстреляли как командира карательного отряда. Отсутствие доказательств карательной деятельности привело

¹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922. – Барнаул, 2001. С. 376.

² Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520. Л. 43 (далее: ГАНО).

³ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001. С. 188.

⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 156. Л. 32.

к реабилитации полковника в 2001 г. Известно, что вскоре после расстрела Крейера умерла его жена – Евгения Илларионовна (урождённая Ивановская), а их дети были помещены в детские дома.¹

Пичугин Александр Васильевич – начальник контрразведки 3-й Уральской бригады.

Вегенер Николай Николаевич – подполковник, комендант Красноярска.

П.П. Волосников – подполковник.

И.И. Дидрин – начальник контрразведки 3-й Уральской бригады.

М.В. Добрянский – полковник, помощник начальника 11-й Уральской дивизии, «лично присутствовал при расстреле пленных красноармейцев».

С.П. Дьячков – начальник контрразведки дивизии.

В.Д. Коробьин, полковник – начальник Егерской карательной дивизии.

Н.А. Кульченко – начальник Красноярской уездной милиции, помощник начальника Государственной охраны в Красноярске.

Н.П. Ластовский – командир белогвардейского полка, обвинялся в расстрелах как пленных красноармейцев (в том числе 36 пленных красных за один раз), так и трупов из состава своего полка. Николай Петрович Ластовский на 1909 г. служил подпоручиком 74-го пехотного Ставропольского полка. С 1918 г. – в Сибирской армии, капитан, командир батальона. С февраля 1919 г. командовал 1-м Новониколаевским Сибирским стрелковым полком. После гибели поднявшего мятеж полковника А. Ивакина исполнял должность начальника 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Был награждён орденами св. Георгия 4-й степени и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.²

Младшие офицеры и агенты контрразведки:

Г.Г. Великонистов – цирковой артист, агент контрразведки Омского военного округа.

В.М. Вилипп – поручик, формировал добровольческий батальон в Перми.

М.А. Голубинский – начальник томского исправительного отделения, сотрудник контрразведки Омского военного округа. Обвинялся в том, что после прихода красных выдавал коллегам-контрразведчикам подложные паспорта.

Е.С. Ермаков – подпоручик, сотрудник контрразведки в бригаде морских стрелков.

Жейнов Григорий Нестерович – подпоручик, старший следователь контрразведки Омского военного округа. Родился в 1884 г., окончил Казанский университет и Александровское военное училище.

Б.Я. Кантулис – офицер, начальник контрразведки штурмовой бригады генерала А.Н. Пепеляева.

Л.Г. Ланской – поручик, сотрудник контрразведки Омского военного округа.

Мягкий Николай Коронстович, прапорщик – член военно-следственной комиссии по делу Минусинского восстания в ноябре 1918 г., по которому было расстреляно 70 чел., участник боевых действий против партизан А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина.

---

¹ Я ищу: Крейер Николай // URL: http://cfo.spr.ru/forum_vyvod.php?id_tema=1057733.

² 4-й Енисейский полк // URL: <http://wap.siberia.forum24.ru/?1-4-0-00000081-000-10001-0>

А.А. Некрасов – подпоручик, районный комендант в Перми.

Софронов Александр Александрович, 28 лет, офицер, доброволец – старший наблюдатель и офицер для особых поручений в Каменском и Мариинском контрразведывательных пунктах Томской губернии.

С.П. Токарев – офицер Канского контрразведывательного пункта.

Учелкин Василий Федорович – хорунжий, 23 года, уроженец Акмолинской области, служил у атамана Б.В. Анненкова. Обвинялся как участник тайной организации атамана Г.М. Семёнова, занимавшийся вербовкой добровольцев в антибольшевистские отряды.

Ф.И. Федотов-Карпов – капитан армии Колчака, начальник Бирской тюрьмы и комендант Уфимской тюрьмы. Обвинялся в том, что в г. Златоусте допустил насилие над арестованными и расстрел «45-ти лучших советских работников».

К.И. Худоногов – поручик, командир штурмового батальона на Екатеринбургском фронте.

П.А. Цемберг – поручик, начальник контрразведывательного пункта в Минусинске.

Н.А. Цемберов – подпоручик, начальник карательного отряда.

Д.К. Шпигель – капитан, член и председатель военно-полевого суда при командующем войсками Енисейского фронта.

Для многих современных историков очевидно, что за привычной обвинительной формулой «участие в белых карательных отрядах» вовсе не обязательно скрываются преступления колчаковского режима против повстанческого движения, действовавшего с пугачёвским размахом и свирепостью. В партизанских мемуарах нередко откровенные признания в исключительной жестокости красных повстанцев не только к врагам, но и колеблющимся. Видный соратник действовавшего на Алтае и в Кузбассе Григория Рогова В.М. Голев вспоминал: «Да, мы действительно были страшны и беспощадны к тем, кто был против нас или топтался на одном месте».¹ Партийный работник К.В. Цибульский, воевавший в Томской губернии, в конце 1921 г. заявлял, что «...сам был зверем-партизаном при Колчаке. Повзводно вел расстрелы золотопогонников и т. д. ...».² Легендарный алтайский предводитель И.В. Громов (Мамонов) спокойно описывал расправу с семьёй заложников, включая детей: «Расстреливали, не считаясь с их возрастом и полом, пусть бы родился в этот же день, один чёрт – уничтожали...».³ Другой алтайский партизан уверял, что, в отличие от «ребятков» того же кровожадного Рогова, в его отряде убивали врагов правильным образом, без издевательств, и бегло отметил стандартную процедуру: «У наших ребятков был совсем другой прием: садишь на колени [,] голову шашкой махнул и готово».⁴ Третий тоже не считал массовые казни крими-

---

¹ Ср. с указанием вождя пролетариата от 22 августа 1918 г. саратовским продработникам: «...Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 165.

² Из истории земли Томской. Народ и власть. 1921–1924. Сб. документов и материалов. Томск, 2000. С. 67.

³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 29–30.

⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 34.

налом: «Пленных дивизия редко брала, большинству головы отрубали...».¹ Поэтому действия белых карателей нередко носили ответный характер и далеко не всегда достигали той жестокости, которая повсеместно бушевала в красной партизанщине.

Перечисленные офицеры и служащие охранительной системы царского и антибольшевистских правительств были вынуждены заплатить жизнью за поражение Белого дела. Неизвестны подробности пристрастного чекистского следствия по их делам, нет следов могилы. Данное сообщение может помочь исследователям истории российского офицерства и правоохранительных структур в уточнении направления поисков информации о лицах, оставивших очевидный, хотя и противоречивый след в истории Урала и Сибири.

Источники и использованная литература:

1. ГАНО – Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 29–30.
2. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520. Л. 43.
3. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2.
4. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 34.
5. РГВА – Российский государственный военный архив. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 49.
6. РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 423 об.
7. ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 118.
8. Из истории земли Томской. Народ и власть. 1921–1924. Сб. документов и материалов. Томск, 2000. С. 67.
9. Красноярский рабочий. – 1920. № 121. Приложение № 4. 11 июня.
10. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922. – Барнаул, 2001.
11. Балмасов С.С. Красный террор на востоке России. – М., 2006.
12. Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая Гвардия. Альманах. Антибольшевицкое повстанческое движение. – М., 2002. № 6. С. 73–75.
13. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х тт. – М., 2012.
14. Ганин А.А. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М., 2009.
15. Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. – М., 2009.
16. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Белая гвардия. Альманах. – М., 1997. № 1. С. 43–45.
17. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001.
18. Камбалин А.И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском ледяном походе // Сибирские огни. – 2010. № 2. С. 112–161.
19. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. – М., 2011.
20. Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея. – М., 1969.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ы, 1970. Т. 50. – 624 с.
22. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. – Крас-

---

¹ Там же. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2.

ноябрь, 2008.

23. Я ищу: Крейер Николай // URL: http://cfo.spr.ru/forum_vyvod.php?id_tema=1057733.

24. 4-й Енисейский полк // URL: <http://wap.siberia.forum24.ru/?1-4-0-00000081-000-10001-0>.

Тепляков А. Г.

**«Execution of enemies of revolution»: special department of VChK
of the 5th army against white officers and counterspies (1920)**

This article, based on the inaccessible source, gives an opportunity to get a new information about the fate of several dozen officers of the White Army and counterintelligence Kolchak shot by Siberian security officers in the first half of 1920 on charges of counter-revolutionary and punitive activity. As a large proportion of persons mentioned in the communication are not rehabilitated, their investigation files are not available to researchers. New historical material was put into circulation will help in the reconstruction of biographies of Russian generals, officers and counterspies, who have left a noticeable mark in the history of the Urals and Siberia.

Keywords: Siberia, the White officers, counter-intelligence, the White Terror, the Red Terror, Cheka.

Пестерев Е.В.

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ УРАЛА В 1920–е ГОДЫ

На основе анализа архивных источников и научной литературы выявлены наиболее значимые проблемы юридической интеллигенции Урала в 20-е годы XX века. Раскрывается сущность, проблемы, роль и значение выдвиженчества в становлении и развитии советских органов юстиции.

Ключевые слова: юридическая интеллигенция, Уральские органы юстиции, выдвиженчество, интеллигенция и власть в 20-е годы XX века.

Большое значение в кадровом обеспечении органов юстиции Урала в 20-е гг. XX века играло выдвиженчество. Одним из методов контроля государственного аппарата коммунистической партией являлось выдвижение рабочих «от станка» и крестьян «от сохи» на государственную службу. Выдвиженчество впоследствии стало самостоятельным и значимым явлением в становлении советского государственного аппарата. Практически оно началось сразу после Октябрьского переворота, но в 20-х гг. XX века приобрело системный и управляемый характер.

В октябре 1923 года ЦК партии принимает постановление об основных задачах учетно-распределительной работы на ближайший период, где выдвижение кадров было намечено одной из основных задач деятельности учётно-распределительного отдела. В конце года Центральная контрольная комиссия РКП (б) заявила о необходимости добиться того, чтобы во всех Советах и во всех советских органах рабочим было предоставлено не на словах, а на деле серьезное представительство. В 1923-1924 гг. выдвижение становится постоянным направлением в работе партийных организаций, предприятий и учреждений. Оно было направлено на укрепление диктатуры коммунистической партии. Одновременно создавался новый средний командный слой, новый средний класс за счет рабочих.¹ По сложившейся практике выдвиженцем на ответственную государственную работу являлся тот, кто избирался общим или цеховым рабочими собраниями, фабрично-заводскими производственными совещаниями, местными советами или секциями советов, партийными, профессиональными и общественными съездами. Предполагалось, что выдвигаться будут рабочие и крестьяне, в основном беспартийные. Однако в общем процессе усиления борьбы за власть среди выдвиженцев ставка делалась все больше на рабочих, причем партийных.

В органах юстиции, начиная со становления советской судебной системы, шла работа по привлечению рабочей прослойки в аппарате путём укомплектования аппарата суда и прокуратуры работниками из состава рабочих. Ввиду этого центральные органы усиленно следили за исполнением директив, касающихся усиления ра-

---

Пестерев Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-методической работе, учитель истории, обществознания и права МАОУ лицей № 3 г. Екатеринбург.

¹ *Божанов В.А.* Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы. – Минск, 2004. С. 119.

бочей прослойки в аппарате путём заполнения освобождающихся должностей. Для этого велся строгий учёт количественного и качественного состава выдвиженцев. С этой целью в Учётно-распределительный отдел Наркомата юстиции РСФСР представлялись сведения, в которых должны быть выявлены следующие моменты:

- именной перечень выдвиженцев с указанием времени их поступления на работу в органы юстиции и краткие анкетные данные;
- какую работу и сколько времени выполнял выдвиженец до выдвижения и, какой организацией произведено его выдвижение;
- на какую работу первоначально при поступлении в органы юстиции назначались выдвиженцы, были ли случаи дальнейшего продвижения на более ответственную работу и наоборот;
- сколько случаев возвращения выдвиженцев обратно, причина возвращения;
- ведется ли учет работы выдвиженцев, в какой форме;
- предложения выдвиженцев в процессе работы, в какой форме;
- участие в общественной работе;
- как производится ознакомление выдвиженцев с возложенной на них работой;
- влияние выдвиженцев на улучшение работы того учреждения, в котором они работают;
- отрицательные моменты в работе выдвиженцев;
- пожелания, основанные на конкретных данных, по поводу усиления притока выдвиженцев, предложения по улучшению дела выдвижения, общая характеристика.

Сведения должны были охватывать всех выдвиженцев органов юстиции, независимо от занимаемых ими должностей.¹

В отчёте Уральской областной прокуратуры от 29 марта 1927 г. сообщается следующие данные:

Всего выдвиженцев 5 человек, из которых двое работали участковыми помощниками прокурора, а трое – камерными помощниками прокурора в окружных прокуратурах. Выдвиженцами в составе камерных помощников прокурора являлись:

1. Акатьев Григорий Тимофеевич. В Сарапульской окружной прокуратуре работал с 16 апреля 1926 года. До поступления в прокуратуру 7 лет работал рабочим (заготовщиком) на кожевенных заводах. В прокуратуру был выдвинут Сарапульским окружным комитетом (окружком) ВКП (б).

2. Завьялов Иван Тихонович. В Челябинской окружной прокуратуре работал с 1 ноября 1925 года. До поступления в прокуратуру в течение 14 лет работал столяром. В прокуратуру был выдвинут Челябинским окружкомом ВКП (б).

3. Мартынов Константин Андреевич. В Щадринской окружной прокуратуре работал с 15 сентября 1926 года. До поступления в прокуратуру 10 лет работал слесарем. На работу в прокуратуру был выдвинут фракцией ВКП (б) Челябинского окружного исполнительного комитета.

В составе участковых прокуроров выдвиженцами являлись:

1. Дудинин Андрей Тихонович. В Челябинской прокуратуре работал с 15 декабря 1925 года. До выдвижения в прокуратуру работал около 4 лет чернорабочим. Был

---

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 (далее: ГАСО).

выдвинут Челябинским окружкомом ВКП (б).

2. Шестаков Александр Федотович. В Пермской прокуратуре работал с 1 июня 1925 года. До выдвижения в прокуратуру в течение 13 лет работал токарем и слесарем на механических заводах. Был выдвинут Пермским окружкомом ВКП (б).¹

На работу в органах юстиции выдвигались и женщины. К примеру, в отчёте для прокурора Уральской области фигурирует Е.И. Шабалина-Токарева, которая до выдвижения работала в качестве кассира в Лысьвенском сельскохозяйственном товариществе, затем копиисткой в Ново-Лялинской Заводской конторе. В 1920 году по выборам была проведена членом волисполкома, затем стала заместителем заведующего информационно-инструкторским отделом управления в городе Верхотурье, заместителем заведующего информационно-инструкторским отделом Свердловского губернского отдела, инструктором губернского женского отдела, заведующим женского отдела Тагильского окружкома ВКП (б) и заместителем секретаря Лысьвенского заводского комитета. В 1925 года постановлением Пермского окружного комитета ВКП (б) её откомандировали в органы прокуратуры на должность участкового помощника прокурора. В дальнейшем в работе она проявляла очень высокую активность.²

Как видно из документа, указанные выдвиженцы являлись выходцами из рабочих. Всех указанных лиц выдвинули местные партийные организации. Выбор оказался настолько удачен, что случаев возвращения уральских выдвиженцев обратно не было. К общему количеству ответственных работников прокуратуры выдвиженцы составляли к середине 1920-х гг. в среднем 4,1%. В работе, судя по материалам отчёта, выдвиженцы проявляли активность и большой интерес. С работой прокуратуры выдвиженцы знакомились путем прикомандирования их к тому или иному камерному помощнику прокурора, при чем по мере ознакомления выдвиженца с одной отраслью работы, он переходил к следующему помощнику прокурора, работающему в другой отрасли. Наряду с этим выдвиженцы инструктировались окружным прокурором.

Уральской Областной прокуратурой была издана специальная инструкция о порядке прохождения выдвиженцами и другими начинающими работниками практики в окружных прокуратурах. По инструкции, выдвиженцы находились от 3 до 5 месяцев на практике в окружных прокуратурах, затем заканчивали 2-х месячные юридические курсы, по окончании которых командировались для работы на участки. В целях наиболее полной подготовки после практики выдвиженцев посылали на соответствующие юридические курсы. После овладения необходимым опытом и знаниями выдвиженцев вовлекали в аппарат окружных прокуратур, откуда впоследствии они могли перемещаться на другую работу (на участок). Сразу назначать на участок выдвиженца было не целесообразно, так как от него бы потребовалась самостоятельная работа, к которой он был не подготовлен. Привлечение выдвиженца в аппарат Областной прокуратуры, в силу специфичности условий ее работы и характера функций, также не давало практиканту-выдвиженцу необхо-

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л. 85-85об.

² Там же. Д. 46. Л. 115-115об.

димых практических навыков.¹ Поэтому очень часто выдвиженцы привлекались к более простой работе – общественно-политической. Общественно-политическая работа выдвиженцев проходила в форме выступлений на собраниях трудящихся, в форме пополнения выборных обязанностей в общественных и политических организациях. Но в сравнении со старыми работниками прокуратуры выдвиженцы несли меньшую рабочую нагрузку. Это обстоятельство объяснялось недостатком знаний в области законодательства и меньшим общественно-политическим развитием.

В сообщениях самих выдвиженцев по вопросу о выдвиженчестве содержатся сведения об их отношении к работе в органах юстиции. К.А. Мартынов, работающий в Щадринской окружной прокуратуре в должности Заместителя окружного прокурора, сообщает следующее: «Меня, как выходца из рабочей массы, не может не интересовать работа прокуратуры как органа, строго наблюдающего за правильным и точным проведением в жизнь директив советской власти среди трудящихся масс. И тем более борьба с разного рода нездоровыми и вредными явлениями, выступающими тормозом на пути проведения социалистического строительства и борьбы с неустойчивым элементом общества. Поэтому я больше всего интересуюсь отраслью работы прокуратуры по борьбе с преступностью... В целях улучшения в прокуратуре дела выдвижения считаю лучшим источником пополнения кадров работников прокуратуры за счет непосредственного выдвижения рабочих с производства путём предварительного пропуска кандидатур через институт общественного обвинения, дабы иметь заблаговременно возможность изучить всесторонне качества выдвигаемого товарища. При получении выдвиженца, прежде чем поставить его к самостоятельной работе, необходимо пропустить его через разные отрасли прокурорской работы путем прикрепления в центр к отдельным работникам, имеющим большой опыт и подготовку в работе прокуратуры. Имея в виду то, что поступающее лицо не имеет подготовки и знания в этой работе, желательно, чтобы такой товарищ попадал при первой возможности на специальные курсы, ибо... такой товарищ, становясь на участок, при слабом знании затирается в рутине, поскольку его знание окажется слабее других работников района, а из этого вывод один – он не сможет быть инициатором выправления линии в правильности проведения революционной законности... В плане улучшения работы аппарата прокуратуры считаю, что таковая много на себя берет функций, не относящихся к прокурорской работе, в особенности по общему надзору, где при повседневной работе цели и задачи прокуратуры расплываются на мелочи, где не только может быть нарушена революционная законность, но и имеет место нарушение взаимоотношений среди разного рода учреждениями...».²

Из данного примера следует, что выдвиженец, обращая внимание на отрицательные стороны в работе прокуратуры, имеет в виду волокиту, которая уже давно стала хроническим заболеванием органов юстиции. Характеризуя положение данных органов, автор записки затрагивает и проблему загруженности делами, что в свою очередь находит своё отражение в качестве работы Прокуратуры и её отношениях с другими учреждениями.

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л 86-86об.

² ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л. 94-95.

В другом сообщении камерного помощника прокурора И. Завьялова от 2 мая 1927 г. освещается сам процесс выдвиженчества: «Для меня как рабочего по профессии столяра с образованием одноклассной сельской школы прокурорская работа была совершенно новостью, так как об этом безусловно не приходилось представлять и думать, хотя у меня к работе этого рода имелось желание, так как еще в 1919 г., заполняя партийную анкету на вопрос, какая работа вас интересует, мной был дан ответ, что интересует судебная работа, не мысля конечно о работе прокурорской надзорной».¹ Таким образом, выдвиженец, направляясь в судебные органы, кроме желания работать в суде, ничего больше за плечами не имел. У него не было соответствующего образования и даже представления о будущей работе. Главным для выдвиженца являлось его социальное положение и партийность. Грамотность и квалификация была не важна для тех, кто направлял выдвиженцев в соответствующие органы. Отсюда следует вывод, что процесс выдвиженчества не решал задачу повышения квалификации кадров, а способствовал вторжению доверенных лиц в судебные органы, которые бы поддерживали постоянную связь с партией для полного подчинения себе органов суда. Однако процессу подчинения суда партией препятствовали старые работники, которые пытались помешать прорвать фронт новой волне кадров. «Спецы» неохотно содействовали адаптации новых работников, отсылая их подальше от себя. По этому поводу можно привести пример записки выдвиженца, в которой сообщается следующее: «На первое время при поступлении в окрпрокуратуру мне дали недели две почитать некоторой юридической литературы. Затем я приступил к работе. Безусловно, приходилось трудно, потому что я не имел знаний по правовым вопросам. Разъяснений же получал от товарищей, работающих вместе, очень недостаточно, за исключением лишь того, когда сам обращался с вопросом, да и то иногда посылали от стола к столу. Что касается мероприятий, улучшающих в прокуратуре дела выдвижения, считаю, что нужно каждого выдвиженца прикреплять к опытному прокурору, который бы давал все возможные указания в работе, знакомил с техникой производства дел и т.д., а через некоторый период времени просить от него отчет о работе с выдвиженцем и о способности его в работе... Дальше считаю, что со стороны работающих вместе товарищей необходимо товарищеское отношение к выдвиженцам, меньше бы начальственного тона, хотя бы на первое время. Это иногда отбивает всякое желание к работе. Я, например, работая первое время, испытывал от некоторых товарищей подобные вещи и, конечно, с удовольствием хотел удрать с работы».² Ясно, что выдвиженцам необходимо было больше руководства и указаний со стороны квалифицированных работников прокуратуры для того, чтобы в дальнейшем занять достойное место в кадровом составе того или иного судебного органа. Но не получая должного внимания, выдвиженцы разочаровывались в возможности вырасти до достойных должностей.

Из сообщения другого выдвиженца также вытекает критика по поводу недостаточного руководства со стороны работников прокуратуры: «Работая по должности прокурора второй год, скажу, что полного охвата деталей работы придется еще

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л. 87.

² ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л. 88-89.

добиваться. При наличии соответствующего руководства со стороны окружной и Областной прокуратуры – которое ещё требует некоторого упорядочения – работа прокурорского участка вполне сможет отразить настроение масс, обслуживаемых населенных пунктов. По поводу руководства считаю нужным сообщить, что осуществление его путём заслушивания докладов и дачи обширных резолюций с расплывчатыми предложениями о поднятии или усилении той или иной отрасли работы не оправдывает себя в практической работе. Все пожелания, о которых обычно много говорится в таких случаях, в голове не укладываются, а прибегать к блокнотам и изучать резолюции – не всегда хватает времени».¹ Выдвиженец, ссылаясь на недочёты, предлагал в своём сообщении и пути выхода из данной сложившейся ситуации: «По моему мнению, в вопросе руководства со стороны окружной Прокуратуры, необходимо усилить живую связь путем большего числа совместных с участковым прокурором обследований, проведения совещаний и совместной работы с командированным работником. Только в таком случае можно улучшить практическую подготовку участковых прокуроров. Кроме того, в практике работы встречаются моменты, связанные или с необходимостью для разрешения их иметь глубокие теоретические познания, или иметь особое классовое чутье. Не имея ни глубоких теоретических познаний, ни установившегося навыка в работе, нужных разъяснений от окружной прокуратуры добиться не всегда представляется возможным. Из поступающих от окружной прокуратуры руководящих разъяснений... я усматриваю некоторую трафаретность, не дающую возможности работникам – выдвиженцам совершенствоваться в теории и практике. Здесь вплотную встаёт вопрос о необходимости что-то предпринять для улучшения дела выдвижения в прокуратуре. Выдвинутые работники в прокуратуре в настоящее время предоставлены сами себе. Никаких подсобных материалов для совершенствования теоретических знаний у нас нет, а работа между тем требует своего выполнения в рамках строгой революционной законности».²

Таким образом, выдвижение рабочих наталкивалось на незнание ими элементарных основ аппаратной работы. Это никак, вопреки утверждениям некоторых советских политических деятелей, не могло компенсироваться большими организаторскими способностями, жизненной школой, преданностью интересам народа. Эти качества персонально по каждой кандидатуре на выдвижение никто глубоко не анализировал, ориентируясь чаще всего на общий производственный стаж и общественную активность. Наркомат юстиции пытался как-то помочь выдвиженцам, создавая специальные курсы в конце 1920-х гг. Повсеместное распространение получило прикрепление выдвиженцев к специалистам, которые знакомили их с новой работой, помогали заниматься самообразованием. Но выдвиженцы получали недостаточное руководство со стороны специалистов из-за большой загруженности последних работой и простого нежелания. Поэтому те небольшие результаты, которые имелись, достигались за счёт партийной дисциплины коммунистов-рабочих. Однако в целом единая система обучения выдвиженцев не сложилась. Трудно было из простого рабочего, часто малограмотного, с минимальным культурным уровнем

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 47. Л. 90.

² Там же. Л. 90-91.

подготовить в ускоренном порядке специалиста управленческого труда, причём с перспективой на ответственную должность.

Если к учреждениям предъявлялись требования соответствия должностей уровню выдвиженцев, то исходный уровень самих выдвиженцев партийные органы не беспокоил. В предложениях ЦК в июле 1925 г. по выдвижению крестьян в центральные и местные государственные, советские и другие учреждения прямо указывалось, что «недостаточная образовательная подготовка, незнакомство и отсутствие опыта на руководящей административной работе не должны являться решающим препятствием к выдвижению». Столь заниженные требования объяснялись также нехваткой кадров в учреждениях. К тому же это состояние было характерно для всех государственных учреждений. К примеру, в 1921 году ВСНХ требовалось 4 тысячи инженеров, а все высшие технические учебные заведения за 1920-21 учебный год выпустили лишь 1500.¹

Таким образом, получая в лице выдвиженцев бывших слесарей, чернорабочих и т.п., обязанные принимать меры к поднятию квалификации выдвиженцев, руководители органов юстиции оказывались перед трудной задачей. Некоторые из них не верили в успех данного предприятия и просто не хотели впускать в свой мир безграмотного выдвиженца. Примечателен тот факт, что, одобрительно оценивая организацию учёбы выдвиженцев, ЦК считал, что это надо делать без отрыва от работы, и резко осудил тех выдвиженцев, которые хотели получать высшее образование вообще. Возможно, это свидетельство того, что выдвиженцы рассматривались как представители партийной власти в госаппарате.

Из сообщений самих выдвиженцев мы узнаем, что сами выдвижения были случайны. В большинстве случаев выдвижение происходило вообще в госаппарат, что предопределяло большую случайность конкретного трудоустройства. Но самой большой сложностью оставалось несоответствие уровня подготовки выдвиженцев предстоящей работе. У определенной части выдвиженцев складывалось мнение, что уж начальниками они смогут быть. Чувствуя полную поддержку партийных органов, выдвиженцы предъявляли претензии на общественно-политическую, организационно-контрольную роль в государственных органах, без конкретной ответственности за дело. И неудивительно, что при росте бюрократического аппарата понижался уровень профессионализма.

Первое время, в 1923-1925 гг., преобладали высокие оценки развития выдвиженчества. Сообщалось, что выдвижение принимает массовый характер. Однако анализ материалов о выдвиженчестве свидетельствует о преувеличении данного дела. Скорее, это излюбленный прием советской власти преувеличивать успех затеянного дела, особенно на его первоначальном этапе. В апреле 1927 года по поручению ЦКК была составлена секретная докладная записка «О результатах обследования выдвиженчества рабочих и крестьян на работу в госаппарат». Здесь впервые дана обобщающая статистика по выдвиженчеству за 1923 – 1 квартал 1926 гг. За указанный период было учтено 11 647 выдвиженцев: в 1923 г. – 568, 1924 г. – 3096, 1925 г. – 7454 и за 1 квартал 1926 г. – 529 человек. Основная масса выдвигалась в

---

¹ Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы. – Минск, 2004. С. 121.

местные органы управления, так как в центральные органы СССР и РСФСР попали лишь 244 человека, то есть 2% из общего числа выдвиженцев. Социальный состав выдвиженцев в 1925 г. выглядел следующим образом: рабочих – 71,8% (в 1923 г. – 80,3%), крестьян – 13,2% (в 1923 г. – 23%), служащих – 15% (в 1923 г. – 14,4%).¹ Авторы записки считали социальный состав выдвиженцев нормальным, отметив в то же время рост выдвижения служащих, недостаточное выдвижение рабочих, слабое – бедняков и батраков, плохое – женщин. Из-за административного отбора кандидатур без их обсуждения в коллективах среди выдвиженцев обнаружилось много «чуждого элемента», особенно среди крестьян. Взаимоотношения выдвиженцев с руководителями учреждений и специалистами были далеко не добрыми. Записка зафиксировала отсутствие плановости выдвижений.

Однако в конце 1926 года усилилась борьба за выдвиженчество и была сделана попытка повышения организованности выдвиженчества. В наркоматах появились аттестационные комиссии, которые обязывались давать оценки работникам, предлагать меры по улучшению личного состава ответственных работников, отчитываясь перед Организационно-распределительным отделом ЦК. Была выдвинута задача перейти от методов ударных кампаний к систематической работе по подготовке кадров из среды передовых рабочих и наиболее близких к советской власти крестьян. Устанавливалось, что намеченные к выдвижению кандидатуры рабочих, как правило, следовало обсуждать предварительно на общих собраниях рабочих. Выдвигать следовало только на конкретную, заранее определенную работу. Местным партийным организациям поручалось разработать перечень должностей в государственных и хозяйственных аппаратах, на которые в первую очередь необходимо и возможно выдвижение. Однако успехи в деле выдвиженчества достигнуты не были. Констатировалось замедление выдвижения. На XV съезде партии выдвиженчество подверглось критике. В основном обвинялись коммунисты и специалисты, которые не оказывали должного внимания выдвиженцам. Поиск внешних причин слабого развития выдвиженчества не позволял партии понять моральное состояние рабочих, которые трудно вживались в совершенно чуждую для них обстановку учрежденческого труда. К тому же все чаще слабое развитие выдвиженчества было связано с сопротивлением аппарата. У большего числа выдвиженцев отсутствовала конкретная должность в учреждении, в чем прослеживалась роль специалистов, не желавших учить выдвиженцев.² Для судебных органов особую важность имело выдвижение политически грамотных рабочих, которые в большинстве случаев являлись квалифицированными по своей специальности. Данная категория на Урале получала ставку в среднем 100 рублей. В судебных органах ставка народного судьи равнялась в среднем 80 рублей (оклад рабочего был выше). Естественно, что при таком положении, охотников работать в судебных органах было мало. Поэтому в 1929 году по заданию Наркомата юстиции Областной суд проделал работу по составлению пятилетнего плана по отношению личного состава. Некоторые показатели – рабочую и партийную прослойки – намечалось пополнить с превышением против плана Наркомата юстиции. Областные юридические курсы также

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1512. Л. 2-7.

² Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти. С. 121.

подверглись реорганизации из 9-месячных в 5-месячные. Очередным шагом стала организация в Свердловске Уральского Областного юридического общества и вечерних юридических курсов. Задачами Уральского Областного Юридического общества провозглашались изучение и научная разработка права РСФСР, а также популяризация и распространение среди населения юридических знаний, постановка преподавания юридических наук в школах и прямая помощь в юридических вопросах различным организациям.

Затрагивая вопрос высших кадров, для Уральской области из числа лиц, окончивших в 1927 году правовое отделение Московского госуниверситета, Наркоматом юстиции (НКЮ) выделялось всего 5 человек: Крепышев, Павлов, Козлов, Варейкис и Тарасов. Согласно постановлению СНК СССР от 14 июня 1926 г. и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. все органы юстиции обязывались предоставлять места платной практики учащимся высших учебных заведений и места прохождения стажера лицам, прошедшим полный курс высших учебных заведений по соответствующей специальности. Разверстка мест, стажера и практики по отдельным органам юстиции производилась НКЮ, а распределение мест - по нарядам Межведомственной Комиссии при Наркомате труда РСФСР. Прибывшие практиканты назначались и распределялись по округам: Козлов - в Златоустовский, Варейкис - в Челябинский, Тарасов - в Верхне-Камский, Павлов - в Сарапульский, Крепышев - в Свердловский. В отношении всех этих вузовцев Областная прокуратура констатировала, что подбор, и назначение их на прокурорскую работу оказались удачными, как с точки зрения их социального положения, партийности и индивидуальных качеств, так и со стороны возможности использования их на работе. ВУЗ дал им достаточную теоретическую подготовку, гарантирующую быструю ориентировку в работе и быстрое приобретение необходимых практических навыков. Вместе с этим, отсутствие предварительной практической подготовки и незнание текущего законодательства и основных ведомственных и руководящих указаний сильно сказывалось на продуктивности их работы. Вузовская практика являлась недостаточной. Недостаточность практики вызывала медленность в работе, обусловленную необходимостью изучения форм и методов работы прокуратуры и поднадзорных ей органов (дознание, следствие, суд, советский аппарат), а иногда вызывала и ошибки. Например, наблюдались отдельные случаи неумения практически действовать в процессе (резкость, ученический задор, недоучёт конкретной обстановки).¹

В целях проверки и изучения правильности использования на работе практикантов и дальнейшего использования стажеров, обладающих хорошей теоретической подготовкой, НКЮ просил отсылать сведения о практикантах и стажерах за год. Так, в отчетах прокуроров, направленных в центральные органы юстиции, давалась характеристика каждому практиканту и стажеру. К примеру, в одном из отчетов прокурора округа за 1928 год дается характеристика на Б.А. Крепышева: «Крепышев по прибытии в распоряжение Свердловской Окружной Прокуратуры был назначен на сравнительно легкую работу в качестве Помощника Прокурора при УКК, ведя одновременно судебный надзор по Уголовному процессу в отношении Нарсудов Округа. Теоретическая подготовка в данном разделе работы оказа-

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 48. Л. 77.

лась удовлетворительной. Грамотность Крепышева слаба. Протесты составлялись иногда настолько неудачно, что нельзя было понять существа нарушений и оснований протеста. После нескольких месяцев практики дело пошло лучше. Думаю, что в Гражданском кодексе и по линии общего надзора Крепышеву будет работать труднее, так как при составлении деловых бумаг, постановлений и протестов требуется особая точность в формулировках. Что же касается понимания гражданского процесса по существу, таковое у Крепышева имеется. По общему надзору без длительной практики Крепышев пока работать не может, так как для этого требуется практическое знание общего законодательства».¹ Из отчёта следует, что общая подготовка практикантов была удовлетворительной, но им не хватало практики, и они наталкивались на те же проблемы, что и сам процесс выдвиженчества.

Часть большевистских лидеров имела здравые рассуждения о ценности представителей интеллектуального труда. Став Председателем Совнаркома РСФСР, В.И. Ленин реально натолкнулся на то, что не хватало культурности тем коммунистам, которые управляют. Поэтому, в работе «О международном и внутреннем положении советской республики» (речь на заседании Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.), он настойчиво советовал построить организацию так, чтобы во главе государственного устройства находились люди, имеющие государственный опыт.² В другой работе «Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа» В.И. Ленин требовал, чтобы «спецам, как особой социальной прослойке... впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении материальном и правовом».³ Однако, разбираясь в отношении В.И. Ленина к интеллигенции, часто можно натолкнуться на прямо противоположные его высказывания. Объяснение этого – интересы политики. Каковы были интересы политики, таково было и отношение к интеллигенции. В этом контексте интеллигенция не являлась самостоятельной ценностью. Лестные слова в адрес интеллигенции, специалистов мгновенно обрывались, когда требовалось обосновать проводимую партией очередную политическую линию. В докладе «О задачах власти Советов» уже без обиняков заявлялось, что создается государство рабочих и крестьян⁴. Специалисты нужны были лишь на переходный период. Специалисты должны были научить выдвиженцев. Ну, а дальше? Дальше, никакой перспективы перед интеллигенцией советская власть не открывала. В докладе на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 г. «Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии», В.И. Ленин заявил: «опираться на интеллигенцию мы не будем никогда».⁵ Из этого доклада каждый интеллигент мог бы сделать безрадостный вывод о своем месте в новом государстве.

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 48. Л. 74.

² Ленин В.И. О международном и внутреннем положении советской республики // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 45. С. 14.

³ Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 44. С. 351.

⁴ Ленин В.И. О задачах власти Советов // Там же. – М., 1962. Т. 35. С. 2.

⁵ Ленин В.И. Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Там же. – М., 1965. Т. 37. С. 221.

Правящую верхушку, широкие массы пролетариата и крестьянства приходилось убеждать в том, что желание обойтись без интеллигенции является вредной иллюзией. Защитниками интеллектуальных сил страны являлись А.И. Рыков, Ф.Э. Дзержинский, М.П. Томский, А. Гольцман. Они понимали, что сотрудничество со старыми специалистами принесет реальные плоды. При поддержке этих руководителей некоторое время удавалось проводить меры по привлечению специалистов к социалистическому строительству, созданию им необходимых условий. В 1923 году постановлением ВЦИК был создан Главный дисциплинарный суд, который рассматривал проступки должностных лиц госаппарата. 16 февраля 1926 года было принято постановление «Об улучшении условий работы специалистов, состоящих на службе в государственных учреждениях и предприятиях».¹ Проблемы интеллигенции постоянно занималась комиссия Политбюро ЦК по интеллигенции. В Политбюро ЦК посылались записки с предложениями по улучшению положения интеллигенции. Но эти наработки остановил XV съезд партии. В мае 1928 года по его рекомендации и предложению В.М. Молотова были ликвидированы комиссия Политбюро ЦК по интеллигенции и Главный дисциплинарный суд, которые как-то охраняли специалистов от произвола, втягивали их в социалистическое строительство.²

Государственный аппарат концентрировал значительные силы дореволюционной интеллигенции. И здесь возникла опасность не только сопротивления служащих директивному руководству партии, но и скрытого использования управленческих связей для реализации задач, отличных от большевистских, неподконтрольных большевикам. К таковым относились и обычные действия, диктуемые профессиональным подходом к делу, а не партийной директивой. Уже к середине 20-х гг. XX века стало ясно, что такие преимущества интеллигенции, как политическая лояльность, университетское образование, трудолюбие и талант, не являются гарантией хотя бы личной безопасности, но скорее способны навлечь беду. В глазах только что сложившегося общества высокая профессиональная квалификация таких людей знаменовала чуть ли не родственную связь с ненавистным прошлым.

Переход от напряженной борьбы на внешних и внутренних фронтах во время гражданской войны и НЭПа к мирному хозяйственному строительству позволил усилить контроль над старыми специалистами и ввести учет кадрового состава органов суда с помощью анкет, которые настоятельно предлагалось заполнять всем судебным работникам. Анкеты должны были заполняться лично и правдиво. В анкетах указывалось место службы, фамилия, имя, отчество, возраст, социальное положение и стаж работы. Особое внимание уделялось партийности. Работнику следовало указать, состоял ли он когда-нибудь в других партиях, подвергался ли преследованию за революционную деятельность, выполнял ли партийную работу. В анкетах также указывались родной язык, знание других языков, образование, профессия до революции, семейное положение, адрес семьи, участие в боях и ранения. К тому же задавались вопросы, на которые нужно было конкретно ответить. К примеру:

1. Каков ваш взгляд на Советскую юстицию?
2. В чем различие суда пролетарского и буржуазного?

---

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

² *Божанов В.А.* Восхождение к абсолютной власти. С. 101-102, 106.

3. Каков необходим суд – классовый или надклассовый?

4. Какую роль должны выполнять суды на местах?¹

Все эти вопросы имели в себе идеологическую подоплеку и любой неверный ответ, расходившийся с партийными установками, мог сыграть злую шутку с человеком. Особенно, если этот человек был интеллигентом или выходцем из интеллигентной семьи. В анкетах главный упор делался не на профессиональную компетенцию работника, а на его идеологическое прошлое и настоящее. Специально созданные комиссии по пересмотру состава основных государственных и хозяйственных органов изучали партийное влияние для выявления удельного веса коммунистов и их выдвижение на должности, занятые беспартийными специалистами.

Классовая линия во второй половине 20-х гг. XX века резко усиливается и доводится до безумного абсолюта в годы массовых репрессий. Она вырастала из нежелания большевиков искать компромиссы с различными слоями населения, делить с ними управление страной. Большевики присвоили себе исключительное право на руководство страной. Сомневающиеся люди в этом явлении безапелляционно причислялись к врагам советской власти. А сомневающихся, видимо, было так много, что в 1928 году появился тезис об обострении классовой борьбы по мере развития социализма. Постепенно интеллигенция начинает лишаться своих постов. Государство лишается работоспособных органов управления. В них появляются люди, готовые исполнять любые директивы и команды. Это позволяет ускорить закрепление господства партии над государством.

Сталинское руководство предпринимало весьма настойчивые меры для дискредитации интеллигенции в целом и государственных служащих, в частности. У населения формировали представление, что в учреждениях засели бывшие эксплуататоры. С середины 20-х гг. XX века постепенно начинает разрабатываться тема вредительства в госаппарате. В этом деле помощником партии становится ОГПУ, прокуратура и органы суда. «Особое совещание» слушало дела, как правило, при закрытых дверях, без участия сторон. Пролетарская юстиция докладывала «Особому совещанию» списки своих «клиентов» и заготовленные проекты «приговоров», которые впоследствии утверждались.

Столь успешно подготовленная почва позволила партии открыто заявить о беспощадной борьбе с кадрами государственного аппарата. XV съезд ВКП (б) рекомендовал проявление невнимательности со стороны служащих к посетителям классифицировать как саботаж и преступление против советской власти и рассматривать их в судебном порядке. Именно с XV съезд ВКП (б) официально и безоговорочно на всех уровнях стали говорить о вражеских элементах в госаппарате. Это было не трудно делать, так как реалии управленческой жизни – волокита, бюрократизм, грубое, невнимательное отношение к человеку – вызывали негодование среди населения. Отвечать за это должны были не коммунисты. Они сумели гнев трудящихся перенести на специалистов, на служащих, пришедших из дореволюционного аппарата. Обыденными стали факты, когда ни один из осужденных коммунистов не попал в места заключения.

Таким образом, в 20-е гг. XX века у представителей власти сформировалось

---

¹ ГАПО. Ф. Р-697. Оп. 1. Д. 4. Л. 140.

представление о том, что интеллигенция опасна для них. В Коммунистической партии укоренилось высокомерное отношение к интеллигенции, стремление держать её мысли и действия под своим жёстким контролем. Органы суда не стали исключением и были подвержены чисткам и репрессивной политике большевиков.

Так, на протяжении считанных лет, с 1921 по 1929 гг., более или менее децентрализованное управление судебной системой со стороны власти превращается в жесткий директивно-исполнительный механизм, порой равнодушный насущным проблемам суда. Органы юстиции порой вынуждены были самостоятельно решать свои насущные проблемы, связанные со снабжением, кадрами, деятельностью. Отсутствие обратной связи во взаимоотношениях суда и власти становится нормой в рамках перехода страны к командно-административной системе. Заполнение штатов судебных органов не кадрами квалифицированных юристов, а «своими людьми»¹ – политически проверенными непрофессионалами, не привело к созданию правовой судебной системы. А овладение широким спектром направлений деятельности к концу 20-х гг. XX века превращает органы юстиции, в частности Прокуратуру, в главный инструмент контроля партии за государственным аппаратом и обществом.

Источники и использованная литература:

Архивные источники:

1. ГАПК – Государственный архив Пермской края. Ф. Р-697. Пермское Уездное Бюро Юстиции.
2. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Совет Министров СССР.
3. ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2259. Свердловская Областная Прокуратура.

Литература:

4. *Божанов В.А.* Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы. – Минск, 2004.
5. *Ленин В.И.* О задачах власти Советов // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 36.
6. *Ленин В.И.* О международном и внутреннем положении советской республики // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 45.
7. *Ленин В.И.* Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 37.
8. *Ленин В.И.* Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М., 1965. Т. 44.
9. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М., 1998.

Pesterev E.V.

The problems of staffing of judicial bodies of the Urals in 1920s

Due to the analysis of archival sources and scientific literature the article reveals the most important problems of legal intelligentsia of the Urals in the 20s of 20th century. This research reveals the essence, problems, role and importance of “vydvizhenchestvo” (the nomination on the responsible, leadership work in the USSR in the 20s-30s of the 20th century) politic in the formation and development of Soviet organs of justice.

Keywords: juristic intelligentsia, the Ural justice bodies, “vydvizhenchestvo” (politic), intelligentsia and the power in the 20s of 20th century.

---

¹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М., 1998. С. 11.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

В статье анализируются воззрения русских учёных на международное право, живших и работавших в Китае. Дается обзор статей видных юристов-международников восточной ветви российской эмиграции, опубликованных в «Известиях юридического факультета» в Харбине.

Ключевые слова: международное право; история международного права; международно-правовые взгляды; наука международного права; «Известия юридического факультета».

Исторически первыми центрами российской международно-правовой научной диаспоры в 20-е годы XX века были Харбин, Константинополь, Берлин, София, Прага и Париж. Харбин таковым оставался все межвоенное время и был по существу русским городом.¹ Однако действительными «столицами» русского зарубежного высшего юридического образования и международно-правовой науки российской эмиграции являлись Прага² и Харбин. В них были созданы юридические факультеты, в которых на русском языке и по программам российских дореволюционных университетов обучались выходцы из России. В этих вузах преподавалось в широком объеме международное право. Необходимость обеспечения учебного процесса стимулировала написание множества учебников, пособий к лекциям, монографий и статей по международному праву.

Основным изданием восточной ветви российской эмиграции, в котором получили отражения взгляды учёных на международное право, стали «Известия юридического факультета» в Харбине. Они выходили нерегулярно, и зависели не от наличия научного материала, в котором, вообще говоря, у факультета недостатка никогда не было, а – от имеющихся средств. Первый том вышел только в 1925 г., к 1928 г. было уже напечатано 8 томов, а в течение последующих десяти лет вышло только четыре последних тома. Наиболее интенсивную издательскую деятельность факультет развил в период расцвета, в 1925–1928 гг.

Постоянного редактора не было. Советом профессоров избирался редактор того или иного тома. Большинство томов редактировал Г.К. Гинс (I, III–VI, IX, XI, XII). VII том редактировал Н.В. Устрялов, X том – В.В. Энгельфельд. 2 тома (II и VIII) не имели особых редакторов, так как эти тома – особые: II том составила работа В.В. Энгельфельда, «Очерки государственного права Китая», а весь VIII том

Стародубцев Григорий Серафимович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института управления и права (Москва).

¹ Выпускница юридического факультета в Харбине 1929 г. Н. Резникова писала: «Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине... Русский язык был официально признан». – *Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал.* – 1988. № 172-173. С. 385.

² «Если Париж в настоящее время является общественно-политическим центром, то Прага представляет просветительный центр Зарубежной России», – писала парижская газета «Возрождение» за 1 декабря 1925 г.

занимал труд В.А. Рязановского «Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк», вышедший на русском и английском языках. Обычно «Известия» печатались на факультетские средства. Однако после перехода факультета в 1929 году в ведение китайской администрации «Известия» печатались за счёт профессоров факультета, авторов, доходов от коммерческих объявлений, пожертвований частных лиц и т.д. Например, издание десятого тома было оплачено авторами помещенных в нём статей. «Когда факультет приступил в 1925 г. к изданию первого тома “Известий”, ни одна типография в городе не имела опыта в отношении издания научных книг, с примечаниями, ссылками на иностранные источники, разнообразием шрифтов в тексте. Печатание сопряжено было с большими механическими трудностями. Факультет проложил путь научной книге и теперь в городе Харбине можно напечатать любое исследование», – заключал Н.П. Автономов.¹

В каждом из вышедших двенадцати весьма объемных томов содержались мысли юристов зарубежья на различные проблемы международного права. В них были опубликованы специальные работы. Так, В.А. Овчинников поместил в третьем томе две статьи: «К трехсотлетию трактата Гуго Гроция» (С. 3-7) и «Из юридической литературы о международном положении Монголии» (С. 35-43), а в пятом – «О консульском уставе СССР» (С. 335 – 346). Г.Г. Тельберг опубликовал в четвёртом томе актовую речь (с. 169-178), читаную им на торжественном акте юридического факультета 1 марта 1927 года. «Идея войны в новом международном праве». В этом же томе В.В. Энгельфельд поместил рецензию на магистерскую диссертацию М.А. Циммермана «Вмешательство и признание в международном праве», защищенную и опубликованную в Праге в 1926 году (С. 332-338).

Остановимся на каждой из статей подробнее. При этом, излагая их содержание, мы не обойдемся без приведения порой пространных выдержек. Для этого есть серьёзные обоснования. Во-первых, достаточно мощный интеллектуальный и информационный пласт международно-правового наследия российской эмиграции весьма хрупок и тонок в количественном измерении единиц хранения. Работы порой сохранились в единичных экземплярах, что делает невозможным их прочтение даже специалистами, не говоря уже о широком круге читателей. Во-вторых, по меткому замечанию Н.В. Устрялова: «Учение великих мыслителей лучше всего излагать их собственными словами».² Наша работа, проникнута сознанием этой истины и стремлением посылить, следовать ей.

Названия статей В.А. Овчинникова, опубликованные в третьем томе, не отражают их содержания. Разумеется, предпосылкой написания первой статьи, как это видно из названия «К трехсотлетию трактата Гуго Гроция», явилось празднование в 1925 году юбилея выхода в свет книги выдающегося голландского юриста Гуго Гроция «О праве войны и мира». Однако содержание статьи скорее не о Гуго Гроции, а о В.Э. Грабаре. Именно с его работы «Роль Гуго Гроция в развитии науки международного права», опубликованной во французском издании «Revue de Droit international et de Legislation comparee» (1925, № 4-5), которая, по мнению В.А. Ов-

---

¹ Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине (исторический очерк) // Известия юридического факультета. – 1938. Т. 12. С. 72.

² Устрялов Н.В. Этика Шопенгауэра // Известия юридического факультета. – 1927. Т. 4. С. 236.

чинникова, «освещает юбилея так, как он, пожалуй, и не был никем до сих пор освещён»¹, и написана эта статья.

Оценки Г. Гроция В.А. Овчинниковым противоречивы и запутаны. С одной стороны, понимая Г. Гроция более моралистом, чем юристом, он считал, что «склонность Гроция к теологии и базирующейся на ней морали... задержало поступательный ход науки. Основной грех трактата, заключал В.А. Овчинников, – смотреть на международное право, как на совокупность простых правил морали и естественно-го права, призванных регулировать поведение людей и затем всецело перенесенных на отношения между государствами» (С. 6). К таким выводам В.А. Овчинникова вряд ли можно присоединиться. Правильная его мысль о том, что наряду с Г. Гроцием и до него уже существовали платформы науки международного права, что не он один её создал, что он творил, опираясь на интеллектуальный фундамент, выработанный другими учёными, не уберег его от «зашкаливания» в другую сторону – недооценки, а то и прямого принижения роли Г. Гроция, который «заложил прочное основание для дальнейшего развития молодой науки».² Впрочем, в завершении работы В.А. Овчинников был более осторожен, выразив надежду на то, что «Гроций вольно или невольно скрывший и затенивший собою имена и труды деятелей предыдущей литературы, будет детально разьяснен и, конечно, так, как того поистине «заслуживает обессмертивший его имя его трактат» (С. 7).

Значительно меньше «повезло» другому российскому ученому Б.Э. Нольде, анализ сочинения которого «Международное положение Монголии» напечатанного в еженедельной юридической газете «Право» за 1915 г. (№ 34, № 35,) подверг В.А. Овчинников в статье «Из юридической литературы о международном положении Монголии». Она была опубликована в «Известиях юридического факультета» за 1926 г. (Т. 3. С. 35-43). И, хотя автор относил Б.Э. Нольде к «одним из выдающихся юристов», а саму работу как «не потерявшей своего значения и поныне, поскольку ... она касается ведь одного из самых жизненных вопросов современного международного права» (о разделении государства), статья носит критический характер.

Прежде всего, В.А. Овчинников обратил внимание на то, что статья Б.Э. Нольде носит не совсем точное название и с большим успехом должна быть названа «Международно-правовое положение Монголии». В.А. Овчинников констатировал, что «автор анализированной работы не достиг своей цели, и, дав, в частности, логически блестящее истолкование ст.ст., регулировавших отношение Китая к Монголии, не выполнил второй (главной) задачи, где речь шла о систематике истолкованных норм. Он оставался до конца юристом; положение обязывало, и даже видя полную возможность всецело связать право с политикой, он оставался, верен чисто догматическому методу, исчерпал его до конца и – не разрешил поставленной задачи» (С. 43). Справедливости ради, заметим, что и сам В.А. Овчинников кроме переложения статьи Б.Э. Нольде и критики её содержания, своих выводов о сюзеренитете и протекторате, а также их определений не дал.

---

¹ Овчинников В.А. К трехсотлетию трактата Гуго Гроция // Известия юридического факультета. – 1926. Т. 3. С. 3.

² Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. В.Э. Грабаря. – Юрьев, 1909. С. 20.

Монгольскую тему в третьем томе «Известий юридического факультета» продолжал В.В. Энгельфельд. Его работа «Политическая организация современной Монголии» (С. 169-190) помимо вопросов чисто внутренних освещала и международно-правовые аспекты существования центрально-азиатского государства Монголии. В частности, автор указал на положения монгольской конституции 1925 г., относящиеся к международному праву. В.В. Энгельфельд изложил историю и международно-правовую сторону восстановления монгольского государства, его взаимоотношений с Советской Россией.

Когорту обзорных аналитических статей В.А. Овчинникова в «Известиях юридического факультета» завершала его работа «О консульском уставе СССР» (1928, Т. 5. С. 335-346).¹ Это, пожалуй, лучшая работа харбинского периода В.А. Овчинникова. В ней автор, дав общую картину истории и современности данного института международного права, основное внимание уделил Консульскому уставу СССР 1928 г., «интересному, между прочим, как раз тем, что его составители ввели в консульское право такие черты, которые, вообще говоря, не наблюдаются повсюду в уставах других стран» (С. 336). Прежде всего, он обратил внимание на чрезвычайно широкий объём задач, налагаемых на консула СССР согласно ст. 1 устава: «Консульские учреждения СССР имеют целью охрану и защиту экономических и правовых интересов СССР и союзных республик, а также юридических лиц и граждан СССР». «...Советский консул, – читаем дальше, – по задачам своего ведения, по целям, осуществляемым им на советской службе за границей, фигура, бесспорно, очень крупного размаха: и объясняется это именно тем, что согласно цитируемого закона, его уделом являются такие всеохватывающие области, как экономика и право» (С. 339). Поистине безмерной задаче «следить и заботиться, чтобы все ... граждане СССР имели возможность пользоваться в полном объёме всеми правами», соответствует, и характер методов исполнения: «консул обязан принять все, вызываемые обстоятельствами дела, меры для восстановления нарушенных прав» (С. 341).

«Важности и безмерности заданий консула СССР соответствуют и те средства, коими он наделён уставом в целях осуществления своей миссии на заграничной территории. Консул, лицо, необходимо пользующееся глубоким доверием со стороны власти, и должен обладать, и действительно обладает независимостью при прохождении своей многотрудной и ответственной работы... консулы подчиняются НКВД (ст. 17), непосредственно сносясь именно с ним (ст. 21); и наоборот, на-

---

¹ Советская литература по консульскому праву к этому времени была крайне бедна. Это: статья А.М. Ладъженского «Инструкция консулам РСФСР» (Международная жизнь. – 1922. № 16), С.Б. Крылова «Советское консульское право» (Советское право. – 1924. № 1. С. 111-124), Б. Шапиро «Очередная проблема советского консульского права» (Советское право. – 1925. № 2. С. 144-151), Ф.И. Трутко-Гуль «О советском консуле и консульском кодексе» (Советское право. – 1925. № 1. С. 79-84). Последний автор, в частности, особо «напирал» на исключительное положение советского консула, как представителя власти рабочих и крестьян и считал, что советских консул «если не “де-юре”, то, по крайней мере “де-факто” (о юридическом положении советского консула говорить пока трудно, так как ещё нет ни одного юридического акта, который бы это положение определял) является таким же политическим представителем советской власти в своём консульском округе, каким полпред для всего данного государства» (С. 82). И далее, советский консул – не чиновник, это коммунист, умеющий «разбираться в вопросах и без писаных руководств» (С. 84).

ходятся только под руководством своего полпреда, который может даже и не всегда знать конкретно о содержании тех сношений, которые установились между НКВД и тем или иным консулом» (С. 340).

В.А. Овчинников констатировал, что «новому закону чуждо деление консулов на “консулов” и “консулов с правом юрисдикции”, и, что, следовательно, советский консул всюду один и тот же, без этой его оскорбительной для местной власти прерогативы суда в своём округе» (С. 343). И далее автор делал глубокое и любопытное замечание, свидетельствующее о закономерно присущей СССР роли экспортёра мировой революции. Эта мысль «мягко завернута» в ткань общеполитических и юридических размышлений, но она присутствует. «Нельзя не приветствовать решения, принятого в данном вопросе Советской властью ... оно так, в конце концов, соответствует духу времени, предвосхищает событие, которое всё равно в скором времени наступит, благодаря стихийно пробудившемуся самосознанию восточных народов, оно лишний раз констатирует, мудрую “применчивость” Советской власти к обстоятельствам... имеет в глазах Советской власти исключительно прекрасный характер, подлежа автоматическому исчезновению *по мере установления Советских режима и законов в том или ином государстве*»¹, – заключал В.А. Овчинников (курсив мой – Г.С.).

Проблеме вечной, актуальной во все времена, у всех народов и государств, – войне, – посвящена статья Г.Г. Тельберга «Идея войны в новом международном праве» (1927. Т. 4. С. 169-178). Статья являлась перепечаткой речи Г.Г. Тельберга на торжественном акте юридического факультета 1 марта 1927 года. Она воспроизведена по стенографической записи, любезно сделанной окончившей юридический факультета в 1926 году Е.Н. Рачинской и слушательницей И.Г. Подставиной. Написанная в изящной литературной манере, достаточно лаконично и ёмко речь давала представление об изменившемся взгляде на войну у государств и народов. В ней проанализированы статьи договора Лиги Наций и сделан вывод, что «шансы... бедного человечества на мир, после Великой войны и договора Лиги, увеличились и укрепились, стали надёжнее и прочнее» (С. 177). Автор особо обратил внимание на те статьи договора Лиги Наций (ст. 12), согласно которым державы – члены Лиги приняли на себя обязательство при возникновении между ними спора передавать спорный вопрос или на разрешение третейского суда, или на рассмотрение Совета Лиги.

Анализируется ст. 11, согласно которой всякая война, направленная против одного члена Лиги рассматривается как опасность и угроза для всех членов, и всем принадлежит право вмешаться в политическую обстановку, угрожающую войной (С. 171). Он обратил внимание на те положения (ст. 12), обязывающие спорящие стороны не начинать военных действий ни в течение того срока, когда конфликт рассматривается судом, либо Советом Лиги, ни еще три месяца спустя, после того как состоялось решение суда или доклад Совета. «Десятки посредников, официальных и неофициальных работают над obtачиванием острых углов конфликта, – писал он. – В заседание суда представляется надлежащий рассмотрению материал, и

---

¹ Овчинников В.А. О консульском уставе СССР // Известия юридического факультета. 1928. Т. 5. С. 344.

в этом медлительном процессе не только улетучивается боевое настроение, но обрисовывается и вырабатывается как раз то, что всего нужнее – взаимное понимание, пункты уступок и, стало быть, основы мирного соглашения. А все это ещё покрывается одним мощным фактором – временем, которое само по себе есть великий миротворец и укротитель страстей (С. 175) ...лучше раскаты дипломатического грома в Женеве, чем пушечная канонада в Европе» (С. 173) – метко подмечал автор.

Нетрудно заметить существенный идеализм статьи, слепое верование в возможности Лиги Наций предотвратить войну. Автором нигде даже не просматривалась вероятность именно такого печального для человечества хода течения событий. Не допускал он возможности заключения государствами договора, запрещающего войны и т.д. Но не будем судить автора так строго. Важнее другое. Шёл 1927 год. В дипломатических кабинетах зреет идея юридического запрещения войны. До подписания известного пакта Бриана-Келлога 1928 г. оставались считанные месяцы. В далеком, отстоящем от дипломатической Женевы, тысячами километров Харбине, подмечалась важность этой проблемы. На торжественном заседании 1 марта была вынесена для обсуждения эта речь.

И как не поразиться заключительным словам автора: «...Какая благодарная задача лежит сейчас перед педагогами, профессорами, учителями, перед социологами, историками, экономистами; задача – укрепить и в правосознании и в умах подрастающего поколения то самое чувство, которое у всех нас – и у людей власти и у людей мысли – зародилось под впечатлением великой войны – чувство боязни войны, страха перед войной, независимо от её исхода. Эта великая воспитательная работа, упорно и методично осуществляемая, разве не могла бы создать устойчивую подготовку для *всяких человеческих трактатов о мире* (курсив мой – Г.С.). Ибо давно, давно замечено, давно сказано, что сильнее всего те скрижали закона, которые высечены в умах и в сердцах людей» (С. 177-178). Исследование Г.Г. Тельберга – первое и единственное, помещенное им на страницах «Известий юридического факультета». Написанная изящным художественным слогом, с лаконичными юридическими формулировками, образными оборотами и логически четко выверенная – она может служить образцом составления речей для научных заседаний.

В четвёртом томе журнала В.В. Энгельфельд изложил «сложную и трудную тему» – «Юридическое положение иностранных концессий в Китае» в своей одноименной статье (1927. С. 81-113). «Аксиомой современного международного права, – начал свою работу автор, – является право каждого государства властвовать свободно и безгранично над принадлежащей ему территорией и не допускать на ней осуществление державных функций иностранной государственной власти. Это положение стоит в связи с учением о так называемой «непроницаемости» государственной территории и в то же время является логическим следствием и выводом из принципа государственного суверенитета». Практика международного общения, – продолжал далее он, – лишь в немногих случаях допускает отступления или ограничения территориального суверенитета государства. Она знает институт экстерриториальности или веземельности, но обычно применяет таковую в ограниченном объеме по отношению к определенным категориям лиц во внимание той высокой миссии, которую они выполняют (дипломаты) или той мощи, которую они

символизируют (иностранные войска) (С. 81). Иное дело концессии или фактории, как они именовались в средние века. «В наше время наличность подобных... концессий, – заключал автор, – символизирует собою не что иное, как своеобразное ограничение территориального суверенитета туземного государства, носящего строго односторонний характер» (С. 82). В своей статье В.В. Энгельфельд осветил историю иностранных поселений в Китае, их виды и юридический характер, особо остановился на Пекинском дипломатическом квартале, правовом статусе Харбина и русских городских поселений вдоль КВЖД. При этом обращалось особое внимание, что «как китайские, так и иностранные поселения должны были пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые повинности без всякого различия между ними. Таким образом, было провозглашено равноправие китайцев и иностранцев, которое не нашло себе места... в конституциях иностранных концессий» (С. 108). В заключении автор становился на защиту национальных интересов Китая и ратовал за полную ликвидацию на его территории концессий. «Таможенная автономия и экстерриториальность, – прозорливо предсказывая будущее, констатировал он, – станут, вероятно, теми позициями, которые державам придется в ближайшем будущем сдать Китаю. И в этом процессе восстановления китайского суверенитета объективный ученый и государственный деятель не может не усмотреть реализации великого начала... справедливости, которая должна являться краеугольным камнем международных отношений и в которой в течение столь долгого времени было отказано громадной Китайской республике» (С. 113).

Рецензия В.В. Энгельфельда¹ на монографию М.А. Циммермана «Вмешательство и признание в международном праве», изданную в Праге в 1926 г. и являющуюся его магистерской диссертацией, продолжила цикл работ учёных Харбина по международному праву. Следует заметить, что диссертация М.А. Циммермана – явление далеко неординарное в научной жизни российской эмиграции. Ни до, ни после М.А. Циммермана защит диссертаций по международному праву в зарубежной России не было. Защита была проведена в Праге. А за несколько тысяч миль от неё в Харбине рецензию на диссертацию дал только что сам защитивший диссертацию по государственному праву в Париже В.В. Энгельфельд. В своей рецензии В.В. Энгельфельд констатировал, что появление книги под таким названием «принадлежащей перу молодого, но уже зарекомендовавшего себя учёного, разумеется, можно только приветствовать», мы «можем быть только благодарными г. Циммерману за такой выбор темы для его диссертации» (С. 332). Похвалив автора за широкое использование монографической и общей литературы по вопросу о признании и вмешательстве, «глубокий и всесторонний обзор учений о вмешательстве, исторических прецедентов вмешательства (во время французской революции, в эпоху Священного Союза, в применении к доктрине Монро, во время так называемых национальных революций – греческой, бельгийской и польской и в эпоху мировой войны)» В.В. Энгельфельд критиковал правно-политическую теорию вмешательства М.А. Циммермана.

По мнению М.А. Циммермана, в формальном или процессуальном смысле «вмешательство является своеобразным видом не самопомощи, но правопомощи». С

---

¹ Известия юридического факультета. – 1927. Т. 4. С. 332-338.

точки зрения материально-нормативной, вмешательство отражает интересы человечества, поддержание общего мира, сохранение жизни национальностей и т.д. «Шаткость построения автора здесь очевидна сама собою, – констатировал В.В. Энгельфельд, – нам кажется, что справедливее было бы видеть во вмешательстве, как это делает большинство учёных, авторитативное воздействие на верховные права другого государства в видах защиты или осуществления своих прав и интересов. ... Оказавшись в тяжёлом положении лица, которому предстоит строить высокое и ажурное здание на зыбкой почве современной международной норматики, г. Циммерман естественно приходит к выводу, что такой вид “помощи праву не годится”» (С. 335). Отсюда – нужно искать других правовых путей, более соответствующих объективному порядку, путей, ведущих к достижению положительной цели, лежащей во вмешательстве. Эти пути для автора не что иное, как коллективность вмешательства, деятельность Лиги Наций. Таков неблагоприятный исход оправдания и облагораживания международного самоуправства» (С. 336).

Не менее хлётко В.В. Энгельфельд выразился по поводу суждения М.А. Циммермана о том, что цель признания – сообщить права субъекта новому государству. «Этим сказано всё, – писал В.В. Энгельфельд. – Государство и субъект международных отношений теперь не равнозначщи». Может оказаться и такое государство, которое им и не будет, пока другие не соблагволят дать ему своё признание. Думаем, такая точка зрения неприемлема. Если государство есть, есть и международно-правовой субъект.... Нельзя переносить вопроса о международном бытии из плоскости возникновения государственного союза в плоскость творения “субъекта международного права” в форме признания. Этим мы слишком переоценили бы значение других участников международного общения в ущерб вновь возникшего государства.... Да позволено будет нам высказать мнение, что господствующая доктрина признания гораздо лучше и проще освещают эту проблему, нежели почтенный автор» (С. 336-337). По мнению рецензента, М.А. Циммерман «умышленно или неумышленно... обошёл вопрос об интервенции держав в Советской России» (С. 332) а «проблема признания СССР освещена автором крайне скудно и от этого его работа только страдает» (С. 337). Большим минусом работы было признано полное отсутствие анализа политики держав в Китае (С. 332) и др. Однако, резюмируя впечатление от книги, В.В. Энгельфельд заключал, что «несмотря на спорность многих утверждений автора и принципиальную неприемлемость для нас его методологических приёмов, мы не можем не признать её полезным вкладом в науку международного права, добросовестно (хотя далеко не всегда полно и ясно) освещающим эти две наиболее трудные, сложные и в то же время злободневные проблемы современной международной жизни».¹

Таковы лишь некоторые из международно-правовых мыслей блистательных русских учёных, живших в «русском» Харбине, писавших и думавших по-русски. Их труды и идеи, незаслуженно забытые на Родине, лишь только сейчас малыми ручейками возвращаются, чтобы слиться с общим руслом отечественной реки знаний.

---

¹ Известия юридического факультета. – 1927. Т. 4. С. 338.

Источники и использованная литература:

1. *Автономов Н.П.* Юридический факультет в Харбине (исторический очерк) // Известия юридического факультета. – 1938. Т. 12.
2. Возрождение. – 1925. 1 декабря.
3. Известия юридического факультета. – 1927. Т. 4. С. 332-338.
4. *Крылов С.Б.* Советское консульское право // Советское право. – 1924. № 1. С. 111-124.
5. *Ладыженский А.М.* Инструкция консулам РСФСР // Международная жизнь. 1922. № 16.
6. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / Пер. В.Э. Грабаря. – Юрьев, 1909.
7. *Овчинников В.А.* К трехсотлетию трактата Гуго Гроция // Известия юридического факультета. – 1926. Т. 3.
8. *Овчинников В.А.* О консульском уставе СССР // Известия юридического факультета. 1928. Т. 5.
9. *Резникова Н.* В русском Харбине // Новый журнал. – 1988. № 172-173.
10. *Трутко-Гуль Ф.И.* О советском консуле и консульском кодексе // Советское право. – 1925. № 1. С. 79-84.
11. *Устрялов Н.В.* Этика Шопенгауэра // Известия юридического факультета. – 1927. Т. 4.
12. *Шапиро Б.* Очередная проблема советского консульского права // Советское право. – 1925. № 2. С. 144-151.

Starodubtsev G.S.

Back to the roots

This article analyzes the views of Russian scientists on international law, who lived and worked in China. A survey of the articles of prominent international lawyers of the eastern branch of the Russian emigration, published in the «Proceedings of the Faculty of Law» in Harbin.

Keywords: international law; history of international law; international legal opinions; science of international law; «Proceedings of the Faculty of Law».

Мигущенко О.Н.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-е – 1930-е ГОДЫ¹

В статье рассматриваются проблемы создания в СССР системы «защиты» законности через выявление нарушений права и закона и немедленного пресечения этих нарушений.

Ключевые слова: законность, коллективизация, обеспечение законности, соотношение права, политики и экономики.

В 20-е – 30-е гг. XX века представления о законности отличались от современных взглядов. П.И. Стучка считал, что революционная законность гораздо шире понятия закона, поэтому механическое применение закона без его увязки с общей линией партии и правительства может приводить к нарушению революционной законности.² Из этого следовал призыв – минимум формы, максимум классового существа³ и вывод – при толковании норм советского уголовного права надлежит иметь в виду конкретное социальное содержание этих норм⁴, превратить закон в действительное орудие по защите интересов батрачества.⁵ Как это ни парадоксально звучит, но в таком выводе можно усмотреть, во-первых, высокую социальную направленность советского государства и, во-вторых, выход советского права за границы позитивизма, значительное сближение с естественным правом. Более того, сближение с юснатурализмом. Например, А.А. Сольц утверждал, что судебные работники должны «проверять» норму закона с точки зрения революционной целесообразности и фактически призывал не применять устаревшие, «плохие» законы. Взгляды А.А. Сольца были подвергнуты критике, ему предлагали ответить на вопрос, а кто будет определять какие законы надо применять, а какие нет.⁶ Подобный спор иногда можно встретить и в современных работах.

Однако советское право не было классическим естественным правом. Представление о социалистическом государстве как общенародном формировало, например, вывод о том, что в советском уголовном процессе интересы личности должны быть подчинены интересам государства.⁷ Такие взгляды приводили иногда к крайним суждениям, которые подвергались критике уже в исследуемый период.

Мигущенко Олег Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Орловского юридического института МВД России.

¹ Впервые опубликовано: История государства и права. – 2010. № 23. С. 6-10.

² Доклад тов. Стучка о работе Верховного суда РСФСР на расширенном заседании бюро ячейки ВКП (б) при НКЮ РСФСР // Еженедельник советской юстиции. – 1929. 5 декабря. № 47. С. 1102-1105.

³ М.Ф. Минимум формы, максимум классового существа // Еженедельник советской юстиции. – 1929. 5 декабря. № 47. С. 1097.

⁴ Пионтковский А. Советское уголовное право. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Гос. изд-во, 1929. С. 337.

⁵ Смертюков О. Правовая защита интересов батрачества // Еженедельник советской юстиции. – 1929. 17 октября. № 40. С. 935-936.

⁶ Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. С. 50.

⁷ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. II: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – М.: Гос. изд-во, 1928. С. 95, 152.

Например, под гражданскими правами иногда понимали правовые формы взаимоотношений органов управления с гражданами.¹ Крайние мнения о правовых явлениях становились одной из идеологических причин усиления противоречия государства и личности, особенно в условиях мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. Однако в последние десятилетия существования СССР подавляющее большинство советских граждан такого противоречия не замечали. Массовым правосознанием советское государство воспринималось именно как общенародное, что делало бессмысленным поиск противоречий его и личности. Подтверждением этого вывода служат данные социологических опросов, согласно которым больше половины граждан современной России оценивает советское общество как более справедливое по сравнению с настоящим². Несмотря на имевшиеся в 20-е – 30-е годы XX века противоречия, вышесказанное позволяет утверждать о высокой социальной направленности советского государства и права, о тенденции его развития в направлении «правового государства».³

В исследуемый период под материальным содержанием революционной законности понималось не обеспечение господства абстрактных норм, так как норма не более чем инструмент, а обязательность исполнения нижестоящими органами власти (принцип демократического централизма) актов вышестоящих органов. Контроль деятельности органов советского государства по соблюдению ими законности был неразрывно связан с контролем целесообразности в их деятельности.⁴ Это формировало указанные выше представления о содержании законности, а также соответствующие представления о её предметной, субъектной и нормативной сторонах.⁵ Но представления о революционной законности постоянно совершенствовались.

Принципы революционной законности были сформулированы В.И. Лениным. Особую актуальность приобретало его указание о том, что законность должна быть единой.⁶ Это было весьма своевременно. В 1923-1924 годы усилилась тенденция раздробления единой законности на Иркутскую и Ярославскую законности. Именно в этих губерниях исполнительные комитеты Советов приняли местные административные кодексы, действие которых распространялось только на территории указанных губерний. Директивы Президиума ВЦИК отменить указанные кодексы, как не соответствовавшие действовавшему законодательству РСФСР, губернские

---

¹ *Елистратов А.И.* Административное право. – М., 1929. С. 167-259.

² Социалистическое право, сознание и поведение личности / М.Т. Баймаханов, А.У. Бейсенова, Е.К. Нурпеисов и др. – Алма-Ата: Наука, 1988. С. 84; *Курильски-Ожвэн, Арутюнян М.Ю., Здравомышлова О.М.* Образы права в России и Франции. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 184, 185; Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. – М.: Референдум, 2003. С. 639, 605; Твой день, – пятница, – 2007. 23 марта. № 63. С. 6.

³ *Малицкий А.* Советская конституция. – Харьков, 1924; *Батурич Ю.М., Лившиц Р.З.* Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению (политико-правовой взгляд). – М.: Наука, 1989; Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. – М., 1990; Проблемы формирования социалистического правового государства // Труды Академии МВД СССР. – М., 1991.

⁴ См.: *Архипов К.* Понятие закона // Советское право. Журнал института советского права. – 1924. № 2 (8). С. 69-72.

⁵ *Афанасьев В.С.* Современные проблемы теории законности. – М., 1993. С. 8.

⁶ *Ленин В.И.* О двойном подчинении и законности. Товарищу Сталину для Политбюро // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 45. С. 198.

исполнительные комитеты стремились всячески не исполнить.¹ Поэтому на XIV конференции РКП (б) (апрель 1925 г.) было принято решение на основе указаний В.И. Ленина разработать мероприятия по укреплению революционной законности.² Они предполагали обеспечение единой законодательной и административной практики на местах с учётом местных особенностей, прекращение самоуправства, злоупотреблений и беззакония со стороны местных органов государственной власти.³ Обеспечение революционной законности не выступало в качестве самоцели. Напротив, её обеспечение рассматривалось как метод построения новых производственных отношений. Это приводило к пониманию задач революционной законности как политических задач⁴ и увязывало её осуществление с социально-экономической политикой государства.

Таким образом, содержание революционной законности определялось задачей организации социалистического хозяйства и ликвидации остатков капиталистических элементов, проведения культурной революции и организации современной армии для обороны страны. Эти задачи находили отражение и в работе правоохранительных органов, которые были обязаны обеспечивать и принимать непосредственное участие в хозяйственно-политических кампаниях: коллективизации сельского хозяйства, хлебозаготовках, мобилизации денежных средств населения, мясозаготовках, проведении сева и уборке урожая, охране социалистической собственности.⁵ К идеологическому обоснованию этого привлекались видные юристы.⁶ Тем самым революционная законность рассматривалась в качестве метода решения экономических задач и осуществления диктатуры пролетариата. Так, отсутствие ясных директив со стороны окружного суда по проведению карательной политики в отношении хлебозаготовки, рассматривалась Курским окружным бюро ВКП (б) как одна из причин срыва хлебозаготовки.⁷

Важная роль уделялась соблюдению законности и «выдержанности» классовой линии, надзор за ними возлагался на прокуратуру.⁸ Но до 1933 года прокуратура входила в систему народных комиссариатов юстиции союзных республик, что не позволяло в полной мере обеспечивать централизованный прокурорский надзор в

---

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р.-1235. Оп. 102. Д. 111. Л. 47-56 (далее: ГАРФ).

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 385.

³ ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 65. Д. 12. Л. 22.

⁴ Паиужанис Е. Положение на теоретическом правовом фронте (к некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. № 11-12. С. 49.

⁵ Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. п.-69. Оп. 1. Д. 57. Л. 56, 253; Д. 177. Л. 29 (далее: ГАОПИКО); Государственный архив Курской области. Ф. р.-345. Оп. 1. Д. 47, Л. 15, 150б. (далее: ГАКО); Государственный архив Орловской области. Ф. р.-27. Оп. 1. Д. 667. Л. 112; Д. 668. Л. 3 (далее: ГАОО); ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 64. Д. 1395. Л. 5, 60б.; Д. 1534. Л. 20б; ГАРФ. Ф. р.-9415. Оп. 3с. Д. 1. Л. 142, 146; Кононов, Коротаев. Коллективизация сельского хозяйства и административные органы // Административный вестник. – 1930, апрель. № 4. С. 17-20; Померанцев В. Роль милиции в посевной кампании // Административный вестник. – 1930, февраль. № 2. С. 32-34; Лаговьер Н., Мокеев В. Суд и прокуратура в борьбе с бюрократизмом и волокитой / Под ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 60 с.

⁶ ГАРФ. Ф. р.-393. Оп. 83. Д. 1. Л. 69.

⁷ ГАОПИКО. Ф. п.-69. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

⁸ ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 1. Д. 667. Л. 870б.

масштабе СССР. Это в значительной степени объясняет причины массовых злоупотреблений во время проведения хозяйственно-политических кампаний. Стремление предотвратить такие злоупотребления рождало новые формы работы по укреплению революционной законности. Решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 4 февраля 1926 года на прокуратуру была возложена обязанность по всем публикациям в печати, содержащим информацию о нарушении законности, производить срочное расследование с последующей публикацией в СМИ материалов о принятых мерах. В отношении авторов публикаций, содержавших заведомую дезинформацию, также требовалось производить расследование.¹ Следует сказать, что заметки и письма рабселькоров внесли важный вклад в укрепление революционной законности.² Поэтому с 1928 года работе по расследованию рабселькоровских заметок стало придаваться особое значение.³

Учёт газетных заметок и расследование по ним помимо прокуратуры осуществляли и административно-правовые секции при городских и районных исполнительных комитетах Советов.⁴ Подобная работа проводилась и органами милиции. Циркуляром Главного управления милиции и уголовного розыска при СНК РСФСР от 7 октября 1931 года «О расследованиях по газетам и заметкам» в управлении был выделен специальный работник, занимавшийся учётом газетных публикаций и результатов расследования по ним.⁵ Тем самым одним из результатов рабселькоровского движения стало усиление социального контроля. Если исходить из понимания социального контроля как сведения к минимуму незаконного применения могущества⁶, то деятельность Советского государства в этом направлении заслуживает высокой оценки и требует углубленного изучения с целью использования положительного опыта в настоящем. С 1924 года орготдел ВЦИК стал уделять большое внимание вопросу проверки исполнения директив Президиума ВЦИК.⁷ В 1928 году были созданы комиссии для проверки исполнения законов аппаратами наркоматов.⁸ С 1929 года такая работа началась на местах.

Однако директивы партии и правительства проводились в жизнь медленно. В начале 1929 года так и не были повсеместно созданы товарищеские суды и примирительные камеры, организация принудительных работ оставались неудовлетворительной, необходимого сокращения осужденных на короткие сроки заключения не

---

¹ ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 65. Д. 1. Л. 206.

² *Прокопеня*. Рабселькоры в борьбе за революционную законность // Ежедневник советской юстиции. – 1928. 31 января. № 4. С. 109-110; *Богомолов Н.* Рабселькоры, печать и революционная законность // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 17 января. № 2. С. 25-26; *Гуревич Я.* Что нашли рабселькоры при налёте на судебные органы г. Тамбова // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 12 декабря. № 48. С. 1140-1141.

³ Циркуляр НКЮ РСФСР № 83 от 7 июня 1928 года «О директивах по работе прокурорского надзора в связи с выявлением обследованием ЦКК фактами злоупотреблений и болезненных явлений, имевших место в Смоленской и в некоторых других губерниях» // Ежедневник советской юстиции. – 1928. 9 июня. № 21. С. 638-639.

⁴ ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 3д. Д. 30. Л. 82.

⁵ ГАРФ. Ф. р.-9415. Оп. 3с. Д. 18. Л. 7.

⁶ *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. С. 599.

⁷ ГАРФ. Ф. р.-1235. Оп. 69. Д. 1. Л. 70-78.

⁸ Административный вестник. – 1928, декабрь. № 12. С. 51.

произошло. Постановление СНК РСФСР от 23 марта 1929 года потребовало устранить эти недостатки.¹ Однако ожидаемого результата достигнуто не было. Возникла необходимость в усилении контроля со стороны надзорных органов за проведением всех кампаний. В этих целях циркуляр НКЮ РСФСР № 112 от 23 сентября 1929 года² предписывал взять под постоянное наблюдение надзорных органов исполнение важнейших законов, обеспечивавших хозяйственно-политические кампании. При этом местным органам прокуратуры разрешалось самостоятельно определять приоритеты надзорной деятельности «в зависимости от задач пятилетнего плана». Во исполнение этого циркуляра стали проводиться месячники проверки законов. Они преследовали цель проверки соблюдения законов с классово-политической точки зрения, вовлечение широких масс в работу по наблюдению за проведением революционной законности. Объект проверки составляла деятельность учреждений по выполнению законов, обеспечивавших проведение хозяйственно-политических кампаний.³ Однако реальная цель заключалась в подготовке к проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства.⁴

Приведённые выше факты позволяют сделать вывод об отсутствии систематической работы по укреплению революционной законности, её кампанийского характера. Подтверждением этому может служить практика применения статьи 107 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., которая предусматривала наложение санкций за злостное повышение цены на реализуемый товар. Однако с началом кампании по хлебозаготовкам действие статьи 107 было распространено на скупщиков и держателей хлеба. Данная мера во многом была вынужденной. Она вызывалась необходимостью ответа на возросшую агрессивность буржуазных государств по отношению к СССР и предотвращения последствий мирового экономического кризиса (1929-1933 гг.). Но на местах применение этой статьи превратилось в главный метод обеспечения хлебозаготовок. Вот как обеспечивалось применение указанной статьи в Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО; существовала с 1928 по 1934 гг.). В феврале 1928 года был определён основной способ «нажима» на кулаков – привлечение их к юридической ответственности по ст. 107. Действие данной статьи распространялось и на кулаков, придерживавших хлеб. Теперь, кроме лишения свободы, предписывалось применять обязательную конфискацию имущества, возбуждение дела производить по заявлениям частных и должностных лиц, а также по заметкам в газетах. Дела по этой статье рассматривались в течение 24 часов.⁵ В результате за январь – март 1928 года судами только Орловской губернии по статье 107 к юридической ответственности был привлечён 281 человек, а сумма конфи-

---

¹ Постановление СНК РСФСР от 23 марта 1929 года «По докладу Народного комиссариата юстиции о результатах выполнения постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. О карательной политике» // Бюллетень Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР. – 1929. 12 мая. № 17 (318). С. 307-308.

² Циркуляр НКЮ РСФСР № 112 от 23 сентября 1929 года Директивное письмо «О систематической проверке соблюдения революционной законности» // Ежедневник советской юстиции. – 1929, 10 октября. № 39. С. 926-927.

³ ГАКО. Ф. р.-1758. Оп. 1. Д. 184. Л. 258.

⁴ Кузнецов В. О состоянии организационно-массовой работы низовых Советов в ЦЧО // Ленинский путь. – 1930, май. № 9-10 (45-46). С. 98-106.

⁵ ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 1. Д. 667. Л. 24, 37.

скованного имущества составила 116 114 рублей (в среднем 403 рубля на человека). Однако после решений Объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 6-11 апреля 1928 года¹ часть привлечённых по этой статье середняков была оправдана. В апреле-июне 1928 года судами Орловской губернии было привлечено только 56 человек с конфискацией у них имущества на сумму 7 140 рублей (в среднем 127,5 рублей на человека).² Такое резкое снижение было вызвано и тем, что к лету 1928 года стало ясно – применение статьи 107 не обеспечивало решения проблемы хлебозаготовок. В связи с этим в бюро Орловского губернского комитета ВКП (б) сложились два подхода. Первый – без применения статьи 107 нельзя провести заготовки. Второй, статью 107 применять осторожно и при этом учитывать политический эффект. Но 20 июля 1928 года на первой конференции ВКП (б) Орловского округа И.Г. Бирн (секретарь обкома ВКП (б) ЦЧО с 1928 по 1930 г.) внёс в этот вопрос ясность. Применение чрезвычайных мер на основе революционной законности во время хлебозаготовок он назвал идеальными.³ Однако не ясным оставался вопрос о количестве укрытого хлеба, за который можно было привлекать к юридической ответственности. На этот вопрос никто не мог ответить точно. Отсутствие ясности в применении статьи 107 порождало среди членов уездных комитетов ВКП (б) опасения в том, что перегибы будут снова. Стремясь предотвратить возможные перегибы уездные комитеты ВКП (б) стали брать на себя ответственность и самостоятельно определять порядок применения этой статьи. Бюро Новосильского уездного комитета ВКП (б) ЦЧО приняло решение применять статью 107 только там, где не действуют методы агитации. Бюро Елецкого уездного комитета ВКП (б) ЦЧО разрешило применять эту статью только по личному разрешению секретаря комитета ВКП (б).⁴

Такие действия комитетов ВКП (б) вызывались соответствующим пониманием законности и представлением о месте и роли революционной партии в обществе, как силе не только преобразующей, но и несущей ответственность перед трудящимися за результаты преобразований. Кроме того позиция комитетов ВКП (б) имела и теоретическое обоснование. Допуская известное отступление от законов¹, что являлось особенностью России в целом и переходного периода в частности, В.И. Ленин настаивал на соблюдении границ законности в революции.¹ Так как малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся.¹ В ситуациях экстренных мер повышалось значение революционного насилия. Однако и оно имело границы. Эти границы определялись степенью сочувствия революционному насилию со стороны сознательной части рабочих и крестьян.¹ Поэтому народным судьям предписывалось вести борьбу с рецидивами невидимого права - «чутко прислушиваться к голосу советской общественности, клеймящей недостатки»¹. Тем самым, главным критерием законности становилось не следование «букве» закона, но его «духу». Другими словами таким критерием выступал уровень поддержки трудящимися мас-

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 4. С. 319.

² ГАОО. Ф. р.-473. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 6об.

³ ГАОО. Ф. п.-48. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

⁴ ГАОО. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 2112. Л. 56, 27, 28, 29, 60, 74, 118.

сами, прежде всего рабочим классом и беднейшим крестьянством, социально-экономической политики государства и действовавшего позитивного права.

Но на протяжении 1928 года неопределённость в применении статьи 107 сохранялась. Это приводило к противоречиям между прокуратурой, которая отстаивала необходимость распространения данной статьи на спекулянтов хлебом, и местным партийным и советским руководством, считавшим, что в отдельных случаях, применять данную статью к спекулянтам нельзя. Только после указаний центральных партийных органов позиция прокуратуры получила поддержку и на местах.¹ В дальнейшем проблема применения статьи 107 УК РСФСР приобретала актуальность дважды. В начале 1930 года и летом 1932 года в периоды первого и второго массовых выходов из колхозов. 25 февраля 1930 года областным исполнительным комитетом Советов ЦЧО было принято Постановление «Об улучшении снабжения городов», на основании которого административным отделам ЦЧО было дано указание прекратить применение административных мер в отношении лиц, реализующих сельскохозяйственную продукцию на городских рынках.²

Летом 1932 года, нормативным актом, затруднившим производство по делам, определяемым статьёй 107 УК РСФСР, стало Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности». Этим постановлением местным органам Советской власти и прокуратуре предписывалось обеспечить применение принятых решений о развёртывании торговли колхозов и колхозников. В связи с этим встал вопрос о том можно ли к колхознику применять статью 107. Только после принятия закона «О борьбе со спекуляцией»³ и внесения изменений в статью 107 Уголовного кодекса РСФСР с определением юридического понятия «спекуляция»⁴ в применении указанной статьи наступила ясность. А постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 2 декабря 1932 года расширило понятие спекуляции. К спекуляции стала приравниваться торговля колхозами и колхозниками хлебом в областях, краях и республиках, не выполнивших годовой план хлебозаготовок.⁵

В аналогичных фактах В.С. Нерсесянц увидел то, что «подобный закон», строго говоря, не закон и не правовое явление вообще, а эксплуатация формы закона в антиправовых целях – для приказного и диктаторного нормотворчества по принципу текущей целесообразности. Собственно именно такое понимание закона, писал он, лежало и в основе концепции революционной, а затем (с 30-х гг. XX века) и социалистической законности». На основании этого он говорил об отсутствии права в исследуемый период вообще. По мнению В.С. Нерсесянца, единственно возможным при диктатуре пролетариата настоящим правом было буржуазное право нэповского периода. Отсюда он делал вывод: «Право, таким образом, полностью подменялось политикой, политической целесообразностью... Там, где нет права, не мо-

¹ ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 64. Д. 557. Л. 48.

² ГАКО. Ф. р.-2638. Оп. 1. Д. 103. Л. 91.

³ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 22 августа 1932 года «О борьбе со спекуляцией» // Собрание законов СССР. 1932, 5 сентября. № 65. Ст. 375. С. 628 (далее: СЗ СССР).

⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1932 года. «Об изменении ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. – 1932, 18 декабря. № 87. Ст. 385. С. 501 (далее: СУ РСФСР).

⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 2 декабря 1932 года // СЗ СССР. – 1932, 7 декабря. № 79. Ст. 481. С. 773-774.

жет быть, конечно, и «юридической системы».¹ В отличие от В.С. Нерсисянца, С.С. Алексеев отказывается от упрощённых оценок правовой деятельности Советского государства. С.С. Алексеев не отрицает наличия права в исследуемый период, но говорит о нём как существующем в двух принципиально разных «ипостасях». Во-первых, как официальной юридической системе – «видимом праве», и, во-вторых, «невидимом праве – сердцевине всей системы власти, праве-невидимке, которое никогда, в отличие от революционных времен, не преподносилось как официальная юридическая реальность, но которое в действительности, как и ранее, оставалось высшим революционным правом, служащим по воле вождей и партийного аппарата делу коммунизма».²

Невидимое право существует и в современной России. Как представляется наличие «невидимого права» является характерным признаком любой юридической системы, находящейся в переходном состоянии³. Степень же соотношения «видимого» и «невидимого» права, соотношения принципов законности и целесообразности определяется социально-экономическими и историческими особенностями данного общества. Например, примерно 30 процентов граждан современной России определяют коррупцию как «механизм компенсации плохих законов».⁴

Уровень соотношения принципов законности и целесообразности, правопорядок напрямую связаны с признанием большинством населения легитимности власти и оценкой действующего законодательства как отвечающего интересам народа. Относительно быстрое (1928-1934 гг.) завершение преобразований, их видимый результат и последовавший за этим рост материального уровня благосостояния населения создавали предпосылки для развития социалистической законности. Позитивную роль здесь сыграла и характерная черта правосознания русского крестьянства, сформулированная статс-секретарём, обер-гофмейстером высочайшего Двора, членом Государственного Совета, главноуправляющим собственной Е.И.В. канцелярией Александром Сергеевичем Танеевым. А.С. Танеев говорил: «Они соглаются на какие угодно жертвы, лишь бы чувствовать их как законные и необходимые. Но если от них требуют жертв, необходимость которых от них ускользает, рано или поздно они потребуют отчёта».⁵

Источники и использованная литература:

Источники:

1. ГАКО – Государственный архив Курской области. Ф. р.-345. Оп. 1. Д. 47, Л. 15, 15об.
2. ГАКО. Ф. р.-1758. Оп. 1. Д. 184. Л. 258.
3. ГАКО. Ф. р.-2638. Оп. 1. Д. 103. Л. 91.
4. ГАОО – Государственный архив Орловской области. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 2112. Л. 56, 27, 28, 29, 60, 74, 118.
5. ГАОО. Ф. п.-48. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.
6. ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 1. Д. 667. Л. 24, 37, 87об., 112.

¹ Нерсисянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Российское право, 1992. С. 213, 214, 215.

² Алексеев С.С. Философия права. – М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 176, 177.

³ См.: Тихомиров Ю.А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. – 2005. № 5.

⁴ Воробьев Ю. Коррупция на просвет. Верхняя палата парламента ведет проверку законов на “взяточность” // URL: www.kotgur.ru/index.php?s=15&id=118.

⁵ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с фр. 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1991. С. 192.

7. ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 1. Д. 668. Л. 3.
8. ГАОО. Ф. р.-27. Оп. 3д. Д. 30. Л. 82.
9. ГАОО. Ф. р.-473. Оп. 1. Д. 4. Л. 6,6об.
10. ГАОПИКО – Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. п.-69. Оп. 1. Д. 57. Л. 56, 253, 280.
11. ГАОПИКО. Ф. п.-69. Оп. 1. Д. 177. Л. 29.
12. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. р.-393. Оп. 83. Д. 1. Л. 69.
13. ГАРФ. Ф. р.-1235. Оп. 69. Д. 1. Л. 70-78.
14. ГАРФ. Ф. р.-1235. Оп. 102. Д. 111. Л. 47-56.
15. ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 64. Д. 557. Л. 48.
16. ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 64. Д. 1395. Л. 5, 6об.
17. ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 64. Д. 1534. Л. 2об.
18. ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 65. Д. 1. Л. 206.
19. ГАРФ. Ф. р.-3316. Оп. 65. Д. 12. Л. 22.
20. ГАРФ. Ф. р.-9415. Оп. 3с. Д. 1. Л. 142, 146;
21. ГАРФ. Ф. р.-9415. Оп. 3с. Д. 18. Л. 7.
22. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1932 года. «Об изменении ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. – 1932, 18 декабря. № 87. Ст. 385. С. 501 (далее: СУ РСФСР).
23. Постановление СНК РСФСР от 23 марта 1929 года «По докладу Народного комиссариата юстиции о результатах выполнения постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. О карательной политике» // Бюллетень Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР. – 1929. 12 мая. № 17 (318). С. 307-308.
24. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 2 декабря 1932 года // СЗ СССР. – 1932, 7 декабря. № 79. Ст. 481. С. 773-774.
25. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 22 августа 1932 года «О борьбе со спекуляцией» // Собрание законов СССР. 1932, 5 сентября. № 65. Ст. 375. С. 628 (далее: СЗ СССР).
26. Циркуляр НКЮ РСФСР № 112 от 23 сентября 1929 года Директивное письмо «О систематической проверке соблюдения революционной законности» // Ежедневник советской юстиции. – 1929, 10 октября. № 39. С. 926-927.
27. Циркуляр НКЮ РСФСР № 83 от 7 июня 1928 года «О директивах по работе прокурорского надзора в связи с выявлением обслеждением ЦКК фактами злоупотреблений и болезненных явлений, имевших место в Смоленской и в некоторых других губерниях» // Ежедневник советской юстиции. – 1928. 9 июня. № 21. С. 638-639.

Общая и специальная литература:

28. Административный вестник. – 1928, декабрь. № 12. С. 51.
29. *Алексеев С.С.* Философия права. – М.: Издательство НОРМА, 1999.
30. *Архитов К.* Понятие закона // Советское право. Журнал института советского права. – 1924. № 2 (8). С. 69-72.
31. *Афанасьев В.С.* Современные проблемы теории законности. – М., 1993.
32. *Батулин Ю.М., Лившиц Р.З.* Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению (политико-правовой взгляд). – М.: Наука, 1989;
33. *Богомолов Н.* Рабселькоры, печать и революционная законность // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 17 января. № 2. С. 25-26.
34. *Воробьев Ю.* Коррупция на просвет. Верхняя палата парламента ведет проверку законов на “взяточность” // URL: www.korrup.ru/index.php?s=15&id=118.
35. *Гуревич Я.* Что нашли рабселькоры при налёте на судебные органы г. Тамбова // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 12 декабря. № 48. С. 1140-1141.
36. Доклад тов. Стучка о работе Верховного суда РСФСР на расширенном заседании бюро ячейки ВКП (б) при НКЮ РСФСР // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 5 декабря. № 47. С. 1102-1105.
37. *Елистратов А.И.* Административное право. – М., 1929.

38. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 3.
39. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 4.
40. Кононов, Коротаев. Коллективизация сельского хозяйства и административные органы // Административный вестник. – 1930, апрель. № 4. С. 17-20.
41. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. II: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – М.: Гос. изд-во, 1928.
42. Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
43. Кузнецов В. О состоянии организационно-массовой работы низовых Советов в ЦЧО // Ленинский путь. – 1930, май. № 9-10 (45-46). С. 98-106.
44. Курильски-Ожвэн, Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. – М.: Аспект Пресс, 1996.
45. Лаговнер Н., Мокеев В. Суд и прокуратура в борьбе с бюрократизмом и волокитой / Под ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 60 с.
46. Ленин В.И. О двойном подчинении и законности. Товарищу Сталину для Политбюро // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 45. С. 198.
47. М.Ф. Минимум формы, максимум классового существа // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 5 декабря. № 47. С. 1097.
48. Малицкий А. Советская конституция. – Харьков, 1924.
49. Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Российское право, 1992.
50. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с фр. 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1991.
51. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. С. 599.
52. Паишуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте (к некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. № 11-12.
53. Пионтковский А. Советское уголовное право. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Гос. изд-во, 1929.
54. Померанцев В. Роль милиции в посевной кампании // Административный вестник. – 1930, февраль. № 2. С. 32-34.
55. Проблемы формирования социалистического правового государства // Труды Академии МВД СССР. – М., 1991.
56. Прокопеня. Рабселькоры в борьбе за революционную законность // Ежедневник советской юстиции. – 1928. 31 января. № 4. С. 109-110.
57. Смертюков. Правовая защита интересов батрачества // Ежедневник советской юстиции. – 1929. 17 октября. № 40. С. 935-936.
58. Социалистическое право, сознание и поведение личности / М.Т. Баймаханов, А.У. Бейсенова, Е.К. Нурпеисов и др. – Алма-Ата: Наука, 1988.
59. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. – М., 1990.
60. Справедливые и не справедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. – М.: Реферendum, 2003.
61. Твой день, – пятница, – 2007. 23 марта. № 63. С. 6.
62. Тихомиров Ю.А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. – 2005. № 5.

Migushchyenko O.N.

Law enforcement in activity of the Soviet state during 20s – 30s of 20th century

In article problems of creation of the «protection» system of legality in the USSR through identification of violations of the right and the law and immediate suppression of these violations are considered.

Keywords: legality, collectivization, law enforcement; ratio of the law, policy and economy.

Демидов А.М.

ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ СССР (20-е – 30-е гг. XX в.)

В 20-е – 30-е гг. XX века карательная политика в СССР руководством страны была приспособлена к экономическим потребностям государства. Органы государственной безопасности стали использоваться как инструмент этой карательной политики. В форме борьбы с контрреволюционными преступлениями они способствовали реализации установок руководителей страны в сфере экономики.

Ключевые слова: органы государственной безопасности; индустриализация; антисоветские проявления; карательная политика государства; контрреволюционные преступления; репрессии.

Чтобы получить более точное восприятие и осмысление сущности деятельности органов государственной безопасности в сфере экономики СССР в 20-е - 30-е годы прошлого столетия, представляется целесообразным обратить внимание на особенности обстановки в стране в указанный период. Современное историческое знание характерных черт международного положения и внутренних проблем СССР и социальных процессов, связанных с укреплением военно-стратегических позиций Советского Союза, индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, облегчает нашу задачу, позволяя сосредоточиться на положениях, непосредственно связанных с рассматриваемой темой.

Вначале следует констатировать, что к концу 20-х годов XX века в руководящих кругах СССР существенно ослабла надежда на скорую победу мировой революции, и рассчитывать приходилось лишь на собственные силы. Сложная международная обстановка и непростое развитие отношений с наиболее развитыми странами способствовали вызреванию в советской элите убеждения в нарастании жизненно важных угроз извне. Это в немалой степени повлияло на политические настроения в обществе. Прочно укрепилось представление о реальной военной опасности, пришло убеждение, что преодолеть былую экономическую отсталость, успешно решить задачи переходного периода от капитализма к социализму и укрепить тем самым обороноспособность страны можно лишь на путях индустриализации.

В соответствии со своим восприятием политической ситуации в мире, пониманием военных угроз и видением курса социалистического строительства руководство страны резко свернуло новую экономическую политику, решительно взяло курс на форсирование темпов индустриализации и перешло на директивные методы управления. Ставя задачу любой ценой ускорить рост промышленного потенциала, основным источником средств для сверх индустриализации оно избрало крестьянство. Неэквивалентный обмен выкачивал из крестьянских хозяйств средства на развитие промышленности и модернизацию вооруженных сил. Экономическое

Демидов Александр Михайлович – доктор исторических наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб (Москва).

неравноправие порождало недовольство и нежелание крестьян сдавать хлеб государству по заниженным ценам, а срыв хлебопоставок ставил под угрозу план преобразования страны, поэтому в ход пошли методы принудительного изъятия крестьянского хлеба. Вначале они рассматривались как чрезвычайные и временные, но весьма скоро вошли в повседневную практику.

Благодаря репрессивным мерам желаемый результат казался весьма близким: резкий перелом в ходе заготовок хлеба в конце января 1928 года привёл в восторг председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР В.В. Куйбышева. По его словам, «вся наша страна, все партийные организации на местах, все советские организации буквально мобилизованы для того, чтобы выполнить хлебозаготовительный план».¹ Так внешне высокая эффективность проделанного, достигнутая в считанные дни, порождала иллюзии преимущества административно-командных методов, вела к абсолютизации чрезвычайных мер и служила обоснованием репрессий в решении экономических проблем.

К этому времени в общественном и профессиональном правосознании утвердилась концепция, согласно которой трудности, неудачи и провалы в экономике, многочисленные аварии, пожары, взрывы и другие происшествия на объектах народного хозяйства объяснялись как результат диверсий и вредительства со стороны внутренних контрреволюционных сил, якобы действовавших в союзе с иностранными разведками. Исходя из этого, успех борьбы с вредительством и диверсиями рассматривался как залог успешного экономического развития СССР. Одновременно эта же концепция использовалась для эскалации репрессий против тех, кто был не согласен с курсом форсирования индустриализации, сомневался в целесообразности наращивания государственного принуждения и выбранных источников сверхвысоких темпов развития промышленности. Поэтому первый громкий судебный процесс о вредительстве – «шахтинский процесс» – закономерно трансформировался в «дело промпартии» против научно-технической интеллигенции буржуазной формации. Однако с течением времени объектом репрессий стали новые кадры специалистов пролетарского происхождения.

Абсурдность утверждений о массовых контрреволюционных преступлениях в промышленности вскрыл нарком тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе: «За 19 лет существования Советской власти мы воспитывали в наших школах и вузах инженеров и техников... Если все они, а также и старые инженеры, которых мы перевоспитали, оказались в 1936 году саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом. Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди – наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за Советскую власть».² Нарком довольно резко подчеркнул, что объяснять хозяйственные трудности вредительством и саботажем – это чепуха. Со знанием дела он говорил о причинах экономических проблем, которые, по мнению Орджоникидзе, крылись в неравномерности развития различных отраслей промышленности, неудовлетворительной организации труда, снижении трудовой дисциплины, просчётах в планировании.

---

¹ Куйбышев В.В. Избранные произведения: в 2-х тт. – М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 397.

² Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи: в 2-х тт. – М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 771.

Сказано это было в 1936 году, но в конце 20-х годов кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) Серго Орджоникидзе не смог предвидеть всех негативных последствий реализации мероприятий, которые по указанию Политбюро ЦК ВКП (б) были разработаны в Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) и ВСНХ СССР и в марте 1927 года представлены на утверждение председателями этих государственных органов В.Р. Менжинским и В.В. Куйбышевым. Решение по их докладу было оформлено секретным постановлением Президиума ЦИК СССР от 4 апреля 1927 года, в котором, в частности, говорилось: «Приравнять небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и предприятиях государственного значения, к государственным преступлениям». С этого времени факты бесхозяйственности, нарушений техники безопасности, преступной халатности и другие подобные проявления стало возможным квалифицировать как вредительство, диверсии или саботаж.

На основании циркуляров ЦК ВКП (б) партийные органы формировали общественное мнение и призывали каждого гражданина обеспечивать безопасность промышленных предприятий, следить за происками врагов и вскрывать контрреволюционный умысел. Активное участие в проведении в жизнь партийных установок приняли сотрудники органов ОГПУ. Оперативные работники выступали перед партийными активистами, хозяйственными руководителями, перед рабочими и служащими и рассказывали им о формах и методах подрывной деятельности врагов советской власти.

Руководство борьбой с контрреволюционными преступлениями в промышленности уже в 1927 году полностью сосредоточил в своих руках заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. Выполняя указания по решительному пресечению всех деяний, наносящих ущерб экономике, он требовал энергичных мер против лиц, «политическая физиономия которых вызывала подозрение». Однако прежние проблемы оставались: аварии, взрывы, пожары, порча машин, механизмов и оборудования продолжали наносить СССР многомиллионный ущерб, и Ягода безапелляционно настаивал на версиях о контрреволюционном умысле, даже вопреки итогам расследований чрезвычайных происшествий, дававшим совершенно иную картину. Так, в одном из его приказов сообщалось, что на особо важных предприятиях в первые месяцы 1927 года ежедневно фиксировалось 2-3 пожара, взрыва, аварии и «покушения на таковые». Приведенная в приказе статистика позволяет подсчитать: в 39% случаев причины остались невыясненными, в 53% – явились результатом халатности или небрежного исполнения служебных обязанностей, и лишь в 8% случаев, включая предотвращенные попытки «злоумышленного вредительства», удалось установить «злой умысел». Направлен ли он на ослабление Советской власти, документ не поясняет. Поэтому голословным и не соответствующим своим же собственным данным является утверждение Ягоды, что основная причина всех происшествий кроется в «умелой вредительской деятельности заграничных агентов», которые якобы действовали не только в одиночку, но и объединились в диверсионные и шпионские ячейки. Так как борьба с преступной халатностью в экономике приобрела политический характер, то этот вид деяний отнесли к контрре-

волюционным преступлениям, и доказывать наличие умысла стало не обязательным – для полного состава преступления было достаточно объективной стороны.

Правовую основу для объективного вменения давало упоминавшееся выше секретное постановление ЦИК СССР от 4 апреля 1927 года: органам ОГПУ было предоставлено право «рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсии, поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок, как со злым умыслом, так и без *оного* (выделено автором – *А.Д.*)», а также дела о халатности и нарушениях правил пожарной безопасности на объектах промышленности и транспорта.

Исходя из осложнившейся международной обстановки, XVIII съезд ВКП (б) (10-21 марта 1939 г.) указал на необходимость всемерного повышения обороноспособности СССР, поставил задачу догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны. Утвержденный съездом третий пятилетний план стал программой ускоренной подготовки страны к войне. Предстояло создать вторую военно-промышленную базу в Поволжье, на Урале и в Сибири, так как почти все наиболее важные военные заводы размещались на северо-западе, в центре и на юге европейской части СССР на линии Ленинград – Москва – Тула – Брянск – Харьков – Днепрпетровск и находились в зоне, доступной для воздушных ударов наиболее вероятного противника – Германии.

В связи с реализацией планов технического перевооружения вооруженных сил военно-экономическое значение таких городов как Горький (ныне – Нижний Новгород), Казань, Куйбышев (Самара), Молотов (Пермь), Нижний Тагил, Новосибирск, Саратов, Свердловск (Екатеринбург), Уфа, Челябинск с каждым предвоенным годом возрастало. С этими и другими городами связано наращивание военно-экономического потенциала СССР в третьей пятилетке.¹

Проблемы дальнейшего развития индустрии ставили сложные задачи, которые отчасти решались с помощью карательной политики государства. Она, помимо прочих целей, служила средством перераспределения дешевых рабочих рук. Как представляется, в этом также кроются причины массовых репрессий 30-х годов.² С новой силой это проявилось накануне Великой Отечественной войны: до последних мирных дней часть населения присоединенных к СССР государств и территорий насильственно переселялась в глубь России, где развернулось крупномасштабное промышленное строительство.

Такая практика, как полагали её организаторы, должна была способствовать быстрому увеличению промышленного потенциала, но в действительности насилие над людьми и – вопреки логике индустриализации – необоснованные аресты

---

¹ Географическому расположению особо важных промышленных объектов придавалось большое значение. Еще в середине 20-х годов Сталин считал стратегически нецелесообразным строительство новых заводов в Ленинграде (Санкт-Петербург) и Ростове из-за возможных военных осложнений. Однако к началу 40-х годов возобладали военные доктрина, согласно которой врага надлежало бить малой кровью и, главное, на чужой территории. Поэтому прежняя промышленная база на западе страны стала усиленно развиваться, близ западных границ разместили множество военных складов. В первые недели Великой Отечественной войны значительная часть всего этого была потеряна, что серьезно усугубило и без того тяжёлое положение военной экономики.

² Использование заключенных в качестве сверх дешевой «рабочей силы» впервые в советской историографии подробно рассмотрел В.В. Цаплин (см.: Вопросы истории. – 1991. № 4-5. С. 157-163).

многих ведущих конструкторов, инженеров, технических работников наносили стране непоправимый ущерб. В лучшем случае эти способные и опытные специалисты были полностью или частично выведены из сферы своей профессиональной деятельности и в лагерях ГУЛАГа НКВД СССР использовались на тяжёлых физических работах, но зачастую арест означал для них гибель. Удары по лучшим научным кадрам, специалистам и организаторам производства подрывали экономический и научно-технический потенциал страны, отрицательно сказывались на обороноспособности.

Политическое недоверие к оставшимся на свободе кадрам привело к сверхсекретности в ущерб обороноспособности страны. В частности, в мобилизационных планах многих военных заводов не учитывались существенные изменения в достигнутом уровне разработки и производства современных видов вооружения. Нескорректированные вовремя документы настолько устарели, что во многих случаях практической пользы почти не имели. Например, В.Н. Новиков, встретивший войну в должности директора машиностроительного завода в Ижевске, впоследствии описал первое ознакомление с мобилизационным планом 22 июня 1941 года: «План составлен три года назад и с тех пор не пересматривался... К этому документу никто, включая руководителей завода, не допускался. Начальник мобилизационного отдела имел дело только с наркоматом, вопрос этот со мной, когда я стал директором, не обсуждался. Документ оказался не полным для практического руководства».¹

Ставка на форсированные темпы производства военной продукции накануне Великой Отечественной войны усилила и без того широко практиковавшиеся жёсткие административные методы принуждения в управлении производством и научно-техническими изысканиями. Однако повышенные потребности военных полностью удовлетворены не были: в 1940-1941 годах в Красную Армию поступило 1816 новейших по тому времени танков Т-34 и КВ, а потребность в них определялась в 16,6 тысяч.² Самолётостроительные заводы ежедневно выпускали почти по 20 боевых машин – Сталин требовал давать в 2,5 раза больше. Несмотря на сильный нажим со стороны Сталина, нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин так и не нашёл возможности выпускать в день по 50 самолётов: после совещания со своими заместителями 16 июня 1941 года разрядка была составлена только на 48 машин.³ Несмотря на энергичные меры, увеличение военного производства накануне войны дало лишь количественное насыщение вооружённых сил морально устаревшей боевой техникой, но по выпуску новых типов танков и самолётов СССР уступал Германии, хотя общая производственная мощность авиационных и танковых заводов была выше.

Реализация не всегда обоснованных, порой явно нереальных производственных программ вела к усилению репрессий в сфере военной экономики. За несколько недель до германской агрессии вновь участились аресты руководителей оборонных отраслей промышленности и, как тогда было принято говорить, командиров про-

---

¹ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. – М.: Политиздат, 1988. С. 60.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1969. С. 213.

³ Российский государственный архив экономики. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 485. Л. 5.

изводства.¹ В атмосфере всеобщей подозрительности и недоверия, в условиях тяжёлого морально-психологического климата карательные меры желаемого результата уже не давали. Наоборот, они сковывали инициативу, порождали пассивность и нежелание брать на себя даже незначительную ответственность². Производственная и технологическая дисциплина, качество изготовления боевой техники, несмотря на ужесточение законов, до предъявляемых требований не повысились.

К схожим последствиям вело предотвращение формирования так называемой «пятой колонны» внутри СССР – ещё одна задача предвоенного времени, которая решалась карательной политикой. Направленность этой политики раскрывает приказ НКВД СССР от 11 октября 1939 года об учёте антисоветских элементов. Их перечень открывают бывшие члены политических партий, организаций и групп (троцкисты, правые, эсеры, меньшевики, анархисты и др.). Здесь явно усматривается юридическое закрепление результатов борьбы за власть ведомственным нормативным актом. Анализ его содержания показывает, что согласно логике обеспечения безопасности сформированной в 30-е годы XX века политической системы, угрозу представляли не только члены названных выше политических партий, разгромленных ещё в 20-е годы XX века, но и члены семей лиц, осуждённых по статьям уголовного кодекса о контрреволюционных преступлениях к высшей мере наказания или к лишению свободы на срок свыше 10 лет.

Кроме того, опасными антисоветскими элементами считались не только исключённые из ВКП (б) и ВЛКСМ за политические проступки, не только добровольцы белой армии, все бывшие кулаки, служители культа, актив религиозных общин, сектанты, но даже лица, имевшие личные связи за границей. Иными словами, антисоветскими элементами считались все, кто в силу своего социального положения и происхождения, партийной и национальной принадлежности, политических настроений, религиозного мировоззрения и вероисповедания, гражданского статуса, жизненной позиции и образа жизни, а также по сугубо личным мотивам совершил или мог совершить действия в ущерб интересам тоталитарного государства.

Новым содержанием наполнялось и понятие «антисоветское проявление». Его конкретизировал начальник Секретно-политического управления Наркомата государственной безопасности (НКГБ) СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Мильштейн. В приложении к приказу НКГБ СССР от 15 марта 1941 г. он пояснил, что антисоветскими проявлениями следует считать: «выпуск и рассылку» листовок и анонимных писем «антисоветского содержания»³; забастовки, волынки, невыход на работу рабочих и служащих предприятий и учреждений; имевшие место и предотвращённые аварии, катастрофы, крушения и пожары на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте в случае установления «злонамеренного умысла»; убийства и покушения на убийство работников советского и партийного аппарата при наличии политических мотивов; выступления на собраниях, митингах, совещаниях и в общественных местах с антисоветскими заявлениями; система-

---

¹ Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. – 1988. № 2. С. 150; Шахурин А.И. Крылья победы. 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1990. С. 120-121.

² Грабин В.Г. Оружие победы. – М.: Политиздат, 1989. С. 242.

³ В документе явная логическая ошибка: содержание понятия «антисоветское» раскрывается не через другие понятия, а через самоё себя.

тическая антисоветская агитация; всякого рода иные действия, сознательно направленные во вред власти.

Последний признак антисоветского проявления – «во вред» – в совокупности с предыдущими критериями давал простор объективному вменению. По усмотрению партийного или государственного чиновника могло быть квалифицировано как антисоветское любое совершенное лицом (или группой лиц) деяние без срока давности, которое независимо от умысла прямо или косвенно наносило военный, политический, экономический или моральный ущерб тоталитарному режиму.

В связи с этим представляет интерес, что в «Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)», утверждённом постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года, было сказано: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».¹ Сравнив ведомственное толкование понятия «антисоветское проявление» и понятие «контрреволюционное действие», утвержденное законодателем, нетрудно убедиться, что объём первого оказался шире, так как в него не была включена субъективная сторона. Во многих случаях расширительное толкование закона и утвердившиеся неконституционные методы деятельности карательных органов государства привели к тому, что на основании имевшихся нормативных актов многих граждан можно было репрессировать и направить для дальнейшего использования как рабочую силу, исходя из экономической целесообразности. Вследствие этого оперативная обстановка в зонах строительства и пущенных в строй объектов оборонных отраслей промышленности осложнялась и вела к наращиванию сил и средств органов государственной безопасности: увеличивались штаты, создавались новые районные и городские отделы, пополнялась агентурно-осведомительная сеть.

Таким образом, в 20-е – 30-е годы прошлого столетия карательная политика в СССР руководством страны была приспособлена к экономическим потребностям государства, а органы государственной безопасности стали использоваться как инструмент этой карательной политики. Их основные усилия были направлены на борьбу с так называемыми антисоветскими проявлениями, под которые в реальности подпадало любое недовольство людей как естественная их реакция на недостатки общественно-политического или экономического характера. Это отвлекало внимание органов государственной безопасности от решения разведывательных и контрразведывательных задач, дезориентировало сотрудников и подталкивало их к необоснованным репрессиям и другим нарушениям законности.

---

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 28. Прочитанное определение контрреволюционного преступления вошло в УК РСФСР и кодексы других союзных республик (См.: Уголовное право: Особенная часть / Под ред. И.Т. Голякова. 3-е изд. перер. и доп. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1943. С. 7).

Ценность оперативного уполномоченного определялась по количественным критериям и зависела, например, от количества арестов. Это был важнейший показатель работы органов НКВД и контролировался вышестоящими начальниками очень жёстко. Первый (и зачастую единственный) вопрос, который задавался на совещаниях у руководства Управлений НКВД был: «Сколько арестовано?». Ответ, неудовлетворительно объяснявший отсутствие результатов, мог обернуться серьезными неприятностями по службе. «Сегодня мы заседаем, а завтра останется... 12-13 районов (начальников районных отделений НКВД – *А.Д.*), – предупредил подчиненных начальник Управления НКВД по Горьковской области на совещании в декабре 1940 года, – которые, мы считаем, работают очень плохо, которые за год ни одного человека не арестовали. Сидят 2-3 оперативных работника – и за год не нашлось ни одного врага! Хотим с этими районами разобраться. В чем дело, почему нет ни одного ареста за год? Или же плохо работали, не занимались по-настоящему своей работой, не выполняли наших указаний, или товарищи не способны работать».¹

Такой подход подталкивал к фальсификации оперативных и следственных материалов. Сотрудники, противившиеся этому, подвергались репрессиям. Основная же масса оперативных работников, призванных на службу по рекомендациям партийных и комсомольских организаций, добросовестно исполняла все указания, приказы и распоряжения, откуда бы они не поступали: от непосредственного начальника или свыше. Имея в большинстве своем невысокую общеобразовательную и профессиональную подготовку², они и в политическом отношении были продуктом своего времени. Однако многие личные недостатки компенсировались наличием беспредельной веры в идеалы и торжество социализма и коммунизма, готовностью отдать всего себя делу построения нового общества. Не считаясь с собственными интересами, зачастую без сна и отдыха эти сотрудники с энтузиазмом выполняли даваемые им поручения, добросовестно считая, что вносят свой вклад в борьбу с врагами народа.

Понятия «советская власть», «советский народ», «Коммунистическая партия», «Центральный комитет ВКП (б)», «Ленин», «Сталин», «Родина» оказались практически равнообъемными. В такой же степени всё, что не совпадало с официальными оценками высших партийных инстанций, ассоциировалось с контрреволюционными преступлениями и решительно подавлялось. Многие свидетели прошлого утверждают, что полностью доверяли верхнему эшелону власти и исходящим от туда установкам, искренне считали, что кругом враги, активно действует внутренняя и внешняя контрреволюция. Мало кто мог тогда осознать истинные причины массовых арестов, реальную роль в них высших руководителей страны. То же самое можно сказать и об абсолютном большинстве сотрудников органов государственной безопасности и, прежде всего, рядового оперативного состава. Они находились полностью под влиянием директив, указаний и личных приказаний. Зачастую, не располагая достаточными знаниями, они не могли самостоятельно дать правильную оценку происходящему, делали неверные выводы и во многих случаях слепо

---

¹ Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области. Ф. 23. Оп. 6. Д. 46. Л. 1 (далее: АНО).

² Слабые профессиональные знания, недостаточная политическая подготовка и низкий уровень общей культуры значительной части оперативного состава органов госбезопасности были предметом обсуждения и самокритики на совещаниях и партийных собраниях. (См., например: АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 70; Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области». Ф. 291. Оп. 2. Д. 326. Л. 41).

выполняли чужую преступную волю. Многие сотрудники органов государственной безопасности считали себя частью вооруженного отряда партии и не сомневались, что действуют в её и народа интересах. Во имя этого нарушалась законность, её заменила политическая и экономическая целесообразность.

Что ныне считается деформацией политической культуры и правового сознания, в 20-е – 30-е годы XX века было распространенным явлением и соответствовало уровню политической культуры и правосознания в советском обществе того времени в целом. Кроме того, существует и другое обстоятельство: в те годы жестоко искоренялось не только любое несогласие с генеральной линией коммунистической партии большевиков, но подавлялось любое сомнение в соответствии карательной политики государства реальной обстановке. Наличие подобных настроений у сотрудников госбезопасности рассматривалось как серьезный изъян в их идейно-политической безупречности. Нацеленность органов госбезопасности вовнутрь привела к тому, что в сознании сотрудников оперативная обстановка деформировалась, представление о реальном противнике искажалось. Все это при современных оценках персонального участия сотрудников органов госбезопасности в политических репрессиях тех лет следует учитывать особо.

Источники использованная литература :

1. Стенограмма совещания начальников отделов, райотделов, горотделов при начальнике Управления НКВД по Горьковской области 23 декабря 1940 г. // Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области. Ф. 23. Оп. 6. Д. 46.
2. Протокол № 2 совещания заместителей наркома авиационной промышленности СССР «О ходе выполнения указаний товарища Сталина по выпуску 50 самолетов в день» от 17 июня 1941 года // Российский государственный архив экономики. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 485.
3. Стенограмма оперативного совещания начальников городских и районных отделов и отделений Управления НКВД по Горьковской области 8-10 января 1942 года // Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48.
4. Протокол № 5 партийного собрания партийной организации экономического отдела Управления НКВД по Челябинской области от 25 апреля 1942 г. // Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области». Ф. 291. Оп. 2. Д. 326.
5. *Ванников Б.Л.* Записки наркома // Знамя. – 1988. № 2.
6. *Грабин В.Г.* Оружие победы. – М.: Политиздат, 1989.
7. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1969.
8. *Куйбышев В.В.* Избранные произведения: в 2-х т. – М.: Политиздат, 1988. Т. 1.
9. *Новиков В.Н.* Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. – М.: Политиздат, 1988.
10. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи: в 2-х т. – М.: Политиздат, 1988. Т. 2.
11. *Шахурин А.И.* Крылья победы. 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1990.
12. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. И.Т. Голякова. 3-е изд. перер. и доп. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1943.

Demidov A.M.

Organs of state security as an instrument of punitive state policy in the sphere of economy of the USSR (during 20s – 30s of the 20th century)

In 1920s – 1930s, a punitive policy of the USSR by leadership of the country has been adapted to the economic needs of the state. Public security organs have been used as a tool of penal policy. In the form of the struggle against counter-revolutionary crimes this organs have contributed to the implementation of approaches of the country's leaders in the field of economy.

Keywords: bodies of state security; industrialization; anti-Soviet manifestations; punitive policy of the state; counter-revolutionary crimes; repression.

«ВРЕДИТЕЛЬСТВО» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х гг. XX ВЕКА¹

«Экономическая контрреволюция» и феномен «вредительства» конца 20-х – начала 30-х гг. XX века рассматриваются в настоящей статье как инструменты политической борьбы, укрепляющие личную власть И.В. Сталина. Известно, что показания обвиняемых инженеров, проходящих по делу «Промпартии» 1930 г., широко использовались в публичных докладах отдельными представителями советской партийной элиты ещё до суда и вынесения приговора обвиняемым. Целью настоящей статьи является анализ публичных выступлений советских политических деятелей, которые столкнулись с необходимостью давать объяснения «вскрытому вредительству». Особенное внимание уделяется выявлению выбираемой каждым политическим деятелем тактики в данном вопросе.

Ключевые слова: «вредительство», «экономическая контрреволюция», политическая элита.

В научных исторических публикациях последних лет изучению феномена «вредительства» (здесь и далее данный ключевой термин нами закавычен, учитывая природу его использования в сталинской политике и практике) уделено значительное внимание. В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что использование идеологема «вредительства» в конце 1929 – начале 1931 гг. стало одним из ключевых для укрепления личной власти Сталина: это помогало объяснить экономические трудности индустриализации, обозначать противников режима, тем самым их стигматизируя, а также осуществлять необходимую кадровую политику, отстраняя от рычагов управления одни группы, и привлекая другие. Целью данной статьи является рассмотрение специфического аспекта внутриэлитной борьбы, связанного с использованием в ней показаний арестованных по обвинению во «вредительстве» специалистов, как правило, в условиях ещё не завершившегося следствия, то есть до вынесения приговора. Очевидное здесь нарушение уголовно-процессуальных действий только подчеркивало приоритет политической злободневности перед нормами права.

Во второй половине 1930 – начале 1931 гг. идеологема «вредительства» приобрела в пропаганде особое звучание. Это было связано с подготовкой и проведением показательного судебного процесса над группой научно-технической интеллигенции, известного как «дело «Промпартии»». Аресты интеллигенции с обвинениями во «вредительстве» в разных отраслях промышленности начали проводиться органами ГПУ со времени предшествовавшего этому «Шахтинского дела» (весна 1928 г.) и затем приняли массовый и устойчивый характер. Новым явилось то, что показания арестованных учёных, инженеров, управленцев, полученные на этапе предварительного следствия стали использоваться публично – в докладах, открытых выступлениях, в том числе и в выступлениях высшей партийной номенклату-

---

Маслова Анжелика Игоревна – магистрант Новосибирского государственного университета.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 14-01-00101а).

ры накануне, во время и после XVI Съезда ВКП (б).

«Вредительские показания» до проведения судебного процесса были известны в среде высшей партийной номенклатуры, а также отдельным руководителям хозяйственных органов (Г.М. Кржижановскому) и некоторым из доверенных лично Сталину (М. Горькому). Сталин стал использовать метод широкой рассылки размноженных протоколов допросов арестованных «спецов» не без оснований. В них всё чаще стали упоминаться номенклатурные работники не только среднего, но, чем дальше, и более высокого ранга. Тем самым формировалось представление о влиянии «вредителей» на руководящие круги. Это способствовало тому, что феномен «вредительства» становился еще более многоликим и опасным. Острота ситуации возросла ещё более, когда «показания» «вредителей» начали использоваться в публичных выступлениях партийно-государственных деятелей. Каждый из представителей политической элиты, кто сталкивался с необходимостью объяснять «вредительство», использовал показания арестованных, преследуя уже собственные цели, поскольку для одних это был своего рода «шаг вперед» по карьерной лестнице, в то время как другие вынуждены были принимать диктуемые правила игры, возможно отдавая отчёт в том, какова цена этих «показаний». Сталинская идеология «вредительства» как особая форма классовой борьбы по определению, прямо или косвенно, ставила под удар хозяйственную номенклатуру страны. Очевидно также и то, что по мере того, как сталинское ГПУ наращивало сведения о «плановом вредительстве» во всех отраслях промышленности, производя аресты и допросы видных специалистов, занимавших, как правило, значимые должности в руководстве Госплана, ВСНХ и других хозяйственных наркоматов, действующее руководство данных структур вынуждено было избирать собственную тактику действий.

Имеющиеся в распоряжении исследователей сегодня следственные материалы по делам о «вредительстве» (впоследствии ставшие основой «дела “Промпартии”») – протоколы допросов обвиняемых – позволяют выявить то, насколько адекватно их содержание отражалось в публичных докладах и выступлениях деятелей властной элиты. Сопоставление фрагментов текстов протоколов допросов с их использованием в текстах публичных выступлений / докладов партийно-государственных деятелей показывает, что каждым из них действительно использовалось прямое / неискаженное цитирование отдельных фрагментов тех или иных показаний арестованных. Другое дело, насколько ангажированными и вынужденными являлись эти протокольно оформленные показания. Кроме того, очевидно действовал принцип выборочного цитирования той их части, которые выгодно укладывались в формат конкретного публичного выступления.

Взятый Сталиным курс на «вскрытие» «экономической контрреволюции» отразился на деятельности и положении одной из авторитетных фигур периода ленинского руководства страной – председателе Госплана СССР, академике Глебе Максимилиановиче Кржижановском (1872-1959). Сама структура Госплана являлась его «детищем» – он стоял у его основания в начале 20-х гг. XX века. Произведённые чекистами аресты сотрудников хозяйственных и плановых структур конца 1929 – начала 1930 гг. поставили Кржижановского перед необходимостью одному из первых в составе действующего руководства давать объяснение «вскрытому»

ся вредительству».

В начале 1930 г. в центральном издании ВКП (б), в газете «Правда», появляется статья Г.М. Кржижановского «Вредительство как оно есть»¹, где действующий председатель Госплана СССР, оперируя уже добытыми к тому времени органами ОГПУ показаниями арестованных инженеров, излагает собственный взгляд по данному вопросу. В первой части данного очерка Кржижановский задаёт вопрос об истоках и средствах «вредительства», выявляет его историческую закономерность, лаконично вписывая данный феномен в теорию классовой борьбы. Одновременно Кржижановским формулируется положение, имеющее принципиальное значение, а именно: «вредительство» и «вредительская тактика» напрямую зависели от международной обстановки (имея в виду под «международной обстановкой» притязания иностранного капитала на экономические выгоды от концессий, а также желание бывших владельцев российских заводов, находящихся за границей, вернуть былое положение). «Вредительство», таким образом, выступило в качестве инструмента в руках «бывших собственников» и иностранных капиталистов, который давал возможность внесения разлада в экономику СССР и способствовал последующему открытию концессий. В подкрепление данного положения Кржижановский использует фрагменты из известных нам в полном объёме показаний крупных специалистов и организаторов отечественной промышленности С.А. Хренникова от 1 ноября 1929 г. и К.Ф. Неймайера от 4 ноября 1929 г., в которых арестованные действительно «сознавались» в связях с бывшими собственниками и в проведении по их указу вредительских актов с целью вынуждения советского правительства пойти на соглашения о концессиях², что способствовало бы возрождению частной собственности и вливанию иностранного капитала в советскую экономику. В данном случае Кржижановский использует показания обвиняемых без искажения их смыслового содержания (проблема в том, каким образом чекисты получали эти признания). С этой точки зрения более показательна вторая часть очерка³, где автор, развивая тезис о влиянии международного фактора на тактику «вредителей», проводит мысль о том, что неудавшаяся в реализации «концессионная тактика» заставила переориентироваться бывших собственников, а значит, и работавших по их указу «вредителей», на более эффективную тактику «планового вредительства», которая неизбежно повлекла бы за собой хаос и кризис в экономике, став тем самым прологом иностранной интервенции. «Новая установка на подготовку поражения СССР в будущей войне получала применение по линии всех вредительских организаций»⁴, – пишет Кржижановский, объясняя «вредительство» уже как инструмент в осуществлении военного замысла капитализма в отношении СССР, а связь бывших собственников и верхушки инженерства – общностью их «буржуазной» идеологии и соответствующих ей политических устремлений к свержению советской власти. Такая постановка вопроса в значительной степени позволяла самому председателю Госплана отвести от себя политические подозре-

---

¹ Кржижановский Г. Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 11 февраля.

² Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 6, 39 (далее: АП РФ).

³ Кржижановский Г. Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 12 февраля.

⁴ Там же.

ния со стороны партийного руководства, переложив их на главных врагов – «интервентов». В итоге получалось, что Кржижановский избрал тактику, при которой с помощью одной идеологемы («интервенционизм») стало возможным дать объяснение другой («вредительство»). Возможно, подобная трактовка могла даже импортировать Сталину, поскольку прямая дискредитация Госплана – на протяжении многих лет главного планирующего органа в экономике СССР – могла напрямую поставить вопрос о целесообразности существования плановой экономики в стране и верности действий нынешнего / сталинского руководства. Очевидно, то, о чём Сталин напишет в письме Менжинскому в начале октября 1930 г. (имеется в виду предложение Сталина сделать «интервенционизм» одним из самых важных узловых пунктов будущих показаний «руководителей» «ТКП», «Промпартии»¹), Кржижановский даже в некотором смысле невольно предвосхитил, когда писал «Вредительство как оно есть».

Однако, как уже отмечалось выше, текст второй части рассматриваемого очерка является показательным с точки зрения того, на какой основе и в каких целях автор использует показания обвиняемых. Доказывая, что антисоветски настроенная «верхушка старого инженерства» ведет подготовку войны против СССР, Кржижановский использует показания инженеров С.А. Хренникова и А.И. Белоножкина. Однако анализ судебно-следственной документации показывает, что на момент начала 1930 года никто из привлеченных к «вредительским делам» не давал показаний о подготовке интервенции и о «плановом вредительстве». Все показания арестованных на тот момент инженеров сводились к признанию: а) связи с «бывшими хозяевами»; б) отдельных «вредительских актов», нацеленных на открытие советским правительством концессий. Единственное, Кржижановский использует в своём очерке фрагмент из показаний Хренникова, где последний признает себя виновным в шпионаже против советской власти.² Полным текстом именно этих показаний Хренникова мы не располагаем, однако следует предположить, что данное признание было сделано подследственным в виду ухудшающегося состояния его здоровья – через два месяца после того, как Хренников начал давать показания, он скончался в тюрьме, в конце декабря 1929 года. Остальные подсудимые (Белоножкин, Неймайер, Стырикович) признавали, в сущности, только отдельные «вредительские акты». Об этом же свидетельствует письмо Г.Г. Ягоды и Г.Е. Прокофьева в ЦК ВКП (б) о результатах следствия по делу «контрреволюционной организации в металлопромышленности» от 6 ноября 1929 г., из которого ясно, что за последнее время были получены сведения о деятельности «контрреволюционной организации» (т.е. непосредственно информация о её возникновении, тактике и вредительских актах) и связи Хренникова с агентами английской разведки.³ Следовательно, в феврале 1930 года следствие ещё не располагало показаниями обвиняемых о подготовке военной интервенции против советского правительства (такие показания появятся гораздо позднее и будут получены от других арестованных учёных и инженеров). Осознавая данный факт и претендуя на убедительность сво-

¹ См. публикацию письма в: Коммунист. – 1990. № 11. С. 99–100.

² Кржижановский Г. Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 12 февраля.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 353. Л. 2, 2 об.

ей точки зрения, Кржижановский, наряду с показаниями формально ещё не осужденных обвиняемых, широко использует показания В.С. Михайлова и В.Н. Деханова, расстрелянных в октябре 1929 г. по «делу о вредительстве в Главном управлении военной промышленности». Упомянутые показания сосредотачивались на таких вопросах, как подготовка войны против СССР, стратегические планы военных действий, военный шпионаж, целенаправленное снижение обороноспособности Союза. Именно в такой «военизированный» контекст встраивались фрагменты из показаний Хренникова, где тот признавался в якобы имевшем место быть шпионаже против советского правительства. Кроме того, здесь же Кржижановским приводился наиболее характерный фрагмент из показаний Белоножкина, где обвиняемый утверждал, что «вся программа индустриализации страны могла потерпеть крушение».¹ Однако Белоножкин говорил это, опять же, с привязкой к осуществлению «вредительских актов»², а не в контексте того, что были стремления к снижению обороноспособности и подготовке войны против Советского Союза, как это преподносилось в газетном очерке «Правды».

Таким образом, целенаправленное изменение смыслового контекста при использовании показаний обвиняемых позволило Кржижановскому в феврале 1930 года дать собственную версию об истоках и целях «вредительства». В целом же его очерк основан на использовании уже известных мифологем и в значительной части на показаниях уже репрессированных к тому моменту инженеров. Отсюда можно делать вывод о характере самого очерка – с одной стороны, он претендовал на всестороннее объяснение феномена «вредительства», с другой – это был своего рода «взгляд со стороны», и Кржижановский выступал при изложении фактов как бы от третьего лица.

Ситуация несколько меняется в апреле 1930 года. Из постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 апреля известно, что Кржижановскому, как и всем членам ЦК и ЦКК, было разрешено присутствовать при проведении допросов арестованных инженеров.³ Данный запрос, судя по тексту протокола Политбюро ЦК ВКП (б) был сделан самим Кржижановским. Сопроводительных документов (текста заявления Кржижановского) к данному постановлению в архивном деле нет. Но со значительной долей вероятности можно предположить, что председатель Госплана проявил подобную инициативу в свете недавнего ареста одного из своих подчинённых – В.А. Ларичева, арестованного 20 марта 1930 года и занимавшего до ареста должность председателя топливной секции Госплана, а также входившего в состав его президиума. По всей видимости, Кржижановский рассчитывал, что может каким-то образом повлиять на привлечение Ларичева к «вредительскому делу» – подобные случаи, когда руководителям крупных государственных учреждений удавалось отстаивать своих подопечных перед арестами чекистов, известны. Однако тогда, в виду приоритетности расследования «экономической контрреволюции», этого добиться не удалось.

---

¹ Кржижановский Г. Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 12 февраля.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 22, 23, 24.

³ Российский государственный архив социальной-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 783. Л. 1 (далее: РГАСПИ).

Положение Г.М. Кржижановского ещё более усложнилось, когда в руки чекистов в конце августа 1930 года, попал директор Теплотехнического Института, профессор Л.К. Рамзин. С первых же допросов он начал давать показания, оговаривая себя и других подследственных, признав себя руководителем мифической «Промпартии». Это позволило чекистам в короткий срок выстроить единую версию обвинения и провести показательный судебный процесс в конце ноября – начале декабря 1930 года. Поэтому после ареста Рамзина, показания всех других подследственных (Ларичева, Чарновского, Калининкова) будут представлять собою стройное повествование о якобы осуществлявшемся вредительстве и активной подготовке интервенции силами «Промпартии».

Показания Рамзина имели прямое отношение к личности Кржижановского. В сентябрьских показаниях, в части «Персональная связь с отдельными коммунистами», Рамзиным указывалось на содействие Кржижановского мероприятиям «вредителей»: «Ярким показателем полного пленения Г.М. Кржижановского промпартией является, например, *первая куца 5-летка Госплана* (выделено нами – А.М.). Персональные тесные связи с Г.М. Кржижановским промпартия осуществляла через Ларичева, Рамзина, Калининкова, Осадчего, Горева, Рабиновича, а в первое время и Пальчинского».¹

Таким образом, данные Рамзиным показания бросали тень уже непосредственно на самого председателя Госплана СССР, что неизбежно поставило Кржижановского перед необходимостью давать объяснения во второй раз – и не с позиции «стороннего наблюдателя», как это было в феврале, а уже находясь под угрозой стать «пособником вредителей». Незадолго до суда над «Промпартией», 19 ноября 1930 года, Г.М. Кржижановский выступает с докладом «Вредительство в энергетике»² на заседании секции техники Коммунистической академии, вскоре оперативно опубликованным. Автор даёт информацию о состоянии приоритетной в 1930 году отрасли промышленности, объясняя медленные темпы развития энергетике действиями «вредителей». Официально цель рассматриваемого доклада состояла в том, чтобы «проследить методы и приёмы борьбы вредителей и сделать надлежащие выводы для борьбы в грядущем».³ Однако те вопросы, которые ставились Кржижановским и те показания обвиняемых инженеров, на которые он многократно ссылался при этом, сами за себя говорят: номенклатурное положение председателя Госплана СССР стало гораздо более сложным, соответственно, цели его выступления не сводились только к продекларированным выше.

Конечно, Кржижановский знал о том, что во «вредительских» показаниях он фигурирует в качестве проводника планов «экономической контрреволюции». Он даже вскользь ссылается на ту часть показаний Рамзина, где допрашиваемый говорил о минималистской «*“куцей” пятилетке Госплана*»⁴, правда, не называя своего имени. Следовательно, цель доклада Кржижановского состояла не только в том, чтобы проследить методы и приемы борьбы вредителей и сделать надлежащие вы-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 125.

² *Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике // Плановое хозяйство. – 1930. № 10–11. С. 5–26.*

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

воды, как это было заявлено, но имелась ещё завуалированная цель «самооправдания» себя как председателя Госплана СССР. Для этой же цели в конце доклада «Вредительство в энергетике» Кржижановский приводит соответствующие цитаты из своих ранних докладов, которые могли доказывать его непричастность к мифической «Промпартии».¹ Тем не менее, он был отправлен в отставку вскоре после завершения процесса «Промпартии».

В докладе Кржижановский также опирается на показания других обвиняемых на процессе «Промпартии» – В.А. Ларичева, Н.Ф. Чарновского и др., широко цитируя их содержание. Как правило, им приводились многочисленные примеры «вредительской деятельности» каждого их обвиняемых для того, чтобы показать, какой урон экономике Советского Союза принесло «вредительство» – при этом содержание самих показаний Кржижановским передавалось верно, без искажений. Другое дело, что и сами показания подследственных (после «признаний» Рамзина) не входили в противоречия между собой, отражая единую, заданную чекистами версию.

Однако обращение Кржижановского к самым ранним показаниям обвиняемых, когда безоговорочных признаний «вредительства» следствие ещё не добилось, не позволило ему избежать некоторого искажения их содержания. В одном из мест своего выступления Кржижановский касается самого важного и компрометирующего его положения – был ли Госплан превращен в «штаб вредительской политики», как об этом говорилось в показаниях инженера В.А. Ларичева, занимавшего до ареста руководящую должность в структуре Госплана СССР. На поставленный вопрос Кржижановский вынужден давать ответ в наиболее выгодном для собственного положения свете, привлекая показания В.А. Ларичева от 17 мая 1930 г., где обвиняемый, как утверждает Кржижановский, сознавался в целенаправленном разрыве между работой ВСНХ и Госплана.² По мысли Кржижановского, необходимо было создать единый мощный энергоцентр, против чего якобы вели свою деятельность «вредители», в частности сам Ларичев. Кржижановский говорит: «Я невольно вспоминаю при этом свой совместный провал с т. Куйбышевым при выступлении на эту тему в одном специальном заседании президиума ВСНХ – мы, конечно, не отдавали себе тогда отчёта, что против нас действовали сплоченные силы вредителей».³

В действительности же в своих показаниях от 17 мая Ларичев не сознавался в целенаправленном разрыве между ВСНХ и Госпланом, а, скорее, констатировал факт несогласованности действий этих ведомств.⁴ Показания, о которых идёт речь, – были одними из первых показаний обвиняемого, в которых он хотя и признавался в содеянном им «вредительстве», но ещё не следовал версии чекистов безоговорочно, как это будет позднее, а, скорее, делал попытку объяснить низкое качество управленческих решений в топливной сфере. Об этом говорят его более ранние показания от 5 мая 1930 г.: «С начала 1929 г. я окончательно порвал со всем старым

---

¹ Кржижановский Г. М. Вредительство в энергетике. С. 25–26.

² Там же. С. 16.

³ Там же.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 62, 63.

и всякой вредительской работой, в частности в последний год я решил по иному построить работу, которой я руководил, тем более, что вокруг топливных проблем накопилось очень много сложных вопросов. Я, с согласия [Г]. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, с октября м-ца 1929 года начал организацию и подготовку Всесоюзной Топливной конференции с привлечением самой широкой советской общественности, с помощью которой всего легче вскрыть все больные места и остатки вредительской деятельности в топливном хозяйстве страны».¹ Подобное высказывание выражает не только стремление Ларичева отмежеваться от «вредительства», но отражает в определенной степени собственный взгляд Ларичева, на решение «болезненных проблем» отрасли. Таким образом, первые показания Ларичева ничего не говорили о внесении лично им разрыва в работу ВСНХ и Госплана СССР. В показаниях от 17 мая он, как уже бывший руководитель топливной секции Госплана был солидарен с Кржижановским в том, что отсутствие должного уровня взаимодействия между двумя учреждениями отрицательно сказывалось на работе.

Таким образом, анализ доклада Кржижановского «Вредительство в энергетике» в соотношении с материалами следственного дела позволяет прийти к выводу, что избранная им тактика «самооправдания» за счёт полного признания «могущественного» «вредительства» была, скорее, вынужденным шагом, особенно в свете последовавшего незадолго до этого ареста его заместителя, проф. П.С. Осадчего.

С помощью массированной кампании по борьбе с «экономической контрреволюцией» был поставлен в критическое положение один из основных политических противников Сталина – Алексей Иванович Рыков (1881-1938). В уже упомянутых показаниях Рамзина он фигурирует в качестве политического союзника мифической «Промпартии»: «*А.И. Рыков*, как яркий представитель правого уклона и как председатель СТО и СНК Союза, естественно, являлся центральной фигурой, с которой промпартия прежде всего должна была установить контакт. Осуществление последнего сильно о[б]легчалось готовностью А.И. Рыкова к персональному обсуждению основных вопросов с видными представителями инженерства, входящих в промпартию».² Отчётливо осознавая непрочность своего положения на высоком посту, Рыков делает ставку на безоговорочную поддержку линии Сталина в разоблачении «вредительства» «старых буржуазных» спецов. Этой позиции отвечает его февральское выступление перед инженерством. В феврале 1930 года газета «Экономическая жизнь» публикует открытый доклад А.И. Рыкова на общегородском собрании инженерно-технических и научных работников, состоявшегося 16 февраля 1930 года.³ Основная цель доклада – доведение до инженерства основных задач, в числе которых приоритетной виделась задача перерождения инженерства, создания «нового класса» инженеров, или инженерно-технических специалистов (ИТС). Исполнение данной цели не могло быть достигнуто без упоминания «вредительствующих группировок». А.И. Рыков упоминает в своём докладе имена и показания инженеров, осужденных по делу СВУ 1929 г. (Ефремов и др.), приводя

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 56.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 122.

³ *Рыков А.И.* Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Экономическая жизнь. – 1930. 20 февраля.

многочисленные примеры их «вредительских» актов. Среди прочих им приводится небольшой отрывок из показаний С.А. Хренникова от 1 ноября 1930 г.¹, где последний говорил о связи с бывшими собственниками и концессионной тактике «вредительства», но широкой интерпретации показаниям Хренникова Рыков не давал, приводя их, скорее, для создания общего негативного образа врага-вредителя.

Всеми средствами Рыков стремился провести грань по принципу «свой – чужой» в среде инженерно-технических специалистов, используя показания «вредителей» с довольно острой интонацией, в сравнении, например, с докладом Яна Эрнестовича Рудзутака (1887-1938)² на аналогичную тематику. Рудзук также затрагивал проблему «вредительства» и использовал показания обвиняемых инженеров, но в его выступлении больше места уделялось более абстрактным размышлениям о роли инженерства на новом этапе «социалистического наступления», его значимости в противостоянии капитализму. Доклад же Рыкова был наполнен резкими характеристиками в адрес отдельных инженеров, что в сочетании с такими эпитетами, употребляемыми автором применительно к «старым спецам», как «политическое болото», «маскарад» и др., говорило о показательном негативном восприятии им происходящего. В попытке отмежеваться от отведенной ему Сталиным роли «правоуклониста» Рыков подчёркивает своё участие в содействии раскрытию «вредительства». В конце доклада он отмечает: «Когда разматывались эти вредительские нити, я и другие неоднократно получали жалобы на то, что среди технического персонала производятся аресты и это затрудняет работу.<...> Этим жалобам мы не вняли и дали ОГПУ противоположный совет – арестовывать каждого, кто уличен во вредительстве».³ Однако такая позиция не помогла Рыкову, с осени 1930 года Сталин вёл борьбу с политическим противником уже открыто – действующий председатель СНК СССР причислялся к лидерам «правого уклона» и фигурировал в «деле «Промпартии»» как «проводник» идей «контрреволюционной организации». В результате вскоре после завершения показательного судебного процесса, 19 декабря 1930 года А.И. Рыков был смещён со своего поста и выведен из состава Политбюро ЦК ВКП (б).

Показательным в контексте политической борьбы в «верхах» является карьерный взлет Г.К. Орджоникидзе, который был намечен Сталиным на пост главы ВСНХ СССР и занял его ещё до показательного судебного процесса по «делу «Промпартии»». В июле 1930 года на XVI Съезде ЦК ВКП (б) Орджоникидзе в качестве руководителя ЦКК – РКИ посвящает часть своего доклада актуальной теме «вредительства» в государственном аппарате.⁴ Следует предположить, что при выступлении по данному вопросу, Орджоникидзе, как и другие представители властной советской элиты, находился в положении, когда необходимо было дать собственную оценку «вредительству». Будучи сторонником Сталина, Серго Орджони-

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 8.

² Рудзук Я.Э. Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Экономическая жизнь. – 1930. 4 марта.

³ Рыков А.И. Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Экономическая жизнь. – 1930. 20 февраля.

⁴ Орджоникидзе Г.К. Отчет ЦКК – РКИ XVI Съезду ВКП (б). Борьба с бюрократизмом и перестройка соваппарата // Правда. – 1930. 5 июля.

кидзе всё же не был заодно с ним в делах, подобных массовому «разоблачению вредительства». В труде С. Шаттенберг Орджоникидзе небезосновательно назван «покровителем инженерства» на протяжении всех 30-х гг. XX века, и одновременно автором констатируется тот факт, что намерение Сталина заставить Орджоникидзе вновь, уже в 1937 году, выступить с докладом о «вредительстве» было для него неприемлемым и, возможно, имело роковое значение.¹ Но летом 1930 года в докладе на XVI Съезде при характеристике «вредительства» Орджоникидзе солидаризировался с чекистскими трактовками о его широком распространении. Он останавливается вначале на конкретных фактах «вредительства», цитируя показания арестованных инженеров Стыриковича, Калганова, Стрижева и Ларичева. Вместе с тем в конце своего выступления Орджоникидзе переносит акцент на критику деятельности коммунистов, хозяйственных руководителей: «Нужно только удивляться тому, что имея во главе промышленности в руководящем составе 75–80% коммунистов, мы не сумели воспрепятствовать вредительству принять такие громадные размеры».² Следуя этой логике, Орджоникидзе использует фрагменты из показаний Стрижева и Ларичева. Если приводимые фрагменты из показаний Стрижева отражают суть той проблемы, о которую ставил Орджоникидзе, то показания Ларичева отвечали цели Орджоникидзе в меньшей степени. Имеется в виду небольшой по объёму фрагмент из показаний Ларичева от 17 мая 1930 г., где обвиняемый лишь вкратце описывает организационный момент – как согласовывались вредительские планы.³ Ключевым же вопросом в данных показаниях Ларичева являлось описание «вредительской деятельности» в Госплане СССР и каменноугольной промышленности Донбасса и Кузбасса. Но поскольку Орджоникидзе выступал в тот момент с позиции руководителя ЦКК, то сообразно своей должности он видел причину «вредительства» в низком уровне партийной бдительности спецов-коммунистов, которая исходила от низкого их профессионализма. Проблеме недостаточного уровня профессионализма коммунистов посвящалась подготовленная руководством ОГПУ брошюра «Материалы к отчету ЦКК ВКП (б)», распространенная среди делегатов XVI Съезда и вызвавшая у части из них негативную реакцию. Таким образом, можно сказать, что Г.К. Орджоникидзе занимал достаточно реалистическую позицию по отношению к «вредительству» – если случаи вредительских актов в действительности могли быть столь масштабными, как это доказывалось ОГПУ, то только при условии низкой квалификации коммунистических кадров в руководстве экономикой.

Таким образом, начавшаяся с Шахтинского процесса весной 1928 года перманентная кампания борьбы с «экономической контрреволюцией» и связанным с ней «вредительством» стала важным фактором, влиявшим на расстановку в «верхах», и в 1930 году уже напрямую затрагивала позиции ряда представителей правящей элиты. Следует отметить, что «вредительство» как массовое явление признавалось всеми, равно как признавалась определенная доля ответственности за это со сторо-

---

¹ Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М. 2011. С. 360 – 365.

² Орджоникидзе Г. К. Отчет ЦКК – РКИ XVI Съезду ВКП (б). Борьба с бюрократизмом и перестройка соваппарата // Правда. – 1930. 5 июля.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 72.

ны коммунистов – хозяйственных руководителей. Тем самым партийное руководство принимало «правила игры», диктуемые Сталиным, однако каждым персонально избиралась собственная тактика. Публичное выражение абсолютной поддержки сталинской версии «вредительства» как новой формы «обострившейся классовой борьбы» в одних случаях влекло за собой элементы «самокритики» собственных действий (Г.М. Кржижановский), в других – стремление обличать «вредительство» в целях политического выживания (А.И. Рыков), в третьих – наступать в двух направлениях – как против «вредителей», так и тех управленческих кадров из числа самих коммунистов, которых «спецы» «околпачивали»¹ – таков спектр тактических позиций, которые проявились в верхнем эшелоне власти, когда «вредительский» феномен оказался инструментом во внутриэлитной борьбе.

Источники и использованная литература:

1. АП РФ – Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353.
2. *Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике // Плановое хозяйство. – 1930. № 10–11. С. 5–26.
3. *Кржижановский Г.М.* Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 11 февраля.
4. *Кржижановский Г.М.* Вредительство как оно есть // Правда. – 1930. 12 февраля.
5. *Орджоникидзе Г.К.* Отчет ЦКК – РКИ XVI Съезду ВКП (б). Борьба с бюрократизмом и перестройка соваппарата // Правда. – 1930. 5 июля.
6. Письма Сталина Молотову / И.Н. Китаев, А.П. Кошелева // Коммунист. – 1990. № 11. С. 94–107.
7. *Рудзутак Я.Э.* Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Экономическая жизнь. – 1930. 4 марта.
8. *Рыков А.И.* Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Экономическая жизнь. – 1930. 20 февраля.
9. *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 478 с.

Maslova A.I.

«Wrecking» as a political struggle instrument during late 20s – early 30s of the 20th century

«Economic counter-revolution» and the phenomenon of «wrecking» related with it are being considered as a political instruments which strengthened Stalin's authority during late 20s – early 30s of the 20th century. It is known that the testimony of the accused engineers involved in the case of “Prompartia” of 1930 had been widely used by some members of soviet political elite even before the trial and the adjudgement. The aim of this paper is to analyze public speeches of soviet political elite in a situation when they had to give an explanation of the «disclosed wrecking». The author attends conversation tactics chosen by each member of soviet political elite.

Keywords: «wrecking», «economic counter-revolution», political elite.

---

¹ *Орджоникидзе Г.К.* Отчет ЦКК – РКИ XVI Съезду ВКП (б). Борьба с бюрократизмом и перестройка соваппарата // Правда. – 1930. 5 июля.

Гончаров Г.А.

ОТ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ К «ОГОСУДАРСТВЛЁННОМУ ТРУДУ»¹

Переход к новой экономической политике означал переход к свободному найму рабочей силы. На практике этот переход имел свои особенности: даже в условиях либерализации экономики государство не отказалось от идеи использования принуждения к труду. С конца 20-х гг. XX века в СССР формируется система «огосударствлённого труда», когда распределение рабочей силы осуществляется в интересах социалистического государства.

Ключевые слова: трудовая повинность, свободный труд, «огосударствлённый труд», новая экономическая политика, социалистическая индустриализация.

X съезд РКП (б), проходивший в марте 1921 года, объявил о переходе к новым формам управления народным хозяйством. Основные тенденции новой экономической политики в отношении формирования новых трудовых отношений сводились к переходу от снабжения народного хозяйства рабочей силой в порядке всеобщей трудовой повинности к свободному найму, увеличению размера реальной заработной платы с приближением её к прожиточному минимуму, развитию системы коллективных договоров. В новых условиях были распущены трудовые части. Они подлежали расформированию до 1 февраля 1922 года.² С «военным коммунизмом» было покончено, но остались главные его последствия – убеждение в ответственности не экономических, карательных и принудительным мер для решения производственных задач и практика исправительно-трудовых лагерей, получившая в 30-е гг. XX века ширококомасштабное применение.

В 1922 году был принят новый Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР, в котором советское государство оставило за собой право применять трудовую повинность при построении социализма. Статья 11 КЗоТ 1922 г. гласила, что в исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий) все граждане РСФСР могли привлекаться к труду в порядке трудовой повинности.³ За отказ от выполнения повинностей предусматривалось уголовное наказание. Ст. 78 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривала наказания за массовый отказ от выполнения повинностей; ст. 80 – за «неисполнение по взаимному соглашению возложенных законом на граждан работ и личных повинностей». В обоих случаях «подстрекатели, руководители и организаторы» подвергались лишению свободы на срок не менее одного года с конфискацией всего или части имущества (в первом случае) или с

Гончаров Георгий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

¹ Впервые опубликовано: Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны: Моногр. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2006. С. 71-83.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-486. Оп. 1 Д. 7. Л. 1; Д. 142. Л. 1, 2-4; Ф. Р-9560. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 (далее: ГАРФ).

³ Кодекс законов о труде РСФСР с постратейными разъяснениями / Под ред. Даниловой Е.Н., Стопани А.М. М.; Л., 1931. Ст. 11.

конфискацией или без конфискации оно (во втором случае). «Прочие участники» карались лишением свободы на срок не менее 6 месяцев или наложением имущественных взысканий не ниже двойного размера повинностей. Отказ от выполнения повинностей или производственных работ общегосударственного значения отдельными гражданами карался (согласно ст. 79) в первый раз – административным взысканием, а в случае «повторного и упорного» отказа – лишением свободы или принудительными работами на срок от 6 месяцев, или конфискацией всего или части имущества или наложением имущественных взысканий не ниже двойного размера повинностей. Ст. 126 предусматривала ответственность – принудительные работы на срок не ниже 1 недели – за трудовое дезертирство, то есть «уклонение от учёта или регистрации (органами), проводящими трудовые мобилизации, или от явки на работу, а равно самовольное оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации».¹ Появление этих статей означало только одно: государство оставляло за собой право в случае необходимости заменить принцип свободного найма рабочей силы всеобщей трудовой повинностью. Власть даже в условиях либерализации экономики не собиралась выпускать из своих рук контроль над рабочей силой.

Наглядно это нашло отражение в том, как советское государство решало судьбу бывших трудармейцев. На момент роспуска трудовых частей их насчитывалось не менее 75 000 человек.² Постановлением Совета труда и обороны (СТО) от 30 декабря 1921 г. предписывалось часть личного состава трудовых частей передать в Красную Армию, остальных оставить в распоряжении Наркомата труда. Военное ведомство вследствие продовольственного кризиса было не в состоянии принять всех трудармейцев в Красную Армию, а по политическим причинам не могло уволить в бессрочный отпуск ввиду нахождения их сверстников на действительной службе. Кроме того, снятие трудовых частей с работ повлекло бы за собой значительные издержки на хозяйственном фронте. С целью выхода из сложившейся ситуации для организации находящихся в ведении Наркомата труда военнообязанных было организовано Всероссийское объединение государственных рабочих артелей (ВОГРА).

Следует отметить, что это была одна из первых попыток создания государственной организации на базе бывших трудовых частей, которая была призвана собрать, организовать и планомерно распределить рабочую силу по тем или иным участкам социалистического строительства. Наркомат труда в своих разъяснениях советским и хозяйственным организациям неоднократно подчёркивал, что артели являются государственными, и никто, кроме государственного органа, в лице Наркомата труда, не мог использовать этот личный состав на трудовых заданиях, производить его дислокацию, распоряжаться его переброской на места работ и т.д. Государственные рабочие артели формировались как из военнотрудовых, ранее переданных в трудовые части, уволенных в бессрочный отпуск и оставшихся работать в качестве вольнонаёмных рабочих, так и из граждан, привлекаемых на основе

---

¹ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1994. С. 85, 92.

² ГАРФ. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 142. Л. 5.

личных договоров. Цель и задачи ВОГРА можно определить как «государственное контрагентство по удовлетворению основных отраслей народного хозяйства, организованный в артельные объединения массовой /валовой/ рабочей силой». В документах правления ВОГРА всячески подчёркивалось, что контрагентство несёт на себе печать государственности, т.к. оно имеет своей конечной целью не наживу, не прибыль, а наилучшую организацию применения массовой рабочей силы. Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) республики настоятельно рекомендовал всем хозяйственным органам обращаться к услугам ВОГРА и отдавать ему предпочтение перед частными предпринимателями в деле производства работ: «...Признавая Институт Государственных Строительных Артелей отвечающим реальным интересам народного хозяйства и основным принципам организации труда, противопоставленным деятельности частных предпринимателей, ВСНХ рекомендует всем ... обращаться к услугам указанного выше Строительного Управления ВОГРА и, при прочих равных условиях, предпочтительно перед частными предпринимателями передавать ему производство работ».¹

На местах руководители трудовых частей восприняли их перевод в новый статус трудовых артелей формально и оценивали его как простое переименование с сохранением старого организационного строения. Они не верили в то, что можно обойтись без принуждения в процессе работы. Не помогала даже разъяснительная работа правления ВОГРА. Ситуация стала меняться начиная с апреля 1922 года, когда был издан приказ Революционного военного совета республики (РВСР) за № 941/181 о демобилизации красноармейцев 1899 года рождения. Красноармейцы, состоявшие на учете в Наркомате труда, увольнялись в бессрочный отпуск. Весь красноармейский состав рабочих артелей был демобилизован. Демобилизованные могли оставаться в государственных артелях в качестве вольнонаемных рабочих.

Далее последовали вообще не понятные для бывших руководителей трудовых частей вещи. Они только стали привыкать к мысли, что трудовой армеец стал «государственным рабочим», а ЦИК уже рекомендует создавать не государственные артели, а трудовые артели на акционерных началах. В ноябре 1922 года постановлением СТО Всероссийское объединение государственных рабочих артелей было ликвидировано. Его правопреемником стало Российское акционерное общество строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ. Но и оно просуществовало не долго. Государство не могло допустить, чтобы процесс акционирования оказался вне контроля. Весной 1923 года начался процесс реорганизации общества в государственное строительное акционерное общество «Стандарт», акционерами которого стали исключительно государственные организации: Наркомат труда, Наркомат путей сообщения, Центральное управление социального страхования. Летом 1924 года процесс реорганизации был завершён. Все частные акционеры в один день вышли из состава общества. В соответствии с уставом общества владельцы акций не имели никаких прав на прибыль.² Рабочие государственных рабочих

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9560. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7, 11.

² ГАРФ. Ф. Р-9560. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 22, 26; Д. 3. Л. 1; Д. 18. Л. 16, 132; Российский государственный архив экономики. Ф. 382. Оп. 1. Д. 76. Л. 14; Ф. 514. Оп. 1. Д. 11. Л. 367; Д. 15. Л. 16, 25, 32об; Д. 36. Л. 9, 16 (далее: РГАЭ).

артелей стали рабочими государственного акционерного общества.

Российские исследователи, занимающиеся проблемой становления и развития трудовых отношений при социализме, отмечают, что, начиная со второй половины 20-х гг. XX в., советские и партийные органы начинают активно участвовать в процессе регулирования труда.¹ На наш взгляд, эта тенденция прослеживается уже в первой половине 1920-х гг. Она была связана с явлением, которое можно определить как «огосударствление» труда. Одним из первых его проявлений стала замена трудовых армейцев государственными рабочими. На этом фоне представляет особый интерес высказывание И.В. Сталина, сделанное им в ноябре 1926 года на XV партийной конференции ВКП (б). Говоря об использовании принудительного труда в период построения социализма, он отмечал, что «...мы пробовали этот путь в виде организаций трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы потом пошли к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьёмся в этой области решающих успехов».² К какой цели шло советское государство следует из контекста выступления И.В. Сталина – «одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности». А вот какими «обходными путями» к ней пошла советская власть, отказавшись от организации трудовых армий, он умалчивает.

Ответ на этот вопрос лежит в последующей практической деятельности советского государства в области регулирования трудовых отношений. В середине 1920-х гг. завершился период восстановления народного хозяйства. Переход к планово-социалистической экономике и директивной системе руководства, актуальные задачи хозяйственного строительства поставили на повестку дня вопрос рационального использования рабочей силы. С целью упорядочения её набора ЦИК и СНК СССР 4 марта 1927 г. принимают решение о проведении организованного набора (оргнабора) государственными органами. В то же время запрещалось привлекать рабочую силу через частных посредников или лиц, не получивших полномочия Наркомата труда. Оргнабор на практике осуществлялся путем заключения договоров организациями с колхозами, закрепления рабочих за предприятием на определённые сроки на основе контрактации.³ Соответствующие органы составляли разрядку по районам. Район доводил плановые задания до колхозов, которые автоматически заключали договора, не учитывая при этом интересов и умений самих колхозников. Колхозники прикреплялись к предприятиям, которые не могли покинуть, пока не закончится срок контрактации.

О масштабах набора рабочей силы свидетельствует циркуляр уральского областного отдела труда местным органам и их представителям в Челябинском округе: «...Для обеспечения промышленного строительства округа рабочей силой по-

---

¹ Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обозрение. – М., 2000. Вып. 4. С. 39-80; Бородин Л.И., Сафронова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа: формирование, системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обозрение. – М., 2000. Вып. 5. С. 23-46; Кудров В. Крах советской модели экономики. – М., 2000; Колганов А.И. Путь к социализму. Трагедия и подвиг. – М., 2000 и др.

² XV конференция ВКП (б). – М.–Л., 1927. С. 719; Сталин И. Соч. – М., 1952. Т. 8. С. 300.

³ Постановление ЦИК и Совнарком СССР «Об отходничестве» от 30 июля 1931 г.

требуется около 27 тыс. чел., эта потребность почти целиком должна быть удовлетворена путём переброски излишков рабочей силы из села».¹ Однако рабочей силы не хватало. Накануне осенней мобилизации 1931 года положение с трудовыми ресурсами было напряженным. Уральский совет, к примеру, отмечал, что, если в народное хозяйство региона привлечь все трудоспособное население, включая женщин, дефицит рабочей силы составит 106 тыс. человек.² Рабочей силы не просто не хватало, её требовалось с каждым разом всё больше. Это было обусловлено начавшейся индустриализацией. Подсчёты показывали, что на Урале в 1931 году для работы в промышленности требовалось 525 тыс., строительстве – 233 тыс., лесозаготовок – 240 тыс. человек.³

В этих условиях советское государство возвратилось к опыту периода «военного коммунизма» – использованию трудовой повинности и принудительного труда. На рубеже 20-30-х гг. XX века появился целый ряд законодательных актов, расширявших сферу использования труда граждан СССР, привлечённых в порядке трудовой повинности. В 1929 году Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено ЦИК автономных республик, край- и облисполкомам в необходимых случаях проводить в хлебозаготовительных районах платную гужевую повинность для подвозки хлеба к станциям железной дороги. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1929 г. устанавливалось, что содержание, ремонт и восстановление дорог местного значения (помимо ассигнований из местного бюджета и дорожного фонда) должно производиться путём привлечения населения к трудовому участию в их содержании. К работе привлекались проживавшие в сельской местности мужчины 18-45 лет и женщины от 18 до 40 лет. На строительстве дорог, ремонте мостов колхозник должен был отработать 6 дней в году, а единоличник – 12 (причём последние привлекались к выполнению государственных обязательств и трудовой повинности в первую очередь) со всем имеющимся у них рабочим скотом, транспортными средствами, инвентарем. В феврале 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР, разрешавшее ЦИКам автономных республик и краевым (областным) исполкомам вводить в лесозаготовительных и лесосплавных районах платную трудовую и гужевую повинность и т.д.⁴

Используя трудовую повинность как разновидность принудительного труда, советское государство в конце 20-е – 30-е гг. XX в. выделило отдельные категории населения СССР, для которых принудительный труд становится основным. Это коснулось тех слоёв населения, в которых советское государство видело врагов строительства социализма. От их «социальной опасности» зависела степень принудительности в деле организации труда. Наиболее «социально-опасные» категории

---

¹ Челябинская область 1917-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Челябинск, 1998. С. 140.

² Государственный архив Свердловской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 188 (далее: ГАСО).

³ Там же. Л. 532.

⁴ Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2642. Л. 22, 23, 29 (далее: ОГАЧО); Систематическое собрание законов РСФСР, действовавших на 1 января 1928 года (7 ноября 1917 – 31 декабря 1927 гг.) / Под ред. Я.Н. Бранденбургского. – М., 1930. Т. 3. С. 159; Кодекс законов о труде РСФСР с постанейными разъяснениями / Под ред. Е.Н. Даниловой, А.М. Стопани. – М.–Л., 1931. Ст. 97; Челябинская область: 1917–1945 гг. Сборник документов и материалов. – Челябинск, 1998. С. 163.

оказывались в лагерях, колониях и тюрьмах. Труд заключённых был включён в государственный план с ежегодным увеличением хозяйственных показателей. Возникла «спецотрасль» народного хозяйства – лагерный сектор социалистической экономики, включавший в себя многие виды экономической деятельности.

В уголовное и исправительно-трудовое законодательства стали вноситься изменения, направленные на более интенсивное использование труда заключённых. В мае 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР ввели новую норму в действовавший Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в соответствии с которой принудительные работы, как правило, должны были организовываться на лесозаготовках, стройках и предприятиях бесплатно. 11 июля 1929 года СНК СССР принял специальное постановление об использовании труда заключённых на Севере, Урале, в Сибири и Казахстане. 6 ноября 1929 года ЦИК и СНК СССР внесли изменения в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые в 1924 году. Впервые в советском законодательстве появился термин «исправительно-трудовой лагерь» (ИТЛ) и, соответственно, новый вид уголовного наказания. В апреле 1930 года СНК СССР принял «Положение об исправительно-трудовых лагерях», которое положило начало созданию новых лагерей и системы ГУЛАГа, превратившихся в начале 40-х гг. XX века в экономического монстра, монополизировавшего за счёт дешевой рабочей силы ряд отраслей промышленности. Местные органы власти считали принятое решение вполне своевременным и необходимым.¹ Вместе с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили БИРы («Бюро исправительных работ»), задачей которых являлось привлечение к принудительным работам осужденных лиц без лишения свободы. БИРы в регионах стали создаваться согласно постановлению ВЦИК и СНК от 21 мая 1928 г. Свою деятельность они развернули и на Урале. В Челябинской области, к примеру, было организовано Окружное бюро принудительных работ на правах самостоятельной части. В его обязанности входила организация различного рода предприятий по использованию труда осужденных лиц без лишения свободы, учёт их рентабельности и изучение местных условий, для охвата работой лиц, приговорённых к принудительным работам. Их труд использовался в сельской местности в маломощных крестьянских и красноармейских хозяйствах, на дорожных, мелиоративных и других работах, на заготовке топлива для школ, сельсоветов, изб-читален, больниц, детдомов и пр. Уральский облизполком на основе постановления ВЦИК и СНК от 26 февраля 1930 г. предоставил «право адморганам, ведающим принудительными работами, использовать труд принудиловцев, проживающих в сельских местностях, имеющих срок свыше трёх месяцев и не занятых на работах по месту своей прежней службы или работы, на групповых работах промышленности Урала».² Непригодные к физическому труду направлялись в госучреждения, где работали бесплатно.

Все эти мероприятия позволили привлечь дополнительную дешёвую рабочую

---

¹ *Рассказов Л.П.* Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // *Экономическая история: Ежегодник: 2002. – М., 2003. С. 273-274; Иванова Г.М.* ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // *СССР и холодная война. – М., 1995. С. 205.*

² ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2642. Л. 34; Д. 2681. Л. 1, 2, 5; Д. 3393. Л. 4.

силу, оказавшуюся под полным контролем государства, и создать трудовые формирования, сочетавшие элементы жесткой организации, производственной сферы, принуждения и централизованного управления. С началом сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса появился новый источник пополнения рабочей силой. Это были спецпереселенцы (раскулаченные, высланные за саботаж хлебозаготовок и нарушение паспортного режима в Москве и Ленинграде, задержанные на западных границах, осужденные «не особо социально-опасные» элементы на срок от 3 до 5 лет). На 1 января 1932 года численность спецпереселенцев составила около 1300 тысяч человек. Все они были размещены в спецпоселках. В отчётах ОГПУ указывалось на то, что цель создания таких поселений – «перевоспитание» и превращение их контингента в один из источников рабочей силы для промышленности. Это отразилось на их размещении. В докладной записке начальника комендантского отдела Уральской области председателю облисполкома о расселении ссыльных и кулаков от 8 марта 1931 г. прямо говорилось о том, что план порайонного расселения был построен исходя из необходимости использования основной массы спецпереселенцев на лесозаготовках, а в Тобольском округе – на рыбных промыслах. Они были размещены в 31 районе Уральской области, преимущественно, северных. Для их расселения было построено 115 посёлков. В северной части Урала было размещено 39250 семейств. Выселенных предполагалось использовать в трестах «Камуралтрест», «Уралмет», и «Рыбтрест».¹

В отличие от осужденных, спецпереселенцы в отношении условий и оплаты труда формально имели равные права с вольнонаемными. Вместе с тем, они не имели возможности сменить место жительства и работы, а также обязывались возратить займы, затраченные на первоначальное обустройство, и должны были отчислять 5% от заработной платы на содержание органов надзора и спецкомендатур. В марте 1931 года Уральский совет подготовил документ, в соответствии с которым прибывшие в спецпоселки становились на учёт и в целях рационального использования разбивались на пять групп. В группу «А» входили спецпереселенцы, годные к выполнению любых физических работ; в группу «Б» – способные к выполнению лёгких физических работ; в группу «В» включались негодные к физическому труду, но могущие быть использованными на внутрипоселковых работах; в группу «Г» – совсем негодные к физическому труду; группу «Д» – составляли дети в возрасте до 16 лет. За невыполнение работ и нарушение режима спецпереселенцев направляли в штрафные команды, а тех, кто продолжал упрямиться, направляли в концлагерь. Штрафникам зарплаты не полагалось, им предоставлялось питание из общего котла.² С учётом вышеизложенного можно говорить о том, что при организации их труда был использован опыт трудовых армий периода «военного коммунизма». Становится вполне понятным, почему с 1934 года спецпереселенцы стали официально именоваться трудпоселенцами. Это обозначение более соответствовало их прямому назначению.

---

¹ Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. № 10. С. 3; Земсков В.Н. Судьба кулацкой ссылки (1930 – 1954 гг) // Отечественная история. – 1994. № 1. С. 118; Базаров А.А. Кулак и агроулаг. – Челябинск, 1991. Ч. I. С. 252-273.

² Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. – М., 2004. С. 270.

В 30-е гг. XX века труд заключённых и лиц, ограниченных в правах, принял широкие масштабы. Как отмечал российский исследователь О. Хлевнюк, И.В. Сталин, выступая на июльском пленуме ЦК ВКП (б) в 1940 году, был вынужден признать, что треть рабочей силы на стройках на Севере, в отдаленных углах, на строительстве железных дорог, в лесу являлись уголовными элементами.¹ Но И.В. Сталин лукавил, осужденные работали не только на окраинах. Существуют многочисленные свидетельства их работы на «великих стройках» индустриализации. В 1938 году американский рабочий Дж. Скотт, работавший на строительстве Магнитогорского металлургического завода, сообщал в посольство США: «...В настоящее время группы людей, работающих в Магнитогорске принудительно, включают в себя: 25 тысяч так называемых «раскулаченных», которые всё ещё не имеют право покидать город, но уже не находятся под вооружённой охраной и около 15-20 тысяч заключённых ИТК под стражей. Всё население Магнитогорска составляет 145 тысяч жителей. Соответственно около 30% населения трудится на принудительных работах».² Вовлечение огромного количества людей посредством принудительного труда в дело строительства социализма, по нашему мнению, это один из «обходных путей», который не потребовал официального возрождения трудовой армии.

Но был и другой – более «социалистический» путь. 1929 году вошёл в советскую историю как год «великого перелома». В области использования рабочей силы это означало изменение отношения советского государства к процессу организации труда. Принимается целый ряд постановлений, направленных на укрепление трудовой дисциплины, повышение прав администрации предприятий в регулировании трудовых отношений, укреплении единоначалия на производстве, ликвидации текучести кадров.³ Начинается активное вмешательство государственных, партийных и хозяйственных органов в процесс развития трудовых отношений. Именно на это нацеливало выступление И.В. Сталина в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, где была определена новая задача момента: «...пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во всё...».⁴ Спустя некоторое время задача им была конкретизирована. Летом 1931 года И.В. Сталин провозгласил «шесть условий» развития советской промышленности, и все они касались вопросов организации труда: необходимости более организованного набора рабочей силы; механизации труда; ликвидации текучести кадров, уравниловки и обезлички; улучшения бытовых условий, правильной расстановки кадров, внедрения в производство хозрасчётных принципов; изменения политики заработной платы.⁵ Он говорил о том,

---

¹ Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР: 1929–1941 годы // Свободная мысль. – 1992. № 13. С. 84.

² Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск, 2006. С. 80.

³ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. Т. 2. С. 8-13, 126, 127, 662-664; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. Т. 2. С. 18, 120, 126.

⁴ Сталин И.В. Соч. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ы, 1951. Т. 13. С. 41.

⁵ Там же. С. 50-80.

что нельзя больше терпеть текучесть рабочей силы; необходимо сделать её состав на предприятиях постоянным; по-новому организовать труд, когда каждая группа рабочих будет отвечать за порученную ей работу; создать свою собственную производственно-техническую интеллигенцию; пустить в дело новые источники накопления и ликвидировать бесхозяйственность. Руководитель партии большевиков торопился не зря. Не поставив под контроль государства трудовые отношения, не организовав труд, не сделав из населения государственных рабочих нельзя было выполнить грандиозных планов первой пятилетки.

Для реализации «шести условий» развития промышленности, выдвинутых И.В. Сталиным, советское правительство предпринимает ряд мер. С 30 июня 1931 года была ограничена возможность ухода из деревни колхозников на основании индивидуальных договоров. С апреля 1932 года с целью борьбы против «обезлички» на предприятиях стали составляться графики выхода на работу, все перемещения на производстве стали регламентироваться приказами, были введены табельные номера и т.д. С ноября 1932 года вводились наказания за прогул на производстве: увольнение, лишение продовольственных карточек, выселение с занимаемой жилплощади. 27 декабря 1932 года в стране была введена паспортная система в целях, как отмечалось в документах, очистки населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов. На самом деле она стала формой принудительного регулирования рабочей силы. Люди, не получившие паспортов (сельским жителям их не выдавали), не могли устроиться на работу (сельские жители в итоге пожизненно прикреплялись к колхозу). Часто жители городов не могли получить прописки, не устроившись на работу. Была установлена, таким образом, негласная принудительная связь между местом работы и местом жительства. Укреплялась дисциплина на производстве. Дезертиры трудового фронта лишались возможности получить направление на работу в течение 6 месяцев. Была пересмотрена система заработной платы. Зарплата ставилась в зависимость от производственного стажа, процента выполнения плана. Кроме того, были введены тарифы и нормы оплаты труда.¹ В 1934 году прекратилось заключение коллективных договоров между рабочим коллективом и администрацией. Начиная с 1932 года эта форма взаимоотношений между сторонами перестала носить характер социального партнерства и стала представлять собой особый вид организации социально-трудовых отношений с элементами государственного патернализма и административного нажима. Такие договоры теряли всякий смысл. С их ликвидацией государство стало полностью контролировать процесс организации труда.

В этих условиях стало возможным использовать опыт периода «военного коммунизма». С 15 января 1939 года в целях упорядочения учёта рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях были возрождены трудовые книжки. В соответствии с постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек», рабочие и служащие, поступающие на работу, были обязаны предъявить администрации предприятия (учреждения) трудовую книжку, а администрация могла принимать на работу только при её наличии. Трудовая книжка хранилась у ад-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5: 1929-1932. – М., 1984. С. 329-330; 432-437.

министрации, а на руки выдавалась только при увольнении. В случае утери трудовой книжки её владелец был обязан немедленно заявить об этом администрации (по месту последней работы), которая в течение 15 дней должна была выдать дубликат. Государство получило возможность не только контролировать перемещение человека с одного места работы на другое, но и фиксировать его общий трудовой стаж, квалификацию, причины увольнения, поощрения и награждения. Незаконное пользование трудовыми книжками, передача их другим лицам, подделка и подчистка карались в уголовном порядке.

В целом необходимо отметить, что все меры советского государства в деле организации труда в конце 20-30-х гг. XX века сопровождались его «огосударствлением» и были направлены на создание системы регулируемых государством трудовых отношений. В этом была суть другого «обходного» пути, о котором говорил И.В. Сталин в 1926 году. На практике удалось решить ту же задачу, что ставилась перед трудовыми армиями: объединить людей, заставить их работать там, где это было нужно государству, и довольствоваться тем, как оценит работу государство. Именно в «огосударствлении» труда обвиняли И.В. Сталина противники установившегося режима. Один из них, Ф. Раскольников писал, что вождь советского государства отменил свободу труда, закабалил советских рабочих и прикрепил их к фабрикам и заводам.¹ Точку в цепи мероприятий по «огосударствлению» труда поставила серия указов 1940 года.² Этими указами была увеличена продолжительность рабочего дня до 8 часов, запрещён самовольный уход с работы и переход с одного предприятия или учреждения в другое; органы власти получили право перевода в обязательном порядке рабочих и служащих по своему усмотрению, независимо от территориального расположения предприятий и учреждений, а также проведения мобилизации молодежи с целью их обучения рабочим специальностям.³ В итоге рабочие и служащие оказались окончательно прикрепленными к месту работы и полностью зависимыми от государства.

В 30-е гг. XX века была полностью реализована идея, высказанная лидерами профсоюзов на Пленуме ЦК ВЦСПС в январе 1919 г.: «Даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом... Нужно пускать те заводы в ход, которые необходимы. Не стоит для этого останавливаться перед тем, что тысячи рабочих привыкли жить в Сестрорецком районе, не хотят переезжать в Харьковский».⁴

В 20-30-е гг. XX века идея использования принудительного труда при строительстве социализма получила развитие на качественно новом уровне. Оставив за

---

¹ *Раскольников Ф.* Открытое письмо Сталину // История отечества в документах. Ч. 2: 1921-1939. – М., 1994. С. 175-176.

² «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о закреплении самовольного ухода служащих с предприятий и учреждений» (июнь, 1940 г.); «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» (октябрь 1940 г.); «О государственных трудовых резервах СССР» (октябрь 1940 г.).

³ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. Т. 2. С. 757-760, 775-778.

⁴ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М., 2001. С. 41.

собой право использовать принудительный труд для решения конкретных задач возникающих в процессе модернизации экономики, советское государство стало рассматривать принуждение как метод оформления социалистических трудовых отношений. Начиная с первой половины 20-х гг. XX века, в СССР складывается тенденция к «огосударствлению» труда, которая получила в 30-е гг. своё логическое завершение в полном прикреплении всех граждан страны к месту работы и возрождении принципов милитаризации труда.

Источники и использованная литература:

Источники (архивные):

1. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-486. Трудовые части Республики Наркомтруда РСФСР. Главное Управление трудовых частей республики, 1921-1922.
2. ГА РФ. Ф. Р-9560. Российское объединение государственных рабочих артелей за 1922-1923 гг.
3. ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся.
4. ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-98. Челябинский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.
5. РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 382. Народный Комиссариат труда РСФСР, 1917-1933.
4. РГАЭ. Ф. 514. Акционерное общество «Стандарт» и его ликвидационная комиссия, 1922-1927.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 – Областной комитет КПСС.

Источники (опубликованные):

7. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917-1957 годы): Сборник документов. Т. 2: 1929-1945. – М.: Госполитиздат, 1957. – 888 с.
8. Кодекс законов о труде с постанейными разъяснениями / Под ред. Е.Н. Даниловой, А.М. Стопани. – М.–Л.: Соцэскиз, 1931. – 836 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898-1986. 9-е изд., доп. и исправ. Т. 6: 1933-1937. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
10. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам: 1917-1967 г.: в 5-ти тт. Т. 2: 1929-1940 гг. – М.: Политиздат, 1967. – 798 с.
11. *Сталин И.В.* Соч. – М., 1952. Т. 8. С. 298-356.
12. *Сталин И.В.* Соч. – М., 1952. Т. 13. С. 29-42, 51-80.
13. Челябинская область: 1917-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. из-во, 1998. – 304 с.

Общая и специальная литература:

14. *Базаров А.А.* Кулак и агроулаг. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. из-во, 1991. Ч. I. – 319 с.
15. *Базаров А.А.* Хроника колхозного рабства. – М.: Возвращение, 2004. – 814 с.
16. *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский Общественный научный фонд, 2001. – 236 с.
17. *Бородкин Л.И., Сафронова Е.И.* Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обозрение. – М., 2000. Вып. 5. С. 23-45.
18. *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. –

- Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – 222 с.
19. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. № 6. С.10-27.
  20. *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. № 10. С. 3-26.
  21. *Земсков В.Н.* Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. – 1991. № 2. С. 75-81.
  22. *Земсков В.Н.* Судьба кулацкой ссылки (1930-1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. № 1. С. 118-147.
  23. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и холодная война. – М.: Мосгосархив, 1995. С. 203-248.
  24. *Колганов А.И.* Путь к социализму: Теория и подвиг. – М.: Экономика, 1990. – 171 с.
  25. *Кудров В.* Крах советской модели экономики. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 223 с.
  26. *Расказов Л.П.* Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник: 2002. – М., 2003. С. 237-274.
  27. *Хлевнюк О.В.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 годы // Свободная мысль. – 1992. № 13. С. 73-84.

Goncharov G.A.

From labor service to the “state labor”

The transition to the new economic policy meant the transition to free manpower (free hiring of labor). In practice, this change had its own characteristics: even in a liberalized economy, the state has not abandoned the idea of using forced labor. Since the end of the 1920s in the Soviet Union the system of “nationalization of labor” when labor distribution is carried out for the interests of the socialist state is formed.

Keywords: labor service, free labor, “nationalization of labor”, the new economic policy, socialist industrialization.

РЕЖИМ КРЕСТЬЯНСКИХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1930-е ГОДЫ

Созданная в начале 30-х гг. XX века в ходе самой массовой репрессивной акции, связанной с депортацией крестьянских семей в отдаленные регионы страны, система спецпоселений имела ряд особенностей. Среди них основной было функционирование данного вида репрессии вне законодательного поля. В настоящей публикации доказывається, что роль регуляторов всех сторон жизнедеятельности спецпоселений играли ведомственные нормативные документы. Соответственно, ссыльные крестьяне находились в квазиправовом, режимном положении, которое подвергалось изменениям в зависимости от приоритетов карательной политики сталинского режима.

Ключевые слова: антикрестьянские репрессии, спецпоселения ОГПУ–НКВД, советское законодательство, режимная практика.

В постсоветской историографии сравнительно быстро сформировалось исследовательское поле, связанное с анализом феномена принудительных переселений. Однако сама депортационная проблематика оказалась достаточно дифференцированной с точки зрения того, какие аспекты оказались ее ядром, а какие были вытеснены на периферию. Но если приоритет справедливо отдавался анализу государственной репрессивной политики, то практике, технологиям её реализации отводилась второстепенная роль. Тем самым историческая динамика репрессивной антикрестьянской кампании значительно обеднялась, приобретала черты схематизма. Ситуация усугублялась и тем, что, погружаясь в источниковую среду, исследователи, нередко невольно, воспроизводили в научных текстах терминологию документов. Сказанное в полной мере иллюстрируется обращением к такому сложному и многоаспектному феномену, каковым являлся режим спецпоселений. В данном случае нами совершенно сознательно не используется столь распространенный даже в новейшей исследовательской литературе оборот, заимствованный из карательного новояза – «правовое положение спецпереселенцев». Если исходить из общепринятого определения права как совокупности общеобязательных правил поведения, устанавливаемых государством, то при анализе сталинского общества мы сталкиваемся с весьма специфическим правопорядком, самоназвание которого не отражает сути. Это был квазиправовой порядок, нормы и правила которого устанавливались и изменялись политическим руководством, не сдерживаемым никакими законодательными и судебными институтами. Поскольку право служило инструментом в руках режимных органов, в чьем ведении находились группы «спецконтингента», то уместнее говорить не о «правовом положении», а именно о режимном положении, или статусе, тех или иных его категорий, в данном случае спецпереселенцев. Данная публикация посвящена изучению динамики режимных (не правовых!) оснований крестьянской ссылки 30-х гг. XX века.

С началом «массовой коллективизации» события в деревне разворачивались столь стремительно и нарушений действовавшего в то время законодательства при

Красильников Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета.

массовом «раскулачивании» оказалось столь много, что надзорным органам (прежде всего прокуратуре) оставалось лишь реагировать на них вслед за «колебаниями» партийных органов. Обстановка «чрезвычайщины», охватившая страну, не способствовала «совершенствованию» советского законодательства, которое оказывалось вообще излишним. Наступало время действия внеправовых решений – директив партийных органов, приказов ОГПУ, циркуляров наркоматов и т.д.

Массовая депортация крестьянских хозяйств не была прописана в карательном законодательстве. Она проводилась не судебными, а административными, советскими органами, следовательно, подпадала под определение административной высылки и ссылки. Однако по действовавшему законодательству данный вид репрессии носил индивидуальный, а не семейный характер. Административная высылка и ссылка назначались не более чем на пять лет. Их продление допускалось, но не более чем на год и по специальному решению. Крестьянская же ссылка оказывалась бессрочной. Административная ссылка не предусматривала обязательного привлечения ссыльного к труду, последний сам выбирал род занятий и место работы. Депортированному крестьянству труд вменялся в обязанность, а место и род занятий определялись репрессивными и хозяйственными органами. Таким образом, депортация крестьянства являлась экстраординарной ссылкой, носившей бессрочный, семейный характер, в соединении с принудительным трудом. В дореволюционной карательной практике нечто подобное представляли собой высылка по приговорам сельских сходов, ссылка на поселение в Сибирь, но они были не такими масштабными, как репрессии сталинского режима в отношении единоличного крестьянства. Карательные действия властей ввиду своей необычности не смогли вписаться в карательное законодательство, а потому высылка и положение репрессированных крестьян и их семей на поселении регулировались не общим законодательством, а подзаконными, нормативными актами.

Правовая неопределенность положения «кулаков» «2-й и 3-й категорий», порожденная обстановкой «чрезвычайщины», создала в конечном итоге удобный для власти законодательный вакуум, позволявший ей менять свои действия в зависимости от динамично меняющихся обстоятельств. В законодательно-нормативных документах первых месяцев «раскулачивания» фигурировали такие весьма произвольно сформулированные директивными и карательными органами категории, как «кулаки 1-й, 2-й, 3-й категории». Для 2-й категории применялся также термин «высланные» («выселенные»), а для 3-й – «расселенные» хозяйства. Неопределенность критериев деления на категории порождала хаос и произвол местных органов при отнесении крестьянских хозяйств: ко «2-й категории» (высылка в отдаленные местности) и «3-й категории» (расселение в специальных местах, но в пределах своего района проживания). Причём, как показала практика реализации репрессивных директив на местах, исполнительский маятник качался в обе стороны – как ужесточения, так и смягчения в толковании поступающих из Центра указаний.

Так, в «Инструкции о порядке дальнейшего выселения кулацких семей»¹, утверждённой Политбюро ЦК ВКП (б) 30 августа 1931 г., где обобщался опыт массовых

---

¹ Адибеков Г.М. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП (б) 1930–1932 гг. // Исторический архив. – 1994. № 4. С. 171-172.

депортаций крестьянских семей в 1930–1931 гг., не нашла отражения практика местных органов власти разрешать отдельным категориям крестьян, даже подвергнутым конфискации имущества и определенным к высылке, оставаться в районах своего проживания. Делая такое исключение, государство исходило из социальных или политических (о чем говорилось выше) соображений, а также стремилось не обременять себя заботой о многочисленных иждивенцах, содержание которых на спецпоселении требовало дополнительных крупных расходов. Установки на «разгрузку» выселяемого крестьянства от детей, инвалидов, стариков и других социально незащищенных категорий сельского населения давались не в законодательных актах, а в документах исполнительных органов. Таким образом подчеркивалось право исполнительных звеньев в ходе массовых или локальных депортаций принимать оперативные решения. В частности, по усмотрению местных органов среднего уровня (райисполкомы, окружные исполкомы) допускался перевод (оговорен в различных инструкциях и разъяснениях) отдельных семей из второй в третью категории, благодаря чему часть подвергнутых экспроприации своего имущества крестьян получала возможность оставаться в местах своего проживания. Такая практика могла распространяться и на членов семей «кулаков 1-й категории», арестованных органами ОГПУ. В специальном пункте постановления Сибирского краевого исполкома от 12 февраля 1930 г. говорилось: «Отдельные члены семьи выселяемых кулаков могут оставаться по их желанию на месте при условии соответствующей характеристики этих лиц группами бедноты и в каждом отдельном случае с разрешения райисполкома».¹

Практика первых недель высылки зимой 1930 г. показала необходимость учитывать при отправке в отдаленные местности наличие в составе семьи хотя бы одного трудоспособного члена, без которого минимальное обустройство на новых территориях было невозможно. Многие выславшиеся семьи оказались без мужчин – они или работали на производстве, или были арестованы ОГПУ, или бежали из-под ареста в ходе высылки. 1 марта 1930 года руководители ОГПУ Г.Г. Ягода и Е.Г. Евдокимов направили периферийным органам директиву, в которой говорилось: «Семьи кулаков [,] не имеющие трудоспособных членов[,] на Север выселению не подлежат... [в] указаниях [по] партийной линии имелось разрешение оставлять [на] местах женщин [и] детей выселяемых кулаков при согласии местных органов власти».² Очевидно, что в этом проявлялся не гуманизм функционеров, а лишь стремление не допустить дальнейшей эскалации социальной напряженности в деревне, вызванной безжалостным отношением власти к уязвимым категориям сельского населения. Впрочем, весной 1931 г., проводя очередную, ещё более масштабную, чем в 1930 году, высылку крестьян, власти, напротив, уже попытались свести к минимуму число тех, кто не подпадал под репрессии.³

Следующий после высылки этап депортации крестьян требовал нормативной основы для упорядочения расселения и использования труда высланных. Указанной цели служили два изданные в апреле 1930 года постановления: коллегии

---

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. – Новосибирск, 1992. С. 40.

² Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 2. Л. 27 (далее: ЦА ФСБ РФ).

³ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 г. С. 51.

Наркомата земледелия РСФСР от 1 апреля «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» и СНК РСФСР от 10 апреля «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулацких семей».¹ Первый из названных документов исходил из потребностей организации поселений для «кулаков 3-й категории» в пределах районов их проживания с сохранением для них сельскохозяйственной производственной специализации. Рекомендовалось «не производить расселение на отдельные хутора, а создавать поселки в размере... не менее 20 и не более 100 дворов». Отводимые «кулакам» земли должны были быть «худшего качества». Форма организации хозяйственной деятельности определялась как «внеуставные поселковые товарищества» под руководством «особо назначаемого лица (комендант)».²

Постановление республиканского правительства акцентировало внимание на общих организационных моментах и выявившихся в процессе высылки просчётах. Было признано необходимым «производить отправку на места поселения в первую очередь только трудоспособных членов кулацких хозяйств, оставляя временно на местах всех нетрудоспособных и матерей». В постановлении СНК РСФСР впервые вводилось понятие «временного и постоянного расселения», причём для «кулаков 2-й категории» предусматривалась организация пунктов постоянного расселения в Уральской области, Сибирском, Северном и Дальневосточном краях. Таким образом, допускалось, что в будущем «внутреннее расселение и трудовое устройство 3-й категории кулаков» могло быть изменено.³

В то время, когда директивные органы определяли только самые общие принципы организации и управления «кулацкими поселками», а сами спецпоселки уже становились реальностью, краевым и областным исполкомам было дано указание приступить к разработке соответствующих положений. Одним из первых стало принятое 11 апреля 1930 года Средне-Волжским крайисполкомом «Положение об управлении кулацкими поселками».⁴ Центральным в документе был раздел «Общие положения». В нём определялись размеры поселков (от 20 до 50 дворов), устанавливалась должность представителя власти в лице уполномоченного сельсовета, регламентировались состав и особый режим пребывания в поселке «кулацких хозяйств». «На территории кулацких поселков, – говорилось в документе, – проживают лишь поселенные в них надлежащими органами кулацкие хозяйства. <...> Выезд жителей кулацкого поселка за пределы территории района допускается с письменного разрешения в каждом отдельном случае уполномоченного сельсовета. <...> Для охраны порядка и выполнения распоряжений уполномоченного с/совета из жителей кулацкого поселка назначаются десятники (по одному на каждые десять дворов – С.К.)»⁵. Перечислявшиеся далее «предметы ведения уполномоченного сельсовета» подразделялись на полномочия в областях административной, сельского хозяйства и благоустройства, налоговой, культурно-просветительной. Фактически обязанности уполномоченного и председателя поселкового совета сов-

¹ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 г. С. 27–31.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28–29.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 776. Л. 34–37.

⁵ Там же. Л. 37.

падали. Специфичными были только некоторые административные функции – выдача разрешений на выезд за пределы сельсовета и «наложение взысканий на десятников поселка как за неисполнение его законных распоряжений, так и за халатное отношение к своим обязанностям».¹

Несколько иным по характеру было постановление президиума Северо-Кавказского крайисполкома «О посёлках, организуемых в местах расселения кулацких хозяйств [...] и основные начала землепользования и внутреннего распорядка в этих поселках», принятое 21 мая 1930 г.² Согласно этому документу, управление посёлками, в т.ч. регистрация всех актов гражданского состояния на территории посёлков осуществлялось уполномоченными райисполкомов, на которых возлагались все административные и хозяйственные функции сельсоветов. Уполномоченные наделялись правом сбора с граждан посёлков средств на административные и хозяйственные нужды, включая содержание уполномоченного и «состоящего при нём адм. персонала». Все жители поселков не могли выезжать за пределы землепользования поселков (на средней Волге не допускался выезд за пределы территории района). Северокавказское постановление в большей мере учитывало центральное законодательство. Оно содержало запрет на организацию земельных обществ. Взамен этого предусматривалась возможность («по решению большинства землепользователей поселка») обобществления землепользования, т.е. создания артелей, аналогичных уставным, но под руководством уполномоченных. В отдельных случаях допускалась организация в поселках уставных сельхозартелей молодежи. Положением разрешалось в случаях невыполнения производственных заданий, порчи инвентаря, несдачи товарной продукции государству и т. д. лишать отдельных граждан поселков землепользования. Лишенные землепользования «граждане посёлков» подлежали выселению за пределы Северо-Кавказского края (был возможен перевод из третьей во вторую категорию с высылкой в необжитые районы страны). Документом оговаривалась возможность обжалования действий властей, но в ограниченных пределах: «Действия и распоряжения уполномоченных могут быть заинтересованными лицами обжалованы в райисполкомы, постановления коих по этим жалобам являются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат».³

Инструкция комендантам по управлению поселками кулаков «2-й категории», утвержденная 2 августа 1930 года. Сибирской краевой «комиссией по расселению и устройству кулаков», отличалась от двух первых большей детализацией (состояла из 64 пунктов) и жесткостью формулировок. Первые два пункта «Общих положений...» гласили: «1. Население кулацких поселков 2-й категории не обладает избирательными правами, лишено прав самоуправления, управляется комендатурами, во главе которых стоит комендант, назначаемый СКАУ по согласованию с райисполкомом. 2. Комендант на территории комендатуры пользуется правами райисполкома».⁴

Разработанные на местах положения об управлении спецпоселками имели столь

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 776. Л. 35.

² Там же. Л. 32–33 об.

³ Там же. Л. 32 об.

⁴ Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. С. 198.

значительные различия между собой, что это явились предметом внимания центральных органов власти. На постановлении Северо-Кавказского крайисполкома о «кулацких поселках», присланном для ознакомления во ВЦИК, один из чиновников наложил резолюцию, адресованную юрисконсульту: «Т. Кишкин! Прошу Вас посмотреть [,] на сколько соответ[ствует] дан[ное] постановление существ[ующим] законам».¹ Следует учитывать, что секретным постановлением СНК СССР от 22 июля 1930 г. было признано целесообразным издание закона о спецпоселках.² В свою очередь, аппарату СНК РСФСР поручалось подготовить соответствующий проект республиканского закона. Работа над данным поручением завершилась принятием 13 октября 1930 года секретного постановления СНК РСФСР «О трудовом устройстве кулацких семей, выселенных в отдаленные местности и о порядке организации и управления специальными поселками».³ По сути оно обобщало полугодовой репрессивный опыт и практику организации крестьянской ссылки, а также являло собой концентрированное выражение советского бюрократического «правотворчества». Однако на практике данное постановление так и не заработало, поскольку сталинский режим не был заинтересован в создании чётких правовых оснований для существования системы спецпоселений.

Между тем, летом 1931 года был издан судьбоносный по своему значению для репрессированного крестьянства законодательных акт, послуживший основой для регулирования «правового» положения спецпереселенцев на весь последующий период существования крестьянской ссылки. Речь идёт об изданном 3 июля 1931 г. постановлении ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», в котором говорилось: «Кулаки, лишённые на основании конституций союзных республик и общесоюзной инструкции о выборах в Советы избирательных прав и выселенные по постановлению общих собраний граждан села и местных органов власти за противосоветские и противоколхозные выступления (поджоги, бандитизм и т.п.) из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали, восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса при условии: а) если они в течение этого срока на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъём сельского хозяйства; б) если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками».⁴

Декрет, определявший срок, в течение которого «кулаки» должны были доказать своё соответствие этим условиям для восстановления в гражданских правах, базировался на практике применения законодательства в отношении «лишенцев» (пятилетний трудовой стаж и лояльность к советской власти были необходимы для восстановления в избирательных правах). По значению он превосходил законодательные акты, в которых оговаривались условия возвращения «выселенным кулакам» права избирательного голоса, поскольку в нём шла речь именно о гражд-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 776. Л. 33.

² Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1 в. Д. 458. Л. 46.

³ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 776. Л. 1–4.

⁴ Собрание законов СССР. – 1931. № 44. Ст. 298 (далее: СЗ СССР).

данских правах, в т.ч. таких основополагающих, как право свободы передвижения, выбора рода занятий и т.д. Поэтому восстановление спецпереселенцев в гражданских правах означало прекращение действия в отношении них многочисленных ограничений и дискриминаций. Появление данного закона не весной 1930 года, а только летом следующего года объясняется тем, что именно в 1931 году на политическом уровне было решено подвести черту под массовыми депортациями крестьян, проводившимися в масштабах страны. 30 августа 1931 года Политбюро утвердило «Инструкцию о порядке дальнейшего выселения кулацких семей», первый пункт которой гласил: «Выселение кулацких семей из районов сплошной коллективизации в массовом порядке прекратить. В дальнейшем выселение кулацких семей разрешается производить в индивидуальном порядке небольшими группами семейств по мере их выявления».¹ Внесение в последующем коррективов в данное решение давало основание для масштабных высылки в 1933 году и локальных (точечных, из отдельных местностей) на протяжении всего десятилетия, но в целом пик высылки крестьянства пришелся на 1931 год, после чего наступила относительная стабилизация численности спецпереселенцев, а со второй половины 30-х гг. XX века – её снижение.

Инициатива принятия союзного закона о правах спецпереселенцев, судя по имеющимся в распоряжении исследователей документам, принадлежала не законодательному, а директивному партийному органу. Созданная при Политбюро ЦК весной 1931 года для решения проблем расселения, хозяйственного устройства и использования труда спецпереселенцев комиссия под председательством А.А. Андреева (с осени её возглавил Я.Э. Рудзутак) наделялась всеми полномочиями для разработки, принятия и проверки исполнения любых директивных решений в данной области, включая подготовку государственных постановлений, принимавшихся после санкции Политбюро в «советском порядке». Комиссии Андреева предстояло провести вторую массовую депортацию крестьян, не допуская дестабилизации положения ни в местах высылки «кулаков», ни в местах их нового размещения. Репрессированным нужно было дать «перспективу». В рабочих документах комиссии Андреева сохранилась сделанная председателем в начале мая 1931 года черновая карандашная запись: «Организ[ация] и использ[ование] в прошлом. Разбегаются. <...> Закрепление спецпереселенцев – 5 лет. Не опубликов[ывать]».²

На очередном заседании комиссии ЦК, состоявшемся 15 мая 1931 года, в проекте постановления появился пункт, гласивший: «Поставить в ПБ вопрос о том, чтобы в связи с массовым переселением кулаков определить для них сроки лишения прав гражданства и установить примерно срок 5 лет с тем, что если данный спецпереселенец выполняет все постановления сов[етской] власти, ведёт себя как честный работник, по отношению к нему применяются льготные условия».³ Через

---

¹ Цит. по: *Адибеков Г.М.* Спецпереселенцы... С. 171.

² Российский государственный архив социальной-политической истории. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 89 (далее: РГАСПИ).

³ Там же. Л. 127. В отредактированном варианте решения говорилось: «Если данный спецпереселенец выполняет все постановления сов[етской] власти, ведет себя, как честный работник, по истечении 5-летнего срока с момента переселения он получает право голоса и все гражданские права». – Цит. по: *Адибеков Г.М.* Спецпереселенцы... С. 158.

полтора месяца «вопрос» в Политбюро был решён. На заседании, которое состоялось 30 июня, при рассмотрении пункта «О восстановлении кулаков в гражданских правах» выступили И.В. Сталин и А.А. Андреев. Утвержденное постановление рекомендовалось опубликовать «от имени ЦИК СССР»¹, что и было выполнено 3 июля 1931 года.

Законодательные акты последующего времени, дополнявшие и уточнявшие указанный закон, имели под собой различную мотивацию. В большинстве случаев они были призваны поощрить те или иные группы в составе спецпереселенцев. Инициатива создания последующих постановлений ЦИК СССР, как и разъяснения механизма практического воплощения законодательных актов, исходила преимущественно от ОГПУ–НКВД. Часть постановлений принималась в оперативном порядке Президиумом ЦИК СССР. Так, в феврале 1932 года им была утверждена процедура досрочного (до истечения пяти лет) восстановления в правах «исключительно... лиц, проявивших себя высокопроизводительным трудом и лояльным отношением к советской власти» по представлениям органов ОГПУ, согласованным с хозяйственными организациями.² Постановлениями Президиума ЦИК СССР от 27 апреля и 3 мая 1932 г. устанавливался порядок досрочного восстановления в правах спецпереселенцев (главным образом молодежи), которые являлись ударниками, выполнявшими и перевыполнявшими нормы выработки. Представленный ОГПУ для утверждения в ЦИК СССР список включал фамилии 931 спецпереселенца, из которых треть проживала в спецпоселках Западной Сибири. Райисполкомы обязывались в течение десяти дней выдать восстановленным в правах лицам соответствующие документы, разрешавшие свободное проживание на всей территории страны.³

В директиве ОГПУ от 5 мая 1932 г., направленной местным политическим представительствам, разъяснялась процедура восстановления в правах спецпереселенцев. Кроме того, в ней говорилось о необходимости создания для этой группы условий, способствующих их «оседанию» в спецпоселках. Рекомендовалось провести «широкую кампанию с тем, чтобы восстановленные в гражданских правах остались жить и работать на тех предприятиях, на которых они работают в данный момент, разработав ряд поощрительных мероприятий и льгот для остающихся жить в поселках. Широко практиковать назначение и выдвижение восстановленной молодежи на различные работы и должности. Распространить восстановление в гражданских правах на жену и детей амнистированного лица. Если восстановлен в правах взрослый член семьи (сын или дочь), а глава семьи не восстановлен, то восстановление распространяется только на жену и детей, находящихся на иждивении восстановленного лица и амнистия на главу семьи (отца или мать) не распространяется».⁴

Таким образом, руководство ОГПУ, формально следуя букве закона, запустило механизм, затруднявший и даже препятствовавший реализации права выезда из спецпоселков. Обращает на себя внимание четкость расчета последствий приме-

---

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 194. Л. 155 (далее: АПРФ).

² ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 1221. Л. 36.

³ Там же. Л. 19, 29.

⁴ Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 108–109.

нения положения о приоритетном восстановлении в правах молодежи и нормы, согласно которой восстановление в правах сына или дочери не распространялось на родителей. Поскольку в крестьянских семьях существовали прочные межпоколенческие связи, последняя работала на закрепление молодежи в спецпоселках эффективнее любых льгот или поощрений. Тем не менее канал выхода из комендатур оказался открыт.

Небеспочвенные опасения руководства ОГПУ в том, что массовое восстановление спецпереселенцев в правах повлечет за собой нежелательный для власти массовый выезд из спецпоселков, вскоре оформились в письмо, направленное 2 января 1935 г. начальником ГУЛАГ М.Д. Берманом наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде. В нем М.Д. Берман привёл неутешительную для спецорганов статистику: к ноябрю 1934 года в правах было восстановлено 8 505 семей (31 364 чел.) спецпереселенцев, из них на поселении остались лишь 2 488 семей (7 857 чел.). 17 января 1935 года Г.Г. Ягода направил письмо И.В. Сталину, в котором предлагал радикальное решение задачи по удержанию спецпереселенцев в местах их поселения. «...По мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест, – писал нарком. – Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, – политически нежелательно». Г.Г. Ягода предложил срочно издать уточнение к последнему постановлению ЦИК СССР, в котором указывалось бы, что восстановление в правах трудпоселенцев не даёт им права на выезд из мест поселений.¹ Такое дополнение к постановлениям ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. и 27 мая 1934 г. было принято высшим законодательным органом страны 25 января 1935 г.² Предложение руководства ОГПУ, законодательно закрепившее невозможность выезда восстановленным в правах из комендатур, не противоречило политике чекистов, которую они проводили и ранее. Она имела целью минимизацию оттока трудоспособных спецпереселенцев из комендатур при сохранении у репрессированных надежды на перемену их положения. Изменение внутривластной ситуации в стране, вызванной убийством 1 декабря 1934 года С.М. Кирова, обусловило новый подъём «чрезвычайщины» и усиление репрессивной политики, что не могло не сказаться на положении «спецконтингента».

Новая «драконовская» поправка в действовавшее законодательство о спецпоселении позволила репрессивным органам провести несколько дискриминационных по своей сути акций. Например, циркуляром Главного управления милиции от 3 февраля 1935 г. устанавливался порядок, по которому «высланным кулакам, восстановленным в гражданских правах», паспорта выдавались «исключительно (подчеркнуто в документе – *С.К.*) по месту расположения трудпоселения», в паспорте требовалось сделать отметку о выдаче документа конкретной комендатурой, лица с такой записью не прописывались на проживание «нигде, кроме мест поселения».³ 17 апреля 1935 года последовало разъяснение Президиума ЦИК СССР, перечёркивавшее известную правовую аксиому о том, что закон обратной силы не

---

¹ Цит. по: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. – М., 2003. С. 62.

² СЗ СССР. 1935. № 7. Ст. 57.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 114.

имеет. В нём говорилось о распространении Постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. на всех ещё находившихся на поселении «кулаков», хотя и восстановленных в гражданских правах до 25 января 1935 года.¹

15 марта 1936 года НКВД СССР выпустил циркуляр, в котором была обобщена годичная практика применения правовых ограничений и дискриминаций по отношению к различным группам спецпереселенцев, давалась установка на создание квазипривилегированной группы из числа лиц, восстановленных в гражданских правах. Данная группа получала пассивное избирательное право при выборах в советы. Для неё давалось расширительное толкование места поселения (не поселок, как ранее, а территория района, куда были вселены спецпереселенцы). Восстановленному в правах разрешалось передвигаться в пределах всего района (по административному делению) и поступать на работу по своему усмотрению. В отдельных случаях «лучшие ударники» могли временно выехать на учёбу, в командировку, на лечение и т.д.), но только в пункт, находящийся в пределах того края, где они поселены. На время выезда им выдавались удостоверения с указанием срока их действия. Восстановленные в правах снимались с общего учета спецпоселения и ставились на отдельный учёт. Чтобы не останавливать механизм «разгрузки» спецпоселений в основном от социально нежелательных элементов, циркуляром выделялись также категории населения комендатур, на которые Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. не распространялось, – на лиц, признанных «неправильно высланными»; молодежь, подлежащую призыву в Красную армию; нетрудоспособных, передаваемых на иждивение родственникам; восстановленных в правах спецпереселенков, вышедших замуж за «вольных граждан» в случае их переезда в другую местность.²

Принятие Конституции 1936 г., в которую была включена ст. 135, устанавливавшая, что выборы в советы являются всеобщими («все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном порядке умалишёнными»)³, заставило руководителя НКВД Н.И. Ежова и Прокурора СССР А.Я. Вышинского направить в феврале 1937 года совместное обращение в ЦК и СНК СССР. В нём выдвигались предложения, касающиеся правового положения трудпоселенцев. Например, предлагалось (эта мысль была отчасти созвучна ранее отвергнутой руководством страны идее сибирских функционеров о введении фиксированного срока для пребывания на поселении лиц, восстановленных в гражданских правах): «Оставить в силе постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. ... запрещающее восстановленным в правах трудпоселенцам выезжать из мест поселения, дополнив его указанием, что в 1939 г. будет дано право выезда в пределах края – области и в течение 1940 г. – в пределах всего Союза».⁴

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 114.

² Там же. Л. 115.

³ Цит. по: Советские конституции: Справочник. – М., 1963. С. 268.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938. – Новосибирск, 1994. С. 71.

В тот момент руководство страны по понятным причинам (начинался «Большой террор») не отреагировало на предложение глав карательного и надзорного органов, что заставило А.Я. Вышинского через год, 23 марта 1938 года, напомнить о существующей правовой нестыковке Конституции и действовавших директив о положении трудпоселенцев. «Впредь до общего пересмотра этого вопроса» Прокурор СССР полагал: «1) прекратить удержания с заработка спецпереселенцев 5 % на расходы, связанные с их административным обслуживанием; 2) установить сроки и условия, при которых отдельные категории спецпереселенцев и члены их семей могли бы быть освобождаемы от обязательного проживания в трудпоселках; 3) установить обстоятельства, при которых допускались бы временные отлучки спецпереселенцев из мест поселения (для лечения и пр.)».¹

К началу 1939 года «уточнений правового положения» трудпоселенцев накопилось так много, что связанные с ними вопросы стали привлекать к себе внимание многих организаций – от хозяйственных органов, использовавших труд «раскулаченных», до законодательных инстанций, в которые поступали многочисленные заявления и жалобы от трудпоселенцев. Руководство НКВД всё чаще оказывалось в ситуации, когда т.н. подзаконные акты – циркуляры и указания, направленные в развитие и уточнение правительственных постановлений, – становились объектом рассмотрения правовых органов, в частности, союзной прокуратуры, на предмет их соответствия государственным актам.

Разночтения и межведомственные столкновения подталкивали карательные органы к унификации и упрощению нормативных актов о трудовой ссылке. В апреле 1939 года Л.П. Берия, недавно назначенный на пост наркома внутренних дел, обратился в директивные инстанции (СНК и ЦК) с предложениями по «уточнению правового положения трудпоселенцев», которые были оформлены в виде проекта совместного партийно-правительственного постановления. В своей основе проект был ориентирован на самое радикальное за 30-е гг. XX века реформирование всей системы трудовых поселений. В нём предполагалось упразднить комендатуры и передать их функции районным отделам милиции. Предусматривалось также ликвидировать отделы трудпоселений в составе ГУЛАГ и трудссылки как элемент карательного механизма.²

Появление столь необычного в обстановке эпохи «Большого террора» проекта либерализации важной части репрессивной системы можно объяснить, если принять во внимание сочетание ряда обстоятельств. Одно из них связано с назначением в качестве главы карательной системы Л.П. Берии, честолюбивого политика, игравшего на контрасте со своими предшественниками. Другое обстоятельство вытекало из насущной потребности в реформировании системы спец(труд)поселений, которая не только устарела, но и превратилась в обузу для НКВД, обременённого к концу 1930-х гг. многочисленными лагерями и колониями. Важные шаги в данном направлении были предприняты в 1938 году: правительственным постановлением от 9 сентября неуставные сельскохозяйственные и промысловые артели трудпоселенцев переводились на положение уставных (т.е. обычных); тогда же проис-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938. С. 74.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 32. Д. 25. Л. 50–53.

ходила поэтапная передача социально-бытовой и культурной инфраструктуры трудпосёлков в местах дислокации комендатур с баланса НКВД в ведение местных исполкомов советов и т.д. Однако меры по «расконсервированию» системы трудпоселений не были направлены на амнистирование репрессированных крестьян, составивших до 90 % трудпоселенцев. Смысл изменений заключался в том, чтобы формально вывести трудпосёлки за рамки карательной системы, но при этом сохранить сложившееся положение вещей. Для этого было важно «уточнить правовое положение» трудпоселенцев таким образом, чтобы не рухнула созданная с большими усилиями сеть трудовых поселений.

В проекте постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б), представленном за подписью Л.П. Берии, трудпоселенцев предлагалось разделить на три категории: а) имевшие право на выезд из трудпосёлков (дети трудпоселенцев и лица, вступившие в брак с нетрудпоселенцами); б) не имевшие права выезда (взрослые трудпоселенцы); в) осужденные на различные сроки и направленные в 1933 году в трудпосёлки для отбывания наказания лица, которые подлежали освобождению из трудпосёлков. В преамбуле проекта, подготовленного НКВД, это было сформулировано предельно ясно: «Трудпоселенцы (бывшие кулаки, высланные из районов сплошной коллективизации) и их семьи в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 25.01.1935 г. закрепляются на жительство в районах их вселения без права выезда из этих районов, за исключением детей трудпоселенцев, подпадающих под действие постановления СНК СССР от 22.10.1938 г. и вступивших в брак с нетрудпоселенцами».¹

Данный проект так и не был утверждён, несмотря на многочисленные согласования в 1939–1940 гг. Вначале всё шло в обычном порядке: проект НКВД отправили на согласование в Прокуратуру СССР, Наркомат юстиции, Наркомат земледелия, после чего с ним ознакомились заместители Председателя Совнаркома Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский. Последнему было поручено внести в текст необходимые замечания и изменения и отправить в НКВД для окончательной доработки. После серьёзной правовой доработки в аппарате СНК СССР проект начал терять свою привлекательность в глазах руководства НКВД. Специалисты из сектора судебно-административных учреждений Управления делами СНК изъяли из преамбулы абзац, в котором говорилось, что взрослые трудпоселенцы-«кулаки» остаются на бессрочное проживание в местах поселений. Взамен появился весьма либеральный пункт, дающий трудпоселенцам право на выезд по отбытии пятилетнего срока в трудпосёлках. Далее руководство НКВД фактически «замотало» проект. Весь 1940 и начало 1941 гг. шла вялая переписка между Управлением делами СНК СССР и НКВД. В августе 1940 года на докладной записке работников аппарата СНК, в которой сообщалось о предложении НКВД вопрос о правовом положении трудпоселенцев «временно с обсуждения снять», А.Я. Вышинский начертил раздражённую резолюцию: «Почему снять? Дело надо довести до конца».² Однако НКВД оказался сильнее, и дело было сдано в архив Управления делами СНК с красноречивой пометкой: «10.III.41 г. т. Чернышев (зам. наркома внутренних дел) подтвердил неактуальность этого вопроса и просит проект с об-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 32. Д. 25. Л. 53.

² Там же. Л. 100.

суждения снять».¹

Такова судьба несостоявшегося постановления, которое было способно несколько изменить всю конфигурацию сталинского карательного механизма. Впрочем, следует отметить, что ситуации, сложившиеся весной 1939 г. и 1941 г., разительно различались: если в начале 1939 году ещё можно было прогнозировать медленное и поэтапное «расконсервирование» сети трудпоселений, то в конце года ввиду массовых этнических и социальных депортаций с вновь присоединяемых к СССР территорий началась стремительная эскалация именно этого сектора карательной системы. В таких условиях даже частичное реформирование сети трудпоселений для «кулаков», когда именно вокруг нее шло формирование массива этнической «спецссылки», было нежелательным для сталинского руководства.

Выше рассматривалась эволюция разработки и применения законодательных и нормативных актов, призванных регулировать «правовое» положение спецпереселенцев. Однако карательная система всегда работала на противопоставлении поощрения наказанию. С этой целью постоянно эволюционировала и становилась всё более усложненной процедура административных и судебных наказаний спецпереселенцев. Последняя развивалась исключительно в форме принятия различного рода инструкций, циркуляров, приказов и других ведомственных нормативных документов, исходивших от карательных органов. Уже в первых инструкциях по управлению спецпоселками (весна–лето 1930 г.) указывалось на необходимость применения санкций к спецпереселенцам, нарушившим правопорядок в спецпосёлках, самовольно отлучившимся или ушедшим с работы, а также бежавшим из мест поселения и т.д. При этом комендант поселка должен был опираться на положения уголовного или административного кодексов. За самовольную отлучку или уход с работы наказывали в соответствии с разработанной шкалой санкций (от административных до судебных). Утвержденная 2 августа 1930 г. Сибирской краевой комиссией «по расселению и устройству кулаков» инструкция за неявку или отлучку с работ предусматривала сначала предупреждение и занесение записи о проступке в личное дело спецпереселенца, затем зачисление в штрафные команды (по типу лагерной практики) на срок до десяти суток «с назначением на более тяжёлые общественные работы, с усилением конвоя, обязательным отчислением 25 % заработка вне зависимости от его размеров, увеличением рабочего дня с 8 до 10 часов». В случае «систематических уходов с работы» виновные могли быть подвергнуты уголовному преследованию: «...после вынесения судебного решения все осужденные снимаются с работ и направляются этапным порядком на дальний север».² В случае совершения «расселенцами побега и задержания их за пределами комендатуры» против бежавших возбуждалось уголовное преследование по 1-й части ст. 82 УК РСФСР, предусматривавшей лишение свободы на срок до трёх лет. Дела направлялись на рассмотрение «троек» Полномочных представительств (ПП) ОГПУ, т.е. квазисудебных органов.

Вместе с тем «Инструкция...» давала возможность дифференцированно подойти к совершавшим побегу. Среди последних выделялись две категории лиц, к ко-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 32. Д. 25. Л. 101.

² Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 гг. С. 206.

торым не применялись меры уголовного воздействия. Первую из них составляли те, кто подлежал возврату в места поселения («а) совершенно нетрудоспособные (старики, старухи, инвалиды); б) женщины с малолетними детьми в возрасте до 12 лет; в) лица, не достигшие 18-летнего возраста») «после надлежащего устройства в хозяйственном отношении их глав, оставшихся в местах расселения». Ко второй категории относились лица, не подлежавшие возвращению к месту высылки. В их число входили: «а) дети до 14-летнего возраста при несогласии их следовать с родителями (при групповом бегстве); б) жены кулаков, вышедшие замуж из батрацко-бедняцких семей в силу их экономической зависимости от кулаков и прожившие с ними не больше 2 лет при наличии категорического заявления о нежелании жить с мужьями-кулаками».¹ Таким образом, изъятия из действовавшей «Инструкции...» касались либо социальных иждивенцев, содержание которых в местах лишения свободы представлялось весьма обременительным, либо групп «социально-близких», которые по политическим соображениям подлежали «отрыву» от «кулацкого» влияния.

Позже был разработан порядок привлечения спецпереселенцев к уголовной ответственности, предусматривавший два варианта рассмотрения дел – в судебном порядке через решения народных судов по месту проживания спецпереселенцев и во внесудебном порядке «тройками» ПП ОГПУ (УНКВД). 31 марта 1932 г. ОГПУ разработало циркуляр, предписывавший разграничивать общеуголовные и «контрреволюционные» преступления и «впредь все дела о бытовых преступлениях спецпереселенцев, не носящие к[онтр]-р[еволюционного] характера и несвязанные с противодействием органам управления, направлять в Нар[одные] суды, кроме тех случаев, когда дела подлежат рассмотрению в административном порядке, согласно положения о спецпоселках».² Вслед за этим 28 апреля 1932 года ОГПУ был издан приказ «О порядке рассмотрения дел на кулаков, бежавших из спецпоселков». В нём как большой недостаток в работе спецорганов было отмечено, что производство следственных дел на бежавших «кулаков» «тянется очень долго... задержанные кулаки содержатся под стражей до года». Предлагалось сократить срок оформления дел «тройками» ПП ОГПУ до одного-двух месяцев. Впредь дела задержанных спецорганами «кулаков» рассматривались на разных уровнях, в зависимости от тяжести содеянного. «Спецпереселенцы, бежавшие первый раз и пойманные на территории того же ПП, где находятся спецпоселки, в которых они проживали до бегства, арестовываются административным порядком на 30 суток», «дела за квалифицированные побег (повторные, вооруженные, сопровождавшиеся грабежом и др.)» рассматривались «тройками».³

В первые годы существования спецпоселений, когда в ходе проведения карательных операций широко была распространена практика разъединения семей (главы семей осуждались в порядке «1-й категории» и попадали в тюрьмы и лагеря, а члены семей отправлялись на поселение), действовала относительно «либеральная» процедура: «заклученные, имеющие семьи в спецпоселках, при досроч-

---

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 гг. С. 206–207.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

³ Там же. Л. 96.

ном освобождении из лагерей за ударную работу в таковых... не подлежат направлению в спецпоселки, а семьи их подлежат освобождению из спецпоселков».¹ С изданием Постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. о запрещении восстановленным в правах спецпереселенцам выезжать из мест поселения данное положение было пересмотрено в сторону ужесточения: теперь заключённые, освобождённые из лагерей и имеющие семьи в спецпоселках, направлялись на соединение с семьями, и таким образом становились спецпереселенцами с сопутствовавшими правовыми ограничениями.²

Карательные органы особо заботились о том, чтобы, отбыв срок наказания, спецпереселенцы не имели реальной возможности выйти из положения «неправовых» граждан. Иногда такая возможность у людей появлялась в силу ведомственных процедурных неувязок. Поэтому 5 июня 1935 г. председатель Верховного суда СССР направил судебным органам письмо следующего содержания: «По сообщению ГУЛАГа НКВД СССР в судебной практике имеют место случаи, когда трудпоселенцы, осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные ими в трудпоселках, по отбытии срока наказания освобождаются и живут на свободе, а семьи их остаются в трудпоселках. Такое явление происходит от того, что в приговорах судебных органов не указано, что осужденные по отбытии определённого им срока лишения свободы должны быть направлены обратно в трудпосёлки. Ввиду этого дайте указания всем судебным органам, чтобы в случаях осуждения к лишению свободы трудпоселенцев в приговорах указывалось, что по отбытии определённой им меры наказания они подлежали направлению обратно в трудпосёлок».³

Ещё ранее циркуляром Наркомата юстиции (НКЮ) СССР от 20 июня 1933 г. «О порядке отбывания спецпереселенцами исправительно-трудовых работ по приговорам судов» устанавливался следующий порядок исполнения приговоров: «Спецпереселенцы, осуждаемые судами за совершенные ими преступления к исправительно-трудовым работам, исправительно-трудовым учреждениям системы НКЮ не передаются, а отбывают исправительно-трудовые работы в тех хозорганах, куда они были направлены органами ОГПУ до осуждения».⁴ Таким образом, всё делалось для того, чтобы осужденные из числа спецпереселенцев оставались внутри ГУЛАГ, а при определенных условиях и не покидали системы спецпоселений. С этой целью одна из нарымских комендатур (Александро-Ваховская) получила статус штрафной. Редко, но все же применялась практика вторичных, «штрафных» переселений из одних комендатур в другие, носивших, как правило, показательный характер. Так, в сентябре 1935 года по предложению секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии Р.И. Эйхе «за саботаж хлебосдачи и других мероприятий» 94 семьи спецпереселенцев (460 чел.) были переселены из Кольванской комендатуры «в отдаленные северные районы края».⁵

Наиболее массовыми деяниями, влекущими за собой уголовную ответственность спецпереселенцев на протяжении 1930-х гг., оставались побеги из мест посе-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938 гг. С. 60–61.

² Там же. С. 61, 278.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 16.

ления. По сводной статистике, отразившей динамику численности спецпереселенцев в 1932–1940 гг., из 2 176 тыс. прибывших за этот период на поселение бежали 629 042 чел., были «возвращены из бегов» 235 120 чел.¹ Можно поставить под сомнение точность карательной статистики, в т.ч. и неопределенность того, как вёлся подсчёт «возвращенных из бегов» (вошли ли сюда добровольно возвратившиеся?), но тенденции очевидны: побегі были массовым явлением и пошли на убыль только во второй половине 30-х гг. XX века.

Эволюционировала и практика борьбы с побегами. За десять лет, прошедших с ввода в действие первых нормативных документов по применению мер уголовного воздействия к бежавшим «кулакам», сложилась система наказаний различных категорий бежавших. В приказе НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 9 января 1941 г. «О порядке возбуждения розыска и предания суду лиц, бежавших из трудовых и специальных поселков НКВД» было десять пунктов, регламентировавших карательные процедуры, за каждым из которых стоял десятилетний отрефлексируемый опыт применения.² В преамбуле перечислялись подлежащие и не подлежащие розыску. К первым относили всех бежавших в возрасте от 16 лет и старше. Особо выделялись «лица, осужденные к лишению свободы с последующим (по отбытии наказания) водворением в трудпосёлки и не прибывшие к месту поселения». Вторые включали спецпереселенцев, восстановленных в гражданских правах и выбывших из мест поселения до издания известного Постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г., а также дети спецпереселенцев, «выбывших без надлежащего разрешения», на которых распространялось Постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г., разрешившее детям, достигшим 16 лет, выезд из трудпосёлков (т.е. дети, бежавшие из ссылки до достижения ими на момент бегства 16 лет и в силу различных причин, в т.ч. с ведома властей, не возвращенные в ссылку).

Наказание за побег оставалось неизменным – до трёх лет лишения свободы по ст. 82 УК РСФСР с последующим по отбытии срока наказания водворением в спецпосёлки. Уголовная ответственность в полном объеме применялась к бежавшим неоднократно и не имевшим на момент задержания ни определенных занятий, ни постоянного места жительства.³ Особо выделялись три категории бежавших и обнаруженных спецслужбами, которые суду не предавались и обратно в ссылку не водворялись, но ставились органами НКВД на оперативный учёт. Это касалось «лиц, бежавших из трудпосёлков, если после совершения побега они в течение 3-х лет и выше непрерывно занимаются общественно-полезным трудом и проживают в нережимных местностях»⁴, «бежавших из трудпосёлков женщин, если они после побега вышли замуж за лиц, занимающихся общественно-полезным трудом», «лиц, бежавших из трудовых посёлков и к моменту обнаружения оказавшихся нетрудоспособными», которых надлежало «отдавать под опеку родственников, проживающих в нережимных местностях», а переданных «под опеку через органы РКМ (милиции – С.К.) в принудительном порядке водворять в инвалидные дома по мес-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 213.

² Там же. Д. 213. Л. 23–26.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 25.

ту обнаружения». Дети до 16 лет, не имевшие родителей и не принятые под опеку родственников, направлялись в «детские дома общей системы».¹

Скрупулезный учёт ситуаций, с которыми сталкивались спецорганы, разыскивавшие бежавших из ссылки, свидетельствует о том, что карательная система чутко реагировала на реалии времени. Как и ранее, спецорганы не были заинтересованы в возвращении в ссылку недееспособных лиц (инвалиды и дети-сироты). Со временем с учётом потребностей экономики велся учёт бежавших молодых людей, сумевших к моменту их обнаружения «осесть» на производстве, стать ударниками и т.д. Чаще всего в такую «льготную» категорию попадали девушки, бежавшие из ссылки однократно в возрасте до 16 лет, вышедшие затем замуж за «вольных» граждан и занимавшиеся «общественно-полезным трудом».

Статус спецпереселенцев, определившийся через совокупность их прав и обязанностей и подкреплявшийся различными санкциями за отклонение от них, на протяжении десятилетия претерпел определенную эволюцию. В 1930 году, как отмечалось выше, перед правительственными органами ставилась задача законодательного оформления положения о спецпоселениях и содержавшемся в них населении. Единого нормативного документа не существовало, и правовой вакуум заполнялся своего рода суррогатами в виде региональных положений о спецпосёлках. Получив в своё ведение весной–летом 1931 года систему спецпоселения, ОГПУ предприняло шаг по созданию полноценного действующего документа, который должен был регламентировать положение спецпереселенцев в комендатурах. Результатом такого нормотворчества явилось «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Оно было разработано Отделом по спецпереселенцам ГУЛАГ и утверждено ОГПУ 25 октября 1931 года.² Данный документ имел временный характер, поскольку не получил утверждения обычным порядком в директивных органах. Но это не мешало применять «Временное положение...» на практике на протяжении всего десятилетия. «Временное положение...» весьма подробно регламентировало внутреннюю жизнь спецпоселков. В нём оговаривались общие положения, обязанности и права спецпереселенцев, обязанности и права комендатур, порядок привлечения к ответственности спецпереселенцев за уголовные преступления, осуществление прокурорского надзора, а также регистрация актов гражданского состояния.

К положению прилагалась «Инструкция о формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в поселках и к выполнению общественных и административных функций». Она обязывала трудоспособных переселенцев заниматься общественно-полезным трудом (при этом выбор места и характера работ оставался за органами ОГПУ), проживать только в посёлках и покидать их пределы только с разрешения комендантов, беречь и содержать государственное и общественное имущество, выполнять все постановления и указания официальных органов. Права спецпереселенцев были перечислены в 11 пунктах. Они уравнивали работавших на производстве с вольнонаёмными рабочими в вопросах оплаты труда и снабжения про-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 213. Л. 25, 26.

² Там же. Д. 3. Л. 132–141.

довольствием и товарами; давали право на полное восстановление во всех гражданских правах через пять лет со дня переселения, на медицинскую и социальную помощь, на приём спецпереселенцев и членов их семей в местные школы, на различные курсы на одинаковых условиях с вольнонаемными, на бригадные формы организации труда, ударничество и т. д., создание культурно-просветительных организаций, проведение собраний (с санкции комендатуры), получение и приобретение газет и литературы, издававшейся в СССР, обмен корреспонденцией, посылками и денежными переводами, возведение для себя за свой счет жилых домов и приобретение всякого имущества, передачу через комендатуры своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14 лет и нетрудоспособных стариков и старух.¹

Весной 1939 года НКВД СССР было разработано новое положение, учитывавшее реалии истекшего периода.² Он включал раздел из 15 пунктов, в которых прописывались права и обязанности трудпоселенцев. Перечень обязанностей, среди которых сохранялись две основные – заниматься общественно полезным трудом и не покидать пределы поселка, не претерпел изменений. Характеристики правового положения в новом документе сопровождалась отсылками на различные государственные решения. Со ссылкой на ст. 135 Конституции СССР устанавливались избирательные права трудпоселенцев, но далее указывалось, что права выезда из мест поселения трудпоселенцы не имеют. В двух пунктах подтверждались права детей трудпоселенцев на обучение в средних, специальных и высших учебных заведениях и в связи с этим или поступлением на работу право на выезд из мест поселения по достижении 16-летнего возраста (также со ссылками на правительственные постановления от 15 декабря 1935 г. и 22 октября 1938 г.). Здесь же подтверждалось право детей и потерявших трудоспособность инвалидов на переход на иждивение родственников или на социальное обеспечение государства (детские дома и дома инвалидов). Специальным пунктом (его не было в Положении 1931 г.) оговаривалось право трудпоселенцев, вступающих в брак с нетрудпоселенцами, на снятие с учёта и выезд из поселения (с оговоркой, что каждый отдельный случай рассматривается на уровне руководства УНКВД края или области).

Два правовых пункта в 1939 году были скорректированы. Так, было запрещено создавать в трудпоселках ячейки ОСОАВИАХИМ (как содействовавших военизации молодежи). К пункту о праве приобретения имущества, скота, инвентаря было сделано примечание о том, что количество скота в индивидуальном пользовании для членов сельхозартелей должно регулироваться Уставом артели.³

Эволюция статуса спецпереселенцев на протяжении 1930-х гг. проявлялась в том, что и обязанности, и продекларированные права весьма жёстко регламентировались и обрастали всевозможными директивами, циркулярами, разъяснениями ОГПУ–НКВД до размеров, «гасивших» правовые нормы, которые к тому же произвольно корректировались спецорганами. Выше уже отмечалось, сколь волюнта-

¹ Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск, 1993. С. 69–71.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–4. Данное положение так и не получило правительственного утверждения, но использовалось аппаратом ГУЛАГ в рабочем порядке.

³ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.

ристски менялось законодательство о восстановлении спецпереселенцев в гражданских правах. О грубых нарушениях и уголовных преступлениях, допускаясь руководством хозяйственных органов в отношении норм оплаты труда и снабжения спецпереселенцев, в документах 30-х гг. XX века говорилось как о массовых и обыденных явлениях. Из заработков спецпереселенцев удерживалось сначала 25, затем 15 и далее до 5 % на содержание аппарата комендатур. Медицинская и социальная помощь спецпереселенцам оказывалась также не в полном объёме, т.к. они, будучи «лишенцами», не состояли в профсоюзах и, следовательно, не имели соответствующих льгот.

Детей спецпереселенцев, как и детей «лишенцев», до 1936 года не принимали в техникумы и вузы страны, а после 1936 года препятствием их обучению стал запрет на проживание в т.н. режимных городах, в которых находилось большинство средних и высших учебных заведений. Дети до 14 лет и инвалиды могли передаваться на иждивение к родственникам, но это было сопряжено с различными процедурными сложностями, в частности, существовали ограничения на проживание в ряде местностей. Особенно массивным «частоколом» условий обставлялось право спецпереселенцев на изменение их правового положения при вступлении в брак с вольными гражданами. В циркулярном письме ГУЛАГ, изданном в августе 1931 года для разъяснения по данному вопросу, говорилось, что подобные изменения производятся «каждый раз путем индивидуального подхода к каждому отдельному случаю (в зависимости от поведения спецпереселенца или спецпереселенки, их отношения к труду, выполнения норм и т. п.)».¹

Реализация любых прав предполагает наличие механизма предотвращения или исправления допущенных дискриминаций или ущемления в правах. Теоретически спецпереселенцы имели право на обжалование решений администрации комендатур. «Временным положением...» 1931 г. коменданты обязывались «принимать устные и письменные заявления, жалобы и просьбы от спецпереселенцев, на месте разбирать и разрешать их в пределах своей компетенции в кратчайшие сроки. Вопросы же, выходящие за пределы компетенции комендатур, подлежат немедленной передаче в соответствующую инстанцию».² Нетрудно понять, что жалобы на действия сотрудников спецорганов рассматривались их же представителями, только рангом выше, что и предопределяло в большинстве случаев исход разбирательства. Масса заявлений по поводу «неправильной высылки», ущемления в праве на учёбу и других решений со стороны представителей власти на местах, даже если доходила до адресата (в секретариаты И.В. Сталина, В.М. Молотова, М.И. Калинина и др.), то возвращалась из Центра для исполнения функционерам спецслужб. В 1930-е гг. прокурорский надзор над органами ОГПУ–НКВД был очевидно неэффективным.

Таким образом, применявшийся в отношении спецпереселенцев механизм реализации законодательных и подзаконных актов по сути лишал основную массу репрессированных крестьян даже тех немногочисленных прав, которые были продекларированы. Нормативные документы (директивы, инструкции, циркуляры) ОГПУ

---

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

² Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 72.

–НКВД, изданные для разъяснения, были направлены в основном на ограничение возможностей спецпереселенцев воспользоваться теми или иными правами. Поэтому есть все основания для характеристики правового статуса спецпереселенцев как дискриминационного, квазиправового. Нормативные акты «гасили» действия законодательных.

На протяжении 30-х гг. XX века в ходе нормативного регулирования статуса различных групп и категорий спецпереселенцев внешне однородная масса репрессированного ссыльного крестьянства оказалась весьма сложно иерархизированной. Регулятором дифференциации в интересах власти выступали реализуемые на практике процедуры установления объемов прав, обязанностей и ограничений в отношении тех или иных групп спецпереселенцев. Спецпереселенческая масса по социально-демографическим основаниям делилась на трудоспособных и иждивенцев, на детей, подростков, взрослых и стариков, на глав семей и их членов (с выделением в особую группу молодежи), на восстановленных в правах и «неправовых граждан», на имевших право выезда из спецпоселений и не имевших такого права и т.д. На пересечении этих параметров в спецпоселках формировались два полюса – молодежь как квазипривилегированная группа и «неправовые» лица (главы семей, уделом которых становилась бессрочная ссылка). Между ними находилась пёстрая в социально-демографическом отношении масса спецпереселенцев (т. н. ударники труда, иждивенцы, многодетные матери, женщины, вышедшие замуж за «вольных», но проживавшие в силу ряда причин в спецпоселках, и т.д.). Подобная иерархия поддерживалась и культивировалась спецорганами, поскольку позволяла манипулировать групповым и индивидуальным поведением спецпереселенцев.

Источники и использованная литература:

1. АП РФ – Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 194.
2. ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 776.
3. ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 1221.
4. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1 в. Д. 458.
5. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 32. Д. 25.
6. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 3; Д. 5; Д. 26; Д. 30; Д. 53; Д. 56; Д. 89; Д. 213.
7. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26.
8. ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 8. Д. 2.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1.
10. СЗ СССР – Собрание законов СССР. – 1931. № 44. Ст. 298.
11. СЗ СССР. – 1935. № 7. Ст. 57.
12. *Адибеков Г.М.* Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП (б) 1930–1932 гг. // Исторический архив. – 1994. № 4. С. 145–180.
13. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
14. Советские конституции: Справочник. – М.: Госполитиздат, 1963. – 349 с.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. / С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск: ВО Наука, 1992. – 283 с.
16. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. / С.А. Красильни-

- ков, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р. К. Суханова. – Новосибирск: ЭКОР, 1993. – 341 с.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск: ЭКОР, 1994. – 310 с.

Krasilnikov S.A.

The regime of peasants' special settlements in the 1930s

In the early 1930s, during the most massive repressive actions, related with the deportation of the peasant families to remote regions of the country, was organized the system of special settlements, which has a number of features. The main feature is the functioning of this type of repression outside the legal field. This publication shows, that the departmental governing documents plays the role of regulators in special settlements on all sides of life. It means, the exiled peasants were in quasi-legal, «regime» status, which has been transformed depending on the priorities of the Stalinist regime's punitive policies.

Keywords: anti-peasant repressions, OGPU–NKVD special settlements, Soviet legislation, «regime» practice.

Суслов А.Б.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В 30-х – НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в.¹

Рассматривается проблема правового статуса спецпоселенцев, сопоставляется официальный и реальный статус. Раскрывается, каким образом нормировалась жизнь спецпоселенцев, какие существовали полуофициальные и неофициальные ограничения прав этой категории спецконтингента, анализируются дискриминационные практики.

Ключевые слова: спецпоселенцы, репрессии, сталинизм, ограничения прав, Урал.

Исследование правового статуса различных категорий советского зависимого населения является весьма значимым аспектом изучения социальной истории СССР. Проблема правового статуса спецпоселенцев получила определенное освещение в историографии², однако она требует дальнейшего углубленного изучения. Особенного внимания заслуживает сопоставление официального, провозглашенного *de jure*, и реального, установленного *de facto*, статуса спецпоселенцев, что помогает выявить латентную сущность советского этакратического общества. Рассмотрение проблемы на примере Уральского региона поможет подойти к её изучению более конкретно.

В первое время после начала массовых депортаций в 1930 году правовой статус спецпереселенцев был очерчен весьма приблизительно. Это, несомненно, создавало почву для произвола на местах. Более года прошло после начала спецпереселения. Прежде чем уральские власти разработали и утвердили суженным президентом Уральского облисполкома 11 апреля 1931 года (разослано 5 мая 1931 года) «Положение об обслуживании и управлении спецпереселенцами в Уральской области», регламентирующее деятельность органов, ответственных за обустройство и использование труда спецпереселенцев, а также права и обязанности последних. И только 7 октября 1931 году появляется «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных

Суслов Андрей Борисович – доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

¹ Переработанный и дополненный вариант статьи: Суслов А.Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х годов XX века // Известия Уральского государственного университета. – 2004. № 29. С. 118–130.

² См.: Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996; Красильников С.А. Серп и Молот. – М., 2003; Полян П. В. Не по своей воле... – М., 2001; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930–1936. – М., 1995; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954). – Мурманск, 1996; Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. № 10. С. 3–21; Он же. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Там же. 1992. № 2. С. 3–26; Он же. Массовое освобождение спецпереселенцев исылльных (1954–1960 гг.) // Там же. 1991. № 1. С. 5–26; Он же. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994. С. 145–194; Он же. Судьбы кулацкой ссылки (1930–1945) // Отечественная история. – 1994. № 1. С. 118–147; Зима В.Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. – 1994. № 3. С. 109–125; Плотников И.Е. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы // Отечественная история. – 1995. № 1. С. 160–179 и др.

правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», разработанное в недрах ГУЛАГа и утвержденное заместителем председателя Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) Г.Г. Ягодой. Заметим, что и то, и другое положения являлись подзаконными актами в то время, когда законов, определяющих правовой статус спецпоселенцев, не существовало.

«Спецпереселенцы как лица, лишённые избирательных прав и административно-сосланные, ограничиваются в правах, как личных, так и имущественных», – устанавливалось в уральском положении. Ограничения «личных» прав, согласно этому документу, состояли в «лишении права передвигаться и селиться по собственному усмотрению» и в «лишении права собраний без разрешения поселковых комендантов».¹ Не останавливаясь на том, что с юридической точки зрения в категорию личных попали и политические права, заметим, что и в уральском положении и во временном положении ОГПУ умалчивалось об ограничениях других прав спецпереселенцев. Явным образом ограничивались такие их личные (гражданские) права, как право на неприкосновенность личной и семейной жизни, право на неприкосновенность жилища, право на тайну переписки. Неявным образом – право на свободу от жестокого обращения и пыток, право на свободу совести и т.д. Из политических прав, помимо признаваемых для спецпереселенцев ограничений права на управление делами государства и свободы собраний, очевидно нарушалась свобода слова. Правда, все эти права и свободы ограничивались и для всего остального населения, поэтому нет ничего удивительного в отсутствии признания этого факта в официальных документах.

Нормы временного положения ОГПУ в некоторых случаях формулировались жестче, чем в уральском положении. К примеру, спецпереселенцам запрещалась не только отлучка за пределы поселка, но они не имели права без разрешения комендатуры ОГПУ менять как место жительства, так и квартиру. В свою очередь временное положение содержало важную в правовом отношении оговорку о том, что спецпоселенцы и их семьи, соблюдающие установленные для них правила и добросовестно относящиеся к порученной им работе, имеют право на полное восстановление во всех гражданских правах через 5 лет со дня переселения. Эта норма, смягчавшая правовые ограничения, по всей видимости, являлась стимулом повышения производительности труда спецпереселенцев и улучшения оперативной обстановки в спецпоселках. Очевидно лишение спецпереселенцев права на свободный выбор рода занятий и фактическое принуждение к труду. Во временном положении устанавливалась обязанность заниматься общественно-полезным трудом для всех трудоспособных спецпереселенцев; при этом право выбора места и характера работы для спецпереселенцев предоставлялось органам ОГПУ.

С известными оговорками можно говорить даже о фактическом лишении свободы этой категории населения. Жить и работать они могли только там, где укажут. Отказ от «общественно-полезного труда» карался в уголовном порядке. Выход за пределы спецпоселков не дозволялся. «У крепостных за неделю или после Юрьева дня было право перейти от одного хозяина к другому, – делится своими мыслями бывший спецпереселенец И. Шарыгин. – Мы же без разрешения комен-

---

¹ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 74. Л. 185об.

данта не могли ступить ни шагу».¹ Эмоции очевидцев подтверждаются следующими пассажами из указанных нормативных актов. Положением от 11 апреля 1931 года спецпереселенцам вменялась обязанность подчиняться установленным для спецпосёлков в местах работ правилам режима и внутреннего распорядка, и предусматривалась за нарушение их соответствующая групповая или индивидуальная ответственность. Временное положение от 7 октября 1931 года также обязывало спецпереселенцев беспрекословно и точно соблюдать устанавливаемые комендатурами ОГПУ в поселках порядки, постановления и указания поселковой администрации, местных советских органов и Советского правительства.

Уральское положение предусматривало такие меры административного воздействия к нарушающим правила режима и «злостно понижающим производительность труда», как предупреждение, перевод на более тяжелые работы, высылку в более отдаленные места ссылки, заключение в штрафную команду. Согласно временному положению ОГПУ комендатуры могли подвергать спецпоселенцев штрафу до 10 руб. или аресту до 10 суток за нарушение внутреннего распорядка и систематические прогулы, а также переводить в другие поселки. При этом для пресечения весьма распространенной, но абсолютно незаконной и бесчеловечной меры воздействия особо оговаривалось, что лишение права приобретения пайка ни в каких случаях и никаким органам не разрешается. Для привлечения к уголовной ответственности дела следовало передавать в органы Наркомата юстиции или ОГПУ.

Остановимся на одном из средств давления на спецпереселенцев, не предусмотренном советским законодательством, но предусмотренном положением. «В целях обеспечения порядка каждый спецпереселенец, достигший 16-летнего возраста, выдает комендатуре индивидуальное обязательство о подчинении его правилам режима и внутреннего распорядка по установленной форме, – говорится в документе. – Названные обязательства отбираются от глав семей в обеспечение ненарушения установленных правил семьей в целом и отдельными ее членами, равно от старших десятков групп и т.д. Последние обязательства имеют силу круговой поруки».² Расписки хранились у комендантов. Старшему поручалось следить за исполнением «отобранных» (характерное словечко! – А.С.) «обязательств», выявлять виновных, доносить о них коменданту, за укрывательство нарушителей старший привлекался к ответственности. Индивидуальные «обязательства» можно считать средством психологического давления на спецпереселенцев. Преследование же за невыполнение коллективных обязательств по средневековому принципу круговой поруки было уже за гранью существовавшего для остальных граждан законодательства. Дифференцированное применение к части населения (спецпереселенцам) принципа коллективной, а не индивидуальной ответственности за правонарушения на деле означало её дискриминацию.

Нельзя не заметить, что возможности использования целого ряда предоставленных советским гражданам социально-экономических прав для спецпоселенцев были явно ограничены по сравнению с вольнонаемными работниками. Особенно наглядно дискриминация проявлялась в 1930 – первой половине 1931 годов. Как со-

---

¹ Шарыгин И. Мы были волчатами // Рассвет. – 1992. 8 февраля.

² ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 74. Л. 186.

общал исполняющий обязанности начальника отдела по спецпереселенцам полномочного представительства ОГПУ по Уралу Н.Д. Баранов в своем «Обзоре об общем положении спецпереселенцев Уральской области» на 1 июля 1931 года, с начала переселения до мая 1931 года продолжительность рабочего дня для спецпереселенцев установлена не была, а также не было установлено дней еженедельного отдыха; по тресту «Ураллес» имелись случаи, когда дней отдыха спецпереселенцам совершенно не предоставлялось, и последние работали по 10–14 часов в сутки. Одновременно нормы выработки для спецпереселенцев завышались, а расценки занижались; задержки выплаты заработной платы измерялись месяцами и даже могли превысить год (нормы и оплата труда далее будут рассмотрены более подробно).¹ Несмотря на многочисленные несчастные случаи компенсации за увечья не выдавалось. Таким образом, люди работали в ужасных условиях практически бесплатно и не имели права оставить место жительства и работы. Только с мая 1931 года, после поступления соответствующих директив «сверху», спецпереселенцы формально уравниваются с остальными гражданами в отношении нормирования, оплаты и охраны труда.

Но дискриминация, тем не менее, оставалась. Спецпереселенцы не имели тех возможностей пользования медицинской помощью и культурными благами, которыми обладало остальное население. Положение от 11 апреля 1931 года фактически лишало спецпереселенцев ряда социальных гарантий, которыми они не обладали и изначально, устанавливая, что «спецпереселенцы, занятые на работах хозорганов и спецпоселках социальному страхованию не подлежат, за время болезни зарплаты и пособий от органов социального страхования не получают, пользуясь медпомощью в специальной сети или гражданских лечебных учреждениях». Ситуация изменилась лишь с выходом циркуляра Наркомата труда от 21 августа 1931 года, разрешавшего выплачивать спецпереселенцам страховое пособие на общих основаниях. Поэтому временное положение ОГПУ от 7 октября 1931 года уже несколько по-иному трактовало этот вопрос: за работающих по найму спецпереселенцев предусматривалось внесение страховых начислений в общем порядке. Кроме того, у них теперь имелось право на получение через органы соцстраха пособия по временной утрате трудоспособности, пенсий по инвалидности или смерти от трудового увечья, пособий на рождение и погребение на одинаковых с вольнонаемными рабочими (не членами профсоюзов) основаниях. Существенно ограничивалось для спецпереселенцев право на образование. В 1930 году в правилах приема в вузы и техникумы, утвержденных Наркоматом просвещения РСФСР, появилось указание, что лица, живущие на нетрудовой доход или лишенные избирательных прав, в эти учебные заведения не принимаются.

Заметим, что действия властей по уравниванию спецпоселенцев в правах, не касающихся свободы передвижения, с остальными гражданами не отличались последовательностью и носили декларативный характер. Появление каких-либо чрезвычайных обстоятельств, а они возникали постоянно, вновь и вновь ставило спецпоселенцев в положение изгоев. Характерен эпизод, случившийся летом 1932 года, когда руководство страны, оказавшись перед лицом продовольственного кризиса,

---

¹ Архив УВД Свердловской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Т. 1. Л. 18.

пошло на ограничение социально-экономических прав спецпереселенцев, установив для них заниженные, по сравнению с вольнонаемными рабочими, нормы снабжения. В 3-м квартале 1932 года, Наркомат снабжения уменьшил нормы снабжения спецпереселенцев, фактически нарушив правительственную установку о приравнивании спецпереселенцев в отношении снабжения к кадровым рабочим. Такая дифференциация вызывала естественное недовольство спецпереселенцев из-за явной несправедливости. Помощник начальника ОСП ПП ОГПУ по Уралу Соколов писал: «Вследствие неодинакового снабжения рабочих спецпереселенцев с кадровыми рабочими с мест поступают сведения о начавшемся недовольстве спецпереселенцев. Это особенно заметно в угольной и рудной промышленности, где разница в нормах снабжения, главным образом мукой, очень значительна (кадровые получают 24 кг, а спецпереселенцы 16 кг)».¹

Ущемления спецпереселенцев в снабжении продуктами и промышленными товарами, несмотря на указания партийных органов и ОГПУ, получили повсеместное распространение. К примеру, в сентябре 1933 года заведующий агитационно-массовым отделом Уральского обкома партии Захаров информировал, что на предприятиях треста «Кизелуголь» ларьки и магазины, обслуживающие спецпереселенцев, снабжаются во вторую очередь как продовольствием, так и промтоварами.² Однако на подобные нарушения партийные органы, да и ОГПУ, по всей видимости, смотрели сквозь пальцы. Сформировавшиеся в те годы мировоззренческие установки большинства руководителей ориентировали на классовое восприятие действительности, поэтому для них приоритет интересов кадровых рабочих был вполне естествен.

В 1935 году происходит восстановление спецпереселенцев в избирательных правах. Историк «кулацкой» ссылки на Урале Т.И. Славко обращает внимание на то, что выход соответствующего постановления не всегда означал его автоматическое выполнение. Поправляя В.Н. Земскова, отметившего, что «бывшие кулаки» были восстановлены в избирательных правах 25 января 1935 года, Т.И. Славко замечает, что «материалы уральских архивов свидетельствуют о том, что восстановление спецпереселенцев из числа бывших кулаков шло в индивидуальном порядке и в последующие месяцы».³ Кроме того, Т.И. Славко указывает на то, что хотя восстановление в избирательных правах многими воспринималось как освобождение, на деле это освобождением не было. Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 года узаконило пожизненность «кулацкой ссылки». Оно подкреплялось действием распоряжения начальника отдела трудпоселений НКВД «О запрете выдачи трудпоселенцам документов» от 2 марта 1935 года. О реальном освобождении сколько-нибудь значимых слоев ссылки можно говорить только после выхода Постановления СНК СССР «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» от 22 октября 1938 года. Очевидно, что оно касалось только молодежи и преследовало вполне прозрачную цель: оторвать молодежь от старшего поколения. В годы войны спецпоселенцев начали призывать в Красную армию. Только из Молотов-

¹ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 91. Л. 233–234.

² ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 43.

³ Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936 гг. – М., 1995. С. 143.

ской области были призваны 2 666 человек. Находящихся в армии и членов их семей стали снимать с учёта, им начали выдавать паспорта в сокращенные сроки.

Довольно часто одни нормативные акты сводили на «нет» права, предоставляемые другими. Например, с 1935 года детей трудпоселенцев разрешалось принимать после окончания средней школы в техникумы и вузы на общих основаниях. Однако последующий запрет на проживание в режимных местностях, к которым относились и крупные города, где в основном находились вузы и техникумы, практически блокировал реализацию трудпоселенческой молодежи права на образование (высшее образование¹).

Вряд ли можно согласиться с утверждением В.Я. Шашкова, что, «несмотря на экстремальные, лагерные условия жизни спецпереселенцы вместе с правовым населением СССР были включены в процесс социально-культурного развития, пользовались равными правами на труд и социальное обеспечение».² Достаточно обратить внимание на то, что из зарплаты спецпереселенцев удерживался определенный процент на содержание спецкомендатур и т. п. и что не имеющие паспортов трудпоселенцы не могли быть членами профсоюзов с вытекающими из этого лишениями ряда социальных льгот. В 40–50-х гг. XX века спецпоселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении в то время, скажет, что реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Тем не менее, в разъяснениях отдела спецпоселений говорилось о том, что для них не устанавливается никакого особого режима, кроме запрета оставлять место жительства. В регионах, где был введен паспортный режим, спецпоселенцам выдавались паспорта со специальной отметкой, где его не было – паспорта изымались. По условиям труда, обеспечению жильем спецпоселенцы формально приравнивались к остальным. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация.

8 января 1945 года появляется постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», ставшее в последующие годы основным документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев. Согласно этому постановлению, спецпереселенцы, в том числе члены семей «бандитов», в местах поселения пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением права свободного выезда за пределы района поселения. За побег следовала уголовная ответственность. При этом спецпоселенцы часто расселялись не в изолированных спецпоселках, а были разбросаны по совхозам, колхозам, предприятиям, расселены среди местного населения в зависимости от наличия жилплощади. Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась. Для контроля существовали спецкомендатуры МВД, на которые возлагался учет спецпоселенцев, предотвращение побегов, контроль за их хозяйственным и трудовым устройством, предупреждение беспорядков

---

¹ На трудностях получения среднего образования в спецпоселках здесь останавливаться не будем. – А.С.

² Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954). – Мурманск, 1996. С. 261 (термин «правовое население» непонятен, но Шашков его использует, видимо, для обозначения тех, кто не был поражён в правах – А.С.).

и т.д.¹ Лишение свободы по-прежнему не спасало от спецпоселения после отбытия срока. Приказ министра госбезопасности С. Игнатъева и министра внутренних дел С. Круглова предусматривал целый комплекс мер по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении».²

Степень свободы спецпоселенцев в реальности могла зависеть от целого ряда факторов, не имевших никакого отношения к правовым нормам, в первую очередь от места их дислокации и предприятий, где использовался их труд; от этого зависел и режим, устанавливаемый для них. Как уже указывалось, спецпоселенцы жили не только в специальных поселках. Их могли поселить вместе с остальными рабочими предприятий или совхозов, а могли разместить и в действующих лагерях. Так, согласно статистическим сведениям Ныробского лагеря (Ныроблаг) на 12 марта 1949 года в лагере насчитывалось 959 спецпоселенцев³, в Усольском лагере (Усоллаг) 10 марта 1949 года – 646 спецпоселенцев⁴, в лагере строительства № 881 согласно статсведениям от 15 марта 1949 года содержалось 2 354 выселенца⁵, на Косьвинстрое МВД (строительство Косьвинского гидролизного завода) на 17 августа 1949 года насчитывалось 184 выселенца-немца.⁶ Понятно, что в лагерях для спецпоселенцев устанавливался более жёсткий режим, несмотря на то, что обычно они жили отдельно от заключённых. Таким образом, на практике проявлялась неоднородность правового статуса спецпоселенцев.

Заметим, что отсутствие свободы передвижения в действительности блокировало реализацию ряда других прав. Например, детям спецпоселенцев разрешалось учиться в высших и средних учебных заведениях, что, казалось бы, давало возможность свободного выбора рода занятий. Однако в реальности многое препятствовало этому. Член семьи спецпоселенцев мог избрать только такую специальность, которая бы имелась в учебных заведениях области его поселения или в другой области, ставшей местом размещения спецпоселенцев. В области или даже районе, где режим спецпоселения отсутствовал, учиться члену семьи спецпоселенцев не разрешалось. По окончании учебного заведения выпускник часто не мог выбрать желаемый для работы район или область, более того, его не могли направить даже по наряду соответствующего министерства для работы туда, где ведомство испытывало нужду в специалистах, если организация спецпоселения на этой территории не была предусмотрена. Как писал в своей докладной начальник управления МГБ по Молотовской области полковник Кремлев, спецпоселенец после окончания педагогического или медицинского института может оказаться работающим не по полученной специальности, так как местные партийные и советские органы воспитание советских людей и лечение граждан спецпоселенцам в ряде случаев не доверяют, предлагая руководителям лечебных и учебных заведений с работы таких лиц

---

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 206.

² Там же. Оп. 1. Д. 447. Л. 104-105.

³ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 485. Л. 188-193.

⁴ Там же. Д. 486. Л. 13-18.

⁵ Там же. Л. 143-147.

⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 157.

снимать. Поэтому даже региональный руководитель карательного ведомства осмеливается обозначить перед своим начальством альтернативу: или запретить спецпоселенцам учёбу в некоторых заведениях, или создать условия, при которых после окончания учебных заведений они могли бы занимать должности по полученной специальности. Ему, конечно, хотелось избежать неправильных действий, вызванных двусмысленностью установок свыше. Он по-солдафонски не мог понять (или делал вид, что не мог), почему бы не признать фактическое ущемление прав отдельных категорий населения. Политическое руководство страны имело свои зоны не делать этого. По-видимому, сказывалось нежелание раскрыть всю правду о спецпоселенцах как зарубежным наблюдателям, так и своему народу. Да и большинство спецпоселенцев, не столкнувшись с конкретной ситуацией, могли и не догадываться о существовавших правовых коллизиях. Анализируя факты из той же сферы, можно видеть, что лишь ничтожная часть спецпоселенцев попадала в вузы. В декабре 1952 года в Молотовской области учились 10 862 детей спецпоселенцев, ещё 516 детей, подлежащих обучению, не учились «по причинам материальных условий и болезни». 7 802 человек посещали начальную школу, 2 932 – среднюю и только 128 – высшую. Окончить вузы в 1950/51 учебном году смогли только 7 спецпоселенцев, в 1951/52 – 15.¹

Циничное отношение властей к правам спецпереселенцев, которыми они якобы обладали, наглядно показывает попытка МВД помочь им в реализации права на семейную жизнь. Нельзя сказать, что это право полностью попиралось. Однако в ходе массовой отправки на спецпоселение многие семьи были разъединены по разным причинам. Большая часть – по причине мобилизации в трудовую армию. Естественно, что мобилизованные изыскивали любые возможности выехать к своим семьям, которые, как правило, бедствовали без них. Примечательно, что пермские руководители НКВД отмечают этот факт как «недостаток в обслуживании спецпереселенцев» и сетуют, что «все без исключения предприятия, в которых они трудоустроены, испытывают острый недостаток жилфонда, в силу чего в недостаточной степени создают условия для вызова их семей, что в свою очередь не стимулирует их оседлости в настоящих местах поселения и влечет за собой со стороны спецпереселенцев массовую подачу заявлений во всевозможные органы власти».² Очевидно, что о нарушении права на семейную жизнь тысяч людей чекисты даже не задумываются, для них главная опасность – почти открытое проявление недовольства подведомственным контингентом, таящее угрозу подрыва установленного режима.

Соединением разрозненных в годы войны семей стали заниматься систематически только во второй половине 40-х гг. XX века. Причем, в зависимости от директив МВД то предпринимали активные действия, то нет. Судя по отчёту заместителя начальника УМВД Молотовской области подполковника Иванова от 28 июля 1950 года, в Молотовской области на 1 января 1949 года проживали 5 650 разрозненных семей. За 1949 год и первую половину 1950 года в ходе компании по воссоединению семей были восстановлены 2 766 семей (5 003 человек). Большин-

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9. Л. 223-224, 226.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 358. Л. 119.

ство из оставшихся 2 884 разрозненных семей относились к категории выселенных во время Отечественной войны немцев из числа коренных жителей Урала, Сибири и Средней Азии, мобилизованных для работы в промышленности Молотовской области. Об остающихся разрозненными семьях говорилось, что они «не соединены по независящим от УМВД причинам». Причина указывалась только одна: многие спецпоселенцы, кто, сознательно относясь к своему труду, а кто и по принуждению, прошли профессиональную подготовку и приобрели специальности работников угольной, лесной или бумажной отраслей. И именно «поэтому, – указывалось в отчёте, – руководители хозяйственных и партийных организаций в целях сохранения рабочей силы возражают в увольнении с работы». Если трудившиеся на других предприятиях члены семей прошедших профессиональную подготовку спецпоселенцев также успели приобрести дефицитную квалификацию, то попадали в аналогичную ситуацию. «В свою очередь, к значительному количеству выселенцев-спецпоселенцев, желающих вызвать к себе свои семьи из других областей, последние на соединение не присылают, так как органы МВД других областей отказывают в выезде в Молотовскую область также из-за отсутствия согласия администрации хозяйственных органов на увольнение с работы», – поясняется в отчёте Иванова.¹ Напрашивается, пусть отдаленное, сравнение спецпоселенцев с крепостными XVIII века: членов семей и тех и других могли взять к себе разные хозяева. Хозяйственная целесообразность, таким образом, оказывалась выше декларированных государством прав спецпоселенцев.

По правовому статусу некоторые категории спецпоселенцев могли отличаться от других. Причём этот статус определялся и изменялся в соответствии с государственным произволом. Так, например, для высланных в годы войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, калмыков, немцев, крымских татар и других в момент высылки не устанавливался срок пребывания на поселении. Только через несколько лет Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» устанавливалось, что переселение «проведено навечно». Самовольный выезд с мест поселений карался 20 годами каторжных работ. Дабы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого Указа, чекисты разработали специальную операцию по ознакомлению выселенцев с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где «отбирали» расписку об ознакомлении с ним. Сегодня можно только поражаться тому, как некогда изобретенный в бюрократических недрах карательных органов термин «отобрать расписку» точно отражал сущность явления. Всего по Молотовской области, по данным МВД, «было отобрано» 38 378 расписок.²

Другую категорию спецпоселенцев – «власовцев» (служивших в немецких воинских формированиях, полиции и т.д.) – отправили на поселение сроком на 6 лет без семей, в отличие от большей части спецпоселенцев, сосланных по национальному признаку навечно. По отношению к «власовцам» репрессивная система сра-

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 18. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 507. Л. 90.

ботала неожиданно мягко (конечно, если рассматривать репрессии в сравнительном аспекте). В 1952–1953 годах подавляющее большинство «власовцев» освобождаются из спецпоселений. Однако остальные по принципу принадлежности к депортированным народам зачислялись на вечное поселение. В Молотовской области на 1 января 1952 года на поселении жили 12 257 «власовцев», из них к 1 апреля 1952 года на вечное поселение был зачислен 491.¹ Характерно, что это мероприятие тщательно готовилось: власть боялась беспорядков. С Указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года и от 26 ноября 1948 года спецпоселенцев-«власовцев» ознакомили только 1 февраля 1952 года, т. е. незадолго до истечения 6-летнего срока ссылки. В этот день всех «власовцев», подлежащих зачислению на вечное поселение по национальным признакам, вызывали в спецкомендатуры области, где им объявлялись указы и «отбирались» соответствующие расписки. По сведениям из комендатур, эксцессов не наблюдалось, преобладающее большинство оставленных на вечное поселение высказывало намерение вызвать к себе семьи и остаться работать на прежних местах.

Логика решения вопроса о переводе на вечное поселение представителей депортированных народов, подлежащих освобождению как «власовцы», понятна: уравнивать их с ранее сосланными соплеменниками. Иногда региональные руководители НКВД ставили перед начальством проблемы, связанные с нивелированием правового статуса отдельных групп спецпоселенцев. Так, начальник управления МГБ по Молотовской области полковник Кремлев и начальник 9-го отделения того же УМГБ полковник Кудрявцев в своей справке от 17 декабря 1952 года предлагали снять со спецпоселения немцев – коренных жителей области, мотивируя это тем, что по распоряжению ОСП МВД СССР в 1949 года бывшим отделом спецпоселений УМВД были взяты на учёт спецпоселения немцы, жители города Молотова и области, в то время как это мероприятие в других областях не проводилось.

Любопытно, что дифференцировалась уголовная ответственность различных категорий спецпоселенцев за побег. Так, согласно циркуляру МВД и Генеральной прокуратуры СССР от 14 февраля 1947 года, бежавших «власовцев», легионеров, полицейских и других лиц, служивших в немецкой армии, надлежало привлекать к уголовной ответственности по ст. 82, ч. 2 УК РСФСР и соответствующим статьям республиканских кодексов; спецпоселенцев с Северного Кавказа, калмыков, крымских татар и др., переселенных в период Великой Отечественной войны, – по ст. 16 и ст. 82, ч. 1, мобилизованных и дезертировавших немцев – по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г или 26 декабря 1941 г. (в зависимости от характера предприятия, откуда дезертировал). По отбытии срока наказания всех их следовало этапировать к месту поселения семьи.

Политическое руководство имело возможность в любой момент по собственному произволу ущемить права любой категории спецпоселенцев. Один из примеров того – Постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1952 года «Об использовании лиц, подлежащих освобождению от спецпоселения, на предприятиях и строительствах Министерства внутренних дел СССР, а также на предприятиях и строительствах Министерства угольной промышленности и Министерства неф-

---

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.

тяной промышленности, расположенных в Сахалинской области».¹ В соответствии с ним МВД предприняло меры по закреплению сахалинских спецпоселенцев по месту работы ещё на три года в качестве вольнонаемных рабочих и служащих. То, что на них распространялись все льготы, выдавались ссуды на строительство домов и приобретение скота, оплачивалась стоимость проезда семей и провоза багажа, не перекрывает того, что власть фактически продлевала время вынужденного пребывания в ссылке уже «свободных» людей, пусть и в привилегированных условиях.

Государственный произвол выражался и в применении ряда изощренных приёмов изъятия у спецконтингента заработанных им средств. К ним можно отнести и уже отмеченные отчисления на содержание спецконтингента и его охрану, и принудительные займы. Вот только один пример. В докладной записке «О размещении Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР по Ныроблагу (Ныробскому лагерю – А.С.) МВД» от 13 мая 1946 года отмечалось, что на заём подписались 2 243 вольнонаемных работника, в том числе «значительная прослойка спецпереселенцев, трудпоселенцев и бывших судимых», общая сумма подписки составила 13 000 025 руб., или 148,2 % к месячному фонду зарплаты. Только из трудмобилизованных немцев на заем подписались 4 610 из 4 617 человек списочного состава, сумма подписки составила 1 140 925 руб., или 122 % к фонду зарплаты.² Никакой фантазии не хватит, чтобы представить картину добровольного пожертвования практически каждым нищим спецпоселенцем или трудармейцем суммы, превышающей месячный заработок. Так государство, поставившее людей на грань выживания, не стеснялось отбирать последние гроши у полуголодных и полурядетых бесправных подданных.

Реальное бесправие делало жизнь в спецпоселках невыносимой. Зависимый статус спецпоселенцев превращал их в объект произвола. Наряду с тяжёлой работой, отвратительным снабжением и бытовыми лишениями, изгоям общества приходилось терпеть притеснения и издевательства комендантов и прочих мелких начальников. Они могли самовольно поднять нормы или снизить расценки, отказать в выдаче пайка за невыполнение двойной нормы, снять со снабжения беременных женщин, объявить симулянтами действительно нетрудоспособных, да и просто побить зависимых от них людей.

Сам характер спецпереселения, негативное отношение к «кулаку», насаждавшееся свыше, делали произвол на местах не только возможным, но и распространённым явлением, несмотря на обилие распоряжений о внимательном отношении к спецпереселенцам. Только в такой атмосфере могло стать массовым «преступно-издевательское отношение» (подчеркнуто в документе – А.С.) к спецпереселенцам, о котором говорится в циркуляре председателя Уральского облисполкома «О расселении, хозобустройстве и использовании труда спецпоселенцев» от 9 мая 1931 года. В ряду часто встречающихся упоминаются такие факты, как «постройка поселков на таких участках, где невозможно организовать и вести минимально-потребительское хозяйство, отвратительное по качеству строительство поселков...

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 446. Л. 150-151.

² Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 3839. Оп. 10. Д. 5. Л. 13-14.

невыдача зарплаты спецпоселенцам (Чусовской леспромхоз), установление специальных невыполнимых норм выработок, невыдача продуктов питания работающим на лесозаготовках спецпоселенцам и необходимой одежды, отказ заболевшим спецпоселенцам в оказании медпомощи (Петропавловский и Колвинский леспромхозы), принудительный выгон на работу женщин в последнем периоде беременности и детей, избиения и т. п.»¹

На заседании Уральского обкома ВКП (б) 4 августа 1931 года отмечались случаи, когда из-за невыработки нормы сажали на 30 суток в баню при 30-градусном морозе: «днём работать, а ночью иди в замороженную баню». Женщин наказывали таким образом на 8 суток, мужчин – на 30. Был случай, когда милиционер за отказ от работы застрелил спецпереселенца; симптоматично, что наказания не последовало, убийцу лишь перевели в другой район. «Имелось много случаев перегибов (побои, незаконные аресты и т.д.), проводившиеся непосредственно администрацией ЛПХ», – сообщал исполняющий обязанности начальника отдела по спецпереселенцам полномочного представительства ОГПУ по Уралу Н.Д. Баранов в июле 1931 года.²

Конечно, произвол сотрудников комендатур не являлся безграничным. Государство время от времени демонстрировало местным начальникам, что рабочая сила зависит от него, а не от них, привлекая зарвавшихся к уголовной ответственности. Например, в конце 1931 года три поселковых коменданта из Чердынского и Чусовского районов Западного Урала за умышленные убийства спецпереселенцев постановлением Коллегии ОГПУ были приговорены к высшей мере наказания с заменой её 10 годами заключения в концлагерь.³ Коменданты чинили произвол в отношении спецпереселенцев не только на Урале, но и во всех других уголках страны. К примеру, тобольский историк Н.И. Загороднюк собрала целый ряд свидетельств о произволе комендантов спецпоселков в Северо-Западной Сибири, в том числе самых вопиющих. Самодур при исполнении комендантских обязанностей мог не только избить человека, как когда-то барин крепостного, но и сидел на экзаменах в школе, определял, куда пойти учиться молодым людям после школы, разрешал жениться или нет...⁴

Произвол комендантов и администраций предприятий, использовавших труд спецпоселенцев, имел место и по отношению к «раскулаченным» в 1930-е годы и по отношению к депортированным в 1940-е годы. Например, на шахте № 73 Гремячинского шахтоуправления был зафиксирован следующий факт. 15 декабря 1948 года начальник ЖКО Кучапин приказал коменданту домов перевести 26 выселенцев из барака в баню, не приспособленную для жилья. Выселенцы отказались в неё вселяться до прибытия поселкового коменданта. Тогда по приказанию Кучапина, имевшему цель создать неподчинившимся невыносимые для жизни условия, из окон барака были изъяты рамы. Такое действие имело ещё одно негативное след-

¹ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 66. Л. 75.

² См.: ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 66. Л. 75; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 37-54; Архив УВД Свердловской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Т. 1. Л. 12об.

³ См.: Население России в XX веке. – М., 2001. Т. 1. С. 290.

⁴ См.: *Загороднюк Н.И.* Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929-1940 гг.): дис... канд. ист. наук. – Тобольск, 1999. С. 88.

ствие: у выселенцев замерз картофель. Подобное отношение к спецпоселенцам вело к отождествлению лагерного и спецпоселенческого режимов в умах многих несчастных. А некоторым особо натерпевшимся и тюрьма виделась раем. Так, работающая в Юрлинском лесопромышленном хозяйстве выселенка-«оуновка» А.И. Гуменюк в феврале 1951 года заявила в кругу таких же, как она: «Весной я обязательно сбегу. Лучше быть в тюрьме, чем здесь. В тюрьме кормят, одевают, а здесь же, в лесу, гораздо труднее». Некоторые сравнивали фашистский оккупационный режим с советским и приходили к неутешительному выводу: «Когда немцы пришли в Крым, то я считал, что нам будет плохо, а вышло, наоборот, при немцах нам была полная свобода, что хотели, то и делали, а сейчас, что с нами сделали – превратили в преступников и не разрешают никуда ни выехать, ни пойти».¹

Социальная маркировка спецпереселенца как «врага», бывшего «кулака», представителя «изменившего родине» народа и т.п., общепринятая в советском обществе в 30–40-е годы XX века, являлась существенным дополнением к реальному правовому статусу депортированных. Она нормировала поведение и самих спецпоселенцев, и соприкасавшихся с ними людей.

Тоталитарная система формировала настоящую подсистему страха у руководящих работников: никто не хотел оказаться заподозренным в лояльном отношении к «врагам народа». В начале 30-х гг. XX века спецпереселенцы, безусловно, входили в их число, хотя сам этот термин ещё не был введён в официальную лексику. Характерный случай припомнил на заседании бюро Уральского обкома ВКП (б) 4 августа 1931 года представитель Усьвинского района Гулин: «4 месяца назад, когда мы принимали спецпереселенцев, в столовой остался обед, хозяйственники предложили накормить спецпереселенцев, а партийные организации предложили не давать этого обеда спецпереселенцам, и весь обед вылили на землю, а людей голодных не накормили».² Понятно, что в такой атмосфере недоброжелательности, когда даже тень сочувствия вызывала патологическую боязнь показаться лояльным к врагам, тот же самый страх побуждал доносить о малейших подозрениях в отношении «врагов». Руководители предприятий, использовавших труд спецпоселенцев, часто не стеснялись публично демонстрировать свою неприязнь к ним. Например, заместитель директора Мутихинского леспромхоза треста «Молотовбумлес» на собрании рабочих 2 декабря 1948 года в ответ на просьбы выселенцев улучшить бытовые условия и снабжение заявил: «Пусть подохнут 10–15 человек, мы от этого не пострадаем».³ Понятно, что такие руководители вряд ли считали нужным прилагать усилия для обустройства спецпоселенцев.

Таким образом, официальное лишение спецпоселенцев свободы передвижения вызывало как неизбежное следствие ряд полуофициальных и неофициальных ограничений прав этой категории спецконтингента. Некоторые различия правового статуса разных категорий спецпоселенцев не столь существенны, по сравнению с чертами, их сближающими. Зависимость спецпоселенцев от государства и его пред-

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 163; Архив УВД Пермской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 279.

² ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 37-54.

³ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 154.

ставителей на местах подчеркивалась негласной маркировкой «отчужденности» от интересов «трудового народа» «кулаков», «оуновцев», «сектантов» и т.п., что делало их объектом дискриминации и издевательств со стороны части населения и местных чиновников.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Архив УВД Пермской области. Ф. 18. Оп. 1. Д. 15. Л. 35; Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 279; Ф. 21. Оп. 1. Д. 8. Л. 52; Д. 9. Л. 223-224, 226.
2. Архив УВД Свердловской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Т. 1. Л. 12об., 18.
3. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 447. Л. 104-105; Оп. 1а. Д. 446. Л. 150-151; Оп. 2. Д. 199. Л. 157, 206; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 358. Л. 119; Д. 471. Л. 154; Д. 485. Л. 188-193; Д. 486. Л. 13-18, 143-147; Д. 507. Л. 90; Д. 471. Л. 163.
4. ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 66. Л. 75; Д. 74. Л. 185об., 186; Д. 91. Л. 233–234.
5. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 3839. Оп. 10. Д. 5. Л. 13-14.
6. ЦДОО СО – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 37-54; Оп. 12. Д. 98. Л. 43

Общая и специальная литература:

7. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. № 10. С. 3–21.
8. *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. – 1992. № 2. С. 3–26.
9. *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. – 1991. № 1. С. 5–26.
10. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994. С. 145–194.
11. *Земсков В.Н.* Судьбы кулацкой ссылки (1930–1945) // Отечественная история. – 1994. № 1. С. 118–147.
12. *Зима В.Ф.* Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. – 1994. № 3. С. 109–125.
13. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.
14. *Красильников С.А.* Серп и Молот. – М., 2003.
15. *Плотников И.Е.* Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы // Отечественная история. 1995. № 1. С. 160–179.
16. *Полян П.В.* Не по своей воле... – М., 2001.
17. *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале: 1930–1936 гг. – М., 1995.
18. *Шарыгин И.* Мы были волчатами // Рассвет. – 1992. 8 февраля.
19. *Шашков В.Я.* Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930-1954). – Мурманск, 1996.
20. *Solomon P.* Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge, 1996.

Suslov A.B.

Legal status of special exiles in the Urals during the 30s – early the 50s of the 20th century

The essay is aimed to explore the special exiles' law status. The comparison of official status of special exiles and their factual status. The author describes how special exiles' life was controlled, what semi-formal and informal limitations of special exiles' rights were existed. The author analyses special exiles' discrimination in a real life.

Keywords: special exiles, repressions, Stalinism, human rights limitation, Ural.

Кириллов В.М.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье выделяется четыре периода в развитии историографии по проблеме репрессий против российских немцев: с середины 80-х гг. XX века по настоящее время. Выявлено восемь крупных дискуссионных проблем исследований и проанализированы основные подходы к их решению. Наиболее сложным вопросом является процесс депортации национального меньшинства, определивший дальнейшую судьбу немецкого народа. Историографический анализ показал наличие многих «белых пятен» в исследовании проблемы.

Ключевые слова: российские немцы, историографическая модель, политические репрессии, антинемецкие кампании, немецкая операция, депортация, трудовая армия, спецпоселение, амнистия, реабилитация.

Исходя из требований историографической модели, можно выделить определенные периоды в развитии историографии проблем политических репрессий против российских немцев.¹

Первый период развития историографии: **середина 1980-х – начало 1990-х гг.** Общественно-политическая ситуация данного времени определялась правящей коммунистической партией и была порождена инициативой с её стороны. К этому моменту с российских немцев сняли обвинения, прозвучавшие в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. (1964 г.) и ограничения, связанные с выбором места жительства (1972 г.). Процесс реабилитации активизировался, его своеобразным пиком стало принятие Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14.11.1989 г.

В печати появились воспоминания И.И. Кроневальда, П. Хермана и других трудармейцев о трудовой мобилизации, публицистические работы Э. Беккера, Н.Ф. Бугая о депортации.² Значительную роль в этом сыграли усилия редакции альманаха «Heimatliche Weiten» при газете «Neues Leben». В марте 1989 года основано немецкое общество «Возрождение». По инициативе КПСС, проведены первые республи-

---

Кириллов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил).

¹ Историография по проблеме рассматривалась ранее в работах: *Чернова Т.Н.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», Москва, 18–20 нояб. 1998 г. – М., 1999. С. 261–278; *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. – М.: Изд-во МГУ, 2001. Вып. 7. С. 154–162; и др.

² *Kronewald J.* An der Arbeitsfront // Heimatliche Weiten. – 1982. Nr. 1. S. 235–249; *Hermann P.* Für den Sieg, für den Frieden // Ibid. 1985. Nr. 2. S. 232–238; *Беккер Э.* Депортация советских немцев в годы Второй мировой войны // Форум. – 1987. № 16. С. 102–108; *Бугай Н.Ф.* За что переселяли народы? // Агитатор. – 1989. № 11. С. 22–25.

канские научные конференции в Казахстане по проблемам межнациональных отношений (май 1988 г.) и «Немцы в братской семье советских народов» (июнь 1989 г.). На 2-й из них прозвучали эмоциональные обличения преступлений сталинского режима и были представлены конкретные сведения о депортации немцев в Казахстан, о трудовой армии и спецпоселении. Принципиальное значение имела первая Всесоюзная научная конференция, посвященная российским немцам и проведенная по инициативе Института марксизма-ленинизма и Академии наук СССР в ноябре 1989 г. «Советские немцы: история и современность». В 1990 г. в Травемюнде под Любеком Институтом германских и восточноевропейских исследований проведена первая научная конференция по истории и культуре российских немцев с участием ученых из СССР.¹

Теоретико-методологическими основами всей отечественной литературы, издаваемой в рассматриваемый период, являлась методология марксизма-ленинизма и репрессии против народов трактовались как отступление от ленинской линии в национальном вопросе. Все отечественные историки прошли обучение в советской высшей школе и в подавляющем большинстве придерживались её традиционных методологических позиций. Источниковедческая база этого периода была ещё очень небольшой, в связи с засекреченностью архивных фондов. Однако благодаря исследовательской активности Н.Ф. Бугая начинают осваиваться документы из особой папки И. Сталина, а В.Н. Земсков работает в фондах ГУЛАГа в ГАРФ. В распоряжении историков немногочисленные воспоминания трудармейцев и первое издание книги Г. Вольтера «Зона полного покоя», основанной на свидетельствах очевидцев.²

Второй период развития историографии по проблеме репрессий, по нашему мнению, **начался в 1991 году**. Основанием для его выделения является несколько значимых событий, произошедших в это время: распад СССР, образование РФ, выход в свет указов «О реабилитации жертв политических репрессий» и «О реабилитации репрессированных народов». В 1992-1993 гг. начинается «архивная революция», теперь в секретные архивы попадают рядовые исследователи, начинается рассекречивание архивов ФСБ и МВД. Одновременно с потоком разоблачительных публицистических работ выходят первые серьезные научные работы. Наряду с публикациями Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова появляются работы Л.П. Белковец, Р.С. Бикметова, В.И. Бруля, Н.Э. Вашкау, А.А. Германа, В.М. Кириллова, А. Кичихина, В. Кригера, Г.Я. Маламуда, В.П. Мотревича, Т.Н. Плохотнюк, А.А. Шадта и других.

В 1992 году вышла первая часть книги А.А. Германа «Немецкая автономия на Волге. 1918-1941 гг.». Уже в середине 90-х гг. XX века защищены докторские диссертации полностью или частично связанные с проблемой репрессий против российских немцев: А.А. Германа, В.М. Кириллова.³ Меняется организационная струк-

---

¹ Российские немцы вчера и сегодня: сб. материалов международной научной конференции 1990 г. в Травемюнде под Любеком / Под ред. Б. Майснера, Г. Нейбауэра и А. Айсфельда. – Кельн: Маркус, 1992. – 292 с. (Die Russlanddeutschen Gestern und heute / Hrsg. В. Meissner, Н. Neubauer, А. Eisfeld. – Koln: Markus, 1992. – 292 с.).

² Вольтер Г. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. Изд.-е 2-е, доп. и испр. / Под ред. В.Ф. Дизендорфа. – М.: ЛА «Варяг», 1989. – 416 с.

³ Герман А.А. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918– 1941): автореф.

тура исследований. Начинаются ежегодные международные «немецкие» конференции, формируются исследовательские центры в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Новосибирске, Оренбурге. Создаются Общественная академия наук российских немцев (1994 г.) и Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (1995 г.).

Теоретической основой разработки основных проблем темы стали: концепции тоталитаризма и авторитаризма, международный билль о правах человека, теоретические положения законодательных актов о реабилитации конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, положения Конституции РФ и другие документы. Основанием для получения информации является реабилитация жертв политических репрессий согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» 1991 г. В июне 1993 года состоялась свободная от патронажа КПСС конференция «Немецкий российский этнос: веки истории» (Москва), на которой прозвучал ряд принципиально важных докладов, связанных с проблемой репрессий¹. Немецкое национальное движение обрело организационную структуру и сформировало свои исследовательские центры. Произошло становление нового направления в отечественной историографии, связанное с изучением истории и культуры российских немцев. Положено начало «немецким» конференциям: с 1994 по 1997 гг. при поддержке МСНК прошло четыре международных конференции по проблемам российских немцев.

Начало **третьему периоду** в развитии историографии обозначенной нами проблемы было положено во второй половине 1990-х годов. Условными хронологическими рамками этого периода можно считать **середину 1990-х – 2004-2006 гг.** Основанием для выделения такой датировки периода можно считать защиты первых докторских и кандидатских диссертаций по проблемам политических репрессий, оформление исследовательских центров и переход от публицистического освоения темы к научному. Завершением периода можно считать издание 3-го тома энциклопедии «Немцы России» и выход в свет учебного пособия по истории российских немцев.²

В ноябре 1998 г. состоялась конференция «Наказанный народ. Репрессии против российских немцев», организованная Немецким культурным центром им. Гёте в Москве совместно с Обществом «Мемориал». Таким образом, соединились усилия различных общественных и научных объединений, произошёл принципиальный выход за пределы организаций российских немцев. Это означало вхождение историографии российских немцев в общее русло изучения проблем тоталитарного общества и проводимой им репрессивной политики отечественной исто-

---

дис... д-ра ист. наук: 07 00 02. СГУ им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Изд.-во СГУ, 1995. – 46 с.; Кириллов В.М. История репрессий на Урале 1920-е – начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона): автореф. дис... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Изд.-во НТГСПА, 1996. – 44 с.

¹ Агарышев П.Г. Патриотический труд советских немцев на предприятиях Урала в годы Великой отечественной войны // Немецкий российский этнос: веки истории: Материалы науч. конф., Москва, 24-25 июня 1993 г. – М., 1994. – 336 с.; Айрих Э.Ф. Советские немцы в трудармии // Там же. С. 185-194.

² Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: в 3-х кн. Кн. 1: Учебное пособие; Кн. 2: Хрестоматия; Кн. 3: Методические материалы. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 546 с.; 414 с.; 240 с.

рической наукой. Результаты глубокого научного освоения темы отразились в издании первого тома энциклопедии «Немцы России» 1999 года, где принципиально важное значение имели статьи «Восстание 1921 г. в Автономной области немцев Поволжья» (А. Герман), Гальбштадское восстание» (В. Бруль), «Депортация» (А. Айсфельд, В. Бруль), «Борьба с фашистами и их пособниками» (А. Герман), «Борьба с эмигрантским влиянием» (А. Герман).¹ В 2004 году вышел 2-й том энциклопедии со статьями: «Коллективизация» (А. Герман), «Национальная политика» (А. Айсфельд)², в 2006 году. – 3-й том со статьями: «Репатриация немцев в СССР» (А. Герман), «Республика немцев Поволжья» (А. Герман, Е. Герман), «Спецпоселение» (А. Герман, Л. Шумилова), «Трудовая армия» (А. Герман).³

Произошёл настоящий прорыв в написании фундаментальных научных исследований – были защищены кандидатские диссертации Алферовой И.В., Курочкина А.Н., Хунагова А.С., Маламуда Г.Я., Джафарли М.Ш.О., Токаревой Л.Н., Кыдыралиной Ж.У., Шадта А.А., Маловой Н.А., Тюлюлюкина Е.Ф., Сагановой Л.П., Разинкова С.Л., Брюхновой Е.А., Григорьева Д.В., Савина А.И. и многих других; докторские диссертации Поляна П.М., Ченцова Д.В., Белковец Л.П., Суслова А.Б., Земскова В.Н., Васильчука В.В., Смирновой Т.Б.⁴ Продолжились традиционные международные «немецкие» конференции. Их дополняют зарубежные, всероссийские и региональные конференции (с 1990 по 2015 год мы насчитали более 30 подобных форумов). В исследование проблем политических репрессий против российских немцев вовлекаются десятки ученых и молодых исследователей. Начинается освоение новых концепций и методов научной работы, в том числе их творческое заимствование из опыта западной историографии.

Новым явлением этого периода стало издание Книг памяти. В 2000 году, по инициативе И.Ф. Вайса, вышла книга-мартиролог, посвященная трудармейцам Богословлага (Богословского исправительно-трудового лагеря).⁵ Инициатива была подхвачена Общественной академией наук российских немцев: в этом же году утверждён проект «Gedenkbuch» (Книга памяти о российских немцах – жертвах политических репрессий, участниках войн и конфликтов). Уже в 2004 году вышла первая Книга памяти в рамках этого проекта.⁶ К настоящему времени их насчитывается уже несколько.⁷

¹ Немцы России: энциклопедия / Редкол. В. Карев (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 1999. Т. 1. – 832 с.

² Немцы России: энциклопедия / Редкол. В. Карев (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 2004. Т. 2. – 747 с.

³ Немцы России: энциклопедия / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 2006. Т. 3. – 896 с.

⁴ См.: Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-2009 гг.): Справочник / Сост., ред., авт. вступ. ст. И.В. Черказьянова. – СПб: «Нестор-История», 2009. – 286 с.

⁵ Книга памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой отечественной войны. – М.: Готика, 2000. – 104 с.

⁶ Gedenkbuch: Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, А.Я. Цейзер, С.Л. Разинков. – Екатеринбург: Изд-во – ИП Н.В. Черепанова, 2004. – 716 с.

⁷ Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942-1947 гг.) / Сост. Э.А. Гриб. – М.: ОАРН, 2005. – 416 с.; Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946 гг. / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. – Москва: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 920 с.; Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942-1946

Есть основания для выделения **4-го периода** историографии по теме политических репрессий: **с 2004-2006 гг. – по настоящее время**. На этом этапе государство фактически свернуло работу по реабилитации граждан, произошло ужесточение архивной политики, окончательно исчез из повестки дня план восстановления государственности российских немцев. В 2004 году вступил в силу новый Закон об архивном деле в Российской Федерации, а в 2006 году последовал совместный приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций, МВД и ФСБ «Об утверждении положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». Эти акты наложили запрет исследователям на доступ к личным делам репрессированных на срок 75 лет.¹

В 2009 году началось «архангельское дело», возбужденное против создателей Книг памяти по российским немцам профессора Поморского университета М.Н. Супруна и полковника МВД А.В. Дударева.² Таким образом, завершился период «архивной революции» и значительно осложнилась работа исследователей по проблеме политических репрессий. Эти обстоятельства, несомненно, напрямую негативно повлияли на работу профессиональных историков.

В результате проведенного историографического анализа нам удалось выявить дискуссионные проблемы исследований, сконцентрированных вокруг наиболее крупных вопросов политических репрессий.

1. Репрессии и террор времен Гражданской войны и «военного коммунизма»

Период Гражданской войны и военного коммунизма в истории российских немцев нашёл довольно поверхностное отражение в историографии. Специально по этому периоду не защищена ни одна диссертация. Во многом такая картина обусловлена общей слабой изученностью периода гражданской войны отечественными историками. В целом этот период заслуживает специального внимания историков.

2. Борьба с эмигрантским влиянием в 1920-х гг. и немецкой эмиграцией в 1928-1929 гг.

В проблемном поле новой экономической политики, определившей стержневые события 1920-х гг., в центре внимания исследователей репрессивной политики против российских немцев оказалась борьба властей с эмигрантским влиянием в 1920-х гг. и немецкой эмиграцией в 1928-1929 гг. Вышеуказанные проблемы нашли своё отражение в докторских – А.А. Германа, Д.В. Ченцова и кандидатских диссертациях: А.И. Безносова, С.И. Бойко, В.В. Васильчука, Д.В. Григорьева, М.Ш.О. Джафарли, М.В. Егоровой, С.М.К. Зейналовой, М.Э. Козыревой, С.Н. Коротуна, О.А.

/ Авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. – Москва: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. Т. 1. – 676 с.; Обреченные и без вины виноватые. Немцы Алтайского края и Омской области – жертвы массовых репрессий. 1919-1953 гг. / Авторы-составители: В. Бруль, М. Ваннер. – Нюрнберг, 2009.

¹ См.: Закон об архивном деле. – М., 2004 // URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html>.

² См.: А.В. Дударев о «Деле историков». – М., 2010 // URL: <http://www.hro.org>, 17/11/2010.

Лиценбергер, О.Е. Мaziной, Н.А. Маловой, Н.В. Матвеевой и др.¹ Проблемы этого периода изучены достаточно хорошо.

3. Раскулачивание–спецпереселение конца 1920-начала 30-х гг.; антинемецкая кампания 1933-1935 гг.

Следующий период в эволюции советского государства – 1920-е – середина 1930-х гг., время ожесточенной борьбы с российским крестьянством, массового раскулачивания, спецпереселения, выкорчевывания психологии зажиточности и насаждения колхозного равенства. В центре внимания «немецкой» историографии – общая проблема раскулачивания-спецпереселения конца 1920 – начала 1930-х гг. и антинемецкая кампания 1933-1935 гг., вызванная «борьбой с гитлеровской помощью», на языке официальной партийной пропаганды поименованной «борьба с фашистами и их пособниками». Вышеуказанные проблемы нашли своё отражение в целом ряде диссертационных исследований.² Одни исследователи считают, что судьба немецкого крестьянства – особая судьба из-за его этнического менталитета, другие – это общая судьба российского зажиточного крестьянства.

Дискуссионные точки зрения:

1. Репрессии против российских немцев объясняются социальными и экономическими причинами, классово-политической. 2. Репрессии объясняются их национальной принадлежностью и менталитетом, враждебным советской власти. 3. Особенность репрессий против российских немцев в давлении международного фактора – отношений с Германией (А.А. Герман).³ 4. С 1931 года немецким селом овладела апатия (Л.П. Белковец).⁴ 5. Коллективизация в немецких районах прошла досрочно, без массового радикального сопротивления (А.А. Герман).⁵ 6. По результатам коллективизации немецкие хозяйства отличались высокой продуктивностью производства, это были экономически сильные коллективные хозяйства с накопленным богатым опытом работы. Немецкая республика была образцовой в СССР (Н.Ф. Бугай).⁶ 7. Разоблачение мифа о Немецкой республике (А.А. Герман).⁷ Слабо

---

¹ См., например: *Герман А.А.* Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 гг.): дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Саратов, 1995. – 559 с.; *Ченцов В.В.* Политические репрессии в Советской Украине в 20-е годы: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Днепропетровск, 2000. – 482 с.; *Безносков А.И.* Общественно-политическая жизнь немецкого и меннонитского населения Юга Украины (1917-1929 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Днепропетровск, 2010. – 331 с.; и др.

² См., например: *Козырева М.Э.* Немецкие национальные районы Юга Украины как административно-территориальные единицы 20-30-х гг. 20 в]: дис... канд. ист. наук: 07.00.01. – Николаев, 2009; *Фурман Е.Л.* Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906-начало 1930-х гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Волгоград, 2008. – 357 с.; *Мозговая О.С.* Этнические немцы СССР как фактор советско-германских отношений. 1918-1941 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2004. – 240 с.; и др.

³ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е изд. – М.: Готика, 2000. С.24.

⁴ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х-1930-е гг.). М., 1995. С. 125.

⁵ *Герман А.А.* История немцев России. Кн. 1. С.356; Немцы России: энциклопедия. Т. 2. С. 140-143.

⁶ *Бугай Н.Ф.* Рецензия на книги: Немцы России. Энциклопедия. – М., 1999. Т. 1. – 822 с.; М., 2004. Т. 2. – 747 с.; М., 2006. – 893 с.; Немцы России. Населенные пункты и места поселений / Сост. В.Ф. Дизендорф. – М., 2006. – 470 с. // НИБ Российские немцы. – 2007. № 3. С. 16-17.

⁷ *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е изд. – М.: Готика, 2000. С. 24.

освещены процессы политических репрессий в районах Поволжья применительно к первой половине 1930-х годов.

4. Большой террор 1936-1938 гг. и «немецкая операция» 1937-1938 гг.

Проблемы «Большого террора» и места в нём так называемой «немецкой операции» отразились в контексте целого ряда диссертаций (А.А. Германа, В. Деннингхауса, М.Ш.О. Джафарли, С.М.К. Зейналовой, М.Э. Козыревой, О.А. Лиценбергер, О.С. Мозговой, Н.В. Овсянниковой, Т.Н. Плохотнюк и др. Специальные диссертационные исследования по этой тематике пока не проводились.

Сложилась разные точки зрения на проблему политического террора против российских немцев: 1. Немцы, как и другие национальности, преследовались до 1939 года исключительно по классовому принципу (Г. Бухсвайлер, А.А. Герман).¹ 2. Проводилась особая политика именно по отношению к немцам, связанная с их национальностью (В.И. Бруль, В. Хердт).² 3. Для корректной реконструкции истории сталинского террора в отношении немцев в масштабах всей страны необходим глубокий сравнительный анализ последствий его для немцев и других народов и обобщающий труд (Т.Н. Чернова)³. 4. Нужно действовать в более широком контексте мировой историографии (В. Хердт). 5. В Автономной ССР Немцев Поволжья в 1937-1938 гг. арестовано 1 002 чел, расстреляно 567, т.е. гораздо меньше, чем в других регионах. Это объясняется тем, что они жили в официально признанном государственном образовании (А.А. Герман).⁴

Один из наиболее важных вопросов – производились ли преследования в отношении немцев в ходе «немецкой» операции независимо от социального прошлого и индивидуальных деяний жертв, только на основе принадлежности к немецкому меньшинству. Более того, вообще ставится под сомнение наличие специального приказа НКВД на проведение операции «по немецкой линии» (А.И. Савин).⁵

5. Депортация 1940-х гг.

По проблеме депортации проведено значительное число исследований, она стала ключевой темой в изучении репрессивной политики против российских немцев. Непосредственно с этой темой связано 6 докторских (Л.П. Белковец, А.А. Германа, А.М. Гонова, П.М. Поляна, Т.Б. Смирновой, Е.Н. Чернолуцкой) и 17 кандидатских диссертаций.⁶

Активно дискутируется вопрос о геноциде против российских немцев. Сложил-

---

¹ Хердт В. Российские немцы накануне Второй мировой войны // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. – М.: МСНК, Готика, 2000. С. 430.

² Там же.

³ Чернова Т.Н. К вопросу о новейшей историографии российских немцев: основные направления и результаты исследований // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956- 2000). – М., 2003. С.410.

⁴ История немцев России: Учебное пособие... С. 392.

⁵ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Составитель и научный редактор А.И. Савин. – Новосибирск: Посох, 2009. С. 32, 30.

⁶ См., например: Поляна П.М. География принудительных миграций в СССР: дис... д-ра. геогр. наук: 11.00.02. – М., 1998. – 347 с.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941-1955 годы): дис... д-ра. юр. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2004. – 480 с. (диссертация не утверждена ВАК); и др.

ся целый спектр мнений. 1. Геноцид – это не только сжигание в печах и массовые расстрелы. Это ещё и искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры (В.Г. Чеботарева, Т.Б. Смирнова и др.). 2. Отвергаются тезисы об особой ненависти режима к советским немцам и геноциде. Особенности взаимоотношений немецкого народа и власти в СССР проявлялась в давлении международного фактора – отношений с Германией (А.А. Герман). 3. Исходя из принципов позитивистской юридической школы, господствовавшей в тот период и не потерявшей своих позиций и поныне, государство является источником права, и решение о депортации и спецпоселении российских немцев (в тех чрезвычайных условиях) было законным, легальным и легитимным, то есть правомерным и принятым населением, что подтверждается, в том числе, отсутствием реального сопротивления (А.А. Шадт, Л.П. Белковец).¹ 4. Основной причиной этнического кризиса в СССР явилось угнетенное и дискриминационное положение нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насильственной деформации в целях реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа». Такая политика дополнялась актами геноцида в форме массовых депортаций и репрессий, а также ликвидацией самостоятельности государственности (Т.Б. Смирнова).² 5. Возражения против геноцида: в годы Большого террора расстреляно 3% немецкого населения. Это не геноцид. Погибло в трудармии от 35-40 до 60 тыс., по отношению к немецкому населению – от 3,2-3,7% до 5,5%. Процент военных потерь населения СССР – 7,1% (А.А. Герман).³ 6. Практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. К факторам депортации относятся: неудачное начало войны, большие потери, быстрое продвижение немецких войск, отдельные факты «пораженческих» настроений советских немцев в тылу и сотрудничества с врагом на оккупированных территориях (А.А. Герман). 7. Превентивные меры по обеспечению безопасности страны в условиях фашистской агрессии были необходимы, но бездоказательное обвинение целого народа в предательстве воспринимается как вопиющая несправедливость (В.Г. Чеботарева). 8. Российские немцы были подвергнуты «тотальной этнической чистке». Депортация немцев и других народов служили цели ускорения ассимиляционных процессов «за счёт их ассимиляции в более крупных этнических массивах и частично за счёт завуалированного геноцида и ослабления биологического потенциала» (В.Н. Земсков). 16. Депортация – обычная практика всех стран антигитлеровской коалиции. Сегодня невозможно оправдать массовые депортации народов в годы войны с позиций прав человека, однако нужно учитывать реалии войны, в которой стоял вопрос о выживании всей страны и мира (А.В. Гаврилов).⁴

---

¹ Шадт А.А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940-1950-е гг.) // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. – М.: МСНК, Готика, 2000. С. 308.

² Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002. С. 144.

³ Герман А.А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения // Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев... С. 90-93.

⁴ Большая часть историографических оценок депортации прозвучала на специальной конференции

6. Трудовая мобилизация 1940-х гг.

За прошедшее время защищены три докторских (Кириллов В.М., Суслов А.Б., Гончаров Г.А.) и несколько кандидатских (Курочкин А.Н., Маламуд Г.Я., Кыдыралина Ж.У., Разинков С.Л., Боркова Е.В., Пажит Ю.Ю., Матвеева Н.В.) диссертаций напрямую или косвенно связанных с «трудовой армией». Исследованием проблемы занимаются Р.С. Бикметов, Н.Ф. Бугай, Н.Э. Вашкау, А.А. Герман, Е. Грибанова, К.А. Заболотская, В.Э. Кригер, Д. Кызаева, Ж.У. Кыдыралина, Н. Малова, В.П. Мотревич, Н.П. Палецких, П.Б. Ремпель, Е.П. Турова, А.А. Шадт.¹

В монографии вышедшей совсем недавно, Н.Ф. Бугай предпринял серьезный анализ историографии истории российских немцев. Он пришел к выводу: «Анализ литературы показывает, что внимание авторов в основном сосредоточивалось на анализе процессов депортации, реабилитации репрессированных граждан – жертв политических репрессий, состоянии разработки темы в российской и зарубежной историографии. В меньшей мере исследовался вопрос, например, о применении производительных сил спепереселенцев – советских немцев в годы военного времени, в послевоенный период. Эта тема нуждается в дальнейшей разработке и по-прежнему остается весьма актуальной».²

В историографии существуют противостоящие друг другу точки зрения. Одни исследователи, например, называют трудмобилизованных российских немцев «свободными гражданами Советского Союза» (Г.А. Гончаров), определяют их статус как вполне законный в правовых и конституционных рамках СССР, а депортацию расценивают как эвакуацию, осуществленную «вежливо и корректно» (Л.П. Белковец); или говорят об «элементах» несвободы, вызванных условиями военного времени (А.А. Герман, А.Н. Курочкин); другие, наоборот, считают, что трудовая мобилизация – вид репрессий по национальному признаку, отмечая, что статус трудармейцев был ниже, чем у иностранных военнопленных (А.Б. Суслов), всю «трудовую армию» называют «государственным рабством» (Н.П. Палецких), сравнивают правовой статус депортированных и трудмобилизованных с правовым статусом уголовных преступников (А.А. Шадт). По нашему мнению, трудмобилизованные российские немцы не были свободными гражданами СССР, а репрессированными по национальному признаку людьми, размещенными на спецпоселении. Они являлись составной частью «спеконтингента», представлявшего маргинальную группу советского общества занятую принудительным трудом в условиях жесткого ограничения прав и свобод.

7. Спецпоселение (1941-1955 гг.).

Проблемы депортации, трудовой мобилизации и спецпоселения российских немцев очень тесно взаимосвязаны и большей частью исследуются комплексно в

и помещена в сборнике статей: «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет». – М.: МСНК-пресс, 2011.

¹ См., например: *Гончаров Г.А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Челябинск, 2006. – 483 с.; *Курочкин А.Н.* Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис... канд. ист. наук : 07.00.02. – Саратов, 1998. – 210 с.; и др.

² Немцы: 250 лет в России / Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Т.С. Иларионова, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. – М.: Гриф и К, 2012. Т. 1. С. 466.

уже названных диссертационных исследованиях, монографиях и статьях. Кроме того, специально проблеме спецпоселения посвящены докторские диссертации Л.П. Белковец, В.Н. Земскова; кандидатские – А.А. Шадта, Л.П. Сагановой, Е.Л. Зберовской, отчасти М.Ю. Приваловой.¹ Наиболее значимые исследования по проблеме принадлежат: Л.П. Белковец, В.Н. Земскову, А.А. Шадту, Л.А. Бургарт. Специально по этой теме «немецких» конференций не проводилось, изучена она пока недостаточно.

Существуют противоречия по определению хронологических рамок оформления режима спецпоселения: одни начинают его отсчёт с 1941 года, другие – с появления первых официальных инструктивных документов во второй половине 1940-х гг.). А.А. Шадт напомнил о серьезной проблеме стоящей перед исследователями темы спецпоселения. Он писал: «Отсутствие теоретической и законодательной базы, определяющей положение этноса в государстве, позволяет предметно говорить на данный момент только о правовом статусе российских немцев как граждан СССР. Интеграционный подход к поднятой проблеме даёт возможность изучить этот вопрос с позиций статуса личности и получить достаточно полное и реальное представление о правах и свободах российских немцев...». Автор выдвинул тезис: говорить о правовом статусе немцев СССР, как этноса не представляется возможным «при современном состоянии этнологии и национальной политики».²

Существуют разные оценки спецпоселения, как и депортации. Например, С.А. Красильников так оценивает концепцию Л.П. Белковец: «Попытка соискателя последовательно вывести депортации (принудительные переселения) немцев 1941 г. за скобки репрессий, а затем и сами спецпоселения – за пределы репрессивной системы, называя это научной формулой “специальный административно-правовой режим” вряд ли заслуживает быть признанной как вклад в развитие историко-правовых исследований».³ Неясно, почему к местным немцам жестко относились в Новосибирской области и мягче – в Омской и Алтайском крае. Сомнительно, что все они были взяты на учёт и после известного решения 1951 года. Не вполне чётко прослеживается положение «кулаков» из немцев, есть и другие вопросы по группам немцев, нужны исследования показывающие различие между эвакуированными и высланными (В. Хердт).

8. Реабилитация (1955 – 2000-е гг.).

Отечественная историография изучения проблемы реабилитации жертв политических репрессий получает импульс лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Применительно к российским немцам проблема реабилитации длительное время обсуждалась в публицистике, носила общественный характер и лишь в середине 1990-х гг. начинается её научная разработка. В период с 1994 года по настоящее

---

¹ См., например: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР (1930-1960): дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – М., 2005. – 415 с.; *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940-1950-е гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2006. – 247 с.; *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941-1955): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2000. – 258 с.; и др.

² *Шадт А.А.* Правовой статус российских немцев в СССР (1940-1950-е гг.) // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. – М.: МСНК, Готика, 2000. С. 287, 288, 292, 293, 309.

³ Письмо С.А. Красильникова в диссертационный совет Д. 212.282.01 Уральской государственной юридической академии. 2005 г. // URL: <http://www.socialist.memo.ru>.

время защищены докторская (А.М. Гонова) и несколько кандидатских диссертаций на эту тему (В.И. Антонова, Е.А. Брюхновой, Л.Ф. Гизатулиной, Н.А. Ефремовой-Шершуковой, О.А. Киколенко, О.В. Лавинской, П.Н. Матюшиным, Т.В. Мухортовой, В.П. Овсянниковым, Е.Г. Путиловой, И.Ю. Теммoeвым, Л.Н. Токаревым, С. Ханья). Исследованием проблемы занимаются Н.Ф. Бугай, О.Е. Скучаева, В.Г. Чеботарева.¹ Значительное время в публицистике и научных работах делался упор на восстановление республики немцев Поволжья, как обязательного условия полной реабилитации российско-немецкого этноса. Эта точка зрения по сию пору имеет немало приверженцев (Г.Г. Вормсбехер, В.Ф. Дизендорф и многие др.).

Н.Ф. Бугай отмечает незавершенность реабилитационного процесса в России, появление разных точек зрения на этот вопрос, трудности в осуществлении территориальной реабилитации. Автор акцентирует внимание на Законе РФ «О национально-культурной автономии» (1996 г.) и утверждение этой идеи в немецком общественном движении. Он констатирует, что историография проблемы территориальной реабилитации репрессированных народов пока не сложилась. Н.Ф. Бугай полагает, что освобождение от спецпоселения было реабилитацией, правда носившей половинчатый характер, а в 1964 году состоялась частичная юридическая реабилитация немцев. В то же время в работах других исследователей подчёркивается, что до начала 1990-х гг. реабилитация не носила настоящего правового характера, являлась во многом случайной и фактически была амнистией (О.В. Лавинская, Е.Г. Путилова и др.).²

Н.Ф. Бугай является сторонником унитарной России и считает, что политика большевиков с их курсом на самоопределение народов была ошибочной. В одном из своих докладов он подчеркнул: «На мой взгляд, формирование государства на базе административно-национального (этнического) принципа было большой политической ошибкой. России как государству никогда не был приемлемым принцип формирования государственности на этническом принципе... По нашему мнению, исходя из чисто гражданских позиций, конечно же, российские немцы обеспокоены вопросом восстановления бывшей государственности, однако в условиях современности, когда наблюдается процесс объединения территорий, сокращения субъектов Российской Федерации, вряд ли такой путь будет приемлем». Автор утверждает: «В нынешнее время можно со всей уверенностью заявить, что все те репрессированные этнические общности, государственность которых не была восстановлена, после возвращения в места проживания, находятся в более выгодном положении, по сравнению с теми, которые восстановили свою государственность».³

---

¹ См., например: *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20-90-е годы 20 век]: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Ростов, 1998. – 403 с.; *Теммoeв И.Ю.* Реабилитация репрессированных народов как фактор современного российского политического процесса]: дис... канд. полит. наук: 23.00.02. – Армавир. 2009. – 163 с.; и др.

² *Путилова Е.Г.* История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук: 07 00 02. – Екатеринбург: Изд.-во НТГСПА, 2011. С. 24-25.

³ *Бугай Н.Ф.* «Реабилитация» государственности репрессированных народов: правомерность, особенности, реалии // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет... С. 247-248

Общие выводы по историографии:

Проведённый нами историографический анализ по исследованию проблем политических репрессий в отношении немцев России убедительно показал, что, с одной стороны, осталось еще немало так называемых «белых пятен», а, с другой стороны, существует большое число дискуссионных вопросов в трактовке эмпирических фактов, добытых из источников.

Теоретико-концептуальные и мировоззренческие позиции российских исследователей достаточно дифференцированы, а иногда прямо противоположны. Многие и сегодня полагают, что в большевистской революции имелся мощный освободительный потенциал для народов России, первые шаги в национальной политике обнадеживающими и лишь в конце 1920-х гг. демократическая альтернатива развития страны была отвергнута, а национальная политика извращена в угоду тоталитарному режиму. Например, в недавно вышедшем издании, посвященном 250-летию приглашения немецких колонистов в Россию, мы читаем: «Великий Октябрь 1917 г. стал новым этапом в жизни народов России, включая и российских немцев, которые, как и другие этнические общности, стали под знамена революции, восприняв её лозунги, несшие свободу и мир, идеи социального и национального равенства... И лишь «после активного участия в «социалистическом эксперименте», в преобразованиях, начало которым было положено еще Великим Октябрем, советским немцам как бы «в награду» пришлось претерпеть многие незаконные притеснения, испытать унижение, поправление их конституционных прав».¹

Источники и использованная литература:

1. Gedenkbuch: Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, А.Я. Цейзер, С.Л. Разинков. – Екатеринбург: Изд-во – ИП Черепанова Н.В., 2004. – 716 с.
2. «Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946 гг.» / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. – Москва: РНД; Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 920 с.
3. Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942-1946 / Авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. – Москва: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. Т. 1. – 676 с.
4. Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942-1947 гг.) / Сост. Э.А. Гриб. – М.: ОАРН, 2005. – 416 с.
5. *Безносков А.И.* Общественно-политическая жизнь немецкого и меннонитского населения Юга Украины (1917-1929 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Днепропетровск, 2010. – 331 с.
6. *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). – М., 1995.
7. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941-1955 гг.): дис... д-ра. юр. наук : 12.00.01. – Екатеринбург, 2004. – 480 с.
8. *Вольтер Г.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. Изд-е 2-е, дополненное и исправленное / Под ред. В.Ф. Дизендорфа. – М.: ЛА «Варяг», 1989. – 416 с.
9. *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е

¹ Немцы: 250 лет в России / Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Т.С. Иларионова, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. – М.: Гриф и К, 2012. Т. 1. С. 234, 235, 239.

изд. – М.: Готика, 2000.

10. *Герман А.А.* Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918–1941): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07 00 02. СГУ им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов: Изд.-во СГУ, – 1995. 46 с.
11. *Герман А.А.* Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 гг.): дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Саратов, 1995. – 559 с.
12. *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20-90-е годы 20 век]: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Ростов, 1998. – 403 с.
13. *Гончаров Г.А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Челябинск, 2006. 483 с.
14. Закон об архивном деле. М., 2004 // URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html>.
15. *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940-1950-е гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2006. – 247 с.
16. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР (1930-1960): дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – М., 2005. – 415 с.
17. История немцев России / Сост. А.А. Герман, Т.С. Иларионова, И.Р. Плеве. В 3-х кн. Кн. 1: Учебное пособие; Кн. 2: Хрестоматия; Кн. 3: Методические материалы. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 546 с., 414 с., 240 с.
18. *Кириллов В.М.* История репрессий на Урале 1920-е – начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона): автореф. дис... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Уральский гос. ун-т им. А.М.Горького. – Екатеринбург: Изд.-во НТГСПА, 1996. – 44 с.
19. Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. – М.: ЗАО МСНК-пресс, 2004. – 544 с.
20. Книга памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой отечественной войны. – М.: Готика, 2000. – 104 с.
21. *Козырева М.Э.* Немецкие национальные районы Юга Украины как административно-территориальные единицы 20-30-х гг. 20 в]: дис... канд. ист. наук: 07.00.01. – Николаев, 2009. – 180 с.
22. *Курочкин А.Н.* Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 1998. 210 с.
23. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-2009 гг.): Справочник / Сост., ред., авт. вступ. ст. И.В. Черказьянова. – СПб: Нестор-История, 2009. – 286 с.
24. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., Готика, 1998. – 444 с.
25. *Мозговая О.С.* Этнические немцы СССР как фактор советско-германских отношений. 1918-1941 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2004. – 240 с.
26. Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. – М: МСНК-пресс, 2011. – 920 с.
27. Научно-информационный бюллетень Российские немцы. – 2007. № 3.
28. Немецкий российский этнос: вехи истории. – М., 1994. – 336 с.
29. Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956-2000). – М.: Готика, 2002.
30. Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М.: Готика, 1999.
31. Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. – М.: МСНК, Готика, 2000.
32. Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941 гг.). – М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – 552 с.
33. Немцы России: энциклопедия / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 1999. Т. 1. – 832 с.
34. Немцы России: энциклопедия / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 2004. Т. 2. – 747 с.

35. Немцы России: энциклопедия / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. – М.: ЭРН, 2006. Т. 3. – 896 с.
36. Немцы: 250 лет в России / Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Т.С. Иларионова, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. – М.: Гриф и К, 2012. Т. 1. – 944 с.
37. Обреченные и без вины виноватые. Немцы Алтайского края и Омской области – жертвы массовых репрессий. 1919-1953 гг. / Авторы-составители: В. Бруль, М. Ваннер. – Нюрнберг, 2009.
38. Письмо С.А. Красильникова в диссертационный совет Д. 212.282.01 Уральской государственной юридической академии. 2005 г. // URL: <http://www.socialist.memo.ru>.
39. Полян П.М. География принудительных миграций в СССР: дис... д-ра. геогр. наук : 11.00.02. – М., 1998. – 347 с.
40. Путилова Е.Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук: 07 00 02. – Екатеринбург: Изд.-во НТГСПА, 2011.
41. Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», Москва, 18–20 нояб. 1998 г. – М., 1999. – 220 с.
42. Российские немцы вчера и сегодня: сб. материалов международной научной конференции 1990 г. в Травемюнде под Любеком / Под ред. Б. Майснера, Г. Нейбауэра и А. Айсфельда. – Кельн: Маркус, 1992. – 292 с.
43. Российские немцы: научно-информационный бюллетень. – М.: ЗАО МСНК-пресс. 2000. № 4.
44. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002. – 210 с.
45. Теммюев И.Ю. Реабилитация репрессированных народов как фактор современного российского политического процесса]: дис... канд. полит. наук: 23.00.02. – Армавир, 2009. – 163 с.
46. Фурман Е.Л. Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906-начало 1930-х гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Волгоград, 2008. – 357 с.
47. Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. – М.: МСНК, Готика, 2000. – 369 с.
48. Ченцов В.В. Политические репрессии в Советской Украине в 20-е год]: дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02. – Днепропетровск, 2000. – 482 с.
49. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941-1955): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2000. – 258 с.
50. Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. – М.: Изд-во МГУ, 2001. Вып. 7.
51. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы. / Составитель и научный редактор А.И. Савин. – Новосибирск: Посох, 2009. – 752 с.

Kirillov V.M.

Domestic historiography of political repression against the Russian Germans

In the article there are four periods in the development of historiography on the problem of repression against the Russian Germans: from the middle 1980s. – until now. It is revealed the eight major controversial issues of research, and analysis of the main approaches to their solution are analysed. The most difficult issue is the deportation of a national minority, determined the fate of the German people. Historiographical analysis showed the presence of many “white spots” in the study of the problem.

Keywords: Russian Germans, historiographical model, political repression, anti-German campaign, German operation, deportation, labor army, special settlement, amnesty, rehabilitation.

Бугай Н.Ф.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е – 1950-е ГОДЫ

В статье на богатом историческом материале даётся анализ политики расказачивания, разбазаривания «казачьих» территорий, политики в сфере национальной культуры, анализируются репрессии к инонациональностям 1937-1939 гг., принудительные переселения народов в Союзе ССР, показано нарушение прав этнических общностей, попрание Конституции.

Ключевые слова: Советское государство и право, Сталин, расказачивание, инонациональности, принудительное переселение народов, опыт, расселение, этнические общности, Союз ССР.

Имя И.В. Сталина – государственного и политического деятеля своей эпохи прочно вошло в историю Союза ССР. История страны его именем разделяется как бы на два периода: сталинский и послесталинский. Большой интерес и актуальность представляет Сталинская национальная государственная политика в 20-е – 50-е годы XX века.

Сталин – во главе Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца). На практике Сталин меньше всего занимался национальной политикой в государстве с самого изначального периода создания Наркомнаца и назначения его наркомом. Национальная политика была отдана на откуп Наркомнацу, а именно тем, кто руководил им. Это главным образом заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо, заместитель наркома А.З. Каменский, С.М. Диманштейн, М.П. Павлович, В.С. Мицкявичюс-Капсукас, М. Вахитов, М.С. Беленький, М.П. Брейдзорт, В.М. Геронимус, Г.А. Кокиев, Р.Я. Карклин, Н.А.-Г. Катханов, В.Г. Меликян, У.Д. Алиев, Ш.А. Манатов, Г.К. Клиnger и другие.¹

Нельзя не сказать о строительстве автономий в национальных анклавах с численностью свыше 500 тыс. человек. И. Сталин замечал: «У нас, в России, нет республик меньше чем 500 тыс. жителей (по численности населения – *Н.Б.*), самая маленькая – Крымская, но и там 1 100 тыс. жителей». Этим и руководствовались. На Нальчикском окружном съезде (10 ноября 1921 г.) лидер Кабарды – Б. Калмыков в связи с этим уже констатировал: «В центре есть определённое постановление, что менее 500 тыс. населения нельзя давать республику, получать автономную область».²

Сталин в судьбах советского казачества. В начале XX века казачество насчитывало более 4,5 млн. человек и функционировало в виде 11 казачьих войск. Мужская часть населения по-прежнему представляла собой постоянный боевой резерв с высокой степенью мобилизационной готовности. Военный контингент казачества выглядел следующим образом личный состав казачества в войну 1914–1918 гг.

Бугай Николай Фёдорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, член Секции Общественного совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ.

¹ См. подробнее: *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 гг.). Документы и материалы. – М., 2007.

² См. подробнее: *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». – Майкоп, 1994. С. 98.

насчитывал 68,5 тыс. казаков (офицеры – 30 тыс.), служивые – 474 тыс. человек.¹

Большевистское правительство проводило политику расказачивания – ликвидации казачества как военно-служилого сословия, которое рассматривалось как защитники самодержавия, душители революционной борьбы пролетариата, как «социальная база контрреволюции». Секретное циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года партийным работникам в казачьих районах, подписанное главой Советского государства и партийного аппарата Я.М. Свердловым, предписывало «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».² Наркомату земледелия предлагалось «в спешном порядке разработать практические меры по массовому переселению пришлой бедноты» на казачьи земли.

Только на Юге России были сосланы, расстреляны, по приблизительным данным, 1,5 млн. казаков. О механизме реализации этой меры приведены многочисленные факты в исследованиях С.П. Мельгунова, в работах по истории казачества других авторов. Эта сторона жизни российского казачества нашла отражение, и во многих исследованиях, изданных энциклопедических справочниках по истории российского казачества в последние двадцать лет.³

В резолюции о задачах казачества, принятой Первым Всероссийским съездом трудового казачества (20 февраля – 6 марта 1920 г.), указывалось: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа».⁴ Съезд объявил о «ликвидации казачьего сословия». Претерпел полное изменение институт управления казачеством. Войсковые атаманы были изгнаны, станичные переизбраны, для управления организовывались областные и станичные комитеты.

Казаки с семьями изгонялись со своих насиженных мест. Осенью 1920 года только с территории Терской области были принудительным образом принудитель-

---

¹ Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности [1990-е годы – начало XXI века]. – М., 2011. С. 152.

² См.: Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С. 129–130.

³ Зюзин Ю.А. Российское казачество (историческая справка). – Краснодар, 1991; Бугай Н. Казачество России: проблемы возрождения // Обозреватель. – М., 1993, № 28 (32). С. 22–26; Русский народ: исторические судьбы в XX веке. – М., 1993; Русский путь в развитии экономики. – М., 1993; Ре-прессированные народы: казаки // Шпион. – М., 1994. № 1 (3). С. 38–68; Все началось с русских // Обозреватель. – М., 1994. № 1 (35); Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: “социалистический эксперимент”. – Майкоп, 1994; Таболина Т.В. Возрождение казачества. 1989–1994: современная русская идея и государство. – М., 1995; Казачество: истоки возрождения. – Ставрополь, 1995; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. – Нальчик, 1995; Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы). – Ростов-на-Дону, 1997; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. – Ростов-на-Дону, 1997; Малахова Г.Н. К вопросу о характере имперской административной политики на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. // Проблема этнополитических отношений на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону–Пятигорск: СКАГС, 2001. С. 112–123; Она же. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. Дис. ... д.и.н. – М., 2001.; Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества. – М.: Кучково поле, 2007; и др.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 1235. Оп. 84. Д. 2. Л. 3–4 (далее: ГАРФ).

но выселены 9 тыс. казачьих семей. Многие из них направлялись на принудительные работы в шахты Донбасского угольного бассейна. В эти же годы исчезли с географической карты Кубанской земли 16 наименований казачьих станиц, населенных русскими и украинцами. Принудительные акции по выселению казачества с юга будоражили всё население. Выселение способствовало всплеску бандитизма, грабежей казачьих станиц чеченскими, ингушскими и осетинскими грабителями. На неоднократные обращения с просьбами вернуть выселенных в свои станицы – ответ был один: «Объявить оставшимся казакам Сунженской линии, – читаем в воззвании Совнаркома Горской республики, – что если они будут способствовать возвращению выселенных... то в отношении их будут приняты репрессивные меры».¹ 15 марта 1922 года Президиум Горской Республики окончательно утвердил постановление о закреплении земель выселенных казачьих станиц за Чеченским и Ингушским округами»².

Все автономные казачьи области автоматически ликвидировались, а земли их произвольно делились между союзными республиками и национально-административными автономными государственными образованиями. Апрельский 1925 года пленум ЦК РКП (б) признал, что «во многих национальных образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения, чем вызвано недовольство этого населения и угроза культурному уровню этих районов».³ Однако и в последующем в национальных республиках многие земельные преобразования осуществлялись за счёт русского народа, включая и казачество. Все территории национальных республик прирастали за счёт казачьих земель. Механизмы реализации были разными, включая и вооруженный захват и насильственные выселение казаков при покровительстве высших органов государственной власти.

Эта политика в 20-е – 30-е гг. XX века сопровождалась открытым «разбазариванием» казачьих территорий, уничтожением казачьих войск как таковых. Значительная часть казачьих земель были перераспределены между надуманными этническими государственными образованиями, возникшими в 1920-е годы. Особенно жёстко проводилась эта политика на Северном Кавказе, где «клочки» территорий проживания казачества оказались в новых национально-территориальных образованиях – Кабардино-Балкарская автономная область, Карачаево-Черкесская автономная область, Дагестанская АССР, Северо-Осетинская автономная область, Терская губерния и др. Одним словом, казачество было принудительно распылено.

В первой половине 1920-х годов из состава действовавшей многонациональной Горской АССР выделялись Ингушская автономная область, Северо-Осетинская автономная область и Сунженский автономный казачий округ. 1 декабря 1928 года было принято решение ВЦИК присоединить Сунженский автономный округ к Чеченской автономной области. Во второй половине 1950-х годов территория, возникшей в 1936 году Чечено-Ингушской АССР, прирастала ещё и казачьими землями Наурского и Шелковского районов, находившихся под юрисдикцией Ставропольского

---

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 179. Л. 136.

² Российский государственный архив Российской армии. Ф. 65. Оп. 1. Д. 139. Л. 18 (далее: РГА РА).

³ Российской государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 67. Д. 172 Л. 112 (далее: РГАСПИ).

края. Этим «нехитрым способом» исчезало главное – принадлежность казачеству земель Сунженского казачьего округа и города Грозного.¹

Административно-территориальные преобразования, проводившиеся органами советской власти в первой половине 20-х гг. XX века (1921–1922 гг.), завершились, например, на территории современной Карачаево-Черкесской Республики передачей Горской Республике южной части Баталпашинского округа. Казачьи станицы Бекешевская, Воровсколеская, и Суворовская переходили в административное подчинение Терской губернии. А при образовании в январе 1922 года Карачаево-Черкесской автономной области в её состав включались станицы Баталпашинского отдела – Зеленчукский, Исправная, Кардоникская, Красногорская, Сторожевая, Усть-Джегутинская и 32 селения, аула и хуторов.² В 1928 году Баталпашинский отдел был и вовсе упразднён.

В связи с разделением Карачаево-Черкесской автономной области в 1926 году уже в Союзе ССР были образованы три административные единицы – Карачаевская автономная область, Черкесская автономная область и Русский (Баталпашинский) район. Протоколом заседания (№ 49/73 от 31 мая 1926 г.) Большого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома были утверждены границы между новыми образованиями, их бюджеты, штаты и т.д. Однако в этом же, 1926 году, Баталпашинский район (в составе сельских станичных советов – Баталпашинского, Зеленчукского, Исправненского, Кардоникского, Красногорского, Николаевского, Овечкинского, Сторожевского, Усть-Джегутинского) был передан в Армавирский округ.³ Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г. Баталпашинский район вторично упразднялся. Станица Баталпашинская, которой был придан статус города, становится центром Черкесской автономной области (с 1939 г. – г. Черкесск). Казачьи территории, занимавшиеся станицами Баталпашинской, Николаевкой, Овечкинской, Сторожевой и зерносовхозом № 30 (с-з техникум «Кавказский») передавались в ведение Черкесской автономной области. Другая часть казачьих территорий Баталпашинского района – территории Зеленчукского, Кардоникского, Красногорского и Усть-Джегутинского сельских советов были переданы Карачаевской автономной области. Казачество произвольно включалось в новые национально-государственные образования. Отдельные исследователи проблем национально-государственного строительства на территории Карачаево-Черкесской Республики в 20–50-е гг. XX века усматривают неправомочность и непоследовательность действий в отношении реабилитации казаков и карачаевцев. Полагают, что в первую очередь заслуживало реабилитации казачество, а затем карачаевская этническая общность, поскольку расширение территории национально-государственных образований, в частности Карачаевской автономной области, осуществлялось именно за счёт

---

¹ Ингушская и Чеченская республики: Сунженский район и другие сопредельные территории не есть основа для споров... // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2014.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 3. Д. 15а. Л. 36, 36 об. См. также: Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М., 2011.

³ Постановление Президиума ВЦИК (Список населенных пунктов Армавирского округа Северо-Кавказского края). – Армавир, 1927.

изъятия казачьих земель.¹

Эти примеры (о «разбазаривании» казачьих территорий), можно продолжить, но возникает вопрос: почему все национальные анклавы прирастали исключительно за счёт казачьих земель при геноциде казачества. Уже тогда закладывалась идея ослабления влияния Центра на Северном Кавказе.

В конце 1920-х годов и в первой половине 1930-х годов репрессивная мера коснулась судьбы 13 станиц, располагавшихся на территории нынешнего Краснодарского края и некоторых населенных пунктов Ростовской области. Занесение на «чёрные доски» проводилось на основании Протокола № 29 (декабрь 1932 г.) совместного заседания бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) и Комиссии ЦК ВКП (б).² В конце 1932 – начале 1933 гг. последовала депортация казачьего населения «чернодосочных станиц» Северо-Кавказского края. В общей сложности, по данным Е.Н. Осколкова, в столь отдаленные места на сей раз последовали свыше 61,6 тыс. жителей станиц с территории Кубанской и Донской казачьих областей. Из таких станиц как Полтавская, Медведовская, Урупская, Армавирского района из 47,5 тыс. жителей переселению в принудительном порядке были подвергнуты 45,6 тыс. человек.³

В связи с этим С.К. Ильин верно замечал, что «решение о ликвидации национальных районов и сельсоветов (принятое Оргбюро РКП (б) 1 декабря 1937 г. – Н.Б.), оформленное 17 декабря 1937 г. на заседании Политбюро, лишь продолжило курс, начатый ещё в конце 1920-х – начале 1930-х годов».⁴ И в доказательство приводит примеры из Северо-Кавказского края, где решением, оформленным в секретном порядке в январе 1929 года, был ликвидирован Сунженский округ, затем Баталпашинский русский автономный округ (1931 г.), а спустя некоторое время и Ардонский казачий округ (1934 г.) и т.д. Эти округа фактически являлись русскими национальными районами. Политбюро окончательно признавало существование особых национальных районов и сельских советов нецелесообразным. Из созданных казачьих округов в 1920-х – 1930-х годах ни осталось, ни одного. Однако одновременно усиленно формировались этнические автономии, включая и территорию Крыма, и Северного Кавказа.

В середине 30-х гг. XX века И. Сталин пересматривает и отношение к российским (советским) казакам. Цель очевидна: перед угрозой гитлеровского фашизма возникла необходимость привлечь казачество, учитывая его особый патриотизм.

---

¹ Об этом см. также: Справка рабочей группы Администрации Карачаево-Черкесской ССР за подписью председателя группы, первого заместителя Главы администрации Карачаево-Черкесской ССР В. Редькина по вопросам реабилитации казачества на основании Распоряжения Президента Российской Федерации № 113-рп в адрес государственного советника Российской Федерации по правовой политике С.М. Шахрая и министра юстиции Российской Федерации Н.В. Федорова от 18 марта 1992 г. № 154-03 // Текущий архив Госкомфедерации России. 1992.

² Золотые ворота. Альманах. – Киев, 1991. Вып. 1. С. 78–79.

³ См. *Осколков Е.Н.* Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов Северо-Кавказского региона. – 1993. № 1–2. С. 19. Этой же теме специальные разделы были посвящены в книге: *Хунагов А.С.* «Черные доски» – репрессивная мера по отношению крестьянства Юга России. 30-е годы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – Майкоп, 1997. С.

⁴ Постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» было принято Оргбюро ЦК РКП (б) 1 декабря 1937 г.

Эти меры сопровождалось определенным послаблением в жизни казачества. Оно получило право носить свою форму, служить в РККА, пропагандировать казачью культуру, налаживать систему военной подготовки молодых казаков и др.¹ Постановлением ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» 20 апреля 1936 г. все существующие ранее препятствия, чинимые в отношении службы в армии казаков, кроме лишенных прав по суду, устранялись. На основании приказа наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова возвращались названия ранее существовавших казачьих воинских соединений.²

Сфера образования – составляющая национальной политики. Преобразования в культуре. В отношении нерусских народов проводилась политика принятия алфавитов, словарей, издания газет, литературы, вовлечение малограмотного населения в революционную борьбу, в общественно-политическую жизнь, получало поддержку стремление этнических общностей к знаниям, обретению низшего, среднего и высшего образования.

На Северном Кавказе уровень грамотности населения был катастрофически низок даже по сравнению с другими российскими регионами. В 1920 году на тысячу жителей региона приходилось всего 281 грамотных. Особенно плохо обстояло дело в горских республиках. Так, в Чечне только 0,84 % взрослого населения умело читать и писать по-русски, в Ингушетии – около 3 %, в Кабардино-Балкарии – 7 %, в Северной Осетии – 14,7 %. Это создавало трудности для формирования в регионе лояльного советского большинства, как и для включения Северного Кавказа в единое советское социокультурное пространство.³ Сравнительно низкий уровень грамотности населения Северного Кавказа оставался и в конце 1920-х годов. Например, в Кабардино-Балкарской АССР в этот период он составлял 23,6 %, в Ингушетии – 23,8 %, в Карачае – 12,1 %.⁴

Со второй половины 1930-х годов на основе принятого 13 марта 1938 г. Советом Народных Комиссаров СССР (СНК СССР) и Центральным комитетом (ЦК) ВКП (б) постановления N 324 за подписями Председателя СНК В. Молотова и Секретаря ЦК ВКП (б) И. Сталина «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» изучение русского языка, становилось обязательной нормой.⁵

---

¹ См. подробнее: *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Расказачивание на Юге России в 1930-х годах: исторические мифы и реальность // *Отечественная история.* – 2008. С. 104.

² См.: *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 90-е годы). – М., 2000.

³ См.: *Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.).* – Майкоп, 1995. С. 251; *Котов В.* Северный Кавказ в 30–40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // *Россия XXI век.* – 1996. № 1–2. С. 66–80; *Хутыз К.К.* Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах народов Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону, 1993. С. 126.

⁴ *Кожемяко Т.Н., Борисенко С.Н., Федоренко А.И.* Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации // URL: <http://yandex.ru/yandsearch.&clid=1932033&lr=213>.

⁵ См. подробнее: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. N 324 // *Консультант Плюс* // URL: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2380000001184288898>.

Необходимость преподавания русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей, диктовалась тремя основными мотивами. Во-первых, в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка являлось мощным средством связи и общения между народами Союза ССР, способствовавшим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту. Во-вторых, овладение русским языком содействовало также дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний. В-третьих, знание русского языка обеспечивал необходимые условия для успешного несения всеми гражданами Союза ССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и Военно-Морского Флота.

В связи с этим Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП (б) постановлением предписывали:

«1. Ввести преподавание русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей, с 1-го сентября 1938 г., предложив ЦК нацкомпартий и совнаркомам республик обеспечить издание соответствующих законов.

2. Изучение русского языка во всех нерусских начальных школах ввести со II класса и во всех неполных средних и средних школах с III класса обучения».¹

Состояние сферы межэтнических отношений. Направленность сталинской национальной политики в 1930-е годы была очевидной – концентрация центральной (союзной) власти и её усиление. Не случайным явлением оставалось формирование новых административных образований на территории России – краёв, куда включались автономные республики. Все эти акции имели под собой основание – безудержный бандитизм, не прекращавшийся в регионах с 1920-х годов, нежелание пребывания в колхозах, сепаратизм, тенденция к разбеганию, отсутствие желания подчиняться центру. В 1930-х годах были устранены национальные районы, округа и советы. Заметно сокращались меры политики «коренизации» аппарата власти, то есть выдвижения титульных (главных наций) на руководящие посты в национально-государственных образованиях.

Формула недоверия и неблагонадежности народов. Затем последовал предвоенный и военный период, сопровождавшиеся и шпиономанией и подозрительностью, и появлением института «неблагонадежных» этносов, недоверия военным специалистам из представителей этнических меньшинств. Характеризуя систему национальной политики в целом в этот период советской государственности, очень чётко подмечает в связи с этим Л.С. Гагагова: «Одной из чудовищных издержек политики государственного террора в сфере этнополитики, – пишет автор, – стала практика ранжирования национальных меньшинств по степени их благонадежности».² Всячески приветствовалось очищение западных рубежей Союза ССР от инонациональностей, термин введён в обращение идеологическими структурами НКВД СССР.

Из 1 602 000 человек, арестованных в 1937–1939 гг. по политическим статьям Уголовного кодекса, 346 000 человек являлись представителями этнических мень-

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. N 324.

² Гагагова Л. С. Национальная политика в 1920-е – 1930-е годы в СССР. Рукопись. – М., 2010. С. 141.

шинств, причём 247 000 из них были расстреляны как иностранные шпионы. Из арестованных чаще других казнили греков (81%) и финнов (80%)... В то же время в заключении оказались 16% всех проживавших в стране поляков...».¹ Естественно карательные меры предпринимались к каждой этнической общности в отдельности. События кануна войны 1941–1945 гг. внесли заметные коррективы в судьбу поляков. Уже в середине 1930-х гг. И. Сталин рассматривал поляков, проживавших на западных окраинах Союза ССР, как «неблагонадежный элемент». По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР накануне войны поляков насчитывалось в РСФСР 147 545 человек, из них в городах проживали 96 750 чел., в сельской местности – 51 795 человек.²

В 1937 году следовали одна за другой операции по разоблачению поляков в занятии шпионажем в пользу Польши. Ещё в январе 1937 года И. Сталин получил сообщение о разоблачении «Польской организации войсковой» с протоколом допроса заведовавшего кафедрой социально-экономических наук Московского института механизации и электрификации поляка Т.Ф. Домбаля. Он уличался в связях с состоявшим в это время в запасе РККА в должности командира полка поляком С.М. Пуначевским.³ Следственный аппарат работал исправно, протоколы с подобным содержанием поступали Сталину один за другим. Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов доносил секретарю ЦК ВКП (б) И. Сталину, что в результате дальнейшего хода операции по ликвидации кадров польской разведки на 10 сентября 1937 года из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных, консульских связей и других контингентов, подозрительных по польскому шпионажу арестовано в СССР – 23 216 человек. В это количество входили по УССР – 7 651 человек (из них сознались 1 138 человек), Ленинграду – 1 832 (637), Московской области – 1 070 (216), БССР – 4 124, Западной области – 837, Западной Сибири – 1 235, железнодорожному транспорту – 2 943 человек.⁴

Некоторое время спустя, а именно 31 января 1938 года, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), протокол № 57, было принято постановление, в котором читаем: «...Продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев,

---

¹ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. С. 132.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, 1992. С. 59-85. Из всех 630 097 поляков в Союзе ССР на родном языке разговаривали 75 157 чел., русском – 184 432 чел., на др. языке – 37 058 человек. См. также: Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни депортированных поляков Оренбургской области (1937–1955 гг.). – Оренбург–Москва, 2006; *Бугай Н.Ф.* Поляки России: поиск истины (принудительное переселение, возвращение, судьбы). – М., 2013. С. 85–86.

³ См. подробнее: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: Материк, 2004. С. 41.

⁴ Там же. С. 352. К 10 сентября 1937 г. был осужден и расстрелян 1 251 польский агент. (Там же. С. 359). По данным Н.В. Петрова, А.Б. Рогинского, процент расстрелянных по «национальной линии», в частности, «польскому приказу», имел следующие показатели, были рассмотрены дела на 143 810 человек, из которых осуждено было 139 835 человек. Это составило 77,25% от числа рассмотренных дел и 79,44% – от числа осужденных (См.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997. С. 33).

харбинцев, китайцев и румын, как иностранноподданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР».¹ Здесь же постановлением предлагалось «погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР».² В марте 1938 года последовал судебный процесс над 9 шпионами-поляками в Минске. За один только день, 20 марта 1938 года, сотрудниками УНКВД по Калининской области было арестовано 1 918 членов так называемых «ино[странных] разведок», в том числе латвийской – 1 115 человек, польской – 334 человека, немецкой – 142, эстонской – 107 человек.³

Необоснованная подозрительность со стороны власти к представителям ряда национальностей выразилась в отзыве с 1937 года представителей «неблагонадежных народов» из сферы обороны, предприятий по изготовлению военной техники, конструкторских бюро. Одна из трагических страниц истории принудительных переселений – отказ молодым людям, относящимся к репрессированным народам, в праве на защиту своего Отечества. В этом направлении продолжалась и «нормотворческая» работа. Ещё 20 июля 1937 года в качестве приложения к протоколу заседания Политбюро ВКП (б) появилась записка Сталина (П 51/324), в которой предписывалось «всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях арестовать». Затем последовал приказ наркома Н. Ежова по всем органам НКВД СССР с указанием арестовать работающих немцев (на артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, пороховых и т.п. заводах), выселить часть арестованных за границу. На основе предписания (П 60/91) от 10 апреля 1938 г. проводилась тут же «чистка» военных заводов Тульской области и железной дороги.⁴

Директива Наркомата обороны СССР за № 200/ш. от 24 июня 1938 г. требовала немедленного изгнания из сферы обороны корейцев, поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев и представители других этнических общностей. К началу осени 1938 года эта задача была выполнена.⁵ Вскоре после издания директивы 200/ш (по очень неполным сведениям: без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии) особые отделы выявили около 13 тыс., подлежащих увольнению «националов», четыре тысячи из них уволено, две тысячи из числа уволенных арестовано.⁶ Позднее на службе в армии были восстановлены лишь 1 919 человек.⁷ В 1938 году, по данным И.И. Шульги, из командного состава увольнялись в запас 4800 человек (немцы, поляки, латыши, эстонцы,

---

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: 1937–1938. С. 468.

² Там же. С. 469.

³ Вертикаль Большого террора. История операции НКВД по приказу № 00447 / Авторы и сост. М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – М., 2008. С. 301.

⁴ См.: Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 255. Л. 21 (далее: АП РФ).

⁵ Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Илларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г. Немцы: 250 лет в России. – М., 2012. Т. 1. С. 241.

⁶ См. также: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА: 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. С. 311. См. также: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. Москва, ноябрь 1998. – М., 1999 // URL: <http://www.bronexod.com/forum/lofiversion/index.php?t9527.html>.

⁷ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА: 1937–1938. С. 311. См. также: Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч.

корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары).¹ В директиве «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» Наркомат Обороны СССР предусмотрел «отказ от призыва социально-опасных призывников». Документ включал и этническую компоненту.

С началом Великой Отечественной войны национальную государственную политику И. Сталина можно было бы разделить по своему содержанию и характеру на две части. Первая из них, конечно же, обуславливалась военным временем и включала в себя возвращение гвардейских званий (май 1941 г.), формирование 23 июня 1941 года Ставки главного командования, учреждение самого поста Верховного Главнокомандующего (8 августа 1941 г.), смену направлений пропаганды, обращение к великой русской нации («старшему брату»). Как верно по этому поводу замечает исследователь Ф. Сеницын, И. Сталин апеллировал к лучшим патриотическим традициям русского народа, новым содержанием наполнялась пропаганда русских традиций, связь русского с другими народами, с учётом приоритетной славянской составляющей в Красной армии (84,7%).²

Погружение общества в бифуркационное состояние. Принудительное переселение народов. С другой стороны – в государстве создавались условия для возникновения бифуркационного состояния. Об этом свидетельствует и коллаборационизм, уклонение от службы в Красной армии, дезертирство, отказ от участия в защите Отечества, участие в бандитских формированиях, поддержка нового оккупационного гитлеровского режима власти, явившиеся основой для принятия деструктивных мер в национально-государственной политике.

Динамика дезертирства выглядит следующим образом: за период со второй половины 1941 г. и второй половины 1944 г. дезертиры составили соответственно по Северному Кавказу: 49 362 – 13 389 (всего: 62 751), Закавказью: 29 940 – 18 417 (48 357), Средней Азии: 41 980 – 17 869 (149 849), Центральным областям: (+ Белорусская ССР, Карело-Финская ССР, Молдавская ССР, Украинская ССР, Башкирская АССР, Коми АССР, Крымская АССР): 391 062 – 198 578 (598 640). Всего по Союзу: 1 210 224 – 456 667 (1 666 891).³ Страх наказания заставлял многих дезертиров уходить в леса, пополняя и создавая новые вооружённые группы, становившиеся на путь бандитизма.

Юридической основой для проведения принудительных переселений служили постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. № 289-127сс («совершенно секретно») о выселении из западных областей Украины бывших помещиков, фабрикантов, торговцев, участников буржуазных политических партий и антисоветских организаций, руководящих деятелей буржуазных правительств и членов их семей, а также семей бывших офицеров польской армии и помещиков (о выселении «неблагонадёжных элементов»), секретное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР № 1299-

---

¹ См.: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. С. 101.

² Сеницын Ф. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М., 2010. С. 37.

³ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты и комментарии. – М.: Капъ, 1994. С. 114 – 115.

526 «совершенно секретно» от 14 мая 1941 г., согласно которому в районы Казахской ССР сроком на 10 лет выселялись все члены семей, содержавшихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии. Решению этой задачи было подчинено и утверждённое в мае 1941 года «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников».¹ Всего из областей Украины выселялось 26 865 административно-высланных граждан.²

Уже в первый день войны – 22 июня 1941 г. – Президиумом Верховного Совета СССР был оглашён Указ «О военном положении». Им же создавалась юридическая основа для действия органов военной власти по очищению районов от элементов, признанных «социально-опасными». Последовала нормативно-правовая основа проводимых мер – постановления Государственного комитета обороны СССР (ГКО), приказы НКВД СССР с обоснованием этих акций.

10 января 1942 года полностью распространялось на советских немцев и принятое постановление ГКО «О порядке использования немцев-спецпереселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет на трудовом фронте» (№ 1123). На основании этого постановления и постановления ГКО № 1281 от 14 февраля 1942 г. «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных союзных республиках» в октябре 1942 года на советских немцев распространялось новое постановление ГКО № 2383 «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства», а также постановление за подписью И. Сталина от 14 октября 1942 г. (№ ГКО-2409 сс) «О распространении постановления ГКО № 1123 сс и № 1281 сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран» (они касались мобилизации всех немцев-мужчин в возрасте 15–55 лет включительно и всех женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет [кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет], венгров, итальянцев, румын, финнов. Представители этих народов изымались из состава Вооружённых сил СССР и включались в состав рабочих колонн, сформированных из советских немцев, направлялись совместно с «мобилизованными немцами» в исправительно-

---

¹ См.: *Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Илларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г.* Немцы: 250 лет в России. Т. 1. С. 269. По этой категории советских немцев были даны указания «всех арестовать», а «остальную часть – 46 533 человека переселить в Казахскую ССР» (Там же).

² На основании постановления СНК СССР № 497-1777 сс от 10 апреля 1940 г. было выслено с территории Украинской ССР 40 100 человек, (9870 семей); из Белорусской ССР – 51 788 человек (1572 семьи). – См. «Справка о количестве лиц некоторых категорий, высланных на спецпоселение в северные и восточные районы страны с территории Литвы, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Армении и Псковской области за период с 1940 по 1953 год без прав возвращения к прежним местам жительства». 16 декабря 1965 года (см.: ГАРФ. Ф. Р.–7523. Оп. 109. Л. 50 – 59). Документ опубликован: *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). – М.: ЗАО «МСНК-Пресс», 2006. С. 398–400.

Директива о выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии: основание: Постановление ЦК ВКП (б) от 14 мая 1941 г. за № 1299-526. (Из документов Отдела по надзору за следственными делами в органах безопасности (см.: ГАРФ. Ф.–Р. 9479. Оп. 1. Д. 478. Л. 210–211. Документ опубликован: *Бугай Н.Ф.* Поляки России: поиск истины (принудительное переселение, возвращение, судьбы. – М., 2013. С. 150–151). См. также: *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. С. 73–75.

трудоустройство НКВД СССР (ИТЛ НКВД СССР).¹ Начиная с середины 30-х – до конца 40-х гг. XX века, по данным созданного в марте 1944 г. в структуре НКВД СССР Отдела спецпоселений, на территории страны среди переживших принудительное переселение насчитывалось 1 024 722 гражданина немецкой национальности («советских немцев»)².

На спецпоселении наряду с советскими немцами были также около 640 тыс. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, около 102 тыс. калмыков, 692 тыс. бывших кулаков, в число которых входили и представители русской национальности, 194 тыс. крымских татар, около 40 тыс. греков, армян и болгар из Крыма, около 50 тыс. греков из районов Черноморского побережья Грузии, Краснодарского края и Ростовской области около 100 тыс. турок из Месхетии, курдов, хемшинов; более 400 тыс. поляков, граждан Украины и Белоруссии, около 230 тыс. литовцев, латышей, эстонцев, 12 тыс. финнов, 172 тыс. корейцев, 8 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев и представители других этнических общностей.³

Изучение литературы по теме, комплекса архивных материалов, итогов состоявшихся конференций, заседаний «круглых столов» позволяет в обобщенном виде

---

¹ См.: *Бугай Н.Ф.* Система рабочих колонн и батальонов – составляющая часть трудармий. 1940 – 1950-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2015. № 1–2; *Виньели Д., Бойко Джаскети Ю.* Неизвестная трагедия итальянцев в России. – Керчь, 2007; *Гончаров Г.А.* «Трудармия на Урале периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение / Ред. Л.И. Бородкин. – М., 2001. Вып. 7. С. 154–162; *Кирилов В.М.* и др. Книга памяти немцев – трудармейцев ИТЛ Бакалстрой – Челябинметаллургстрой: в 4-х тт. – М.: МСНК: Нижний Тагил, НТСПА, 2014. С. 1–3; *Куручкин А.Н.* «Трудармия» Историография и источники // Российские немцы: Историография и источниковедение. – 1997. С. 126–133; *Бугай Н.Ф.* Советские итальянцы: трансформации этнической общности. 1930–2010 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. Т. 6. № 6. Часть 1; и др.

² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты и комментарии. – М.: Капъ, 1994. С. 169 («Справка о количестве выселенцев и спецпереселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение и о количестве выселенцев и спецпоселенцев, прошедших переучет»). 1949 год (ГАРФ. Ф. Р.–9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 19–20); документ опубликован также в кн.: Немцы: 250 лет в России. Т. 2: Документальная история / Сост. Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. – М., 2012.

³ Сведения обобщались в публикации о принудительном переселении этнических общностей на территории Союза ССР. – См.: *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). – М., 1998; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). – М.: Инсан, 1998; «По решению Правительства Союза ССР...». – Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 15–16; Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е – 1950-е годы) Документированная история. – Ганновер-Штуттгарт: Ibidem-Verlag, 2005; *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия. США. – М., 2009; Советские немцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши балкарцы. Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне: 1941–1945 гг. – Элиста, 2010. Т. 1. С. 564; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». – М., 2011; Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010 годы). – СПб.: Алетея, 2012; *Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Илларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г.* Немцы: 250 лет в России. Т. 1. С. 260–263; *Бугай Н.Ф.* Российские корейцы: Перемены, приоритеты, перспектива. – М.: Аквариус, 2014; *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...». 1920–1960-е годы. – М.: Аквариус, 2015; Принудительные переселения крымских татар: путь к реабилитации / Сост., автор разделов, предисловия, комментариев, заключения Н.Ф. Бугай. – М.: Аквариус, 2015; *Бугай Н.Ф.* Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.). Исторический экскурс. – М., 2015; и др.

определились в причинах, лежавших в основе проводимых акций в 1940-х – начале 1950-х годов со стороны правительства Союза ССР по принудительному выселению граждан. В их числе следующие: нарушение элементарных основ демократии; необходимость упрочения существовавшего режима власти; принятие мер к сопротивлению проводимому курсу партии в государственном строительстве, в преобразовании сфер экономики (принудительная коллективизация и ускоренная индустриализация); выступление против идеологических установок партии; влияние международной обстановки, сложная ситуация на пограничных территориях; превентивное обвинение этнических общностей, в том числе и по причине принадлежности к той этнической общности, с которой велась война; решение проблемы с трудовыми ресурсами по обеспечению строек на территории страны; возвращение новых территорий и восстановление их в структуре СССР; решение пограничных территориальных споров; отказ от защиты Отечества, дезертирство, уклонение от службы в армии, сотрудничество с оккупационными властями, уклонение от службы в Красной армии представителями различных этносов; шпионаж; предательство; наличие недисциплинированных и опустившихся людей в обществе, тунеядство и др.

Руководство партии, несомненно, было осведомлено о мировой практике принудительных переселений, депортаций населения в национальной безопасности, в целях достижения стабилизации в конкретной обстановке. Это право государства прибегать в экстремальной обстановке к подобным мерам защиты (ритомсация, необходимость ответных действий). Во всяком случае, принудительные переселения, депортации не являются порождением СССР. Как известно, к подобным мерам неоднократно прибегало ещё до начала XX века и царское правительство. Со времён Русско-японской войны первыми выселялись с территории Кавказского наместничества японцы, китайцы, корейцы.

После войны имели место депортации поляков и немцев в Польшу. «Из постановления ГКО СССР (июнь, 1945 г.)

1. Обязать НКВД СССР (тов. Берю):

а) возратить в организованном порядке к местам постоянного жительства всех поляков по национальности, являющихся жителями Польши и немецких территорий, отошедших к Польше, мобилизованных при очистке тылов действовавшей Красной Армии в соответствии с постановлением ГКО № 7567 сс от 3 февраля 1945 г. и находящихся на работе в промышленности, в составе рабочих батальонов и мобилизованных немцев;

б) освободить из лагерей для военнопленных и отправить на родину поляков по национальности, польских граждан-жителей Польши и немецких территорий, отошедших к Польше, взятых в плен в составе немецких войск.

2. Обязать НКПС (Ковалева) и ЦУПВОСО (Дмитриева) обеспечить подачу эшелонов и отдельных вагонов по заявкам НКВД СССР для отправки освобождаемых польских граждан на родину.

Сталин»¹

Здесь же представлялась и необходимая информация для принятия управлен-

---

¹ ГАРФ. Ф.–Р. 9401. Коллекция.

ческих решений. «Товарищу Сталину И.В. 17 июня 1945 г.

В лагерях и тюрьмах НКВД СССР находятся всего польских граждан – 25 047 человек:

в лагерях интернированных – 12 280 чел.,

в пунктах фильтрации (ПФЛ) – 9 185 чел.,

в лагерях ГУЛАГа – 2 285 чел.,

во фронтовых лагерях и тюрьмах – 1 297 человек.

Кроме того, в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются военнопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких частей – 3 273 человека в рабочих батальонах, находящихся в УССР из числа мобилизованных в немецкой Силезии немцев, которые считают себя поляками – 7 202 человека... Л. Берия».¹

В то же время следует отметить, что партийные и государственные органы власти всячески пресекали практику насаждения в районах и селах с большинством белорусского населения принудительного обучения белорусских детей на польском языке и другие акции, противоречившие мерам по установлению сбалансированных отношений между национальными меньшинствами.²

Несомненно, любое государство не допустит того, чтобы огромные земельные территории, освобожденные от людей, пустовали. Уже в 1944 году начали пребывать на территорию проживания чеченцев и ингушей переселенцы из областей РСФСР. Они расселялись в сформированной Грозненской области. На основе постановления (№ 54) СНК СССР, принятого 8 января 1945 г., из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Кировской областей РСФСР должны были прибыть в Грозненскую область 2 000 колхозных хозяйств. Председатели облисполкомов обязывались до 15 марта 1945 года «обеспечить отбор и отправку семей колхозников-переселенцев». Наряду с уже установленным комплексом льгот особым пунктом предписывалось Грозненскому областному совету депутатов трудящихся (председатель Старчак):

«а) передать освобожденные земли с имеющимися посевами и насаждениями вновь организуемым колхозам из переселенцев и закрепить указанные земли за колхозами на вечное пользование;

б) передать колхозникам-переселенцам в постоянное пользование дома с имеющимися надворными постройками и приусадебными участками».³

В Грозненскую административную область переселилось по плановым заданиям из разных областей РСФСР, Украинской ССР, Молдавской ССР и Армянской ССР 78,5 тыс. представителей разных национальностей.⁴ В целом же переселение составило 2010 хозяйств.⁵ В период с апреля 1944 г. и по апрель 1945 г. переселение в Грозненскую область принимало активный характер. Из Ставропольского края переселились 5 472 семьи, в основном русское население, из Кизлярского округа – 2119 семей, из района Грозного – 2659 семей, из других регионов Союза ССР –

¹ ГАРФ. Ф.–Р. 9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 343–344.

² См.: ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 66 и др.

³ «По решению Правительства Союза ССР...». С. 478–479.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103 (далее: РГАНИ).

⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 98.

967 семей. Всего 11 217 семей. Из трёх областей РСФСР прибыла 2181 семья. Переселение продолжалось и в последующем. И к концу 1945 года составило 13 885 колхозных семей. Отток за этот же период составил 1 826 семей.¹ За колхозами было закреплено на январь 1945 г. – 154 371 га, на январь 1948 г. – 182 233 га, в том числе пахотной земли – 79 489 га (1945 г.) и 90 797 га (1948 г.).² Таким образом, была создана экономическая база для налаживания сельхозпроизводства в области. Во второй половине 40-х гг. XX века в Грозненскую область проводилось переселение 6 151 семья (25 001 чел.), трудоспособных – 14 017 чел., закрепились 4 074 семьи (66,2%), в том числе в колхозах – 3 443 семьи. На январь 1951 года в области имелось 33 тыс. дворов колхозников, из них 11 тыс. семей переселенцев 1944–1945 гг. и 3 443 семей – переселенцев послевоенных лет. В составе колхозного населения имелось более 14 тыс. семей переселенцев (42,0%).³

Некоторые территории бывшей Чечено-Ингушской АССР заселялись жителями из горных районов Северной и Южной Осетии. Они были дополнены частично и осетинами, проживавшими на территории Казбегского района Грузинской ССР. На это время в бывших чечено-ингушских районах уже имелись 20 МТС, 123 колхоза и 111 совхозов с посевной площадью 350,9 тыс. га земли. поголовье крупного рогатого скота более 160 тыс., овец – 509 тыс. голов.⁴ Одним словом, постепенно создавалась экономическая база для развития новой системы хозяйствования, обеспеченная и достаточным земельным фондом, пополнявшаяся новыми работниками. Однако в перспективе с учетом возвращения спецпереселенцев в последующем итоги проводимых мер сводились к нулю.

Заключение. Вывод однозначный, прошлое сталинской эпохи тесно связано с современностью, оно её подпитывает. Глубокое изучение этих процессов актуально. Впрочем, Сталин ещё в ноябре 1939 года в беседе с Александрой Михайловной Коллонтай поразительно точно предсказал – увидел сквозь время: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже... И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний... Острые борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы (народов СССР – *Авт.*), на отрыв окраин от России... С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций. В целом в будущем развитие пойдёт более сложными и даже

---

¹ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 103. В 1946 г. из разных областей Союза ССР прибыло дополнительно 2404 хозяйств.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 618. Л. 1–18.

³ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 90. Л. 43. Документ опубликован: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 113–114. Из отчёта: «Итоги переселения за 1939–1951 гг. и задачи на ближайшие годы» (О дополнительных материалах по итогам переселения) от 9 августа 1952 года за подписью начальника Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР В. Волкова / Сост. Бугай Н.Ф.

⁴ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 172–175.

бешеными путями, повороты будут предельно крутыми».¹

Как видим, так оно ныне и происходит на практике. Может, сбудутся и слова, сказанные в заключение той беседы: «И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Своё будущее они будут строить на нашем прошлом».

Источники и использованная литература:

Источники:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
2. РГА РА – Российский государственный архив Российской армии.
3. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
4. ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
5. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.
6. ГА ПР – Государственный архив Президента России.

Литература:

7. Бугай Н. Казачество России: проблемы возрождения // Обозреватель. – М., 1993. № 28 (32).
8. Бугай Н.Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.). Исторический экскурс. – М., 2015.
9. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 1990 гг). – М., 1990.
10. Бугай Н.Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010 годы). – СПб.: Алетея, 2012.
11. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». – М., 2011.
12. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006.
13. Бугай Н.Ф. Поляки России: поиск истины (принудительное переселение, возвращение, судьбы). – М., 2013.
14. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). – М.: ЗАО «МСНК-Пресс», 2006.
15. Бугай Н.Ф. Российские корейцы: Перемены, приоритеты, перспектива. – М.: Аквариус, 2014.
16. Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности [1990-е годы – начало XXI века]. – М., 2011.
17. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М., 2011.
18. Бугай Н.Ф. Система рабочих колонн и батальонов – составляющая часть трудармий. 1940–1950-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 1–2.
19. Бугай Н.Ф. Советские итальянцы: трансформации этнической общности: 1930–2010 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Ч. 1.
20. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). – М., 1998.
21. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). – М.: Инсан, 1998.

---

¹ Удивительно точные предсказания Сталина о России // URL: <http://cont.ws/post/173969> (дата обращения: 04.01.2016).

22. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. – Ростов-на-Дону, 1997.
23. *Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Илларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г.* Немцы: 250 лет в России. – М., 2012. Т. 1.
24. *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...». 1920–1960-е годы. – М.: Аквариус, 2015.
25. *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия. США. – М., 2009.
26. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: “социалистический эксперимент”. – Майкоп, 1994.
27. Вертикаль Большого террора. История операции НКВД по приказу № 00447 / Авторы и сост. М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – М., 2008.
28. *Виньели Д., Бойко Джакети Ю.* Неизвестная трагедия итальянцев в России. – Керчь, 2007.
29. *Гончаров Г.А.* «Трудармия на Урале периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение / Ред. Л.И. Бородкин. – М., 2001. Вып. 7.
30. Все начиналось с русских // Обозреватель. М., 1994. № 1 (35).
31. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, 1992.
32. *Гатагова Л.С.* Национальная политика в 1920-е – 1930-е годы в СССР. Рукопись. – М., 2010.
33. *Гонов А.М.* Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы). – Ростов-на-Дону, 1997.
34. Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни депортированных поляков Оренбургской области (1937–1955 гг.). – Оренбург–Москва, 2006.
35. *Зюзин Ю.А.* Российское казачество (историческая справка). – Краснодар, 1991.
36. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999.
37. Казачество: истоки возрождения. – Ставрополь, 1995.
38. *Кирилов В.М.* и др. Книга памяти немцев – трудармейцев ИТЛ Бакалстрой – Челябинск-металлургстрой: в 4-х тт. – М.: МСНК; Нижний Тагил, НТСПА, 2014.
39. *Курочкин А.Н.* «Трудармия» Историография и источники // Российские немцы: Историография и источниковедение. 1997.
40. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003.
41. *Котов В.* Северный Кавказ в 30 – 40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия XXI век. – 1996. № 1–2.
42. *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 гг.). Документы и материалы. – М., 2007.
43. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: 1937–1938. / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: Материк, 2004.
44. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. Дис. докт. истор.наук. – М., 2001.
45. Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Отв. ред. А.А. Тишков. – М., 2014.
46. Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – Майкоп, 1997.
47. Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е – 1950-е годы). Документированная история. – Ганновер-Штутгарт: Ibidem-Verlag, 2005.
48. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный

- Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп, 1995.
49. Немцы: 250 лет в России. Документальная история / Сост. Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. – М., 2012. Т. 2.
  50. *Осколков Е.Н.* Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов Северо-Кавказского региона. – 1993. № 1–2.
  51. *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. Москва, ноябрь 1998. – М., 1999.
  52. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997.
  53. *Плеханов А.А.* Казачество на рубежах Отечества. – М.: Кучково поле, 2007.
  54. Принудительные переселения крымских татар: путь к реабилитации / Сост., автор разделов, предисловия, комментариев, заключения Н.Ф. Бугай. – М.: Аквариус, 2015.
  55. «По решению Правительства Союза ССР...». – Нальчик: Эль-Фа, 2003.
  56. Проблема этнополитических отношений на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону – Пятигорск: Издательство СКАГС, 2001.
  57. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. – М., 1994.
  58. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. – Нальчик, 1995.
  59. Русский народ: исторические судьбы в XX веке. – М., 1993.
  60. Русский путь в развитии экономики. – М., 1993.
  61. *Синицын Ф.* За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М., 2010.
  62. *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Расказачивание на Юге России в 1930-х годах: исторические мифы и реальность // Отечественная история. – 2008.
  63. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА: 1937–1938. – М., 1998.
  64. Советские немцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши балкарцы. Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Элиста, 2010. Т. 1.
  65. *Табolina Т.В.* Возрождение казачества. 1989–1994: современная русская идея и государство. – М., 1995.
  66. Удивительно точные предсказания Сталина о России // URL: <http://cont.ws/post/173969> (дата обращения: 4.01.2016).
  67. *Хурыз К.К.* Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах народов Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону, 1993.
  68. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. – М.: РОССПЭН, 2009.
  69. *Шульга И.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008.

Bugai N.F.

About some aspects of the Stalin national state policy in the 1920s – 1950s

In article on rich historical material the analysis of policy of decossackization, squandering of the “Cossack” territories, policy in the sphere of national culture is given, repressions to other nationalities of 1937-1939, compulsory resettlements of the people in USSR are analyzed, violation of the rights of ethnic communities, violation of the Constitution are shown.

Keywords: Soviet state and law, Stalin, decossackization, other nationalities, compulsory resettlement of the people, experience, moving, ethnic communities, USSR.

Вдовин А.И.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР¹

Автор исходит из допущения, что в годы Великой Отечественной войны в СССР осуществлялась новая национальная политика – своеобразный националистический нэп (ннэп). В статье сделана попытка определить сущность новой политики, выявить ее предпосылки, хронологические рамки, проявления на этапах осуществления, отказ от дальнейшего проведения в связи с возвращением к классовой национальной политике. Начало перехода к новой политике связывается с признанием властью необходимости сочетания пролетарского интернационализма со «здоровым национализмом» (февраль 1941 г.), определением характера начавшейся войны как отечественной (национальной), а не классовой, воскрешением на протяжении войны воинских традиций народа, опорой на патриотизм как главный фактор победы в войне. Переход к новой политике, по мнению автора, завершился в декабре 1941 г., её углубление прослеживается до начала 1944 г. На завершающем этапе войны наблюдается свертывание новой политики, её конец связывается с требованием не допускать игнорирования классового содержания советского патриотизма (декабрь 1948 г.). Во время послевоенных кампаний по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом в СССР о «здоровом национализме» не вспоминали. Но фактически линия на укрепление патриотизма и национализма – во всей её противоречивости – была продолжена. После смерти Сталина к идеям националистического нэпа в нашей стране никто из руководителей СССР уже не обращался. По мнению историка, забвение необходимости культивирования «здорового национализма» и использования его в целях развития и упрочения советского общества явилось одной из причин крушения СССР в 1991 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, новая экономическая политика, националистический нэп, патриотизм, традиции, здоровый национализм, шовинизм, Коминтерн, отношения с союзниками по антигитлеровской борьбе.

Изучение истории национальной политики в СССР в годы Великой Отечественной войны наталкивают на мысль о проведении параллелей между этой политикой и нэпом 1921–1928 гг., а также неонэпом 1934–1936 гг.² Тогда новая политика понадобилась для восстановления народного хозяйства и создания необходимых условий перехода к социализму. В годы гитлеровского нашествия новая национальная политика СССР понадобилась для мобилизации советского народа на победу в войне. Под новой национальной политикой (националистическим нэпом) понимается политика, обеспечивающая (отвечающую интересам) единства всех слоев народа для отражения непосредственной угрозы его существования. Если новая экономи-

---

Вдовин Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Впервые опубликовано: Свободная мысль. – М.: Политиздат, 2015. № 6. С. 93–114.

² См.: НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М.: ИРИ, 2001; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006.; *Цакунов С.В.* Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М.: РГГУ, 1997; *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. – М.: Москва, 1995.

ческая политика 1920-х гг. была отступлением от классовой политики (политики военного коммунизма) к политике, отвечающей интересам крестьянства и других слоёв общества, то новая национальная политика военного периода была отступлением от классовой политики к политике, отвечающей интересам всех слоёв политической нации (общности советских народов) во имя сохранения жизни и обеспечения условий свободного развития каждого из советских народов и их совокупности в едином государстве – СССР.

Историография даёт основание для постановки проблемы о «националистическом нэпе». Например, А. Верт, автор одной из самых проникновенных книг о Великой Отечественной войне, писал, что воззвание Сталина к национальной гордости русских, слова о немцах, «лишенных совести и чести» и о «великой русской нации» в докладе 6 ноября 1941 г., а также призыв вдохновляться мужественным образом «наших великих предков», прозвучавший на параде войск 7 ноября, означали не что иное как проявление сталинского национализма, который «уже много лет до этого... восторжествовал над интернационализмом Троцкого».¹ Некоторое время спустя, по словам того же Верта, «один весьма ортодоксальный коммунист» говорил: «Провозгласить националистический нэп было в то время совершенно необходимо». Октябрь и ноябрь 1941 года были «самыми мрачными месяцами за всё время советско-германской войны. С ними может сравниться только октябрь 1942 г., когда висела на волоске судьба Сталинграда».²

В.И. Криворотов, участник гражданской войны в России на стороне белых, затем эмигрант, выпускник югославского университета, участник Второй мировой войны на антигитлеровской стороне, а после неё – известный бразильский публицист и писатель, утверждал, что массовая сдача советских солдат в немецкий плен в начале войны показывала, что у них «нет никакого желания защищать Политбюро».³ Сам Сталин в беседе с У. Гарриманом, возглавлявшим делегацию США на московском совещании в конце сентября 1941 года признавал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию».⁴ Поэтому, по Криворотову, советским властям «пришлось спешно применять нечто похожее на нэп, вроде НПП – Новой Психологической Политики. Пришлось показать народу не то оплеванное политграммой русское прошлое, а то блестящее из него, что было тщательно скрываемо».⁵

Выбор в пользу националистического нэпа или новой психологической политики был исключительно своевременным. Этот идеологический поворот, совершённый в начале войны, во многом обусловил её коренной перелом и, в конечном итоге – саму Победу. Как позднее написал видный русский писатель, мыслитель и общественный деятель И.Л. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат наци-

---

¹ Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М.: Прогресс, 1965. Вып. 1. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Криворотов В.И. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее: статьи и письма. – Мадрид: Издание автора, 1975. С. 160.

⁴ Цит. по: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. Сборник документов и материалов. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 204.

⁵ Криворотов В.И. Указ. соч. С. 160.

онального чувства, взятого в его почти химически чистом виде».¹ Признание того, что националистический нэп является историческим фактом, вызывает вопросы о предпосылках этого явления, о проявлениях нового нэпа, его хронологических рамках и этапах. Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Предпосылки новой национальной политики стали складываться уже вскоре после Октябрьской революции. Как известно, большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию».² После прихода к власти В.И. Ленин неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции».³ Когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах».⁴ До конца своих дней он выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции. В его последней статье «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 года, утверждалось: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию».⁵ Однако уже к этому времени выяснялось, что мировая революция «запаздывает». Её дальнейшее запаздывание вынуждало прагматически мыслящих лидеров революционной республики все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, после смерти Ленина высказывалась Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым, а затем генеральным секретарем ЦК РКП (б) И.В. Сталиным.

«Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран», – писал Сталин 17 декабря 1924 года.⁶ По смыслу этого закона он заключил: «Победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, – вполне возможна и вероятна».⁷ Идея была поддержана большинством членов ЦК на XIV конференции партии в апреле 1925 года. На конференции подчеркивалось, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея ещё несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь её, построить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и орудие

---

¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991 (репринт. 1973 г.). С. 200.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1974. Т. 42. С. 1.

³ Там же Т. 37. С. 108.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 45. С. 403.

⁶ Сталин И.В. Соч. – М.: Госполитиздат, 1947. Т. 6. С. 369.

⁷ Там же. С. 370.

мирового революционного движения».¹

В феврале 1931 года была выставлена новая веха на пути к новой национальной политике. Выступая на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».² Новое определение «социалистического отечества» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределённые пролетарско-мировые очертания до реальных границ СССР. Это позволяло «реабилитировать» патриотизм в его привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей.

Эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении ускорила успех Гитлера на парламентских выборах в Германии и его назначение канцлером в январе 1933 года. Анализ причин прихода Гитлера к власти, проведённый в Политбюро ЦК ВКП (б) (апрель 1934 г.) с участием Г.М. Димитрова, вызволенного из нацистской тюрьмы, привёл к заключению, что главная причина неудач германских коммунистов, сделавшими возможным приход Гитлера к власти, крылась в неправильном подходе к широким слоям рабочего класса, в пропаганде, замешанной на национальном нигилизме и игнорировании своеобразия национальной психологии. Вывод имел важные последствия для национальной политики в СССР. Димитров, избранный генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, начал перестраивать его работу с учётом выявленных ошибок.³ Восстановив в правах Родину и Отечество (раньше эти понятия связывались с дореволюционной Россией, защитниками и патриотами которой могли быть только контрреволюционеры и белогвардейцы), большевики в июне 1934 года признали также и ранее «совершенно неприличный в устах социал-демократа “патриотизм”»⁴, однако теперь уже в качестве высшего закона советской жизни, высшей общественной ценности и высшей доблести человека.⁵

Во второй половине 1930-х гг. меняется отношение к прошлому страны. Прекратилось поношение России как крайне отсталой, убогой и нищей в экономическом и культурном отношении страны, как жандарма Европы, как тюрьмы народов. Меняется отношение к государственным и военным деятелям, изображавшимся ранее скопищем «держиморд», реакционеров, угнетателей и душителей свободы. Дело дошло до того, что Сталин признал несомненные заслуги русских царей. 7 ноября 1937 года в выступлении перед избранным кругом соратников по случаю 20-летия Октября Сталин говорил о своих предшественниках на посту руководителя страны: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ.

---

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 152.

² Там же. Т. 13. С. 39.

³ Лейбзон М.М. Поворот в политике Коминтерна: Историческое значение VII конгресса Коминтерна / Ред. М.М. Лейбзон, К.К. Ширина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1975. С. 93.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 17. С. 190.

⁵ Васильковский Г. Высший закон жизни // Правда. – 1934. 28 мая; За родину! // Правда. – 1934. 9 июня; Постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине» // Правда. – 1934. 9 июня.

Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство... Мы, большевики, сплотили и укрепили это государство... в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство... Каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого... кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать».¹

Восстановив в «правах» Родину, Отечество, патриотизм и отдав должное даже свергнутым с престола царям, советские руководители остановились перед признанием национализма в его здоровом выражении точно такой же доблестью, как и патриотизм. Между патриотизмом и национализмом есть прямая связь. Если патриотизм – любовь к Родине, то национализм в его здоровом выражении есть любовь к нации и вековым национальным традициям.

В 1941 году, перед войной, руководство СССР обнаружило явную готовность к признанию благотворной роли ранее категорически осуждаемого национализма. 27 февраля секретарь ЦК ВКП (б) по идеологии А.А. Жданов на встрече с Г.М. Димитровым, А.А. Андреевым и Г.М. Маленковым, обсуждая задачи Коминтерна, заявил: «Мы сбились (т.е. допустили ошибку. – *А.В.*) на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Требовалось же «сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших “националистов”»². И уже на следующий день в Исполнительном комитете Коминтерна состоялось практическое обсуждение вопроса об одногодичной школе по подготовке таких «националистов». Определялся состав слушателей и преподавателей. Программа школы составлялась «с учётом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственно стран)», – записано в дневнике Г.М. Димитрова.³

12 мая 1941 года руководители Коминтерна, Г.М. Димитров (генеральный секретарь ИККИ) и Д.З. Мануильский (секретарь ИККИ), обсуждали вопрос о возможном прекращении деятельности Коминтерна, обдумывали мотивировку такого решения. В тот же день судьба Коминтерна стала темой беседы Г.М. Димитрова и А.А. Жданова. Итоги разговора отражены Димитровым в его дневнике: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм (т. Сталин разъяснял, что между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм под-

---

¹ Цит по: *Латышев А.* Как Сталин Энгельса свергал // Российская газета. – 1992. 22 декабря. С. 4. См. также речь в записи адъютанта К.Е. Ворошилова генерала Р.П. Хмельницкого, приведенную в кн.: *Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928–1941. – М.: Весь мир, 1997. С. 437–438.

² Цит. по: *Марьина В.* Георгий Димитров – советский гражданин. 1934–1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. – 2007. № 4. С. 97.

³ Там же.

готовляет почву для вербовки разведчиков, агентов врага). Идеи Коминтерна глубоко проникли в ряды передовых слоев рабочего класса капиталистических стран. На данном этапе необходимо, чтобы коммунистические партии развивались как самостоятельные национальные партии. На основе расцвета национального коммунистического движения в отдельных странах возродится на следующем этапе на более крепкой и широкой базе международная коммунистическая организация. Нужно показать ясно, что прекращение деятельности ИККИ не означает отказ от международной пролетарской солидарности».¹ Предполагалось, что «от этого шага коммунистическое движение может получить большие выгоды: а) сразу потеряют всю почву все антикоминтерновские пакты; б) важный козырь буржуазии, что коммунисты являются подчиненными иностранному центру, а значит “предатели”, будет отнят; в) Компартия в каждой стране усилит свою самостоятельность и превратится в подлинно народную партию своей страны; г) облегчается вступление в компартию и тех рабочих-активистов, которые теперь входят, считая, что тем самым они отчуждаются от своего народа».²

Таким образом, к июню 1941 года выбор в пользу новой национальной политики в руководстве ВКП (б) и Коминтерна фактически был уже сделан. Дело оставалось за разъяснением и пропагандой в широких слоях населения. В армии такая работа по существу уже началась. В мае 1940 года, по окончании советско-финской войны под руководством вновь назначенного наркома обороны С.К. Тимошенко прошло совещание по военной идеологии. Пафос основного доклада, с которым выступил начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис, заключался в некотором отрезвлении от шапкозакладательских настроений и призывах покончить с культом опыта гражданской войны. Одновременно прозвучал призыв к внесению изменений в работу по воспитанию Красной армии. Осуждалось забвение русской военной истории: «Не популяризируются лучшие традиции русской армии, и все, относящееся к ней, огульно охаивается... В оценке действий царской армии процветает шаблон упрощенчества. Всех русских генералов до недавнего времени скопом зачисляли в тупицы и казнокрады. Забыты русские полководцы – Суворов, Кутузов, Багратион и другие, их военное искусство не показано в литературе и остаётся неизвестным командному составу».³ 23 мая 1940 года Л.З. Мехлис направил А.А. Жданову доклад о работе Политуправления Красной Армии. В докладе снова осуждалось «неправильное освещение интернациональных задач» и выдвигалось предложение о том, что «нашу армию необходимо воспитывать на её героических традициях и на героическом прошлом русского народа».⁴

Важнейший выбор в пользу новой политики был сделан в связи с определением характера начинавшейся войны. Утром 22 июня 1941 года на совещании советских руководителей с участием Димитрова прозвучало: «Советский народ ведёт Отечественную войну против фашистской Германии. Коминтерн пока не должен вы-

---

¹ *Марьина В.* Георгий Димитров – советский гражданин. С. 100.

² Там же. С. 101.

³ Цит. по: *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л.З.Мехлиса. – М.: Звонница МГ, 1999. С. 136.

⁴ *Мехлис Л.З.* О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада в ЦК ВКП (б). 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. № 3. С. 199.

ступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы».¹ В шифровках компартиям, секциям Коминтерна, отправленных в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции».² В.М. Молотов в полдень 22 июня в своём обращении к советскому народу говорил о начавшейся войне: «В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с ... Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну».³ Эта же мысль прозвучала и в июльской речи Сталина. В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это – «великая война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».⁴

Своё основное выражение всенародный характер войны получил в мобилизации на фронт и тыловые работы в народном хозяйстве военнообязанных всех национальностей СССР. Накануне войны в составе населения СССР русские насчитывали 51,8%, украинцы – 17,6, белорусы – 3,6%, другие национальности – 27%.⁵ Среди мобилизованных за все годы войны русских было 65,4%, украинцев – 17,7, белорусов – 3,2%, других – 13,7%. Среди отдавших свои жизни за Победу русские составляли 66,4%, украинцы – 15,9%, белорусы – 2,9%, другие национальности – 14,8%.⁶ Особенности национального состава победителей (преобладание славянского ядра) учитывалось в воспитательной и агитационно-пропагандистской работе в армии и тылу на протяжении всей войны.

Во всей воспитательной и агитационно-пропагандистской работе сознательно и многократно усиливалась роль традиций — способа сохранения и передачи из поколения в поколение ценностей, основополагающей системы взглядов, философии, которая задаёт место человека в мироздании, определяет его отношения с вечностью, его обязательства по отношению к ближним, к другим людям.⁷ В условиях войны на первое место выдвигались традиции русской армии. Их воскрешение прослеживается с первых дней войны. В соответствии с традицией уже 23 июня 1941 года был создан чрезвычайный орган высшего управления войсками – Став-

---

¹ Цит. по: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг.) // Новая и новейшая история. – 1992. № 6. С. 34.

² История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. – М.: Наука, 2002. С. 192, 194.

³ *Молотов В.М.* Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел // Правда. – 1941. 23 июня.

⁴ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Крафт, 2002. С. 15.

⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х тт. – М., 2001. Т. 2. С. 13, 15.

⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М.: Вече, 2014. С. 228.

⁷ Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета 28 сентября 2012 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html> (дата обращения: 01.08.2015).

ка Главного Командования, преобразованная вскоре в Ставку Верховного Командования (10 июля), а затем в Ставку Верховного Главного Командования (8 августа). Образована по аналогии с существовавшей во время Первой мировой войны Ставкой Верховного главнокомандующего вооружёнными силами России.

Воскрешению вдохновляющих традиций старой русской армии была призвана послужить спешно подготовленная и опубликованная в июле 1941 года книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» с разделами «Киевская Русь в борьбе с кочевниками», «Александр Невский и Ледовое побоище», «Грюнвальдская битва», «Полтавский бой», «Семилетняя война», «Походы Суворова», «Отечественная война», «Крымская война 1854–1855 и оборона Севастополя», «Первая мировая война», «Гражданская война», «Война с белофиннами», «Великая Отечественная война советского народа против фашизма».¹ Книга вышла в ряду многочисленных публикаций о героическом прошлом русского народа, о подвигах защитников Отечества в отражении попыток его порабощения в прошлом, о подвигах, которые представлялись примером для современников, спасавших страну от новой напасти. Этим же целям служило возрождение 18 сентября 1941 года, после героического Смоленского сражения, гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска.

Особую роль в переходе к националистическому нэпу в условиях войны сыграли выступления И.В. Сталина в ноябре 1941 года по случаю годовщины Октябрьской революции. В докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября было положено начало целенаправленному культивированию ненавистного отношения, гнева и ярости к поработителям. О немцах и их лидерах говорилось в уничижительно-оскорбительном тоне, как о людях, «лишенных совести и чести, людях с моралью животных», которые «имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!.. Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получат. Отныне наша задача... будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве её оккупантов».² 7 ноября в обращении на параде Красной армии ко всем красноармейцам и партизанам говорилось: «Война, которую Вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»³

Вскоре руководство СССР пошло ещё дальше. В начале контрнаступления советских войск под Москвой, 10 декабря, начальник Главного политического управления РККА направил в войска директиву: «Все военные газеты... печатают рядом

---

¹ Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 31.

³ Там же. С. 37.

с названием газеты лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. В условиях войны с немецко-гитлеровскими империалистами, когда стоит задача истребить всех немецких оккупантов, этот лозунг может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Приказываю: 1. Со всех без исключения военных газет снять... лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” и заменить его лозунгом “Смерть немецким оккупантам!” ...2. Ни одно печатное издание (книги, брошюры, журналы, листовки и т.п.), выпускаемое политорганами и штабами для наших войск, не должно впредь иметь лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» ... 3. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» разрешаю ставить на литературе, издаваемой для войск противника... 4. На листовках, брошюрах и газетах, выпускаемых для населения оккупированных немцами районов, ставить лозунг: “Смерть немецким оккупантам!”¹. 20 декабря 1941 года словосочетание «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было заменено лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» на знамёнах воинских частей.²

С этого дня спасение страны и социализма окончательно связывалось с превращением войны в отечественную, национальную, а не классовую. Этот поворот и означал, на наш взгляд, завершение перехода к новой национальной политике в СССР, начавшегося в феврале 1941 года с призывов включить в арсенал агитации и пропаганды обращения к чувству здорового национализма в политике Коминтерна. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка.

Коммунистическое руководство страны не могло официально признать введение своеобразного националистического нэпа, поскольку это означало бы явный разрыв с марксистским учением. В.И. Ленин утверждал в своё время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый”, “чистенький”, тонкий и цивилизованный».³ Останавливало и опасение перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на шовинистическую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр идеологии и политики. Именно поэтому, как представляется, вводя националистический нэп фактически, пришлось делать вид, что он не противоречит интернационализму.

Несмотря на нововведение, принципы интернационализма, трактуемые как равноправие, сотрудничество, взаимопомощь в отношениях между народами, никогда не исключались из арсенала советской политики. Без них было бы невозможно об-

---

¹ Директива начальника Главного политического управления РККА, 10 декабря 1941 г. // *Люттов С.Н.* Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны: Документы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 204–212 // URL: <http://www.nsu.ru/jspui/bitstream/nsu/4713/1/23.pdf> (дата обращения: 01.08.2015).

² Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Терра, 1996. С. 96.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 24. С. 131.

разование союза народов и укрепление антигитлеровской коалиции. В 1942 году, во время успешного развития операции по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой казалось, что инициатива сохранится в руках Красной армии до победного окончания войны.¹ В приказе Наркома обороны от 1 мая 1942 года Сталин считал возможным «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли».² При этом, в духе интернационализма подчеркивалось, что цель Красной армии состоит вовсе не в том, чтобы истребить немецкий народ и уничтожить германское государство, как это «иногда болтают в иностранной печати».³ Сталин рассчитывал, что война за освобождение советской земли приведёт к изгнанию или уничтожению клики Гитлера уже в 1942 года, и это не должно отразиться на отношении ко всему немецкому народу и немецкому государству. «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается».⁴ У Красной армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу... Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза».⁵

Однако после поражений весной-летом 1942 г. и вплоть до весны 1944 г., когда победный исход войны обозначился со всей очевидностью, советской стороне пришлось постоянно изыскивать ресурсы для укрепления духа Советской армии на путях углубления новой национальной политики. В литературе и пропаганде безраздельно господствовали два чувства – любовь к России и ненависть к врагу, выливавшаяся в клич «Убей немца!». Потрясающим по глубине выражения этих чувств стал рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», опубликованный 23 июня 1942 года в ряде газет. В июле в «Правде» напечатана пьеса К. Симонова «Русские люди» – высокохудожественное воплощение темы «все русские едины». Своего максимума чувство патриотизма в сочетании с темой ненависти достигло в стихотворении Симонова «Убей его!», опубликованном в июле 1942 г.: «Если ты не хочешь отдать / Немцу с чёрным его ружьем, / Дом, где жил ты, жену и мать, / Все, что Родиной мы зовем... / Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!». Феноменальную способность перелагать жгучую ненависть русских и всех советских людей к немцам на язык едкой, вдохновляющей прозы проявил И. Эренбург. Его статья «Убей!» утверждала: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятие». «Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов».⁷ В дни, когда немцы рвались к Сталинграду, Эренбург обращался к его защитникам: «Можно все стерпеть – чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно

---

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 42.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Красная звезда. – 1942. 17 июля.

⁷ Красная звезда. – 1942. 24 июля.

фыркают на всё русское... Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады. Нет... ничего кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать. Тогда уснём. ...Нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучат ещё миллионы людей».¹ Днем раньше, 12 августа, в этой газете было опубликовано стихотворение А. Суркова «Ненавижу!», заканчивающееся словами: «Осквернён мой дом пруссаками, / Мутит разум их пьяный смех, / Я бы этими вот руками / Задушил их проклятых всех».²

Когда началась битва за Сталинград, 29 июля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об учреждении трёх орденов для награждения командного состава Красной Армии – Суворова, Кутузова, Александра Невского. С их учреждением возникал целый ряд наград, семантически связанных со старым строем, совсем недавно трактовавшимся как антинародный и самодержавный. А после побед в Сталинграде и на Курской дуге были добавлены ещё четыре ордена, развивавшие возникшую тенденцию: 10 октября 1943 г. – Богдана Хмельницкого, 3 марта 1944 г. – Ушакова и Нахимова, и только для рядового, сержантского и старшинского состава – Славы трёх степеней, повторявший существовавший до революции знак отличия ордена святого Георгия – Георгиевский крест для нижних чинов. С этого времени вошло в обычай носить наряду с советскими наградами Георгиевские кресты, полученные в Первую мировую войну.

Данью историческим традициям стало возвращение армии офицерских званий и традиционной формы русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.) – золотыми и серебряными, широкими и узкими в зависимости от рода войск, принадлежности к той или иной службе вооруженных сил. С прежними, дореволюционными просветами и звездочками вместо привычных петлиц с «треугольниками», «кубиками», «шпалами».³ По некоторым данным, 10 января 1943 года члены Политбюро согласились с И.В. Сталиным в том, что «общая политическая и военная обстановка требует ещё более резкого курса на патриотизм и русский национализм». Представлялось своевременным изменение названия “командир” на “офицер”, привлечение духовенства всех исповеданий, особенно православного, на службу в армии и даже переименование Красной армии в Русскую армию, введение трёхцветного государственного флага.⁴ Предложения не имели последствий в виде реального постановления. Но они вполне укладывались в углубляющееся русло возрождаемых исторических традиций в воюющей стране.

В мае 1943 года, когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт ещё не был открыт, руководство ВКП (б) пошло на роспуск Коминтерна, известного всему миру «штаба мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась в апреле 1941 года. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером, способная устранить основу антикоминтер-

---

¹ Красная звезда. – 1942. 13 августа.

² Цит. по: *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. – М.: Прогресс, 1965. Вып. 2. С. 45–51.

³ *Рудевич А.* Почему Сталин вернул погоны в 1943 году // URL: <http://amic-polit.ru/pochemu-stalin-vernul-pogonyi-v-1943-godu> (дата обращения: 01.08.2015).

⁴ См.: *Цурганов Ю.С.* Зачем Сталину трехцветное знамя? // Посев. – 2000. № 10. С. 36; *Он же.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М.: Интрада, 2001. С. 240, прим. 395; *История России. XX век: 1939–2007* / Отв. ред. А.Б. Зубов. – М.: АСТ, 2009. С. 122.

новских пактов. В условиях весны 1943 года важно было как можно скорее развеять распространенные на Западе подозрения о коминтерновских планах «большевизации» Европы и добиться укрепления союзнических отношений с капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу.

Между тем эти отношения в мае 1943 года совсем не удовлетворяли СССР, причём настолько, что советские послы М.М. Литвинов и И.М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании.¹ О роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, от результатов которой зависело, когда будет открыт второй фронт. Объявление, положительно воспринятое в странах Запада и, особенно, в США, привело к укреплению их отношений с Советским Союзом. «Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, – говорил Сталин, – так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма».²

С лета 1943 года усиливалась пропагандистская работа на фронте на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа (направлена в войска по указанию ЦК ВКП (б) Главным политическим управлением Советской Армии 25 мая 1943 г.)³. В помощь пропагандистам была подготовлена и издана массовым тиражом книга «Героическое прошлое русского народа», тематически повторявшую июльскую книгу 1941 г.⁴ Данью историческим традициям стало учреждение в августе 1943 года Суворовских и Нахимовских училищ типа старых кадетских корпусов для подготовки с детства профессиональных военных. В училища в первую очередь принимались дети погибших на войне офицеров.⁵ С сентября 1943 года, ввводилось, по дореволюционной традиции, раздельное обучение мальчиков и девочек в средней школе (существовало до июля 1954 года).⁶

В сентябре 1943 года была осуществлена, по мнению Ж.А. Медведева, «наиболее важная националистическая реформа – полная легализация русской православной церкви».⁷ Ряд шагов к прекращению гонений и признанию важной роли церк-

---

¹ *Ваксберг А.И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. – М.: Олимп, 2003. С. 246.

² *Сталин И.В.* О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 91.

³ Идеологическая работа КПСС в действующей армии. 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1985. С. 48.

⁴ Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. – М.: Воениздат, 1943. В книге имелись разделы: Александр Невский и его победы над шведами и немцами; Дмитрий Донской и разгром хана Мамаю в 1380 г.; Минин и Пожарский. Разгром немецкой армии русскими войсками в Семилетней войне (1756–1763) и взятие Берлина; Великий русский полководец Александр Суворов; Отечественная война 1812 года и Михаил Илларионович Кутузов; Героическая оборона Севастополя (1854–1855); Брусиловский прорыв 1916 г.; Борьба советских народов с немецкими оккупантами в 1918 г.

⁵ *Лешин Г.М.* Создание в Советском Союзе сети суворовских военных училищ (по типу старых кадетских корпусов России) в 1943–1944 гг. и в первой половине 50-х годов // URL: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (дата обращения: 01.08.2015).

⁶ *Пыжиков А.В.* Раздельное обучение в советской школе // URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193232434&archive=1196815145&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.08.2015).

⁷ *Медведев Ж.* Сталин как русский националист // *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Ста-

ви был сделан с началом войны.¹ В 1942 году церкви передавалась типография Союза воинствующих безбожников, где напечатана большая книга под названием «Правда о религии в России». В ней отмечались полная свобода религии в СССР, традиционный патриотизм Русской православной церкви, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью.² В конце марта в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов Русской православной церкви. На нём подверглись осуждению иерархи, вставшие на путь сотрудничества с германскими оккупационными властями. Осуждение «изменников веры и Отечества» не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жителей от репрессий гитлеровцев. Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами.

Демонстрируя меняющееся отношение к церкви, московские власти в апреле 1942 года впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 года один из трёх высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (в миру Б.Д. Ярушевич), был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 5 января 1943 года Митрополит Сергей (И.Н. Страгородский) послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие церковью банковского счёта, на который вносились бы деньги, жертвуемые на оборону. В ответной телеграмме Сталин дал своё согласие и поблагодарил церковь за её труды. Открытие банковского счёта означало признание церкви де-факто юридическим лицом. Главные перемены в отношениях между государством и церковью произошли после встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием (С.В. Симанский) и Николаем. Во встрече участвовали также В.М. Молотов и начальник отдела НКВД Г.Г. Карпов, намеченный на пост будущего председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР.³

Встреча состоялась 4 сентября 1943 года. На ней был очерчен круг вопросов, требующих решения для нормализации государственно-церковных отношений в СССР.⁴ Сразу же после встречи Патриархии передали особняк, занимаемый ранее германским послом. 8 сентября созывается Архиерейский собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Тихона (в миру В.И. Беллавин). 12 сентября Собор в составе 19 иерархов (16 из них до этого испытали репрессии, прошли лагеря и ссылки) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем было объявлено об образовании

лин. – М.: Время, 2007. С. 484.

¹ См.: *Фомин С.* Война, Церковь, Сталин и великий молитвенник за Русь Православную митрополит Гор Ливанских Илия (Карам). 21 мая – 3 июня 2003 г. // URL: <http://maxpark.com/community/4797/content/1638122> (дата обращения: 07.10.2015).

² *Правда о религии в России.* – М.: Московская патриархия, 1942.

³ См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). 3-е изд., доп. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. С. 195–216.

⁴ См.: *Одицов М.И.* Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. – 1993. № 3. С. 142–145; Записка Г.Г. Карпова // Там же. С. 14–153.

совещательного органа при Патриархе – Священного Синода из трёх постоянных и трёх временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишённым сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 года образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растёт число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. В ноябре 1944 года правительство приняло решение об открытии Православного богословского института и богословско-пастырских курсов. Позднее они были преобразованы в две духовные академии и 8 семинарий. Церковь получила возможность легальной подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвращались монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за 3 года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9 400 церквей, более 40% от их дореволюционного количества.¹ Гитлеровцы, в принципе враждебно относящиеся к любой форме христианства, религиозную свободу допускали временно. Впоследствии, как писал гитлеровский идеолог А. Розенберг, христианский крест должен быть заменен свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР. Кульминацией признания советской властью роли и авторитета церкви стало проведение Поместного собора РПЦ (31 января – 2 февраля 1945 г.), созданного в связи со смертью патриарха Сергия. Собор принял «Положение об управлении Русской православной церкви» и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия.

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные объединения, развернувшие активную патриотическую деятельность в годы военного лихолетья. Так, Союз мусульман, созданный в Уфе в июне 1942 года, призвал всех мусульман страны к борьбе против фашистов и осудил сотрудничество части мусульман с гитлеровцами. Евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолет, а Армяно-григорианская церковь – на танковую колонну «Давид Сасунский».² К концу войны в СССР действовали 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед её началом было только около 380 церквей и ни одного монастыря. В 1945 году в РПЦ возвращается Киево-Печерская лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы чудотворные мощи, изъятые в 20–30-е гг. XX века. Годы войны стали

---

¹ Шкаровский М.В. Германская церковная политика и “религиозное возрождение” на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_grz/2524ger.htm (дата обращения: 01.08.2015).

² См.: Одинов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: РОССПЭН, 2014.

годами религиозного возрождения в СССР.¹ Глава советской миссии в Югославии без тени сомнения утверждал: «Мы бы спасали Россию даже посредством православия, если бы это стало неизбежно!»²

1 января 1944 года по радио прозвучал новый Государственный гимн СССР. Работа над созданием нового гимна велась с весны 1942 года (устное поручение Сталина А.С. Щербакову), официально (создание комиссии во главе с К.Е. Ворошиловым) – с июня 1943 года. Решение о замене гимна было принято 25 сентября. Окончательный выбор музыки – 14 декабря. Отбор текста по конкурсу и музыки для нового гимна проводился очень тщательно.³ С 15 марта 1944 года официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных великой Русью. В его основу положена величественная музыка А.В. Александрова с её устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране. «Интернационал» оставался гимном партии.

Уже в первых откликах на новый гимн военнослужащих различных званий и должностей, зафиксированных службой вездесущего начальника «СМЕРШа» В.С. Абакумова, были метко отмечены и особенности и значимость этого выдающегося произведения. «За границей это будут расценивать, как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали – ничего не случилось, даже лучше стали воевать; генеральские и офицерские звания ввели, погоны всем надели, дисциплину укрепили. Святейший Синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили “Интернационал” – и все это на пользу родине. Как может быть “Интернационал” с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню» (Яковлев – генерал-полковник, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии). «Наконец-то вспомнили про великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой. Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся» (Мотаев – инженер-полковник, начальник отдела Главного управления Инженерно-авиационной службы ВВС Красной армии).⁴ За рубежом новый гимн СССР воспринимался по-своему. 3 января 1944 года журнал «Тайм» писал: «Москва дала ещё одно доказательство тому, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен».⁵

---

¹ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь: (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья: Общество любителей церковной истории, 2002. С. 498.

² Джилас М. Беседы со Сталиным. – М.: Центрполиграф, 2002. С. 56.

³ Шап И. История создания Гимна СССР // URL: <http://www.chitalnya.ru/print.php?id=948169> (дата обращения: 01.08.2015).

⁴ Спецсообщение Абакумова Сталину о реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР. 23.12.1943 // URL: <http://warhistory.livejournal.com/1195008.html> (дата обращения: 01.08.2015).

⁵ Цит. по Гриневиц В., Гриневиц Л. Государственные гимны СССР и УССР: от какого наследия мы отказываемся // URL: <http://geraldika.ru/symbols/3192>.

Сугубо прагматическими соображениями вызвалось и широко разрекламированное решение Январского (1944 г.) пленума ЦК о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений¹. Решение, помимо всего прочего, расценивалось как «новый важный шаг в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве».² Оно связывалось с предложениями добиваться включения в состав создававшейся ООН 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) большую «суверенность» союзным республикам. В расчёте на это приняты указы Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Конституция СССР была дополнена статьей 18-а: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями».³ Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

Впервые о необходимости включения в число членов ООН всех союзных республик СССР было официально заявлено в августе 1944 г. на заседании глав делегаций на переговорах представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе.⁴ Встретившись с неприятием этой инициативы, руководители СССР позднее, на Крымской (Ялтинской) конференции (февраль 1945 г.), говорили, что было бы справедливо, если «три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». При этом речь велась об Украине, Белоруссии и Литве, которые «понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы».⁵

В конечном итоге усилия советской стороны увенчались соглашением о включении в ООН, помимо СССР, ещё двух советских республик. Несомненное достижение советской дипломатии на международной арене с внутривластной точки зрения выглядело явной дискриминацией остальных «равноправных» субъектов федерации. Особенно Советской России, изначально лишённой возможности какого-либо самостоятельного участия в деятельности международных организаций. Объяснение этому видится одно – советским руководством РСФСР рассматривалась как государствообразующая республика, и в силу этого факта отпадала необходимость её отдельного представительства в международных организациях.

Отступление от социалистической идеологии в духе националистического нэпа даёт о себе знать с начала завершающего этапа Великой Отечественной войны. В марте 1944 года, при подведении итогов обсуждения трехтомной «Истории философии», в редакционной статье журнала «Партийное строительство» утверждалось:

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – М., 1985. Т. 7. С. 490.

² *Молотов В.М.* О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы: Доклад в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г. // Агитатор и пропагандист Красной Армии. – 1944. № 3–4. С. 2.

³ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956). – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956. С. 29.

⁴ *Жуков Ю.Н.* Тайны власти. – М: ВАГРИУС, 2005. С. 217.

⁵ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств 7 февраля 1945 г. // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim07.htm (дата обращения: 01.08.2015).

«Партийные организации должны быть насторожены против малейших попыток протащить взгляды, отдающие великодержавным шовинизмом или местным национализмом». При этом предлагалось «постоянно разъяснять те принципы, на которых основан наш строй».¹ А в мае-июне того же года в ЦК состоялось совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие по линии как очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн и др.), так и сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле и др.). Этим, в частности, можно объяснить, почему не были приняты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других военных и государственных деятелей дореволюционной России. Отвергнуты проекты об учреждении орденов, носящих имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, которые носили бы имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались неосуществлёнными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле.²

Вероятно, по этой же причине не получила развития в годы войны и беспрецедентная «топонимическая контрреволюция», произошедшая в Ленинграде за две недели до прорыва блокады города. 13 января 1944 года П.С. Попков подписал решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». В нем говорилось: «Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, – Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города». Далее следовал перечень существовавших и восстановленных наименований: Проспект 25 октября – Невский проспект; Улица 3 июля – Садовая улица; Проспект Красных Командиров – Измайловский проспект; Площадь Красных Командиров – Измайловская площадь; Площадь памяти Жертв Революции – Марсово поле; Площадь имени Воровского – Исаакиевская площадь; Площадь имени Плеханова – Казанская площадь; Проспект имени Володарского – Литейный проспект; Проспект имени Нахимсона – Владимирский проспект; Проспект Карла Либкнехта – Большой проспект; Улица имени Розы Люксембург – Введенская площадь; Набережная имени Рошалья – Адмиралтейская набережная; Проспект имени Рошалья – Адмиралтейский проспект; Улица имени Слуцкого – Таврическая улица; Советский проспект – Суворовский проспект; Проспект Пролетарской Победы – Большой проспект; Проспект Мусоргского – Средний проспект;

¹ Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. – 1944. № 15–16. С. 4–8.

² Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013. С. 198, 213.

Проспект Железнякова – Малый проспект; Площадь Урицкого – Дворцовая площадь; Набережная 9 января – Дворцовая набережная. «Националистическая контрреволюция» зримо и отчетливо восстанавливала статус Ленинграда как русского города, была должным образом «засчитана» П.С. Попкову и другим ленинградским руководителям в известном «Ленинградском деле» 1949–1950 гг.¹

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», в преддверии Победы было решено прекратить с тем чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу. 11 апреля 1945 г. в «Красной звезде» появилась статья И.Г. Эренбурга «Хватит!», с призывами к поголовному истреблению немцев: «Во время встречи с союзниками скажем: “довольно! Немцы сами себя прозвали “оборотнями”... Оборотней не будет: теперь не восемнадцатый год, хватит! На этот раз они не обернутся и не вернутся»». Рядом размещалась статья начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». В ней говорилось: «Если признать точку зрения т. Эренбурга (на Германию как на “колоссальную шайку”) правильной, то следует считать, что всё население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики. Незачем и говорить, что т. Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения. Красная Армия... никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ. Это было бы глупо и бессмысленно». Восстанавливался классовый подход, в соответствии с которым, по словам И.В. Сталина, неверно «отождествлять клику Гитлера с германским народом». Красная Армия «воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов. Не следует кроме того забывать, что в нашей стране проявление расовой ненависти карается законом».

Довольно жёстким стало осуждение «националистических проявлений» в союзных республиках СССР. 31 января 1944 года Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А.П. Довженко «Украина в огне» и нашёл, что в ней ревируется политика нашей партии по коренным вопросам. Автор выступает против классовой борьбы, против ликвидации кулачества как класса. Не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа. Изображается, будто колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости. По киноповести, в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы. Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». В феврале решением Политбюро ВКП (б) А.П. Довженко сняли со всех занимаемых должностей в государственных учреждениях и в общественных организациях.²

В августе 1944 года ЦК ВКП (б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью,

¹ См.: Куняев С. Post scriptum I // Наш современник. – 1995. № 10. С. 197.

² Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. – М.: Конфедерация союзов кинематографистов “Киноцентр”, 1992. С. 61.

техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идее)». ¹ В январе 1945 года аналогичное внушение сделано руководству Башкирской партийной организации. Серьезные идеологические просчёты были обнаружены в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадъм», «Эпос о богатырях», в пьесе «Кахым-Туря». ² Формулировки постановлений были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (май 1945 г.). Здесь уже говорилось, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени»; нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карасahal», где тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого». ³

В октябре 1944 года в журнале «Большевик» была опубликована статья «За высокую идейность советского искусства». В ней осуждались «излишняя популяризация истории и культуры прошлого», подражание в искусстве западным образцам, появившаяся во время войны тенденция восхищаться иконами и церковной музыкой «на том лишь основании, что они составляют часть русского национального наследия». ⁴ Это был явный сигнал к сворачиванию националистического нэпа, негласно введенного в СССР в начале войны.

На отступление с позиций неонэпа указывает также возобновление с конца 1943 года довоенной практики депортации отдельных народов за «измену» Родине, патриотизму и интернационализму в военное время. ⁵

Однако и послевоенные проявления новой национальной политики власти стремились держать в определенных рамках. Получив в июле 1947 года записку А.А. Жданова с материалами к проекту новой Программы партии, Сталин против слов: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... он по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал выразительное: «Не то». ⁶ Видимо, для оценки роли русского народа в войне Сталин посчитал достаточной его благодарность, выраженную в выступлении на приёме в Кремле 24 мая 1945 года, когда он поднял тост за здоровье русского народа, за его ясный ум, стойкий характер, терпение, доверие правительству и жертвы, обеспечившие «историческую победу над врагом человечества». ⁷

В 1948 года, в декабрьском номере журнала «Вопросы истории», в редакционной статье прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма. Не менее опасными

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 514, 518.

² Там же. С. 540.

³ Советская литература в 1944–1945 гг. // Литературная газета. – 1945. 17 мая. С. 2.

⁴ Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. – 1944. № 19–20. С. 55–57.

⁵ См.: Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – М.: Дружба народов, 1992; *Он же*. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». – М.: Аиро–XX, 1995; *Он же*. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: История и историография (XX в. – начало XXI в.). – М.: Гриф и К, 2012.

⁶ Цит. по: Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М.: ЭНАС, 2005. С. 69.

⁷ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 151.

и вредными представлялись также ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Как недопустимый объективизм в науке осуждались предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, что все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Центральным Комитетом партии.¹ Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе восстанавливался.

Во время послевоенных кампаний по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом в СССР о «здоровой национализме» не вспоминали. Но фактически линия на укрепление патриотизма и национализма – во всей её противоречивости – была продолжена.² Что же касается русского национального самосознания, то, «спровоцировав его в грозные предвоенные и военные годы и прагматически используя его «Сталин из страха перед возможной перспективой выхода этого самосознания за рамки дозволенного, безжалостно его растоптал».³

Попытка воскресить идеи неонэпа прозвучала в октябре 1952 года на XIX съезде партии. Обращаясь к представителям зарубежных коммунистических и демократических партий, И.В. Сталин говорил: «Я думаю, что это знамя (буржуазно-демократических свобод – *А.В.*) придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борг. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».⁴

После смерти Сталина к идеям националистического нэпа в нашей стране никто из руководителей СССР уже не обращался. Полагаю, что забвение о необходимости культивирования «здорового национализма» и использования его в целях развития и упрочения советского общества явилось одной из причин крушения СССР в 1991 году.

---

¹ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. – 1948. № 12. С. 11.

² См.: *Вдовин А.И.* «Низкопоклонники» и «космополиты». 1945–1949: История и современность // Новая книга России. – 2007. № 2.

³ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М., 2003. С. 289.

⁴ *Сталин И.В.* Речь на XIX съезде партии. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 8.

Источники и использованная литература:

1. *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – М.: Дружба народов, 1992.
2. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». – М.: Аиро–ХХ, 1995.
3. *Бугай Н.Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: История и историография (XX в. – начало XXI в.). – М.: Гриф и К, 2012.
4. *Ваксберг А.И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. – М.: Олимп, 2003. С. 246.
5. *Васильковский Г.* Высший закон жизни // Правда. – 1934. 28 мая.
6. *Вдовин А.И.* «Низкопоклонники» и «космополиты». 1945–1949: История и современность // Новая книга России. – 2007. № 2.
7. *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013.
8. Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Терра, 1996.
9. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. – М.: Прогресс, 1965. Вып. 1.
10. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. – М.: Прогресс, 1965. Вып. 2.
11. Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
12. Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. – М.: Воениздат, 1943.
13. *Гриневич В., Гриневич Л.* Государственные гимны СССР и УССР: от какого наследия мы отказываемся // URL: <http://geraldika.ru/symbols/3192>.
14. *Джилас М.* Беседы со Сталиным. – М.: Центрполиграф, 2002.
15. Директива начальника Главного политического управления РККА, 10 декабря 1941 г. // *Люттов С.Н.* Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны: Документы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 204–212 // URL: <http://www.nsu.ru/jspui/bitstream/nsu/4713/1/23.pdf> (дата обращения: 01.08.2015).
16. *Жуков Ю.Н.* Тайны власти. – М.: ВАГРИУС, 2005.
17. За родину! // Правда. – 1934. 9 июня.
18. Записка Г.Г. Карпова // Диспут. – 1993. № 3. С. 14–153.
19. Идеологическая работа КПСС в действующей армии: 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1985.
20. История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. – М.: Наука, 2002.
21. История России. XX век: 1939–2007 / Отв. ред. А.Б. Зубов. – М.: АСТ, 2009.
22. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М., 2003.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – М., 1985. Т. 7.
24. Красная звезда. – 1942. 17 июля.
25. Красная звезда. – 1942. 24 июля.
26. Красная звезда. – 1942. 13 августа.
27. *Криворотов В.И.* Некоторые мысли к русской возрожденческой идее: статьи и письма. – Мадрид: Издание автора, 1975.
28. Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств 7 февраля 1945 г. // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim07.htm (дата обращения: 01.08.2015).
29. *Кунаев С.* Post scriptum I // Наш современник. – 1995. № 10. С. 197.

30. *Латышев А.* Как Сталин Энгельса свергал // Российская газета. – 1992. 22 декабря. С. 4.
31. *Лейбзон М.М.* Поворот в политике Коминтерна: Историческое значение VII конгресса Коминтерна / Ред. М.М. Лейбзон, К.К. Шириня. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1975.
32. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 17.
33. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 24.
34. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 37.
35. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1974. Т. 42.
36. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Т. 45.
37. *Лешин Г.М.* Создание в Советском Союзе сети суворовских военных училищ (по типу старых кадетских корпусов России) в 1943–1944 гг. и в первой половине 50-х годов // URL: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (дата обращения: 01.08.2015).
38. *Марьина В.* Георгий Димитров – советский гражданин. 1934–1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. – 2007. № 4.
39. *Марьямов Г.Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. – М.: Конфедерация союзов кинематографистов “Киноцентр”, 1992.
40. *Медведев Ж.* Сталин как русский националист // *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. – М.: Время, 2007.
41. *Мехлис Л.З.* О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада в ЦК ВКП (б). 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. № 3.
42. *Молотов В.М.* Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел // Правда. – 1941. 23 июня.
43. *Молотов В.М.* О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы: Доклад в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г. // Агитатор и пропагандист Красной Армии. – 1944. № 3–4.
44. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х тт. – М., 2001. Т. 2.
45. *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. Сборник документов и материалов. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.
46. НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М.: ИРИ, 2001.
47. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006.
48. Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. – 1944. № 15–16. С. 4–8.
49. *Одинцов М.И.* Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. – 1993. № 3. С. 142–145.
50. *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: РОССПЭН, 2014.
51. *Попов В.П.* Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М.: ЭНАС, 2005.
52. Постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине» // Правда. – 1934. 9 июня.
53. Правда о религии в России. – М.: Московская патриархия, 1942.
54. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. – 1948. № 12.
55. *Пыжиков А.В.* Раздельное обучение в советской школе // URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193232434&archive=1196815145&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.08.2015).

56. Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета 28 сентября 2012 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html> (дата обращения: 01.08.2015).
57. *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. – М.: Москва, 1995.
58. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М.: Вече, 2014.
59. *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. – М.: Звонница МГ, 1999.
60. *Рудевич А.* Почему Сталин вернул погоны в 1943 году // URL: <http://amic-polit.ru/pochemu-stalin-vernul-pogonyi-v-1943-godu> (дата обращения: 01.08.2015).
61. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956). – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956.
62. Советская литература в 1944–1945 гг. // Литературная газета. – 1945. 17 мая. С. 2.
63. *Солодовников А.* За высокую идейность советского искусства // Большевик. – 1944. № 19–20. С. 55–57.
64. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. – М.: Феникс, 1991 (репринт. 1973 г.).
65. Спецсообщение Абакумова Сталину о реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР. 23.12.1943 // URL: <http://warhistory.livejournal.com/195008.html> (дата обращения: 01.08.2015).
66. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Крафт, 2002.
67. *Сталин И.В.* Речь на XIX съезде партии. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953.
68. *Сталин И.В.* Соч. – М.: Госполитиздат, 1947. Т. 6.
69. *Сталин И.В.* Соч. – М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11.
70. *Сталин И.В.* Соч. – М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13.
71. *Такер Р.* Сталин у власти: История и личность, 1928–1941. – М.: Весь мир, 1997.
72. *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг.) // Новая и новейшая история. – 1992. № 6.
73. *Фомин С.* Война, Церковь, Сталин и великий молитвенник за Русь Православную митрополит Гор Ливанских Илия (Карам). 21 мая – 3 июня 2003 г. // URL: <http://maxpark.com/community/4797/content/1638122> (дата обращения: 07.10.2015).
74. *Цакунов С.В.* Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М.: РГГУ, 1997.
75. *Цурганов Ю.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М.: Интрада, 2001.
76. *Цурганов Ю.С.* Зачем Сталину трехцветное знамя? // Посев. – 2000. № 10.
77. *Шан И.* История создания Гимна СССР // URL: <http://www.chitalnya.ru/print.php?id=948169> (дата обращения: 01.08.2015).
78. *Шкаровский М.В.* Германская церковная политика и "религиозное возрождение" на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2524ger.htm (дата обращения: 01.08.2015).
79. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь: (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья: Общество любителей церковной истории, 2002. С. 498.
80. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). 3-е изд., доп. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005.

Vdovin A.I.

Great Patriotic War and new national policy of the USSR

The author recognizes from an assumption that in days of the Great Patriotic War in the USSR the new national policy – a peculiar Nationalist New Economic Policy (NNEP) was carried out. In article attempt to define essence of new policy, to reveal her prerequisites, a chronological framework, manifestations at implementation stages, refusal of further carrying out in connection with return to class national policy is made. The beginning of transition to new policy is contacted with recognition by the power of need of a combination of proletarian internationalism to “healthy nationalism” (February, 1941), determination of nature of the begun war as patriotic (national), but not class war, revival throughout war of military traditions of the people, a support on patriotism as the main factor of a victory in war. Transition to new policy, according to the author, has come to the end in December, 1941, her deepening is traced prior to the beginning of 1944. At the final stage of war, the folding of new policy is observed, its end contacts with the requirement not to allow ignoring of class maintenance of the Soviet patriotism (December, 1948). During post-war campaigns for fight against servility and cosmopolitanism in the USSR, country leaders didn’t remember “healthy nationalism”. But actually the line on strengthening of patriotism and nationalism – in all her discrepancy – has been continued. After Stalin’s death in our country none of heads of the USSR addressed ideas of the nationalist New Economic Policy any more. According to the historian, the oblivion of need of cultivation of “healthy nationalism” and its use for development and consolidation of the Soviet society was one of the reasons for the collapse of the USSR in 1991.

Keywords: The Great Patriotic War, new economic policy, the nationalist New Economic Policy, patriotism, traditions, healthy nationalism, chauvinism, Komintern, relations with allies on anti-Hitlerite fight.

Плеханов А.М.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ 1941 – 20 АПРЕЛЯ 1942 гг.)

Рассматриваются вопросы создания в начале войны высшими органами власти и управления СССР нормативной базы деятельности военной контрразведки НКВД, судебной и внесудебной политики, которая позволила на правовой основе вести борьбу со спецслужбами Германии, ее союзников и разного рода уголовными элементами.

Ключевые слова: Народный комиссариат внутренних дел, Военный трибунал, особый отдел, контрразведка, воинские преступления, шпионаж, диверсия, дезертирство.

Накануне войны Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР имели необходимые права, в том числе судебные и внесудебные полномочия. Но начавшаяся война, жесточайшее противоборство со спецслужбами противника внесли свои коррективы в деятельность всех государственных структур. Исходя из сложившейся военно-политической и оперативной обстановки, политическое руководство страны приняли меры по совершенствованию правового положения военной контрразведки НКВД. Основные его принципы были сформулированы в ряде постановлений Государственного комитета обороны (ГКО), СНК СССР, ЦК ВКП (б) и личных указаниях И.В. Сталина, что находило отражение в законах СССР и указах Президиума Верховного Совета СССР: «О военном положении» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», совместной директиве ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. и др., определивших основные задачи партийно-государственных органов в условиях войны.¹ Они являлись основой для принятия ведомственных нормативных актов: директив, циркуляров и приказов наркоматов обороны, внутренних дел и госбезопасности. Перед военной контрразведкой ГКО поставил конкретные задачи по обеспечению решительной борьбы со шпионами, диверсантами, дезертирами, трусами и паникерами в частях Красной армии и Военно-Морского Флота. Была регламентирована деятельность и других государственных структур, которые оказывали существенную помощь военным контрразведчикам в борьбе с противником.

Правовой статус органов и войск советских спецслужб четко определил кодификацию всех видов воинских преступлений, основные направления деятельности управлений, отделов и служб, войсковых формирований, порядок взаимодействия с другими наркоматами и ведомствами, роль следственных органов и военных трибуналов. При этом положение о государственных преступлениях во время войны

Плеханов Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член Президиума Общества изучения истории отечественных спецслужб, полковник в отставке (Москва).

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1945. С. 129–132; Известия ЦК КПСС. – 1991. № 6. С. 218–220.

не подвергалось никаким изменениям или дополнениям. Но это не исключало издание отдельных нормативных актов, направленных на усиление репрессий за контрреволюционные преступления и предоставления дополнительных прав Особым отделам (ОО) НКВД СССР. Самые строгие меры наказания были предусмотрены по закону от 8 июля 1934 г. за шпионаж и измену Родине, выдачу военной и государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет через границу. Лица, уличенные в шпионаже, подлежали уголовной ответственности по ст. 58-6 УК РСФСР, которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не менее 3 лет (могло быть до 25 лет), а за тяжкие последствия – к расстрелу.

Президиум Верховного Совета СССР внёс изменения и дополнения в УК РСФСР, направленные, главным образом, на усиление уголовной ответственности за дезертирство и измену Родине. Самовольное отступление без приказа квалифицировалось по ст. 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим, каралась высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества).¹ За уклонение от службы путем подлога документов предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет (ст. 193 УК РСФСР); если же преступление было совершено в военное время или в боевой обстановке – расстрелом с конфискацией всего или части имущества...».² 6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР в интересах поддержания общественного порядка и предупреждения случаев паники принял Указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. Виновные карались по приговорам военных трибуналов тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влекло за собой по закону более тяжкого наказания».³

В правовом положении ОО НКВД важное значение имело установление правил производства ареста военнослужащих и проведение следствия по преступлениям лиц рядового и командного состава. Из директивы 3-го Управления НКО СССР № 35523 от 27 июня 1941 г. право производить аресты военных всех степеней за совершённые преступления после получения санкции высшего начальника предоставлялось начальникам органов 3-го Управления.⁴ Порядок ареста постоянно уточнялся высшими органами власти и руководством НКВД. Так, постановлением ГКО № 187 сс от 17 июля 1941 г. ОО НКВД было предоставлено право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела на месте.⁵ Отвечая на запросы с мест, 8 сентября 1941 года Главный военный прокурор Красной армии дивизионный военный юрист Носов дал следующее разъяснение: «Дезертиров и лиц, вернувшихся из плена, особые отделы вправе арестовывать без предварительной санкции прокурора. Однако при дальнейшем производстве следствия аресты эти должны оформляться

---

¹ Рубцов Ю.В. Штрафники не кричали «За Сталина!». – М.: Яуза, Эксмо, 2012. С. 34.

² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. С. 41-42.

³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1: Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – М., 2000. С. 204.

⁴ Там же. С. 90-93.

⁵ Там же. С. 337-338.

с санкцией военных прокуроров, разумеется, при наличии к этому оснований».¹

В начале войны органы безопасности стремились строго регламентировать правила ведения следствия особых отделов, которые занимались подготовкой материалов для военных трибуналов не только по личному составу Красной армии и Военно-Морского флота, но и по гражданским лицам в прифронтовой полосе. В качестве особенности начала войны следует отметить, что в условиях исключительно тяжелой обстановки работа оперативных и следственных подразделений особых отделов не всегда соответствовала действовавшему на тот период времени законодательству, в том числе в сборе объективных доказательств виновности военнослужащих. Под подозрение попадали и те военачальники, которые пытались объективно разобраться в причинах поражений и неудач в ходе решения боевых задач. Так, за доверительные беседы с сослуживцами о возможных ошибках командования в стратегических вопросах крупный военный исследователь, автор капитального труда о стратегическом развертывании генерал В. А. Меликов был обвинен в «пораженчестве» и заключен в тюрьму, где позднее и скончался. Не дождался окончания суда контр-адмирал Самойлов, арестованный в июле 1941 г. Он умер в тюрьме 19 сентября 1951 г., причем с августа 1942-го по декабрь 1948 г. он вообще не допрашивался. Умерли в следственной тюрьме арестованные в 1941-1942 гг. генералы Дьяков, Соколов и Глазков, причем они также не допрашивались годами².

В работе следователей ОО НКВД отмечались серьезные недостатки. Так, были установлены случаи, когда показания арестованных заносились в протоколы допроса извращенно, не дословно, как этого требовал приказ НКВД. Отмечалось поверхностное ведение следствия, которое снижало результаты борьбы с агентурой противника. Следствие по делам агентов велось поверхностно, зачастую не выяснялись такие вопросы, как: обстоятельства, при которых военнослужащий оказался на территории противника, когда, кем и где был завербован, какие задания получил и др. Поэтому 18 ноября 1941 г. начальник ОО НКВД Южного фронта П. В. Зеленин предложил начальникам ОО армий и дивизий фронта: все следствие по делам разоблаченных агентов противника сосредоточить в следственных частях ОО НКВД фронта и армий и в ОО НКВД по охране тыла Южного фронта. Начальникам ОО НКВД армий и охраны тыла фронта для ведения следствия по делам агентуры противника выделять постоянный состав опытных следователей, тщательно проинструктировать их по вопросу улучшения следствия; ввести в практику работы по линии КРО перевербовку немецкой агентуры и другие меры³.

Руководство военной контрразведки старалось ориентировать следователей на внимательный подход к арестованным и, прежде чем выносить заключение по делу, доказать его вину или невиновность. И большинство следователей старались объективно разобраться в деле каждого арестованного или задержанного военно-

---

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 35-36.

² Яковлев А. Сумерки. – М., 2003. С. 199.

³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М., 2000. С. 316-318.

служащего. Из всех прав, предоставленных ОО НКВД, по вполне понятным причинам, более внимательному рассмотрению подвергается право применения высшей меры наказания – расстрела. В связи с паническими настроениями, связанными с наступлением частей вермахта, 17 июля 1941 года ГКО предоставил ОО НКВД право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.¹

Касаясь вопроса использования немецкой разведкой агентов из числа советских военнопленных, следует отметить, что здесь был допущен ряд ошибок, связанных с квалификацией преступлений. Некоторые советские военнопленные давали согласие на сотрудничество с немецкой разведкой лишь для того, чтобы хотя бы таким путём вырваться из плена и возвратиться домой. После заброски в тыл Красной армии эти «агенты» добровольно являлись в органы советской власти и рассказывали о заданиях, полученных от разведки противника. Несмотря на то, что они не выполнили ни одного задания немецкой разведки, практически все были арестованы органами военной контрразведки за сотрудничество с противником и впоследствии осуждены военными трибуналами.²

В тех случаях, когда обстановка требовала немедленного принятия мер для восстановления порядка на фронте, ОО НКВД при внесудебном разборе дел на задержанных дезертиров и предателей были обязаны при вынесении решения об их расстреле на месте составить постановление, в котором кратко изложить установочные данные и суть обвинения. Постановление утверждалось начальником особого отдела, задержавшего дезертира или предателя. Приведение приговора о расстреле дезертира или предателя оформлялось актом, копия которого вместе с копией постановления направлялась в ОО НКВД фронта. Однако нередкими были нарушения правил расстрела во внесудебном порядке и при освобождении частями Красной армии населенных пунктов и городов от немецких оккупантов. Были отмечены случаи, когда сотрудники особых отделов расстреливали без суда немецких пособников. Поэтому ОО НКВД было предложено всех ставленников немецких властей и лиц, оказывавших активную помощь немцам в борьбе против советской власти в освобожденных населенных пунктах и городах, задерживать, проводить по ним следствие, а при дальнейшем продвижении всех задержанных направлять в территориальные органы НКВД для привлечения их к ответственности.

Репрессивная политика советского государства, по существу, была обусловлена не только военным временем, возрастанием преступности, активизацией противников советской власти, но и сложившимися правилами и традициями 30-х гг. XX века. Нельзя даже предположить, что она внесла какие-либо коренные изменения в ведение следствия: те же методы, в том числе и применение физического воздействия при допросах. Широкие права, данные особым отделам и военным трибуналам в начале войны, нередко приводили к скорому, несправедному суду. Например, в отдельных случаях при рассмотрении уголовных дел, решения военными

---

¹ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М.: Кучково поле, 2006. С. 225.

² Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. – М.: Главное архивное управление г. Москвы, 2011. С. 83.

трибуналами войск НКВД готовились ещё до начала судебного заседания, которое затем превращалось в пустую формальность. На подготовленном заседании военного трибунала в течение 15–20 минут без достаточного разбирательства выносились приговоры по 35–40 делам.¹

После проигранного приграничного сражения и отступления разгром Красной армии на поле боя был дополнен погромом, произведенным Сталиным среди командования Западного фронта. И суду военного трибунала в большинстве предавались лица, не совершившие никаких преступлений, а отступавшие под натиском превосходящих сил противника.² В последующем выяснилось, что поступки некоторых генералов из этого приказа были надуманы, а сами герои ошельмованы. Царил невероятный произвол. Например, в этом приказе обвинен в переходе на сторону противника командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов. На самом деле он погиб в бою ещё 4 августа 1941 года.³ Это касалось и генерала П.Г. Понеделина.

Спецификой карательной политики в годы войны было то, что репрессированию подвергались не только военные преступники, но и их ближайшие родственники. На основе постановления ГКО № 1926 сс от 24 июня 1942 г. «О членах семей изменников Родины» членами семьи изменников Родине считались: отец, мать, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменниками Родины или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или в к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Аресту и ссылке в отдаленные места СССР на срок пять лет подлежали совершеннолетние члены семей военнослужащих и гражданских лиц, приговоренных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к ВМН по ряду статей УК РСФСР.⁴

29 июня 1956 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и других льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих...». В постановлении указывалось: «Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства».

Важнейшая роль в проведении карательной политики в советских Вооруженных силах принадлежала военным трибуналам, материалы по воинским преступлениям для которых готовили ОО НКВД. Характерной особенностью вновь создаваемых военных трибуналов являлось то, что их деятельность была сразу регламентирована. Уже 22 июня 1941 года было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». Военным трибуналам строго предписывалось руководствоваться дан-

---

¹ *Вострышев М.И.* Москва военная день за днем. Дневники жизни и смерти. 22 июня 1941 – 9 мая 1945. – М., 2015. С. 78.

² Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2011. С. 240.

³ *Яковлев А.* Сумерки. С. 198-199.

⁴ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 -1953). – М., 2006. С. 228.

ным положением и соблюдать законность в своей работе.¹ Основным нормативным актом, которым руководствовались военные трибуналы, был Уголовный кодекс РСФСР. В годы войны имеющиеся составы преступлений дополнялись новыми, принятие которых вызывалось особенностями военного времени. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. на рассмотрение военных трибуналов были переданы дела: о государственных преступлениях, о преступлениях, совершенных военнослужащими, об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности и др.² В соответствии со ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, были подсудны военным трибуналам.³ Следует учитывать, на военные трибуналы оказывалось давление, о чем свидетельствует приказ № 270 от 16 августа 1941 г., в котором все без разбора советские военнопленные объявлялись предателями и изменниками. Военным судьям приходилось работать и под жестким контролем особых отделов, которые участвовали в назначении судей, контролировали их работу, вплоть до несогласия с их решениями. А информировать вышестоящее руководство о нарушениях в работе военных трибуналов было прямой обязанностью особистов.

В средствах массовой информации утвердилась точка зрения о том, что особые отделы и военные трибуналы, как правило, принимали решения о расстрелах военнослужащих, совершивших преступления. Но это не соответствует действительности. Например, широко применялась такая мера, как отсрочка приговора или расстрел, который заменялся условным наказанием. Осужденным разъяснялось, что если они проявят себя на фронте стойкими и самоотверженными защитниками Родины, то по ходатайству соответствующего командования могут быть вовсе освобождены от наказания или таковое заменено на более мягкое. Но в случае повторной трусости на фронте приговоры военного трибунала будут приводиться в исполнение. К тому же, в деятельности военных трибуналов и особых отделов нередкими были оправдательные приговоры и вынесение постановлений о прекращении дел.

Число же лиц, привлечённых в 1941 году к уголовной ответственности за особо опасные государственные преступления, составило: участие в антисоветских политических партиях, организациях и группах – 23 648, терроризм – 4 435, повстанчество и политический бандитизм – 4 704, измена Родине – 13 737, диверсия – 13 177, пораженцы и распространители провокационных слухов – 47 987. Итого – 107 688. К расстрелу осуждены – 23 786 человек.⁴ А за время войны только военными трибуналами было осуждено 994 тыс. советских военнослужащих, из них свыше 157 тыс. к расстрелу, т.е. практически 15 дивизий. Более половины приговоров приходилось на 1941-1942 гг. Значительная часть осужденных были бойцами и ко-

---

¹ Советское государство и право. – 1975. № 5. С. 40–41.

² Хрестоматия по истории Отечественного государства и права: 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1997. С. 275–276.

³ Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. – М., 1988. С. 131.

⁴ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М., 2006. С. 350.

мандирами Красной армии.¹

Надзор за деятельностью ОО НКВД осуществляла военная прокуратура, в основу её работы было положено Временное наставление по работе военных прокуроров. Но следует иметь в виду, что данный надзор не был эффективным, так как проводился от случая к случаю, и с ним не очень-то считались. Над решениями прокуроров довлело сознание ужесточения репрессивных мер к различного рода военным преступлениям. В поле зрения ОО НКВД находились и такие вопросы, как исполнение боевых приказов, осуществление боевых операций, своевременное снабжение войск вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, сбережение военной техники и пр. При этом в ходе расследования нельзя было снижать требования по соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе касающихся пределов доказывания. Однако вполне понятно, что за такой короткий временной отрезок вряд ли можно было провести расследование совершенного преступления.

Безусловно, и на военную прокуратуру, как и на другие органы правосудия, своё негативное воздействие оказывал тот стиль жесткого руководства, который сложился в чрезвычайной обстановке войны. ОО НКВД следили за тем, чтобы в частях и соединениях неукоснительно соблюдались требования воинских уставов Вооруженных Сил о взаимоотношениях начальников и подчиненных даже в чрезвычайных условиях войны. На практике было немало примеров того, как некоторые командиры руководили частями и соединениями не только расстрелами, но и угрозой расстрела. Угрозы расстрела применялись даже командующими армиями, командирами корпусов, дивизий и полков. 8 ноября 1941 г. генерал-майор К. Голубев жаловался И. Сталину на Г. Жукова: «На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелом перед строем армии. В такой обстановке работать невозможно».² Реакцией Сталина на такого рода информации было издание приказа № 0391 от 4 октября 1941 г. «О фактах подмены воспитательной работы в Красной армии репрессиями».³

Решающая роль в определении правового положения и карательной политики ведомства безопасности принадлежала И. Сталину, который стремился остановить врага любыми средствами. Можно прямо назвать преступлением, когда в бой направлялось несколько бойцов с одной винтовкой, они не могли выполнить приказа и сознательно обрекались на смерть.⁴ Как отмечал Г.К. Жуков, Сталин, горячась, «нередко требовал вводить в сражение все новые и новые части, не считаясь с тем, что некоторые соединения войск, вводимые в бой, только что мобилизованы и ещё не успели получить необходимую боевую подготовку. Мы убеждали Сталина в том, что преждевременный ввод в сражение необученных и несколоченных частей приводит к излишними потерям. В таких случаях он сердился и говорил: “Нечего хныкать, на то и война”...».⁵

---

¹ Яковлев А. Сумерки. С. 198-199.

² Совершенно секретно. – 2011, декабрь. № 12/271. С. 28-29.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Кн. 2. С. 164-165.

⁴ Историки спорят. Тринадцать бесед. – М: Политиздат, 1988. С. 314.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Новое, доп. изд.; в 3-х тт. – М., 1990. Т. 2. С. 108.

И некоторые отцы-командиры и начальники не жалели своих солдат, вводя в бой части и подразделения, необученные и недовооруженные, заранее обрекая их на смерть. Несложно доказать правоту данного утверждения. Достаточно обратиться к приказам того времени. Речь идет не только о приказе № 270 1941 г. Он был необходим, но только по отношению к военнослужащим, совершившим преступления. В ходе боевых действий на фронте сотрудники ОО НКВД, командиры и красноармейцы выполняли специальные поручения Ставки ВГК, не поддающиеся разумному объяснению, кроме как были поступками отчаяния в условиях чрезвычайной ситуации: о об открытии огня по гражданскому населению, которое послалось немцами впереди наступающих войск, о создании зоны выжженной земли в тылу противника. Эти меры не достигнуть желаемых результатов. Легендарный патриарх советских диверсантов, участник четырёх войн, полковник И.Г. Ставицкий в статье, написанной в 2000 году, отмечал: «Получилось, что мы сами подтолкнули местных жителей к немцам... После лозунга “гони немца на мороз” немцы сформировали полицию численностью около 900 тыс. человек». Цифра явно завышена, но...¹

Неоднозначное поведение политического и военного руководства страны было вызвано сложной, порой чрезвычайной обстановкой. Отсюда непродуманные распоряжения и нервные, порой истерические приказы. Но не все можно списать на войну. Можно понять, но не оправдать поведение некоторых военачальников в критической ситуации, когда они при решении боевых задач уповали на угрозы и на силу приказа, который необходимо выполнить, не считаясь ни с чем. И здесь многое зависело от понимания каждым военнослужащим от рядового до маршала, своего места, своей роли в бою. Трудно говорить о справедливом, всестороннем взвешенном поведении конкретного человека на войне.

Отметим крайнюю неэффективность военной прокуратуры. Возникает вопрос: где она была при многочисленных нарушениях законности в органах госбезопасности, в том числе и военной контрразведки? Ведь многие сотрудники этого ведомства продолжали использовать классические методы недавнего прошлого: провокации, внутрикамерную агентуру, в т.ч. из лиц, приговорённых к расстрелу, обман, шантаж, запугивание, а также избиения, пытки и фабрикацию дел. Но здесь объяснение простое – не может быть в полной мере законности в условиях тоталитарного государства, тем более в годы войны.

Таким образом, с начала войны произошли серьёзные изменения в правовом положении ОО НКВД: если в предвоенный период большая часть их усилий была сосредоточена на борьбе с внутренними врагами, то с конца июня 1941 года на первый план вышла внешняя угроза. Высшими органами власти и управления СССР с начала войны была создана нормативная база деятельности военной контрразведки НКВД, судебной и внесудебной политики, которая позволила на правовой основе вести борьбу со спецслужбами Германии, её союзников и разного рода уголовными элементами. Возрастание репрессивной политики государства было обусловлено военным временем, возрастанием преступности, активизацией противников советской власти. При этом претерпел ограничения ряд правовых норм.

---

¹ Солонин М. Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. – М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2011. С. 307.

Закон нередко подменялся понятием политической целесообразности, проявлением субъективизма в нормотворчестве, что выражалось в законодательном оформлении ГКО СССР, других высших органов власти, личных установках Сталина. И ведомственные подзаконные акты НКВД нередко вступали в противоречие с конституционными нормами. Недостатки в законоприменительной практике, произвольное толкование норм права негативно отражалось на оперативно-следственной работе, вело к деформированному восприятию оперативной обстановки руководящим и оперативным составом, что создавало почву для различных фальсификаций.

Правовой статус органов и войск НКВД СССР четко определил кодификацию воинских преступлений, порядок выполнения своих обязанностей сотрудниками военной контрразведки, взаимодействие следственных органов с военными трибуналами.

Источники и использованная литература:

1. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2011.
2. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1: Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – М., 2000.
3. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938-1944 гг. – М., 1945.
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993.
5. Хрестоматия по истории Отечественного государства и права 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1997.
6. Историки спорят. Тринадцать бесед. – М.: Политиздат, 1988.
7. Известия ЦК КПСС. – 1991. № 6.
8. Совершенно секретно. – 2011, декабрь. № 12/271.
9. Советское государство и право. – 1975. № 5.
10. *Вострышев М.И.* Москва военная день за днем. Дневники жизни и смерти. 22 июня 1941 – 9 мая 1945 гг. – М., 2015.
11. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Новое, доп. изд; в 3-х тт. – М., 1990. Т. 2.
12. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М.; Кучково поле, 2006.
13. *Рубцов Ю.В.* Штрафники не кричали «За Сталина!». – М.: Яуза, Эксмо, 2012.
14. *Солонин М.* Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2011.
15. *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. – М.: Главное архивное управление г. Москвы, 2011.
16. *Яковлев А. Н.* Сумерки. – М., 2003.

Plekhanov A.M.

Some problems of the legal status of the Special NKVD departments at the beginning of Great Patriotic War (June 22, 1941 – 20 April, 1942)

The problems of creation of regulatory framework of NKVD's military counter-intelligence by the highest authorities of the USSR at the beginning of the Great Patriotic War, judicial and extrajudicial policy, which allowed on the legal basis to fight with the secret services of Germany, its allies and various criminal elements are considered.

Keywords: People's Commissariat of Internal Affairs, Military Tribunal, a special department, counter-intelligence, military crimes, espionage, sabotage, desertion.

Чашиников В.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе анализа архивных документов, нормативно-правовых актов и других источников проанализированы и обобщены организационно-правовые основы деятельности органов милиции Урала по борьбе с преступностью во время Великой Отечественной войны. Автор статьи считает, что в годы Великой отечественной войны особое значение приобрела работа сотрудников милиции Урала по жёсткому пресечению преступной деятельности расхитителей зерна и муки. Под пристальным контролем правоохранительных органов находились колхозы и совхозы, заготовительные и снабженческие организации, предприятия пищевой промышленности и торговая сеть. В статье автор делает вывод о том, что в работе милиции Урала в годы войны важное место занимала борьба с хищениями и злоупотреблениями, связанными с продовольственными карточками. Такого рода преступления совершались в типографиях, где печатались карточки, в карточных и контрольно-учётных бюро, торговых организациях, аппаратах, ведающих выдачей карточек, и домоуправлениях.

Ключевые слова: милиция, преступления, борьба с преступностью, борьба с хищениями, продовольственная карточка, Великая Отечественная война.

В годы Великой Отечественной войны возросло число тяжких преступлений. В 1941 г. было зарегистрировано немногим более 3 тыс. убийств, а в 1944 г. – свыше 8 тыс., разбоев и грабежей соответственно – 7,5 тыс. и 2 тыс., краж – 25,5 тыс. и 44,5 тыс., скотокрадств – 8 тыс. и 36 тыс. Если же оценивать криминогенную ситуацию в этот период в целом по стране, следует сказать, что благодаря самоотверженной работе милиции, активной помощи со стороны всего населения, большого роста преступности допущено не было. Общая раскрываемость преступлений в 1944 г. составила 87,8 %, а в 1945 г. – 89,9 %¹. Число осужденных военными трибуналами в Советской Армии, НКВД, на Военно-Морском флоте, железнодорожном и водном транспорте было более динамичным, что было связано, прежде всего, со сложной обстановкой на фронтах. Если принять число осужденных всеми военными трибуналами в 1941 г. за единицу, то в 1942 г. оно возросло в 2,8 раза, в 1943 г. – в 3,3 раза. С улучшением обстановки на фронтах оно снижалось: в 1944 г. превышало данные базового года только в 2,4, а в 1945 г. – в 1,6 раза.² По ряду причин, обусловленных военным временем, увеличилось количество убийств, грабежей и краж. В 1942 г. (по сравнению с 1941 г.) количество убийств уменьшилось

Чашиников Всеволод Александрович – кандидат юридических наук, начальник адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург).

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 204. Л. 1, 2 (далее: ГА РФ).

² *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. – М., 1974. С. 306-310; *Герцензон А.А.* К изучению воинской преступности и преступности военного времени в буржуазных государствах // Ученые записки Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. – М., 1945. Вып. 4. С. 171; *Тарновский Е.Н.* Влияние войн на движение преступности // Журнал Министерства юстиции. – 1915. № 6. С. ; *Щупленков В.П.* К вопросу об изучении влияния войны на преступность: сб. ст. – М.: Военный институт МО СССР, 1986. С. 202-203.

на 0,6 % (с 3 317 до 3 297), однако в 1943 г. их количество возросло на 45,5 % (с 3 297 до 4 799). Количество разбоев и грабежей в 1942 г. уменьшилось на 25,5 % (с 7 496 до 5 589), но в 1943 г. увеличилось на 45,5 % (с 5 598 до 12 373), соответственно количество краж возросло на 29,5 % и 28,5 %.¹

Рост числа совершенных преступлений в СССР во время войны был связан не только с военным положением, но и с изменениями, которые произошли в уголовном законодательстве. В условиях войны увеличилась опасность контрреволюционных преступлений, которые в соответствии с Особенной частью Уголовного кодекса относились к наиболее тяжким. Кроме того, усиливается охрана социалистической собственности, которая вместе с социалистической системой хозяйства составляла экономическую основу страны, ставшую одним из условий победы над врагом.

Судебная практика военного времени исключительное значение придавала охране имущества железных дорог, в особенности систем обеспечения безопасности движения поездов, и охране перевозимых грузов. Поэтому, как правило, суды квалифицировали по закону от 7 августа 1932 г. расхищение снегозащитных ограждений (щитов, кольев, заборов и т. д.), хлебных щитов и др. Усиливалась охрана и сельскохозяйственных продуктов, в частности хлеба (зерна, муки, семенных фондов) и др. Резкое снижение сельскохозяйственного производства, ухудшение материального положения тружеников села, уход колхозников на фронт – все эти обстоятельства явились причинами хищений продуктов. Советское правительство вынуждено было перейти к острой экономии продовольственных товаров, решительной борьбе со злоупотреблениями в сфере распределения продуктов питания. В приказе Наркомата юстиции СССР от 18 января 1941 г., посвященном борьбе с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, овощей и других сельскохозяйственных продуктов, особо подчеркивалась «...опасность подобных преступлений, ведущих к уменьшению ресурсов государства в условиях войны». Такой же точки зрения придерживался и Верховный суд СССР. Так, растрата семенного зерна каралась, как правило, не по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР, а по закону от 7 августа 1932 г.²

Особое значение приобрела работа сотрудников милиции Урала по жесткому пресечению преступной деятельности расхитителей зерна и муки. Под пристальным контролем правоохранительных органов находились колхозы и совхозы, заготовительные и снабженческие организации, предприятия пищевой промышленности и торговая сеть. Главными причинами хищений сельскохозяйственных продуктов являлись, во-первых, трудности экономического порядка, во-вторых, отсутствие надлежащего контроля со стороны руководителей хозяйств за работой токов, пунктов сдачи и приема зерна, в-третьих, плохая организация их охраны, а также несерьезный подход руководителей к подбору кадров.³ Можно привести такой пример из практической деятельности сотрудников милиции Урала: «Кривокорытов и другие работники Верхнетавдинского комбината Свердловской области при-

¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 27, 28.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 11 апреля 1942 г. по делу Гладышева // Судебная практика. – 1942. Вып. 1. С. 10.

³ Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Под общ. ред. Р. Г. Нургалиева. – М., 2008. С. 8.

влечены к уголовной ответственности. Материалами расследования установлено, что Кривокорытов, будучи директором Верхнетавдинского комбината, злоупотреблял служебным положением: 1) разбазарил муку, давая разрешения на отпуск таковой разным лицам в размере от 5 до 75 кг (без вырезки хлебных карточек); 2) разбазарил около 2 т. мучных сметок, произведя незаконный отпуск таковой разным лицам и организациям; 3) допустил перерасход установленных норм расхода коммерческого хлеба свыше чем на 600 кг.; 4) одним из каналов хищения было искусственное увеличение брака. Проценты брака были очень велики. С марта по октябрь 1942 г. 55 т. сдано в переработку, из переработки возвращено всего 27 т.»¹

Деятельность милиции Урала в решении продовольственной проблемы не ограничивалась прямой борьбой с хищениями хлеба. Сотрудники милиции совместно с председателями колхозов и директорами совхозов помогали партийным и советским организациям мобилизовать трудоспособное население на уборку урожая, следили за состоянием дорог, мостов, подъездных путей к пунктам сдачи зерна, разрабатывали меры противопожарной безопасности в местах хранения хлеба. 7 июля 1941 года НКВД СССР издал директиву о задачах милиции в период военного времени, а 8 мая 1942 года официально установил в органах милиции 12-часовой рабочий день.² Нормативно-правовыми актами на милицию возлагались следующие задачи, обусловленные военным временем: борьба с военным и трудовым дезертирством, мародерством, паникерами, распространителями ложных слухов, очистка городов от преступных элементов, оказание помощи транспортным органам НКВД в выявлении вражеских агентов и провокаторов³. Сотрудники милиции Урала проводили разъяснительную работу среди населения, чтобы не допустить распространения ложных слухов и паникерства, организовывали собрания, митинги, использовали средства агитации, вывешивали плакаты. В войне против Советского Союза гитлеровское командование широко практиковало засылку в наши тылы специальных агентов-провокаторов и распространителей ложных слухов. В своей подрывной деятельности они использовали советских людей, которые необдуманно, бессознательно передавали сомнительные слухи, тем самым становясь на путь передачи ложной информации.⁴

Борьба с таким видом преступлений, как дезертирство, была сложной и требовала от сотрудников сноровки, профессиональной выучки и мужества, т. к. дезертиры, как правило, были вооружены. За период с начала войны до 10 октября 1941 года сотрудники органов военной контрразведки и заградительные отряды НКВД задержали 657 364 военнослужащих, как отставших от своих частей, так и бежавших с фронта; из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 969 человек, заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла –

---

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 4. Оп. 37. Д. 105. Л. 14 (далее: ГА АО СО).

² Мулукаев Р.С. История советской милиции: Хронологический справочник. – Л., 1976. С. 41.

³ Лазарев В.И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ФСБ России. – М., 2001. С. 40.

⁴ Базаров Ф.Е. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Омск, 1979. С. 8.

407 395 военнослужащих.¹ После стабилизации положения на фронтах в конце 1942 – начале 1943 гг. масштабы дезертирства уменьшились, хотя отдельные факты дезертирства и членовредительства встречались до конца войны. Стоит отметить, что в годы войны основное количество уголовных преступлений совершалось лицами, дезертировавшими из рядов Красной армии и с военного производства, а также военнослужащими. Так, в 1943 г. ими было совершено 56 % всех разбоев и грабежей.²

На территории Свердловской области в 1942 году было зарегистрировано 924 факта дезертирства из военных частей. Так, 589 случаев произошло в частях Камышловского гарнизона (лагерь). Из частей Ирбитского гарнизона дезертировал 81 военнослужащий, из Свердловска – 172 военнослужащих.³ Только за 1942 год органами милиции было задержано дезертиров Красной армии – 1341 человек, из них передано для привлечения к ответственности: в военные трибуналы – 667 человек, остальные 674 человека – в Особый отдел НКВД и горрайвоенкоматы.⁴ В Свердловской области в 1942 г. было выявлено 1679 человек, уклоняющихся от службы в армии, а также 5677 человек, нарушивших военно-учетные правила.⁵ В частности, по итогам работы за 1943 год отмечалось ослабление борьбы органов НКВД и милиции с дезертирством, хулиганством и воровством. Например, отсутствие борьбы с дезертирством и хулиганством в Зайковском районе Свердловской области привело к тому, что вооруженная группа дезертиров ранила парторга ЦК ВКП (б) Красногвардейского мехлесопункта тов. Сазонова.⁶ Нижнесергинский райком ВКП (б) в решении от 3 апреля 1943 г. отмечал, что ответственные Терехов и Четвердин не контролируют работу аппарата милиции, участковых инспекторов, которые пьянствуют и задерживают дела хулиганов и воров и сами не принимают решительных действий по борьбе с хулиганством.⁷

Дезертирами и военнослужащими совершалось значительное количество хищений грузов, следовавших по железнодорожным путям. С начала войны и по июль 1944 г. включительно за хищения грузов было привлечено 16 177 человек, что составило 22,5 % от общего числа привлеченных за эти преступления. Кроме того, военнослужащими совершалось до 3,5 % всех краж на транспорте.⁸ Основная работа по розыску дезертиров и уклонившихся от призыва и мобилизации проводилась оперативным составом краевых, областных, городских и районных отделов (отделений, групп) НКВД по борьбе с бандитизмом. Если в октябре 1941 года общая штатная численность аппаратов по борьбе с бандитизмом в целом по стране составляла немногим более 700 чел., то в июле 1944 г. – около 6 тыс. (см. табл. 1).

---

¹ Плеханов А.М. Оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в первые месяцы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: ФСБ России, 2001. С. 53.

² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 29.

³ ГА АО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 81. Л. 124.

⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 224. Т. 2. Л. 39.

⁵ ГА АО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 81. Л. 124.

⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 13. Л. 116–117.

⁷ ГА АО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 44.

⁸ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 59, 60.

Таблица 1.
Штатная численность аппаратов по борьбе с бандитизмом на Урале¹

Области	Сентябрь 1941 г.	Август 1944 г.
Курганская	–	31
Молотовская	7	18
Свердловская	5	64
Челябинская	8	29
Чкаловская	2	32
Всего:	22	174

Сотрудники милиции внесли значительный вклад в работу по поддержанию общественного порядка, соблюдению населением правил поведения во время воздушных налетов, ликвидации последствий воздушных нападений фашистской авиации на города и населенные пункты. Однако главным для милиции, в частности для уголовного розыска, по-прежнему оставались борьба с преступностью, пресечение и предупреждение правонарушений, розыск преступников. Военная обстановка серьезно осложнила деятельность подразделений уголовно-розыскной службы не только в прифронтовой полосе, но и в целом по стране – в близких к фронту регионах и глубоком тылу, как на Урале.

Перестройка работы аппаратов уголовного розыска на военный лад коренным образом изменила условия служебной деятельности, значительно увеличила объем работы личного состава, повысила требования к сотрудникам. Призыв на военную службу, добровольный уход в действующую армию многих опытных оперативных сотрудников, их общественных и негласных помощников привели к значительному некомплекту личного состава, существенному сокращению источников оперативной информации. Пришлось перестраивать всю оперативно-розыскную работу, совершенствовать формы и методы борьбы с преступностью с учетом военной обстановки. Вся работа аппаратов уголовного розыска происходила в тесном взаимодействии с сотрудниками других служб милиции. Поскольку гитлеровская разведка широко использовала в своих целях преступников, вербуя среди них шпионов, диверсантов, провокаторов, деятельность уголовного розыска была тесно связана с работой органов государственной безопасности. Сотрудники уголовного розыска нередко включались в состав оперативных групп государственной безопасности для выполнения специальных заданий по борьбе с фашистскими шпионами и диверсантами.

Одним из обстоятельств, негативно влияющих на состояние преступности в стране, стала относительная доступность оружия для преступных элементов в местностях, освобожденных от фашистских оккупантов. Да и в тыловые районы Урала поступала масса разнообразного оружия из западных регионов – с дезертирами, эвакуированными, мигрантами. Проживая, как правило, по фиктивным документам в городских притонах, укрываясь в лесах, вооруженные преступные группы занимались дерзкими разбоями, грабежами, кражами. Значительное число преступлений совершали дезертиры, рецидивисты, ранее судимые лица. Быстрое и пол-

¹ См.: Гусак В.А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Челябинск, 2007. С. 78.

ное изъятие у населения оружия и взрывчатых веществ стало для сотрудников уголовного розыска важнейшей задачей, с которой они в целом справлялись довольно успешно. Если до войны у преступников при арестах изымались единицы стволов, то в 1942 г. было изъято около 71 тыс. единиц различного оружия, а в 1943 г. – 38 753. Причём на вооружении у преступников, особенно у дезертиров и рецидивистов, во многих случаях имелись не только револьверы и пистолеты, но и пулеметы, автоматы, гранаты.¹ Так, помощник оперуполномоченного оперпункта на ст. Дружинино – А. Малыгин, являясь старшим группы по проверке документов в пассажирском поезде на участке Свердловск–Дружинино, только в апреле-мае 1943 г. задержал 64 преступника, у которых изъял 13 стволов нарезного оружия.

В декабре 1941 года сотрудник отдела уголовного розыска УМ УНКВД Фелющенко раскрыл 3 воровских группы и привлек к ответственности 22 преступника, совершивших 40 квартирных и карманных краж. За период 1943 г. в Камышловском, Манчажском, Сергинском районах и Свердловске было ликвидировано 54 бандитских группы. За бандитизм было арестовано около 400 человек.² В июне 1944 года был задержан бандит Девятшин, орудовавший с братом Игнатием. Имея огнестрельное оружие, в ноябре 1942 году в Исовском районе Свердловской области они зверски убили инвалида Великой Отечественной войны Якова Кузьмича Шалагнинова. Во время их задержания в 1943 г. ранили красноармейца и проводника служебно-розыскной собаки. Всего они совершили 3 вооруженных ограбления колхозников Исовского и Нижнелаялинского районов Свердловской области и свыше 10 хищений колхозного зерна и скота³. Благодаря умелой оперативной работе сотрудника Кировоградского отделения милиции А. Куксовского, в ноябре 1944 года удалось задержать преступную группу в количестве 19 человек, которая занималась хищением лошадей, крупного рогатого скота и хлебопродуктов. В схватках с преступниками отличился оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Н. Жулев. В одной из операций по задержанию вооруженного преступника Нижнесергинского района в 1943 году он был ранен, но продолжал преследовать бандита и с помощью подоспевших товарищей сумел задержать его. В 1944 году Жулев установил и задержал в одном из районов Свердловской области вооруженного преступника, который совершил до этого убийство трёх колхозников на территории Башкирской АССР.⁴

Значительное место в работе милиции Урала в годы войны занимала борьба с хищениями и злоупотреблениями, связанными с продовольственными карточками. Такого рода преступления совершались в типографиях, где печатались карточки, в карточных и контрольно-учётных бюро, торговых организациях, аппаратах, ведающих выдачей карточек, и домоуправлениях. Так, в четвертом квартале 1941 года за преступную деятельность по линии хищений продуктов и товаров путём всевозможных махинаций с товарно-продуктовыми карточками в Свердловской области к уголовной ответственности было привлечено 152 человека, а в первом кварта-

---

¹ Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Под общ. ред. Р. Г. Нургалиева. – М., 2008. С. 362.

² Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. – Екатеринбург, 2002. С. 60.

³ Там же.

⁴ Там же.

ле 1942 г. только по 22 районам Свердловской области – 184 человека.¹ Приведём следующие примеры: «В городе Карпинске Свердловской области вскрыта преступная группировка в числе 5 человек, состоящая из бывших воров-рецидивистов Баглюк, Петрина, Головкова и других, которые, похитив в коммунальном отделе бокситовых рудников партию стандартных справок с печатями коммунального отдела и 90 штук заборных книжек, подделывали на стандартных справках подписи комендантов, вставляли в справки умышленные фамилии и беспрепятственно получали по ним продовольственные карточки. Все участники группы арестованы, и при обыске у них изъято несколько десятков продовольственных карточек, 90 штук заборных книжек и много продуктов, полученных из магазинов.

В феврале 1942 года в хромофотографии при подсчёте изготовленных продовольственных карточек на март месяц оказалась недостача 500 штук карточек на хлеб. 26 марта 1942 года на рынке города Свердловска был задержан при продаже 4 штук продкарточек электромонтер цеха резки хромофотографии Богданов. Расследованием по делу установлено, что Богданов совместно с другим электромонтером Пермьяковым работал в цехе, похитили одну партию продкарточек в количестве 500 штук, часть которых продали, а часть использовали для личных целей, оформив их печатями учреждений по месту работы жены Богданова, имеющей доступ к печати. В городе Верхняя Салда 30 марта 1942 г. из помещения конторы артели «Рекорд» посредством взлома железного ящика похищено 312 штук продкарточек. Совершившие кражу Латышов и Поливцев были задержаны, оба в прошлом судимы за прогул. При обыске у них изъято 50 штук продкарточек с печатями артели «Рекорд». В Билимбаевском районе Свердловской области ученики промкомбината Козырев, Окуневич, Круглик и Жуков в магазинах и столовых выкрадывали у граждан продкарточки, а затем их перепродавали разным лицам из числа эвакуированных. В городе Свердловске переселенцы из Бесарабии Лупан и Пуюл скупали карточки у мобилизованных в РККА, выбывающих из города на жительство в другие местности по цене от 80 до 150 руб., получали по этим карточкам в магазине № 6 Торга хлеб целиком по всей карточке один раз, а затем этот хлеб перепродавали на железнодорожных станциях транзитным пассажирам по цене до 100 руб. за булку. Работники магазина Бочаринова, Зыкина, Зырянова и другие, принимая целые карточки, похищали из магазина и снова продавали разным лицам или рассчитывались этими карточками с кустарями-портняжками за пошив одежды».²

О размерах краж продкарточек у отдельных лиц можно судить по тому, что с января по март 1942 года в органы милиции города Свердловска поступило свыше 500 заявлений граждан о кражах у них продкарточек, а в городе Первоуральске – 30 заявлений. Причём было установлено, что отдельные заявления о кражах или утерях карточек являлись ложными, сделанными в целях получения новых карточек. Так, в Исовском районе Свердловской области гражданке Верещагиной как члену семьи красноармейца были выданы новые карточки. Позднее при проверке заявления оказалось, что Верещагина продкарточки не теряла и заявление сделала

---

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 78.

² Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 79.

с целью получения новых карточек.¹

Во время войны работники милиции столкнулись с новыми видами преступлений. Им приходилось внедряться в торговую сеть и в снабженческие аппараты, разоблачать спекулятивные группы, которые создавали запасы продовольствия, промышленных товаров, ценностей и сбывали их затем по завышенным ценам.² В 1942 году работниками ОБХСС города Свердловска была пресечена деятельность большой преступной группы из числа сотрудников транспортной конторы Свердловпешторга и экспедиции хлебозавода «Автомат», которые похищали хлеб во время его перевозки с завода по магазинам. Злоумышленники оборудовали в автомашинах потайные ящики, куда прятали буханки хлеба. Под видом заправки или ремонта машин они останавливались в гараже или у бензоколонки, выгружали хлеб из ящиков, а ночью вывозили его домой. Таким образом им удалось похитить свыше 100 т хлеба. В ходе следствия к уголовной ответственности было привлечено 68 человек, участвовавших в хищениях.³

В августе 1942 года старший оперуполномоченный ОБХСС Пискунов раскрыл две группы расхитителей (80 человек), орудовавших в городе Свердловске. Активно боролись с расхитителями социалистической собственности работники ОБХСС Свердловского городского управления милиции Баранов, Алексеев, Томашпольский, которые за период 1943 г. разоблачили 40 человек, занимавшихся хищением дефицитных промышленных товаров. Заместитель начальника ОБХСС Тертчинский разоблачил группу в количестве 11 человек, занимавшихся хищениями на Свердловской табачной фабрике. В тот же период работники милиции раскрыли и ликвидировали несколько групп спекулянтов-валютчиков. В мае 1943 г. милиционер 1-го отделения милиции города Нижнего Тагила Свердловской области Кованский при несении постовой службы заметил машину с подозрительным грузом. При осмотре личных вещей, принадлежащих Фейгину, он обнаружил и изъял 517 рублей 50 копеек золотой монеты царской чеканки. Работники ОБХСС УМ НКВД по Свердловской области Шмелев и Веховский разоблачили золотовалютчика Хатцеля, занимавшегося приобретением и сбытом золота и серебра. При аресте у Хатцеля было изъято 2 кг 900 г золота, 1 кг серебра, 49 тыс. рублей и много ценностей.⁴

Только в 1944 году в Свердловской области было выявлено 1900 преступных групп, занимавшихся кражами, и 309 – занимавшихся грабежами, а также изъято у преступников 462 единицы огнестрельного и 316 единиц холодного оружия. От рук преступников погибли милиционеры Нижнетагильского ГОМ О. Ощепков, О. Дендюк, Н. Иванов, старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД П. Плотников, милиционер 4-го отделения милиции Свердловска Фомин и другие.⁵

В годы Великой Отечественной войны перед органами милиции Урала как никогда остро встала задача своевременно предупреждать готовящиеся и быстро раскрывать совершенные преступления, задерживать и передавать преступников в ру-

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 79.

² *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. – М., 1975. С. 203.

³ Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. – Екатеринбург, 2002. С. 62.

⁴ *Трофимов А.И.* Ко всем бурям лицом. – Свердловск, 1971. С. 107.

⁵ Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. С. 63.

ки правосудия, активно вести розыск скрывшихся от следствия и суда нарушителей законов военного времени. Война существенно изменила характер преступности. Особую опасность представляли дезертиры из Красной армии и с военного производства. Проживая на нелегальном положении, они объединялись в криминальные группы для совершения разбоев, грабежей, краж и других преступлений, втягивая в эту деятельность новых лиц. Сотрудниками милиции Урала была проделана значительная работа по борьбе с трудовым дезертирством, однако, несмотря на все предпринимаемые усилия, полностью нейтрализовать поток дезертиров органы милиции оказались не в состоянии.

Источники и использованная литература:

1. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 224. Т. 2. Л. 39.
2. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 27, 28, 29, 59, 60.
3. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 13. Л. 116–117.
4. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 204. Л. 1, 2.
5. ГА ФО СО – Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 4. Оп. 37. Д. 105. Л. 14.
6. ГА ФО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 81. Л. 124.
7. ГА ФО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 44.
8. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 78.
9. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 79.
10. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 296.
11. *Базаров Ф.Е., Назаров А.П.* Советская милиция в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Омск, 1979.
12. *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. – М., 1974.
13. *Герцензон А.А.* К изучению воинской преступности и преступности военного времени в буржуазных государствах // Ученые записки ВИЮН. – М., 1945. Вып. 4.
14. *Гусак В.А.* Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Под науч. ред. Р. С. Мцизкаева. – Челябинск, 2007.
15. *Лазарев В.И.* Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ФСБ России. – М., 2001.
16. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Под общ. ред. Р. Г. Нурғалиева. – М., 2008.
17. *Мулукаев Р.С.* История советской милиции: Хронологический справочник. – Л., 1976.
18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 11 апреля 1942 г. по делу Гладышева // Судебная практика. – 1942. Вып. 1. С. 10.
19. *Плеханов А.М.* Оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в первые месяцы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: ФСБ России, 2001.
20. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. – М., 1975.
21. Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. – Екатеринбург, 2002.
22. *Тарновский Е.Н.* Влияние войн на движение преступности // Журнал Министерства юстиции. – 1915. № 6.
23. *Трофимов А.И.* Ко всем бурям лицом. – Свердловск, 1971.
24. *Щупленков В.П.* К вопросу об изучении влияния войны на преступность: сб. ст. – М.: Военный институт МО СССР, 1986.

Chashnikov V.A.
**Activities of the police (militia) fo fight against crime in the Urals
during the Great Patriotic War**

In this article, on the base of analysis of archival documents, legal acts and other sources, legal basis of activity of bodies of police (Rus. *militia*) of the Urals in the fight against crime during the Great Patriotic War was analyzed and summarized. The author believes that in the years of the Great Patriotic War, particular importance is given to the work of police officers in the Urals to curb the criminal activities of looting of grain and flour. Under steadfast control of law enforcement bodies were collective and state farms, procurement and supply chain organizations, factorys of food industry and retail chain. In the article the author concludes that the work of the police of the Urals during the war occupied an important place in the anti-fraud and abuse related to food cards. Such crimes were committed in printing houses, where printed cards, the cards' bureaus and control of accounting bureaus, trade organizations, offices in charge of issuing the cards, and the house managements.

Keywords: Police, crime, anti-crime, anti-fraud, food cards, Great Patriotic War.

Кузьминых А.Л.

АНТИФАШИСТСКАЯ РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ И ЕЁ СОЮЗНИКАМИ В СССР

В статье рассмотрена организация антифашистской работы с военнопленными германской армии и её союзниками в СССР, изучены её формы, методы и результаты. Автор приходит к выводу, что главная цель политической работы заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и превращении их в сознательных и убежденных сторонников советской власти, подготовке кадров для переустройства зарубежных стран по советскому образцу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, германские военнопленные, антифашистская работа.

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и её союзников носила выраженный политико-идеологический характер. Большое значение отводилось агитационно-пропагандистской работе с обезоруженными солдатами и офицерами противника, главной задачей которой являлось воспитание убеждённых противников фашистской диктатуры и активных сторонников социалистических преобразований по советскому образцу.

Трудность политической работы с солдатами и офицерами вермахта заключалась в том, что большинство из них были убеждёнными национал-социалистами.¹ В августе 1941 г. для изучения настроений военнопленных в Темниковский лагерь (Мордовская АССР) была направлена комиссия из числа сотрудников Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ). Последняя пришла к выводу, что большинство военнопленных по своим политическим взглядам являются «трудящимися, испорченными фашизмом». Предложения комиссии заключались в изъятии из лагеря «активных фашистов» и усилении пропагандистской работы среди «политически благонадежных», «сочувствующих» и «колеблющихся» военнопленных.² Политическому аппарату лагеря было дано задание провести среди пленных разъяснительную работу и подписать антифашистский манифест, изобличивший «виновников и вдохновителей затаенной гитлеровцами войны». Из числа пленных были отобраны 30 бывших коммунистов и социал-демократов, которые должны были убедить остальных в необходимости подписания данного документа. Однако справиться с порученным заданием активисты не смогли, так как натолкнулись на обвинения со стороны товарищей в измене и предательстве, а также угрозы, что при

Кузьминых Александр Леонидович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

¹ *Берников Н.Н.* Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // «За Германию – против Гитлера!». – М.–Красногорск, 1993. С. 18; *Крупенников А.А.* Тяжелая ноша плена. – М., 2001. С. 63; Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М., 2002. С. 365–367.

² Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева. – М., 2002. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 271–274.

возвращении на родину они будут казнены, а их семьи репрессированы. В итоге подготовленный документ на общем собрании пленные встретили молчанием, а из 30 активистов его согласились подписать только 6.¹

В результате проводимой политической работы осенью 1941 года были достигнуты первые успехи. В октябре 1941 года в Темниковском лагере состоялась конференция немецких военнопленных, на которой было принято «Обращение к германскому народу». Разработкой этого документа руководил Вальтер Ульбрихт – председатель комиссии Коминтерна по политической работе среди военнопленных. «Обращение» носило ярко выраженный антивоенный и антифашистский характер. В нём говорилось: «Есть две Германии... Германия страдающих манией величия магнатов, готовых во имя своих эгоистических интересов пожертвовать цветом немецкой молодежи, и Германия немецкого народа, требующего немедленного прекращения войны».² Этот документ подписали 158 военнопленных, поэтому он стал известен как «Обращение 158-ми». Полный текст «Обращения» опубликовали в газетах «Правда» и «Известия» от 15 ноября 1941 г. В январе 1942 г. в Спасозаводском лагере № 99 прошла первая конференция военнопленных румын, на которой была принята декларация «К румынскому народу и армии». В ней разоблачался режим И. Антонеску и пагубность затеянной им в интересах фашистской Германии войны. Декларацию, призывавшую к прекращению грабительской войны, свободе и независимости Румынии, подписали 876 румынских военнопленных. Аналогичные конференции были проведены с военнопленными австрийцами, венграми и финнами.³

Первоначально антифашистская работа проводилась исключительно силами политаппарата лагерей. Её главными задачами являлись: во-первых, разоблачение идеологии германского фашизма; во-вторых, разъяснение сущности советского социализма; в-третьих, формирование в лагерях антифашистского актива. В 1942 года с пленными провели 72 конференции, 203 собрания, 38 митингов, 1987 групповых и 10 408 индивидуальных бесед, 762 доклада и 170 лекций, 2 426 политинформаций, 69 вечеров вопросов и ответов, 873 совещания с активом. Кроме того, пленные подготовили 267 обращений и воззваний, 744 статьи в газеты, 3512 писем на фронт и родину.⁴ Существенно затрудняла «идеологическую перековку» бывших неприятельских солдат нехватка политработников, владеющих иностранными языками. На 1 января 1943 г. в 43 лагерях работали 60 политинструкторов, из которых 26 владели немецким языком, 23 – румынским, 6 – итальянским, 3 – финским, 1 – венгерским, 1 – польским.⁵

С провалом гитлеровского плана молниеносной войны политическая активность военнопленных заметно выросла. К концу 1942 года в лагерях насчитывалось 2967 антифашистов, в том числе 1467 немцев, 1033 румына, 151 австриец, 124

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР» / Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград, 2004. Т. 4 С. 657.

² Цит. по: *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда, 2002. С. 202–203.

³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 57, 658.

⁴ Там же. С. 58, 659.

⁵ Там же. С. 63, 660–661.

финна, 94 итальянца, 93 венгра, 5 поляков. Тем не менее, основная масса военнопленных придерживалась прежних идеологических взглядов. Проведенные в 1943 года среди плененных немцев опросы на предмет выявления причин массовой популярности фашизма выявили следующую картину. Более 5% офицеров и 92% опрошенных солдат в анонимной анкете указали, что они были увлечены идеей национального величия, а 25% офицеров и 18% солдат – идеей реванша. От 50 до 60% опрошенных одобрили ликвидацию безработицы, осуществленную правительством Гитлера. 68% офицеров и 18% солдат в анкете писали, что их привлекла расовая теория нацистов. Наконец, страх перед возможными репрессиями, покорность и конформизм в качестве причины назвали 65–70% офицеров и 61–67% солдат вермахта.¹

Политическая работа велась в тесном взаимодействии с Главным политуправлением (ГлавПУ) РККА и Комиссией по военнопленным Исполкома Коминтерна. ГлавПУ РККА осуществляло издание газет и радиовещание на иностранных языках, издавало учебные программы и методические материалы для занятий с пленными. ИККИ выделял политинструкторов и переводчиков, преподавательский состав для антифашистских школ и курсов, распределял выпускников-антифашистов. Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР координировало политработу в лагерях, выявляло лиц, которые могли быть использованы для мероприятий по разложению войск противника и выполнения специальных заданий.

В феврале-марте 1943 года в лагеря стали поступать солдаты и офицеры разгромленной сталинградской группировки противника. Оказавшийся в плену командный состав во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом стремился сохранить себя как военную корпорацию, опираясь на понятие воинского долга и принцип верности фюреру. Несмотря на сокрушительное поражение под Сталинградом, представители военной элиты Третьего Рейха не верили, что Германия стоит на пороге катастрофы. Причины «временных неудач» германской армии они относили к разряду случайных факторов, а сводки Совинформбюро называли «коммунистической пропагандой». Тем не менее, антивоенные и антигитлеровские взгляды постепенно проникали в эту среду. Наиболее ярко это проявилось в вопросе о присяге. Большинство офицеров считали, что присяга была дана ими лично Гитлеру и лишь в его лице германскому народу. Другая, значительно меньшая часть, полагала, что они присягнули германскому народу, а фюреру лишь постольку, поскольку его действия будут в интересах немецкого народа и государства. Поскольку же развязанная Гитлером война не принесла ничего, кроме страданий, и стремительно приближала страну к катастрофе, они считали себя свободными от присяги фюреру.² Именно на почве осознания гибельности пути, по которому Гитлер вел Германию, стало возможным возникновение антифашистского движения, разворачивавшегося под лозунгом создания демократического германского государства.

Лагеря военнопленных стали ареной ожесточенной борьбы политических группировок. К первой группе («фашисты») относились лица с нацистскими взглядами, занимавшие позицию продолжения борьбы с СССР. Настрой и поведение этой

---

¹ Бланк А.С. Старый и новый фашизм. – М., 1982. С. 115–116.

² Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 662.

группы наиболее чётко выразил генерал-лейтенант Г. Дебуа, заявивший: «Мы здесь в плену все ещё являемся солдатами. Это наш фронт».¹ Вторую группу («антифашисты») составляли лица, лояльные к лагерной администрации и склонные к сотрудничеству с советскими политорганами. В третью группу, самую многочисленную («конформисты»), входили солдаты и офицеры, занимавшие нейтральную позицию. Они старались выжить в плену, избегая конфликтов, как с лагерным подпольем, так и с антифашистским активом. Большинство представителей третьей группы говорили: «Мы вне политики. Оставим политику для тех, кто ей занимается».² Первая и вторая группы вели упорную борьбу за влияние над третьей группой. Так, профашистски настроенные военнопленные составляли списки антифашистов для предания суду после возвращения на родину, осуществляли психологический бойкот лиц, сотрудничавших с лагерной администрацией, распространяли сведения, компрометировавшие активистов. На антифашистских митингах «фашисты» задавали докладчикам провокационные вопросы, заглушали их речь выкриками, свистом и топотом. Сравнивая уровень жизни в Германии и СССР, они подводили пленных к выводу, что в Советском Союзе большинство населения живёт в нищете, а, следовательно, советский социализм не может быть благом.³

Несмотря на активную деятельность лагерного подполья, антифашистское движение в лагерях находило все больше сторонников. Решающими факторами формирования антигитлеровского мировоззрения являлись: во-первых, мощное наступление Красной армии на советско-германском фронте; во-вторых, катастрофически ухудшавшееся военное, политическое и экономическое положение Германии и её союзников; в-третьих, постепенное улучшение условий жизни в советском плену. Если разгром группировки германских войск под Сталинградом привел к росту антигитлеровских настроений, то провал провозглашенного Гитлером летнего наступления явился непосредственным толчком к организационному оформлению антифашистского движения, что нашло своё выражение в создании в июле 1943 года Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ). На прошедшей 12–13 июля учредительной конференции в г. Красногорске присутствовали делегаты из числа немецких солдат и офицеров, а также немецкие коммунисты, находившиеся в эмиграции в СССР. Сформированный Национальный комитет обратился с манифестом к германской армии и немецкому народу, призывавшим к свержению гитлеровского режима и созданию новой демократической Германии.

Результатом мировоззренческого перелома стал переход части командного состава германской армии на антифашистские позиции. 11–12 сентября 1943 года в пос. Лунево под Москвой состоялась конференция пленных генералов и офицеров, на которой было принято решение о создании Союза немецких офицеров (СНО). По мнению идейных вдохновителей СНО – генералов В. фон Зайдлица, А. фон Даниэльса, О. фон Корфеса – германской армии и немецкому народу следовало сверг-

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 664.

² *Ежова Г.В.* Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1998. С. 238.

³ Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 237 об. (далее: Архив УМВД России по ВО).

нуть национал-социалистский режим и заключить мир на приемлемых для Германии условиях. На конференции был окончательно разрешен вопрос о присяге, который дискутировался среди германских военнопленных: «Мы нарушим свой долг, как немцы, если сохраним верность тому, кто является виновником всех несчастий Германии».¹ После признания единства целей и задач НКСГ и СНО, было принято решение о присоединении последнего к идейной платформе Национального комитета. Численность СНО с 1943 по 1945 г. выросла со 100 до 4000 чел., т.е. в 40 раз.² Факторами, затруднявшими деятельность антифашистских организаций, являлись: восприятие НКСГ и СНО как пропагандистского орудия советских властей, страх осуждения со стороны товарищей как «клятвопреступника» и «предателя», боязнь репрессий против своих семей на родине, надежда на изменение хода войны в пользу Германии, боязнь потери собственности после прихода к власти коммунистов в Германии.

В целях поднятия авторитета НКСГ и СНО генерал В. фон Зайдлиц в феврале 1944 года направил советскому руководству меморандум с предложениями о преобразовании упомянутых организаций из «пропагандистских учреждений» в «зародыш будущей свободной Германии». В частности, предлагалось освободить из плена руководство НКСГ и СНО, расширить рамки организационной деятельности, не ограничивая их территорией Советского Союза, создать военные части из числа антифашистов и народный фронт для участия в освобождении Германии.³ Советское руководство проигнорировало данные предложения, так как рассматривало антифашистские организации исключительно как инструмент идеологической борьбы. Заместитель начальника Управления спецпропаганды Главного Политуправления РККА И.С. Брагинский разъяснял своим подчиненным: «НКСГ – не орган власти, а орган антигитлеровской борьбы, ведущий пропаганду среди армии, в первую очередь против гитлеровской клики. Будущее зависит не от Национального комитета, а от немецкого народа и внешнеполитических обстоятельств».⁴ Таким образом, можно говорить о нарастающем кризисе доверия в отношениях между НКСГ и советским руководством, который становился всё более острым по мере приближения советских войск к границам Германии.

Антифашистские организации были созданы среди военнопленных других национальностей. С австрийцами работали уполномоченные «Антифашистского бюро», с венграми и румынами – уполномоченные венгерского и румынского «Национального блока» и др. Эволюция политических взглядов австрийцев, венгров, поляков, румын, чехов проходила быстрее, чем немцев. Большинство из них сразу после прибытия в лагеря заявляли о своих антифашистских убеждениях и о желании с оружием в руках бороться против Германии. В 1943 году 18 942 румын (90,7% от их численности) подали заявления о зачислении в добровольческую дивизию. Аналогичные заявления в адрес советского правительства направили 2657 итальянцев, 1085 французов, 499 венгров, 198 австрийцев, 34 испанцев. В 1944 году от пленных

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 679.

² Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 422.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 312–320.

⁴ Там же. С. 326.

разных национальностей поступило 42 609 заявлений о желании сражаться против немецко-фашистских войск.¹ Всего в годы войны были направлены на формирование национальных воинских частей 55 799 пленных, в том числе 21 787 венгров, 20 446 румын, 9089 чехов и словаков, 2542 югослава, 1935 поляков, 150 французов. Кроме того, 2056 чел. были переданы разведывательным и политическим органам Красной армии, 358 чел. – переведены в партизанские школы.²

Как и представители других национальностей, немцы-антифашисты выражали желание с оружием в руках бороться против фашизма. Так, в лагере № 75 группа немцев (43 чел.) направила на имя И.В. Сталина обращение следующего содержания: «Чувство невероятного стыда испытываем мы при мысли, что Красная армия своей кровью завоевывает победу и для немецкого народа, тогда как мы, военнопленные антифашисты, в силу своего положения вынуждены беззаботно жить в лагере, пользуясь полной безопасностью. Поляки и чехи уже получили возможность плечом к плечу с Красной армией вооруженно бороться за освобождение своих народов. Разрешите же и нам взять на себя инициативу по организации из числа военнопленных антифашистского корпуса».³ Всего от немцев было получено 920 коллективных и индивидуальных заявлений с ходатайствами о создании воинской части для вооруженной борьбы против фашизма, которые подписали 3505 чел.⁴ Тем не менее, советское правительство, сформировав чешские, польские, румынские и французские части, на создание вооруженных формирований из числа немцев так и не решилось. Это объяснялось как политическими соображениями, так и сомнениями в их боеспособности. Донесения лагерных осведомителей подтверждали опасения, что многие немцы высказывают желание воевать с Гитлером лишь затем, чтобы при первой возможности перебежать на сторону вермахта.⁵

К концу 1943 года количество активистов в лагерях достигло 6 593 чел., среди которых были 2 461 немец, 3 362 румына, 291 итальянец, 175 венгров, 26 поляков, 278 представителей других национальностей.⁶ Рост политической активности пленных позволил расширить мероприятия по подготовке антифашистов. В Южном лагере № 165 организуются политические курсы, в Красногорском лагере № 27 – Центральная антифашистская школа (ЦАШ).⁷ По данным УПВИ, в 1944 г. в ЦАШ и на курсах были подготовлены 3 554 антифашиста, из которых 2 656 чел. направили в лагерь для проведения работы среди военнопленных, 215 чел. – командированы для выполнения специальных заданий, 200 чел. – переданы органам ГлавПУ РККА. Кроме того, в лагерях были подготовлены 57 124 активиста, которые вели агитационную работу и оказывали помощь командованию в укреплении дисциплины и в проведении различных мероприятий среди пленных.

Освобождение территории СССР от оккупантов и открытие второго фронта в

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 59–60, 77, 660.

² Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. – М., 2000. С. 217.

³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 661.

⁴ Там же.

⁵ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 187.

⁶ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 61, 685.

⁷ Там же. С. 685.

Европе в 1944 году привели к росту числа сторонников антифашистского движения (таблица 1).

Таблица 1.
Рост числа антифашистов в Череповецком лагере № 158 в 1944 г.¹

Национальность	январь 1944 г.	% к списочному составу	октябрь 1944 г.	% к списочному составу
Немцы	1191	84 %	2053	97 %
Австрийцы	73	84 %	281	99 %
Испанцы	17	7 %	180	90 %
Финны	261	43 %	425	97 %

Из таблицы видно, что абсолютное большинство военнопленных в конце 1944 года под влиянием обстановки на советско-германском фронте и политической конъюнктуры переходят на антифашистские позиции.

Массовое вступление в ряды антифашистов, однако, не означало перестройки мировоззрения и перемены идеологических убеждений. Многие становились антифашистами под влиянием конформистского стремления присоединиться к большинству, избежать неприятностей и улучшить свое материальное положение. По мнению немецких историков К.-Х. Фризера и А. Леманна, убежденные антифашисты в лагерях составляли лишь 10% от общего числа противников гитлеровского режима.² Засоренность актива карьеристами приводила к отчуждению между ним и основной массой военнопленных. Широкое хождение имела поговорка: «Раньше они были фашистами, теперь стали кашистами». Немцы считали, что если подобные лица придут к власти в послевоенной Германии, то жизнь станет ещё хуже, чем при нацистах.

Первоочередными задачами политработы в 1945 году объявлялись: разъяснение преступного характера войны со стороны Германии и справедливого со стороны СССР, разоблачение нацистской идеологии и пропаганда «ленинско-сталинской политики равноправия рас и наций», разъяснение ответственности за причинённый Советскому Союзу ущерб и пропаганда добросовестного отношения к труду, воспитание демократических убеждений и организация антифашистского движения. На основании распоряжения Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР № 28/п/89 от 23 января 1945 г. руководство антифашистской работой возлагалось на оперативно-чекистские отделения лагерей.³ Это было вызвано необходимостью очищения актива от «балласта» и усиления борьбы с фашистскими элементами. Актив делился на «узкий» и «широкий», при этом в «узкий» зачислялись только «прогрессивные и последовательные» антифашисты, проявлявшие стремление к повышению уровня своего «политического развития». Главным требованием для активистов было следование генеральной линии,

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 49 (далее: РГВА).

² Фризер К.-Х. Национальный комитет «Свободная Германия»: «Война за колючей проволокой» в советских лагерях для военнопленных // Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. – М., 1996. С. 584; Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München, 1986. S. 49.

³ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

определяемой руководством Национального комитета «Свободная Германия».¹

Завершение Великой Отечественной войны непосредственным образом отразилось на деятельности антифашистских организаций в СССР. 13 сентября 1945 года заместитель начальника ГлавПУРа генерал-полковник И.В. Шикин направил замнаркому обороны СССР и члену ГКО Н.А. Булганину предложения о роспуске НКСГ и СНО. В них говорилось: «Установлением оккупационного режима союзных держав и созданием блока антифашистских демократических партий внутривнутриполитическая обстановка в Германии коренным образом изменилась. В этих условиях продолжение деятельности НКСГ представляется нецелесообразным». Далее предлагалось распустить Национальный комитет и примыкающий к нему Союз немецких офицеров, а также прекратить издание газеты «Свободная Германия».²

Решение о роспуске НКСГ и СНО было представлено как личная инициатива руководства данных организаций. 2 ноября 1945 г. состоялось заключительное пленарное заседание, на котором выступили президент НКСГ Э. Вайнерт и президент СНО В. фон Зайдлиц. В своем докладе Э. Вайнерт заявил: «Национальный комитет представлял собой огромную силу, на которую многие возлагали большие надежды ... Если бы не была создана такая организация, как Национальный комитет, то навряд ли Советскому Союзу удалось бы так организовать работу среди военнопленных, как это сделал Национальный комитет».³ Члены НКСГ и СНО остались в СССР на положении военнопленных, а некоторые из них в дальнейшем даже подверглись судебному преследованию. После роспуска антифашистских организаций проведение политической работы среди пленных было возложено на ГУПВИ.

В августе 1945 года, выполняя союзнический долг, Советский Союз начал военные действия против Японии. В результате наступления советских войск Квантунская армия была разгромлена и капитулировала, а сотни тысяч её солдат и офицеров сложили оружие и превратились в военнопленных. Формы политической работы с японцами были традиционными: политинформации по материалам советской периодической печати, лекции и доклады, собрания и митинги. Перечисленные мероприятия проводились инструкторами через переводчиков или под их наблюдением пленными, владевшими русским языком.⁴

Осенью 1945 году в лагеря прибывают последние транспорты из Германии. Это были в основном капитулянты, всецело находившиеся под влиянием пережитого ими за последние месяцы войны: полного краха гитлеровского режима, исчезновения прежних понятий и представлений, разочарования в надеждах, растерянности перед лицом будущего. Многолетняя геббельсовская пропаганда об ужасах русского плена оставила отпечаток на психологии этих людей. С большим недоверием они относились к беседам на политические темы, усматривая во всем тайные намерения лагерных властей.

Бывшим солдатам и офицерам вермахта прочитали цикл лекций, освещавших массовые злодеяния гитлеровцев над советским мирным населением. Большинст-

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 323–324, 347.

² Там же. С. 336–337.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 338.

⁴ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 691–692, 834.

во военнопленных заявляли, что впервые слышат о гигантских масштабах преступлений против мира и человечности и нацистских планах уничтожения «неполноценных» рас. Лишь немногие признавались в своем участии в карательных акциях и прочих военных преступлениях. По мнению политработников, «большая часть военнопленных не хотела раскрывать этих страшных тайн, ибо слишком многие немцы были замешаны в этих чёрных делах».¹ Под влиянием материалов о злодеяниях нацистов военнопленные начинают активнее участвовать в разоблачении военных преступников. Так, в лагере № 158 от пленных поступило 1119 заявлений с указанием фамилий и имён конкретных участников зверств на советской территории.² В период Нюрнбергского процесса пленные немцы из упомянутого лагеря обратились к своим соотечественникам с воззванием, опубликованным на страницах газеты «Нахрихтен», с призывом разоблачать «фашистских злодеев». Это воззвание сыграло роль катализатора для проведения мероприятий по выявлению лиц, виновных в преступлениях в период войны и оккупации. До этого среди пленных преобладала тенденция скрывать факты, которые «бросали пятно на честь германского мундира».³

Как и в лагерях ГУЛАГа, основной упор в политической работе делался на развешивание трудового соревнования и повышение производительности труда. Большинство собраний так и или иначе касались вопросов производства и трудовой дисциплины. В первом квартале 1947 года в трудовом соревновании участвовали 22 673 бригады с 560 900 пленными, из которых перевыполняли производственные нормы 10 583 (223 684 чел. или 40 %), выполняли нормы – 10 375 (223 481 чел. или 40%), не выполняли нормы – 1715 (113 735 чел. или 20%).⁴ Таким образом, 80% участников трудовых эстафет выполняли и перевыполняли производственные задания. В 1946 году в лагерях провели 4 924 собрания, 985 митингов, 13 952 лекции и доклада, 51 626 групповых чтоток газет, 37 997 бесед, 14 338 политинформаций. Для пленных было издано 3 767 500 экз. газет: на немецком языке – 51 номер с общим тиражом 2 926 300 экз.; на венгерском языке – 52 номера с тиражом 530 400 экз.; на румынском языке – 52 номера с тиражом 222 600 экз.; для австрийцев – 21 номер с тиражом 88 200 экз. Кроме того, были подготовлены 14 170 стенных газет.

Значительно повысилась политическая активность военнопленных, а также выросла численность антифашистов, которых на 1 января 1947 года, по неполным данным, насчитывалось 92 771 чел., из них антифашистский актив составлял 25 670 чел. Антифашистскую школу и курсы в 1946 году закончили 1 234 чел., в том числе 908 немцев, 222 австрийца, 52 венгра, 52 румына. Из них были направлены на родину 935 чел., в том числе в Германию – 594 чел., Австрию – 169 чел.⁵

Руководство ГУПВИ докладывало министру внутренних дел С.Н. Круглову о том, что большинство военнопленных «правильно понимают происходящие политические события и дают им правильную оценку», а также «все больше освобождаются из-под влияния фашистской идеологии, убеждаются в правильности внешней

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 62.

² Там же. Д. 26. Л. 49.

³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 730.

⁴ Там же. С. 837.

⁵ Там же. С. 88.

политики СССР, в превосходстве Советского государства и его общественного строя над капиталистическими государствами и капиталистическим строем».¹

На отношении пленных к политработе по-прежнему оказывали влияние их первоначальные идеологические взгляды, сквозь призму которых они воспринимали окружающую действительность. Некоторые офицеры демонстративно отказались снять со своих кителей нацистские ордена и медали. Так, немец Мюллер-Мернах, мотивируя своё поведение, заявил: «Я был нацистом, есть нацист и буду нацистом».² После того, как у него силой изъяли нацистские награды, он изготовил деревянный крест и носил его на кителе. Лагерное начальство резко реагировало на подобное поведение своих подопечных. «Среди военнопленных есть ещё некоторые лица, которые не избавились от националистического утара, – говорилось в одном из приказов начальника Грязовецкого лагеря № 150. – Это шкурники, эгоисты, нажившие чины, звания и ордена на кровопролитиях германского народа, проявившие себя изуверами, вешателями и просто бандитами у себя на родине».³ Лица, отличенные в проведении профашистской работы, направлялись в штрафные бригады или предавались суду военного трибунала.

В конце 1946 года политическая работа передается в ведение областных политотделов лагерей военнопленных, сформированных при территориальных МВД-УМВД и подчинявшихся политотделу ГУПВИ.⁴ Важнейшими задачами политработы объявлялись: преодоление влияния «фашистских и реакционных элементов» и обеспечение роста сторонников демократических преобразований в своих странах и укрепления их дружественного отношения к СССР. На конференциях сотрудников политотделов, прошедших в различных регионах СССР, было решено при- дать политработе «наступательный характер».

На основании директивы ГУПВИ от 28 февраля 1947 г. в лагерях была проведена чистка актива: лиц, не пользовавшихся доверием и авторитетом, вычеркнули из списков. В результате из 50 тыс. активистов 14 тыс., т.е. 28% лишились членства в «антифа».⁵ Отныне в актив зачислялись только те пленные, которые проводили политзанятия, являлись бригадирами или командно-хозяйственными функционерами, принимали участие в организации трудового соревнования. Зачисление производилось после утверждения соответствующей кандидатуры заместителем начальника лагеря по политчасти. По неполным данным, на 1 мая 1947 года в лагерях ГУПВИ имелось 177 646 антифашистов, из которых 110 292 чел. (62,1%) происходили из среды рабочих, 39 626 – крестьян (22,3%), 27 728 – служащих и интеллигенции (15,6%). Численность актива составляла 31 136 чел., из которых относились к рабочим – 15 538 чел. (49,9%), крестьянам – 4 874 чел. (15,7%), служащим и интеллигенции – 9 678 чел. (31,1%).⁶ Таким образом, основная масса антифашистов и активистов рекрутировалась из пролетарских слоев.

Подготовка кадров для работы за рубежом осуществлялась на базе спецобъек-

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 831.

² Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 131.

³ Там же. Д. 13. Л. 88–88 об.

⁴ Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 496. Л. 168–169 об.

⁵ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 865.

⁶ Там же. С. 837.

тов № 42 – Центральной антифашистской школе (ЦАШ) в г. Красногорске (Московская обл.) и № 41 – антифашистской школе при Южском лагере № 165 (пос. Талицы, Ивановская область). Учебная программа включала следующие предметы: «Диалектический и исторический материализм», «Основы политэкономии», «Краткий курс истории СССР», «Советское строительство», «Краткий курс истории своей родины», «Важнейшие вопросы текущих событий», «Политическая карта мира».¹ Лекции читали бывшие деятели Коминтерна: В. Пик, В. Ульбрихт, М. Торез, П. Тольятти, М. Ракоши, О. Куусинен, известные советские учёные – Н.А. Семашко, П.К. Анохин, И.А. Каиров, Е.Н. Медынский, А.Е. Гуральский, работники Советской военной администрации в Германии, Главного политического управления Вооружённых Сил СССР.

Для подготовки лагерного актива при 32 политотделах были созданы трёхмесячные антифашистские курсы, которые в 1947 году окончили 3 300 чел. Программа курсов включала в себя четыре раздела: 1) Советский Союз – страна социализма; 2) Борьба за демократическую и миролюбивую Германию; 3) Вопросы международной политики; 4) Вопросы практической антифашистской работы в лагере.² Курсы предоставляли возможность углубить теоретические знания и изучить методику преподавания в политкружках. Пленные, окончившие областные курсы, стали ядром лагерного актива. Рядовые антифашисты проходили обучение в лагерных политкружках. В 1947 года действовали 6100 политкружков, в которых обучались 213 тыс. чел. Руководителями политкружков являлись активисты, окончившие центральные и областные антифашистские курсы. В рамках кружковых занятий пленные осваивали программу «политического минимума» в объёме 60 часов, в которую входили вопросы международного положения, внешней и внутренней политики СССР, экономических и политических изменений, которые произошли в их странах, а также задачи после возвращения на родину.³

Отличительной чертой политработы с военнопленными в послевоенные годы стала её дифференциация в зависимости от профессионально-возрастного состава контингента. В лагерях появляются профессиональные кружки, которые объединяли рабочих, врачей, педагогов, юристов. Больше внимания начинает уделяться работе с молодежью, которая составляла до 40% контингента.⁴ Акцент на политработе с пленными молодых возрастов определялся тремя факторами. Во-первых, именно молодежи политработники отводили роль будущих «строителей коммунизма» в своих странах. Во-вторых, данная группа подвергалась влиянию лагерного подполья. В-третьих, молодежь являлась наиболее ценным трудовым ресурсом, от работы которого во многом зависело выполнение производственных планов лагерей. В 1947 году в лагерях действовали 670 молодежных кружков с 27 373 участниками.⁵ Активизация работы среди молодых военнопленных выразилась в подготовке для них учебного курса, включавшего такие темы, как «Молодежь мира в борьбе за мир», «О международном движении демократической молодежи», «Молодежь и трудовое

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 342.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 101; Д. 28. Л. 42.

³ Военнопленные в СССР... С. 318.

⁴ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 836.

⁵ Там же. С. 866.

соревнование». В ряде лагерей было начато издание специальных газет для пленных молодых возрастов.

Антифашистская работа приобщала бывших неприятельских солдат к политической жизни своих стран. В качестве примера можно привести обсуждение проекта конституции Германской Демократической Республики, разработанного Социалистической единой партией Германии под руководством О. Гротевоя, на которую пленные немцы откликнулись массой резолюций, предложений и дополнений.¹ Во время обсуждения проблемы послевоенного устройства Германии на сессиях Совета министров иностранных дел (СМИД)² в Москве (март-апрель 1947 г.) и в Лондоне (ноябрь-декабрь 1947 г.) пленные с подачи антифашистского актива выступили с поддержкой проекта советской делегации по созданию единой демократической Германии.³ С началом «холодной войны» политическая работа направляется на разоблачение политики англо-американского блока. Пленным внушалось, что «американские империалисты» возрождают фашистские войска в Германии и готовятся развязать новую мировую войну ради «бредового плана мирового господства». Фактически США объявлялись преемником гитлеровской Германии. Отработанный за годы войны образ врага снова был запущен в оборот.

В 1947 году складывается окончательная структура лагерного политаппарата. Руководство политработой осуществляли заместитель начальника управления лагеря по политической части и начальник отделения по антифашистской работе. Непосредственно проводил политработу руководитель антифашистского актива, которому подчинялись три функционера: заместитель руководителя актива по работе среди молодежи, инструктор политкружков и организатор культурно-массовой работы. Функционеры имели право на бесконвойное хождение, питались по повышенной норме и получали месячное содержание в размере 100 руб.⁴ К концу 1947 года в лагерях на штатной основе работали 4 860 функционеров.⁵

Сложность политработы с военнопленными в 1947 году заключалась в ухудшении их физического состояния из-за снижения норм питания. Отправка на родину больных и нетрудоспособных отрицательно сказалась на моральном настрое лагерного контингента, в том числе антифашистского актива. Появилась тенденция к умышленному ухудшению своего здоровья, вплоть до открытого членовредительства. Политаппарат и лагерный актив развернули разъяснительную работу, проводили публичные осуждения симулянтов и членовредителей.

Трудности жизни в СССР объяснялись послевоенной разрухой. Немец Г. Брюк говорил по этому поводу: «После такой войны, да при неурожае весь советский народ терпит временные лишения. Почему же для нас, военнопленных, советское правительство должно делать какое-то исключение. Мы также не можем обижаться на русских, что нас так долго держат в плену. Очевидно, отдельные из нас уже

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 719, 835.

² Совет министров иностранных дел был учрежден по решению Потсдамской конференции (1945 г.); состоял из министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая и имел своей целью «необходимую подготовительную работу по мирному урегулированию» в послевоенной Европе.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 115–116.

⁴ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 103. Л. 17, 66.

⁵ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 865.

забыли, какой ущерб нанесла наша армия России. Разве русский народ в этом виноват? Долг каждого честного немца больше и лучше работать и помочь русскому народу быстрее залечить раны, в нанесении которых мы виноваты».¹ Конец 1947 года, ознаменованный денежной реформой и отменой карточной системы в Советском Союзе, поднял настроение военнопленным. Наступал 1948 год, который, согласно заявлениям руководства СССР, должен был стать временем завершения репатриации. Питание пленных улучшилось за счет собственного заработка. Авторитет СССР, сумевшего быстро справиться с послевоенной разрухой, существенно вырос в их глазах. Количество зафиксированных в лагерях нарушений режима (профашистская агитация, самоубийства, членовредительство, саботаж) в 1947 году сократилось с 2 472 до 551, т.е. в 4,5 раза.²

В январе 1948 года во всех лагерных отделениях тайным голосованием были избраны 684 антифашистских комитета. В состав последних вошли 4 440 активистов, пользовавшихся авторитетом среди военнопленных. На антифашистские комитеты возлагались: руководство работой функционеров и антифашистского актива, организация политической и культурно-массовой работы, мобилизация военнопленных на добросовестное отношение к труду и организация трудового соревнования, осуществление контроля за работой пищеблока и других хозяйственных участков, оказание помощи лагерной администрации в поддержании дисциплины и порядка, а также физического состояния военнопленных. Каждый из членов комитета курировал отдельный участок работы (политический, культурно-массовый, производственный, хозяйственный и т.д.).³

Создание антифашистских комитетов привело к интенсификации политической работы с военнопленными. Так, в третьем квартале 1948 г. по сравнению с аналогичным периодом 1947 года, количество собраний и митингов выросло с 14 642 до 39 290, т.е. в 2,7 раза, лекций и докладов – с 22 274 до 43 625, т.е. в 2 раза, групповых бесед – с 67 863 до 235 035, т.е. в 3,5 раза, политкружков – с 6 103 до 10 229, т.е. в 1,7 раза.⁴ В 1948 году в лагерях продолжалось трудовое соревнование, в котором участвовали 18 988 бригад, что составляло свыше 80% занятых на производстве военнопленных. При этом 17 085 бригад (90%) выполняли и перевыполняли производственные задания. С целью улучшения организации труда было проведено 12 150 производственных конференций и совещаний, в которых участвовали 1 742 674 чел.⁵

Подготовка антифашистского актива осуществлялась в трех центральных школах с шестимесячным сроком обучения, на 43 республиканских и областных курсах с трёхмесячным сроком обучения и на 38 месячных лагерных курсах. Сведения о подготовке антифашистского актива в 1947–1948 гг. обобщены в таблице 2.

---

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 857.

² Там же. С. 867.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 349.

⁴ Рассчитано по данным: Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 868–869.

⁵ Там же. С. 872.

Таблица 2.
Подготовка антифашистского актива в 1947–1948 гг.¹

Учреждения	Всего обучалось, чел.	
	1947 г.	1948 г.
Центральные антифашистские школы	1553	3739
Областные и республиканские трехмесячные антифашистские школы	3300	9678
Месячные лагерные курсы	700	10 740
Итого	5553	24 157

Данные таблицы показывают, что в 1948 году было подготовлено в 4,3 раза больше активистов, чем в 1947 году. Из числа окончивших школы и курсы в 1948 году было отправлено в Германию 8 тыс. чел., в Японию – 6 тыс. чел. Общая численность актива в конце 1948 года составляла 63 тыс. чел.²

С большими сложностями была сопряжена политработа с контингентом, отстраненным от репатриации и сосредоточенным в режимных лагерях. На фоне растущего недовольства раздавались призывы к саботажу и массовым голодовкам. Так, немец И. Бермберг заявил: «Мы приходим к убеждению, что срок нашего освобождения затягивается на неопределенное время. Почему и зачем нас задерживают – для нас не ясно. Сейчас не только я, но и многие другие упали духом... Для нас нужен ответ на вопрос: “Сколько мы здесь будем находиться?”». ³ Для борьбы с «отрицательными» политическими настроениями мобилизуется лагерный актив, а также направляются курсанты антифашистских школ и курсов. Лица, подстрекавшие военнопленных к неповиновению, отказу от работы и приема пищи, а также распространявшие «провокационные измышления», предавались суду военного трибунала.⁴ В феврале 1949 года руководство антифашистского отдела ГУПВИ докладывало: «В настоящее время политико-моральное состояние военнопленных удовлетворительное, попытка реакционных элементов из числа офицерства и др. буржуазных групп использовать незавершение репатриации в своих фашистских целях успеха не имела. Напротив, во многих случаях этот элемент демократически настроенными военнопленными разоблачался и изолировался».⁵

На 1949 год ГУПВИ поставило задачу подготовить 30 тыс. функционеров для использования на работе в Германии. Подготовка осуществлялась дифференцированно по четырём основным профилям: административно-партийный, профсоюзный, сельскохозяйственный, производственный. Во втором и третьем кварталах 1949 года было подготовлено 14 798 функционеров, в том числе на трехмесячных курсах – 4980, на месячных курсах – 9818 (с отрывом от производства – 5080, без отрыва от производства – 4738).⁶ Всего, по данным МВД, антифашистскими школами и курсами за весь период их деятельности было подготовлено 73 756 активистов, в

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 872.

² Там же. С. 869.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 131.

⁴ Военнопленные в СССР... С. 763–764.

⁵ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 877.

⁶ Там же. С. 870, 878–880.

том числе 48 090 немцев, 21 137 японцев и 4529 чел. других национальностей.¹

Перед отправкой на родину в лагерях проводились собрания и митинги с принятием резолюций на имя И.В. Сталина и членов советского правительства. В них пленные выражали благодарность за гуманное отношение и обещали бороться «за мир, демократию и дружбу с Советским Союзом». В 1946–1948 гг. в адрес руководителей советского государства и правительственных инстанций поступило 4769 коллективных резолюций и обращений, подписанных 586 700 военнопленными, а также свыше 100 тыс. индивидуальных отзывов о пребывании СССР. Цель данных материалов, сбор которых осуществлялся по указанию ГУПВИ, заключалась в «опровержении клеветнических и провокационных выступлений за границей против СССР».²

Данные анкетных опросов среди репатриантов разных национальностей в 1948 году свидетельствовали о том, что большинство из них уезжали на родину с дружественными чувствами к Советскому Союзу.³ На вопрос «Как Вы относитесь к Советскому Союзу в результате пребывания в плену?» положительно ответили 95,3% респондентов; 94% положительно оценили условия содержания в лагере и отношение со стороны лагерного персонала; 98% дали высокую оценку политической и культурно-просветительской работе. Не так однозначно выглядели ответы на вопрос «Какой политической партии вы сочувствуете?». Среди немцев ответы распределялись следующим образом: Социалистическая единая партия Германии – 81%, Христианско-демократический союз – 3%, Либерально-демократическая партия – 2%, воздержались – 14%. Из числа японцев 70% отдали свои голоса Коммунистической партии Японии, 13 % – Народно-демократической партии, 10 % – Социал-демократической партии, 4% – Прогрессивной партии, 2% – другим партиям. Что касается венгров, то 95,3% из них поддержали Венгерскую партию трудящихся, 0,3% – Партию мелких сельских хозяйев, 0,2% – Национально-крестьянскую партию, 4,2% – воздержались. Наконец, 93,1% румын высказались за Рабочую партию Румынии, 1,0% – Фронт плугарей, 0,2% – Национально-народную партию, 5,7% – воздержались.⁴

Разумеется, при оценке результатов анкетирования нужно учитывать, что переход на «левые позиции» являлся своеобразной формой выживания в условиях плена, так как выражение нелояльности советским властям влекло за собой ответные репрессивные меры, вплоть до отстранения от репатриации и судебного преследования. Также важно отметить, что иностранцы, покинувшие СССР в 1948–1949 гг., подверглись гораздо более массивной идеологической обработке, чем репатрианты предыдущих лет.

По данным МВД, основная масса военнопленных после возвращения на родину вела себя лояльно по отношению к СССР, а часть из них, особенно представители

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13–1): нормативные документы / Под ред. В.А. Золотарева. – М., 1996. С. 527.

² Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 329.

³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 692–693; РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 121–122.

⁴ Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 926–927.

антифашистского актива, вступали в компартии своих стран¹. К примеру, членами СЕПГ стали 80% выпускников антифашистских школ, многие из которых впоследствии сделали успешную политическую карьеру в Германской Демократической Республике.² Главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии В.И. Чуйков информировал ГУПВИ, что «военнопленные, прибывшие в 1948–1949 гг., в большинстве своем являются больше подготовленными. Их прибытие и их политические настроения создали известный перелом во мнении населения зоны о Советском Союзе вообще и о русском плене в частности».³ Причины более позитивного отношения к СССР среди поздних репатриантов объясняются не только более длительной идеологической обработкой, но и улучшением условий содержания.

Источники и использованная литература:

1. Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 496; Ф. 10. Оп. 1. Д. 3, 13, 27, 37, 103.
2. Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 25–26, 28, 32.
3. *Берников Н.Н.* Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // «За Германию – против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. – М.–Красногорск, 1993. С. 16–26.
4. *Бланк А.С.* Старый и новый фашизм. Политико-социологический очерк. – М.: Политиздат, 1982. – 256 с.
5. Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
6. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР» / Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. Т. 4. – 1111 с.
7. *Ежова Г.В.* Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 1998. – 402 с.
8. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда: Издательство Вологодского института развития образования, 2002. – 232 с.
9. *Крупенников А.А.* Тяжкая ноша плена: статьи 1993–2000. – М.: Рейтар, 2001. – 208 с.
10. Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов государственной безопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Звонница-МГ, 2002. – 480 с.
11. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13–1): нормативные документы / Под ред. В.А. Золотарева. – М.: ТЕРРА, 1996. – 560 с.
12. Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Докумен-

---

¹ Анализ писем репатриантов из числа антифашистов также показывает, что они являлись активными агитаторами за советско-германскую дружбу, несмотря на сильные антисоветские настроения в послевоенной Германии. См.: Русский архив. Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 237–271.

² Главное управление по делам военнопленных и интернированных... С. 781.

³ Там же. С. 696.

- ты и материалы. 1941–1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарева. – М.: ТЕРРА, 2002. Т. 24. (13–3). Кн. 2. – 512 с.
13. *Фризер К.-Х.* Национальный комитет «Свободная Германия»: «Война за колючей проволокой» в советских лагерях для военнопленных // Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Под ред. В. Михалки. – М., 1996. С. 576–587.
  14. *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München: Beck, 1986. 201 s.

Kuzminyh A.L.

Anti-fascist work with prisoners of war of the German army and its allies in the USSR

The article examines the organization of anti-fascist work with prisoners of war of the German army and its allies in the USSR, its forms, methods and results are studied. The author comes to the conclusion, that the main purpose of political work was in the ideological re-education of prisoners of war and turning them into conscious and convinced supporters of Soviet power, in the training of personnel for the reconstruction of foreign countries by the Soviet model.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet Union, German prisoners of war, anti-fascist work.

ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ¹

В статье рассматривается история военного плена испанских солдат, воевавших во время Великой Отечественной войны на стороне нацистской Германии. На основе анализа малоисследованных архивных источников и российской историографии рассмотрено правовое положение военнопленных из страны, которая официально в состоянии войны с Советским Союзом не находилась. Дается характеристика лагерям, где содержались пленные испанцы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Испания, Голубая дивизия, военнопленные, интернированные.

Испанцы находились в советских лагерях военнопленных больше, чем все остальные союзники нацистской Германии: тринадцать лет. Их местонахождение в так называемом «Архипелаге ГУВПИ²» продолжалось с 1941 по 1954 гг. За это время они содержались в различных лагерях на Украине (Одесса и Харьков) в Казахстане (Караганда), Сибири, европейской части России (Боровичи, Череповец) и в других местах. Безусловно, основную массу военнопленных, находившихся в СССР после Второй мировой войны, составляли граждане Германии и ее стран сателлитов (Италии, Финляндии, Румынии и др.). Также в составе германской армии находилась и воевала под Новгородом, а затем и под Ленинградом (Красный Бор) испанская Голубая дивизия. В ходе боев на советско-германском фронте часть её солдат попали в плен.

В докладной записке С.М. Круглова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии на 1 апреля 1948 года в составе военнопленных бывшей германской армии, подлежащих дальнейшему содержанию в лагерях, значатся 342 испанца. По справке ГУПВИ от 28 января 1949 г. испанцев всего было пленено 464 человека, из них убыло 160 человек, состояло на учёте на 1 января 1949 года – 304 человека. По справке УПВИ от 30 марта 1952 г. по состоянию на 1 марта 1952 года граждан Испании было: военнопленных – 305, интернированных – 34; итого 339 человек.³

Первые солдаты Голубой дивизии были захвачены в плен еще осенью 1941 года во время боев под Новгородом. Немало испанских военнослужащих оказались пленёнными советскими войсками 10 февраля 1943 г. у Красного Бора (Ленинградская область) во время неудачной попытки советских войск полностью снять блокаду с Ленинграда. Особенно ожесточенные бои велись в этом районе в марте-апреле 1943 года. Среди солдат Голубой дивизии имелись и перебежчики. Так в фондах Центрального архива Министерства обороны России сохранились протоколы опро-

---

Ковалев Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Великий Новгород).

¹ Впервые опубликовано: *Ковалев Б.Н.* Добровольцы на чужой войне. – Великий Новгород, 2014.

² Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

³ Цит. по: *Елпатьевский А.В.* Об испанских военнопленных и интернированных в СССР // Вестник архивиста. – 2006. № 2-3. С. 273-274.

сов военнопленных из 250-й дивизии, которые перешли на сторону Красной Армии добровольно или были захвачены в плен. Зафиксированы показания капрала Франциско Борреро Эскудеро, рядовых Лусило Корреса Рекивитиса, Хуана Наварро, Хосе Фернандеса Арместо, Антонино Альгано Молеры, Аурелио Гомеса Чаморро, Доминго Ромеро Ортиса и др.¹

Таким образом, факты пленения испанских солдат имели место, в основном, на Северо-Западе России: под Новгородом, Ленинградом, Красным Бором, Пушкиным, а также и другими городами, и деревнями Советского союза.

Пленённые испанские добровольцы, пройдя пункты для приёма пленных в Озерках (Ленинградская область), Ленинграде и др., направлялись в лагеря: приёмно-пересыльный лагерь № 157 г. Бокситогорска, № 158 г. Череповца. Попавшие в плен 10 февраля 1943 г. у Колпино Ленинградской области направлялись в лагерь НКВД № 270 (Новгородская область). В разное время испанские военнопленные находились в лагерях: №№ 58 (г. Саранск), 62 (г. Киев), 99, 144 (Ворошиловградская область), 159 (г. Одесса), 182, 437, 476 (Свердловская область).² В лагере № 270 (Новгородская область) на 1 января 1950 года насчитывалось 240 испанских граждан. Кроме того, в лагере находились граждане Испании, интернированные Красной армией уже за пределами границ СССР. И, наконец, там находились убежденные противники генерала Франко – испанские республиканцы. Последние добровольно въехали на территорию СССР во время гражданской войны на территории своей Родины (1936–1939 гг.). По данным советского военного исследователя В.П. Галицкого, после войны в лагерях СССР находилось 452 военнопленных испанцев.³

Специально истории Голубой дивизии посвящена книга ее второго командира, генерала Эмилио Эстебан-Инфантеса. По его словам, 80% испанцев-военнопленных стали таковыми после сражения в Красном Бору и попали в лагеря в Колпино и вблизи Ленинграда. Первым местом их концентрации стал Череповец, откуда они были распределены по разным местам, в том числе в лагерь № 27 в окрестностях Москвы. Группа офицеров и солдат до июля 1946 года находилась в лагере № 6 в Суздале, где произошли первые инциденты из-за отказа испанцев выходить на работы. С конца 1946 г. и весь 1947 г. большинство испанцев находились в районе Горького и в Потье. В 1949 году их значительная часть оказалась в Боровичах.⁴ Кроме бывших солдат Голубой дивизии, генерал Эстебан-Инфантес упоминает о находившихся в заключении моряках, выехавших из Испании в 1937 году, 33 пилотах-республиканцах, которые попали в лагеря за стремление покинуть СССР. Из них, как он утверждает, пятеро были расстреляны в Красноярске, остальные направлены в Боровичи.⁵ Одним из первых лагерей для испанцев стал Оранский (село Оран-

---

¹ Рыбалкин Ю.Е. Испанские военнопленные второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. – Вологда, 1997. Ч. 2. С. 249.

² Там же.

³ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.). // Военно-исторический журнал. – 1990. № 9. С. 46.

⁴ Цит. по: Елпатьевский А.В. Военнопленные и интернированные испанцы в СССР // Международный исторический журнал. – 2002. № 17 // URL: http://history.machaon.ru/all/number_17/analiti4/elpatievsky_print/index.html#1 (дата обращения: 14.02.2009).

⁵ Там же.

ки, Богородский район, Горьковская, ныне Нижегородская область). Этот лагерь военнопленных располагался на территории бывшего Оранского Богородицкого монастыря.

Сразу же после того, как там появились испанские солдаты, на них было обращено внимание со стороны Коминтерна. Так 24 февраля 1942 года полковой комиссар М. Бурцев предложил секретарю ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического интернационала) Д.З. Мануильскому следующее: «Представляю различные материалы, характеризующие состав и состояние испанской «Голубой дивизии» (обзор, протоколы опроса военнопленных, переводы писем и дневников). Было бы желательно, чтобы по примеру немецкой, румынской и т.п. деклараций был бы выработан аналогичный документ, обращённый к солдатам Голубой дивизии и испанскому народу, и чтобы в Оранский лагерь, где находятся военнопленные испанские солдаты, был командирован товарищ для сбора подписей под этим обращением».¹

Первые военнопленные появились в Череповце в июне 1942 года. Всего за период существования 158-го лагеря через его бараки прошли 43 636 военнопленных, в том числе, 266 испанцев.² В марте 1943 года на основании приказа НКВД № 00933 под Грязовцем, недалеко от Вологды, был создан лагерь для содержания офицеров противника. 15 мая сюда из Череповца прибыла первая партия пленных в количестве 100 человек. Среди них было 39 испанцев. Им предстояло подготовить жилой фонд лагеря для содержания 4 тыс. военнопленных. В декабре 1943 года в этом лагере уже содержалось 425 военнопленных, в том числе 36 испанцев.³ Так бывший немецкий военнопленный Эльмар Ульрих позднее вспоминал: «Группа испанских военнопленных из «Голубой дивизии» находилась в лагере до марта 1944 года. Затем их отправили в Череповец. Среди них был Эладио, король карманников, который грабил советское государство при любой возможности. Поймать его не удавалось».⁴

Однако далеко не все преступления оказывались нераскрытыми. Так 12 марта 1947 года Военный трибунал войск МВД Вологодской области в открытом судебном заседании в г. Вологде рассмотрел дело по обвинению военнопленного Альвареса Риккардо Хозе, родившегося в 1924 году в дер. Рива де Селья, провинции Астурия, Испания. Суд установил следующее: «Солдат испанской «Голубой дивизии» Альварес Риккардо Хозе 10 февраля 1943 года в районе г. Колпино – Пушкино войсками Красной Армии был взят в плен и содержался в лагере МВД военнопленных № 437 в г. Череповце. Находясь на излечении в спецгоспитале № 3739 и пользуясь отсутствием охраны у раздаточной комнаты, в течение декабря–января 1946–1947 гг. путём применения отмычек совершил 4 кражи продуктов и похитил белого хлеба 17,7 кг, сахарного песка 400 г и масла растительного около 100 г на общую стоимость по рыночным ценам 642 руб. 70 коп. Во время совершения кражи в ночь на

---

¹ Российский государственный архив социальной-политической истории. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 1 (далее: РГАСПИ).

² Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939-1949 гг.). – Вологда, 2009. Т. 1. С. 310.

³ Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. С. 51.

⁴ Там же.

18 января 1947 года был задержан на месте преступления. Виновным себя в хищении продуктов и хлеба не признал».¹ Альварес Риккардо Хозе на основании ст. 162 п. «г» УК РСФСР был приговорён к лишению свободы сроком на два года с отбыванием в общих местах заключения.²

В первое время труд военнопленных использовался только внутри лагерей. Они обустроивали бараки, устанавливали и ремонтировали лагерные заграждения, использовались на других подсобных работах. В апреле 1943 года в Москве было принято решение об использовании труда военнопленных на стройках НКВД и других наркоматов. Согласно «Положению о военнопленных» на работах могли использоваться военнопленные рядового и унтер-офицерского состава. Контроль за трудовым использованием возлагался на медицинские службы лагерей. Каждый лагерь имел несколько производственных и строительных объектов, куда выводились военнопленные. Военнопленные были разбиты на бригады численностью от 15 до 35 человек. Руководители производственных бригад назначались из числа военнопленных. Часть контингента использовалась на лесозаготовках. Помимо внешних работ пленные трудились в лагерных мастерских по изготовлению предметов ширпотреба. Пленные выводились на эти работы ежедневно, кроме воскресений.³

Нелегко было вчерашним солдатам неприятельских армий привыкнуть к морозной русской зиме. Особенно «теплолюбивым» иберийцам. Только через лагерь № 158 за 1942–1948 гг. прошли 265 испанских солдат и офицеров Голубой дивизии. Несмотря на все имеющиеся проблемы и сложности, военнопленные активно использовались для восстановления разрушенного войной хозяйства и в целях дальнейшего развития советской экономики. Со стороны руководства лагерей к ним применялась политика «кнута и пряника». Те, кто хорошо работал или зарекомендовал себя «активным антифашистом», могли рассчитывать на различные льготы. Те же военнопленные, которые работали недостаточно хорошо или выражали своё несогласие с политикой Советского государства – наказывались. Поэтому особое внимание сотрудники лагерей обращали на выявление военнопленных, симулирующих болезни с целью уклонения от работы. Так в 1947 году в 158-м лагере (Вологда) было выявлено и осуждено 8 саботажников и членовредителей, среди которых был и испанец Х. Фернандес.⁴

Особое место в лагерях военнопленных занимала политическая работа. Она являлась одним из важнейших показателей деятельности администрации. В марте 1944 года с прибытием переводчика с испанского языка удалось организовать работу среди пленных испанцев, число которых в 158-м лагере достигло 250 человек. Только с ними было проведено за этот год: собрания и митинги – 68; доклады и лекции – 109; конференции – 34; политбеседы – 857; занятия в политкружках – 73.⁵ Но одной антифашистской работы было мало. О любых проявлениях недовольства, готовящихся побегах, антисоветских высказываниях должна была доносить внутрилагерная агентура. Благодаря своему языку испанцы, до какой-то степени, находились в

---

¹ Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. С. 222.

² Там же.

³ Там же. С. 313.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Там же. С. 347.

привилегированном положении. Их языка (в отличие, например, от немецкого) никто из администрации практически не знал. На 1 октября 1945 года по национальному признаку агентура распределилась следующим образом: испанцев – 13 человек.¹ Один из испанских военнопленных рассматривался в качестве послевоенной агентуры – т.е. его готовили к отправке в Испанию как советского разведчика.² Агентура позволила взять на особый контроль всех неблагонадежных. Среди испанцев (на конец 1945 года – *Б.К.*) было выявлено: участников зверств – 3 человека; лица, проявляющие побеговые настроения – 2 человека; фалангистов – 42. Всего – 47 человек.³ Важным направлением оперативной работы были мероприятия по предупреждению и ликвидации побегов военнопленных. Так 2 сентября 1945 года с объекта работ на Череповецкой ГЭС бежал военнопленный испанец Ромидас, которого в этот же день задержал вахтёр Чураков на железнодорожной станции Череповца.⁴

Но агентура доносила не только о «плохих», но и о «хороших» военнопленных. Наиболее частыми, да и, наверное, вполне искренними, антифашистские высказывания пошли к концу войны. Из отчётного доклада оперативного отделения лагеря НКВД № 158 за июль 1944 года следует: «...За последнее время в связи с большими успехами Красной Армии среди военнопленных испанцев наблюдаются оживлённые беседы на темы о судьбе Германии и германского народа в послевоенное время. Некоторая часть военнопленных испанцев, чувствуя свою вину за действия во время войны, интересуется своей судьбой. ...14 июля сего года в группе военнопленных проходил разговор о положении на фронтах. В эту беседу вмешался фалангист Хиль Альпанес, в прошлом – областной руководитель фаланги: “Я – сын войны... Чем раньше кончится война, тем для нас лучше. Я хочу скорее возвратиться в Испанию. Я живу в фашистском бараке, но я ненавижу тех людей, которые со мной живут. Эти люди до фанатизма убеждены в фашизме и дальше фашизма ничего не видят. Разве теперь нельзя понять, что Испания превратилась в мелкого торговца людьми?”. Военнопленный Морено Анкель очень интересуется последними событиями. Как только приходит с работы, так сразу идёт к доске последних событий и долго читает. Он заявил: “Я бы сейчас пошёл с оружием в руках драться против фашизма. Но нам русские не доверяют оружия, так как вступлением в “Голубую дивизию” мы себя опозорили на весь мир”...».⁵

С бывшими солдатами Голубой дивизии активно работали испанские коммунисты. Причём, они могли выступать в «трёх лицах»: как переводчики, сотрудники лагерной администрации и представители спецслужб. Одним из них был старший лейтенант Красной армии Хозе Севиль – инструктор по антифашистской работе 1-го лаготделения лагеря НКВД № 158. В его служебной характеристике 1946 года говорилось следующее: «Севиль Х.С., 1911 г. р., уроженец Испании, города Авиего, провинции Уэска, по национальности испанец, по происхождению из крестьян, образование среднее, член коммунистической партии Испании с 1931 года. В лагере

---

¹ Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. С. 360.

² Там же.

³ Там же. С. 363.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Там же. С. 389-390.

НКВД № 158 работает в должности инструктора антифашистской работы с марта 1944 года. Товарищ Севиль антифашистскую работу проводит в основном среди военнопленных испанцев. Также он одновременно оперотделом лагеря допущен и используется как переводчик для оперативных целей. За период своей работы показал себя с положительной стороны, дисциплинирован и исполнительен. Антифашистскую работу знает хорошо, проводит её умело и старается работать над повышением своего политического и общекультурного уровня, хотя это ему удаётся с трудом, так как слабо владеет русским языком. Занимаемой должности вполне соответствует».¹

Но специалистов с испанским языком катастрофически не хватало. В апреле 1947 года начальник Управления лагеря № 437 (Череповец) майор Н.Н. Попов направил ходатайство на имя заместителя начальника УМВД Вологодской области подполковника М.И. Бузланова о направлении в лагерь переводчика с испанского языка: «В связи с тем, что в лагерь № 437 для дальнейшего содержания прибыли в значительном количестве военнопленные испанской национальности, для работы с ними требуется работник, знающий испанский язык. ... Прошу перевести на должность переводчика для работы с военнопленными испанцами вахтёра спецгоспиталя № 3739 старшего сержанта тов. Пульгара Филиппа Пруценсио, который сам, будучи по национальности испанец, владеет этим языком. Кроме этого, тов. Пульгар уже имеет опыт в работе с военнопленными испанцами, работая продолжительное время в должности переводчика в бывшем лагере № 158 МВД».² Это имя стало для испанских военнопленных нарицательным. Уже после освобождения из плена, оказавшись на родине, в своих воспоминаниях они оставили немало негативных оценок сержанту Пульгару.

В вологодских лагерях содержались не только бывшие солдаты Голубой дивизии, но и бывшие испанские республиканцы, интернированные летом 1941 года. Они вызывали у лагерного руководства, пожалуй, ещё более негативные чувства, чем фалангисты. Так в распоряжении начальника ОПВИ (Отдел по делам о военнопленных и интернированных) УМВД Вологодской области майора А.Н. Бронникова «О привлечении интернированных испанцев к уголовной ответственности за саботаж от 16 апреля 1949 года» говорилось следующее: «По сообщению подполковника тов. Бекешкина от 13 апреля 1949 года за № 1/103с содержащиеся в лагере МВД № 437 интернированные Гарсия Г.Х., Ромеро К.Х., Вильянуэво Ф.Х., Гарсия С.Х., Пастор Х.П. категорически отказались от выхода на работу, а будучи арестованными в дисциплинарном порядке, объявили голодовку.

Предлагаю:

Интернированных Гарсия, Ромеро, Вильяндуса, Гарсия и Пастора взять в активную разработку, установить организатора этого саботажа, тщательно задокументировать их отказ от выхода на работы, их поведение в лагере и высказывания, направленные на дезорганизацию лагерного порядка. Потребовать рапорта поэтому же вопросу от начальника антифашистского отделения Шумахера и инструктора Пульгара как свидетелей по данному делу. При повторном отказе со стороны ис-

---

¹ Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. С. 407.

² Там же. С. 447.

панца Гарсия и других выйти на работу составить акты за подписью дежурного офицера, представителей ОВС, ПФС и САНО и двух-трёх человек военнопленных, тщательно допросить свидетелей и фигурантов по каждому факту высказывания и отказа от выхода на работу и следственные материалы выслать в ОПВИ УМВД ВО для получения санкции на арест и привлечение Гарсия и других к уголовной ответственности».¹ Эти интернированные вскоре окажутся рядом со своими бывшими противниками по гражданской войне, где в акциях протеста с требованием отпустить их на родину будут принимать участие все.

Если проследить всю судьбу испанских военнопленных, то можно увидеть, что, в конце концов, они оказались там, где когда-то начинали воевать: то есть на Северо-западе России. Это были лагеря военнопленных на Вологодчине и Новгородчине. Боровичский лагерь военнопленных № 270 был образован на основании приказа НКВД СССР 28 июля 1944 года. В этот день фронтовой приёмно-пересылочный лагерь № 270, созданный 14 июля 1942 г., был преобразован в стационарный лагерь. 30 декабря 1944 года управление лагеря передислоцируется из деревни Егла в город Боровичи. В июне 1949 года на основании приказа МВД СССР № 00604 лагерь был реорганизован в режимный с лимитной численностью в 3100 человек военнопленных.² В лагере находились лица различных национальностей. Среди них были немцы, австрийцы, венгры, румыны, поляки и даже американцы.³ К моменту реорганизации лагеря в режимный, к июню 1949 года, в его составе находилось три лагерных отделения: № 1 – в поселке Устье, № 3 – в городе Боровичи и № 16 – в Опочно.⁴

Лагерное отделение № 1 дислоцировалось в поселке Устье, около города Боровичи. Жилищный фонд состоял из деревянных бараков каркасно-засыпного типа, стены были оштукатурены с двух сторон известково-глиняным раствором. В бараках стояли сплошные двухъярусные нары. Водоснабжение осуществлялось через местный водопровод из реки Крупа, электрическое освещение от дизельной станции шахтоуправления треста «Новгородуголь». Лагерное отделение № 3 дислоцировалось в 1 км от Боровичей. Жилищный фонд состоял из бараков полужемляного типа и наземных деревянных бараков каркасно-засыпного типа. Водоснабжение шло через городской водопровод, электричество – от комбината Красный Керамик. Лагерное отделение № 16 располагалось в 3 км от деревни Опочно. Его жилой фонд состоял из бараков полужемляного типа, оборудованных сплошными двухъярусными нарами. Водоснабжение осуществлялось через колодцы, освещение – керосиновыми лампами. С 1946 года подводится электрическое освещение от установленного локомотива.⁵

В 1947 году сплошные 2-х ярусные нары во всех лаготделениях были переоборудованы на нары вагонного типа. Отопление бараков было печное. Топливом лагерные отделения обеспечивались хозорганами за плату, а также за счёт самозаготовок. Эти данные, представленные в отчете о работе лагеря в 1950 году, показывают, что советский лагерь для военнопленных санаторием, конечно, не был. Но при

¹ Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б. Теперь я прибыл на край света. С. 447-448.

² Архив УВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 4 (далее: АУВД по НО).

³ Там же. Д. 236. Л. 144.

⁴ АУВД по НО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 236. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6-7.

этом нужно учитывать условия проживания в первые послевоенные годы абсолютного большинства советских граждан.

Если в 1945 году смертность среди военнопленных составляла 11,5%, то к 1948 году её удалось снизить до 0,23%.¹ Все заключенные в лагере обеспечивались продовольствием. Нельзя сказать, что его количество и качество полностью спасали от голода. Но иногда военнопленные питались даже лучше, чем местное население. По воспоминаниям многих бывших заключенных Боровического лагеря, жили они в советском плену впроголодь. Однако при этом им часто завидовали простые советские люди – многие после войны не имели и той малости, которую получали военнопленные. За хорошую работу испанцы могли получать талоны, которые давали им право приобретения водки или табачных изделий.

Специфика Испании как государства официально не воевавшего с Советским союзом, но, безусловно, враждебно к нему относящегося, негативно отразилась на судьбе её граждан. После завершения репатриации в СССР остались не только осужденные военнопленные и интернированные. По данным МВД СССР, по состоянию на 1 марта 1952 года из общего числа 18 703 военнопленных и 2 237 интернированных, содержащихся в лагерях МВД, 1 236 военнопленных и 636 интернированных не были осуждены. В их число входили 684 человека, работавших ранее на секретных объектах; 445 граждан Югославии, Испании, Финляндии и Норвегии, вопрос о репатриации которых не был решён.² Эстебан-Инфантес упоминает в своей книге митинги протеста, голодовки и отказы от работы со стороны военнопленных испанцев 5 апреля 1951 года с требованиями улучшить их положение.

На январь 1950 года в Боровическом лагере находилось 239 испанцев. 34 из них являлись интернированными.³ Лагерная администрация таким образом характеризовала их на тот момент: «Испанцы разделяются на следующие группы:

1) Группа, примерно, 70 человек, которые в период войны добровольно перешли на сторону советских войск. Как ранее, так и сейчас они изъявляют желание остаться жить и работать в Советском Союзе, имеют дружественные отношения к советскому народу и его правительству. Они ненавидят режим Франко и не желают ехать в Испанию, пока там существует фашизм.

2) Группа примерно 20 человек, также бывшие перебежчики, но они симулянты, боятся физического труда, в Испании являлись мелкими буржуа. Эта группа не проводит антисоветской линии, но и не поддерживает Франко. В Советском союзе оставаться не желают, хотят ехать во Францию, Америку и т.д.

3) Группа примерно около 35 человек. Военнопленные, которые пошли на службу к Франко по причине тяжелых материальных условий. Они ранее были настроены в фашистском духе, но, будучи в плену, осознали, что их обманывали. Поэтому они сейчас желают остаться в Советском союзе.

4) Группа 50–60 человек. Эти люди не высказывают своих настроений, но имеют твердое намерение ехать в Испанию.

---

¹ АУВД по НО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 236. Л. 15.

² Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / Под редакцией М.М. Загорюлько. – М., 2000. С. 59.

³ АУВД по НО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 238. Л. 32.

5) Группа около 30 человек. Это бывшие члены фалангистской партии и фашистских молодежных организаций. Они остались верными фашизму и хотят вернуться к Франко. Они желают войны Америки с Советским союзом, считая, что это ускорит их освобождение.

6) Группа интернированных, около 25 человек. Многие из них имеют близкие отношения с фашистски настроенными лицами и плохо относятся к военнопленным-перебежчикам. Эта группа склонна к поддержке англо-американской политики и желает ехать только в Испанию».¹

Как видно из этого документа, статистика, в целом, вполне благоприятная для советских пропагандистов. Почти половина заключенных готова (по крайней мере, на словах) остаться в СССР на постоянное место жительства. Однако по-прежнему все испанцы находились в лагере. Об этом с тревогой сообщало руководство лагеря в Новгород: «В числе испанцев, содержащихся в лагере, имеется 107 человек, подавших заявления об оставлении их на жительство в СССР. Но решений по ним не принято, что вызывает с их стороны нездоровые настроения, о чем они при всяком удобном случае заявляют офицерам лагеря».² Понятно, что судьба военнопленных испанцев решалась не в Новгороде, а в Москве. Здесь была замешана большая политика, столь далекая от проблем конкретного человека.

В целом, отношение местного населения к испанцам несколько отличалось от отношения к немцам. Историки В.Б. Конасов и А.В. Терещук описывают в своей статье условия содержания испанских военнопленных на Вологодчине. Можно признать, что подобные явления имели место и в Новгородской области. Конасов и Терещук отмечают, что «итальянцы, а еще в большей мере граждане Испании, вызывали у русских неоднозначные чувства, среди которых находилось место даже для чувства и проявления симпатии. Весьма примечателен в этом отношении эпизод, связанный с организацией в Вологде в 1949 году футбольного матча между местной командой «Динамо» и командой, сформированной из испанских военнопленных, служивших в Голубой дивизии. История сохранила для потомков как счёт этого беспрецедентного матча (5:1 в пользу хозяев), так и то, что после игры испанские военнопленные-футболисты за образцовое поведение были освобождены из лагерей, «расконвоированы» и вплоть до последовавшей репатриации на родину получили разрешение жить практически на свободе».³

Однако нельзя считать, что испанские военнопленные находились на каком-либо привилегированном положении. Так В.Г. Сидоров отмечает, что практически весь послевоенный период испанские военнопленные не имели переписки с родственниками. При этом данным правом активно пользовались военнопленные немцы, австрийцы, венгры, румыны, итальянцы и японцы. Только лишь Инструкция от 24 июля 1953 г. (приказ МВД СССР № 00576) разрешила переписку военнопленным всех национальностей, но только с близкими родственниками, указанными в личном деле осужденного.⁴ Ещё раз следует отметить, что сложно не понять чувства

¹ АУВД по НО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 238. Л. 38–39.

² Там же. Л. 188.

³ Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны (из истории иностранных военнопленных в России и СССР) // Новый часовой. – СПб., 1994. № 1. С. 36–37.

⁴ Сидоров В.Г. Военнопленные и интернированные в СССР, 1939–1956 гг.: связь с Родиной // Вест-

людей, которые в 20–25 лет оказались в советском плену, провели в нём почти 10 лет и, самое главное, не могли добиться ответа от руководства лагеря: когда же их отпустят домой. При этом, испанцы видели, как пустеют лагеря, как эшелоны с немцами, румынами, венграми идут на запад. И даже определенные послабления в содержании не могли даже в малой степени компенсировать мечту о родном доме.

Проблема с испанскими гражданами стала решаться только после смерти И. Сталина. В список осужденных военнопленных и интернированных граждан Испании, которым по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» срок наказания сокращается наполовину, составленный 9 апреля 1953 года, был включен 31 человек. Все они были осуждены по ст. 193-2, п. «в» УК РСФСР и содержались в это время в лагере № 476 Свердловской области и в лагере МВД № 280 Сталинской области. В нем встречаются фамилии и бывших «боровичан». Первой крупной и основной партией репатриированных испанских военнопленных была экспедиция на пароходе «Семирамис». Репатриированные были переданы по акту и списку работниками советского Красного креста Шароновым и Сидоровым представителям Французского Красного Креста М. Барри и Рене ла Флош «согласно соглашению между Красным Крестом Советским и Красным Крестом Французским». В списке указывались фамилии и имена, годы рождения и воинские звания 286 репатрируемых.¹

Генерал Эстебан-Инфантес приводит в своей книге следующие статистические данные о судьбе военнопленных и интернированных испанцев. Общая картина, согласно его сведениям, такова: Репатриированные в апреле 1954 года – 286 человек (имеются в виду прибывшие в Испанию на «Семирамисе»). Умершие в заключении – 118 человек. Освобожденные для работы в Советском союзе – 66 человек. Пропавшие без вести – 14 человек. Всего – 484 человека.²

Таким образом, при посредничестве французского «красного креста» первые репатриированные испанские военнопленные были отправлены из Одессы в Испанию. Это произошло почти через девять лет после окончания Великой Отечественной войны – 26 марта 1954 года.

Источники использованная литература:

1. Российский государственный архив историко-политических документов. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.
2. Архив УВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235, 236, 238.
3. Военнопленные в СССР: 1939-1956. Документы и материалы / Под редакцией М.М. Загоруйко. – М., 2000.
4. *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. № 9.
5. *Елпатьевский А.В.* Военнопленные и интернированные испанцы в СССР // Международный исторический журнал. – 2002. № 17.

ник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Философия. – Волгоград, 1998. Вып. 3. С. 40.

¹ Цит по: *Елпатьевский А.В.* Военнопленные и интернированные испанцы в СССР // Международный исторический журнал. № 17. 2002 // URL: http://history.machaon.ru/all/number_17/analiti4/elpatievsky_print/index.html#1 (дата обращения 14.02.2009).

² Там же.

6. *Елпатьевский А.В.* Об испанских военнопленных и интернированных в СССР // Вестник архивиста. – 2006. № 2-3.
7. *Конасов В.Б., Терещук А.В.* Узники войны (из истории иностранных военнопленных в России и СССР) // Новый часовой. – СПб., 1994.
8. *Кузьминых А.П., Старостин С.И., Сычёв А.Б.* Теперь я прибыл на край света. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939-1949 гг.). – Вологда, 2009. Т. 1.
9. *Рыбалкин Ю.Е.* Испанские военнопленные второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. – Вологда, 1997. Ч. 2.
10. *Сидоров В.Г.* Военнопленные и интернированные в СССР, 1939-1956 гг.: связь с Родиной // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История, Философия. – Волгоград, 1998. Вып. 3.

Kovalyov B.N.

Spanish prisoners of war in Soviet camps

The article deals with the history of the military captivity of Spanish soldiers who fought on the side of Nazi Germany during Great Patriotic War. The article, based on the analysis of unexplored archival sources and Russian historiography, covers the legal status of prisoners of war from the country which was not officially at war with the Soviet Union. The characteristic of the camps where captive Spaniards were held is given.

Keywords: Great Patriotic War, Spain, Blue Division, prisoners of war, internees.

Шкаревский Д.Н.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАДРОВОГО СОСТАВА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СУДОВ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

В статье автор приходит к выводу о том, что большинство судей данных органов подбирались по принципам личной преданности и лояльности руководству. Поэтому, со сменой руководства страны в течение 1953-1957 гг., судьба данных органов была предрешена. В новой политической ситуации они оказались не востребованы и были ликвидированы.

Ключевые слова: советская юстиция, транспортная юстиция, транспортные суды.

Система специальных транспортных (железнодорожных и воднотранспортных) судов существовала в СССР с 1930 по 1957 гг. и представляла «второе дно» советской системы юстиции, которое действовало по своим принципам, секретным нормативным правовым актам. Режим секретности сопровождал деятельность органов транспортной юстиции на протяжении всего периода её существования и, во многом, сохраняется до сих пор. Поэтому до настоящего момента остаются «белые пятна» в деятельности данных органов. Одной из таких не описанных в литературе страниц является кадровый состав органов транспортной юстиции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Кадровый состав системы транспортной юстиции в 1930-х и 1940-х гг. был рассмотрен автором данной работы ранее.¹

1950-е гг. являются заключительным этапом существования органов транспортной юстиции. Так, уже в 1953 году Указом Президиума Верховного Совета СССР произошло объединение линейных судов железнодорожного транспорта и линейных судов водного транспорта в единые линейные транспортные суды, а также транспортной прокуратуры железных дорог и водно-транспортной прокуратуры в единую транспортную прокуратуру. В свою очередь Железнодорожная коллегия и Водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР были объединены в Транспортную коллегия Верховного Суда СССР, с возложением на неё рассмотрения протестов на вступившие в законную силу приговоры и определения линейных транспортных судов, а также жалоб и протестов на приговоры и определения окружных транспортным судам.²

Шкаревский Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государства и права Сургутского государственного университета.

¹ См.: *Шкаревский Д.Н.* Кадровый состав военных трибуналов транспорта в период ВОВ // История государства и права. – 2015. № 24. С. 35-41; *Шкаревский Д.Н.* Кадровое обеспечение органов транспортной юстиции СССР в 1930-е гг. // История государства и права. – 2013. № 24. С. 5-28; *Шкаревский Д.Н.* Судейский корпус специальных судов во второй половине 1940-х гг. // История государства и права. – 2013. № 8. С. 8-10.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1953 года «Об объединении линейных судов железнодорожного и водного транспорта, прокуратур железнодорожного и водного транспорта, а также Железнодорожной коллегии и Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г / Под ред. Ю.И. Мандельштам. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 108.

Каких же результатов достигли в деле кадрового обеспечения данных органов на заключительном этапе их существования? Необходимо напомнить, что во второй половине 1930-х гг. среди членов транспортных судов лишь 8% имели высшее юридическое образование (10,3% имели просто высшее образование), 34% окончили годичные и шестимесячные курсы (18,3% имели среднее и 71,4% начальное образование), 58% не имели юридической подготовки.¹ Необходимо отметить, что с конца 1940-х гг. была проведена демилитаризация военных трибуналов транспорта. Они были преобразованы в линейные транспортные суды (железнодорожного и водного транспорта) с довоенным режимом подбора и назначения судей и народных заседателей.

Подбор осуществлялся по формальным показателям: партийности, наличия юридического образования, стажа работы в органах юстиции. В 1949 году в линейных транспортных судах работало 446 чел. (404 мужчины (90,6%) и 42 женщины (9,4%)). Из них членов и кандидатов в члены ВКП (б) насчитывалось 444 (99,5%), членов ВЛКСМ – 1, беспартийных – 1. Показатели **по образованию** судей транспортных судов были следующими. Высшее юридическое образование имели 130 судей (29,1%), среднее юридическое – 199 (44,6%), курсовую подготовку – 60 (13,5%), без юридической подготовки – 57 (12,8%). По **стажу работы в органах юстиции**: до 1 г. – 46 чел. (10,3%), 2-3 г. – 32 чел. (7,2%), 4-6 лет – 52 чел. (11,7%), 7-10 лет – 93 (20,8%), 11-25 лет – 193 чел. (43,3%), свыше 20 лет – 30 чел. (6,7%).²

На **1952 год** всего в системе транспортных судов было задействовано 379 судей. По **партийности** кадровый состав окружных и линейных судов по партийности характеризовался следующими данными: 375 чел (99%) – члены и кандидаты в члены ВКП (б), 4 чел. (1%) – члены ВЛКСМ. По **юридическому образованию**: 155 чел. (40,9%) – с высшим юридическим образованием, 168 чел. (44,3%) – со средним юридическим образованием, 33 чел. (8,7%) с курсовой подготовкой, 23 чел. (6,1%) – без юридического образования. По **стажу работы в органах юстиции**: от 1 до 3 лет – 30 чел. (7,9%), от 4 до 5 лет – 33 чел. (8,7%), от 6 до 10 лет – 73 чел. (19%), от 11 до 20 лет – 154 чел. (40,5%), свыше 20 лет – 89 чел. (23,9%).³

Во Всесоюзном заочном юридическом институте (ВЮЗИ) обучалось 124 судьи (51,9%), в заочной юридической школе – 9 чел. (3,7%). Выполнили учебные задания ВЮЗИ и переведены на последующие курсы 105 чел. (84,6%), не выполнили заданий – 8 заочников и не явились на сессии – 15 судей. За 1951 год 45 судей (18,8%) линейных и окружных судов прошли производственную практику в Верховном суде СССР и 93 при окружных судах железнодорожного транспорта (38,9%). Из 239 судей линейных судов, не обучавшихся в ВЮЗИ и юридических школах, в вечернем университете марксизма-ленинизма занималось 80 чел. (33%), в партийных школах учились 8 чел. (3,3%), самостоятельно изучали произведения классиков марксизма-ленинизма – 36 чел. (15%). Из числа судей, не имеющих высшего юридического образования, не обучалось в ВЮЗИ 91 чел. (38%), в т.ч. без уважитель-

¹ Чепцов А. Подготовка кадров линейных судов железнодорожного и водного транспорта // Советская юстиция. – 1939. № 7. С. 32.

² РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 136. Д. 67. Л. 56-57.

³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 708. Л. 129.

ных причин – 7 чел. (2,9%).

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, к началу 1950-х гг. удалось увеличить долю судей с высшим юридическим образованием более чем в 4 раза (с 8% во второй половине 1930-х гг. до 40,9% в 1951 г.).

Во-вторых, существенно увеличивается доля судей со стажем работы более 10 лет (64,4%). Это явно говорит об отсутствии кампаний по чистке судейского корпуса транспортных судов в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Если же участь категории судей со стажем работы от 6 до 10 лет, то в этом случае доля работников со стажем свыше 6 лет составляла 83,4%, что явно говорит о формировании жёстко структурированной в кадровом отношении системы, стать членом которой было непросто.

В-третьих, явно были повышены требования к судьям без юридического образования, и вероятно снизилась нагрузка на судей, так как почти 85% судей выполнили программы подготовки в ВЮЗИ, что на предыдущих этапах являлось редкостью.

В-четвертых, большое внимание уделялось идеологической подготовке судей, о чём говорит требование повышения «деловой квалификации и идейно-политического уровня» для не обучающихся в ВЮЗИ и юридических школах через подготовку в университете марксизма-ленинизма, партийных школах, самостоятельное изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, изучение Краткого курса истории ВКП (б).

Таким образом, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. наблюдается существенное сокращение судей транспортных судов: в 1949-1951 гг. – на 67 судей. В течение 1940-х – 1950-х гг. наблюдался определенный прогресс в деле обеспечения квалифицированными кадрами органов транспортной юстиции. Однако, степень квалификации большинства судей данных органов по-прежнему была не высокой, так как порядка 60% из них не имели высшего юридического образования. Можно сделать вывод о том, что большинство из них подбиралось по принципам личной преданности и лояльности руководству для вынесения нужных приговоров. Поэтому, со сменой руководства страны в течение 1953-1957 гг. судьба данных органов была предрешена. В новой политической ситуации они оказались не востребованы и были ликвидированы.

Источники и использованная литература:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 708. Л. 129.
2. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 136. Д. 67. Л. 56-57.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1953 года «Об объединении линейных судов железнодорожного и водного транспорта, прокуратур железнодорожного и водного транспорта, а также Железнодорожной коллегии и Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г / Под ред. Ю.И. Мандельштам. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 108.
4. *Чепцов А.* Подготовка кадров линейных судов железнодорожного и водного транс-

порта // Советская юстиция. – 1939. № 7. С. 32.

5. *Шкаревский Д.Н.* Кадровое обеспечение органов транспортной юстиции СССР в 1930-е гг. // История государства и права. – 2013. № 24. С. 5-28.
6. *Шкаревский Д.Н.* Кадровый состав военных трибуналов транспорта в период ВОВ // История государства и права. – 2015. № 24. С. 35-41.
7. *Шкаревский Д.Н.* Судейский корпус специальных судов во второй половине 1940-х гг. // История государства и права. – 2013. № 8. С. 8-10.

Shkarevskiy D.N.

To the question of evolution of regular personnel of the special transport courts during the late 1940s – early 1950s

The author analyzes the cadre of judges of transport courts at the final stage of their existence. The author comes to the conclusion that most of these judges were chosen on the basis of personal devotion and loyalty to the heads of state. Thus, the change of leadership of the country in the 1953-1957s has led to the elimination of transport courts.

Keywords: Soviet justice, transport justice, transport courts.

СТАЛИНИЗМ И СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ «КОНЦЕПЦИИ ТОТАЛИТАРИЗМА»¹

В статье проанализированы основные положения оформившейся в конце XX – начале XXI вв. в исторической науке России тоталитарной концепции происхождения и функционирования советской государственности. Показаны причины и западные основы её возникновения. Сделан вывод, что российские адепты этой теории, солидаризируясь с зарубежными советологами, считают сталинскую модель государственного управления исторической разновидностью тоталитаризма, имеющего международные корни.

Ключевые слова: тоталитаризм, сталинизм, социализм, командно-административная система, советология, однопартийная система, плановая экономика, моноидеология, милитаризация, государственный террор.

Распад в конце XX века коммунистической супер-державы, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) и претендовавшей на мировую гегемонию, привел к глобальным общественно-политическим и социально-экономическим переменам, как на международной арене, так и внутри российского общества. «Крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» обозначила необходимость радикальных преобразований в пост-советской России, требующих всемерного укрепления государственности, совершенствования законодательства, развития политической системы, личности и гражданского общества.² Правильное решение задач, поставленных в рамках идущих в стране демократических реформ, невозможно без объективного переосмысления прошлого с целью использования исторического опыта при строительстве новой России. Для того, чтобы воспользоваться историческим наследием советского периода в современном реформировании российской государственности, не допускать повторения ранее допущенных ошибок и просчетов, необходимо предельно четко представлять сущность политического режима, господствовавшего в нашей стране более 70 лет.

Дискуссии о том, что же было построено в СССР в годы правления Коммунистической партии, и как к этому относиться, возникли ещё в годы горбачевской перестройки и продолжаются до настоящего времени. Как известно, в период существования Советского Союза сначала было заявлено о построении основ социализма, и это утверждение нашло отражение в Конституции СССР 1936 г. Затем, решением XXI съезда КПСС, прошедшего в 1959 году, в сознании народа закрепили идею о полном и окончательном построении социализма. В 1961 году на XXII съезде партии был взят курс на построение коммунизма. В дальнейшем, возможность его дос-

---

Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, ведущий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса».

² Ежегодное послание президента РФ В.В. Путина от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. – 2005. 25 апреля.

тижения в кратчайшие сроки, показалась утопичной даже советским вождям. Поэтому в брежневский период стали говорить о вступлении страны в эпоху «развитого социализма», предшествующей переходу в «светлое будущее». В период заката коммунистической идеологии, М.С. Горбачевым были предприняты попытки спасти разрушающуюся конструкцию советского государства на основе перестройки социалистической системы.¹ Стремление перестроить уже само по себе подчёркивало несовершенство созданного общества. Однако во второй половине 1980-х гг. понятие «социализм» как определение построенного социума ещё не отрицалось. Хотя уже тогда к нему стали добавлять различного рода эпитеты, несшие в себе явно отрицательные характеристики: «государственный», «казарменный», «идеократический», «феодальный» и т.п. Затем в ход пошли эвфемизмы, и с легкой руки Г.Х. Попова в исторический лексикон был введено понятие «командно-административная система», которое не только вытеснило поизносившийся термин «сталинизм», но и позволило начать системную критику всего общества, сложившегося в пределах СССР, а не отдельных его негативных моментов.²

В результате в отечественной исторической науке стала формироваться концепция тоталитаризма, представители которой попытались проанализировать советское прошлое с либеральных позиций. Её возникновение, развитие и утверждение имеет разнообразные причины, как политического, так и методологического характера. Во-первых, появившаяся новая концепция соответствовала настроениям масс, стремившихся к переменам, и ожиданиям новых политических элит, желавшим укрепить властные позиции за счет критики старых порядков. Во-вторых, она в какой-то степени заполнила теоретический вакуум, возникший после отказа большинства российских исследователей от марксистской методологии. Однако отметим, что получившая распространение среди российских историков и политологов в 1990-е гг. концепция тоталитаризма обладала лишь относительной новизной, так как тоталитарные модели развития СССР активно разрабатывались западными историками, интересовавшимися советской историей, ещё с 1950-х гг. Более того, в 1960-х гг. в среде западных советологов возникла целая научная дискуссия, приведшая к расколу мнений в оценках, происходящего в советской сверхдержаве.

Часть советологов, таких как Х. Арндт, К. Фридрих, З. Бжезинский, Р. Пайпс, Л. Шапиро, Р. Конквест, А. Безансон заняли позицию жёстких оценок тоталитарной сущности советского государства. В их произведениях октябрьские события 1917 года в России считаются не революцией, а верхушечным переворотом. Сталинизм представляется логичной практикой, вытекающей из марксистско-ленинской теории. Созданная И.В. Сталиным политическая система определяется как «тоталитарная», не имеющая перспектив для реформирования. Естественно, что и развал Советского Союза объявляется логичным и закономерным финалом тупикового развития «большевистской» России.³ Другие исследователи истории советского государ-

---

¹ *Сперанский А.В.* Диктатура личности в контексте массовых репрессий // Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития. – Екатеринбург, 2011. С. 148.

² *Попов Г.Х.* Блеск и нищета Административной системы. – М., 1990.

³ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. – М., 1993; *Он же.* Русская революция: В 3 кн. – М., 2005; *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История

ства Л. Хаймсон, Ш. Фитцпатрик, Д. Хоф, С. Коэн, М. Левин, Д. Гетти признают октябрь 1917 года революцией, сталинизм извращением марксизма-ленинизма, а сформировавшуюся в СССР политическую систему при всех её негативных характеристиках способной к развитию и совершенствованию.¹

Таким образом, российские историки, занявшие в 1990-х годах место в рядах критиков тоталитарной системы, не стали первооткрывателями. Они просто вскочили на велосипед, уже изобретенный на западе, и к тому же не отличавшийся совершенством конструкции. Тем не менее, в первое десятилетие постсоветского периода в тоталитаристском ключе были написаны десятки монографий и сотни статей, а сам термин «тоталитаризм» прочно вошел в научный лексикон исследователей. Среди этого вала исторических и политологических книг, построенных на основе тоталитарного подхода к истории России советского периода, выделялись работы А.В. Бакунина, О.В. Хлевнюка, И.С. Кузнецова, И.В. Павловой, Г.А. Трукана, Н.В. Загладина, В.Д. Солдатенкова, опиравшиеся на прочную методологию и широкую источниковую базу. Однако, к сожалению, имели место и конъюнктурные работы, навешивавшие без какой-либо серьезной аргументации «тоталитарный ярлык» на все явления прошлого не вписывавшиеся в клише возобладовавших в 1990-е гг. политических представлений.²

В обозначенной концепции, основополагающим фундаментом исторического подхода при анализе советской политической системы является сам термин «тоталитаризм», имеющий огромное количество дефиниций. Первоначально при его определении исследователи отталкивались от известной формулировки, данной ещё в 1925 году лидером итальянских фашистов Б. Муссолини, который в одной из своих речей, обосновывая цели и задачи, установленного в Италии политического режима заявил, что «тоталитаризм – это полное подчинение личности государству». Однако углубленные научные исследования показывают, что эта политическая декларация нигде и никогда не была реализована полностью. Абсолютный тоталитаризм – теоретическая абстракция. Ибо даже в период апогея тоталитарных режимов, в той же Италии, Германии, или СССР сохранялся «черный рынок», существовала некая видимость демократии внутри господствующих партий (критика, самокритика, выборность и т.п.), не было социальной и религиозной однородности.

СССР. – 1990. № 6; *Он же*. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. – 1993. № 1; Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. – М., 1993. Ч. 1; *Малица М.* В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. – 1992. № 4; *Он же*. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Там же. 1997. № 5; *Он же*. Советская история // Там же. 1999. № 3.

¹ *Павлова И.В.* Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. – 1998. № 5; Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996.

² *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. – Екатеринбург, 1996–1997. Кн. I–II.; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992; *Кузнецов И.С.* Советский тоталитаризм: очерк психоистории. – Новосибирск, 1995; *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. – М., 1994; *Загладин Н.В.* Тоталитаризм и демократия: конфликт века // Кентавр. – 1992. № 7, 8; *Солдатенков В.Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП (б). 1928–1941 (июнь). – СПб., 1994.

Поэтому позднее на вооружение была принята более точная и объективная формулировка, определяющая тоталитаризм, как особую форму авторитарного государства, характеризующегося попытками установить контроль над всеми сферами жизни общества. При этом были выделены и основные признаки этого общественно-политического явления. Такие как, стремление государства контролировать не только действия населения, но его мысли и эмоции, а также мобилизация режимом народных масс на реализацию какой-либо тоталитарной идеи, носящей общенациональный характер.¹ Судя по имеющейся по этой проблеме литературе, важными чертами тоталитарного государства определялись также: однопартийная система, плановая экономика, подчинение режиму средств массовой информации, господство в обществе моноидеологии, милитаризация основных сфер жизнедеятельности, государственный террор, призванный держать население в перманентном страхе.²

Представители обозначенной точки зрения определили, что тоталитаризм, как общественно-политическое явление оформляется на рубеже XIX–XX вв., чему способствуют как политические, так и экономические причины. По мнению большинства приверженцев тоталитарной концепции, основополагающей политической причиной его возникновения является некий «крутой поворот» в истории человечества, в рамки которого вписывается Первая мировая война, объективно потребовавшая централизации власти и жёсткой государственной дисциплины. Эти особенности функционирования системы государственного управления, характерные для экстремальных условий военного времени становятся базой для дальнейшего развития тоталитаризма. Все страны-участницы Первой мировой войны вынуждены были неизбежно «переболеть» тоталитаризмом, что объясняется специфической и экстраординарной ситуацией, порожденной военным временем. Она настоятельно требовала железного порядка и в социально-экономической, и в общественно-политической, и в институционально-правовой сферах для полной мобилизации всех сил и средств страны на успешное ведение военных действий.

После окончания мировой «бойни», те страны, где в довоенный период были развиты демократические институты власти, вернулись к либеральным формам управления (Англия, США, Франция). В тех же странах, где демократические традиции были слабо развиты или полностью отсутствовали, чрезвычайные управленческие структуры, порожденные войной, не только не атрофировались, но наоборот стали фундаментом тоталитарных режимов, утвердившихся на долгие годы (Германия, Италия, Испания, Россия и др.).

Становление тоталитарных режимов объясняется и наличием экономических предпосылок, решающая роль, среди которых отводится процессам индустриализации. Индустриализация, как объективная ступень движения человечества по пути научно-технического прогресса, активно развивается в развитых странах мира в первые десятилетия XX века. Ее важнейшие составляющие, такие как автоматизация и механизация напрямую способствуют внедрению конвейерных способов производства в технологические процессы выпуска продукции. В условиях широкомасштабной индустриализации, человек становится придатком машины, «винти-

---

¹ *Сперанский А.В.* Диктатура личности в контексте массовых репрессий... С. 150.

² *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. I: Генезис. – Екатеринбург, 1996. С. 41.

ком» огромного механизма, что способствует «усреднению» его трудовой деятельности и производственной психологии. По мнению «тоталитаристов», кардинальные перемены в производственной сфере активно влияют и на общественно-политическое поведение людей, формируют так называемое массовое сознание, порождают массовую культуру. Стремление быть «как все», не выделяться из общей массы, следовать указаниям «сверху» становится основой поведенческой мотивации огромной массы людей и способствует формированию тоталитарного мышления, основе основ тоталитарных политических режимов.

Как считают адепты теории тоталитаризма, наша страна в XX веке оказалась в когорте государств насквозь пронизанных тоталитарными явлениями. Этому способствовала особая предрасположенность России к восприятию этой «болезни», обусловленная всем ходом её исторического развития. В ней явственно проявились обе общие для всех стран причины оформления тоталитарных структур. В начале двадцатого столетия в плане политического управления она представляла собой абсолютную монархию, что являлось крайним феодальным анахронизмом. Участие в Первой мировой войне, последовавшее вслед за этим революционное потрясение и гражданское противостояние затормозили развитие демократических институтов. Начавшаяся в 1930-е гг., пусть и с опозданием от передовых стран Запада, индустриализация способствовала ускорению процесса формирования тоталитарной психологии. Кроме этого Россия имела и свои особенности укреплявшие это общественно-политическое явление. Тоталитаризм нашёл в России хорошо удобренную историческую почву в виде готовой усредненной психологии основной массы населения страны, в лице многомиллионного крестьянства, веками проживавшего в рамках общины с её круговой порукой и царистскими иллюзиями. Важным стимулятором тоталитаризма стал и приход к власти в октябре 1917 года большевиков, строивших свою политическую практику на теории марксизма, призывающей к «всеобщему равенству».¹ Таким образом, по мнению представителей тоталитарной концепции, Россия по логике мирового и собственного специфического развития не могла избежать тоталитаризма, который и утвердился в ней на долгие годы, получив наименование «сталинизм». Под этим названием он стал представлять собой некую разновидность международного тоталитаризма, основанную на национальных традициях и конкретно-исторических особенностях развития России, отличающих его от подобного рода режимов, имевших место в Германии, Италии, Испании, Португалии и других странах.

В исторической литературе имеется огромное количество различного рода удачных и неудачных определений, претендующих на всестороннее освещение сущности сталинизма. Авторы большинства дефиниций, как правило, сводят понятие сталинизм только к негативному пониманию, представляют его в виде преграды, тормозившей прогрессивное развитие России. По нашему мнению, подобного рода односторонность, базируется на политической конъюнктуре и не позволяет оценить всю сложность и противоречивость этого явления, охватившего не только политико-институциональную, социально-экономическую, но и культурную сферы жизнедеятельности российского социума. Дискуссии, имеющие место среди российских

---

¹ Сперанский А.В. Диктатура личности в контексте массовых репрессий... С. 152, 153.

историков, разделяющих концепцию тоталитаризма, по определению понятия «сталинизм» примитивно сводятся к двум политизированным оценкам. Одни, следуя за политической логикой Юлия Мартова и достаточно поверхностными заключениями Ричарда Пайпса, считают сталинизм логическим продолжением теории и практики марксизма-ленинизма. Другие, идя на поводу высказываний «обиженного» Льва Троцкого и экстравагантной в своих суждениях Шейлы Фитцпатрик, придерживаются «теории прерванной связи» и утверждают, что сталинизм – извращение, отход от взглядов Карла Маркса и Владимира Ленина.¹

Оригинальной представляется позиция Стива Коэна, пытающегося примирить обе спорящие стороны. Американский исследователь «советских проблем» высказывает мысль о том, что «... Сталин довел ленинизм до крайности, изменил его сущность».² В логике этого заявления и последующих рассуждениях американца явно прослеживается компромиссная формула: «сталинизм – это ленинизм, но доведенный до полного абсурда». В какой-то мере она объясняет почему в практике «социалистического строительства» ленинское «всемерное развитие тяжелой индустрии» превращается в сталинскую форсированную индустриализацию, осуществлённую за счёт других отраслей и в первую очередь – разграбленного сельского хозяйства. Почему, задуманная «вождем мирового пролетариата», «добровольная и постепенная» кооперация аграрного сектора, трансформируется «отцом всех народов» в насильственную коллективизацию с массовым «раскулачиванием» и разорением основной массы производителей сельскохозяйственной продукции. Ну, и, наконец, почему революционный террор против классовых врагов, не отрицавшийся Владимиром Ильичём в экстремальных условиях гражданской войны, становится, с легкой руки Иосифа Виссарионовича, геноцидом против собственного народа, унесшим миллионы жизней в мирное время. То есть профессор Колумбийского университета выстраивает историческую схему по которой правильные идеи «основателя первого в мире государства рабочих и крестьян» деформируются до неузнаваемости из-за неумелости «кавказского горца», действовавшего по принципу «Заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет».

Однако не все так просто. Нам представляется, что все вышеупомянутые дефиниции очень прямолинейно и однобоко представляют сталинизм, являющийся, на самом деле, чрезвычайно сложным и противоречивым явлением. В этой связи наиболее удачным, на наш взгляд, может быть определение, не отрицающее, как негативное, так и позитивное влияние сталинизма на исторический процесс России в XX веке. По нашему мнению, сталинизм – это практика модернизации страны, осуществлявшаяся командно-административными методами под прикрытием марксистско-ленинской фразеологии. Данная формулировка, с одной стороны, акцентируя внимание на понятие «модернизация», включает в себя индустриальный и научно-

---

¹ *Мартов Ю.* Мировой большевизм. – Берлин, 1923; *Он же.* Из писем 1917 г. // Свободная мысль. – 1991; *Пайнс Р.* Неизвестный Ленин: из секретных архивов. – Нью Хэвен–Лондон, 1996; *Он же.* Два пути России. – М., 2015; Осмыслить культ Сталина. – М., 1989; *Троцкий Л.Д.* Сталин: в 2-х тт. – М., 1996. *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е гг. Город. – М., 2008; *Она же.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. Изд. 2-е. – М., 2008.

² *Коэн С.* Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. № 7. С. 46.

технический рывок, который сделала Россия под руководством И.В. Сталина в 1930-1940-е гг., с другой стороны, ставит столь модную сегодня проблему теоретической базы проведённых «социалистических преобразований» и цены достигнутых успехов. Мы полагаем, что объективные условия, при которых страна осуществляла модернизационные преобразования, помноженные на субъективный фактор, связанный с личностью вождя, обуславливали процесс репрессивного воздействия на общество, выводили практику «построения социализма» за рамки исторического предвидения и теоретических формул классиков марксизма-ленинизма. По большому счёту, они лишь декларировались, выступали в виде своего рода «икон», но при этом конкретная жизнь заставляла действовать «сообразно обстановке».

В этой связи особую роль в становлении командно-административной системы в СССР приобрели Советы, возникшие еще в период революции 1905-1907 гг. В своё время В.И. Ленин увидел в них некую универсальную модель, прообраз будущей народной власти, сочетающей в себе «диктатуру пролетариата» и «союз рабочего класса и крестьянства». Однако заметим, что Советы возникли как органы рабоче-крестьянского самоуправления в условиях борьбы за власть, что определяло их революционность и в известной мере демократичность. Но после завоевания Советами власти, они стали сразу же проявляться все изъяды, определенные самой идеологией их создания. Сочетание в одних руках законодательной и исполнительной власти, характерное для структуры Советов, в экстраординарных условиях революционного стресса было неизбежно, и, в целом, играло положительную роль. Однако в условиях мирного времени эта организационно-политическая особенность привела к их полной бесконтрольности. Используя все властные рычаги, заложенные в структуре управления, Советы «подмяли» под себя судебную власть, заставили служить своим интересам средства массовой информации, называемые «четвертой властью», и таким образом, обеспечили себе практически неограниченное господство в политической системе страны. Такое исключительное положение в структуре государственного управления стало привлекать в Советы огромное количество карьеристов, людей, стремившихся воспользоваться служебным положением в личных, корыстных целях.

Стремительное «обюрокрачивание» Советов, вызвало беспокойство со стороны правящей партии, попытавшейся поставить их под свой контроль, что не дало необходимого эффекта. Более того, возник процесс сращивания партийного и государственного аппаратов управления, породивший специфическую категорию управленцев, ставших «правящей» основой большевистского государства и получивших в современной политологии и истории название – «партократия» или «номенклатура». Именно они играли заглавную роль в своеобразной «пирамиде власти», оформившейся в СССР в 1930-е гг. и экспортированной после Второй мировой войны в страны, попавшие под его влияние. Обозначенная «пирамида» предполагала первую ступень в лице некой «харизмы», то есть вождя с практически неограниченной властью, главной задачей которого являлось генерирование определенных идей, дающих импульс общественному развитию. Второй ступенью властной «пирамиды» определялась «элита», представляющая группу близких и преданных «харизме» людей. Подбираемые и назначаемые «харизмой» так называемые вожди «второго плана», полностью зависели от «главного» вождя и должны были обеспечивать

тиражирование его идей в сферах государственного управления, руководимых ими. Третья ступень, «партократия» или «номенклатура», состояла из чиновников среднего звена, обязанных мобилизовать народные массы на практическую реализацию спускаемых «сверху» директив.¹ Главной обязанностью народа, следуя дальнейшей логике рассуждения, являвшегося четвертой ступенью «пирамиды власти», была необходимость мобилизовываться и реализовывать на практике идеи «харизмы» и её окружения. Какая-либо инициатива, если и допускалась, то только в рамках обозначенных идей. Выход за их пределы классифицировался как подрывная антигосударственная деятельность и грозил «смельчаку» крайне опасными последствиями.

Созданная в 1930-х гг. советская модель государственного управления, стержнем которой являлась обозначенная выше «пирамида» власти, обладала высоким уровнем прочности и выживаемости. В первую очередь это обуславливалось так называемой «функциональной гибкостью», которой система обладала. С одной стороны, она предусматривала вертикальные кадровые перемещения, суть которых заключалась в возможности продвижения в высшие эшелоны власти выходцев из народных масс и в действии механизма, позволявшего наказать нерадивого руководителя и исключить его из правящей обоймы, опустив на более низкую ступень партийно-государственной иерархии. С другой стороны, действовал принцип горизонтального перемещения кадров с одной «руководящей» должности на другую, обеспечивавший определенную стабильность положения номенклатуры. Кроме того, массам позволяли участвовать в безальтернативных выборах в различные властные структуры, создавая иллюзию сопричастности в управлении государством. Все это вместе взятое порождало видимость демократии, дезориентировало массы, притупляло их политическую активность и социальный протест. К тому же очень умело и действительно использовался популизм. Система всегда действовала «от имени народа» и «для народа», а когда мероприятия, проводимые «по просьбе трудящихся», все таки не находили понимания и поддержки в какой-либо части общества, прибегала к поискам «врагов народа», проводя индивидуальные зачистки или массовые репрессии. Народ в интересах которого и «во имя» которого якобы действовала «народная» власть, оказался в заложниках господствующей номенклатуры и собственных иллюзий.

Таким образом, следуя логике тоталитарной интерпретации истории России XX века, сталинизм представлял российскую разновидность общественно-политического явления, имеющего корни глобального, международного характера. Россия в силу своеобразия исторического развития оказалась в когорте стран наиболее восприимчивых к тоталитарным методам правления. К тому же революции, как показывает мировая история, чаще всего заканчивались диктатурами, чему свидетельствуют английская революция, породившая Кромвеля и великая французская революция, выдвинувшая Наполеона. Русская революция не стала исключением. Сталин, волею судеб, оказавшийся во главе «пирамиды власти» послереволюционной России, по сути дела стал персонификацией объективных процессов. Избежать их

---

¹ *Авторханов А.* Происхождение партократии. – Мюнхен, 1981; *Восленский М.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.

вряд ли бы удалось, даже в случае прихода к власти другого человека. Политика, проводимая в СССР, могла получить иное название, проводиться чуть жестче, или чуть мягче, но ее общая направленность и содержание все равно остались бы неизменными.

Источники и использованная литература:

1. *Авторханов А.* Происхождение партократии. – Мюнхен: Посев, 1981. – 511 с.
2. *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. I. Генезис. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1996. – 257 с.; Кн. I. Апогей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997 – 225 с.
3. *Восленский М.С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
4. Ежегодное послание президента РФ В.В. Путина от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. – 2005. 25 апреля.
5. *Загладин Н.В.* Тоталитаризм и демократия: конфликт века // Кентавр. – 1992. № 7, 8.
6. *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. – 1990. № 6. С. 172–190.
7. *Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. – 1993. № 1. С. 3–17.
8. *Коэн С.* Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. № 7. С. 46–72.
9. *Кузнецов И.С.* Советский тоталитаризм: очерк психоистории. – Новосибирск: НГУ, 1995. – 156 с.
10. *Малиа М.* В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. – 1992. № 4. С. 178–187.
11. *Малиа М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. № 5. С. 93–109.
12. *Малиа М.* Советская история // Отечественная история. – 1999. № 3. С. 134–142.
13. *Мартов Ю.О.* Мировой большевизм. – Берлин: Искра, 1923. – 110 с.
14. *Мартов Ю.О.* Из писем 1917 г. // Свободная мысль. – 1991. № 16. С. 26–39.
15. Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – 653 с.
16. *Павлова И.В.* Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. – 1998. № 5. С. 107–122.
17. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 424 с.
18. *Пайпс Р.* Неизвестный Ленин: из секретных архивов. – Нью Хэвен–Лондон: Изд-во Йельского ун-та, 1996. – 204 с.
19. *Пайпс Р.* Русская революция: В 3 кн. Кн. 1: Агония старого режима. 1905–1917. – М.: Захаров, 2005. – 480 с.
20. *Пайпс Р.* Русская революция: В 3 кн. Кн. 2: Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. – М.: Захаров, 2005. – 720 с.
21. *Пайпс Р.* Русская революция: В 3 кн. Кн. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. – М.: Захаров, 2005. – 774 с.
22. *Пайпс Р.* Два пути России. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
23. *Попов Г.Х.* Блеск и нищета Административной системы. – М.: ПИК, 1990. – 240 с.
24. Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М.: Наука, 1996. – 253 с.
25. *Солдатенков В.Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП (б). 1928–1941 (июнь). – СПб.: Просвещение, 1994. – 143 с.
26. *Сперанский А.В.* Диктатура личности в контексте массовых репрессий // Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития. – Екатеринбург: СВ-96, 2011. С. 147–187.

27. Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. – М.: ИНИОН, 1993. Ч. 1. – 274 с.
28. *Троцкий Л.Д.* Сталин: в 2-х тт. – М.: Терра, 1996. Т. 1. – 324 с.
29. *Троцкий Л.Д.* Сталин: в 2-х тт. – М.: Терра, 1996. Т. 2. – 286 с.
30. *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. – М.: Наука, 1994. – 167 с.
31. *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е гг. Город. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
32. *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы. Деревня. Изд. 2-е. – М.: РОССПЭН, 2008. – 422 с.
33. *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М.: Республика, 1992. – 268 с.

Speransky A.V.

**Stalinism and soviet model of public administration
in the light of «concept of totalitarianism»**

The paper analyzes basic theses of the totalitarian concept of origin and functioning of the Soviet state. This concept took shape in the late XX – early XXI century in Russian historical studies. The paper shows the reasons and Western basis of origin of this concept. It is concluded that Russian adherents of this concept, in solidarity with foreign sovietologists, consider Stalinist model of public administration as a historical kind of totalitarianism, which has international roots.

Keywords: totalitarianism, Stalinism, socialism, command-administrative system, sovietology, one-party system, planned economy, mono-ideology, militarization, state terror.

К ИСТОРИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ В СССР: РАЗРАБОТКА ПОЛОЖЕНИЯ О ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ПО ОХРАНЕ ВОЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН В ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР (ГЛАВЛИТЕ) В 1953-1958 гг.

В статье впервые рассматриваются два Постановления Совета Министров СССР о Главлите – 1954 и 1958 гг., определившие его структуру, статус и принципы деятельности. В статье на основании документов, отложившихся в РГАНИ (протоколы Секретариата ЦК КПСС и материалы к ним) последовательно излагается история выработки статуса Главлита в 1953-1958 гг. Положение 1958 г. пришло на смену старым Положениям 1931 и 1933 г. и действовало до 1966 г. В нем были зафиксированы самые общие принципы цензуры, зафиксировавшие усиление идеологического контроля после Венгерских событий 1956 г.

Ключевые слова: Правовой статус Главлита, Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР, история советской цензуры в 1953-1958 гг., Постановление СМ СССР 219-106 «Об утверждении структуры, штатов и положения о Главлите» 24 февраля 1958 г., К.Омельченко, Н.С.Хрушев.

Точное название Главлита в 1946-1953 гг. – Уполномоченный Совета Министров (СМ) СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Уполномоченный СМ и его аппарат работали на основании «Положения об Уполномоченном Совнаркома ССР по охране государственных тайн в печати», утвержденном СНК 4 октября 1933 г., и на основании Положении о Главлите 6 июня 1931 г. С тех пор подобных актов не принималось, уточнение функций и структуры проходило в рабочем порядке и регулировалось отдельными постановлениями СНК/СМ СССР.¹ Особенность статуса состояла в том, что Главлит осуществлял цензуру только на территории РСФСР, ему не подчинялись Главлиты союзных республик. А Уполномоченный при СНК/СМ СССР контролировал аппараты Уполномоченных по охране военных и государственных тайн в печати на территории всего СССР. 14 февраля 1953 г. постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС (БП8) «Вопросы МГБ» о Главлит был переведен в систему МВД СССР.² 15 марта это было оформлено по-

---

Зеленов Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный специалист отдела публикации Российского государственного архива социально-политической истории (Москва).

¹ См. подробнее: *Зеленов М.В.* Эволюция правового положения Главлита, его структуры и штатов (1922-1967) // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов.* – СПб., 2013. Вып. 6. С. 463-514; *Он же.* Создание и функционирование общесоюзного органа военной цензуры – Отдела военной цензуры при уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в 1933–1940 гг. // *История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27–28 мая 2014 г.* / Науч. ред. М.В. Зеленов. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 248-257.

² В делопроизводстве Главлита сохранилась сопроводительная записка № 117 от 17.03.1953 из Главлита в 1 часть Общего отдела СТ ЦК КПСС, из которой ясно, кто принял это постановление (Государственный архив Российской Федерации. Ф.9425. Оп.1. Д.829. Л.1 (далее: ГАРФ)). В Российском государственном архиве новейшей истории (далее: РГАНИ) это постановление находится в «особой папке».

становлением СМ СССР № 769: «Передать в состав Министерства внутренних дел СССР Управление Уполномоченного Совета Министров по охране военных и государственных тайн в печати».¹ Поэтому с марта по октябрь 1953 года Главлит имелся 11-е управление МВД СССР. Изменения Главлита в составе МВД в статье не рассматриваются, они были минимальны и затрагивали, в основном, местные органы.

Изменение статуса. Инициатива изменения статуса Главлита в феврале 1953 года (перевод из СМ СССР в подчинение МВД СССР) и в октябре 1953 года (возвращение Главлита в качестве самостоятельного Управления в систему СМ СССР) принадлежала ЦК КПСС и была оформлена постановлениями СМ СССР. 26 июня 1953 года Л.П. Берия, министр внутренних дел СССР, был арестован, а 7 июля освобождён от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС и выведен из состава ЦК КПСС постановлением пленума ЦК. 23 июля 1953 года заведующий административных органов ЦК А. Дедов направил Секретарю ЦК Н. Хрущеву докладную записку о целесообразности передачи органов цензуры из состава МВД в ведение СМ СССР, поскольку «...цензорский контроль за всей неперIODической печатью, в том числе и партийных и советских органов, находятся в ведении министерства внутренних дел».² Вероятно, по поручению Хрущева были подобраны (организованы) сигналы с мест: об опасности политического контроля органами МВД над партийной печатью докладывали секретарь Мурманского обкома КПСС Прокофьев³, секретарь Тюменского обкома КПСС т. Горячев, секретарь Молотовского обкома т. Прасс⁴, секретарь Пензенского обкома КПСС т. Бутузов.⁵ 24 августа 1953 года Хрущёв провёл постановлением Секретариата ЦК КПСС «О выделении из системы МВД органов по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит)» поручение П. Поспелову, М. Суслову и заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК В. Московскому «в 7-дневный срок подготовить и внести на рассмотрение Секретариата ЦК предложения по этому вопросу».⁶ Докладная записка Поспелова, Дедова (не Сулова) и Московского была отправлена Секретарю ЦК Хрущеву через 10 дней. В ней предлагалось выделить Главлит из состава МВД и передать его в состав СМ, а также изменить порядок назначения районных цензоров-совместителей.⁷ 10 сентября 1953 года идентичная докладная записка направили уже в Президиум ЦК КПСС Маленкову и Хрущеву.⁸ Оба этих предложе-

---

¹ История советской политической цензуры. С. 104.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 21. Докладная записка А. Дедова Н. Хрущеву от 23 июля 1953 г.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 22. Докладная записка Прокофьева Хрущеву от 24.07.1953.

⁴ Об их обращениях упоминается в Заключении Дедова и Кружкова Хрущеву от 03.08.1953. – РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 19-20.

⁵ Об этом обращении упоминается в докладной записке Зам Зав. ОПА ЦК на имя Хрущева от 05.08.1953. – РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 23.

⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 75. Л. 3. Подлинники постановлений. Машинопись на бланке-карточке «На голосование». Постановление подписал только Хрущев. Рядом запись делопроизводителя (Кузнецова) «т.т. Сулов, Поспелов, Шаталин – за (на заседании Секретариата ЦК от 24.VIII.53 г.)».

⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 88-89. Докладная записка Поспелова, Дедова, Московского Хрущеву. 4 сентября 1953 г.

⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 38. Л. 5. Докладная записка Поспелова, Дедова, Московского в Президиум ЦК КПСС, Маленкову, Хрущеву. 10 сентября 1953 г. Обращает на себя внимание, что во всех доку-

ния (изменить статус Главлита и цензоров-совместителей) оформили постановлением Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати» 2 октября 1953 г.¹ Этот же текст постановления был продублирован протокольным постановлением Президиума ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати» 8 октября 1953 г. В тот же день было оформлено Постановление № 2632 Совета Министров СССР «О выделении из системы МВД СССР органов по охране военных и государственных тайн в печати (ГЛАВЛИТ)»², черновик которого рассматривался предварительно в Секретариате ЦК.³ Начальником Главлита утвержден К.К. Омельченко 26 октября секретариатом ЦК, 28 октября Президиумом ЦК и СМ СССР.

Новый Начальник Главлита тут же попытался зафиксировать новый статус в Положении и структуре ведомства. Докладная записка Омельченко⁴ о необходимости рассмотрения проекта постановления Совета Министров СССР «Об утверждении Положения и Главном Управлении по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР и структуру центрального аппарата и местных органов этого Главного Управления» была зарегистрирована 27.11.53. за № 54992 и передана в ОПА В.С. Кружкову и К. Борисову. 8 января 1954 года бумаги направили в Секретариат Хрущева, а оттуда 12 января на старое место – в Отдел пропаганды и агитации ЦК.

Положение не было рассмотрено (и причины этого не вполне понятны), а структуру и штаты Секретариат утвердил 8 марта 1954 года. В тот же день появилось Постановление СМ СССР № 387 «Вопросы Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР», утвердившее структуру Центрального аппарата и местных органов. Вместо раскрытия функций, полномочий и обязанностей Главлита подчеркивалось, что «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР является правопреемником бывшего Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати»⁵. Указание на то, что Главлит является правопреемником Уполномоченного СМ возвращает к нему функции и статус Уполномоченного: Главлит является союзным Управлением, в его структуре в качестве местных органов находились Главлиты при СМ Союзных республик.

Субъекты цензуры. Постановлениями ЦК КПСС (Секретариата 2 октября и Президиума 8 октября) и СМ СССР (8 октября) статус цензоров-совместителей подвергся изменению, но процедура его утверждения описывалась по-разному. В партийной версии: «В районах, не имеющих освобожденных работников по охране во-

---

ментах умалчивается, что в ведение МВД Главлит попал не по своей воле, а по решению ЦК КПСС.

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. Машинопись на карточке-бланке «На голосование» с рукописными пометами. Текст постановления подготовлен В. Золотухиным и А. Омельченко, заверен Пospelовым и Суловым (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 28). Чистовой вариант Постановления подписан только Шаталиным на заседании Секретариата ЦК.

² История советской политической цензуры. ... С. 106. Постановление СМ СССР было продублировано приказом МВД СССР № 00940 от 20 октября 1953 г.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 85-87. Черновик постановления СМ СССР.

⁴ Она не обнаружена. О ней упоминается на карточке Секретариата ЦК.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 12. Постановление СМ СССР № 387 «Вопросы Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». 8 марта 1954 г.

енных и государственных тайн в печати, эту работу по совместительству возложить на одного из ответственных работников аппарата райисполкома или райкома КПСС, утверждаемого *обкомом, крайкомом, ЦК компартии* Союзной республики, установив указанному работнику надбавку к заработной плате в размере 300-500 рублей в месяц».¹ В советской версии назначение цензора-совместителя утверждалось «соответственно *облисполкомом, крайисполкомом, Советом Министров* союзной республики, не имеющей областного деления, или Советом Министров автономной республики».² Значение этого шага сформулировано в Справке Главлита (декабрь 1954 г.): «Определив организации, ответственные работники которых могут осуществлять цензорский контроль в районе и, установив порядок их утверждения, оно дало возможность и местным управлениям, по согласованию с соответствующими партийными и советскими органами, подобрать устойчивые кадры районных цензоров-совместителей и обеспечить тем самым надлежащий контроль районной печати».³

Вероятно, уже в декабре 1954 года начался пересмотр правового статуса цензоров-совместителей. Заместитель Начальника Главлита И. Исаченко писал в ЦК КПСС: «Изменение установленного порядка контроля районной печати путём осуществления его ответственными работниками Райисполкомов и райкомов в виде общественного поручения, или передачи этого контроля редакторам районных газет, не обеспечат выполнение всех требований цензуры, которые необходимо выполнить в районах, так как работа районного цензора-совместителя складывается не только из контроля районных газет и многотиражек. [...] Следует иметь в виду, что такая цензорская работа, как контроль районных газет и радиовещания требует от цензора совместителя соблюдения установленного для выхода в свет этих материалов определенного режима времени. Районную газету цензор обязан читать в ночное время. Материалы радиопередач также требуют от цензора работы в неурочное время».⁴ Несмотря на это, на основе докладной записки П. Кованова, М. Стрелухова, М. Щербакова в ЦК КПСС⁵, 15 августа 1955 года было принято постановление Секретариата ЦК КПСС «О районных цензорах» (оно было продублировано Постановлением Президиума ЦК КПСС 18 августа), которое обязало Главлит «сократить в своих штатах должности районных цензоров, работающих по со-

---

¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати». 02.10.1953.

² История советской политической цензуры. С. 106.

³ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 217. Л. 103-104. Справка о районных цензорах-совместителях направлена Зам. начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР И. Исаченко в отдел печати и агитации ЦК КПСС М.Ф. Стрелухову 25.12.1954.

⁴ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 217. Л. 103-105. Справка о районных цензорах-совместителях направлена Зам. начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР И. Исаченко в отдел печати и агитации ЦК КПСС М.Ф. Стрелухову 25.12.1954.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 25-26. Основная мотивация проведения реформы состояла в том, что сокращение районных цензоров-совместителей «позволит сэкономить свыше 20 млн. рублей в год», поскольку те же функции будут осуществлять более грамотные редакторы газет. В докладной записке не указывалось, что цензоры-совместители контролируют не только газеты, но и выставки, репертуар, радио-передачи и т.п.

вместительству. 2. Возложить цензорский контроль за районными и многотиражными газетами в районах, где упраздняются должности цензоров, непосредственно на редакторов этих газет».¹ Этим постановлением существование цензоров-совместителей было прекращено. Контроль над выставками, музеями и т.п. перешел к штатным цензорам Обл-Крайлитов. Это действительно значительное изменение в системе субъектов цензуры.

Объекты цензуры. С 1954 по 1958 гг. структура Главлита определялась Постановлением СМ СССР от 08.03.1954. Она отражает не только функции, но и объекты цензурного внимания. Первый отдел – ведет секретное делопроизводство; Второй отдел – «иностранный», контролирует ввоз, хранение и использование иностранной литературы, контролирует вывоз научно-технической советской литературы за границу; Третий отдел – цензура материалов иностранных корреспондентов; Четвёртый отдел – «русский»; Пятый отдел – цензура научно-технической литературы и картографических материалов; Шестой отдел – газеты, центральное радиовещание и ТАСС; Седьмой отдел – очищение книжных фондов библиотек и книготорговой сети; Восьмой отдел – «местный»: инспектирование и выборочный последующий контроль уже изданной литературы; Девятый отдел – репертуар и изобразительное искусство, искусствоведческая литература, музеи и выставки; Десятый отдел – «перечневый», разрабатывает положения и инструкции. Структура по сравнению с 1952 года осталась по сути та же самая, нет отдела, отвечающего за вывоз произведений искусства за границу (вполне вероятно, что таможенные функции вернулись в МВД).

Принципы цензуры, которыми руководствовался Главлит с 1953 по 1958 гг., выявлены в некоторых инструкциях и циркулярах. О функционировании Главлита говорят две таблицы, составленные по статистической отчетности Главлита.

Предварительная цензура. Количество вмешательств (2-4 отделы).

	1956	1957	1958	1959	1960
Всего	-	2908	4405	4376	3786
Перечень (военные и государственные тайны)	-	2788	4204	4079	4371
Политико-идеологические причины	-	115	201	297	315

Статистика по этим показателям за предыдущие периоды не выявлена, но и эта показывает рост почти в два раза количества запрещенных текстов с 1957 г.

Цензура иностранных книг

	1956	1957	1958	1959	1960
Отправлено в спецхран (млн. экз.)	0,5	3	6	5,3	5,06
Конфисковано антисоветских текстов на языках народов СССР (тыс. экз.)	3,5	20	29	11,4	8,5
Антисоветских на иностранных языках (тыс. экз.)	17	266	182	156	168
Конфисковано религиозных текстов (тыс. экз.)	39	87	59	28	45

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 24. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О районных цензорах» 15.08.1955. (Выписка).

Огромный рост иностранной цензуры в 1957 году можно объяснить венгерскими событиями и связанными с ними страхами руководства страны о влиянии анти-советских книг на граждан СССР.

И во время XX съезда КПСС (14-25 февраля 1956) и после него Главлит стал рассылать циркуляры о возвращении книг репрессированных и реабилитированных авторов¹, о снятии цензурного контроля с ряда изданий² и т.п. Однако проверка деятельности Главлита, проведенная отделом пропаганды и агитации ЦК по докладной записке заместителя начальника Главлита А. Котеленеца³ в сентябре 1956 года показала, что главный цензурный орган не принял «необходимых мер к перестройке деятельности органов советской цензуры в соответствии с решениями XX съезда КПСС». ⁴ Главлиту было рекомендовано в двухмесячный срок вместе с Отделом пропаганды и агитации ЦК разработать Положение.⁵

Значительные коррективы в разработку Положения о Главлите внесло Венгерское восстание 1956 года (23 октября – 9 ноября 1956 г.). 27 ноября 1956 года Секретариат ЦК поручил Поспелову, Громову, Снастину и Московскому ещё раз рассмотреть ситуацию в Главлите.⁶ Комиссия Секретариата подтвердила, что функции Главлита чётко не определены и разработка Положения необходима.⁷ В выработанном проекте постановления Секретариата «О положении дел в Главлите СССР» говорилось, что в Положении должна быть предусмотрена «необходимость усиления контроля цензуры за соблюдением требований по охране военных и государственных тайн в печати, четко определив функции органов цензуры...».⁸ 28 марта 1957 года состоялось совещание у начальника Главлита СССР П.Н. Романова, на котором принято решение «В ближайшие 2-3 месяца разработать новые штаты, структуру, положение о Главлите СССР».⁹ Через несколько дней Секретариат ЦК принял решение «Поручить Главлиту СССР совместно с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам в трехмесячный срок разработать и внести в

---

¹ ГАРФ. Ф. 9425 Оп. 2. Д. 253. Л. 15. Циркуляр Главлита №690 «Всем главкрайобллитам» о возвращении книг реабилитированных авторов из спецхранов в общедоступные фонды. 24 февраля 1956 г.

² ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 253. Л. 66-67. Циркуляр №1881 Главлита СССР «Начальникам Главкрайобллитов, директорам издательств и полиграфпредприятий» о снятии цензурного контроля с ряда изданий. 4 июля 1956 г.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 89. Л. 51-55. Докладная записка А.Котеленеца в ЦК КПСС 28 мая 1956 г. И эта докладная записка и последующие справки, доклады и отчеты отражали неблагоприятное положение в цензурном ведомстве.

⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 5-9. Докладная записка Снастина, Фомичева, Боголюбова, Павлова, Чугаева в ЦК КПСС. 26 сентября 1956 г.

⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 4. Докладная записка Боголюбова, Снастина в ЦК КПСС «О работе Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». 28 сентября 1956 г.

⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 1. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О работе Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР» (выписка).

⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 176-184. Докладная записка Громова, Снастина, Калининкова, Охотникова, Боголюбова в ЦК КПСС «О положении дел в Главлите СССР». 18.01.1957.

⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 173-175. Проект постановления ЦК «О положении дел в Главлите СССР» 31.01.1957.

⁹ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 961. Л. 1-2. Протокол совещания у начальника Главлита о плане работы на 2 квартал. 28 марта 1957 г.

ЦК проект положения о Главлите».¹ Дальше пошла обычная работа по выработке нормативного акта и его согласованию, о чём мы знаем по карточке контроля, которая сохранилась в деле секретариата ЦК.² 25 октября 1957 года начальник Главлита П.Н. Романов отчитывался на заседании Партбюро Главлита СССР, что проект Положения был отдан на рассмотрение директивных органов. «Положение о Главлите обязывает работников цензуры работать в тесном контакте с партийными органами, своевременно информировать их о политически ошибочных формулировках в произведениях печати, принимать меры к недопущению опубликования неверных положений, искажающих политику Коммунистической партии и Советского правительства».³ Данных о рассмотрении Положения о Главлите внутри ЦК КПСС нет, но 24 февраля 1958 г. оно было утверждено СМ СССР.⁴

Положение о Главлите 1958 г. Статус Главлита, субъекты, объекты и принципы цензуры

Новое (после 1931 и 1933 гг.) Положение о Главлите было принято в 1958 году. Два события определили его разработку и положение цензуры в СССР. Прежде всего, это XX съезд КПСС (14-25 февраля 1956 г.). Проверка деятельности Главлита, проведенная отделом пропаганды и агитации ЦК по докладной записке заместителя начальника Главлита А. Котеленеца⁵ в сентябре 1956 года, показала, что главный цензурный орган не принял «необходимых мер к перестройке деятельности органов советской цензуры в соответствии с решениями XX съезда КПСС».⁶ Значительные коррективы в разработку Положения о Главлите внесло Венгерское восстание 1956 года (23 октября – 9 ноября 1956 г.). В выработанном проекте постановления Секретариата «О положении дел в Главлите СССР» говорилось, что в Положении должно быть предусмотрено «необходимость усиления контроля цензуры за соблюдением требований по охране военных и государственных тайн в печати, четко определив функции органов цензуры...».⁷ Новые взгляды на структуру, объекты и принципы цензуры были зафиксированы в Положении о Главлите, утверждённом Постановлением СМ СССР №219-106 от 24 февраля 1958 г.⁸

Статус. Положение 1958 г. описывало статус Главлита среди других органов

---

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 43-45. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О работе Главлита». 03.04.1957. (выписка).

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 175-175 об. Бланк карточки.

³ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 962. Л. 3-5. Из стенограммы доклада начальника Главлита «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС от 3/IV-57 г. «О работе Главлита СССР»» на заседании Партбюро Главлита СССР. 25 октября 1957 г.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 49-59. Постановление СМ СССР 219-106 «Об утверждении структуры, штатов и положения о Главлите» 24 февраля 1958 г.

⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 89. Л. 51-55. Докладная записка А. Котеленеца в ЦК КПСС 28 мая 1956 г. И эта докладная записка и последующие справки, доклады и отчеты отражали неблагоприятное положение в цензурном ведомстве.

⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 5-9. Докладная записка Снастина, Фомичева, Боголюбова, Павлова, Чугаева в ЦК КПСС. 26 сентября 1956 г.

⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 173-175. Проект постановления ЦК «О положении дел в Главлите СССР» 31.01.1957.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 49-59. Постановление СМ СССР 219-106 «Об утверждении структуры, штатов и положения о Главлите» 24 февраля 1958 г. Данные о рассмотрении Положения о Главлите внутри ЦК КПСС не выявлены.

управления: «Главлит СССР координирует деятельность министерств, ведомств организаций по вопросам охраны военных и государственных тайн в печати, рассматривает совместно с ними и в необходимых случаях вносит в Совет Министров СССР предложения об изменении порядка публикации материалов, имеющих важное государственное и народнохозяйственное значение» (ст. 1.), начальник Главлита «возглавляет начальник, назначаемый Советом Министров СССР» (ст. 9). «Начальник Главного управления ... по согласованию с соответствующими республиканскими, краевыми и областными органами создает и ликвидирует местные органы цензуры и утверждает их структуру и штаты» (ст. 9). Взаимоотношения с КПСС было определено так: «Главное управление по охране военных и государственных тайн печати при Совете Министров СССР и местные органы цензуры обязаны ... своевременно информировать соответствующие партийные органы о политически ошибочных формулировках и положениях» (ст. 5). Итак, Главлит является органом СМ СССР, находится в качестве союзного ведомства: Главлиты союзных республик указаны как его местные органы. Главлит «живет» не только в советском (государственном), но и в партийном пространстве.

Субъекты цензуры. Реформа 1955 года в сфере работников цензуры (передача функций районных цензоров-совместителей редакторам газет) была закреплена в Положении таким образом: «Ответственность за сохранение сведений, не подлежащих опубликованию, наряду с Главлитом СССР несут министерства и ведомства, осуществляющие издания, а в изданиях, выпускаемых без предварительного цензурского контроля, эта ответственность возлагается полностью на редколлегии газет и журналов, руководителей издательств и издающих организаций, а в районах, где нет представителя органов цензуры, – на редакторов районных (городских) и многотиражных газет». Таким образом, субъектами цензуры стали не только должностные лица Главлита и его органов, но и все редактора изданий.

Объекты цензуры. Структура Главлита состояла из 7 отделов. Первый занимался секретным делопроизводством, второй – осуществлял контроль над иностранной литературой, поступающей в СССР, третий – контроль над материалами иностранных корреспондентов капиталистических стран, четвёртый – предварительный контроль литературы, изобразительной продукции, текстов для театров, пятый – предварительный контроль над научной и технической литературой, шестой – предварительный контроль над газетами, радио, телевидением, ТАСС и Совинформбюро, седьмой отдел – проверял исполнение решений местными органами цензуры. Количество отделов по сравнению с 1954 годом сократилось.

В положении перечислялись объекты цензурного контроля. Было установлено, что Главлит «осуществляет охрану военных и государственных тайн в печати, радиовещании, телевидении и предотвращает распространение иностранных изданий, содержащих антисоветские и антисоциалистические материалы» (ст. 1). Для этого он контролирует: 1) печатные издания, издающиеся в СССР, хранящиеся в библиотеках, вывозимые из страны и ввозимые в СССР (ст. 2 а, г, е); 2) «материалы Совинформбюро, ТАСС и телеграфных агентств союзных республик» (ст. 2б); 3) «информацию, подлежащую передаче иностранными корреспондентами за границу» (ст. 2в); 4) «рукописи, тексты докладов, фотовыставки и другие материалы, вывозимые за границу» (ст. 2д); 5) «киносценарии, а также тексты произведений,

предназначенных для исполнения в театрах, цирках и на эстраде» (ст. 2ж); 6) «экспозиции краеведческих, научно-технических и естественно-научных музеев, а также постоянных и временных промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок» (ст. 2.з); 7) «хроникальные и научно-технические фильмы» (ст. 2к); 8) «политическую изопродукцию» (ст. 2и).

Принципы (нормы) цензурного внимания перечислены в Положении 1958 г. в разных статьях. Это, прежде всего, «военная и государственная тайна» (ст. 1.) и, во-вторых, «антисоветские и антисоциалистические материалы», содержащиеся в иностранных изданиях (ст. 1.). Термин «антисоветские и антисоциалистические материалы»¹ понимался так – это материалы: 1) «содержащие положения, искажающие политику Коммунистической партии и Советского правительства»; 2) «представляющие в извращенном виде марксистско-ленинскую идеологию» (ст. 5); а также: 3) «политически ошибочные формулировки и положения» (ст. 5). Эти формулировки трудно назвать конкретными, они предполагали самый широкий спектр их применения.

Термин «военная и государственная тайна» никак не расшифровывался (хотя был перечень тайн), но он расширительно понимался как «сведения, предусмотренные перечнем сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, к передаче по радио и телевидению» (ст. 3, 6), а также как «другие материалы и сведения, опубликование которых **может принести вред Советскому государству**» (ст. 6.). Эти формулировки опирались на конкретный нормативный правовой акт. Это «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, по радио и телевидению», которые появились впервые в 1949 г., были пересмотрены в 1958 г. и т.п. К сведениям, предусмотренным этими Перечнями, относились «материалы, содержащие **несекретные данные ...**, открытая публикация которых **признана нецелесообразной**». Там же говорилось: «При подготовке материалов к открытому опубликованию необходимо исходить из совокупности всех ограничений, относящихся к его содержанию. Не допускается, чтобы отдельные **сведения, не запрещенные к открытому опубликованию**, при их накоплении (сводные сведения) приводили к разглашению государственной, военной или служебной тайны». Можно обратить внимание на то, что к публикации запрещались несекретные сведения (например, прогноз погоды на четыре дня вперед).

Статус, субъекты, принципы цензуры были изменены в Положении о Главлите в 1966 году.² Можно констатировать, что «при Хрущеве» существенное изменение

---

¹ В Уголовном Кодексе мы не встречаем понятий «антисоветский» и «антисоциалистический». «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» в УК РСФСР 1926 г. (действующем до 1960 г.) отнесены к контрреволюционным преступлениям (58¹⁰). В УК РСФСР 1960 г. статья «Антисоветская агитация и пропаганда» расшифровывала этот термин: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания» (ст. 70).

² Зеленов М.В. Положение о Главном Управлении по охране государственных тайн в печати при СМ СССР – правовое регулирование цензуры в 1966 г. // История книги и цензуры в России: материалы

структуры прошло в 1958 году, отразив тенденцию к усилению контроля над иностранной литературой. Эта тенденция была закреплена в 1966 г., что отчасти связано с научно-технической революцией и необходимостью охраны научно-технических тайн, входящих в перечневые документы. Принципы цензуры претерпели сильную трансформацию между 1958 и 1966 гг., от более конкретных формулировок – к расплывчатым и интуитивно понятным, но нормативно не определенным. Объекты цензуры оставались на протяжении всего послевоенного времени примерно одинаковые.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425 Оп. 2. Д. 253. Л. 15. Циркуляр Главлита № 690 «Всем главкрайобллитам» о возвращении книг реабилитированных авторов из спецхранов в общедоступные фонды. 24 февраля 1956 г.
2. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 961. Л. 1-2. Протокол совещания у начальника Главлита о плане работы на 2 квартал. 28 марта 1957 г.
3. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 962. Л. 3-5. Из стенограммы доклада начальника Главлита «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС от 3/IV-57 г. «О работе Главлита СССР»» на заседании Партбюро Главлита СССР. 25 октября 1957 г.
4. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 217. Л. 103-105. Справка о районных цензорах-совместителях направлена Зам. начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР И. Исаченко в отдел печати и агитации ЦК КПСС М.Ф. Стрепухову 25.12.1954.
5. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 253. Л. 66-67. Циркуляр № 1881 Главлита СССР «Начальникам Главкрайобллитов, директорам издательств и полиграфпредприятий» о снятии цензурного контроля с ряда изданий. 4 июля 1956 г.
6. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 12. Постановление СМ СССР № 387 «Вопросы Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». 8 марта 1954 г.
7. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 24. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О районных цензорах» 15.08.1955. (Выписка).
8. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 43-45. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О работе Главлита». 03.04.1957. (выписка).
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 49-59. Постановление СМ СССР 219-106 «Об утверждении структуры, штатов и положения о Главлите» 24 февраля 1958 г.
10. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 1. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О работе Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР» (выписка).
11. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 4. Докладная записка Боголюбова, Снастина в ЦК КПСС «О работе Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». 28 сентября 1956 г.
12. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 5-9. Докладная записка Снастина, Фомичева, Боголюбова, Павлова, Чугаева в ЦК КПСС. 26 сентября 1956 г.
13. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 173-175. Проект постановления ЦК «О положении дел в Главлите СССР» 31.01.1957.
14. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 176-184. Докладная записка Громова, Снастина, Калининкова, Охотникова, Боголюбова в ЦК КПСС «О положении дел в Главлите СССР».

- 18.01.1957.
15. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 89. Л. 51-55. Докладная записка А. Котеленеца в ЦК КПСС 28 мая 1956 г.
  16. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 38. Л. 5. Докладная записка Поспелова, Дедова, Московского в Президиум ЦК КПСС, Маленкову, Хрущеву. 10 сентября 1953 г.
  17. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. Машинопись на карточке-бланке «На голосование» с рукописными пометами.
  18. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати». 02.10.1953.
  19. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 21. Докладная записка А.Дедова Н.Хрущеву от 23 июля 1953 г.
  20. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 22. Докладная записка Прокофьева Хрущеву от 24.07.1953.
  21. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 85-87. Черновик постановления СМ СССР.
  22. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 88-89. Докладная записка Поспелова, Дедова, Московского Хрущеву. 4 сентября 1953 г.
  23. УК РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). – 1926. № 80. Ст. 600; также в кн.: УК РСФСР 1926 г. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.

Общая и специальная литература:

24. *Зеленов М.В.* Положение о Главном Управлении по охране государственных тайн в печати при СМ СССР – правовое регулирование цензуры в 1966 г. // История книги и цензуры в России: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 29-30 мая 2012 г. / Науч. ред. М.В. Зеленов. – СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2013. С. 224-230.
25. *Зеленов М.В.* Создание и функционирование общесоюзного органа военной цензуры – Отдела военной цензуры при уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в 1933–1940 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / Науч. ред. М.В. Зеленов. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 248-257.
26. *Зеленов М.В.* Эволюция правового положения Главлита, его структуры и штатов (1922-1967) // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург. 2013. Вып. 6. С. 463-514.
27. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

Zelenov M.V.

**History of the legal status of censorship in the USSR:
development of regulations on Main Directorate for the Protection of Military and
State Secrets in the Press at the USSR Council of Ministers (Glavlit)
during 1953-1958**

This is the first article to examine two resolutions of the USSR Council of Ministers on Glavlit from the 1950s. These resolutions, from 1954 and 1958 respectively, determined Glavlit's structure, status and the principles of its official activity. On the basis of documents housed in RGANI (the protocols of the CPSU Central Committee Secretariat and their associated materials), this article systematically lays out the history of how Glavlit's status was worked out between 1954 and 1958. The regulations of 1958 replaced older regulations of 1931 and 1933 and remained in force until 1966. They established the general principles of state censorship, reflecting the strengthening of ideological control that took place in the wake of the unrest in Hungary in 1956.

Keywords: the legal status of Glavlit, the USSR Council of Ministers' Main Directorate for the Protection of Military and State Secrets in the Press, history of the soviet censor during 1953-1958, USSR Council of Ministers Resolution 219-106 of 24 February 1958, "On the Establishment of Glavlit's Structure, Personnel and By-Laws, K. Omel'chenko, N. S. Khrushchev.

Пожаров А.И.

ГЛАВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЙ ОРГАНИЗАЦИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ (ПОЛОЖЕНИЕ ОГПУ-КГБ)

В данной статье автор предпринял попытку проанализировать основные направления правового регулирования, касающегося истории органов МГБ-КГБ СССР в середине XX в. Основное внимание уделено рассмотрению разнополярных суждений и выводов о базовом юридическом документе в деятельности советских органов госбезопасности, высказанных в историко-юридической литературе. Одной из главных задач, которые ставил перед собой автор статьи – аргументировано показать какое влияние оказало на деятельность спецслужб принятие Положения о КГБ.

Ключевые слова: деятельность органов государственной безопасности, правовое регулирование отечественных спецслужб, Положение о ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ.

На протяжении советского исторического периода отечественные органы безопасности имели различную структуру и наименование: ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Такое же многообразие существовало и в подходах к организации главных подразделений, осуществляющих разведывательную и контрразведывательную функцию спецслужб. Внешняя разведка могла находиться в соподчинённом положении с контрразведывательными управлениями, а на некоторых исторических этапах она выводилась в подчинение Министерству иностранных дел СССР (с января 1949 г. по ноябрь 1952 г. существовал Комитет информации при МИД СССР). Функционируя, как правило, в одном ведомстве разведка и контрразведка могли менять свои номерные обозначения (внешняя разведка – Первое главное управление в НКГБ СССР, МГБ СССР и КГБ СССР и, соответственно, контрразведка – Второе главное управление в этих же структурах; в МВД СССР в период с марта 1953 г. по март 1954 г. – номерной порядок был изменён: Первое главное управление – контрразведка, Второе главное управление – внешняя разведка).

Необходимо отметить, что многочисленные преобразования в спецслужбах и динамика их статуса – от ранга самостоятельного наркомата (министерства) до комиссии (комитета) при Совнарком (Совете министров) СССР – не имели надлежащего правового обеспечения. За семидесятилетнюю историю Советского Союза высшие органы государственной власти приняли только три главных юридических документа, которые, по существу и определяли правовую базу в организации и совокупной деятельности разведки и контрразведки: «Положение о Государственном политическом управлении» (от 06.02.1922 г.); «Положение об Объединённом государственном политическом управлении СССР и его органах» (от 15.11.1923 г.) и «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» (от 02.03.1959 г.). И если первый правовой акт имел юридическую силу один год и десять месяцев, то «Положение об ОГПУ...» и «Положение о КГБ ...» были легитимны более продолжительное время.

Пожаров Алексей Иванович – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, кандидат юридических наук доцент (Москва).

С точки зрения нормотворчества последний из этих актов был самым объёмным и тщательно выверенным. Многолетний процесс его разработки завершился изданием Приказа председателя КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г.¹ Острая дискуссия по основным пунктам этого важного политического и правового документа продолжалась несколько лет. Проект «Положения...» был вначале подготовлен для МГБ СССР и был практически готов ещё при жизни Сталина – летом 1952 года, но юридическую силу этот акт так и не успел получить, поскольку смерть лидера страны привела к острой политической борьбе за власть и кардинальным преобразованиям в структурах государственного механизма. В 1953 году, когда МГБ и МВД функционировали в едином министерстве, в контексте перестройки и укрупнения госаппарата вновь развернулись обсуждения в верхах, которые, впрочем, не позволили оперативно доработать и утвердить главный правовой документ советской разведки и контрразведки. Проект «Положения о Министерстве внутренних дел СССР», одобренный Л.П. Берия 16 июня 1953 года, потерял свою актуальность спустя 10 дней после ареста руководителя советских спецслужб.² По существу, с 1934 года (когда ЦИК СССР упразднил ОГПУ и образовал союзно-республиканский Народный комиссариат внутренних дел СССР), органы госбезопасности, с юридической точки зрения, находились в ущербном положении, используя в своем правовом поле давно устаревшее и не отвечающее необходимым требованиям «Положение об объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах» (от 15.11.1923 г.).³

И НКГБ-МГБ-МВД СССР, и КГБ при СМ СССР до 1959 года использовали в своей правовой практике юридический документ, регламентирующий деятельность давно упраздненной государственной структуры, действовавшей в совершенно других исторических условиях и выполнявшей другие задачи. Таким образом, начиная с 1934 г. всё правовое регулирование советских спецслужб базировалось в основном на подзаконных юридических актах, которые оставались недоступны для внимания широких кругов общественности. Такая ситуация свидетельствовала, что органы госбезопасности находились в правовом отношении на уровне сугубо политического инструмента правящей коммунистической партии, главенствующее значение которой было закреплено в статье 126 Конституции 1936 г., как руководящего ядра всех общественных и государственных организаций СССР.

Вместе с тем, в кругах ученых-историков бытует мнение, которое не подтверждено источниковой базой и трактует вышеуказанный тезис в ином ключе. Утверждается, что якобы в закрытых архивах существует «Положением об НКВД СССР» (1934 г.)⁴, которое только ещё предстоит рассекретить и ввести в научный оборот. Невольно напрашивается вопрос, почему же «Положение о КГБ ...» (1959 г.) рас-

---

¹ Положение о Комитете государственной безопасности при СМ СССР и его органах на местах // Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991: справ. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. С. 693-698.

² Проект Положения о Министерстве внутренних дел СССР от 16 июня 1953 г. // Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991 ... С. 681-684.

³ *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности: учеб. пособие. – М.: НОРМА-ИНФА, 1998. С. 21.

⁴ The Role of the Political Police in the Soviet Union, 1918-1956: The Conference // Cahiers du Monde russe, 2001. № 42/2-3-4. P. 358 // URL: <http://www.monderusse.revues> (дата обращения 09.04.2016).

секречено, а «Положение об НКВД СССР» (1934 г.) остаётся под грифом «секретно»? После источниковедческого анализа выяснилось, что проект документа действительно существовал, и неоднократно обсуждался на Политбюро ЦК ВКП (б), но так и остался на стадии проекта и никогда высшими органами партийной и советской власти не утверждался и, следовательно, законную силу не имел. Можно предположить, что на завершающем этапе обсуждения проекта «Положения об НКВД СССР» на сталинское решение повлиял факт убийства С.М. Кирова (01.12.1934 г.) и последовавшая за этим переориентация органов НКВД в сторону усиления внутривластных репрессий. Экстраполируя ситуацию в СССР середины 30-х гг. XX века на постсталинский период нужно подчеркнуть, что появление базового юридического документа к 1959 году для советских спецслужб также было осложнено внутривластной ситуацией. Только в этот исторический период осложнения были связаны не с усилением репрессий, а с перманентной борьбой за власть политических наследников Сталина.

В соответствии с партийным решением Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г., в последующем были приняты Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 марта 1954 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г., которые законодательно оформили выделение КГБ из структур МВД СССР.¹ Одновременно новому руководителю органов госбезопасности И.А. Серову было предложено в месячный срок разработать и представить на утверждение в партийные и советские инстанции проект «Положения о КГБ при СМ СССР». Вопрос об исполнении этого решения генерал И.А. Серов вынес в повестку дня одного из первых заседаний коллегиального органа спецслужб – Комитета госбезопасности. Однако работа над проектом затянулась для первого председателя КГБ вплоть до его ухода с поста руководителя органов госбезопасности в декабре 1958 года. На протяжении четырёх лет И.А. Серов так и не смог до конца согласовать подготовленный документ с партийными функционерами из ЦК КПСС.

Одна из причин столь длительного обсуждения и, соответственно, затягивания итогового решения – возникшие разногласия между председателем КГБ и руководителями административного отдела ЦК КПСС. Начиная с марта 1954 года в ходе начавшегося формирования тезисов проекта «Положения...» И.А. Серов вошёл в серьёзные противоречия по некоторым принципиальным вопросам с заведующим административным отделом ЦК КПСС А.С. Желтовым, заместителем заведующего адм.отделом В.В. Золотухиным и заведующим сектором В.С. Тикуновым. Эти партаппаратчики курировали не только работу КГБ по линии ЦК партии, но и деятельность всех правоохранительных и силовых ведомств СССР. Вопросы подбора и расстановки руководящих кадров милиции, суда, прокуратуры, министерства обороны, КГБ были сконцентрированы именно в этом структурном подразделении Центрального комитета партии и контролировались его чиновниками. Кризис в отношениях между руководством КГБ и руководством административного отдела ЦК КПСС наступил летом 1956 года, когда партийные функционеры в своём пись-

---

¹ Афиани В.Ю., Панина А.Л., Пожаров А.И. «Честно служить партии». Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г. // Исторический архив. – 2002. № 3. С. 3-28.

ме членам Президиума ЦК высказали упреки по поводу состояния следственной работы в деятельности КГБ и острую критику в адрес самого И.А. Серова. Впоследствии сотрудники административного отдела предложили включить вопрос о ситуации в работе следственных аппаратов КГБ в повестку дня одного из заседаний ЦК КПСС, где генерал вынужден был оправдываться и объясняться по поводу замечаний.

В начале 1957 года сотрудники административного отдела пошли ещё дальше в своём противостоянии с КГБ. По их инициативе через Секретариат ЦК КПСС было проведено решение о целесообразности приглашения руководства КГБ на «Старую площадь» с целью отчёта о проделанной работе по линии следственных аппаратов ведомства. Таким образом И.А. Серову было предписано отчитаться о работе следственных аппаратов на заседании Секретариата ЦК в присутствии сотрудников адм.отдела. С этой целью И.А. Серов подготовил развернутую записку в ЦК КПСС.¹ В ходе рассмотрения вопроса у секретарей ЦК КПСС Л.И. Брежнева и А.Б. Аристова Председателю КГБ было указано на серьёзные недостатки в работе следственных отделов Комитета и нехватку аргументации в их объяснении. Эта информация была доложена Н.С. Хрущеву, после чего И.А. Серов был вынужден давать письменные объяснения об имеющихся злоупотреблениях в подчиненном ему ведомстве теперь уже лично Первому секретарю ЦК КПСС. На фоне ухудшения отношений между председателем КГБ и его кураторами из ЦК КПСС работа над проектом «Положения...» к лету 1958 г. окончательно зашла в тупик.

Анализируя некоторые проекты «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах», направленные в адрес СМ СССР и в ЦК КПСС (с июля по октябрь 1958 г.) за подписью И.А. Серова, можно отметить, что в них руководитель советских спецслужб по существу недооценил роль и значение партийных органов в деятельности КГБ. Это нашло своё выражение в подготовленных на Лубянке документах. Например, в одной из первоначальных редакций «Положения...», Председатель КГБ должен был назначаться только Президиумом Верховного Совета СССР (без участия ЦК КПСС), в ней ничего не говорилось и о руководящей роли КПСС. В этом варианте председатель КГБ имел право издавать приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, постановлений и распоряжений Совмина СССР (а про ЦК КПСС там ничего не было сказано). В статье 19 проекта «Положения...», подготовленным И.А. Серовым, Совет Министров СССР вообще был поставлен на первое место, а ЦК КПСС на второе. Здесь указывалось, что руководство Комитета госбезопасности должно было систематически докладывать Совету Министров СССР и Центральному Комитету КПСС о состоянии государственной безопасности в стране и мерах, принимаемых Комитетом по её обеспечению.

В итоге затянувшейся дискуссии сотрудники административного отдела ЦК КПСС в своем заявлении на имя Н.С. Хрущева обвинили И.А. Серова в чрезмерном ведомственном патриотизме, в его нежелании сокращать аппарат КГБ, уменьшить численность комитета, изменить его структуру, смягчить карательную политику. В

---

¹ Из записки И.А. Серова в ЦК КПСС о работе КГБ при СМ СССР от июня 1957 г. // Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991 ... С. 688–692.

довершении ко всему, на имя Н.С. Хрущева в ЦК партии в ноябре 1958 г. (очень кстати для А.С. Желтова, В.В. Золотухина и В.С. Тикунова) поступила объёмная жалоба на И.А. Серова от начальника Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области генерал-майора Н.Р. Миронова, в котором руководитель ленинградских чекистов подверг острой критике Председателя КГБ за его авторитарные методы руководства, грубость, администрирование, зажим самостоятельности руководителей местных органов госбезопасности. Спустя три недели после этого обращения 8 декабря 1958 года И.А. Серова сняли с должности руководителя чекистского ведомства и перевели в Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил, а вместо него назначали А.Н. Шелепина, бывшего Первого секретаря ЦК ВЛКСМ. В КГБ наступило время комсомольских лидеров, а вместе с ним и время новых чисток и преобразований. Стоит заметить, что одним из первых приказов А.Н. Шелепина, как нового Председателя КГБ 2 января 1959 года «за умелое проведение агентурно-оперативных мероприятий и проявленную при этом инициативу» генералу Миронову Николаю Романовичу была объявлена благодарность и вручен ценный подарок. Чуть позже в июне 1959 года Н.Р. Миронова ожидал новый карьерный взлёт. Он с повышением был переведён в Москву на должность заведующего административным отделом ЦК партии, которую до этого занимал А.С. Желтов. С этого времени Н.Р. Миронов стал ключевой фигурой в аппарате ЦК КПСС и куратором А.Н. Шелепина. При непосредственном участии Николая Романовича, а по сути – при его руководстве проходила реорганизация КГБ в 1960 г., ликвидация союзного МВД, а затем и предпринятые гонения на И.А. Серова.¹

Возвращаясь к вопросу о судьбе «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах», нужно отметить, что сотрудники административного отдела ЦК КПСС всё же добились на заседаниях Секретариата ЦК КПСС и Президиума ЦК КПСС осенью-зимой 1958 года внесения в проект базового юридического документа поправок, законодательно закреплявших подчиненность КГБ партийным органам. После того, как руководитель органов госбезопасности И.А. Серов в декабре 1958 года был переведен на должность начальника ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, а его место занял бывший Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин буквально через несколько дней на заседании Президиума ЦК КПСС – 9 января 1959 г. проект «Положения...» наконец-то был утверждён.² Примечателен тот факт, что даже на этом итоговом заседании Президиума ЦК, при утверждении окончательного текста документа в присутствии только что назначенного председателя КГБ А.Н. Шелепина была внесена ещё одна дополнительная поправка, подчёркивающая руководящую линию партии.

После длительной и детальной проработки проекта «Положения...» в руководящих структурах партии и утверждения этого документа на заседании Президиума ЦК КПСС Совет Министров СССР продублировал его своим постановлением 2 марта 1959 г., с целью придания этому документу законодательной силы исполни-

---

¹ Петров Н.В. Первый Председатель КГБ Иван Серов. – М., Материк, 2005. С. 325-328.

² Выписка из протокола № 200 заседания Президиума ЦК КПСС с утверждением проекта положения о КГБ при СМ СССР от 9 января 1959 г. // Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991 ... С. 693.

тельной власти. Спустя две недели, 19 марта 1959 года «Положение о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» было объявлено Приказом председателя КГБ при СМ СССР с грифом «совершенно секретно» и окончательно приняло законную силу для всей системы органов госбезопасности. По существу, с этого момента в КГБ стали проводиться очередные масштабные изменения. Именно с этого года началось постепенное слияние структур ведомства, которое объяснялось усовершенствованием и упрощением центрального и местных аппаратов органов государственной безопасности. В ходе развернувшейся реорганизации органов госбезопасности новый Председатель взял курс на «омоложение» кадров. В рамках партийной линии укрепления социалистической законности в советских спецслужбах появился новый импульс дальнейшего развития законотворчества в деятельности органов госбезопасности.

Несмотря на идеологизированный характер документа, издание «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» стало настоящим событием в жизни отечественных спецслужб, определившим вектор их развития на три десятилетия вперед, вплоть до 1991 года. Чекисты наконец-то получили базовый юридический документ, где четко были сформулированы основные задачи и принципы организационного построения органов КГБ. Впервые за последние четверть века (с 1934 по 1959 гг.) деятельность органов государственной безопасности была поставлена в рамки хотя и засекреченного, но всё же общепринятого законодательного акта. Этим самым был создан базовый законодательный документ и очерчены определенные юридические рамки для всей работы системы органов госбезопасности.

Положения приказа председателя КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г. подтверждали приверженность взятому курсу – на борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб иностранных государств. Несмотря на наличие политических и идеологических установок, не соответствовавших реалиям оперативной обстановки, в приказе содержался целый ряд важных теоретических и практических положений, способствовавших внесению кардинальных изменений в подходах к организации деятельности органов госбезопасности. Впервые задачи контрразведывательной работы были сформулированы с учетом направлений борьбы, обусловленных характером подрывной деятельности и характером объектов подрывных устремлений.

На органы государственной безопасности были возложены следующие задачи:

- разведывательная работа в капиталистических странах;
- борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой внутри страны;
- борьба с враждебной деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР;
- контрразведывательная работа в Советской Армии, Военно-Морском Флоте, Гражданском воздушном флоте, в пограничных войсках и войсках Министерства внутренних дел СССР с целью предупреждения проникновения в их ряды агенты иностранных разведок и иных враждебных элементов;
- контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объ-

ектах промышленности и на транспорте;

- охрана государственных границ СССР;
- охрана руководителей партии и правительства;
- организация и обеспечение правительственной связи;
- организация радиоконтрразведывательной работы и учёт необходимых данных ведомственных радиостанций, действующих на территории страны;
- разработка мобилизационных планов по развертыванию органов госбезопасности и войсковых частей КГБ при СМ СССР и выполнение других поручений ЦК КПСС и Советского правительства.¹

Линейный принцип деятельности контрразведывательных подразделений стал определяться не только направлениями деятельности (разведка и контрразведка), но и различными сферами (областями) этой деятельности – борьба с конкретным противником и категориями враждебных элементов. Понятие объектового принципа было дополнено контрразведывательным обеспечением объектов разведывательных устремлений – транспорт, связь, государственная граница и т.п.

Несмотря на то, что ведомство КГБ юридически функционировало в ранге союзно-республиканского министерства и находилось «при Совете Министров СССР» в «Положении...» подчеркивалось, что КГБ при СМ СССР и его структуры на местах «являются политическими органами», а также указывалось, что органы государственной безопасности систематически отчитываются в своей работе перед партией.² Таким образом, в очередной раз акцент был сделан на политический характер деятельности органов КГБ, который предопределял их назначение, компетенцию и направление работы. Непосредственный контроль за всей структурой КГБ и фактическое управление его деятельностью осуществлялось партийными органами.

Нужно отметить и о завышенной секретности «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах», которое исключало возможность ознакомления с ним широкого круга лиц, использующих этот документ в своей работе. Интересен тот факт, что приказ председателя КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г. обязал всех руководителей подразделений КГБ, в адрес которых был этот документ направлен, хранить «Положение...» лично у себя, и уже к 1 июля 1959 г. возвратить (подчёркнуто – *А.П.*) в секретариат КГБ! Даже некоторые категории сотрудников органов госбезопасности не имели права личного ознакомления с ним и знали о «Положении...» лишь в интерпретации руководящего состава. Чтобы ликвидировать этот пробел и дать возможность рядовым сотрудникам получить более полное представление о новом правовом акте, руководством КГБ был издан другой, уже более политизированный приказ, содержащий цитаты из «Положения...», снабженные комментарием в духе марксистско-ленинских догм – приказ председателя КГБ при СМ СССР от 15 июля 1959 г. «О задачах органов государственной безопасности в связи с решениями XXI съезда КПСС и Положением о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах».

---

¹ Положение о Комитете государственной безопасности при СМ СССР и его органах на местах // Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991 ... С. 694.

² Положение о Комитете государственной безопасности при СМ СССР и его органах на местах. С. 694.

В соответствии с концептуальными установками «Положения...» отечественные спецслужбы ориентировались прежде всего на борьбу во вне, что требовало сосредоточения усилий на борьбе с разведками иностранных государств, и, следовательно, предопределило изменение структуры органов безопасности. В 1959 году вторые (контрразведывательные) и пятые (контрразведывательная работа на особо важных промышленных объектах) управления – отделы – отделения в центре и на местах объединялись в единые контрразведывательные подразделения.

Таким образом, с реорганизацией МВД СССР в марте 1954 года и выделением органов госбезопасности в самостоятельное ведомство КГБ при СМ СССР возникла тенденция к созданию в стране объективно необходимых разведывательных и контрразведывательных органов, обеспечивающих защиту общенациональных интересов государства, взамен чрезвычайных органов государственной безопасности по борьбе с контрреволюцией и «врагами народа». Деятельность лидеров КПСС в этом направлении была подкреплена проведением правовой реформы в законодательстве СССР. По своей сути она была прогрессивна и представляла собой шаг вперед по сравнению с предыдущей правовой базой. Стремление взять под государственный и партийный контроль работу КГБ и направить «острие их деятельности во вне», также диктовалось этой тенденцией. Однако, пороки однопартийного режима власти не оставляли места для реализации этих закономерных и позитивных идей и стремлений, по-прежнему отвлекая органы госбезопасности в сферу внутриаполитических процессов.

В приказе председателя КГБ при СМ СССР от 15 июля 1959 г. нашли своё отражение и были закреплены основные установки прошедшего накануне внеочередного XXI съезда КПСС. В нём подчёркивалось, что «органы государственной безопасности, как политические органы, должны заниматься вопросами, связанными с классовой борьбой». В этом приказе с ещё большей силой были расставлены акценты на политический характер деятельности КГБ. Несмотря на идеологический характер «Положения...» и изданного на его основе приказа от 15 июля 1959 г. был достигнут большой прогресс в правовом регулировании органов госбезопасности по сравнению с прошлыми годами и тезисом Сталина об обострении классовой борьбы «по мере нашего продвижения вперед»¹, обосновывающим террор и репрессии внутри страны. Применение внесудебной расправы по отношению к так называемым «врагам народа» было прекращено. Таким образом, борьба за «восстановление принципов социалистической законности», в том числе и в органах государственной безопасности, в период хрущёвской «оттепели» была неоднозначной, во многом носила характер пропагандистской кампании. Но это был качественно новый уровень по сравнению с уровнем законопорядка 1920-1930-х гг.

Укрепление законности стало одним из важнейших мероприятий партии по устранению последствий режима Сталина. Теперь уже открыто признавались полное несоблюдение юридических норм, произвол и почти повсеместное применение террора в 1930-1940-х гг.; вина при этом возлагалась на «культ личности», который, как заявлялось, чрезмерно поощрялся Сталиным в последние годы его жизни или

---

¹ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. – М.: Партиздат, 1937. С. 29.

на отдельных людей (в первую очередь обвинялись бывшие руководители НКВД-МГБ).¹ Всякие высказывания о том, что такое нарушение законности могло явиться следствием несамостоятельности судебных органов и развития системы, основанной на господствующем положении одной партии, которая ставила себя выше закона, – опровергались и сурово осуждались. Какие бы ошибки ни допускались в прошлом, партию, по мнению её лидеров, не следовало порицать за это, и проводившиеся меры по исправлению этих недостатков якобы доказывали, что КПСС винить было не за что. «Признание партией своих ошибок» преподносилось как «мудрость коллективного руководства и правильность марксистско-ленинской идеологии».

Практические мероприятия, проведенные с целью укрепления законности и устранения последствий злоупотреблений, допущенных в прошлом, действительно имели немаловажное значение. В результате ряда амнистий и пересмотра дел на большое количество лиц, заключенных в лагеря, было освобождено значительное число невинно пострадавших. Большинство видных коммунистов, приговоренных в прошлом к заключению или смертной казни, как изменники, были реабилитированы, как правило, посмертно. Началась широкая реорганизация исправительно-трудовой системы. У МВД постепенно отбирали его мощные хозяйственные предприятия и передавали в ведение соответствующих промышленных министерств. Значительно улучшались условия жизни и работы заключенных в исправительно-трудовых лагерях, число которых к тому же сильно сократилось. Колонии теперь передавались в совместное ведение МВД и местных Советов. Обязанности по наблюдению над условиями жизни в этих лагерях или колониях возлагались на местные Советы и прокуратуру. Категорически запрещалось применение физического воздействия в отношении арестованных². Хрущевская «оттепель» стала временем становления и развития новых форм и методов контрразведывательной деятельности органов госбезопасности, которые на десятилетия вперед предопределили её успешное противостояние подрывной деятельности спецслужб иностранных государств. Законодательная база КГБ получила дальнейшее развитие, а деятельность отечественных спецслужб, по существу, отражала особенности переживаемого страной периода, периода реформ и многочисленных реорганизаций.

Появление в марте 1959 года «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» (разрабатывалось руководством МГБ-МВД-КГБ почти десять лет), несмотря на излишнюю засекреченность этого документа, ввело наконец-то юридическую базу органов КГБ в правовое поле советского государства и внесло определенную ясность в правовое регулирование деятельности советских спецслужб. Вместе с тем, содержащиеся в этом важном юридическом акте идеологизированные установки о строгой подконтрольности коммунистической партии и подотчетности партийным структурам свидетельствовали об окончательном превращении органов КГБ, по словам Н.С. Хрущё-

---

¹ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях (доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. № 3. С. 98-178.

² Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. – 1996. № 4. С. 132-164.

ва, в своеобразный «филиал партии».¹ Превращение ЦК КПСС не только в высшую партийную инстанцию, но и в орган, стоящий над законодательной и исполнительной властью негативным образом сказалось на эффективности работы отечественных органов безопасности, их работа в исследуемый период приобрела сверх идеологизированный характер.

Наряду с рядом положительных изменений в правовой базе отечественных спецслужб, связанных с изданием «Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах», необходимо отметить возрастание тенденции нарушения принципа равенства перед действующим на тот период законом. В отношении партийной номенклатуры буквально всех рангов было запрещено проведение каких-либо агентурно-оперативных мероприятий, поскольку принцип партийного руководства являлся основополагающим в деятельности органов госбезопасности, подчинив себе все остальные организационные принципы. Этим самым было заложено серьезное противоречие в сфере деятельности структур, обеспечивающих безопасность советского государства, противоречие, которое сыграло свою негативную роль в ходе развития кризисных явлений в истории СССР на рубеже 80-90-х гг. XX века, приведших к распаду крупнейшей в мире державы.

Источники и использованная литература:

Источники:

а) нормативные правовые акты:

1. Конституция (основной закон) СССР: с изменениями и дополнениями, принятыми на второй сессии Верх. Совета СССР пятого созыва. – М.: Госюриздат, 1959. – 62 с.
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1967) / Сост. Ф.И. Клинычев [и др.]: в 3-х тт. – М.: Известия, 1968. Т. 2. – 643 с.

б) опубликованные делопроизводственные документы:

3. Афиани В.Ю., Панина А.Л., Пожаров А.И. «Честно служить партии». Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г. // Исторический архив. – 2002. № 3. С. 3-28.
4. Дело Берия. Пленум ЦК КПСС – 2-7 июля 1953 года: стеногр. отчет // Известия ЦК КПСС. – 1991. № 1. С. 139-214.
5. Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. – 1996. № 4. С. 132-164.
6. Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / В.П. Наумов [и др.]. – М.: МФД, 1999. – 512 с.
7. Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева / Сост. А.Н. Артизов [и др.]: в 2-х тт. – М.: МФД: Материк, 2009. Т. 1. – 656 с.; Т. 2. – 880 с.
8. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП (б) 3-5 марта 1937 г.). – М.: Партиздат, 1937. – 48 с.

---

¹ Хрущев Н.С. Речь на Всесоюзном совещании работников Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР 7 июня 1954 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева / Сост. А.Н. Артизов [и др.]: в 2-х тт. – М.: МФД, 2009. Т. 1. С. 507-525.

9. *Хрущев Н.С.* О культе личности и его последствиях (доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. № 3. С. 98-178.
Общая и специальная литература:
10. *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. – М.: НОРМА-ИНФА, 1998. – 254 с.
11. Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991: справ. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.
12. *Петров Н.В.* Первый Председатель КГБ Иван Серов. – М.: Материк, 2005. – 416 с.
13. *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: справ. – М.: Звенья, 2010. – 1008 с.
14. The Role of the Political Police in the Soviet Union, 1918-1956 // The Conference / Cahiers du Monde russe, 42/2-3-4, Avril – Decembre 2001. – Paris, 2002. P. 357-374 // URL: [http:// www.persee.fr](http://www.persee.fr).

Pozharov A.I.

**The main legal act regulating the organization and activity
of the soviet security service (status of OGPU-KGB)**

In this article the author tried to analyze key ways of the legal regulation, that refers to the history of MGB-KGB of USSR in the middle of 20th century. The author paid particular attention to different judgements and consequences about the basic jural document in Soviet state security services activity. These judgements were expressed in the historic-jural literature. One of the main tasks of the author is to show the influence of the Statute on KGB secret services activity.

Keywords: state security services activity, legal regulation of domestic secret services, the Statute of OGPU-NKVD-MGB-KGB.

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР¹

Автор исследует уровень, динамику, структуру, причины и тенденции преступности в Вооружённых Силах СССР во второй половине XX – начале XXI вв., устанавливает взаимосвязи между преступностью в стране и Вооружённых Силах, анализирует причины укрывательства воинских преступлений командованием.

Ключевые слова: Вооруженные Силы СССР, воинские преступления, воинская дисциплина, учёт преступности, тенденции, укрывательство преступлений, искусственное снижение преступности.

Первую попытку серьезного научного анализа состояния и динамики преступлений военнослужащих за длительный период времени (1949–1969 гг.) предпринял в закрытой работе В.П. Маслов², проведя фундаментальное исследование. Можно подвергнуть сомнению лишь выводы: они были оптимистичными. Основываясь на статистических данных, он писал, «что за период с 1949 г. по 1969 г. она (преступность – В.Л.) сократилась более чем в два раза, причём воинские преступления сократились ещё более значительно – в два с половиной раза. За это же время в Сухопутных войсках преступность сократилась почти в четыре раза, а в Военно-Морском Флоте – более чем в пять раз... Преступность в войсках сокращается более интенсивно, чем в стране в целом, что с 1924 г. по 1964 г. с учётом численности войск она сократилась в десять раз».³ Данные умозаключения действительно вытекали из количественных показателей, которыми располагал в то время В.П. Маслов. Автор этих строк какое-то время был согласен с этими выводами. Но они, к сожалению, не подтверждаются более глубоким, качественным, анализом.

Во-первых, принятие за базу данных 1949 г., первого года, когда Вооруженные Силы после Великой Отечественной войны переходили на штаты мирного времени, при изучении динамики преступности не совсем корректно. По данным, полученным автором в 90-е гг. XX века из Генштаба Вооруженных Сил, в 1949 г. численность личного состава только в Советской Армии и Военно-Морском Флоте составляла около 4,5 млн. человек. В последующие годы дважды объявлялось о сокращении Вооруженных Сил: на 2 149 тыс. в 1955–1958 гг. и на 1 200 тыс. в 1961 г.⁴ Есть основания полагать, что реальное сокращение было меньшим, но оно оставалось существенным. И это искажало динамику абсолютных показателей преступности, на основе которых делался вывод о её сокращении.

Лунеев Виктор Васильевич – заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права РАН (Москва).

¹ Статья написана по книге: *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: изд. 2-е, пераб. и доп. – М.: Волтерс-Клувер, 2005. С. 742-764.

² См.: *Маслов В.П.* Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР. Дисс. д-ра юр. наук. – М., 1972; *Маслов В.П., Белявский ВТ.* Из истории изучения и предупреждения преступности в армии и на флоте // Труды Академии. – М., 1969. С. 259-274.

³ *Маслов В.П.* Сводные таблицы статистического анализа преступности. Приложение к диссертации. – М., 1972. С. 9.

⁴ Разоружение // Военная энциклопедия. – М., 1979. Т. 7. С. 43.

Во-вторых, в трудное время войны и послевоенного периода в стране и войсках регистрировался наиболее высокий уровень преступности, который с переходом к более или менее нормальной мирной жизни снижался. Значительный вклад в это снижение внесли смягчение уголовной ответственности и декриминализация деяний, в том числе воинских, при реформировании уголовного законодательства в 1957–1962 гг.

В-третьих, в связи с отсутствием сколько-нибудь точных сведений о численности войск и преступности в них в 1924 г. и 1964 г. (было лишь открытое высказывание Н.С. Хрущева), видимо, не имелось достаточных оснований утверждать, что преступность в войсках в расчете на 100 тыс. военнослужащих сократилась за эти 40 лет в 10 раз и что она в армейских условиях сокращается быстрее, чем в гражданском обществе. Во всяком случае, этот тезис не подтверждается тенденциями преступности в стране и армии в эти годы.

При оценке тенденций преступности в 1924–1964 гг. следовало также учитывать изменения уголовного и иного законодательства. 1924 год был годом начала военной реформы и утверждения первого общесоюзного Положения о воинских преступлениях, которое существенно расширило число составов по сравнению с действующей до этого гл. 7 УК РСФСР 1922 г. До 1964 года военно-уголовное законодательство существенно и неоднократно менялось (в 1927, 1940, 1957, 1958–1962 гг.). Последние изменения были связаны с ограничением ответственности и её смягчением. В 1961 г. вступил в действие принципиально новый учёт преступности.

Не углубляясь в суть многих изменений, остановимся лишь на понятии самовольной отлучки и дезертирства. До 1957 года они различались лишь по времени отсутствия военнослужащего в части: более двух часов – самовольная отлучка, более суток – дезертирство. После 1957 года под самовольной отлучкой стало пониматься отсутствие в части свыше суток либо хотя и менее суток, но совершенное повторно в течение трёх месяцев; под дезертирством – оставление части с целью уклонения от военной службы вовсе. В 1960-е гг. за совершение «самовольной отлучки, которая в 1920–1950-е гг. была фактическим дезертирством, привлекали к уголовной ответственности одного из 100–200 самовольщиков». Даже ещё в 1958 году удельный вес самовольных отлучек в структуре воинских преступлений составлял более 30% (около 5 тыс. деяний), в 1960-е гг. он сократился на треть, а в 1970–1980-е гг. этот состав практически исчез из уголовного учёта. В 1991 г. при повальных самовольных отлучках к уголовной ответственности было привлечено около 100 человек, или 0,5% от общего числа совершивших только воинские преступления. Фактически же намного больше самовольных отлучек совершалось в каком-нибудь одном полку или военно-строительном отряде, чем было учтено во всех Вооруженных Силах СССР.

В 1964–1965 гг., как известно, зарегистрирован самый низкий уровень преступных проявлений не только в стране, но и в войсках. Снижение было искусственным, зато отвечало программным требованиям КПСС, полагавшей, что «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности» и что необходимо заменить уголовное наказание «мерами общественного воздей-

ствия».¹ Серьёзно полагали, что преступность быстрее всего может быть искоренена в Вооруженных силах, действующих в условиях единоначалия и особых организационных форм.²

Командиры и начальники Вооруженных Сил СССР на протяжении всего послевоенного периода, находясь под прессом требований партийных, государственных и военных властей, завышенного общественного мнения о военной службе как школе физического, нравственного, политического и правового воспитания молодежи. и будучи не в состоянии справиться с падением воинской дисциплины, вставали на путь укрывательства преступлений, хотя приказы покончить с укрывательством преступлений издавались систематически.

Одно из объяснений: в мирное время отслеживать состояние реальной боеготовности частей очень непросто. Нужна большая аналитическая работа. Поэтому одним из повседневных, а со временем и главных показателей боеготовности становится **состояние воинской дисциплины, а точнее – число зарегистрированных преступлений и иных правонарушений**. Их легко подсчитать, сопоставить, ранжировать. Поэтому криминальная статистика со временем стала для вышестоящих начальников простым и удобным критерием оценки деятельности подчиненных командиров. Так сложилась порочная система, которая позволяла без доскональных проверок и глубокого анализа реальной обстановки в воинских частях и подразделениях принимать скорые решения в отношении подчиненных командиров, наказывать и поощрять, снимать с должностей и продвигать по службе, создавая видимость управленческой деятельности. К слову сказать, эти приемы известны и гражданской службе, причем не только в нашей стране. Но в условиях советского единоначалия их роль была намного выше.

Фетишизация уголовного учёта помимо прочих негативных последствий создала благоприятную базу для формирования далеко не лучших командирских и человеческих качеств. Сложившаяся система оценок сначала заставляла командование скрывать совершенные преступления, а затем, если оно оказывалось недостаточно ловким, наказывала его за то, что «попалось». Перед стоящим над ним начальством возникала та же дилемма: доложить наверх – самому можно получить взыскание, скрыть – тоже можно быть наказанным, но если дознаются.

Этой порочной системе способствовали сомнительные правовые установления: а) бланкетные нормы в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г., отсылающие к неопределенным и меняющимся положениям общевойсковых уставов, наставлений и приказов, отклонения от которых могли расцениваться самим командованием как воинское преступление или дисциплинарный

---

¹ Программа КПСС. – М., 1961. С. 106.

² Достаточно воспроизвести динамику наименований приказов и директив о дисциплине («О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и мерах по ее укреплению». Приказ от 30 апреля 1951 г. № 0085; «О мерах по укреплению воинской дисциплины и ликвидации преступности в Вооруженных Силах». Директива от 6 февраля 1960 г. № Д–8213с; «О мерах по искоренению бесчинств по отношению к местному у населению и насилий над женщинами». Директива от 9 июня 1964 г. № Д–050; «О мерах по предупреждению и искоренению случаев самоубийств и попыток к самоубийствам среди военнослужащих». Директива от 13 апреля 1965 г. № Д–019), чтобы сделать вывод о том, что с 1960-х гг. в руководящих документах начинают преобладать императивные требования о ликвидации и искоренении преступности в войсках.

проступок; б) нормы об ответственности за воинские преступления, которые позволяли при наличии смягчающих обстоятельств, отбираемых самим командованием (поскольку их перечень в законе не был закрытым), оценивать противоправное поведение подчиненного в качестве дисциплинарного проступка или преступления; в) особый порядок привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за любые воинские преступления (кроме дезертирства) только с согласия полномочных начальников, который остался со времен войны.

В 1960-е годы автор этой книги находился на следственно-прокурорской работе в Приволжском военном округе. Приходилось наблюдать и даже соучаствовать в «строительстве» беспреступного коммунистического общества. Идеологическая эйфория от скорого коммунизма, декриминализация одиозных деяний, гуманистические тенденции, общее ослабление уголовной ответственности, неоправданная надежда на помощь общественности в борьбе с преступностью, практическое усиление роли командования в решении вопросов привлечения к уголовной ответственности подчиненных, открытое укрывательство преступлений – всё перемешалось в те годы и предопределило самый низкий уровень учтенной преступности. Таким образом, данные и 1964 г. не были показательными при выявлении реальных тенденций преступности в войсках.

Серьезные расхождения результатов количественного и качественного анализа динамики преступности в 1924–1964 и 1949–1969 гг. не означают, что количественные тенденции этих лет следует игнорировать. Речь идет только о их более объективной и качественной оценке. И если продолжить анализ этих данных до 1991 г., то реальные тенденции преступности и на количественном уровне в той или иной мере проявятся.

В 1949 году в гражданском обществе СССР было учтено 995 846 преступлений, а в армии и на флоте – 37 729 преступлений, в том числе 800 особо опасных (контрреволюционных), 14 113 общеуголовных и 21 975 воинских. Преступность в Вооружённых Силах, куда в те годы кроме армии и флота входили пограничные, внутренние, железнодорожные и иные войска, была, соответственно, выше. Общее число зарегистрированных преступлений в стране, армии и на флоте составило 1 033 575. Удельный вес преступлений военнослужащих армии и флота в структуре всей преступности равнялся 3,7 %.

В 1991 г. в СССР было учтено 3 224 273 преступления, а с деяниями военнослужащих армии и флота – 3 255 533. Учтённые в армии и на флоте преступления составили 31 260, в том числе 19 государственных, 9 424 общеуголовных и 21 807 воинских. Государственная преступность сократилась в 42 раза, общеуголовная – на 33,2%, а воинская — на 0,8%.

За 40 с лишним лет численность армии и флота сократилась с 4,5 – 4,1 млн. до 3,5 млн. человек, или на 15–20%. В промежутке между этими годами численность войск колебалась в больших пределах. Коэффициент преступности в стране в 1949 г. составлял около 400–450 преступлений на 100 тыс. населения, в армии и на флоте – около 950, в 1991 г., соответственно: 1115 и 893. Уровень преступности в стране увеличился в 2,5 раза, а в армии и на флоте сократился на 6%. Соотношение этих показателей внутри рассматриваемого периода было более сложным (см.: Табл. 1).

Таблица 1
**Коэффициенты преступности в стране, армии и на флоте
 в расчёте на 100 тыс. населения (военнослужащих)**

Год	Численность военнослужащих, млн.	Коэффициент преступности военнослужащих. Советская Армия и ВМФ СССР	Коэффициент преступности граждан
1950	4,1	957,5	400,0
1960	3,0	655,5	306,8
1970	3,8	425,6	432,9
1980	4,2	533,5	603,7
1990	3,5	794,2	968,8

Вооруженные Силы РФ¹			
1996	2,4 ²	1217,4	1778,4
1997	–	–	1629,3
1998	1,9	1306,0	1759,5
1999	–	–	2051,4
2000	1,5	1200,0	2028,3
2001	–	–	2039,2
2002	1,2	1150,0	1754,9
2003	1,0-1,1	1548,8-1405,3 ³	1926,2

¹ Вооруженные Силы РФ в современном составе включают в себя три вида (Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот), три рода войск (Ракетные войска стратегического назначения, Космические войска, Воздушно-десантные войска), а также другие обслуживающие образования. В них не входят пограничные войска (ФСБ России), внутренние войска (МВД России), железнодорожные войска, войска гражданской обороны (МЧС России), войска правительственной связи (ФАПСИ) и другие поднадзорные Главной военной прокуратуре воинские образования (ФСБ России, СВР России, ФСО России и т.д.). Для расчета коэффициента преступности нужны сведения о численности войск, которые являются конфиденциальными. В выступлениях Президента РФ в открытой российской и зарубежной печати имеются сведения о численности собственно Вооруженных Сил РФ (см., например: Российская газета. 2003. 3 окт.; Правое дело. – 2002. № 45-46; Отечественные записки. – 2002. № 8; Челябинский рабочий. – 2002. 22 авг.; сайты Washington Profile, и др.) и иных военных формирований. Исходя из этих сведений и рассчитаны коэффициенты преступности в Вооруженных Силах РФ. Расчёт примерный, но он дает некоторые основания для выводов.

² Все войска. Удельный вес преступности военнослужащих Вооруженных Сил РФ в структуре преступности личного состава всех воинских образований (их в России 13) колеблется в пределах 70–75%.

³ Для сравнения, в начале XX в. в царской армии коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. населения в различных видах войск составлял: 1000 преступлений – в гвардейских войсках, 1800 – в кавалерии и пехоте, 2400 – в артиллерии и 2900 преступлений – в инженерных войсках (см.: Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих: Ист., криминол., социал.-правовой анализ. – М.: PENATES – ПЕНАТЫ, 1999. С. 25). Более объективный сравнительный подход требует ещё и

В 50-60-е гг. XX века число учтённых преступлений на 100 тыс. военнослужащих примерно вдвое превышало аналогичный показатель среди гражданского населения. В других странах уровень преступности среди военнослужащих тоже, как правило, выше уровня преступности среди гражданских лиц. Этому есть объяснения.

- в вооружённых силах сосредоточена молодёжь в возрасте 18–25 лет, которой во всём мире свойственна более высокая преступная активность;
- военную службу проходят главным образом мужчины, коэффициент поражаемости преступностью которых в 6–8 раз выше, чем женщин;
- при комплектовании армии по призыву (при наличии в России несколько десятков отсрочек) и по контракту (в армию нередко идут лица, не устроенные в гражданском обществе, – безработные, бомжи, ранее судимые и т.д.) среднестатистический интеллектуальный, образовательный, а часто и нравственно-правовой уровень военнослужащих рядового и сержантского состава ниже, чем у молодежи в стране в целом, что при определённых условиях повышает их криминогенность. По данным осеннего призыва 1996 г., например, из общего числа молодых людей призывного возраста поступили на военную службу только 13,5%, а остальные имели право на отсрочку и освобождение: по причине учёбы – 53%, по состоянию здоровья – 11%, по семейному положению – 8%, в связи с нахождением в местах лишения свободы и под следствием – 3% и по иным причинам — 11,5%;
- солдаты и сержанты оторваны от своих близких, привычных условий жизни, труда и отдыха, что часто служит социально-психологической основой криминальных мотиваций;
- поведение военнослужащих, их жизнь, быт и отдых максимально регламентированы и даже зарегулированы, что в ряде случаев порождает дополнительную внутреннюю напряженность, которая может канализироваться в противоправном поведении;
- скученность и замкнутость большого числа молодых мужчин в казарменных условиях чревата многими межличностными конфликтами;
- военнослужащие участвуют в боевых действиях, военных операциях и находятся в других условиях, опасных для жизни и здоровья, что далеко не все выдерживают, и это является сильнейшим мотиватором уклонений от военной службы и других форм преступного поведения. Можно привести и иные общие и частные обстоятельства, которые заметно повышают криминогенность военной службы вообще, а в некоторых её видах (например, строительные и железнодорожные части) в особенности.

В 1970-е гг. коэффициенты преступности военнослужащих и гражданского населения в СССР практически сравнялись, а в 1980-1990-е гг. интенсивность преступности в стране стала выше, чем в армии и на флоте. Основной причиной такого соотношения, на наш взгляд, была управляемость уровнем преступности в войсках.

Динамика абсолютных показателей преступности в стране и войсках изменя-

---

ход требует ещё и качественного анализа действующего законодательства и следственно-судебной практики в сопоставляемые годы.

лась, о чем свидетельствуют более сложные траектории на графике (рис. 2.). Как видно из статистических и графических материалов, динамика преступности военнослужащих, согласуясь с общей направленностью развития преступности в стране, была менее устойчива. Она «реагировала» на ведомственные изменения и регулировалась командованием. Особо «чувствительна» к этим факторам была динамика воинских преступлений, квалификация которых в качестве таковых очень сильно зависит от решения командования. В 1950 г. при снижении преступности в стране на 9,4% общая преступность в войсках увеличилась на 3%, воинская – на 27%, а общеуголовная уменьшилась на 15%. В этот год были приняты новые общевойсковые уставы, и это не могло не сказаться на конъюнктуре командирской требовательности в плане воинских правоотношений.

Следующие пики роста преступности в войсках были в 1955–1956 и 1961 гг., в годы значительного сокращения Вооруженных Сил, связанного с потерей перспективы офицерским составом, увольнением их в запас без пенсионного обеспечения, падением престижа военной службы, началом крушения идеологии сталинизма (1956 г.), принятием новых уголовных кодексов (1960–1961 гг.) и другими обстоятельствами. В 1955 г. преступность в армии и на флоте возросла по сравнению с предыдущим годом на 63,5%, в том числе общеуголовная – на 22, а воинская – на 104,4%. Аналогичный всплеск был и при втором сокращении Вооруженных Сил в 1961 г. – соответственно, 56,9; 29,1 (72,2%). Нечто похожее переживали Вооружённые Силы России в 90-е гг. XX века.

В последующие годы регистрируемый уровень преступности в советских войсках снижался быстрее, чем в стране. С 1961 по 1965 гг. преступность в стране сократилась на 14,3%, а в армии и на флоте – на 58%. И вновь воинские преступления снижались интенсивнее общеуголовных. И общие, и «воинские» причины этого обсуждались. Корректировка «мягкой» уголовной политики стала объективно заданной. Она ускорила в связи со снятием Хрущева в 1964 г. и возвращением к сталинизму, хотя и либерального толка. В конце 1965 г., в 1966 и 1967 гг. были приняты решения об улучшении работы следственного аппарата¹, усилении борьбы с преступностью и, особенно, с хулиганством², укреплении воинской дисциплины³ и др. Но преступность в стране и в войсках росла. Преступность военнослужащих росла параллельно с ростом преступности в стране, только меньшими темпами. К 1991 г. они увеличились, соответственно в 4,3 и 2,4 раза (табл. 2 и рис. 3.)

---

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка».

² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство».

³ Постановление ЦК КПСС от 21 января 1967 г. «О мерах по улучшению партийно-политической работы в армии и на флоте».

Таблица 2

Динамика учтенной преступности в армии и на флоте за 1965-1991 гг.

Год	Все преступления			Общегуловые			Воинские		
	абс.	%	доля	абс.	%	доля	абс.	%	доля
1965	13150	100,0	1,7	5045	100,0	38,4	8013	100,0	61,5
1966	17788	135,3	2,0	6747	134,7	38,2	10981	135,7	61,7
1967	16071	122,2	1,8	6582	130,5	40,9	9478	117,1	59,0
1968	17317	131,7	1,8	7344	145,6	42,4	9961	123,1	57,5
1969	16978	129,1	1,7	8184	162,2	48,2	8778	108,5	51,7
1970	16173	123,0	1,5	7607	154,7	48,3	8360	103,3	51,7
1971	15348	116,7	1,4	7517	149,0	49,0	7819	96,6	50,9
1972	14732	112,0	1,4	7168	142,1	48,6	7551	93,3	51,2
1973	16222	123,4	1,5	8334	165,2	51,4	7869	94,8	47,3
1974	15617	118,8	1,3	8091	160,4	51,8	7505	92,7	48,0
1975	16710	127,1	1,4	8845	175,3	52,9	7644	96,9	46,9
1976	16653	126,6	1,3	9074	179,9	54,5	7530	93,0	45,2
1977	16304	124,0	1,3	8696	172,4	53,3	7567	93,5	46,4
1978	18150	138,0	1,4	9655	191,4	53,2	8467	104,6	46,6
1979	20399	155,1	1,4	10454	207,2	51,2	9925	122,6	48,6
1980	22408	170,4	1,4	11284	223,7	50,3	11089	137,0	49,5
1981	25896	196,9	1,6	12722	252,2	49,1	13088	161,7	50,5
1982	28689	218,2	1,7	13907	275,6	48,5	14603	180,4	50,9
1983	29452	224,0	1,4	14987	297,1	50,9	14325	177,0	48,6
1984	25396	193,1	1,2	10632	210,7	41,9	14655	181,1	57,7
1985	29947	227,7	1,4	12067	239,2	40,3	17672	218,4	59,0
1986	26354	200,4	1,3	11202	222,0	42,5	15038	185,8	57,1
1987	23226	176,6	1,3	9669	191,6	41,6	13512	166,9	58,2
1988	19597	149,0	1,0	843/	167,2	43,0	11134	137,6	56,8
1989	20670	157,2	0,8	8983	178,0	43,5	11656	144,0	56,4
1990	27796	211,4	1,0	9539	189,1	34,3	18238	225,3	65,6
1991	31260	237,7	1,0	9424	186,8	30,1	21807	269,5	69,8
Среднегодовой прирост		3,4%			2,45%			3,9%	
Средний удельный вес			1,4%			45,9%			53,9%

Доминирование общегуловных преступлений в структуре преступности в войсках, обозначившееся в 1966 г., увеличивалось до 1984 г., до перевода «дедовщины» из общегуловных преступлений в воинские. После 1984 г. удельный вес общегуловных преступлений превышал долю воинских незначительно. В 1990 году их доли сравнялись, а затем воинские преступления намного превысили уровень общегуловных деяний. Причины очевидны: началось новое сокращение Вооруженных Сил, которое в первую очередь сказалось на воинских правоотношениях, как и во время сокращения войск в 1956 и 1961 гг.

Относительно высокий уровень преступности среди военнослужащих и её рост характерны не только для СССР. Аналогичные проблемы существуют и в США. С 1960 по 1971 гг. число тяжких преступлений в вооруженных силах США увеличи-

лось почти вдвое. Особо высокий уровень преступности американских военнослужащих отмечался во время вьетнамской войны. В 1968 году, например, было учтено 53 357 дезертирств, 155 536 самовольных отлучек. В разные страны дезертировали более 100 тыс. солдат.¹ В 1972 году только в сухопутных войсках было совершено 40 610 различных преступлений.

Рис. 3. Динамика преступности в армии и на флоте (1965—1990 гг.)

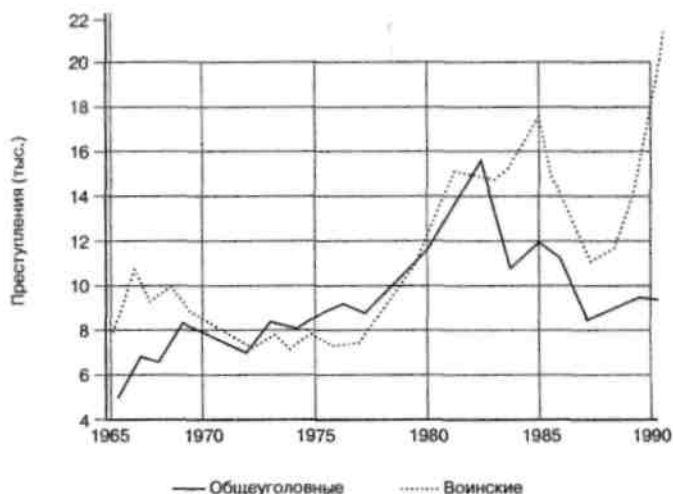
С переходом на контрактную систему комплектования войск в 1973 году преступность в них несколько снизилась. В 1986 году во всех вооруженных силах США было проведено 38 927 уголовных расследований, а в 1990 году — 35 435², т.е. примерно на 8 тыс. больше того, что регистрировалось в этом же году в армии и на флоте в СССР. Причём численность войск в США была намного меньше, а следовательно, преступность военнослужащих в расчете на 100 тыс. была почти вдвое большей. Сказанное позволяет предположить, что переход наших Вооруженных Сил на смешанную и контрактную систему комплектования может улучшить правопорядок в воинских частях и подразделениях, но проблема эта всегда будет острой.

Удельный вес преступлений военнослужащих в структуре преступности в стране не был постоянным. В 1949 году он равнялся 3,7%. В последующие годы он снижался до 1% и меньше. Соотношение воинских и общегуловых преступлений в структуре преступности в войсках менялось в зависимости от объективных и субъективных условий (рис. 4).

¹ Советское государство и право. — 1972. № 11. С. 136; За рубежом. — 1971. № 11. С. 26.

² Преступность в зарубежных вооруженных силах // Информационно-аналитический еженедельник. Обозреватель РАУ-Корпорация. Специальный выпуск. Преступность — угроза России. — М., 1993. № 2(6). С. 107.

Рис. 4. Соотношение воинских и общеуголовных преступлений (1965-1990 гг.)

Воинские преступления, как правило, доминируют в условиях организационной неопределенности, сокращения Вооруженных Сил, снижения престижа военной службы и других экстраординарных условиях, тогда как в обычной обстановке командование легко «управляет» их уровнем в собственных целях.

Как было показано при анализе «дедовщины», механизм регулирования уровня преступности в войсках достиг особого совершенства в период застоя. Особенно это видно при анализе «дедовщины», которая разрослась до государственной проблемы прежде всего благодаря очковтирательству командиров и начальников.

В Вооруженных Силах СССР всегда уделялось большое внимание положительному влиянию старослужащих на молодых солдат. Непосредственные начальники как бы перекладывали свои обязанности на плечи старослужащих, предоставляя им определенные поблажки. В 60-е гг. XX века влияние старослужащих стало приобретать криминальный характер. Солдаты и сержанты третьего года службы в отсутствие офицеров, а нередко с их молчаливого согласия путём психического и физического насилия подчиняли своей воле молодых солдат. По законам психического «заражения», отложенной и перенесенной мести эта «мода» стала быстро распространяться, передаваясь от одного призыва к другому. Военнослужащие, обиженные и униженные в первый год службы, вымещали свои обиды на новобранцах. Глубинная причина происходящего таилась не в годах службы, ибо положение не менялось, когда срок действительной службы был сокращен до двух лет, когда в порядке эксперимента некоторые части комплектовались в основном военнослужащими одного призыва и даже одной национальности. Находились другие поводы насильственного подчинения «слабых» более «сильными».

Подобные явления в той или иной мере существовали и существуют в регулярных армиях многих стран. Были они и в старой российской армии¹. Особой остроты они достигли в Вооруженных Силах СССР. На военном сленге их именовали по-разному:

¹ См.: *Вадимов Е.* Корнеты и звери («Славная школа»). – Белград, 1929; *Съедин С.И., Крук В.М.* «Дедовщина» в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения. – М., 1990; *Марченко Н.И.* К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. – 1993. № 12.

«солдатские присяги», «казарменное хулиганство», «глумление», «дедовщина». До 1984 г. они квалифицировались как злостное и особо злостное хулиганство по ст. 206 (ч.ч. 2 и 3) УК РСФСР с санкцией до 5–7 лет лишения свободы. Несмотря на борьбу с ними, преступления эти интенсивно росли количественно и изменялись качественно. В 60-е гг. XX века «дедовщина» носила унизительный, но ритуальный характер: били «провинившегося» пряжкой ремня или ложкой по ягодицам. Необходимые меры по пресечению этих деяний приняты не были. В 70–80-е гг. XX века упомянутые деяния приобрели опасный насильственный и массовый характер с тяжкими, а нередко и смертельными последствиями. Нужны были «экстраординарные» меры, чтобы можно было доложить о них наверх. И не без помощи военных юристов они были найдены.

11 января 1984 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому в ст. 8 Закона об уголовной ответственности военнослужащих, дипломатично и туманно поименованной «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» (ст. 244 УК РСФСР), прямо предусматривалась уголовная ответственность за «дедовщину» с мерой наказания при отягчающих обстоятельствах до 12 лет лишения свободы. Формально наказание за это деяние усилилось. Не следует, однако, думать, что усилилась реальная борьба с «дедовщиной».

Данная новелла, как и все, что принималось и декларировалось в годы застоя, носила «фасадный» характер. До её введения привлечение к уголовной ответственности виновных по ст. 206 УК РСФСР за хулиганство осуществляли непосредственно военные следственно-прокурорские органы. С принятием упомянутой новеллы в уголовный процесс по этим делам включалось военное командование с его правом давать или не давать согласие на привлечение виновных к уголовной ответственности, поскольку «новое» преступление относилось к воинским. Негативные последствия указанных изменений прогнозировались автором на стадии законопроектной работы.¹ Однако этот прогноз мало кого интересовал. Принятая норма получила одобрение высшего руководства Вооруженных Сил.

Поддерживая эту норму, оно убивало двух зайцев: докладывало наверх об усилении уголовно-правовой борьбы с этим явлением и получало реальную возможность «управления» ею. Укрывательство «дедовщины» в середине 80-х гг. XX века превысило все мыслимые пределы. Как показывали некоторые проверки, военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами, полученными в результате неуставных отношений. Боясь расправы и старослужащих, и командования, они, как правило, утверждали, что получили повреждение от случайного падения. Один из командиров частей Московского округа ПВО, например, узнав об убийстве солдата в результате издевательств над ним старослужащих, скрыл этот факт, возбудив уголовное дело не в отношении убийц, а в отношении убитого, якобы самовольно оставившего часть, так как за это «преступление» подчиненного командир не нес такой ответственности, как за «дедовщину» с тяжкими последствиями.

Может сложиться впечатление, что укрывательством занимались только нижестоящие командиры, а наверху с ним боролись. Формально так, а по сути все наоборот: руководство Вооруженных Сил в центре и округах несомненно осознавало, а часто просто знало по своему предшествующему опыту о существующей практике, но «ло-

---

¹ См.: *Лунеев В.В.* Актуальные научно-практические проблемы борьбы с правонарушениями военнослужащих // Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка в Вооруженных Силах СССР. Материалы Первого теоретического семинара, состоявшегося на военно-юридическом факультете 10 февраля 1982 г. – М., 1982. С. 5-12.

мать» её не стремилось, так как и его способности укреплять воинскую дисциплину оценивались по тем же «палочкам». Поэтому оно, требуя от подчиненных невозможного, прямо толкало их к укрывательству, а когда те «попадались», наказывало их.

Обратимся к несовершенной статистике. В 1970 году было зарегистрировано 588 глумлений старослужащих над молодыми (так тогда именовались эти деяния в статистической отчетности, чтобы они не потерялись в общем числе хулиганских действий), в которых участвовали 1120 правонарушителей, в 1980 году, соответственно, 1 129 и 1 763, а в 1983 году – 1 782 и 2 646. За 13 лет только учтённые глумления утроились, а реально – более чем удесятились. В 1983 году удельный вес этих деяний в структуре хулиганских действий, как они квалифицировались, составлял более 60%. Криминализация глумлений и перевод их из общеуголовных деяний в воинские неуставные нарушения привели в 1984 году к снижению регистрируемого хулиганства на 79%. В связи с этим так же резко снизился и уровень общеуголовных деяний в целом.

В объективно регистрируемой ситуации резонно было бы прогнозировать в связи с этим рост воинских преступлений в 1984 году примерно на то же число деяний, на которое сократились общеуголовные деяния. Но они увеличились лишь на 330 единиц. Таким образом, в 1984 году в связи с переводом «дедовщины» из общеуголовных деяний в воинские командование одним махом «сократило» и «искоренило» её, как и предписывало руководство Вооруженных Сил, и «снизило» общий уровень преступности. Реально «дедовщину» загнали в подполье воинских отношений. Правда об этом стала известна обществу лишь в 1990–1991 гг., после массового возмущения родителей потерпевших от «дедовщины» военнослужащих.

Начальник крупного политотдела в годы «застоя» рассказывал: «Я могу «сократить» преступность, особенно воинскую, хоть вдвое за год. Но что я буду делать, если в следующем году будет большой скачок тяжких преступлений, скрыть которые не удастся? На фоне предшествующего года будет сильный всплеск, за что не похвалят. Поэтому я «сокращаю» преступность медленно, удерживая её примерно на одном уровне. За это не хвалят, но и не наказывают». Подобная «философия выживания» подтверждается статистикой последних нескольких десятилетий.

При всей неполноте статистики преступности в Вооруженных Силах её тенденции не могут быть диаметрально противоположными общей направленности развития преступности в стране. Общеуголовные преступления, несмотря на свой малый удельный вес (около 0,5% в структуре преступности в стране), изменялись практически сообразно криминологической обстановке в государстве. Коэффициент парной корреляции колебался в пределах +0,8. Уровень воинских преступлений особо командно управляем. В связи с этим между динамическими рядами этих деяний и преступности в стране нередко образовывались ножницы, и коэффициент корреляции между ними не превышает +0,6.

Итак, несмотря на наличие в Вооруженных Силах объективных и субъективных, временных и постоянно действующих особенностей, оказывающих существенное влияние на уровень, динамику и структуру преступности военнослужащих, между преступностью в стране и в Вооруженных Силах существует сильная корреляционная взаимосвязь. Она объясняется действием в стране и армии единых основных тенденций и закономерностей. Военнослужащие, составляя около 1,5% в структуре населения страны, но призванные со всей её территории, из различных социальных слоёв и групп населения (так было в СССР), достаточно репрезентативно представляют территориальное, социально-экономическое, культурное мно-

гообразии страны, общества, народа. Еще более сильная связь существует между преступностью несовершеннолетних и их общим нравственно-правовым уровнем поведения и преступностью военнослужащих¹. Слова К. Маркса, сказанные много лет назад, о том, что в «истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»², справедливы и для анализа криминальных явлений среди военнослужащих.

Этот вывод является ключевым в понимании основных закономерностей и тенденций преступности в Вооруженных Силах, ее важнейших и определяющих причин. Все военно-криминологические проблемы могут успешно анализироваться и решаться в тесной связи с общими криминологическими проблемами в стране. Попытки радикально решить криминологические проблемы военнослужащих внутри советских Вооруженных Сил, предпринимавшиеся неоднократно, терпели провал.

В то же время анализ преступности военнослужащих в связи с той или иной обстановкой в Вооруженных Силах показывает, что возможности воинских должностных лиц в деле борьбы с отклоняющимся поведением военнослужащих значительны. Ослабление этой работы во время неоднократных сокращений Вооруженных Сил, что в первую очередь сказывается на снижении требовательности командования в связи с потерей перспективы службы, вызывало резкие всплески преступности военнослужащих, особенно воинской. Реалистический подход к преступности в войсках позволит находить соотношение общегосударственных и сугубо военных мер по удержанию преступности военнослужащих на социально терпимом уровне.

Источники и использованная литература:

1. *Вадимов Е.* Корнеты и звери («Славная школа»). – Белград, 1929.
2. За рубежом. – 1971. № 11. С. 26.
3. *Лунеев В.В.* Актуальные научно-практические проблемы борьбы с правонарушениями военнослужащих // Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка в Вооруженных Силах СССР. Материалы Первого теоретического семинара, состоявшегося на военно-юридическом факультете 10 февраля 1982 г. – М., 1982. С. 5-12.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 154.
5. *Марченко Н.И.* К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. – 1993. № 12.
6. *Маслов В.П.* Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР. Дисс. ... д-ра юр. наук. – М, 1972.
7. *Маслов В.П.* Сводные таблицы статистического анализа преступности. Приложение к диссертации. – М, 1972.
8. *Маслов В.П., Белявский ВТ.* Из истории изучения и предупреждения преступности в армии и на флоте // Труды Академии. – М., 1969. С. 259-274.
9. *Маслов В.П., Миньковский Г.М.* Преступность несовершеннолетних и правонарушения военнослужащих. – М., 1971.
10. Отечественные записки. – 2002. № 8.

---

¹ См.: *Маслов В.П., Миньковский Г.М.* Преступность несовершеннолетних и правонарушения военнослужащих. – М., 1971.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 154.

11. Правое дело. – 2002. № 45-46.
12. Преступность в зарубежных вооруженных силах // Информационно-аналитический еженедельник. Обозреватель РАУ-Корпорация. Специальный выпуск. Преступность – угроза России. – М., 1993. № 2(6).
13. Программа КПСС. – М., 1961.
14. Разоружение // Военная энциклопедия. – М., 1979. Т. 7. С. 43.
15. Российская газета. – 2003. 3 окт.
16. Советское государство и право. – 1972. № 11.
17. *Сьедин С.И., Крук В.М.* «Дедовщина» в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения. – М., 1990.
18. Челябинский рабочий. – 2002. 22 августа.
19. *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих: Ист., криминол., социал.-правовой анализ. – М.: PENATES – ПЕНАТЫ, 1999.

Luneev V.V.

Crime tendencies in Armed Forces of the USSR

The author investigates the level, dynamics, structure, the reasons and tendencies of crime in Armed Forces of the USSR in the second half of 20th – early 21st centuries, establishes interrelations between crime in the country and Armed Forces, analyzes the reasons of concealment of military crimes by the Command of Armed Forces.

Keywords: Armed Forces of the USSR, military crimes, military discipline, accounting of crime, tendency, concealment of crimes, artificial decrease in crime.

Денисов С.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОРМ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В ИМИТАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ

В статье показывается, как советское государственное право посредством конституционных норм имитировало власть народа (трудящихся), демократический политический режим, республику и федерацию.

Ключевые слова: советское государственное право, суверенитет народа, демократия, республика, федерация, их имитация.

Обычно обращают внимание на то, что Советское административное государство держалось на насилии. Его зарождение связано с убийством нескольких миллионов россиян и вынужденной эмиграцией ещё четырёх миллионов. Его успехи были построены на крови (коллективизация, индустриализация, рост значения в мире). Но, кроме этого, это государство выживало за счёт великого обмана. Миллионы людей, на протяжении десятилетий удавалось убеждать в том, что это государство социалистическое и служит народу. Миллионы людей в современной России продолжают в это верить. Значительную роль в обмане населения играло советское государственное право и его пропагандисты. Методологической основой данного исследования является критический реализм, теория имитации конституционализма в переходный период и общая теория административного общества¹, государства² и правовой системы³. С этих позиций представляется, что Советское административное государство с помощью государственного права только имитировало конституционный строй. Декларируемые советским государством в конституционных актах нормы часто не осуществляли регулирование общественных отношений. Они исполняли чисто идеологические цели – являлись красивой декорацией власти административного класса. Общественные отношения регулировались иными нормами, содержащимися в правовых доктринах, правовых обычаях, прецедентах, в секретных нормативных актах (часто исходящих от партийных органов).

Обзор статей, опубликованных в журнале «История государства и права» показывает, что большинство историков права, находясь на позициях юридического позитивизма, ограничиваются исследованием только «правовых фасадов», т.е. описывают законодательство советского периода, отказываясь изучать функции декларируемых норм и нормы их нейтрализующие. Имитационные функции советского государственного права не исследуются. В данной статье с позиции критического реализма рассматривают основные конституционные институты, которые имитировало официальное советское государственное право.

1. Доконституционное государственное право откровенно закрепляет суверени-

---

Денисов Сергей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прав человека, юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург).

¹ Денисов С.А. Административное общество. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011.

² Денисов С.А. Общая теория административного государства. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010.

³ Денисов С.А. Административизация правовой системы. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005.

тет правителя, за которым стоит определенный класс общества. Вначале своего рождения советское государственное право утверждало, что реализует интересы большинства в лице рабочих и крестьян. Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны» – декларировалось в ст. 10 Конституции РСФСР 1918 г. Конституция СССР 1977 г. уже утверждала, что вся власть в стране принадлежит народу (ст. 2). Этот обман был построен на убеждении населения в том, что новый административный класс, сформировавшийся из разночинцев, рабочих и крестьян не имеет собственных интересов (альтруист) и существует только для реализации воли трудящегося большинства. В СССР запрещалось исследовать бюрократию, как класс, а за гипотезу, что он является господствующим, можно было получить реальный срок лишения свободы или расстрел. Населению была навязана теория, согласно которой на смену буржуазного государства обязательно должно прийти государство социалистическое. Иного не дано. Если государство антибуржуазное – значит оно социалистическое. Таким образом, под видом социализма населению навязали административный тип государства, где экономическое, политическое и идеологическое господство получил административный класс, выдающий себя за представителя народа (трудящихся). Теория административного общества, государства и правовой системы все еще не получила широкого распространения в России и значительное количество населения продолжает верить в то, что Советское государство было государством рабочих и крестьян.

Государственно-бюрократическая собственность в конституционных актах советского государства представлялась в качестве народной собственности (например, ст. 5 Конституции СССР 1936 г.). Огосударствление общественных благ называлось национализацией. Типичная для Древнего мира редиистрибуция, здесь именовалась плановой экономикой (ст. 11 Конституции СССР 1936 г.). Конституционные акты в качестве достоинства нового государства называли уничтожение эксплуатации человека человеком. При этом скрывалась гораздо более жестокая эксплуатация человека административным государством, за которым стоял административный класс. Фактически советское административное государство перешло от более мягкой буржуазной формы эксплуатации населения через материальное стимулирование труда к рабовладельческим и феодальным формам эксплуатации людей, с их лишением человека свободы и широким применением насилия. Принуждение к труду скрывалось за конституционным правом на труд (ст. 118 Конституции СССР 1936 г.). Одной из гарантий права на труд была система лагерей, обеспечивающая занятостью большое количество советских людей.¹

Пропагандисты советского государства указывали, что конституционные акты СССР закрепляют широкий набор социально-экономических прав трудящихся.² Патерналистская политика государства превратила население страны в «детей», которые не могут обойтись без опекуна в лице административного государства. Это гарантия того, что население страны не захочет быть ни свободным, ни суверенным и добровольно отдаст власть над собой административному государству. В

---

¹ См.: *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.

² История государства и права СССР / Под ред. Ю.С. Кукушкина и О.И. Чистякова. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. Ч. 2. С. 279.

конституционных актах утверждалось, что население страны осуществляет свою политическую власть через Советы. Но при формировании этих Советов население лишили права выбора между элитами (партиями). Уже к середине 1918 года большевистская бюрократия устранила всякую оппозицию и присвоила себе монопольное право говорить от имени всех рабочих и крестьян. Советские органы фактически формировались партийной номенклатурой и были ей подчинены. Конституция РСФСР 1918 г. скрывала политическую власть партийной бюрократии. В Конституции СССР 1936 г. об этой власти уже говорится открыто. Объявляется, что Коммунистическая партия является передовым отрядом трудящихся (ст. 126). Власть узкой олигархической партийной верхушки спрятана за словом «партия». Конституция СССР 1977 г. почти откровенно признала власть партийной бюрократии над обществом (ст. 6).

Успешной имитации народности Советского административного государства способствовало несколько факторов. Новая коммунистическая бюрократия умела войти в доверие населению, использовать наивность и эмоциональность масс. В этом плане новая коммунистическая бюрократия оказалась гораздо искусней старой, царской бюрократии. Значительное внимание она уделяла манипуляции общественным сознанием. Ненависть масс была направлена против противников новой коммунистической бюрократии. Последняя постоянно находила «внутренних врагов», на которых можно было направить агрессию неимущей массы. Вопросы эффективности идеологического воздействия на население систематически рассматривались на форумах коммунистов. Идеологической обработкой масс каждодневно занималась мощная пропагандистская машина. Люди стимулировались к тому, чтобы осуществлять самовоспитание. При продвижении по службе учитывалась глубина мифологизации сознания человека, его вера в то, что Советское бюрократическое государство служит народу.

Важнейшей функцией Советского бюрократического государства было искоренение критического мышления в стране. Люди должны были верить своим вождям и беспрекословно повиноваться им. И.В. Сталин проделал большую работу по физическому уничтожению критически мыслящих людей внутри аппарата управления страной.¹ В свою очередь административный класс систематически выявлял и уничтожал критически мыслящих людей среди массы населения. Поскольку критическое мышление имманентно присуще интеллигенции, то она пострадала от «чисток» больше всего. За одно сомнение в правильности действия бюрократического аппарата, высказанное на партийном собрании можно было получить 10 лет лишения свободы.² Отказ от массового уничтожения критически мыслящей части населения с 1960-х гг. привел к тому, что люди перестали верить в то, что советское бюрократическое государство выражает волю народа. Это одна из причин его падения. Административное государство принимало достаточно эффективные меры против проникновения критического мышления из-за рубежа. Для этого был создан «же-

---

¹ *Курицын В.М.* История государства и права России. 1929-1940 гг. – М.: Международные отношения, 1998. С. 59-60.

² *Ваксер А.З.* Персональные дела членов КПСС, как исторический источник // Отечественная история. – 1992. № 5. С. 92-93.

лезный занавес». Население находилось в духовной изоляции от всего мира. Советская наука государственного прав должна была систематически бороться с критикой бюрократического государства из вне. Эта критика определялась как «буржуазные фальсификации» и «антикоммунизм».

Превращение населения СССР в верящую своим вождям массу, неспособную выживать без опеки со стороны государства было хорошим способом имитации того, что Советское бюрократическое государство выражает волю всего советского народа.

2. Доконституционное государство, как правило, не скрывало своего авторитарного характера. Советское государственное право доказывало, что новое административное коммунистическое государство является демократическим. Даже в условиях гражданской войны Конституция РСФСР 1918 г. продекларировала принадлежность гражданам таких свобод, как свобода слова и печати (ст. 14), свобода собраний (ст. 15), свобода объединения во всякого рода союзы (ст. 16). В советских учебниках утверждалось, что эти права были гарантированы.¹ На деле, конституционные декларации ни кто не собирался исполнять. Были приняты декреты, запрещающие использовать все эти права в ущерб власти новой бюрократии (например, Декрет СНК «О печати» от 9 ноября 1917 г.). Органы репрессий были наделены чрезвычайными полномочиями по выявлению тех, кто использует свое конституционное право не в интересах новой бюрократии и их ликвидации (в лучшем случае, лишении свободы). Переход технических и материальных средств по изданию газет, брошюр, книг в руки новой бюрократии Конституция РСФСР 1918 г. назвала предоставлением их «в руки рабочего класса и крестьянской бедноты» (ст. 14). Новая бюрократия навязывала всем мысль, что она и есть авангард пролетариата, лучшая часть рабочего класса. Рабочие, которые с этим не соглашались, просто уничтожались физически. Ярким примером является расстрел сотни рабочих в Астрахани в феврале 1919 года.² Физическому уничтожению подвергали крестьян, которые отказывались верить, что новая бюрократия выражает их интересы.³ Все репрессии, которые осуществляло государство (в том числе, против рядовых трудящихся), объявлялись направленными против врагов народа (трудящихся), коими считались все, кто не поддерживал власть новой коммунистической бюрократии. Последняя монополизировала право говорить от имени большинства трудящихся (народа). По мере уничтожения в обществе всех противников новой коммунистической бюрократии и установления полного контроля за сознанием масс, расширялась возможность для имитации демократического режима в стране. Возникла полная гарантия того, что ни кому в голову не придет использовать конституционные свободы в ущерб власти новой коммунистической бюрократии.

Полный контроль над населением и над выборами в Советы позволил отказаться от принципа неравенства, многоступенчатости выборов закрепленной в Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 25, 53) и Конституции СССР 1924 г. (ст. 9). Конститу-

---

¹ История государства и права СССР. С. 44.

² Силин П. Расстрелы рабочих большевиками в Астрахани в 1919 году // URL: <http://maxpark.com/community/5134/content/2379955> (дата обращения: 9 января 2015 г.).

³ Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: Сборник документов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009.

ция СССР 1936 г. декларировала принцип всеобщего, равного избирательного права и тайности голосования (ст. 134). До установления тоталитарного режима в стране бюрократии было трудно направлять поведение населения по месту жительства. Поэтому управляемые выборы в Советы осуществлялись по месту работы. С 1936 года бюрократия отказалась от производственного принципа организации выборов.¹ Выборы перестали быть альтернативными. Все кандидаты в депутаты, что от рабочих, что от крестьян подбирались партийной бюрократией и были совершенно ей послушны. Единственным способом протеста избирателей против номенклатурных кандидатов в депутаты являлся отказ прийти на выборы либо порча бюллетеня. Таким образом, человек в 30-е гг. XX века мог подписать себе смертный приговор. Поскольку люди стремились выживать в любых условиях, то явка на выборы доходила до 99%, а голосовавших «против», путём порчи бюллетеня, были единицы, рассчитывавшие, что их не выявят. Органы политической полиции уже в 1920-х гг. держали под пристальным вниманием ход избирательных кампаний и голосование.² К 1960-м гг. все население страны до такой степени привыкло к своему хозяину в лице административного класса, что всегда голосовало «правильно». Поэтому в 25 декабря 1958 года был принят закон, отменяющий такой вид уголовного наказания, как лишение избирательного права.³ Элементом совершенствования механизма имитации демократии можно назвать закрепление в Конституции РСФСР 1937 г. права трудовых коллективов выдвигать депутата в Совет. Партаппарат задолго до выборов распределял роли между трудовыми коллективами: кто кого должен был выдвинуть. До 1988 года сбоя в работе этого механизма не было. Конституция РСФСР 1978 г. позволяла гражданам и общественным организациям свободно и всесторонне обсуждать политические, деловые и личные качества кандидатов в депутаты, а так же агитировать на собраниях, в печати, по телевидению, радио (ст. 96). Вот только все эти технические средства находились в руках административного класса, осуществлявшего жесткую цензуру. Даже тексты выступлений на собраниях трудовых коллективов предварительно проверялись секретарем партийной организации коллектива. Да и желающих ссориться с начальством из-за того, кто займёт пост депутата Совета – не было. К этому времени люди ушли в свою личную (семейную) жизнь и не интересовались общественными делами. Так называемые активисты были встроены в бюрократический механизм и хорошо знали свои роли. Те немногие инакомыслящие, которые активно высказывали свое несогласие с бюрократической системой, направлялись в места лишения свободы или в психиатрические лечебницы.

Современные государства с мягким авторитаризмом научились безболезненно для власти правящей группы имитировать многопартийность и альтернативные выборы. Советское государство боялось обращаться к таким приёмам имитации демократии и республики. Нормы советского государственного права не запрещали выдвигать несколько кандидатов на одно депутатское место, но на практике голо-

---

¹ Нудненко Л.А. Развитие законодательства о пассивном избирательном праве в России в период с 1937 по 1988 гг. // История государства и права. – 2015. № 10. С. 45.

² Об отчетной кампании Ленинградского Совета // Отечественная история. – 1992. № 5. С. 131.

³ Нудненко Л.А. Указ. соч. С. 45.

сование было безальтернативным, т.е. фактически выбором не являлось. Только в феврале 1987 года было принято Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О проведении в порядке эксперимента выборов в местные Советы народных депутатов РСФСР по многомандатным округам».¹ В соответствии с ним партийному аппарату надо было найти по два кандидата на одно депутатское место.

Конституция СССР 1936 г. усилила степень лживости Светского государства через расширение списка прав и свобод граждан, которыми они на деле могли воспользоваться только с разрешения «надзирателей». «В Конституции СССР 1936 г., – пишут советские пропагандисты от науки, – были обстоятельно разработаны главные гарантии обеспечения основных прав и свобод советских граждан. При этом на первый план выдвигались материальные и социально-политические гарантии, являющиеся прочной базой подлинного развития социалистического демократизма».² Сегодня всем ясно, что под «социалистическим демократизмом» следует подразумевать тоталитарный режим, который создавал гарантии того, что все провозглашенные в конституционном тексте демократические свободы будут использоваться только в интересах административного класса, власть которого была прикрыта словами о социалистическом строе. В стране была организована система взаимной слежки, позволявшей выявлять всех, кто пытался воспользоваться своими конституционными свободами не в интересах административного класса. Конституционные нормы в 1930-е гг. особенно ярко контрастировали с реальностью. Ст. 125 Конституции СССР 1936 г. декларировала свободу слова и свободу печати. А.В. Панкина в 1936 г. осудили к лишению свободы на 5 лет «за контрреволюционные разговоры, дискредитирующие партию и правительство». Отбыл срок. В 1948 году он был вновь осужден на 25 лет лишения свободы за антисоветскую агитацию, восхваление врагов народа, пораженческие настроения».³ Д.А. Кузьмин в 1949 году осужден в связи с тем, что в 1925 году на собрании подал записку с вопросом, можно ли Троцкого называть мерзавцем и негодяем. В 1948 году он разрешал студентам читать книгу А.А. Богданова. В 1939 году на партийном собрании он высказывал мысль, что необходимо увеличить ассигнования на развитие легкой промышленности за счёт тяжелой.⁴ Такова была «свобода слова» в СССР.

Эффективным средством имитации демократии в СССР были обсуждения проектов Конституции СССР 1936 г. и Конституции СССР 1977 г. Были проведены сотни собраний с участием миллионов людей⁵, на которых от трудовых коллективов требовалось не просто одобрить проект конституционного акта, а внести предложения по его улучшению. Партийный аппарат приложил немало усилий для того, чтобы придумать такие предложения. После этого конституционные комиссии вносили изменения в первоначальный текст проекта конституционного акта. Естественно, вся эта деятельность проходила в установленных партийной бюрократией рамках и под её надзором. К тем, кто выходил за эти рамки, применяли различные

---

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1987. № 10. Ст. 307.

² История государства и права СССР. С. 189.

³ *Ваксер А.З.* Указ. соч. С. 94.

⁴ *Ваксер А.З.* Указ. соч. С. 94.

⁵ *Кужушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. С. 146-147.

меры воздействия. В 1936 году за критическое выступление на партийном собрании можно было лишиться свободы. Вот показательный пример: Коммуниста М.П. Красовского в 1933 году исключили из партии «за провокационные вопросы пропагандисту в присутствии беспартийных». Кроме того, на предложение выступить он бросил реплику: «Попробуй выступи, припаяют». В 1935 году он в присутствии комсомольцев утверждал, что «партии пришлось проводить ненужную вредную борьбу с разными партиями, как с левыми, так и с правыми, на что пошло много времени вместо строительства». В 1936 году за совершение этих действий его осудили и приговорили к лишению свободы.¹ К 1977 году население СССР было уже настолько вымуштровано, что собрания по обсуждению проекта проходили строго по сценариям партийного аппарата. Тысячи добровольных помощников партаппарата выступали и говорили «правильные» слова в поддержку проекта и по поручению партаппарата предлагали его улучшить.

Период с 1977 по 1988 гг. всё ещё называется некоторыми представителями отечественной науки периодом расширения демократии.² Конституция СССР 1977 г. заявила, что «основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развитие социалистической демократии» (ст. 9). Бюрократия в этот период действительно прикладывает значительные усилия к тому, чтобы привлечь население страны к оказанию помощи этой бюрократии в управлении страной. Этот период отличается ростом благосостояния населения и его полной покорности своим хозяевам.

3. Доконституционное государственное право закрепляло монархическую форму правления. Советское государственное право имитировало республику. Сегодня всё ещё приходится доказывать, что фактически в стране была введена олигархическая форма правления (власть группы партийных вождей), которая в отдельные периоды заменялась монархией (властью одного вождя).

Имитация республики осуществлялась путём провозглашения советских органов высшими органами власти. Конституции РСФСР 1918 г. заявляла, что высшими органами власти и общего управления в стране являются Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и Совнарком (ст. 45). Конституции СССР 1924 г. объявляла верховным органом власти СССР съезд Советов (ст. 8). Но даже по учебной литературе советских времён можно было понять, что важнейшие решения в стране принимали органы большевистской квазипартии. Например, решение о принятии Конституции РСФСР 1918 г. было принято ЦК РКП (б). Съезд Советов выполнил только законо-регистрационную функцию.³ Документы показывают, что Конституция СССР 1924 г. так же была разработана в ЦК РКП (б) и была принята Пленумом ЦК.⁴ Съезд Советов выступил лишь в роли «резиновой печати». Протокол заседания Пленума ЦК РКП (б) от 18 декабря 1922 г. показывает, что партийная верхушка решала вопрос о том когда созывать Съезд Советов, какие решения он должен принять.⁵ Вид-

---

¹ *Ваксер А.З.* Указ. соч. С. 93-94.

² *Гумаивили Л.Э.* Некоторые реалии в истории действия Конституции ЧИАССР 1978 года // *История государства и права.* – 2014. № 7. С. 48.

³ *История государства и права СССР.* С. 42-43.

⁴ На пути к «социалистическому унитаризму» // *Отечественная история.* – 1992. № 4. С. 90-116.

⁵ Из протокола № 10 вечернего заседания Пленума ЦК РКП (б). 18 декабря 1922 г. // *Отечественная*

но, что Съезд Советов – это всего лишь «марионетка», призванная обозначать республиканскую форму правления в стране. В 1936 году, в условиях полной победы диктатуры И.В. Сталина, правящая группа организовала проведение яркого театрализованного представления, призванного показать, что Советы принимают участие в правотворческой деятельности. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов не просто одобрил проект Конституции СССР, разработанный и принятый партийным аппаратом, но рассмотрел и принял к первоначальному проекту 43 поправки к 32 статьям.¹ Верховный Совет СССР в 1977 г. установил новый рекорд. Он рассмотрел поправки к 118 статьям проекта Конституции и добавил в него одну новую статью.² Правда, голосовали депутаты всегда единогласно. Это должно было символизировать единство всего народа. Задачи имитировать политический плюрализм тогда не стояло. Понятно, что весь сценарий театрализованного представления был разработан партийным руководством и не допускал никакого экспромта депутатов.

Конституция СССР 1936 г. закрепляла процедуру принятия законов Верховным Советом СССР, типичную для парламентаризма. Например, для принятия решения об изменении норм Конституции следовало набрать 2/3 голосов. Предусматривался институт согласительных комиссий, если палаты Верховного Совета не приходили к единому мнению. Верховный Совет мог быть распущен, если его палаты не приходили к единому мнению. Все это был набор мертвых норм, имитирующих республиканскую форму правления. Депутаты Верховного Совета СССР, находясь в положении кукол-марионеток, всегда принимали решения единогласно. Бывший член Политбюро ЦК КПСС Н.И. Рыжков свидетельствовал, что ни какой власти у Верховного Совета не было: «Депутаты, назначенные в Верховный Совет... просто поднимали руки, утверждая то или иное решение, подготовленное, как правило, в недрах руководящих органов партии».³ Правящая группа страны непоследовательно осуществляла имитацию республики. Она не затрудняла себя обязанностью часто собирать Съезд Совета или Верховный Совет, иногда откровенно нарушая нормы конституционного акта. В соответствии с Конституцией 1936 г. Верховный Совет должен был собираться 2 раза в год. В 1946–1954 гг. он собирался 9 раз⁴ (должен был собираться 16 раз). Законорегистрационная функция часто передавалась узкой группе людей, которым поручалось представлять Совет. Например, с 1936 года воля правителя оформлялась в виде закона Президиумом Верховного Совета СССР.

Конституция СССР 1977 г. закрепляла принцип законности в деятельности государственного аппарата (ст. 4). На деле он никогда строго не соблюдался. Нормы конституционных актов и законов часто носили декларативный характер и нейтрализовались нормами подзаконных актов. До 1936 года законы могли издаваться правительством (Советом Народных Комиссаров). Конституция СССР 1936 г. вводит

история. – 1992. № 4. С. 106.

¹ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Указ. соч. С. 150.

² История государства и права СССР. С. 277.

³ Косачев В.Г. Власть, партия и право в Советском государстве (через призму биографий руководителей партии и правительства) // История государства и права. – 2013. № 14. С. 46.

⁴ История государства и права СССР. С. 241.

элементы имитации разделения властей и правительству запрещается издавать законы, но это не мешает ему издавать нормативные акты, носящие характер законов. Деление нормативных актов на законы и подзаконные акты не имело на деле принципиального значения, поскольку реальное правовое регулирование осуществлялось с помощью системы норм, принимаемых партийным аппаратом.¹ Советское государственное право имитировало формирование правительства советским представительным органом и ответственность правительства перед этим представительным органом. Например, ст. 129 Конституции СССР 1978 г. устанавливала, что Правительство СССР образуется Верховным Советом СССР. Ст. 130 утверждала, что Правительство СССР ответственно перед Верховным Советом и подотчётно ему. Фактически правительство формировалось высшим партийным органом (правителем) и перед ним несло ответственность.

Власти новой большевистской бюрократии, в первые десятилетия, не хватало легитимности. Поэтому она прибегала к таким массовым формам имитации представительства населения, как съезды Советов, на которые собиралось большое число депутатов. Вначале съезды собирались ежегодно, затем – пореже. По мере укрепления власти новой бюрократии нужда в таких красочных формах представительства пропала. Конституция СССР 1936 г. по решению И.В. Сталина отменила съезды Советов.² Имитация широкого участия населения в управлении государством осуществлялась посредством большого числа депутатов Советов разного уровня. Если бы собрания депутатов являлись рабочими органами, то большое число депутатов осложняло бы обсуждение вопросов и принятие решений. Но управляемые партийным аппаратом депутаты просто голосовали (с 1930-х гг. всегда единогласно) за спускаемые им решения. Их большое число не мешало осуществлению этой функции. Кроме того, депутаты Советов использовались, как орудие управления массой населения. Чем больше их было, тем легче бюрократии было манипулировать населением. В связи с этим, Конституция РСФСР 1978 г. запрещала одному и тому же лицу быть депутатом в более чем двух Советах (ст. 97). Партаппарат принуждался принимать меры по увеличению числа своих помощников в виде депутатов Советов разных уровней.

Советская бюрократия не забывала имитировать представительство разных народов с помощью разделения ЦИК СССР на две палаты, одна из которых носила название Совета Национальностей (ст. 13-15 Конституции СССР 1924 г.). Так же на две палаты делился Верховный Совет СССР, образованный на основании Конституции СССР 1936 г. (ст. 33). Полный контроль над населением страны позволял формировать Совета Национальностей Верховного Совета СССР на основе прямых, но управляемых выборов (ст. 35 Конституции СССР 1936 г.). Партаппарат проявлял особую заботу о том, чтобы на ассамблеях Советов присутствовали выходцы из разных социальных групп. Например, 42% делегатов VIII чрезвычайного съезда Советов составляли рабочие, 40% крестьян, 28% были беспартийными. В числе деле-

---

¹ Сырых В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды. – М.: Юрист, 2000. С. 210-211.

² История государства и права СССР. С. 189.

готов были люди 63 наций и народностей.¹ Это были, как правило, лучшие работники в своей сфере производства, которых поощряли поездкой в Москву. Советские пропагандисты сравнивали ни чего не решающие ассамблеи Советов с работающими парламентами зарубежных стран, в которых, естественно, не было рабочих и крестьян. Таким путем они пытались доказать, что рабочие и крестьяне в СССР участвуют в управлении государством. Тоталитарный режим позволял обеспечивать явку на голосование почти всего населения страны, что создавало видимость всеобщей поддержки административного государства и его правящей группы. Тесная связь между избирателями и их представителями в Советах подчеркивалась введением права отзыва своего депутата (например, ст. 103 Конституции РСФСР 1978 г.). На деле его использовал партаппарат для очищения Советов от лиц, вступавших в конфликт с новой коммунистической бюрократии, недостаточно послушных ей или явно опорочивших себя (алкоголизм, совершения хищений, получение взяток).

Советское государственное право предусматривало механизмы снижения напряжения в обществе («спускание пара»). Конституция РСФСР 1978 г. закрепляла в качестве обязательного институт наказов избирателей своим депутатам (ст. 98). Другими словами, депутаты собирали «челобитные» от населения, доводили их до властных групп и затем сообщали населению ответы, почему их просьбы не могут быть удовлетворены. Одно из решений партийной бюрократии требовало не допускать в наказах депутатам «пунктов, противоречащих политике советской власти и нецелесообразных».² Вместе с тем какой-то процент просьб населения должен был удовлетворяться. На этом затем строилась рекламная кампания бюрократии, в ходе которой перечислялись ее заслуги пред населением. Депутаты Советов должны были отчитываться перед избирателями и трудовыми коллективами, выдвинувшими их на эту должность. Фактически отчеты были превращены в пропагандистские мероприятия, на которых депутаты доказывали населению, как много государство и они сам делают для блага народа.

4. Российское государственное право до 1917 г. не скрывало имперской организации власти на территории страны. Советское государственное право имитировало предоставление каждой нации права на самоопределение и объединение их в составе федерации. В ноябре 1917 г. СНК принимает «Декларацию прав народов России», где объявляет о праве каждого народа на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Этот документ был направлен на усыпление бдительности националистов. Захваченные с помощью вооруженных сил части старой Российской империи объявлялись свободными. Создаваемый на захваченной территории партийно-государственный аппарат (например, в виде революционного комитета) объявлял себя представителем свободной нации, которая якобы добровольно входит в якобы свободный союз (РСФСР, а затем СССР). Реализовать декларированное право на самоопределение удалось лишь тем нациям, которые сумели дать отпор Красной армии (поляки, финны). Ст. 2 Конституции РСФСР 1918 г. утверждала, что это государство было создано «на основе свободного сою-

---

¹ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Указ. соч. С. 149.

² Об отчетной кампании Ленинградского Совета (По секретным архивным документам) // Отечественная история. – 1992. № 5. С. 134.

за свободных наций». Те представители титульных наций, которые не соглашались с господством новой коммунистической бюрократии, уничтожались физически. Сознавалась видимость того, что советские органы принимают решения об образовании Союза ССР. Фактически Союз был основан на решениях партаппарата и на партийной дисциплине.¹ Выше уже отмечалось, что решение придать СССР видимость договорной федерации принял Пленум ЦК РКП (б).² Фактически ни какого договора не было. Все решения о создании Союза были приняты руководством квазипартии. Советы, очищенные от всех противников новой большевистской бюрократии играли только законорегистрационную роль.³ Слабость партийной дисциплины приводила к тому, что в 1920-е гг. декларация федерации, произведённая в Конституции СССР 1924 г., имела хоть какое-то подтверждение в самостоятельности деятельности аппаратов управления так называемых «советских республик». Монополизация власти в партийном аппарате в руках И.В. Сталина привела к тому, что он фактически стал императором (восточным деспотом), единолично управляя огромной империей из столицы. Развал КПСС в начале 1990-х гг. привел к распаду СССР.

В советской литературе не скрывалось, что федерация не является целью вождей нового государства. Для них это только средство «разрешения национального вопроса».⁴ Другими словами, как отмечают исследователи, это было всего лишь прикрытием сохранения старой имперской формы государственного устройства.⁵ И.В. Сталин не скрывал, что он стремится к созданию унитарного государства.⁶ Конституционные акты СССР утверждали, что власть в так называемых республиках Советов принадлежит выбранным населением советским органам. Фактический правитель (правящая группа) управлял регионами традиционным имперским способом, направляя в них своих заместителей, кои занимали должности глав «республиканских» партийных комитетов.⁷ Присланный из столицы заместитель формировал удобный ему аппарат управления региона, организовывал проведение «выборов» в Советы. Имитирующие федерацию конституционные акты закрепляли широкие права так называемых «союзных республик», которые не всегда присутствуют даже в настоящих федеративных государствах. Так они закрепляли право «республик» свободно выходить из Союза (ст. 4 Конституции СССР 1924 г.; ст. 17 Конституции СССР 1936 г. и ст. 72 Конституции СССР 1977 г.). Советские пропагандисты от науки писали, что Советское государство «верило, что ни одна республика не захочет отделиться от Союза».⁸ На самом деле всё решал партийный и репрессивный аппарат. В условиях авторитарного, а затем тоталитарного режима, даже разговоры о выходе из состава Союза рассматривались, как уголовно наказуемое

---

¹ На пути к «социалистическому унитаризму» // Отечественная история. – 1992. № 4. С. 89-116.

² Из протокола № 10 вечернего заседания Пленума ЦК РКП (б). 18 декабря 1922 г. // Отечественная история. – 1992. № 4. С. 106.

³ Курицын В.М. Указ. соч. С. 57.

⁴ История государства и права СССР. С. 45.

⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. С. 198.

⁶ На пути к «социалистическому унитаризму» // Отечественная история. 1992. № 4. С. 90.

⁷ Курицын В.М. Указ. соч. С. 56-57.

⁸ История государства и права СССР. С. 123.

деяние. Вместе с тем, для удержания национальных окраин под властью бюрократии центра приходилось направлять туда ресурсы из промышленно развитых регионов России. Это обеспечивало опережающее развитие окраин по сравнению с регионами России. Государственное право РСФСР и СССР имитировало создание государственности даже у народов, которые раньше её не имели. В условиях жесткой централизации эта игра в собственную государственность не представляла опасности. Национальные кадры выражали полную преданность центру. Национальная культура развивалась в строго установленных сверху границах. Но как только в начале 1990-х гг. центр ослаб, отдельные нации воспользовались имеющейся правовой базой и заявили о реальности своего суверенитета.

В современной России отвергнут принцип разделенного суверенитета между федерацией и субъектами федерации. Конституционные акты СССР имитировали суверенитет так называемых «союзных республик» (ст. 3 Конституции СССР 1924 г., ст. 15 Конституции СССР 1936 г., ст. 76 Конституции СССР 1977 г.). Полномочия государственных органов Союза по Конституции СССР 1924 г. ограничивались с помощью разрешительного типа правового регулирования. В отношении государственных органов так называемых «союзных республик» действовал, наоборот, общедозволительный тип правового регулирования. «Союзные республики», согласно конституционным актам, имели широкий набор прав: право самостоятельно решать свои территориальные споры – ст. 7 Конституции СССР 1924 г; право иметь свои основные законы – ст. 5 Конституции СССР 1924 г.), похожий на права куклы марионетки. Они реализовали свои права, конечно «самостоятельно», как только правящая группа страны (вождь) дергал за какую-либо ниточку.

С 1930-х гг. правящая группа во главе с вождём по своему усмотрению решала, какому региону придать какой статус, свободно определяла границы тех или иных регионов, переселяла народы с одной территории на другую.¹ По мере укрепления новой коммунистической бюрократии на территориях компактного проживания отдельных наций и народностей, эти территории наращивают внешние атрибуты самостоятельности. Так, территории Центральной Азии сначала наделяются статусом автономных республик в составе РСФСР, а затем объявляются союзными республиками в составе СССР (Казахстан, Киргизия). Автономные области преобразуются в автономные республики (Калмыкия, Удмуртия, Мордовия). В.М. Курицын пишет, что в 1936 г. «при решении вопроса о правовом статусе республик (быть ли им союзными или автономными), так же как и статусе автономных областей, мнение самих республик и автономных областей, судьба которых решалась, никто не спрашивал, их даже не поставили об этом в известность».² Формально всем решениям правящей группы придавали вид законов, принятых советскими органами. Советские пропагандисты от науки доказывали, что народы СССР «единодушно поддерживали» все эти решения.³ О тех, кто не поддерживал эти решения, мы сегодня узнаем, изучая их уголовные дела по обвинению в «буржуазном

---

¹ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. – 1990. № 7. С. 32-44.

² Курицын В.М. Указ. соч. С. 75-76.

³ История государства и права СССР. С. 192.

национализме». В 1944 году были приняты законы, имитирующие резкое расширение суверенитета «союзных республик». Союзным республикам предоставлялось право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Они так же получили право иметь свои республиканские воинские формирования. В Конституцию СССР 1936 г. были внесены соответствующие дополнения (ст. 18а и 18б). Эти изменения понадобились Сталину, чтобы получить в ООН количество голосов, равное количеству союзных республик в СССР.

Конституция СССР 1936 г. отказалась от ряда норм, имитирующих широкие полномочия органов власти так называемых «союзных республик» и прямо расширила полномочия центральных органов государственной власти. Все министерства стали либо общесоюзными, либо союзно-республиканскими (ст. 77, 78). Вопросы, которые ранее являлись предметом регулирования конституционных актов «республик», теперь были урегулированы в Конституции СССР (например, права и обязанности граждан). Конституционные акты так называемых «союзных республик» превратились в почти копии союзного конституционного акта. Новая волна имитации самостоятельности органов власти регионов, фактически работающих под контролем централизованного аппарата квазипартии, началась с 1954 года. Каждая «республика», на основе единого шаблона, приняла свой гражданский, уголовный, уголовно-процессуальный кодекс. К 1970-м гг. хозяйство страны стало настолько массивным, что управлять им из центра стало невозможно. Бюрократия регионов на деле получила возможность расширить свои полномочия, но правящая группа продолжала управлять регионами через направляемых туда наместников по партийной линии.

В своё время государствоведы проделали большую работу по мифологизации сознания населения. Написано сотни книг, утверждающих, что советское государственное право служит народу, закрепляет демократию, республику, федерализм. Сегодня историкам, изучающим государственное право, необходимо разобраться с мифами прошлого.

Источники и использованная литература:

1. *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. – 1990. № 7. С. 32-44.
2. *Ваксер А.З.* Персональные дела членов КПСС, как исторический источник // Отечественная история. – 1992. № 5. С. 91-104.
3. *Гумашвили Л.Э.* Некоторые реалии в истории действия Конституции Чечено-Ингушской АССР 1978 года // История государства и права. – 2014. № 7. С. 48-52.
4. *Денисов С.А.* Административизация правовой системы. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. – 544 с.
5. *Денисов С.А.* Административное общество. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. – 608 с.
6. *Денисов С.А.* Общая теория административного государства. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 684 с.
7. Из протокола № 10 вечернего заседания Пленума ЦК РКП (б). 18 декабря 1922 г. // Отечественная история. – 1992. № 4. С. 106-107.
8. История государства и права СССР. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – Ч. 2. – 320 с.

9. *Косачев В.Г.* Власть, партия и право в Советском государстве (через призму биографий руководителей партии и правительства) // История государства и права. – 2013. № 14. С. 41-47.
10. Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: Сборник документов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 416 с.
11. *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
12. *Курицын В.М.* История государства и права России. 1929-1940 гг. – М.: Международные отношения, 1998. – 232 с.
13. На пути к «социалистическому унитаризму» // Отечественная история. – 1992. № 4. С. 89-116.
14. *Нудненко Л.А.* Развитие законодательства о пассивном избирательном праве в России в период с 1937 по 1988 гг. // История государства и права. – 2015. № 10. С. 43-46.
15. Об отчетной кампании Ленинградского Совета (по секретным архивным документам) // Отечественная история. – 1992. № 5. С. 131-142.
16. *Реймон А.* Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – 327 с.
17. *Силин П.* Расстрелы рабочих большевиками в Астрахани в 1919 году // URL: <http://maxpark.com/community/5134/content/2379955> (дата обращения: 9 января 2015 г.).
18. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 368 с.
19. *Сырых В.М.* История государства и права России. Советский и современный периоды. – М.: Юрист, 2000. – 488 с.

Denisov S.A.

Use of norms of the Soviet state law in the imitating purposes

The article shows how the Soviet state law through constitutional provisions imitated the power of the people (workers), the democratic political regime, the Republic and the Federation.

Keywords: Soviet state law, the sovereignty of the people, democracy, republic, federation, imitation of constitutional order.

Попов В.П.

ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА В СССР (1932–1976 гг.)¹

Автор исследует причины, цели, задачи, историю паспортной системы в СССР в 1932-1976 гг., анализирует советское законодательство о паспортах, в том числе и закрытое, секретное, показывает принципиальные отличия советской паспортной системы и паспортной системы царской России.

Ключевые слова: положение о паспортах, инструкции, прописка, закрепощение, режимные местности, советская паспортная система.

27 декабря 1932 года в Москве председателем ЦИК СССР М.И. Калининым, председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым, секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе было подписано постановление № 57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов».² Время выбиралось не случайно – сельское население было с корнем вырвано из родной почвы и рассеяно по стране. Миллионы «раскулаченных» и бежавших в страхе из деревни от «коллективизации» и непосильных хлебозаготовок надо было выявить, учесть, распределить на потоки в зависимости от «социального положения» и закрепить за государственными работами. Следовало умело воспользоваться плодами «победы», достигнутой в ходе «коренного перелома», закрепить принудительное разделение российского общества на «чистых» и «грешников». Теперь каждый должен был находиться под недреманным оком ОГПУ. Положение о паспортах устанавливало, что «Все граждане Союза ССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках, обязаны иметь паспорта». Отныне вся территория страны делилась на две неравные части – ту, где была введена паспортная система, и ту, где её не было. В паспортизированных местностях паспорт являлся единственным документом, «удостоверяющим личность владельца». Были отменены все прежние документы, которые ранее служили видом на жительство³, введена обязательная прописка паспортов в органах милиции «не позднее 24 часов по прибытии на новое местожительство». Также обязательной стала выписка: для всех, кто выбывал «из пределов данного населенного пункта совсем или на срок более двух месяцев»; для всех, меняющих местожительство, обменивающих паспорта; заключенных; арестованных, содержащихся под стражей более двух месяцев; умерших.

Попов Василий Петрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

¹ Впервые опубликовано: Социологические исследования. – 1995. № 8. С. 3-14; № 9. С. 3-13.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК № 358 от 28 декабря 1932 г.

³ В стране с 1919 г. документом, удостоверяющим личность гражданина РСФСР, являлись трудовые книжки. С 1924 г. стали выдаваться удостоверения личности сроком на три года. С 1927 г. юридическая сила удостоверений личности распространялась на такие документы как метрические выписки о рождении или браке, справки домоуправлений или сельсоветов о проживании, служебные удостоверения, профсоюзные, военные, студенческие билеты, документы об окончании вузов. – См.: *Шумилин Б.Т. Молоткастый, серпастый...* – М., 1979.

Помимо кратких сведений о владельце (имя, отчество, фамилия, время и место рождения, национальность), в паспорте в обязательном порядке указывались: социальное положение (взамен чинов и званий Российской империи советский новояз устанавливал следующие социальные ярлыки для людей – «рабочий», «колхозник», «крестьянин-единоличник», «служащий», «учащийся», «писатель», «художник», «артист», «скульптор» и т.д., «кустарь», «пенсионер», «иждивенец», «без определённых занятий»), постоянное местожительство и место работы, прохождение обязательной военной службы и перечень документов, на основании которых выдавался паспорт. Предприятия и учреждения должны были требовать от всех принимаемых на работу паспорта (или временные удостоверения) и отмечать в них время поступления на работу. Постановление поручало Главному управлению рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР в десятидневный срок представить в Совнарком инструкцию о «проведении постановления».¹ Минимальный срок подготовки инструкции, о котором говорится в постановлении, указывает на то, что она была составлена и согласована во всех звеньях высшего партийно-государственного аппарата советской власти задолго до декабря 1932 года.

Анализ законодательных документов советской эпохи свидетельствует, что большинство тех из них, которые регулировали основные вопросы жизни народа, никогда полностью в открытой печати не публиковались. Многочисленные указы [Президиума Верховного Совета] СССР и соответствующие им акты союзных республик, постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б), циркуляры, директивы, приказы наркоматов (министерств), в том числе важнейших – внутренних дел, юстиции, финансов, заготовок, имели грифы «не для печати», «не публиковать», «не подлежит оглашению», «секретно», «совершенно секретно» и проч. Законодательство имело как бы две стороны: одну, в которой открыто и гласно – «для народа» – определялась правовая норма. И вторую, секретную, которая являлась главной, потому что в ней всем государственным органам предписывалось как именно следует понимать закон и практически проводить его в жизнь. Потому-то постановление Совнаркома СССР № 43 от 14 января 1933 г. утверждало «Инструкцию о выдаче паспортов», которая имела два раздела – общий и секретный.

Первоначально предписывалось проведение паспортизации с обязательной пропиской в Москве, Ленинграде (включая 100-километровую полосу вокруг них), Харькове (включая 50-километровую полосу вокруг города) за январь–июнь 1933 года. Далее в течение того же года предполагалось закончить работу на остальной территории страны, подпадающей под паспортизацию. Территории трёх вышеназванных городов со 100–50-километровыми полосами вокруг них объявлялись режимными. Позже постановлением Совнаркома СССР № 861 от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» к режимным были отнесены города: Киев, Одесса, Минск, Ростов-на-Дону, Сталинград, Сталино, Баку, Горький, Сормово. Магнитогорск, Челябинск, Грозный. Севастополь, Сталино, Пермь, Днепропетровск, Свердловск, Владивосток, Хабаровск, Никольско-Уссурийск, Спасск, Благовещенск, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Ленинск, а также населенные пункты в пределах 100-километровой западноевропейской пограничной

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 54-138.

полосы СССР. В этих режимных местностях запрещалось выдавать паспорта и проживать всем лицам, в которых советская власть видела прямую или косвенную угрозу своему существованию. Эти люди под контролем органов милиции подлежали выдворению в другие местности страны в срок не более 10 дней, где им предоставлялось «право беспрепятственного проживания» и выдавались паспорта.

Секретный раздел инструкции о выдаче паспортов 1933 г. устанавливал ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для следующих групп населения: «не занятых общественно-полезным трудом» на производстве, в учреждениях, школах (за исключением инвалидов и пенсионеров); убежавших из деревень («сбежавших», по советской терминологии) «кулаков» и «раскулаченных», хотя бы они и «работали на предприятиях или состояли на службе в советских учреждениях»; «перебежчиков из-за границы», т.е. самовольно перешедших границу СССР (кроме политэмигрантов, имеющих соответствующую справку от Центрального комитета Международной организации пролетарских революционеров); прибывших из других городов и сёл страны после 1 января 1931 года «без приглашения на работу учреждением или предприятием, если они не имеют в настоящее время определенных занятий, или хотя и работают в учреждениях или предприятиях, но являются явными летунами (так советская власть именовала тех, кто часто менял место работы в поисках лучшей жизни – *В.П.*), или подвергались увольнению за дезорганизацию производства», т.е. опять-таки тех, кто убежал из деревни до начала развертывания «сплошной коллективизации»; «лишенцев», т.е. лишенных советским законом избирательных прав – тех же «кулаков», людей, «использующих наёмный труд», частных торговцев, священнослужителей; бывших заключённых и ссыльных, в том числе судимых даже за незначительные преступления (в постановлении от 14 января 1933 г. приводился «не подлежащий оглашению» специальный перечень этих лиц): членов семей всех вышеперечисленных групп.¹

Поскольку советское народное хозяйство не могло обойтись без труда специалистов, для последних делались «изъятия из закона» и им выдавались паспорта, если они могли представить «от этих предприятий и учреждений свидетельство об их полезной работе». Такие же исключения делались для лишённых избирательных прав, если они находились на иждивении у своих родственников, которые служили в Красной Армии (этих стариков и старух советская власть считала уже неопасными; кроме того, они представляли собой заложников на случай «нелояльного поведения» военнослужащих), а также для священнослужителей «исполняющих функции по обслуживанию действующих храмов» – иными словами, находящихся под полным контролем ОГПУ. Первоначально исключения делались и в отношении незанятых «общественно-полезным трудом» и лишенных избирательных прав, если они являлись уроженцами режимных местностей и постоянно проживали в них. Постановление Совнаркома СССР № 440 от 16 марта 1935 г. отменяло эту временную «уступку». Ниже мы подробнее остановимся на данном вопросе. Вновь при-

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 59-60. По данным милицейских сводок, к 20 апреля 1933 г. в Москве и ещё десяти столичных и крупных городах страны было выдано 6,6 млн. паспортов и отказано в выдаче документов 265 тыс. человек. Среди отверженных милиция установила 67,8 тыс. «сбежавших кулаков и раскулаченных», 21,9 тыс. «лишенцев», 34,8 тыс. «не занятых общественно-полезным трудом». – См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 71-81.

бывающие в режимные местности обязаны были для прописки представлять кроме паспорта справку о наличии жилплощади и документы, удостоверяющие цель приезда (приглашение на работу, договор о вербовке, справку правления колхоза об отпуске «в отход» и др.). Если размер жилплощади, на которую собирался прописаться приезжающий, оказывался меньше установленной санитарной нормы (в Москве, например, санитарная норма составляла 4–6 м² в общежитиях и 9 м² в государственных домах), то ему в прописке отказывали.

Как мы показали, первоначально число режимных местностей было небольшим – дело новое, на все сразу у ОГПУ рук не хватало. Кроме того, надо было дать возможность людям привыкнуть, чтобы не спровоцировать массовых народных волнений, направить стихийную миграцию в нужное для режима русло. К 1953 году режим был распространен на 340 городов, местностей и железнодорожных узлов, на пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 км, а на Дальнем Востоке до 500 км. При этом Закарпатская, Калининградская, Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, в том числе Камчатка были полностью объявлены режимными местностями.¹ Чем быстрее рос город и больше возводилось в нём промышленных объектов, большое число которых входило в военно-промышленный комплекс, тем скорее осуществлялся его перевод в «режимную местность». Таким образом, с точки зрения свободы выбора местожительства в родной стране, индустриализация вела к быстрому принудительному разделению территории страны на большие и малые «зоны». Режимные города, «очищенные» советской властью от всех нежелательных «элементов», давали своим жителям гарантированный заработок и жильё, но взамен требовали «ударного труда» и полной покорности новой «социалистической» идеологии. Так выработывался особый тип «городского человека» и «городской культуры», слабо связанный со своим историческим прошлым. Эту беду понял и правдиво описал ещё в 1922 году – за десять лет до введения паспортной системы! – Сергей Есенин: «Город, город! ты в схватке жестокой / Окрестил нас как падаль и мразь. / Стынет поле в тоске волоокой. / Телеграфными столбами дивясь. / Жилист мускул у дьявольской выи, / И легка ей чугунная гать. / Ну, да что же? / Ведь нам не впервые / И расшатываться и пропадать». Поэт дал исторически точную и христиански осмысленную картину разорения земли русской. Он показал, что правит в стране существо с «дьявольской выей», что земля превращена им в индустриальное болото, по которому проложена «чугунная гать». И схвачено главное: вся Россия – строительная площадка, засасывающая людей, которые для новых хозяев страны только «падаль» и «мразь». Отсюда угадывается и конечный результат – придется народу «расшатываться и пропадать». Большинство и сегодня читая эти стихи, не склонно придавать серьёзного значения пророческому предвидению, рассматривая стихи как лирическую тоску по «уходящей деревне».

Особенно унижительному закреплению подверглось сельское население, т.к. согласно вышеуказанным постановлениям Совнаркома СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 г. и № 861 от 28 апреля 1933 г., в сельских местностях паспорта выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных «режимными». Остальные

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Б.н.

граждане великой страны, проживающие на селе, паспортов не получили. Оба постановления устанавливали длинную, сопряженную со многими трудностями, процедуру получения паспортов для жителей села, если они хотели уехать из деревни. Формально закон определял, что «в тех случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывают на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система, они получают паспорта в районных или городских управлениях рабоче-крестьянской милиции по месту своего прежнего жительства сроком на один год. По истечении годовичного срока лица, приехавшие на постоянное жительство, получают по новому месту жительства паспорта на общих основаниях» (пункт 3 постановления СНК СССР № 861 от 28 апреля 1933 г.). Фактически всё обстояло иначе. 17 марта 1933 года постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О порядке отходничества из колхозов» обязывало правления колхозов «исключать из колхоза тех колхозников, которые самовольно, без зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами (так именовались представители администрации, которые от имени советских предприятий ездили по деревням и заключали договоры с колхозниками – В.П.) бросают свое колхозное хозяйство».¹ Необходимость иметь на руках договор перед выездом из деревни – первый серьёзный барьер для колхозников. Исключение из колхоза не могло сильно напугать или остановить людей, которые на собственной шкуре успели испытать тяжесть колхозных работ, хлебазаготовки, оплату по трудодням, голод. Препятствие состояло в другом. 19 сентября 1934 года принимается закрытое постановление Совнаркома СССР № 2193 «О прописке паспортов колхозников-отходников поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами». Традиционный термин «отходники» должен был завуалировать массовое бегство крестьян из деревни перед теми, кто проводил секретное постановление в жизнь и перед будущими историками, чтобы меньше внимания обращали на самое существенное.

Постановление от 19 сентября 1934 года определяло, что в паспортизированных местностях предприятия могут принимать на работу колхозников, которые ушли в отход без договора с хозорганами, «**лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему местожительству и справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника** (выделено мною – В.П.)». Проходили десятки лет, менялись инструкции и положения по паспортной работе, наркомы и министры внутренних дел, руководители страны, но это решение – основа прикрепления крестьян к колхозным работам – сохраняло свою практическую силу.² По мере того как крестьяне находили мельчайшие лазейки в паспортном законодательстве

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. № 21. Ст. 116.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149. Несмотря на то, что октябрьское 1953 г. положение о паспортах узаконивало выдачу краткосрочных паспортов «отходникам» на «срок действия договора», колхозники хорошо понимали относительную ценность этих документов и рассматривали их как формальное разрешение на сезонные работы. Поэтому они следовали устоявшейся двадцатилетней практике и, чтобы лишний раз не связываться с милицией, брали справки в правлениях колхозов и сельсоветах. Ещё спустя пять лет после введения для колхозников так называемых краткосрочных паспортов, в 1958 г. МИД СССР отмечало многочисленные факты «когда граждане, завербованные в сельской непаспортизированной местности на сезонные работы, не обеспечиваются краткосрочными паспортами, а вывозятся за пределы областей, краев и республик... по справкам сельских Советов или колхозов». – См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Б.н.

и пытались использовать их для бегства из деревни, правительство ужесточило закон. Циркуляр Главного управления милиции НКВД СССР № 37 от 16 марта 1935 г., принятый в соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 302 от 27 февраля 1935 г., предписывал, что «лица, проживающие в сельской непаспортизированной местности, вне зависимости от того, куда они едут (**даже если едут в непаспортизированную сельскую местность**) – обязаны получать паспорта до выезда, по месту своего жительства сроком на один год».¹ До этого закон обязывал деревенских жителей получать паспорта только при выезде в «паспортизированную местность». Конечно, и тогда власти понимали, что крестьяне переезжают из села в село в поисках такого места, откуда легче убежать в город. Например, люди узнавали, что в Челябинске строится большой тракторный завод и, следовательно, в окрестных деревнях и районах будет проводиться усиленный оргнабор. Поэтому они стремились переехать в сельскую местность поближе к этому городу, чтобы попытаться счастья. Правда, Челябинск, как и другой город этой области – Магнитогорск, относились к числу «режимных» и люди с «социально-чуждым» советской власти происхождением почти не имели шансов в нём прописаться. Таким надо было искать место поглуше, уезжать туда, где их никто не знал, и пытаться получить новые документы, чтобы скрыть прошлое. В любом случае переезд на постоянное жительство из одной сельской местности в другую являлся в 1933 – марте 1935 гг. как бы «нелегальным» способом бегства, который закон не запрещал.

После принятия постановления в феврале 1935 года те, кто не имел никакой надежды на сносную жизнь в родном селе – практически все крестьяне, пострадавшие от «коллективизации» и не смирившиеся с колхозами – как и до этого вынуждены были бежать из родных мест. Почему? Согласно вышеуказанному милицескому циркуляру местные органы советской власти, включая осведомительскую сеть в деревне, обязаны были брать под наблюдение всех вновь приезжающих в сельскую местность после 15 апреля 1935 года и удалять из неё тех, кто прибыл без паспортов. Циркуляр не разъяснял куда следовало удалять беспаспортных беглецов, т.е. оставлял полную свободу действий для произвола местных властей. Представим себе психологическое состояние человека, который подлежал «удалению». Вернуться в родное село – значит не только вновь тянуть опостылевшую колхозную лямку, но и лишиться себя всяких, даже призрачных надежд на спокойное существование. Ведь «коллективизация» с её принудительным выселением «кулаков», зверскими хлебозаготовками, голодом, беспределом местных властей вполне показали крестьянину его колхозное будущее. Факт бегства из колхоза вряд ли мог пройти незамеченным для деревенского начальства, т.к. прямо свидетельствовал о «неблагонадёжности». Оставался один выход – бежать дальше, туда, где, по представлениям людей, закрепощение деревни ещё не достигло своего максимума, где маячила хоть малейшая надежда. Поэтому истинный смысл поправки к паспортному закону (постановление Совнаркома СССР № 302 от 27 февраля 1935 г.) заключался в том, чтобы закрепить за крестьянами-беглецами, не имеющими паспортов, их «нелегальное положение» в любой точке СССР, превратить их в невольных преступников.

В деревнях и сёлах оставались те, кто сделал ставку на советскую власть, кто

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 237-237 об.

решил ей верно служить, вознамерился сделать карьеру на унижении и порабощении односельчан, построить себе лучшую жизнь за счёт эксплуатации рядовых колхозников. Оставались одуроченные режимом, клонувшие на щедрые посулы, не нашедшие в себе смелости пойти наперекор; оставались люди, которые по возрасту, семейным обстоятельствам или физическому увечью не могли убежать и, наконец, те, кто ещё в 1935 году понимал, что от советской власти далеко не убежишь. Верное своему исписанному правилу (всё действительно относящееся прямо к жизни народа – таить от него) правительство не опубликовало новое постановление. Милицейский циркуляр предлагал «широко объявить сельскому населению» изменения в паспортном законе «через местную печать, путём объявлений, через сельсоветы, участковых инспекторов и т.д.».

Перед крестьянами, решившими уехать из деревни с соблюдением паспортных законов, о которых они знали понаслышке, стояла трудноразрешимая задача – надо было иметь договор с предприятием, и тогда они могли получить в милиции паспорт и уехать. Если договора не было, приходилось идти на поклон к председателю колхоза и просить справку на «отход». Но не для того создавалась колхозная система, чтобы колхозники могли по собственному желанию бросать работу и свободно «разгуливать» по стране. Председатель колхоза хорошо понимал этот «политический момент» и свою задачу – «держат и не пущат». Мы уже указывали, что формальные права на получение паспорта сохранялись и за жителями «непаспортизированных районов». Так определяло правительственное постановление от 28 апреля 1933 года. При чтении этого документа у обычного человека могло создаться впечатление, что получение паспорта в районном (или городском) отделении милиции дело самое обычное, но так могли думать только непосвященные во все тонкости дела крестьяне. В самой же инструкции по паспортной работе, введённой в действие 14 февраля 1935 года приказом № 0069 наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды, существовала масса юридических заковык, внешне (по форме) противоречивых, но включенных в документ сознательно с тем, чтобы дать представителям местных властей (от председателя колхоза или сельсовета до начальника районного управления милиции) полную возможность для безграничного произвола в отношении рядового колхозника. Единственным могущим возникнуть «ограничением» был тот «высший интерес», когда Индустриальный Молох вновь широко отверзал свою ненасытную пасть, требуя новых жертв – тогда местный советский «князек» обязан был на время забыть про самодурство и не мешать уезжать крестьянам в город по гак называемому «оргнабору», т.е. попадать под следующий зубец безжалостной Машины по штамповке «советского человека» из православных русских людей. Приведём небольшой пример уже из времен «оттепели». По секретному постановлению Совмина СССР № 959-566 сс от 18 мая 1955 г. на территории РСФСР (за исключением северных районов) проводился призыв граждан призывных возрастов для работы на предприятиях и стройках министерства строительства СССР. Дабы не сорвать государственное мероприятие МВД СССР дало указание подведомственным органам о «беспрепятственной выдаче паспортов лицам этой категории (призывникам – *В.П.*), проживающим в непаспортизированной местно-

сти, направляемым для работы на указанные предприятия и стройки».¹

Пункт 22 инструкции по паспортной работе 1935 г. перечислял следующие документы, необходимые для получения паспорта: 1) справку домоуправления или сельсовета с места постоянного жительства (по форме № 1); 2) справку предприятия или учреждения о работе или службе с обязательным указанием «с какого времени и в качестве кого работает на данном предприятии (учреждении)»; 3) документ об отношении к военной службе «для всех обязанных иметь таковой по закону»; 4) любой документ, удостоверяющий место и время рождения (метрическую выпись, свидетельство ЗАГСа и проч.).² Пункт 24-й той же инструкции указывал, что «колхозники, крестьяне единоличники и неорганизованные кустари, проживающие в сельской местности – никаких справок о работе не представляют». Казалось бы, этот пункт даёт колхознику право не представлять в милицию справку правления колхоза о разрешении уйти в «отход», иначе, зачем включать специальный пункт об этом в инструкцию? Но это была видимость. В инструкции в разделе «Выдача паспортов лицам, выезжающим из сельских местностей» пунктом 46 предписывалось: «Лица, постоянно проживающие в сельской местности, где паспортизация не проводится, и выезжающие на срок более пяти дней в местности, где паспортизация проведена, или поступающие на работу в промпредприятия, новостройки, транспорт, совхозы, обязаны получить паспорта по месту своего жительства до выезда (до поступления на работу)». И далее статья 47: «Лица, указанные в статье 46 обязаны представить в милицию все документы (значит, включая и справку с места работы, т.е. разрешение правления колхоза на «отход» – *В.П.*), необходимые для получения паспорта (см. ст. 22), а также справку правления колхоза (а единоличники – справку сельсовета) об отпуске в отход».³ Дважды в разной форме, чтобы было понятно всем без исключения, в одном предложении подчеркивается, что все крестьяне (колхозники и единоличники) обязаны для выезда из деревни на срок более пяти дней иметь справку от местных органов власти, которая практически являлась главным документом дня получения паспорта. Ничего этого крестьяне не знали, ведь инструкция по паспортной работе явилась приложением к приказу НКВД СССР, который имел гриф «сов. секретно». Поэтому особенно циничной, когда они с ней сталкивались, звучала для людей древняя юридическая норма: незнание закона не освобождает от наказания по нему.

Попытаемся представить те мытарства, которые приходилось проходить русскому крестьянину для получения «вольной» в эпоху действия паспортной системы в СССР. Договора, как правило, в руках нет, т.к. государство внимательно контролировало и регулировало «оргнабор» в деревне. В зависимости от положения с кадрами в той или иной отрасли, на стройке, заводе, шахте оно то разрешало государственным вербовщикам набирать рабочую силу по деревням (на основе государственного плана, в котором не «только учитывались отрасли, нуждающиеся в рабочей силе, но и указывалось их конкретное число для каждого ведомства или стройки и те сельские районы, где разрешался набор»), то закрывало эту лазейку.

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1447. Л. 99.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 80-81.

³ Там же. Л. 84.

Значит надо крестьянину идти за справкой к председателю колхоза. Тот отказывает прямо или тянет, предлагает подождать с уходом до завершения сельскохозяйственных работ. Этот приём может применяться неоднократно. Ничего не добившись в колхозе, крестьянин пытается начать с другого конца, сначала заручившись согласием в сельсовете, и идёт туда за справкой по форме № 1. Председатель сельсовета – такой же ставленник советской власти, как и его колхозный собрат, т.е. существо зависимое, дорожащее своим местом «начальника» больше всего в жизни. Естественно, он спрашивает крестьянина: есть ли у того справка из правления, и просит её показать. Если такой справки нет – разговор окончен. Получается замкнутый круг. Остается ещё одна возможность, к которой нередко прибегали – подкупить сельских чиновников, подделать или выкрасть злосчастную справку. Но для того и существует милиция, чтобы проверять все документы до точки, а, при необходимости запрашивать тот сельсовет или правление, которое выдало справку. Так создается почва для сращивания местной верхушки власти – колхозной, советской, милицейской, верхушки, которая становится безраздельным хозяином деревни. Она грабит, развращает, унижает народ, она создана именно с этой целью, и паспортная система предоставляет ей безграничные возможности. С прямого попущения правительства инструкция по паспортной работе специально узаконила такой произвол – ведь пункты 24 и 47 её позволяли требовать от крестьянина справку с места работы или выдать паспорт без неё.

О душевном состоянии русского человека, насильственно превращенного в «колхозника», свидетельствует В.И. Белов: «Для сельской жизни начала тридцатых годов (добавим от себя: разве только 30-х? – В.П.) очень характерно было такое понятие, как “копия” или “копия с копии”. Бумага или её отсутствие могли отправить на Соловки, убить, уморить голодом. И мы, дети, уже знали эту суровую истину. Не зря составлять документы учили нас на уроках... В седьмом или шестом классе, помнится, мы учили наизусть стихотворение Некрасова “Размышления у парадного подъезда”: “Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям”. Н.А. Некрасов называл холопским недугом обычное подхалимство. Но можно ли называть холопским недугом страх беспаспортного деревенского мальчика, стоящего перед всеильным чиновником? Дважды, в сорок шестом и сорок седьмом годах, я пытался поступить учиться. В Риге, в Вологде, в Устюге. Каждый раз меня заворачивали. Я получил паспорт лишь в сорок девятом, когда сбежал из колхоза в ФЗО. Но за пределами деревенской околицы чиновников было ещё больше...».¹ Писатель недаром поставил в конце предложения многоточие; уж он то хорошо знал советскую действительность, если даже спустя полвека после введения паспортной системы в СССР предпочёл не раскрывать всего многообразия царящего в России и узаконенного высшей властью произвола.

Согласно инструкции по паспортной работе 1935 г., помимо паспортных книжек сроком на три года и годичных паспортов существовали временные удостоверения сроком до трёх месяцев. Они выдавались «в нережимных местностях при отсутствии документов необходимых для получения паспорта» (пункт 21 инструк-

---

¹ Белов В.И. Раздумья на Родине. – М., 1989. С. 190-191.

ции). Другими словами, речь шла преимущественно о сельских жителях, которые выезжали в «паспортизированную местность» на временные (сезонные) работы. С помощью этой меры государство пыталось регулировать миграционные потоки и удовлетворять нужды народного хозяйства в рабочей силе, одновременно ни на минуту не упуская ни одного человека из поля зрения милиции. По сведениям МВД СССР, было выдано временных удостоверений: за 1933-1940 гг. – 14,3 млн., за 1941-1945 гг. – 24,5 млн., за 1946-1952 гг. – 55,8 млн.¹ Цифры показывают, что число сезонных рабочих резко возрастало в военные и первые послевоенные годы, когда в стране была большая нехватка рабочих рук. По существу практика выдачи временных удостоверений означала некий «компромисс» между властью и народом: для первой это было средством, снижающим недовольство части людей своим беспаспортным состоянием, этаким узаконенной государством «лазейкой», для вторых – ещё одной дополнительной попыткой бегства из деревни хотя бы на непродолжительный срок в надежде превратить его в постоянный.

Часто из деревни убегали вообще без каких-либо паспортных документов. О том, что подобные явления носили массовый характер, свидетельствует следующая выдержка из циркуляра ЦИК СССР № 563/3 от 17 марта 1934 г.: «Несмотря на проведенную органами милиции разъяснительную кампанию, требование это не выполняется: наблюдается массовый приезд граждан из сельских местностей в города без паспортов, что вызывает мероприятия милиции по задержанию и удалению приезжающих».² В ходе паспортизации населения страны НКВД СССР приходилось преодолевать большой психологический барьер не только среди основной массы людей, но и в среде собственных сотрудников. Приказ № 0027 НКВД СССР от 15 августа 1934 г. отмечал, что «паспортные органы предоставлены сами себе, работают бесконтрольно, в результате налицо злоупотребления, недостача паспортных документов, торговля паспортами».³ Нередки были случаи попыток прописаться по поддельным и подложным справкам об отходничестве. Конечно, все эти попытки не могли всерьез противостоять паспортной удавке, накинутой на народную шею.

Правовое положение крестьянина в колхозную эпоху делало его изгоем в родной стране. И жить под таким психологическим прессом предстояло не только ему, но и его детям. По действующему примерному уставу сельхозартели (1935 г.) членство в колхозе должно было оформляться подачей заявления с последующим решением о приёме на общем собрании членов артели. На практике это правило не соблюдалось по отношению к детям колхозников, которых по достижении ими 16-летнего возраста правление механически заносило в списки колхозников без заявлений о приёме. Получалось так, что сельские юноши и девушки не были хозяевами своей судьбы, они не могли по собственному желанию после 16 лет получить в райотделе милиции паспорт и свободно уехать в город на работу или учёбу. Ведь с наступлением совершеннолетия они автоматически становились колхозниками и, следовательно, уже только в качестве таковых могли добиваться получения

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1, Д. 4155. Л. 199-201.

² Там же. Оп. 12. Д. 137. Л. 63.

³ Там же. Л. 46-47 об.

паспорта. Чем в большинстве своем кончались такие попытки, мы уже писали. Формально названная практика не была закреплена юридически в уставе сельхозартели. Эта искусственно созданная властью очередная юридическая «тонкость», позволяла вводить людей в заблуждение, провоцировала их всеми условиями жизни в колхозе к бегству. Согласно традиционному взгляду, если человек формально не обязан подавать заявления о приеме, то он не будет зачислен в колхоз (устав сельхозартели не содержал каких-либо упоминаний об обязательном приеме в члены колхоза детей колхозников). А раз он не колхозник, то вроде не обязан в нём работать. На деле происходило наоборот. Так важнейшая форма жизни на Руси – крестьянство – было сознательно заклеено советской властью. Среди городского населения обиходным стало выражение «колхозник», которое употребляли для обозначения человека «второго сорта». Бегство в города создавало видимость обретения свободы, а для большинства беглецов предоставляло временную отсрочку перед тем, как попасть из сельской в городскую кабалу. Здесь они сразу оказывались под прессом «ударничества» и «трудовых вахт», а если пытались бежать и с предприятий, куда завербовались, то попадали в категорию бесправных «летунов» и подлежали административному выселению. Поиск лучшей жизни начинался вновь, уже в другом месте, часто далеко от родного села. Так «индустриализация» гнала крестьян всё дальше от родных мест, в чужие края, с иными языком и культурой.

О том, в каких размерах происходило рассеивание русских людей по территории страны, **свидетельствует** сравнение данных всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. В 1926 году в РСФСР выделялось 107 губерний, округов, автономных республик и областей. Доля русских составляла от 90% до 99,6% – в Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской, Новгородской, Псковской, Череповецкой, Брянской, Смоленской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской, Орловской, Тамбовской, Вятской губерниях, Верхнекамском, Златоустовском, Ирбитском, Ишимском, Курганском, Пермском, Сарапульском, Свердловском, Тагильском, Тюменском, Шадринском, Бийском, Киренском, Срегенском, Читинском округах; от 80% до 90% – в Курской, Ульяновской, Саратовской, Сталинградской губерниях, Кунгурском, Троицком, Челябинском. Сунженском, Шахтинско-Донецком, Барнаульском, Иркутском, Каменском, Красноярском, Кузнецком, Новосибирском, Рубцовском, Томском округах; от 70% до 80% – в Ленинградской, Мурманской, Пензенской, Самарской, Астраханской губерниях, Барабинском, Ачинском, Капском. Минусинском, Тарском, Тулунском, Зейском округах; от 60% до 70% – в Воронежской, Оренбургской губерниях, Майкопском, Ставропольском, Омском, Тобольском, Амурском округах; от 50% до 60% – в Армавирском, Сальском, Терском, Сахалинском, Хабаровском округах, Ойратской автономной области, Бурят-Монголии; от 40% до 50% – в Вотской, Татарской губерниях, Донецком, Донском, Славгородском, Хакасском, Николаевском округах; от 30% до 40% – в Башкирии, Кубанском, Черноморском, Туруханском, Владивостокском округах; от 20% до 30% – в Республике немцев Поволжья, Коми-Пермяцком, Таганрогском, Адыгейско-Черкесском округах; от 10% до 20% – в Чувашской, Калмыцкой, Дагестанской, Якутской автономных республиках, Камчатской области; 10% и менее – в Ингушской, Кабардино-Балкарской, Карачаевской, Северо-Осетинской, Чеченской, Казахской и Киргизской

автономных республиках.¹ За тринадцать лет к 1939 году резко выросла доля русских в следующих национальных районах: Чечено-Ингушской АССР с 1,2–2,9% до 28,8%; Северо-Осетинской АССР – с 6,6% до 37,2%; Якутской АССР – с 10,4% до 35,5%; Бурят-Монгольской АССР – с 52,7% до 72,1%; Киргизской ССР – с 1,7% до 20,8%.² В дальнейшем «индустриализация» усиливала процесс выталкивания русских в национальные районы и «отдаленные места».

Паспортизация населения способствовала окончательному складыванию в СССР системы сыска и учёта тех людей, которых советская власть зачислила в разряд «преступников» или считала потенциально опасными. Негласный надзор осуществлялся за всеми без исключения, кто хоть и какой-либо мере (даже самой малой и ничтожной) нарушил закон. В областных управлениях милиции организовывались паспортные отделы, в городских и районных управлениях (отделениях) – паспортные столы. В населённых пунктах, где проживало свыше 100 тыс. «паспортизированного населения» создавались адресные бюро. В дополнение к ним, но с иными целями – не для прописки и выдачи паспортов, а для «улучшения розыска скрывшихся и бежавших преступников» приказом НКВД СССР № 0102 с от 10 сентября 1936 г. во всех крупных городах страны (населением свыше 20 тыс. жителей) организовывались кустовые адресные бюро. В Москве действовало Центральное адресное бюро (ЦАБ). Если в 1936 году кустовые адресные бюро существовали в 359 городах СССР, то в 1937 году – в 413.³ Остальные города и районы прикреплялись каждый к определённому кустовому адресному бюро. Таким образом вся территория СССР была охвачена сыском. Маскировалось это под «учёт движения населения». Положение о кустовых адресных бюро, утверждённое приказом НКВД СССР № 077 с от 16 августа 1937 г., устанавливало, что «основным прописочным, учётным и справочным документом является листок прибытия, который заполняется при перепрописке всего населения и на каждого прибывающего в данный населённый пункт гражданина».⁴ Листки прибытия и листки убытия имели одинаковое название – «адресный листок». Учёт движения населения при этом был второстепенной задачей. Все адресные листки до помещения в картотеку на прибывших лиц проверялись в кустовых бюро по книге розыска паспортов (т.к. многие люди жили по похищенным или поддельным паспортам, их учёт в кустовых бюро велся отдельно). Одновременно листки прибытия сверялись с так называемыми сторожевыми листками (розыскными карточками), которые заполнялись на «разыскиваемых преступников», объявляемых в союзном или местном розыске, и хранились в специальных барабанах-картотеках кустовых адресных бюро. Об обнаружении разыскиваемого немедленно сообщалось «аппарату НКВД, объявившему розыск». Карточки на разысканных продолжали храниться «как компромат до указания об их изъятии и уничтожении».

С 1 января 1939 года вводилась новая, более совершенная форма адресных листов. И это не случайно. 17 января должна была состояться Всесоюзная перепись

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX: РСФСР. – М., 1929. С. 65-79.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992. С. 59-79.

³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 160-164, 179-186.

⁴ Там же. Л. 181.

населения. Предшествующая проводилась всего за два года перед этим в 1937 году. Следовательно, государство нуждалось не столько в точных сведениях о численности населения, сколько в установлении местожительства каждого человека. Ведь в 1937–1938 гг. в стране проводилась массовая чистка – «ротация» советского чиновничьего слоя. Бывшие руководящие кадры в обстановке террора и всеобщего страха пытались сменить местожительство, получить любым способом новые документы. Люди видели в предстоящей переписи прямую угрозу своей жизни, старались скрыться. Поэтому режим считал необходимым усилить контроль за «движением населения», чтобы в любой момент иметь возможность арестовать каждого. Отдельные лица (дачники, отдыхающие в санаториях и домах отдыха, приезжающие в отпуска, на каникулы, экскурсанты, туристы, прибывающие на совещания, съезды и выбывающие обратно) прописывались временно на адресных листках без отрывных талонов. Для всех остальных прописка и выписка фиксировались на адресных листках с отрывными талонами, которые после заполнения направлялись в управление народнохозяйственного учёта, а оттуда в центральное управление (ЦУПХУ) Госплана СССР. Адресный листок оставался в адресном бюро милиции. В режимных местностях адресные листки заполнялись в двух экземплярах, из которых один оставался в адресном бюро, а другой в отделении милиции «для контроля за выездом прописанного в срок». На «социально-чуждый» и «уголовный элемент» заполнялись дополнительные листки прибытия (убытия), которые направлялись для централизованного учета в кустовые адресные бюро.¹ Таким образом, в стране существовал двойной учёт «движения населения». Важнейший – в милиции, второстепенный – в Госплане. Инструкция по паспортной работе 1935 г. следующим образом определяла приоритет в задачах адресных бюро: «а) оказание содействия административным органам в розыске необходимых им лиц: б) выдача учреждениям и частным лицам справок о местожительстве граждан: в) ведение учёта движения населения».² Вопреки традиционным представлениям паспортный аппарат в СССР существовал не столько для нужд населения, сколько для розыска непокорных. Приказ НКВД № 230 сс от 16 декабря 1938 г. об улучшении работы кустовых адресных бюро прямо указывал, что они создавались для «улучшения работы милиции по розыску преступников», а не для учёта движения населения. Для решения последней задачи, говорилось в приказе, существуют адресные бюро. НКВД приказывало «на всех граждан, вновь прибывающих в район, независимо от того, на постоянное или временное жительство они прибыли, хотя бы даже и в непаспортизованную местность, листки прибытия должны направляться в кустовые адресные бюро».³ В кустовых бюро листки на вновь прибывших проверялись на наличие в биографии «компрометирующих сведений» после чего, в зависимости от характера «компромата», об этом сообщалось руководителю предприятия по месту работы или «немедленно в уголовный розыск».

Инструкция по паспортной работе 1935 г. основными задачами милиции по «поддержанию паспортного режима» в СССР определяла следующие: недопуще-

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 466-470.

² Там же. Д. 137. Л. 98.

³ Там же. Д. 233. Т. 1. С. 439-459 об.

ние проживания без паспортов и без прописки; недопущение приёма на работу или службу без паспортов; очистка режимных местностей от «уголовных, кулацких и иных антиобщественных элементов, а также от лиц, не связанных с производством и работой»; взятие в нережимных местностях всего «кулацкого, уголовного и иного антиобщественного элемента» на особый учёт.¹ В милицеской инструкции выражены существенные черты советской власти и её отношение к человеку.

Практическая работа низового аппарата милиции по проведению «особого учёта» строилась следующим образом: в справке домоуправления или сельсовета с места постоянного жительства (форма № 1), которая в обязательном порядке предъявлялась в милиции при получении паспорта, в графу «для особых отметок органов РК милиции» заносились все «компрометирующие данные» о получателе паспорта. Начиная с 1936 года в паспортах бывших заключенных и ссыльных, лишенных избирательных прав, и «перебежчиков» стали делать специальную отметку. Справки по форме № 1 хранились в общей картотеке паспортного аппарата милиции: люди, взятые на особый учёт, заносились и списки по особой форме. Ширилась «индустриализация» и завершалась «сплошная коллективизация», росли города, одни политические процессы сменяли другие, рос государственный террор и увеличивалось число «преступников», «летунов» и иного «антиобщественного элемента» и соответственно совершенствовался сыск, увеличивались картотеки кустовых и Центрального адресных бюро.

Нормой становилась жизнь по чужим документам, их подделка. Для улучшения идентификации личности гражданина СССР с октября 1937 года в паспорта стали наклеивать фотографическую карточку, второй экземпляр которой хранился в милиции по месту выдачи паспорта. Для предохранения паспортов от подделок главное управление милиции ввело спецчернила для заполнения бланков паспортов и спецмастику для печатей, штампы по креплению фотокарточек; рассылало во все отделения милиции оперативно-методические ориентировки «о способах распознавания поддельных паспортов». Помимо этого в случаях, когда при получении паспортов предъявлялись свидетельства о рождении, выданные в других областях и республиках, милиция обязана была делать предварительный запрос в пункты выдачи этих свидетельств для подтверждения их подлинности. Кроме собственных сил милиция привлекала к «поддержанию паспортного режима» дворников, сторожей, бригад милиции, «сельских исполнителей» и «доверенных лиц» (как они именовались на милицеском жаргоне). Под ними подразумевались осведомители из числа вышедших на пенсию партийных и советских чиновников, милицеских работников.

О масштабах слежки за населением свидетельствует следующий факт. По сообщению главного управления милиции, на начало 1946 года в районах Московской области «агентурно-осведомительный аппарат» состоял из 396 резидентов (в том числе 49 платных), 142 агентов, 24 агентов-маршрутников и 7 876 осведомителей. Однако начальник управления генерал-лейтенант Леонтьев отмечал, что «агентурно-осведомительная сеть по области большая, но качественно ещё слабая».² Сло-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 88.

² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 33. Л. 347 об.

варь иностранных слов дает несколько толкований понятия «резидент», но смысл всех сводится к тому, что речь идет о человеке, который выполняет дипломатические, разведывательные или административные функции в иностранном государстве. Видимо, у советской власти было достаточно оснований считать Россию чужой для себя страной.

Внешне почти невидимая и не бросающаяся в глаза, а потому страшная вдвойне, паспортная система явилась надежным и мощным средством закабаления русских людей. Первоначально с её помощью вся страна была превращена в большую зону, а затем уже отпочковывались её меньшие части – «режимные» города, лагеря, колхозы и совхозы. Они являлись пунктами прикрепления и изоляции людей, тогда как паспортная система сделала возможным само прикрепление. Количественные показатели представлены в таблице. Если учесть, что к началу 1934 года в СССР насчитывалось 168 млн. человек, то примерно 1/3 населения страны была охвачена паспортизацией. Приведенная оценка должна корректироваться с учётом следующих обстоятельств. Дети и подростки до 16 лет составляли в 1934 году примерно 40% всей численности населения. Они вписывались в паспорта родителей или лиц, на иждивении которых состояли. Рост числа выданных паспортов в 1936 году (25,5 млн.) объясняется проведением в апреле–декабре этого года обмена паспортов, которые получило в 1933 году население «нережимных местностей». Приказ НКВД СССР № 019 от 8 февраля 1936 г. предписывал милицееским органам «не прибегать в этой работе к методам, применявшимся в 1933 г., как-то: собрания жактов, митинги, публикации и т.д.».¹ Новые паспорта выдавались на пять лет; для окончивших службу в армии – на один год. В ходе обмена милиции пришлось выполнить большой объём работы «для выявления и задержания лиц, живущих по похищенным, смытым или поддельным паспортам». В 1940 году проводился обмен паспортов в Москве, Ленинграде, Киеве и других «режимных» городах. Как и в 1936 году НКВД СССР требовало проводить обмен «в порядке текущей плановой работы, не придавая ему характер массовой кампании и без создания для этой цели специального аппарата». К концу 30-х годов советскому руководству можно было с полным правом заявить на весь мир о «построении основ социализма в СССР», т.к. окончательное складывание паспортного режима служило самым убедительным аргументом для подобного вывода.

Чтобы правильно оценить характер перемен в правовом положении русского народа, коротко рассмотрим основные положения паспортной системы царской России. Основным документом был «Устав о паспортах», изданный в 1903 году.² По нему **все, проживающие по месту постоянного жительства, не обязывались иметь паспорта**. Под постоянным местом жительства понималось: для дворян, купцов, чиновников, почётных граждан и разночинцев – место, где они имели недвижимое имущество или домашнее обзаведение, или были заняты по службе; для ме-

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 149-153.

² Фактический материал взят из «Краткой справки о паспортной системе, действовавшей в царской России», которая подготовлена начальником паспортно-регистрационного отдела ГУМ МВД СССР Подузовым 20 апреля 1953 г. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 214-219). Документ представляет большой интерес, т. к. отражает точку зрения профессионала, который счёл нужным выделить самые существенные черты паспортной системы Российской империи.

щан и ремесленников – город или местечко, где они были причислены к мещанскому или ремесленному обществу; для крестьян – сельское общество или волость, к которой они были приписаны. На фабриках, заводах, мануфактурах и горных промыслах, на которые распространялось действие правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности, все рабочие обязаны были иметь паспорта, даже в случаях, когда предприятие находилось в месте постоянного жительства этих рабочих.

Сведения о количестве выданных паспортных документов в СССР (тысяч)¹

Годы	Выдано паспортных документов			
	паспортных книжек	годовых паспортов	временных удостоверений	всего
	27 542,5	3 867,4	2 721,7	34 131,5
1934	13 604,5	5 796,5	2 495,9	21 896,9
1935	11 518,5	7 295,7	1 888,0	20 702,2
1936	25 485,1	9 448,9	1 791,3	36 725,4
1937	4 720,0	1 315,0	315,0	6 350,0
1938	10 610,6	8 746,3	1 594,6	20 951,6
1939	5 630,2	8 995,3	1 480,3	16 105,8
1940	13 533,4	6 751,2	1 974,3	22 258,8
Итого за 1933–1940	112 644,7	52 216,3	14 261,2	179 086,3

Не надо было получать паспорта в тех случаях, когда люди отлучались с постоянного места жительства в пределах своего уезда или за него, но не далее чем на 50 верст и на срок не более полугода. Также можно было наниматься на сельские работы без ограничения срока отлучки и не получать паспорт, если работать приходилось в соседних со своим уездом волостях.

В остальных случаях при перемене места постоянного жительства выдавались паспорта: бессрочные – не служащим дворянам, уволенным с государственной службы; офицерам запаса; почетным гражданам; купцам и разночинцам; пятилетние – мещанам, ремесленникам и сельским обывателям. Если за последними числились недоимки по общественным, государственным, земским или мирским сборам, паспорта выдавались только с согласия обществ, к которым они были приписаны. Однако и в этих случаях ремесленники, мещане и сельские обыватели могли получить паспорт на срок до одного года, но возобновлять его могли только с согласия общества. Лица мужского пола до 17-летнего возраста, не состоявшие на государственной службе, и женского пола до 21-летнего возраста могли получить самостоятельные паспорта только с согласия своих родителей и опекунов, в паспорта которых они были внесены. Замужние женщины получали паспорта только с согласия мужей (исключения делались только для тех, чьи мужья находились в неизвестном отсутствии, в местах заключения, ссылке или страдали умопомешательством). Членам крестьянских семей, в том числе совершеннолетним, паспорта выдавались и возобновлялись только с согласия хозяина крестьянского двора. Без его

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199-201.

согласия паспорта могли быть выданы только по распоряжению земского или крестьянского начальника или других высокопоставленных лиц. Учащимся учебных заведений вместо паспортов выдавалось особое бесплатное свидетельство. Высланным за нищенство паспорта выдавались не ранее двух лет по истечении времени высылки.

Отбывшие наказание в исправительно-арестантских отделениях, тюрьмах и крепостях в соответствии с Уложением о наказаниях (в отдельных случаях по решению Особых Совещаний при министре внутренних дел) отдавались под особый надзор полиции. Этим лицам паспорта выдавались только с разрешения полиции, а в паспортах делалась отметка о судимости их владельца и производилась запись: «Предъявитель сего вида не имеет права жительства или пребывания: 1) в столицах и во всех местностях столичных губерний; 2) в губернских городах, их уездах и во всех местностях, отстоящих от губернских городов ближе 25 верст; 3) во всех крепостях и местностях, отстоящих от крепостей ближе 25 верст; 4) в тех городах или местностях, в коих Высочайшим Повелением не разрешается водворение поднадзорных». Внимательное и непредвзятое знакомство с обыденной жизнью российских революционеров всех политических оттенков, сведения о которых в большинстве случаев автобиографичны, показывает, что существовавший в Российской империи паспортный режим не мешал им после отбытия наказания за особо опасные преступления не только не чувствовать себя изгоями в обществе, но и жить в сносных человеческих условиях, менять местожительство, заниматься революционными делами дальше, выезжать за границу.

Вот один из характерных примеров паспортных ограничений Российской империи для революционеров. «Вернувшись из ссылки в феврале 1900 г., – свидетельствует старшая сестра Ленина – А.И. Ульянова-Елизарова, – Владимир Ильич после посещения родных в Москве поехал в Псков, избранный им местом жительства (все университетские города и крупные промышленные были исключены для возвращающихся из ссылки) ... у Владимира Ильича созрела мысль о том, что партию надо попробовать объединить ... вокруг газеты, издаваемой за пределами досягаемости, за границей... Было решено, что для выполнения её (ленинской мысли – В.П.) он, Потресов и Мартов поедут за границу. Все трое выхлопотали заграничные паспорта, – **в то время департамент полиции пускал довольно легко за границу** (выделено мною – В.П.), ибо тогдашний опыт показывал, что люди, – особенно литераторы и научные работники, – всасывались за границей и становились более или менее безвредными с точки зрения революционной работы».¹ Заграничный паспорт был выдан, как явствует из приведенных воспоминаний, без особых мытарств брату казненного государственного преступника, активному приверженцу свержения существующей царской власти, который открыто выступал с пропагандой своих идей. Даже смешно представить возможность чего-либо подобного в советской России после введения в ней паспортной системы.

К числу существенных черт паспортных систем царской и советской России, имеющих формальное сходство, относятся ограничения, налагаемые на сельских

---

¹ Деятели СССР и Октябрьской Революции. Энциклопедический Словарь Русского Библиографического института Гранат. – М., 1989. С. 314-315.

жителей. Однако и здесь можно легко видеть различные цели, которые преследовались при введении паспортных норм. В дореволюционной России при подавляющем преобладании деревенского населения над городским «отходничеством» служило не только способом сглаживания сезонности сельского труда, но и дополнительным заработком для крестьян, что позволяло им расплачиваться с налогами и недоимками. В отношении правовых ограничений даже советские историки вынуждены признать, что царский указ от 5 октября 1906 г. представлял крестьянам «одинаковые в отношении государственной службы права» с другими сословиями и «свободу избрания места постоянного жительства» без увольнительных общественных приговоров. Ведь без этого было невозможно проводить столыпинскую реформу. Цель же советской паспортной системы состояла в том, чтобы прикрепить людей к колхозным работам; традиционный термин «отходничество» должен был замаскировать бегство людей от ужасов «коллективизации». Диктат дореволюционного главы крестьянского двора (семьи) в отношении разрешения на выдачу паспортов членам своей семьи, во-первых, опирался на хозяйственную и религиозную традицию, выработанную веками и обусловленную способом ведения крестьянского хозяйства, а во-вторых, не шёл ни в какое сравнение с произволом советских органов при выдаче паспортов колхозникам. Итак, паспортная система, которая распространялась на русское население царской России, её сравнение с советским паспортным режимом показывает их принципиальное отличие прежде всего в поставленных целях и задачах.

Вторая мировая война продемонстрировала новые возможности советской паспортной системы. С включением западных территорий в состав СССР (1939 г.) их население подверглось насильственной советизации. 21 января 1940 года была введена в действие временная инструкция по проведению паспортной системы в западных областях Украинской и Белорусской ССР, которая ничем не отличалась от действующей в СССР.

В 1940 году постановлением Совнаркома СССР от 10 сентября № 1667 в действие вводится новое положение о паспортах и новая инструкция НКВД СССР по его применению.¹ Новое положение имело одно существенное отличие от декабрьского постановления 1932 г., т.к. расширяло территорию, на которую распространялась паспортизация за счёт районных центров и населённых пунктов, где были расположены Машинно-тракторные станции. И это не случайно. Для колхозников заветная черта, за которой начиналась жизнь с паспортом, приблизилась. Власть как бы делала сельчанам приглашающий жест. Миграция из деревень усилилась. На новом месте, устроившись работать на предприятия, бывшие сельские жители сразу попадали под действие указа от 26 июня 1940 г., по которому под страхом уголовного наказания запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий. «Либерализация» паспортной системы на деле вышла боком тем, кто клюнул на неё. Производилось как бы непрерывное «измерение» склонности русского народа к бегству из родных мест, постоянно и целенаправленно осуществлялось его переселение и готовилось будущее обезлюдивание деревень. Помимо названного нововведения положение о паспортах учитывало перемены, которые произошли пос-

---

¹ Постановления Совнаркома СССР за сентябрь 1940 г. С. 146-155; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1.

ле 1932 года. Уточнялись границы режимных местностей в связи с территориальными захватами СССР 1939–1940 гг.; законодательно оформлялось распространение паспортной системы на жителей новых земель; определялся порядок выдачи паспортов кочующим цыганам и лицам, принятым в гражданство СССР (например, из германского гражданства); закреплялась на неопределенный срок практика изъятия у рабочих и служащих оборонной и угольной промышленности, железнодорожного транспорта паспортов и выдача взамен специальных удостоверений и некоторые другие новшества. Орденосцы, лица, достигшие 55-летнего возраста, инвалиды и пенсионеры отныне должны были получать бессрочные паспорта; пятилетние выдавались гражданам от 16 до 55 лет. Сохранялась практика выдачи временных удостоверений «гражданам, выезжающим из местностей, где не введена паспортная система».

Как отмечалось, в июне 1940 года запрещается самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а в декабре 1941 года устанавливается уголовная ответственность (от пяти до восьми лет лагерей) для всех работников военной промышленности, в том числе тех предприятий, которые работали на оборону «по принципу кооперации». Самовольно ушедшие с этих предприятий объявлялись законом «дезертирами» и подлежали суду военных трибуналов. Дополнительными указами это положение в 1942 году распространялось на рабочих и служащих угольной и нефтяной промышленности, транспорта, вольнонаёмный состав работающих в лагерях и колониях НКВД СССР, а также рабочих и служащих отдельных предприятий (например, Магнитстрой).¹ Так, в необходимых случаях, паспортная система дополнялась изменением трудового законодательства.

Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала от советской милиции дополнительных усилий по поддержанию паспортного режима в стране. Совершенно секретный циркуляр НКВД СССР № 171 сс от 17 июля 1941 г. предписывал всем наркомам внутренних дел республик и начальникам управлений НКВД краёв и областей следующий порядок «документации граждан, прибывающих без паспортов в тыл в связи с военными событиями». Первоначально необходимо было проверить всех, кто прибывал в тыл без паспортов: подробно допросить об обстоятельствах утраты паспортов, установить где люди получали их, послать туда запрос и фотокарточку заявителя. И только после получения ответа, «подтверждающего выдачу паспорта и тождественность фотокарточки», можно было выдать паспорт. Если из-за немецкой оккупации нельзя было провести проверку, а у людей имелись другие документы, подтверждающие их личность, они получали временные удостоверения сроком на три месяца. Если люди утрачивали все документы, они подлежали тщательному личному допросу, результаты которого перепроверялись допросами их знакомых. Тогда выдавалась справка, которая не могла служить документом, удостоверяющим личность владельца, но позволяла временную прописку и служила разрешением на получение работы. Если проверка заканчивалась успешно, человек взамен справки получал временное удостоверение.²

Этот дополнительный штрих к характеристике советской паспортной системы,

---

¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 12. Д. 78. Л. 1–11.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 194.

на первый взгляд как будто излишний, на самом деле схватывает её суть. Трудно представить, чтобы немецкие агенты внедрялись на советскую территорию, не имея соответствующих легенде паспортных документов. Это хорошо понимали в НКВД. Без какой-либо видимой цели в условиях военного времени усилия огромного государственного аппарата (НКВД) тратились в бесконечных (и по большей части бессмысленных) проверках, допросах, перепроверках для выяснения очевидного. А именно, что имярек такой-то, спасаясь от гибели и не желая оставаться в оккупации, бежал в тыл и при этом потерял или уничтожил (из-за страха попасть в плен) документы. Он попал к своим, спасся от гибели, для него это радость, и он вправе ожидать участия к своей судьбе. Вместо этого власти ставят его на правее. У властей появляется зацепка, «компрометирующие данные» о пребывании человека на временно оккупированной врагом территории. И всю последующую жизнь он обязан был указывать об этом факте во всех анкетах. Утаить невозможно – существует железный порядок получения паспорта, существуют кустовые адресные бюро и их картотеки, ЦАБ, спецотделы НКВД СССР. Этот маленький, объёмом в одну машинописную страницу, циркуляр решающим образом повлиял на судьбы сотен тысяч людей; он был отменён только в 1949 году.

После завершения ожесточенных боёв зимой-весной 1941–1942 гг., 3 апреля 1942 года приказом НКВД СССР № 114 с вводилась в действие временная инструкция «по восстановлению паспортной работы в местностях, освобождённых от немецко-фашистских захватчиков». В ней подтверждалась необходимость продолжения работы по «документированию граждан, не имеющих паспортов» и ставились очередные задачи: проведение переписки населения, установление паспортного режима, восстановление учёта военнообязанных и даже розыск неплательщиков алиментов.¹ Перепись должна была, по замыслу НКВД, восстановить учёт движения населения, оказать содействие «судебно-следственным и административным органам в розыске необходимых им лиц», способствовать налаживанию справочной работы для учреждений и частных лиц. Работа строилась по схеме: проверялись паспорта, спецудостоверения, военные билеты, адресные листки, проводились «личные беседы с переписываемыми», посылались запросы на места и проч. Результаты фиксировались на адресных листках, которые помещались в картотеки адресных бюро, кустовых адресных бюро и Центрального адресного бюро старые материалы из картотек изымались и хранились отдельно в архиве. Все, кто имел «компрометирующие данные», заносились в списки учёта по особой форме. Прошедшим советское чистилище людям в паспорте ставился штамп «прописан». Для восстановления паспортного режима помимо милиции привлекались местные органы НКВД и Особые отделы Красной Армии. По данным паспортного отдела Главного управления милиции НКВД СССР за 1943 год в ходе переписки населения в местностях, освобожденных от немецких оккупантов, органы милиции выявили: 14 гестаповцев и 639 полицейских, 95 старшин и 543 старост, трёх шпионов и 193 пособника немцев, 66,5 тыс. человек, «работавших по обслуживанию немецких армий и в немецких учреждениях», 12,8 тыс. человек, чьи ближайшие родственники ушли с немцами, около 2 тыс. человек «уголовно-

---

¹ Там же. Д. 233. Т. 1. Л. 133-136.

преступного элемента», 3,3 тыс. дезертиров Красной Армии и уклоняющихся от призыва и мобилизации. В 1944 году цифры были следующие: 22,7 тыс. уклоняющихся от мобилизации, 18,7 тыс. дезертиров, 19,5 тыс. уголовников, 66,1 тыс. человек, «работавших в немецких учреждениях», 34,3 тыс. «ставленников и пособников немецких войск», 419 изменников и члены их семей.¹ Работа в немецких учреждениях на оккупированной территории (при отсутствии в тот период советских учреждений) была, следовательно, таким же преступлением, как дезертирство, пособничество немецким войскам (часто вынужденное, под угрозой расстрела, уклонение от мобилизации. Так трагически для многих безвинных людей закончилась победоносная Отечественная война.

Меньше всего в СССР церемонились с заключенными. 19 декабря 1933 года совершенно секретным циркуляром ОГПУ № 124 всем подведомственным органам сообщался порядок освобождения из «исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, в связи с установлением паспортного режима». К освобождающимся из лагерей предписывалось применять «дифференцированный подход». Пункт третий циркуляра гласил: «Допускать в виде изъятия (т.е. исключения из действующей паспортной нормы – *В.П.*) выдачу удостоверений лагерями ОГПУ и возможность получения по ним паспортов в режимных точках, перечисленных в пункте 2 (речь шла о режимных местностях, перечень которых определялся правительственными постановлениями – *В.П.*), кроме стокилометровой погранполосы, в исключительных случаях, для особо отличившихся ударников, на деле доказавших свой отказ от преступного прошлого, активно принимавших участие в культурной и общественной жизни лагеря, перевыполнявших производственные задания, при условии Наличия в режимных точках родных, занятых общественно-полезным трудом и могущих представить освобожденному жилплощадь».² Тем самым исключалась возможность перехода границы тех, кто лучше всех в стране узнал правду о «первом в мире социалистическом государстве рабочих и крестьян». Упоминание о родственниках не было случайным, а свидетельствовало об укоренении в СССР института заложничества.

Среди отверженных советским режимом на самом дне находились крестьяне. В официальных государственных документах мало найдется таких, которые свидетельствовали об этой истине более достоверно, чем циркуляр № 13 Главного управления милиции НКВД СССР от 3 февраля 1935 г. Он основывался на постановлении ЦИК СССР от 25 января 1935 г., в котором устанавливалось, что «восстановление в гражданских правах высланных кулаков не даёт им права выезда с места поселения». Согласно циркуляру всем высланным «кулакам, восстановленным в гражданских правах» паспорта выдавались «исключительно по месту расположения трудпоселения» на основе списков, представленных райкомендатурами трудпоселений. В паспорте следовало обязательно указать, что он выдан «на основании списка такой-то комендатуры трудпоселения, такого-то района, номер и дату списка». Пункт третий обязывал: «Лиц, имеющих в паспортах указанную запись – не про-

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 13; Д. 1412. Л. 18.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 70-71. Всем, освободившимся из мест заключения, выдавались паспорта в местных управлениях милиции, на территории которых располагались места заключения.

писывать нигде, кроме мест поселения. При обнаружении этих лиц в других местностях, задерживать их, как бежавших и направлять этапом к месту поселения».¹

С 1933 года тайно (в особых учётных формах милиции), а с 8 августа 1936 года тайно и явно (в учётных формах милиции и в паспорте) делалась отметка о судимости. Найти хорошую работу в СССР человеку, которого советская власть отнесла к «социально-чуждому элементу» или сама насильственно превратила в «уголовный элемент», было трудно. Для миллионов людей путь домой, к семьям был закрыт. Всю оставшуюся жизнь они были вынуждены скитаться по родной стране, каждый день их могли уволить с работы без какого-либо объяснения причины.

О том, что истинное существо паспортной системы в СССР и её потаённый смысл не всегда понимали представители высшего государственно-партийного аппарата, свидетельствуют многие факты. Приведём некоторые. Как отмечалось, паспортная система прямо способствовала прикреплению крестьян к колхозным работам. Для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней, которые они должны были выработать. В апреле 1942 года этот минимум был повышен для всех колхозников и распространён на членов их семей – подростков в возрасте от 12 до 16 лет. За невыработку «без уважительных причин» обязательного минимума все виновные подлежали уголовной ответственности: исправительно-трудовым работам в колхозах с удержанием от оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Постановление Совмина СССР от 31 мая 1947 г. названный закон оставляло в силе. Ухудшение деревенской жизни после войны привело к усилению бегства из деревни, которое не могли остановить паспортные ограничения. В этой связи правительственные чиновники предлагали усилить репрессии в отношении беглецов. «Одни суды считают, – докладывал министр юстиции СССР К.П. Горшенин 25 декабря 1950 года секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, – что по действующему законодательству самовольный уход колхозников в отход не наказуем в уголовном порядке и выносят в таких случаях оправдательные приговоры. Другие выносят в этих случаях обвинительные приговоры. Министерство юстиции СССР считает, что колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней в связи с самовольным, без разрешения колхоза, уходом в отход, должны нести ответственность по указу от 15 апреля 1942 г. за тот период, в течение которого они ушли из колхоза, с отбыванием наказания по месту работы».² Такие же точно суровые меры министр предлагал и в отношении детей колхозников, достигших 16-летнего возраста, даже «в случаях, когда их членство в колхозе не оформлено». Советские порядки в отношении закрепощения крестьян своей жестокостью превосходили законодательство «крепостнической России» XVIII – первой половины XIX вв. Для упорядочения судебной практики и избавления своего ведомства от ненужной, с его точки зрения, волокиты и проволочек в таком важном деле, министр вносил следующее предложение: «Министерство юстиции считает, что следовало бы установить определенный порядок оформления членства членов семей колхозников, достигших 16-летнего возраста, с тем, однако, чтобы это не было связано с проведением какой-либо сложной процедуры». Предложение принято не было. Сохранялась

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 236.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 6990. Л. 21-27.

всё та же система – внешне противоречивая, но цельная по содержанию, которая поддерживала в стране иллюзию возможной свободы и никоим образом не давала её.

Об этом свидетельствует и другой факт. 3 марта 1949 года на Бюро Совмина СССР рассматривались вопрос о введении паспорта нового образца и проект нового положения о паспортной системе в СССР. Разработка велась МВД СССР по личному указанию и инициативе заместителя председателя Совмина СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.П. Берия.¹ Предложение мотивировалось тем, что «во время войны значительная часть бланков действующих паспортов и инструкций по применению положения о паспортах попала в руки врага и уголовно-преступного элемента, чем была в значительной мере расшифрована техника паспортной работы в СССР». Утверждалось, что действующий паспорт был «недостаточно защищён от подделки» и это «облегчает преступному элементу возможность укрываться от преследования». Важнейшим отличием предлагаемого проекта было то, что положение о паспортной системе в СССР предусматривало «выдачу паспортов не только городскому, но и сельскому населению». Не следует рассматривать эту попытку как действительную либерализацию советского режима. Скорее наоборот.

Паспортизация всего населения страны в возрасте 16 лет и старше в тех условиях означала абсолютно полный контроль за жизнью каждого: ведь владение паспортом создавало только видимость прав человека – гражданина СССР, т.к. главным в определении его судьбы по-прежнему оставались бы «компрометирующие данные», которые хранились в кустовых и Центральном адресных бюро. Переход к полной паспортизации населения страны сулил немалые выгоды Министерству внутренних дел и лично его куратору Л.П. Берия, поскольку выросло бы значение министерства, что давало дополнительные шансы в борьбе за власть. С точки зрения государственной – полный контроль за жизнью каждого члена общества – имелись все резоны принять предложение. Но оно было отклонено со следующей формулировкой, не объясняющей причин отказа: «Предложено МВД доработать на основе мнений на Бюро». Больше к вопросу о наделении паспортами всего сельского населения (включая колхозников) не возвращались до 1974 года, хотя после смерти И.В. Сталина было принято новое положение о паспортах в октябре 1953 года. Отклонение бериевского проекта вызывает недоумение, т.к. он долго готовился и был согласован во всех соответствующих министерствах. Ещё в январе 1948 года по распоряжению министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова была создана авторитетная комиссия по рассмотрению проекта положения о паспортной системе в СССР. В неё вошли: начальники главных управлений милиции и погранвойск, управления войск по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог, ГУЛАГа, тюремного управления, спецотделов, которые ведали особым учётом населения, отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, отдела спецпоселений. Проект был согласован с министром юстиции и генеральным прокурором СССР. И все-таки он не прошёл. И это вопреки прямой поддержке Л.П. Берия, считавшегося в те годы всесильным.

Итак, два высокопоставленных государственных чиновника пытались унифицировать закон: один – порядок оформления членства в колхозе совершеннолетних

---

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 5020. Л. 1-28.

детей колхозников и судебную практику, определяющую ответственность за невыработку минимума трудодней, а другой – паспортный режим в стране. В данном случае высокие профессиональные качества служили только помехой: не могло быть никакого единообразия там, где применение закона, по замыслу его истинных создателей, не подлежало единому судебному толкованию. Ведь именно эта двусмысленная и неопределенная ситуация создавала для людей ловушку. Что же говорить об исполнителях рангом ниже, местных работниках? Одни суды судили колхозников жёстче, потому что исполнители были вполне советскими, прошедшими суровую школу отбора и были взяты из той же народной массы – такие особенно рьяны, злы и опасны. Другие, у кого оставалась капля совести и сострадания, пытались быть помягче. За такими строго следили и примерно наказывали, чтобы другим было неповадно. Срабатывал воспитательный момент – всем исполнителям настойчиво и ежедневно внедрялась в сознание мысль – лучше перегнуть палку, чем недогнуть её.

Единственное, чего удалось добиться Л.П. Берия во время пика карьеры, когда в марте 1953 года он был назначен первым заместителем председателя Совмина СССР и вернул себе пост министра внутренних дел, – успеть протолкнуть до своего ареста и расстрела в правительство проект постановления «О сокращении режимных местностей и паспортных ограничений». Докладная на имя нового председателя Совмина СССР Г.М. Маленкова за подписью Л.П. Берия была отправлена 13 мая 1953 года. Соответствующие копии докладной были посланы всем членам Президиума ЦК КПСС – В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.С. Хрущеву, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, М.З. Сабурову, М.Г. Первухину.¹ 21 мая 1953 года представленный проект был утверждён в качестве постановления Совмина СССР № 1305-515 сс. Основные изменения сводились к исключению из числа режимных около 150 городов и местностей, всех железнодорожных узлов и станций (режимные ограничения сохранялись в Москве и 24 районах Московской области, в Ленинграде и пяти районах Ленинградской области, во Владивостоке, Севастополе и Кронштадте); уменьшению размеров запретной пограничной полосы (за исключением полосы на границе с Турцией, Ираном, Афганистаном, Карельском перешейке); сокращению перечня преступлений, судимость за которые влекла запрещение проживать в режимных местностях (сохранялись все «контрреволюционные преступления», бандитизм, хулиганство, умышленное убийство, повторные кражи и разбой). Но задуманное Л.П. Берия реформирование паспортной системы, как отмечалось, имело более глубокий смысл. Это подтверждают многочисленные справочные материалы (в том числе о паспортной системе Российской империи), подготовленные аппаратом МВД в апреле 1953 года.

Изданный в развитие правительственного постановления приказ Министерства внутренних дел № 00375 сс от 16 июня 1953 г. за подписью Л.П. Берия, которым упразднялись паспортные ограничения, дышит прямо отеческой заботой о нуждах бывших заключенных и их семей: «При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения (...) Наличие в

---

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 170-181.

стране широких паспортных ограничений создает трудности в устройстве не только для граждан, отбывших наказание, но и для членов их семей, которые также в связи с этим оказываются в затруднительном положении».¹ Далее отмечалось, что «режим и паспортные ограничения, введенные в этих районах (режимной зоне, которая простирается на сотни километров вглубь страны – *В.П.*), тормозят их экономическое развитие». Именно эти основания были изложены в приказе для объяснения смягчения паспортного режима в стране.

После устранения Л.П. Берия из руководства страны постановлением Совмина СССР № 2666-1124 с от 21 октября 1953 г. вводится новое положение о паспортах, которое без особых принципиальных изменений действовало до 1974 года. Оно вводило одно изменение большой важности. Из первого пункта, определяющего, граждане каких территорий страны обязаны иметь паспорта, «исчезли», т.е. не были упомянуты, в отличие от положения 1940 г., граждане СССР, проживающие в населённых пунктах, где были расположены Машинно-тракторные станции (МТС), и работающие в совхозах.² Это никак не задевало тех совхозных рабочих и служащих, жителей поселков машинно-тракторных станций, которые уже имели паспорта, но серьезно ограничивало возможности подрастающего поколения. К чему приводило на практике это «изъятие», если обратиться к последующим событиям в деревне? Со второй половины 50-х и в 60-е гг. XX века происходит рост совхозной системы: совхозы в массовом порядке образовывались на базе так называемых экономически слабых колхозов или создавались вновь в районах освоения целинных и залежных земель. Бывшие колхозники, ставшие в результате реорганизации совхозными рабочими, ничего не выигрывали в плане получения паспортов. В 1958 году в стране проводится реорганизация МТС, работники которых, по мысли авторов «реформы», должны были перейти работать в колхозы, купившие технику машинно-тракторных станций. Но в этом случае дети бывших работников МТС с достижением 16-летнего возраста также не могли получить паспорта. Поэтому реорганизация МТС привела к новому витку бегства людей из деревни. Получается, что названное паспортное нововведение не столько ограничивало свободу передвижения по стране, сколько способствовало усилению стихийной миграции.

Однако правительство отвергло ходатайство МВД СССР о наделении сельских жителей паспортами, поданное министром С.Н. Кругловым в октябре 1953 года А.И. Микояну и Н.А. Булганину.³ Предложение исходило от начальника паспортно-регистрационного отдела Главного управления милиции МВД СССР Подузова, который принимал активное участие в подготовке проекта паспортного положения при Л.П. Берия. В секретной докладной записке от 24 сентября 1953 г. Подузов писал министру: «В разработанном проекте положения о паспортах (утверждено Совмином СССР 21 октября 1953 г. – *В.П.*) предусмотрено, что жители сельских местностей страны паспортов иметь не обязаны... В связи с вытекающими из решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС задачами МТС и совхозов, в частности заменой сезонных кадров постоянными – не следует ли внести в проект положе-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Б.н.

² Там же. Д. 233. Т. 3. Б.н.

³ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 227-236.

ния дополнение о том, что постоянные местные жители сельских местностей, работающие в МТС и совхозах на штатных должностях, обязаны иметь паспорта. Тем самым постоянные кадры рабочих МТС и совхозов в отношении документирования личности будут приравнены к рабочим городских предприятий. Кроме того, это ликвидирует существующее положение, при котором постоянные кадровые работники, прибывшие в МТС и совхозы из городов, имеют паспорта, а местные постоянные работники паспортов не имеют».¹ Трудно сказать точно, какими истинными мотивами руководствовался Подузов, скорее всего он стремился использовать шанс для служебной карьеры, угадывая по решениям сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, что подули ветры «оттепели».

Пометы на документе свидетельствуют, что записка Подузова была первый раз послана А.И. Микояну ещё 25 сентября 1953 года. Мы не располагаем документами, по которым можно было бы установить, кто конкретно из членов правительства, отвечающих за подготовку нового положения о паспортах, наложил вето на предложение МВД, и каковы были причины запрета. Но жизненная ситуация свидетельствовала, что своего главного врага – русского крестьянина – советская власть продолжала держать на паспортном «крючке». И, по положению о паспортах от 21 октября 1953 г., в сельских местностях (за исключением режимных) продолжали проживать без паспортов. Если они привлекались временно сроком не более чем на один месяц на сельхозработы, лесозаготовки, торфоразработки в пределах своей области, края, республики (не имеющей областного деления), им выдавалась справка сельсовета, удостоверяющая их личность и цель выезда. Такой же порядок сохранялся для деревенских жителей непаспортизированных местностей, если они выезжали в санатории, дома отдыха, на совещания, съезды, в командировки. Если выезжали за пределы своего района в другие местности страны на срок свыше 30 дней, они были обязаны получить паспорта «в органах милиции по месту жительства».² Таким образом, процедура получения паспорта для сельского населения непаспортизированных районов не изменилась по сравнению с 30-ми гг. XX века.

После смерти И.В. Сталина крестьянину как будто жить стало легче: в 1953 году изменён порядок обложения крестьянских хозяйств сельхозналогом, с 1958 года отменены обязательные поставки всех сельхозпродуктов с хозяйств колхозников, мартовская (1953 г.) амнистия прекращала исполнение всех без исключения приговоров; по которым колхозники осуждались к исправительно-трудовым работам за невыработку обязательного минимума трудовой.³ Для тех, кто постоянно работал в колхозе, амнистия являлась значительным облегчением жизни. Колхозники, ушедшие в «отход» без разрешения правлений колхозов, в связи с амнистией по-

---

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 227-227 об. Как и в предшествующие годы, для большинства сельских жителей получение паспорта в период хрущевской «оттепели» по-прежнему зависело от произвола местных органов. Так, приказ министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова № 0240 от 24 апреля 1954 г., объявлял инструкцию о порядке применения положения о паспортах 1953 г., в которой имелся следующий пункт: «**В виде исключения разрешается выдавать паспорта по месту жительства также лицам, хотя и являющимся постоянными жителями сельской местности, но работающим в учреждениях, на предприятиях, в МТС и совхозах** (выделено мною – В.П.)». – См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Б.н.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Б.н.

³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 284. Л. 5.

чувствовали себя свободными. Это был самообман, т.к. в правовом положении колхозника не произошло никаких существенных перемен: продолжал действовать примерный устав сельхозартели, в годовом отчёте колхоза «отходники» продолжали учитываться государством как рабочая сила, числящаяся за колхозами. Следовательно, по закону, в любой момент, всех, кто самовольно ушел в «отход», правительство могло принудительно вернуть в колхозы. Меч был занесен над головами, но не рубил, его как бы «забыли» опустить. Отменяя судебное решение о преследовании колхозников за нарушение ими постановления об обязательном минимуме трудней, советский режим стремился создать в обществе надежды на возможные перемены к лучшему и психологически подготовить людей к хрущевской «оттепели»: крестьянство вновь «подталкивалось» в города. Наряду с указанными послаблениями продолжали сохраняться ограничения в паспортных правах для сельских жителей, их «второсортность» хотя и стала менее заметной, но сохранялась властями сознательно, продолжала уязвлять народную душу. Так, в секретном циркуляре № 42 с от 27 февраля 1958 г. министра внутренних дел СССР Дудорова, адресованном министрам союзных республик, предписывалось: «Не допускать направления граждан из сельской непаспортированной местности за пределы области, края, республики (не имеющей областного деления) на сезонные работы по справкам сельских Советов или колхозов, обеспечивая выдачу этой категории граждан краткосрочных паспортов на срок действия заключенных ими договоров (выделено мною – В.П.)».¹ Таким образом, юридически паспортные ограничения для колхозников 50-х годов не отличались от таковых в 30-е годы. Возможно, приведенный циркуляр в сочетании с практикой выдачи краткосрочных паспортов послужили основой для создания устойчивого мифа о том, что «раскрепощение» колхозников началось ещё при Н.С. Хрущеве.

Так велика сила общественного мнения, замешанная на предрассудках о незнании важнейших фактов отечественной истории. Имеется и психологический подтекст – для тех, кому удалось убежать из деревни в город в годы «оттепели» и получить паспорт, этот вопрос потерял всякую остроту и перестал замечаться как один из основных в сельской жизни. В действительности только 28 августа 1974 года постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» принимается решение о введении с 1976 года паспорта гражданина СССР нового образца.² Новое положение о паспортной системе 1976 г. устанавливало, что «паспорт гражданина СССР обязаны иметь все советские граждане, достигшие 16-летнего возраста». Выдача и обмен новых паспортов должны были проводиться с 1976 по 1981 г. Почему крестьяне были уравнены в правах с остальными гражданами страны спустя более сорока лет после введения паспортной системы в СССР? Потому что именно такой срок понадобился для переделки русского народа в советский. Этот исторический факт и был зафиксирован в преамбуле Конституции СССР (принята 7 октября 1977 г.): «В СССР построено развитое социалистическое общество... Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность – со-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Б.н.

² Собрание постановлений правительства СССР. – 1974. № 19. Ст. 109.

ветский народ».¹ В то время как села России уничтожались, города росли и развивались, пока своими размерами и смешением языков не стали напоминать древний Вавилон. Основная масса людей переместилась в города и стала пленниками этих каменных мешков с присущей им «цивилизацией». Национальная русская культура, питающаяся соками деревенской жизни, сохранилась преимущественно в литературе. Появились невиданные ранее ни при каких гулагах возможности управлять жизнью, сознанием и душами людей.

Источники и использованная литература:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 91. Л. 149.
2. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 71-81.
3. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 5020. Л. 1—28.
4. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 6990. Л. 21-27.
5. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 12. Д. 78. Л. 1-11.
6. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 170-181, 199-201, 214-219.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 54-138, 59-60, 63, 46-47 об., 70-71, 80-81, 84, 88, 98, 149-153, 160-164, 179-186, 236, 237-237 об.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 3-15, 133-136, 194, 439-459 об., 466-470.
9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Б.н.; Т. 3. Б.н.
10. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 33. Л. 347 об.
11. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1408. Л. 13.
12. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1412. Л. 18.
13. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 227-236.
14. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1447. Л. 99.
15. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 284. Л. 5.
16. *Белов В.И.* Раздумья на Родине. – М., 1989.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX: РСФСР. – М., 1929.
18. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992.
19. Деятели СССР и Октябрьской Революции. Энциклопедический Словарь Русского Библиографического института Гранат. – М., 1989.
20. Известия ЦИК СССР и ВЦИК № 358 от 28 декабря 1932 г.
21. *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.М.* Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд. – М., 1987.
22. Постановления Совнаркома СССР за сентябрь 1940 г.
23. Собрание законов и распоряжении Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1930. № 21. Ст. 116.
24. СП СССР. – Собрание постановлений правительства СССР. – 1974. № 19. Ст. 109.
25. *Шумилин Б.Т.* Молоткаегтый. серпастый... – М., 1979.

Popov V.P.

Passport system in the USSR (1932-1976)

The author investigates the reasons, the purposes, tasks, history of passport system in the USSR in 1932-1976, analyzes the Soviet legislation on passports including the confidential, secret laws, shows fundamental differences of the Soviet passport system and passport system of imperial Russia.

Keywords: regulations on passports, instructions, registration, enslaving, regime areas, Soviet passport system.

---

¹ *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.М.* Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд. – М., 1987. С. 316. В 70-е годы XX века вышло множество книг, брошюр, статей советских историков, философов, социологов, которые на большом фактическом материале доказывали реальное существование «советского народа».

Ильченко В.Н., Смыкалин А.С.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX ВЕКЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)¹

В статье рассматривается своеобразие имущественного положения религиозных организаций, и его использование в уставных целях. Данная проблема рассматривается с точки зрения светского и современного законодательства. Особое внимание уделено каноническому праву. В статье поднимается вопрос о разногласиях по поводу передачи имущества религиозного назначения.

Ключевые слова: имущество, религиозные организации, государственная Русская Православная Церковь, каноническое право, ФЗ «О религиозных объединениях».

Для нормальной жизнедеятельности религиозные организации должны обладать обособленным имуществом, что является обязательным конструктивным элементом юридического лица.² Религиозные организации как внешние институты, действующие в «земной» жизни, имеют потребность в вещественных средствах. Для публичного совершения богослужений необходимы особые здания и вещи, которые будучи однажды употреблены по своему назначению; для верующих приобретают особый, «священный» характер. Кроме того, в некоторых религиозных организациях (например, в Русской Православной Церкви) существует особое состояние лиц, служащих исключительно целям церкви, а значит поставленных в необходимость получать средства на свое существование от самой церкви, ибо согласно канонам «служащие алтарю от алтаря и питаются».³

Своеобразие имущественного положения религиозных организаций определяется, тем, что имущество религиозной организации является целевым. Ещё со времён Римской империи, имущество, принесённое в жертву богам, мыслилось как имущество, собственником которого являлся особый субъект, не отождествляемый с человеческой личностью, хотя уже во времена падения веры в языческих богов образованные язычники могли прийти к взгляду на имущество храмов не как на имущество богов в действительности существующих, а как на институтное имущество, предназначенное для целей культа. При смене язычества на христианство, Церковь и её расчленения рассматривались не только как объединения верующих, но и как учреждения для веры. Церковное имущество традиционно связывалось с

Ильченко Вера Никитична – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета юриспруденции Института менеджмента и права, заведующая кафедрой права и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Смыкалин Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права УрГЮУ.

¹ Впервые опубликовано: *Право и личность: прошлое, настоящее, будущее: межвуз. сб. науч. статей.* Вып. 2. В 2 ч. / Под общ. ред. В.Н. Ильченко: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. С. 122-139.

² См.: Ст. 48 ГК РФ.

³ См.: *Павлов А.С.* Курс церковного права. – СПб., 2002. С. 312.

церковным зданием, причём собственниками имущества признавалась не сама Церковь, а Христос и святые.¹ Этот взгляд поддерживается теологами и канонистами и в настоящее время. Использование имущества, принадлежащего религиозным организациям, должно осуществляться только для достижения уставных целей и тех целей, которые по своему характеру связаны с уставными. Судя по всему, именно религиозным организациям мы обязаны появлению термина «целевое имущество», ибо имущество богов, храмов принадлежало чему-то и нельзя указать лица, кому бы оно принадлежало. Это что-то и есть именно цель.

Имущество, принадлежавшее Церкви, всегда имело и имеет до сих пор строго целевое назначение. С точки зрения законодательства Российской Федерации (РФ), такое положение обусловлено тем, что любая религиозная организация как некоммерческая организация имеет специальную правоспособность, т.е. вправе вести только те виды деятельности, которые указаны в её учредительных документах и соответствуют целям её создания. В этой связи все имущество, которое так или иначе находится в распоряжении религиозных организаций Русской Православной Церкви, должно использоваться ими исключительно для решения своих уставных задач и достижения своих целей или целей, по своему характеру связанных с ними. Использование имущества в целях, не предусмотренных уставом, не допускается. В этом заключается особый правовой статус имущества религиозных организаций Русской Православной Церкви.

Нормы ст. 21 Федерального закона (ФЗ) № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. определяют, что в собственности религиозных организаций могут находиться здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности, в том числе отнесенное к памятникам истории и культуры. Религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счёт собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное иными способами, не противоречащими законодательству РФ. Предусматривается исключительное право религиозных организаций пользоваться культовыми сооружениями: «Религиозные организации имеют преимущественное право на передачу им культовых зданий с прилегающей территорией» (ст. 17). Такое требование ограждало использование храмов не по назначению.

Обязательным пунктом законов является подтверждение права иметь собственность на территории иных государств (вне России): «В собственности религиозных организаций может быть также имущество, находящееся за границей» (ст. 18). К вопросам собственности ФЗ относил право религиозных объединений обращаться к кому угодно за пожертвованиями: «Религиозные организации вправе обращаться за добровольными финансовыми и другими пожертвованиями и получать их» (ст. 18). Эта норма отменяла прежний весьма странный запрет на материальную взаимопомощь членам общины. Федеральный закон не оговаривает специально этот

---

¹ См.: *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. – М., 2004. С. 49-53.

вопрос, но систематически утверждает обычный для всех юридических лиц порядок уставной деятельности в соответствии с Гражданским кодексом, которым обращение за пожертвованиями не запрещена. Имущественные права религиозных организаций гарантируются так же ч. 2 ст. 8 Конституции РФ. Здесь определены основные формы собственности, которые признаются и защищаются равным образом в Российской Федерации. Таковыми являются частная, государственная, муниципальная и иные формы, собственности. В настоящее время собственность религиозных организаций относится действующим законодательством к иным формам собственности.

Необходимо отметить, что имущество, с помощью которого обеспечивается деятельность религиозных организаций, может находиться у них не только в собственности, но также и быть передано им в пользование государственными, муниципальными, общественными и иными организациями гражданами. Религиозные организации, по мысли законодателя, могут иметь в собственности широкий круг движимого и недвижимого имущества, необходимого для обеспечения их деятельности», включая земельные участки объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского и иного назначения, приобретенные различными способами, не противоречащими законодательству РФ (ст. 21, ч. 1–2), причём передача им «для использования в функциональных целях культовых зданий и сооружений с относящихся к ним земельными участками» и иного имущества, «находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно (ст. 21, ч. 3, ст. 22. ч. 2).

Предпринимательская деятельность религиозных организаций осуществляется «в порядке, устанавливаемом законодательством Российской Федерации» (ст. 23). При этом Федеральный Закон отсылает к Гражданскому кодексу РФ и кратко формулирует: «Религиозные организации вправе осуществлять предпринимательскую деятельность и создавать собственные предприятия в порядке, устанавливаемом законодательством Российской Федерации» (ст. 23). Такая формулировка весьма важна, поскольку всякая свободная экономическая деятельность называется предпринимательской, но не всякая предпринимательская деятельность может быть коммерческой. Коммерческой является такая деятельность, которая ставит своей целью извлечение прибыли в личных целях, и поэтому такая деятельность, безусловно, налогооблагаема. Как отмечается в работе О.В. Швецова, православные приходы ведут предпринимательскую деятельность, например – производят печатную продукцию в целях извлечения прибыли, но доходы от этой деятельности не распределяются между учредителями, а направляются на финансирование уставной религиозной (гуманитарной) деятельности. Поэтому такую предпринимательскую деятельность нельзя называть коммерческой. Религиозные организации имеют право заниматься любой хозяйственной деятельностью, кроме предосудительной с точки зрения православной нравственности, а также той, которая приносит максимальные прибыли, эксплуатируя низменные чувства граждан (например, шоу и зрелища).¹

Обозначенные законом производство, продажа, экспорт и импорт религиозной литературы и предметов культа связано с тем, что такая деятельность является од-

---

¹ См.: *Шведов О.В.* Энциклопедия церковного хозяйства. – М., 2003. С. 189-190.

ной из публичных форм распространения своего вероучения, что входит в состав понятия свободы вероисповедания. Предпринимательская деятельность разрешена только религиозной организации, но не религиозной группе, то есть такому религиозному объединению, которое имеет статус юридического лица и в силу этого является организацией. При этом государство «регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории культуры» (ст. 4, ч. 3).

Признавая за религиозными организациями право на ведение благотворительной и культурно-просветительской деятельности, как самостоятельно, так и через учрежденные ими благотворительные организации иные учреждения (ст. 18, ч. 1–2), законодатель специально указывает, что «государство оказывает содействие и поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, а также реализации ими общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий» (ст. 18, ч. 3). Обратим внимание на ещё одну особенность в понимании права собственности религиозных организаций. В соответствии с положениями ст.ст. 48, 209 ГК РФ приходы, монастыри, епархии и пр. религиозные организации Русской Православной Церкви, которые являются юридическими лицами (за исключением религиозных учреждений), в отношении принадлежащего им имущества обладают правом собственности. При этом религиозные организации имеют право защищать своё имущество от всяких посторонних притязаний, преследовать своими мерами всякие злоупотребления и применять в отношении нарушителей церковные наказания.¹

По мнению А.Н. Садкова, отношение церкви к своему имуществу должно быть то же самое, что и отношение каждого собственника к своей собственности, в распоряжении которой он есть исключительный хозяин (*dominus*). По отношению к третьим лицам право церковной собственности проявляется в праве иска перед гражданским судом о возврате своего имущества от постороннего владельца. Религиозные организации вправе требовать исполнения договоров и завещаний от обязанных лиц и эти права религиозная организация может реализовать только тогда, когда она признана юридическим лицом.² Эти подходы, сформировавшиеся почти столетие назад, получили свое развитие в современном законодательстве. После 1990 года с закреплением за религиозными организациями права собственности на движимое и недвижимое имущество, то имущество, которое принадлежало до 1917 года религиозным сообществам и сохранилось после проведения национализации, хотя бы и переданное в государственную собственность, стало возвращаться религиозным образованиям на безвозмездной основе. На примере Русской Православной Церкви передача имущества из государственной или муниципальной собственности осуществляется в собственность епархий (централизованных религиозных организаций). В последующем это имущество передается в пользование и владение входящим в состав епархии местным религиозным организациям (приходам,

¹ См.: Павлов А.С. Указ. соч. С. 314-315.

² См.: Садков А.Н. Религиозные организации как субъекты гражданского права. Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. С. 100.

общинам) и монастырям на договорных началах.

Вообще, отношения между Церковью и государством по поводу церковного имущества всегда складывались сложно. Тем не менее, до 1917 года у Церкви не изъялось и не уничтожалось сугубо сакральное имущество (храмы, священные сосуды, иконы, колокола и т.д.), а советская власть нарушила это хрупкое равновесие. Итак, Церковное имущество было национализировано, а по существу, конфисковано государством. Изъятие имущества осуществлялось по политическим причинам, на безвозмездной основе, без нарушения со стороны религиозных организаций какого-либо законодательства. В настоящее время происходит обратный процесс. Это есть ни что иное как элемент реституции. Хотя она и не предусмотрена ГК РФ в качестве основания приобретения права собственности, тем не менее, имущество передаётся в собственность религиозных организаций именно таким путём: реституция является первоначальным основанием приобретения права собственности, характерным для религиозных организаций. Вернемся к советскому периоду нашей истории.

Первым законодательным актом, определившим новый статус религиозных организаций в России, явился Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, изданный 23 января 1918 г. В ст. 3 Декрета говорилось: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповедованием какой бы то ни было веры или неисповедыванием никакой веры, отменяются». При этом ст. 12-13 Декрета, противоречат его же ст. 3, жёстко провозглашают: «Никакие церковные или религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют... Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».¹

Реально практически каждое из постановлений декрета было направлено на ограничение возможности церкви обеспечивать свои функции в государстве. Разрушалась жизненная база её существования. На основании принятого закона возникли трудно преодолеваемые препятствия для общения с верующими гражданами советского государства. В принципе в программах многих партий содержалось требование отделения церкви от государства (кроме крайне правых), но тот документ, который вышел в январе 1918 года вызвал мало сочувствия и поддержки среди представителей различных политических партий и движений. Положения данного декрета в значительной степени отличались от тех проектов, которые предлагались к рассмотрению раньше.² По мнению Е.П. Гарановой, декларируя равенство граждан в отношении исповедования или неисповедования религии, Декрет одновременно лишил религиозные организации прав юридического лица и права собственности. Здесь налицо внутреннее логическое противоречие принятого закона, а также несоблюдение провозглашенных принципов о свободе совести, потому что понятие свободы совести должно включать в себя право граждан жить по предписываемым ре-

---

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1918. № 18. Ст. 263.

² Ильченко В.Н. Декрет об отделении церкви от государства (историко-юридический аспект) // История православия на Урале: Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии (Екатеринбург, 29-30 ноября 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. С. 128.

лигией правилам, в том числе касающимся вопросов собственности и сакрального имущества.¹

Церковь быстро отреагировала на издание Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Священный Собор Российской Православной Церкви как высший орган церковного управления принял постановление от 25 января 1918 г., со ссылкой на канонические правила, гласящее, что принятый Декрет представляет собой «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви... всякое участие... в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви». Церковь, опираясь на внутренние нормативные акты, определила, что исполнение Декрета противоречит церковным установлениям настолько, что одновременное исполнение Декрета и членство в Церкви невозможно. Возникшая коллизия церковного и светского права не только вскрыла юридические противоречия принятого Декрета, но и выявила определенный дефект в строящейся государственно-правовой системе Советской России². Наркомат Юстиции 24 августа 1918 года издал Постановление о порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», которым у религиозных обществ отбиралось имущество, не носящее сакрального характера, Церковь лишалась материальной базы.³

23 февраля 1922 года был принят Декрет ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей на нужды голодающих.⁴ Предлагалось «изъять из церковных имуществ ... все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа...». Здесь просматривается дальнейшее нарушение имущественных прав Церкви и отнятие у церковных обществ сакральных предметов. Размытая формулировка о «предметах, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа», отнюдь не оградила Церковь от изъятия сакрального имущества. Как отмечал специалист, работавший в Ликвидационном отделе НКЮ РСФСР, советские декреты вообще не были детализированы, что затрудняло их практическое применение.⁵ Это позволяло наполнять внешне демократические формулировки произвольным фактическим содержанием.

Очевидно, что основой изъятия имущества религиозных объединений в советский период была коммунистическая идеология, отвергающая саму возможность существования любых социальных институтов, построенных на базе ценностей, отличных от ценностей коммунистических, в частности на ценностях религиозных. Результатом подобной государственной политики являлись неблагоприятные правовые последствия для религиозных организаций, которые выражались в объявле-

---

¹ Гаранова Е.П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917-1929 годы) // История государства и права. – 2007. № 20. С. 19.

² См.: Там же. С. 20.

³ Постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. С. 849-858.

⁴ См.: Законодательство о религиозных культах / Под общ. ред. В.А. Куроедова. – М., 1969.

⁵ См.: Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. – М., 1991. Т. 8. С. 76.

нии государственной собственности на имущество, находящееся в их фактическом обладании, а также в изъятии и в уничтожении большей его части. Таким образом, одной из форм политических репрессий против религиозных объединений стало присвоение их имущества. Часть этих мер осуществлялась в противоречие действующему тогда законодательству, другая же часть, напротив, санкционировалась нормативно-правовыми актами.

Все декреты советской власти об отделении Церкви от государства и об изъятии церковных ценностей, последующие законодательные акты в сфере взаимоотношений Церкви и государства, декларируя свободу совести, на самом деле ущемляли интересы и религиозных организаций, отняв у них право пользоваться собственностью, и граждан, нарушив их права на исповедание своих религиозных убеждений. Это привело к множеству кровавых столкновений, а их плоды мы пожинаем до сих пор. Исследователи отмечают, что государство в своей законотворческой деятельности не может, да и не должно охватить все «живое право», действующее в обществе, в одно и то же время, наряду с государственной могут существовать и иные правовые системы.¹ Анализ советского законодательства в его соотношении с каноническим правом делает очевидным, что посягательство на сакральную собственность Церкви не только ущемляло ее права как религиозной организации, но и нарушало религиозную свободу личности. Например, использование предметов церковной утвари не в богослужебных целях для православного человека является таким же кощунством, как разрушение храма или уничтожение икон. То есть, для религиозного сознания изъятие из богослужебной жизни Церкви или нецелевое использование сакрального имущества является таким же нарушением свободы совести, как запрет на совершение религиозных обрядов или на исполнение других предписываемых данной религией действий.

Важной особенностью имущественного положения религиозных организаций заключается в том, что помимо светских нормативных актов оно регулируется и внутриконфессиональными нормами («каноническим правом»). В Русской Православной Церкви такими источниками считаются: Священные книги (в т.ч. и Священное Писание – Библия), Устав об управлении Русской Православной Церкви, Постановления Поместного и Архиерейского Собора, Определения Священного Синода и др. Среди уставных целей использования имущества, принадлежащего религиозным организациям, выделяются совершение богослужений; религиозных обрядов и церемоний, обучение религии, религиозное воспитание своих последователей. Нормы канонического права определяют, что церковным имуществом нельзя распоряжаться как «частным²», которое по воле его владельца может быть использовано на какие угодно цели.

Конечно, вопрос о собственности в церковном правосознании имеет две стороны – социальную и мистически-сакральную. С точки зрения социальной церковное имущество может использоваться группой верующих (приходом, монастырем, епархией и т.д.). С этой стороны понятие собственности религиозных организаций может рассматриваться в правовом поле государства. Понятие же сакральности церковного имущества является не светским, а чисто религиозным. Под сакральным

---

¹ Основы религиоведения. – М., 1994. С. 33.

² В данном случае понятие «частное имущество» не следует отождествлять с понятием «частная собственность». – См.: Русская Православная Церковь и право: комментарий. – М., 1999. С.174-177.

имуществом понимаются, прежде всего, церковные святыни; аналогичные понятия существуют, конечно, не только в православии, но и в других религиях. Согласно нормам церковного права, церковное имущество само по себе назначается исключительно для целей Церкви и поэтому не может быть употребляемо ни на какую другую цель. Этим церковное имущество отличается от обыкновенного имущества, которое его владелец может по своей воле употребить, на что ему угодно. Следовательно, им нельзя располагать как частным имуществом, а только согласно установленной цели. В этом смысле можно вполне правильно выразиться, что церковное имущество есть собственность Христа, или бедных, как оно и называется в различных церковных актах, ибо этим словом обозначается не собственность сама по себе, а то, для чего она предназначена. В этой связи Церковь наделена тремя правами в отношении своего имущества, именно: право управлять и употреблять церковное имущество согласно его назначению; право надзирать, добросовестно ли ведётся управление этим имуществом и употребляется ли оно согласно своему назначению; право, в случае невозможности достигнуть определенной ранее цели или в случае нужды удовлетворить ближайшие потребности, употребить это имущество на другую подобную цель, или продать его.

В светском государстве, особенно в таком, где Церковь декретарно отделена от государства, церковные каноны не имеют юридической силы. Однако в области церковного (канонического) права имеется возможность гармоничного сочетания светского и церковного законодательства. Церковно-правовые акты Русской Православной Церкви после 1917 г. не были обязательны для государства, тем не менее оставались обязательными для членов Церкви.

По мнению исследователей на фоне жесткой государственной регламентации, направленной на изъятие церковной собственности, нормы канонического права в отношении имущества Церкви оставались неизменными. Церковное (каноническое) право, выделяя в отдельный институт отношения по поводу церковного имущества, сводит его не к меркантильному собственническому мотиву, а наделяет этот институт особым статусом сакральности, предусматривая, например, не только неприкосновенность церковного имущества, но и регламентирует такие мелкие подробности в отношении его, как способы уничтожения ветхих сакральных ценностей. Так, по церковным канонам, даже епископ, обладающий полнотой церковной власти в пределах епархии, не имеет права продавать или отдавать церковное имущество. Правило 38 Святых апостолов гласит: «Епископ имеет попечение о всех церковных вещах... да не продает принадлежащего Церкви»; Правило 12 VII Вселенского собора: «Аще кто, епископ или игумен, окажется что-либо из угодий, принадлежащих... монастырю, продавшим в руки властей, или отдавших иному лицу: не твердо будет оное отдавание.. проданное да будет возвращено... монастырю»; Правило 24 IV Вселенского собора и Правило 49 VI Вселенского собора: «Единожды освященным... монастырям пребывати монастырями навсегда: принадлежащий им вещи сохранять и впредь не быть оным мирскими жилищами... Аще же доньше сие случилось с некими из оных, то определяем, да отнюдь не будут удерживаемы...».¹ По мнению И.В. Понкина, принцип светскости государства означает не игнорирование последним внутренних установлений религиозных организаций, а предполагает обязанность государства уважать такие установления и институциональную структуру их

---

¹ Правила Православной Церкви. – М., 1996. Т. 1. С. 106-108.

осуществления.¹ Сказанное не размывает строгости законности, поскольку плюрализм правотворческих компетенций требует разделения сфер их ведения, а также не исключает их иерархии и субординации.

Важной нормой ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» являются положения ст. 21 о безвозмездной передаче из государственной и муниципальной собственности в собственность религиозным организациям имущества религиозного назначения (культовых зданий, сооружений и иного имущества религиозного назначения). Религиозные деятели в настоящее время ведут активную работу по разработке проекта закона о восстановлении (реституции) нарушенных в 1917-1918 гг. прав религиозных сообществ, когда Декретом СНК «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 23 января 1918 г. все имущество, принадлежащее им на праве собственности, было объявлено народным достоянием, а предметы, предназначенные для богослужебных целей, были закреплены за религиозными сообществами специальными постановлениями местных или централизованных органов государственной власти на праве бесплатного пользования. Утратив, в силу Декрета, права юридического лица, Церковь лишилась возможности иметь в собственности даже то имущество, которое не было объявлено народным достоянием.²

На сегодняшний день проблема реституции стоит очень остро. Деятельность Русской Православной Церкви постоянно расширяется, что требует всё больших и больших ресурсов, которых церкви не хватает. Речь, идет о необходимости возврата Русской Православной Церкви имущества, которое после революции было присвоено Советским государством.³ Все разногласия между федеральными органами исполнительной власти либо между федеральным органом исполнительной власти и религиозными организациями Русской Православной Церкви по поводу передачи имущества религиозного назначения рассматривает Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.

В условиях государственного владения культурно-историческими памятниками (монастыри, храмы, часовни) обеспечивается определенный способ их охраны – недопущение приватизации. Предметы церковной собственности часто представляют либо особое национальное достояние, либо святыню Церкви, поэтому Закон предусматривает защиту как самой собственности, так и предметов собственности. Первое проявляется в том, что на некоторые предметы церковной собственности не могут обращаться претензии кредиторов – это новое в российском законодательстве: «На движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов» (ст. 21, ч.5). Второе (охрана предметов собственности) раскрывается в том, что пользование предметами национального достояния должно быть согласовываемо с государственными органами охраны памятников истории и культуры. Эта норма в Законе РСФСР «О свободе совести и о религиозных организациях» 1990 г. выглядела следующим образом: «Условия содержания религиозными объединениями объектов и предметов, являющихся историко-культурными памятниками, согласовываются с соответствующими управлениями (отделами) культуры» (ст. 26). Федеральный Закон № 125 осо-

---

¹ Подробнее см.: *Понкин И.В.* Комментарий к некоторым статьям Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». – М., 2007. С. 45–46.

² См.: *Русская Православная Церковь и право: комментарий.* С. 184.

³ См.: *Смыкалин А.С.* Очерки истории Русской Православной Церкви. – Омск, 2007. С. 26.

бо оговорил право религиозных организаций пользоваться средствами государственного бюджета для содержания культовых сооружений, относящихся к ценным памятникам истории и культуры: «Государство... оказывает финансовую... материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры» (ст.4, ч.3).

В то время как фактическая передача религиозным организациям имущества религиозного назначения, в том числе культовых построек, а также снимаемых ими территорий, началась еще с начала 90-х годов прошлого века, официальное начало его поэтапной передачи в собственность и пользование для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других целях было положено Распоряжением Президента РФ от 23 апреля 1993 года № 281-рп «О порядке передачи религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 г. № 281-рп.¹ В нём отмечается, что передача культовых зданий и иного имущества, находящегося в федеральной собственности, по возможности должна учитывать интересы культуры и науки, имея в виду обеспечение сохранности памятников культуры, доступа к ним туристов, экскурсантов и всех граждан. В соответствии с этим Распоряжением Правительство РФ приняло Постановление от 14 марта 1995 года № 284², утвердившее Положение, которое определяет порядок передачи религиозным объединениям в собственность, пользование либо совместное с учреждениями и организациями культуры Российской Федерации пользование относящихся к федеральной собственности культовых зданий, строений с прилегающими к ним территориями и иного движимого и недвижимого имущества религиозного назначения, включая памятники истории и культуры. Можно считать издание упомянутых выше нормативных актов косвенным признанием и осуждением государством политических репрессий, проводившихся в отношении религиозных объединений и верующего населения страны, а также косвенным подтверждением неправомерности владения имуществом, изъятым Советским государством, в том числе и отнесённым к памятникам истории и культуры. Однако юридический статус этого имущества до сих пор остается неопределённым, что приводит к возникновению споров о правах обладания им.

Необходимо отметить, что в течение нескольких лет передача религиозным организациям имущества, находящегося в федеральной собственности, осуществлялась на основании Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 14 марта 1995 г. № 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения». Теперь эти отношения регулируются новым, более подробным Положением, где, в частности, субъектами получения имущества названы не религиозные объединения, а только религиозные организации. Это соответствует нормам ч. 1 ст. 7 и ст. 21 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., которые допускают передачу имущества религиозным организациям, но не религиозным группам.

Здесь необходимо отметить, что в ч. 3 ст. 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. говорится «о передаче имущества», что может приводить к неверному пониманию данной нормы. Подчеркнем, что

---

¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. № 17. Ст. 1455.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. № 28. Ст. 2889 (далее: СЗ РФ).

речь должна идти не о добровольной «передаче» государственной и муниципальной собственности религиозным организациям, а именно об обязанности государства по «возврату» или «возвращению» им незаконно изъятого имущества.¹ Религиозным организациям часто не удается получить некогда принадлежавшее им имущество в собственность. Часто государство передает религиозным организациям в пользование их же собственное имущество, изъятое в свое время по политическим причинам, причём, внешне это обставляется как некий добровольный жест помощи. Религиозные же организации оказываются существенно ущемленными в своих имущественных правах: они не вправе распоряжаться таким имуществом; обязаны использовать его согласно указаниям собственника (государства); имущество в любой момент может быть на законных основаниях изъято государством (см. ч. 2 ст. 689 и ч. 2 ст. 610 ГК РФ). Обязанности же по содержанию этого имущества, риск его случайной гибели они несут так же, как если бы являлись собственниками. Поэтому следует согласиться с И.А. Куницыным в отрицательной оценке подобной практики.

Некоторые юристы ставят вопрос о том, может ли государство, неправомерно владеющее имуществом, устанавливать режим приватизации для его первоначальных полноправных собственников?

Как уже отмечалось, до революции 1917 года недвижимость религиозного назначения являлась неприкосновенной и неотчуждаемой собственностью религиозных организаций. В то же время юридическая наука исходит из принципа признания права следования, т.е. право собственности сохраняется даже в случае перехода имущества к новому нетитульному владельцу. К тому же факт присвоения имущества Советским государством в качестве репрессивной меры в сущности является прямым нарушением прав религиозных объединений, которые представляют собой коллективную форму реализации гражданами права на свободу совести. Речь здесь идёт об ущемлении права, признаваемого естественным, неотъемлемым и священным – права на совместное исповедание и распространение религии, которая была и остаётся фундаментом российской государственности и культуры значительной части населения страны. Кроме того, согласно ст. 1 Конституции РФ, Россия провозглашена правовым государством, а ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Таким образом, поскольку изъятие имущества религиозных объединений Советским государством представляет собой массовое нарушение прав и свобод граждан, а значит, является фактом неправомерным, его возврат не может иметь ничего общего с приватизацией, но должен быть отрегулирован законом как возврат того, что государству не принадлежало, и чем оно обладать или распоряжаться не вправе.²

Сегодня существует возможность решения этого вопроса с взаимно приемлемых позиций, не способных привести к нарушению Конституции РФ и прав религиозных объединений.

---

¹ Вагиева Т.Ю. Российское законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях // Российский юридический журнал. – 1999. № 1. С. 29.

² Куницын И. Особенности и некоторые проблемы имущественных прав религиозных организаций // Право и жизнь. 2000. №26. С. 18-36.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – Москва: Проспект, КноРус, 2015. – 640 с.
2. Постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. С. 849-858.
3. Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. № 17. Ст. 1455.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. № 18.
5. Собрание Законодательства РФ. – 2001. № 28. Ст. 2889.

Литература:

6. Вагиева Т.Ю. Российское законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях // Российский юридический журнал. – 1999. № 1.
7. Гаранова Е.П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917-1929 годы) / История государства и права. – 2007. № 20.
8. Законодательство о религиозных культах / Под общ. ред. В.А. Куроедова. – М.: Наука, 1969.
9. Ильченко В.Н. Декрет об отделении церкви от государства (историко-юридический аспект) // История православия на Урале: Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии (Екатеринбург, 29-30 ноября 2005 г.). – Екатеринбург, 2005.
10. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. – М.: Terra-Политиздат, 1991. Т. 8.
11. Основы религиоведения. – М., 1994.
12. Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002. – 379 с.
13. Правила Православной Церкви. – М., 1996. Т. 1.
14. Понкин И.В. Комментарий к некоторым статьям Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – 120 с.
15. Русская Православная Церковь и право: комментарий. – М.: БЕК, 1999. – 464 с.
16. Садков А.Н. Религиозные организации как субъекты гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.
17. Смыкалин А.С. Очерки истории Русской Православной Церкви. – Омск: Омская Академия МВД России, 2007.
18. Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М., 2004.
19. Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. – М.: Ковчег, 2003. – 736 с.

Ichenko V.N., Smykalin A.S.

The property relations of the Russian state and Russian Orthodox Church in the 20th century (historical-legal aspect)

The article studies the singularity of property status of religious organizations and its usage in statutory purposes. This problem is considered from the point of view of a secular and modern legislation. Particular attention is paid to the canon law. The article raises the question of disagreement over the transfer of religious property.

Keywords: property, religious organizations, the state Russian Orthodox Church, Canon Law, the Federal Law «On Religious Associations».

О ХАРАКТЕРЕ, НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ И СЛЕДСТВИЯХ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1992-1993 гг.

В статье анализируется система власти, установленная в результате многочисленных поправок к Конституции РСФСР/РФ 1978 г., и делается вывод о том, что на фоне социально-экономического упадка, неизбежного в период революционных изменений, именно эта система привела к политическому кризису, а затем конституционному тупику, который можно назвать квазидвоевластием. Автор доказывает, что совмещение в одной конституционной модели остатков советского и демократического типов власти, а также элементов разных форм правления стало «миной», взорвавшей ситуацию.

Ключевые слова: политический кризис 1992-1993 гг., двоевластие, квазидвоевластие, Конституция РСФСР/РФ 1978 г., конституционные поправки, Съезд народных депутатов РФ, Президент РФ.

БЫЛО ЛИ ДВОЕВЛАСТИЕ?

В одной из своих статей¹ я описывал ситуацию российскую ситуацию 1992-1993 гг. как *двоевластие*. Однако позже понял, что драматическое противостояние Президента и Съезда народных депутатов РСФСР/РФ (далее – СНД или Съезд) было лишь *похоже на двоевластие*, но в строгом смысле не являлось таковым. Как не являлось двоевластием сосуществование, например, Гнея Помпея и Юлия Цезаря, когда Помпей, разорвав дуумвират, стал единоличным диктатором, но за Цезарем было большинство Сената.² Примером «классического» двоевластия служит, скорее, ситуация в России после Февральской революции 1917 г. Основываясь на этом примере, можно утверждать, что к основным признакам двоевластия относятся:

- существование в столице государства одновременно *двух организованных центров власти*;
- *разные источники легитимности* этих центров;
- вытекающее из этого *различие их целей*;
- *одинаковая территория юрисдикции*, на которую претендует каждый из центров власти;
- обладание примерно *одинаковой реальной силой*.

Отнюдь не все эти признаки можно обнаружить в ситуации 1992-1993 гг. Но если её нельзя назвать «классическим» двоевластием, о **квазидвоевластии (как бы двоевластии)** говорить допустимо: Съезд и Президент превратились в два *политических центра*, вокруг которых концентрировались полярные по своему мировоз-

---

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), референт помощника президента РФ Ю. Батурина (1993-1995), помощник президента РФ по правовым вопросам (1995-1998).

¹ *Краснов М.А. «Конституционные страхи» // Конституционное и муниципальное право. – 2014. № 5. С. 3–11.*

² См.: *Моммзен Т.* История Рима: в 3-х тт. Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Машкина. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. С. 300-301.

зрению силы. Но почему квазидвоевластие стало возможным? Лимит статьи позволяет затронуть только некоторые причины.

НЕПОНИМАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ АВГУСТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В истории современной России есть дата, по своему историческому значению являющаяся гораздо более значительной, чем даже день принятия Конституции. Это – 21 августа 1991 года – день поражения ГКЧП¹, который можно считать днём *Августовской революции* – революции², которую никто не готовил и, главное, мало кто хотел признавать таковой. Показательно, что авторы двух обстоятельных исследований, посвященных истории принятия Конституции 1993 г., активные участники августовских событий, народные депутаты РСФСР/РФ О.Г. Румянцев³ (Ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда) и В.Л. Шейнис⁴ не заостряют внимание на революционном значении Августа. Они отмечают это как важный момент новейшей российской истории, но не как точку, определившую совершенно иную логику (цепь) последующих политических и юридических решений и действий.

Те, кто выступал за демонтаж советской власти, готовились к постепенному развитию событий и потому оказались психологически и идейно не готовыми к тому, чтобы мгновенно поменять логику *эволюционной* смены общественного строя на *революционную*, прежде всего, в области государственного строительства. Между тем, революционное развитие событий вошло в противоречие с эволюционным «поведением» элит. И первым проявлением такого противоречия стал отказ от *перечреждения* российского государства.

Вообще-то трудно сказать, что предпочтительнее: нежелание спешить с новой конституцией или, наоборот, французская традиция, когда едва ли не «каждая смена режима непременно сопровождалась принятием новой конституции. Даже во время “Ста дней” Наполеона Бонапарта 1814 г. был принят новый Основной закон; ещё один пример – во время оккупации Франции немецкими войсками с июля 1940 по август 1944 г. режим А.Ф. Петена (1856-1951) выработал свою конституцию, которая не была принята только из-за нежелания Германии».⁵ Особенности социально-политических и экономических условий не позволяют вывести какой-то универсальный рецепт. Однако, по моему убеждению, сложившаяся в России ситуация настоятельно требовала скорейшего принятия новой Конституции как акта *перечреждения* государства. Но именно на этом исторический процесс споткнулся. Думаю, вследствие следующих главных причин.

---

¹ «Государственный комитет по чрезвычайному положению» – так путчисты называли временный орган своей власти.

² Точнее сказать: контрреволюции. – *прим. ред.*

³ См.: *Румянцев О.Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов.). – М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2013.

⁴ См.: *Шейнис В.Л.* Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. – М.: Мысль, 2014.

⁵ *Маклаков В.В.* Парламент Франции: Перевод законодательных актов. Ч. I: Национальное собрание / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2008. С.8.

Во-первых, переучреждение требовало, чтобы Съезд и Президент сложили с себя полномочия. Но расставаться с недавно обретенным статусом мало кому хотелось. Любопытно, как, например, О.Г. Румянцев «снимает противоречие» между необходимостью принятия новой Конституции и нежеланием досрочно прекращать полномочия. Он пишет, что «принятие новой Конституции РФ, предусматривающей новую структуру законодательной власти, должно было *предотвратить роспуск Съезда и Верховного Совета России, предлагавшийся некоторыми горячими головами*».¹ Странная логика: принятие Конституции в тех условиях как раз требовало новых парламентских и президентских выборов. А «горячие головы» были наиболее трезвомыслящими людьми, понимавшими суть момента. Только их явно было мало.

Во-вторых, на повестке дня стояли не политические и правовые, а экономические реформы², тем более, что хозяйственное положение страны было катастрофическим. Это обстоятельство не позволило сформировать мощный общественный запрос на переучреждение российской государственности (впрочем, были и иные причины отсутствия такого запроса, которые нужно разбирать отдельно).

И, в-третьих, первый Президент России, судя по всему, ощущал, что для решительного разрыва с советскими институтами ему, как ни странно, не на кого опереться. «Лагерь демократов» был весьма аморфным, поскольку состоял тогда из очень разных по своему мировоззрению групп. Наряду с либералами (хотя во многом тоже пропитанными советскими стереотипами) в него входили и часть коммунистов, националистов и даже имперцев. Сам же государственный аппарат, особенно его «силовая» часть, оставался ещё практически советским (в широком смысле этого понятия).

ПОПРАВКИ ВМЕСТО НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Несмотря на то, что значительную часть Съезда составляли отнюдь не сторонники радикальных преобразований, почти сразу после выборов этот орган превращается чуть ли не в «авангард демократии»: 4 марта 1990 года проходят выборы народных депутатов РСФСР, 16 мая – первое заседание Съезда, а уже менее чем через месяц, 12 июня он принимает *Декларацию о государственном суверенитете РСФСР*³, насыщенную идеями, за пропаганду которых ещё совсем недавно можно было, согласно Уголовному кодексу РСФСР, лишиться свободы. Вскоре эти идеи (в частности, многопартийность, равная охрана всех форм собственности, контроль за конституционностью законов) получили и конституционное закрепление. Причины такого «соглашательства» со стороны просоветски настроенного большинства депутатов, очевидно, состояли в том, что, с одной стороны, буквально на глазах рос общественный напор требований перемен, с другой, – консервативные силы пола-

---

¹ Там же. С. 77-78.

² Строго говоря, их нельзя было назвать реформами, поскольку речь шла не об «улучшении» каких-то институтов, а о кардинальном – *революционном* изменении: создании совершенно новых, немислимых для советского государства институтов и ликвидации прежних (в самом общем виде – создании рыночной экономики на месте экономики плановой, тотально государственной и административно-командной).

³ Все правовые акты и судебные решения проанализирован в статье с помощью СПС «Консультант Плюс».

гали, что дистанцировавшись от М.С. Горбачева с его курсом, можно будет взять реванш в рамках РСФСР.

Такую оценку подтверждает всё последующее развитие политического процесса. С одной стороны, мы видим принятие современных по своему содержанию документов – таких, например, как, помимо Декларации о суверенитете, Декларация о языках народов России (октябрь 1991 г.), Концепция судебной реформы (октябрь 1991 г.), Декларация прав и свобод человека и гражданина (ноябрь 1991 г.); голосование в поддержку реформаторских мер. С другой стороны, поначалу «тихо», закулисно, а в конце концов открыто, просоветская часть депутатского корпуса стала противодействовать реальным шагам по замене советской системы демократической.

Например, в Декларации о суверенитете прямо предусматривалось, что этот документ «является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства». Во исполнение этого пункта 22 июня 1990 г. СНД утверждает даже примерный график принятия новой Конституции, 12 октября того же года её проект представляется Конституционной комиссии, а ещё через месяц он одобряется Комиссией и публикуется гигантским тиражом – 40 млн.¹ Однако главные – завершающие – шаги так и не были сделаны, хотя, согласно графику, планировалось в конце 1990 г. вынести основные положения будущей Конституции на референдум, в начале 1991-го обсудить проект на Съезде и весной того же года принять Конституцию.²

О.Г. Румянцев вспоминает, что и в самой Конституционной комиссии отнюдь не было мировоззренческого единства. Например, «12 ноября 1990 года на пленарном заседании Комиссии проект Конституции РФ был рекомендован к опубликованию; решение было принято, что называется, “с боем пополам”, с минимальным перевесом: 37 голосов – “за”, 33 – “против” при 32 отсутствующих (или бойкотировавших?)».³ То, что в конечном итоге, Съездом была принята стратегия внесения поправок в советскую Конституцию, означает, что была сломана революционная парадигма правового преобразования российской государственности. Этот «компромисс» служил интересам сторонников советского пути, которые избрали удачную для своих целей тактику: одно дело принятие принципиально новой, демократической Конституции и другое – встраивание формально демократических институтов в советскую систему власти. Л. и З. Гарлицкие справедливо заметили: «Если с помощью поправок утверждаются совершенно новые принципы государственного устройства, то конституция может стать внутренне противоречивой, что обесценит её правовую роль. Достаточно вспомнить польский пример поправки 1989 г., которая, с одной стороны, сохранила определение парламента как “высшего органа государственной власти”, а с другой стороны, ввела элементы системы разделения властей».⁴ Именно это (и практически по той же причине) произошло у нас.

---

¹ См.: Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 54-55.

² См.: Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 31, 40; Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 681–682.

³ Румянцев О.Г. Указ. соч. С.54.

⁴ Гарлицкий Л., Гарлицкая З.А. Неконституционные поправки к конституции: существует ли проблема и найдется ли решение? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. № 1. С. 88.

Конституция РСФСР (с 21 апреля 1992 г. – РФ¹) начала «совершенствоваться»: первый Закон о поправках СНД принял 31 мая 1990 г., последний – 9 декабря 1992 г. (всего – десять законов, которые содержали порядка 400 поправок). Благодаря этому в Конституции немислимым образом *соединились элементы двух антагонистических типов власти* – советского и демократического, что стало миной, взорвавшей саму Конституцию, и, главное, повлияло на всё последующее конституционное развитие России.

ПОЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА

После короткого периода «советизации», т.е. обретения Советами реальных рычагов власти, что побудило многих функционеров КПСС совместить партийную должность с введённой должностью председателя Совета (на союзном уровне пример показал Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв), в марте 1990 г. вводится должность Президента СССР с весьма значительными прерогативами. Правда, это было сделано не столько на основе убеждения о необходимости перехода к принципу разделения властей, сколько для того, чтобы обеспечить М.С. Горбачеву сохранение его политического влияния в случае возможного смещения с поста Генсека, вероятность чего возростала ввиду усиления оппозиции его курсу в партийном аппарате.

Этому примеру последовали и в большинстве союзных республик. Съезд РСФСР, воспользовавшись проведением референдума о сохранении Союза ССР (17 марта 1991 г.), добавил свой вопрос о введении поста президента. Получив согласие большинства избирателей, 24 мая 1991 г. СНД внёс в Конституцию РСФСР соответствующую поправку. Другое дело, что российские власти во многом руководствовались стремлением противопоставить институт Президента РСФСР/РФ союзному Президенту, хотя у «коммунистов» и «демократов» имелись разные мотивы. В.Д. Зорькин, ещё будучи экспертом Конституционной комиссии, писал в 1990 г.: «Несмотря на разочарование союзной президентской властью (а может быть, именно благодаря этим разочарованиям), идея президента приобрела популярность в республиках (союзных – М.К.), с институтом президента связываются надежды преодолеть диктат центра, обрести реальный суверенитет, мирным путём выйти из кризиса и создать цивилизованную государственность».²

С появлением президентов на союзном и республиканском уровнях законодательным органам пришлось поделиться частью своих полномочий (см. таблицу 1), однако, совсем немного потерял в своей институциональной силе и уж в любом случае оказался гораздо сильнее Президента, о чём будет сказано ниже. Представление о «потерянных» полномочиях даёт следующая таблица.

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 20. Ст. 108.

² Зорькин В.Д. О президенте и конституционном строе Российской Федерации // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.): в 6-ти тт. Т. 1: 1990 год / Под общ. ред. О.Г. Румянцев. – М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 787.

Таблица 1. Конституционные полномочия Верховного совета (ВС), Президиума Верховного совета (ПВС) и председателя ВС, перешедшие к Президенту РСФСР/РФ

ВС, ПВС и председатель ВС	Президент
Председатель ВС подписывает законы, ПВС их обнародует	Подписывает и обнародует законы <i>Комментарий:</i> у Президента появилось ещё и право отклонения законов. Института вето ранее не было
ВС назначает председателя Совета министров – Правительства	Назначает председателя Совета министров с согласия ВС <i>Комментарий:</i> ВС назначал председателя Совмина на совместном заседании палат
ВС утверждает состав правительства, вносит в него изменения по представлению председателя Совмина	Назначает и освобождает от должности министров, руководителей комитетов и ведомств по представлению председателя Совмина
ВС по предложению Совмина образует и упраздняет министерства и государственные комитеты	Представляет ВС предложения об образовании, реорганизации и упразднении министерств, государственных комитетов и ведомств (только с декабря 1992 г.)
Председатель ВС представляет СНД и ВС доклады о положении республики и о важных вопросах ее внутренней и внешней политической деятельности; об участии в обеспечении обороноспособности и безопасности	Представляет не реже одного раза в год доклады СНД о выполнении принятых им и ВС социально-экономических и иных программ, о положении в стране, обращается с посланиями к народу России, СНД и ВС
ПВС назначает и отзывает дипломатических представителей в иностранных государствах и при международных организациях; принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств	Назначает и отзывает дипломатических представителей, принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей
Председатель ВС ведет переговоры и подписывает международные договоры	Ведёт переговоры и подписывает международные и межреспубликанские договоры
Внеочередные заседания СНД созываются <i>по инициативе</i> ВС, <i>по предложению</i> одной из его палат, ПВС, председателя ВС, не менее одной пятой народных депутатов РСФСР либо по инициативе законодательного субъекта РФ	Предлагает созвать внеочередные заседания СНД и внеочередные сессии ВС <i>Комментарий:</i> Президент добавлен в число субъектов, имеющих право вносить предложения о созыве внеочередного заседания Съезда или сессии ВС. Однако предложение, в отличие от инициативы, которой обладал только ВС, не носило императивного характера
ПВС принимает в гражданство; решает вопросы о выходе из гражданства, о предоставлении убежища	Решает в соответствии с законом вопросы гражданства, предоставления политического убежища
ПВС награждает государственными наградами; присваивает почетные звания	Награждает государственными наградами, присваивает специальные звания, классные

	чины и почетные звания
ПВС осуществляет помилование граждан, осужденных судами	Осуществляет право помилования граждан, осужденных судами
Не предусмотрено	Руководит деятельностью Совета министров
Не предусмотрено	Принимает отставку правительства с согласия ВС <i>Комментарий:</i> Конституция сама разъясняла, что слова «принимает отставку» означают принятие решения об отставке по инициативе Президента. В то же время в последней редакции Конституции 1978 г. говорилось, что, помимо отставки по инициативе Президента и самого правительства, решение <i>о его отставке</i> принимается СНД или ВС путем <i>выражения недоверия</i>
Орган не предусмотрен	Возглавляет Совет безопасности
Не предусмотрено	Принимает меры по обеспечению государственной и общественной безопасности <i>Комментарий:</i> Сохранилось полномочие председателя ВС представлять СНД и ВС доклады <i>об участии</i> в обеспечении государственной и общественной безопасности
Не предусмотрено	Объявляет чрезвычайное положение

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ «РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ» В КОНСТРУКЦИИ ВЛАСТИ

«Эволюционная логика» преобразования советской государственности привела к формированию совершенно немислимой конструкции, которую нельзя отнести ни к одной из существующих форм правления (моделей власти). Эта конструкция представляла собой *смесь из остатков советского типа с элементами одновременно и президентской, и полупрезидентской форм правления.*

К *президентской* форме относились, например, избрание Президента на всеобщих выборах и его характеристика как главы исполнительной власти; отсутствие права роспуска парламента или одной из палат ВС. К *полупрезидентской* системе власти можно было отнести, в частности, «правило двух ключей» – формирование правительства Президентом совместно с Парламентом, а также институт недоверия правительству, хотя сам этот институт «взят» из парламентской модели. Тем самым Президент оказывался вдвойне ограниченным Парламентом. И это накладывалось на многочисленные остатки *советской* системы. Причём не только «идеологические», вроде «социалистической демократии» (ст. 9), «социалистической собственности» (ст. 125) и проч. и проч., но и вполне «работающие» – прежде всего, принцип *полновластия Советов*. Именно он служил легальной основой для вмешательства СНД и ВС (скорее, их руководства) в сферу компетенции Президента и исполнительной власти. Это лучше всего показать путём описания компетенции законодательного органа и Президента и их конституционных взаимоотношений.

Законодательный орган

Статья 104 Конституции РСФСР (вплоть до последней её редакции) гласила: «Высшим органом государственной власти Российской Федерации является *Съезд народных депутатов Российской Федерации (СНД)*. Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить *любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации*». Хотя эта формулировка не предполагала конкретных полномочий (раз уж СНД мог рассмотреть и решить «любой вопрос»), тем не менее, в той же статье они перечислялись. Это было сделано для того, чтобы выделить *исключительные* полномочия СНД, в т.ч. те, которые Съезд активно использовал в борьбе против Президента и исполнительной власти.

Прежде всего, только СНД мог принимать новую Конституцию, вносить изменения и дополнения в действующую, т.е. *был её полным «хозяином»*. Помимо этого, он *определял внутреннюю и внешнюю политику*, а также утверждал «перспективные государственные планы и важнейшие программы экономического и социального развития Российской Федерации, ее военного строительства». Вдобавок к этому СНД мог *отменять указы и распоряжения Президента РФ*, а также принятые ВС и подписанные Президентом законы.

Нужно, справедливости ради, сказать, что Съезд пользовался далеко не всеми своими прерогативами. Возможно, депутаты не хотели затевать «войну актов», предпочитая иные методы давления на Президента. А, может быть, считали, что это выставит их откровенными противниками реформ.

У Съезда было и немало *кадровых* полномочий, которые позволяли контролировать практически все основные органы государственной власти. Только он избирал состав Конституционного суда, утверждал председателя Правительства, назначавшегося Президентом с согласия ВС, а также Генерального прокурора, председателей Верховного и Высшего арбитражного судов, которых назначал подчинившийся СНД Верховный совет.

Однако – и это главное – ни одно из съездовских полномочий *не имело противовеса* с чьей бы то ни было стороны. Разве что Конституционный суд мог рассматривать конституционность «федеральных законов и иных актов Съезда» (ст. 165.1), но таких дел было очень мало. Съезд был настолько многочислен и потому малоэффективен, что сам по себе не смог бы противостоять исполнительной власти. Он выполнял лишь *роль «тарана»* в руках небольшой группы депутатов, прежде всего, возглавлявших Верховный совет и его Президиум. Конечно, для парламентов естественно наличие органов и лиц, задачей которых является организация и координация деятельности парламентских структур. Но именно советскому типу свойственна *редукция власти (влияния)* коллегиального органа к его руководителю. Вот её «ступени».

Верховный совет, чья сама конституционная его характеристика уже вызывала вопрос, поскольку он характеризовался и как «орган Съезда народных депутатов Российской Федерации», и как «постоянно действующий *законодательный, распорядительный и контрольный* орган государственной власти Российской Федерации». Правда, собственно распорядительных полномочий ВС Конституция почти не предусматривала (разве что полномочие решать «вопросы, связанные с обес-

печением конституционных прав, свобод, обязанностей и равноправия граждан Российской Федерации»). Но она содержала формулу, предоставлявшую ВС, так сказать, *carte blanche*: «решает другие вопросы...». И ВС (точнее, его руководство) действительно «решал вопросы», нередко вторгаясь в компетенцию исполнительной власти. Впрочем, распоряжения издавал и председатель ВС.

Справочно-правовая система «Консультант Плюс» на запрос о распоряжениях Верховного совета РФ выдает 10 распоряжений этого органа и 164 распоряжения председателя ВС (или одного из его заместителей): в редких случаях встречаются такие распоряжения *совместно* с Президентом и председателем Совмина, что подчёркивает сохранение советского характера деятельности этого органа. Причём едва ли не большую часть составляли распоряжения о предоставлении *финансовой помощи* отдельным районам, регионам, Советам народных депутатов и даже школам.

В советское время в верховных советах не было профессиональных депутатов, кроме самих членов президиумов, и потому роль последних была значительна. Но и в «профессиональном» Верховном совете его *Президиум (ПВС)* остался штабом, имеющим *немало рычагов воздействия на депутатский корпус*. При этом ПВС по-прежнему обладал не только внутриорганизационными и обеспечительными, но и публично-властными полномочиями. К ним, в частности относились: осуществление контроля за соблюдением Конституции и обеспечение соответствия конституций и законов республик в составе РФ федеральным Конституции и законам; объявление, организация подготовки и проведение референдумов; опубликование законов РФ; осуществление других полномочий, предусмотренных законами РФ.

О степени влиятельности *председателя ВС (он же – руководитель ПВС)* говорили такие полномочия, как: осуществление *общего руководства подготовкой вопросов*, подлежащих рассмотрению СНД и ВС; представление Съезду и Верховному совету *сообщения о положении республики и о важных вопросах её внутренней и внешней политической деятельности*, а также *об участии в обеспечении обороноспособности и безопасности РФ*; представление Съезду кандидатур для избрания на должности первого заместителя и заместителей председателя ВС РФ, конституционных судей, председателей Верховного и Высшего арбитражного судов. Председатель Верховного совета (вместе со своими заместителями) фактически управлял «вечевой демократией» – СНД, исключая из повестки дня съездов одни вопросы и включая другие, определяя их приоритетность, настраивая депутатов на определенный лад, выступая с политическими заявлениями и т.д. Проще говоря, влияние председателя ВС питалось необъятными полномочиями Съезда и потому его политический вес становился почти равным Президенту РФ.

Президент

На первый взгляд, Президент России обладал весьма значительными конституционными полномочиями. Однако то, что этот институт выглядел политически мощным, обязано не столько Конституции, сколько личным качествам Б.Н. Ельцина и существовавшей в то время его народной поддержке.

Начну с того, что в ст. 121.1 Конституции 1978 г. Президент определялся как *высшее должностное лицо* (что уже делало туманным его статус) и *глава исполнительной власти*. Последнее свойственно *президентской форме правления* и предполагает либо непосредственное руководство президента системой исполнительной

власти, либо его полный контроль над правительством, если последнее создаётся как отдельный орган.¹ Однако все другие конституционные нормы противоречили статусу Президента РФ как главы исполнительной власти: он *не обладал самостоятельностью* ни при формировании, ни при отставке Совета министров, в отличие от президентов в президентской модели, и в то же время не имел преимуществ последних. Собственно, такой вывод следовал уже из ст.120, где говорилось: Съезд и Верховный совет «осуществляют *контроль* за деятельностью всех *подотчётных* им государственных органов». Это была, скорее, норма-принцип, а более ясно говорилось в ст. 122, определявшая Совмин как «орган исполнительной власти, *подотчётный* Съезду народных депутатов, Верховному совету и Президенту РФ».

Президент описывался в Конституции как *институт, подотчётный Съезду*. Прямо об этом не говорилось, но как иначе оценить, например, обязанность Президента представлять не реже одного раза в год *доклады Съезду* (в т.ч. по его требованию и внеочередной) *о выполнении* принятых им и Верховным советом «социально-экономических и иных программ, о положении в Российской Федерации» (ст. 121.5)? Правда, в той же статье говорилось о *посланиях* Президента «к народу Российской Федерации, Съезду народных депутатов Российской Федерации и Верховному Совету Российской Федерации». Однако ни о регулярности, ни о их содержательной стороне не упоминалось.

Формирование Совета министров (Правительства)² состояло из двух стадий (ст. 123): 1) назначение председателя и 2) по его представлению – заместителей председателя Совмина, министров, председателей государственных комитетов. Президент также *мог* по представлению председателя Правительства включить в его состав «руководителей других центральных органов государственного управления, подведомственных Правительству Российской Федерации». Кроме того, в Совмин *по должности* входили председатели советов министров республик в составе РФ. Замечу, что институт представлений (предложений) премьер-министра президенту не свойствен президентской модели. Ещё больше от этой модели отдаляло включение в Правительство руководителей органов исполнительной власти субъектов Федерации, что соответствовало, скорее, советской системе.

Назначение председателя Совета министров могло состояться только с *согласия* Верховного совета. А это – процедура, характерная для полупрезидентской формы и потому она *входила в противоречие* со статусом Президента как главы исполнительной власти: теоретически председатель Совмина вполне мог начать ориентироваться на съездовское большинство, а не на Президента, что бывает в полупрезидентских республиках, но невозможно в президентских.

Но дело не столько в этом, сколько в том, что согласие для назначения председателя Правительства требовалось от органа (органов), который был организован отнюдь не «по канонам» парламентаризма. При отказе ВС дать согласие Президент должен был искать новую кандидатуру на должность премьера. Безусловно,

---

¹ Такая конструкция в рамках президентской формы свойственна многим латиноамериканским государствам.

² В последней редакции Конституции 1978 г. встречаются разные термины: Совет министров; Совет министров–Правительство; Правительство РФ.

этот порядок гораздо более взвешенный, нежели тот, что появился в Конституции 1993 г. Однако смотреть на любой институт нужно, учитывая *ту систему отношений*, в которую он встроен. И тогда придётся вспомнить, что палаты Верховного совета (в каждой было по 126 депутатов) *не были структурированы по партийному принципу*.

При этом для назначения премьера требовалось согласие *всего* Верховного совета, поскольку палаты не имели собственной компетенции. Но даже в той палате, которая могла бы подойти на роль «нижней», – Совете республики – не было партийных фракций. Поэтому политический смысл согласия/несогласия в его классическом понимании, когда можно строить какие-то расчёты в зависимости от численности тех или иных фракций, терялся; зато резко возрастала значимость мнения руководства Верховного совета и вообще мнений, основанных на ситуативных и личных мотивах.

Фракции и депутатские группы, правда, существовали на *Съезде, который должен был утверждать назначение премьера*. Однако их состав и численность от съезда к съезду¹ постоянно менялись (в среднем каждый съезд имел 15-17 фракций и групп, объединённых в 4-5 блоков), в т.ч. и потому, что многие депутаты не раз меняли свою принадлежность к фракции, группе или даже к блоку (были также внеблоковые депутаты и их объединения). А, главное, такие структурные единицы не являлись партийным представительством в строгом смысле этого понятия. Соответственно, их позиции, как правило, были слабо предсказуемыми, тем более, что исход голосования по какому-то вопросу во многом зависел от того, как настроит депутатов председательствующий. К этому надо добавить, что с декабря 1992 г. Президент РФ не был уже самостоятелен и в назначении ряда ключевых министров: иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел. Для их назначения требовалось согласие ВС.

Отставка Совета министров, согласно Конституции РСФСР, могла быть произведена: 1) Съездом или ВС путём выражения *недоверия*; 2) Президентом РФ по любой причине, но *с согласия ВС*; 3) Президентом *по заявлению* председателя Совета министров («по инициативе самого Правительства»). Таким образом, Президент был связан мнением депутатского корпуса. Это – совершенно нормально и, в отличие от действующей Конституции РФ, отвечает идее баланса в системе сдержек и противовесов... Но опять же *при условии нормально организованного и структурированного парламента*.

Право Президента отклонять законы, во-первых, не распространялось на законы, принятые СНД, хотя тот при желании мог принять закон по любому вопросу, и Президент обязан был его подписать. А, во-вторых, возвращение (отклонение) Президентом даже закона, принятого ВС, фактически имело лишь «информационное» значение, т.к. этот орган был вправе оставить закон в прежней редакции, проголосовав *тем же – простым большинством* депутатов в обеих палатах. Не случайно, ст. 121.5 предусматривала, что законы, принятые ВС, могут быть возвраще-

---

¹ Напомню, что наименование «Съезд» имел как сам орган законодательной власти, так и его сессии, которые проводились два раза в год и длились по несколько недель. Всего прошло девять съездов. Последний, IX Съезд был проведён в апреле 1993 г.

ны Президентом для повторного рассмотрения.

Но центральный момент, характеризующий положение Президента как *заложника Съезда* и ставший, собственно, спусковым крючком драматической развязки конфликта, состоял в легальной возможности СНД ***досрочно прекратить президентские полномочия практически по любому поводу.***

На фоне того, что у Президента РФ не было никакой возможности распустить ни Съезд, ни Верховный совет (в роспуске какой-то палаты ВС смысла не было), сам Президент мог быть отрешён от должности «в случае нарушения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, а также данной им присяги» (ст. 121.10). Понятно, что досрочно прекратить полномочия Президента можно было весьма просто. Мешала этому только усложнённая процедура.

Та же статья гласила, что «решение принимается Съездом народных депутатов Российской Федерации на основании заключения Конституционного Суда Российской Федерации *большинством в две трети голосов* от общего числа народных депутатов Российской Федерации по инициативе Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации или одной из его палат». Среди прочего, это означало, что, с одной стороны, Съезд превращается лишь в экзекутора, получая возможность отвести от себя ответственность за принимаемое решение, которое было политическим, но маскировалось под юридическое, поскольку конституционно-правовой вердикт (заключение) о наличии нарушения в словах, действиях или актах Президента выносила правовая инстанция. С другой стороны, Конституционный суд вынужден был втягиваться (и втянулся-таки) в чисто политические отношения. Конечно, любой орган конституционной юстиции в реальности зачастую не в состоянии принимать решения вне политического контекста (такова специфика конституционно-правовых отношений), но тут он обязывался трактовать наличие нарушений со стороны Президента, исходя из чрезвычайно широких оснований.

Возможность импичмента была, однако не единственным способом отстранить Президента от должности. Внося поправки в Конституцию РСФСР в связи с созданием президентской должности, Съезд сразу же сформулировал запрет: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, *ропуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти*» (ст. 121.6). А в разгар противостояния – 9 декабря 1992 г. данная статья была дополнена угрозой (санкцией): «в противном случае они (полномочия Президента – М.К.) *прекращаются немедленно*».

Однако норма эта была юридически ущербной. Поскольку она явно имела в виду не процедуру импичмента, возникал вопрос: кто и в рамках какой процедуры должен удостоверить факт «изменения национально-государственного устройства, роспуска либо приостановления деятельности органа власти»? Позже, когда дело дошло до применения ст. 121.6 в кульминационный момент конфликта, четыре конституционных судьи – Э.М. Аметистов, Н.В. Витрук, А.Л. Кононов и Т.Г. Морщакова – подняли эти вопросы в своих особых мнениях в связи с принятым Судом Заключением от 21 сентября 1993 г. № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ель-

цина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года».¹ Среди прочего, они указывали, что нельзя понять, о какой процедуре идёт речь – отрешении от должности по ст. 121.10 или о немедленном прекращении полномочий по ст. 121.6, а если по ней, то имел ли на это право Конституционный суд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, если оценивать ситуацию 1992-93 гг. с формально-юридических позиций, можно обвинить в создании квазидвоевластия именно *Президента*. Съезд и его органы осуществляли *свои* конституционные полномочия, в том числе контрольные (корректирующие) в отношении Президента, которым тот противился. Но особенность и сложность конституционно-правовых отношений состоит в том, что их невозможно рассматривать абстрактно, отвлекаясь как от характера регулирующих норм, так и от социальной среды, в которой они будут действовать. В нашем случае *нельзя не учитывать следующие фундаментальной важности обстоятельства*:

1) наличие у Президента страны прямого *мандата народа* на проведение реформ, в отличие от депутатов Съезда, характер мандатов которых был неясен, поскольку они были избраны годом ранее – в иных политических и экономических условиях;

2) совершенно разное психологическое отношение единоличного органа и членов коллегиального органа к своему статусу (предназначению, функциям, полномочиям), прежде всего, к *объёму и степени ответственности*. Для депутатов характерна как раз диффузия (размывание) ответственности²;

3) действие Конституции, предназначавшейся для принципиально иного типа власти и потому, несмотря на введение в неё некоторых демократических принципов и институтов, сохранявшей основные признаки *советского* понимания государственности;

4) существенный перекоп властных прерогатив в системе власти, который явно не соответствовал принципу разделения властей в его *динамическом* смысле – как системы сдержек и противовесов.

Можно сказать, что конфликт Президента Ельцина и Съезда – тот случай, когда свойства личности способны фундаментально повлиять на функционирование институтов. Но можно сказать и иначе: если правовое регулирование в сфере организации публичной власти, не учитывает реальность, оно будет ускорять перерастание конституционных конфликтов в силовые и тем самым губить самое себя. Ведь право наиболее хрупко и наименее защищено как раз в сфере властеотношений, ибо когда существующее регулирование переходит *границы, которые властный институт считает для себя максимально приемлемыми*, этот институт отказывается от проявления власти как *authority* и прибегает к власти как *power*, в т.ч. пренебрегая формальными ограничениями. Понятие «максимальная приемлемость границ правового регулирования» имеет два смысла. В первом оно означает отношение к юридическим нормам просто как к некоей условности. Во втором смысле за этим

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. – 1994. № 6.

² См., например: *Муздыбаев К.* Психология ответственности. – М.: Наука, 1983. С. 31.

понятием кроется понимание необходимости таких норм как ограничителя власти. Но только до того предела, пока нормы сами не переходят границы права – справедливости, разумности и соответствия реальности.

Моя оценка сводится к тому, что осенние события 1993 года в России были проявлением второго смысла «максимальной приемлемости». Президент Ельцин готов был терпеть нападки и оскорбления от представителей законодательного органа ради выполнения своей миссии. Но когда стало очевидно, что *дисбаланс властных прерогатив*, которым законодательный орган всё активнее пользуется, грозит срывом самой миссии, а под прикрытием юридических норм таится не-право, Президент использовал свои силовые возможности для слома ненормальной ситуации. Так что драму новейшей российской истории я вижу не в том, что Президент силовым образом довершил революционные изменения, начавшиеся в августе 1991-го. Ситуация квазидвоевластия заканчивается, как и двоевластие, – насильственным устранением одного центра власти другим. Тем более, если это происходит в революционную эпоху. Революционные преобразования невозможно осуществлять на основе чуть подновлённых старых правил, старыми институтами и при этом делая вид, что никакой революции не происходит.

Драма в ином: после окончания такого периода вырабатывается новая властная конструкция. Но уже без оппонентов. И тогда такая конструкция несёт на себе отпечаток «конституционных страхов»¹ и потому *вновь создаёт опасный дисбаланс властных прерогатив*, только «с противоположным знаком»: если раньше ни один институт не мог противостоять законодательному органу, то ныне – Президенту.

Источники и использованная литература:

Нормативные правовые акты и судебные решения:

1. Декларация от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. № 2, ст. 22.
2. Заключение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 г. № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1994. № 6.
3. Конституция РСФСР/РФ 1978 г. в редакции от 21 апреля 1992 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 20. Ст. 108.
4. Конституция РСФСР/РФ 1978 г. в редакции от 9, 10 декабря 1992 г. // Сайт Конституции Российской Федерации // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/183126/ (дата обращения: 04.12.2015).

Общая и специальная литература:

5. *Гарлицкий Л., Гарлицкая З.А.* Неконституционные поправки к конституции: существ-

---

¹ Термин взят у Андраша Шайо (см.: *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / Пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. С. 15). Об этой опасной закономерности при создании новых конституций говорят многие государствоведы. Кроме А.Шайо см. также, например: *Холмс С., Лаки К.* Страсти по совмещению // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Осень 1993 – Зима 1994. № 4-5. С. 21.

- вует ли проблема и найдется ли решение? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1.
6. *Зорькин В.Д.* О президенте и конституционном строе Российской Федерации // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенogramмы, материалы, документы (1990-1993 гг.): в 6-ти тт. Т.1: 1990 год / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
  7. *Краснов М.А.* «Конституционные страхи» // Конституционное и муниципальное право. – 2014. № 5.
  8. *Маклаков В.В.* Парламент Франции: Перевод законодательных актов. Ч. I: Национальное собрание / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2008.
  9. *Моммзен Т.* История Рима: в 3-х тт. Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Машкина. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941.
  10. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. – М.: Наука, 1983.
  11. *Румянцев О.Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов.). – М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2013.
  12. *Холмс С., Лаки К.* Страсти по совмещению // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Осень 1993 – Зима 1994. №4-5.
  13. *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / Пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001.
  14. *Шейнис В.Л.* Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. – М.: Мысль, 2014.

Krasnov M.A.

About character, some causes and effects of the russian political crisis of 1992-1993

The article analyzes the issue of power system established due to the numerous amendments to the Constitution RSFSR/RF 1978. It is found that the said system caused a political crisis and then a constitutional deadlock (quasi dual power) during socio-economic decay that was unavoidable in times of revolutionary changes. Author proves that combination of the remains of the Soviet type of power, a democratic type of power and elements of different forms of government became a bomb that blew the situation up.

Keywords: Political crisis 1992-93, dual power, quasi dual power, Constitution of RSFSR/RF 1978, Constitutional amendments, Congress of people's deputies of RF, President of RF.

Исаков В.Б.

СТАРЫЕ МИФЫ НОВОЙ РОССИИ

В статье анализируются причины и обстоятельства распада СССР. Рассматриваются и критически оцениваются мифы, существующие по этому вопросу в литературе. Автор доказывает, что основной причиной распада Союза ССР стала ожесточенная борьба за власть, которую развязало руководство Российской Федерации. Опровергаются мифы об изначальной консервативности и агрессивности Съезда народных депутатов и Верховного Совета России, о противостоянии депутатского корпуса экономическим и политическим реформам в России.

Ключевые слова: Российская Федерация, Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации, Президент Российской Федерации, экономические и политические реформы в России, экономический и политический кризис в России, противостояние Президента и народных депутатов России, мифы российской истории.

Конец восьмидесятых, начало девяностых годов конца XX века – уникальный, возможно, неповторимый период начала глубоких демократических реформ. В стране назрели неизбежные социальные и экономические преобразования, общество ждало их. Этими же настроениями был проникнут и депутатский корпус, избранный в 1990 году впервые за многие годы на альтернативной основе. Независимо от своей партийной принадлежности, большинство депутатов поддерживало реформы, иначе трудно объяснить, почему I Съезд народных депутатов РСФСР, состоявший более чем на 86 процентов из членов КПСС, на одном из первых своих заседаний под аплодисменты, конституционным большинством упразднил статью 6 Конституции РСФСР о руководящей роли КПСС.

Основные задачи демократических реформ были вполне очевидны и включали следующее:

демонтаж однопартийной политической системы и обеспечение политического плюрализма, который неизбежно привел бы к созданию в стране многопартийной системы;

восстановление дееспособности представительных органов государственной власти, советов народных депутатов, которые в тот период выполняли в основном декоративные функции;

ликвидация вопиющих проявлений бюрократизма в общественной жизни: номенклатурных привилегий, неподконтрольности и безответственности чиновников, кабинетного способа принятия кадровых и иных государственных решений;

в экономической сфере – создание предпосылок для конкуренции различных форм собственности; защита ростков частной инициативы и частного предприни-

---

Исаков Владимир Борисович – выпускник Свердловского юридического института 1971 г., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), народный депутат РСФСР (1990-1993), председатель палаты Верховного Совета РСФСР (1990-1991), депутат, председатель Комитета по законодательству Государственной Думы первого созыва (1993-1995).

мательства;

ликвидация проявлений диктата и тоталитаризма в духовной сфере: ограничений на подписку печатных изданий, спецхранов в архивах и библиотеках, замалчивания отдельных фактов и целых периодов отечественной истории и т.д.;

создание предпосылок для формирования плюрализма мнений, идеологического плюрализма, свободы научного творчества, интеллектуальной свободы;

признание фактов грубейших нарушений прав человека и ликвидация почвы для подобных нарушений в будущем;

осуществление глубокой демократизации федеративного устройства государства, разгрузка от избыточных полномочий верхних этажей власти и передача собственности, полномочий и ответственности вниз, на уровень субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Однако практическая реализация этих назревших задач оказалась далеко не простой. На авансцене российской политики со всей очевидностью столкнулись две линии, две стратегии реформаторских действий – линия цивилизованного правового реформаторства и линия политического и правового экстремизма. Напомню хотя бы некоторые исторические вехи их борьбы.

12 июня 1990 г. – принята Декларация о государственном суверенитете, в которой провозглашены демократическое правовое государство, принцип разделения властей, необходимость преобразования Российской Федерации на новых демократических началах. Однако в составе Декларации о государственном суверенитете принимается статья 5, провозглашающая верховенство российских законов над общесоюзными и тем самым создающая правовое основание для последовавшей вскоре войны российских и союзных законов.

22 июня 1990 г. – I Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)», в котором закладывается механизм разрушения союзной исполнительной власти – Совет Министров РСФСР подчиняется исключительно Верховному Совету РСФСР и Съезду народных депутатов РСФСР, Союзу ССР делегируется ограниченное число функций, в России создаются собственная банковская и таможенная системы, органы МВД и безопасности переводятся в российское подчинение и т.д.

24 октября 1990 г. – принимается беспрецедентный в мировой практике Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», предусматривший ответственность должностных лиц и граждан *за соблюдение законов СССР*. Это уникальный в мировой практике пример, когда ответственность была установлена не за *нарушение*, а за *соблюдение* законов. Следует, правда, отметить, что нам не известны примеры практического применения этого удивительного по своей юридической абсурдности закона.

31 октября 1990 г. – Закон РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» объявляет все имущество на территории РСФСР собственностью РСФСР. Золотой запас, валютный и алмазный фонды СССР объявляются собственностью союзных республик.

31 октября 1990 г. – принимается Закон РСФСР «О формировании бюджетов РСФСР в 1991 году», в соответствии с которым Россия в одностороннем порядке

перешла на одноканальную бюджетную систему (т.е. обязалась перечислять Союзу ССР процент от собранных на её территории доходов: что, разумеется, не было выполнено).

5 апреля 1991 г. – III Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановление «О перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер и выполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР», в соответствии с которым Председатель Верховного Совета РСФСР получает де-факто президентские полномочия, в том числе право издавать распоряжения, обязательные для исполнения на территории РСФСР. Хотя данное постановление отменяло действие ряда норм Конституции РСФСР, оно было утверждено Съездом простым большинством голосов. На «мелкие юридические формальности» к тому времени уже перестали обращать внимание.

Политические события, известные под названием ГКЧП, дали новый сильнейший толчок нарастанию политического и правового экстремизма:

1 ноября 1991 г. – V Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановления «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы». Президент РСФСР получает право самостоятельно решать вопросы структуры высших органов исполнительной власти, назначать и снимать указами глав администраций субъектов Российской Федерации. Установлено, что законы РСФСР, указы Президента РСФСР, принятые в обеспечение экономической реформы, подлежат *«приоритетному исполнению»* по сравнению с законами. Президенту РСФСР было дано право приостанавливать любые законодательные акты Союза ССР, «препятствующие проведению экономической реформы». Президент РСФСР получил право издавать указы, имеющие силу закона (именно с их помощью, например, стране была навязана ваучерная приватизация).

31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор – точнее, три договора с разными категориями субъектов Российской Федерации – своеобразная «уступка» федерального центра субъектам Федерации. Роль института Федеративного договора в политическом и конституционном процессе, на мой взгляд, двойственна. Он привел к «дублированию» конституционного процесса, разделению его на «конституционную» и «договорную» части, вскоре вступивших в конфликт между собой. Последствия этого конфликта не исчерпаны до сих пор: неясен статус Федеративного договора как части действующей Конституции Российской Федерации; непонятна роль договоров о разграничении полномочий и предметов ведения, заключенных на его основе.

Правовая непоследовательность и противоречивость проводимых реформ провоцировала развал управления, усиливала нарастающие экономические проблемы и политические трудности. К сожалению, линия экстремизма в политике и экономике в конечном итоге возобладала. Страна пережила распад союзной государственности в декабре 1991 года и две попытки государственного переворота: в декабре 1992 года (попытка «мирной» ликвидации Съезда народных депутатов) и в марте 1993 года (Особый порядок управления страной). Сентябрьско-октябрьский кризис 1993 года подвел окончательную черту под рыхлым, плохо организованным, но всё же конституционным путём развития реформ в России. Таков далеко не безоблач-

ный фон, на котором появилась и была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации.

Нельзя не замечать, что в связи с распадом Союзного государства создается и укрепляется мифология, призванная создать искаженное представление о содержании и сущности происходивших процессов, обелить их авторов и участников, виновных в неисполнении служебного и общественного долга, беспринципности, правонарушениях, а порой и уголовных преступлениях.

Миф первый: Советский Союз распался сам под грузом проблем.

Этот миф был рожден буквально в первые дни после подписания Беловежского соглашения для объяснения и легитимации действий по развалу СССР. Выступая перед депутатами Верховного Совета Российской Федерации перед голосованием по ратификации Беловежского соглашения, Б.Н. Ельцин заявил:

«Переговоры в Беларуси стали закономерным следствием тех процессов, которые развивались в течение последнего времени. В течение нескольких лет страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных органов центра вело к утрате управляемости, усилило экономический кризис, падение жизненного уровня населения, увеличило социальную нестабильность...

Ещё два года назад стало ясно, что союзные структуры не способны к коренному обновлению. Наоборот свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия, стала главным препятствием реформ. Декларации о суверенитетах 1990 года коренным образом изменили ситуацию. Практически был поставлен крест на унитарной модели Союза».

(Стенограмма заседания Верховного Совета РСФСР, 12 декабря 1991 года)

Однако, не так все однозначно. Пытаясь предстать сегодня в белых одеждах, организаторы развала СССР на самом деле активно вели к этому результату. Приведём некоторые практически забытые ныне примеры того, как российское руководство разваливало Союз ССР:

На территории Российской Федерации право собственности на землю, ее недра, воды, леса, другие природные богатства, основные производственные фонды, иные имущество и фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик...

(Закон РСФСР «О собственности на территории РСФСР», 13 июля 1990 года)

Признать недействительными заключенные после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР без согласования с РСФСР внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения и сделки по продаже алмазов, золота, платины, драгоценных камней, серебра, нефти, угля, газа, урана, редкоземельных, цветных и чёрных металлов, лесоматериалов, пушнины, зерна и других стратегических ресурсов и товаров...

Установить, что РСФСР не несёт обязательств по кредитам, а также соглашениям и сделкам по указанным в статье 1 ресурсам и товарам, заключенным без согласия соответствующих органов РСФСР...

Совету Министров РСФСР... официально оповестить иностранные представительства и организации о данном Постановлении.

(Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 августа 1990 года)

В связи с тем, что статья 2 Указа Президента СССР от 23 августа 1990 года «О статусе Академии наук СССР» противоречит Декларации о государственном суверенитете РСФСР и Закону РСФСР от 14 июля 1990 года «О собственности на территории РСФСР», Верховный Совет РСФСР постановляет... Приостановить на террито-

рии РСФСР действие статьи 2 Указа Президента СССР от 23 августа 1990 года «О статусе Академии наук СССР».

(Постановление Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1990 года)

На заседании Верховного Совета СССР 21 сентября 1990 года Президент СССР выступил с предложением предоставить ему чрезвычайные полномочия, включая право введения президентского правления в суверенных республиках и роспуска их высших органов государственной власти... В случае предоставления Президенту Верховным Советом СССР таких полномочий Верховный Совет РСФСР, Президиум Верховного Совета РСФСР, Председатель Верховного Совета РСФСР примут все необходимые меры по защите суверенитета и конституционного строя РСФСР...

(Заявление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 сентября 1990 года)

Нормы законодательных и иных актов Союза ССР применяются на территории РСФСР, если они не противоречат Декларации о государственном суверенитете РСФСР, другим законодательным актам РСФСР...

Умышленное невыполнение законодательных актов РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР, должностными лицами, не содержащее состава преступления, влечёт административную ответственность в виде штрафа в размере от пятисот до десяти тысяч рублей, налагаемого в судебном порядке...

(Закон РСФСР от 10 октября 1990 года)

Акты органов СССР, изданные до принятия настоящего Закона, действуют на территории РСФСР, если они не приостановлены Верховным Советом РСФСР или Советом Министров РСФСР...

(Статья 5). Решения действующих на территории РСФСР государственных органов, органов общественных, политических, кооперативных, иных организаций и предприятий, должностных лиц, а также договоры и иные сделки, принятые или совершенные на основании актов органов СССР, не ратифицированных, не подтвержденных или приостановленных в соответствии с настоящим Законом являются недействительными...

В случаях совершения действий, предусмотренных статьей 5 настоящего Закона, граждане, должностные лица, государственные органы, органы общественных, политических, кооперативных, иных организаций и предприятий несут ответственность в соответствии с законодательством РСФСР...

(Закон РСФСР от 24 октября 1990 года)

Естественно, что Президент СССР, другие руководители Союзного государства видели нарастающую опасность и, как могли, ей противостояли. Приведу пример и на этот счёт.

Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление «О защите экономической основы суверенитета РСФСР». В этом документе объявляются недействительными внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения по продаже ряда товаров, делается попытка взять под контроль Совета Министров республики золотовалютные резервы страны, другие стратегические ресурсы...

Решение Президиума Верховного Совета РСФСР может нанести серьезный ущерб интересам страны, осложнив возможности закупки товаров и получения кредитов, столь необходимых в условиях нынешних экономических трудностей...

Постановляю... объявить указанное Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 августа 1990 года не имеющим юридической силы.

Довести до сведения иностранных партнеров, что внешнеэкономические сделки, которые заключены Советским Союзом, будут выполняться неукоснительно...

(Указ Президента СССР М. Горбачева от 23 августа 1990 года)

Однако вялое сопротивление союзных руководителей ни шло ни в какое сравнение с бешеным напором российского руководства. Горбачев тянул с принятием решений, всё время оглядываясь на Запад: что там скажут? А самое главное, его личный авторитет в стране за это время упал до нуля. В конфликте с Ельциным народ не был на стороне Горбачева и союзного руководства. Как старый трусливый кот, Горбачев шипел, выпускал когти, шевелил шерстью на холке, но не предпринимал никаких реальных действий для защиты СССР.

Миф второй: действия Б.Н. Ельцина и его команды по развалу СССР были ответом на попытку «автономизации» Российской Федерации со стороны союзного руководства.

В статье «Мифология распада СССР» С.М. Шахрай и С.М. Станских пытаются не развенчать, а напротив, обосновать этот миф:

«На стороне М.С. Горбачева всё ещё действовал бюрократический аппарат и имелся опыт политических интриг. В недрах ЦК КПСС появился на свет так называемый план автономизации. Для того чтобы ослабить Россию и «демократического» Б.Н. Ельцина, предлагалось поднять статус автономий в составе РСФСР до статуса союзных республик. Оправдывался «план автономизации» конечной целью создать вместо федерации из 15 союзных республик с правом свободного выхода из Союза новое объединение из 35 республик (15 союзных плюс 20 автономных), но уже без права на сепарацию. Верховный Совет СССР принял соответствующий Закон 26 апреля 1990 г. – механизм «автономизации» был запущен. В результате его возможной реализации карта РСФСР оказалась бы похожей на кусок сыра с огромными дырами – Россия потеряла бы 51% территории со всеми стратегическими ресурсами и почти 20 млн. населения. Эксперимент с заменой основ государства в период острейшего экономического и политического кризиса был обречен на провал.

Сознавая опасность фактического распада РСФСР, российский Съезд народных депутатов в целях обеспечения целостности республики подавляющим большинством голосов (907 – за, 13 – против и 9 – воздержавшихся) принял 12 июня 1990 года. Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики».¹

Действительно, в депутатском корпусе России в тот период было известно о намерениях некоторой части союзного руководства ответить Б.Н. Ельцину «его же монетой» – расшевелить российские автономии, подвигнуть их если не на выход из Российской Федерации, то хотя бы на попытку поднятия своего статуса в рамках РСФСР. Это, кстати говоря, выразительно характеризует моральный и политический уровень как тех, так и других: в борьбе за власть все средства были хороши. Но на пути «автономизации» России стояло несколько серьезных препятствий. Во-первых, Конституции СССР и РСФСР, которые закрепляли статус союзных и автономных республик. Во-вторых, народные депутаты СССР вряд ли поддержали бы бездумную и безответственную ломку федеративной структуры крупнейшей из республик Союза. В-третьих, с планом «автономизации» вряд ли согласились бы другие союзные республики, которые в этом случае теряли свои привилегии и растворялись среди 22 российских автономий. Поэтому план «автономизации» России не вызывал в депутатском корпусе России никаких эмоций, кроме недоумения и раз-

¹ Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифология распада СССР // Журнал российского права. – 2010. № 1. С. 127-128.

дражения. Всерьез его никто не воспринимал. Утверждение авторов, что Декларация о государственном суверенитете РСФСР была принята в ответ на «угрозу фактического распада РСФСР» – явное насилие над исторической правдой, попытка под флагом борьбы с мифами запустить в обиход очередной миф.

Гнилые нитки мифотворчества отчетливо просматриваются в примере, который приводится в указанной статье. В ней утверждается, что Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-1 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» был принят в целях ослабления России и «демократического» Б.Н. Ельцина. Но посмотрите на даты! Закон был принят 26 апреля 1990 года, т.е. почти за месяц до открытия I съезда народных депутатов РСФСР и более чем за год до избрания Б.Н. Ельцина Президентом России. Не иначе, как Джуна нашептала союзным депутатам, какие решения будут приняты на российском съезде. Кстати, и в самом тексте Закона нет никаких положений, которые побуждали бы автономные республики к выходу из Российской Федерации.

Бумажное чучело «автономизации» России понадобилось авторам исключительно для того, чтобы оправдать действия по развалу СССР. Согласитесь, большая разница – целенаправленно разваливать СССР и в конечном итоге добиться своей цели и совсем другое – защищать Российскую Федерацию от смертельной опасности, спасти её от развала. Удивительна скромность авторов, которые ограничились нейтральной констатацией фактов и не внесли предложения о награждении «спасителей России» высшими государственными наградами, ну или хотя бы ценными подарками.

Миф третий: ситуация в России требовала революционных преобразований, включающих принятие новой Конституции.

Вопрос о глубине и темпах социальных преобразований всегда носит принципиальный характер. Искусственное замедление темпов преобразований приводит к тому, что они скользят по поверхности, не затрагивают сути, не достигают поставленных целей. Примером такого рода может служить горбачевская перестройка. Бессистемная реформация, осуществляемая «сверху», руками бюрократического аппарата, завела общество в тупик, вскрыла и обострила множество болезненных проблем, но не привела к их решению. Но есть и другая крайность – быстрые радикальные преобразования, осуществляемые без прочной правовой основы и с неясными, непонятными обществу целями, которые, решая одни проблемы, в изобилии порождают новые. Примером такого рода может служить российская приватизация. Проведенная «по-Чубайсу» стремительная ликвидация общественной и государственной собственности привела к криминализации экономики, образованию узкого круга «олигархов», появлению в огромных объемах «нелигитимной» собственности, которую общественное мнение не без оснований считает украденной.

Социально-политические реформы в России конца 80-х – начала 90-х годов XX века заявлялись как «улучшение социализма», устранение его недостатков. Если перелистать программы депутатов, участвовавших в избирательных кампаниях тех лет, то на первом месте – «социальная справедливость», «борьба с бюрократизмом», «укрепление правопорядка», «борьба с номенклатурными привилегиями», оздоров-

ление экологической обстановки в регионах и т.д.¹ О смене общественного строя никто и не заикался, а если бы заикнулся, то вряд ли был бы понят избирателями и поддержан ими. Нет таких элементов ни в депутатской, ни в президентской программе Б.Н. Ельцина. Его раздражало лицемерие и двоемыслие горбачёвской команды, которая говорила одно, а делала другое, но о развале СССР, я уверен, он в тот период и близко не помышлял.

Начавшиеся российские реформы принесли целый ряд интересных находок. Одной из них я считаю появление в регионах «президиумов Советов» (их ещё называли «малыми Советами»). Из состава действующего Совета самым депутатами выделялся «малый Совет», который работал на постоянной основе, держал контакт с избирателями, разрабатывал и принимал региональные программы, нормативные правовые акты, контролировал действие исполнительных органов и т.д. Тем самым преодолевалась очевидная слабая сторона советской системы – непрофессионализм представительной власти, периодический характер ее работы, и в то же время сохранялась сильная сторона – связь с избирателями, широкими слоями населения, в том числе и через периодически собиравшийся «большой» Совет. После 1993 года эта система была разгромлена.

Напомню ещё ряд решений Съездов народных депутатов и Верховного Совета РСФСР.

11 декабря 1990 г. – принято постановление II Съезда народных депутатов РСФСР «О жертвах политических репрессий в РСФСР»: официально признан сам факт репрессий по политическим и идеологическим причинам, эти репрессии осуждены, Верховному Совету РСФСР и Совету Министров РСФСР даны поручения разработать нормативные акты о реабилитации репрессированных народов и граждан.

15 декабря 1990 г. – принят Закон РСФСР об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР, который провозгласил РСФСР демократическим правовым государством, произвел деполитизацию и департизацию раздела Конституции о правах и свободах (было исключено положение о том, что права и свободы даются «в целях укрепления и развития социалистического строя»), закрепил разнообразие и равную защиту всех форм собственности; провозгласил, хотя и с рядом ограничительных оговорок, право собственности на землю; конституционно установил право граждан распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду (тем самым была создана конституционная основа для развития частного предпринимательства); учрежден институт Конституционного Суда.

24 мая 1991 г. – IV Съезд народных депутатов РСФСР внес в Конституцию РСФСР пакет поправок, связанных с учреждением поста Президента РСФСР. Одновременно изменена структура местной администрации: учрежден пост Главы местной администрации, подотчетный и подконтрольный местному Совету, но не избираемый им, то есть создана предпосылка для формирования «вертикали» исполнительной власти. Вместо Государственного арбитража учрежден Арбитражный Суд. Понятие «автономная республика» заменено в Конституции на «республика в составе РСФСР».

---

¹ См.: Народные депутаты России. 1990-1993. – М. Издание Государственной Думы, 1998. С. 38-50.

12 июля 1991 г. – V Съезд народных депутатов РСФСР утвердил Закон о Конституционном Суде РСФСР. Конституционный Суд в тот период был наделен широкими полномочиями – значительно более широкими, чем те, которые он имеет сегодня по Конституции 1993 года.

1 ноября 1991 г. – V Съезд народных депутатов РСФСР (вторая часть Съезда, которая проходила в ноябре) завершил деполитизацию и деидеологизацию Конституции РСФСР, заменил символы государственной власти; установил, что депутаты Верховного Совета РСФСР действуют на постоянной профессиональной основе, учредил институт Главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР и суд присяжных.

21 апреля 1992 г. – конституционно закреплён принцип разделения властей (причём, в более стройном и последовательном виде, чем в ныне действующей Конституции); модернизирован и приведен в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации раздел Конституции о правах и свободах человека и гражданина; военные трибуналы заменены на военные суды.

Из приведённых фактов может сложиться впечатление, что Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР действовали спокойно, планомерно, методично осуществляя строго в конституционных формах модернизацию экономической и политической системы страны. На самом деле это не так. Параллельно нормальному конституционному процессу своеобразным «контрапунктом» развивалась тенденция «правового экстремизма»: подавить политических противников, резко ускорить процессы реформирования, решать все проблемы «одним ударом», пренебрегая принципами законности и конституционности. Эта тенденция, в конечном итоге, и взяла верх в российских реформах.

Почему стране не удалось удержаться в русле постепенного реформирования? Было ли неизбежным сползание к конфронтации, экономическому и политическому кризису? Видится несколько факторов, которые привели к радикализации российских реформ.

Во-первых, этого хотел нарождающийся класс собственников, который увидел в российских реформах широкие возможности для обогащения. Это частную собственность защищают до последней капли крови, общественную и государственную собственность, как оказалось, никто своей не считает и всерьёз защищать не будет. Поэтому следовало создать обстановку, при которой огромный фонд государственной собственности мог бы без проблем переключиться в новые руки – побольше хаоса, поменьше законности и государственного контроля.

Во-вторых, в радикализации российских реформ были заинтересованы представители собственников – новые политические силы, которые рвались к власти. Они обоснованно считали, что прежний аппарат исполнительной власти и прежний депутатский корпус будут помехой на их пути. Отсюда – неприкрытое желание дискредитировать всю прежнюю власть, смести её в мусорное ведро, заменив её «своими людьми», пусть некомпетентными и непрофессиональными, но проводящими нужные решения. Не перестаю удивляться наивности российских «демократов»: сидя на шее у народа и, по большому счёту, презирая его, они полагают, что народ должен любить их и послушно голосовать за институты демократии, которые они провозглашают (но, впрочем, не торопятся осуществлять на практике). Обмануть не-

искушенный в политике народ несложно, но дальше он ждёт выполнения обещаний. А реальных результатов не было и нет. В итоге, российские «демократы» потеряли доверие даже у класса собственников, которого они подрядились представлять и защищать.

В-третьих, на радикализацию российских реформ были настроены зарубежные кураторы российских «демократических сил». Постепенный, шадящий ход российских реформ был им неинтересен. Другое дело – погрузить страну в смуту, в хаос борьбы за власть, тяжелых преобразований, которые ослабят её на десятилетия. Именно на такой путь толкали Россию многочисленные иностранные советники и консультанты правительства, представители различных зарубежных организаций и фондов.

В-четвёртых, немалую роль сыграли личные качества лидера российских реформ, Б.Н. Ельцина, который видел себя новым Петром I. Он был настроен на быстрый ход реформ («два-три года, иначе – уйдём»), который обещал избирателям. По натуре борец и разрушитель, он искал и успешно находил врагов, но не союзников или возможности для разумного компромисса. Впечатляет и его идеологическая трансформация. Всего за год Б.Н. Ельцин полностью поменял идеологические ориентиры, «перековался» из защитника социализма в отпетого антикоммуниста:

«Мир может вздохнуть спокойно – коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, – рухнул! Рухнул навсегда! Я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!»

(Из речи Б.Н. Ельцина в конгрессе США, 1992 г.)

Будучи избранным в Верховный Совет РСФСР на должность Председателя палаты и немного осмотревшись в новой высокой должности, я понял, что парламент идёт к неминуемому кризису. Б.Н. Ельцин, его Председатель, погружен в борьбу с Союзным центром. Р.И. Хасбулатов, его первый заместитель, разделил Верховный Совет на своих сторонников и противников и ревниво следит, чтобы не было принято «несанкционированных» им решений. Обсуждение рабочих вопросов перенесено из комиссий и комитетов в разного рода неконституционные структуры, созданные во внесанкционированном порядке, но за государственный счёт. Поняв, что на этом пути можно прийти только к провалу, я направил членам Президиума Верховного Совета следующую докладную записку:

Членам Президиума Верховного Совета РСФСР
(Докладная записка)

Действующая Конституция РСФСР сложилась как часть административно-командной системы и вместе с этой системой отойдет в прошлое. Однако возникновение новых правовых форм (конституционных или договорных) не может произойти мгновенно, до того как сложатся новые экономические и социальные отношения, определяются новые цели и ориентиры общественного развития. Эти формы представляют собой результат сложного политического и правового процесса, который включает ряд необходимых этапов (см. постановление «О Федеративном договоре»). Попытка перескочить через несколько ступеней может привести к срыву и дискредитации всех предпринимаемых усилий.

Сложившаяся в настоящий момент экономическая и политическая ситуация крайне неблагоприятна для развертывания конституционного и договорного процессов:

1. Завершается (но ещё не завершился) распад административно-командной системы. Новые рыночные структуры находятся в стадии становления и пока не могут быть основой экономического развития.

2. Разрыв хозяйственных связей и кризис потребительского рынка породили на всех уровнях Советов стремление обезопасить себя – закрепить на правах собственности как можно больше ресурсов, занять более выгодную позицию в системе власти. В этом первопричины национального и регионального сепаратизма, первоисточник «парада суверенитетов».

3. Завершается (но еще не завершился) распад однопартийной политической системы. Формирование новой политической системы предполагает борьбу за власть. Начало конституционного процесса даст сигнал для новой политической схватки, возможно, в самых острых формах.

4. Предшествующее экономическое развитие, деятельность средств массовой информации, выступления некоторых народных депутатов способствовали распространению в обществе кризисного сознания. Ожидание грядущего кризиса опасно тем, что любой сбой может быть воспринят как его начало, привести к массовой панике с тяжёлыми экономическими и социальными последствиями.

Действие неблагоприятных факторов усиливается малокомпетентностью новой власти, медлительностью в принятии неотложных решений Верховным Советом и Советом Министров РСФСР, местными Советами. Сказанное заставляет прийти к выводу, что одновременное осуществление экономической и конституционной реформ может вызвать «зацикливание» экономических и политических конфликтов, породить общую дестабилизацию обстановки в обществе и полную потерю управляемости.

В сложившихся условиях представляется оправданной следующая последовательность действий:

1. Пока не переводить конституционный и договорный процессы в активную фазу, ограничиться проработкой вопросов на уровне экспертов, взаимными консультациями. Возможно подписание некоторых предварительных документов – экономического соглашения, Декларации о принципах. Одновременно должно идти активное накопление и осмысление опыта взаимоотношений с республиками, краями и областями. Возможно подписание ряда двусторонних соглашений, утверждение статусных документов (например, Временного положения об области, крае).

2. Максимум внимания необходимо сосредоточить на экономической реформе и обеспечении текущих нужд граждан. Быстро и четко решить вопрос о разграничении собственности между РСФСР и СССР. Разграничить собственность между различными уровнями власти внутри РСФСР: каждый Совет должен знать, чем он владеет, чем может распоряжаться. Доказать дееспособность Правительства РСФСР в управлении экономикой. Выработать новые принципы формирования бюджетов в РСФСР. Создать российскую систему снабжения и т.д. и т.п.

3. На переходный период, 1991-92 гг., сохранить действие Конституции РСФСР (Закон РСФСР «О взаимоотношении Советов народных депутатов в период экономической реформы» – по существу шаг в этом направлении). Следует отложить на будущее решение вопросов, способных вызвать раскол и противостояние в обществе – о национализации имущества КПСС, о частной собственности на землю и др.

Новая Конституция РСФСР должна приниматься в условиях реально наметившегося движения к консолидации. Вряд ли оправдано обсуждать и принимать её на фоне распада, который мы сейчас переживаем.

*Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР В. Исаков,
22 октября 1990 года.*

Результат был нулевой. На «Докладную записку» никто не откликнулся, её даже не поставили на обсуждение, просто проигнорировали. Ну, а сам автор заработал репутацию «консерватора», «горбачевца» и противника «радикальных реформ».

Об угрозе «радикальных реформ» стоит напомнить сейчас, когда вновь раздаются призывы к пересмотру действующей Конституции РФ, которая якобы «устарела», нуждается не в точечных поправках, а в «радикальном обновлении». Кому-то вновь не терпится открыть сундук нового всеохватывающего «конституционного процесса». Если подобное случится, то в результате вряд ли можно ожидать чего-то другого, кроме как очередного разгрома и развала Российского государства. Я согласен с теми, кто критикует современное государство, указывает, что оно превратилось в контору по обслуживанию крупного бизнеса и высшей номенклатуры, стало тормозом общественного развития. Но одновременно полагаю, что в современной российской политической системе России есть потенциал для её эволюционного развития. Упаси нас Бог от очередной реформации под водительством очередных «радикальных реформаторов», как бы они себя ни называли – «демократами», «коммунистами» или «националистами».

Миф четвёртый: президенту-реформатору противостоял консервативный, реакционный и всевластный Съезд народных депутатов РФ.

Данный миф был сформулирован и запущен в оборот самим Б.Н. Ельциным, который в выступлении на VII Съезде народных депутатов (декабрь 1992 г.) выразил недоверие высшему органу государственной власти и призвал своих сторонников его покинуть. Последующая «оркестровка» в «демократических» средствах массовой информации, по телевидению и радио, позволила закрепить этот миф в общественном сознании, в научной и общеобразовательной литературе. Этот миф получил дополнительное подкрепление в последующих выступлениях Б.Н. Ельцина, оправдывающих силовой разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета России: Миф о том, что депутаты вступили в «силовую борьбу» с президентом, пытались перехватить у него власть, опровергается целым рядом фактов, свидетельствующих о заблаговременной подготовке президентской стороны к разгону Съезда: заявлению Б.Н. Ельцина о начале «артподготовки», тренировкам силовых структур на макете Дома Советов, заблаговременному предупреждению зарубежных посольств, многочисленным воспоминаниям участников событий того времени и т.д. Однако и по сию пору можно встретить «упертых демократов», для которых факты – не факты, которые продолжают утверждать о подготовке депутатским корпусом «государственного переворота».

Утверждение о том, что «консервативный» Съезд народных депутатов изначально противостоял демократическим реформам опровергается целым рядом фактов:

- ликвидацией на I Съезде народных депутатов конституционным большинством голосов статьи 6 Конституции РСФСР, закрепляющей руководящую роль партии, принятием на этом же съезде Декларации о государственном суверенитете РСФСР;
- избранием Б.Н. Ельцина (хотя и незначительным большинством в 4 голоса) Председателем Верховного Совета РСФСР, его работой на этом посту вплоть до избрания Президентом РСФСР. Неоднократными голосованиями за предоставление Б.Н. Ельцину «дополнительных полномочий», включая право принятия указов, под-

лежащих «приоритетному исполнению» (т.е. фактически отменяющих законы);

- голосованием за ключевые политико-правовые и экономические инициативы Б.Н. Ельцина, включая одобрение Беловежских соглашений (против проголосовали только 7 депутатов, включая и автора этих строк).

Все эти примеры, а их можно было бы продолжить, говорят о том, что никакого изначального противостояния реформам в депутатском корпусе не существовало. При всех различиях в политических позициях и настроениях, существовавших в депутатском корпусе, депутаты достаточно единодушно поддерживали решения, которые, как им казалось, были направлены на возрождение России, решение назревших экономических и социальных проблем.

Что же случилось? Почему между депутатским корпусом и президентом, поначалу неплохо работавшим вместе, назрели острые противоречия, возникло противостояние, закончившееся танковым ударом по парламенту?

С сегодняшней точки зрения понимаешь, что изменение в настроениях депутатского корпуса объясняется не какими-то «консерватизмом», «желанием противостоять» или «борьбой за власть», а тем, что каждый месяц депутаты ездили в свои округа, встречались с избирателями, и не могли не видеть реального ухудшения обстановки. К ним адресовались все более острые вопросы и требования избирателей, на которые они не находили ответов. Депутаты замечались, стали требовать отчётов чиновников, министров, принимать заявления и постановления о положении в стране, о выходе из кризиса, отказались поддержать кандидатуру Е.Т. Гайдара на пост главы Правительства, внесенную президентом и т.д. Данная ситуация не могла не вызвать напряжения между депутатским корпусом и президентом, всей структурой исполнительной власти.

Вот здесь Б.Н. Ельцину задуматься бы, да и скорректировать содержание и темпы «радикальных реформ». Но он пошёл по другому пути – начал грубое давление на депутатский корпус. А его окружение, подыгрывая «шефу», и вовсе перестало стесняться в средствах. Так, например, четыре ельцинских министра, будучи вызванными в Верховный Совет для отчёта об их заявлениях о передаче Японии Курильских островов, просто вышли с заседания, хлопнув дверью. А министр иностранных дел Андрей Козырев удивил цивилизованный мир тем, что обрушился с критикой с трибуны ООН на свой собственный парламент за решение по Крыму и предложил признать его решение не имеющим юридической силы. Естественно, он получил в этом полную поддержку со стороны США и государств-членов НАТО. Что касается «демократических СМИ», то они обрушили на депутатский корпус поток обвинений и клеветы. Все «демократические» решения Съезда и Верховного Совета РСФСР были прочно забыты, отброшены, как будто их не существовало в природе.

Коллеги-депутаты, приближенные ко двору, рассказывали мне, что гнев и раздражение Б.Н. Ельцина вызывали не столько депутаты-коммунисты, которые к тому времени «исчезли», «растворились», не поднимали головы (это можно видеть и по стенограммам заседаний, где нет следов их выступлений, вопросов, возражений, инициатив), а его сторонники-демократы, которые назойливо напоминали, кому он обязан своим приходом к власти, требовали радикализации реформ (например, проведения люстрации), спорили с президентом, могли рассестись в президентском

кабинете на подоконниках и т.д. Б.Н. Ельцина, не привыкшего к подобной бесцеремонности, это коробило. Освобождаясь от депутатского корпуса, он хотел отодвинуть подальше и эту публику.

В газетах и журналах можно встретить пространные, исполненные высокого драматизма описания «полновластия» Съездов народных депутатов РСФСР. Но нет ни одного конкретного примера использования Съездом своего «полновластия». Все решения Съезда народных депутатов укладываются в рамки компетенции, которую традиционно осуществляют законодательные (представительные) органы государственной власти во всем мире. В прерогативы исполнительной и тем более судебной власти «полновластный» Съезд народных депутатов на практике не вмешивался.

Удивительно, конечно, но поборников свободы и демократии ничуть не смущало реальное полновластие Президента Российской Федерации, использование им своих полномочий, зачастую – за рамками Конституции и законов Российской Федерации. Восполним этот пробел хотя бы некоторыми примерами. В декабре 1991 года Б.Н. Ельцин утвердил указом бюджет на 1 квартал 1992 года, что согласно Конституции России, являлось прерогативой представительного органа власти. Делегации депутатов во главе с Р.И. Хасбулатовым, пришедшей разговаривать по этому поводу, он объяснил причину так: «Подложили, понимаешь, на подпись». В январе 1992 года, вопреки просьбам депутатов Моссовета и в противовес Закону «О Москве – столице РСФСР», уже принятому в первом чтении, был подписан указ президента о дополнительных полномочиях органов управления города Москвы. В феврале 1992 года указом президента были утверждены «Основные положения программы приватизации», находившиеся на обсуждении в Верховном Совете. В марте и июне этого же года были приняты указы, разрешившие, вопреки действовавшему в тот период законодательству, приватизацию земли, в том числе продажу земли иностранцам и т.д.

Пренебрежительное отношение Б.Н. Ельцина к депутатскому корпусу, стремление обойти Верховный Совет при проведении реформ, можно показать на конкретном примере – истории с принятием указа о ваучерах. Расскажем о ней чуть подробнее.

Как появились ваучеры

«Я вынужден говорить на тему, которая для меня очень болезненна, так как я сам являюсь членом Верховного Совета Российской Федерации. Я должен вам доложить, что вполне официально, как член Верховного Совета, провел собственное расследование обстоятельств прохождения проекта Указа Президента РФ «О введении в действие системы приватизационных чеков» от 2 августа с.г.

В соответствии с решением V Съезда народных депутатов России, проект Указа, который расходится с законом... направляется в Верховный Совет, где в течение 7 дней должен быть рассмотрен. Причем в правилах, которые утвердил Президиум Верховного Совета, указывается, что проект Указа рассматривается Верховным Советом, а если сессии нет, то самим Президиумом, что он определяет самостоятельно.

6 августа, вечером, курьер привез из Кремля в приёмную Р.И. Хасбулатова запечатанный пакет, на котором стояла надпись: «Хасбулатову Р.И. №№ ПР-1411, ПР-1412, ПР-1413». Принял этот пакет секретарь Тюрин. Руслан Имранович был в это время с официальным визитом в Индии, там же был и руководитель его секретариата. Дежурный секретарь Тюрин позвонил сотруднику, который замещал руководителя секретариата

риата Председателя Верховного Совета и сказал, что получен секретный пакет... В компьютере приёмной Хасбулатова регистрация проведена 6 августа, записано следующее: «Проконсультировались с Автономовой Александрой Николаевной. Пакет направлен С.А. Филатову не вскрывая, т.к. Хасбулатов Р.И. в это время был в Индии».

А дальше наступает интересная ситуация – пакет исчезает! И появляется только 12 августа у первого заместителя Председателя Верховного Совета РФ С.А. Филатова. Тот ставит резолюцию: «т. Красавченко С.Н. Прошу рассмотреть, дать заключение (Сумму просьба не разглашать до 17.08.92). С.А. Филатов».

Остаётся лишь один день до подписания Указа Президентом! А проект Указа направляется только в комитет по экономической реформе и больше никуда! Ни председатель комитета по бюджету, ни председатель комитета по промышленности и энергетике проекта этого Указа не видят.

Поскольку комитет по экономической реформе не собирался (так как все в отпуске), ответ дают аж 18 августа за подписью секретаря комитета В.Б. Уткина. На нём стоит резолюция С.А. Филатова: «т. Красавченко С.Н. Прошу доложить на Президиуме ВС РФ. С. Филатов». Но ещё 14 августа Указ о «ваучеризации» был подписан Б.Н. Ельциным. Не были собраны ни Президиум Верховного Совета, не были даже оповещены председатели профильных комитетов...

Может быть, моя точка зрения преждевременна, но я убежден, что все это носило не случайный характер. Речь может идти о том, что допущено грубейшее нарушение процедуры рассмотрения важнейшего документа. Тем самым Верховный Совет РФ в лице тех, кто должен был этими вещами заниматься, был отстранен от принятия решения по важнейшему вопросу!"

(Из выступления депутата Н. Павлова на сессии Верховного Совета РФ, сентябрь 1992 г.)

В первой половине 1993 года была развернута кампания по переманиванию депутатов-членов Верховного Совета на различные должности в органы исполнительной власти, имевшая целью сорвать кворум в Верховном Совете и сделать его неработоспособным. В ответ Верховный Совет был вынужден внести изменение в свой Регламент: кворум для заседаний стал исчисляться не от числа избранных, а от числа полномочных членов Верховного Совета.

На митинге «демократических сил», состоявшемся 28 марта 1992 года на Васильевском спуске в дни работы VI Съезда народных депутатов, произошел следующий характерный «обмен мнениями»:

Елена Боннер:

– Вы должны поклясться нам, что больше не пойдете на компромиссы с этими сволочами!

Б.Н. Ельцин:

– Пора компромиссов закончилась!

Борьба президента с «полновластным» Съездом народных депутатов, судя по всему, действительно шла к своему завершению. Пытаясь освободиться от «оков» представительной власти, Б.Н. Ельцин совершил не одну, а по меньшей мере три попытки государственного переворота.

Первая попытка произошла на VII Съезде народных депутатов (декабрь 1992 г.), когда президент, распаренный после сауны, с рассыпавшейся прической (и, как утверждали, не очень трезвый), выйдя на трибуну, резко обвинил съезд в противодействии реформам и призвал своих сторонников покинуть съезд. Все было гото-

во к тому, что съезд закончит работу навсегда: на предприятиях Москвы были назначены митинги в поддержку президента, к Кремлю – стянуты грузовики на случай массовых выступлений, в больницы Москвы – дана команда приготовиться к поступлению возможных жертв. Но съезд каким-то чудом устоял. Поименная регистрация показала, что на его заседаниях сохранился кворум и съезд продолжил свою работу.

Вторая попытка переворота связана с указом Президента России об особом порядке управления страны, как его называли, ОПУСом. В выступлении по телевидению 20 марта 1993 года президент объявил о прекращении деятельности съезда и Верховного Совета России, ряда других организаций. Ожидали реакции общественного мнения – она оказалась негативной. Против Ельцина выступили практически все руководители государства, включая Генерального прокурора В.Г. Степанкова. Ельцин отступил во второй раз – в опубликованном в печати тексте ОПУСа уже не было антиконституционных положений.

Третья попытка связана с проведением референдума 25 апреля 1993 года о доверии Съезду народных депутатов и Президенту России. Предполагалось, что в случае недоверия Съезду народных депутатов (что было вполне вероятно, учитывая, что практически все общенациональные СМИ находились под контролем президента и его сторонников), он будет распущен указом президента «согласно воле народа». Но опять не получилось. Народ оказался умнее своих руководителей, он сказал и президенту, и съезду: «Продолжайте работать вместе». Следующим шагом стали события 4 октября 1993 года, когда конфликт Президента и «ужасного», «всесильного» и «консервативного» Съезда народных депутатов был разрешен самым радикальным недемократическим способом – ударом по нему из танковых пушек.

Размышляя о путях и зигзагах российской истории, я прихожу к выводу, что советский период российской истории должен был так или иначе закончиться. Основные институты социализма к тому времени были разрушены. Ураганная приватизация изменила экономическую основу общества. Массированная пропаганда – оболгала и покрыла слоем грязи реальные достижения социализма, которые, безусловно, существовали. Предприятия и трудовые коллективы были вытеснены из политической жизни общества, к власти пришли представители класса крупных собственников. В сложившейся обстановке переход от социализма к новой капиталистической реальности не мог длиться вечно, рано или поздно он должен был закончиться. Но никогда не соглашусь с тем, что он обречен был завершиться так грязно – в обстановке лжи, демагогии, обмана, тотального беззакония, разграбления собственности, идеологической истерии и конфронтации, закончившейся стрельбой по парламенту.

***

Конституционные проблемы современной России старыми мифами, конечно же, не исчерпываются. Наверное, было бы полезно взглянуть под этим углом зрения на категорию «партия власти». Совокупность изменений в действующем законодательстве и находящихся на обсуждении поправок постепенно делает статус «партии власти» политической и правовой реальностью. Как это соотносится со статьей 13 Конституции Российской Федерации, закрепившей принцип равенства общественных объединений перед законом?

Небесполезно проанализировать с позиции статьи 3 Конституции Российской Федерации так называемый «административный ресурс». В конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда демократические преобразования в России только начались, было ощущение, что с «административным ресурсом» покончено навсегда. Но он вновь возродился в политической и в правовой жизни общества. Соответствует ли это явление букве и духу Конституции Российской Федерации? С точки зрения соблюдения конституционных принципов и норм стоит обсудить и такое понятие, как «преемник президента». Что оно означает? Возникшую де-факто политическую традицию? Если это так, то каковы её истоки и чем вызвано её появление? Соответствует ли эта «политическая традиция» статье 81 Конституции Российской Федерации и демократическим принципам организации государственной власти?

Подводя итог, приходишь к такому выводу: импульс демократических преобразований в Российской Федерации, начавшихся в 80-90 годы прошлого века, постепенно затух. В своей реальной государственно-правовой практике современная Российская Федерация шаг за шагом отходит от идей и принципов Конституции 1993 года. Слабое научное осмысление собственной конституционной истории и активное мифотворчество в этой сфере являются той почвой, на которой вызревает новый этап кризиса российской государственности.

Источники и использованная литература:

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Четвертая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 21 совместного заседания Верховного Совета Республики и Совета Национальностей 12 декабря 1991 года. Издание Верховного Совета РСФСР. – М., 1991.
3. *Исаков В.Б.* Парламентские дневники: в 3-х тт.; Т. 1: Председатель Совета Республики. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997.
4. *Исаков В.Б.* Парламентские дневники: в 3-х тт.; Т. 2: Госпереворот. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997;
5. *Исаков В.Б.* Парламентские дневники: в 3-х тт.; Т. 3: Амнистия. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997.
6. *Мороз О.* Так кто же расстрелял парламент? – М.: Олимп, 2007.
7. Народные депутаты России. 1990-1993. Издание Государственной Думы. – М., 1998.
8. *Шахрай С.М., Станских С.Н.* Мифология распада СССР // Журнал российского права. – 2010. № 1. С. 127-137.
9. Приведенные в статье нормативные правовые акты СССР и Российской Федерации цитируются по источникам, опубликованным в справочных правовых системах «Гарант» и «Консультант Плюс».
10. Ряд документов процитирован по источникам, находящимся в личном архиве автора, переданном на хранение в Государственный архив Свердловской области (Фонд Р-2739).

Основная литература:

11. *Станкевич З.А.* Историко-правовые аспекты распада СССР. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. – М., 2002.
12. *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). – М., 2005. Т. 1-2.
13. Экономическая история СССР: очерки / Под ред. акад. Л.И. Абалкина. – М.: Инфра-М, 2007.

Дополнительная литература:

14. *Грачёв А.С.* Гибель советского «Титаника»: судовой журнал. – М., 2015.
15. *Зенькович Н.А.* СССР. Конец проекта. 1991. – М.: Олма Пресс групп, 2007.
16. *Рыжков Н.И.* Главный свидетель: дело о развале СССР. – М.: Алгоритм, 2015.

Isakov V.B.

Old myths of the new Russia

The article analyses the causes and circumstances of the dissolution of the USSR. The myths that exist on this subject in the literature are reviewed and critically assessed. The author proves that the main reason for the collapse of the Soviet Union became fierce power struggle waged by the leadership of the Russian Federation. The article refutes the myths about original conservatism and aggressiveness of the Congress of people's deputies and the Supreme Soviet of Russia, about opposition of deputies to economic and political reform in Russia.

Keywords: Russian Federation, Congress of People's Deputies of the Russian Federation, Supreme Council of The Russian Federation, President of Russian Federation, economic and political reform in Russia, economic and political crisis in Russia, confrontation between the President and People's Deputies of Russia, myths of the Russian history.

Жилин Г.А.

КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ¹

Основные сложности при осуществлении регионального конституционного судопроизводства проистекают из-за отсутствия в большинстве субъектов Российской Федерации органов конституционной судебной юрисдикции. Поскольку на федеральном уровне имеется нормативно-правовая основа для создания в каждом регионе конституционного (уставного) суда, данная проблема относится в большей степени к сфере региональной правовой политики, что предполагает использование для ее разрешения средств воздействия на политическую волю лиц, представляющих органы государственной власти в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, конституционное правосудие, конституционный (уставный) суд, органы региональной конституционной судебной юрисдикции, конституционность, законность (правозаконность), права и свободы человека и гражданина.

В силу относительной новизны российского конституционного правосудия и присущих ему особенностей оно в наибольшей степени по сравнению с другими разновидностями судебной процедуры обременено различными проблемами, специфическими лишь для данного способа осуществления судебной власти. Их решение с помощью набора предусмотренных законом процессуальных средств, как это обычно происходит в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, нередко вызывает значительные трудности, поскольку в отличие от классических видов судопроизводств, правила которых сосредоточены в соответствующих процессуальных кодексах, порядок конституционного судопроизводства определяется законодательством во многих аспектах в самой общей форме. Восполнить возникающие в связи с этим пробелы в регулировании процессуальных отношений за счёт норм регламента, принимаемого самим конституционным судом, не всегда удаётся, тем более что некоторые проблемы конституционного правосудия обычными процессуальными средствами разрешить невозможно.

Нагляднее всего это проявляется в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, вынужденных осуществлять правосудие в условиях отсутствия в большинстве регионов страны органов конституционной судебной юрисдикции. В последние годы процесс их создания несколько активизировался (Чеченская и Ингушская республики, Челябинская область), но по-прежнему остается верным высказанное ранее в литературе мнение, что конституционное правосудие на региональном уровне находится в эмбриональном состоянии.²

Жилин Геннадий Александрович – судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург), выпускник Свердловского юридического института (1972), член Верховного суда РФ (1989-1999).

¹ Впервые опубликовано: Журнал конституционного правосудия. – 2014. № 1. С. 12-18.

² См.: *Кряжков В.* Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. № 3. С. 9.

На первоначальном этапе его становления органы конституционной судебной юрисдикции создавались лишь в отдельных республиках (первым в декабре 1991 г. учреждён Конституционный суд Республики Дагестан). И только в мае 1998 года такой орган был образован также в регионе, не имеющем статуса республики (Уставный суд Свердловской области). Прошло более 20 лет и на сегодняшний день их имеют лишь 18 из 83 субъектов Российской Федерации, причем 14 из них (конституционные суды) созданы в республиках (из 21), а на остальные регионы (уставные суды) приходится всего 4 (из 62). Для сравнения: в Германии (при сходстве российской и германской моделей организации конституционного судопроизводства в федеративном государстве) региональные органы конституционного судебного контроля действуют в настоящее время во всех 16 землях.

Конституция РФ в главе 7 «Судебная власть» органы конституционной судебной юрисдикции на региональном уровне непосредственно не называет, однако она предусматривает (ч. 1 ст. 77), что система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. Данное положение не наделяет регионы полномочием создавать собственные суды по своему усмотрению, поскольку судостроительство относится к исключительному ведению Российской Федерации и судебная система страны устанавливается федеральной Конституцией и федеральным конституционным законом (п. «о» ст. 71, ч. 3 ст. 118 Конституции РФ). Однако во взаимосвязи с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» (далее – Закон о судебной системе), который конституционные (уставные) суды относит к органам судебной власти субъектов Российской Федерации (ст. 4, 13, 17, 27), оно на федеральном уровне создаёт необходимую конституционно-правовую основу для учреждения в каждом регионе собственного органа конституционной судебной юрисдикции.

Предоставляя субъектам Российской Федерации право самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти, ч. 1 ст. 77 Конституции РФ непосредственно не указывает, что учреждение судов на региональном уровне должно соответствовать общим принципам организации органов судебной власти, установленным федеральным законом, как это предусмотрено в отношении двух других ветвей государственной власти. Однако данное положение действует не изолированно, а во взаимосвязи с другими конституционными нормами и конкретизирующими их положениями иных нормативных правовых актов.

Так, согласно Конституции РФ установление общих принципов организации органов государственной власти находится в совместном ведении Федерации и её субъектов (п. «н» ст. 72); по этому вопросу издаются законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (ч. ст. 76). Реализуя полномочия в сфере судостроительства, относящиеся к своему исключительному ведению, Федерация в Законе о судебной системе отнесла органы региональной конституционной судебной юрисдикции, как и мировых судей, к судам субъектов Российской Федерации. При этом предоставила регионам право создавать и упразднять собственные конституционные (уставные) суды, ус-

танавливать порядок наделения судей таких судов полномочиями и порядок рассмотрения отнесенных к их ведению вопросов. Однако, исходя из единства системы государственной власти как основы федеративного устройства страны (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ), она включила их в единую судебную систему Российской Федерации, что уже само по себе предполагает следование общим принципам организации судебной власти в стране, отражающим общепризнанные в демократических государствах стандарты в сфере правосудия. Иное противоречило бы и иным конституционным положениям, определяющим конституционные основы России как демократического федеративного правового государства (глава 1 Конституции РФ).

Важное ориентирующее значение для регионального законодателя при принятии нормативных правовых актов об организации деятельности конституционного (уставного) суда в том или ином субъекте Российской Федерации и установлении его полномочий имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в решениях по вопросам, относящимся к проблематике конституционного судопроизводства как одной из форм осуществления государственной власти на региональном уровне.¹ Соответственно такие решения также следует относить к федеральным правовым актам, определяющим правовую основу деятельности органов конституционной судебной юрисдикции в регионах. В своих решениях Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что Конституция РФ устанавливает единую судебную систему страны и не предполагает в качестве самостоятельных судебные системы субъектов Российской Федерации.² Однако это не означает, что мировые судьи и конституционные (уставные) суды, олицетворяя в своей совокупности судебную власть на региональном уровне, не представляют собой соответствующее системное образование в структуре органов государственной власти субъекта Российской Федерации, будучи одновременно элементом более сложной судебной системы страны, основанной на принципе единства.

Нормы о конституционных (уставных) судах содержатся также в иных нормативных правовых актах федерального уровня. Так, Закон РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) конкретизирует положения Закона о судебной системе (ст. 11) о едином для всех судей страны статусе применительно к судьям этих судов. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривает процедуру назначения на должность судьи конституционного (уставного) суда. Согласно Федеральному закону от 14 марта 2002 г. «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» судьи этих судов являются членами судейского сообщества страны с момента принесения ими присяги судьи. В соответствии с Указом Президента РФ от 4 декабря 2009 г. «О типовых государ-

---

¹ Обзор правовых позиций по этим вопросам см.: *Петров А.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2013. № 3. С. 25–32.

² См., в частности: постановления Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П и от 7 июня 2000 г. № 10-П, определения от 12 марта 1998 г. № 32-О и от 6 марта 2003 г. № 103-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. № 1; 1998. № 3; 2000. № 5; 2003. № 4.

ственных должностях субъектов Российской Федерации» должности председателя, заместителя председателя и судьи конституционного (уставного) суда входят в перечень типовых государственных должностей субъекта Российской Федерации.

В связи с этим трудно согласиться с распространенным в литературе мнением о неразвитости и противоречивости установленной на федеральном уровне правовой основы, как чуть ли не главной причины пассивности региональных властей при решении вопроса о создании собственных органов конституционной судебной юрисдикции.¹ Напротив, федеральные правовые нормы ясно, чётко и недвусмысленно ориентируют субъектов Федерации (при условии соблюдения принципа единства государственной власти в Российской Федерации) на реализацию ими конституционных полномочий по самостоятельному достраиванию системы собственных органов государственной власти на основе её разделения на законодательную, исполнительную и судебную посредством учреждения региональной конституцией (уставом) конституционного (уставного) суда.

Соответственно проблема отсутствия конституционного (уставного) суда в конкретном субъекте Российской Федерации относится в большей степени к сфере правовой политики данного региона. Федеральная правовая основа для её разрешения имеется, необходимо лишь на уровне региона принять решение о создании на своей территории органа конституционной судебной юрисдикции. Федеративное устройство России основано не только на ее государственной целостности и единстве государственной власти, но и на разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ). Свою часть пути в данном случае Федерация прошла, предусмотрев в качестве обязательного элемента судебной системы субъекта Российской Федерации мировых судей, финансируемых из федерального бюджета, и предоставив регионам право самостоятельно учреждать конституционные (уставные) суды, финансируемые за счёт средств своего бюджета. Принятие федерального закона, обязывающего регионы создать такие суды повсеместно, как это предлагается некоторыми авторами, означало бы избыточное вторжение в компетенцию самих субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем сказанное не означает, что федеральное законодательство, относящееся к сфере конституционного (уставного) судопроизводства, не требует совершенствования. В связи с этим заслуживают поддержки предложения о необходимости принятия специального федерального закона, целостно определяющего правовые основы организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, в котором были бы аккумулированы, в том числе, и соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ.² В таком законе могли бы быть предусмотрены и нормы, направленные на оптимизацию условий по созданию в регионах органов конституционной судебной юрисдикции.

В частности, Закон о судебной системе и Закон о статусе судей положения об осуществлении судьями правосудия и исполнении ими своих обязанностей на про-

---

¹ См., например: *Муратиин Ф.Р.* Судебный федерализм: проблемы юридической идентификации судов // Правовое государство. – 2013. № 1. С. 17–18.

² См.: *Петров А.А.* Указ. соч. С. 32.

фессиональной основе распространяет и на судей конституционных (уставных) судов, не предоставляя права субъектам Российской Федерации отступать от этих универсальных правил в зависимости от специфики регионов. В то же время федеральный законодатель в исключение из общих правил мог бы предусмотреть возможность функционирования в регионах конституционных (уставных) судов, состоящих полностью или частично из судей, выполняющих свои обязанности на непрофессиональной основе. Такое регулирование, предусматривающее возможность введения дополнительной формы участия граждан в отправлении правосудия (наряду с присяжными и арбитражными заседателями) способствовало бы и реализации соответствующего положения ч. 5 ст. 32 Конституции РФ. При этом мог бы быть использован адаптированный к российской действительности опыт организации органов конституционного судебного контроля в землях ФРГ, состоящих из судей других земельных судов и профессоров университетов земель.¹

Сама по себе проблема отсутствия органов конституционной судебной юрисдикции в большинстве регионов является организационной (судоустройственной), однако она значительно осложняет деятельность действующих конституционных (уставных) судов, отрицательно сказывается на уровне защиты основных прав граждан на территории всей страны на основе принципа равенства всех перед законом и судом. Одним из очевидных подтверждений этому является проблема разграничения компетенции между конституционными (уставными) судами с одной стороны и судами общей и арбитражной юрисдикции с другой.

Так, Закон о судебной системе относит рассмотрение дел о соответствии региональных и муниципальных нормативных актов конституции (уставу) субъекта Российской Федерации к компетенции региональных конституционных (уставных) судов (ч. 3 ст. 27), предусмотрено это и законодательством регионов, причём не только в тех, где такие суды созданы и действуют. Однако федеральное процессуальное законодательство проверку в порядке прямого нормоконтроля законов и иных нормативных актов регионального уровня, а также нормативных актов муниципального уровня, на предмет их соответствия нормативным актам, имеющим большую юридическую силу, относит и к компетенции судов общей и арбитражной юрисдикции. При этом в иерархию нормативных актов, используемых в качестве критерия проверки, входит также конституция (устав) субъекта Российской Федерации.

Если бы конституционные (уставные) суды были созданы и действовали во всех регионах, особой проблемы при разграничении компетенции по проверке такого рода нормативных актов не возникало бы. Их проверка на предмет соответствия конституции (уставу) региона по своей природе конституционно-правового спора относится к конституционному судопроизводству со всеми вытекающими из этого последствиями. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П, признание нормативных актов субъектов Федерации не соответствующими их конституциям (уставам), влекущее лишение этих актов юридической силы, по смыслу ч. 2 ст. 5, ст. 73 и 118 Конституции РФ возможно лишь органами конституционного судопроизводства, если такое их правомочие предусмат-

---

¹ См.: *Кряжков В.А.* Конституционные суды земель Германии // Государство и право. – 1995. № 5. С. 117.

ривается конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации.¹

Вместе с тем в 65 субъектах Российской Федерации органы конституционной судебной юрисдикции отсутствуют, причем в значительной части из них конституции (уставы) предусматривают такой суд с возложением на него правомочия по проверке региональных и муниципальных нормативных актов на предмет соответствия их конституции (уставу).² Нельзя также не отметить, что в практике регионального конституционного правосудия существует проблема невозможности осуществления полномочий отдельными конституционными (уставными) судами из-за отсутствия в них кворума судей, необходимого для рассмотрения дел. Так, на протяжении уже длительного времени фактически не действует Конституционный суд в Республике Бурятия, поскольку при штатной численности в 5 судей он имеет в действительности лишь 2 судей. Такая же ситуация на протяжении около полутора лет имела место и в Республике Карелия, где третий судья Конституционного суда при той же штатной численности судей был назначен лишь в июле текущего года.³

Отстаивание чистоты видов судопроизводства при отсутствии – де-юре и (или) де-факто – органов конституционной судебной юрисдикции во всех регионах страны вступает в явное противоречие с конституционным правом каждого на судебную защиту, подлежащего реализации на основе равенства всех перед законом и судом. Следование ей с неизбежностью приведет к исключению части публично-правовых споров из сферы судебного контроля по территориальному признаку.

Из этой логики исходил и Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»⁴. Он разъяснил, что при наличии в регионе конституционного (уставного) суда суды общей юрисдикции не вправе рассматривать дела о проверке соответствия указанных нормативных актов конституции (уставу) субъекта Российской Федерации. Вместе с тем если в регионе такой суд не создан, то в целях реализации гарантированного ч. 1 ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту рассмотрение названных дел осуществляется судами общей юрисдикции.

Приведенное разъяснение не содержит ответа на вопрос о том, как следует поступать судам общей юрисдикции в тех регионах, где конституционные (уставные) суды созданы, но на протяжении длительного времени не имеют возможности рассматривать дела из-за отсутствия кворума. Но независимо от этого подобное размежевание полномочий между региональными конституционными (уставными) судами и федеральными судами не в состоянии устранить проблему существенных различий в процедуре судебной защиты одинакового права на территории всей

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. № 25. Ст. 3004.

² См.: *Таева Н.Е.* Конструкция толкования конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: обязательные элементы и проблемы их нормативного закрепления // Журнал конституционного правосудия. – 2010. № 1. С. 32–33; *Гатаулин А.Г.* Конституционная (уставная) юстиция: современное состояние и еще раз о проблемах // Вестник Уставного суда Свердловской области. – 2011. № 1. С. 159; *Задиора В.И.* Пятнадцать лет на защите основных прав и свобод человека и гражданина // Российское право: образование, практика, наука. – 2013. № 2–3. С. 34.

³ См.: Конституционный суд Карелии начал работу после долгого перерыва // Интернет-журнал Республика Карелия // URL: rk.karelia.ru.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. № 1.

страны, обусловленную отсутствием органов конституционной судебной юрисдикции во всех регионах страны.¹ Теоретически эта проблема могла бы быть разрешена посредством передачи субъектами Российской Федерации, не имеющими органов конституционной судебной юрисдикции, соответствующих полномочий Конституционному Суду РФ (п. 7 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»). На такую возможность указывается и в п. 1 постановления Пленума Верховный Суд РФ от 29 ноября 2007 г. № 48, однако практически это вряд ли возможно, даже если регионы, не имеющие органов конституционной судебной юрисдикции, изъявят желание заключить договор о передаче соответствующих полномочий Конституционному Суду РФ и сумеют реализовать своё волеизъявление в переговорах с федеральным центром.

Подобный опыт имелся в Германии, где конституция федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, не имевшая до 2008 года, в отличие от остальных 15 земель, орган конституционной судебной юрисдикции², возлагала функции конституционного контроля на Федеральный конституционный суд.³ Однако Российская Федерация в этом отношении находится в совершенно иных условиях, поскольку на огромной территории имеет значительно большее население, проживающее в 83 регионах. При этом в отличие от федеральных земель Германии, где конституционный суд не имела лишь одна из них, в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации отсутствуют органы конституционной судебной юрисдикции. Наделение в таких условиях Конституционного Суда РФ дополнительными полномочиями по рассмотрению вопросов соответствия нормативных правовых актов регионального и муниципального уровня конституции (уставу) субъекта Российской Федерации и по её толкованию (как это предусмотрено ч. 1 ст. 27 Закона о судебной системе) поставило бы под угрозу саму возможность надлежащего исполнения основных обязанностей, возложенных на Суд непосредственно ст. 125 Конституции РФ.

При анализе причин, в силу которых регионы не спешат создавать на своей территории органы конституционной судебной юрисдикции, в литературе, кроме критики в адрес федерального законодателя, обычно ссылаются также на нежелание представителей властных структур в субъектах Российской Федерации включать в их систему новый контролирующий орган, на отсутствие специалистов в области конституционного права, на соображения материального порядка, поскольку содержание конституционного (уставного) суда требует значительных средств.⁴ Возможно указанные причины и играют какую-то роль при принятии соответствующих решений, однако вряд ли они имеют определяющее значение. Наглядным примером

---

¹ См. подробнее: *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М. 2010. С. 440–452.

² Начал функционировать с 1 мая 2008 г. (§ 57 Закона о Конституционном Суде земли Шлезвиг-Гольштейн от 10 января 2008 г.) // Официальный сайт КС земли Шлезвиг-Гольштейн // URL: http://www.schleswig-holstein.de/LVG/DE/LVG_node.html.

³ См.: *Ахметзянова Э.Р.* Влияние концепции судебного федерализма на организацию судебных систем России и Германии // Российская юстиция. – 2009. № 10. С. 13.

⁴ См., например: *Безруков А.В., Казанцев А.О.* О необходимости создания и совершенствования компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2012. № 2. С. 29.

тому является Москва с ее кадровым потенциалом и относительным финансовым благополучием, на которую в силу ее столичного статуса ориентируются многие регионы, также как и она не спешащие создавать конституционный (уставный) суд. При этом публичная власть Москвы явно не обделена судебным контролем, поскольку его интенсивность зависит не от принадлежности судов к федеральному или региональному уровню, а от их компетенции и активности граждан по отстаиванию своих прав и законных интересов посредством обращения к средствам судебной защиты. Причём значение опасения региональных властей по поводу возможного усиления судебного контроля как причины отказа от создания собственного органа конституционной судебной юрисдикции явно преувеличены, поскольку объективные условия для этого отсутствуют.

Так, наличие в субъекте Российской Федерации собственного конституционного (уставного) суда с учётом его специализации обеспечивает разрешение части публично-правовых конфликтов в сфере применения норм регионального и местного уровня посредством их сопоставления с нормами региональной конституции (устава) без обращения заинтересованных лиц в федеральный суд. Природа конституционного судопроизводства в наибольшей степени соответствует характеру таких споров, разрешение которых в таком случае происходит на региональном уровне без излишнего вмешательства федеральных органов государственной власти. При этом согласно ч. 3 ст. 27 Закона о судебной системе решение конституционного (уставного) суда, принятое в пределах его полномочий, не может быть пересмотрено другим судом. Иная ситуация по таким спорам возникает при отсутствии в регионе конституционного (уставного) суда, поскольку их разрешение тогда осуществляет федеральный суд по общим правилам судопроизводства об оспаривании нормативных актов, предусматривающим процедуру пересмотра судебного решения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

В обоснование необходимости создания конституционных (уставных) судов во всех субъектах Российской Федерации кроме требования по обеспечению равных возможностей по реализации права на судебную защиту обычно ссылаются также на принцип разделения властей, который при отсутствии в регионе органа конституционной судебной юрисдикции действует в усеченном виде, на требование соблюдения «чистоты» судопроизводства при проверке конституционности региональных и муниципальных нормативных актов, на особую роль судебного конституционного контроля для гармонизации властеотношений в системе законодательных и представительных органов публичной власти регионального и муниципального уровня.¹

Заметим в связи с этим, что вряд ли приведенные аргументы, верные по своей сути, но понятные в полной мере лишь специалистам в области конституционного права, способны сами по себе побудить представителей государственной власти в субъектах Российской Федерации принять решение о создании в их регионе конституционного (уставного) суда. Показательно в этом смысле выступление одного из региональных политиков на состоявшемся 9 декабря 2009 г. в г. Кирове межрегиональном «круглом столе», посвященном проблемам конституционного (устав-

---

¹ См., например: *Безруков А.В., Казанцев А.О.* Указ соч. С. 29-30.

ного) правосудия в субъектах Российской Федерации¹. На фоне юридически безупречных выступлений конституционалистов, дружно убеждающих друг друга на понятном им языке в необходимости повсеместного учреждения конституционных (уставных) судов, он заметил, что для создания Уставного суда Кировской области нужна политическая воля. Однако среди депутатов законодательного собрания нет единого мнения по данному вопросу; каждый депутат учитывает то, как на него смотрит избиратель, а понятны ли задачи уставного правосудия жителям области?

Иначе говоря, вопрос о создании конституционного (уставного) суда в том или ином регионе, являясь политическим, предполагает использование адекватных этому средств воздействия на представителей региональных органов государственной власти. Не преуменьшая значение различных научно-практических мероприятий, посвященных данной проблеме, следует вместе с тем сознавать, что в них участвуют в основном конституционалисты, среди которых как будто и нет противников создания во всех регионах конституционных (уставных) судов. Что касается практической реализации данной идеи, то она предмет компетенции органов региональной власти, направленность поведения представителей которых во многом зависит от общественного мнения, от действий конкурирующих с ними политических сил. Организация мероприятий, подобных межрегиональному «круглому столу», состоявшемуся в г. Кирове, весьма полезна, поскольку в них участвуют представители регионального политического истеблишмента, однако их проведение должно сочетаться с воздействием на сознание и обычных граждан-избирателей. Перспективным в условиях активизации партийного строительства представляется также обращение за поддержкой к различным политическим партиям, в том числе оппонировавшим действующей власти.²

Возможные формы и способы соответствующей деятельности, успех которой в условиях политического многообразия и многопартийности во многом зависит от наличия в составе конкурирующих политиков активных и влиятельных сторонников создания в том или ином конкретном регионе конституционного (уставного) суда, требует специального исследования. Но в любом случае сами сторонники этой идеи должны четко сознавать и на основе достижений юридической науки и практики конституционного (уставного) судопроизводства уметь объяснить другим преимущества данного способа осуществления судебной власти. С учетом специализации органов конституционной судебной юрисдикции его социальное предназначение в наибольшей степени отвечает потребностям и интересам формирующегося гражданского общества и цивилизованной политической конкуренции на основе гарантированного ст. 13 Конституции РФ идеологического и политического многообразия.

Между тем в литературе социальное предназначение конституционного (уставного) судопроизводства не всегда определяется одинаково. Например, во многих работах, посвященных данной проблематике, утверждается, что конституционные (ус-

---

¹ См.: *Заболотских Е.М.* Межрегиональный «круглый стол» «Уставной Суд Кировской области: проблемы и перспективы создания // Журнал конституционного правосудия. – 2010. № 1. С. 31.

² Присутствующие на заседании «круглого стола» депутаты Законодательного собрания Кировской области поддержали идею создания в области Уставного суда, однако он так пока и не создан.

тавные) суды призваны обеспечивать некую конституционную (уставную) законность на региональном уровне. Не понятно, как это согласуется с тем, что конституция (устав) каждого региона является неотъемлемой частью российского права, занимая своё место в иерархической системе его формально-юридических источников.

Как особый режим общественно-политической жизни Российской Федерации, основанный на общеобязательности российского права во всех регионах, законность (правозаконность) не может быть нескольких уровней. Если рассматривать этот вопрос не с позиции легизма, а исходя из правопонимания, закреплённого в Конституции РФ, то следует признать, что никакой особой конституционной законности, противостоящей законности, основанной на верховенстве российского права, не существует. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации не должны противоречить Конституции РФ, которая в системе российского права имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Все органы публичной власти, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы, которые не должны ей противоречить. Соответственно конституционность есть атрибут законности, основанной на верховенстве российского права, и иной законности (неконституционной) быть не может.

Во всяком случае, при наличии в регионе федеральных судов и мировых судей, призванных способствовать своей деятельностью укреплению законности, убедить электорат и представителей различных политических сил аргументами о необходимости учреждения ещё одного суда для обеспечения в дополнение к законности также особой конституционной законности вряд ли удастся. Социальное предназначение конституционного (уставного) судопроизводства как разновидности правосудия находит выражение в его целях, при оценке которых следует исходить из верховенства и прямого действия на всей территории страны федеральной Конституции, которой не могут противоречить конституции (уставы) субъектов Российской Федерации. Обеспечивая своей деятельностью защиту основ конституционного строя конкретного региона, являющегося неотъемлемой составной частью конституционного строя страны в целом, охрану его конституции (устава), занимающей определенное место в иерархической системе российского права, конституционные (уставные) суды обеспечивают тем самым и защиту конституционного строя всей России, а также способствуют упрочению законности и правопорядка на соответствующей территории как неотъемлемой составной части всей страны.

С учётом высшей, согласно основам конституционного строя страны в целом ценности человека, его прав и свобод и обязанности государства признавать, соблюдать и защищать их, а также основного социального предназначения российского правосудия (ст. 2, 18 Конституции РФ) приоритетной в перечне целей конституционного судопроизводства согласно специализации органов конституционной судебной юрисдикции является защита основных прав и свобод человека и гражданина.¹ Это наглядно подтверждает и практика регионального конституционного су-

---

¹ Подробнее см.: *Жилин Г.А.* Единство конституционного судопроизводства в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2012. № 1. С. 4–6.

допроизводства, опыт которого наглядно показывает его преимущества по сравнению с другими способами защиты прав граждан и их объединений.

Например, в Уставном суде Свердловской области более 70% рассмотренных обращений связано с нарушением социально-экономических прав граждан.¹ В практике конституционных (уставных) судов имеется немало примеров успешного разрешения также политических конфликтов и защиты политических прав граждан.²

Таким образом, основные проблемы регионального конституционного судопроизводства в настоящее время обусловлены отсутствием в большинстве субъектов Российской Федерации конституционного (уставного) суда. Это вопреки ст. 18, 19 и 46 Конституции РФ приводит к различиям в уровне судебной защиты основных прав и свобод граждан в зависимости от их места жительства или места нахождения. На федеральном уровне имеется нормативно-правовая основа для создания в каждом регионе конституционного (уставного) суда, необходимо лишь соответствующее проявление политической воли со стороны лиц, представляющих органы государственной власти в субъектах Российской Федерации. В условиях политического многообразия и многопартийности, как одной из основ конституционного строя Российской Федерации (ч. 3 ст. 13 Конституции РФ), разрешению данной проблемы могла бы способствовать поддержка идеи создания органов конституционной судебной юрисдикции со стороны конкурирующих политических сил, борющихся за голоса избирателей на выборах региональных органов государственной власти.

Источники и использованная литература:

1. *Ахметзянова Э.Р.* Влияние концепции судебного федерализма на организацию судебных систем России и Германии // *Российская юстиция*. – 2009. № 10. С. 13.
2. *Безруков А.В., Казанцев А.О.* О необходимости создания и совершенствования компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. – 2012. № 2. С. 29.
3. *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2008. № 1.
4. *Вестник Конституционного Суда РФ*. – 1996. № 1; 1998. № 3; 2000. № 5; 2003. № 4.
5. *Гатаулин А.Г.* Конституционная (уставная) юстиция: современное состояние и еще раз о проблемах // *Вестник Уставного суда Свердловской области*. – 2011. № 1. С. 159.
6. *Жилин Г.А.* Единство конституционного судопроизводства в Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. – 2012. № 1. С. 4–6.
7. *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М. 2010. С. 440–452.
8. *Заболотских Е.М.* Межрегиональный «круглый стол» «Уставной Суд Кировской области: проблемы и перспективы создания // *Журнал конституционного правосудия*. – 2010. № 1. С. 31.
9. *Задюра В.И.* Пятнадцать лет на защите основных прав и свобод человека и гражданина // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2013. № 2–3. С. 34.
10. Конституционный суд Карелии начал работу после долгого перерыва // *Интернет-журнал Республика Карелия* // URL: rk.karelia.ru.

¹ См.: *Пантелеев В.Ю.* Конституционная (уставная) юстиция – гарант обеспечения прав и свобод граждан // *История. Право. Политика*. – 2011. № 3. С. 83.

² См.: *Цалев А.М.* Соотношение права и политики в организации и деятельности конституционных (уставных) судов // *Журнал конституционного правосудия*. – 2012. № 5. С. 23–25.

11. *Кряжков В.* Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. № 3. С. 9.
12. *Кряжков В.А.* Конституционные суды земель Германии // Государство и право. – 1995. № 5. С. 117.
13. *Муратиин Ф.Р.* Судебный федерализм: проблемы юридической идентификации судов // Правовое государство. – 2013. № 1. С. 17–18.
14. Официальный сайт КС земли Шлезвиг-Гольштейн // URL: <http://www.schleswig-holstein.de/LVG/DE/LVG node.html>.
15. *Пантелеев В.Ю.* Конституционная (уставная) юстиция – гарант обеспечения прав и свобод граждан // История. Право. Политика. – 2011. № 3. С. 83.
16. *Петров А.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2013. № 3. С. 25–32.
17. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. № 25. Ст. 3004.
18. *Таева Н.Е.* Конструкция толкования конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: обязательные элементы и проблемы их нормативного закрепления // Журнал конституционного правосудия. – 2010. № 1. С. 32–33;
19. *Цалиев А.М.* Соотношение права и политики в организации и деятельности конституционных (уставных) судов // Журнал конституционного правосудия. – 2012. № 5. С. 23–25.

Zhilin G.A.

**The constitutional legal proceedings in subjects of the Russian Federation:
some problems of formation and development**

The main difficulties at implementation of regional constitutional legal proceedings result because of absence in most of subjects of the Russian Federation of bodies of the constitutional judicial jurisdiction. As at the federal level there is a normative-legal basis for creation in each region of the constitutional court, this problem belongs more to the sphere of regional legal policy that assumes use for problem's permission of levers to political will of the persons representing bodies of the government in subjects of the Russian Federation.

Keywords: constitutional legal proceedings, constitutional justice, constitutional court, bodies of regional constitutional judicial jurisdiction, constitutionality, legality (law legality), rights and freedoms of the person and citizen.

Яковлев В. Ф.

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИИ: РАЗВИТИЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Статья посвящена истории создания действующего Гражданского кодекса Российской Федерации, разработки закрепленных в нем положений о предмете гражданского права, его принципах, функциях, методе регулирования экономических связей, отношений собственности и товарно-денежного оборота.

Ключевые слова: гражданское право, его предмет, принципы, метод, функции регулирования.

Современный Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), разработка которого продолжалась 15 лет и завершилась в 2006 г., – самая крупная и полная кодификация гражданского законодательства в истории России. Он состоит из семи разделов, охватывающих все подотрасли гражданского права: право собственности, обязательственно-договорное право, наследственное право, права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также международное частное право.

Особое место и роль принадлежат разделу I “Общие положения”, который представляет собой основу всего гражданского права России, а не только самого Гражданского кодекса РФ. Раздел “Общие положения” ГК РФ – это общая часть современного гражданского права России. В нём сконцентрировано то общее, что объединяет все подотрасли и институты в единое целое – гражданское право как отрасль права. В общей части выражена специфика гражданского права, его сущность, его “квинтэссенция”. Общие положения ГК определяют состав гражданского права, его систему. Они же позволяют выявить место и функциональное назначение гражданского права в правовой системе в целом.

Создание современного ГК РФ – это существенное развитие российского гражданского права. Наиболее рельефно оно выразилось в фундаментальных положениях общей части Гражданского кодекса. Гражданский кодекс называют экономической конституцией страны. Это отражает ведущее значение Кодекса в законодательной системе, но не должно затенять то, что он основан в свою очередь на исходных положениях Конституции РФ 1993 г., развивает и конкретизирует их, прежде всего в сфере экономики. В этом аспекте ГК является важнейшим средством реализации установлений Конституции, закрепляющей основы конституционного строя новой России и прав и свобод ее граждан.

В “Общих положениях” ГК содержатся нормы, указывающие на предмет регулирования гражданского права, а также раскрывающие все основные элементы правового режима отрасли права – принципы гражданского права, его метод, меха-

---

Яковлев Вениамин Фёдорович – член-корреспондент РАН, советник президента РФ, доктор юридических наук, профессор, сопредседатель Ассоциации юристов РФ (Москва), выпускник (1953) и проректор (1973-1986) Свердловского юридического института, министр юстиции СССР (1989-1990), Председатель Высшего Арбитражного суда РФ (1992-2005).

низм регулирования и выполняемые им функции. Как известно, сущность отрасли права коренится в ее предмете, т.е. в регулируемых ею отношениях. Если сравнить предмет гражданского права советского и современного периодов, то на первый взгляд обнаруживается их тождественность. Предметом гражданского права и тогда и сейчас являются имущественные, а также связанные с ними неимущественные отношения, а в случаях, прямо предусмотренных законом – и неимущественные отношения, не связанные с имущественными.

Состав отношений, образующих предмет гражданского права, тоже как будто не претерпел изменений. Это отношения по принадлежности имущества определенным лицам, т.е. отношения собственности в её статике; отношения товарно-денежного оборота имущественных благ, т.е. отношения собственности в динамике; наследственные отношения, также представляющие собой отношения собственности в её динамике; отношения по поводу охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (ст. 2 ГК).

В действительности же предмет гражданского права претерпел коренные изменения, что неизбежно повлекло за собой столь же существенную трансформацию самого гражданского права, включая общие положения. В самом деле, гражданское право советского периода регулировало имущественные отношения, сущность которых состояла в том, что они были отношениями социалистической, публичной собственности, преимущественно государственной. Поэтому и отношения имущественного оборота между государственными предприятиями, принадлежавшими одному собственнику, по существу не были подлинными товарно-денежными связями между собственниками, а представляли собой имущественные отношения, обусловленные лишь использованием товарно-денежной формы. Они не могли регулироваться только гражданским правом, выполнявшим вспомогательные функции, а находились под мощным централизованным административно-плановым регулированием.

Что касается индивидуальной собственности граждан, с участием которых складывались реальные товарно-денежные связи, то она являлась личной собственностью, имевшей лишь потребительское назначение. В целом она не могла использоваться для предпринимательской деятельности. Гражданин участвовал в экономических отношениях как наемный работник и как потребитель. Основными участниками экономических связей в сфере производства были публичные предприятия и их собственник – государство. Вслед за Конституцией РФ 1993 г. Гражданский кодекс закрепляет и регулирует полноценную частную собственность граждан, в том числе на землю, недвижимость, предприятия. Частная собственность граждан и их объединений стала преобладающей. Отношения экономического оборота становятся реальными товарно-денежными связями, представляющими собой динамику отношений собственности. Предмет гражданского права существенно расширяется за счёт отношений по осуществлению предпринимательской деятельности граждан, которые теперь вправе использовать принадлежащее им имущество для производства и продажи товаров, услуг, выполнения работ, сдачи в аренду и т.п. в целях систематического получения прибыли.

Коренные преобразования отношений собственности влекут за собой столь же глубокие изменения в отношениях по наследованию имущества, а также в исполь-

зовании имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые вовлекаются в товарно-денежный оборот. В порядке наследования теперь переходит к наследникам все имущество умершего, включая земельные участки, иную недвижимость, предприятия, имущественные права и обязанности, в том числе связанные с предпринимательской деятельностью, а не только предметы личного потребления, как это было ранее.

Отношения по поводу охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации раньше были предметом регулирования гражданским правом, поскольку представляли собой отношения по принадлежности определённых благ (авторства, средств индивидуализации) конкретным лицам и поэтому строились по модели абсолютного права аналогично праву собственности (отсюда термин “право интеллектуальной собственности”). Кроме того, автор мог приобретать имущественные права вследствие использования результата своей творческой деятельности и распоряжения им, что также происходило в гражданско-правовых формах. В условиях свободной экономики результаты творческой деятельности и средства индивидуализации (например, товарные знаки) активно вовлекаются в товарно-денежный оборот, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности граждан. Поэтому в гражданском праве при разработке части четвертой ГК РФ интенсивное развитие получили договорно-обязательственные институты по распоряжению авторами своими имущественными правами, связанными с использованием объектов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации (договор об отчуждении исключительного права – ст. 1234 ГК РФ, лицензионный договор – ст. 1235, договор о залоге исключительного права – п. 5 ст. 1233).

Именно частная собственность становится основой реализации частных интересов граждан. Вместе с тем в экономике присутствуют и публичные интересы, требующие сохранения и использования также и публичной собственности. Публичная собственность (Российской Федерации, её субъектов, муниципальных образований) необходима для обеспечения выполнения функций публичной власти по охране общества и граждан от противоправных посягательств внутри страны и извне, по государственному регулированию отношений, в том числе экономических, по социальному обеспечению нетрудоспособных, а также по государственной поддержке систем здравоохранения, образования, культуры. Внутренние отношения публичной собственности могут регулироваться административным, финансовым правом. Что касается внешних отношений с другими собственниками, то они, например, по государственным закупкам, заказам, регулируются только гражданским правом.

Поскольку теперь товарно-денежный оборот есть отношения между собственниками, он не может регулироваться нормами административного права и поэтому является предметом безраздельного регулирования гражданским правом. Восстановление частной собственности граждан и сопряженного с ней товарно-денежного оборота как исторического первоисточника гражданского права является естественной основой возрождения самого гражданского права в его подлинном виде. Его нормы наполняются богатым содержанием, а все его юридические черты и характеристики приобретают классический облик. Прежде всего, это относится к принципам, представляющим собой воплощенные в нормах гражданского права основополагающие идеи построения и регулирования экономических отношений. ГК

РФ относит к их числу равенство участников регулируемых отношений, понимаемое как равенство социальных возможностей (правоспособности) граждан; неприкосновенность собственности, в том числе частной; свободу договора, превращающую договор в основной юридический факт для возникновения гражданских прав и обязанностей и в главное средство регулирования их содержания; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо (прежде всего государства) в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Нетрудно заметить, что эти принципы в корне отличаются от тех, что были заложены в преамбуле к тексту ГК РСФСР 1964 г. Гражданско-правовой метод регулирования получил адекватное предмету радикальное развитие по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, по существенному расширению прав граждан как основных субъектов гражданского права; во-вторых, по наделению субъектов гражданских правоотношений несравненно большей свободой правовых решений. Если в советское время основными обладателями гражданских прав, прежде всего права собственности и иных вещных прав, выступали государство и создаваемые им как собственником государственные предприятия и учреждения, то теперь основным субъектом гражданских прав становится гражданин. Дозволительность гражданского права обращена прежде всего к нему. Гражданская правоспособность гражданина Конституцией РФ 1993 г. и ГК РФ резко расширена. Теперь его право собственности распространяется и на средства производства, а не только на предметы потребления. Он может заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, создавать юридические лица, совершать любые не противоречащие закону сделки, вступать в любые обязательства, иметь права автора произведений науки, литературы, искусства, изобретений и т.д. (ст. 18 ГК). Существовавшие ранее неоправданные ограничения сняты. Гражданская правоспособность коммерческих организаций, создаваемых гражданами, также расширена. В отличие от иных организаций они имеют общую, а не специальную правоспособность, т.е. могут иметь гражданские права и обязанности в любой сфере деятельности, не запрещенной законом. На основе обогащенной правоспособности граждан и юридических лиц существенно расширяется диапазон их субъективных гражданских прав в сфере вещного, обязательственного, наследственного права, права интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, внешнеэкономического оборота.

Развитие основанного на нормах гражданского права правообладания сопровождается соответствующими изменениями и в правоохранительной части этой отрасли права. Внедрено равенство в защите права собственности и производных от него прав независимо от видов и форм собственности и субъектного состава. Значительно усилена защита прав гражданина как создателя результатов творческой деятельности. Состав гражданско-правовых санкций также претерпел существенные изменения. Центр тяжести переместился с мер ответственности, что было характерно для советского периода, на меры защиты, средства восстановления и компенсации нарушенных субъективных прав с сохранением, разумеется, мер ответственности, основанных на вине правонарушителя в целях предупреждения гражданских правонарушений.

Основы развития правовой свободы субъектов гражданского права закреплены прежде всего в п. 2 ст. 1 ГК, которая указывает на то, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Эти чрезвычайно емкие положения закона являются по существу формулой свободы субъектов гражданских правоотношений. Правовая свобода присутствует и осуществляется на всех этапах гражданско-правового регулирования. Она заложена на уровне гражданско-правовых норм, которые имеют рамочный характер, оставляя широкое поле для волеизъявления самого субъекта, позволяя субъектам устанавливать свои правила, имеющие юридическую силу.

Субъекты свободны в реализации своей правоспособности, самостоятельно принимают решения, например, о том, будут ли они заниматься предпринимательской деятельностью и в какой форме, с образованием или без образования юридического лица. Они свободны в установлении, изменении, прекращении своих прав и обязанностей. Они свободны в совершении сделок и заключении договоров. Они свободны в выборе вида заключаемого договора и в выборе контрагента. На основе согласованного волеизъявления стороны свободно определяют условия договора, в частности такие важнейшие условия, как предмет договора и цена товара. Эта свобода особенно ощутима после многолетнего централизованного регулирования товарно-денежного оборота, когда в договорах между государственными организациями в административно-плановом порядке определялись состав сторон договора, его предмет, цена товара. В отношениях между предприятиями торговли и гражданами цена также определялась централизованно.

Субъекты свободны в осуществлении своих субъективных прав (ст. 9 ГК) и обязаны соблюдать лишь рамочные правила ст. 10 ГК о пределах осуществления гражданских прав, например о недопустимости злоупотребления своим правом, в частности в целях причинения вреда другим лицам. Наконец, стороны свободны в принятии решения о применении или неприменении средств защиты нарушенных прав и обладают правом их выбора, разумеется, с учетом вида самого субъективного права, характера правонарушения и его последствия. Защита происходит исключительно по инициативе потерпевшего, по его иску. Дело о применении принудительных мер защиты не может быть возбуждено судом или иным государственным органом, как это имело место в отношении государственных организаций в советское время.

Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. “О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” в ст. 1 внесены дополнения в виде пп. 3 и 4. Пункт 3 содержит правило о том, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Пункт 4 ст. 1 устанавливает, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Эти правила закрепляют в ст. 1 принцип добросовестности поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях возникновения и осуществления прав и обязанностей, включая стадию защиты права. В соответствии с данным требованием стороны должны быть честны-

ми по отношению друг к другу, не допускать обмана контрагента в активной (путём сообщения неверной информации) или пассивной (путем сокрытия необходимых сведений) формах. Это требование должно соблюдаться при совершении сделки, договора, их исполнении сторонами, при применении мер защиты.

Было бы неточным утверждение, что до внесения описываемых дополнений действующий ГК не предусматривал требования добросовестности к участникам гражданских отношений. Путем толкования ст.10 ГК судебная практика выводила это требование и использовала его при разрешении споров. Именно на основе использования анализа и обобщения судебной практики, как отечественной, так и зарубежной, и были подготовлены предложения о введении в содержание ст. 1 ГК рассматриваемого требования как одного из основополагающих принципов гражданского правового регулирования. Но одного формулирования принципа добросовестности было бы недостаточно. Требовалось также учесть судебную практику и по последствиям выявления судами фактов недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений. Принципиально важно то, что п. 4 ст. 1 по применяемым последствиям недобросовестное поведение приравнивает к поведению незаконному. На это же указывают дополнения, внесенные в ст. 10 ГК «Пределы осуществления гражданских прав». В пункте 1 ст.10 внесено дополнение о том, что не допускаются при осуществлении гражданских прав «действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».

С учётом сложившейся судебной практики в ст. 10 сформулированы также п. 2, 3, 4. В пункте 2 содержится новое положение о том, что «в случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1, суд, арбитражный суд или третейский суд с учётом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом». Пункты 3 и 4 являются полностью новыми. В соответствии с п.3 «В случае, если злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, последствия, предусмотренные пунктом 2 настоящей статьи, применяются, поскольку иные последствия таких действий не установлены настоящим Кодексом». Пункт 4 ст.10 ГК указывает на то, что «если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков».

Трансформация гражданского права в полной мере реализовалась во всех элементах механизма гражданско-правового регулирования: в нормативном массиве гражданского права, в юридических фактах, в гражданских правоотношениях, во всех его элементах – субъектах, объектах, содержании.

Преобразования нормативной базы гражданско-правового регулирования зафиксированы в ст. ст. 3-7 ГК. В соответствии с Конституцией РФ гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации, чем обеспечивается равенство гражданской правоспособности граждан и единство экономического пространства в масштабах страны. В ст. 3 ГК закреплены приоритет закона в регулировании гражданских отношений, а также иерархия нормативных актов, в которых содержатся нормы гражданского права. К гражданскому законодательству относятся не только сам Гражданский кодекс, но и принятые в соответствии с ним другие

законы, нормы которых должны соответствовать ГК. Это означает, что законодатель не вправе принимать законы, которые не соответствовали бы общим положениям ГК, а также вступали бы в прямое противоречие с другими его нормами. Нормы гражданского права могут содержаться в указах Президента РФ, которые, однако, не должны противоречить ГК и другим законам. Правительство РФ вправе принимать постановления, содержащие нормы гражданского права, но исключительно на основании и во исполнение ГК и других законов. В случае противоречия указа Президента РФ или постановления Правительства РФ ГК или иному закону применяется ГК или соответствующий закон. Что касается министерств и иных федеральных ведомств, то они могут издавать акты, содержащие нормы гражданского права, лишь в случаях и в пределах, предусмотренных ГК, другими законами и иными правовыми актами.

Наиболее крупным изменением в системе источников регулирования гражданских отношений с принятием действующего Гражданского кодекса является превращение договора в основной регулятор гражданских отношений. Это связано с тем, что в условиях преобладания в экономике частной собственности и свободного товарно-денежного оборота государство уже не может вмешиваться в частные дела и предписывать сторонам конкретные условия, определяющие их права и обязанности. Поэтому ушли в прошлое нормативные акты и акты индивидуального регулирования, которыми государство ранее определяло содержание договоров и обязательств между юридическими лицами, а также между ними и гражданами. Все это централизованное регулирование заменено договорным. Поэтому в соответствии со ст. 1 ГК в ст. 421 Кодекса содержатся правила о том, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить как предусмотренный, так и не предусмотренный законом договор. Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев (весьма редких), когда содержание условия предписано законом или иным правовым актом. При этом договор должен соответствовать императивным нормам правового акта (ст. 422 ГК). Применение диспозитивной нормы может быть исключено договором либо заменено условием, установленным договором.

Статья 5 ГК допускает применение обычая делового оборота в отсутствие законодательного или договорного регулирования при условии, что обычай не вступает в противоречие с законом или договором. Законом от 30 декабря 2012 г. ст. 5 ГК стала именоваться «Обычай» вместо «Обычай делового оборота». Слова «делового оборота» исключены также из п. 2 ст. 5. Таким образом, теперь при наличии условий, обозначенных в ст. 5, источником гражданского права могут быть не только обычаи делового оборота, применяемые в сфере предпринимательской деятельности, но и обычаи, действующие в других сферах отношений, регулируемых гражданским правом. Существовавшее в прежней редакции ограничение в применении обычая признано неоправданным, что неоднократно отмечалось и в науке гражданского права. Поэтому пункт 1 ст. 5 ГК имеет теперь следующую редакцию: «Обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». В связи с этим слова «делового оборота» исключены также из п. 1 ст. 6 ГК РФ

«Применение гражданского законодательства по аналогии». Статья 6 ГК допускает применение аналогии гражданского закона или аналогии права, при которой используются общие начала и смысл гражданского законодательства, заключенные в общих положениях ГК. Источником гражданского права в соответствии со ст. 7 ГК являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. При этом в случае расхождения правил национального и международного права применяются правила международного права.

Наконец, следует обратить внимание на то, что в условиях частной собственности и свободного рыночного оборота нормативная база существенно расширилась за счёт появления новых институтов, таких, например, как корпоративное право¹, институт несостоятельности (конкурсное право), продажа земли, предприятий, финансовая аренда, финансирование под уступку права требования, агентирование, доверительное управление имуществом, коммерческая концессия, компенсация морального вреда, новые охраняемые смежные права, средства индивидуализации, а также за счёт существенного развития ранее известных отечественному гражданскому праву институтов, таких как оборот ценных бумаг, страхование и др.

Крупные изменения можно констатировать и в основаниях возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. Опять-таки на первый взгляд ст. 8 действующего ГК, фиксирующая перечень оснований гражданских прав и обязанностей², мало чем отличается от аналогичной ст. 4 ГК РСФСР 1964 г. Фактически же исчезло такое основание гражданских правоотношений, как акты властного планирования, которые служили предпосылкой и основной базой планово-договорных обязательств между предприятиями и вообще юридическими лицами. По этой причине ушло из обихода понятие планового договора, который заключался на основе и во исполнение акта властного планирования и конкретизировал его с учётом интересов и возможностей сторон договора. В связи с этим властные акты государственных органов потеряли свое былое значение в качестве оснований гражданских прав и обязанностей. Административные акты сохранились в качестве оснований гражданских прав и обязанностей лишь в порядке исключения в некоторых институтах, например в институте опеки и попечительства, в отношениях социального жилищного найма. С другой стороны, возросло значение таких административных актов, как государственная регистрация предпринимательской деятельности, юридических лиц, прав на недвижимость, изобретений, которая входит в юридические составы, являющиеся основаниями гражданских прав. Несомненно, что эти виды административных актов адекватны условиям свободного товарно-денежного оборота. Они порождают гражданские права не сами по себе, а лишь в совокупности с волеизъявлением обладателей гражданских прав, которое является основным юридическим фактом. Акты регистрации являются властными лишь по

---

¹ Законом от 30 декабря 2012 г. ст. 2 дополнена положением о том, что гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения).

² Законом от 30 декабря 2012 г. содержащийся в ст. 8 перечень оснований, из которых могут возникать гражданские права и обязанности, дополнен ещё одним видом – решениями собраний, если это прямо установлено законом.

форме, поскольку исходят от компетентных государственных органов, но по существу к таковым не относятся, поскольку не содержат властного веления, адресованного обладателю права.

Основным юридическим фактом в гражданском праве становится сделка, а точнее её разновидность – договор. Во-первых, это наиболее распространенное основание возникновения регулятивного гражданского правоотношения. И это вполне естественно для нормальных экономических отношений. Во-вторых, договор, как правило, является самостоятельным основанием, он порождает гражданские права и обязанности как таковой, в отсутствие других юридических фактов. В-третьих, он не только порождает гражданские права и обязанности, но и формирует их содержание, поскольку является одновременно регулятором отношений опосредуемого гражданского оборота. Для того чтобы договор имел юридическую силу, требуется, чтобы он не противоречил закону, причём не только гражданскому. Спорным является вопрос о том, можно ли считать недействительной сделкой договор, который внешне сам по себе закону не противоречит, но заключен исключительно с целью обойти закон и тем самым избежать исполнения публичной обязанности, например по уплате налога. По правилам ГК РСФСР 1922 г. такая сделка в обход закона прямо квалифицировалась как недействительная. Действующий ГК такого прямого правила не содержит. Представляется, однако, что по смыслу ст. 168 ГК такая сделка должна относиться к числу ничтожных.

Естественно, что существенные преобразования претерпел центральный элемент механизма регулирования – гражданское правоотношение и соответственно все его элементы – субъекты, объекты, права и обязанности. С прекращением функционирования системы административно-планового управления экономикой исчез симбиоз административных (вертикальных) и гражданских (горизонтальных) правоотношений, производность и зависимость вторых от первых. Гражданское правоотношение становится самостоятельной и основной формой экономических связей, отношений собственности и товарно-денежного оборота. Сфера его применения существенно расширяется. Оно является универсальной формой экономических отношений с различным субъектным составом.

Субъектами гражданских правоотношений, как и ранее, выступают физические лица (граждане России, иностранцы, лица без гражданства), юридические лица, а также государственные и муниципальные образования. Однако по существу субъектный состав стал другим. Наиболее распространенным субъектом гражданских правоотношений становятся частные лица – граждане и создаваемые ими с целью извлечения прибыли – коммерческие и без такой цели – некоммерческие организации. Коммерческие организации создаются в форме хозяйственных товариществ (полных и коммандитных), обществ (акционерных, с ограниченной дополнительной ответственностью), производственных кооперативов. Некоммерческие организации создаются в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций, учреждений, благотворительных и иных фондов. Частные лица становятся основными субъектами не только в сфере потребления благ, но и в сфере их производства и торговли.

Сфера участия государственных, муниципальных образований и создаваемых ими публичных организаций резко сокращается. Тем не менее, среди субъектов

гражданских правоотношений остаются сами государственные и муниципальные образования и создаваемые ими публичные юридические лица – коммерческие и некоммерческие. К их числу относятся, в частности, государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также государственные и муниципальные учреждения со специальной правоспособностью, соответствующей цели их деятельности.

Не менее значимо и расширение круга объектов гражданских правоотношений с участием граждан и создаваемых ими частных организаций. Объектом права собственности граждан могут быть любые вещи, иное имущество, не только предметы личного потребления, но и средства производства, предприятия, земля, недвижимость в виде зданий и сооружений и др. Во владении и пользовании граждан могут находиться недра земли, лесные и водные объекты. Все объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте законом (ст. 128 ГК). Существенно возросло значение таких объектов, как деньги и ценные бумаги, поскольку они стали средством накопления значительных богатств, а также эквивалентом для приобретения дорогостоящего имущества. Перечень принадлежащих гражданам нематериальных благ, подлежащих гражданско-правовой защите, также существенно расширен (ст. 150 ГК). Значение гражданского правоотношения для граждан резко возросло. Если в советское время каналом получения дохода для них служили преимущественно трудовые отношения, а через гражданские правоотношения эти доходы расходовались на приобретение предметов личного потребления, то в настоящее время наиболее значительные доходы приносит использование имущества в гражданском обороте, что повышает экономическую роль права собственности на имущество и его использования в гражданском обороте. Немаловажно и то, что имущество может служить основой активной общественно полезной деятельности лица, повышающей его социальный престиж.

Общие положения послужили основанием развития не только регулятивных, но и охранительных институтов гражданского права. Главное, что должно быть отмечено в первую очередь, – это усиление направленности мер принуждения в гражданском праве на защиту нарушенных субъективных гражданских прав и на предупреждение гражданских правонарушений. В соответствии с этим центр тяжести в использовании принудительных мер переносится с мер ответственности (хотя они сохраняются) на меры защиты нарушенных прав, их восстановление или полную компенсацию.

Значительное развитие в ГК РФ получил институт обеспечения исполнения обязательств в целом и отдельные его способы. Появились такие новые способы обеспечения исполнения обязательств, как удержание, банковская гарантия. Обогатились новыми положениями залог, ипотека. Способы защиты гражданских прав пополнились такими средствами защиты, как признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону (ст. 12 ГК); возмещение убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконного действия (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в

том числе издания незаконного акта, за счет Российской Федерации, соответствующего субъекта Российской Федерации или муниципального образования (ст. 16 ГК); компенсация морального вреда, защита деловой репутации; самозащита права; взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица (ст. 395 ГК).

Введены новые правила, повышающие эффективность применения ранее известных мер защиты и ответственности. Так, применительно к возмещению убытков установлено, что если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы. В интересах потерпевшего лица установлено, что если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, нарушившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность независимо от его вины и освобождается от неё лишь при наличии непреодолимой силы.

Вслед за трансформацией отношений, регулируемых гражданским правом, его принципов, метода и механизма регулирования существенно меняются и функции гражданского права. В меньшей степени это касается чисто правовой функции. Как и ранее, в советское время, гражданское право относится к числу регулятивных отраслей. Оно регулирует, т.е. правовыми средствами конструирует нормальные экономические связи – отношения собственности и товарно-денежного оборота, а также отношения по поводу результатов творческой деятельности и средств индивидуализации. Разумеется, гражданское право и охраняет регулируемые отношения, защищая своими средствами субъективное право в случае их правонарушения. Но охранительная функция является для гражданского права, в отличие, например, от уголовного или природоохранительного, вспомогательной, основной же служит регулятивная функция.

Гражданское право в соответствии со ст. 2 ГК определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и содержание права собственности и других вещных прав, прав на результаты творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, если они основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Однако неотчуждаемые права и свободы и другие нематериальные блага (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбор места пребывания и жительства, право на имя, авторство), принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, лишь защищаются гражданским правом. Отношения по поводу этих благ не регулируются гражданским правом, поскольку они неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, не могут быть объектами гражданского оборота.

Что же касается социально-экономических функций гражданско-правового регулирования, то они существенно изменились. В советское время гражданско-пра-

вовое регулирование в соответствии с преамбулой к ГК РСФСР 1964 г. было направлено на укрепление социалистической собственности, социалистической системы хозяйства, плано-договорной дисциплины, хозрасчета государственных предприятий, способствовало использованию товарно-денежных отношений, личной собственности для удовлетворения потребностей граждан. Современное гражданское право выполняет важнейшую социальную функцию наделения граждан правами на имущественные и неимущественные блага, которые служат, во-первых, источником удовлетворения материальных и духовных потребностей и интересов граждан и, во-вторых, основой активной жизнедеятельности граждан в различных сферах создания материальных и духовных благ. Диапазон принадлежащих гражданам правовых возможностей существенно расширен за счёт развития права частной собственности граждан, их участия в товарно-денежном обороте, права заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической и творческой деятельностью.

Это, в свою очередь, позволяет гражданскому праву выполнять другую, не менее важную, функцию обеспечения экономического стимулирования производства, поскольку предпринимательская деятельность и реализация ее продукции приносят наиболее значительные доходы. Через гражданский оборот, представляющий собой эквивалентный обмен товарно-денежными ценностями, происходит также стимулирование удовлетворения потребностей потребителей производимых благ, поскольку основанная на частной собственности конкуренция требует постоянного совершенствования производства, снижения цены товара и повышения его качества. Социальная ценность гражданского права в том и состоит, что оно путём право-наделения и наделения правовой свободой, с одной стороны, обеспечивает удовлетворение потребностей и интересов граждан, а с другой – стимулирует их активность по созданию материальных и духовных благ, посредством которых эти потребности и интересы удовлетворяются. С позиций задач, решаемых в любом современном обществе, гражданскому праву принадлежит ключевая роль как по правовому обеспечению удовлетворения потребностей и интересов граждан, так и по созданию реальных предпосылок для этого.

В советское время возможности гражданского права слабо использовались именно в механизме создания условий удовлетворения потребностей людей. Оно подменялось плано-административными мерами, не позволявшими в полном объёме использовать экономическое стимулирование в системе производства благ, необходимых для их потребителей. Современное гражданское право, представленное Гражданским кодексом России 1994-2006 гг. и другими, принятыми в его развитие законами, в целом пригодно для выполнения исторической задачи формирования гражданского общества с развитыми демократическими институтами и товарно-денежной экономикой, обеспечивающими достойную жизнь граждан, их права и свободы. По существу завершение работы над ГК представляет собой возрождение частного права, т.е. той части права, которая обеспечивает частные права, интересы и свободу граждан. В сфере частного права господствует и является хозяином именно гражданин, а не государство, что развязывает инициативу граждан и позволяет использовать для развития общества весь его огромный потенциал. Современное гражданское право является частным по всем его параметрам и характеристикам:

- оно регулирует отношения собственности, в которых допускается и преобладает частная собственность. Это в полной мере относится и к товарно-денежному обороту, интеллектуальной собственности. Регулируемые гражданским правом отношения – это невластные, горизонтальные общественные связи. Они являются отношениями, господствующими в современной экономике России;

- применение гражданского права обеспечивает интересы конкретных участников отношений, прежде всего граждан, т.е. частные интересы;

- участники отношений обладают имущественной самостоятельностью, правовой автономией и свободой, которые позволяют им устанавливать и осуществлять права и обязанности своей волей и в своем интересе. Поэтому гражданско-правовое регулирование является децентрализованным, основанным на широком использовании договора.

Отношения собственности, регулируемым гражданским правом, принадлежит фундаментальная роль в системе экономических отношений. От них производны иные экономические отношения – трудовые, по использованию природных ресурсов и др. Поэтому гражданское право образует ядро частного права, с которым связаны иные, отпочковавшиеся от него отрасли частного права – семейное, трудовое и др. В силу этого само гражданское право служит главным правовым средством преобразования отношений собственности, их упорядочения, стабилизации, внедрения в них режима законности и правопорядка. Оно же предоставляет правовые средства стимулирования экономического развития, утверждения начал деловой активности и обеспечения прав граждан.

Следует, однако, различать право на бумаге, как предпосылку и право как реальность, внедрение его в жизнь. Потенциал права зависит от совершенства его норм, но раскрывается через реальные отношения. Рыночная экономика децентрализована по самой своей сути. Её участниками являются все производители, торговцы, потребители благ. Множественность участников со своими интересами создают основу не только для гармонизации интересов, но и для их противоречий и конфликтов. Вследствие этого экономика рынка заключает в себе не только факторы позитивного развития, но и значительные риски и опасности, не учитывать которые недопустимо. Частный интерес раскрывает свои достоинства лишь постольку, поскольку не представляет собой угрозы для интересов других лиц. Поэтому его реализация должна происходить по правовым правилам, в чётких границах, определяемых интересами других участников рынка.

Практика формирования рыночной экономики в России показала, насколько сложным и многоаспектным является этот процесс. Сама по себе приватизация государственной собственности создает лишь исходные предпосылки для формирования эффективной рыночной экономики, но отнюдь не гарантирует её появления. Более того, она сопряжена с разрушением прежней системы хозяйствования и, следовательно, дестабилизирует экономические отношения, прежде всего фундамент экономики – собственность. Процесс дестабилизации экономических отношений может выйти из-под контроля общества и, раз начавшись, продолжаться длительное время. Затянувшаяся нестабильность отношений переходного периода, особенно отношений собственности, может создавать серьезные препятствия для нормализации экономических отношений и введения их в стадию позитивного развития.

Поэтому одна из главных задач переходного периода состоит в максимальном использовании правовых средств для стабилизации и охраны законных прав собственности. Требуется, чтобы принцип неприкосновенности собственности, как и другие принципы гражданского права, был последовательно реализован в конкретных нормах права и в практическом их применении. При этом законная собственность должна быть защищена от противоправных посягательств как со стороны частных лиц, так и со стороны публичной власти и от совокупных действий тех и других, как это происходит с использованием коррупционных механизмов. Примеры такого рода передела собственности – использование институтов банкротства для захвата успешно работающих производств, а также продолжающаяся практика незаконных рейдерских захватов чужого имущества.

Другой опасностью, которая должна преодолеваться правовыми средствами, является злоупотребление правом и недобросовестность в области предпринимательской деятельности. К их числу относится прежде всего злоупотребление монопольным положением на рынке как естественными монополиями, так и искусственно создаваемым монополизмом и нарушением правил конкуренции, например, на продовольственных или вещевых рынках посредством создания препятствий для конкурентов или установлением монопольных цен. Острой является проблема защиты прав и интересов экономически слабой стороны в отношениях по использованию частными лицами наёмного труда и в отношениях по реализации товаров, результатов работ, услуг гражданину-потребителю. Не отработаны до конца как система выявления, предупреждения правонарушений, так и система защиты потерпевших от состоявшихся правонарушений. Слабо в этой сфере используются такие институты гражданского общества, как профсоюзы и общества защиты потребителей, а также средства массовой информации. Наблюдается массовое использование текстов договоров присоединения, в которых условия договора страдают односторонностью в обеспечении интересов сторон участников.

Рыночная экономика в условиях России грозит хищническим использованием и уничтожением природных ресурсов. Немало опасностей для экономики страны в целом и отдельных субъектов представляет сфера внешнеэкономических связей. Наконец, большие усилия должны быть затрачены для защиты публичной собственности, используемой в гражданском обороте, в целях предотвращения противоправного завладения публичной собственностью или нерациональным использованием бюджетных средств. Принятие эффективных мер защиты по всем означенным направлениям невозможно без активного участия государственных и муниципальных структур законодательной, исполнительной, правоохранительной, судебной власти. Эффективность мер публичной власти в свою очередь в решающей степени будет зависеть от успешности преодоления явлений коррупции. Для преодоления названных опасностей и для обеспечения выполнения гражданским правом своего назначения на уровне требований Конституции РФ и общих положений Гражданского кодекса РФ требуется предпринять дополнительные усилия по следующим направлениям.

Во-первых, необходимо обеспечить надлежащее взаимодействие гражданского права с другими отраслями права. Это вызвано тем, что сами регулируемые гражданским правом отношения пересекаются с сопредельными отношениями, регули-

руемыми другими отраслями права. Соответственно этому в применение гражданского права вплетаются элементы других отраслей права. Например, гражданское право активно взаимодействует с административным правом, регламентирующим государственную регистрацию гражданских прав, таких как право собственности на недвижимость, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, регистрацию предпринимательской деятельности, юридических лиц. Защита нарушенных гражданских прав происходит на основе совокупного применения материального гражданского и процессуального права. Гражданские права охраняются также нормами административного и уголовного права. Поэтому эффект гражданско-правового регулирования не может быть достигнут в полной мере, если не обеспечивается должного совокупного применения ряда отраслей права. Так, в отсутствие эффективной защиты мерами уголовно-правового характера права собственности, прав на результаты интеллектуальной деятельности ценность гражданско-правового регулирования резко снижается или сходит на нет.

Необходимо, следовательно, системное регулирование отношений собственности и товарно-денежных связей. Важно при этом, чтобы было правильно определено соотношение частного и публичного права. Оно может быть различным в правовой системе. Это соотношение в целом устанавливается Конституцией РФ, которая является источником и публичного и частного права.

В советское время ввиду ведущего значения публичной собственности первенствовало публичное право. Элементы частного права относились к производным, к элементам второго порядка. Действующая Конституция РФ меняет это соотношение. В гл. 1 “Основы конституционного строя” человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. На государство возлагается обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Эти отправные положения, как и гл. 2 “Права и свободы человека и гражданина”, выводят частное право в центр правовой системы России. Публичное право, регламентирующее деятельность государства, призвано обеспечивать реализацию и защиту норм частного права. По Конституции РФ не человек существует для государства, а государство для человека. Иной подход означает нарушение Конституции РФ. Сообразно этому нормы публичного права призваны обеспечивать полную реализацию норм частного права, не создавать препятствий в возникновении и реализации частных прав. Поэтому требуется тщательный анализ смежных норм публичного права с позиции их эффективности для реализации норм частного права.

Очевидна, например, необходимость совершенствования процедур регистрации юридических лиц. Во-первых, было бы целесообразно передать регистрацию из ведения налоговых органов регистрационной службе Министерства юстиции РФ. Во-вторых, процедура регистрации должна обеспечивать проверку достоверности и соответствия закону представляемых в регистрационный орган документов и сведений, что позволило бы предотвращать регистрацию фактически не существующих организаций, а также регистрацию по подложным документам с целью последующего совершения действий по противоправному захвату чужого имущества. Необходимо расширение числа составов экономических преступлений в сфере отношений собственности, договорно-обязательственных связей, кредитно-расчетных отношений, оборота ценных бумаг. Полезно использовать опыт применения уголовно-правовых мер для предупреждения экономических правонарушений в странах с развитой рыночной экономикой. Требуется дальнейшее совершенствование сис-

темы защиты субъективных гражданских прав на основе сочетания судебных и несудебных процедур.

В целях обеспечения доступности правосудия и предотвращения перегрузки судов необходимо внедрить обязательные досудебные (в том числе переговорные) процедуры как по гражданским, так и особенно по административным (налоговым, таможенным и др.) делам. Для этого следует тщательно отработать организацию и процедуры досудебного урегулирования споров, связав их с судебными процедурами. Целесообразно принять дополнительные меры по использованию альтернативных методов разрешения споров, таких как третейское разбирательство, посредничество. Для повышения качества разрешения сложных споров необходимо шире использовать специализированные суды. Об этом свидетельствует положительный опыт работы специализированного суда по разрешению споров, возникающих по применению патентного права. Нуждается в дальнейшем укреплении и совершенствовании система исполнения судебных решений. Во-первых, целесообразно ввести поощрительные меры за добровольное исполнение административных и судебных решений, а также дополнительные санкции за неисполнение и уклонение от исполнения решений. Во-вторых, следовало бы усилить систему материального стимулирования активных действий судебных приставов по обеспечению исполнения судебных решений. Эти меры могли бы способствовать внедрению гражданского права в реальную жизнь.

Несомненно, завершением кодификации работа по совершенствованию гражданского права не заканчивается. Во-первых, в 2008 году по инициативе учёных Исследовательского центра частного права, поддержанной Указом Президента России от 18 июля 2008 года, началась работа по модернизации Гражданского Кодекса Российской Федерации. Модернизация ГК, как и его разработка, происходит на основе тщательно отработанной и широко обсуждавшейся концепции. Подготовленный на её основе проект изменений оказался настолько большим, сложным и важным, что в Государственной Думе было принято решение о рассмотрении его по частям. К настоящему времени принято уже восемь законов. На очереди рассмотрение ещё двух: о вещных правах и о финансовых сделках. Необходимо завершение работы по совершенствованию самого Гражданского кодекса РФ, которое происходит на основе глубоких концептуальных разработок, являющихся результатом тщательного анализа опыта применения ГК и возникающих при этом новых значимых проблем.

Во-вторых, должна продолжаться работа по подготовке и совершенствованию законов, в которых общие положения ГК находят свою реализацию. В-третьих, многое можно улучшить и через достижения судебной практики по толкованию и применению норм ГК на уровне постановлений пленумов Верховного Суда РФ, а также правовых положений Конституционного Суда РФ, обеспечивающих единообразие судебной практики и ее направленность на реализацию Конституции РФ и общих положений Гражданского кодекса РФ.

Yakovlev V.F.

Civil code of Russia: development of general provisions of civil law

Article is devoted to history of creation of the existing Civil code of the Russian Federation, development of the regulations on a civil law subject, its principles, functions, a method of regulation of economic relations, the relations of property and a commodities-money turnover fixed in this Code.

Keywords: civil law, his subject, principles, method, regulation functions.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В IX–НАЧАЛЕ XXI ВВ. В ТРУДАХ–ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

Нечаева А.М.

ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье прослеживается исторический путь развития законодательства, касающегося воспитания детей в семье. Обращаемся внимание на складывавшиеся веками традиции их семейного воспитания, возникавшие под воздействием государственных предписаний, особенно тех, которые служат родительскому авторитету, приоритету интересов ребенка.

Ключевые слова: история, государство, закон, семья, приоритет родительской власти, интересы несовершеннолетних.

Заинтересованность государства в качестве подрастающего поколения объясняет вторжение в сугубо индивидуальную сферу жизни человека, каковой является семейное воспитание несовершеннолетнего. Такая заинтересованность имела место, как только возникло Государство Российское. Оно меняло способы своего выражения, в числе которых находились и нормативные акты, где так или иначе закреплялись правила, предназначенные для семейного воспитания детей. Но неизменными оставалась их направленность: государственная защита осиротевших детей, усиление родительского авторитета, что сочеталось с обязанностью выполнять родительский долг. Так постепенно из века в век формировались передаваемые из поколения в поколение нормы поведения, связанные с семейным воспитанием. Постепенно они превратились в национальные традиции. Но одни из них канули в вечность, утратили свой смысл, привлекательность, другие получили признание. Вот почему знание прошлого содержит много поучительного, позволяет отобрать в массе исторического материала полезное для нашего непростого времени. Именно поэтому в процессе совершенствования действующего семейного законодательства имеет смысл учитывать заслуживающие внимания российские традиции, связанные с семейным воспитанием. Знакомство с ними позволит определить, что стоит заимствовать из богатого прошлого, а что “сдать в архив”.

В эпоху, именуемую “Древняя Русь”, когда еще не существовало государства в современном понимании этого слова, о нормативном регулировании семейного воспитания говорить не приходится.¹ Но о послушании детей родителям упоминалось ещё в далеком прошлом, о послушании же детей отцу и матери – даже в первона-

---

Нечаева Александра Матвеевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН (Москва).

¹ См.: *Неволин К.* История российских гражданских законов: в 3-х тт. Т. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. – СПб., 1851. С. 317.

чальных летописях.¹ После Крещения Руси (988 г.) отношения, связанные с детьми, регулировались как старинными обычаями, так и нормами канонического (церковного) права, Русской Правдой и Кормчими книгами.² Русская Правда содержала правило: дети холопов приравняются к приплоду скота.³ Но в старину к ним относились “снисходительно”.⁴ Церковь в своей деятельности руководствовалась главным образом нормами византийского права, которые вошли в так называемые Кормчие книги, впитавшие в себя православные каноны.⁵ Однако она была бессильна бороться, например, с массовым бедствием того времени – продажей родителями по причине голода своих детей “приезжому гостю”.⁶ В отдельных случаях их продавали “вне этих обстоятельств”.⁷ Естественно, в ту давнюю пору правовых проблем, связанных с семейным воспитанием детей, не возникало и не могло возникнуть. Можно говорить лишь об их положении в обществе далекого прошлого. Тем не менее, после принятия христианства “святость родительской власти ограничилась”, родители уже не имели права ни на жизнь, ни на свободу своих детей. Но в Кормчей книге эта власть приравнивалась к власти “господина над своими рабами”⁸, отчего проблемы их воспитания не возникали вовсе.

Таким образом, в пору, когда не существовало единого Московского государства, каналы воздействия на семейное воспитание детей были специфическими. Среди них выделялись всевозможные поучения, исходившие от великих князей. Одни из них были обращены к простому человеку, должны были регламентировать его жизнь и поступки, другие – “иному кому”. К числу первых относились поучения, направленные “против пьянства, обжорства, излишеств и языческих пережитков”.⁹ Ко вторым – не только князья, но и те, для кого предназначалась “краткая гигиена личной внутренней жизни”, что имело прямое отношение к семейному воспитанию детей, поскольку речь шла о таких поучениях, как: цени труд; молчи “при старых”, слушай премудрых; не свирепствуй словом, много не смейся, научись “языку удержанию”, “уму, смирению, телу поработению”; “понуждайся на добрые дела, не лъсти, терпи”.¹⁰ Но уже в далёком прошлом отношение к детям, потерявшим почему-либо родителей, совпадало с христианским мировоззрением, способствовало формированию иного к ним отношения.¹¹ Однако оно основывалось на религиозных, моральных побуждениях, рассматривалось как богоугодная акция.¹²

С образованием единого Московского государства благодаря объединению раз-

---

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – СПб.–Киев, 1909. С. 317.

² См.: *Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. I: Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.Л. Янин.* – М., 1984. С. 23.

³ См.: Там же. С. 99.

⁴ См.: *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки 11–13 веков. – М.–Л., 1966. С. 66.

⁵ См.: *Кормчая книга.* М., 1912. Т. I, II. Впервые была напечатана на Руси в 1650 г.

⁶ *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 187.

⁷ Там же.

⁸ *Неволин К.* Указ. соч. С. 319.

⁹ *От Корсуня до Калки (Современники о Руси 10–13 веков).* – М., 1990. С. 479.

¹⁰ *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 130.

¹¹ См.: *Ошанин М.* О призрении покинутых детей. – Ярославль, 1992. С. 6.

¹² См.: Там же. С. 11.

рожденных княжеств дети, как и прежде, находились под властью обычного и церковного права, что нашло свое отражение в выдающемся историческом памятнике – Домострое. С одной стороны, он представлял собой описание быта русского человека, с другой – “дидактическую поэму”¹, содержащую наставления “о богоугодном устройстве жизни”. Это было уже государственное предписание, “как жить православным христианам в миру с женами и детьми и домочадцами”.² В тексте Домостроя прослеживалось несколько направлений теперь уже государственного регулирования семейных отношений по воспитанию детей: во-первых, повторяющаяся веками церковная заповедь о почитании родителей; во-вторых, призыв к родителям строго наказывать своих детей; в-третьих, не допускать такой родительский грех, как “небрежение” к своим детям. За этот грех родителям предстоит “ответ дати им самим за дети своя в день Страшного Суда”.³ Идеи Домостроя нашли своё отражение в Стоглаве (истории права), ст. 36 которого называется “О наказании чад своих”, где сказано: «Так же и юных детей своих наказуйте и учите страху Божию, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и в прочих добродетелях. А сквернословие бы и предисловие никогда не именовалось».⁴

Первый в истории России систематизированный Закон – Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича, пытавшегося объединить церковное и светское право, содержал целый ряд правил, касавшихся детей, их воспитания родителями. Теперь родителям предоставлялось право продавать своих детей в холопство “или в крестьяне вместе с собою”.⁵ Кроме того, это Уложение закрепляло неограниченное право отца и матери по отношению к своим детям, что отражало предписания, продиктованные церковью. В то же время в его тексте не было четкого ответа на вопрос о двойственности родительской власти. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, родительская власть принадлежала обоим родителям, поскольку распоряжаться брачной судьбой своих детей могли не только отцы, но и матери.⁶ А.И. Загоровский же считал, что двоевластие родителей в далеком прошлом «может быть принято только с оговорками».⁷ Что же касается, названия “незаконнорожденный”, то теперь оно с точки зрения церкви считалось позорным, а незаконные связи преследовались церковью самым жесточайшим образом. Таким образом, вопросы, казалось бы, сугубо правового свойства находились под влиянием религии, а проведение четких границ между церковным и светским правом было ещё затруднительно. Но в некоторых случаях можно было, например, прибегать к нормам светского права, исходившим от государства. Так, дети лишались права обращения в суд с челобитными на родителей и подлежали за это торговой казни с последующей выдачей их родителям.⁸

---

¹ Домострой. – СПб., 1967. С. 10.

² Домострой. – Одесса, 1887. С. 45.

³ Там же. С. 41.

⁴ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А-Д. Горский. – М., 1985. С. 299.

⁵ Неволин К. Указ. соч.

⁶ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1886. Вып. 2. С. 135.

⁷ Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса, 1909. С. 269.

⁸ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 3: Акты земских соборов / Под общ. ред.

В Московском государстве осиротевшие дети, как и прежде, были предметом особого внимания. Забота о них осуществлялась по-разному. Их отдавали в монастырь, в зажиточные дома, где благочестивые отцы семейств их воспитывали и обучали, а по достижении совершеннолетия отпускали. Подобное устройство осуществлялось, как правило, «на общественных началах». А крестьянские дети, «оставшись без родителей своих», поступали на воспитание или родственников, или посторонних людей вместе со своим имуществом.¹ Но уже в середине XVII века получила свое дальнейшее развитие концентрация призрения таких детей в руках гражданской власти. Были созданы приказы, занимавшиеся призрением бедных и сирот. В 1682 году был подготовлен проект указа, где впервые ставился вопрос об открытии для нищих безродных детей специальных домов с целью обучения их грамоте и ремеслам, наукам, которые «зело и во всяких случаях нужны и потребны».² Этот проект как бы завершал эпоху, когда зародилась идея государственного призрения, в основе которой лежали «нужды государства и забота о пользе населения»³, а не соображения, связанные со спасением души. Вместе с тем подобного рода устройство осиротевших детей при необходимости заменяло передачу сироты в семью. Из-за нехватки рабочих государство рассматривало его как будущего работника. Поэтому оно отдавало осиротевших детей частным лицам или церковным учреждениям, позволяя им пользоваться бесплатным трудом своих воспитанников, что рассматривалось как наиболее примитивная форма заботы общества и государства о малолетних, оставшихся без семьи.⁴ В иных случаях оставшийся без родителей ребенок «бил челом во двор к лицу, согласившемуся взять его к себе», чем обеспечивал свое пропитание.⁵ Здесь ещё нет места процессу систематического целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности ребенка» т.е. его воспитанию в современном его понимании. Но имел место процесс превращения несовершеннолетнего в бесправного работника, в чем также было заинтересовано государство, и его заинтересованность удовлетворялась существующим порядком вещей, а не специальными нормативными актами.

Если посмотреть на прошлое, когда уже сформировалось Московское государство, то станут заметными значительные перемены, ставшие предпосылками будущих изменений в нормативном регулировании семейного воспитания. Их появлению не в малой степени способствовал Домострой, который, во-первых, посвящался семье, родителям, детям. Наполненный правилами как обычного, так и церковного права, он по-своему служил переходным этапом к регулированию государством семейных отношений, связанных с семейным воспитанием. Во-вторых, превращал в сугубо правовые предписания правила, относившиеся к семейному воспитанию, которые включал первый в истории России систематизированный закон – Со-

---

О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. М., 1985. С. 433.

¹ См.: *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск, 1876. С. 36.

² Цит. по: *Довгалева А.И.* Семейное воспитание приемных детей. – М., 1948. С. 7.

³ *Максимов Е.Д.* Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. – 1900. № 1. С. 58.

⁴ См.: *Бахрушин С.* Организация попечения о беспризорных детях в Москве. – М., 1916. С. 2.

⁵ Там же. С. 1.

борное уложение. Были также созданы такие органы государственного управления, как приказы, в чью компетенцию входило и призрение осиротевших детей, постепенно сосредоточившись в руках гражданской власти, т. е. государства, имеющего свой интерес, устройство детей не только в семью, но и в детские заведения. Что же касается прежних традиций: сохранение, укрупнение любой ценой родительской власти, беспрекословное подчинение ребенка родителям, – то они оказались живучими и сохранялись ещё не один век.

Исторический период, именуемый “Российская империя” включает в себя, во-первых, время правления Петра I и Екатерины II, во-вторых, Россию XIX века. Считалось, что Петр I «положил твердую границу между древним русским миром и новым».¹ Отныне пресекался обычай продавать “людей” по отдельности.² Пётр I на этот счёт повелевал: «Оную продажу людей пресечь, а ежели невозможно того будет – вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь».³ А «наипаче от семей, от отца или от матери, дочь или сына помещик продает отчего немалый вопль бывает».⁴ Не оставил без внимания Пётр I и вопросы, связанные с родительской властью. Он подтвердил право родителей применять к непокорным детям “домашние исправительные меры”. При их “безуспешности” родителям разрешалось отдавать детей в смиренные дома, принести жалобу на детей в суд.⁵ Однако Пётр I считал, что «дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям против своей совести, особенно, в том, что требует собственного их разсуждения и воли».⁶ В пору правления Петра I действовало указание на то, что родители властны воспитывать своих детей либо дома, либо отдавать их в общественные заведения «от правительства или частных лиц, учрежденных».⁷

Реформаторская деятельность Петра I была связана и с улучшением положения детей, оказавшихся “ненужными”. Он повелевал призывать сирот – «без призрения после родительства оставшихся подкидышей».⁸ Своим Указом от 4 ноября 1715 г. он предписал устраивать в Москве и других городах «гошпитали для зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно и стыда ради отметывают в разные места».⁹ Не исключалась в устройстве осиротевших детей помощь церкви, монастырей. Это время отличалось стремлением внести какую-то систему в деятельность по устройству осиротевших детей, чтобы она сочеталась с «принципом следования общественной пользе и порядку в личном проявлении милосердия».¹⁰ Так государство постепенно сосредоточивало в своих руках заботу о тех, кто нуж-

---

¹ *Неволин К.* Указ. соч. С. 11.

² См.: Акты о высших государственных установлениях. Т. 1: Законодательные акты Петра I. – М.–Л., 1945.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Неволин К.* Указ. соч. С. 329.

⁶ *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (Очерк обычного права) // Русская речь. – 1879. Ч. 1, 2. С. 292.

⁷ *Неволин К.* Указ. соч. С. 326.

⁸ Цит. по: *Довгалева А.И.* Указ. соч. С. 8.

⁹ *Брокгауз Д.А., Эфрон И.А.* Указ. соч. – СПб., 1892. Т. 7. Кн. 13. С. 276.

¹⁰ *Максимов Е.Д.* Из истории государственного призрения в России // Трудовая помощь. – 1901.

№ 1-2. С. 35.

дался в его помощи. Она к тому же связывалась с государственной пользой, которая дополнялась всякого рода поучениями родителям, детям, совпадающими с проводимой государственной политикой, в чьи задачи входило внедрение церковных заповедей нравственного порядка.

К числу наиболее распространенных поучений рассматриваемого периода времени, имевших широкое распространение и влияние на семейное воспитание, относятся: «Завещание отеческое к сыну...» Ивана Посошкова, «Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению», «Духовная моему сыну» В.Н. Татищева. В своих поучениях И. Посошков наставлял: «Надобно детей учить неоплошно и держати их в великой грозе. Первое, чтобы перед Богом трепетен был, другие, чтобы и вас боялся».¹ К тому же «всяко бы зло и безумство родитца от родителей потачки».² Следовательно, линия на сохранение древней заповеди о покорности в семье детей и всевластии родителей оставались прежней. А «Юности честное зеркало» учило: «Наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать».³ «Молодой отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и “безпокоен”».⁴ Здесь же были сформулированы правила поведения, которые предназначались молодым людям, и, надо полагать, и тем, кто ещё не достиг совершеннолетия: «Часто одного дела не повторять, на стол, на скамью или на что другое не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должен прямо».⁵ К тому же нельзя было часто сморкаться, «якобы в трубу трубить» или «громко чихать».⁶ Что же касается крестьянских детей, то их каждый крестьянин «должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда понуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог».⁷ Отсюда делался вывод о воспитании вообще, семейном, в частности, чтобы оно осуществлялось «в духе смирения и полного послушания Богу, царю, родителям».⁸ Церковные законы продолжали оказывать влияние на семейное воспитание детей, для чего использовались всевозможные каналы воздействия на религиозного человека. Государство действовало косвенным образом с помощью общих предписаний, адресованных родителям, авторитет которых продолжал всячески поддерживаться как церковью, так и государством. Другими словами, взаимосвязь государства с семейным воспитанием начинает обнаруживать себя все более отчётливо.

В пору правления Екатерины II, во-первых, продолжала царить родительская власть. Вместе с тем российское законодательство по-прежнему не даёт перечня ограничений родительской власти, если мать / отец ею злоупотребляли. Поэтому «самые безнравственные родители, поведение которых самым развращающим об-

---

¹ *Посошков И.* Завещание отеческое сыну. – М., 1873. С. 53.

² Там же.

³ *Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению.* – СПб., 1717. С. 1.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же.

⁷ *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. – Л., 1982. С. 85.

⁸ Там же. С. 102.

разом действует на детей, страдающих морально и физически, сохраняют всю полноту своей власти, как и родители безукоризненной нравственности и вполне чадолюбивые».¹ Иначе говоря, государство весьма своеобразно проявляло свою активность в защите интересов ребенка, создавая «смирительные дома», предназначенные для сыновей и дочерей, «кои родители своим непослушны или пребывают злого жития, ни к чему доброму не склонны».² Кроме того, согласно ст. 378 Указа «Учреждения для управления губерний» в каждой губернии создавались приказы общественного призрения, в чью компетенцию входило «установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания». Налицо свидетельство проявления роста государственной заботы о детях, лишившихся возможности воспитываться в семье, тем более что содержались эти приказы на средства, жалуемые из казны императрицы. На каждую губернию приходилось 15 тыс. руб. из её доходов. И Закон предписывал: «С семи деньгами поступать так, чтобы действительно обращены были в пользу тех установлений и отнюдь утрачены не были понапрасну, и не были бы обращены на другие употребления, или бы не пропадали злоупотреблениями от части или вовсе».³ Приказу общественного призрения разрешалось отдавать эти деньги «в узаконенные проценты», на «верные заклады на основании дворянского банка», «умножать свой капитал и принятием от добродетельных людей к благим установлениям добровольного подаяния, что кому разсудится и для которого установления за благо разсудит назначать, так и употреблять».⁴

Так укреплялись финансовые основы деятельности государства, в частности по устройству детей-сирот под опеку (попечительство) в семью, способную заменить родительскую. Однако такое устройство осуществлялось с учётом сословной принадлежности ребенка, нуждающегося в государственной защите. Существовала, например, опека дворянская для дворянских вдов и малолетних, опека над сиротами купцов, мещан и др. В пору царствования Екатерины II не только был закреплён принцип сословности в деле устройства нуждающихся в помощи детей, но и зафиксированы правила административно-организационного характера, где нашли своё отражение предписания сугубо нравственного порядка, находившие ранее своё место главным образом в различного рода поучениях, церковных заповедях. Теперь они стали частью Закона, исходящего от государства.

В 1782 году Екатерина II подписала Устав благочиния.⁵ В одной из его редакций сказано: «Родители суть властелины над своими детьми; природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию».⁶ «А дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить им самым делом, словами же и речами отзываться об них с величайшим почтением, сносить родительские

---

¹ Загорский А.И. Указ. соч. С. 314.

² Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 5: Законодательство расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома Е.И. Индова. –М., 1987. С. 267.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ См.: Загорский А.И. Указ. соч. С. 178.

⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1886. Вып. 2. С. 140.

поправления и увещевания терпеливо, без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей».¹ Так, уже в Законе закрепляются сложившиеся веками церковные предписания. К ним прибавляются различного рода запреты, касающиеся всех и каждого, оказывающие влияние и на несовершеннолетних: например, говорить громко, кричать, хохотать, шуметь в церкви, пьянствовать, употреблять бранные или непотребные слова в общенародном месте или при людях благородных, или выше его чином, или при женском поле.² Подобным образом формировались нравственные качества и детей с помощью Закона, выражавшего волю государства.

В деятельности Екатерины II, находившейся под влиянием западноевропейских просветительских идей, особое место занимает устройство осиротевших детей. Она предписывает устраивать их, во-первых, в сиротские дома, во-вторых, в семью. Причём, «если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию призрения большому числу сирот, то приказ отдаёт неимущих сирот за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время приказу».³ Такова выдержка из ст. 301 Указа «Учреждения для управления губернией», т.е. закона в части, касающейся процедуры устройства осиротевших детей. Здесь уже речь идёт о предусмотренном государством способе защиты осиротевших детей – в семью или детское учреждение. Что же касается последнего, то особое место среди таких учреждений занимали воспитательные дома – учреждения государственные.⁴ Первый из них был построен в 1764 г. в Москве, второй – в 1772 г. в Петербурге. Найденного ребенка принимали от всякого принёсшего, а за каждого принесенного младенца выплачивалось два рубля⁵ за труд доставления. В воспитательном доме предстояло создать совершенно новую породу людей детей-граждан, способных служить Отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах.⁶

Манифест Екатерины II «Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц» призывал создавать «сиропитательницы» в других городах. По частной инициативе благотворителей они открылись, например, в Новгороде, Воронеже, Оренбурге. А согласно Своду законов общественного призрения они учреждались и государством как «сиротские дома» для призрения и воспитания сирот «мужеска и женска пола». Ребёнку, находившемуся в сиротском доме, предстояло находиться там до трёх лет, после чего он передавался в один из столичных воспитательных домов.⁷ Но идея создать так называемое «третье сословие» потерпела крах из-за чрезвычайно высокого наплыва детей в воспитательные детские дома, их высокой смертности. Поэтому практиковался иной

---

¹ *Неволин К.* Указ. соч. С. 328.

² См.: Там же. С. 359.

³ *Стог А.Д.* Об общественном призрении в России. – СПб., 1818. Ч. 1-2. С. 65.

⁴ *Яблоков Н.В.* Призрение детей в воспитательных домах. – СПб., 1901. С. 23.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ *Ошанин М.* Указ. соч. С. 13.

⁷ См.: *Засецкий Н.А.* О призрении незаконнорожденных детей и подкидышей вообще, и в частности о земских воспитательных домах и о принципах, которые должны быть положены в основу их реорганизации. – Казань, 1902. С. 7.

способ их устройства: передача детей в деревенские семьи за плату (2 руб. в месяц).

Таким образом, в пору царствования Екатерины II использовались разные способы устройства осиротевших детей. И они носили уже ярко выраженный государственный характер. А к родительской власти, положению детей в семье отношение оставалось прежним. Но уже все более четкой становится церковная заповедь, которая, по сути, являлась своеобразной разновидностью ответственности родителей за семейное воспитание своих детей, что нашло свое отражение в словах – родители за детей своих перед Богом в ответе. «Он вас за них сильно истязет».¹ В то время имело место и поучение, где говорилось: не обучать ребенка “по-французски, немецки, итальянски”, “светской политике” “греха нет”. «А что в добрых правах не наставите – суда Божьего и истязания не избегнете».²

Налицо своеобразные предписания, адресованные родителям, часть которых со временем была отнесена к их обязанностям, предусмотренным законом. Что же касается наставлений детям, то они сохраняли прежние к ним отношение, воспитывающее у ребенка чувство страха и унижения. Родительская власть по-прежнему пользовалась, особенно у крестьян, таким уважением, что иногда родительская воля «получает какое-то религиозное освещение».³ В середине XVIII века многие правила, предназначенные для семейного воспитания, именуемые наставлениями, определялись на местах. Например, Тобольское наместническое правление “сочинило” предписание, где говорилось об обязанностях крестьянской семьи прививать детям навыки по домоводству и хлебопашеству и «ко всякой другой сельской работе».⁴

Обобщая сказанное относительно нормативного регулирования семейного воспитания в период царствования Петра I и Екатерины II, т.е. в эпоху, обозначаемую как “Российская Империя”, нетрудно заметить, как постепенно становится всё более активным участие государства в правовом регулировании семейного воспитания, которое сочетается с церковными заповедями, старинными, патриархальными, домостроевскими воззрениями. Все они становятся традициями, т.е. исторически сложившимися и передаваемыми из поколения в поколение обычаями, нормами поведения, взглядами и др.⁵ Одни из них вызывают уважение, полезны и целесообразны, а потому нуждаются в сохранении и, может быть, дальнейшем усовершенствовании, другие представляют интерес только как признаки далекого прошлого. К первым, несомненно, относится воспитание трудолюбия у подрастающего поколения, к числу последних – превращение ребенка в бессловесный, беззащитный предмет родительской власти.

Начало XIX века ознаменовалось Отечественной войной 1812 г., оказавшей влияние и на стремление изменить многое в государственном устройстве России, что нашло своё отражение и в событиях декабря 1825 года. Их участники стали именоваться *декабристами*, к которым принадлежал и П.И. Пестель, составивший наказ

---

¹ Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. – М., 1889. С. 102.

² Там же. С. 118.

³ Тютрюмов И. Указ. соч. С. 294.

⁴ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). – Новосибирск, 1979. С. 141.

⁵ См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1337.

Временному верховному правлению, именуемый Русской Правдой¹, где содержались предложения, касавшиеся не только нововведений государственного масштаба, но и связанных с содержанием законов, определивших «сношения семейные».² Примечательно, что, по мнению П.И. Пестеля, в их число входили те, что имеют прямое отношение к семейному воспитанию, влиянию государства на процесс его осуществления: «дети обязаны с глубочайшим и низжайшим высокопочтением относиться к своим родителям в продолжение всей своей жизни и во всех возможных случаях»; родители «имеют над детьми полную личную власть, до совершеннолетия детей, то есть до 20 года их возраста»; родители обязаны выучить детей какому-нибудь ремеслу, способному обеспечить им средства к пропитанию; дети «обязаны родителей своих в старости покоить и пропитывать, обращаясь, когда нужно, к общественным вспоможениям»; дети «незаконнорожденные ставятся наравне с подкидышами и детьми, коих родители неизвестны».³ Таким образом, сложившиеся веками традиции, связанные с семейным воспитанием, сохранялись, но предполагалось в перспективе облечь их в правовую форму. Вместе с тем в то же время появилось государственное предписание в виде правительственного постановления, содержащее правило о том, что дети в возрасте от 10 до 18 лет «должны быть воспитаны внутри России».⁴

Для середины XIX века характерно усиление ответственности детей за неповиновение родительской власти, что нашло свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ст. 1591 которого говорилось: «Сын или дочь, дерзнувшие одному из родителей своих или обоим нанести раны или увечье или причинить иное телесное повреждение», подвергаются наказанию.⁵ Но примечательно, что ст. 1587 Уложения предусматривало и ответственность родителей за злоупотребление родительской властью. Вместе с тем сохраняется государственная защита родителей путем установления уголовной ответственности за умышленное убийство отца или матери в виде бессрочной каторги. Что же касается гражданского законодательства, то оно было обобщено в появившемся в 1830 г. Своде законов Российской империи, впитавшем опыт прошлого. Одновременно в его тексте нашли место и правила, правовые предписания, надобность в которых диктовалась временем, стремлением государства укрепить свои позиции в правовом регулировании семейных отношений, в том числе касающихся семейного воспитания.

Свод законов Российской империи продолжал сохранять пиетет, неколебимость родительской власти. Причем воздействие государства на процесс семейного воспитания осуществлялось преимущественно косвенным образом путём возложения на родителей соответствующих обязанностей, тем более что Российское государство вплоть до начала XX века возлагало заботу о своих детях прежде всего на родителей.⁶ В подобном перечне родительских обязанностей обращается внимание, во-первых, на формирование нравственных качеств ребенка, во-вторых, на его воспи-

---

¹ См.: Пестель П.И. Русская Правда. – СПб., 1906.

² Пестель П.И. Русская Правда. С. 179.

³ Там же. С. 221.

⁴ Неволлин К. Указ. соч. С. 329.

⁵ См.: Свод законов уголовных. – СПб., 1885. Т. XV.

⁶ См.: Свод законов Российской империи. – 1914. Т. X. Ч. 1.

тание в семье, в-третьих, воспитание, “содействующее видам правительства”, иными словами – государства. Его позиция выражена в законе чётко и недвусмысленно, не страдает неопределённостью. Что же касается детей, то и они наделяются определёнными обязанностями, опять-таки сформулированными государством. Сюда входят правила, зафиксированные в ст. 77 Свода: оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле; отзываться о них с почтением; сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота. Так выглядят переложённые на язык закона сложившиеся веками, имеющие религиозное наполнение положения, имеющие прямое отношение к нормативному регулированию семейного воспитания.

Как и прежде, в начале XIX века предметом государственной заботы оставалось устройство осиротевших детей в различного рода учреждения, заведения. Но если законодательство предыдущих лет всячески способствовало централизации их устройства в воспитательные дома, приюты, то теперь центр тяжести переносится на различные виды оказания им помощи. Появился Указ о выдаче пособия бедной матери, которая не в состоянии воспитывать детей собственными средствами.¹ Но желающих получать это пособие «явилось такое множество, что пришлось прибегнуть к сокращению расходов» и в конце концов к прекращению их выплат. В то же время появилось так называемое “городское воспитание”. Его суть заключалась в предоставлении матери возможности за определённую плату воспитывать своих детей дома до достижения ими семилетнего возраста.² А приносимые в воспитательный дом, приют дети отсылались в деревню «с воспрещением обратного их поступления в это заведение».³ Надзор за детьми в таких случаях входил в обязанности окружных надзирателей и главным образом врачей.⁴ Существовал даже запрет на создание детских учреждений за государственный счёт. Они стали возникать в основном за счёт частной благотворительности, церкви, монастырей. Для руководства такими приютами создается Комитет главного попечительства и разрабатывается Положение о детских приютах. В их задачу входило «приучение детей к труду, повиновению и опрятности».⁵ Пришедшая в приют нуждающаяся мать была вправе получать помощь (деньги на дорогу, покупку молока, пособие для уплаты воспитательнице).⁶ Она могла находиться в приюте со своим ребенком. Когда она выходила с ним отсюда, ей продолжали выплачивать на него пособие (в день 30 коп. в течение первого года, 20 коп. – на втором году жизни ребенка), после чего выплата прекращалась. В то же время практиковалось соединение родильного приюта с воспитательным, что позволяло перевести ребенка вместе с матерью в воспитательный приют.

Для второй половины XIX века характерно закрепление устройства осиротевших детей за организациями, в ведении которых находились отдельные группы населения, отдельные владельцы и ведомства. Им предстояло “тщись” о своих под-

---

¹ См.: *Ошанин М.* Указ. соч. С. 15.

² См.: *Яблоков Н.В.* Указ. соч. С. 40.

³ Цит. по: *Довгалева А.Н.* Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: *Яблоков Н.В.* Указ. соч. С. 51.

⁵ Педагогическая энциклопедия. – М., 1966. Т. 3. С. 510.

⁶ См.: *Ошанин М.* Указ. соч. С. 42.

данных. Более разнообразной становилась практика устройства осиротевших детей на местах. Были учреждены приюты для младенцев и детей более старшего возраста, созданы сельские приютные дома для подготовки “хозяйственных крестьян”. Налицо поиск разнообразных видов устройства детей-сирот. Тем не менее, императрица Мария Федоровна, в чье ведомство входило большинство приютов, констатировала: «Результаты воспитания оказались в сплошном почти вымирании призревавшихся, а воспитательное значение выразилось в совершенной непригодности выросших воспитанников к самостоятельной трудовой жизни... Они оказались менее всех граждан полезными своему Отечеству и дошли до последующей степени падения».¹

Обобщая всё сказанное относительно участия государства в нормативном регулировании воспитания детей, в том числе семейного, надо сказать, что в XIX веке степень такого участия увеличилась главным образом за счёт появления Свода законов Российской империи. Что же касается судьбы сирот, то забота о них стала более разнообразной, что свидетельствует о стремлении сделать её более эффективной. Но при всём различии её способов выделяются три категории нуждающихся в государственной поддержке детей. В первую входят осиротевшие дети крепостных крестьян, которые в соответствии с Общими положениями о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (1861 г.), возлагали на крестьянские общины обязательное призрение круглых сирот.² Государственная забота об осиротевших детях осуществлялась, во-первых, ведомством императрицы Марии Федоровны, за которым закреплялись столичные и некоторые другие воспитательные дома, во-вторых, земством на местах, Земские учреждения действовали на основании Земского положения. Им надлежало преодолеть “косность и бездушие” приказов общественного призрения в «деле устройства жизни осиротелого, покинутого детства». В их задачу входило привлечение внимания русского общества к защите детей-сирот, в том числе уменьшить смертность тех, кто воспитывался в приютах, воспитательных домах, а также посланных в деревню. Другими словами, земская деятельность, занявшая особое место в истории России, сводилась к сохранению жизни ребенка, избавлению его от болезней, порожденных бедностью.

Таков определённый прогресс в процессе нормативного регулирования семейного воспитания и воспитания несовершеннолетних, потерявших свою семью, впитавший в себя многовековые традиции, совпадающие в принципе в своей основе с теми, что поддерживались государством веками. Но с преобразованием России в государство иного типа возникла необходимость не только в корне изменить государственное устройство нуждающихся в том детей, но и реализовать коммунистическую идею о передаче всех несовершеннолетних на воспитание государства, поскольку семье предстоит прекратить своё существование. Поэтому надо было осуществить реформу колоссального масштаба – национализировать детей, поскольку «ни семья, ни отдельные лица или группы лиц не могут поставить и выполнить колоссальную задачу воспитания так рационально, как всё общество, всё государст-

---

¹ *Ошанин М.* Указ. соч. С. 15.

² См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 7: Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1989. С. 72.

во».¹

Таким образом, отныне все функции регулирования отношений, связанных с воспитанием детей, должны были перейти к государству. Однако семья продолжала жить, что не могло не отразиться на вновь принятых законах. Но после ликвидации понятия “родительская власть” по-прежнему в первом Семейном кодексе 1918 г. говорилось о личных правах и обязанностях детей и родителей с одной очень важной оговоркой: «Родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишить родителей этих прав» (ст. 153 Кодекса). Следовательно, во-первых, никакая национализация детей даже не начиналась, во-вторых, государство подчёркивало, что интересы ребенка имеют приоритетный характер, что относится к незыблемым положениям до сегодняшнего дня. Но заложенная в первые годы становления РСФСР идея об ответственности за воспитание несовершеннолетнего, в первую очередь государства, а не родителей, оказалась живучей, способствующей безответственности родителей за семейное воспитание ребенка. Заслуживает внимания и определение в этом кодексе цели воспитания – подготовка несовершеннолетних к полезной деятельности, что, несомненно, и в интересах государства. Надо сказать, что подобного рода цель, несколько видоизмененная в сторону расширения и уточнения, находила свое отражение в Семейных кодексах 1926, 1969 гг.

Особое место в государственной деятельности по защите детей занимала в то время борьба с беспризорностью, порождаемой нуждой, сиротством, голодом, “беженством”, войной, безработицей.² Беспризорность росла под влиянием отсутствия достаточного интереса к воспитанию ребенка – его материальному благополучию, образованию, обеспечению ему разумных и здоровых развлечений, устранению от него опасных социальных явлений.³ Такое отсутствие объяснялось прочностью идеологии, так называемого общественного воспитания. Этим обстоятельством в совокупности с различного рода трудностями можно объяснить, почему в 30-е годы XX века в детские дома устраивали и по просьбе самих родителей, которые потом скрывались.⁴ Так появился термин “*полусирота*”. Трудности первых десятилетий существования РСФСР сочетались с активностью государства по спасению несовершеннолетних, осиротевших в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), которая лишила тысячи и тысячи детей семьи, родителей, усложнило семейное воспитание детей. А после войны (в 1952 г.) Совет Министров СССР принял постановление «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР»⁵, где обращалось внимание на то, что «не принимаются меры к устройству детей, оставшихся без родителей, и детей, нуждающихся в помощи государства». Кроме того, в 1954 году Советом Министров РСФСР был утвержден новый Устав детского дома, а несколько позже созданы школы-интернаты на 500 детей, предназначенные

---

¹ См.: Детский дом и борьба с беспризорностью. – М., 1928. С. 25.

² См.: Люблинский П.И., Копелянская С.Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. – Л., 1924. С. 7.

³ См.: Там же. С.17.

⁴ См.: Детский дом и борьба с беспризорностью. С. 8.

⁵ См.: Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. – М., 1962. Т. I. С. 516.

не только для сирот, но и для тех, у кого были родители. Однако при этом сохранялись всякие ограничения в общении с ними детей.

Таков ещё один пример сохранения приоритета общественного, а не семейного воспитания. А переломным моментом в направлении нормативного регулирования семейного воспитания стала Конституция СССР 1977 г., ст. 53 которой провозглашала: «Семья находится под защитой государства»¹, после чего все последующие нормативные акты коренным образом изменили своё отношение к правовым предписаниям семейного воспитания.

Источники и использованная литература:

1. Акты о высших государственных установлениях. Т. 1: Законодательные акты Петра I. – М.–Л., 1945.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. № 41.
3. Домострой. – СПб., 1967.
4. Домострой. – Одесса, 1887.
5. Кормчая книга. – М., 1912. Т. I, II.
6. *Пестель П.И.* Русская Правда. – СПб., 1906.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. I: Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.Л. Янин. – М., 1984.
8. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.-Д. Горский. – М., 1985.
9. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 3: Акты земских соборов / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. – М., 1985.
10. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 7: Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1989.
11. Свод законов уголовных. – СПб., 1885. Т. XV.
12. Свод законов Российской империи. – СПб., 1914. Т. X. Ч. 1.
13. Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению. – СПб., 1717.
14. *Неволин К.* История российских гражданских законов: в 3-х т. Т. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. – СПб., 1851.
15. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – СПб.–Киев, 1909.
16. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки 11–13 веков. – М.–Л., 1966.
17. От Корсуня до Калки (Современники о Руси 10–13 веков). – М., 1990.
18. *Ошанин М.* О призрении покинутых детей. – Ярославль, 1992.
19. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Киев, 1886. Вып. 2.
20. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. – Одесса, 1909.
21. *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск, 1876.
22. *Довгалева А.И.* Семейное воспитание приемных детей. – М., 1948.
23. *Максимов Е.Д.* Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. – 1900. № 1.
24. *Бахрушин С.* Организация попечения о беспризорных детях в Москве. – М., 1916.
25. *Гютрюмов И.* Крестьянская семья (Очерк обычного права) // Русская речь. – 1879. Ч. 1, 2.
26. *Брокгауз Д.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. – СПб., 1892. Т. 7. Кн. 13.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. № 41. Ст. 617.

27. *Максимов Е.Д.* Из истории государственного призрения в России // Трудовая помощь. – 1901. № 1-2.
28. *Посошков И.* Завещание отеческое сыну. – М., 1873.
29. *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. – Л., 1982.
30. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 5: Законодательство расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома Е.И. Индова. – М., 1987.
31. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Киев, 1886. Вып. 2.
32. *Стог А.Д.* Об общественном призрении в России. – СПб., 1818. Ч. 1-2.
33. *Яблоков Н.В.* Призрение детей в воспитательных домах. – СПб., 1901.
34. *Засецкий Н.А.* О призрении незаконнорожденных детей и подкидышей вообще, и в частности о земских воспитательных домах и о принципах, которые должны быть положены в основу их реорганизации. – Казань, 1902.
35. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. – М., 1889.
36. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). – Новосибирск, 1979.
37. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
38. Педагогическая энциклопедия. – М., 1966. Т. 3.
39. Детский дом и борьба с беспризорностью. – М., 1928.
40. *Люблинский П.И., Копелянская С.Е.* Охрана детства и борьба с беспризорностью. – Л., 1924.
41. Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. – М., 1962. Т. I.

Nechayeva A.M.

History of normative regulation of family upbringing

The article is focused on the historical development of the legislation, related to the upbringing of the child in the family. Traditions of their family upbringing formed through the centuries, which appeared following state prescriptions, in particularly those supporting parent's authority and priority of the child's interests are analyzed.

Keywords: history, stare, law, family, the priority of the parents authority, interests of the minor.

Серов Д.О.

ПУБЛИКАЦИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ПЕРИОДА ЕДИНОДЕРЖАВИЯ ПЕТРА I В XIX–XX ВВ. (ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ)

Статья посвящена критическому рассмотрению публикаций нормативных актов периода единовластия Петра I, осуществленных в России на протяжении XIX–XX вв. Особое внимание в статье уделено характеристике отбора нормативных актов названного периода в «*Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*». Подробно освещена история подготовки «*Законодательных актов Петра I*» – крупнейшего публикаторского проекта XX века, посвященного законотворческому процессу в России первой четверти XVIII века, который остался, однако, незавершенным.

Ключевые слова: обнародование закона, законотворческий процесс, Полное собрание законов, Правительствующий Сенат, Высший суд, фискальская служба, Пётр I, М. М. Сперанский, Н. А. Воскресенский, Б. И. Сыромятников.

Наиболее широко в опубликованном виде нормативные источники периода единовластия Петра I (январь 1696 – январь 1725 гг.) оказались к настоящему времени представлены в «*Полном собрании законов Российской империи с 1649 года*» (или *Первом Полном собрании законов*). В этом хрестоматийно известном 45-томнике, подготовленном во II отделении Императорской канцелярии, по инициативе и под руководством М.М. Сперанского в 1826–1830 гг., акты конца XVII – первой четверти XVIII вв. оказались сосредоточены в третьем–седьмом томах. Всего же в *Первом полном собрании законов* оказалось помещено 3 107 актов периода единовластного правления царя и императора Петра I.

Не вдаваясь в углубленное рассмотрение принципов отбора материала для *Первого Полного собрания законов* (каковые подробно изложил сам М.М. Сперанский в известном «*Обозрении сведений о Своде законов*»¹), необходимо, тем не менее, отметить два обстоятельства. Первое из них заключается в том, что в состав «*Полного собрания законов Российской империи с 1649 года*» – вопреки современному пониманию названия – были включены не только законы и иные нормативные акты, но и множество актов, не содержащих норм права.² Впрочем, отмеченное обстоятельство, думается, не только не умаляет, а, наоборот, повышает источниковую ценность *Первого Полного собрания законов*. Неслучайно, именно «*Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*» стало основным (а подчас, и единственным) источником для нескольких поколений исследователей (преимущественно

Серов Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

¹ [*Сперанский М.М.*] Историческое обозрение сведений о Своде законов. 2-е изд. – СПб., 1837. С. 137–150.

² В литературе о данной особенности *Первого Полного собрания законов* наиболее подробно см.: *Шебанов А.Ф.* Полное собрание законов Российской империи (из истории систематизации законодательства в России) // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – М., 1970. Т. 14. С. 288–292.

венно из числа правоведов), обращавшихся к разысканиям по истории государства и права России второй половины XVII – первой четверти XIX вв.

Второе из указанных обстоятельств заключается – в противоположность первому – в наличии отчетливых пробелов в нормативном материале Первого Полного собрания законов (которое, как справедливо отметил ещё в 1916 году А.Н. Филиппов, отличалось «колоссальной неполнотой»¹). И неполнота эта образовалась отнюдь не вследствие какой-то недобросовестности или некомпетентности составителей. Если в чём не может возникнуть сомнений, так это в том, что М.М. Сперанский и его немногочисленные сотрудники из II отделения проделали воистину титаническую работу – как в историко-правовом, так и в археографическом направлениях. Упомянутые пробелы в Первом Полном собрании законов возникли, как представляется, под влиянием совсем иных факторов.

Во-первых, составители Первого Полного собрания не могли выявить ряд материалов нормативного характера (особенно второй половины XVII – первой половины XVIII вв.) по вполне объективным причинам. Дело в том, что не все нормативные акты названного периода отложились в находившихся на особом архивном учёте компактных подборках именных и сенатских указов или в указных книгах приказов. Немало актов (даже изданных типографски) оказались «похоронены» в гигантском массиве текущей делопроизводственной документации различных органов власти, разобрать который небольшой группе сотрудников М.М. Сперанского было заведомо не под силу.² Кроме того, некоторая часть нормативных источников описываемого периода погибла в нанесших колоссальный ущерб государственным архивам пожарах в московском Кремле 1737 г. и 1812 г.

Во-вторых, очевидными источниками пробелов в Первом Полном собрании законов явились две характерные для системы законодательства допетровской России тенденции. С одной стороны, изменения в государственном аппарате далеко не всегда оформлялись в ту пору особыми нормативными актами. Бывали случаи, когда дело ограничивалось устным распоряжением монарха, которое затем так и не облекалось в письменную форму. С другой стороны, многие стороны административной и судебной деятельности органов власти долгие годы вообще не регулировались ни законодателем, ни нормотворцем, осуществляясь «по старине», сообразно веками складывавшемуся «приказному обычаю». Данные тенденции, весьма актуальные для средневековой Руси, проступали время от времени и во второй половине XVII века, и даже в первой половине века XVIII-го.

Охарактеризованные выше пробелы образовались, в том числе, и в круге помещённых в Первом Полном собрании законов нормативных источников по истории государства и права России Петровского времени. Например, в поле зрения со-

---

¹ *Филиппов А.Н.* К вопросу о составе Первого Полного собрания законов Российской империи: Речь в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1916 г. – М., 1916. С. 16.

² Круг использованных при подготовке Первого Полного собрания законов архивных материалов целостно охарактеризовал сам М.М. Сперанский в «Предисловии» к первому тому Собрания и в «Обозрении исторических сведений о Своде законов» ([*Сперанский М.М.*] Предисловие // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб., 1830. Т. 1. С. XX–XXIII; [*Он же.*] Историческое обозрение сведений о Своде законов. С. 140–147).

трудников М.М. Сперанского не попал весьма важный для истории отечественного нормотворческого процесса первой четверти XVIII века сенатский указ от 5 июля 1721 г., в котором вводилось обязательное утверждение ведомственных нормативных актов Правительствующим Сенатом. Несмотря на то, что отмеченный указ был опубликован в том же июле 1721 г. типографски¹, он так не попал на страницы шестого тома Первого Полного собрания законов.

Сходным образом составители Первого Полного собрания законов обошли вниманием именной указ от 28 мая 1725 г., в котором предписывалось прекратить производством уголовные дела, возбужденные фискальской службой до 1721 года.² Этот существенный для истории фискальской службы России нормативный акт (предвозвестивший её ликвидацию) оказался впервые опубликован лишь в 2000 году.³ За пределами Первого Полного собрания законов остался и не менее важный для истории фискальской службы именной указ от 30 января 1723 г. об учреждении должности генерал-фискала (что означало восстановление ведомственной самостоятельности службы), отложившийся в записной книге сенатских указов и распоряжений 1723 года.⁴

Археографическая судьба именного указа от 28 мая 1725 г. вообще таинственна. Дело в том, что его отмеченный выше подлинник отложился в книге именных указов Сенату за 1725 год, с которой несомненно работали сотрудники М.М. Сперанского. Более того: подлинник внесенных в Первое Полное собрание законов пространных «Пунктов о вотчинных делах» от 29 мая 1725 г. (№ 14 по внутреннему сенатскому делопроизводству), помещен в означенной книге именных указов непосредственно вслед за подлинником именного указа от 28 мая 1725 г. (№ 13 по сенатскому делопроизводству).⁵ Если связывать факт игнорирования именного указа от 28 мая 1725 г. с некоей «самоцензурой» сотрудников II отделения, то в этом случае неясно, отчего в Первое полное собрание законов вошли сенатские указы от 23 июня 1725 г. и от 27 октября 1725 г., в которых содержится пересказ основных положений именного указа от 28 мая 1725 г.⁶

За пределами Первого Полного собрания законов остался и именной указ от 29 апреля 1722 г., в котором впервые подробно регламентировалась компетенция Преображенского приказа. Публикация этого весьма значимого для истории судебной системы России первой четверти XVIII века законодательного акта состоялась уже в советское время.⁷ Не попал в Первое Полное собрание законов также и именной

---

¹ Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Кн. 660. Л. 452а–452б (подлинник указа), 457 (печатный экземпляр указа) (далее РГАДА). Подготовленную Д.О. Серовым научную публикацию данного указа см.: Памятники права периода единодержавия Петра I / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М., 2014. Т. 4. С. 45.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 38–41 (далее РГИА).
³ «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. – 2000. № 12. С. 207–208.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1891. Л. 5 об. Первую научную публикацию названного указа см.: Памятники права периода единодержавия Петра I. Т. 4. С. 258.

⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 43–72; Полное собрание законов. Т. 7. № 4722. С. 477–494.

⁶ Полное собрание законов. Т. 7. № 4738, 4796. С. 508, 548.

⁷ Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. – М.–Л.,

указ от 15 января 1724 г. об упразднении Тайной канцелярии. Отложившийся лишь в делопроизводстве самой Тайной канцелярии данный закон был введён в научный оборот В.И. Веретенниковым в начале XX века.¹ Не было внесено в Полное собрание законов ни единого акта, касавшегося Вышнего суда – высшего органа правосудия России в 1723–1726 гг.² С материалами о Вышнем суде произошла вообще загадочная история. Несмотря на то, что почти вся документация Вышнего суда погибла в пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г.³, до наших дней уцелела многообразно содержательная подборка именных указов и высочайших резолюций 1723–1726 гг. по вопросам деятельности суда.⁴ Эта подборка (хранившаяся в XIX веке в Санкт-Петербургском Сенатском архиве) осталась, однако, не востребовавшей составителями Первого Полного собрания законов.

Сходным образом не нашел отражения в Полном собрании законов и очень важный для истории уголовно-процессуального права России Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. Единственный известный на сегодня список Наказа сохранился в составе комплекса особо важных документов следственной канцелярии Г.И. Кошелева / М.А. Матюшкина.⁵ Находившийся в XIX веке в собрании всё того же Санкт-Петербургского Сенатского архива, данный комплекс также не попал в поле зрения сотрудников М.М. Сперанского. В итоге, Наказ от 9 декабря 1717 г. увидел свет лишь в 2000 году.⁶

Первые отечественные органы предварительного следствия вообще оставили минимальный след в Первом Полном собрании законов. Функционировавшая в 1713–1723 гг. могущественная система «майорских» канцелярий⁷ оказалась представлена в Первом Полном собрании законов лишь двумя актами: сенатским указом от 23 декабря 1717 г. и именованным указом следственной канцелярии И.И. Дмит-

---

1945. Т. 1. С. 254. Для полноты картины имеет смысл добавить, что текст именованного указа от 29 апреля 1722 г. был все же воспроизведен в Первом Полном собрании – правда, под видом резолюции Петра I от 27 сентября 1723 г. на п. 1 доклада Главного магистрата (Полное собрание законов. Т. 7. № 4312. С. 122). Соответственно, в историко-правовой литературе эта резолюция неизменно рассматривалась до настоящего времени как отдельный акт верховной власти. В действительности резолюция на п. 1 магистратского доклада представляет собой присланную из императорского Кабинета (хотя, разумеется, по высочайшей воле) копию именованного указа от 29 апреля 1722 г.

¹ *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. – Харьков, 1910. С. 221. Что характерно, отдельной публикации полного текста именованного указа от 15 января 1724 г. не состоялось и поныне.

² О Вышнем суде наиболее подробно см.: *Серов Д.О.* Забытая страница судебной реформы Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): матер. междунар. научно-практич. конф. – М., 2010. С. 296–301.

³ Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / Публ. П.И. Иванова // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. – 1858. Кн. 3. Смесь. С. 19.

⁴ См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28.

⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об.

⁶ «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». С. 202. О составе и значении Наказа подробнее см.: *Серов Д.О.* Забытая страница истории уголовно-процессуального законодательства России XVIII в.: Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. // Научные труды Российской академии юридических наук / Отв. ред. В.В. Гриб. – М., 2010. Вып. 10. Т. 3. С. 941–945.

⁷ Об этих канцеляриях наиболее подробно см.: *Серов Д.О., Федоров А.В.* Очерки истории российских следственных органов. – М., 2015. С. 34–53.

риева-Мамонова от 18 января 1719 г.¹ Вместе с тем, в Полное собрание законов не были включены ни затерявшийся в горах сенатского делопроизводства именной указ от 9 декабря 1717 г. с предписанием Сенату оказывать содействие «майорским» следственным канцеляриям, ни отложившиеся среди документов Вышнего суда именные указы от 9 декабря 1723 г. и от 22 января 1724 г. о ликвидации названных канцелярий² (публикация этих документов состоялась только в 2000–2006 гг.³). Перечень таковых пробелов в Первом Полном собрании можно продолжить.

Что же касается событий истории государства и права России первой четверти XVIII века, которые изначально не фиксировались в каких-либо нормативных актах, то здесь необходимо вспомнить, в первую очередь, что в 1696–1718 гг. в нашей стране отсутствовало сколько-нибудь подробное нормативное регулирование судебной компетенции неоднократно реорганизовывавшихся местных и региональных органов власти. Никак законодательно не регламентировались в 1700-е – 1720-е гг. многие стороны и судебного, и досудебного производства по уголовным делам – например, порядок представления должностными лицами фискальской службы добытых ими улики в суде, порядок применения пытки.

Нельзя не вспомнить здесь и о Вышнем суде, недолгая история которого таит многие исходно возникшие пробелы такого рода. Так, вероятнее всего, исключительно устную форму имел именной указ 1723 г. о преобразовании временного судебного присутствия, созданного для рассмотрения единичного уголовного дела (по обвинению обер-прокурора Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева и сенатора П.П. Шафиров в преступлениях против интересов службы), в постоянно функционирующий Вышний суд. По-видимому, только в устной форме был выражен и состоявшийся в том же 1723 г. указ Петра I (немаловажный для истории как прокуратуры, так и следственного аппарата России) о реорганизации следственной канцелярии генерал-прокуратуры в Розыскную контору Вышнего суда. Эти и некоторые другие, не оформленные должным образом акты верховной власти заведомо не могли попасть на страницы Первого Полного собрания законов.

Нельзя также не отметить, что ряд законодательных актов, помещенных в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 года», оказались внесены в него либо не полностью, либо с неточной датой издания, либо в более поздних редакциях. К примеру, весьма важный для истории законодательства России первой четверти XVIII века именной указ от 20 мая 1714 г. о признании высшей юридической силы за Уложением 1649 г. был помещен в пятый том Первого Полного собрания законов, во-первых, под неверной датой издания (15 июня 1714 г.), а во-вторых, не в полном объеме – как явствует из публикации Н.А. Воскресенского, выявившего архивный подлинник этого законодательного акта.⁴

Вполне загадочная история произошла и с внесением в Первое Полное собра-

¹ Полное собрание законов. Т. 5. № 3138, 3284. С. 529, 616–617.

² РГАДА. Ф. 1451. Кн. 7. Л. 273; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 49, 54.

³ «Розыскать накрепко, правдою...» С. 205; «И по делам всем, что есть, следовать»: документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. – 2006. № 2. С. 195, 201.

⁴ Полное собрание законов. Т. 5. № 2828. С. 116–117. – Ср.: Законодательные акты Петра I. С. 40–41.

ние законов таких важнейших актов военного законодательства первой четверти XVIII века как Артикул воинский 1714 г. и «Краткое изображение процессов или судебных тяжёб» 1712 г. Указанные акты оказались ошибочно помещены в пятый том «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года» под 1716 годом, причём в соединении с Уставом воинским (дата издания которого и стала единой для всех остальных актов) и «Книгой о экзерции» 1715 г. и со сквозным параллельным немецким текстом.¹ Между тем, подобная публикация в первой четверти XVIII века в свет не выходила.² Как установил ещё Н.А. Воскресенский, в данном случае в качестве источника составители Первого Полного собрания законов избрали значительно более позднюю (и при том неофициальную) публикацию, осуществленную Императорской Академией наук в 1748 г.³

Как показала постатейная сверка текста, осуществленная автором настоящей статьи, в публикации 1748 года Артикул воинский помещён в редакции 1719 г., а «Краткое изображение процессов...» – в редакции 1715 г.⁴ Учитывая тщательность сотрудников М.М. Сперанского в деле подготовки Первого Полного собрания законов, ситуация, когда составители оставили без внимания шесть официальных публикаций «Краткого изображения процессов...» и Артикула воинского первой четверти XVIII века⁵, видится необъяснимой. Может, в руки помощников М.М. Сперанского попал экземпляр публикации 1748 г. без титульного листа?

Наконец, нельзя обойти упоминанием такой помещённый в Первом Полном собрании законов документ как «Инструкцию или наказ земским фискалам в губерниях и провинциях» 1719 г.⁶ Названный документ упоминался или цитировался почти всеми авторами, писавшими о фискальской службе, был повторно опубликован в 1937 г.⁷, а современным исследователем А.Д. Паутовым – подробно охарактеризован.⁸ Между тем, ещё в 1875 году С.А. Петровский привёл вполне убедительные соображения, что означенная Инструкция представляла собой неутверждённый законопроект, в связи с чем наименовал её «мертвой» (в поддержку этого предположения также категорично высказался глубокий знаток эпохи Н.В. Калачев в рецензии на монографию Сергея Петровского).⁹ Документальное подтвержде-

¹ Полное собрание законов. Т. 5. № 3006. С. 318–411.

² Подробнее см.: *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжёб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии.* – 2013. № 2. С. 113–121.

³ *Воскресенский Н.А.* Археографическое введение // *Законодательные акты Петра I.* С. 12.

⁴ См.: *Военный устав с артикулом воинским, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерциею, церемониями и должностями полковых чинов.* – СПб., 1748. С. 93–190 (экземпляр из собрания Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

⁵ См.: *Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.* / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. – М.–Л., 1955. С. 130–131, 165–166, 175–176, 181–182, 204–205, 267–268.

⁶ Полное собрание законов. Т. 5. № 3479. С. 776–780.

⁷ *Реформы Петра I: сб. документов / Сост. В.И. Лебедев.* – М., 1937. С. 180–185.

⁸ *Паутов А.Д.* Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2007. С. 96–100 [М.: РГБ, 2007. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки].

⁹ *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 114, 116; Калачев Н. В. О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридиче-

ние точки зрения С.А. Петровского и Николая Калачева довелось обнаружить в архивном деле 1720 г. о присылке в царский Кабинет нормативных актов, касавшихся фискальской службы. В подготовленной в канцелярии Правительствующего Сената 26 февраля 1720 г. Выписке, содержащей копии соответствующих актов 1711–1720 гг. (включая главу «О фискале от коллегии» Генерального регламента, утверждённого 15 февраля 1720 г.), ни словом не упоминалось ни о какой Инструкции 1719 г.¹

Остаётся добавить, что подлинник Инструкции удалось выявить в фонде «Кабинет Петра I» Российского государственного архива древних актов.² Ни каких-либо пометок царя, ни его подписи документ не содержит – что позволяет окончательно утвердиться в выводе о законопроектном характере документа. Каким образом никогда не приобретавший юридической силы проект Инструкции мог оказаться в составе Первого Полного собрания законов поныне остается загадкой.

Между тем, не прошло и полувека после выхода в свет Первого Полного собрания, как в научный оборот был введен новый – и весьма обширный – круг источников, связанных с правительственной деятельностью Петра I. Речь идёт о публикации в 1873 году вскоре ставшего хрестоматийным 11-го тома Сборника Императорского Русского исторического общества «Письма, указы и заметки Петра I», подготовленного, по инициативе и под руководством академика А.Ф. Бычкова, к 200-летию со дня рождения первого российского императора. Однако, при всей значительности проделанной составителями работы, лишь сравнительно небольшая часть помещённых в 11 томе материалов имела нормативное значение. Иными словами, 11 том Сборника Русского исторического общества мало чем дополнил Первое Полное собрание законов. Правда, нельзя не отметить, что именно в 11 томе были впервые опубликован именной указ от 9 января 1723 г. об учреждении Вышнего суда.³

Вскоре после выхода 11 тома Сборника Императорского Русского исторического общества, в 1880-е гг. началась реализация сразу двух грандиозных археографических проектов, всецело посвященных изданию документов петровского времени. Это были знаменитые «Письма и бумаги императора Петра Великого» и «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого». Оба названных издания ожидала, однако, нелегкая судьба. Как известно, «Доклады и приговоры...», публикация которых началась в 1880 году, прекратили издаваться в 1901 году на 6-м томе. В свою очередь, издание «Писем и бумаг...» (первый том которых увидел свет в 1887 г.) было свёрнуто в 1918 году на седьмом томе, затем возобновлено в 1946 году, не завершившись, в итоге, и поныне.⁴ Соответственно, составители «Докладов и приговоров...» успели опубликовать матери-

---

ское исследование Сергея Петровского. Рецензия // Отчет о 19-м присуждении наград графа Уварова. – СПб., 1878. С. 160–161.

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 660. Л. 44.

² См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 189–199.

³ Письма, указы и заметки Петра I / Под ред. А.Ф. Бычкова // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1873. Т. 11. С. 502–503.

⁴ См.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.В. Калачева, Н.Ф. Дубровина. – СПб., 1880–1901. Т. 1–6 [вып. 1]; Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.–Пг.–М., 1887–2003. Т. 1–13 [вып. 2].

алы только за 1711–1716 гг., составители «Писем и бумаг...» – за 1688–1713 гг.

С точки зрения наполненности законодательными актами и «Доклады...», и «Письма...» существенно уступали Первому Полному собранию законов. И причина здесь не только в незаконченности изданий «Докладов...» и «Писем...». Просто ни в «Доклады...», ни в «Письма...», сообразно принципам отбора материала, не были (в отличие от Первого Полного собрания законов) включены те нормативные акты, которые не были лично написаны (или завизированы) Петром I либо не исходили от Правительствующего Сената. Остается добавить, что первую особую подборку нормативных правовых актов Петровского времени в 1910 году в учебных целях опубликовал М.М. Богословский.¹ Таков круг основных изданий, содержащих нормативные акты 1696–1725 гг., которые вышли в свет в нашей стране в XIX – начале XX вв.

В советский период наиболее значимый вклад в дело публикации нормативных источников Петровского времени внес незадолго до смерти забытый ленинградский историк права Николай Алексеевич Воскресенский (1889–1948).² Задавшись целью подготовить всестороннее исследование о деятельности Петра I как законодателя, Николай Воскресенский предпринял воистину титанический труд по выявлению и подготовке к печати всей совокупности автографов первого российского императора, имевших отношение к законотворчеству. Для этого Николай Алексеевич просмотрел сотни архивных дел в десятках фондов пяти архивохранилищ Москвы и Ленинграда, сумев заодно (во всех случаях обнаружения автографов) расшифровать крайне неудобочитаемый почерк Петра I. Этот кропотливый труд Николай Воскресенский не прерывал, даже оставаясь в блокадном Ленинграде.

Более того: не ограничившись отысканием подлинников огромного количества вышедших из-под пера Петра I законодательных актов, Н.А. Воскресенский проследил во многих случаях весь законотворческий процесс. Это удалось благодаря тому, что учёный сумел выявить как документы, послужившие первоосновой для подготовки ряда законов, так и промежуточные редакции немалого числа законопроектов. Разработав новаторские принципы публикации нормативных актов Петровской эпохи (специальный доклад о чем он сделал на заседании Археографической комиссии АН СССР ещё в декабре 1925 года)³, Н.А. Воскресенский подготовил к печати четыре тома законодательных и сопутствующих к ним материалов под общим заглавием «Законодательные акты Петра Великого».

Издательская судьба уникального труда Н.А. Воскресенского сложилась, однако, ещё более печально, нежели «Докладов и приговоров...» и «Писем и бумаг...». Несмотря на то, что «Законодательные акты Петра Великого» были готовы к изданию уже на исходе 1920-х гг., реально вопрос об их публикации встал (при решающей поддержке историка и правоведа Б.И. Сыромятникова) лишь на исходе 1930-х гг. Именно благодаря усилиям Бориса Сыромятникова, в 1940 году Институт права АН СССР принял решение об издании «Законодательных актов...». Б.И. Сы-

¹ См.: Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. – М., 1910.

² О подвижничестве ученых трудах Н.А. Воскресенского и о его нелегкой судьбе наиболее подробно см.: *Serov D. Dramatic Destiny of Nikolai Voskresensky, a Russian Law Historian // Quaestio Rossica.* – 2014. № 1. С. 221–240.

³ Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. – Л., 1926. Вып. 33. С. 61–62.

ромятников выступил ответственным редактором четырехтомника, а также подготовил к нему пространную вступительную статью. Кроме того, Борис Сыромятников поместил в ноябрьском номере журнала «Советское государство и право» за 1940 год весьма содержательную (и глубоко позитивную по тональности) рецензию на утверждённую к печати рукопись первого тома труда Н.А. Воскресенского.¹ Именно по рекомендации Б.И. Сыромятникова никогда до того не состоявший в штатах научных учреждений Николай Воскресенский был 1 сентября 1943 года зачислен старшим научным сотрудником Института права АН СССР (с правом проживания в Ленинграде). 21 июля 1944 года Н.А. Воскресенский защитил в Институте права диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Законодательные акты Петра Великого».

Что же касается публикации четырехтомника «Законодательные акты Петра Великого», то из-за грянувшей войны первый том («Акты о высших государственных установлениях»), сданный в типографию в 1941 году, увидел свет только в победном 1945 году.² Увы, первый изданный том оказался и последним. По неясным на сегодня причинам, выход аналогично утвержденных к печати Институтом права в 1940 году остальных трёх томов (посвященных, соответственно, законодательству «об общественных классах», о торговле и промышленности и, наконец, военному и военно-морскому законодательству) так и не состоялся. Поныне неопубликованной осталась и завершённая в 1946 году диссертационная монография Н.А. Воскресенского «Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века».³ Рукопись второго тома «Законодательных актов Петра Великого» хранится ныне в Отделе рукописных фондов Института российской истории РАН, рукопись третьего (состоящего из двух частей) – в фонде 1003 Российской национальной библиотеки. Каких-либо сведений о местонахождении рукописи четвертого тома установить к настоящему времени не удалось.

Что бы там ни было, первый том «Законодательных актов Петра I» необратимо стал достоянием широкой научной общественности. Охвативший 426 нормативных актов и сопутствующих документов 1699–1724 гг. (не считая, черновых редакций законопроектов), первый том труда Н.А. Воскресенского безусловно превзошёл как по полноте состава, так и особенно по точности передачи текста подлинников соответствующие части Первого Полного собрания законов.⁴ К примеру, осо-

---

¹ Сыромятников Б.И. Рец. на кн.: Н.А. Воскресенский. Законодательные акты Петра Великого. Том 1 (рукопись) // Советское государство и право. – 1940. № 11. С. 121–129.

² См.: Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. – М.–Л., 1945. Т. 1.

³ В 2016 г. названная монография, подготовленная к печати под редакцией Д.О. Серова, была принята к публикации издательством «Новое литературное обозрение».

⁴ Стоит заметить, что Н.А. Воскресенский подверг археографические приемы составителей Первого Полного собрания законов, острой критике, что вызвало развернутые возражения со стороны ответственного редактора (и в одном лице рецензента) Б.И. Сыромятникова (*Воскресенский Н.А.* Археографическое введение. С. 11–17; *Сыромятников Б.И.* От редактора // Законодательные акты Петра I. С. XXXVII–XXXIX; *Он же.* Рецензия... С. 123–124). В данном случае автор не может не присоединиться, к мнению Бориса Сыромятникова. И дело не только в том, что, как справедливо отметил Б.И. Сыромятников, Первое Полное собрание законов «преследовало чисто практические цели под-

бые разделы первого тома Н.А. Воскресенский посвятил законодательству о фискальской службе и прокуратуре, поместив в них 20 нормативных актов и иных документов 1710–1724 гг.¹ Именно данные разделы труда Николая Воскресенского следует признать наиболее содержательной на сегодняшний день публикацией источников по истории фискальской службы и прокуратуры России первой четверти XVIII века. В свою очередь, пятый и шестой разделы первого тома Н.А. Воскресенский всецело посвятил законодательству о судоустройстве и судопроизводстве.²

В продолжение традиции, заложенной Н.А. Воскресенским, во второй половине XX века в нашей стране вышло в свет три сборника, полностью (или по большей части) содержащих законодательные материалы первой четверти XVIII века. Это были: восьмой выпуск («Законодательные акты Петра I») знаменитых «Памятников русского права» (1961 г.), четвертый том («Законодательство периода становления абсолютизма») девятитомника «Российское законодательство X–XX вв.» (1986 г.) и отдельно изданное «Законодательство Петра I» (1997 г.).³ Подготовленные коллективами авторитетных правоведов и историков, снабженные развернутыми комментариями и вступительными статьями по отраслям права, названные сборники уступают, однако, и Первому Полному собранию законов, и труду Н.А. Воскресенского по количеству опубликованных актов. В общей сложности в восьмой выпуск «Памятников...» составители включили 44 законодательных акта рассматриваемого периода, в четвертый том «Российского законодательства...» – 20, а в «Законодательство Петра I» – 96. При этом, если составители восьмого тома «Памятников русского права» использовали в качестве источника для публикации единственно Первое Полное собрание законов, то в четвертом томе «Российского законодательства X–XX вв.» и в «Законодательстве Петра I» тексты нормативных актов оказались воспроизведены преимущественно по первопечатным изданиям, а отчасти и вовсе по архивным подлинникам.

Помимо названных сборников, в 1963 году Всесоюзный юридический заочный институт издал в учебных целях небольшую подборку законодательных актов 1697–1725 гг., относящихся к истории процессуального права.⁴ Этим исчерпывается круг основных публикаций нормативных актов периода единодержавия Петра I, осуществленных в нашей стране на протяжении XIX–XX вв.

готовки кодификации русского законодательства в виде систематического Свода законов» (Там же. С. 123). Нельзя не констатировать, что передача текстов нормативных источников в Первом Полном собрании законов осуществлялась еще и в соответствии с принципами археографии второй четверти XIX в.

¹ Законодательные акты Петра I. С. 300–336.

² Законодательные акты Петра I. С. 361–408. В отмеченных разделах помещено 39 законодательных актов и иных документов 1713–1724 гг.

³ См.: Памятники русского права / Под ред. К.А. Софроненко. – М., 1961. Вып. 8; Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. А.Г. Манькова. – М., 1986. Т. 4; Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. – М., 1997.

⁴ Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков (учеб. пособие) / Сост. Ю.П. Титов. – М., 1963. В данном сборнике помещено пять законодательных актов, приведенных по Первому Полному собранию законов.

Источники и использованная литература:

1. Архив Российской Академии наук. Ф. 1934 «Институт права АН СССР». Оп. 1. № 277.
2. Военный устав с артикулом воинским, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерцициею, церемониями и должностями полковых чинов. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1748. – 224, [2] с.
3. Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / Публ. П.И. Иванова // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. 1858. Кн. 3. Смес. С. 1–50.
4. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 248 «Правительствующий Сенат». Кн. 660. 1891.
5. РГАДА. Ф. 1451 «Именные указы Петра I Сенату». Кн. 7.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1329 «Именные указы Сенату». Оп. 1. Кн. 27, 28, 29.
7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 366 «Б. И. Сыромятников». Карт. 24. № 9; Карт. 36. № 21.
8. *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. – Харьков: Типогр. «Печатное дело», 1910. – 215 с.
9. Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1945. Т. 1. – XXXI, 602 с.
10. Законодательство Петра I / Сост. В.М. Клеандрова, Б.В. Колобов и др.; под ред. А.А. Преображенского, Т.Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 1997. – 880 с.
11. «И по делам всем, что есть, следовать». Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. – 2006. № 2. С. 192–206.
12. *Калачев Н.В.* О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование Сергея Петровского: рецензия // Отчет о девятнадцатом присуждении награды графа Уварова. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1878. С. 150–173.
13. Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. – Л.: Изд. АН СССР, 1926. – 362 с.
14. Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков (Учеб. пособие) / Сост. Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1963. – 40 с.
15. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.: сводный каталог / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1955. – 625 с.
16. Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. – М.: Изд. Н.Н. Ключкова, 1910. – 117 с.
17. Памятники права в период единодержавия Петра I: учебно-научное пособие / Д.О. Серов, Т.Ю. Амплеева, А.В. Борисов, Е.В. Бородин и др.; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 582 с. [Памятники российского права; т. 4].
18. Памятники русского права / Сост. К.А. Софроненко, Н.Д. Дурманов, С.С. Иванов, О.И. Чистяков; под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюриздат, 1961. Вып. 8. – 667 с.
19. *Паутов А.Д.* Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2007. [М.: РГБ, 2007. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]. – 198 с.
20. *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. – М.: б. и., 1875 – VI, 349 с.
21. Письма, указы и заметки Петра I / Под ред. И.А. Бычкова // Сборник Императорского Русского исторического Общества. – СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1873. Т. 11. – X, 365 с.

22. Реформы Петра I: сб. документов / Сост. В.И. Лебедев. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 379 с.
23. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. – 2000. № 6. С. 200–211.
24. Российское законодательство X–XX вв. / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. – 511 с.
25. *Серов Д.О.* Забытая страница истории уголовно-процессуального законодательства России XVIII в.: Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. // Научные труды Российской академии юридических наук / Отв. ред. В.В. Гриб. – М.: ИГ «Юрист», 2010. Вып. 10. Т. 3. С. 941–945.
26. *Серов Д.О.* Забытая страница судебной реформы Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): матер. междунар. научно-практич. конф. – М.: МГЮА, 2010. С. 296–301.
27. *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2013. № 2. С. 113–121.
28. *Серов Д.О., Федоров А.В.* Очерки истории российских следственных органов. – М.: ИГ «Юрист», 2015. – 318 с.
29. [*Сперанский М.М.*] Историческое обозрение сведений о Своде законов. 2-е изд. – СПб.: Тип. II Отделения е. и. в. канцелярии, 1837. – 197, VII с.
30. [*Сперанский М.М.*] Предисловие // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб.: Тип. II Отделения е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1. С. III–XXXI.
31. *Сыромятников Б.И.* От редактора // Законодательные акты Петра I / сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1945. Т. 1. С. XXXIII–XLIV.
32. *Сыромятников Б.И.* Рец. на кн.: Н.А. Воскресенский. Законодательные акты Петра Великого. Том 1 (рукопись) // Советское государство и право. – 1940. № 11. С. 121–129.
33. *Филиппов А.Н.* К вопросу о составе Первого Полного собрания законов Российской империи: Речь в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1916 г. – М.: б. и., 1916. – 138 с.
34. *Шебанов А.Ф.* Полное собрание законов Российской империи (из истории систематизации законодательства в России) // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – М.: ВЮЗИ, 1970. Т. 14. С. 277–304.
35. *Serov D.* Dramatic Destiny of Nikolay Voskresensky, a Russian Law Historian // *Quaestio Rossica*. – 2014. № 1. С. 221–240.

Serov D.O.

The publications of laws of the period of Peter the Great's monarchy during 19th–20th centuries (an attempt of critical review)

The article is devoted to the critical review of publications of laws of the period of Peter the Great's monarchy, which carried out in Russia during 19th–20th centuries. Special attention is paid to the selection of laws of mentioned period in "Complete collection of Laws of the Russian Empire since 1649". The history of preparation of "Peter the Great's legislative acts" detailed as the largest archeographical project of 20th century, dedicated to the legislative process in Peterian Russia, which was however incomplete.

Keywords: official publication of law, legislative process, Complete collection of laws, Ruling Senate, Supreme Court (Vyshnii sud), Fiscal service, Peter the Great, Mikhail Speransky, Nikolay Voskresensky, Boris Syromiatnikov.

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ В РОССИИ

Рассматривается три этапа (1864–1917 гг.; 1922–1991 гг.; 1991 г. – настоящее время) развития организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей. Обосновывается дефектность нынешней формулы дисциплинарного проступка судьи. Предлагаются меры по совершенствованию сегодняшнего механизма дисциплинарной ответственности российских судей.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность судей; дисциплинарный проступок судьи; развитие законодательства.

И в древние времена профессиональные судьи в развитых (по тем временам) государствах подвергались жёсткой ответственности за прегрешения целого ряда, в основном – за мздоимство. Следует назвать, например, такие меры наказания, применяемые в отношении судей в Древнем Египте, как сажание на кол, отдача на съедение крокодилам и т.д.¹; либо снятие по приказу древнеперсидского правителя Камбиза с одного из судей за мздоимство кожи и обитие ею судейского кресла в назидание другим судьям.² Правда, эти меры вряд ли можно назвать дисциплинарными, но ведь и понятия «дисциплинарная ответственность» в те времена не существовало. Проблема же была, и как тогда как могли, так её и решали, наверняка далеко не всегда справедливо.

Была такая проблема и на Руси (позднее – в России), и о механизме именно юридической ответственности судей есть немало научных публикаций.³ Но и здесь о дисциплинарной ответственности судей если можно говорить, то с огромной долей условности. Настоящая, в современном понимании, дисциплинарная ответственность судей появилась в России в ходе (и в материалах) судебной реформы 1864 г. Закрепление она нашла в Учреждении судебных установлений, на котором императором было написано: «Быть посему. В Царском Селе 20 ноября 1864 года».⁴ Этот документ в Отделении первом «Об условиях для занятия должностей по судебному ведомству» главы первой «Об определении должностных лиц судебного ведомства» раздела шестого «Об определении, увольнении и перемещении

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного Суда РФ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

¹ См.: *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. – Л., 1960. С. 108.

² См.: Геродот. История / Пер. Г.А. Строгановского. – М., 1993. С. 164.

³ См., например: *Яковлев А.Э.* Исторические аспекты дисциплинарной ответственности судей // Российская юстиция. – 2007. № 10. С. 66-69; *Он же.* Характеристика эволюции юридической ответственности судей в России XV – конца XIX веков // Российское правосудие. – 2010. № 5. С. 100-107; *Аулов В.К., Туганов Ю.Н.* О дисциплинарной ответственности судей в России // Российский судья. – 2010. № 5. С. 10; *Дьячкова А.И.* Органы судебной власти в эпоху Русской Правды // Юридический мир. – 2010. № 7. С. 42-44.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти тт. Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юрид. лит-ра, 1991. С. 32.

должностных лиц судебного ведомства» четко и однозначно устанавливал, что должностные лица судебного ведомства подвергаются ответственности: или в порядке дисциплинарного производства, или по приговорам уголовного суда, и, указав при этом, что правила о взысканиях дисциплинарных и о порядке наложения оных излагаются в ст. 262-296, а в отделении втором главы второй раздела восьмого этого акта был предусмотрен порядок дисциплинарного производства.

Прежде всего, устанавливалось (ст. 270 и 271), что дела, подлежащие дисциплинарному производству, ведаются: 1) о председателях и членах судебных палат касационными департаментами Правительствующего сената; 2) о председателях, товарищах председателей и членах окружных судов, судебных следователях и мировых судьях (а также прокурорах окружных судов и их товарищах) – судебными палатами; 3) о прочих чинах судебного ведомства – теми судебными местами, при которых они состоят; а если дело, подлежащее дисциплинарному производству, касается двух или более должностных лиц судебного ведомства, из коих одни подсудны высшему, а другие низшему суду «то все они судятся совокупно в высшем из сих судов». Предусматривалось, что дисциплинарное производство возбуждается относительно судей (в том числе судебных следователей) – или определениями самих судов и съездов мировых судей по принадлежности, или же предложениями министра юстиции; при этом дисциплинарное производство не могло быть начато по истечении одного года со времени учинения действия или упущения, подлежащего дисциплинарному взысканию. Статья 274 гласила: «О поводах к начатию дисциплинарного производства вместе со всеми относящимися к сему бумагами и сведениями первоприсутствующий или председатель того суда, которому на основании предшедшей 270-й статьи подведено дисциплинарное дело, предлагает на предварительное обсуждение в распорядительном заседании суда».

Любопытно закрепленное в ст. 275 положение, согласно которому дисциплинарное производство, начатое вследствие рассмотрения жалобы частного лица, не могло быть прекращено «хотя бы это лицо и просило потом об оставлении его жалобы без последствий». Порядок дисциплинарного производства был следующим. При предварительном обсуждении дисциплинарного дела суд собирал необходимые по делу справки и требовал объяснений от обвиняемого должностного лица, которое имело право представить оные словесно или письменно и по надлежащем объяснении дела оное вносилось на рассмотрение и решение общего собрания департаментов или отделений суда. О времени рассмотрения дела в общем собрании суда извещался обвиняемый, который имел право явиться к этому времени в суд для личных объяснений, при этом присылка поверенного не допускалась. Больше того, суд мог, признавая нужным, потребовать обвиняемого к назначенному сроку посредством письменного вызова. Неявка вызываемого в срок без уважительных причин не останавливала рассмотрения дела. Было предусмотрено (ст. 280), что в делах дисциплинарных устранение судей допускалось на общем основании. Устанавливалось, что дисциплинарные дела слушались при закрытых дверях, за исключением случая, когда обвиняемый просил о докладе дела его в публичном заседании, и тогда обвиняемый был вправе иметь защитника из числа присяжных поверенных. При рассмотрении дисциплинарных дел суд не подчинялся никаким особым формам (кроме указанных выше) и порядок объяснения дела зависел ис-

ключительно от усмотрения суда. Но перед постановлением решения суд выслушивал заключение прокурора и обер-прокурора по принадлежности, а затем окончательные объяснения подсудимого или его защитника. Если при дисциплинарном производстве обнаруживалось какое-либо другое нарушение или упущение обвиняемого, то суд, смотря по обстоятельствам, или решал оба дела совокупно, или же давал особый ход новому делу.

Важно, что решение суда объявлялось наличному подсудимому немедленно, а для выслушивания решения, постановленного в отсутствие подсудимого, он требовался в суд, а если находился на службе в суде другого города, то решение объявлялось ему в общем собрании сего последнего суда при закрытых дверях. Но решения, коими положено сделать мировым судьям предостережение, могли по усмотрению суда быть объявляемы им и в месте их жительства. Предусматривалась и возможность обжалования этих решений. Так, против решения окружных судов, а также постановленных в первой степени решений судебных палат осужденным предоставлялось право жалобы в течение одной недели со времени объявления решений. По делам, решенным в дисциплинарном порядке окружными судами и судебными палатами в первой степени, протесты прокуроров допускались также в семидневный срок со времени постановления решений. Эти жалобы и протесты представлялись председателю суда, решившего дело, и вместе со всеми относящимися к оному бумагами препровождались в высший суд для решения в общем собрании департаментов оного, и уж против решений этого суда жалобы и протесты не допускались. Дела по жалобам и протестам рассматривались по общим правилам.

Любопытно, что о всяком окончательном решении, состоявшемся в дисциплинарном порядке, сообщалось министру юстиции для сведения. Просьбы же об отмене окончательных решений судебной палаты, постановленных в дисциплинарном порядке, допускались в течение одной недели со времени объявления решений и только в следующих случаях: 1) когда решение постановлено не надлежащим судом или не в надлежащем составе присутствия; 2) когда решение состоялось без истребования от подсудимого объяснений; 3) когда судом назначалось наказание свыше предоставленной ему законом власти и 4) когда к делу был применен закон с нарушением его прямого смысла. В ст. 292 было сказано: «Если при рассмотрении дела дисциплинарным порядком будут обнаружены такие обстоятельства, по коим виновный подлежит суду уголовному, то дисциплинарное производство прекращается и подсудимый предается уголовному суду по правилам Устава уголовного судопроизводства». Интересным представляется положение ст. 293: «Если судья в течение одного года подвергся три раза предостережению, то в случае новой в том же году, считая со времени первого предостережения, вины, подлежащей тому же взысканию, представляется на усмотрение кассационных департаментов Сената, не признают ли они нужным предать виновного уголовному суду».

В целом можно сказать, что процедурно дисциплинарное производство в отношении судей, как видно из вышеизложенного, было простым и лишенным сколь-нибудь серьезных и(или) сложных формальностей. Да и сама дисциплинарная ответственность судей этим актом устанавливалась предельно просто: «В порядке дисциплинарной ответственности председатели, товарищи председателей и члены судебных мест, а также мировые судьи подлежат только предостережениям, и не ина-

че как по рассмотрении дела надлежащим судом на основании правил, постановленных ниже в статьях 270-291-й» (ст. 264). Как предусматривала ст. 269, эти предостережения делались им на словах, или письменно. Любопытно положение, сохранившееся в ст. 265, которое в современном законодательстве отсутствует: «Право делать предостережение или замечание какому-либо судебному месту в целом его составе или в составе присутствия принадлежит исключительно кассационным департаментам Правительствующего сената». Больше того, ст. 265 предусматривала эту же ответственность не в персонифицированном виде, чего сейчас у нас нет в принципе. Правда, при этом: «Взыскания, налагаемые Сенатом на основании 265 ст. учр., не могут иметь для должностных лиц тех последствий, которые влекут за собою взыскания, налагаемые в дисциплинарном порядке, на основании 293 и 294 ст. учр. (Реш. общ. собр. кас. деп. 1872 г. № 81)».

Этим законодательным актом закреплялся и определённый иммунитет судей. Так, в силу ст. 243: «председатели, товарищи председателей и члены судебных мест не могут быть ни увольняемы без прошения, кроме случаев, указанных в статьях 228-230, 295 и 296-й, ни переводимы из одной местности в другую без их согласия. Временное устранение от должностей допускается только в случае предания их суду, а совершенному удалению или отрешению от должностей они подвергаются не иначе как по приговорам уголовного суда». Мировые судьи, как это было предусмотрено ст. 76, также привлекались к дисциплинарной ответственности за упущения по службе на основании правил ст. 262 -296 названного Учреждения в отношении членов окружных судов, т.е. в этом плане мировые судьи были приравнены к судьям окружных судов. А в 1871 году Указом Правительствующего Сената было определено, что и почетный мировой судья из крестьян за действия по должности мирового судьи «может быть привлечен к ответственности только по порядку, относительно мировых судей установленным».

Обозначенный механизм дисциплинарной ответственности российских судей неоднократно в отдельных звеньях корректировался и действовал до ноября 1917 г., посему период 1864-1917 гг. можно назвать его первым, в историческом плане, этапом. В ноябре 1917 года он, в связи с отменой всего буржуазного законодательства, прекратил своё существование – самым радикальным образом. Началом второго этапа (заново создаваемого) механизма дисциплинарной ответственности российских судей следует назвать Положение о судоустройстве РСФСР, принятое 4-й сессией ВЦИК 9-го созыва 31 октября 1922 г.¹ Его главой XI, именуемой «О порядке дисциплинарной ответственности судебных работников», был сформирован довольно развернутый механизм этой ответственности. Четко и предметно этот механизм устанавливал:

1) кто и в отношении кого вправе возбуждать дисциплинарное производство (устанавливалось, что Прокурор Республики имел право возбудить в дисциплинарном порядке производство в отношении всех без исключения лиц, работающих в судебных учреждениях РСФСР; Председатель Верховного Суда и состоящий при Верховном Суде помощник Прокурора Республики имел право возбудить дисциплинарное производство в отношении всех судебных работников, работающих в учре-

---

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. ст. 902 (далее: СУ РСФСР).

ждениях, находящихся в ведении Верховного Суда, т.е. председателей коллегий и членов коллегий Верховного Суда, председателей и заместителей губернских судов и равных им судов, губернских прокуроров и их помощников и всех состоящих при губернском суде должностных лиц; Председатели губсудов и губернские прокуроры имели право возбуждения дисциплинарного производства против всех лиц, работающих в подведомственных губсуду учреждениях; Председатель и прокуроры военной и военно-транспортных коллегий Верховного Суда имели право возбуждения дисциплинарного производства против всех лиц, работающих в подчиненных им учреждениях (ст.ст. 69-72);

2) что поводами для возбуждения дисциплинарного производства являлись: а) проступки, поведение или действия судебных работников, хотя бы и не наказуемые уголовными законами, но не совместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их, б) отмена Верховным Судом ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс (ст. 73);

3) что в порядке дисциплинарного производства могли быть налагаемы взыскания: а) замечание; б) выговор; в) перемещение и смещение на низшую должность; г) отстранение от службы с запрещением работать в судебных должностях на срок (ст. 74);

4) что дисциплинарное производство может быть возбуждено не позднее одного года со времени совершения проступка, при этом, возбужденное по жалобе частного лица, оно не могло быть прекращено по просьбе жалобщика о прекращении (ст. 75-76);

5) что «Предварительно разбора дела в дисциплинарной коллегии, последняя собирает необходимые справки, требует объяснения от обвиняемого и может персонально поручить произвести расследование члену коллегии, или члену губернского суда, или нарсудье, по принадлежности»; что о времени рассмотрения дела дисциплинарная коллегия извещала обвиняемого, который мог явиться в заседание для дачи личных объяснений, а в случае необходимости дисциплинарная коллегия могла вызвать обвиняемого ко времени разбора дела, и явка обвиняемого в последнем случае была обязательной (ст. 77-79);

6) и, наконец, что дисциплинарная коллегия не была связана никакими формальностями, порядок разбора дела всецельно зависел от усмотрения коллегии «но с неперемным условием, если коллегия заслушает заключение прокурора, то после него предоставляется слово обвиняемому»; отвод членов коллегии происходил на общих основаниях; решения её именовались постановлениями, протокол заседания коллегии велся по форме протоколов распорядительных заседаний суда, с указанием лиц, присутствовавших на заседании; Постановления дисциплинарных коллегий губернских судов могли быть обжалованы в семидневный срок в Верховный Суд РФ, а Постановления дисциплинарной коллегии Верховного Суда никому обжалованию не подлежали; и если дисциплинарная коллегия усматривала в рассматриваемых деяниях признаки уголовно-наказуемого деяния, она была обязана, приостановив производство, передать дело по подсудности следственным властям (ст.ст. 80-84).

Далее – хронологически: одним из первых, целевых в плане дисциплинарной ответственности судей, нормативных правовых актов был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1940 г., который так и именовался: «О дисциплинарной ответственности судей»¹, он действовал и в военное время, до 1948 года. Этот Указ устанавливал, на кого он распространялся – практически на весь судейский корпус страны; за что должна была наступить предусмотренная им дисциплинарная ответственность – за допущенные судьями нарушения трудовой дисциплины; каковы были меры дисциплинарной ответственности: а) замечание; б) выговор; в) выговор с предупреждением о постановке вопроса об отозвании с должности судьи в порядке, установленном Законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик; кто мог налагать эти взыскания: народные комиссары юстиции автономных республик и начальники управлений Народных Комиссариатов Юстиции союзных республик при краевых и областных советах депутатов трудящихся могли налагать на народных судей дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора; народные комиссары юстиции союзных республик могли налагать все указанные выше дисциплинарные взыскания на народных судей, а также на председателей и членов окружных, областных, краевых судов и верховных судов автономных республик; председатели окружных, областных, краевых, специальных судов, верховных судов союзных и автономных республик и председатель Верховного Суда СССР могли налагать на членов соответствующего суда дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора; народный Комиссар Юстиции СССР мог налагать указанные выше дисциплинарные взыскания на всех судебных работников (т.е. на всех судей и всех руководителей каждого из судов). Устанавливался и порядок применения к судьям мер дисциплинарной ответственности и порядок обжалования приказов о наложении дисциплинарных взысканий.

На смену этому Указу пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. с тем же названием², но с точки зрения законодательной техники, с более совершенным (навскидку – на порядок) содержанием, в частности: им был утверждён сам регламентирующий данные отношения развернутый акт – Положение о дисциплинарной ответственности судей. Анализ этого Положения позволяет сделать вывод: механизм привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, процедура дисциплинарного производства и вынесения решения о применении меры дисциплинарной ответственности были органично вмонтированы в действовавший тогда механизм правосудия. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ Законодательства о судостроительстве Союза ССР союзных и автономных республик»³ устанавливалось (в ст. 37), что судьи несут дисциплинарную ответственность в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР для судей судов Союза ССР и законодательством союзных республик для судей судов союзных республик, т.е. этот вопрос регулировался отдельным актом.

Таким актом было Положение о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня

---

¹ Ведомости ВС СССР. – 1940. № 28.

² Ведомости ВС СССР. – 1948. № 3.

³ Ведомости ВС СССР. – 1958. № 1. Ст. 12.

1965 г.¹ В этом Положении отмечался моральный аспект вопроса («Советский судья, избираемый народом, должен дорожить доверием народа и быть образцом честного служения Родине, строгого соблюдения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь моральное право судить и воспитывать других. Служебные упущения и недостойные поступки судей подрывают авторитет суда, наносят ущерб делу правосудия, интересам государства и правам граждан и потому должны влечь за собой строгую ответственность»), и указывалось, что народные судьи, председатели районных (городских) народных судов, председатели, заместители председателей и члены судов национальных округов, судов автономных областей, городских, областных, краевых судов, Верховных судов автономных республик, а также члены Верховного Суда РСФСР могут привлекаться к дисциплинарной ответственности: а) за нарушение трудовой и государственной дисциплины; б) за упущения в судебной работе вследствие небрежности или недисциплинированности судьи; в) за совершение поступков, недостойных советского судьи.

Устанавливалось, что Президиумы Верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов национальных округов рассматривают дела о дисциплинарных проступках членов этих судов, председателей районных (городских) народных судов, народных судей, а Президиум Верховного Суда РСФСР рассматривает дела о дисциплинарных проступках председателей и заместителей председателей Верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов национальных округов, членов Верховного Суда РСФСР, а также всех других судей судов РСФСР. Устанавливалось, что право возбуждения дисциплинарных производств принадлежит председателям Верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов национальных округов – в отношении членов этих судов, председателей районных (городских) народных судов и народных судей; Председателю Верховного Суда РСФСР и его заместителям – в отношении всех судей судов РСФСР, и они проверяют обстоятельства дисциплинарного проступка, истребуют письменные объяснения судьи, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, и на основании этих материалов выносят постановление о возбуждении дисциплинарного дела, с учётом того, что судья может быть подвергнут дисциплинарному взысканию не позднее одного месяца со дня установления факта совершения проступка. Было предусмотрено, что дисциплинарное дело рассматривается в открытом заседании президиума в присутствии судьи, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, и президиум мог наложить дисциплинарные взыскания: а) замечание, б) выговор, в) строгий выговор, а если в результате рассмотрения дела президиум не находил оснований к наложению дисциплинарного взыскания, он прекращал дисциплинарное дело. Само постановление президиума по дисциплинарному делу выносилось большинством голосов членов президиума, принимавших участие в рассмотрении дисциплинарного дела, а копия постановления в трехдневный срок направлялась судье, привлечённому к дисциплинарной ответственности, и в Верховный Суд РСФСР.

---

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. № 24. Ст. 595.

Постановление президиума Верховного суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной области и суда национального округа по дисциплинарному делу могло быть пересмотрено президиумом Верховного Суда РСФСР по жалобе судьи, привлеченного к дисциплинарной ответственности, а также по представлению председателя соответствующего суда или Председателя Верховного Суда РСФСР и его заместителей.

Но Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по дисциплинарному делу являлось окончательным. Дисциплинарное взыскание считалось снятым, если в течение одного года со дня его наложения судья не подвергся новому взысканию. Одновременно по представлению председателя Верховного суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной области и суда национального округа, а также Председателя Верховного Суда РСФСР и его заместителей президиум, наложивший дисциплинарное взыскание, мог снять его досрочно, если судья доказал свое исправление безукоризненным поведением и добросовестным отношением к исполнению своих обязанностей.

На смену Положения о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР 1965 г. пришло одноименное Положение, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 мая 1976 г. (в которое были внесены изменения и дополнения Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 мая 1982 г.¹ и которое утратило силу в 1990 г.). Оно действовало параллельно с Законом РСФСР от 8 июля 1981 г. «О порядке отзыва народных судей и народных заседателей районных (городских) народных судов РСФСР»², который также являлся законодательным звеном механизма судебной ответственности того времени. В нем отмечалось, что в соответствии с Конституцией РСФСР народные судьи (и народные заседатели) районных (городских) народных судов РСФСР могут быть отозваны избирателями, если они не оправдали их доверия или совершили действия, не достойные высокого звания народного судьи или народного заседателя; что право возбуждения вопроса об отзыве народного судьи (и народного заседателя) принадлежит организациям КПСС, профессиональных союзов, ВЛКСМ, кооперативным и другим общественным организациям в лице их районных, городских, районных в городах органов, трудовым коллективам, собраниям военнослужащих по воинским частям, (а в отношении народного заседателя – также собраниям избирателей по месту их жительства) и устанавливался следующий порядок отзыва народного судьи. Он мог быть отозван по решению избирателей соответствующего избирательного округа, вопрос об отзыве обсуждался и решался на собраниях избирателей соответствующего избирательного округа, проводимых по предприятиям, учреждениям, организациям, воинским частям и по месту жителей избирателей, сами собрания избирателей созывались в трудовых коллективах – общественными организациями, в воинских частях – командованием частей, по месту жительства избирателей – исполнительными комитетами городских, районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов, и собрание считалось правомочным при участии в нём большинства избирателей, работающих в данном трудовом коллек-

¹ Ведомости ВС РСФСР. – 1976. № 22. Ст. 771; Ведомости ВС РСФСР. – 1982. № 22. Ст. 702.

² Ведомости ВС РСФСР. – 1981. № 28. Ст. 978.

тиве, состоящих в воинской части, или большинства избирателей по месту их жительства, а само решение по вопросу об отзыве народного судьи принималось открытым голосованием. Народный судья считался отозванным, если за его отзыв голосовало больше половины избирателей данного избирательного округа, а результаты голосования об отзыве народного судьи не позднее пяти дней после определения результатов голосования опубликовывались районной, городской, районной в городе комиссией по проведению голосования об отзыве народного судьи. Было – предусмотрено, что рассмотрение жалоб о нарушении закона при проведении голосования об отзыве народного судьи производилось районной, городской, районной в городе комиссией по проведению голосования об отзыве народного судьи, а рассмотрение жалоб на неправильные действия районной, городской, районной в городе комиссией по проведению голосования об отзыве народного судьи производилось исполнительным комитетом районного, городского, районного в городе Совета народных депутатов.

II-й этап – исторический период советского механизма дисциплинарной ответственности судей завершает принятый менее чем за 2 года до распада СССР (и в геополитическом, и в сугубо юридическом смыслах), акт – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 года, утверждавший Положение о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР.¹ Это Положение – с точки зрения законодательной техники – самое, по сравнению с предыдущими на данную тему – содержательное, сбалансированное и состоит из трех частей – о дисциплинарной ответственности судей, их (и народных заседателей) отзыве и их (и народных заседателей) досрочном освобождении. Его содержательной основой послужило общесоюзное Положение от 2 ноября 1989 г. Данным – Республиканским – Положением было установлено, что судья мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности в связи с виновным действием либо бездействием: а) за нарушение законности при рассмотрении судебных дел; б) за совершение другого служебного проступка; в) за совершение порочащего поступка, однако, что очень и сегодня важно, – отмена или изменение судебного решения сами по себе не влекли ответственности судьи, участвовавшего в вынесении этого решения, если при этом им не были допущены преднамеренное нарушение закона либо недобросовестность, повлекшая существенные последствия.

В соответствии с Положением квалификационная коллегия судей Верховного Суда РСФСР рассматривала дела о дисциплинарных проступках: а) членов Верховного Суда РСФСР; б) председателей и заместителей председателей Верховных Судов автономных республик, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов, судов автономных областей и автономных округов, а квалификационные коллегии судей судов автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда, автономных областей, автономных округов рассматривали вопросы о дисциплинарной ответственности председателей, заместителей председателей и народных судей районных (городских) народных судов, членов судов автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда, автономных

---

¹ Ведомости ВС РСФСР. – 1990. №10. Ст. 288.

областей, автономных округов, судей по административному и исполнительному производству (тогда были и такие).

Право возбуждения дисциплинарного производства принадлежало: Председателю Верховного Суда РСФСР – в отношении судей всех судов РСФСР; Министру юстиции РСФСР – в отношении судей судов РСФСР, кроме судей Верховного Суда РСФСР; председателям Верховных Судов автономных республик, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов, судов автономных областей и автономных округов – в отношении судей судов автономной республики, края, области, городов Москвы и Ленинграда, автономной области, автономного округа и судей по административному и исполнительному производству; министрам юстиции автономных республик, начальникам управлений (отделов) юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов – в отношении председателей районных (городских) народных судов, их заместителей, народных судей и судей по административному и исполнительному производству. При этом Председатель Верховного Суда РСФСР, председатели Верховных Судов автономных республик, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов, судов автономных областей, автономных округов могли возбуждать дисциплинарные производства в отношении судей соответствующих судов по всем названным выше основаниям статьи. А министр юстиции РСФСР, министры юстиции автономных республик, начальники управлений (отделов) юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов могли возбуждать дисциплинарные производства лишь по основаниям: за совершение другого служебного проступка, не являющегося нарушением законности при рассмотрении судебных дел, и за совершение порочащего проступка.

Судья мог быть подвергнут дисциплинарному взысканию не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка, не считая времени отсутствия судьи на работе по уважительной причине и времени рассмотрения дисциплинарного дела в квалификационной коллегии судей, но не позднее одного года со дня его совершения. Положение установило, что лицо, возбуждающее дисциплинарное производство, предварительно должно было проверить сведения, касающиеся оснований привлечения судьи к ответственности, и истребовать от него письменное объяснение. Квалификационная коллегия могла вынести решение: 1) о наложении дисциплинарного взыскания в виде замечания, выговора, строгого выговора, с учётом того обстоятельства, что при наложении взыскания учитывались характер нарушения и его последствия, тяжесть проступка, личность судьи, степень его вины; 2) о прекращении дисциплинарного производства; 3) о направлении материалов дисциплинарного производства органам, имеющим право возбуждения вопроса об отзыве судьи или возбуждения в отношении его уголовного дела. Но также квалификационная коллегия прекращала дисциплинарное производство ввиду: необоснованности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности; пропуска сроков привлечения к дисциплинарной ответственности, нецелесообразности наложения дисциплинарного взыскания в случаях, когда находила возможность ограничиться лишь рассмотрением материалов производства в заседании.

В целом – с процессуальной точки зрения – можно сделать вывод о том, что

дисциплинарное производство в отношении судьи по этому Положению было весьма близко к производству в предварительном и судебном следствии. Весьма значимым и сегодня было правило, согласно которому, если орган, перед которым в соответствии с решением квалификационной коллегии был поставлен вопрос об отзыве судьи или о возбуждении в отношении его уголовного дела, не находил для этого оснований, то дисциплинарное производство возвращалось в квалификационную коллегию и там возобновлялось. При этом время с момента вынесения первоначального решения до возвращения материалов не засчитывалось в сроки привлечения к дисциплинарной ответственности.

Предусматривалась и возможность обжалования решений квалификационных коллегий судей. Так, решение квалификационной коллегии судей Верховного Суда РСФСР о наложении дисциплинарного взыскания могло быть обжаловано судьей Верховного Суда РСФСР, в отношении которого оно вынесено, в квалификационную коллегию судей Верховного Суда СССР в двухнедельный срок со дня его вынесения. А решение квалификационной коллегии судей судов автономной республики, края, области, городов Москвы и Ленинграда, автономной области и автономного округа может быть обжаловано судьей, в отношении которого оно вынесено, в квалификационную коллегию судей Верховного Суда РСФСР в двухнедельный срок со дня его вынесения. Жалоба о пересмотре решения рассматривалась квалификационной коллегией судей Верховного Суда РСФСР в месячный срок со дня поступления, и её решение являлось окончательным, и при этом в заседании коллегии мог присутствовать судья, подавший жалобу. При рассмотрении жалобы квалификационная коллегия судей Верховного Суда РСФСР была вправе: отменить решение и принять рассмотрение вопроса о дисциплинарной ответственности судьи к своему производству; отменить решение и прекратить дисциплинарное производство; изменить решение и наложить на судью более мягкое дисциплинарное взыскание; оставить решение без изменения, а жалобу без удовлетворения.

Положением было установлено, что, если в течение года со дня наложения дисциплинарного взыскания судья не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, он считается неподвергавшимся дисциплинарному взысканию. А по представлению лица, возбудившего дисциплинарное производство, а равно по своей инициативе квалификационная коллегия, наложившая дисциплинарное взыскание, могла по истечении не менее шести месяцев со дня наложения взыскания снять его досрочно при безупречном поведении судьи и добросовестном отношении к исполнению своих обязанностей. Несмотря на то, что вопросы дисциплинарной ответственности судьи и отзыва судьи в данном Положении были помещены в отдельные разделы, есть основания считать, что и в последнем случае также регулировались вопросы ответственности судей.

Судьи (и народные заседатели) судов РСФСР могли быть досрочно лишены своих полномочий за нарушение социалистической законности или совершение порочащего поступка, несовместимых с их высоким званием, а также в силу состоявшегося о них обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу. При этом судьи (и народные заседатели) Верховного Суда РСФСР, судьи краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов могли быть отозваны Верховным Советом РСФСР, а судьи (и народные заседатели) Верховных Судов авто-

номных республик, судов автономных областей и автономных округов, народные судьи районных (городских) народных судов, судьи по административному и исполнительному производству (были тогда и такие) - избравшими их Советами народных депутатов. Но вопрос об отзыве судей решался с учетом заключений квалификационной коллегии судей и Министерства юстиции РСФСР, а в отношении судей Верховного Суда РСФСР - Министерства юстиции СССР. Лица, возбудившие вопрос об отзыве, обязаны были организовать тщательную проверку материалов, послуживших основанием к постановке этого вопроса, сообщали судье (и народному заседателю) о возбуждении вопроса о его отзыве и мотивах отзыва, а также истребовали письменное объяснение. Материалы, послужившие основанием к возбуждению вопроса об отзыве судьи, направлялись для дачи заключения: в отношении членов Верховного Суда РСФСР, председателей и заместителей председателей Верховных Судов автономных республик, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов, судов автономных областей, автономных округов – в квалификационную коллегию судей Верховного Суда РСФСР; в отношении остальных судей – в соответствующие квалификационные коллегии судей.

При этом заключение квалификационной коллегии судей судов автономной республики, края, области, городов Москвы и Ленинграда, автономной области, автономного округа можно было обжаловать в квалификационную коллегию судей Верховного Суда РСФСР, а заключение квалификационной коллегии судей Верховного Суда РСФСР об отзыве судей Верховного Суда РСФСР можно было обжаловать в квалификационную коллегию судей Верховного Суда СССР. Представление об отзыве судей вносилось вместе с заключениями квалификационной коллегии судей и Министерства юстиции РСФСР, а в отношении судей Верховного Суда РСФСР – Министерства юстиции СССР, лицом, возбудившим вопрос об отзыве: в отношении судей Верховного Суда РСФСР, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов – в Верховный Совет РСФСР; в отношении судей судов автономных республик – в Верховные Советы автономных республик; в отношении судей судов автономных областей и автономных округов – в Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов; в отношении народных судей районных (городских) народных судов – в краевые, областные, Московский и Ленинградский городские Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов; в отношении судей по административному и исполнительному производству – в соответствующие районные, городские, районные в городе Советы народных депутатов, избравшие этих судей. Судьи, в отношении которых был возбужден вопрос об отзыве, могли в устной или письменной форме дать свои объяснения по поводу обстоятельств, послуживших основанием для постановки этого вопроса, избравшим их органам или избирателям. Важно, что вступление приговора в законную силу в отношении судьи (или народного заседателя) являлось самостоятельным основанием досрочного лишения их полномочий.

С распадом СССР второй – исторический этап закончился, также, как и первый, без «правопреемства». В постсоветском историческом периоде дисциплинарной ответственности судьи до 2001 года не существовало, во всяком случае – в законодательно урегулированной форме (равно как и административной ответственности

судьи). Первоначально положение о дисциплинарной ответственности судьи было включено в Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹ (далее – Закон о статусе судей) лишь ФЗ от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ абзацем 1 ч. 1 статьи 12.1, так и поименованной – «Дисциплинарная ответственность судей». Этот момент можно назвать началом III-го этапа. Там было установлено: «За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи». То есть первоначальная формула, непосредственно определяющая содержание дисциплинарного проступка судьи, за совершение которого и наступала дисциплинарная – юридическая – ответственность судьи, была краткой: нарушение норм Закона о статусе судей, а также положений кодекса судейской этики (по сути – любые нарушения любых положений этих – немалых по объему – двух актов). И хотя данная формула была очень далекой от совершенства из-за чрезмерной «расплывчатости», в целом она рядом решений Конституционного Суда РФ (последнее по времени из которых – Постановление 20 июля 2011 г. № 19-П) признавалась не противоречащей Конституции РФ с выявлением её конституционно-правового смысла.

Правда, правоприменительная практика того периода подчас расценивала «чисто» этической проступок судьи (как нарушающий положения только Кодекса судейской этики, без «связки» с нарушением Закона о статусе судей) в качестве достаточного основания для применения дисциплинарной ответственности. Например, в Определении Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № КАСО 5-527 по жалобе бывшей судьи О. говорится: довод кассационной жалобы о невозможности оценки этичности совершенного поступка в отрыве от оценки его законности в рассматриваемом случае не может служить основанием для отмены обжалованного решения суда, поскольку вышеприведенное положение Закона о статусе судей, а также Кодекса судейской этики допускают наложение дисциплинарного взыскания на судью в связи с совершением неэтичного поступка, несовместимого с высоким званием судьи, независимо от того, нарушена ли при этом судьей норма федерального закона либо нет. Определяя вид дисциплинарной ответственности, ККС учла неискренность заявительницы, то, что нормы Кодекса судейской этики судья нарушила осознанно, считая совершенный поступок нормой и способом улучшения своих жизненных условий.² Да и в Определении по делу № 37-ГО 5-5 от 25 декабря 2005 г. Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривавшей кассационную жалобу бывшей судьи К. на решение Орловского областного суда от 3 октября 2005 г., содержится прямая ссылка на причину досрочного прекращения ККС полномочий судьи К. – нарушение им Кодекса судейской этики, выразившееся в использовании положения судьи в рабочее время при решении личных вопросов. Такие же основания можно встретить и в ряде

---

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 30. ст. 10.

² Цитируется по: *Ермошин Г.Г.* Акты органов судейского сообщества // Российская юстиция. – 2010. № 7. С. .

иных судебных актов различных судебных инстанций.

Пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» формула дисциплинарного проступка судьи была разъяснена так: «По смыслу ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» под дисциплинарным проступком судьи, влекущем дисциплинарное взыскание в виде предупреждения или досрочного прекращения полномочий судьи, следует понимать не только нарушение норм названного Закона и положений Кодекса судейской этики, но и нарушение общепринятых норм морали, обязанностей при отправлении правосудия, правил поведения при исполнении иных служебных обязанностей и во внеслужебной деятельности». То есть, Пленум Верховного Суда РФ (и этот пункт действует до настоящего времени в первоначальном виде) существенно расширил формулу дисциплинарного проступка судьи, включив в неё и широкую гамму «чисто» этических нарушений.

23 февраля 2008 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 3-П указал: «Между тем корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются названные кодексы (речь там шла о Кодексе чести судьи 1994 г. и Кодексе судейской этики 2004 г. – *М.К.*), формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом «О статусе судей в Российской Федерации». Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом (! – *М.К.*) рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи».¹ Таким образом, Конституционный Суд РФ из формулы дисциплинарного проступка судьи исключил всё относящееся к этическому проступку, за исключением того сегмента, который, оставаясь формально этическим проступком, одновременно является проступком дисциплинарным (равно в случае, когда этический проступок в то же время – преступление, караемое уже уголовной ответственностью). Позднее эту свою позицию Конституционный Суд РФ подтвердил, углубив конституционное толкование ст. 12.1 Закона о статусе судей, в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П, предложив федеральному законодателю, в частности, расширить спектр видов дисциплинарной ответственности, уточнить составы дисциплинарных проступков судьи, а также основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

И Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ² вся статья 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона РФ о статусе судей приобрела новую редакцию, теперь она состоит из 9-ти частей (а было две). Часть же 1-я её, закре-

---

¹ Следует при этом отметить, что Европейский Суд по правам человека в решении по одной жалобе бывшего российского судьи посчитал, что Кодекс судейской этики является надлежащим актом, а дисциплинарное взыскание, основанное на нем, соответствует критерию «предусмотрено законом». См. подробнее: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2009. № 12. – Цит. по: *Романовская О.В.* Дисциплинарная ответственность судей // Российская юстиция. – 2012. № 9.

² Собрание законодательства РФ. – 2013. № 27. ст. 3472 (далее: СЗ РФ).

плюющая формулу дисциплинарного проступка судьи, теперь устанавливает: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания; 2) предупреждения; 3) досрочного прекращения полномочий судьи». То есть теперь, и в настоящее время, формула непосредственно дисциплинарного проступка судьи приобрела существенно более развернутый вид и уже характеризуется следующими обязательными признаками: виновные действия (бездействие) как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебной деятельности; но не любые, а повлекшие нарушения положений Закона о статусе судей и (или) кодекса судейской этики; при этом повлекших, в свою очередь, умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи – нарушителя.

Всё бы было хорошо, пожалуй, эта – новая – формула была бы значительно лучше прежней, если бы не одно исключение, убедительно подтверждающее: в праве даже изменение одного слова, даже в форме союза может иметь определяющее значение. В прежней формуле звучало: нарушение закона, а также кодекса судейской этики, в новой – нарушение закона и (или) кодекса судейской этики. Принципиальная между этими формулами разница (между «а также» и «и(или)») заключается в том, что раньше само по себе нарушение положений кодекса судейской этики, без нарушения Закона о статусе судей, не составляло дисциплинарный проступок – союз «а также» здесь действовал в соединительном - без вариантов – смысле. Тонкость в том, что отдельное нарушение закона, без связи – формально увязанной – с Кодексом судейской этики, являлось дисциплинарным проступком, но не наоборот, т.е. отдельные (да хоть все сразу) нарушения Кодекса судейской этики не являлись дисциплинарным проступком. Теперь же, при появлении союза «или» само по себе нарушение лишь положений (даже одного положения) кодекса судейской этики, без связи с нарушением нормы Закона о статусе судей, является законченным дисциплинарным проступком (при наличии иных названных выше квалифицирующих признаков). Но ведь это – преодоление правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной, как выше сказано, в Постановлении от 23 февраля 2008 г. № 3-П.

Конечно, законопослушный правоприменитель не может не понимать, что норма любого закона должна не противоречить требованиям Конституции РФ, и, следовательно, не может применяться в истолковании, противоречащим правовой позиции Конституционного Суда РФ, давшего конституционное толкование этой норме. Но законопослушный правоприменитель может быть дезориентирован – в рассматриваемом здесь вопросе – тем обстоятельством, что новая формула дисциплинарного проступка судьи была определена федеральным законом в 2013 г., и речь в ней шла уже о Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., т.е. существенно позже сформулированной Конституционным Судом РФ вышеназванной правовой позиции 2008 г., где речь шла о пре-

дыдущих редакциях Кодекса, не действующих уже в 2013 г.

Что означает произведенная федеральным законодателем замена «а также» на «и (или)»? Было до этой замены:

- само понимание того, что представляет собой нарушение положений Закона о статусе судей, являлось затруднительным из-за немалой неопределенности: в ст. 3 этого Закона, например, сказано: судья «должен избегать всего того, что может умалять авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности», т.е. здесь не может не быть субъективного правопонимания, что возводило названную формулу дисциплинарного судьи – в частности нарушения Закона о статусе судей – в ранг оценочной категории;

- в силу п. 2 названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г., дисциплинарный проступок судьи – это также нарушение общепринятых норм морали (где они сформулированы?); нарушение обязанностей судьей при отправлении правосудия (а это, в первую голову, нарушение любой из многочисленных норм процессуальных кодексов, постановлений пленумов высших судов и пр., далеко не все из которых императивны, многие недостаточно определены, и т.д.); нарушение правил поведения судьи при исполнении иных служебных обязанностей (совсем не конкретно!); нарушение правил поведения судьи во внеслужебной деятельности (а это вообще что такое? – хоть кто-то может хоть что-то сказать о таких правилах?).

То есть в силу несовершенства этих двух положений определить четко, что такое дисциплинарный проступок судьи, а тем более отделить его от этического проступка, было крайне затруднительно. И сегодня эти два положения продолжают действовать без изменений. Стало – теперь дополнительно: само по себе нарушение судьей положений (любых) Кодекса судейской этики, которые – по определению – на порядок менее формализованы, чем положения любого закона, в т.ч. – о статусе судей, само по себе, без «связки» с Законом о статусе судей, является дисциплинарным проступком судьи – а ведь нарушение этических норм должно влечь этическую, но не юридическую ответственность. Все это в совокупности создает крайне опасный, кумулятивный эффект и буквально «подвешивают» любого судью на риск произвольного вменения ему дисциплинарного проступка в необычайно широко понимаемой его формулой соответствующими правоприменителями, не все из которых добросовестные и добропорядочные. (И действительно: судья высморкался на улице без применения носового платка; разве это не нарушение – в глазах некоторых – положений Кодекса судейской этики об умалении им авторитета судебной власти, являющееся при этом основанием применения к нему мер дисциплинарной ответственности? А если он неудачно пошутил? Да мало ли ... Судья ведь живой человек!).

Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что вышеназванным федеральным законом от 2 июля 2013 г. была изменена редакция пункта 6 ст. 15 Закона о статусе судей. Теперь отставка судьи прекращается, в том числе, в случае «существенного, виновного, несовместимого с высоким званием судьи нарушения положений настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики, порочащего честь и достоинство судьи, умаляющего авторитет судебной власти». То есть в вопросе оснований

юридической ответственности – за нарушение положений Кодекса судейской этики – действующего судью приравнивали к судьбе-отставнику. Хотя является ли прекращение отставки судьи не по его инициативе мерой дисциплинарной ответственности? Ведь в перечне таких мер, закрепленных в ст. 21.1 Закона о статусе судей, являющемся, безусловно, закрытым, такой меры нет.

Видимо, нет необходимости стремиться к выработке универсальной формулы дисциплинарного проступка судьи в РФ. И дифференциация этой формулы, содержащаяся сегодня в пункте 1 ст. 12.1 Закона о статусе судей – в зависимости от меры дисциплинарной ответственности (тяжести проступка) – не единственно критериальная. Не менее эффективной может быть дифференциация и в зависимости от субъекта, совершившего дисциплинарный проступок. Дисциплинарный проступок действующего судьи не может не отличаться – принципиально (а отсюда – и отличия в мере ответственности) – от дисциплинарного проступка судьи-отставника; равным образом – от дисциплинарного проступка руководителя суда, совершенного им во властно-организационной сфере не в качестве судьи. Ведь в ст. 12.1 Закона о статусе судей, именуемой «Дисциплинарная ответственность судей» руководители судов вообще не упоминаются, равно как и судьи-отставники – а в ст. 6.1 этого Закона, именуемой «Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов» сказано, в абз. 2 п. 11, что полномочия этих руководителей могут быть досрочно прекращены решением соответствующей ККС в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей. Но является ли это дисциплинарным проступком и, соответственно, мерой (единственной -?) дисциплинарной ответственности руководителей судов, раз эта норма не включена в статью «Дисциплинарная ответственность судьи»?.¹

Впрочем, речь может идти и в рамках указанной дифференциации, но в разрезе субъектов дисциплинарной ответственности судей – в зависимости от того в суде какой ветви судебной власти работает «проштрафившийся» судья. В юридической литературе отмечается, что в одних конституционных (уставных) судах субъектов РФ решения о досрочном прекращении полномочий судей этих судов в качестве меры дисциплинарной ответственности принимают – по законодательству самих субъектов РФ – ККС субъектов РФ, в других – законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ по представлению высшего должно-

---

¹ Сам по себе вопрос о механизме дисциплинарной ответственности руководителей судов – отдельная и серьезная проблема, подтверждением чему может послужить факт освобождения от обязанностей председателя районного суда Западной Праги Министром юстиции Чехии в феврале 2005. за неспособность предотвратить задержки в рассмотрении спора относительно доверительного управления, который рассматривался районным судом. Министр сослался на то, что председатели судов действуют в двойном качестве: во-первых, они по-прежнему являются независимыми судьями, которые разрешают дела, во-вторых, как председатели судов, они являются государственными служащими, носителями административной государственной власти. В рамках второго своего статуса они являются частью административной иерархии и подчиняются вышестоящему должностному лицу, в данном конкретном случае – министру юстиции. Эта двойственность их роли подтверждается тем фактом, что, будучи смещенными с поста председателя суда, они, тем не менее, остаются судьями данного суда – *Михаил Бабек*. Администрирование судов в Чешской республике: в поисках конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. № 4(83). С. 25-26.

стного лица этого субъекта или председателя данного суда на основании решения этого суда, в третьих – решениями самих конституционных (уставных) судов.¹ Правда, при таком ракурсе дифференциация формул непосредственных дисциплинарных проступков судей этих судов представляется весьма затруднительной.

Таким образом, можно сделать вывод: предстоит филигранная работа по выработке ключевого звена организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности российских судей – формулы дисциплинарного проступка судьи. Здесь должны быть решены одновременно две задачи: формула (м.б. сложносо- ставная) должна: а) охватывать, по максимуму, все составы именно дисциплинарного (а не смежных)² проступка судьи; б) гарантированно обеспечить уверенность каждому судье, что он не будет привлечён к дисциплинарной ответственности не за именно дисциплинарный проступок (т.е. будет привлечён за именно дисциплинарный проступок), поскольку иначе не будет обеспечена независимость судьи, а там, где кончается судейская независимость, кончается и правосудие.

Ещё более серьезная проблема – в качестве задачи послезавтрашнего дня – радикальная модернизация всего организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности российских судей. Это будет, видимо, её четвертый этап (не каждый же этап должен начинаться на «сломе» эпох, в результате смены государственного строя...). Здесь предстоит: а) «развести» излишне сгущенные полномочия нынешних ККС посредством создания отдельных двухуровневых органов судейского сообщества (отдельно – проводящих проверку сообщения о возможном дисциплинарном проступке судьи; отдельно – ведущим дисциплинарное производство по результатам этой проверки и т.д.); б) увеличить число мер дисциплинарной ответственности судьи, что позволит повысить адекватность дисциплинарного наказания дисциплинарному проступку судьи; в) вывести досрочное прекращение полномочий судьи за тяжкий дисциплинарный проступок из перечня мер дисциплинарной ответственности судьи и возвести его в «ранг» конституционной ответственности судьи, создав для этого специальный организационно-правовой механизм. Следует отметить: в академической науке господствует постулат, согласно которому правильная постановка проблемы сама по себе является пятидесятипроцентной гарантией её успешного решения.

Источники и использованная литература:

1. Учреждение судебных установлений 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991.
2. Положение о судоустройстве РСФСР, принятое 4-й сессией ВЦИК 9-го созыва 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. № 69. Ст. 902.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1940 г. «О дисциплинарной ответственности судей» // Ведомости ВС СССР. – 1940. № 28.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной

¹ См., подробнее: *Брежнев О.В.* Неприкосновенность судей Конституционного Суда России и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: проблемы правового регулирования // *Право и политика.* – 2010. № 8.

² Здесь без анализа норм трудового законодательства (и м.б. заимствования достижений науки трудового права) не обойтись, прежде всего потому, что в силу ст. 22 Закона о статусе судей законодательство РФ о труде распространяется на судей в части, не урегулированной этим законом.

- ответственности судей» // Ведомости ВС СССР. – 1948. № 3.
5. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ Законодательства о судостроительстве Союза ССР союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1958. № 1. Ст. 12.
  6. Положение о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. № 24. Ст. 595.
  7. Положение о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 мая 1976 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1976. № 22. Ст. 771; Ведомости ВС РСФСР. – 1982. № 22. Ст. 702.
  8. Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. «О порядке отзыва народных судей и народных заседателей районных (городских) народных судов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1981. № 28. Ст. 978.
  9. Положение о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1990. № 10. Ст. 288.
  10. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 30. Ст. 10; СЗ РФ. 2013. № 27. ст. 3472.
  11. *Аулов В.К., Туганов Ю.Н.* О дисциплинарной ответственности судей в России // Российский судья. – 2010. № 5.
  12. *Бабек Михаил.* Администрирование судов в Чешской республике: в поисках конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. № 4 (83).
  13. *Брежнев О.В.* Неприкосновенность судей Конституционного Суда России и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Право и политика. – 2010. № 8.
  14. *Геродот.* История / Пер. Г.А. Строгановского. – М., 1993.
  15. *Дьячкова А.И.* Органы судебной власти в эпоху Русской Правды // Юридический мир. – 2010. № 7. С. 42-44.
  16. *Ермошин Г.Г.* Акты органов судейского сообщества // Российская юстиция. – 2010. № 7.
  17. *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. – Л., 1960.
  18. *Романовская О.В.* Дисциплинарная ответственность судей // Российская юстиция. – 2012. № 9.
  19. *Яковлев А.Э.* Исторические аспекты дисциплинарной ответственности судей // Российская юстиция. – 2007. № 10. С. 66-69.
  20. *Яковлев А.Э.* Характеристика эволюции юридической ответственности судей в России XV-конца XIX веков // Российское правосудие. – 2010. № 5. С. 100-107.

Kleandrov M.I.

Evolution of the mechanism of Russian judges' disciplinary liability

The study comprises the consideration of three stages (1864–1917; 1922–1991; 1991 – present) of the process of evolution of institutional as well as legal mechanism of judges' disciplinary liability. The author maintains that current judge's disciplinary misconduct formula is far from perfection and suggests certain measures to improve the mechanism of Russian judges' disciplinary liability.

Keywords: judges' disciplinary liability, judge's disciplinary misconduct, advancement of legislation.

Барсукова М.А.

ЭВОЛЮЦИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ: ОПЫТ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена опыту научного моделирования суда присяжных в России. В ней рассматриваются две модели суда присяжных: динамическая и типологическая. Динамическая модель отражает этапы исторического развития суда присяжных и состоит из трёх циклов и четырёх повторяющихся фаз. Циклы связаны с коренными преобразованиями общественного строя в условиях становления буржуазных отношений. Развитие суда присяжных внутри цикла идёт однотипно: от либерализации через авторитарный откат к стагнации, затем к кризису. Типологическая модель воссоздаёт картину развития суда присяжных как правового института.

Ключевые слова: суд присяжных, научное моделирование, динамическая модель, типологическая модель, цикл, фаза.

Суд присяжных, будучи сложным и противоречивым институтом российского права, вызывает повышенное внимание юридической общественности и требует неустанного совершенствования научной методологии. Вероятно, опыт научного моделирования, направленный на построение теоретических моделей в юриспруденции позволит расширить возможности познания столь неоднозначного явления. Модель суда присяжных можно представить как некую мыслительную конструкцию, которая в процессе непосредственного изучения открывает новые знания об объекте. Однако, необходимо иметь в виду, что воссоздание одних сторон моделируемого объекта осуществляется ценой отказа от отражения других сторон, следовательно, для одного объекта-оригинала может быть построено несколько отдельных моделей-заместителей, демонстрирующих различные грани. Целью данной статьи является конструирование динамической и типологической моделей, которые воссоздадут картину развития российского суда присяжных как политико-правового института.

Построение динамической модели суда присяжных возможно только путём переосмысления общей панорамной картины исследуемого феномена при наличии плюралистической интерпретации, сочетающей формационный, модернизационный и кентаврический подходы. Формационный подход позволяет рассматривать историю российского суда присяжных как историю буржуазных революций. Историческая миссия суда присяжных – выступать своеобразным способом разрешения социальных конфликтов в условиях обостряющейся революционной борьбы. По мере того как накал подобной борьбы ослабевает, необходимость в классическом суде присяжных, где представители народа решают судьбу дела без участия коронных судей, отпадает. Следовательно, динамика российского суда присяжных должна соотноситься с развитием революционного процесса. Модернизационная парадигма, рассматривающая историческое явление в комплексном развитии всех составляю-

---

Барсукова Маргарита Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин Уральского института коммерции и права (Екатеринбург).

щих (социальной, экономической, политической, правовой, духовной) в рамках капиталистической эпохи, даёт возможность взглянуть на суд присяжных как на один из инструментов большого буржуазного оркестра. С точки зрения кентаврического подхода суд присяжных предстает в виде кентавра, соединившего в себе два несовместимых элемента. Как человек и конь в единстве создают принципиально новое явление, так и судебное учреждение в союзе с политическим установлением образуют особый политико-правовой институт, где политическая составляющая мощнее юридической.

Исходя из вышеизложенных позиций динамическая модель суда присяжных в России включает в себя три цикла: 1) от великих реформ 1860-1870-х гг., трактуемых историками как буржуазная революция «сверху», до Февральской буржуазно-демократической революции; 2) от Февральской буржуазно-демократической революции до создания советской судебной системы, провозглашенной в ходе Октябрьской социалистической революции; 3) от радикальных реформ 1990-х гг., именуемых новейшей российской революцией, до настоящего времени. Дополнительным основанием для систематизации процессов внутри циклов выступает фазовая модель российской истории, разработанная Н.С. Розовым. Он выделил пять фаз циклической динамики: 1) фаза мобилизации, которая всегда имеет предел и обычно переходит в стагнацию; 2) фаза стагнации, которая может быть как стабильной, так и турбулентной, но обычно завершается кризисом; 3) фаза кризиса, которая всегда сопровождается разрушительными явлениями и характеризуется метаниями между попытками перейти либо к фазе либерализации, либо к фазе отката; 4) фаза либерализации, которая иногда осуществляется «сверху», иногда «снизу», но, как правило, не приводя к успеху, либо возвращает к фазе кризиса, либо подталкивает к фазе отката; 5) фаза авторитарного отката, которая нередко выводит из кризиса и возвращает к стагнации, иногда приводит к успешной мобилизации, но при определенных условиях может вновь привести к кризису.¹ Для выявления фаз циклической динамики суда присяжных в качестве основного критерия выступает изменение уголовно-процессуального законодательства в области юрисдикционных полномочий присяжных заседателей.

Первый цикл становления суда присяжных в пореформенной России содержит четыре фазы: 1) либерализация (20 ноября 1864 г. – 9 мая 1878 г.); 2) авторитарный откат (9 мая 1878 г. – 7 июля 1889 г.); 3) стагнация (7 июля 1889 г. – 30 марта 1917 г.).

После Крымской войны 1853–1856 гг. страна, находившаяся на краю финансовой пропасти, остро нуждалась в широкомасштабном реформировании, в первую очередь, направленном на пополнение царской казны. В результате реформы отмены крепостного права 1861 г. крестьянам предоставлялась земля за выкуп. Выкупная сумма назначалась исходя из размера помещичьего дохода с оброка, а не рыночной стоимости земли, поэтому она оказалась на 323 млн. руб. выше реальной

---

¹ *Розов Н.С.* Типология и интеграция средств анализа исторической динамики // Клиодинамика // URL: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=35 (дата обращения: 28.10.2012).

цены.¹ Посредником между крестьянами и помещиками выступало государство, выплатив дворянам 80 % установленной суммы. Крестьянам же, как будто бы взявшим у государства в долг, нужно было расплачиваться с ним в течение 49 лет с учётом 6 % годовых, что превышало затраченную властью сумму на 294 %. При расчёте с помещиками государство из причитавшейся им части средств вычло долги перед банками и государственными кредитными учреждениями, а оставшуюся сумму выплатило пятипроцентными банковскими билетами и выкупными свидетельствами, которые котировались на бирже значительно ниже номинальной стоимости. Власть не потратила на реформу ни копейки бюджетных средств, а разработанная ей схема выкупной операции разорила и крестьян, и дворян. Зато выправилось финансовое положение царской семьи. Капитал Александра II в 1881 г. составлял около 12 млн. руб.², что по тем временам было огромной суммой.

В этих условиях последовавшая судебная реформа 1864 г. не могла не иметь политического оттенка. Для удержания разбушевавшейся стихии было найдено средство успокоения общественного возбуждения – установление политической демократии путём создания «равного для всех» суда. По мысли И.А. Исаева, «этот тезис предполагал именно политическое уравнивание, т. е. создание гражданского общества с равноправными гражданами».³ Идея равенства, в первую очередь, была реализована посредством введения суда присяжных как института участия граждан в управлении делами государства.

Закон от 9 мая 1878 г. «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях»⁴, временно изъявший из ведения суда присяжных дела о сопротивлении распоряжениям правительства и установленным от него властям, об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности, о взломе тюрем, освобождении и побеге из-под стражи, ознаменовал начало авторитарного отката. Это был правительственный ответ на оправдательный вердикт присяжных заседателей по известному делу Веры Засулич в апреле 1878 г. По мысли Н.А. Колоколова, «коллегия присяжных заседателей оправдала её, несмотря на то, что вины своей в покушении на убийство человека она не отрицала, только по одной причине: Засулич не воспринималась обществом, а вместе с ним и коллегией присяжных заседателей как убийца, ибо она предстала перед ними в качестве борца за свободу русского народа, а в революционной борьбе все средства хороши».⁵ Авторитарный откат завершился законом от 7 июля 1889 г. «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей»⁶, который

¹ *Троицкий Н.А.* Россия в XIX в. Курс лекций. – М.: Высшая школа, 2003. С. 197.

² *Мионов В.Б.* Российская империя XIX – начала XX века. – М.: Вече, 2011. С. 150.

³ *Исаев И.А.* Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // История государства и права. – 2014. № 23. С. 3.

⁴ О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 9 мая 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1878. Т. 53. № 58487 (далее: ПСЗРИ).

⁵ *Колоколов Н.* Оправдание Веры Засулич: ошибка или закономерность? Две эпохи, два взгляда! // Человек и закон. – 2010. № 7. С. 114.

⁶ Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей: Высочайше утвержденное мнение Государст-

«отнял у присяжных... около 60 статей»¹ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Большая часть исключенных статей относилась к преступлениям против порядка управления, общественного благоустройства и благочиния, а также имущества и доходов казны. Затем вплоть до событий Февраля 1917 г. продолжалась фаза стагнации.

В рамках второго цикла можно выделить две фазы: 1) либерализация (30 марта 1917 г. – 22 ноября (5 декабря) 1917 г.); 2) кризис (22 ноября (5 декабря) 1917 г. – 11 ноября 1922 г.). После Февральской буржуазно-демократической революции юрисдикционные полномочия присяжных заседателей достигли наивысшего размаха. Так, Постановлением от 30 марта 1917 г. Временное правительство передало дела, подсудные особым судам: Верховному уголовному суду, особым присутствиям Сената, судебных палат и окружных судов с участием сословных представителей, – в компетенцию суда присяжных, восстановив ее объем до уровня Судебных уставов 1864 г.² Кроме того, в этот период в России был создан военный суд присяжных, ставший уникальным явлением мировой истории. Что же послужило причиной столь кардинальных перемен?

После прихода к власти Временного правительства союзнические государства быстро пошли на его дипломатическое признание, что дало основание Р. Пайпсу писать: «Временное правительство всецело и преданно поддерживало союзников: его лояльность наводила некоторых лиц Германии на мысль, что февральская революция была организована Великобританией».³ В соответствии с обязательствами, принятыми Россией перед союзниками, на 12 июня 1917 г. было запланировано генеральное наступление, для поддержания которого США пообещали предоставить Временному правительству кредит на 100 млн. долларов.⁴ Выполняя политические договоренности и рассчитывая на финансовые вливания, Временное правительство беззастенчиво готовилось гнать измученные войска в очередное наступление, нисколько не заботясь о жизни тех, кто проливал в атаках кровь. Депутат Государственной думы В.В. Шульгин в мемуарах «Дни» писал: «Военные неудачи, напряжение, которое становится не под силу, утомление масс, явственно переходящее в отказ воевать, – все это требует особо искусной внутренней политики... Надо дать взятку тем, кто обличает... Чем? Той валютой, которая принимается в уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...».⁵ Пожалуй, взяткой во внутренней политике стал введенный накануне наступления военный суд присяжных: 6 мая 1917 года на флоте⁶, 28 мая 1917 года в армии.¹

венного совета от 7 июля 1889 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – СПб., 1889. Т. 9. № 6162.

¹ *Бобринцев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных // *Русская мысль*. – 1896. С. 50.

² О передаче государственных преступлений и преступлений по должности судебным установлениям с участием присяжных заседателей: постановление Временного правительства от 30 марта 1917 г. // *Вестник Временного правительства*. – 1917. № 56 (далее: ВВП).

³ *Пайпс Р.* Русская революция: в 3-х кн. Кн. 2: Большевики в борьбе за власть: 1917–1918. – М.: Захаров, 2005. С. 60.

⁴ *Миронов В.Б.* Указ. соч. С. 711.

⁵ *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. – М.: Современник, 1989. С. 125.

⁶ О временных военно-морских судах: постановление Временного правительства от 6 мая 1917 г. // ВВП. 1917. № 56.

22 ноября (5 декабря) 1917 г. Совнарком Декретом «О суде» № 1 упразднил существующие судебные установления, отменив и институт присяжных заседателей.² Однако на практике судопроизводство продолжало вестись по правилам Судебных уставов 1864 г., если они не противоречили «революционной совести и революционному правосознанию». П.Л. Михайлов считает, что суд присяжных «существовал некоторое время и в Советской России, до тех пор, пока он не был заменён окончательно шеффенским судом, сначала с расширенной народной коллегией из двенадцати заседателей, которая впоследствии была сокращена до шести, а затем и до двух народных заседателей».³ Так, Декрет «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г. предусматривал для окружных судов по уголовным делам наличие коллегии в составе одного профессионального судьи и двенадцати очередных (двух запасных) заседателей.⁴ Положение о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. исключило упоминание о расширенной коллегии заседателей. Таким образом, период трансформации классического суда присяжных в шеффенский суд следует рассматривать как фазу кризиса.

В рамках современного третьего цикла прослеживаются три фазы: 1) либерализация (16 июля 1993 г. – 6 апреля 2006 г.); 2) авторитарный откат (6 апреля 2006 г. – 15 апреля 2010 г.); стагнация (15 апреля 2010 г. – до настоящего времени).

В новейшей истории правовой основой введения суда присяжных стал Федеральный закон от 16 июля 1993 г. № 5451-1⁵, принятый в период радикальных реформ 1990-х гг. Президент Б.Н. Ельцин, взяв в качестве ориентира капиталистическую модель развития общества, стал проводить политику «шоковой терапии», в основе которой лежала идея приватизации государственной собственности. Схема ограбления страны осуществлялась путем ликвидации парламентского контроля и переподчинения Центрального банка и Пенсионного фонда исполнительной власти⁶, распродажи всем желающим, в том числе иностранцам, без всяких ограничений земельных участков⁷, перевода государственного имущества в частные руки посредством ваучеризации. Верховный Совет РСФСР для упорядочения процесса всеобщей приватизации 3 июля 1991 г. издал закон «Об именных приватизацион-

---

¹ Об отмене назначения временных членов в состав военно-окружных, корпусных и равных с ними по власти военных судов и о введении военных присяжных заседателей: постановление Временного правительства от 28 мая 1917 г. // ВВП. 1917. № 95.

² О суде: декрет СНК от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. № 4. Ст. 50 (далее: СУ РСФСР).

³ Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 265.

⁴ О суде: декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // СУ РСФСР. – 1918. № 26. Ст. 420.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РФ (далее – Ведомости СНД и ВС РФ). – 1993. № 33. Ст. 1313.

⁶ О мерах, связанных с передачей правительству организаций и учреждений, подчиненных Верховному Совету Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 1993 г. № 1684-р // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. № 39. Ст. 3725 (далее – САПП РФ).

⁷ О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России: указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 // САПП РФ. 1993. № 44. Ст. 4191.

ных счетах и вкладах в РСФСР»¹, согласно которому на каждого гражданина РСФСР в Сберегательном банке должен был открываться именной приватизационный счёт, гарантировавший своему владельцу право на долю в безвозмездно распределяемой государственной и муниципальной собственности. Однако 14 августа 1992 г. в обход этого закона был издан президентский указ², в соответствии с которым населению раздавались неименные приватизационные чеки, покупающиеся и продающиеся без всяких ограничений. Параллельно исполнительной властью велась активная работа по ускорению приватизации государственных и муниципальных предприятий.³ Конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти быстро набирал обороты. На фоне этого противостояния 12 января 1993 г. Б.Н. Ельцин внёс в Верховный Совет законопроект о суде присяжных, в результате чего был принят закон 16 июля 1993 г., а новая конституция закрепила право на суд присяжных. В конечном итоге вся приватизация свелась к «черному переделу» бывшей общенародной собственности в пользу новой русской буржуазии, приближенной к властным структурам. Подавляющая же часть российских граждан, оставшаяся ни с чем, стала именовать её не иначе как «прихватизацией», указывая на антинародный характер.

С постановления Конституционного Суда от 6 апреля 2006 г. № 3-П⁴ началась фаза авторитарного отката. Посредством механизма конституционного контроля власти отреагировали на оправдательный вердикт присяжных заседателей по делу армейского разведчика Эдуарда Ульмана, расстрелявшего по приказу из штаба шесть чеченских граждан во время военной операции по поимке полевого командира Хаттаба. Дважды ростовский суд присяжных его оправдал. Президент Чеченской республики А. Алханов, потерпевшая по этому делу К. Тубурова и Северо-Кавказский окружной военный суд обратились в Конституционный суд с запросом. Дело приобрело огромный общественный резонанс, назревал международный конфликт. На этом фоне Конституционный Суд пришел к выводу, что коллегия присяжных заседателей должна формироваться из граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации, где было совершено преступление. В случае невозможности сформировать коллегия из граждан данного субъекта, соответствующие уголовные дела подлежат рассмотрению окружным военным судом

---

¹ Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР: закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 27. – Ст. 925.

² О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 914 // САПП РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 501.

³ Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий: указ Президента РФ от 29 декабря 1991 г. № 341 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 3. – Ст. 93; Об ускорении реализации программы приватизации на 1992 г.: постановление Правительства РФ от 29 января 1993 г. № 52 // Правительственный вестник. – 1992. – № 7.

⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П // СЗ РФ. – 2006. – № 16. – Ст. 1775.

без участия присяжных заседателей. По мнению Л.В. Головки, решение мнимой коллизии между правом на суд присяжных и правом участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей носило «конспирологический характер» и отражало намерения властей добиться сокращения компетенции суда присяжных посредством механизма конституционного контроля и института уголовно-процессуальных коллизий.¹ Естественно, Конституционный Суд, являющийся органом судебной власти, не подменяет законодательную власть, но наряду с ней производит действия, которые объективно приобретают характер правотворчества.

Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму»², завершилась фаза авторитарного отката. Из ведения суда присяжных были изъяты 9 составов преступлений против общественной безопасности и государственной власти: терроризм, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования, массовые беспорядки, диверсия, шпионаж, государственная измена, насильственный захват власти, вооруженный мятеж. Свердловский областной суд и ряд граждан также обратились в Конституционный суд с запросом о конституционности изменений, внесенных данным законом. Конституционный суд признал этот закон не противоречащим Конституции России.³ На смену авторитарному откату пришла стагнация.

Таким образом, предложенная динамическая модель суда присяжных состоит из трёх циклов и четырёх повторяющихся фаз. Циклы накладываются на события коренных преобразований общественного строя буржуазного характера: великие реформы 1860-1870-х гг. (переход от феодализма к капитализму), Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. (переход от буржуазной монархии к буржуазной республике), радикальные реформы 1990-х гг. (переход от социализма к капитализму).

В рамках каждого этапа развитие суда присяжных идет однотипно: от либерализации через авторитарный откат к стагнации, а затем и к кризису, причём возможно перескакивание через отдельные ступени. В рамках первого цикла выделяются четыре фазы, второго цикла – две фазы, третьего цикла – три фазы. В результате совершения революции «снизу» темп циклической динамики резко увеличивается. Данную модель можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

---

¹ Головка Л.В. Конституционный суд vs суд присяжных // ЭЖ-Юрист. – 2010. № 10. С. 1–2.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму: федеральный закон РФ от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. № 1. Ст. 29 (далее: СЗ РФ).

³ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагуддинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // СЗ РФ. – 2010. № 18. Ст. 2276.

Таблица 1. Динамическая модель суда присяжных

Циклы Фазы	I цикл Реформы 1860-70-х гг.	II цикл Февральская революция 1917 г.	III цикл Реформы 1990-х гг.
1. Либерализация	20 ноября 1864 г. 9 мая 1878 г.	30 марта 1917 г. 22 ноября 1917 г.	16 июля 1993 г. 6 апреля 2006 г.
2. Авторитарный откат	9 мая 1878 г. 7 июля 1889 г.	–	6 апреля 2006 г. 15 апреля 2006 г.
3. Стагнация	7 июля 1889 г. 30 марта 1917 г.	–	15 апреля 2006 г. настоящее время
4. Кризис	–	22 ноября 1917 г. 11 ноября 1917 г.	–

В отличие от динамической модели типологическая модель суда присяжных последнее десятилетие активно разрабатывается учеными-процессуалистами. Например, М.В. Яровая выделяет англо-американскую, континентальную и смешанную модели судебного следствия в суде присяжных¹, С.А. Насонов и С.М. Ярош – аналогичные модели вердикта присяжных заседателей², С.А. Насонов в статье «Генезис и эволюция модели производства в суде присяжных в России: от Устава уголовного судопроизводства (далее УУС) до УПК РФ», такие же модели производства в суде присяжных. Все они сходятся во мнении, что в России сложилась модель смешанного (комбинированного) типа. С.А. Насонов, кроме того, полагает, что российская модель проходит три этапа развития: 1) модель по УУС 1864 г.; 2) модель по УПК РСФСР (в ред. Закона от 16.07.1993); 3) модель по УПК РФ 2001 г.³

Обращаясь к характеристике ранее разработанных моделей, следует более подробно остановиться на особенностях каждой в отдельности. Например, М.В. Яровая к особенностям англо-американской модели судебного следствия относит равноправие сторон при исследовании доказательств («абсолютизация состязательности») и сокращение пределов судебного следствия, что выражается в исследовании только тех обстоятельств, которые имеют отношение к вопросу о виновности, и только тех поступков, которые напрямую связаны с преступлением («презумпция беспорочности»). По её мнению, данная модель действует в Великобритании, США, Канаде, Ирландии, Австралии и Новой Зеландии⁴. Континентальная модель имеет неравное положение защитника по сравнению с прокурором («главной стороной») и неограниченное расширение пределов судебного следствия. Относится к Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии, Испании, Германии⁵. Смешанная же модель, существующая в России, сочетает в себе равноправие сторон как в англо-американской модели и широкие пределы судебного следствия как в континентальной мо-

¹ Яровая М.В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. – 2006. № 1. С. 61–66.

² Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. – М.: Р. Валент, 2003. С. 18.

³ Насонов С.А. Генезис и эволюция модели производства в суде присяжных в России: от УУС до УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 4. С. 563.

⁴ Яровая М.В. Указ. соч. С. 61–63.

⁵ Там же. С. 63–65.

дела.¹ С.А. Насонов и С.М. Ярош, анализируя вердикты присяжных заседателей, приходят к мысли, что в англо-американской модели присяжные на основе принципа единогласия решают единственный вопрос о доказанности обвинения, выдвинутого против подсудимого в обвинительном акте². В континентальном вердикте присяжные большинством голосов (квалифицированным или простым – 7 против 5) отвечают на ряд вопросов, вытекающих из судебного разбирательства.³ В смешанной модели присяжные также сталкиваются с системой вопросов, принимая их простым большинством голосов, причём при равенстве голосов решение выносится в пользу подсудимого.⁴

Так, действительно ли в России сложился особый тип суда присяжных, коренным образом отличающийся от англо-саксонского и континентального? Кстати, революционные юристы И.Я. Фойницкий и Н.Н. Розин считали, что российское производство в суде присяжных «усвоило континентальный порядок», а К. Миттермайер писал, что оно «гораздо больше держится английского образца»⁵. В приведенных исследованиях отсутствуют комментарии относительно критериев выделения указанных моделей, но по смыслу можно понять, что М.В. Яровая соотносит модели с типами уголовного процесса⁶, а С.А. Насонов и С.М. Ярош – с видами правовых систем.⁷

Общеизвестно, что на основании критерия разграничения функций обвинения, защиты и правосудия уголовный процесс подразделяется на розыскной, состязательный и смешанный. К началу XIX века российский уголовный процесс характеризовался как розыскной, английский как состязательный, а французский как смешанный. Позднее, в связи с исчезновением розыскного процесса, такое деление уступило место другому: состязательный (английский) и смешанный (французский, российский). При этом классическим смешанным считался французский процесс образца Кодекса уголовного расследования 1808 г., который сочетал в себе розыскное досудебное производство и состязательное судебное разбирательство.⁸ К концу XIX века учёные разных стран пришли к мысли, что в реальной действительности отсутствует чисто розыскное или чисто состязательное судопроизводство, а существуют лишь национальные формы, воплощающие в себе отдельные черты того и другого. Подобное открытие привело к пониманию, что смешанная форма является обычной характеристикой национальных форм процесса и что их классификация должна проводиться по иным основаниям.

В свою очередь, в теории государства и права на существование романо-германской, англо-американской и смешанной правовых систем указывает крупный специалист в области сравнительного правоведения Р. Давид⁹, который также счи-

---

¹ Яровая М.В. Указ. соч. С. 65–66.

² Насонов С.А., Ярош С.М. Указ. соч. С. 20, 29–30.

³ Там же. С. 40–42.

⁴ Насонов С.А., Ярош С.М. Указ. соч. С. 43–45.

⁵ Цит. по: Насонов С.А. Указ. соч. С. 563–564.

⁶ Яровая М.В. Указ. соч. С. 66.

⁷ Насонов С.А., Ярош С.М. Указ. соч. С. 18.

⁸ Стойко Н.Г. Типологическое изучение английского, германского, французского и российского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. № 3. С. 119.

⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова //

тает, что в XX веке стало происходить сближение континентального и общего права. Он отмечает: «Стремление говорить о единой семье западного права тем более сильно, что в некоторых странах существуют такие правовые системы, которые трудно отнести с определенностью к той или другой правовой семье, так как они много заимствовали и там, и тут. В числе таких смешанных правовых систем можно назвать шотландское право, право Израиля, Южно-Африканской Республики, провинции Квебек, Филиппин».¹ Следовательно, автор данной концепции не относит российское право к смешанной правовой системе, потому что как и большинство учёных придерживается точки зрения, согласно которой отечественное право вышло из лоно романо-германской правовой семьи.

Становится очевидным, что отнесение российского суда присяжных к смешанному типу не отражает процесса исторического развития данного института, так как такая модель уже в XIX веке становится обычным явлением для национальных форм суда присяжных. Например, характерной особенностью англо-американской модели является единодушное решение присяжными единственного вопроса о доказанности обвинения, но в некоторых штатах США выносятся т.н. «специальные» вердикты, где присяжным приходится разрешать не один, а несколько вопросов.² А в самой Англии с 1967 года отменён принцип единогласия. Если присяжным не удастся сразу прийти к единодушному мнению, то совещание длится не менее двух часов, а обвинительный вердикт выносится только при наличии квалифицированного большинства (не менее 10 из 12).³ Так, если в рамках одной системы возможны кардинальные отступления от основополагающих принципов, то стоит ли по некоторым отличиям в общей схеме конструировать особую модель? Ответ очевиден: нет. Однако для построения целостной национальной модели попробуем провести классификацию по различным критериям, тем самым вычленив наиболее важные ее элементы. Итак, суд присяжных может быть:

- по исследованию обстоятельств, характеризующих личность подсудимого: имеющий узкие пределы судебного следствия, имеющий широкие пределы судебного следствия;

- по положению сторон в судебном следствии: базирующийся на равенстве сторон, базирующийся на неравенстве сторон;

- по порядку допроса свидетелей: проводимый поочередно (сначала – свидетели обвинения, затем – свидетели защиты), проводимый по усмотрению председательствующего;

- по последствиям признания подсудимым своей вины: влекущий сокращение судебного следствия, не влекущий сокращение судебного следствия;

- по последствиям отказа прокурора от обвинения: влекущий прекращение дела, не влекущий прекращение дела;

- по процедуре постановки вопросов перед присяжными заседателями: предусматривающий единственный вопрос о доказанности обвинения; предусматриваю-

---

URL: <http://www.lib.ru/PRAWO/rene.txt> (дата обращения: 25.12.2015).

¹ Там же.

² Насонов С.А., Ярош С.М. Указ. соч. С. 27–28.

³ Там же. С. 29.

щий несколько групп вопросов, вытекающих из судебного разбирательства;

– по процедуре принятия решения присяжными заседателями: основанный на принципе единогласия, основанный на принципе квалифицированного большинства, основанный на принципе простого большинства;

– в зависимости от принадлежности к правовой семье: англо-американский, континентальный.

Взяв за основу предложенное С.А. Насоновым деление российской модели производства в суде присяжных на три: модель по УУС, модель по УПК РСФСР, модель по УПК РФ, – и, сравнив их между собой по выделенным критериям, получим следующую таблицу.

Таблица 2. Типологическая модель суда присяжных

	I цикл УУС	II цикл УПК РСФСР	III цикл УПК РФ
По исследованию обстоятельств, характеризующих личность подсудимого	Широкие пределы судебного следствия	Широкие пределы судебного следствия (сужение)	Узкие пределы судебного следствия
По положению сторон в судебном следствии	Равенство сторон	Равенство сторон	Равенство сторон
По порядку допроса свидетелей	Поочередно и по усмотрению председательствующего	По усмотрению председательствующего с учетом мнения сторон	Поочередно
По последствиям признания подсудимым своей вины	Сокращение судебного следствия	Сокращение судебного следствия	Не влечет сокращения судебного следствия
По последствиям отказа прокурора от обвинения	Не влечет прекращения дела	Прекращение дела	Прекращение дела
По процедуре постановки вопросов перед присяжными заседателями	Несколько групп вопросов	Несколько групп вопросов	Несколько групп вопросов
По процедуре принятия решения присяжными заседателями	Принцип простого большинства	Принцип простого большинства	Принцип простого большинства
В зависимости от принадлежности к правовой семье	Континентальная	Континентальная	Англо-американская

Таким образом, предложенная типологическая модель суда присяжных позволяет более детально проследить эволюцию суда присяжных как правового инсти-

тута. В III цикле количество признаков, относящихся к англо-американской системе, начинает преобладать, что подтверждает мнение И.Л. Петрухина о том, что УПК РФ в общих чертах сохранил влияние континентального права, но при этом сильно переориентировался в сторону англо-американского права.¹

Поскольку процесс моделирования предполагает прохождение трех этапов: конструирования модели, её корректировки и построения обобщающей модели, то возможности данного метода практически безграничны. По мере расширения знаний об объекте модели могут совершенствоваться, что закладывает в методологию моделирования большие возможности саморазвития.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 9 мая 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1878. Т. 53. № 58487 (далее: ПСЗРИ).
2. Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 7 июля 1889 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 9. № 6162.
3. О передаче государственных преступлений и преступлений по должности судебным установлениям с участием присяжных заседателей: постановление Временного правительства от 30 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. – 1917. № 56 (далее: ВВП).
4. О временных военно-морских судах: постановление Временного правительства от 6 мая 1917 г. // ВВП. 1917. № 56.
5. Об отмене назначения временных членов в состав военно-окружных, корпусных и равных с ними по власти военных судов и о введении военных присяжных заседателей: постановление Временного правительства от 28 мая 1917 г. // ВВП. 1917. № 95.
6. О суде: декрет СНК от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. № 4. Ст. 50 (далее: СУ РСФСР).
7. О суде: декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // СУ РСФСР. – 1918. № 26. Ст. 420.
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2006. № 16. Ст. 1775 (далее: СЗ РФ).
9. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // СЗ РФ. – 2010. № 18. Ст. 2276.

---

¹ Петрухин И.Л. От инквизиции – к состязательному процессу // Государство и право. – 2003. № 7. С. 32.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму: федеральный закон РФ от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. № 1. Ст. 29.
11. Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР: закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. № 27. Ст. 925.
12. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: закон Р от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. № 33. Ст. 1313.
13. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий: указ Президента РФ от 29 декабря 1991 г. № 341 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. № 3. Ст. 93.
14. О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 914 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1992. № 8. Ст. 501 (далее: САПП РФ).
15. О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России: указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 // САПП РФ. – 1993. № 44. Ст. 4191.
16. Об ускорении реализации программы приватизации на 1992 г.: постановление Правительства РФ от 29 января 1993 г. № 52 // Правительственный вестник. – 1992. № 7.
17. О мерах, связанных с передачей правительству организаций и учреждений, подчиненных Верховному Совету РФ: распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 1993 г. № 1684-р // САПП РФ. – 1993. № 39. Ст. 3725.

Общая литература:

18. *Давид Р.* Основные правовые системы современности // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова // URL: <http://www.lib.ru/PRAWO/rene.txt> (дата обращения: 25.12.2015).
  19. *Миронов В.Б.* Российская империя XIX – начала XX в. – М.: Вече, 2011. – 800 с.
  20. *Пайнс Р.* Русская революция: в 3-х кн. Кн. 2: Большевики в борьбе за власть, 1917–1918. – М.: Захаров, 2005. – 347 с.
  21. *Розов Н.С.* Типология и интеграция средств анализа исторической динамики // Клиодинамика // URL: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=35 (дата обращения: 28.10.2012).
  22. *Троицкий Н.А.* Россия в XIX в. Курс лекций. – М.: Высшая школа, 2003. – 431 с.
  23. *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. – М.: Современник, 1989. – 559 с.
- Специальная литература:
24. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. – М.: Журнал «Русская мысль», 1896. – 615 с.
  25. *Головкин Л.В.* Конституционный суд vs суд присяжных // ЭЖ-Юрист. – 2010. № 10. С. 1–5.
  26. *Демичев А.А.* История российского суда присяжных (1864–1917 гг.). – Н. Новгород: Издательство НГПУ, 2002. – 236 с.
  27. *Исаев И.А.* Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // История государства и права. – 2014. № 23.
  28. *Колоколов Н.* Оправдание Веры Засулич: ошибка или закономерность? Две эпохи, два взгляда! // Человек и закон. – 2010. № 7.
  29. *Михайлов П.Л.* Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 428 с.
  30. *Насонов С.А.* Генезис и эволюция модели производства в суде присяжных в России: от УУС до УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 4. С. 563.
  31. *Насонов С.А., Ярош С.М.* Вердикт присяжных заседателей. – М.: Р. Валент, 2003. – 160 с.

32. *Петрухин И.Л.* От инквизиции – к состязательному процессу // Государство и право. – 2003. № 7. С. 28–36.
33. *Стойко Н.Г.* Типологическое изучение английского, германского, французского и российского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. № 3. С. 119.
34. *Яровая М.В.* Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. – 2006. № 1. С. 61–66.

Barsukova M.A.

Evolution of jury: experience of scientific modelling

The article focuses on the experience of scientific modeling of a jury in Russia. It deals with two models of the jury: dynamic and typological. The dynamic model reflects the stages of historical development of the jury and consists of three cycles and four repeating phases. The cycles are connected with a radical transformation of the social system during the development of bourgeois relations. The process of the establishment of the jury within the cycle goes from liberalization through authoritarian rollback to stagnation, then to the crisis. The typological model recreates a picture of the development of the jury as a legal institution.

Keywords: jury, scientific modeling, dynamic model, typological model, cycle, phase.

СУДОПРОИЗВОДСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Автор анализирует эволюционный путь судопроизводства. Оно понимается как процедура дознания и судебного разбирательства, с помощью которой воплощается принцип справедливости. Судопроизводство возникло из договоров примирения между родами. Автор анализирует четыре периода развития судопроизводства (древний, средневековый, новое время и новейшее время) и показывает, как постепенно судопроизводство наращивает свой потенциал и обогащается новыми положительными свойствами. Сегодня судопроизводство – мощная сила, помогающая обеспечивать исполнение права.

Ключевые слова: судопроизводство, правосудие, архаичное судопроизводство, средневековое судопроизводство, особенности судопроизводства в новое и новейшее время.

Сегодня, как и в прежние времена, между людьми возникают конфликты. И это происходит не потому, что все люди априори являются плохими, капризными, неуживчивыми, а из-за того, что интересы людей отличаются, а порой бывают и прямо противоположными. Для разрешения конфликтов человечеством были созданы институты, задачей которых было разрешение споров с тем, чтобы конфликтующие не растрчивали свою энергию на достижение своих интересов способами, которые далеко не всегда носят мирный характер. Одним из таких социальных институтов является судопроизводство.

Прежде всего, попытаемся различить слова «правосудие» и судопроизводство». Правосудие – это понятие, обозначающее применение принципа *справедливости* органами власти, рассматривающими споры. Самым общим образом справедливость можно определить как *соответствие деяния и воздаяния*. Справедливость – оценочное понятие. Это означает, что не существует одного для всех правила разрешения споров даже на одном историческом отрезке, тем более на всем пути развития человечества. Сущность справедливости, скорее, состоит в *неодинаковом подходе к неодинаковым людям*. Судопроизводство – чисто *процедурное воплощение правосудия* по проведению дознания или судебного разбирательства. И хотя эти слова, как видим, различаются, на практике их часто употребляют в качестве синонимов.

1. Когда и зачем появилось судопроизводство?

Судопроизводство возникло в далекой древности. И с тех пор неуклонно развивалось, поскольку показало свою эффективность уже на самых первых этапах своего существования, ещё в догосударственной жизни людей, когда права, как и государства, как таковых пока не было. Право начинало зарождаться не для урегулирования отношений внутри рода, а для упорядочения отношений между родами. Внутри рода обязанность миротворческой и судебной власти исполнял наиболее уважаемый представитель рода. Каждый отдельный индивид рода еще не представ-

лял собой субъекта. Ведь именно род обеспечивал ему безопасность и защиту. Сила рода, таким образом, была силой каждого его члена, и поэтому в интересах любого индивида было не противопоставлять себя роду. Между родовыми группами случались конфликты, и их улаживание было в интересах племени. Племя являлось, прежде всего, единицей военной. Его сила в то далекое время определялась прежде числом, а не умением. Вот почему было крайне невыгодно терять людей в результате внутренних конфликтов.

Конфликты же между родами являлись делом обычным. Ведь у родовых групп имелись свои особенные интересы (занять лучшее место на стоянке, использовать более выгодную территорию, приобрести большее число женщин и др.). Причины их кроются в биологически заложенном желании человека выжить, т.е. в желании, содержащем некую стихийную готовность к возмездию. Именно из этого и родилась сама идея кровной мести, уносившая жизнь многих древних людей. Более того, сам риск быть подвергнутым кровной мести оказывал сильное давление на членов рода в плане стремления к миру между различными родовыми группами, поскольку нельзя было предугадать, чем закончится вражда, не будут ли уничтожены члены конфликтующих родов до последнего человека. Именно из договоров о примирении, заключаемых первоначально с помощью народного собрания, затем совета старейшин, возникло примирительное право. Со временем договор примирения в силу повторения ситуаций однородного характера постепенно перерос в правила, правовые нормы, в соответствии с которыми все больше увеличивалась сумма штрафа за нанесение телесных повреждений и т.д.

Поначалу не проводилось разницы между видами проступков. Нанесено ли телесное повреждение, захвачена ли часть имущества рода либо не исполнен договор обмена и т.д. – все это давало повод для кровной мести, а тогда, когда она была заменена денежными взысканиями, то для применения виры (штрафа). Не имело также значения и то, наступила ли смерть в результате умысла, или она явилась следствием несчастного случая. Однако постепенно правила примирения стали дифференцироваться. На основе разрешения целого ряда ситуаций самого различного характера возникла целая система правовых норм. Из поколения в поколение она продолжала совершенствоваться в традиционной для тех времен устной форме, а затем начала оформляться в форме законодательства, т.е. в форме провозглашения их от имени государства с правом применения санкций со стороны государственных органов. Такое видение того, как возникло право и какую роль в этом деле сыграли, условно говоря, примирительные договоры и примирительные органы в первобытном обществе, поддерживают многие учёные, но далеко не все. Однако, справедливости ради, надо отметить, что такой подход к данной проблеме основан на *многочисленных исторических фактах*. Конфликты действительно сопровождают человеческое общество на всем протяжении его развития и являются отнюдь не исключением, а правилом. Как только у какой-либо социальной структуры появляются особенные интересы, возникает необходимость их отстаивать, что проходит далеко не всегда гладко.

Кроме того, кровная месть – универсальная и широко распространенная санкция за обиду, нанесенную роду, как правило, не знала конца, поскольку вопрос о том, соразмерна ли она обиде, решался весьма субъективно самими обиженными.

В силу этого *кровная месть имела истребительный характер*. И ещё. Мы знаем, что на первых порах право существовало в основном в устной форме. Письменные источники появляются гораздо позднее, да и, появившись, они занимают очень скромное место в общем массиве правовых норм. Примирительные договоры, конечно же, носили устный и символический характер. Это тоже аргумент в пользу данного подхода. В тот период, когда на арене человеческого бытия появилось государство, судопроизводство уже отчетливо заявило о себе. Конечно, по сравнению с тем судопроизводством, которое мы имеем сейчас, оно покажется нам не только неразвитым, но, возможно, и не достойным нашего внимания в плане того, какой опыт можно из него извлечь. Но это поверхностный взгляд. Мы должны быть милостивыми по отношению к нашим предкам, поскольку стоим на фундаменте, ими заложенном. С достигнутых высот мы смутно ощущаем, что его закладка стоила человечеству долгих и мучительных усилий.

Многому из того полезного, что так бережно люди сохраняли на протяжении всей истории существования человечества, мы обязаны именно нашим грубым предкам, накопившим и передавшим по наследству представления об обществе (в том числе такие ценности, как государство, право, судопроизводство), которые мы склонны рассматривать как нечто данное само собой. Мы как бы являемся наследниками этого достояния, которое переходило из рук в руки столько раз, что сгладилась память о тех, кто заложил его основу. Несмотря на несовершенство наследия наших предков, мы поступим благоразумно, если будем взирать со снисхождением на их социальные институты и нормы. Это даст нам право на снисхождение наших потомков. Итак, *cum excusation itaque veteres audiendi sunt*.¹

2. Судопроизводство в Древности

Особенности права и судопроизводства, которые имели место в древности, весьма многочисленны. Их исследование позволит нам составить довольно полное представление об **архаичном праве**, о том далеком периоде развития права, которое можно условно назвать его **детством**.

1) Нормы архаичного права носили преимущественно **устный характер**. Конечно, это было неслучайно. Древние люди не сразу научились говорить, но, освоив устную речь, они ещё на протяжении многих и многих столетий обходились без её письменного закрепления. Эти более сложные навыки появляются гораздо позднее, когда общество поднимается на более высокую ступеньку развития. Архаичное право – это царство неписаных правил, устно передаваемых из поколения в поколение в виде устных преданий, рассказов о разрешенных казусах, в форме юридических по содержанию пословиц и поговорок, а также в виде конклюдентных действий. Вот почему так немногочисленны примеры письменных источников права. Их справедливо считать своего рода исключениями из общего правила о том, что нормы архаичного права носили устный характер.

2) Существовало невероятно **большое разнообразие норм** архаичного права. Надо заметить, что речь идёт о большом разнообразии архаичных норм не внутри какого-то одного человеческого сообщества (общины, клана, племени), а между рядомпроживавшими частями человеческой популяции. Даже в пределах одного го-

---

¹ Предков следует выслушивать снисходительно (латинская пословица).

сударства племена, проживавшие по соседству, часто имели существенные отличия, касавшиеся регулирования своей внутренней жизни.

3) Архаичное право носит **казуистический характер**. Право, о котором идёт речь, формировалось в результате разрешения отдельных конфликтных случаев (казусов), причём довольно простых по содержанию. В первых правовых письменных источниках это явно просматривается. Так, в Законах XII таблиц сказано, что если совершивший ночью кражу убит на месте, то убийство будет считаться правомерным. Если же при свете дня совершается кража и вор сопротивляется с оружием, то надо созвать народ. Как видим, привязка правила поведения даётся применительно ко времени суток. Однако зададимся вопросом, неужели наши предки не понимали, что абстрактное изложение норм даёт возможность экономно располагать нормы права? Конечно, такое понимание еще не было достигнуто. Навыки абстрактного мышления формируются на протяжении длительного периода. На том, начальном, этапе развития общества они были крайне не развиты, по существу, только зарождались. На Руси все обстоит несколько иначе. Сразу можно сказать, что казуальность норм «Русской Правды» была выражена не столь ярко, как в первых письменных источниках, встречавшихся в других странах. Вот пример одной из таких норм: холоп, совершивший душегубство, наказывается половинным наказанием и даже легче. И тут же следует обоснование этого положения: потому что несвободен.

4) Архаичное право имело **несистематизированный характер**. В первых правовых памятниках было нагромождено все: и нормы об уголовных деяниях, и нормы имущественного характера, и земельные, и торговые, и семейные и др. Так, в Законах Хаммурапи сначала излагаются нормы уголовного и процессуального права, затем идут нормы земельного права, здесь же можем увидеть и нормы торгового права, затем опять приводятся нормы уголовного права, а заканчивается текст бессистемным перечислением правил из большого числа различных областей общественной жизни. Несистемный характер присущ и «Русской Правде» и, надо полагать, неслучайно. Ведь кодификации древнерусских норм предшествовала выработка отдельных норм права. Сначала представители духовенства разъясняли эти нормы устно, потом стали записывать их, где придется, а уже из таких разрозненных записей пастырских правил и формировалась «Русская Правда», которой затем придали обязательный характер. Подбор пастырских правил производился одновременно и разными людьми, причем относящимися к различным поколениям. Нет нужды говорить о том, что архаичное право не знало деления на отрасли и, в частности, на первом этапе даже не выделялось право уголовное и гражданское. Впрочем, в первых правовых памятниках мы можем все же вычленить и зачатки норм гражданского права, но в целом эти памятники представляют собой засилье уголовно-правовых норм. Иногда бывает затруднительно сказать, является ли какая-либо норма уголовно-правовой или гражданско-правовой. Одно и то же деяние в архаичном праве может трактоваться или как уголовное, или как гражданское в зависимости от обстоятельств, т.е. с учетом его направленности (например, прелюбодеяние с женой вождя может быть уголовным деянием, а с женой другого человека – гражданским правонарушением), намерения нарушителя (например, намеренное убийство может быть преступлением, а непреднамеренное – нет), повторяе-

мости деяний (первое – гражданское, повторное – уголовное). Нормы уголовно-правовые доминировали в архаичном праве неслучайно: архаичное право возникает из необходимости обеспечить защиту социальных коллективов (родов, общин, семей), а также охрану носителей установившейся власти.

5) Архаичное право было **объективистским**. То есть правом, где акцент делался на то, что именно произошло и произошло ли вообще. Абсолютно не нужным было установление того, виновно ли совершено деяние. Эти тонкости были не важны и не исследовались в процессе разрешения дел. Постепенно появляется такое понятие, как «преднамеренность» (читай «умысел»). Ясно, что деление вины на умысел и неосторожность – это ещё более позднее наслоение. Понятие преднамеренности знают некоторые памятники права, но акцент на этом все равно и там не делается.

6) Архаичному праву была присуща необязательность, или иначе: оно **имело альтернативный характер**. Это следует понимать в том смысле, что в большинстве случаев юрисдикция зависела от согласия сторон, и не было никаких гарантий, что стороны вынесут спор на разрешение независимых органов (сотенных судов, вождей, жрецов и т.п.) и не будут выяснять отношения силой. Для того чтобы побудить стороны представить свой спор на рассмотрение, вместо решения его мезтью, в нормах архаичного права стали устанавливаться в качестве мер наказания денежные штрафы, которые ответчики платили пострадавшим за причинённый ущерб, включая убийство, нападение, кражу. Однако часто стороны выясняли сами свои отношения силой, не прибегая к чьему-либо суду. В одном из англосаксонских законов было так и сказано, что сторона «может откупиться от копья или носить его». Выяснение отношений путем применения боевых действий было обусловлено тем, что чрезвычайно трудно было привлечь обвиненного в преступлении к суду, заставить выступить свидетелей по делу. Не существовало также гарантий того, что вынесенное судебное решение будет исполнено и что стороны не прибегнут даже при его наличии к силовому разрешению спорного вопроса. Таким образом, применение архаичных норм права основывалось на взаимном доверии сторон.

7) Целью архаичного права было **примирение сторон**. Дело в том, что в результате возникновения вражды двух групп нельзя было заранее предугадать, чем она закончится, ибо две враждующие между собой родовые группы могли уничтожить друг друга до последнего человека. В норвежском Законе о местном самоуправлении или, другими словами, Законе о провинции, вступившем в силу в 1200 г., даются описания трагических последствий, которые могли произойти в случае междоусобной вражды. Понятно, что в результате такого исхода слабеет и всё племя в целом. Вспомним, что главная функция племени и его органов управления состояла в обеспечении безопасности (обороны или нападения) относительно имевшегося окружения. Следует иметь в виду, что тогда воевали преимущественно числом, а не умением. В ситуации вражды между родами племя было заинтересовано в установлении мира между родовыми группами, поскольку оно не хотело терять своих людей и оказаться ослабленным в результате междоусобных войн внутри сообщества и, таким образом, стать легкой добычей в руках внешнего врага.

Именно этой целью объясняется тот факт, что за множество преступлений предусматривалось в качестве наказания не убийство (взамен убийства) и не телесные

повреждения (взамен увечья) лица, совершившего преступление, а *штраф (вира)*, т.е. материальное возмещение за содеянное. Говоря об этом, следует указать на Законы Этельберта, которые примечательны на редкость подробными тарифами за разные увечья: столько-то за потерю ноги, столько-то за глаз, столько-то – если пострадавший раб, а столько-то – если он священник. Четыре передних зуба оценивались по шесть шиллингов, соседние зубы по четыре, все остальные по одному. Различались в цене и пальцы. Такие же различия проводились в отношении ушей, в зависимости от того, лишились ли пострадавшие слуха, были уши отрезаны, проколоты или порезаны. Учитывались различные повреждения костей: оголенные кости, поврежденные кости, сломанные кости, перебитый нос, проломленный череп, вывихнутое плечо, сломанный подбородок, сломанная ключица, сломанная рука, сломанное бедро, сломанное ребро. Среди ушибов различались синяки вне одежды, синяки под одеждой и ушибы без синяков. Самыми строгими видами наказания были поток и разграбление, т.е. растаскивание имущества.

Надо сказать, что институт фиксированных денежных санкций был характерен для всех государств, в том числе и для России. Многие ученые склонны в этом усматривать зачатки гуманизма. Вряд ли так следует считать. Дело обстояло проще. Если в интересах племени было не уменьшать в результате внутренних распрей число соплеменников, то род, который жил, что называется, общим домом, заинтересован был в том, чтобы защищать себя и общее хозяйство. На каком же принципе основывалась защита дома? Очень рано, практически на бессознательном уровне, наши предки усвоили *принцип эквивалентности*: обвинение и контробвинение должны быть равноценными. Неслучайно уже в древнеегипетском обществе в качестве символа правосудия использовались две уравновешенные чаши весов. Чувство принципа эквивалентности, вероятно, пришло из экономической области, главной чертой которой является обмен товарами. Так же, как и обмен товарами, примирение оказалось бы невозможным, если бы штрафные санкции как таковые не рассматривались в качестве средств, способных возместить потери в результате совершённых правонарушений.

8) Ответственность по архаичному праву носила **коллективный характер**. Это положение прямо вытекает из предыдущего. В самом деле, под силу ли было расплатиться лицу, совершившему деяние, самому без участия своих сородичей? Конечно, нет. И прежде всего потому, что имущественная сфера каждого отдельного человека была неразделима с имущественной сферой рода (общины, семьи). Человек как таковой в экономическом плане не существовал. Он целиком включался в род (общину, семью) как хозяйственную единицу. Вот почему санкция накладывалась на род, в который входил преступник. В дальнейшем возник институт поручительства, согласно которому, принимая на себя наложенное наказание, виновный должен был указать сородича, который согласился бы выступить поручителем или выплатить за него виру, если сам он это сделать будет не в состоянии.

В связи с этим понятным становится указанная выше черта архаичного права: его **объективистский характер**. Кому нужно установление вины, если независимо от того, виновен или невиновен человек, причинивший вред другой общине, возмещать ущерб все равно придется его общине в целом, поскольку община, понесшая вред, требует защиты своего дома. В тот далекий период времени личность

самостоятельной ценностью не считалась. В отличие от личности род в целом признавался ценностью. Можно сказать, что архаичное право – это право групп или обществ, а не право индивидов. Личностное начало в праве еще очень долго не будет приниматься в расчёт (вплоть до конца XVII в.). Эта «историческая несправедливость» была устранена только с помощью доктрины естественного права. Продемонстрируем рассматриваемую черту архаичного права на конкретных примерах. Брачный договор представлял собой скорее соглашение двух семейных групп, нежели союз двух индивидов, как, впрочем, и развод был возможен только с согласия семей. Право собственности на землю принадлежало социальной группе (общине, семье). В случае смерти наследственная масса переходила, как правило, не к индивидам, а к семье. Нет ничего удивительного и в том, что при компенсации ущерба выплату производила одна семья (клан) другой семье (клану), но не одно лицо. И, наконец, тяжбы тоже возникали главным образом между сообществами и группами.

9) Архаичное право отражает **зачатки социального неравенства**. Это подтверждается анализом буквально всех письменных памятников права. Например, согласно Законам Этельберта, плата за нарушение мира королевского дома равнялась 50 шиллингам, а обыкновенного человека — всего 6. Мир дома считался нарушенным, и следовало платить виру, если чужой переспал со служанкой королевского дома или убил кого-нибудь на его территории. В «Салической Правде» говорится, то если кто лишит жизни свободного франка или варвара и будет уличён, то присуждается к уплате 200 солидов. Если это деяние будет допущено относительно человека, состоящего на королевской службе, то присуждается к уплате 600 солидов. Таким образом, несмотря на то, что в нормах архаичного права закреплялись обычаи родового общества, нормы патриархального быта сельской общины, они одновременно фиксировали и неравенство членов «большой семьи», привилегии вождей и их приспешников, а также обязанности низших слоев общества, обеспечиваемые жестоким наказанием. Нормы архаичного права содействовали закреплению царской власти. Несколько позднее в их составе специально выделяются нормы о совершении государственных преступлений (мятеж в войске, заговор против короля, участие в крикливом сборище и др.).

10) **Доказательства**, используемые в примирительном праве, отличались **символичностью, демонстративностью, церемониальностью и красочностью**. В качестве доказательств использовались:

а) *испытание*, которое проводилось, как правило, при большом скоплении народа. Главными его видами были испытание огнем – для знатных, и испытание водой – для обыкновенных людей. Так, подвергаемые испытанию огнем должны были с завязанными глазами или босиком пройти по раскаленным плужным лемехам или нести в руках раскаленное железо, и если ожоги хорошо заживали, то испытуемых оправдывали. Испытание водой проводилось либо в холодной, либо в горячей воде. При испытании холодной водой испытуемый признавался виновным, если его тело всплывало на поверхность вопреки законам природы. Это показывало, что вода его не принимает. При испытании горячей водой испытуемый признавался невиновным, если при погружении его голых рук и ног в кипяток, он оставался невредимым. Использовались также прикладывание к телу раскаленного железа, принятие яда и др. Кто выдерживал такое испытание без серьезных для себя последствий,

тот доказывал, с помощью стоявшей на его стороне божественной силы, что утверждения о фактах были неверны;

б) *клятва или присяга*. Клятвенное подтверждение правдивости доводов бралось с ответчика (при отсутствии явно свидетельствовавших против него фактов), а также со свидетелей (на Руси они делились на две категории – видаки и послухи) и других лиц. Клятва носила ритуальный характер и часто составлялась в поэтической форме (например, «не зван, не ждан, а своими глазами видал, своими ушами слышал»);

в) *поединки*. Далеко не во всех первых памятниках права мы встречаем доказательство такого рода. Нет указания на поединок как особого рода доказательство и в «Русской Правде». Однако мы знаем, что на Руси, как до «Русской Правды», так и после ее издания ещё долго (вплоть до XVI в.) применялся поединок. Вспомним в связи с этим произведение М.Ю. Лермонтова «Песнь о купце Калашникове», которое в определенной мере отражает социальные реалии, причем не какого-то древнего периода российской действительности, а время правления Ивана Грозного. Почему же в «Русской Правде» нет даже упоминания о поединке? Поединок – это, по существу, разновидность кровной мести. Но ведь архаичное право как раз и выступало против кровной мести, которая часто уносила жизни конфликтующих сторон. Вероятно, составители «Русской Правды», зная о поединке, сознательно о нем умолчали, не желая его признавать. Но какие же причины ими двигали? Ранее указывалось, что авторами «Русской Правды», скорее всего, были представители духовенства, многие из которых прибыли из Византии. Духовенство настойчиво восставало против поединка как остатка языческой веры. Если бы поединок был легализован «Русской Правдой», то это бы пошло в разрез с церковными воззрениями;

г) *передача эквивалента* (в частности, виры) за причиненный ущерб, причём осуществляемая в церемониальной форме и в присутствии значительного количества людей (например, земля передавалась путём передачи прутика и горсти земли);

д) *синяки, подтеки*;

е) и другие.

Почему же столь формализованы и зрелищны были доказательства, даже их драматические виды? Дело в том, что архаичное право было почти целиком устным, и чтобы применение его норм не прошло незамеченным, следовало придумать такую процедуру их осуществления, которая отпечаталась бы в памяти значительного числа людей. И придумывали. Например, факт примирения сторон обозначался с помощью битья по рукам, заключение брачного договора символизировалось связыванием рук брачующихся и др. С помощью специфических церемоний (правовой магии) всё, что связано с правом, отделялось от повседневности. Впоследствии правовые церемонии были дифференцированы, и стали особо выделяться виды символики – поручительства, залога и заложенничества, предприсяги и присяги, драматизированного рукопожатия, означавшего примирение сторон, и др.

11) В архаичном обществе **не существовали специальные юридические учреждения**. Они появились тогда, когда стало возникать развитое право. Но кто же тогда «вершил суд»? В разных странах использовались разные варианты. В Египте мудрецы были законоговорителями, дела о правонарушениях разрешали орга-

ны общинного самоуправления, могли составляться судебные коллегии из доверенных лиц фараона. В Древнем Вавилоне жрецы-оракулы играли большую роль, но судебные функции чаще выполняли общинные собрания, царские наместники. Была и такая должность, связанная с выполнением судебных функций, как глашатай – объявляющий приговор (решение). У древних германцев народное собрание вершило суд и объявляло общие постановления. В Древней Руси судебные функции сначала выполнял сам князь, затем он стал перепоручать их представителям своей администрации. Позже появились вирники, специальные люди, собиравшие виру. А в вотчине такие споры рассматривал сам феодал.

В Африке в обществах, где ещё не было вождей, споры решались преимущественно с помощью арбитража и переговоров внутри местной общины. Если конфликты возникали по поводу брака, установления опеки над детьми, наследования, землевладения и других сложных прав и обязательств, то в их разрешении, как правило, участвовали старейшины и другие влиятельные члены семьи или группы кровных родственников (клана). Когда же разногласия возникали между соседями внутри одной общины, то арбитраж и переговоры проводили разного рода официальные и неофициальные лидеры (например, старшие члены семей, главы основных линий наследования и др.). В обществах, которые уже стали напоминать вождества, конечно, судебные функции переходят к вождям. Более того, суды начинают приобретать некую иерархию; выделяются суды мелких и крупных вождей. В обществах, начинающих приобретать теократический характер, судебные функции по многим делам прочно переходят в руки церковных служителей и иерархов.

12) Архаичное право было пронизано **религиозным духом**. Об архаичном обществе нельзя сказать, что оно имело теократический характер. Таковым оно стало тогда, когда религия выдвинулась на роль главного средства социального регулирования и подчинила себе государство. Однако и до того, как это произошло, архаичное право было пронизано религиозным духом. Связь норм архаичного права и языческой религии была настолько прочной, что ему стали приписывать божественное происхождение. Судебные решения часто провозглашались от имени богов, а жрецы нередко выполняли судебные функции. Представление об этом чётко выразил древнегреческий мыслитель Демосфен, назвавший право «изобретением и даром богов».

3. Судопроизводство в Средневековье

Много веков прошло, и человечество вступило в новую фазу развития – Средневековье. За это время изменились право в целом и, в частности, нормы, касающиеся ведения судебных дел. Право стало носить сословный характер. Этот период в развитии право условно можно назвать его **юностью**. Что же конкретно мы видим?

1) Нормы сословного права страдали неконкретностью, даже некоторой **расплывчатостью** содержания. Отчасти это можно понять: средневековое общество – это отнюдь не высокоразвитое общество. Возможности людей, связанные с формой выражения мыслей, были пока ограничены. Тогда люди слабо ощущали понятие времени. Часы были изобретены лишь на позднем этапе Средневековья. Вот почему могла появиться такая неконкретная правовая норма: морские суды могут рассматривать споры от отлива до прилива.

2) Многие сословные **нормы походили на декларации**. В них провозглашались намерения отдельных сословий, порой неотчетливые желания их представителей. Например, в хартиях городов отмечалось, что горожане освобождаются от несения феодальных повинностей. Однако это вовсе не означало, что горожане во всех отношениях теперь являются свободными. Освобождение от феодальных повинностей, конечно же, тут же влекло наложение на них финансовых и других обязанностей.

3) Вместе с тем многие нормы сословного права отличались **казуальностью**. Конечно, степень её стала намного меньше, нежели казуальность норм архаичного права. Да и общее их количество значительно сократилось. Это вполне понятно. Однако развитие правовых норм – процесс не одномоментный. Старое качество в каких-то моментах, как правило, ещё долго присутствует в явлении, приобретшем новое качество.

4) Нормы сословного права носили **несистемный характер**, т.е. какого-либо «общего знаменателя» у них не было. Единообразие норм сословного права появляется позднее в виде формулирования принципа справедливости и других принципов, которым должны были отвечать все нормы права. Сформулированы же эти принципы права были первыми представителями юридической науки, зародившейся в недрах европейских университетов. Этому также не стоит удивляться: способности к абстрактному мышлению у человечества развивались постепенно.

5) Сословное право облекается **как в устную, так и в письменную форму**. Если для архаичного права письменная форма была в какой-то мере формой редкой, исключительной и даже экзотичной, то для сословного права письменная форма становится уже вполне обычной, по крайней мере, не вызывающей удивления и слепого поклонения. Разумеется, используются при этом в той мере, в какой это было необходимо, и неписьменные источники права (обычай, деловые обыкновения). Среди письменных источников права нормативные акты отнюдь не доминируют. Пожалуй, договоры, регулирующие гражданский оборот, всё более и более набиравший силу, да судебные решения, содержавшие прецедентные нормы, следует выделить в качестве источников права, получивших наибольшее распространение.

6) Содержание письменных форм сословного права **не отличалось сложностью**. Они были просты, доступны для понимания. Можно себе представить, как люди слушали решение суда (церковного, торгового или сеньориального), затаив дыхание. И спросив, о чем же было это решение, ответ всегда можно было получить: главную мысль его схватывали все.

7) **Правосудие как вид социальной деятельности еще далеко не полностью отделилось от управленческой деятельности**. Часто бывало так, что эти виды деятельности сливались воедино. Так, сеньориальный суд, рассматривая какое-либо спорное дело и попутно выясняя причину спора, приходил к выводу, что спор не возник, если бы стороны поступали так-то и так-то. Тут же он для исполнения всем феодалам давал конкретное указание или формулировал соответствующее правило поведения на будущее.

8) Отчетливо бросается в глаза **отсутствие профессиональных судей**, вершивших правосудие. Судебные функции выполняли люди, выделявшиеся по своим лич-

ностным качествам, главное из которых – врожденное чувство справедливости, или по крайней мере их способность учитывать многие параметры спорной ситуации и, вознесясь «над схваткой», не бояться принимать решение, которое, возможно, устроит не каждую из сторон спора.

9) В сословном обществе также **не было и системы судов**. Суды торговые, гильдейские, церковные, помещичьи, городские между собой не были взаимосвязаны и действовали самостоятельно. Внутри одного сословия какой-либо судебной системы также не наблюдалось. Непременно присущий развитому обществу порядок обжалования вынесенных судебных решений во многом был ещё не знаком.

10) **Правосудие было гарантировано далеко не всем**. Порой требовалось так много усилий, чтобы дело было принято к рассмотрению, что их удавалось предпринять только самым настойчивым и удачливым людям. Справедливое же правосудие было гарантировано ещё меньшему числу лиц. Дело в том, что общество ещё не овладело всем арсеналом орудий справедливого правосудия. Понятие вины только-только начинало вводиться, но до торжества его на практике ещё было далеко. Принцип соразмерности санкций совершенному деянию ещё также не полностью овладел умами людей, вершивших правосудие. Да это и понятно, ведь они не были профессионалами.

11) **Судебные заседания отличались неформальным характером** и больше походили на заседания собраний. Каких-либо специальных процедур проведения судебных разбирательств не было. Это вполне укладывается в следующую правовую закономерность: сначала развитие получает материальное право, а затем право процессуальное. Вообще же процессуальное право и уровень его развития являются отражением степени цивилизованности общества.

12) **Система доказательств, используемая в правосудии, приобретала рациональный характер**. И все же недостаток рациональных доказательств часто заменялся доказательствами эмоционального свойства, такими как испытание, клятва, присяга и др.

Таким образом, система судопроизводства, несмотря на то, что она обогатилась новыми по сравнению с архаичным правом свойствами, отличающими его явно в выгодную сторону, все же должного развития не достигла. Она имела слишком много недостатков по сравнению с правом более поздних периодов: периода нового и новейшего времени.

4. Судопроизводство в Новое время

В процессе развития общество постепенно переходит к пониманию того, что сохранение мира и безопасности людей дает выгоды всем, проживающим на той или иной территории. Изменяется представление и о королевской (великокняжеской, царской, имперской) власти: король (великий князь, император и т.п.) – это теперь не главный воин, покоритель новых территорий, а управитель территории, главный господин территориальной и социальной иерархии. Его задачей является предотвращение насилия, сохранение мира в пределах территории, управление в политической и экономической сферах, а также осуществление правосудия как одного из главных методов разрешения споров между людьми. В силу этого постепенно происходит сужение церковной власти и наблюдается рост власти королевской по отношению ко всем светским образованиям (племенным, местным, фео-

дальным, городским, гильдейским и др.). Идет интенсивный рост профессионального бюрократического аппарата. Появляются такие его структурные части, как казначейство, канцелярия, управители отдельных частей территории (наместники, губернаторы и т.п.) и другие правительственные органы. Соответственно меняется и право. В правовой жизни людей появляются весьма многочисленные нормы, причём такие, которые влекут качественное ее изменение.

1) Появляется новый **субъект правотворчества – король (царь, император)**. Если ранее нормы права создавались представителями сословий, собиравшихся для выяснения интересующих их вопросов, то теперь законодательную функцию начинают выполнять и короли. Сначала они это делают эпизодически, как бы откликаясь на «злобу дня». Потом они регулярно издают законы и обосновывают свои законоустановления не просто как фиксацию древних обычаев или как крайние меры в чрезвычайных ситуациях, а как нормальное осуществление королевских функций, направленных на сохранение мира. Королевское законодательство стало чётко выделяться из королевского управления, финансовой и военной деятельности.

2) **Законодательный материал излагается концентрированно**, но это происходит не только за счёт уменьшения числа казуистических норм, но в основном за счёт классификации нормативного материала. Так, в частности, проводится чёткое различие между гражданско-правовыми и уголовно-правовыми нормами, расположение которых производится не попеременно, а в разных частях нормативного акта. За счёт этого уменьшается объем нормативных актов. Они становятся компактными, более удобными и доступными для пользования.

3) Нормативные акты королей приобретают определенную **структурированность**. По крайней мере, нормативный материал в них располагается уже не по принципу «все обо всем». Так, Законы Августа подразделены на преамбулу и три книги. Первая посвящена вопросам публичного порядка (уголовное право, отправленние правосудия), вторая – процедурным вопросам, третья – гражданско-правовым вопросам. Образцом системности на тот период можно назвать и «Саксонское зеркало». Можно даже эти нормативные акты назвать первыми формами кодификации права.

4) **Устанавливается определенное процедурное единство**. Так, в частности, дело начинается с вызова ответчика повесткой, в которой указывается суть дела. Одним словом, происходит рост определенности в судебном деле: аналогичные дела рассматривают аналогично.

5) **Вводится следственная процедура**. Ее осуществлял судья. Одной из весьма любопытных ее форм был опрос соседей под присягой по спорному случаю.

6) **Вводится фигура обвинителя по уголовным делам**, в качестве которого выступает от имени короны юстициарий — должностное лицо королевского двора, руководящее системой правосудия.

7) **Дается перечень доказательств**, которые принимаются во внимание по делу. К ним относились присяги, письменные доказательства, свидетельские показания, протоколы суда и др. Среди них наиболее важными были показания свидетелей. В целом же система доказательств носит рациональный характер.

8) **Изменяется и процессуальное положение судей**: они должны занимать «срединную сторону», т.е. быть объективными и не принимать заранее позицию

ни одной из противоборствующих в деле сторон.

9) **Устанавливаются сроки давности** для привлечения к ответственности по суду.

10) **Появляются профессиональные судьи.** Королевские суды стали наполняться людьми, специально подготовленными для осуществления правосудия. Общепринятым стало правило, согласно которому лицо, занимающееся судейской деятельностью, посвящает себя только ей и не занимается выполнением никакой другой.

11) Поскольку профессиональных судей мало, судейская коллегия дополняется судьями непрофессиональными. **Возникают суды присяжных.** Суды присяжных возникли из традиции собирать соседей для опроса по спорным вопросам при разрешении дел королевскими судами. Английский король Генрих догадался соединить расследование обстоятельств дела с помощью соседей с юрисдикционным предписанием, т.е. сигналом начать рассмотрение дела. Суды присяжных имеют много плюсов, но они несвободны также от минусов. В целом же они сыграли в истории правового развития весьма положительную роль. Да, надо сказать, что и сегодня, когда недостатка в профессиональных юристах в развитых странах уже нет, суды присяжных по-прежнему выполняют определенную роль.

12) Несколько позднее **судебные заседания стали вестись специализированно:** четко выделялись уголовный и гражданский процессы, проводимые с использованием своих специфических процедур.

13) **Появляется институт обжалований.** Вначале подача жалобы на судебное решение была явлением экзотическим. Затем случаи обжалования расширяются, и оно становится не таким уж редким явлением. Немногочисленные жалобы рассматривает король. Когда же жалобы стали явлением типичным, то для их рассмотрения выделяются специальные должностные лица и, наконец, создаются вышестоящие суды.

14) **Правосудие приобретает универсальный характер.** Во-первых, это означает, что королевские суды действуют по всей стране, даже, несмотря на то, что они, будучи ранее разъездными (в Западной Европе), обретают постоянное место. Дело в том, что любой мог обратиться в королевский суд за защитой, даже если суд и не находился в месте его проживания. Во-вторых, универсальность королевских судов проявляется и в том, что, постепенно расширяя свою компетенцию и тесня церковные суды, они рассматривают дела (торговые, феодальные и др.) в отношении различных сословий, тем самым поглощая сословные суды. В-третьих, в компетенцию королевских судов входило рассмотрение различных категорий дел: дела о недвижимости, о договорах, о дарениях, об опеке несовершеннолетних, о нарушениях владения землей, некоторые семейные дела, наследственные дела, уголовные дела и др.

Итак, правосудие Нового времени – это показатель того, что общество, ранее состоявшее из отдельных частей (сословий), становится единым. Центр его – королевская (имперская) власть. Право, правосудие становятся основой всего общества.

5. Судопроизводство Новейшего времени

Прошло ещё несколько столетий, прежде чем королевское право и правосудие обрели свою **зрелость**. Этому способствовали изменения, произошедшие в реаль-

ной жизни. В экономической сфере общество стало переходить к развитым товарно-денежным или рыночным отношениям. Но эти отношения предполагают наличие таких субъектов, которым присуща определенная самостоятельность, автономность, выражающаяся, прежде всего, в обладании ими какой-либо собственностью. Рыночные отношения – это, прежде всего, обменные отношения, и они возможны только на началах свободы и равенства между субъектами. Субъекты, обладающие собственностью и чувствуящие себя в связи с этим достойно, начинают высказывать своё желание относительно того, чтобы не оставаться в стороне от решения вопросов, связанных с управлением делами общества, и, более того, затем начинают требовать, чтобы принципиальные вопросы жизни страны решались только с их участием. Происходят изменения в политической сфере: государственная власть, ранее объединенная и находившаяся в руках единоличного правителя (короля, царя, императора и т.п.), начинает рассредоточиваться между различными государственными органами. Одним словом, принцип разделения властей начинает претворяться в жизнь. Все это не могло не сказаться на характере судопроизводства. Произошли следующие изменения.

1) С помощью норм процессуального права осуществляется обеспечение интересов управомоченной стороны, что необходимым образом связано с наложением санкций на сторону, нарушившую ее интересы. Для выполнения столь специфической деятельности, которая осуществляется от имени общества, **создается целая сеть специальных государственных органов**: суды, полиция, прокуратура и др. Поскольку задача у этих органов одна – защита прав и свобод, то их называют органами правоохранительными. Целью процессуального права в большей мере и является упорядочение деятельности правоохранительных органов по применению санкций.

2) Если ранее процессуальные нормы лишь вкрапливались в нормативные акты, в которых в основном содержались материально-правовые предписания, то на стадии развитого права **количество процессуальных норм значительно увеличивается**. Они становятся полноправными видами правовых норм, а не подсобными, имеющими вторичный по отношению к материально-правовым нормам характер. Справедливо утверждение, что объём и значимость процессуального права являются показателями развитости, цивилизованности общества в целом. Дело в том, что какими бы гуманными и справедливыми ни были нормы материального права, их эффективность может быть сведена к нулю, если они будут применяться неправильно. Процессуальное же право как раз и призвано не допустить этого.

3) **Формулированию процессуально-правовых норм теперь уже посвящаются целые нормативные акты**, например российские Закон об оперативно-розыскной деятельности, Закон об исполнительном производстве. В сфере процессуального права создаются массивные нормативные акты, которые относятся к ряду кодексов.

4) **Идёт специализация самих процессуальных нормативных актов**. Так, в частности, выделяются российские Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный кодексы, недавно принят и Кодекс административного судопроизводства. **Процессуальные акты имеют сложную структуру**. Так, многие из них содержат раздел, который выполняет роль общей части и

называется «Общие положения». Другие разделы в основном привязываются к стадиям процесса (возбуждение дела, производство в суде первой инстанции, производство в кассационной инстанции, исполнение судебных решений, их пересмотр в порядке надзора).

5) В законодательстве **детальнейшим образом регулируется каждое действие участников процесса по применению санкций**. Столь пристальное внимание законодателя к каждому процессуальному действию участников процесса вызвано тем, что целью и назначением норм процессуального права является упорядочение защиты прав и свобод субъектов права, которое всегда связано с наложением каких-либо неблагоприятных последствий на обязанную сторону в правоотношении. Таким образом, в обществе укореняется мнение, что применение репрессивных мер, если это вдруг окажется необходимым, должно осуществляться в определенных рамках. Задача процессуальных законов одна – поставить под контроль каждый шаг правоохранительных органов, связанный с применением репрессии.

6) Развитое право основано на **принципе индивидуализации ответственности**. Принцип объективного вменения ушел в прошлое. Но для того чтобы индивидуализировать санкцию, нужны очень надежные способы доказывания. В процессуальных нормах развитого права дается не просто перечень возможных для использования видов доказательств, но и формулируются правила оценки доказательств, такие, как относимость и допустимость доказательств. Кроме того, дополняется новыми видами и сам перечень используемых доказательств. В частности, доказательством признается и заключение эксперта.

7) **Судебная власть становится особой и самостоятельной ветвью государственной власти**. В законодательстве устанавливаются принципы осуществления судебной власти, претворение которых в жизнь как раз и позволяет обеспечить определенную автономность судебной власти (независимость судей и подчинение их только закону, несменяемость судей, неприкосновенность судей).

8) Все судебные органы составляют особую **судебную систему**. В некоторых странах она по своей структуре представляет как бы единую пирамиду. Так, в США судебную систему возглавляет Верховный суд. В других же странах судебная система делится на части. Прямой подчиненности между судами всех ветвей судебной власти нет. Подчиненность судов осуществляется через закон: вышестоящий суд, рассматривая жалобу на решение нижестоящего суда, может отменить его только, если решение противоречит закону.

9) В обществе, где действует развитое право, правосудие осуществляют профессиональные судьи. **Для осуществления судейской деятельности предъявляются очень серьезные требования**: наличие высшего юридического образования, соответствующего возраста (как правило, не менее 25 лет) для того, чтобы судья успел приобрести необходимые специальные знания и опыт, а также определенное стажа по юридической профессии (как правило, не менее 5 лет).

10) Наблюдается и **процесс специализации судей**. Выделяются судьи по уголовным делам, по трудовым делам, по семейным делам, по имущественным спорам, судьи по жалобам на действия административных органов, в том числе и на действия налоговых органов, судьи по авторским спорам, по наследственным делам и т.д. Судьи могут специализироваться и по делам несовершеннолетних. Спе-

циализация судей вполне оправдана: развитое право не только большое по объёму, но и отличается особой сложностью. Здесь необходимы знания очень глубокие как в области законодательства, так и в области его применения. Знать юридическую практику также крайне необходимо. Но нельзя объять необъятное. Лучше быть хорошим судьей по одной категории дел, чем часто ошибаться, будучи универсальным судьей.

11) Правосудие осуществляется **на основе состязательности и равноправия сторон**. Оно может быть начато только при наличии заявления истца, обвинительного акта прокурора или жалобы потерпевшего, настаивающего перед судом на удовлетворении своих требований. Но другая сторона (ответчик, подсудимый) вправе приводить аргументы в свою защиту либо самостоятельно, либо используя специалистов в области права (адвокатов). Обе стороны равноправны. Решение по разбираемому делу выносит суд, который не связан доводами сторон и свободен в оценке представленных ими доказательств, а также не зависим от любых посторонних влияний.

12) Судебная деятельность – очень сложная деятельность, и в ходе её могут быть допущены ошибки. Гарантией от ошибок является установление в развитом праве **порядка обжалования судебных решений**. Причем закрепляется не один, а несколько способов обжалования: **апелляционный, кассационный и надзорный порядок**.

13) В развитом праве закрепляется также и механизм обеспечения и исполнения судебных решений. Исполнение судебных решений возлагается на государство. Для этой цели создаются **специальные государственные учреждения, ведающие исполнением наказаний** (колонии, тюрьмы и др.), а также **обеспечением судебных решений** (судебные приставы).

Анализ особенностей развитого судопроизводства дает основание сделать следующий вывод: оно является большим достижением человечества.

Источники и использованная литература:

1. Аннерс Э. История европейского права. – М., 1994.
2. Загребельный П. Ярослав Мудрый. – М., 2015.
3. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. – М., 2015.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1997. Т. 1.
5. Allot A. African law // In: An introduction to legal systems. – 1968. P. .

Kashanina T.V.

Legal proceedings in the historical context

The author analyzes evolution of judicial proceedings. They are defined as procedures of judicial inquiry and hearing that provide realization of justice principle. The judicial proceedings evolved from conciliation agreements between clans. The author analyzes four periods of judicial evolution (ancient, medieval, new and the newest periods) and shows how the judicial proceedings gradually increases their potential and acquire new positive features. Today, the judicial proceedings are powerful force that helps to provide realization of law. *Keywords:* judicial proceedings, justice, archaic judicial proceedings, medieval judicial proceedings, features of judicial proceedings in new and the newest period.

Keywords: Judicial proceedings ancient, medieval, new and the newest periods.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ¹

Статья посвящена определению понятия, содержания и существенных признаков категории «политическая юстиция» как одной из моделей (авторитарной / тоталитарной) уголовной юстиции. Автор привёл примеры использования этого термина в отечественной и зарубежной литературе. На основе проведенного исследования он предложил ряд существенных признаков, характеризующих феномен политической юстиции.

Ключевые слова: политическая юстиция, уголовная политика, политические процессы.

Термин «политическая юстиция» (*political justice*), был введен в оборот английским писателем и мыслителем в области политической философии конца XVIII века Уильямом Годвином (William Godwin).² При этом, слово «justice» в данном контексте имело первоначальный смысл – «справедливость». Весьма позитивное значение этого термина далеко отстоит от мрачной проблематики, связанной с политическими судебными процессами. Оно имеет исключительно позитивный смысл, состоящий в осуществлении естественных или нормированных отношений между субъектами и объектом политики, институтами и гражданами, государственным аппаратом и населением. Второе значение термина политическая юстиция – «political justice», в котором слово «justice» означает «юстицию», т.е. правосудие в широком смысле слова, связано с действиями судебной машины в сфере уголовного преследования политических противников режима. Именно этот смысл вложил в данный термин американский исследователь Отто Кирчхеймер, автор классического труда по данной проблеме «Политическая юстиция»³. Он считается на Западе основоположником учения о политической (судебной) юстиции. Ему же принадлежит ставшее хрестоматийным определение политической юстиции как «использования юридических процедур для политических целей».⁴

Первым в российской историографии термин «политическая юстиция» (в юридическом смысле) ввел в научный оборот известный русский экономист Н.И. Зибер в 1880 году в статье, опубликованной под псевдонимом «Н.З.»⁵ в журнале «Юридический вестник».⁶ Термин этот, однако, в нашей литературе не прижился. Его использование «вскользь» («слякоть и бездорожье политической юстиции») известным ад-

---

Краковский Константин Петрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

¹ Впервые опубликовано: История государства и права. – 2012. № 3. С. 32-34.

² См.: *Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on Modern Morals and Manners* (1793).

³ *Kirchheimer O. Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends.* – Princeton: Princeton University Press, 1963.

⁴ *Ibid.* P. 6.

⁵ Имя автора, скрывшегося под псевдонимом «Н.З.» установлено нами по книге И.Ф. Массанова: *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.* – М., 1957. Т. 2. С. 217.

⁶ *Н.З. Суд и государственные преступления // Юридический вестник.* – 1880. Т. V. С. 323-357.

вокатом О.О. Грузенбергом в книге «Вчера» (Париж, 1938. С. 205) являлось не более чем фигурой речи. Традиционным термином, используемым в отечественной литературе для обозначения явления, связанного с судебными преследованиями представителей революционного (общественного) движения, был термин «политические процессы».

Изредка термин «политическая юстиция» встречался в советской (или в западной марксистской¹) литературе, описывавшей «родимые пятна» капитализма. Она рассматривалась как одно из одиозных явлений буржуазного тоталитарного государства, в котором политические суды преследуют за убеждения, тех, кто является противниками существующего режима (прежде всего, представителей «левых» сил). Подчёркивалось, что идея политической юстиции была выдвинута фашистским государством в Германии, и в послевоенных государствах Запада она получила своё продолжение и даже активизацию (в начале 50-х гг. XX века созданы специальные политические суды во Франции и ФРГ).² Советская литература указывала на то, что политическая юстиция есть открытое нарушение принципов равенства граждан перед законом, «единого суда», посягательство на процессуальные права обвиняемого, поскольку в политическом суде он находится в гораздо худшем положении, чем в обычном суде. Кроме того, в политических судах, как отмечал немецкий (ГДР) юрист Херрман, само «процессуальное право стало формой осуществления судебного произвола».³

В 90-е годы XX века термин «политическая юстиция» вернулся на страницы российской научной литературы, применительно к российской истории. Его «реанимировал» автор настоящей работы в статье, опубликованной в соавторстве с И.Ю. Мозговым в журнале «Известия вузов. Правоведение».⁴ Позднее мы обратились к теоретическому осмыслению этого феномена в статье, опубликованной в «Учёных записках факультета права и администрации Варшавского университета».⁵ В последние годы категория «политическая юстиция» все чаще становится предметом исследований в отечественной литературе. Она подверглась детальному анализу, применительно, как к дореволюционному (ряд работ Ю.В. Варфоломеева⁶), так и к советскому периоду. Так, В.Н. Кудрявцев и А.И. Трусов, авторы монографии «Политическая юстиция в СССР» (М.: Наука, 2000) попытались дать теоретическое осмысление этого политико-юридического явления.⁷

---

¹ См., напр., книгу члена Французской компартии юриста Робера Шарвена «Юстиция во Франции» (М.: Прогресс, 1978).

² Карательные органы современного империалистического государства. – М.: Наука, 1968. С. 99-101.

³ Цит. по: Карательные органы... С. 99.

⁴ *Краковский К.П., Мозговой И.Ю.* Перестройка политической юстиции в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия вузов. Правоведение. – 1996. № 2. С. 116-123.

⁵ *Krakovskiy K.* Political Justice: Theoretical, Historical and Legal Issues // *Studia Juridica*. – 2006. XLVI. P. 149-156.

⁶ *Варфоломеев Ю.В.* Очерки политических процессов в России первой четверти XX века (по материалам деятельности лидера «молодой адвокатуры» Н.К. Муравьева). – Саратов, 2007; *Он же.* Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901-1911 гг.). – Энгельс, 2009.

⁷ В «западной» литературе никогда не было сомнений, что «Большой Террор» Сталина был делом рук именно системы советской политической юстиции. Подробнее см.: *Соломон П.* Советская юс-

Каковы основные параметры, характеризующие феномен политической юстиции?

Проблема выделения политической юстиции в самостоятельный институт тесно связана с более общим вопросом о соотношении политики и права, власти и законности в стране. В авторитарных (тоталитарных) антидемократических государствах это соотношение решается в пользу политики и власти, в конечном итоге – в пользу произвола.¹ Власть во все времена была особенно беспощадна к тем, кто посягает на само её существование – т.е. к политическим противникам (внутри и во вне). И, соответственно защита государственной безопасности становится едва ли не важнейшей функцией, а орган (или органы), ее реализующие, – ключевыми политическими институтами. В условиях авторитарных режимов их полномочия и значение вырастают в разы, по сравнению с аналогичными структурами демократических государств. У государства складывается неукротимое стремление в деле преследования политических преступлений избавиться от сложных судебных форм, или, по крайней мере, упростить их, отказываясь от таких институтов, которые составляют гарантии для обвиняемого, которыми обеспечивается степень справедливости приговора, степень основательности и добросовестности обвинения (*политическая юстиция в широком смысле слова*).

Для достижения желаемых результатов в политических судебных делах у власть предержащих имелся выбор между двумя вариантами поведения: обеспечить проникновение политической власти в правовой строй или вычленивать политическую юстицию в отдельную отрасль государственного управления. Для этого она должна быть отделена от судопроизводства по обычным уголовным делам.² Растущая политическая «неверность» обычного правосудия по отношению к властям, чувство «беззащитности» власти с такими судами привели к созданию в некоторых странах особой политической юстиции. Её появление пришлось на рубеж XIX–XX веков. Структуры, отдаленно напоминающие правосудие, профессионально обслуживавшие специфические интересы власти, можно назвать *политической юстицией в строгом смысле слова*.

Каковы ее признаки? Английский исследователь Леонид Радзинович (L. Radziłowicz) отмечал, что политическая юстиция как «авторитарная модель уголовной юстиции» характеризуется такими признаками, как расплывчатое определение преступлений, слабые требования к доказательствам вины, исполнение судьями и прокурорами указаний властей, суровые приговоры, внесудебная репрессия, секретность.³ Польский социолог Адам Подгорецкий (A. Podgorecki) называл среди качеств, присущих этому явлению: услужливость судей, которые действуют как агенты власти, политизированное толкование (интерпретация) законов, непредсказуемость законодателей, суровые наказания и регулярное использование секретных правовых предписаний.⁴ Американский ученый-юрист Уильям Майнор (W. Minor)

тиция при Сталине. – М.: РОССПЭН, 1998.

¹ См.: Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000. С. 12.

² Цит. по: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 451 и след.

³ Radziłowicz L. Penal Regressions // Cambridge Law Journal. – 1991. Vol. 50. № 2. P. 422-444.

⁴ Podgorecki A. Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues // Totalitarian and Posttotalitarian Laws. – London. 1996.

полагал, что политическая юстиция – это дискриминационное применение *машин уголовной юстиции* чтобы поставить в невыгодное положение специфические личности или группы, которые рассматриваются как угроза для существующего режима.¹ Саму «машину уголовной юстиции» он понимал чрезвычайно широко, включая в это понятие не только саму судебно-процессуальную деятельность, но и законотворчество, полицейскую практику, тюремное заключение, процедуры освобождения и все другие формы деятельности системы уголовной юстиции.

Другой американский исследователь Мартин Шапиро (M. Shapiro) обратил внимание на весьма важную, на наш взгляд, сторону формирования системы политической юстиции. Характерной особенностью авторитарных режимов является создание служебно-карьерных механизмов и структур поощрения работников юстиции, которые позволяют режиму управлять ими. К ним, по словам М. Шапиро, относятся «системы набора работников суда и прокуратуры, их образовательная подготовка, организация их продвижения по службе, обеспечивающие то, что судья... оставаясь относительно нейтральным лицом между двумя абсолютно частными сторонами... являлся бы в то же время абсолютно верным слугой режима при решении всех юридических вопросов, которые затрагивали интересы этого режима».² Российские учёные В.Н. Кудрявцев и А.И. Трусов выделяют следующие признаки политической юстиции: 1) обособление норм материального и процессуального права (используются не только законы, но и значительное число ведомственных нормативных актов); 2) использование иных, отличных от общепринятых репрессивных форм (напр., революционные и военные трибуналы, спецсуды – «Особое совещание», «двойки», «тройки»); 3) автономизация политической юстиции, вплоть до создания самостоятельного аппарата; 4) прямая подчиненность политической юстиции верховным органам политической власти; 5) чрезвычайный режим секретности на всех этапах работы этого механизма.³

Как видим – общее, что объединяет взгляды ученых разных стран на феномен политической юстиции – институциональный подход, дополненный уголовно-правовыми характеристиками. Нам представляется, что этого недостаточно. Следует рассматривать политическую юстицию как сложную систему политических и правовых отношений, институтов и норм, процедур и характерных приемов, динамическую организационно-функциональную систему по реализации определённых политических установок власти в судебной сфере. Если понятие политического преступления лежит в сфере *мотивации* деятеля, то понятие политической юстиции лежит в сфере *реакции* государства на политического раздражителя, представляющего угрозу режиму. Таким образом, политическая юстиция служит индикатором *уголовной политики* государства в широком смысле слова в политической сфере.

Основными параметрами этой «реакции», на наш взгляд, следует признать: 1) создание специальных *судебных инстанций* для рассмотрения политических дел (фрагментация политических судов) или наделение «общих» судов специаль-

---

¹ Minor W. Political Crime, Political Justice and Political Prisoners // Criminology. – 1975. Febr. Vol. 12. Issue. 4. P. 393.

² Shapiro M. Courts: A Comparative and Political Analysis. – Chicago, 1981. P. 32.

³ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Указ. соч. С. 15-17.

ной компетенцией (политизация обычных судов); 2) «обеспечение» деятельности суда по политическим делам с помощью ряда государственных институтов (прежде всего, *политической полиции*); 3) создание особой *уголовно-правовой* базы (принятие «общих», специальных или чрезвычайных законов, карающих политические преступления); 4) создание специальных *уголовно-процессуальных* механизмов облегчающих власти преследование политических врагов и направленных на обеспечение получения нужного ей приговора; они традиционно связаны с минимизацией процессуальных прав обвиняемых и подсудимых; 5) превращение с помощью системы средств следственных и судебно-прокурорских работников в армию лояльных и конформистски настроенных чиновников (*бюрократизация* уголовной юстиции); 6) создание разветвленной системы *надзора* за судом, предоставляющего режиму ряд *правовых средств* вмешательства в практику суда по политическим делам; 7) обеспечение надлежащей, с точки зрения режима, *правоприменительной практики* суда по политическим делам с помощью *неправовых средств* вмешательства в его деятельность.

На основании выделенных признаков и параметров мы можем предложить своё определение понятия «политическая юстиция», относящееся и к авторитарной, и к тоталитарной моделям этого феномена. **Политическая юстиция** – авторитарная (тоталитарная) модель уголовной юстиции, используемая властью для осуществления репрессий против политической (религиозной, национальной, расовой и т.д.) оппозиции, путём применения правовых или противоправных средств, направленных на обеспечение получения выгодного ей приговора, являющаяся выражением уголовной политики власти на том или ином историческом отрезке. «Оппозиция для такой юстиции, – писал образно Бенджамин Костан, – это беспорядок, возражение – революция, судьи – это солдаты, выполняющие приказ, подсудимые – враги, а разбор дела – сражение».¹ Суд из докучливой помехи политическим предначертаниям власти превращается в послушного их исполнителя.

К разновидностям институтов политической юстиции можно отнести, например, *авторитарные модели*: инквизицию в средневековой Европе, российские процесс по «слову и делу государеву» в Преображенском приказе (XVII–XVIII вв.), Верховный уголовный суд (XVIII–XIX вв.), Особое присутствие Сената (вторая половина XIX – начало XX вв.), военно-полевую «юстицию» (1906-1907 гг.), с некоторыми оговорками политические судебные инстанции, созданные временно в ФРГ и Франции («суд государственной безопасности») в начале 50-х годов XX в.; *тоталитарные модели*: ревтрибуналы послеоктябрьских лет, сталинские Особое совещание при НКВД СССР, «двойки», «тройки», а также, гитлеровские специальные суды, пинотчетовские судилища и др.

Источники и использованная литература:

1. Карательные органы современного империалистического государства. – М.: Наука, 1968.
2. Краковский К.П., Мозговой И.Ю. Перестройка политической юстиции в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия вузов. Правоведение. – 1996. № 2. С. 116-123.
3. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000.

¹ Цит. по: Шарвен Р. Юстиция во Франции. М., 1978. С. 125-126.

4. *Н.З.* Суд и государственные преступления // Юридический вестник. – 1880. Т. V. С. 323-357.
5. *Шарвен Р.* Юстиция во Франции. – М., 1978.
6. *Kirchheimer O.* Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends. – Princeton: Princeton University Press, 1963.
7. *Krakovskiy K.* Political Justice: Theoretical, Historical and Legal Issues // *Studia Juridica.* – 2006. XLVI. P. 149-156.
8. *Minor W.* Political Crime, Political Justice and Political Prisoners // *Criminology.* – 1975. Febr. Vol. 12. Issue. 4. P. 393.
9. *Podgorecki A.* Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues // *Totalitarian and Posttotalitarian Laws.* – London, 1996.
10. *Radzinowicz L.* Penal Regressions // *Cambridge Law Journal.* – 1991. Vol. 50. № 2. P. 422-444.
11. *Shapiro M.* Courts: A Comparative and Political Analysis. – Chicago, 1981.

Krakovskiy K.P.

Concept and signs of political justice

The article is devoted to the analysis of the category of political justice (definition, content and main features) as one of models (authoritarian / totalitarian) of criminal justice. Author gave an examples of using of this term in Russian and foreign literature. On basic of his research, he suggested several essential features, which characterize the phenomena of political justice.

Key words: political justice, criminal policy, political trials.

Колотушкин С.М.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВЧАТЫХ УСТРОЙСТВ

В статье рассмотрены вопросы развития взрывного дела в России и его правового регулирования. Проводится анализ генезиса и развития форм и объемов оборота в нашей стране средств взрывания, взрывчатых веществ и боеприпасов как объектов особой опасности для граждан и государства. В статье проводится анализ системы законов и иных нормативно-правовых актов, регулирующих оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Здесь же проводится анализ свойств взрывных устройств, которые активно используются при совершении преступлений, особенно террористической направленности. Необходимость решения многих проблемных вопросов правоохранительной деятельности в отношении преступлений, связанных с использованием взрывных устройств, послужила основанием для формирования частной отрасли знаний – криминалистической взрывотехники, изучающей закономерности криминального использования взрывоопасных предметов.

Ключевые слова: история, правовое регулирование, взрывчатые вещества, взрывные устройства, терроризм, криминалистическая взрывотехника.

Прогресс техники – это, прежде всего, сложный и длительный путь овладения процессом получения, накопления и целесообразного расходования энергии, это расширение и обогащение емкого арсенала различных энергоносителей и средств, трансформирующих один вид энергии в другой (двигатели). В арсенале энергоносителей особое место занимают взрывчатые вещества (здесь и далее ВВ), специфические свойства которых делают их в ряде случаев незаменимыми. Современная взрывная техника, как и техника вообще, впитала в себя многовековой опыт, творческие поиски, плоды напряженного труда и таланта бесконечной смены народных умельцев, изобретателей, техников, инженеров, ученых многих народов, усилиями которых постоянно обобщается, постепенно совершенствуется и преемственно обогащается наследие производственного, технического и научного опыта многих миллионов людей. Следя за ходом исторического развития любой отрасли человеческих знаний и познавая закономерности его, можно проследить главные этапы пройденного пути и определить значение и место данной отрасли в будущем. Проще говоря, нельзя узнать – что будет, не зная – что было...

Определенному уровню человеческих знаний и средств производства соответствовали и определенные уровни развития взрывного дела. Наиболее важными этапами в этой интересной области являются: овладение огнем и открытие его разрушительных свойств; изобретение пороха; получение мощных ВВ; использование атомной энергии. Если рассматривать процесс возникновения и развития способов и средств взрывания, то их истоки приведут нас к первым сведениям о применении огня в целях разрушения. Затем огонь использовался в подкопах. Именно с этого мо-

---

Колотушкин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

мента зародилось подземно-минное дело, из которого развились минно-подрывное дело как самостоятельная отрасль военно-инженерного искусства, а также взрывное дело, использующее энергию взрыва в различных областях деятельности человека. Поколения ученых и изобретателей в течение многих веков работали над созданием таких ВВ, которые обладали бы наибольшей мощностью при наименьшем объёме и одновременно были бы безопасны и просты в обращении. Много усилий было направлено на упрощение технологии производства ВВ и средств взрывания, чтобы максимально их удешевить тем или иным путём, в частности, использованием отходов, побочных продуктов, полуфабрикатов, а иногда и самих ВВ – для надобностей гражданской техники, промышленности, строительства, сельского хозяйства в мирное и в военное время. Естественно, что совершенствование взрывной техники и её применения шло на основе общего прогресса и черпало из него всё новые возможности, перспективы. Многие выдающиеся деятели с пристальным вниманием следили за развитием ВВ. Этот повышенный интерес объясняется тем, что взрывчатые вещества, в отличие от других источников энергии, являются чрезвычайно компактными носителями энергии, не требующей никаких двигателей, сложных механизмов для ее использования, и, тем более что они весьма просты в обращении.

Давно зародилась мысль использовать ВВ для производства трудоёмких работ. В самом деле: двести граммов аммонита, взрываясь со скоростью 5000 м в секунду, развивают мощность, равную 21,5 миллиона лошадиных сил, хотя и в такой мгновенный отрезок времени, как 5 стотысячных долей секунды; четыреста граммов тротила при своем взрыве производят в течение 89 миллионных долей секунды работу, эквивалентную одновременному усилию свыше 1,2 миллиарда человек! Ни одна машина не в состоянии, при равном весе и размерах, развить такую титаническую мощность. ВВ во многих случаях не могут заменить другие источники энергии, но они позволяют в такой степени концентрировать энергию во времени и пространстве, что в ряде других случаев оказываются единственно приемлемым её источником.¹ Экономические показатели этого источника энергии различны. Есть дорогие ВВ, повседневно использовать которые нерентабельно, но немало и таких, которые по своей стоимости приближаются к стоимости отходов производства. Эти технико-экономические показатели ВВ и обуславливают все возрастающие масштабы их использования и проникновения во все новые области. В настоящее время ВВ, средства взрывания и взрывные технологии как мирного, так и военного назначения очень разнообразны. Стандартные заряды ВВ, боеприпасы, пиротехнические и имитационные средства имеют очень широкую номенклатуру и отличаются большим конструктивным многообразием. Современное взрывное дело, пройдя многовековую эволюцию в ногу с другими отраслями науки и техники, образует особый самостоятельный и неотъемлемый компонент современной индустрии, обороны и общественных отношений государства.

К сожалению, эволюция взрывного дела не обошла стороной и использование взрыва в преступных целях. Выгодные свойства взрывчатых веществ по широкой

---

¹ Колотушкин С.М., Федоренко В.А. Взрывные устройства и следы их применения. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. С. 4-6.

зоне поражения, компактности и скрытности установки, возможности заблаговременной закладки и управления взрывом на расстоянии обусловили широкое распространение взрывных устройств (ВУ) при совершении различных, в том числе тяжких преступлений. Современное социально-экономическое положение в России породило целый комплекс социальных, политических, демографических и других проблем, в котором отражается рост количества преступлений, связанных со взрывом: 1) нарушение устойчивых социальных связей между людьми, увеличение психологических нагрузок, стрессов и эмоциональных срывов, порождаемый необходимостью адаптации к новым экономическим условиям, культ насилия и жестокости, авторитета силового решения любых конфликтов; 2) изменение социальной структуры общества (появление большого количества безработных, имеющих высокую квалификацию, в том числе в области взрывного дела; создание разнообразных формальных и неформальных организаций, осуществляющих специальную военную подготовку своих членов); 3) негативные последствия неудачных реформ в Вооруженных Силах – отток высококвалифицированных военных специалистов в организованные преступные группы, слабый контроль за хранением боеприпасов и взрывчатых веществ в местах постоянной дислокации войск и в зонах военных конфликтов; 4) достаточно высокий научный, профессиональный и производственный потенциал в сфере взрывных технологий в России (военно-промышленный комплекс, добыча полезных ископаемых, металлургия, строительные работы и др.), позволяющий сформировать широкую сеть специалистов разной квалификации практически во всех регионах страны; 5) развитие промышленности и современных технологий позволяющее создавать средства двойного назначения – коммуникационных связей (радиотелефоны, пейджеры, оптоволоконные системы), источников питания (многофункциональные, комбинированные, ампульные батареи и аккумуляторы), высокоразрешающих автоматические систем контроля и охраны (чувствительные датчики, реле, усилители и микропроцессоры-анализаторы), которые могут быть использованы как компоненты взрывателей самодельных ВУ самого разного назначения и принципа действия; 6) информационная революция, связанная с широким внедрением компьютерных технологий, а также бесконтрольный поток «вольных» публикаций (в том числе экстремистского толка). Информация, касающаяся вопросов изготовления и боевого применения взрывных устройств, традиционно считавшаяся закрытой, стала доступной для всех интересующихся.

Указанные вопросы, прямо и косвенно касающиеся правового регулирования в данной области, представляют особое значение при рассмотрении объективной и субъективной стороны преступлений, связанных с применением ВВ и ВУ. Взрывные устройства обладают рядом выгодных качеств, способствующих подготовке, осуществлению и сокрытию преступления. С одной стороны, эти качества выражаются в природе самого взрыва (большая разрушительная сила), с другой, разнообразие взрывных устройств позволяет реализовывать самый широкий спектр преступных замыслов:

1. Быстрый эффект поражения или разрушения объекта преступного посягательства. Действительно, совершение террористического акта может осуществляться с применением взрыва за короткий промежуток времени, чем достигаются внезапность и быстрота действий на месте преступления, а также ошеломляющий

эффект, подчеркивающий дерзость и демонстративность преступных намерений. При уничтожении чужого имущества, например, автомашины, преступниками может быть осуществлен поджог или механическое разрушение. Однако переход поджога в пожар требует времени и, кроме того, существует вероятность затухания очага воспламенения или его ликвидация средствами пожаротушения. Механическое разрушение автомашины также требует времени и отсутствия охраны и очевидцев.

2. Дистанционное управление взрывом. Конструкции взрывателей и средств инициирования взрыва позволяют производить взрыв с замедлением (часовые механизмы), управлять взрывом по радио или проводам. Заблаговременная установка ВУ на объекте даёт возможность производить взрыв дистанционно. При автономном режиме функционирования ВУ (например, часовой механизм взрывателя) присутствие человека исключается. Наиболее ярко это качество выражается на таких объектах, где имеется службы безопасности или охраны, способные быстро и эффективно применять меры по оцеплению района происшествия, вести поиск и преследование нападающего. Визуальный контакт с использованием оптических средств наблюдения с объектом поражения может достигать по дальности нескольких километров, что обеспечивает скрытность действий преступников. Подача сигнала на взрыв в таких случаях обеспечивается радиoliniей с высоким уровнем помехозащищенности и дальности приема радиосигнала. Преступники могут использовать различные каналы связи (телефон, сигналы наблюдателей, каналы общественного телевидения в режиме прямой трансляции и др.).

3. При осуществлении взрыва остается минимум следов по сравнению с другими способами воздействия на объект. При взрыве практически любого ВУ происходит разрушение или сильная деформация всех элементов его конструкции. Из-за температурного воздействия и высокого давления продуктов взрыва уничтожаются следы биологического происхождения (следы пальцев рук, кровь, волосы и др.) на корпусе и деталях ВУ. При взрыве большой мощности (например, если масса ВВ более 1 кг) происходит сильное разрушение элементов конструкции как взрывателя, так и корпуса ВУ, сильный разброс фрагментов и частичное их сгорание, что может приводить к уничтожению следов изготовления, установки и маскировки ВУ. Забегая вперед, отметим, что преступники, зная это выгодное для «качества» взрыва, часто пренебрегают сокрытием своих следов при изготовлении и установке ВУ. Практика знает примеры обнаружения, изъятия и эффективного использования следов после обезвреживания ВУ.

4. Эффективность анонимной или прямой угрозы взрыва из-за опасности серьезных последствий. Действительно, при анонимной угрозе взрыва школы, вокзала, банка или больницы власти вынуждены останавливать работу учреждения и проводить эвакуацию людей. Это вызывает серьезный общественный резонанс, крупные предприятия и банки несут убытки. Причиной этого является опасность гибели людей или разрушения важного (в том числе экологически опасного) объекта, а также сложность поиска ВУ. Мировая практика борьбы с подобными преступлениями знает примеры, когда преступник, не скрывает места установки мощного ВУ, но при этом снабжает его элементами необезвреживаемости. Так, преступник, угрожавший взорвать гостиницу в штате Огайо, США, в 1988 году, предлагал на-

звать способ обезвреживания ВУ при выполнении его условий, в противном случае в заданное время (он его указал) произойдет взрыв.

5. Широкая (объемная) зона поражения взрывом. Зона поражения при взрыве определяется конструкцией ВУ и может быть круговой и направленной. Зона действия взрывом позволяет эффективно поражать или разрушать динамичные объекты (людей, транспорт и т.п.), а также производить разрушения на большой площади. Кроме того, взрывом могут поражаться объекты, находящиеся за различными преградами в зоне действия ударной волны и разлета осколков. Приведем пример соотношения зоны поражения при использовании огнестрельного оружия и ВУ. Для поражения человека в движущемся автомобиле из огнестрельного оружия необходимо: знать, на каком месте находится указанный человек; выбрать удобную огневую позицию для наблюдения, эффективного прицеливания и отхода после выстрела; наличие хороших условий видимости для эффективного прицеливания. Кроме того, траектория полета пули может иметь отклонения в силу метеорологических условий. Так, при стрельбе из снайперской винтовки СВД на дальность 300 метров при температуре воздуха 50 С° и боковом ветре 5 м/с отклонение пули от точки прицеливания будет достигать по высоте 0,3 м, по направлению 1,2 м. Если же цель движется, то суммарное отклонение пули из-за технического рассеивания и ошибок в прицеливании будет значительно больше. При использовании фугаса из тротила массой 4 кг (для сравнения масса заряда ВВ близка к массе винтовки СВД), то зона поражения ударной волной будет достигать 4-6 метров в диаметре. За счёт применения осколков она может быть увеличена в несколько раз.

6. Заблаговременная подготовка взрыва. Чаще всего в преступных целях ВУ используются как боеприпас «ждущего» режима. Выбор «выгодного» для взрыва участка местности или объекта (участки дорог, газо- и нефтепроводов, жилые и производственные помещения и т.п.) и заблаговременная установка и маскировка ВУ позволяет: заминировать объект до прибытия на него охраны (оцепления); подготавливать несколько мест установки ВУ в наиболее вероятных местах движения объекта поражения.

С другой стороны, природа и характер протекания взрыва создают дополнительные сложности, заставляющие действовать преступника по «нежелательной» для него схеме (сильное демаскирующее действие взрыва; опасность близкого контакта с объектом поражения в момент взрыва; высокая степень опасности изготовления самодельного ВУ, нежелательное попадание в зону поражения посторонних лиц и т.п.). Таким образом, преступления, связанные с применением ВУ, отличаются подготовленностью замысла и конкретных действий. Они достаточно специфичны в реализации своей объективной и субъективной сторон, выражающихся в многообразии конструкций ВУ, уровне их изготовления и способах применения. В силу своих специфических свойств они представляют собой источники повышенной общественной опасности. Поэтому государство вынуждено было в действующем законодательстве предусмотреть целую систему правовых норм, принимаемых для предотвращения опасности, которая могла возникнуть при ненадлежащем обращении с ВУ и боеприпасами (БП) или в результате их использования в преступных целях, т.е. в качестве орудий совершения преступлений. Это привело к необходимости изучать ВВ, БП и ВУ и связанные с ними отношения в рамках уголовного, ад-

министративного, процессуального и других отраслей права, а также криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы.¹ Необходимость решения многих проблемных вопросов правоохранительной деятельности в отношении преступлений, связанных с использованием ВВ, БП и ВУ, послужила основанием для формирования частной отрасли знаний – криминалистической взрывотехники.

В России одна из первых попыток введение ответственности за хранение пороха (как конструктивного признака ВУ и боеприпасов) более дозволенного срока предусматривалась в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Последние десятилетия XIX века в России были отмечены неоднократным применением (главным образом в политических целях) взрывных устройств для совершения террористических актов. Правительство ответило суровыми мерами. В 1878 году дела о политическом терроризме были переданы из гражданских судов в военные. В это же время (сентябрь 1878 г.) организуется сыскная полиция, объектами её внимания становятся революционные и боевые организации, использующие взрывные устройства как орудие террора. В апреле 1879 года (после покушения А.К. Соловьева на Александра II) в крупных городах России учреждаются генерал-губернаторства с получением чрезвычайных полномочий: аресты, предания суду, закрытие изданий и др. После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, организованного С. Халтуриным, 12 февраля создаётся Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Указанная комиссия была наделена исключительными полномочиями.

После гибели императора Александра II (убит 1 марта 1881 г. в результате террористического акта) 3 апреля 1881 года пятеро террористов-народовольцев были публично повешены. Борьба с так называемыми «бомбистами» становится жёстче. В 1882 году реорганизован политический розыск в России. Система политического сыска в России по признанию современников являлась одной из самых сильных в Европе. Достаточно напомнить, что практически все преступления, связанные со взрывом в России были раскрыты. К 1883 году был фактически разгромлен Исполнительный комитет и провалена военная организация «Народной воли», осуществившей целый ряд террористических взрывов. В марте 1881 года, помимо официальных полицейских органов, возникла конспиративная общественная организация для защиты императора и борьбы с революционным террором – «Священная дружина». Она была создана с ведома императора Александра III и объединяла более 700 представителей высшей знати. При помощи собственной агентуры «Дружина» дезорганизовывала действия революционных организаций «изнутри».

В начале XX века Россия неожиданно вышла в «лидеры» среди многих стран по числу террористических взрывов. Боевые организации эсеров, руководя революционным террором, осуществили в течение 1903-1907 гг. в разных городах России несколько десятков взрывов. Из высших царских чиновников, на кого покушались эсеры, можно назвать министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, московского градоначальника графа П.П. Шувалова, премьер-министра П.А. Столыпина.

---

¹ Колотушкин С.М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. С. 51–53.

на (взорвана дача на Аптекарском острове, погибли более тридцати человек). Было убито несколько провинциальных генерал-губернаторов, петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц, а также генерал Г.А. Мин, подавлявший московское восстание. Левые террористы непрерывно убивали и калечили гражданских чиновников, депутатов Государственной думы, банковских служащих, офицеров. «Только за 1901-1910 гг. от революционного террора пострадало около 17 тыс. человек, среди них около половины государственных служащих. На террор правительство отвечало репрессиями. За участие в восстаниях, погромах и бунтах в 1901-1912 гг. было казнено по приговорам военно-окружных и военно-полевых судов около 4352 человек. Карательные отряды повесили и расстреляли в 1905-1906 гг. около 6 тыс. человек и в 1906-1911 гг. – более 5 тыс. В восстаниях, погромах и бунтах убито и ранено приблизительно 88 тыс. Напомню: вдохновителем и организатором террора против государства выступала оппозиция. Общественность преклонялась перед террористами, а они чувствовали себя героями, смотрели на террор как на подвиг и на религиозную жертву».¹

Эсеровские бомбы взрывались в руках у боевиков посреди густой толпы, не раз террористы убивали посторонних людей. Бомбы начала прошлого столетия были достаточно опасны как в изготовлении, так и в применении. Сначала взрывалась гремучая смесь, а от нее детонировал основной динамитный заряд. Чтобы взорвать гремучую смесь, следовало зажечь смесь бертолетовой соли с сахаром. В качестве средства взрывания использовалась тонкая стеклянная трубка с серной кислотой. Когда бомбу бросали к цели, трубка разбивалась и кислота воспламеняла бертолетову соль. Истории известны случаи взрывов самих террористов и их лабораторий. Когда в одном из помещений петербургского «Бристоля» взорвалась подпольная эсеровская лаборатория, вспоминали современники, то Вознесенский проспект во всю ширину завалило обломками здания, была сорвана чугунная ограда Исаакиевского собора. Для «бомбистов» того времени законом предусматривались достаточно суровые наказания: за участие в террористическом акте – смертная казнь (в период её отмены – каторжные работы).

Советским законодательством уголовная ответственность за незаконное владение боеприпасами была установлена не сразу. В принятых в 1922 г. и 1926 г. уголовных кодексах РСФСР (соответственно ст. 220 и ст. 182) речь шла лишь об огнестрельном оружии. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1933 г. «Об изменении ст. 182 Уголовного кодекса» она дополнялась и ч. 1 была сформулирована в следующей редакции: «Изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ и снарядов, а равно огнестрельного (кроме охотничьего) оружия без надлежащего разрешения влечёт за собой лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией названных веществ, снарядов и оружия»². Поскольку термин «снаряды» не отражал существа вкладываемого в него понятия и вызывал разногласия, в УК 1960 г. и новых УК союзных республик вводился термин «боевые при-

---

¹ Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2014. С. 196.

² Колотушкин С.М. Криминологические тенденции, обуславливающие использование взрывных устройств в совершении преступлений. Российский криминологический взгляд. Научно-практический журнал. – Ставрополь, 2007 № 1 (9). С. 24-26.

пасы» (боеприпасы). В ст. 218 этого кодекса говорилось: «Ношение, хранение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или ВВ без соответствующего разрешения». В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации вводится понятие «взрывное устройство» в качестве самостоятельного предмета преступления, конструктивного признака его состава (например, ст. 222, 223, 224, 225, 226 УК РФ). С указанного времени взрывные устройства рассматриваются не только как орудие совершения преступления, но и в качестве самостоятельного предмета преступления.

Здесь важно отметить, что современная зарубежная правоохранительная практика в отношении оборота взрывчатых веществ, средств взрывания и боеприпасов к огнестрельному оружию достаточно полярна. Если в странах Востока и Азии практически полностью запрещён оборот у населения любого оружия и боеприпасов (например, в Китае запрещено в свободном обороте у населения любое огнестрельное оружие), то в странах Запада близкого подхода нет. Так в США, Канаде, Австралии и ряде других стран приобрести в специализированных магазинах взрывчатые вещества и средства взрывания к ним может любой взрослый гражданин страны. Для этого необходимо иметь смету и ряд проектных документов организации, которая будет проводить взрывные работы по заказу клиента (отрывка котлованов, разрушение старого фундамента и т.п.). В то же время, в ряде таких западных стран как Великобритания, Германия, Италия существует достаточно жёсткие ограничения по обороту взрывчатых веществ, относящихся к категории боевых, исключения составляют пиротехнические средства.

В настоящее время в Российской Федерации сложилась система нормативно-правовых актов, регулирующих оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Содержание и регламентация правоотношений в этой области регулируются конкретными правовыми нормами и подзаконными актами. К ним можно отнести закон «Об оружии», Уголовный Кодекс России, Кодекс административного судопроизводства РФ, Федеральный закон РФ «О полиции», Законы РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», постановления Пленума Верховного суда РФ, Указы Президента РФ, Постановления Верховного Совета РФ, Постановления и распоряжения Совета министров – Правительства РФ, а также ведомственные приказы, руководства, инструкции и распоряжения непосредственно на предметы, относимые к категории огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств конкретным нормативным актом.

Источники и использованная литература:

1. Колотушкин С.М., Федоренко В.А. Взрывные устройства и следы их применения. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. С. 4-6.
2. Колотушкин С.М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики: Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. С. 51-53.
3. Колотушкин С.М. Криминологические тенденции, обуславливающие использование взрывных устройств в совершении преступлений // Российский криминологический взгляд. Научно-практический журнал. – Ставрополь, 2007. № 1 (9). С. 24-26.
4. Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2014. – 336 с.

Kolotushkin S.M.

Evolution of domestic legal regulation in respect of explosives and explosive devices

The article examines the development of the explosive matter in Russia and its legal regulation. The genesis of the development of forms and turnover rates in our country of blasting agents, explosives and ammunition as objects of special danger to citizens and state is carried out. The article analyzes the system of laws and other normative-legal acts regulating the circulation of weapons, ammunition, explosives and explosive devices. Here the analysis of the properties of explosive devices which are actively used in the Commission of crimes, especially terrorism-related crimes is carried out. The need to address many problematic issues of law enforcement in crimes involving explosive devices, has led to the formation of private sector knowledge – forensic bomb experts, studying the patterns of criminal use of explosives.

Keywords: history, legal regulation, explosives, explosive devices, terrorism, forensics of explosives.

Васильев А.А.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ: ПОИСК СИМФОНИИ

Статья посвящена анализу идеала церковно-государственных отношений в консервативной правовой идеологии России. Автор сосредоточил свое внимание на изучении идеи симфонии в творчестве российских консерваторов. На основе трудов российских консерваторов, источниках российского права и материалов практики Конституционного Суда России автор показывает сущность симфонии церковной и государственной властей. Автор приходит к выводу, что симфония власти – есть не просто разделение церкви и государства, но и их взаимная поддержка и взаимодействие, определяемое всякий раз конкретно-историческими обстоятельствами. Поэтому симфония церкви и государства не может быть определена в формально-логическом виде как некая формула отношений двух властей. В статье аргументируется значение независимой и автономной церкви как гаранта от сползания государства в тоталитаризм. В качестве одного из тезисов в статье обосновывается суждение о том, что консервативные интенции до сих пор оказывают своё воздействие на соотношении церкви и государства в России через архетипы национального сознания и политические традиции.

Ключевые слова: церковь, государство, симфония, цезарепапизм, папацезаризм, православие.

В эпоху постсекуляризма консервативная трактовка взаимоотношений церкви и государства может показаться анахроничной. Однако, консервативный идеал церковно-государственных отношений сохраняет свою актуальность в форме архетипов российского менталитета и традиций политико-правового устройства. Консервативная идея интересна в современных условиях поиска постсекулярного устройства России при расширении роли церкви и государства в делах друг друга (дело «Пусси райот», воцерковление отдельных сторон светской жизни – армии, мест лишения свободы, школы и т.д.).¹ Значение данной проблематики возрастает в связи с неприятием российской христианской традицией практики Европейского суда по правам человека, в которой зачастую проводится в жизнь секуляризм.

Консервативные воззрения на взаимоотношения церкви и государства основаны на идее духовного превосходства церковного единства общества, соборной жизни православных христиан над заботами государственного порядка. Отнюдь, такая мысль не может интерпретироваться как идея поглощения церковью государства. Традиционалистские мыслители строго размежевывали духовное и мирское, церковные дела и дела государственные. Вместе с тем, консервативная правовая мысль стремилась не допустить превращения государства в фетиш, подмену идеи церкви как идеала устройства людей на земле идеей государственности как единственной оптимальной формы сосуществования людей. Мысль о доминировании государст-

---

Васильев Антон Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, научный руководитель юридического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул).

¹ *Узланер Д.* Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. № 2. С. 93–133.

венности расценивалась православно окрашенным консерватизмом как языческая идея, осуждаемая за связь с царством князя мир сего – Антихристом. Западноевропейский путь католической церкви, которая с X века стала претендовать на создание христианской теократической монархии во главе с папой Римским, резко осуждался консерваторами.¹ Папацезаризм или господство духовной власти над светской, по их мнению, искажал истинное значение церкви и веры. Когда церковь приобретает черты государственности, она в делах духовного порядка начинает прибегать к насильственным и принудительным средствам, тем самым разрушая внутреннюю свободу человека, его нравственный мир, не терпящий какого-либо вмешательства. А.С. Хомяков справедливо заметил: «Русской земле не только не неизвестна борьба, но даже и недоступна мысль, подавшая повод к борьбе государственного права, стремившегося управлять правдою церковною, с церковною иерархией, стремившеюся оторваться от тела Церкви и потом овладеть правом государственным».²

Принцип разделения дел церкви и государства, священного и мирского гарантирует обществу и человеку свободу духовной жизни от диктата государственной власти, сохранение независимости в вопросах духа, веры. Консервативная правовая доктрина стоит на позиции максимального сдерживания превращения церкви в государственный институт или потери ею статуса независимой, поскольку в таком случае, верующие теряют свою свободу в вопросах веры, а государство не имеет внешней инстанции для оценки своей деятельности. Верно отмечает современный правовед Р.В. Насыров: «Деформация принципа разделения властей и симфонии церковной и государственной властей в католицизме и фактический отказ от такого разделения в протестантстве и предопределили такую фундаментальную черту современной западной политико-правовой культуры как господство полицейского государства и значительную этатизацию общественной жизни».³ По этим причинам непонятны для охранителей властолюбивые намерения католической церкви, крестовые походы, воинственные ордена, судебные процессы над еретиками и их казни. Борьба церкви и государства за приоритет церкви и ее самостоятельность от государства в Западной Европе привели к формированию теократии в виде Папской области, которая в наше время сократилась до размеров карликового государства (Ватикан).

Проблема соотношения церковной и государственной властей была впервые поднята в полемике нестяжателей и иосифлян, в том числе в аспекте обеспечения духовной свободы от вмешательства государственной власти, выбора средств борьбы с посягательствами на веру. Основатель течения заволжских старцев Нил Сорский был сторонником четкого размежевания духовной и светской властей, их не-

---

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Инфра-Норма, 1998. С. 93–123.

² Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 405.

³ Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей) // Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник статей / Под ред. В.Я. Музюкина и В.В. Сорокина. – Барнаул, 2009. С. 118.

вмешательства в дела друг друга. Наиболее ярко эта идея проявилась в вопросе наказания еретиков. Нил Сорский стоял на позиции прощения тех еретиков, которые раскаялись и отказались от своих убеждений в пользу православия. Тех же еретиков, которые остались верными своим убеждениям, Нил Сорский не призывал казнить и преследовать, если эти убеждения не были опасны для общества. Нил Сорский по сути дела первым поднял вопрос о свободе мысли и убеждений, и отсутствии преследования за убеждения. Сферу убеждений человека он считал неприкосновенной и недоступной для государственного вмешательства. Необходимость прощения раскаявшихся еретиков была выражена в «Послании кирриловских старцев по поводу слова Иосифа Вóлоцкого о еретиках». Заволжские старцы ссылались на Священное писание как основу для милосердного отношения к еретикам, которые отступились от противных христианству убеждений: «Старцы из Кириллова монастыря, а с ними все заволжские старцы привели на это послание старца Иосифа от божественного Писания обратное — что нераскаявшихся и непокорных еретиков предписано держать в заключении, а покаявшихся и проклявших своё заблуждение еретиков Божья Церковь принимает в распростертые объятия: ради грешников облекся плотью Сын Божий, и пришел он погибших сыскать и спасти».

Несмотря на то, что все-таки с подачи иосифлян верхушка еретиков была казнена или отправлена в заточение, всё-таки идеи нестяжателей были восприняты официальной идеологией Московского государства. По сути, по вопросу о свободе убеждений и веры концепция нестяжателей стала официально действующей правовой доктриной в рамках церковного и уголовного права России. В отличие от католической инквизиции, в России случаи преследования за убеждения были единичными и касались наиболее опасных для православия и государства ситуаций, как в случае с ересью жидовствующих, охвативших верхушку духовенства, родню великого князя и самого Ивана III, что угрожало православию и государственности. Н.М. Золотухина справедливо заметила, что «тем, что в России преследования за веру никогда не принимали такого характера, как в католических странах, она немало обязана Нилу, его сторонникам и последователям, которые со рвением доказывали невозможность применения смертной казни за вероотступничество. Смертную казнь за религиозные убеждения «нестяжатели» рассматривали как отступление от основных постулатов православного вероучения. И хотя в споре о формах воздействия на еретиков они проиграли (Собор 1504 г. приговорил еретиков к смерти), влияние нестяжателей на формирование общественного мнения несомненно. Казни еретиков носили единичный характер и распространения не получили».¹

Область человеческого духа, веры, убеждений в российской правовой традиции рассматривается как сфера духовной жизни, доступной лишь церкви с её ненасильственной формой воздействия на человека. Для государства духовная свобода человека не может быть предметом вмешательства и преследования. В ней государство бессильно что-либо изменить или исправить. Говоря юридическим языком, нестяжатели были активными борцами за недопустимость юридической ответственности за голый умысел, его обнаружение – по принципу «мысли не наказуемы». С

---

¹ Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 44–45.

другой стороны, консерваторы отрицали возможность главенства государства в делах церкви, когда государь подчиняет себе духовную власть и превращает церковь в орган государства. Цезаропапистские начала консерваторы видели в последние столетия существования Византийской империи, а после реформ Петра I и в России. Начиная с Петра, государство стало вмешиваться в церковную жизнь, произвело секуляризацию земель церкви, отменило патриаршество и ввело в качестве высшего духовного органа – Священный Синод, исполнявший волю императоров в церковных делах.¹ Известный специалист по церковному праву дореволюционной России А.С. Павлов писал: В истории отношений русской церкви к государству довольно резко отличаются три периода. Первый – от начала христианства на Руси до утверждения московского единодержавия в XVI веке: это период наибольшей церковной самостоятельности, когда церковь в духовно-иерархическом отношении зависела от константинопольского патриарха, а для мирских прав своих находила поддержку, с одной стороны – в могущественном влиянии духовенства на правительство и общество, с другой – в недостатках удельно-вечевой системы. Второй период – от начала московского единодержавия и до Петра Великого. В этот период отношения между духовной и мирской властью, с одной стороны, получают большую определенность, с другой – характеризуются решительным стремлением правительства подчинить церковь своему определяющему влиянию. Третий период – от Петра Великого или учреждения Святейшего Синода до настоящего времени. Этот период политического господства государства над церковью.²

Идеологически роль государства в делах веры и церкви обосновал архиепископ Феофан Прокопович. Исследователь жизни и трудов Феофана Прокоповича В.Г. Смирнов так раскрывает суть реформ Петра и его сподвижника Феофана: «В первой части Духовного Регламента 1720 г. с обескураживающей откровенностью Феофан объяснял причины замена патриаршества Духовной коллегией: «Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, ибо нет царства, которое бы не разорилось бы, будучи в обладании попов». Тут же поминался «русский папа» Никон с его замахами подчинить себе царя. Главный вывод: церковь не может быть государством в государстве, а «должна жить по единому с прочим народом закону».³

Петровские реформы реализовали протестантский принцип взаимоотношений церкви и государства – государственную церковь, в котором чья власть – того и вера. Церковь в таком государстве становится частью государственного механизма, а в жизнь проводится идея свободы совести, за которой скрывается борьба с верой и секуляризация общественной и государственной жизни. Реформы Петра I, сопровождавшиеся гонениями на церковь и секуляризацией церковных земель при Екатерине II, лишали власть внешнего духовного цензора. Вместе с тем, государство практически полностью отказалось от использования исходящих их православного вероучения соборных механизмов управления и разрешения конфликтов. В результате государственная политика российских императоров до XIX века была ан-

---

¹ Никольский Н.М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1983. С. 188–234.

² Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002. С. 347–348.

³ Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. – М.: Соратник, 1994. С. 79–80.

тинародной, антитрадиционалистской и нарушавшей разумную меру – в мелочной регламентации общественной жизни, вмешательстве в вопросы духовной жизни, освобождении дворян от службы при сохранении крепостного права, заимствовании европейских правовых институтов, не приживавшихся в российских условиях, формирование не имевшей корней в русской правовой культуре правовой науки и т.п. Государство потеряло живую и органическую связь с народом и почвой, которую ранее обеспечивала церковь и соборные институты – Земские соборы. В таких условиях власть стала строиться по типу абсолютной монархии, потерявшей связь с верой и душой народа и принимавшей решения без опоры на соборное мнение общества. Церковь была лишена патриарха и Поместных Соборов, замененных искусственным подобием соборов – коллегией, а потом и Синодом, возглавляемым светским лицом – обер-прокурором.

Лишь в XIX – начале XX вв. постепенно отношения церкви и государства стали возвращаться к исконным традициям – раздельности, независимости сфер деятельности (мирской и духовной) и сотрудничеству духовной и светской властей. По настоянию и авторитетным советам ряда консерваторов, в том числе Л.А. Тихомирова, Николай II принял решение о подготовке предсоборного присутствия, которое должно было решить вопрос о возрождении патриаршества. Однако, смута и разномыслие, политические интриги не позволили состояться такому решению. В результате только в ходе революционных событий Русская Православная Церковь смогла провести Поместный Собор и вернуться к канонической форме управления церковью – патриаршеству. *Преобладание российского государства в вопросах церковной жизни и веры резко осуждалось консерваторами. На их взгляд наиболее совершенен такой порядок, при котором церковь и государство не поглощают друг друга, имеют собственную сферу действия, но в тоже время не отделены непреодолимой пропастью, как в современных светских государствах.* По сути дела охранители воспроизводят православную концепцию симфонии государственной и светской властей – идею их взаимодействия и взаимной поддержки. Как писал архиепископ Серафим (Соболев): «В силу симфонии византийские императоры прежде всего действовали, как Божественные стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство в ее борьбе с еретиками».¹

Идея относительной автономии и существования особых сфер деятельности для церкви и государства была заложена еще в святоотеческой литературе и наиболее ярко прозвучала в идее Августина Блаженного о двух градах – граде Небесном, который на земле олицетворяет церковь и граде земном – государстве. Э.Ю. Баскин, анализирующий идеал власти в святоотеческой литературе, пишет: «В идеях Отцов Церкви содержится и более глубокая мысль, которая носит принципиальный характер для всего человечества: невозможно и недопустимо ни подчинение церкви государству, ни, наоборот, подчинение государства церкви. К сожалению, эта идея на протяжении многих столетий и вплоть до наших дней неоднократно искажалась. И церковные иерархи, и светская власть многократно отступали от неё, но результаты всегда оказывались губительными и для церкви, и для государства. Идея эта, как показало Новое время, является столь же справедливой и в отношении любых

---

¹ См: *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Русская идеология. – СПб., 1994. С. 130.

других организаций, например политических партий, стремящихся подчинить своей власти государство. Их власть над государством всегда оборачивается трагедией и для них самих, и для государства, и для общества¹. Митрополит Иоанн, относивший к столпам русской государственности самодержавие, соборные институты и симфонию государственно-церковных отношений, указывает: «Церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей. Исторический опыт свидетельствует, что такое взаимное разделение и гармоничное сочетание властей есть непрменная черта богоугодного государственного устройства».²

Симфония церковной и государственной власти стала формироваться в Византии, где получила легальное закрепление в государственно-церковном законодательстве. Впервые принцип симфонии прозвучал в преамбуле к 6 новелле Императора Юстиниана: «Величайшие блага, дарованные людям высшей благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а обо, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничего не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Поэтому мы прилагаем величайшее старание к охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем».³ Приведённая характеристика симфонических отношений государства и церкви заложила общий принцип государственно-церковных отношений, не предопределяя формально-определённых границ во взаимоотношениях двух институтов, поскольку природа симфонии вряд ли может получить адекватное нормативное закрепление. Ещё более аллегорическим и абстрактным является формулировка симфонии в Эпаногоге, памятнике византийского права IX в.: «Мирская власть и священство относятся между собой, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства».

Поскольку русское право восприняло источники византийского государственно-церковного законодательства, постольку принцип симфонии церкви и государства стал официально признаваемым в России, в особенности после утверждения концепции «Москва – Третий Рим». Юридическое выражение и государственное признание в России симфония церковной и государственной властей нашла приговоре Большого Московского Собора 1666–1667 гг.: «Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх – церковных, дабы таким образом сохранилась целой и непоколебимой во век стройность церковного

---

¹ Баскин Ю.Я. Святоотеческая литература о власти и государстве // Правоведение. – 1997. № 1. С. 69.

² Митрополит Иоанн. Русская симфония. – М., 2012. С. 338–339.

³ Никодим (Милаш), епископ Далматинский. Православное церковное право. – СПб., 1897. С. 681–682.

учреждения».¹ Симфония презюмирует, что государство и церковь обладают относительной автономией по отношению друг к другу, самостоятельными сферами деятельности, тем самым ограждая общество от двух крайностей – превращения церкви в институт навязывания веры силой и вмешательства государства в духовные дела. Симфония гарантирует общество от тоталитарных тенденций и посягательства на свободу совести.

Нужно признать правоту Р.В. Насырова, который сформулировал общую закономерность: разделение и сосуществование двух властей – духовной и государственной – гарантия от излишней этиатизации общественной жизни, а смешение этих властей, как известно, является признаком тоталитарного государства. Одной из причин известных трагических фактов и периодов российской истории (вплоть до XX века включительно) можно считать проявление этой закономерности.² Ослабление духовной власти, отделение государства от церкви приводит к расширению сферы функционирования государственной власти, вплоть до духовного мира личности и подавлению свободы нравственного выбора человека.

Симфония духовной и государственной властей как принцип и политико-правовая практика не может быть объяснена с рациональных позиций. Симфония, созвучие, гармония властей определяется иррациональностью сознания верующих и реалиями политической практики. Поэтому заранее определить меру, границу взаимоотношения церкви и государства невозможно. Симфония церковной и светской властей допускает соработничество и взаимопроникновение церкви и государства в дела веры и земной жизни общества. Сферы действия церкви и государства постоянно пересекаются, поскольку жизнь человека протекает одновременно в двух измерениях – духовной и материальной. Мера взаимного соприкосновения определяется ситуативно, соизмерением решения и действия властей с совестью как гласом Божиим. С одной стороны, идея симфонии властей накладывает ряд обязанностей на церковь в сфере власти: 1) нравственная поддержка государства, укрепление авторитета власти в глазах верующих; 2) осуществление оценки деятельности государства и законодательства с точки зрения христианской веры; 3) удерживание власти от нарушения христианских заветов. С другой стороны, государство несет ряд обязанностей в сфере веры и духовной жизни общества: 1) власть должна блюсти православию в неприкосновенности, быть охранителем христианства от ересей и других угроз, что было заложено в концепции старца Филофея «Москва – Третий Рим», имевший в виду не претензии Москвы на имперский статус, а выпавшую на долю России ношу по охранению православной веры, поскольку других государств, способных защищать православие не осталось после падения Византии; 2) государство должно своими средствами, законами и легализованным насилием бороться со злом в обществе, создавать условия для сохранения минимальных нравственных начал в жизни общества. Обязанности самодержавия по охране православной веры были официально установлены в Основных государственных законах Российской импе-

---

¹ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. – Париж, 1959. Т. 2. С. 216.

² *Насыров Р.В.* Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей) // *Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник статей / Под ред. В.Я. Музыкина и В.В. Сорокина.* – Барнаул, 2009. С. 120.

рии 1906 г. В п. 64 Законов записано: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 именуется Главою Церкви».¹

Однако сочетание властей не должно приводить их к подмене друг друга, или взаимному поглощению, когда они потеряют свою самостоятельность и сферы своего ведения. Подчеркивая неизбежность средств государственного насилия (покуда есть зло, постольку необходима власть и законы), Филарет указывал на узость закона и принуждения как методов достижения порядка. Одними законами и государственной силой невозможно удержать людей в повиновении. Слабость государства приведёт к тому, что внутренне порочные люди перестанут повиноваться и станут сопротивляться власти. Поэтому необходимо церкви и государству заботиться о нравственном воспитании людей, внутреннем преображении человечества и как крайнее средство использовать закон и принуждение.

В свете концепции симфонии церкви и государства интерес представляет правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная по вопросу о конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях».² Конституционный Суд РФ признал соответствующим конституционным принципам светскости и плюрализма положение закона «О политических партиях» о недопустимости создания политических партий на религиозной основе. С одной стороны, решение суда находит поддержку в учении Русской Православной Церкви, которая запрещает каноническим структурам участвовать в политической агитации, политической борьбе, поддержке партий или политических лидеров.³ С другой стороны, Постановление Конституционного Суда препятствует защите религиозных ценностей, церковного учения политическими партиями, так как не позволяет ни в названии, ни в программу, ни в устав партии включать положения религиозного характера. В результате верующие, причем неважно, православные, католики, мусульмане, буддисты или другие верующие лишаются возможности отстаивать свои убеждения и идеалы, укоренные в религии, в сфере политики, сфере, где достигается окончательное решение социальных, национальных, культурных вопросов. Причём, верующие в России составляющие большинство по данным социологических исследований, лишаются тем самым политических институтов по защите своих религиозных идеалов и ценностей.

Нельзя назвать безупречными доводы Конституционного Суда по данному делу. Лишь с одним аргументом можно согласиться как бесспорным. Действительно создание религиозных партий может вызвать раскол в обществе. Однако нужно иметь ввиду, что такой раскол уже состоялся после введения многопартийности, политического плюрализма. Сами партии – части общества, конфликтующие за власть. Поэтому с точки зрения роли в консолидации, объединении общества партии иг-

---

¹ Свод Законов Российской Империи. Т. 1. Ч. I: Свод Основных Государственных Законов. – СПб., 1906. С. 8.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу по проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. – 2004, 24 декабря. № 3663.

³ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // URL: www.patriarchia.ru.

рают такую же роль фактора дифференциации, раскола, как и любые другие организации, сформированные на основе социальных, национальных, профессиональных и иных принципов. Консервативные мыслители России не раз обращали внимание на опасность партийного устройства России как угрозы для ее социального и духовного единства. В этом ключе некорректно ставить вопрос о религиозных партиях, поскольку охранители отвергали партийную систему общества как таковую. Религиозные политические организации не в большей степени ведут к социальной вражде, чем политические партии. И.А. Ильин помимо таких недостатков партий, как выдвижение некомпетентных и духовно порочных людей, манипуляции с общественным мнением, подкуп и политические инсинуации, отмечал разрушительность партий для единства государства. Правовед писал:

Спросим себя однажды, в чем нуждается каждое государство больше всего для своего процветания? В единении. Содействуют ли этому политические партии? Как раз наоборот; они из всех сил работают над разъединением в народе. Они создают схему политической вражды, так что партийные люди привыкают критиковать, отвергать и поносить все то, что предлагают другие партии, совершенно независимо от того, полезно государству это предлагаемое или нет.¹ В этом аспекте проявляется кажущаяся противоречивость учения консервативных мыслителей России об отношении церкви к тиранической власти. С одной стороны, по заветам апостолов верующие должны подчиняться любой власти, в том числе тиранической и безбожной. И история не раз доказывала, что смирение христиан приводило после гонений на церковь и верующих (первые три века существования христианства, богоборчество советской власти) в конечном итоге к признанию государством христианства в качестве официальной религии.

С другой стороны, в церковной литературе и консервативной правовой мысли проводится мысль, что церковь в условиях борьбы государства против истины христианства должна выполнять миссию удерживающего начала, хранителя веры и противиться такой безбожной власти. Так, современная Социальная доктрина Русской Православной Церкви исходит из того, что верующие могут бороться за веру против государства, когда оно покушается на духовные святыни Церкви и божественную истину. В действительности противоречие здесь кажущееся, поскольку противление допускается церковью ей свойственными средствами, а не по принципу зло за зло, насилие на насилие. Противление богоборческой власти видится в том, что верующие и церковь должны сохранять в себе веру и не допускать соглашательства с властью. Терпеть от власти можно нападок возможно до тех пор, пока она не покушается на внутреннюю духовную свободу. Притом церковь никогда не утрачивает возможности осуждать власть за антихристианские решения и правовые акты, не прибегая помимо нравственного воздействия к другим формам влияния (например, как образцы осуждения митрополитом Филиппом действий Ивана Грозного или патриархом Тихоном действий советской власти, вплоть до угрозы расстаться со своей жизнью). Непротивление злу силой нужно понимать в том ключе, что внешними силами верующий не может пользоваться для борьбы со злом, однако в области духа она должна быть максимально эффективной и мощной. Ве-

---

¹ *Ильин И.А.* Наши задачи: в 2-х тт. – М.: МП «Парог», 1992. Т. 2. С. 37–38.

рующие и иерархи должны быть готовы лишиться материального и физического существования ради обеспечения свободы духа и неприкосновенности веры от пагубного давления власти.

Необходимость подкрепления нормативно-правовых актов государства авторитетом церкви вскрыл митрополит Филарет. Филарет подчеркивал недостатки того порядка, который власть обеспечивает корыстью, раболепным страхом, честолюбием подданных. И на голом законе, подкрепленном силой государства, невозможно достичь прочного и справедливого правопорядка. По мысли Филарета повинование, принятие власти как необходимой социальной силы может быть основано только на крепких духовных скрепах – благочестивой вере и совести подданных. Закон же уместен лишь для духовно порочных людей, но не для всего общества. В своих выступлениях он отмечал: Чем же обеспечить верность? Не страхом ли наказаний? Как неприятно было бы, если бы и было возможно, основать общее спокойствие на одном общем страхе! Но это и невозможно; потому что могут быть нарушения верности, которых человеческая пронизательность не может открыть и правосудие человеческое не может преследовать. Страх наказания нужен и полезен для обуздания склонных к преступлениям, но недостаточен для образования качества верноподданных. Таким образом, неудовлетворительность более близких и обыкновенных средств к обеспечению верности приводит к крайнему средству – к запечатлению обещающей верности великим и страшным именем Божиим, дабы каждый так уважал верность, как благоговеет пред Богом; дабы тот, кто вздумал бы дерзновенно коснуться своего обещания; неизбежно встретился с именем Божиим, которое не есть только произносимый звук, но призываемая сила Божия, пронизывающая души, испытующая сердца, благословляющая верных и карающая неверных.¹

Как справедливо отмечали русские консерваторы, принцип отделения церкви и государства, введенный после революции 1917 г. в советское законодательство, на практике приводит к гонениям на церковь и ущемлению её статуса. Вместе с тем перепись населения в 1930-е гг. показала, что 2/3 советского населения, 90 млн. человек, считали себя православными, несмотря на гонения и ограничения в отношении православной веры. После периода борьбы советского правительства с Русской Православной Церковью (РПЦ) в 1920–1930-е гг., в 1940-х гг. в условиях необходимости возрождения патриотизма и национального духа, учитывая традиционную приверженность народа православной вере, советская власть позволила РПЦ восстановить патриаршество и вести богослужение². В 1943 г., как утверждают специалисты, был введен конкордат советской властью в отношениях с Русской Православной Церковью. Церковь получила право вернуться к патриаршему принципу управления, проводить поместные соборы, возродить духовные академии и школы. Советская власть намеревалась обеспечить проведение Вселенского Собора в Москве после окончания войны, но ему не было суждено состояться. Таким образом, с 1940-х гг. постепенно православие стало возрождаться в России и оказывать нрав-

---

¹ *Святитель Московский Филарет. Меч духовный.* – М., 2010. С. 10.

² *Петюкова О.Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917 – 1945 годах. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук.* – М., 2011. С. 8.

ственное воздействие на общество и власть. Считается, что возрождение православия по воле руководства советской России стало наградой за роль православной церкви в поднятии духа и патриотизма российского народа во время Великой Отечественной Войны.¹

С точки зрения консервативных правоведов принцип светскости, предусмотренный в ст. 14 Конституции РФ 1993 г. и ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», не отражает роли православия в созидании русской культуры и государственности и ослабляет духовные опоры российской государственности.² В качестве предложения консервативными мыслителями высказывается идея о придании православию статуса государственной религии, не означающая при этом ограничения прав на исповедование другой веры российскими гражданами.³ Частично особый статус православия подтверждается и самим законом, в преамбуле которого отмечается вклад православия в русскую культуру. Кроме того, в Федеральном законе «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г. разрешено церкви получать на правах собственности или безвозмездного пользования те здания и сооружения, а также движимое имущество, которые относились к культовому имуществу до их национализации советским правительством. Религиозным организациям необходимо доказать то обстоятельство, что данные виды имущество имеют религиозное назначение и необходимы для осуществления богослужения, религиозных обрядов, религиозного обучения и т.п.⁴ Очевидно, что данный закон позволит Русской Православной Церкви вернуть утраченное после революции 1917 г. культовое имущество для несения своей духовной миссии.

Особая роль Русской Православной Церкви в сфере укрепления международной безопасности и межконфессионального диалога отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. В документе говорится, что Российская Федерация в сфере конфессиональной и национальной политики активно взаимодействует с Русской Православной Церковью и другими основными религиозными объединениями страны⁵. С 2010 г. на основании Указов Президента РФ началось преподавание в школах курса «основы религиозных культур или светская этика», в том числе православной культуры. Кроме того, Указом Президента РФ, актами Правительства и Министерства обороны РФ возрожден институт военных капелланов – военных священников в российских вооруженных силах. Планируется ввести 250 военных капелланов, помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. В 2013 году из 50 капелланов более 40 были представлены священниками Русской Православной Церкви. Безусловно, введе-

---

¹ *Протоиерей Владислав Цыпин*. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 461–465.

² Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 17 сентября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. – 16.06.2003. N 24. ст. 2249.

³ *Сорокин В.В.* Юридическая глобалистика: в 2-х тт. – М.: Юрлитинформ, 2010. Т. 2. С. 387.

⁴ Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г. // Собрание законодательства РФ. – 06.12.2010. N 49. ст. 6423.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // Документ опубликован не был. // URL: www.kremlin.ru.

ние христианской этики в школьный образовательный стандарт несет в себе мощный импульс для духовного воспитания россиян. Аналогично, присутствие священников в армии необходимо для поддержания воинского духа, воспитания необходимых нравственных качеств патриотизма, служения Родине. С другой стороны, возникает коллизия таких решений и актов с конституционными положениями о светскости Российской Федерации, отделении государства и школы от церкви.

Наконец, приверженность русского народа православным ценностям подтверждается данными социологических исследований. Так, по сведениям Всероссийского центра по изучению общественного мнения в течение 2000-х гг. неуклонно растёт число россиян, относящих себя к православным христианам. По опросам населения, проведённым в 2009 году в России около 80 % населения считает себя верующими православными. Очевидно, что православие в России постепенно возрождается и приобретает статус общенациональной религии для русского народа. Естественно, что православные верующие в России разделяют традиционные ценности, в том числе консервативные правовые идеалы: том числе идею государственной церкви, симфонии церкви и государства, духовных оснований права и т.п. Охрана религиозных чувств российских граждан осуществляется с помощью административно-правовых и уголовно-правовых норм. ФЗ от 29 июня 2013 г. «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих» запрещены публичные оскорбления чувств верующих, воспрепятствование богослужебным обрядам, публичная порча богослужебной литературы и т.п.¹

Концепция официальной православной церкви была установлена в царском законодательстве. Так, в п. 62 Основных государственных законов Российской империи предусматривалось, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Кафолическая Восточного Исповедания. Император, Престолом Российским обладающим, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной».² Введение православия в разряд господствующей религии в Российской Империи никоим образом не влекло ущемление религиозных чувств и прав представителей других религиозных конфессий. Православие выступало религией большинства подданных Российской Империи. В п. 67 ранее приведённых законов указывается: «Свобода веры присвоается не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам, язычникам: да все народы, пребывающие в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских монархов, и моля Творца вселенной об умножении и укреплении силы Империи».³ Наряду с государственным статусом православия в дореволюционной России были созданы значительные преимущества для представителей отдельных территорий и религиоз-

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих» от 29 июня 2013 г. // Российская газета. – 2013, 2 июля. № 6117.

² Свод Законов Российской Империи. Т. 1. Ч. I. Свод Основных Государственных Законов. – СПб., 1906. С. 8.

³ Свод Законов Российской Империи. Т. 1. Ч. I. С. 9.

ных течений. Так, особый статус католической церкви предусматривался в Манифесте «О новом порядке управления и образования Царства Польского» от 14 февраля 1832 г., где признавалось, что «вера Римско-Католическая, как исповедуемая большей частью подданных Наших Царства Польского, будет всегда предметом особых попечений Правительства», а в сфере обрядов, церковного имущества и управления сохранялась полная автономия польской католической церкви.¹ Интересно, что православие признано официальной религией в Финляндии наряду с лютеранством, хотя православных в стране всего лишь 1 %. Осуждений в клиерализации не следует и в адрес других европейских стран, где официально существуют государственные религии – Греция, Кипр, Англия, Швеция и др. Таким образом, в Российской Империи удалось достичь баланса, разумного сочетания господствующей православной церкви и веротерпимости и автономии других церквей, религий и языческих верований.

Придание официальности православию не следует воспринимать как дискриминацию иных религиозных течений в России. Цель такого рода повышения статуса православия заключается в необходимости укрепления духовных традиций русской государственности и обеспечении нравственной легитимации государственной власти в России с точки зрения высших религиозных принципов. В противном случае, как справедливо отмечалось Ф.М. Достоевским, государство потеряет свою опору и будет разрушаться. Ф.М. Достоевский сформулировал своего рода закон возникновения и развития государственных и общественных форм. Религия народа предопределяет его государственный уклад, обеспечивает эффективность и силу государственного организма. Оскудение и разложение религиозных идеалов неизбежно приводит к разрушению и гибели государственных и общественных форм. Поэтому первейшей задачей общественного целого должно быть сохранение религиозных ценностей народа и нравственное самосовершенствование общества. Тогда и государственное устройство будет устойчивым, нравственно оправданным в глазах общества и действительно справляться с вверенной ему охраной общества и борьбой со злом.²

Государственный статус православия, который определялся в Российской империи, вполне может сосуществовать и сосуществовал со свободой совести. Причём в XIX веке православное население Российской империи приблизительно составляло около 46% всех подданных, однако, православие признавалась государственной религией. Тем более что в ряде стран Европы, официальное закрепление статуса религии не означает ограничения прав представителей других вероисповеданий – Финляндия, Греция, Швеция, Ватикан, Аргентина, Дания, Исландия, исламских государствах и др. По данным 2000 года 75 стран мира определяли положение религии в качестве официальной. Статус православия как официальной или традиционной религии определен в законодательстве Греции, Грузии, Болгарии, Македонии. Так, в Конституции Греции 1975 г. определяется: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой константинопольской Церко-

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1833. Т. 7. С. 85.

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 463 – 464.

вью и со всякой другой единой Церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом архиереев, находящихся на церковной службе, и избираемым ими Постоянным Священным Синодом, который создается в порядке, определяемом уставом Церкви, с соблюдением положений Патриаршего тома от 29 июня 1850 года и акта Синода от 4 сентября 1928 года». Примечательно, что в государствах Европы, в постсекулярный период, христианство и христианские символы (распятая, крест на государственных флагах) воспринимаются как часть европейской традиции.¹

Таким образом, консервативная концепция взаимодействия церкви и государства с непреложностью обуславливает ряд постулатов государственно-церковной жизни: 1) воцерковление общества, государства и позитивного права; 2) христианское государство, признающее христианство официальной религией в России; 3) разделение сфер духовной и мирской жизни с недопущением вмешательства государственно-правовых инструментов в сферу внутренней жизни человека – совести; 4) соработничество, сочетание и взаимная поддержка церкви и государства; 5) взаимные охранительные, удерживающие, консервативные функции церкви и государства. Церковь печется об охране власти от противохристианских и антитрадиционалистских актов и решений. Государство же заботится о сохранении веры и её неприкосновенности; 6) христианская вера является критерием оценки и источником государственного законодательства.

Источники и использованная литература:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // Документ опубликован не был // URL: www.kremlin.ru.
2. Свод Законов Российской Империи. Т. 1. Ч. I: Свод Основных Государственных Законов. – СПб., 1906.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1833. Т. 7.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу по проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. 2004, 24 декабря. № 3663.
5. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 17 сентября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. – 16.06.2003. N 24. ст. 2249.
6. Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г. // Собрание законодательства РФ. – 06.12.2010. N 49. ст. 6423.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих» от 29 июня 2013 г. // Российская газета. – 2013, 2 июля. № 6117.
8. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Инфра-Норма, 1998. С. 93–123.
9. Никольский Н.М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1983.
10. Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002.

---

¹ Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском суде – в постсекулярной перспективе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 233 – 269.

11. *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. – М.: Соратник, 1994.
12. *Архиепископ Серафим (Соболев).* Русская идеология. – СПб., 1994.
13. *Баскин Ю.Я.* Святоотеческая литература о власти и государстве // Правоведение. – 1997. № 1.
14. *Золотухина Н.М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1985.
15. *Митрополит Иоанн.* Русская симфония. – М., 2012.
16. *Никодим (Милаш), епископ Далматинский.* Православное церковное право. – СПб., 1897.
17. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. – Париж, 1959. Т. 2.
18. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // URL: www.patriarchia.ru.
19. *Ильин И.А.* Наши задачи: в 2-х тт. – М.: МП «Рарог», 1992. Т. 2.
20. *Святитель Филарет Митрополит Московский.* Меч духовный. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.
21. *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2011.
22. *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
23. *Сорокин В.В.* Юридическая глобалистика: в 2-х тт. – М.: Юрлитинформ, 2010. Т. 2.
24. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 9-ти тт. Т. 9: в 2-х кн. Кн. 2: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004.
25. *Кырлежев А.* «Дело о распятиях» в Европейском суде – в постсекулярной перспективе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. № 2. С. 233–269.
26. *Насыров Р.В.* Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей) // Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник статей / Под ред. В.Я. Мюзюкина и В.В. Сорокина. – Барнаул, 2009.
27. *Узланер Д.* Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. № 2. С. 93–133.
28. *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Vasilev A.A.

Church and State in the conservative paradigm Russia: Search symphony

This article analyzes the ideal of church-state relations in the conservative legal ideology in Russia. The author focused on the study of the idea of the symphony in the works of Russian conservatives. Based on the works of Russian conservatives, sources of Russian law and materials of the Russian Constitutional Court's practice, the author shows the essence of the symphony of church and state authorities. The author concludes that the symphony of power is not simply the separation of church and state, but also their mutual support and cooperation, defined every time by the concrete historical circumstances. So the symphony of church and state can not be determined in a formal logical form as a kind of formula of relations between the two authorities. The paper argued the importance of independent and autonomous Church as the guarantor of the state from slipping into totalitarianism. As one of the theses in the article proves the proposition that the conservative intentions still have an impact on the relationship between church and state in Russia through the archetypes of national consciousness and political traditions.

Keywords: church, state, symphony, Caesaropapism, papocaesarism, Orthodoxy.

КОНЦЕПЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ¹

В статье рассматриваются вопросы зарождения и развития интереса государственных и политических деятелей России к теории разделения властей. Предлагаемые представителями либерального дворянства проекты перехода к конституционной монархии, более эффективной организации государственного механизма – в силу конкретных исторических условий, вековых устоев и традиций монархического правления не прижились на отечественной почве. После октябрьского большевистского переворота была реализована прямо противоположная концепция соединения властей в руках одного органа – Советов – «работающих корпорациях». И лишь в Конституции РФ 1993 г. чётко продекларирован принцип разделения властей.

Ключевые слова: учение о разделении властей; конституционная монархия; Советы – работающие корпорации; разделение властей – конституционный принцип современной России.

Устойчивый интерес к учению Локка и Монтескье о разделении властей российские государственные и политические деятели проявляли уже в середине XVIII века. Им становились знакомы идеи естественного права, общественного договора, народного суверенитета, разделения властей. Авторитет Ш. Монтескье был использован императрицей Екатериной II при написании знаменитого «Наказа Уложенной Комиссии». Но ссылки на Ш. Монтескье в «Наказе» были своего рода камуфляжем. Они вовсе не выражали подлинных идей Ш. Монтескье, порою вовсе искажали их. Если, например, Ш. Монтескье считал, что в отличие от деспотии монархия должна управляться посредством неизменных законов, ограничивающих власть короля, то в «Наказе» отсутствует даже намёк на какое-либо ограничение полновластия монарха-самодержца, хотя имеются общие рассуждения о необходимости соблюдения законов. «Надлежит быть закону таковому, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов». В духе просвещенного абсолютизма императрица подчеркивала отличие самодержавия от так называемого «самовластия». В «Наказе» на вопрос: «Какой предлог державного правления», следовал ответ: «Не тот, чтобы у людей отнять естественную их власть, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра».

Идея, заложенная Екатериной II, что твёрдая законность и есть необходимое условие самодержавной власти, главный устой государственности, оказалась весьма плодотворной. В значительно более позднее время в «Основных Государственных Законах» Российской Империи говорилось (ст. 47): «Империя Российская управляется на твердом основании положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». Вместо принципа разделения властей, на-

---

Чеботарёв Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, заслуженный юрист РФ.

¹ Впервые опубликовано: Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Глава 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997.

правленного, по мысли Ш. Монтескье, на предотвращение произвола и злоупотребления властью, в екатерининском «Наказе» обосновывалось положение, согласно которому все учреждения империи должны быть «протоками, через которые изливается власть государя», а сам государь «есть источник всякие государственные и гражданские власти».¹ Теория Ш. Монтескье предполагала необходимость существования независимого от монарха органа народного представительства, наделённого законодательной властью, при императрице же был создан Сенат, о котором в «Наказе» говорилось как о «хранилище законов», но в реальности же не играющий никакой самостоятельной роли. В «Наказе» императрица давала такое обоснование существующему строю: «Пространное государство предполагает самодержавную власть, так как необходимо, чтобы скорость в решении дел, присылаемых из дальних стран, вознаграждала медленность, происходящую вследствие отдаленности мест. Вот почему всякая другая форма правления была бы для России не только вредна, но и крайне разорительна». Характерно, что Екатерина II считала важным особо оговорить опасность, заключенную в «раздроблении власти».²

Как известно, учреждение Сената в качестве важнейшего органа государственной власти относится еще к периоду преобразовательной деятельности Петра I. В 1711 году на смену Консилию министров (учреждена в 1708 г.) пришел Правительствующий Сенат – высший законосовещательный орган, а в отсутствие царя – высший законодательный орган. Ему же были даны полномочия, связанные с деятельностью администрации и органов правосудия. В дальнейшем на смену Сенату, значение которого постепенно упало, пришли, сменяя друг друга, Верховный тайный Совет (с 1726 г.) – высший законодательный (наряду с монархом) и исполнительный орган; Кабинет министров (с 1731 г.) – законосовещательный (с 1735 г. – законодательный) и исполнительный орган; Кабинет её величества (1741 г.); Конференция при высочайшем дворе (1768 г.), Императорский Совет (1761 г.), Совет при высочайшем дворе (1768 г.), который взял на себя дела, связанные с законодательством. В 1763 году Екатерина II провела реорганизацию Сената, который был разделён на шесть департаментов, причем два из них были наделены существенными полномочиями. Так, первый департамент ведал важнейшими «государственными внутренними и политическими» делами: финансы и финансовый контроль, торговля, промышленность, государственное и церковное имущество, охрана прав сословий. Второй департамент ведал судебными и межевыми делами. С учреждением Совета при высочайшем дворе как органа законодательного первый департамент Сената наделялся исполнительной властью, а второй департамент – судебной.³ Разделение государственных функций приобрело более чёткий и завершённый характер. Преобразования системы государственного управления, уже на местном уровне, были произведены Екатериной II в 1775 году. Согласно этой реформе административные, финансово-хозяйственные, судебные и полицейские функции, ранее находившиеся в ведении губернаторов и воевод, рассредоточивались, ибо от этого «возрастают своеволие и ябеды». На губернском уровне исполнительная власть отде-

---

¹ Разделение властей. История и современность. Спецкурс. – М., 1996. С. 290.

² *Грацианский П.С.* Политическая мысль России второй половины XVIII в. – М., 1984. С. 179.

³ Разделение властей. История и современность. С. 292-293.

лялась от судебной.

Деятели либерального российского дворянства, предвидя тяжкие последствия кризиса феодально-абсолютистского строя, выдвигают в это время проекты реформирования государственного строя с учетом новейших политико-философских учений. Например, в проекте конституции графа Н.И. Панина предлагалось «основать политическую свободу сначала для одного дворянства», ограничить самовластие учреждением верховного Сената и созданием органов дворянского самоуправления на местах. «Сенат был бы облечен полною законодательной властью, а императорам оставалась бы власть исполнительная с правом утверждать обрешенные и принятые Сенатом законы, обнародовать их». Первый русский профессор-юрист С.Е. Десницкий в 1768 году направил Екатерине II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». В проекте по существу шла речь о более четкой организации государственного механизма, о структуре, компетенции и взаимоотношениях органов «законодательной, судительной и наказательной власти» с тем, «чтоб одна власть не выходила из своего предела в другую и чтоб притом всякая из сих властей имела своих надзирателей, которых опасению чтоб она была всегда подвержена».¹

Начало XIX века в России характеризуется тем, что колебания правительства Александра I в сторону некоторых весьма умеренных реформ нашли отражение и обоснование в идеях дворянских либералов, одним из видных представителей которых был Сперанский. Его «план государственного преобразования» опирался в известной мере на принцип разделения властных полномочий, при формулировании заключенной в этом плане основной идеи – переход к конституционной монархии. В понимании М.М. Сперанского единая «державная власть», олицетворяемая «государем», своё проявление должна была находить в трех властях: законодательной, исполнительной и судебной («судной»). «Верховным законодателем, без коего никакой закон свершиться не может», «верховным началом силы исполнительной», «верховным охранителем правосудия» у М.М.Сперанского является император. По замыслу М.М. Сперанского, «в порядке законодательном» действует Государственная Дума как сословноцензовый представительный орган государства, выражающий «народное мнение», но в принятии решений связанный последним словом монарха. «В порядке управления» действует правительство, министры которого назначаются императором и ответственны перед законодательной властью. «В порядке судебном» выступает Сенат, члены которого избираются губернскими думами и утверждаются царём. «Общее соединение всех государственных сил» осуществляет Государственный Совет, основным назначением которого и является практическое руководство всеми другими органами. Но, как подчеркивал М.М. Сперанский, «ничто не выходит из Совета без высочайшего утверждения».²

Представители первого в истории России революционного движения, ставившего целью антифеодальные преобразования социального и политического строя страны – декабристы – в своих идеологических воззрениях вынашивали решительное отрицание абсолютизма, сословных привилегий и крепостничества. Возникли

---

¹ Грацианский П.С. Десницкий. Из истории политической и правовой мысли. – М., 1978. С. 72-79.

² Барнашев А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. – Томск, 1988. С. 55.

два глубоко законспирированных общества. Северное было учреждено Никитой Муравьевым, Трубецким и Оболенским, Южное – П.И. Пестелем. Каждое из этих революционных обществ создало свои проекты будущего государственного строя России. На Севере проект конституции разрабатывал капитан Гвардейского генерального штаба Н.М. Муравьев, на Юге – командир Вятского пехотного полка полковник П.И. Пестель. И конституция Н.М. Муравьева, и «Русская правда» П.И. Пестеля сходились по многим важным пунктам – обе они провозглашали уничтожение самодержавия и крепостного права, декларировали гражданские свободы – равенство граждан перед законом, свободу слова, свободу передвижения, введения суда присяжных. Но были и существенные различия. П.И. Пестель являлся безоговорочным сторонником республиканского строя. Династическую проблему он предпочитал решить самым радикальным образом – уничтожением всей августейшей фамилии. Он отстаивал сильную централизованную власть, расширение государственных границ, ассимиляцию всех населявших страну национальностей. По проекту П.И. Пестеля крестьяне при освобождении получали значительно большие земли, чем досталось им реально после реформы 1861 года.

Согласно конституции Н.М. Муравьева учреждалась конституционная монархия с предельно ограниченной властью монарха. Проект Н.М. Муравьева ориентировался на западноевропейские и североамериканское конституционное устройство. Будущая Россия представлялась ему государством не столь жестко централизованным, как у П.И. Пестеля. Если у П.И. Пестеля избирательным правом пользовались все граждане мужского пола, то Н.М. Муравьев считал необходимым ввести довольно высокий имущественный ценз. Выразитель взглядов наиболее радикальной части декабристов П.И. Пестель отвергал «правило равновесия властей», считая при этом необходимым установить «правило определенности круга действия». Отказываясь принять разделение или равновесие властей как средство ограничения самодержавия, которое вообще должно было быть уничтожено, П.И. Пестель допускал лишь распределение компетенции между высшими органами государственной власти будущей республиканской России. Народное вече – однопалатное представительное учреждение, которое должно осуществлять законодательные полномочия. Державная дума – правительство – призвано было совершить исполнительные функции, а Верховный совет – отправлять «блестительные» функции, т.е. следить за соблюдением законности. «Великая цель общественного блага, – писал П.И. Пестель, – достигается отнюдь не восстановлением одних государственных органов против других, но присвоением каждому из них точных и неизменных функций». Занимавший более умеренные позиции Н.М. Муравьев исходил в своих воззрениях из того, что только народу «принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя».¹

Конституция Н.М. Муравьева была конституционно-монархической. Но, как показал он на следствии, «если бы императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной (фамилии) и предложение республиканского правления».² Законодательная, исполнительная и судебная власти в

¹ Восстание декабристов. Документы. – М., 1958. Т. VII. С. 294, 302.

² Нечкина М.В. Декабристы. – М., 1976. С. 92.

конституции Н.М. Муравьева были разделены. Император есть только «верховный чиновник российского правительства», он является представителем только исполнительной власти. Император командовал войсками, но не имел права ни начинать войны, ни заключать мира. Император не мог покидать территорию страны под угрозой лишения императорского сана. Н.М. Муравьев стал сторонником государственного устройства Северо-Американских Соединенных Штатов. Будущая Россия представлялась ему федеративным государством. При этом империя делилась на 15 отдельных федеративных единиц («державы»). По конституционному проекту Н.М. Муравьева законодательную власть должен был осуществлять двухпалатный парламент – Народное вече, состоящее из Палаты народных представителей и Верховной думы. Принятый обеими палатами законопроект нуждался в одобрении императора, пользующегося правом отлагательного вето. Высшие должностные лица государства были ответственны перед Народным вече. Палата народных представителей могла потребовать судебного преследования каждого конкретного должностного лица, но его дело должно было рассматриваться Верховной думой, наделённой правом отрешать виновного от должности.¹

Политико-государственные взгляды идеологов декабризма – как радикально-демократические, так и умеренно-либеральные – были утопичными. Проекты конституционных преобразований, вынашиваемые в умах чрезвычайно малочисленной интеллектуальной элиты дворянства, не могли прижиться на отечественной почве, если бы даже подготовленный заговорщиками военный переворот и мог на какой-то период времени дать им в руки власть. Вековые устои и традиции монархического правления в стране не оставляли никаких шансов на реальную возможность «ввести», тем более насильственным путём, республиканизм и его традиционные учреждения, политические свободы, принцип разделения властей. Показательно, что и само восстание декабристы приурочили к исторически случайному моменту межцарствия, скрыв от основной массы поддержавших их войск свои истинные намерения. Восстание только и могло осуществиться по всем правилам дворцовых переворотов. Крупнейший отечественный историк В.О. Ключевский назвал декабристов «исторической случайностью, обросшей литературой». «Катастрофа 14 декабря» и её деятели относились историком к числу «ненормальных явлений», о которых можно сказать: «Это были неестественные позы, нервные судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений».² России по пути к демократическим конституционным реформам еще надо было пройти длительный эволюционный путь развития.

В противовес естественно-правовым учениям эпохи Французской революции в русском государствоведении решающее значение приобрёл тезис исторической школы права об эволюционном, «органическом» характере развития общества и государства, необходимости сохранения их целостности как единой политической системы, скрепленной монархическим принципом. В России либеральная идеология не имела глубоких корней в прошлом, возникла очень поздно и, не опираясь

---

¹ *Егоров С.А.* Конституционные проекты Никиты Муравьева // Советское государство и право. – 1981. № 1. С. 122-123.

² *Ключевский В.* Очерки речи. 2-й сборник статей. – М., 1988. С. 73, 86, 87.

на сколько-нибудь широкие слои населения, была тесно связана с правящим классом и государством. На формирование ее большое влияние оказали либеральные идеи, возникшие в Германии, где либерализм в силу отсталости и слабости буржуазии, с соответствующими особенностями идеологии, сложился позднее, чем в Англии и Франции. В силу этого историческая школа права в Германии не следовала традиционным установкам естественного права в духе Просвещения, борьбу с абсолютистским режимом заменяла апелляцией к государству, революционный переворот – поддержкой реформ сверху. Крупнейший русский государствовед А.Д. Градовский прямо связывал верховную власть с монархическим началом, подчеркивая, что эта власть является повсеместной, непрерывно существующей, принудительной и непреодолимой по своему существу. По А.Д. Градовскому, государственная власть неделима, и это единство, олицетворяемое монархом, обеспечивается законом о преемственности и единонаследии. Признавая важность специализации государственных функций, А.Д. Градовский вполне допускал широкую «свободу усмотрения» правительства и возможность вмешательства в «законодательный процесс».¹

Крупнейший представитель российской либеральной политической мысли второй половины IX – начала XX вв. Б.Н. Чичерин признавал единство государственной власти, но «не в смысле единства лица, облеченного властью, а лишь в смысле единства юридического начала, или существа верховной власти, выражающегося в единстве владычествующей воли».² Б.Н. Чичерин подчеркивал, что «государство составляет единое целое, а потому задача его состоит в согласном действии всех элементов».³ Противоположные интересы различных классов, с точки зрения Б.Н. Чичерина, необходимо согласовывать с «высшими требованиями государства».⁴ Будучи сторонником конституционной монархии как смешанной формы правления, являющейся, по его мнению, наилучшей, Б.Н. Чичерин писал: «Монарх представляет начало власти, народ или его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели».⁵ Конституционная концепция Б.Н. Чичерина строилась на взаимодействии четырех властей: законодательной, правительственной, судебной и власти монарха. Аристократическая верхняя палата была призвана поддерживать стабильность общественной жизни. Нижняя палата, составляемая из народных представителей, должна была играть активную роль в установлении общеобязательных юридических норм. Вся полнота правительственной власти, наделенной полномочиями по управлению государством, сосредотачивалась в руках монарха, который назначал и сменял министров, ответственных перед парламентом. Назначением судебной власти, по Б.Н. Чичерину, являлась охрана законности, причем судебная власть была независима от других властей и в её реализации должны были принимать участие «все элементы общества». Четвертая власть, которую Б.Н. Чичерин называл «княжеской» и определял как власть «умеряющую», обеспечивала высшее благо «целого, а не какой-либо

¹ Градовский А.Д. Государство и право. – СПб., 1886. С. 52-59.

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – М., 1894. Ч. 1. С. 60.

³ Чичерин Б.Н. Философия права. – М., 1990. С. 323.

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1866. С. 14.

⁵ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1. С. 161.

части», являлась ключом конституционного правления и высшим представителем государства.¹ Это – власть монарха. Крупный русский юрист-государствовед конца XIX – начала XX вв. Н.М. Коркунов полагал необходимым заменить требование разделения властей более общим понятием «совместности властвования», включающее в себя не только разделение отдельных функций между самостоятельными органами, но также и совместное осуществление одной и той же функции несколькими органами и выполнение различных функций одним органом, но различным порядком.²

Русские либералы, подобно их немецким коллегам, считали конституционную монархию наиболее приемлемой формой государственного устройства для постепенного перехода от абсолютизма к правовому государству, поскольку она сочетает народное представительство (парламентское начало) и сильную исполнительную власть (монархическое начало), способное провести реформу сверху. Весьма показателен в этом отношении составленный рядом виднейших русских юристов (Ф.Н. Анненский, В.М. Гессен, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский и др.) и опубликованный в октябре 1904 года в связи с подготовкой к первому съезду земских деятелей проект Основного закона Российской империи на конституционно-демократических началах. С проектом выступил так называемый «Союз освобождения» – широкая коалиция различных течений внутри либерализма. В проекте выразилось свойственное либерализму стремление к эволюционности и преемственности политических перемен. Тот факт, что проект назывался не «конституцией», а «Основным законом Российской империи» и предусматривал не республику, а ограниченную монархию, свидетельствовал об этом. Принцип разделения властей проводился в проекте с существенными оговорками. «Верховная власть Российской империи, – говорилось ст. 1, – осуществляется императором при участии Государственной Думы». Из крайне неопределенного характера такого участия не могло не следовать, что в конфликтной ситуации первенствовало бы монархическое начало. Монарх обладал правом вето на решения законодательной власти, мог распускать палаты, осуществлял все основные властные прерогативы во внутренней и внешней политике, руководил вооруженными силами государства (ст.ст. 28, 30, 32). Согласно проекту, Государственная Дума должна была избираться путём всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Две ее палаты – земская (состояла из государственных гласных, избираемых по территориальному признаку губернскими земскими собраниями и городскими думами) и палата народных представителей (избиралась допускаемой к участию в выборах частью мужского населения без каких-либо существенных имущественных, национальных и политических ограничений) должны были созываться одновременно, имели равные права и контролировали правительство посредством утверждения бюджета – государственной росписи (ст. 54). По отношению к правительству в целом и к отдельным министрам палаты обладали правом требовать объяснений и привлекать их к различным формам гражданской и уголовной ответственности в случае нарушения законов (ст. 55). Совет министров и министры по проекту «Основного закона российской

---

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 168.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 9-е. – СПб., 1914. С. 278.

империи» должны были нести коллективную и персональную ответственность перед Думой за общий ход государственного управления, но назначение и увольнение их предполагалось производить указами императора (ст. 53, 56, 60-62), в силу чего вотум недоверия правительству со стороны Думы ещё не означал его отставки.

Таким образом, согласно указанному проекту власть монарха считалась ограниченной народным представительством, но относительность этого ограничения становилась очевидной лишь с учетом того, что от монарха зависело назначение и увольнение министров. Ответственность же самого монарха исключалась, поскольку все его указы скреплялись подписью главы соответствующего ведомства. В конституционном проекте функции, состав и порядок организации такого государственного органа, как суд, не были специально рассмотрены – дело ограничилось лишь декларативными заявлениями (ст. 75-76), однако из общего содержания проекта следовало, что судебная власть, прежде всего Верховный суд, должна была стать независимым арбитром в решении спорных законодательных вопросов.

Предложенный проект, по признанию составителей, представляет собой скорее программу движения, чем готовый к принятию документ. «Единственным правильным путём к осуществлению программы, начертанной в изложенном проекте, – говорилось во введении к проекту, – мы считаем созыв Учредительного собрания, свободно избранного всенародным, прямым, равным и тайным голосованием для выработки и проведения в действие Основного государственного закона. Только в таком случае закон этот будет исходить из соответствующего ему по значению источника – из воли народа».¹

Достаточно полно отразил взгляды умеренной части российских конституционалистов – либерального дворянства – проект, получивший название конституции Муромцева и составивший программную основу политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период. В июле 1905 года этот проект был принят «в принципе» земским съездом. Целью проекта ставилось не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием в стремлении обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству. Предложенная в проекте модель государственного устройства России стремилась совместить сильную исполнительную власть (сконцентрированную в монархе) с развитым народным представительством как важнейшим элементом социального контроля. Конституционная монархия выступала как тип унитарного государства, противостоящего дуалистической сословной монархии, а принцип разделения властей уступал место принципу разделения функций.

Государственно-правовые взгляды русских ученых, их позиции по проблеме разделения властей в конце XIX – начале XX вв. характеризуют и труды А.С. Алексеева. Декан юридического факультета Московского университета (до 1909 г.), директор практической академии коммерческих наук, а с 1910 г. председатель Московского юридического общества А.С. Алексеев в своих политико-правовых взглядах испытывал большое влияние учения Ж.-Ж. Руссо. Именно А.С. Алексеев впервые опубликовал в 1887 году первоначальный текст «Общественного договора». По

---

¹ Проект Основного Закона Российской империи // Конституционное государство. Изд. 2-е. – СПб., 1905. С. 550-551.

словам учёного «никто ярче Руссо не определил природы государства как союза, основанного на начале равенства, другими словами как союза общественного, а не личного господства, никто решительнее его не выставил требования, по которому в государстве должна господствовать не личная воля правителя или правителей, а закон как выражение общей воли».¹ В своих исследованиях государственного строя А.С. Алексеев уделял основное внимание его юридической стороне, под которой понимал ту связь, каковою «государственная организация объединяет людей в одно целое и наделяет как органы, так и членов государства правами и обязанностями».²

«Все государственные функции, – писал А.С. Алексеев, – сводятся к двум основным категориям: к функциям нормирующим, устанавливающим правила и директивы государственной деятельности, и к функциям нормированным, осуществляющим эту деятельность согласно установленным правилам и директивам. Органы, которые отправляют функции второго рода, называются органами подчиненными; к ним относятся все остальные государственные органы... И в том, что монарх и народное представительство отправляют верховные функции и нужно видеть юридическое обоснование их безответственности... Но эта безответственность монарха и ставит предел его деятельности. Будучи безответственным органом, он не может отправлять ответственных функций; правительственная деятельность, связанная с нормами и директивами, установленными верховными органами, не может исходить от этих органов, а должна быть предоставлена органу связанному – ответственному министерству». Из всего этого автор делал следующий вывод: «Министерство не слуга, не орган монарха или парламента, а слуга народа и орган государства, и при том орган, существующий не по соизволению какой-нибудь высшей, стоящей над ним инстанции, а в силу самого государственного устройства, в силу основных законов страны».³ Таким образом, А.С. Алексеев обосновал принцип разделения властей. Именно этот принцип и составляет, по мысли учёного, самое существо организации современного государства, его необходимый остов. Однако разделение властей, по мнению ученого, не должно влечь за собой их обособление друг от друга. Напротив, закономерность управления требует установления органической связи между парламентом и правительством, объединяя их «общим политическим направлением, подсказываемым общественным голосом и предписываемым потребностями и интересами народа». Данную органическую связь может установить, как полагал А.С. Алексеев, только политическая или парламентская ответственность правительства.

На позиции признания принципа единства государственной власти, но разграничения её функций стояли В.В. Ивановский, Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский и ряд других учёных России.⁴ Расчленив государственную власть на определённые элементы в соответствии со спецификой функций, они одновременно подчеркивали, что это обстоятельство не должно рассматриваться как раздробление самой

---

¹ Алексеев А.С. Политическая доктрина Ж.-Ж.Руссо. – СПб., 1905. С. 1.

² Алексеев А.С. Указ. соч. С. 5-6.

³ Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства. – М., 1907. С. 27.

⁴ Ивановский В.В. Учебник государственного права. – Казань, 1908. С. 227-229; Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. – М., 1912. С. 221-222; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. Изд. 3-е. – СПб., 1913. С. 88-111.

верховой власти, единой по своему существу. Во многих работах подчеркивалась необходимость сотрудничества различных органов в осуществлении государственных задач, отмечалась важность согласованности их действий.¹

К февралю 1917 года Россия подошла, будучи самодержавной монархией с предпосылками постепенного преобразования в конституционную монархию, с формирующимся, но всё ещё не состоявшимся гражданским обществом. Следовательно, подлинный конституционализм с народным представительством, основами правового государства, разделением властей был для страны исторически реальным, но всё же ещё не достигнутым рубежом. Февральская революция обнаружила опасную альтернативу дальнейшего развития, связанного с катастрофической ломкой социальных отношений. Особенностью социальной структуры российского общества того периода было отсутствие среднего класса. Это обстоятельство, в частности, отмечал И.А. Ильин. «Западная демократия, – писал он, – держится на многочисленном и организованном среднем сословии и на собственном крестьянстве... в России нет ещё ни того, ни другого».² Февральская революция произошла, когда были весьма слабыми и духовно-идеологические предпосылки общественного развития России. Реформистская концепция социальных преобразований применительно к конкретным российским условиям (Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, И.А. Ильин) лишь находилась в стадии разработки.³ Получившие распространение, как и в ряде других стран, идеи дореволюционного марксизма способны были сыграть лишь деструктивную роль.

В конечном итоге на смену Февральской революции в обстановке вызванного мировой войной кризиса и хаоса пришел Октябрьский переворот. Захват большевиками политической власти в октябре 1917 года был бы невозможен без острой потребности общества в радикальных государственных мероприятиях по решению вопросов о войне, о снабжении населения продовольствием, урегулировании социально-экономических отношений и др. Крайняя слабость и неустойчивость власти Временного правительства обуславливались также и тем, что в самой пирамиде этой, ещё складывающейся власти, негативно сказались противоречивые тенденции. С одной стороны, значительная часть властных полномочий была делегирована негосударственным организациям, органам местного самоуправления. С другой же стороны, функции законодательной и исполнительной власти в центре оказались слитыми. Высшим органом государства по вопросам законодательства, управления и надзора стало само Временное правительство, заменив прежде существовавших императора, Госсовет, Государственную Думу, Совет Министров. Ему же подчинялась и высшая судебная инстанция – Сенат.

Концентрация власти в одном центре в сложнейший для страны период, мало располагавший к реальной демократизации, не стала однако фактором укрепления государства, стабилизации положения в стране, преодоления кризиса. Во многом этому способствовала политика самой власти, вставшей на самоубийственный путь

---

¹ Барнашов А.М. Указ. соч. С. 61.

² Ильин И.А. О сопротивлении злу // Новый мир. – 1991. № 10. С. 217.

³ Харитонов В.Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. – 1993. № 11-12. С. 19.

передачи властных полномочий вниз, массе «общественных» организаций.¹ Пришедший на смену слабому еще только формирующемуся строю новый, диктаторский режим большевистской партии своей стратегической установкой имел разжигание мировой, так называемой пролетарской революции. России же отводилась роль факела для разжигания этой революции, для чего должны быть использованы людские, материальные, военные и другие ресурсы страны. Этой же цели должна была отвечать организация строго централизованной партийно-государственной власти, опирающаяся в основном на люмпенизированные слои городского и сельского населения, на выходцев из этих слоев в армии и на флоте, с диктаторскими («диктатура пролетариата») полномочиями. В книге «Государство и революция» вождь российского большевизма В.И. Ленин писал: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*».²

Одной из первых акций большевистского руководства после совершения вооруженного переворота был роспуск всенародно избранного Учредительного Собрания, которое и созывалось для того, чтобы конституировать республиканско-демократический строй в России, выработать меры, направленные на решение острых социально-экономических проблем, обеспечить победоносное завершение совместно с союзниками по Антанте войны с Германией и ее союзниками, сохранив независимость, единство и целостность российского государства. Провозглашаемое большевиками превращение представительных учреждений в «работающие корпорации» – в одно и то же время законодательствующие и исполняющие законы – означало полное и принципиальное отрицание разделения властей. Именно эта мера должна была, по мнению основоположников утопически-тоталитарной идеологии, преодолеть пороки «буржуазной государственности». В.И. Ленин многократно утверждал, что Советы суть новый государственный аппарат, дающий возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.³ Итак, в марксистско-ленинском понимании принципиальный отказ от разделения властей в государственном устройстве, замена этого принципа на *сугубо-противоположный* – *объединение, соединение властей в руках одного органа – Советов – является по своей значимости всемирно-историческим*.

В отрицании парламентаризма, правового государства, принципа разделения

---

¹ Сорокин А.К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода // Полис. – 1993. № 3. С. 169.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33. С. 47-48.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 34. С. 304-305.

властей Россия, после установления в ней партийно-диктаторского режима, не представляла тем не менее исключения. Можно констатировать общую закономерность: в Германии, Испании и других странах с однопартийными или военными диктатурами принцип разделения властей отбрасывается полностью и превращается в символ отжившей либеральной демократии.¹ Так, по закону «О ликвидации бедственного положения народа и государства» от 23 марта 1933 г. в фашистской Германии органам исполнительной власти в лице правительства предоставлялось право издавать акты, имеющие силу закона. При этом специально предусматривалось, что если принимаемый правительством закон расходится с конституцией, то приоритет отдавался закону. Подобные акты согласно ст. 2 закона вообще могли не соответствовать конституции. Канцлер получал широчайшие полномочия по разработке и внесению в правительство законов, которые после их формального утверждения вступали в силу уже на следующий день.² Но и объединение властей – законодательной, контроля за исполнением законов, исполнительной – в руках Советов, столь прокламируемое марксистско-ленинскими идеологами, на деле обернулось чистой фикцией. Как подчеркивала в своей работе «Советское государство и его учреждения» крупнейший специалист по теории и истории органов советской государственной власти Т.П. Коржихина, «складывалась парадоксальная ситуация, при которой Советы, как реальная сила, формально (по закону) обладали всеми правами и полномочиями, а фактически были отстранены от власти. Сам принцип полновластия советов был сначала формализован, а позднее до неузнаваемости извращен».³

Итогом семидесяти с лишним лет существования Советского государства стал не только его распад с катастрофическими для общества последствиями, но и полная его дискредитация. И дело не столько в невозможности противопоставить на практике «буржуазному парламентаризму» с его разделением властей «полновластные» Советы, а в том, что сами Советы в реальной действительности с самого начала стали декоративной формой, маскирующей подлинное всевластие партийных органов. В указе Президента Российской Федерации от 6 ноября 1991 г. подчеркивалась особая природа КПСС, числившейся политической партией, а являющейся институтом государственной власти – единственным, всеохватным, всепроникающим и беспощадным. «Уничтожив частную собственность, поглотив гражданское общество, упразднив понятие о правах человека, большевики семь десятилетий маскировали себя фантомами государства, права, юстиции, народовластия, – говорится в выступлении в Конституционном Суде 8 июля 1992 г., представителя президента С.М. Шахрая... – В организационных началах построения КПСС и её практической деятельности, с одной стороны, проявились все черты, необходимые и достаточные для признания её разновидностью государственного механизма, а с другой – были искажены до полной противоположности свойства, неотъемлемо

---

¹ Медушевский А.Н. Идея разделения властей // Вестник Российской академии наук. – 1994. Т. 64. № 1. С. 29.

² Мельников Д., Черная Л. Преступник «номер 1». Нацистский режим и его фюрер. – М., 1981. С. 174-175.

³ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). – М., 1994. С. 18.

присущие всякой общественной организации.

В качестве важнейшего государственного механизма организация, именовавшая себя КПСС, представляла собой особый отряд людей, занимающихся управлением, особую систему органов и учреждений, связанных иерархической подчиненностью, явно и тайно совершавших действия, составляющие прерогативы государства. Сотни тысяч представителей партноменклатуры разных уровней и роящийся вокруг них слой аппаратчиков пониже рангом определяли во всех деталях внутреннюю и внешнюю политику, устанавливали законы, утверждали планы и бюджеты, карали и миловали».¹

Партийно-государственный монстр со сверхмощной централизацией, именуемый официально Советским государством, осуществил тотальное огосударствление общества буквально со всех сторон его жизнедеятельности – экономической, общественно-политической, социальной, духовной – непосредственной властью над всеми производственными механизмами страны, её природными, трудовыми и иными ресурсами. Огосударствление охватило жизнедеятельность каждой личности, которая чувствовала себя, да и фактически являлась винтиком исполинской государственной машины. Ложно-утопические послышки государственной организации власти на основе Советов – этих «работающих корпораций», изложенные в многочисленных работах В.И. Ленина и прежде всего в его книге «Государство и революция», обнаружили свою полную нежизненность и обернулись на практике всеохватывающим и сверхцентрализованным механизмом осуществления властной диктатуры над обществом. Симбиоз партийных и собственно государственных органов, в котором решающую и определяющую роль играли партийные, а государственным отводилась второстепенная, в основном оформляющая и фиксирующая принятое партийными органами, а в значительной мере вообще декоративная роль, существовал фактически, а не закреплялся конституционно, почему и сам Советский режим можно охарактеризовать как *мнимую конституционность*. Реальной конституции на протяжении семидесяти с лишним лет после Октябрьского переворота в стране попросту не было, а те формальные основные законы, которые неоднократно принимались на союзном и республиканских уровнях, были лишены реального содержания и выполняли декоративно-идеологическую функцию, направленную на то, чтобы, с одной стороны, скрыть действительное всевластие и диктатуру партии во главе с её генсеком и политбюро, а, во-вторых, мистифицировать действительность, официально провозглашая не существующие в реальности полномочия Советов, демократию, народовластие, свободу личности и т.п.

Даже в условиях этой глобальной фальсификации и обмана принцип «разделения властей» господствующая политическая элита не решалась включить в тексты конституций, поскольку наряду с «плюрализмом», «правовым государством» и другими подобными понятиями «разделение властей», в соответствии с хорошо известными оценками основоположников марксистско-ленинского учения, признавалось понятием буржуазным, а, следовательно, классово чуждым и неприемлемым для господствующей официальной идеологии. Само использование этого термина

---

¹ Шахрай С.М. Выступление в Конституционном Суде представителя Президента РФ // Независимая газета. – 1992, 14 июля.

даже в декларативно-пропагандистских целях становилось невозможным в силу его очевидной несовместимости со смыслом ленинских высказываний о буржуазном парламентаризме и всемирно-историческом значении Советской власти, объединяющей якобы, как настойчиво это внушалось, функции законодательства, контроля за исполнением законов и непосредственного их исполнения. Отношение к концепции разделения властей у отдельных советских государствоведов стало существенно меняться с наступлением в конце восьмидесятых годов периода преобразований в обществе и государстве, получивших наименование «перестройка». Пусть далеко не в полной мере, а лишь частично и с оговорками, но стали признаваться и рекомендоваться к практическому воплощению отдельные компоненты этой доктрины.

В 1989 году в статье «Правовое государство: от идеи к практике» М.В. Баглай в целом положительно оценил предложения о целесообразности введения принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей как определённой гарантии от непомерной концентрации власти в одних руках, средства стабилизации политической системы и предотвращения злоупотребления властью, хотя и оговаривал, ссылаясь на зарубежный исторический опыт, что принцип этот «сам по себе» далеко не всегда срабатывал в пользу демократии (становление фашистского режима в условиях четкого разделения властей парламентского типа во времена Веймарской республики: деформация межпартийных отношений, активизация армии, приводившие к государственным переворотам в странах Латинской Америки, в которых много лет господствует даже более последовательное, чем это было в Германии, разделение властей на принципах президентской республики; усиление юридической власти в США при том, что чёткое разделение властей здесь дополнено в целом эффективной системой сдержек и противовесов)). Свою эффективность принцип разделения властей, по мнению М.В. Баглая, проявил в решении по крайней мере одной важной проблемы: признании самостоятельности судебной власти и её правомочий применять право. В целом же автор статьи считает принцип разделения властей применимым и к реформируемому Советскому социалистическому государству в процессе его преобразования в государство правовое, «хотя не стоит видеть в разделении властей абсолютную, а тем более единственную панацею от всех нежелательных тенденций. Должны быть и другие гарантии. Правовое государство в нашей стране будет развиваться при авангардной политической роли партии, и в этом может проявиться гораздо более реальная гарантия как единства всех звеньев государственного механизма, так и чёткого исполнения каждым из них своих функций – разумеется, при условии точного их разграничения и прежде всего между партией и государством».¹

Примечательно, что в тот период организацию государственной власти на основе Советов («работающие корпорации») и авангардную, руководящую роль партии М.В. Баглай полагал также вполне совместимым с принципом разделения властей, понимаемого им в основном как четкое разграничение полномочий отдельных органов («разделение труда по управлению государством»). Общий же вывод, сделанный безотносительно к природе общества и государства, роли в нем партии, уровня демократизма и др. – это то, что верховенство социалистического парламента вме-

---

¹ Баглай М.В. Правовое государство: от идеи к практике // Коммунист. – 1989. № 6. С. 43.

сте с разделением властей создаст условия для «правления закона».¹ Вывод весьма сомнительный в научном и практическом его значении и прежде всего с позиций осуществимости «введения» принципа разделения властей, даже в ограниченном его толковании, в систему «социалистической» государственности.

Известную аналогию с подобной позицией можно было найти в Конституции РФ 1978 г., действовавшей до декабря 1993 года, которая содержала нормы (ст. 104 и др.), закрепляющие «всевластие» Советов, но одновременно закрепляла в ст. 3 в числе других демократических принципов также и принцип разделения властей. По оценке С.С. Алексеева, закрепление в конституционном тексте указанных принципов, быть может, «по замыслу, было призвано сыграть сугубо декларативную роль, они, тем не менее, стали конституционной реальностью и независимо от первоначального замысла имеют по самой своей сути исходное правовое значение».² Действительно в Конституцию 1978 г. – ещё советского периода – после Первого съезда народных депутатов было внесено более 300 поправок, её составными частями стали Декларация о правах человека и Федеративный договор. К подобным же дополнениям относилось и новое для советской конституционной практики положение, декларирующее (не очень чётко) принцип разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Такое конституционное новшество в действительности было бы, да и не могло быть, сугубо декларативным, не имеющим ни реальных предпосылок, ни реального воплощения. Более точной и взвешенной была оценка С.С. Алексеевым в марте 1992 года проекта Конституции РФ, представленного Конституционной комиссией на рассмотрение съезда народных депутатов («рямнянцевский проект»): «Надежным механизмом обеспечения цивилизованной организации власти является принцип «разделения властей», решительно отвергнутый всеми советскими конституциями, в основу которых была положена идея партийной власти и объединения всех властей в руках «работающих Советов».³

Источники и использованная литература:

1. Восстание декабристов. Документы. – М., 1958. Т. VII.
2. Проект Основного Закона Российской империи // Конституционное государство. Изд. 2-е. – СПб., 1905.
3. Алексеев А.С. Политическая доктрина Ж.-Ж.Руссо. – СПб., 1905.
4. Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства. – М., 1907.
5. Алексеев С.С. Конституция и судьба России // Известия. – 1992, 28 марта.
6. Алексеев С.С. Право России // Независимая газета. – 1993, 25 мая.
7. Баглай М.В. Правовое государство: от идеи к практике // Коммунист. – 1989. № 6. С. 43.
8. Барнашев А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. – Томск, 1988.
9. Градовский А.Д. Государство и право. – СПб., 1886.
10. Грацианский П.С. Десницкий. Из истории политической и правовой мысли. – М., 1978.
11. Грацианский П.С. Политическая мысль России второй половины XVIII в. – М., 1984.
12. Егоров С.А. Конституционные проекты Никиты Муравьева // Советское государство и право. – 1981. № 1. С. 122-123.

---

¹ Баглай М.В. Указ. соч. С. 43.

² Алексеев С.С. Право России // Независимая газета. – 1993, 25 мая.

³ Алексеев С.С. Конституция и судьба России // Известия. – 1992, 28 марта.

13. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. – Казань, 1908.
14. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу // Новый мир. – 1991. №10. С. 197-224.
15. *Ключевский В.* Очерки речи. 2-й сборник статей. – М., 1988.
16. *Кокوشيкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. – М., 1912.
17. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). – М., 1994.
18. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. Изд. 9-е. – СПб., 1914.
19. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. Изд. 3-е. – СПб., 1913.
20. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33.
21. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 34.
22. *Медушевский А.Н.* Идея разделения властей // Вестник Российской академии наук. – 1994. Т. 64. № 1.
23. *Мельников Д., Черная Л.* Преступник «номер 1». Нацистский режим и его фюрер. – М., 1981.
24. *Нечкина М.В.* Декабристы. – М., 1976.
25. Разделение властей. История и современность. Спецкурс. – М., 1996.
26. *Сорокин А.К.* От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода // Полис. – 1993. № 3.
27. *Харитонов В.Л.* Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. – 1993. №11-12.
28. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. – М., 1894. Ч. 1.
29. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. – М., 1866.
30. *Чичерин Б.Н.* Философия права. – М., 1900.
31. *Шахрай С.М.* Выступление в Конституционном Суде представителя Президента РФ // Независимая газета. – 1992, 14 июля.

Chebotaryov G.N.

The concept of separation of powers in the history of the political and legal thought of Russia

The article deals with the origin and development of the interest of public and political figures of Russia to the theory of separation of powers. The representatives of the liberal nobility proposed transition to a constitutional monarchy, more efficient government structures relevant to historical conditions, the age-old foundations and traditions of monarchy but their projects did not take root in the native soil. After the October Bolshevik revolution the opposite concept of powers merging into one governing body was realized in a new structure – the Soviet Council, so called “operating corporations”. And only in the Constitution of the Russian Federation in 1993 principles of separation of powers were clearly declared.

Keywords: division of powers theory, constitutional monarchy, Soviet councils – operating corporations, division of powers – a constitutional principle of the modern Russia.

Мещерягина В.А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ОБЪЁМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: статья раскрывает два основных подхода к определению объема конституционного права на обращение в тесной взаимосвязи с его историческим генезисом. В процессе сопоставления действующего законодательства с правовыми актами различных исторических периодов развития России, определяется спектр положительных практик регулирования права на обращение, которые могут быть актуальны для современного конституционного права на обращение.

Ключевые слова: право на обращение, обращение, история обращений.

Конституционное право на обращение, закрепленное в ст. 33 Конституции Российской Федерации (граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления), представляет собой сложно-составной правовой институт. Значительный объём особенно наглядно подчёркивает спектр научных подходов к пониманию его юридической природы: личное субъективное право¹; укрепления связи органов государственной власти, органов местного самоуправления с населением²; общественный контроль за деятельностью органов власти; внесения предложений по совершенствованию работы органов публичной власти³ и др.⁴

Исходя из того, что Конституция России содержит достаточно лаконичную формулировку рассматриваемого права, для нормативно-правового регулирования института конституционного права на обращение особенное значение приобретает Федеральный закон от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». К сожалению, универсальность названного федерального закона имеет негативный отпечаток, связанный с проблематичностью отражения

Мещерягина Вероника Александровна – адъюнкт кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург).

¹ *Алистратов Ю.Н.* Право граждан на обращение в органы публичной власти и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. С. 21.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 197.

³ *Подъячев К.В.* Обращения граждан во власть: функциональные особенности // Социологические исследования. – 2007. № 5. С. 137.

⁴ *Скрябина М.В.* Реализация конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. С. 48; *Алистратов Ю.Н.* Указ. соч. С. 17; Савоськин *А.В.* Система обращений граждан в соответствии с объективной стороной волеизъявления граждан РФ (подсистемы устных, письменных и конклюдентных обращений) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 7. С. 1345; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Российская газета. – 2012. № 177; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1910. Т. 1-2. С. 65.

в одном правовом акте столь объёмной и сложной структуры общественных отношений. Даже базисный термин «обращение гражданина» не несёт в себе содержательной нагрузки, каких-либо признаков данного правового явления, а лишь перечисляет разновидности его форм и видов. Можно сказать, что на современном этапе в российском законодательстве легальное определение термина «обращение гражданина» отсутствует, о чем неоднократно указывалось в научной литературе¹, однако, никаких изменений в законодательстве до сих пор не последовало.

Именно по этой причине, в науке конституционного права существуют расхожие мнения относительно определения объема конституционного права на обращение. При узком подходе праву на обращение предписывается исключительно *публично-правовая направленность*, т.е. в содержании обращения затрагиваются вопросы, составляющие конституционные начала управления делами государства, эффективного решения стоящих перед обществом и государством в лице их органов, организаций, хозяйствующих субъектов задач, включая надлежащие обеспечение и защиту прав и свобод (имеет политическую направленность в широком смысле). Вопросы сугубо частного характера (частной жизни как сферы исключительно личного самоопределения) в таких обращениях не должны ставиться.² Например, Ю.Н. Алистратов, определяет конституционное право на обращение как способ непосредственного волеизъявления граждан и их объединений, имеющий целью решение общественно значимых вопросов, оказание влияния на принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления решения, контроль над действиями и внесение корректив в их работу в соответствии с интересами субъектов волеизъявления.³

Широкий подход к объёму конституционного права на обращение предполагает возможным рассматривать его как *независимое от публично-правовой направленности волеизъявление* индивида (группы индивидов).⁴ При данном подходе понятие «воли» становится центральным, а содержание обращения отступает на второй план. В частности С.А. Ширококов рассуждал о нём следующим образом: «Только исключительно внутреннее состояние человека может быть толчком для обращения, либо недовольство чем-то, либо не согласие с кем-то, либо желание выразиться. Это универсальная категория, которая обладает различными качествами».⁵ Рассматривая исторический генезис права на обращение, второй из подходов представляется более предпочтительным, так как характерен демократическим принципам, в рамках которой народ может не только реализовать государственную власть (публично-правовой характер), но и оказывать влияние на решение любого иного вопроса.

Исторически право на обращение (челобитная) возникает стихийно, в данной связи Ю.Н. Алистратов замечает: «институт обращений граждан в государствен-

---

¹ Алистратов Ю.Н. Указ. соч. С. 39; Ширококов С.А. Указ. соч. С. 71.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). С. 198.

³ Алистратов Ю.Н. Указ. соч. С. 10.

⁴ Савоськин А.В. Обращения граждан в Российской Федерации: понятие, виды и система законодательства: монография. – М. Юрлитинформ, 2015. С. 10.

⁵ Ширококов С.А. Демократический механизм взаимодействия личности и государства как общеправовой феномен (монография). – Пермь: Пермский филиал Академии права и управления, 2007. С. 57.

ные органы возник как естественная реакция отдельных слоев населения на деспотизм авторитарной власти, он не сразу получил правовое закрепление».¹ Первая попытка юридического регулирования порядка подачи и рассмотрения челобитных в России предпринимается в XV века в Судебнике 1497 г.: «каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которымь пригоже. А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати».² В п. 7 Судебника 1550 года, процедура прохождения обращения регламентируется более детально, и даётся строгое предписание должностным лицам решать дело по существу, даже если это потребует вмешательства самого государя. Устанавливается ответственность за ложные, не соответствующие действительности жалобы и наветы – битвь кнутом и тюремное заключение.³ (В настоящее время ответственность предусмотрена исключительно за действия или бездействие адресата, в то время как ответственность инициатора предусмотрена только в случае заведомо ложного доноса о совершении преступления). Таким образом, уже на первых этапах формирования правового института обращений граждан (челобитных) устанавливается юридическая связь между инициатором обращения и его адресатом. Положительным видится установление санкции за злоупотребление правом инициаторами обращений.

Более детальной регламентации подвергается судебный порядок рассмотрения обращений граждан в период правления Петра I. Судебная система ранжируется на несколько инстанций: судьи, городовые провинциальные суды, надворные суды, Правительствующий Сенат. Решения последнего обжалованию не подлежали. Также этот период характеризуется тем, что устанавливались дополнительные институты контроля за рассмотрением обращений всеми судебными учреждениями. Так, 5 февраля 1722 г. был издан указ «Инструкция или наказ рекетмейстеру Василию Павлову», где была описана система контроля за органами государственного управления. В последующем указе Правительствующего Сената от 23 февраля 1722 г. закреплялась новая должность рекетмейстера, который отвечал за все подаваемые челобитные.

Следующим правовым документом, вносящим существенный вклад в развитие правоотношений в сфере обращений, является Манифест о порядке рассмотрения жалоб и просьб на высочайшее имя от 14 июня 1763 г.⁴ Данный акт впервые на законодательном уровне разделил административное и судебное производство по обращениям. Дела, подлежащие судебному разбирательству, статс-секретарями возвращались обратно инициаторам обращения, с обязательством его дальнейшей передачи в суд. Инстанционность рассмотрения обращений предполагала, что даже

---

¹ Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращение в органы публичной власти и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. С. 46.

² Леонова Н.И. Правовая культура и эволюция конституционного права граждан РФ на обращение в государственные органы // Правовая культура. – 2008. № 1. С. 56-63.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е // URL: <http://www.zakonuz.narod.ru>.

⁴ Именной Указ Правительствующего Сената от 5 февраля 1722 г. «Инструкция или наказ рекетмейстеру Василию Павлову» // URL: <http://www.zakonuz.narod.ru>.

если жалобы и просьбы адресовались императрице, она непосредственно рассматривала только те из них, которые по своему содержанию требовали исключительно её решения. (В настоящее время инстанционность обращений полностью отсутствует на уровне федерального законодательства). Более того, продолжал сохраняться сословно-представительный характер обращений, предполагавший различный объём правомочий адресатов в зависимости от сословной принадлежности. Так, большим объёмом полномочий в этой сфере обладали собрания дворянства. Они наделялись правом направлять представления о своих общественных нуждах и пользах генерал-губернатору или губернатору, а жалобы – Сенату и императорскому величеству. Крестьяне могли направлять прошения только должностным лицам местного уровня, им было запрещено жаловаться на действия помещиков, которым они принадлежали.

Городское население направляло обращения губернатору. В соответствии с Грамотой на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. «Жалованная грамота городам» городское общество могло направить представления о своих общественных нуждах и пользах только губернатору (ст. 36), а само представление, как на рассмотренном выше случае с представлениями собраний дворянства, не могло быть «противным законам или требованиям узаконений».¹ Следующим шагом было создание специального подразделения, возглавляемого одним из членов Совета – Комиссии прошений.² По каждому из обращений устанавливался особый порядок производства. Манифест устанавливал также перечень обращений, которые исключались из рассмотрения: анонимные обращения, повторные обращения, по которым уже был дан отказ, жалобы на решения, утратившие юридическую силу.³ Данный акт не устранил сословного характера подачи и рассмотрения обращений, так как обращались на имя императора только дворянские собрания (коллективные органы). Прошения на высочайшее имя могут приноситься как отдельными лицами, так и целыми сословиями и общественными установлениями, но лишь по вопросам, не противоречащим законам. Можно сделать вывод о том, что объём конституционного права на обращение был ограничен особенностями сословного строя, спектром вопросов подлежащих обжалованию.⁴

Период революционных событий (1905-1907 гг.) в России воспринимается многими авторами как начало серьезных концептуальных преобразований в сфере права на обращение, связанной со всё более повышающейся политической активностью граждан. Так, 18 февраля 1905 г. Николай II подписывает Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату, и возлагает на Совет Министров рассмотрение и обсуждение петиций, поступающих на Высочайшее Имя. Этот нормативный документ устранял сословную систему рассмотрения обращений, им стали обладать все подданные Российской империи. В результате, правосубъектность определялась по принципу гражданства лица, а также объём права на обращение был ограничен во-

---

¹ Свод законов Российской империи. Репринт. 1912 г. // URL: <http://www.garant.ru>.

² Там же.

³ Румянцева В.Г. Институт обращений граждан в органы государственной и местной власти: понятие, сущность, содержание // История государства и права. – 2008. № 14. С. 2.

⁴ Петрухин И.Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. № 8. С. 8.

просами, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния¹, то есть имели исключительно публично-правовую направленность. Более того, в отличие от иных политических прав и свобод подданных Российской империи, право на обращения ещё не стало конституционным правом.

В советский период был принят целый ряд документов, модернизирующих процедуру работы с обращениями граждан. Первым из них стоит указать Постановление ЦИК СССР от 14 декабря 1935 года «О положении дел с разбором жалоб трудящихся»², в котором были подробно прописаны правила работы с жалобами граждан, до того определявшиеся ведомствами самостоятельно. В данном документе термин «обращение» фактически отождествлялся с термином «жалоба». Во многом это связано с тем, что право на обращение не было конституционным, следовательно, регулирование вопросов, связанных с рассмотрением обращений граждан спускалось на ведомственный уровень, где количество жалоб, в сравнении с иными видами обращений, было подавляющим. Новеллой рассматриваемого акта стало установление персональной ответственности за рассмотрение жалоб трудящихся. С этой целью упразднились «Бюро жалоб» и создавались «Приёмные председателей и руководителей отделов». Интересным и необходимым в рамках однопартийной системы видится установление обязательного отчёта о работе с жалобами, перед группой избирателей депутатами сельских и городских советов, находящихся на предприятиях, в колхозах, совхозах и т.д. (т.е. посредством права на обращение происходило укрепление института императивного депутатского мандата).

Существенным шагом стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»³, закрепивший триаду видов обращений: жалоба, предложение, заявление. В этом нормативном акте порядок работы с обращениями граждан прописывался достаточно детально, а также устанавливались юридические гарантии своевременного рассмотрения обращений (включая ответственность должностных лиц). Следует отметить попытку установления инстанционности обращений исходя из их содержания: которые относятся к вопросам совместного ведения Союза ССР и союзных республик, либо исключительного ведения Союза ССР (рассматриваются исключительно органами Союза ССР).⁴ Этот подход представляется достаточно интересным и вполне может быть актуален для современного законодательства об обращениях граждан, поскольку на основании перечня исключительного ведения можно определить публично-правовую направленность обращений и соответственно требования о направлении их высшим органам власти. Например, глава II Конституции СССР 1936 г.⁵ содержала следующие вопросы исключительного ведения Со-

---

¹ *Леонова Н.И.* Указ. соч. С. 56.

² Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 14 декабря 1935 года «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» // URL: <http://www.garant.ru>.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // URL: <http://www.garant.ru>.

⁴ П. 2 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // URL: <http://www.garant.ru>.

⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена по-

юза ССР: международные сношения и внешняя торговля; утверждение изменений границ между союзными республиками; утверждение образования новых краев, областей и автономных республик в составе союзных республик; организация обороны СССР; руководство всеми вооруженными силами СССР; утверждение единого госбюджета СССР; и др. Право на обращение вошло в систему конституционных прав советских граждан лишь в 1977 году. Конституционная формулировка права на обращение (ст. 49) была следующей: «Каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе». Очевидно, что на конституционном уровне термин «обращение» раскрывался уже через другую его разновидность – предложение. Декларативность этой конституционной статьи очевидна, но, тем не менее, она была значима, как первая в российской истории попытка на высшем юридическом уровне закрепить право граждан на обращение.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., институт конституционного права на обращение приобретает новый вектор своего исторического развития. Принимается отдельный Федеральный закон от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан»¹, который, в отличие от своих предшественников стал более концептуальным с позиции теории права, так как в его содержании прямо указано: регулируются правоотношения, связанные с реализацией закрепленного Конституцией России права на обращение (ч. 1 ст. 1); порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц, а также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющими публично значимые функции (ч. 4 ст. 1).

Поскольку предметом названного Федерального закона стали правоотношения в сфере обращений граждан, в нем подлежат подробной регламентации права и обязанности сторон, их ответственность:

Инициатор обращения	
Правомочия	Обязанности
1. <i>подавать обращение, т.е. довести до сведения адресата информацию, содержащуюся в индивидуальном или коллективном обращении</i> (ст. 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);	1. указывать в письменном обращении либо наименование государственного органа или органа местного самоуправления, в которые направляет письменное обращение, либо фамилию, имя, отчество соответствующего должностного лица, либо

становлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Электронный ресурс. URL <http://www.garant.ru>

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Электронный ресурс. URL <http://www.garant.ru>

	должность соответствующего лица;
2. <i>знакомиться с материалами</i> , непосредственно относящимися к рассмотрению обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в материалах не содержатся сведения, составляющие государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну (ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);	2. уведомлять о переадресации обращения;
3. <i>представлять дополнительные документы и сведения</i> , либо обращаться с просьбой об их истребовании в случае, если истребование таких документов и сведений не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в них не содержатся сведения, составляющие государственную тайну, коммерческую и иную охраняемую законом тайну (ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);	3. излагать суть предложения, заявления или жалобы;
4. <i>отозвать</i> обращение до рассмотрения его по существу (обращаться с заявлением о прекращении рассмотрения обращения) (ч. 5 ст. 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);	4. проставлять личную подпись и дату;
5. <i>получать</i> письменный ответ на обращение либо уведомление о невозможности рассмотрения обращения по существу (ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);	5. указывать обязательные реквизиты обращения (ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);
6. <i>обжаловать</i> в установленном порядке ответ на обращение и решения об оставлении обращений без рассмотрения по существу (ч. 4 ст. 5, ч. 7 ст. 8 Федерального Закона от 02 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»)	6. предъявлять документ, удостоверяющий личность в ходе личного приема (ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).
7. <i>направлять повторное обращение</i> , если причины, по которым ответ по существу поставленных в обращении вопросов не мог быть дан, в последующем были устранены (ч.7 ст. 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).	7. направлять письменное обращение непосредственно в тот государственный орган, орган местного самоуправления или тому должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов (ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);

Адресат обращения	
Правомочия	Обязанности
1. запрашивать в случае необходимости документы и материалы о результатах рассмотрения письменного обращения в государственном органе, органе местного самоуправления или у должностного лица, в случае перенаправления последнего обращения по компетенции.	1. не допускать разглашение сведений, содержащихся в обращении, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия (ч. 2 ст. 6). 2. направлять в течение пяти дней со дня регистрации в территориальный орган федерального органа исполнительной власти письменное обращение, содержащее информацию о фактах возможных нарушений законодательства Российской Федерации в сфере миграции (п. 3.1. ст. 8). 3. в течение семи дней со дня регистрации направлять в соответствующие государственные органы, органы местного самоуправления или соответствующим должностным лицам в случае, если решение поставленных в письменном обращении вопросов относится к компетенции нескольких государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц 4. разъяснить гражданину право обжаловать в суд решение или действие (бездействие) государственного органа, органа местного самоуправления или должностному лицу, если это невозможно в соответствии с запретом, предусмотренным ч. 6 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Тем не менее, вышеуказанный Федеральный закон не стал панацеей от существующих проблем в сфере рассмотрения обращений и имеет ряд уязвимых моментов:

1. *низкая юридическая техника его понятийно-категориального аппарата.* В частности, базисный термин «обращение гражданина»¹ не несёт в себе содержательной нагрузки, каких-либо признаков данного правового явления, а лишь перечисляет разновидности его форм и видов.

2. *имплементация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации*², выразившейся в необходимости соединения в одном правовом акте (Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации») традиционного обращения граждан с нетрадиционным обращением объединений граждан и юридических лиц, которое не всегда может быть реализовано путём внесения микропоправок.³

¹ Ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // URL: <http://www.garant.ru>.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Российская газета. – 2012. № 177.

³ *Савоськин А.В.* Обращения граждан в Российской Федерации: понятие, виды и система законода-

3. недостаточная разработанность процедурных аспектов принятия, регистрации и рассмотрения обращений органами государственной власти, местного самоуправления, организациями, выполняющими публично значимые функции, а также к их должностным лицам, приводящей к смежному правовому регулированию предмета Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» с иными законами и подзаконными актами.¹

Анализ исторического генезиса позволяет сказать о том, что конституционное право на обращение позволяет субъектам удовлетворять их интересы и реализовать их волю независимо от публично-правовой (политической) составляющей. Позитивной видится историческая практика внедрения инстанционности обращений, которую можно бы было внедрить в современную модель правового регулирования отношений в сфере обращений граждан. Например, для тех их разновидностей, которые имеющих публично значимую ориентацию, следует закрепить требование о направлении их высшим должностным лицам, в высшие федеральные органы власти. Схожего мнения придерживается С.А. Ширококов: «...чем сложнее, значимее, деликатнее содержание обращения – тем более высокая инстанция должна быть привлечена для его решения».² Это также возможно исходя из решения Конституционного Суда РФ от 18 декабря 1992 г. № 28-Р³ по жалобе гр. Ефимова Г.С., в котором органом конституционного правосудия было разъяснено, что право на обращение в государственные органы и к должностным лицам (на момент рассмотрения жалобы, закрепленного в ст. 51 Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г.), не означает, что ответить заявителю обязано именно то лицо, которому обращение направлено, так как оно полномочно давать ответы только в пределах своей компетенции.

Таким образом, только рассматривая объём конституционного права на обращение в широком смысле, можно говорить о допустимой и *достаточной мере возможного поведения*, т.е. о возможности управомоченного лица совершить то или иное действие по реализации права в зависимости от волевой направленности, а также о гарантированности доведения воли субъекта до адресата.

Источники и использованная литература:

1. Электронный ресурс // URL: <http://www.zakonuz.narod.ru>.
2. Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращение в органы публичной власти и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис...канд. юрид. наук. – СПб., 1997.

тельства: монография. – М. Юрлитинформ, 2015. С. 10.

¹ Ярким примером данного противоречия являются положения Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», устанавливающего специфическую разновидность обращения – запрос Общественной палаты Российской Федерации, предмет которого законодателем не уточнен, что позволяет толковать его расширительно. При этом, в исключительных случаях, определяемых Общественной палатой, адресат обязан давать ответ не позднее чем через четырнадцать дней. Ответ должен быть подписан исключительно тем должностным лицом, которому направлен запрос, либо лицом, исполняющим его обязанности¹ – очевидно ограничение правомочий должностного лица на тридцатидневный срок рассмотрения обращений.

² Ширококов С.А. Указ. соч. С. 60.

³ Решения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 1992 г. № 28-Р // URL: <http://www.garant.ru>.

3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011.
4. *Леонова Н.И.* Правовая культура и эволюция конституционного права граждан РФ на обращение в государственные органы // Правовая культура. – 2008. № 1. С. 56-63.
5. *Подъячев К.В.* Обращения граждан во власть: функциональные особенности // Социологические исследования. – 2007. № 5.
6. *Петрухин И.Л.* Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. № 8.
7. *Ремнев В.И.* Право жалобы в СССР. – М.: Юрид. лит., 1964.
8. *Румянцева В.Г.* Институт обращений граждан в органы государственной и местной власти: понятие, сущность, содержание // История государства и права. – 2008. № 14.
9. *Скрябина М.В.* Реализация конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007.
10. *Савоськин А.В.* Система обращений граждан в соответствии с объективной стороной волеизъявления граждан РФ (подсистемы устных, письменных и конклюдентных обращений) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. № 7.
11. *Савоськин А.В.* Обращения граждан в Российской Федерации: понятие, виды и система законодательства: монография. – М. Юрлитинформ, 2015.
12. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1910.
13. *Широбоков С.А.* Демократический механизм взаимодействия личности и государства как общеправовой феномен. – Пермь: Пермский филиал Академии права и управления, 2007.

Meshcheryagina V.A.

**Conceptual views on the volume of constitutional right to appeal:
historical and legal aspect**

The article reveals two basic approaches to the determination of the constitutional right to appeal in close relationship with his historical genesis. In the process of comparison of the current legislation with the legal acts of the various historical periods of Russia's development is determined by the range of positive practice of regulation of the right to appeal that may be relevant to contemporary constitutional right to appeal.

Keywords: the right to appeal, appeal, history of right to appeal.

Яцук Т.Ф.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Отечественный правовой опыт влияет на современное российское законодательство. Выделено три способа отношения к отечественному правому опыту. Первый способ заключается в непосредственном заимствовании правовых норм и институтов. Второй способ состоит в преемственности, без её публичного признания. Третий способ предусматривает отказ от исторического опыта.

Ключевые слова: история законодательства, правовой опыт, аналогия права, преемственность права, история государства и права.

Политическая и правовая доктрина любого государства декларирует отношение к пережитому историческому прошлому. Официальное подтверждение сформированная позиция получает в законодательных актах. Анализ современного нормативного материала позволяет выделить по меньшей мере три подхода, демонстрирующих определенное понимание роли и места ранее действовавших государственных и правовых институтов в современном законодательстве. Первый подход предполагает очевидное заимствование, когда осуществляется полный или частичный транзит нормы, касающейся институционализации какого-либо учреждения, регулирования общественных отношений. В данном случае проводятся прямые аналогии, исторические примеры подкрепляют обоснованность и рациональность нововведений. Происходит преемственность права. Второй подход с формальной стороны очень похож на первый. При таком варианте также наблюдается заимствование или сохранение ранее применявшихся правовых норм, однако это не артикулируется и не рассматривается как результат преднамеренных и целенаправленных действий, свидетельствующих об осознанном выборе способа развития права. Третий подход базируется либо на негласном игнорировании исторического опыта, либо на публичном отрицании ввиду полной невозможности его применения в новых условиях. Рассмотрим на конкретных примерах каждую позицию.

Преемственность права может вызываться разными причинами. В их числе обычно называют следующие: собственная логика развития права как социального феномена; социально-экономический строй общества; религиозно-этические традиции; историческая обстановка. Все эти факторы в той или иной степени проявлялись в период становления современного российского государства и права. Даже самые радикальные реформаторы 1990-х годов настаивающие на широкой рецепции европейского права, не могли полностью игнорировать национальный опыт правового развития. Поскольку в эти годы в политике доминировало негативное отношение к советскому периоду, то удачные примеры для воспроизведения их уже в современных условиях старались обнаружить именно в дореволюционном законодательстве. Такой подход вполне укладывался в концепцию, что органическое

Яцук Татьяна Фёдоровна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

развитие российской государственности было искусственно прервано революционными событиями 1917 года. Преемственность можно проследить по всем отраслям российского права. В государственном (конституционном) праве она очевидна на примере Основного закона – Конституции Российской Федерации. При составлении проекта изучалась политико-правовая традиция отечественного конституционализма. В итоге было восстановлено название высшего представительного законодательного органа – Государственная дума, а юбилей открытия первой Государственной думы 25 апреля 1906 г. отмечался как 100-летие парламентаризма в России.

В процессе подготовки текста Конституции Российской Федерации особое внимание уделялось анализу документов, который готовились образованной Временным правительством Особой комиссией при Юридическом совещании. Наиболее значимым является документ «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», который называют «малой конституцией «Временного правительства».¹ Именно в этом проекте впервые предусматривалась должность Президента республики, который конституировался как глава государства, обладавший широкой компетенцией. Предметный анализ проектной законотворческой деятельности Юридического совещания при Временном правительстве представлен в работах О.А. Кудинова.² Отметим, что и политические деятели начала XX века, и современные исследователи отмечали очевидное сходство полномочий президента, как они были прописаны в проекте, с полномочиями свергнутого императора. Политико-правовая традиция наличия персонифицированной сильной государственной власти полностью отражена в современном российском конституционном законодательстве.

Наиболее показательным примером востребованности исторического опыта в условиях становления современной российской государственности обычно называется реконструкция судебных учреждений, введенных в России в период так называемых великих реформ второй половины XIX века, и упраздненных после Октябрьской революции. В Российской Федерации сегодня действуют суды присяжных и мировая юстиция. Они позиционируются как учреждения, расширяющие доступ к правосудию, обеспечивающие открытость и справедливость судебной системы. Именно такие цели провозглашались разработчиками Судебных уставов 1864 г. Судебная реформа традиционно рассматривается как наиболее последовательная и цельная из всех буржуазных реформ второй половины XIX в., а созданная в итоге судебная система оценивалась как одна из самых совершенных и демократичных даже по сравнению с лучшими европейскими образцами. Огромное позитивное значение имело разграничение судов на общие суды и мировую юстицию. Внедрение мировых судов создавало максимально приближенные к населению, оперативно действовавшие, и, что немаловажно, минимально затратные для казны учреждения. Устанавливался упрощенный характер судопроизводства, при разрешении дел мировые судьи могли опираться на правовые обычаи. Внедрение института почётных

---

¹ Левчук С.В. Конституционные проекты Временного правительства России в 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2008. №5. С. 46.

² Кудинов О.А. Проект Основных законов Российской республики 1917 г., разработанный Юридическим совещанием при Временном правительстве // Правоведение. – 2003. № 1. С. 223-232.

мировых судей, которые не получали за свою деятельность казенного содержания, не только позволяло экономить бюджетные средства, но и повышало авторитет, престиж, значимость и независимость судебной власти в глазах населения. Система современных мировых судов существенно отличается от исторического прообраза. По мнению специалистов в сфере судоустройства и судопроизводства её введение только усложнило и запутало иерархию судебных инстанций. Для достижения таких целей судебной реформы как расширение доступа к правосудию, упрощения и ускорения разбирательства по маловажным делам гораздо проще и эффективнее было бы просто увеличить штаты районных судов.

Анализируя конкретные примеры заимствований государственных институтов и правовых норм, можно выделить следующую особенность: актуальными оказываются те из них, которые обеспечивают централизацию государственного управления, и, напротив, гораздо болезненнее приживаются те, которое поддерживают местные сообщества, структуры гражданского общества. Так, из разнообразного опыта реформ местного самоуправления (земской и городской реформы) второй половины XIX века были отобраны только те элементы, которые устанавливают включенность местных органов в систему государственного воздействия. Если использовать терминологию XIX века, то можно признать, что после недолгого периода реализации теории «общественной» природы земств, пришло время сторонников «государственной» теории. В итоге, лишенная серьезных самостоятельных доходов местная власть не способна обеспечить нормальное функционирование подведомственной инфраструктуры (дорог, транспорта, объектов здравоохранения и образования).

В последние годы в актуализации исторического прошлого появилась ещё одна особенность. Отдельные примеры, события, персонажи используются для объяснения сложившегося геополитического положения России и аргументации новых национальных стратегий. При этом наблюдается преувеличение и метафоричность аналогий. Так, явным преувеличением представляется сравнение семи федеральных округов, образованных Указом Президента от 13 мая 2000 г. с учрежденными Петром I восемью губерниями. В данном случае, аналогии прослеживаются только в общности целей, которыми руководствовались главы государств, а именно: обеспечение территориального единства государства, повышение управляемости: поддержание общего правового пространства. При этом в обеих реформах политико-управленческие задачи доминировали над задачами совершенствования административно-территориального устройства государства. Сравнение конкретного содержания реформ, которые отстоят друг от друга почти на 200 лет, не имеет научного смысла. Похожим образом, с преувеличением исторической аналогии, оценивается Государственный совет Российской Федерации, образованный Указом Президента от 1 сентября 2000 г. В нём усматривается сходство с Государственным советом, созданным в 1810 году императором Александром I. Действительно, оба учреждения выступили как совещательные органы при главе государства. Они объединили государственную элиту, повышали легитимацию власти. Однако Государственный совет Российской империи действовал совершенно в иных исторических условиях: Россия была монархией, отсутствовали представительные выборные учреждения, не применялся принцип разделения властей.

Следует дополнить, что «старина», «как было при отцах» составляла важный компонент российской правовой культуры в допетровской Руси. В Соборном Уложении 1649 г., своеобразном кодексе права этого периода во введении подробно перечислены источники вновь созданного документа. К ним отнесены прежние судебники, указы прежнего царя. Показательно, что составители демонстрируют почти полную тавтологию, дважды почти дословно повторяя используемые документы. Объяснить данный факт ошибками в юридической технике невозможно. Тавтология включена преднамеренно. Перечисляя источники второй раз, составители подчёркивают, что только когда старых актов и содержащихся в них норм оказалось недостаточно, конструировались новые статьи. Таким образом, воплощалось правило «хороший закон – старый, старинный закон». На него должны наслаиваться новые нормы. К сожалению, в современной законодательной практике, апеллирование к историческому опыту не сопровождается всесторонним и глубоким научным анализом, а, как правило, подчинено прагматичной и утилитарной цели – разрешению конкретных политических задач.

Вторым способом присутствия историко-правовой традиции в действующем законодательстве можно считать непреднамеренные или неумышленные заимствования. В данном случае можно привести пример из области гражданского права. Известно, что в Российской империи гражданское право относилось к некодифицированным отраслям. Составленный М.М. Сперанским в начале XIX века проект Гражданского уложения был отвергнут императором Александром I, поскольку основополагающие принципы гражданского права – равенство субъектов, носителей гражданских прав, свобода гражданского оборота противоречили сути крепостнического государственного режима. Отсутствие кодифицированного акта тормозило развитие доктрины. Так, в законодательстве не содержалось единого собирательного понятия юридического лица, зато присутствовало перечисление конкретных видов юридических лиц, определялся порядок образования каждого вида, пределы его правоспособности. На этих же основаниях строился и первый отечественный Гражданский кодекс (ГК) РСФСР, принятый в уже в иных политических условиях в 1922 году. В разделе «субъекты гражданских прав», то есть общей части кодекса давалось только определение юридического лица, зато в особенной части, относящейся к обязательственному праву, в отдельных разделах характеризовались способы создания и объём правомочий отдельных видов юридических лиц – простого товарищества, полного товарищества, товариществ на вере, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерного общества (паевого товарищества). Данные разделы отличались значительной преемственностью с аналогичными статьями X тома Свода Законов Российской империи. Как известно, смена политического режима в конце 1920-х гг. серьезно деформировала многие положения ГК РСФСР 1922 г. Сохраняя формально не отмененные нормы, кодекс оставался действующим до 1964 г. В Следующем Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. подобных статей уже не было. Создатели ныне действующего гражданского законодательства повторили использовавшийся ранее прием, а именно, посчитали целесообразным признание в законе максимально широкого круга участников гражданского оборота, полагая, что, таким образом, для них расширяется свобода в выборе наиболее подходящей организационно-правовой формы. Анализируя сложившуюся практику, ряд со-

временных цивилистов считает дальнейшее сохранение в законодательстве множественности видов юридических лиц нецелесообразным. Аналогичным образом оцениваются присутствующие в современном гражданском законодательстве право хозяйственного ведения и оперативного управления. Их возникновение в отечественном гражданском праве относится к советскому периоду, и было вызвано необходимостью регулировать имущественные отношения в условиях доминирования государственной собственности.

А.Л. Маковский отмечает, что при каждой последующей кодификации российского гражданского законодательства в новые гражданские кодексы включалось до 3/5 общего числа норм предыдущего гражданского кодекса.¹

Третий, последний способ отношения к отечественному историческому опыту характеризуется его полным забвением и игнорированием. В большинстве случаев это является следствием не преднамеренной позиции, а неосведомленности законодателя о бытовании правовых институтов. Безусловно, можно привести немало примеров, когда разрыв с определенной политико-правовой традицией демонстрировался и подчеркивался специально. Так, при подготовке ныне действующей Конституции РФ 1993 г., в её вступлении предлагалось отметить развитие в новом основном законе лучших черт российского конституционализма, упомянув Основные государственные законы 1906 г., конституционные наработки Временного правительства и советские конституции. Однако, данное предложение было отвергнуто именно по причине декларируемой противоположности новой Конституции, как акта демократического правового государства советским конституциям.

Гораздо больший практический интерес и актуальность представляют случаи, когда законодатель не осведомлен об опыте правового регулирования сходных общественных отношений, не изучает прошлые законодательные установления и не анализирует их применение. Для подтверждения этого тезиса можно остановиться на опыте введения самообложения, регулирования земельных отношений в городах, праве застройки, и коммунальных тарифах. Государственные программы, направленные на качественное улучшение жилищных условий россиян сталкиваются с объективными сложностями, к числу которых относится проблема с оперативным получением земельных участков под строительство. Необходимо отметить, что приобретение земельных участков на аукционах, выкуп у собственников, по программам регенерации ветхого жилья не решают эту проблему в должной мере. Можно привести немало примеров, когда застройщик, особенно при возведении коммерческой недвижимости в центральных районах городов вынужден удовлетворять явно завышенные требования жильцов ветхих строений, не представляющих никакой самостоятельной ценности, но расположенных на «дорогой» земле. Большие сложности возникают при урегулировании отношений с собственниками таких участков при возведении или реконструкции объектов городской инфраструктуры: мостов, дорог, учреждений социальной сферы.

Возможно, законодателю не следовало спешить с пересмотром правового режима городских земель, который сложился в результате реализации закона от 8 августа

---

¹ *Маковский А.Л.* Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал Российского права. – 2005. № 9. С. 120.

1918 г., согласно которому все земли в пределах городской черты объявлялись муниципализированными. На протяжении 1920-х гг. удалось наладить учёт большинства фактических пользователей земельных участков и ввести рентное обложение. Советский опыт муниципализации вызвал огромный интерес зарубежных градостроителей и муниципальных служб, о чем свидетельствует сохранившаяся в архивном фонде Главного управления коммунального хозяйства НКВД РСФСР переписка этого ведомства с зарубежными научными и общественными организациями, занимавшимися проблемами коммунального хозяйства и благоустройства. Например, Французская ассоциация городов-садов просила и в итоге получила материалы, показывающие, как производится отчуждение земельных участков при строительстве объектов городской инфраструктуры, проведении дорог и т.д. Аналогичные сведения запрашивал Коммунальный институт г. Берлина. Зарубежные коллеги неоднократно приглашали советских специалистов коммунальной отрасли на различные мероприятия, выражали готовность предметно изучить советский опыт, заслушать доклады и т.п.¹

Показательно, что современная российская практика содержит модель, похожую на используемую в советских период, и позволяющую регулировать оборот городских земель без установления прав частной собственности на отдельные участки. Данная модель оформилась в 1992-1993 гг. в г. Москве. На этом этапе распоряжениями мэра устанавливался порядок конкурсных продаж прав аренды земельных участков. Затем эта позиция была подтверждена Указом президента РФ «О втором этапе приватизации в г. Москве», согласно которому приватизация недвижимого имущества, расположенного на территории г. Москвы, порождает право собственности на получение в долгосрочную аренду (49 лет) соответствующего земельного участка. Регулярно осуществляется продажа права аренды свободных земельных участков физическим и юридическим лицам. Допускается краткосрочная (до 5 лет) и долгосрочная (до 50 лет) аренда.²

Современное законодательство не знает права застройки, которое было предусмотрено ГК РСФСР 1922 г. Согласно ему застройщик мог получить участок городской земли для возведения жилого здания или строения иного назначения. Сторонами договора являлись застройщик – физическое или юридическое лицо и коммунальный отдел, выступающий как орган городской власти. Договор застройки заключался на определенный срок: в случае возведения деревянного строения он прекращался через 20 лет, каменного – через 40. После истечения срока договора возведенный объект становился муниципальной собственностью. В дальнейшем с целью привлечения дополнительных средств в обустройство городов, законодатель пересмотрел сроки действия таких договоров в сторону увеличения, то есть в пользу застройщика.

Первоначально предполагалось, что застройщик будет вносить за предоставленный участок арендные платежи. Для отдельных категорий застройщиков (например, жилищно-строительных кооперативов) были предусмотрены отсрочки платежей и значительные льготы по их уплате. После введения земельной ренты, ко-

---

¹ Яцук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. – М., 2007. С. 40.

² Швецов А.Н. Экономические ресурсы муниципального развития. – М., 2004. С. 164-165.

торая включила в свой состав арендную плату, для застройщиков сохранились значительные привилегии. Реализация права застройки стимулировала приток частных сбережений в жилищное строительство, улучшала условия жизни горожан, и, следовательно, решала важные социальные задачи. Ограничение гражданского оборота в период тоталитаризма негативно отразилось и на праве застройки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» оно было заменено правом бессрочного пользования.¹ Ко времени принятия Указа не истекли сроки действия большинства договоров, заключенных в период 1920-х гг.

Последний вариант отношения современного законодателя к историческому опыту – использование конкретного института, без изучения того реального политического, социально-экономического, демографического контекста, в котором он уже апробировался. В качестве примера можно привести отнесение к источникам муниципальных доходов средств самообложения, предусмотренные частью 1 ст. 56 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Под средствами самообложения понимаются разовые платежи граждан, собираемые для решения конкретных вопросов местного значения. Ни в законодательстве, ни в доктринальном толковании не содержится отсылки к принятому 29 августа 1924 г. общесоюзному закону «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд».² С учётом закреплённых в нём положений были утверждены республиканские законы аналогичного содержания. Необходимо учитывать, что в данном случае для населения не вводились новые финансовые обременения, а фактически легализовалась сложившаяся в деревне практика самообложения. Средства, поступающие в порядке самообложения с крестьян, аккумулировались земельными обществами. Поэтому стремясь ограничить значимость земельных обществ, вытеснить их советской социальной организацией, законодатель и пошел на легализацию самообложения. Другой причиной его признания стала невозможность заменить самообложение сельскими бюджетами. Известно, что в 1920-е гг. местные бюджеты заканчивались на районном уровне. Поэтому в дальнейшем по мере создания сельских бюджетов с регламентацией их доходных статей самообложение утрачивало своё значение. Характерно, что самообложение допускалось только в сельской местности, в городах, несмотря на отсутствие до 1930-х гг. самостоятельных бюджетов (городские доходы и расходы включались в бюджеты административно-территориальных единиц, на территории которых размещались города) самообложение не допускалось. Создаваемые с начала 1930-х гг. городские бюджеты изначально формировались из налоговых и неналоговых источников.

Представляется, что в современных условиях, допущение законодателем самообложения не будет способствовать укреплению финансовой основы местного самоуправления. Прежде всего, это связано с неразвитостью самоуправленческих

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1948. № 36.

² Постановление ЦИК СССР от 29 августа 1924 г. «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд» // СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69.

структур, ментальностью населения и бедностью значительной его части. Сложно представить, что граждане проявят большую заинтересованность в проведении референдума, где бы решался вопрос о самообложении, то есть добровольно соглашались на дополнительные обременения. Гораздо эффективней оказалось бы расширение перечня местных налогов и сборов, либо усиление их материальной нагрузки с возможным уменьшением величин государственных налогов.

Высказанное мнение не означает, что самообложение лишено каких-либо перспектив применения. На наш взгляд, его нерационально использовать в качестве платежа, приближающегося по типу к местному налогу. В этом случае оно будет восприниматься как дополнительное обременение, которое население должно возложить на себя добровольно. Возможен оптимистический прогноз в отношении практики самообложения. Он связан с развитием в России ячеек гражданского общества, которые могли бы привлекать средства населения для выполнения локальных, но в то же время значимых для местного сообщества социальных задач.

Таким образом, отечественный правовой опыт дает разные примеры (как удачные, так и не оправдавшиеся) и способы его актуализации и использования в современных условиях.

Источники и использованная литература:

1. Постановление ЦИК СССР от 29 августа 1924 г. «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1924. № 6. Ст. 69.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1948. № 36.
3. *Кудинов О.А.* Проект Основных законов Российской республики 1917 г., разработанный Юридическим совещанием при Временном правительстве // Правоведение. – 2003. № 1. С. 223-232.
4. *Левчук С.В.* Конституционные проекты Временного правительства России в 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2008. № 5. С. 45-55.
5. *Маковский А.Л.* Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал Российского права. – 2005. № 9. С. .
6. *Швецов А.Н.* Экономические ресурсы муниципального развития. – М., 2004.
7. *Яцук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. – М., 2007.

Yashchuk T.F.

Domestic legal experience and modern Russian legislation

Domestic legal experience influences the modern Russian legislation. Three ways of the relation to domestic law experience are allocated. The first way consists in direct loan of precepts of law and institutes. The second way consists in continuity, without her public recognition. The third way provides refusal of historical experience.

Keywords: legislation history, legal experience, analogy of the law, continuity of the law, history of state and law.

Содержание

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В IX–XVII ВВ. В ТРУДАХ-ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

- Тимонин А.Н.* (Уфа) ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАННЕГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ..... С. 3-12
- Оспенников Ю.В.* (Самара). СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАПРЕТА МЕСТИ В РУССКОМ И СКАНДИНАВСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ ..... С. 13-19
- Георгиевский Э.В.* (Иркутск). КАРАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ ..... С. 20-30
- Серёгин А.В.* (Ростов-на-Дону). СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЫЧНОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН И ДРЕВНЕРУССКОГО НАРОДА ..... С. 31-43
- Фасгиев Т.А.* (Уфа). ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО КАК ОДНО ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ С.44-57
- Петров К. В.* (Санкт-Петербург). ПРИКАЗ – ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ XVI в. .... С. 58-72
- Акишин М.О.* (Новосибирск) ПРАВО ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ПРИАМУРЬЯ ..... С. 73-84
- Почекаев Р.Ю.* (Санкт-Петербург). СВЕДЕНИЯ МОСКОВСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XVII ВВ. О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ ..... С. 85-96

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ТРУДАХ-ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

- Понихидин Ю.М.* (Саратов). СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И.Т. ПОСОШКОВА (К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. С. 97-108
- Зурначян А.С.* (Магнитогорск). ПАРТИКУЛЯРНОЕ АРМЯНСКОЕ ПРАВО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НА КАВКАЗЕ В XVIII–XIX ВВ. ... С. 109-123
- Ильина Т.Н.* (Курск). ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ИМПЕРАТОРА В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ..... С. 124-133
- Демичев А.А.* (Нижний Новгород). ПРАВО, ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. .... С. 134-151

- Бабкин М.А.* (Москва). ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА О ЛИЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: СЕРЕДИНА XVII В. – 1917 г. .... С. 152-169
- Земцов В.Н.* (Екатеринбург). ГРАФ Ф.В. РОСТОПЧИН, УГОЛОВНИКИ И МОСКОВСКИЙ ПОЖАР 1812 ГОДА ..... С. 170-186
- Михеева И.В.* (Нижний Новгород). ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО «ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВА» В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ..... С. 187-195
- Ефремова Н.Н.* (Москва). ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ (ИСТОЧНИКОВ) РОССИЙСКОГО ПРАВА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ. .... С. 196-202
- Зайков А.В.* (Екатеринбург). ПОНЯТИЕ «POSSESSIO» В РИМСКОМ ПРАВЕ И «ВЛАДЕНИЕ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ XVIII–XIX ВЕКОВ ..... С. 203-218
- Волков И.В.* (Москва). К ВОПРОСУ О КАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ..... С. 219-234
- Литвинов П.П.* (Елец). ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ «ОХРАНКИ» В ТУРКЕСТАНЕ (ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ) ..... С. 235-244
- Литвинов В.П.* (Елец). ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИЦИЯ В ЦАРСКОЙ РОССИИ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МАРШРУТ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) ..... С. 245-258
- Плеханов А.А.* (Москва). ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ ..... С. 259-273
- Шадрин В.М.* (Челябинск). УЧАСТИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ ..... С. 274-287
- Финогентова О.Е.* (Калининград). КОНВЕНЦИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ ..... С. 288-295
- Тимошевская А.Д.* (Калининград). ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА ВАРШАВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ПО ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА) ..... С. 296-300
- Ворошилова С.В.* (Саратов). ПРОФИЛАКТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ ..... С. 301-307
- Мулукаев Р.С.* (Москва). В БОРЬБЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ (ИЗ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ) ..... С. 308-319
- Авдеева О.А.* (Иркутск). НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ ..... С. 320-328

- Третьякова Е.С.* (Пермь). СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В XIX ВЕКЕ ..... С. 329-337
- Воропанов В.А.* (Челябинск). ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА СУДЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. .... С. 338-344
- Дорская А.А.* (Санкт-Петербург). СУДЕБНАЯ РЕФОРМА КАК ЭТАП ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ 1860–1870-х гг. .... С. 345-354
- Ветрова Г.Н.* (Москва). УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. .... С. 355-368
- Брянская Е.В.* (Иркутск). ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СВЕТЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. ... С. 369-375
- Лонская С.В., Ульянов Н.С.* (Калининград). ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.) ..... С. 376-381
- Жильцов С.В.* (Тольятти). ПРАВОВОЙ СТАТУС МИРОВОГО СУДА В ПЕРИОД РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ (1905–1917 гг.) ..... С. 382-392
- Щедрина Ю.В.* (Курск). ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ЦЕНЗА ДЛЯ КАНДИДАТОВ В МИРОВЫЕ СУДЬИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В 1906-1912 гг. С. 393-406
- Азаров В.А.* (Омск). ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ: ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ..... С. 407-422
- Никифоров С.М.* (Самара). СЕЛЬСКИЙ СХОД КАК НИЗОВОЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСТРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ..... С. 423-429
- Нудненко Л.А.* (Москва). СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПАС-СИВНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ В РОССИИ С 1864 по 1905 гг. С. 430-437
- Туманова А.С., Сафонов А.А.* (Москва). ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕ-НИЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ..... С. 438-455
- Новицкая Т.Е.* (Москва). ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ..... С. 456-464
- Батлер У.Э.* (Пенсильвания, США). О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬ-НОСТИ Ф.Ф. МАРТЕНСА: НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ..... С. 464-467
- Марчуков А.В.* (Москва). УКРАИНА В ЛИБЕРАЛЬНО-ЗАПАДНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБРАЗА) ..... С. 468-483
- Попова А.В.* (Москва). СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АБСОЛЮТНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ В РОССИЙСКОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. ... С. 484-498

- Альбов А.П., Рубаник В.Е.* (Москва). ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА ПОБЕДОНОСЦЕВА ..... С. 499-510
- Ударцев С.Ф.* (Астана, Казахстан). КЛАССИЧЕСКИЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ С. 511-526
- Лукоянов И.В.* (Санкт-Петербург). ТРЕТЬЕЙЮНЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ..... С. 527-539
- Осавелюк А.М.* (Москва). ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ..... С. 540-556
- Томсинов В.А.* (Москва). УРОКИ М.М. СПЕРАНСКОГО И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ..... С. 557-563
- Томсинов В.А.* (Москва). КРИЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ПРИЧИНА РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ..... С. 564-585
- Мионов Б.Н.* (Санкт-Петербург). РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ..... С. 586-601
- Начапкин М.Н.* (Екатеринбург). И.А. ИЛЬИН О КОНСЕРВАТИЗМЕ, ВЛАСТИ И ПРИНЦИПАХ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ ..... С. 602-616

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА,
УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В СОВЕТСКИЙ
И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ (1917-НАЧАЛО XXI В.)
В ТРУДАХ-ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ**

- Алексеев В.В.* (Екатеринбург). ЦАРЕУБИЙСТВО: СЛЕДСТВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ..... С. 617-628
- Лушников А.М.* (Ярославль). ХАРАКТЕРИСТИКА КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ РСФСР 1918 Г.: ИСТОРИОГРАФИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЕ, ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ..... С. 629-645
- Рубаник В.Е.* (Москва). ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (1917-1921 ГГ.) В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ ПРАВА И ЭКОНОМИСТОВ ..... С. 646-661
- Сосенков Ф.С.* (Нижний Новгород). А.И. ДЕНИКИН О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СЕПАРАТИЗМУ ..... С. 662-673
- Тепляков А.Г.* (Новосибирск). «РАССТРЕЛ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК 5-Й АРМИИ ПРОТИВ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ И КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ (1920 г.) ..... С. 674-682
- Пестерев Е.В.* (Екатеринбург). ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ УРАЛА В 1920-е ГОДЫ ..... С. 683-695

- Стародубцев Г.С.* (Москва). ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ..... С. 696-704
- Мигущенко О.Н.* (Орёл). ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-е – 1930-е ГОДЫ ..... С. 705-714
- Демидов А.М.* (Москва). ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ СССР (20-е – 30-е годы XX в.) ..... С. 715-723
- Маслова А.И.* (Новосибирск). «ВРЕДИТЕЛЬСТВО» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х гг. XX века ..... С. 724-734
- Гончаров Г.А.* (Челябинск). ОТ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ К «ОГОСУДАРСТВЛЕННОМУ ТРУДУ» ..... С. 735-746
- Красильников С.А.* (Новосибирск). РЕЖИМ КРЕСТЬЯНСКИХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1930-е ГОДЫ ..... С. 747-767
- Суслов А.Б.* (Пермь). ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В 30-х – НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в. .... С. 768-781
- Кириллов В.М.* (Нижний Тагил). ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ С. 782-795
- Бугай Н.Ф.* (Москва). О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е – 1950-е ГОДЫ ..... С. 796-813
- Вдовин А.И.* (Москва). ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР ..... С. 814-837
- Плеханов А.М.* (Москва). НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 июня 1941 – 20 апреля 1942 гг.) ..... С. 838-846
- Чашников В.А.* (Екатеринбург). ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ..... С. 847-856
- Кузьминых А.Л.* (Вологда). АНТИФАШИСТСКАЯ РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ И ЕЕ СОЮЗНИКАМИ В СССР ..... С. 857-873
- Ковалёв Б.Н.* (Великий Новгород). ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ ..... С. 874-884
- Шкаревский Д.Н.* (Сургут). К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАДРОВОГО СОСТАВА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СУДОВ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг. .... С. 885-888
- Сперанский А.В.* (Екатеринбург). СТАЛИНИЗМ И СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ «КОНЦЕПЦИИ ТОТАЛИТАРИЗМА» ..... С. 889-898

- Зеленов М.В.* (Москва). К ИСТОРИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ В СССР: РАЗРАБОТКА ПОЛОЖЕНИЯ О ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ПО ОХРАНЕ ВОЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН В ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР (ГЛАВЛИТЕ) В 1953-1958 гг. .... С. 899-909
- Пожаров А.И.* (Москва). ГЛАВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЙ ОРГАНИЗАЦИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ (ПОЛОЖЕНИЕ ОГПУ-КГБ) ..... С. 910-920
- Лунеев В.В.* (Москва). ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР ..... С. 921-934
- Денисов С.А.* (Екатеринбург). ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОРМ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В ИММИТАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ .... С. 935-948
- Попов В.П.* (Москва). ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА В СССР (1932-1976 гг.) ..... С. 949-976
- Ильченко В.Н., Смыкалин А.С.* (Екатеринбург). ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX ВЕКЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) ..... С. 977-988
- Краснов М.А.* (Москва). О ХАРАКТЕРЕ, НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ И СЛЕДСТВИЯХ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1992-1993 гг. .... С. 989-1003
- Исаков В.Б.* (Москва). СТАРЫЕ МИФЫ НОВОЙ РОССИИ ..... С. 1004-1021
- Жилин Г.А.* (Санкт-Петербург). КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ..... С. 1022-1033
- Яковлев В.Ф.* (Москва). ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИИ: РАЗВИТИЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ..... С. 1034-1049

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УЧЕНИЙ О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В IX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. В ТРУДАХ–ПОЗДРАВЛЕНИЯХ КОЛЛЕГ

- Нечаева А.М.* (Москва). ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ..... С. 1050-1064
- Серов Д.О.* (Новосибирск). ПУБЛИКАЦИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ПЕРИОДА ЕДИНОДЕРЖАВИЯ ПЕТРА I В XIX–XX ВВ. (ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ) ..... С. 1065-1076
- Клеандров М.И.* (Санкт-Петербург). РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ В РОССИИ ..... С. 1077-1095
- Барсукова М.А.* (Екатеринбург). ЭВОЛЮЦИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ: ОПЫТ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ..... С. 1096-1109
- Кашанина Т.В.* (Москва). СУДОПРОИЗВОДСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ..... С. 1110-1125

<i>Краковский К.П.</i> (Москва). ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ	С. 1126-1131
<i>Колотушкин С.М.</i> (Москва). ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВЧАТЫХ УСТРОЙСТВ	С. 1132-1140
<i>Васильев А.А.</i> (Барнаул). ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ: ПОИСК СИМФОНИИ	С. 1141-1155
<i>Чеботарёв Г.Н.</i> (Тюмень). КОНЦЕПЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ	С. 1156-1171
<i>Мещерягина В.А.</i> (Екатеринбург). КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ОБЪЁМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	С. 1172-1181
<i>Яцук Т.Ф.</i> (Омск). ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	С. 1182-1189

Научное издание

**Эволюция российского и зарубежного
государства и права. К 80-летию кафедры
истории государства и права Уральского
государственного юридического
университета (1936-2016)**

Том III

Сборник научных трудов

Ответственный редактор
СМЫКАЛИН Александр Сергеевич
технические редакторы
НАСИБУЛЛИН Р.А., СУРОВЕНЬ Д.А.
макет
СУРОВЕНЬ Д.А.

Кафедра истории государства и права
тел.: 8 (343) 245-35-98
Уральский государственный юридический университет
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: igp@usla.ru

Подписано в печать .08.2016. Формат

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 92,96.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии

620000, Екатеринбург,

Тел. +7 (343)

Факс: +7 (343)

E-mail: